О. В. Лицкевич

«Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора

STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS

Серия основана в 2011 году

Серия включает работы по русистике и славистике, написанные в разных жанрах научного исследования: это и монографии, и сборники статей, и публикации. Задача серии — продемонстрировать эффективность взаимодействия разных направлений гуманитарного исследования, доказать, что многообразие методов, применяемых в истории, филологии, искусствоведении, этнографии, археологии и т. д., приводит к наиболее интересным научным результатам. Не ставя ограничений ни в тематике, ни в методологии, учредители серии делают акцент на научной новизне трудов, предлагаемых читателю.

Редакционная коллегия:

Медведев И. П., акад. РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН;

Буланин Д. М., д-р филол. наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом);

Иванова Т. Г., д-р филол. наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом);

Пиотровская Е. К., д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН;

Сиренов А. В., чл.-кор. РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН

В издательстве в этой серии вышли:

1. *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа : Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. 2011.
2. *Азбелев С. Н.* Куликовская победа в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. 2011.
3. *Бовыкин В. В.* Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. 2012.
4. *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях. XV–XVII вв. 2012.
5. *Нольде Б. Э.* История формирования Российской империи. 2013.
6. *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы : Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. 2013.
7. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги). 2014.
8. *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира : Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. 2014.
9. Костромские монахи-книжники XIV–XX вв. : биобиблиографический словарь. 2015.
10. *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей : Первые поколения (до начала XIV в.). 2015.
11. *Левек П.-Ш.* История народов, подвластных России / пер. с фр. канд. филол. наук Л. Ф. Сахибгареевой ; под ред. канд. ист. наук И. В. Кучумова. 2016.
12. *Шахматов А. А.* Избранная переписка : в 3 т. Т. 1 : Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным. 2018.
13. *Синицына Е. В.* Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен до начала XX в. Опыт реконструкции. 2018.
14. *Светлова О. В.* История текста и языка службы княгине Ольге: из Средневековья в XXI век. 2018.
15. *Павлов А. П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование : в 2 т. 2018.

О. В. Лицкевич

«Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора

Санкт-Петербург
2019

УДК 930.2:34(47).035
ББК 63.2:63.3(4)4
Л65

Рецензенты:
кандидат исторических наук *В. А. Воронин*;
кандидат исторических наук *В. С. Поздняков*

Лицкевич, О. В.
Л65 «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора / О. В. Лицкевич. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. — 928 с., 16 с. [цв. вкл.]. — (Studiorum slavicorum orbis ; вып. 16).

ISBN 978-5-86007-918-2

В монографии исследуются вопросы происхождения и содержания таких взаимосвязанных между собой текстов, как «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln», «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье» (конец XIV—XV в.), которые относятся к важнейшим нарративным источникам по средневековой истории Великого княжества Литовского и Восточной Европы в целом. Первая часть посвящена внешней критике памятников — их текстологии, документальным и нарративным источникам и авторству; по результатам анализа разночтений подготовлена реконструкция архетипов «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье». Заново по фотоснимкам оригиналов публикуются тексты «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln» (с переводом на русский язык) и «Origo regis». Во второй части монографии дан подробный аналитический комментарий к сообщениям исследуемых нарративных произведений; на основе разработанной автором методики проведена количественная сопоставительная оценка их достоверности.

УДК 930.2:34(47).035
ББК 63.2:63.3(4)4

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-918-2

© Лицкевич О. В., 2019
© Бакланова А. П., дизайн обложки, 2019
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2019

Оглавление

От автора 11

ЧАСТЬ 1. ТЕКСТОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И АВТОРСТВО ... 13

Введение 15
Историографический экскурс 15
Объект, предмет, структура и методы исследования 41

Глава 1. Текстологическое исследование 47
Вопросы терминологии 47
«Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln» 50
Первая редакция «Летописца великих князей литовских» 59
«Origo regis» 59
Полнота и чтения текста «Origo regis» в сравнении со списками на западнорусском языке 65
Виленский список 71
Академический список 80
Фрагмент РГАДА 86
Супрасльский список 87
Слуцкий список 92
Стык между первой и второй частями «Летописца великих князей литовских» первой редакции 98
Соотношение между «Witoldes sache» и «Летописцем великих князей литовских» 100
Вторая редакция «Летописца великих князей литовских» 114
Третья редакция «Летописца великих князей литовских» 117
Общий состав 117
Интерполяции Т. Нарбута в тексте «Летописца великих князей литовских», включенном в хронику Быховца 118
Прочие интерполяции 123
Четвертая редакция «Летописца великих князей литовских» (Медоварцевская) 136

Общий состав 136
Датировка Медоварцевской редакции «Летописца великих князей литовских» и ее связь с «Родословием литовских князей» 139
Важнейшие особенности 142
Пятая редакция «Летописца великих князей литовских» (Новгородская) 144
Списки Дубровского и Погодинский 144
Состав и текстологические особенности 145
Схема взаимосвязей между редакциями и списками «Летописца великих князей литовских» 150
Текстология «Повести о Подолье» 153

Глава 2. Источники «Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» 159
Документальные и эпистолярные источники 159
Принципы выявления документальных материалов 159
Перечень документальных и эпистолярных источников «Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» 173
Нарративные источники 187
Историография 187
Соотношение между «Летописцем великих князей литовских» и Воскресенской летописью 191
Сообщение о крещении Литвы 194
Летописная «Повесть об осаде Мстиславля» конца XIV – начала XV в. 195
Общее описание войны 1386 г. 201
Статья 6898 г. о браке княжны Софьи Витовтовны и московского великого князя Василия Дмитриевича 205
Описание событий 1392–1396 гг. 211
Официальный источник сообщений «Летописца великих князей литовских» за 1392–1396 гг.: к постановке проблемы 216
Общий итоговый обзор 225
Предполагаемая устная традиция и собственные сведения авторов или информаторов 226

Глава 3. Предполагаемое авторство нарративных произведений 231
«Witoldes sache» и первая часть «Летописца великих князей литовских» 231

Вторая часть «Летописца великих князей литовских» 233
Писарь Якуб и его карьера в канцелярии ВКЛ 238
Связь писаря Якуба со Смоленском 241
Поездки писаря Якуба с посольскими миссиями в Москву ... 242
Контакты писаря Якуба с Василием Дмитриевичем Ермолиным 244
Связи писаря Якуба с церковными кругами и смоленским епископом (впоследствии митрополитом Киевским и всея Руси) Мисаилом 246
Родственные и дружеские связи писаря Якуба: связь с киевским боярским родом Романа и Ивашенца Ивашковичей 250
Время создания «Повести о Подолье» и второй части «Летописца великих князей литовских» 257
Приложение 1. Тексты 263
A. «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln» 263
B. «Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie» 270
C. Списки первой редакции «Летописца великих князей литовских» 275
Академический список 275
Виленский список 282
Фрагмент РГАДА 291
Супрасльский список 291
Слуцкий список 299
D. Реконструкция содержания архетипа первой части «Летописца великих князей литовских» 307
E. Реконструкция содержания архетипа второй части «Летописца великих князей литовских» 321
F. «Повесть о Подолье»: тексты и реконструкция содержания архетипа 330

ЧАСТЬ 2. ДОСТОВЕРНОСТЬ И КОНТЕКСТ СООБЩЕНИЙ «DIS IST WITOLDES SACHE WEDIR JAGALN VND SKIRGALN», «ЛЕТОПИСЦА ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХ» И «ПОВЕСТИ О ПОДОЛЬЕ» 337

Общие понятия и условные обозначения 339

Глава 4. Первая часть «Летописца великих князей литовских» и первая часть «Witoldes sache» 341
Смерть Гедимина, перечисление его сыновей 341

Смерть Гедимина 341
Количество и последовательность рождения сыновей Гедимина 344
Имя Монтивида 347
Удел Монтивида: Слоним и Кернов 348
Удел Наримонта: Пинск 350
Гедимин передает великое княжение в Вильно Евнутию 353
Удел Ольгерда: Кревo и Витебск 356
Удел Кейстута: Троки 362
Удел Кориата: Новогородок 369
Любарта принимает в качестве зятя волынский князь 370
К вопросу о так называемом «завещании Гедимина» 375
Заговор Кейстута и Ольгерда, свержение Евнутия, передача власти Ольгерду 377
Евнутию дан в качестве удела Заславль 381
Договоренности между Ольгердом и Кейстутом 383
Сыновья Ольгерда и Кейстута 386
Отцы выбирают Ягайла и Витовта своими преемниками; после смерти Ольгерда Ягайло с помощью Кейстута занимает его престол 390
Войдыла и Мария Ольгердовна 402
Заговор против Кейстута 409
Осада Полоцка и переворот, организованный Кейстутом 413
Переворот, организованный Ягайлом 417
Нападение мазовецкого князя Януша на Подляшье и Берестейскую землю 423
Переговоры о мире, арест Кейстута и Витовта, убийство Кейстута и Бируты 425
Заточение Витовта в Кревский замок, казнь Видимонта и Бутрима 438
Бегство Витовта в Пруссию 443
Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности 449

Глава 5. Вторая часть «Witoldes sache» 459
Посольства Ягайла к Витовту, возвращение Витовта в ВКЛ, принятие им православия, а затем вновь католичества 459
Люблинский съезд 1389 г.: официальная передача вотчины Витовта Скиргайлу, просьба Витовта о получении документа на владение Луцком 464
Прочие жалобы Витовта на Ягайла и Скиргайла 467

Репрессии Ягайла в отношении родственников и соратников Витовта 469
Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности 473

Глава 6. Вторая часть «Летописца великих князей литовских» ... 479
Первый отъезд Витовта в Пруссию и его возвращение в ВКЛ 479
Начало переговоров между ВКЛ и Польским королевством о крещении Литвы и династическом браке между Ягайлом и Ядвигой 481
Династический брак между Ягайлом и Ядвигой, крещение Литвы 485
Война 1386–1387 гг. между Полоцким, Смоленским княжествами и Великим княжеством Литовским 493
Присылка польского старосты в Вильно и мятеж Витовта ... 504
Битва близ Вейшишек 511
Осада Вильно, гибель князя Коригайла и взятие Кривого города 522
Брак между московским великим князем Василием Дмитриевичем и княжной Софьей Витовтовной 526
Возвращение Витовта в ВКЛ 528
Мятеж князя Дмитрия Корибута 532
Убийство Федора Весны и мятеж князя Свидригайла в Витебске 537
Поход Витовта на Друцк, Оршу и Витебск 542
Походы Витовта в Подольскую землю, смещение киевского князя Владимира Ольгердовича и передача Киева князю Скиргайлу 552
Отравление князя Скиргайла в Киеве и назначение киевским наместником Ивана Ольгимонтовича 562
Первое взятие Смоленска и война между ВКЛ и Рязанским княжеством 582
Встреча великого князя литовского Витовта и московского великого князя Василия Дмитриевича в Смоленске 590
Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности 592

Глава 7. «Повесть о Подолье» 603
Битва близ Синей Воды 603
Источники, датирование и локализация 603
Местонахождение и протяженность Подольской земли в XIV в. 615

Битва близ Синей Воды в контексте взаимоотношений Литвы и Золотой Орды 624
Хаджибей, Кутлубуга и Дмитрий 634
Приход князей Кориатовичей в Подольскую землю, строительство Смотрича, Бакоты, Каменца-Подольского 643
Приглашение князя Константина Кориатовича заключить брачный союз с дочерью польского короля Казимира 659
Смерть князей Юрия и Александра, приход в Подольскую землю князя Федора Кориатовича 666
Захват Подольской земли князем Витовтом 686
Передача половины Подольской земли под залог Польскому королевству и Спытку из Мельштына 694
Передача Западного Подолья великому князю литовскому, перечень подольских старост и захват Каменца поляками 702
Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности 706

Заключение 715
Приложение 2. Договоры с Орденом, упоминаемые в «Летописце великих князей литовских» и «Witoldes sache» 723
Приложение 3. Некоторые документальные материалы по истории Подолья с 1351 по 1394 г. 729
Библиография 771
Географический указатель 855
Указатель имен 881
Список иллюстраций 922

От автора

Представляемая вашему вниманию книга посвящена двум памятникам, которые занимают центральное место в летописании Великого княжества Литовского XV—XVI вв., — «Летописцу великих князей литовских» и «Повести о Подолье». Эти произведения вошли в состав всех трех летописных сводов Великого княжества Литовского, а через посредство польских хронистов, прежде всего Яна Длугоша, Матея Меховского и Мартина Кромера, их содержание очень быстро стало достоянием европейской историографии Нового времени. Вряд ли будет преувеличением сказать, что они до сих пор оказывают определяющее влияние на наше восприятие многих аспектов истории Великого княжества Литовского второй половины XIV в.

Изучение летописания Великого княжества Литовского началось уже очень давно и увенчалось появлением целого ряда блестящих, глубоких исследований (С. Смольки, А. Прохаски, Ф. П. Сушицкого, В. А. Чемерицкого, Н. Н. Улащика и других авторов). Но большинство из них было посвящено истории всех трех летописных сводов Великого княжества Литовского в целом, что не всегда позволяло детально рассмотреть отдельные произведения, входящие в их состав. В русле общей тенденции последнего десятилетия я решил отказаться от такого подхода и сосредоточить внимание на двух отдельных памятниках, которые тесно связаны между собой по содержанию и относятся к числу древнейших хроникальных произведений, возникших на территории Великого княжества Литовского (например, генезис некоторых фрагментов «Летописца великих князей литовских» восходит еще ко второй половине XIV в.). Прежде всего меня интересовало, как взаимосвязаны между собой различные сохранившиеся списки и как мог выглядеть по своему содержанию древнейший архетип текста, который лег в их основу. Кто был автором «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье», когда возникли эти произведения и какие источники использовались при их создании. И наконец, главный для историка вопрос — насколько достоверны и с каких позиций изложены содержащиеся в этих памятниках известия.

Хотел бы поблагодарить белорусских историков Г. Я. Голенченко, О. И. Дерновича, В. А. Воронина, В. Л. Носевича, В. С. Позднякова, кото-

рые в 2016—2017 гг. принимали участие в обсуждении различных вариантов и частей исследования и высказали ряд полезных критических замечаний.

Также я благодарен Н. В. Слиж, С. В. Полехову, Ю. Н. Микульскому, сотрудникам Библиотеки Чарторыйских в Кракове, Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz в Берлине, Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских в Вильнюсе за получение некоторых важных материалов и публикаций.

ЧАСТЬ 1

Текстология, источники и авторство

Введение

Историографический экскурс

«Летописцем великих князей литовских» принято называть один из старейших памятников историописания Великого княжества Литовского (ВКЛ), охватывающий период с 1341 по 1396 г. Включенное частично или целиком во все сохранившиеся до нашего времени летописные своды ВКЛ, а также в крупные польские исторические нарративы XV—XVI вв. (поскольку первая часть «Летописца великих князей литовских» стала одним из источников для хроники Яна Длугоша), это произведение оказывает определяющее влияние на наши представления об очень важном отрезке истории Великого княжества Литовского — от смерти великого князя Гедимина до первых лет правления великого князя Витовта.

Научное изучение летописей и хроник, составленных на территории Великого княжества Литовского, началось в первой четверти XIX в., когда историк И. Н. Данилович с помощью профессора Виленского университета М. К. Бобровского открыл и опубликовал Супрасльский список первого летописного свода ВКЛ, доведенного до 1446 г. (в XIX в. он нередко назывался списком Одинцевича)[1]. На начальном этапе исследователи, например сам И. Н. Данилович[2], еще не выделяли «Летописец великих князей литовских», «Повесть о Подолье» и другие тексты в качестве отдельных составных частей летописных сводов ВКЛ. Это было обусловлено тем, что открытие различных списков летописей и хроник ВКЛ происходило постепенно (особенно активизировался этот процесс в период с 1888 по 1907 г.); соответственно, в распоряжении старейшего поколения историков и филологов еще не было достаточно материала для точной классификации летописей и хроник, а также для изучения их структуры.

В то же время уже И. Н. Данилович указал на то, что в эпизоде об отравлении князя Скиргайла Ольгердовича, относящемся к 90-м гг. XIV в.,

---

[1] *Улащик Н. Н.* Открытие и публикации Супрасльской летописи // Летописи и хроники. 1976 г. М. : Наука, 1976. С. 205—206.

[2] *Данилович И. Н.* О литовских летописях // ЖМНП. 1840. Ч. 28. № 11. С. 70—114; *Daniłowicz I.* Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach // Athenaeum. Wilno, 1841. T. 6. S. 13—62.

содержатся данные, позволяющие приблизительно установить возраст автора или составителя хроники, который писал о себе так: «Аз же того не свем, занеж бех тогды *млад*»[3]. Таким образом, по самой грубой прикидке, автор, по крайней мере этого фрагмента, жил в первой трети или первой половине XV в.

Публикатор Слуцкого (или Уваровского) списка А. Н. Попов, пожалуй, первый в 1854 г. высказал мнение о том, что составитель издаваемой им летописи «пользовался если не древнейшими, по крайней мере иными, более сокращенными летописями»[4]. К такому же мнению пришел и Н. И. Костомаров, указавший, что древнейший летописный свод был составлен из нескольких отрывков, и впервые назвавший летописи и хроники ВКЛ «белорусскими»[5]. Его классификация редакций летописей, впрочем, совершенно устарела и интереса не представляет. И. И. Шараневич в специальной и тоже почти полностью устаревшей работе, посвященной летописям и хроникам ВКЛ, также отметил, что в состав различных сводов (первый из которых он назвал «Литовской хроникой», а второй — «Летописью Великого княжества Литовского и Жемайтского») входят целиком или частями отдельные произведения, возникшие в разное время и в разных обстоятельствах. В числе таких произведений И. И. Шараневич назвал «Летописец великих князей литовских», к которому ошибочно отнес весь текст летописного свода вплоть до событий 1446 г., и «Подольскую хронику» (т. е. «Повесть о Подолье»). При этом историк высказал идею о том, что для создания целого ряда летописей и хроник ВКЛ использован, помимо прочих, некий смоленский нарративный источник[6]. Проистекающий отсюда тезис о Смоленске как важном центре летописания Великого княжества Литовского на многие годы вперед предопределил направление научных поисков. А. И. Барбашев также считал летописи ВКЛ, в том числе древнейшие, известные нам по Супрасльскому и Слуцкому спискам, «по-видимому, сборниками местных хроник»[7].

Условия для определения «Летописца великих князей литовских» как самостоятельного объекта изучения сложились после того, как были

---

[3] *Данилович И. Н.* О литовских летописях. С. 104.

[4] Летопись великих князей литовских / пригот. к изд. А. Н. Попов // Учен. зап. Второго отделения Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1854. Кн. 1. Отд. III. С. 26.

[5] *Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории. СПб. : П. Гайдебуров, 1862. С. 53—58.

[6] *Szaraniewicz I.* O latopisach i kronikach Ruskich XV i XVI wieku a zwłaszcza o «Latopisie Wielikoho kniaztwa Litowskoho i Žomojtskoho» // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Historyczno-Filozoficznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1882. T. 15. S. 371, 375, 378.

[7] Летописные источники для истории Литвы в средние века / сост. А. И. Барбашев. СПб. : ред. журн. «Библиограф», 1888. С. 3, 5.

опубликованы очень близкие к нему по содержанию памятники, возникшие в конце XIV—XV в.: в 1863 г. текст «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln» на средневерхненемецком языке (этот памятник известен также под названиями «Мемориал Витовта», «Жалоба Витовта» и т. п.), а в 1888 г. текст «Origo regis Jagyelo et Witholdi ducum Lithuanie» на латыни. Первый публикатор «Origo regis» польский историк А. Прохаска убедительно доказал, что это перевод первой части «Летописца великих князей литовских» с западнорусского языка на латынь и что «Origo regis» или аналогичный текст использовался польским хронистом XV в. Яном Длугошем при создании 10-й книги «Истории Польши»[8].

Поворотной вехой в изучении западнорусского текста «Летописца великих князей литовских» во взаимосвязи с «Witoldes sache», «Origo regis» и «Повестью о Подолье» стала работа С. Смольки «Старейшие памятники русско-литовского историописания: критический разбор» (1889). Хотя польский историк пользовался ограниченным кругом списков, благодаря широте научного кругозора, тонким методам текстологического анализа и глубокому проникновению в изучаемую проблематику он сумел точно определить взаимосвязи между «Origo regis» и «Witoldes sache», Супрасльским и Слуцким списками летописных сводов, а также хроникой Быховца, правильно поставить и отчасти решить некоторые фундаментальные вопросы об источниках, составе, авторстве и приблизительном времени возникновения «Летописца великих князей литовских» и первого летописного свода ВКЛ[9].

С. Смолька первый обратил внимание на неоднородность состава «Летописца великих князей литовских». Начальную часть этого произведения, отразившуюся в «Origo regis» и охватывающую период от смерти князя Гедимина до первого отъезда князя Витовта в Пруссию, он признал «памятником официальной историографии», который был создан в кругах, близких к Витовту, и, вероятно, на основе той же информации, что и «Witoldes sache», между 1393 и 1430 гг.: а точнее либо в 1398 г. во время Салинского съезда, на котором бояре провозгласили Витовта независимым от Польши монархом, либо в 1429—1430 гг. во время Луцкого съезда, когда остро стоял вопрос о коронации Витовта[10].

---

[8] *Prochaska A.* Przekład ruskiego latopisca ks. Litewskiego na język łaciński // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1888. R. 2. Z. 2. S. 196—205. — Еще ранее сравнение соответствующего фрагмента из хроники Длугоша и Слуцкого списка «Летописца великих князей литовских» было проведено в работе: *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868. Приложения. С. 362—376.

[9] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego: rozbiór krytyczny. Kraków : Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1889.

[10] Ibid. S. 35, 48.

Вторая часть «Летописца великих князей литовских», по мнению С. Смольки, была написана в Смоленске в начале 30-х гг. XV в. автором, входившим в окружение митрополита Герасима, возможно, его писарем. Историк полагал, что основное внимание во второй части уделяется смоленским событиям. Отсюда он делал вывод, что автор жил в Смоленске и, судя по общей окраске текста и цитатам из Священного Писания, был духовным лицом. Поскольку С. Смолька усматривал определенное сходство между второй частью «Летописца великих князей литовских» и хроникой войны 30-х гг. XV в., также вошедшей в первый летописный свод ВКЛ, он считал, что вторая часть «Летописца великих князей литовских» составлена вскоре после 1430 г. Речь идет, по сути, о масштабной историографической работе, которая началась после возведения смоленского епископа Герасима в сан митрополита киевского, а свернута была после его трагической гибели в 1435 г. В распоряжении сводчика находились первая часть «Летописца великих князей литовских», взятая в великокняжеском архиве ВКЛ, и смоленская летопись, имевшая лакуну между 1382 и 1395 гг. Чтобы заполнить эту лакуну, по мнению С. Смольки, и была написана вторая часть «Летописца великих князей литовских»[11]. Она создавалась спустя более чем 40—50 лет после описываемых событий, поэтому автор допустил некоторые неточности; например, он уже не знал, кто был отцом польской королевы Ядвиги: Казимир Великий или Людовик Анжуйский.

В смоленском «летописном кружке» Герасима приблизительно в 1432 г., как предполагал С. Смолька, создана также «Повесть о Подолье»[12]. Вместе с целым рядом других произведений — в том числе выборкой различных летописных статей, хроникой войны 30-х гг. XV в., «Похвалой Витовта», повестью о Смоленском восстании 1440 г. — «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье» вошли в состав летописного свода 1446 г. по истории ВКЛ.

Характеризуя взгляды С. Смольки на развитие летописания ВКЛ, необходимо заметить, что в период подготовки его работы еще не были опубликованы многие общерусские летописные своды, поэтому некоторые выводы польского ученого (например, о том, что в состав первого летописного свода ВКЛ якобы вошла смоленская летопись 1395—1418 гг.) требуют пересмотра.

Спустя год вышла монография А. Прохаски «Литовская летопись: критический разбор» (1890). Полемизируя со многими положениями С. Смольки, ее автор утверждал, что в наиболее исправном виде текст старейшего летописного свода ВКЛ отразился не в Супрасльском

---

[11] Ibid. S. 52—53.

[12] Ibid. S. 26, 52—53.

и Слуцком списках, а в летописи Рачинского[13]. Несмотря на то что летопись Рачинского действительно содержит ряд чтений, более исправных, чем в Супрасльском и Слуцком списках, этот вывод А. Прохаски нельзя признать корректным. Изучение всего круга списков, известных в настоящее время, вынуждает отнести летопись Рачинского не к первому, а ко второму летописному своду ВКЛ, который возник в первые десятилетия XVI в.

Первоначально написанная на западнорусском языке хроника «Origo regis», по мнению А. Прохаски, являлась памятником официальной историографии ВКЛ, которому придавалось значение государственного документа. Вместе с тем А. Прохаска оспаривал тезис С. Смольки о том, что к созданию «Origo regis» имел непосредственное отношение князь Витовт: это было якобы невозможно потому, что писарь, писавший под диктовку Витовта, не стал бы прямо или косвенно указывать на родство великого князя литовского с боярином Монивидом. Такой аргумент, впрочем, не кажется убедительным. Как бы то ни было, А. Прохаска полагал, что хроника «Origo regis» была написана на основе «Witoldes sache» в 20-летний период после смерти Витовта, т. е. в 30 — 40-х гг. XV в.[14] Затем было создано ее продолжение, охватывающее события до 1396 г., т. е. тот текст, который мы сейчас называем второй частью «Летописца великих князей литовских». Автор продолжения был, возможно, духовным лицом, писарем канцелярии ВКЛ, поскольку имел доступ к межгосударственной переписке и посольской документации, на которую ссылался в тексте; кроме того, он активно пользовался некоей русской летописью, следы которой, по мнению А. Прохаски, сохранились в Воскресенском своде XVI в. Тем же автором была написана и «Повесть о Подолье», крайне тенденциозная по своему содержанию[15]. Предположительное время создания «Повести о Подолье» А. Прохаска относил к периоду между 1449 г. и июлем 1451 г. Именно в 1451 г. знать ВКЛ поставила перед королем Польши, великим князем литовским Казимиром вопрос о законности занятия Подольской земли Польшей, и «Повесть о Подолье» могла служить своего рода меморандумом, подкреплявшим их претензии[16]. В 1449—1451 гг. отдельные хроники и официальные памятники были объединены в канцелярии ВКЛ в единый летописный свод и дополнены известиями, почерпнутыми из различных летописей, в том числе смоленской летописи за 1386—1449 гг.[17]

---

[13] *Prochaska A.* Latopis litewski: rozbiór krytyczny. Lwów : G. Gebethner i Spółka, 1890. S. 12 и далее.

[14] Ibid. S. 31.

[15] Ibid. S. 17—19, 31.

[16] Ibid. S. 52—53.

[17] Ibid. S. 58.

Подобно С. Смольке, А. Прохаска в своей работе пользовался ограниченным количеством летописей — как Великого княжества Литовского, так и общерусских, поэтому, несмотря на отдельные точные текстологические наблюдения, общие его текстологические выводы устарели и не могут быть приняты. С другой стороны, А. Прохаска отлично знал исторические источники и хорошо разбирался в общем контексте событий, описываемых в летописях и хрониках ВКЛ; в этой связи сохраняют научное значение его исторические комментарии, например, о сообщениях «Летописца великих князей литовских», посвященных походам Витовта на Киев и Подолье в 1393—1394 гг.[18] В 1911 г. А. Прохаска откликнулся на выход 17-го тома «Полного собрания русских летописей» небольшой обзорной статьей, в которой несколько скорректировал свои прежние взгляды, в частности признал, что список Рачинского отражает второй летописный свод ВКЛ и что «литовская летопись» (т. е., надо понимать, вторая часть «Летописца великих князей литовских») с большой долей вероятности возникла в Смоленске[19].

В российской историографии первым специализированно изучать летописание Великого княжества Литовского начал И. А. Тихомиров. Свои взгляды по этому вопросу он изложил в трех работах: рецензиях на вышеупомянутые труды И. И. Шараневича, С. Смольки и А. Прохаски[20] и в крупной аналитической статье о составе летописей ВКЛ; первый вариант этой статьи был подготовлен еще в 1881 г. и представлен на соискание Уваровской премии[21], но в окончательном виде, с поправками и дополнениями, увидел свет только в 1901 г.[22] Известные к тому времени летописи ВКЛ И. А. Тихомиров разделил на две категории: составленный около 1446 г. краткий свод, к которому он отнес списки Виленский, Супрасльский, Слуцкий, Красинского и Рачинского, и полный свод (хронику Быховца)[23]. В составе краткого свода исследователь выделял целый ряд компонентов. Первую часть «Летописца великих князей литовских» (совпадающую по содержанию с «Origo regis») он назвал «Отдельной записью о борьбе Кейстута с Ягайлом» и, критикуя положения А. Прохаски, предполагал, что это произведение было написано современником

---

[18] Ibid. S. 20—22.

[19] *Prochaska A.* Z powodu wydawnictwa latopisów litewskich // Przegląd historyczny. 1911. 12/1. S. 117, 121.

[20] *Тихомиров И. А.*: 1) Два польских труда о западнорусских летописях // ЖМНП. 1891. Ч. 273. Февраль. Отд. II. С. 397—412; 2) [Рец.:] Prochaska A. Latopis litewski. Rozbiór krytyczny. Lwów, 1890 // ЖМНП. 1893. Ч. 287. Май. С. 253—266.

[21] *Тихомиров И. А.* Два польских труда ... С. 412; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М. : Наука, 1985. С. 16.

[22] *Тихомиров И. А.* О составе западнорусских, так называемых литовских летописей // ЖМНП. 1901. Ч. 334. № 3 (март). Отд. II. С. 1—36; № 5 (май). С. 70—119.

[23] Там же. № 3 (март). С. 2, 5, 27—28.

описываемых событий и что нет никаких оснований считать автора сотрудником канцелярии ВКЛ. При этом И. А. Тихомиров возражал и против мнения С. Смольки о том, что Витовт имел какое-то отношение к летописанию, но приводимая им аргументация кажется довольно наивной: «Не лучше ли предположить, что автор сказания невольно яркими красками выразил поведение обеих воюющих сторон и выставил симпатии современного ему общества, которые уже вследствие одного вероломного убийства Кейстута не могли быть на стороне Ягайла» и т. д.[24]

Вторую часть «Летописца великих князей литовских», охватывающую события до встречи князей Витовта и Василия Дмитриевича в Смоленске в 1396 г., И. А. Тихомиров назвал «Записью о княжении Витовта и покорении русских княжеств». Он не согласился с Прохаской относительно того, что источником этой части стали русские летописи, поскольку известия летописей ВКЛ и общерусских летописных сводов (например, Воскресенского) об одних и тех же событиях носят разную идеологическую окраску и направленность. Например, эпизоды про битву под Мстиславлем 1386 г., про поездку княжны Софьи Витовтовны в Москву в летописях ВКЛ написаны с литовской точки зрения, а в общерусских сводах — соответственно со смоленской и с московской. Такой довод представляется тоже слабым, так как заимствованные летописные статьи могли подвергаться редактированию. Исключение И. А. Тихомиров сделал только для известия о взятии Смоленска Витовтом и о войне его с Рязанью, которое и в летописях ВКЛ, и в общерусских сводах восходит, по его мнению, к общему источнику. Целый ряд эпизодов во второй части «Летописца великих князей литовских» написан очень сочувственно по отношению к Витовту и с такими подробностями, которые могли быть известны только соратнику и современнику Витовта; например, автор перечисляет имена князей, захваченных в плен в битве под Вейшишками 1390 г., и знает даже такую, по сути, малозначительную деталь, что при первой попытке захвата Вильно Витовтом в 1389 г. его жена, княгиня Анна, находилась в Городне (И. А. Тихомиров ошибочно принял ее за мать Витовта)[25]. Гипотезу С. Смольки о создании летописей ВКЛ в Смоленске во времена митрополита Герасима И. А. Тихомиров, так же как и А. Прохаска, не поддержал[26].

Несколько путанно И. А. Тихомиров высказался насчет даты создания «Повести о Подолье». Отвергнув дату 1432 г., предложенную С. Смолькой,

---

[24] *Тихомиров И. А.*: 1) Два польских труда ... С. 407; 2) [Рец.:] Prochaska A. Latopis litewski ... С. 263—264; 3) О составе ... № 3 (март). С. 8—9.

[25] *Тихомиров И. А.*: 1) [Рец.:] Prochaska A. Latopis litewski ... С. 257—258; 2) О составе ... № 3 (март). С. 10—11.

[26] *Тихомиров И. А.* [Рец.:] Prochaska A. Latopis litewski ... С. 266.

он заявил, что повесть представляет собой отдельное от «Летописца великих князей литовских» произведение и написана «по памяти» для обоснования прав ВКЛ на Подолье после смерти Витовта «не ранее второй половины XV в., т. е. около 1440 г.», но никакой аргументации для такой датировки не представил. Местом написания повести исследователь определил Подольскую землю, так как «летописные заметки делались и в ней, доказательством чему служит известие о взятии князем Дашком Острожским гор. Кременца в 6926 г.»[27].

В заслугу И. А. Тихомирову следует поставить то, что он едва ли не первым в историографии выделил и вкратце охарактеризовал крупные интерполяции, включенные в текст «Летописца великих князей литовских» в составе хроники Быховца[28].

Среди других работ дореволюционной российской историографии необходимо назвать в первую очередь исследования А. А. Шахматова об общерусских летописях, которые послужили источником для первого летописного свода ВКЛ[29]. В целом А. А. Шахматов считал, что сначала появилась общерусская летопись в западнорусской обработке, охватывающая события до 6954 г. Она была составлена в Смоленске на основе нескольких источников: митрополичьего свода, доведенного до 6954 (1446) г., в списке, сделанном в 1498—1502 гг., а также Новгородской IV летописи, Софийской I летописи первой редакции и западнорусских летописных источников. Затем к этой общерусской летописи был присоединен текст «Летописца великих князей литовских», и так образовался протограф свода по Супрасльскому списку[30]. Ссылаясь на С. Смольку, А. А. Шахматов писал, что в «Летописце великих князей литовских» «несомненно должно различать несколько составных частей, составленных в разное время и разными лицами»[31]. В дальнейшем материал в получившемся своде (протографе Супрасльского списка) был перераспределен: в начало свода был помещен текст «Летописца великих князей литовских», за ним вписаны статьи 6903—6954 гг. общерусской летописи, а в конце приведена общерусская летопись в части до 6902 г.; так возник протограф свода по Слуцкому списку[32].

---

[27] *Тихомиров И. А.*: 1) Два польских труда … С. 404—405; 2) О составе … № 3 (март). С. 15.

[28] *Тихомиров И. А.* О составе … № 3 (март). С. 34—36.

[29] В кн.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. С. 329—345.

[30] Там же. С. 331, 334, 345.

[31] *Шахматов А. А.* О Супрасльском списке западнорусской летописи // ЛЗАК за 1900 год. СПб. , 1901. Вып. 13. С. 8.

[32] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов … С. 331.

Огромное значение имела публикация в 1907 г. 17-го тома «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ), подготовленного С. Л. Пташицким и А. А. Шахматовым[33]. Впервые в одном издании были собраны тексты важнейших летописей и хроник ВКЛ, многие из которых ранее еще не публиковались. Указанное издание, снабженное кодикологическим описанием рукописей, стало основой для дальнейших исследований и до сих пор не утратило научной ценности. Название «западнорусские» для опубликованных летописей и хроник ВКЛ предложил А. А. Шахматов. Он полагал, что употреблявшееся ранее название «литовские» — неточное и нежелательное, так как, наряду с отрывками или целыми повестями, составленными в Вильно или Троках при дворе великих князей литовских, в летописных сводах находится ряд записей и сказаний, возникших в Смоленске[34].

Перу В. С. Иконникова принадлежит справочно-библиографическое издание «Опыт русской историографии»[35]. Во фрагменте, касающемся летописания ВКЛ, эта работа отличается специфической манерой изложения и архаичностью методики, возвращающей нас во времена И. И. Шараневича. Устаревшая уже в момент своего выхода, она не идет ни в какое сравнение даже с трудами И. А. Тихомирова, не говоря уже о С. Смольке и А. Прохаске.

Особо следует указать на статью М. С. Грушевского, посвященную «Похвале Витовта». Она примечательна тем, что это, по сути, первая научная работа, в которой сделана попытка проанализировать не весь какой-либо летописный свод в целом, а лишь одну из его составных частей, — подход, позволяющий добиться оптимальной детализации исследования и кажущийся наиболее оправданным и с текстологической, и с источниковедческой точек зрения. Что касается «Летописца великих князей литовских», то, основываясь на выводах С. Смольки и А. Прохаски, М. С. Грушевский признал, что первая часть этого произведения об отношениях между Кейстутом и Ягайлом носит официальный характер и зависит по своему содержанию от «Witoldes sache». По некоторым формальным признакам она сближается с «Повестью о Подолье»; оба текста написаны не в Смоленске, а взяты составителем свода в готовом виде. При этом, по мнению М. С. Грушевского, включенные в первую часть «Летописца» диалоги между Кейстутом и Витовтом отнюдь не сви-

---

[33] ПСРЛ. Т. 17 : Западнорусские летописи. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1907. — Об истории подготовки этого издания, планировавшегося начиная с 1864 г., см.: *Шахматов А. А.* Записка о западнорусских летописях // ЛЗАК за 1900 год. СПб., 1901. Вып. 13. С. 39—49.

[34] Там же. С. 40—41.

[35] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1496—1505.

детельствуют о том, что автор якобы был близок к Витовту, а представляют собой обычную литературную условность[36].

Вторая часть «Летописца великих князей литовских», охватывающая события 1382—1396 гг., как считал М. С. Грушевский, написана на основе летописных записей и устной традиции и так же, как и хроника 30-х гг. XV в., происходит из Смоленска. Летописный свод, отразившийся в Супрасльском и Слуцком списках, был составлен в Смоленске, возможно, представителем местного клира или епископского двора; однако М. С. Грушевский полагал при этом, что роль епископа Герасима как вдохновителя этого дела доказывается не очень убедительно и ее значение не следует переоценивать[37].

В последующих крупных обобщающих работах М. С. Грушевский неоднократно возвращался к теме летописания ВКЛ, высказав мнение, что автор второй части «Летописца великих князей литовских» и, видимо, всего старейшего летописного свода ВКЛ был родом из Киева, поскольку описал обстоятельства смерти и похороны отравленного князя Скиргайла как очевидец, только заметив, что был «млад» в то время и многого не помнит[38].

В начале XX в. открытие и введение в научный оборот большого количества различных списков летописей и хроник ВКЛ позволило ученым уточнить их классификацию. Так, Б. А. Вахевич при публикации Румянцевской летописи в 1902 г. предложил разделить известные списки на три группы. Первая и древнейшая редакция летописного свода создана в XVI в. (sic) на основе утраченной смоленской летописи и представлена Супрасльским и Слуцким списками. В XVI же веке эта редакция подверглась правке в Вильно или в Полоцке; в частности, редактор постарался везде изменить язык и «уничтожить местный — русский — колорит, который придавали первой редакции смоленские записи». К этой второй редакции Б. А. Вахевич отнес списки Виленский, Красинского, Румянцевский и Рачинского. Третья редакция — хроника Быховца[39].

---

[36] *Грушевський М. С.* «Похвала в. кн. Витовту», кілька уваг про склад найдавнійшої руcько-литовської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1895. Т. 8, кн. 4. С. 3, 13.

[37] Там же. С. 3, 15—16.

[38] *Грушевський М. С.*: 1) Історія України—Руси. Т. 6 : Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Нью-Йорк: Книгоспілка, 1955. С. 357; 2) Історія Української літератури. Т. 5, вип. 1 : Культурні і літературні течії на України в XV—XVI вв. і перше відродженне (1580—1610 рр.). Київ : Держ. видво України, 1926. С. 163—164.

[39] *Вахевич Б. А.* Западнорусская летопись по списку Румянцевского музея // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса : Экономическая тип. и литогр., 1902. Т. 24. С. 222—223.

Несколько иначе распределил списки между тремя группами С. Л. Пташицкий в 1907 г. К первой группе, охватывающей события от смерти Гедимина до записки о перемирии великого князя литовского Казимира с великим князем московским 1446 г., он отнес часть летописи Красинских, часть Патриаршей летописи, списки Виленский, Супрасльский, Слуцкий, Никифоровский, Академический, Дубровского, Погодинский, а также «Origo regis». Вторая группа включает летописи, содержащие легендарную часть от Рождества Христова и прибытия Палемона в Литву и продолженные вплоть до XVI в.: это вторая часть летописи Красинских, вторая часть Патриаршей летописи, списки Румянцевский, Археологического общества, Рачинского, Евреиновский, Ольшевский, два списка «Родословия князей Литовского княжества» и список «Похвалы Витовта» из сборника «Постнических слов» Исаака Сирина (1428). Третья группа, по С. Л. Пташицкому, представлена хроникой Быховца[40].

Примерно такую же классификацию, но в более осторожных формулировках, предложил А. А. Шахматов в предисловии к 17-му тому «Полного собрания русских летописей». Он выделил краткие летописные своды (списки Супрасльский, Никифоровский, Слуцкий, Академический, вторая часть Красинского, первый и третий отрывки Патриаршего), более сложные своды, содержащие легендарную историю Литвы (первая часть Красинского, Румянцевский, Археологического общества, второй и четвертый отрывки Патриаршего, Рачинского, Евреиновский, Ольшевский), и полный свод (хроника Быховца)[41].

При рассмотрении предложенных классификаций не совсем ясно, почему Виленский список отнесен Б. А. Вахевичем ко второй редакции и почему С. Л. Пташицкий и А. А. Шахматов сочли необходимым разделить список Красинского на две части, распределив их между двумя группами. Оснований для этого, как представляется, все же недостаточно. В 1910 г. Я. Якубовский в краткой статье, подводящей итог изучению летописания ВКЛ за предшествующие 30 лет, по-новому сформулировал принципы классификации различных списков. В первую группу он определил списки, представляющие «краткую хронику», охватывающую события от смерти Гедимина до 1446 г., и в их числе Виленский (который признал старейшим), Супрасльский и Слуцкий. Во вторую группу он включил списки, в которых «краткая хроника» дополнена легендарной историей древней Литвы, например список Рачинского. В данном случае под влиянием взглядов С. Л. Пташицкого Я. Якубовский несколько колебался и ошибочно считал, что в списке Красинского объединены хроники первого и второго типов. К третьей группе исследователь относил хрони-

[40] Wielkiego Księstwa Litewskiego i Żmódzkiego kronika: podług rękopisu z roku 1550 / wyd. S. Ptaszycki. Wilno : Nakładem A. Chomińskiego, 1907. S. II—IV.

[41] ПСРЛ. Т. 17. С. XII.

ку Быховца, которая, по его мнению, возникла примерно в то же время, что и тексты второй группы[42].

В монографии «Исследование национальных отношений в Литве до Люблинской унии» (1912) Я. Якубовский коснулся вопросов летописания ВКЛ более подробно. При характеристике «Origo regis» и в целом «Летописца великих князей литовских» он, по собственному признанию, руководствовался главным образом выводами С. Смольки. Первую часть «Летописца великих князей литовских», охватывающую события до 1382 г., Я. Якубовский считал «полуисторическим, полупублицистическим» произведением, созданным в окружении Витовта, может быть, и по его инициативе, для разъяснения причин первого отъезда в Пруссию. С одной стороны, это хроникальная повесть, а с другой — документ, утверждающий права потомков Кейстута, прежде всего Витовта, на великокняжеский престол. Хотя произведение написано на западнорусском языке (Я. Якубовский называл его «польско-белорусским»), оно является чисто литовским по своему характеру. Стиль ничем не напоминает русские летописи; язык приближен к разговорному и схож отчасти с языком государственных документов того времени; в тексте нет церковнославянизмов и цитат из Священного Писания. Следовательно, предполагал Я. Якубовский, автором первой части «Летописца великих князей литовских» был светский человек, близкий к великокняжеской семье, посвященный в ее тайны, при этом обладающий литературным талантом и умеющий создавать связное, информативное и занимательное повествование; автор симпатизировал Кейстуту и для оживления рассказа вставлял в текст диалоги между Кейстутом и Витовтом. В литературном отношении Я. Якубовский ставил это произведение выше русских летописей и даже писал, что только Литва, близко соприкасающаяся с Западом, могла создать нечто подобное[43].

Я. Якубовский разделял мнение С. Смольки о том, что первая часть «Летописца великих князей литовских» могла быть создана после «Witoldes sache» в периоды обострения отношений между Витовтом и Ягайлом. Однако он сомневался, что это мог быть 1430 г., слишком далеко отстоящий от описываемых событий, поэтому принял другую дату, предложенную С. Смолькой, — 1398 г.[44]

Возможно, еще при жизни Витовта первая часть «Летописца великих князей литовских» была продолжена, отчасти с использованием русских летописей в качестве источника. Автор второй части, по мнению Я. Яку-

---

[42] *Jakubowski J.* Kroniki litewskie // Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. Wilno, 1910. T. 3. S. 68—74.

[43] *Jakubowski J.* Studia nad stosunkami narodościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1912. S. 14, 17—21.

[44] Ibid. S. 19.

бовского, также был горячим сторонником Витовта, но не «родовитым литвином», а «литовским русином»[45].

Выдающимся специалистом по летописанию ВКЛ был украинский филолог Ф. П. Сушицкий, автор монографии «Западнорусские летописи как памятники литературы» (вышедшей уже после смерти ученого в 1921—1930 гг.). Все известные ему списки летописей и хроник ВКЛ он разделил на три редакции. Первая редакция — краткая или старшая, изобилующая смоленскими известиями и не содержащая легендарной истории Литвы, возникла в 40-х гг. XV в. и представлена списками Супрасльским, Слуцким, Никифоровским, Академическим, Виленским и Дубровского. Из них ближе всего к протографу стоят Супрасльский, Никифоровский и Академический списки. Вторая редакция — сложная, создана в 50-е гг. XVI в. и характеризуется включением легендарной истории Литвы и сокращением смоленских известий. Это списки Румянцевский, Красинского, Тихонравова, Археологического общества, Патриарший, Рачинского и Евреиновский. Третья редакция возникла в 60-х гг. XVI в. и представлена хроникой Быховца; она отличается наиболее полным охватом материала по истории ВКЛ[46].

Относительно «Летописца великих князей литовских» Ф. П. Сушицкий во многих своих выводах солидаризировался со С. Смолькой: в частности, он признал, что первая часть «Летописца» имеет официальное светское происхождение и была создана в канцелярии ВКЛ, возможно, не без участия князя Витовта. Конкретнее, Ф. П. Сушицкий считал, что «Witoldes sache» — это краткая запись под диктовку самого Витовта, протограф «Origo regis» на западнорусском языке написан на основе «Witoldes sache», но с добавлением новых подробностей на основе устной информации Витовта, а первая часть «Летописца великих князей литовских» — это несколько сокращенная редакция протографа «Origo regis»[47].

Анализируя язык и стилистику второй части «Летописца великих князей литовских», Ф. П. Сушицкий пришел к выводу (перекликающемуся с одним из выводов А. Прохаски), что при описании событий 1392—1396 гг. хронист использовал записи, которые велись в канцелярии ВКЛ. Повествование в этом фрагменте отличается сухостью и сжатостью, которые присущи скорее канцелярскому делопроизводству[48]. При этом Ф. П. Сушицкий усматривал стилистические и отчасти текстовые параллели между второй частью «Летописца великих князей литовских»

---

[45] Ibid. S. 21.

[46] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи як пам'ятки літаратури / упорядк. та до друку вигот. О. А. Назаревський. Київ : Друкарня Всеукр. АН, 1929. С. 100.

[47] Там же. С. 149.

[48] Там же. С. 160—161. Ср.: *Prochaska A.* Latopis litewski … S. 27—28.

и хроникой войны 30-х гг. XV в., которую он называл «Смоленской хроникой 1432—1436 гг.»[49].

Наиболее интересной и оригинальной является гипотеза Ф. П. Сушицкого о том, что вторая часть «Летописца великих князей литовских» написана в Смоленске примерно между 1430 и 1436 гг. одним из сотрудников митрополита Герасима — писарем Тимофеем, который также был редактором первого летописного свода ВКЛ[50]. Основанием для этого стало упоминание о Тимофее в приписке к первой редакции «Похвалы Витовта», содержащейся в сборнике «Постнических слов» Исаака Сирина, переписанном в Смоленске в 1428 г.[51]

«Повесть о Подолье» Ф. П. Сушицкий вслед за С. Смолькой и И. А. Тихомировым считал памятником, отдельным от «Летописца великих князей литовских». Как и первая часть «Летописца великих князей литовских», повесть, призванная обосновать права ВКЛ на Подольскую землю, основывается на официальных государственных источниках. При этом, по мнению Ф. П. Сушицкого, можно проследить следы взаимного влияния между «Повестью о Подолье» и второй частью «Летописца великих князей литовских». Например, в обоих произведениях содержится упоминание о польском короле Казимире, у которого, согласно «Повести о Подолье», «с(ы)на не было, толко была wдна дочька», а согласно второй части «Летописца великих князей литовских», «с(ы)нъ в него не было, толко wдна дочка». Еще одним признаком, сближающим два произведения, Ф. П. Сушицкий считал то, что «Повесть о Подолье» является как бы подробным развитием одного из кратких тезисов «Летописца»: «...на весноу кн(я)зь великыи Витовът иде и възя землю Подолскую»[52].

Что касается даты создания «Повести о Подолье», Ф. П. Сушицкий справедливо полагал, что произведение возникло не ранее смерти Витовта; кроме того, оно обрывается на сообщении о захвате Каменца-Подольского поляками, произошедшем в конце 1430 г., а последующие бурные события, связанные с борьбой за Подольскую землю, в повести уже не отражены. Таким образом, «Повесть о Подолье» возникла в конце 1430 г., вскоре после 27 октября, когда умер Витовт. Автором ее, возможно, был сотрудник канцелярии ВКЛ, тот же, который составлял первую часть «Летописца великих князей литовских». Далее обоими этими памятниками официально-канцелярского происхождения воспользовался смоленский редактор летописного свода 1446 г. (т. е. писарь Тимофей), объединивший их со второй

---

[49] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи ... С. 154—155.

[50] Там же. С. 158—159.

[51] РНБ. F.I.476. Л. 153—153 об. Публикация этой записи: *Соболевский А. И.* Запись начала XV века // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1895. Кн. 9. С. 219—221.

[52] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи ... С. 164.

частью «Летописца великих князей литовских», хроникой войны 30-х гг. XV в. и различными смоленскими известиями[53].

Специальную статью «Летописание Западной Украины и Белоруссии» опубликовал в 1941 г. М. Д. Приселков[54]. Он предполагал, что толчком к возникновению летописания ВКЛ («белорусско-литовского», по его терминологии) послужило образование в 1431 г. в Смоленске митрополии, и именно в это время был составлен «Летописец великих князей литовских», о котором, впрочем, в статье говорится очень поверхностно. Брошенное М. Д. Приселковым вскользь замечание о том, что «Летописец великих князей литовских» завершается упоминанием о смерти Витовта, видимо, объясняется тем, что он включал в состав этого памятника также и «Повесть о Подолье»[55].

Белорусские исследователи (В. Ю. Ластовский, Я. Станкевич) начали заниматься старым летописанием ВКЛ в 20—30-е гг. XX в.[56] Оба они основывались преимущественно на работах других авторов (например, текст Станкевича, по сути, является рефератом исследования Сушицкого) и не внесли ничего нового в рассмотрение этой проблематики.

Научное изучение летописания ВКЛ в Белорусской ССР началось с В. А. Чемерицкого, опубликовавшего монографию «Белорусские летописи как памятники литературы. Возникновение и литературная история первых сводов» (1967)[57]. Возражая против научно несостоятельных по-

---

[53] Там же. С. 165.

[54] *Приселков М. Д.*: 1) Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1941. № 67. Серия ист. наук. Вып. 7. С. 11—21; 2) История русского летописания XI—XV вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 283—304.

[55] *Приселков М. Д.* История русского летописания ... С. 297.

[56] *Ластоўскі В. Ю.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя. Коўна : Друкарня Сакалоўскага і Лана, 1926. С. 189—200; *Станкевіч Я.* Повесьці й апавяданьні беларускіх (крывіцкіх) летапісцаў // *Станкевіч Я.* Крыўя-Беларусь у мінуласьці. 2-е выд. Вільня ; Беласток : Інстытут беларусістыкі : Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. С. 31—48 [впервые статья опубликована в изд.: Маладая Беларусь : літаратурна-грамадска-навуковы часопіс. Вільня : М. Шчорс, 1936. Кн. I].

[57] *Чамярыцкі В. А.*: 1) Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII—XIII стст.) // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1965. № 3. С. 90—98; 2) Беларускія летапісныя зводы і іх рэдакцыі // Весці АН БССР. Сер. грамадск. навук. 1967. № 1. С. 86—94; *Чемерицкий В. А.* Белорусские летописи как памятники литературы. Возникновение и литературная история первых сводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967; *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1969; *Чемерицкий В. А.* Работа автора первого белорусско-литовского свода над русскими источниками // Летописи и хроники. 1980. М. : Наука, 1981. С. 182—189.

пыток классификации летописей и хроник ВКЛ как различных редакций одного и того же свода, В. А. Чемерицкий предложил группировать их по разным сводам. Все известные списки летописей и хроник ВКЛ он разделил на четыре группы. Первая группа — «Летописец великих князей литовских» («Origo regis», списки Виленский, Дубровского, ЦГАДА № 20/25, Погодинский и БАН № 34.4.32). Вторая группа — первый летописный свод ВКЛ (списки Никифоровский, Академический, Супрасльский и Слуцкий). Третья группа — второй летописный свод ВКЛ (списки Красинского, Патриарший А, Ольшевский, Археологического общества, Румянцевский, Патриарший Б, Тихонравова, Рачинского и Евреиновский). Четвертая группа — третий летописный свод ВКЛ (хроника Быховца). Что касается текста по Медоварцевскому списку (который В. А. Чемерицкий назвал Архангельским) и списку ЦГАДА № 365/815, белорусский исследователь предложил считать его отдельным памятником русского происхождения (т. е. возникшим за пределами Великого княжества Литовского), несмотря на то что одним из основных источников для него послужил первый летописный свод ВКЛ новой редакции[58].

В составе первого летописного свода ВКЛ В. А. Чемерицкий выделил общерусскую часть, «Летописец великих князей литовских» (включая «Повесть о Подолье») и ряд смоленских материалов. Выборка общерусских летописных известий сделана, по его мнению, на основе двух источников: митрополичьей летописи 1446 г., основу которой составлял общерусский свод 1418 г., так называемый Полихрон Фотия, и московского свода 1409 г.[59] Смоленские материалы, вошедшие в свод, — это хроника о событиях 1430—1436 гг., написанная в Смоленске русином из окружения митрополита Герасима — патриотом ВКЛ и приверженцем династии Кейстутовичей, «Похвала Витовта» и короткие записи о событиях 1432—1445 гг., автором которых, возможно, был монах смоленского Спасского монастыря, дважды упоминаемого в летописи под 1443 и 1445 гг.[60]

По мнению В. А. Чемерицкого, первоисточник «Origo regis», т. е. первая часть «Летописца великих князей литовских», возник в 1382—1392 гг., когда Витовт боролся за великокняжеский столец. Это произведение должно было обосновать права Витовта на великое княжение и оправдать его поведение перед Ягайлом. При этом автор основывался на информации, полученной от людей из близкого окружения Витовта[61]. Спустя несколько десятилетий, вероятно, в 1429—1430 г., другой автор написал в Смоленске вторую часть «Летописца великих князей литов-

---

[58] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы … С. 17—21, 25—26.

[59] Там же. С. 71, 76.

[60] Там же. С. 79—80, 83, 96.

[61] Там же. С. 108—109, 111.

ских». Время ее создания В. А. Чемерицкий определил исходя из того факта, что хронист, по собственному признанию, был «млад» на момент гибели князя Скиргайла, т. е. в 90-х гг. XIV в. Кроме того, по мнению исследователя, в конце 20-х гг. XV в., может быть, в связи с предстоящей коронацией Витовта в ВКЛ «проводилась интенсивная обработка местных историко-литературных произведений и таким образом фактически началась подготовка материалов для первого летописного свода»; в частности, в 1429—1430 гг. была создана и новая редакция «Похвалы Витовта». Автор второй части «Летописца великих князей литовских» работал в Смоленске, был духовным лицом и, вероятно, принадлежал к окружению смоленского епископа (впоследствии митрополита) Герасима и к той же литературной школе, что и авторы Смоленской хроники 30-х гг. XV в. и «Похвалы Витовта»[62].

Упомянутая монография В. А. Чемерицкого является одной из важнейших, если не самой важной работой, посвященной летописанию ВКЛ за последние полвека. Вместе с тем работа носит преимущественно литературоведческий характер, задача осуществить комплексный исторический анализ содержания летописей и хроник автором не ставилась. Серьезный недостаток монографии — недооценка «Witoldes sache» как одного из самых ранних нарративных историко-политических произведений, созданных представителем Великого княжества Литовского. Хотя В. А. Чемерицкий признал, что «Origo regis» и «Witoldes sache» во многом близки между собою по содержанию и общей направленности[63], однако «Witoldes sache» в работе практически не анализируется, и это значительно обедняет и упрощает общую картину развития летописания в Великом княжестве Литовском.

В 2015 г. В. А. Чемерицкий выпустил новую крупную работу, посвященную летописям и хроникам ВКЛ. В ней он, в частности, переиздал тексты «Летописца великих князей литовских» (по Супрасльскому, Виленскому и Слуцкому спискам)[64] и «Повести о Подолье» (по Супрасльскому и Слуцкому спискам)[65], дал небольшой комментарий к некоторым их известиям[66], а в предисловии вновь изложил свои взгляды на происхождение, датировку и возможное авторство всех трех летописных сводов ВКЛ, а также их составных частей. Так, возникновение первой части «Летописца», которую В. А. Чемерицкий называет «повестью про Кейстута», он теперь датировал 90-ми гг. XIV в.[67] Более развернуто белорус-

---

[62] Там же. С. 113—114.

[63] Там же. С. 111.

[64] Летапісы і хронікі Вялікага княства Літоўскага (XV—XVII стст.) / уклад., прадм., камент. В. А. Чамярыцкага. Мінск : Беларуская навука, 2015. С. 78—96.

[65] Там же. С. 99—102.

[66] Там же. С. 345—357, 359—369.

[67] Там же. С. 16.

ский исследователь высказался о «Witoldes sache»: сравнение этого произведения с «Летописцем великих князей литовских», по мнению В. А. Чемерицкого, «не выявляет непосредственной текстуальной зависимости от мемориала 1390 г. <...> Сходство же этих произведений объясняется тем, что два разных автора пользовались общим источником — устной информацией самого князя Витовта»[68].

В 1975 и 1980 гг. в серии «Полное собрание русских летописей» вышли два тома летописей и хроник Великого княжества Литовского, подготовленные Н. Н. Улащиком при участии В. А. Чемерицкого (издавшего могилевскую хронику Т. Сурты и Ю. Трубницкого)[69]. В них, в частности, были представлены новые описания рукописей, впервые опубликована «Хроника Литовская и Жмойтская» (поздняя компиляция XVII в., в значительной мере основанная на хронике Матея Стрыйковского), переиздан целый ряд летописей, ранее публиковавшихся в 17-м томе ПСРЛ. Вместе с тем полностью охватить все известные на тот момент памятники, имеющие отношение к летописанию ВКЛ, публикаторам не удалось: в подборку не были включены «Witoldes sache», списки Дубровского, Погодинский, Медоварцевский, а также списки Патриарший и Тихонравова, отражающие второй летописный свод ВКЛ. По принципам передачи текстов 32-й и 35-й тома «Полного собрания русских летописей» представляли собой шаг назад в сравнении с 17-м томом, так как в них вышедшие из употребления кириллические буквы были заменены на современные, а надстрочные буквы не обозначались курсивом (справедливости ради следует отметить, что по таким принципам в советское время публиковались все новые тома серии). Однако самым серьезным недочетом была не совсем удачная компоновка материала. Если в 17-м томе ПСРЛ летописи и хроники размещались А. А. Шахматовым и С. Л. Пташицким на основе определенной классификации, пусть и несовершенной, то в 32-м и 35-м томах читатель получил рыхлую подборку текстов, в которой, например, хроника «Origo regis», отражающая наиболее раннюю, первую часть «Летописца великих князей литовских», почему-то опубликована после летописи Археологического общества, содержащей материалы второго летописного свода ВКЛ. Можно было бы ожидать, что при издании летописей и хроник ВКЛ будут использованы предшествующие наработки В. А. Чемерицкого в области классификации различных сводов и учтены работы, посвященные «Witoldes sache», но этого, к сожалению не произошло.

---

[68] Там же. С. 17—18.

[69] ПСРЛ. Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М. : Наука, 1975; ПСРЛ. Т. 35 : Белорусско-литовские летописи. М. : Наука, 1980. — Переиздание: Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час / падрыхт. В. А. Варонін. Мінск : [б. в.], 2010.

Н. Н. Улащик также выпустил монографию «Введение в изучение белорусско-литовского летописания» (1985)[70]. По своему содержанию она дополняет предшествующую работу В. А. Чемерицкого: подробнейшим образом в книге описана история обнаружения и публикации различных списков, анализируются летописные источники хроники М. Стрыйковского, легендарная часть второго и третьего летописных сводов ВКЛ, городские летописи и хроники, в том числе могилевская, витебская и слуцкая. Однако ни «Witoldes sache», ни «Летописец великих князей литовских», ни «Повесть о Подолье» отдельно в этой монографии не рассматриваются.

В литовской историографии, в отличие от белорусской, к «Witoldes sache» отнеслись с надлежащим вниманием. Этому памятнику посвящена статья филолога К. Альминаускиса, переиздавшего его текст и подготовившего перевод на литовский язык[71]. В широком контексте эпохи «Witoldes sache» комментируется в работах Г. Мицкунайте, затрагивающих проблематику, связанную с образом великого князя литовского Витовта[72]. Однако некоторые суждения Г. Мицкунайте о «Летописце великих князей литовских» не вполне основательны: так, она ошибочно считает, что это произведение завершается на событиях 1392 г., и отсюда предполагает, что оно было создано по поручению великого князя литовского Витовта, надо полагать, в ближайшее время после того, как тот занял великокняжеский престол в Вильно[73].

Ряд работ о летописях и хрониках ВКЛ принадлежит перу литовского историка М. Ючаса[74]. По его мнению, в основе «Летописца великих князей литовских» лежит созданное в 1390 г. «Witoldes sache» (которое он называет «Vytauto užrašas», т. е. «запиской Витовта»). Ссылаясь на работы С. Смольки и К. Альминаускиса, М. Ючас считает различия между «Летописцем» и «Witoldes sache» крайне незначительными. Витовту предложили написать «Witoldes sache» власти Тевтонского ордена, так как такое произведение было полезно крестоносцам в идеологической

---

[70] *Улащик Н. Н.* Введение в изучение ...

[71] *Alminauskis K.* Vytauto skundas // Archivum philologicum. Kaunas, 1939. T. 8. P. 182—224.

[72] *Mickūnaitė G.*: 1) From Pamphlet to Origin Theory: The Establishment of Lithuanian Dynastic Tradition // The Medieval Chronicle, II. Proceedings of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen / Utrecht 16—21 July 1999 / ed. by E. Kooper. Amsterdam : Rodopi, 2002. P. 156—165; 2) Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania. Budapest : Central European University Press, 2006.

[73] *Mickūnaitė G.* Making a Great Ruler ... P. 24—25.

[74] *Jučas M.*: 1) Lietuvos didžiųjų kunigaikščių metraštis // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. Serija A. 1957. No 2. P. 111—121; 2) Lietuvos metraščiai. Vilnius : Vaga, 1968; 3) Lietuvos metraščiai ir kronikos. Vilnius : Aidai, 2002.

борьбе против ВКЛ: ведь основная его идея заключается в том, что власть в ВКЛ принадлежит не Ягайлу и Скиргайлу, а Витовту; кроме того, Ягайло и Скиргайло представлены в «Witoldes sache» приверженцами православия (схизматиками), тогда как Витовт выступает в роли ревностного католика, послушного папской власти. Следы последующего использования «Witoldes sache» крестоносцами для оправдания войны против ВКЛ М. Ючас усматривает в некоторых документах Ордена за 1390, 1409 и 1416 гг.[75]

Таким образом, М. Ючас предполагает, что текст «Witoldes sache» был изначально записан в окружении Витовта на средневерхненемецком языке и затем передан властям Тевтонского ордена.

Приблизительно в 1429—1430 гг., когда особую актуальность приобрел вопрос о коронации Витовта, был написан «Летописец великих князей литовских», для создания которого использовался текст «Witoldes sache», переведенный со средневерхненемецкого на западнорусский язык и хранившийся в канцелярии ВКЛ. Относительно полный вариант первой части «Летописца», содержащий некоторые детали, отсутствующие в списках на русском языке, отражен в латинском переводе «Origo regis»[76].

В это же время, в 1428—1430 гг., в Смоленске, в окружении епископа Герасима, велась работа над созданием летописного свода. Как предполагает М. Ючас, литературная деятельность Герасима и его сотрудников отвечала интересам Витовта, который стремился создать в Смоленске идеологический центр Великого княжества Литовского. Так, «волею и хотением» Витовта в Смоленске был переписан сборник слов Исаака Сирина, в котором находится первая редакция «Похвалы Витовту». Также по поручению или литературному заказу Витовта начал создаваться летописный свод, составителем и одним из авторов которого был, возможно, Тимофей, писарь смоленского епископа Герасима. В этот свод был включен и текст «Летописца великих князей литовских»[77]. Излагая свои взгляды, литовский историк не преминул подвергнуть критике тезис В. А. Чемерицкого о том, что Смоленск был центром *белорусского* летописания и что автор-составитель летописного свода был «белорусским хронистом», так как Смоленск, по мнению М. Ючаса, не был белорусским городом, а епископ Герасим по происхождению был москвичом и выполнял литературный заказ Витовта[78].

Как можно судить, М. Ючас проводит определенную дифференциацию между двумя частями «Летописца великих князей литовских» по языковым и содержательным признакам. Так, со ссылкой на В. А. Чеме-

---

[75] *Jučas M.* Lietuvos metraščiai ir kronikos. P. 30—32.
[76] Ibid. P. 33, 39.
[77] Ibid. P. 25, 33.
[78] Ibid. P. 41.

рицкого он пишет о том, что изложение таких сюжетов, как женитьба Ягайла в Кракове, поездка княжны Софьи Витовтовны в Москву, возвращение Витовта в Литву, война со Смоленским княжеством за Мстиславль, смерть Скиргайла в Киеве и т. д., не отличается той непосредственностью и целостностью, которые характерны для повествования, охватывающего события до 1382 г. (в книге М. Ючаса здесь опечатка — 1392 г.). Далее, характеризуя состав первого летописного свода ВКЛ, М. Ючас называет одной из его частей «мемориал Витовта и его продолжение до 1396 г.»[79]. Видимо, здесь и имеются в виду первая и вторая части «Летописца».

Источником общерусской части первого летописного свода ВКЛ М. Ючас называет митрополичий свод 1423 г., продолженный в Смоленске до 1446 г.; при этом он ссылается на мнение А. А. Шахматова, но цитирует почему-то не его работу, а статью М. Д. Приселкова о летописании Западной Украины и Белоруссии (между тем М. Д. Приселков датировал упомянутый митрополичий свод, т. е. полихрон Фотия, не 1423, а 1418 г.)[80]. Странно при этом, что М. Ючас оставил без внимания ту часть исследования В. А. Чемерицкого, которая непосредственно посвящена источникам общерусской части свода и вносит немало нового в рассмотрение этой проблематики.

Пожалуй, одной из наиболее значительных работ последних лет, посвященных летописанию ВКЛ, является статья Ю. Н. Микульского «Смоленский центр летописания 20—50 гг. XV в.»[81]. Автор отметил, что ранее внимание исследователей в основном было сосредоточено на летописных сводах, т. е. на установлении взаимных связей между отдельными кодексами и на выяснении их состава и происхождения. Значительно реже исследователи подробно анализировали отдельные произведения, находящиеся в составе различных летописных сводов ВКЛ[82]. В этой связи Ю. Н. Микульский высказал несколько текстологических соображений относительно произведений, входящих в первый летописный свод ВКЛ, а именно «Похвалы Витовта» и хроники о войне 30-х гг. XV в., которую он называет «хроникой 1436 г.».

По его мнению, автор хроники 1436 г. и второй, так называемой летописной редакции «Похвалы Витовта» пользовался текстом первой редакции «Похвалы Витовта», вписанным в сборник слов Исаака Сирина (1428). Причем сначала была написана вступительная часть хроники 1436 г., а затем уже летописная редакция «Похвалы Витовта». Поскольку

---

[79] «Vytauto memorialas ir jo tęsinys iki 1396 m.» (Ibid. P. 42).

[80] Ibid. P. 40, 42.

[81] *Mikulski J.* Smoleński ośrodek latopisarski w latach 20—50. XV w. // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2010. T. 33. S. 17—49.

[82] Ibid. S. 17.

же достоверно известно, что первая редакция «Похвалы Витовта» создана по поручению смоленского епископа Герасима, то, вероятно, и хроника 1436 г., и летописная редакция «Похвалы Витовта» также созданы в Смоленске в окружении Герасима[83]. Этот вывод весьма важен, поскольку подводит текстологическое обоснование под старинную гипотезу об участии епископа (позднее митрополита) Герасима в организации смоленского центра летописания.

Текст хроники 1436 г., как предполагает Ю. Н. Микульский, составлялся постепенно путем объединения отдельных летописных статей, охватывавших период с 6941 по 6945 г. по мартовскому стилю, или с 1432 по 1436 г. (следует сказать, что в данном случае Ю. Н. Микульский ошибся на год, и правильно: с 6940 по 6944 г., но это не отменяет общей верности рассуждений). Эти статьи записывались сразу после описываемых событий, а значит, по своему характеру и составу хроника 1436 г. в исходном виде представляла собой, по сути, обычную русскую летопись. Работа над ней велась с 1433 по 1436 г. При этом, вопреки гипотезе А. Прохаски, не прослеживается зависимость этой хроники от других русских летописей, в частности псковских[84].

Что касается «Летописца великих князей литовских», Ю. Н. Микульский поддержал мнения С. Смольки и Ф. П. Сушицкого о том, что этот памятник, написанный в окончательном двухчастном варианте примерно в первой половине XV в., возник в Смоленске и имеет сходство с летописной редакцией «Похвалы Витовта» и хроникой 1436 г. Он отметил, что «Летописец великих князей литовских» (надо понимать, его вторая часть) имеет такой же состав, как и хроника 1436 г.: в нем нет годовых датировок, но текст составлен из отдельных летописных статей, начинающихся характерными клише «тое же осени», «тое же зимы» и т. д. «Летописец» сближается с летописной редакцией «Похвалы Витовта» и хроникой 1436 г. также по авторскому замыслу, так как в центре внимания этого произведения находится князь Витовт. Поэтому, по мнению Ю. Н. Микульского, есть все основания связывать возникновение «Летописца великих князей литовских» с летописным кружком, организованным митрополитом Герасимом в Смоленске в 1433—1435 гг.[85]

Далее Ю. Н. Микульский убедительно опроверг гипотезу Ф. П. Сушицкого о том, что автором отдельных произведений в составе первого летописного свода ВКЛ и, возможно, составителем всего свода был писарь Тимофей, сотрудник епископа Герасима. Дело в том, что о писаре Тимофее достоверно известно лишь то, что с 25 мая по 22 июня 1420 г., находясь в Константинополе, он переписал сборник слов Исаака Сирина

[83] Ibid. S. 18—20.
[84] Ibid. S. 20—25.
[85] Ibid. S. 25—26.

по заказу епископа Герасима. Об этом гласит приписка в рукописи. Но 14 августа 1428 г. с этой рукописи уже в Смоленске была сделана копия, в которой неизвестный переписчик поместил также первую редакцию «Похвалы Витовта». Таким образом, нет никаких оснований связывать с писарем Тимофеем ни возникновение первой редакции «Похвалы Витовта», ни создание первого летописного свода ВКЛ. Тем более что в 1432—1433 гг. писарем Герасима был некий Яков Григорьевич, имя которого называется в граффито на стене константинопольского Софийского собора, сделанном, видимо, в то время, когда Герасим находился в Константинополе по делам о посвящении в сан митрополита[86].

В целом в создании первого летописного свода ВКЛ Ю. Н. Микульский выделяет четыре этапа. На первом этапе, в 1428 г., по поручению смоленского епископа Герасима была создана первая редакция «Похвалы Витовта». На втором этапе, с осени 1433 г. по 1436 г., по инициативе все того же Герасима, ставшего митрополитом киевским, возникли такие произведения, как летописная редакция «Похвалы Витовта», хроника 1436 г., двухчастный вариант «Летописца великих князей литовских». Третий этап был ознаменован созданием летописи, которую Ю. Н. Микульский называет «летописью 1445 г.» и связывает с деятельностью смоленского епископа Симеона и смоленским Спасским монастырем. На четвертом этапе эти и другие материалы были объединены в составе первого летописного свода ВКЛ. Как предполагает Ю. Н. Микульский, осуществлено это было в начале 50-х гг. XV в. по инициативе следующего смоленского епископа Мисаила[87].

Отдельно следует упомянуть магистерскую работу Ю. Н. Микульского, подготовленную в Институте истории Ягеллонского университета в 2011 г. и посвященную текстологии, стилистике, фактологии и авторству «Похвалы Витовта»[88]. Во многом содержание этой работы перекликается с проанализированной выше статьей, но, к сожалению, на момент подготовки этих строк в печати она не публиковалась.

Существует жанр работ, в которых материалы летописания ВКЛ XV—XVI вв., в том числе «Летописец великих князей литовских», используются для обобщенного исследования политических и идеологических воззрений той эпохи[89]. Степень их доказательности находится

---

[86] Ibid. S. 26—27.

[87] Ibid. S. 45—48.

[88] *Mikulski Y.* Staroruski utwór panegeryczny «Pochwała Witolda» (XV w.). Rozbiór krytyczny. Praca magisterska napisana pod kierunkiem prof. dr. hab. Macieja Salamona w Seminarium Historii Bizancjum i Słowiańszczyzny. Kraków, 2011.

[89] Например: *Капыскі З. Ю.* Беларуска-літоўскія летапісы XV—XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1986. № 4.

в прямой зависимости от внимания к вопросам текстологии, происхождения и взаимосвязей различных редакций и списков летописей. Специальную статью, посвященную достоверности известий «Летописца великих князей литовских», опубликовал Я. Никодем[90]. Далеко не со всеми его положениями можно согласиться, но он справедливо отметил субъективность «Летописца», в определенной своей части отражающего политические и идеологические интересы Витовта, и высказал ряд предположений относительно идейной направленности этого произведения, основное внимание сосредоточив на его первой части до 1382 г.

Некоторые источниковедческие, текстологические, фактологические вопросы, связанные с возникновением и содержанием «Повести о Подолье», рассматривались либо в работах по отдельным аспектам истории Подольской земли и Великого княжества Литовского (прежде всего по истории Синеводской битвы), либо в рассмотренных выше общих работах по летописанию ВКЛ. В последние годы ряд специальных работ, посвященных этому памятнику, опубликовали С. В. Полехов[91] и автор этих строк[92].

Завершить историографический экскурс хотелось бы кратким обзором, даже скорее перечнем, работ вспомогательного характера, тематика которых так или иначе пересекается с нашим исследованием.

Солидный корпус научной литературы посвящен проблемам состава, датирования и авторства хроники Быховца[93]. Помимо перечисленных

С. 80—88; *Крыварот А. А.* Адлюстраванне дзяржаўна-палітычнай дзейнасці Вітаўта ў літаратурных творах канца XV — першай паловы XVI стагоддзя // Белорусская политология: многообразие в единстве — III : материалы междунар. научно-практ. конф., 22—23 мая 2008 г., Гродно. Гродно, 2008. Ч. 1. С. 272—275.

[90] *Nikodem J.* Wiarygodność Latopisu wielkich książąt litewskich // Antyk, prawda i fałsz w Średniowieczu. Materiały Seminariów Mediewistycznych im. Alicji Karłowskiej-Kamzowej / pod red. J. Kowalskiego i T. Ratajczaka. Poznań : Wydawn. Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2011. S. 151—166.

[91] *Полехов С. В.*: 1) Летописная Повесть о Подолье как исторический источник // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2. Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 95—116; 2) Летописная «Повесть о Подолье» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1. С. 33—42; № 2. С. 49—62.

[92] *Ліцкевіч А. У.* «Аповесць пра Падолле»: суадносіны спісаў першай рэдакцыі і верагоднасць паведамлення пра князя Канстанціна Карыятавіча // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2015. Т. 3. С. 290—312.

[93] Обзор см.: *Міхальчук Г. М.*: 1) Гісторыя даследавання «Хронікі Быхаўца» // Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры БДУ. Мінск, 2009. Вып. 10. С. 161—177; 2) «Хроніка Быхаўца»: гісторыя і перспектывы даследавання // Весці

выше работ, во многих из которых затрагивается эта проблематика, а также исследований филологического характера, отдельно следует упомянуть о работах Н. Н. Улащика, Е. Охманьского, Р. Ясаса, М. Ючаса, Б. Н. Флори, В. А. Чемерицкого, Ю. И. Драгуна, К. Гудмантаса, А. Н. Михальчук[94].

Среди белорусской учебной литературы для высших учебных заведений, рассказывающей о летописании ВКЛ, в лучшую сторону основательностью и вниманием к историографическим и источниковедческим аспектам выделяется учебник А. А. Семенчук[95]. Применительно к «Летописцу великих князей литовских» он во многом основан на монографии В. А. Чемерицкого: например, в состав «Летописца», по мнению А. А. Семенчук, входит «Повесть о Подолье», а первая часть «Летописца» возникла в период между 1382 и 1392 гг. в окружении Витовта[96].

Первый перевод «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» на один из современных языков (на немецкий) был напечатан

Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2013. № 1. С. 78—83.

[94] Хроника Быховца / подгот. Н. Н. Улащик. М. : Наука, 1966; *Ochmański J.* Nad kroniką Bychowca // Studia Źródłoznawcze. 1967. T. 12. S. 155—163; *Флоря Б. Н.* О «Летописце Быховца» // Источники и историография славянского средневековья : сб. статей и материалов. М. : Наука, 1967. С. 135—144; Lietuvos metraštis. Bychovco kronika / Vertė, įvadą ir paaiškinimus parašė R. Jasas. Vilnius : Vaga, 1971; *Ючас М. А.* Хроника Быховца // Летописи и хроники : сб. статей 1973 г., посвящ. памяти А. Н. Насонова. М. : Наука, 1974. С. 220—231; *Драгун Ю. И.* О «Хронике Быховца» // Вопросы истории. История СССР и БССР. Древний мир и средние века. Минск : БГУ, 1981. Вып. 8. С. 20—28; *Чамярыцкі В. А.* Да гісторыі фарміравання трэцяга беларуска-літоўскага летапіснага зводу — «Хронікі Быхаўца» // Беларуская пісьмовая спадчына ў кантэксце еўрапейскага культурна-гістарычнага працэсу XI—XIX стагоддзяў: вытокі, традыцыі, уплывы : матэрыялы рэсп. навукова-практычнай канф. (Мінск, 24 мая 2010 г.). Мінск : Права і эканоміка, 2010. С. 51—60; *Gudmantas K.* Lietuvos metraščio Vavelio nuorašas (fragmentas) // Senoji Lietuvos literatūra. Vilnius, 2012. Kn. 34. P. 121—151; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага і яго суадносіны з «Хронікай Быхаўца» // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2016. T. 45. С. 190—225.

[95] *Семянчук А. А.* Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі: Вучэб. дапам. для гуманітар. фак. ВНУ. Гродна : ГДУ, 2000. С. 29—37 [Глава: «І летапісны звод. «Летописець великих князеи литовъскых»]. — Ср. также: Гісторыя беларускай літаратуры: Старажытны перыяд : вучэб. дапам. для філал. фак. пед. ВНУ / М. М. Грынчык [ды інш.]. 4-е выд. стэрэатып. Мінск : Вышэйшая школа, 1998. С. 71—74; *Клімаў І. П.* Старажытная беларуская літаратура XI—XVI стст.: эпохі і постаці. Мінск : БДУКіМ, 2010. С. 84—86.

[96] *Семянчук А. А.* Беларуска-літоўскія летапісы … С. 30—31.

в 1877 г.[97] и основывался только на Супрасльском и Слуцком списках, поэтому он частично устарел. В последние 25 лет текст «Летописца» переводился как на белорусский[98], так и на литовский языки[99]. Белорусский перевод «Летописца великих князей литовских», характеризующийся высокими литературными качествами, сделан В. А. Чемерицким по Супрасльскому, Виленскому и Слуцкому спискам. Привлечение «Origo regis» для перевода отличается некоторой непоследовательностью: так, использованы чтения про Гедку Кревлянина и Бутрима, отсутствующие в списках «Летописца» на западнорусском языке, однако в перечень подляшских замков, окрестности которых опустошил мазовецкий князь Януш, не включен Бельск, упомянутый в «Origo regis».

В. А. Чемерицкому также принадлежит реконструкция полного текста «Летописца великих князей литовских» на западнорусском языке, осуществленная на основе Виленского списка с разночтениями по Супрасльскому и Слуцкому спискам[100]. Забегая вперед, следует заметить, что, по имеющимся данным, Виленский список содержит в себе слой дополнительного редактирования по сравнению с Академическим, Супрасльским и Слуцким списками, поэтому выбор его в качестве основного списка для реконструкции протографа «Летописца» выглядит не вполне обоснованным.

Нельзя обойти вниманием и ряд работ, посвященных языку летописей и хроник ВКЛ. Родоначальником этого направления научных исследований стал Е. Ф. Карский[101]. Среди важнейших работ последних десятиле-

---

[97] Die älteste litauische Chronik / Aus dem Russischen übersetzt von F. Neumann. Hrsg. von M. Töppen // Altpreussische Monatsschrift. Königsberg, 1877. Bd. 14. S. 419—458.

[98] «Летапіс вялікіх князёў літоўскіх» / прадмова, пер. са старабеларускай мовы і каментарый В. А. Чамярыцкага // Спадчына. 1991. № 1. С. 78—84; № 2. С. 61—68; № 3. С. 78—81 [«Повесть о Подолье»]. — Этот же перевод перепечатан в изданиях: Беларускія летапісы і хронікі : пер. са старажытнарускай, старабеларуск. і польск. / уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. С. 49—62; Літаратура XI—XVI стагоддзяў / уклад. і камент. А. У. Бразгунова, І. У. Будзько, Л. В. Ляўшун ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. Мінск : Мастацкая літаратура, 2011. С. 150—164 [здесь с некоторыми изменениями].

[99] Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 4 : Metraščiai ir kunigaikščių laiškai. Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1996. P. 312—326, 343—347.

[100] «Летапіс вялікіх князёў літоўскіх» / рэд. падрыхтоўка В. А. Чамярыцкага // Анталогія даўняй беларускай літаратуры. XI — першая палова XVIII стагоддзя. Мінск, 2005. С. 238—250.

[101] *Карский Е. Ф.* О языке так называемых литовских летописей // *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 211—220; см. также его обзор содержания «Летописца великих князей литовских» в кн.: *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. 3 : Очерки словесности бело-

тий необходимо назвать исследования Н. А. Морозовой[102], Л. Цитко[103], В. К. Мороз[104], К. Грабовской[105].

Объект, предмет, структура и методы исследования

В изучении летописания ВКЛ за последние годы наметилась устойчивая тенденция. Раньше исследования имели весьма широкий тематический и хронологический охват: многие авторы стремились осветить вопросы происхождения всех трех летописных сводов Великого княжества Литовского — от свода 1446 г. до хроники Быховца. Это позволяло получить широкую картину развития летописания ВКЛ на протяжении XV—XVI вв., но в большинстве случаев из-за требований, связанных с объемом публикаций, мешало глубоко исследовать отдельные узкие вопросы и со временем, вероятно, привело даже к некоторому застою в области изучения летописания ВКЛ. Теперь же многие исследователи стремятся перейти от общего рассмотрения летописных сводов ВКЛ к детальному текстологическому и историческому изучению отдельных нарративных произведений, входящих в их состав, начиная с наиболее древнего пласта текстов. Такой подход видится мне наиболее перспективным. Вместе с тем обзор историографии позволяет констатировать, что комплексного источниковедческого и исторического исследования «Летописца великих князей литовских» до сих пор не проводилось. Таким образом, настоящая работа посвящена «Летописцу великих князей литовских», а также связанным с ним памятникам, включая «Witoldes sache» и «Повесть о Подолье», и касается таких вопросов, как взаимосвязи между старейшими списками и редакциями, происхождение, состав, источники, авторство и степень достоверности этих произведений. При этом я придерживаюсь той точки зрения, что «Летописец великих князей литовских» и «Повесть

русского племени. Вып. 2 : Старая западнорусская письменность. Пг. : 12-я Гос. тип., 1921. С. 99—100.

[102] *Морозова Н. А.* Виленский список «Летописца великих князей литовских» — языковые особенности и состав // Slavistica Vilnensis. 1995. Vilnius, 1997. [Kalbotyra. 45 (2)]. С. 26—45; *Morozova N.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės metraščių kalbos ir tekstologijos problemos: Bychovco kronika. Daktaro disertacijos santrauka. Vilnius, 2001.

[103] *Citko L.* «Kronika Bychowca» na tle historii i geografii języka białoruskiego. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006.

[104] *Мароз В. К.*: 1) Мова беларускага летапісання. Манаграфія. Мінск : БДТУ, 2008; 2) Летапісы і хронікі ў кантэксце фарміравання беларускай літаратурнай мовы старажытнага перыяду. Манаграфія. Мінск : Акадэмія МУС, 2011.

[105] *Grabowska K.* Język Latopisu supraskiego 1519 r. (Fonetyka. Fleksja. Słownictwo). Praca doktorska napisana pod kierunkiem dr hab. L. Citko, prof. UwB. Białystok, 2017.

о Подолье» хотя и взаимосвязаны между собой, все же являются разными произведениями.

В классическом труде Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» подробно описаны этапы и методика исследования исторического источника. Вначале на стадии так называемой «внешней подготовительной критики» восстанавливается наиболее близкий к протографу текст источника на основе сохранившихся копий. Затем осуществляется «критика происхождения» источника, т. е. по возможности даются ответы на вопросы, откуда происходит источник, кто его автор или авторы, к какому времени он относится, какие источники использовались при его создании. На второй стадии — стадии так называемой «внутренней критики» — производится истолкование смысла источника, оцениваются достоверность и точность его известий, определяются частные факты, сопоставляемые со сведениями других источников[106].

Руководствуясь таким подходом, я разделил настоящее исследование на три этапа. На первом этапе установлены взаимоотношения между списками и редакциями «Летописца великих князей литовских» и связанных с ним текстов и реконструировано содержание архетипа этого памятника[107]. На втором этапе определены источники, приблизительное время создания и возможное авторство хроник. На третьем этапе подготовлен подробный комментарий к «Летописцу великих князей литовских», «Witoldes sache» и «Повести о Подолье», оценена степень достоверности изложенных в них известий.

Первый этап: текстологическое исследование. В ходе исследования проанализирована взаимозависимость между различными списками и редакциями «Летописца великих князей литовских», а также летописной «Повести об осаде Мстиславля», которая, возможно, послужила одним из источников для второй части «Летописца». Для этого использован метод текстологического сопоставления и критики схожих и различающихся чтений. В результате этой работы определена история и последовательность возникновения различных списков и редакций, начиная с самых ранних. Затем на основе текстологических наблюдений проведена реконструкция содержания архетипов первой и второй частей «Летописца великих князей литовских»: иными словами, восстановлено содержа-

---

[106] *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. Изд. 2, под ред. и со вступ. статьей Ю. И. Семенова. М. : ГПИБ, 2004. С. 89—197.

[107] По определению Д. С. Лихачева, «предполагаемый текст, от которого пошли все остальные тексты списков данной редакции, принято называть архетипом редакции» (*Лихачев Д. С., Алексеев А. А., Бобров А. Г.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 3, перераб. и доп. СПб. : Алетейя, 2001. С. 143).

ние их первоначальных текстов, которые с ошибками, разночтениями и лакунами отразились в последующих списках. Тексты реконструированных архетипов для удобства использования переведены на современный русский язык (см. Приложение 1). Необходимость такого перевода обусловлена тем, что помимо списков на западнорусском языке существует важный список на латыни («Origo regis»). К переводам архетипов подведен текстологический комментарий с перечнем и характеристикой чтений, на основе которых проведена реконструкция.

В отношении «Witoldes sache» реконструкция архетипа не проводилась, поскольку его текст сохранился только в одном списке на средневерхненемецком языке. Оригинальный текст памятника заново подготовлен к печати по фотоснимкам рукописи из Тайного государственного архива Прусского культурного наследия в Берлине. Кроме того, осуществлен перевод «Witoldes sache» на русский язык.

Важным компонентом исследования стал текстологический анализ той редакции «Летописца великих князей литовских», которая вошла в состав третьего летописного свода ВКЛ (известного по хронике Быховца и Вавельскому фрагменту). Главной задачей было выявить и охарактеризовать с источниковедческой точки зрения интерполяции, внесенные в тексты этих редакций составителями или редакторами третьего летописного свода ВКЛ. Поскольку хроника Быховца была впервые опубликована Т. Нарбутом, неоднократно уличавшимся в использовании и публикации фальсификатов, а оригинал хроники утрачен, проверено также, нет ли в редакции «Летописца великих князей литовских», вошедшей в хронику Быховца, интерполяций, внесенных самим Нарбутом.

Второй этап: определение источников и авторства. Сделана попытка определить круг документальных источников, использованных при создании «Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье». При этом учитывались методологические наработки ряда российских и украинских ученых второй половины XX — начала XXI в., работавших над проблемой выявления документальных источников древнерусских летописей (Б. А. Рыбакова, В. Т. Пашуто, В. Ю. Франчук, А. В. Юрасовского, О. А. Купчинского, Я. Р. Дашкевича).

При проверке гипотезы об использовании материалов канцелярии ВКЛ для создания фрагмента «Летописца великих князей литовских» о событиях с 1392 по 1396 г. применялись некоторые методы сравнительного анализа. В частности, осуществлена формализация содержания соответствующего фрагмента «Летописца великих князей литовских»: большинство хроникальных сообщений разделено по географическим блокам (новогородский, витебский, подольский и киевский, смоленский) и типам (записи о пожалованиях Витовта, о вассальных присягах удельных князей Витовту, об отправке войск, осадах городов и походах с участием Витовта, распоряжениях Витовта, о различных официальных до-

кументах и материалах). Кроме того, интересующие нас сообщения общерусских летописных сводов разделялись на структурные элементы и затем сравнивались между собой по таким признакам, как наличие тех или иных структурных элементов, их сочетание, порядок расположения, полнота и взаимозависимость. Этот метод применен для того, чтобы проверить, мог ли послужить источником для соответствующего фрагмента «Летописца великих князей литовских» (например, о взятии Смоленска в 1395 г.) какой-либо из известных ныне общерусских летописных сводов или гипотетическая смоленская летопись.

При характеристике состава «Летописца великих князей литовских» учтены также исследования, посвященные его языковым особенностям и размежеванию церковнославянского и западнорусского языковых пластов в тексте хроники.

Далее предпринята попытка определить авторство второй части «Летописца великих князей литовских». Приведены и систематизированы некоторые аргументы, позволяющие считать наиболее вероятным кандидатом в авторы этого произведения писаря Якуба, который работал в канцелярии ВКЛ с конца 40-х по 70-е гг. XV в.

Третий этап: подготовка комментария и оценка достоверности хроник. Для количественной оценки достоверности нарративного источника разработан специальный структурно-аналитический подход. В его основе лежит разделение реконструированных архетипов хроник на отдельные смысловые элементы и подэлементы. Целесообразность структуризации текста исследуемого источника в свое время обосновали Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, которые писали: «Критиковать документ полностью нельзя. Нужно принять за правило анализировать документ по его составным элементам, чтобы выделить все входящие в него самостоятельные свидетельства и исследовать каждое отдельно. Часто одна фраза содержит несколько свидетельств; необходимо их изолировать друг от друга и критиковать каждое отдельно»[108]. В «Witoldes sache», например, таких смысловых элементов и подэлементов выделено около 80. Все они оценены на предмет достоверности с привлечением других источников. Смысловой элемент в данном случае — это понятие, обозначающее не сам по себе фрагмент источника на языке оригинала, а аналитический конструкт, образованный исследователем по правилам логики исходя из его понимания смысла изучаемого фрагмента источника (в том числе по результатам исследования текстологии, происхождения, источников, синтаксиса и семантики исследуемого памятника); смысловой подэлемент — это в свою очередь компонент, выделяемый в структуре более крупного смыслового элемента. Слабой, хотя и неотъемлемой стороной такой методики является некоторый субъективизм при определении

[108] *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. С. 158.

смысловых элементов и подэлементов, поскольку это зависит от умения историка задавать вопросы источнику и вообще от комплекса вопросов, интересующих историка. Это неизбежно, поскольку понимание текста читателем и толкователем всегда имеет личностную окраску. Сама необходимость предпонимания, понимания и истолкования текста естественным образом вводит нас в круг вопросов, рассматриваемых различными теориями герменевтики; даже необходимость структуризации исследуемого текста в широком смысле отсылает нас к теории герменевтического круга, описывающей понимание целого через понимание отдельных частей, и наоборот[109]. Иными словами, следует отдавать себе отчет в том, что у другого исследователя выделенные смысловые элементы и подэлементы могли бы быть несколько иными по содержанию и количеству.

Необходимо также разъяснить используемое здесь понятие «достоверность», которое в источниковедческом аспекте является не вполне однозначным и прозрачным. Разумеется, автор исследования не претендует на владение некоей «абсолютной исторической истиной». У меня нет эталона, который бы позволял мне судить, «как было на самом деле», и уверенно квалифицировать те или иные известия как «достоверные» или «недостоверные». Ни один исторический источник и ни одно исследование, построенное на исторических источниках, не могут претендовать на исчерпывающее и единственно правильное отражение прошлого (хотя любое исследование, конечно же, должно основываться на научных принципах и быть максимально объективным). Более того, я не исключаю возможности, что в историческом источнике повествование, составленное из формально «достоверных» элементов, тем не менее как единое целое может быть целиком или частично недостоверным. В целом в ходе настоящего исследования я исходил из общепринятой практики — определять достоверность тех или иных известий путем сопоставления и сверки сообщений различных исторических источников, аутентичность которых подтверждена с помощью источниковедческих процедур. Соответственно в нашем случае определение достоверности известий изучаемых хроник означает установление того, в какой степени и по каким аспектам они подтверждаются или опровергаются известиями независимых источников. За основу отчасти взята методика критических разборов, которая использовалась в польской историографии при изучении хроники Яна Длугоша[110]: проводится комплексный анализ достоверности каж-

---

[109] См.: *Тисельтон Э.* Герменевтика / пер. с англ. О. Розенберг. Черкассы, 2011.

[110] *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków : Wydawnictwo Akademii Umiejętności, 1887; *Kuczyński S. M.* Rozbiór krytyczny roku 1385 «Dziejów polskich» Jana Długosza // Studia Źródłoznawcze. 1958. T. 3. S. 213—254; Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat

дого фрагмента текста с привлечением максимально возможного объема других аутентичных источников — письменных, археологических, нумизматических и т. д. При этом детально проверяется фактология хроник и особое внимание уделяется историко-сравнительному анализу моделей представлений о тех или иных событиях, которые отразились в изучаемых хрониках и в других исторических источниках — польских, немецких, русских. Это помогает определить политическую и идеологическую направленность, а также дополнительно оценить степень достоверности различных сообщений «Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье».

Применяемая методика предусматривает четыре категории оценок. Первая категория — известие не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто независимыми источниками. Вторая — известие прямо подтверждается независимыми источниками. Третья — известие косвенно подтверждается независимыми источниками (хотя прямых свидетельств нет, известие можно подтвердить на основе логических умозаключений и комбинирования доводов). Четвертая — известие целиком или частично противоречит известиям независимых источников. Кроме того, учитывается полнота информации и манера повествования (от лица участника или очевидца событий), а также взаимная непротиворечивость известий, представленных в одном или нескольких изучаемых нарративных произведениях.

Для чистоты эксперимента под «независимыми» понимаются все источники, отличные от изучаемых хроник, т. е. от «Летописца великих князей литовских», «Witoldes sache» и «Повести о Подолье».

1385—1444. T. 1 / oprac. S. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska, K. Stachowska ; pod kierunkiem J. Dąbrowskiego. Wrocław : Wyd. PAN, 1961.

Глава 1

Текстологическое исследование

Вопросы терминологии

В рамках настоящего исследования я решил отказаться от принятых в предшествующей литературе терминов «литовское», «западнорусское», «белорусское» и «белорусско-литовское летописание», поскольку они не совсем точно и полно передают суть описываемого явления. Нельзя исключать варианта, что изучаемые летописные и хроникальные памятники, например вторая часть «Летописца великих князей литовских» и «Повесть о Подолье», полностью или частично могли быть созданы на территории Южной Руси или выходцами из южнорусских земель (в частности Волынской, Киевской, Подольской), поэтому более корректным представляется термин «летописание Великого княжества Литовского».

Касательно «Witoldes sache» терминологический вопрос заключается в выборе между тремя вариантами названия. В оригинале памятник называется «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln» («Это дело Витовта против Ягайла и Скиргайла»). В польской историографии начиная со второй половины XIX в. прочно закрепилось название «Memoriał Witolda», отсылающее к латинскому термину «memorialia» («мемуары, воспоминания»). В литовской историографии «Witoldes sache» иногда именуется «Жалобой Витовта» («Vytauto skundas») или «Запиской Витовта» («Vytauto užrašas»). Название «жалоба» отличается излишними экспрессивными коннотациями. Корректнее всего, конечно, было бы сохранить изначальное название на средневерхненемецком языке, но это создает неудобства стилистического характера. По итогам изучения этого произведения неправильными представляются также названия «Мемориал Витовта» и «Записка Витовта», так как они априори указывают на то, что это произведение якобы изначально создавалось Витовтом как письменный документ. Поэтому в качестве компромиссного варианта выбрано относительно нейтральное сокращенное название «Witoldes sache».

Дополнительного разъяснения требует также выбор названия «Летописец великих князей литовских», так как оно встречается далеко не во всех списках, отражающих раннюю редакцию этого произведения. Так, заголовок «Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae» переводится как «Происхождение короля Ягайла и Витовта, князей Литвы». В Виленском и Слуцком списках заголовка нет — в первом по неясным причинам, а во втором — из-за дефекта рукописи. В Академическом списке текст озаглавлен «Летописець великих князей литовских»; то же, но с орфографическими отличиями, читаем в Супрасльском списке: «Летописець великых князеи литовъскых». В списке Дубровского заголовок звучит как «Литовскомоу рwдоу починокъ», в Погодинском — «Родство великихъ князеи литовскихъ».

Таким образом, текст, легший в основу «Origo regis», еще не назывался «Летописцем великих князей литовских». Судя по Академическому и Супрасльскому спискам, общее название «Летописец великих князей литовских» первая и вторая части этого произведения получили только после того, как были объединены в составе первого летописного свода ВКЛ. Что же касается заголовков в списках Дубровского и Погодинском, то они возникли за пределами Великого княжества Литовского — в Великом Новгороде, причем относительно поздно, в XVI в. По этим причинам наиболее близким к протографу двухчастного варианта мне представляется заголовок «Летописец великих князей литовских», который и используется в настоящем исследовании.

Вместе с тем начиная со второй половины XIX в. (с публикации Слуцкого списка А. Н. Поповым и с исследования С. Смольки) наметилась тенденция называть этот памятник не «Летописцем», а «Летописью великих князей литовских». Так он именуется иногда и в современной белорусской историографии. Прослеживается даже определенное противоречие: при публикациях перевода или реконструкции текста В. А. Чемерицким используется название «Летопись великих князей литовских», однако в статьях того же автора в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» и энциклопедии «Вялікае княства Літоўскае» употребляется название «Летописец великих князей литовских».

Насколько можно судить, разница между древнерусскими «летописцами» и «летописями» состояла или по крайней мере подразумевалась в том, что «летописцы» охватывали относительно краткий хронологический период или были посвящены событиям преимущественно в каком-либо отдельно взятом регионе. Однако разница эта была чаще всего размыта: например, в Рогожском летописце региональный охват довольно велик. По своей структуре и «летописцы», и «летописи» были практически одинаковыми, так как состояли из отдельных погодных записей. Если брать древнерусскую терминологию, то в узком смысле «Летописец великих князей литовских» нельзя назвать ни «летописцем», ни «летопи-

сью», поскольку в этом произведении нет записей по годам и вообще нет дат (хотя во второй части встречаются летописные клише «того ж лета», «тое ж зимы» и т. д.). Как справедливо отметил В. А. Чемерицкий, это произведение представляет собой скорее «документальную историческую повесть-хронику»[111].

С другой стороны, на территории Великого княжества Литовского в XV—XVI вв. слово «летописец» обычно использовалось как синоним слова «кроиника» («хроника»), означая любое нарративное историческое произведение, а случаев употребления слов «летопись, летопис» за тот период ни в «Гістарычным слоўніку беларускай мовы», ни в «Словнику староукраїнської мови XIV—XV ст.» вообще не зафиксировано[112]. Можно поэтому предполагать, что в Академическом и Супрасльском списках понятие «летописец» употреблено уже не в древнерусском значении, а в том специфическом значении, которое это слово приобрело на территории ВКЛ.

Понятие «старобелорусский язык» применительно к языку летописей, хроник, законодательных и деловых документов Великого княжества Литовского XIV—XV вв. мне кажется не вполне корректным, хотя бы потому, что в языке деловой письменности ВКЛ вплоть до первой половины XVI в., согласно исследованию Хр. Станга, прослеживаются волынские влияния[113]. Поэтому в настоящем исследовании этот язык обобщенно называется «западнорусским», хотя необходимо учитывать, что в аутентичных письменных источниках конца XIV—XVI вв. он назывался «руским». Он идентичен «западнорусскому (рутенскому)» языку в соответствии с определением, которое дал ему Вяч. Вс. Иванов в своей обзорной работе о языках ВКЛ[114]. При этом нельзя отрицать того, что западнорусский язык некоторых кириллических письменных памятников, создававшихся в XIV—XV вв. на территории Великого княжества Литовского (включая Смоленскую, Холмскую и Подольскую земли), Галицкой Руси и Молдавии, содержал ту или иную примесь церковнославянского языка.

Название «Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское», а в краткой форме «Великое княжество Литовское», закрепилось за страной относительно поздно — в XV в., т. е. спустя полтора — два столетия после

---

[111] *Чемерицкий В. А.* Летописи // История белорусской дооктябрьской литературы. Минск : Наука и техника, 1977. С. 58.

[112] ГСБМ. Вып. 17 : Лесничий — местский. Мінск : Беларуская навука, 1998. С. 16; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1 : А — М. Київ : Наукова думка, 1977. С. 564.

[113] *Stang Chr. S.* Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo : Dybwad, 1935. S. 163.

[114] *Иванов В. В.* Языки, языковые семьи и языковые союзы внутри Великого княжества Литовского // Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages. Moscow : Языки, языковые семьи, 2005. С. 100—102.

того, как это государственное образование появилось на политической карте Восточной Европы. При этом сначала возник соответствующий титул монарха, а уж затем на его основе было образовано название государства. Первый случай использования названия «Великое княжество Литовское» («ducatus magni Lithuanie») в документальных источниках, созданных непосредственно в государственной канцелярии, датируется 2 января 1430 г.[115] Таким образом, хотя в дальнейшем я буду для удобства применительно к XIV столетию пользоваться устоявшимися терминами «Великое княжество Литовское», «великий князь литовский», следует, конечно, оговориться, что для той эпохи они носят условный характер.

«Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln»

Одним из старейших нарративных источников по истории Великого княжества Литовского за вторую половину XIV в. является «Witoldes sache». Текст этого произведения был записан на средневерхненемецком языке, на котором велось официальное делопроизводство в прусской части Тевтонского ордена. Единственный список, дошедший до нашего времени, находится в Берлине в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz) в сборнике под сигнатурой XX. HA, OF 1b. В XIX в. этот сборник был частью кодекса Registrant F (A228), составляя его л. 19—58 об. В 1876 г. по инициативе директора Прусского государственного архива в Кенигсберге Рудольфа Филиппи Registrant F, наряду с некоторыми другими старейшими кодексами, созданными в канцелярии Тевтонского ордена, был расшит и разделен на несколько частей: одну часть составил интересующий нас сборник OF 1b, другая вместе с некоторыми материалами из Registrant H вошла в сборник OF 89a[116], а остальные документы были включены в состав Ordensbriefarchiv[117]. После выделения сборника OF 1b

---

[115] *Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1930. R. 44. T. 1. Zesz. 1. S. 331; *Дзярновіч А. І.* Ab ovo: што з'явілася спачатку — вялікі князь літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? // Studia historica Europae Orientalis. Минск : РИВШ, 2009. Вып. 2. С. 40.

[116] В настоящее время: GStAPK, XX. HA, OF 89a. Elbingische Privilegia von 1246 bis 1457, Zweiter Thorner Frieden, deutsche Übersetzungen. 1246—1495 гг.

[117] Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525. P. 1. Index Tabularii Ordinis S. Mariae Theutonicorum, Regesten zum Ordensbriefarchiv. Vol. 1 : 1198—1454 / bearb. E. Joachim ; hsgb. von W. Hubatsch. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1948. S. VIII; *Jähnig B.* Das älteste Findbuch der Deutschordensfolianten (um 1525) und deren Schicksal(e) im 19. Jahrhundert // Deutschsprachige Literatur des Mittelalters im östlichen Europa. Forschungsstand und Forschungsperspektiven / hrsg. von R. Päsler und D. Schmidtke. Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2006. S. 38.

в отдельную архивную единицу хранения нумерация листов в нем не поменялась, т. е. первый лист по-прежнему имеет номер 19 и т. д. Почерк сборника OF 1b — немецкий готический курсив конца XIV в. По мнению К. Лукаса, сборник переписан одной рукой и как составная часть прежнего кодекса Registrant F возник около 1390 г. в канцелярии Тевтонского ордена[118]. Однако terminus post quem для создания этой рукописи как составной части Registrant F все же составляет 1392 г., поскольку в сборнике имеются материалы, датируемые этим годом. Сохранность текста «Witoldes sache» очень хорошая.

Рукопись OF 1b в ее нынешнем виде имеет следующий состав:

- Л. 19—21 об.: копии нескольких документов галицко-волынских князей, в частности Андрея и Льва (1316), Юрия (1325, 1327, 1334, 1335) в переводах на средневерхненемецкий язык[119].
- Л. 22 об.—24 об.: «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln».
- Л. 24 об.—25: сокращенное изложение документа, выданного Ордену жемайтскими боярами (1390); перечень бояр в нем опущен[120].
- Л. 25—25 об.: описание предлагаемой конфигурации границ от р. Невяжи до р. Западной Двины и краткие инструкции относительно переговоров с королем Польши (без даты).
- Л. 26—34: материалы переговоров между Польским королевством и Орденом, в том числе жалоба короля Польши Владислава (Ягайла) на действия Ордена (1388)[121].
- Л. 35—36 об.: копия документа великого магистра Конрада Цёлльнера фон Ротенштайна с согласием на предложение послов папы Бонифация IX о встрече с представителями Польского королевства и ВКЛ (1390)[122].
- Л. 37—40 об.: тезисы послов папы Бонифация IX и ответ на них великого магистра (1390) — на латыни и на средневерхненемецком языке[123].

---

[118] *Lukas K.* Das Registerwesen der Hochmeister des Deutschen Ritterordens, maschinenschriftl. Phil. Diss. Königsberg 1921 // Regesten zu den Briefregistern des Deutschen Ordens: die Ordensfolianten 2a, 2aa und Zusatzmaterial / hsgb. und bearb. von S. Kubon und J. Sarnowsky. Göttingen : V&R Unipress, 2012. S. 251.

[119] Публикация по оригиналам на латыни: *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів : Наукове товариство ім. Шевченка, 2004. С. 145—187.

[120] См.: CEV / Collectus opera A. Prochaska. Kraków : Druk. Wł. L. Anczyca i sp., 1882. S. 23—24.

[121] Текст и датировку жалобы см.: SRP. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. Bd. 2. S. 714—715.

[122] CDP. Königsberg : Bei den Gebrüdern Bornträger, 1853. Bd. 4. S. 106—108.

[123] CEV. S. 21—23 (латинский текст).

- Л. 41—48: ряд материалов, касающихся истории Ливонии (1388, 1392).
- Л. 48 об.— 50: копии документов о передаче Тевтонскому ордену Селонии и Жемайтии, составленных от имени князя Миндовга (1255, 1257, 1261)[124]; в том числе подписи свидетелей, удостоверивших подлинность представленных документов (1392).
- Л. 50 об.—51 об.: фальсификат документа императора Священной Римской империи Фридриха II о передаче Тевтонскому ордену земель Пруссии, Литвы и Руси (1245) на немецком языке.
- Л. 52—58 об.: материалы переговоров о мире между Польским королевством и Тевтонским орденом (1343), в том числе копии документов короля Польши Казимира и мазовецких князей Земовита II, Земовита III и Болеслава, касающихся взаимоотношений с Тевтонским орденом; здесь же ряд документов короля Венгрии Карла и короля Чехии Иоганна (1335).

Текст «Witoldes sache» был известен уже немецкому историку И. Фойгту (1786—1863), цитировавшему выдержки из него[125]. Впервые полностью он был опубликован в 1863 г. немецким ученым Т. Гиршем, предложившим датировать его возникновение 1390 г. — временем, когда Витовт вторично по политическим причинам выехал в Пруссию под опеку Тевтонского ордена[126]. Такая датировка не вызывает возражений. В 1939 г. текст был переиздан и проанализирован литовским филологом К. Альминаускисом[127]. Ему же принадлежит перевод на литовский язык, переизданный в 1971 г.[128] Кроме того, текст «Witoldes sache» частично переводился на польский язык Ф. Конечным — фрагмент о событиях до

---

[124] Міндаў кароль Літовіі ў дакументах і сьведчаньнях / уклад., падрыхт. да выд., пераклад А. Жлуткі. Мінск : Тэхналогія, 2005. С. 28—31, 34, 41—43.

[125] *Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. 5 : Die Zeit vom Hochmeister Ludolf König von Weizau 1342 bis zum Tode des Hochmeisters Konrad von Wallenrod 1393. Königsberg : Bornträger, 1832. S. 364.

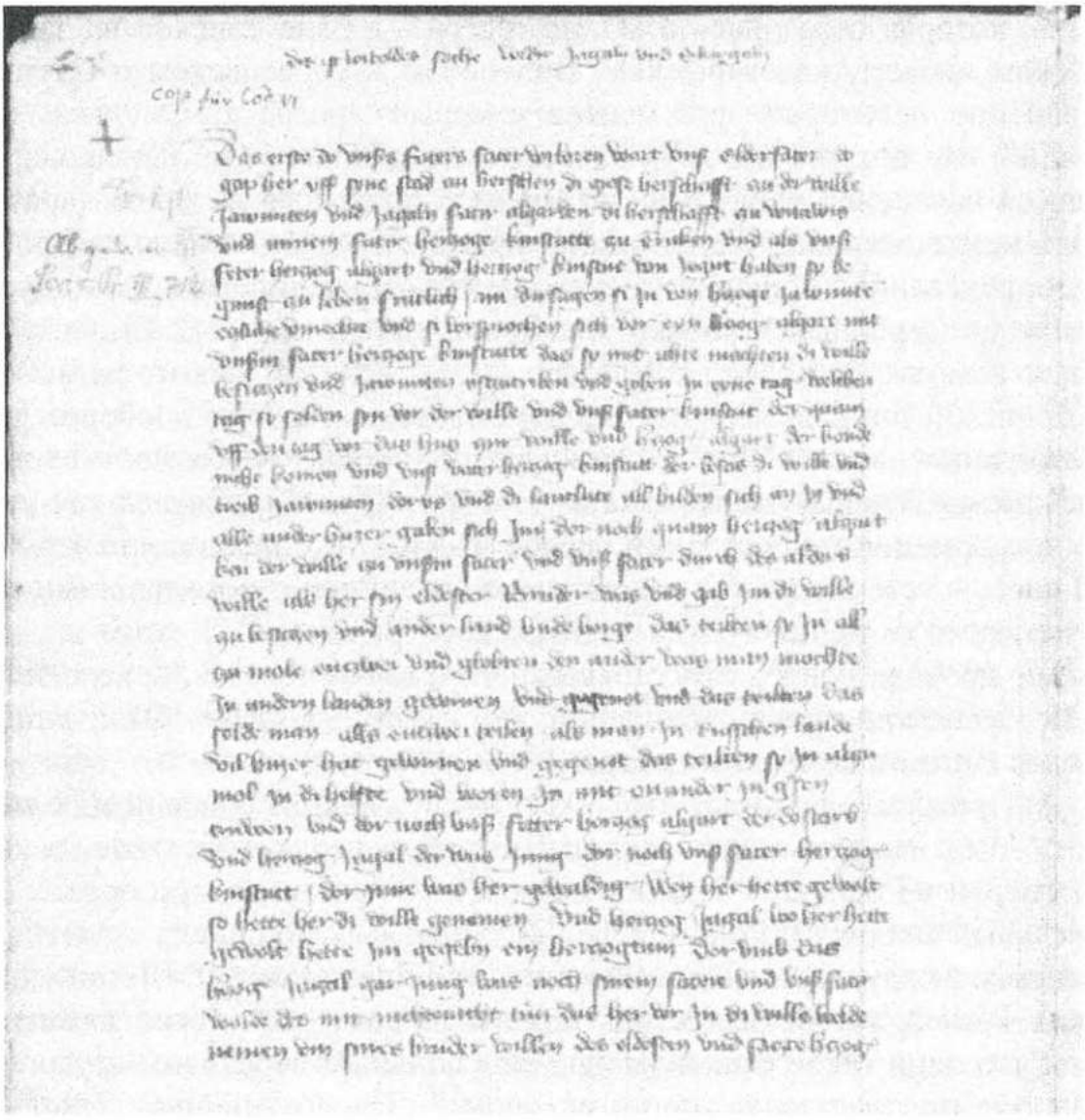
[126] Ein Bericht Herzog Witowds von Littauen 1390 / hrsg. von T. Hirsch // SRP. Bd. 2. S. 711—714.

[127] *Alminauskis K.* Vytauto skundas. P. 182—224. Хотя в издании К. Альминаускиса текст передан более корректно, чем у Т. Гирша, в нем все же содержится несколько дискуссионных чтений, не считая тех неточностей, которые упомянуты в Errata («vnde» в нескольких позициях вместо «vnd», «ontliff» вместо «entliff», «Aigemunden» вместо «Augemunden» и т. д.).

[128] Lietuvos metraštis. Bychovco kronika. P. 179—183; в этой публикации, к сожалению, пропущен перевод одной фразы, а именно: «Do sante czu minem fatere vnd czu mir herczog Jagal seinen bruder herczogen Skirgal vnde begonste czu ruffen vn*ser*m fatere bi dem namen, das wir vns mit enander besprechen jnguten».

1382 г.[129], и целиком на белорусский язык автором этих строк[130] — но с некоторыми ошибками и неточностями, которые, по возможности, исправлены в настоящей работе. На английском языке содержание памятника изложено в работе Г. Мицкунайте[131].

Заголовок «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln», содержащийся на поле рукописи, как и в случае с другими материалами сборника OF 1b, был дан переписчиком или редактором манускрипта для того,



Первая страница «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln». Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz

[129] Teksty źródłowe do nauki historii w szkole średniej. Z. 22. Dzieje Litwy i Rusi / przedstawił F. Koneczny. Kraków : Nakładem Spółki Wydawniczej, 1924. S. 29—31.

[130] *Ліцкевіч А. У.* «Мемарыял Вітаўта» — першая хроніка Вялікага княства Літоўскага // Беларуская думка. 2009. № 2. С. 92—96.

[131] *Mickūnaitė G.* From Pamphlet to Origin Theory … P. 156—165.

чтобы читатель мог легче ориентироваться в его содержании; иными словами, в исходном тексте, на основе которого возникла копия в составе OF 1b, такого заголовка не было. Судя по нескольким зачеркнутым опискам, этот исходный текст, с которого переписчик сделал копию, находящуюся в составе OF 1b, также был написан на средневерхненемецком языке.

В части, описывающей события до 1382 г. включительно, т. е. до первого отъезда Витовта в Пруссию, «Witoldes sache» обнаруживает большое сходство с первой редакцией «Летописца великих князей литовских», которая отразилась в «Origo regis» и в ряде списков на западнорусском языке (Академическом, Виленском, Супрасльском и Слуцком). Сравнение некоторых фрагментов впервые провел С. Смолька, отметивший, что построение двух текстов в некотором роде одинаково, особенно в начальной части, где, по мнению польского историка, «разница столь незначительна, что ее можно принять исключительно за проявление определенной вольности перевода, обусловленное тем, что переводчик не придерживался рабски дословной точности»[132]. С. Смолька пришел к выводу, что автор «Witoldes sache» вряд ли прямо заимствовал текст из «Летописца великих князей литовских» (либо, наоборот, автор «Летописца» — из «Witoldes sache»), но вполне вероятно, что текст, близкий к «Witoldes sache», каким-то образом использовался как источник информации при создании первой части «Летописца»; при этом первая часть «Летописца» была дополнена сведениями, исходившими непосредственно от великого князя литовского Витовта[133]. К этим же выводам, не проводя нового самостоятельного анализа текстов, присоединился Ф. П. Сушицкий, предположивший, что «Witoldes sache» было записано со слов Витовта немецким писарем[134].

А. Прохаска посчитал, что текст, послуживший основой для «Origo regis», был написан в канцелярии Витовта в первые десятилетия после его смерти на основе «Witoldes sache»[135]. К. Альминаускис провел сравнительный анализ «Witoldes sache» и Супрасльского списка, отметив, что различия между отдельными частями «Witoldes sache» и «Летописца великих князей литовских» столь незначительны, что можно даже подумать, что один такой фрагмент является вольным переводом другого или даже что они написаны одним автором[136]. По его мнению, текст «Witoldes sache» был продиктован Витовтом, возможно, во время переговоров с Орденом в январе 1390 г. на пограничной реке Элк, когда он соби-

---

[132] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki … S. 45.
[133] Ibid. S. 46—47.
[134] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи … С. 149.
[135] *Prochaska A.* Latopis litewski … S. 31.
[136] *Alminauskis K.* Vytauto skundas. P. 220—223.

рался во второй раз бежать в Пруссию; к созданию памятника могли иметь какое-то отношение участвовавшие в переговорах сановники Ордена Маркварда фон Зальцбах и граф фон Рейнеке. Спустя несколько лет, перед заключением Салинского договора 1398 г., была написана первая часть «Летописца великих князей литовских», автору которой мог быть известен текст «Witoldes sache»[137]. Надо сказать, что К. Альминаускис здесь почему-то обошел полным молчанием работы своих предшественников (С. Смольки, А. Прохаски, Я. Якубовского, Ф. П. Сушицкого и др.), которые занимались вопросами возникновения «Летописца».

Со своей стороны, М. Ючас высказал мнение, что «Witoldes sache» Витовту предложили написать власти Тевтонского ордена в 1390 г., чтобы использовать такое произведение для идеологической борьбы против ВКЛ. Затем, приблизительно в 1429—1430 гг., текст «Witoldes sache», переведенный со средневерхненемецкого на западнорусский язык и хранившийся в канцелярии ВКЛ, был использован для создания «Летописца великих князей литовских»[138]. В. А. Чемерицкий признал, что хотя «Летописец великих князей литовских» и «Witoldes sache» во многом близки между собою по содержанию и общей направленности, их сравнение не выявляет непосредственной текстуальной зависимости, а сходство этих произведений объясняется тем, что два разных автора пользовались общим источником — устной информацией самого князя Витовта[139]. Наконец, С. В. Полехов посчитал, что «дословные совпадения текста *Мемориала* (т. е. «Witoldes sache». — *О. Л.*) с первой частью "Летописца великих князей литовских" говорят о том, что *Мемориал* оставался в архиве Витовта и после его возвращения в Литву в 1392 г.»[140].

В строгом смысле «Witoldes sache» не является хроникальным произведением, поскольку повествование в нем ведется от первого лица, от имени Витовта. С другой стороны, «Witoldes sache» трудно признать и неким эпистолярным произведением, адресованным великому магистру или всем сановникам Тевтонского ордена. Так, название Витебска в нем встречается трижды и всякий раз в новой транскрипции: Witawis, Witebiske, Witebis. Если бы этот текст на средневерхненемецком языке писал сотрудник канцелярии Витовта, то он вряд ли допустил бы такой орфографический разнобой. Если же предположить, что этот текст переводился с западнорусского оригинала на средневерхненемецкий уже со-

---

[137] Ibid. P. 186, 224.

[138] *Jučas M.*: 1) Lietuvos didžiųjų kunigaikščių metraštis. P. 113—114, 120—121; 2) Lietuvos metraščiai ir kronikos. P. 30, 32, 33, 39.

[139] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы ... С. 111; Летапісы і хронікі Вялікага княства Літоўскага ... С. 17—18.

[140] *Полехов С. В.* Летописная Повесть о Подолье как исторический источник. С. 112.

трудниками канцелярии Ордена, то возникает вопрос, зачем же было Витовту создавать послание, предназначенное для властей Ордена, на западнорусском языке, а не изначально на средневерхненемецком. Кроме того, текст «Witoldes sache» обрывается буквально на полуслове и не имеет никаких признаков, свойственных формуляру эпистолярного послания. На неканцелярское происхождение «Witoldes sache» указывают также характерные для устной речи интонационные паузы и отступления. Например, рассказывая о событиях, последовавших после смерти Ольгерда, автор упоминает было Кейстута: «Vnd dor noch vn*ser* fetter herczog Algart der do starb vnd herczog Jagal der was jung, dor noch vn*ser* fater herczog Kinstutt...» — и тут же прерывает свою мысль, чтобы сделать обширное отступление о том, что Кейстут был могущественным и мог бы убрать Ягайла из Вильно, дав ему какое-нибудь удельное княжество: «...dor jnne was her gewaldig, wen her hette gewolt, so hette her di Wille genomen vnd herczog Jagal, wo her hette gewolt, hette jm gegeb*e*n ein herczogtum, dorvmb das h*er*czog Jagal gar jung was noch sinem fatere...» Разъяснив это, автор вновь возвращается к прежней нити повествования: «...vnd vn*ser* fatir wolde des mit nichtenicht tu*e*n, das her vor jn di Wille wolde nemen vm sines bruder willen des eldesten». Подобная сбивчивость изложения не совсем присуща официальному эпистолярному стилю.

Остается присоединиться к мнению тех ученых (начиная с Ф. П. Сушицкого), которые предполагали, что «Witoldes sache» представляет собой запись выступления Витовта перед высшими сановниками Тевтонского ордена. Ранее, в 1382—1384 гг., Витовт уже находился на территории Ордена в Пруссии как князь-изгнанник, но, изменив своим новым союзникам — крестоносцам, вернулся в Великое княжество Литовское. Соответственно, после вторичного отъезда в Пруссию в начале 1390 г. Витовт вынужден был объяснить властям Ордена причудливые хитросплетения своей прежней политики и причины своей измены, совершенной в 1384 г. Немецкий писарь записал перевод этого выступления, причем запись велась на слух без последующего редактирования, чем и объясняются различия в написании названия Витебска, а также стилистические особенности, свойственные устной речи. Затем этот перевод был включен в Registrant F. Запись выступления невозможно датировать январем 1390 г., поскольку в тексте ясно сказано, что прошел год со времени Люблинского съезда, состоявшегося в мае 1389 г. В отреставрированном замке в Мальборке (бывшем Мариенбурге) показывают зал, в котором проходили официальные встречи и приемы делегаций: все сановники Ордена рассаживались на скамьях вдоль стен в зависимости от своего статуса, а справа от кресла великого магистра, если стоять к нему лицом, располагалась специальная кафедра для писаря, записывавшего выступления или готовившего документы по итогам обсуждений. Возможно, в такой обстановке и был записан текст «Witoldes sache».

Неясно, правда, на каком языке выступал сам Витовт. По мнению Ф. П. Сушицкого, — на литовском[141], но ни одного аргумента исследователь не привел. Зато в средневерхненемецком тексте остались непереведенными три слова, которые можно принять за славянизмы, — «темница» (temenitczen), «воевода» (woywoden), «бояре» (baiorn). Белорусский эмигрантский историк П. Урбан причислял к этим славянизмам также слово «ез», которое усмотрел в фразе про пытки бояр Витовта «vnd marterten sy mit wasser vnd smitten sy in jsen vnd saczte*n* sy jn temenitczen». Бояр будто бы привязывали к «езам» (jsen) и окунали в воду[142]. Такая трактовка, кажется, вызвана недоразумением: слова «smitten sy in jsen» из оригинала вполне уверенно переводятся как «заковали их в железо» (smitten — «zu schmieden», ковать; jsen — вариант слова «Eisen», железо или кандалы).

Из упомянутых славянизмов «воевода» может быть заимствованием из польского языка, так как фиксируется при описании польских политических реалий — при упоминании краковского воеводы Спытка. Слово же «боярин», проникшее в старославянский язык из дунайско-болгарского (тюркского) языка[143], вероятно, уже в раннесредневековый период было заимствовано из древнерусского языка балтскими наречиями — предшественниками литовского языка. В письменных источниках Великого княжества Литовского оно фиксируется в форме «boyarlen» в договоре с Тевтонским орденом в Ливонии от 1 ноября 1338 г.[144] Наконец, слово «темница» встречается во многих славянских языках, в том числе в значении «тюрьма»[145]. В тексте «Witoldes sache» слово «temenitcze» имеет, кажется, восточнославянское происхождение (от древнерусского «тьмьница», где вторая редуцированная гласная «ь» в предударном слоге еще не утрачена и выступает как самостоятельная фонема). Как известно, в Средние века через контакты ганзейских купцов слово «temenitze»

---

[141] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи … С. 149.

[142] *Урбан П.* Старажытныя ліцьвіны: Мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць. 3-е выд. Мінск : Тэхналогія, 2010. С. 10.

[143] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. Изд. 2, стер. Т. 1 : А—Д. М. : Прогресс, 1986. С. 203—204.

[144] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans / ed., transl. and commented by S. C. Rowell. Vilnius : Vaga, 2003. P. 260; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. 1. С. 69. — Общая эволюция этого термина в ВКЛ с XIII по XVI ст. прослежена в работе: *Юргинис Ю. М.* Бояре и шляхта в Литовском государстве // Восточная Европа в древности и средневековье : сб. статей. М. : Наука, 1978. С. 124—130.

[145] *Опельбаум Е. В.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев : Наукова думка, 1971. С. 187.

(в значении особой разновидности тюрьмы) попало из древнерусского языка в немецкий[146]; произошло это, по всей видимости, еще до конца XII в., т. е. до завершения процесса падения редуцированных[147]. В материалах делопроизводства Тевтонского ордена это слово видим не только в «Witoldes sache», но и в другом, более раннем документе 1351 г., который не связан по тематике с ВКЛ[148]. С другой стороны, слово было заимствовано также старым литовским языком и встречается, например, в словаре 1730 г. в форме «temnyćia» («temnyčia») как соответствие немецкому «Kerker» (тюрьма)[149]; фиксация этого заимствования очень поздняя, и, судя по написанию этого слова, оно проникло в литовский язык уже в период после утраты редуцированных, а следовательно, никак не может служить источником для «temenitcze» в «Witoldes sache». Точно так же — все из-за тех же редуцированных — кажется маловероятным, чтобы слово «temenitcze» вошло в текст «Witoldes sache» из устного западнорусского языка конца XIV в.

Есть, впрочем, еще ряд особенностей, которые могут указывать на то, что «Witoldes sache» — это все-таки перевод на средневерхненемецкий язык именно с западнорусского языка. Или, точнее, что в основе «Witoldes sache» лежал архетип (будь то письменный или устный текст) на западнорусском языке. Говоря о захвате Вильно людьми князя Ягайла в 1382 г., автор перевода написал следующую фразу: «...vnde besas di Wille *vnder* vn*se*rm fatere», т. е. дословно «...и занял Вильно *под* нашим отцом». Возможно, это калька с западнорусского языка, для которого характерно употребление предлога «под» в оборотах типа «*засести* что-либо *под* кем-либо», «дать что-либо *под* кем-либо»; ср., например, аналогичные конструкции из «Летописца великих князей литовских»: «...*засести* город *под* братомь, великимь княземь Евнутиемь», и из «Повести о Подолье»: «А *под* Грановскимь дал пану Петру Монтикгирдовичь, а *под* паномь Петром дал пану Дидикгоилду»[150]. Еще одно характерное для западнорусского языка выражение легко распознается во фразе, которую согласно «Witoldes sache» сказал король Польши Владислав (Ягайло) в ответ на просьбу Витовта о выдаче специального документа на Луцкую землю: «Jch habe gegeb*e*n herczog Witawthen das land *bis an minen*

---

[146] Там же. С. 233.

[147] *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М. : Высшая школа, 1981. С. 66—67.

[148] CDP. Königsberg: Bei den Gebrüdern Borntträger, 1848. Bd. 3. S. 120.

[149] *Haack F. W.* Vocabularium Litthvanico-Germanicum et Germanico-Litthvanicum. Halle : Druck. S. Orban, 1730. S. 188.

[150] Больше примеров см.: ГСБМ. Вып. 25 : Побунтованье — позначити. Мінск: Беларуская навука, 2005. С. 345; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 2 : Н—Ѳ. Київ : Наукова думка, 1978. С. 170.

willen, wen ich wil, zo wil ich aber weder nemen von jm das land». Здесь слова «*bis an minen willen*» являются калькой с юридической формулы «до воли (господарской)», которая впоследствии, в XV—XVI вв., часто употреблялась в официальной документации ВКЛ и означала, что пожалование носит временный характер и может быть отменено в любое время по желанию монарха[151].

Первая редакция «Летописца великих князей литовских»

«Origo regis»

Списки первой редакции «Летописца великих князей литовских» условно можно разделить на два вида — «Кернов» и «Карачев». Такое разделение связано с тем, что в протографе первой части «Летописца» одним из центров удела князя Монтивида Гедиминовича назывался Кернов, тогда как при последующем редактировании и создании полного двухчастного варианта «Летописца» Кернов был случайно или намеренно заменен на Карачев.

Собственно вид «Кернов» представлен единственным списком — уже известной нам латиноязычной хроникой «Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae», доведенной до 1382 г. и завершающейся описанием бегства Витовта из Кревского замка и его отъезда в Пруссию. Этот список находится в 3-й книге посольств Коронной Метрики, которая начала составляться в 1502 г. (но содержит и более поздние документы, самый младший из которых датирован 1545 г.)[152]. Эта книга имеет сложный состав и включает много материалов, касающихся взаимоотношений между Польским королевством и ВКЛ XV — начала XVI в. Однако текст «Origo regis» находится в ней между двумя документами о вассалитете Мазовии по отношению к Польскому королевству (1354 и 1496 гг.). Это заставляет предполагать, что непосредственным поводом для помещения «Origo regis» в книгу Коронной Метрики стало содержащееся в хронике сообщение о нападении мазовецкого князя Януша на Подлясье и Берестье.

Две более поздние копии, как указал С. Смолька, находятся в рукописях из Библиотеки Чарторыйских в Кракове и не имеют самостоятель-

---

[151] Примеры см.: *Любавский М. К.* Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута : исторические очерки. М. : Унив. тип., 1892. С. 552—553.

[152] AGAD. MK. Libri legationum. Nr. III. Fol. 65—68 (по старой нумерации 63—66). URL: http://www.agad.gov.pl/inwentarze/Metr_Korx.xml (дата обращения: 08.08.2018).

ной ценности, так как являются не вполне точными списками текста из Коронной Метрики[153]. Один из этих списков (в рукописи № 1400) мне не удалось идентифицировать, так как под таким номером фигурирует манускрипт с материалами о польско-шведских отношениях за 1655—1656 гг., и, судя по описанию, в нем нет «Origo regis»[154]. Другой список (второй половины XVIII в.) находится в 9-м томе так называемых «Папок Нарушевича»[155]. Знакомство с ним подтверждает правоту С. Смольки: это ухудшенная копия текста из Коронной Метрики, в которую, видимо, рукой самого Адама Нарушевича (1733—1796), польского историка, автора «Истории польского народа», внесены некоторые поправки: Kernow вместо Bernow, Witebski вместо Wytersky, Siewerski вместо Swywerky и т. д.

Текст «Origo regis» намеревался опубликовать еще археограф М. Догель во втором томе своего собрания документов «Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae», подготовленного во второй четверти XVIII в. Однако, судя по документу 1767 г., издание хроники было официально запрещено правительством Речи Посполитой, как можно предполагать, по политическим причинам[156]. Памятник был впервые опубликован А. Прохаской в 1888 г.[157], вновь переиздан по списку из Коронной Метрики С. Л. Пташицким в 1907 г., а затем Н. Н. Улащиком (по публикации С. Л. Пташицкого) в 1980 г.[158] Недавно увидел свет перевод «Origo regis» на белорусский язык, правда, опубликованный почему-то с некоторыми купюрами[159].

Уверенно можно утверждать, что «Origo regis» — это почти дословный перевод на латынь с западнорусского языка. Этот факт, отмеченный в свое время С. Смолькой[160], подтверждается некоторыми дополнительными примерами, в которых латинский текст «Origo regis» оказывается калькой западнорусского первоисточника. В фрагменте о женитьбе князя Ольгерда на витебской княжне имеется выражение, которое можно понять двояко: речь идет о словах «в зяти», которые можно прочитать и как «взяти». Например, издатели Академического списка в 1907 г. прочли эту фразу как «приѧль его к докцѣ и Витебь взѧти»[161]; в издании 1980 г. это

---

[153] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki … S. 34.

[154] Catalogus codicum manu scriptorum Musei Principum Czartoryski Cracoviensis. Vol. 2 / scripsit S. Kutrzeba. Cracoviae : Czas, 1908—1913. S. 199.

[155] BCzart. Teki Naruszewicza. T. 9. Fol. 95—102, No 31.

[156] Zrzodłopisma do dziejów Unii Korony Polskiej i W. Księstwa Litewskiego. Cz. 2. Oddz. 1. Poznań : Czcionkami Ludwika Merzbacha, 1861. S. 425.

[157] *Prochaska A.* Przekład ruskiego latopisca … S. 196—205.

[158] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 219—226; ПСРЛ. Т. 35. С. 115—117.

[159] *Мароз В., Молчан А., Круглік Н.* Лацінамоўны спіс «Origo regis» у гісторыі беларускага летапісання // Роднае слова. 2014. № 1. С. 28—32.

[160] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki … S. 34—36.

[161] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 142.

Volumus eciam & p̃ eam dominacionē dominus rex predictus hu
ut in hac placita tantum in villa vel in declinatione volumus
eadem observare pro quibus ex ethimologia Sigillum meū posui
Datum Apud Kernowe in Kalendis mensis Decembris Anno
et eodem Anno 1316

Cum Nouerimus nos Xaxadrie et Dominus Gernen Tenore pre
nunc recognoscimus et publice protestamur Quod benignitate Regie
principis domini Kazimiri Ethelis patris nostri dilecti nobis in
hac parte Magistri Castrum Zakrecense et Dyrsznam cum pleno do
minio ab ipso domino Rege pro tempore recepimus Videlicet infra
tricennium a data presencium per nos habenda et tenenda Quibus
omnes clausas premittimus pura fide ad possessionem predicti Dñi
Regis dicta Castra restituere quale cunctadictione procedente
Et si prefatus dominus Rex Castrum Dyrsznam voluerit hominem
aut planitare et direxerit illuc gentes suas aut paternum seu
hominum detinuerit in Castri custodiam ibidem Castri Cum om
nostra potencia promittimus eum pure adiuvare promittimus
eciam quod in Castellanum Zakrecensem nullum aratrum volumus
imponere nec in aliquo nolites vel pauperes peregrinare Sed
eos tenere in suis Solito et antiquitus observato Hūc quas
nre Sigille Sigillamus Actum nre hitherarum Dat in Kalyssi
ipo die S. Jo evāgte Anno domini 1316

Origo Regis Jagnelo et Wntholdi Ducum Lithuanie

Apud Ducem Magnum Lithuanie Gedeminum erant Septem
filii Iermus et Semer Monuwid Secundus Narimuntus Ter
tius Olgerth pater domini Regis Lubarti Quartus Kynstuti
Kystuti pater domini Magnifici Wythowdi Sextus Koriath
Septimus Lubarth Monuwid huius nostri Regis Duos ipsi Ger
stem et Skirmont Narimuntus primus Olgerdo patri domini re
gis iuxta sed quia duo reges in prelatu non habent mansio
nem assumpsit eum ad se Quem vnicum Wythowdo pat
cum exulem recommendauit qui benigne in Dubissa in Magnifica

слово, вопреки синтаксису фразы, опубликовано уже раздельно: «...и Витебь в зяти»[162]. В Супрасльском списке по изданию 1907 г. фраза звучит как «приналь его к дотьце Витебъскь взлти»[163], однако в издании 1980 г. вновь видим полемическую по отношению к предшественникам трактовку: «приняль его к дотьце, Витебъскь в зяти»[164], при том, что построение предложения, кажется, указывает на то, что здесь более корректным является слитное чтение «взяти». В Слуцком списке здесь лакуна, но в зависимом от него списке Красинского также значится: «А к тому кн(я)зь Витебъскии с(ы)новъ не держал, и wн принал Ѳлкгирда к дочцѣ своеи Витебъск взлти» в издании 1907 г.[165] и соответственно «в зяти» в издании 1980 г.[166] Редактор Виленского списка в конце XV в. принял соломоново решение и, дабы избежать двусмысленности, просто вычеркнул слово «взлти», оставив фразу «принал ко дочце в Витебескъ»[167]. Переводчик же «Origo regis» понял выражение не как «в зяти», а как «взяти» (т. е. решив, что Ольгерд должен был, женившись на витебской княжне, взять Витебск) и перевел его герундивом «recipiendo» (от «recipere», в данном случае «оставить за собой») со значением необходимости: «Assumsit eum ad filiam suam vnicam, Wythewsko post eam recipiendo»[168]. К слову сказать, в отличие от уцелевших списков на западнорусском языке, только в «Origo regis» сохранена важная деталь, что эта княжна, жена Ольгерда, была единственной («unicam») дочкой витебского князя.

Еще один пример: выражение «in valles et montes» из рассказа о поспешном бегстве великого князя Евнутия из Вильно[169]. В протографе, вероятно, действительно значилось чтение «дол», о чем свидетельствует Виленский список: «...в горы и в дол»[170]. Эти слова означают, что в горах (т. е. на одной из возвышенностей, окружающих Вильно) Евнутий спрятался в землянке или в каком-либо другом укрытии, выкопанном в земле, так как одним из значений слова «дол» в западнорусском языке было не только «низина, долина», но и «яма»[171]; там-то он и обморозил ноги. Переводчик на латынь, однако, подумал, что «дол» — это «долина», и неточно перевел это слово как «in valles».

---

[162] ПСРЛ. Т. 35. С. 110.
[163] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 71.
[164] ПСРЛ. Т. 35. С. 61.
[165] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 153.
[166] ПСРЛ. Т. 35. С. 132.
[167] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 191.
[168] Там же. Стб. 219.
[169] Там же. Стб. 220.
[170] Там же. Стб. 192.
[171] ГСБМ. Вып. 8 : Девичий — дорогость. Мінск : Навука і тэхніка, 1987. С. 266.

Наконец, в описании осады Полоцка 1381 г. встречается выражение «и кликноули на рать» (по Виленскому и Супрасльскому спискам)[172] или «кликнули в рать» (по Слуцкому списку)[173], переведенное в «Origo regis» как «et clamauerunt contra exercitum»[174]. Хотя смысл этого выражения не совсем прозрачен, зависимость латинского текста от западнорусского первоисточника представляется здесь очевидной.

Вместе с тем в тексте «Origo regis» имеются по меньшей мере два искажения первоначального латинского текста: «Bernow» вместо «Kernow»[175], «et ita fuerunt vsq*ue* ad terminu*m* vite in hac vita» вместо «et ita fuerunt vsq*ue* ad terminu*m* vite in hac fide»[176]. Это позволяет предполагать, что существовал не дошедший до нашего времени протограф латинского перевода, с которого и была сделана копия, включенная в книгу Коронной Метрики. Иными словами, между западнорусским первоисточником и известным нам ныне текстом «Origo regis» было как минимум одно промежуточное звено в виде протографа латинского перевода.

Близкий к «Origo regis» латинский перевод первой части «Летописца великих князей литовских» был использован польским хронистом Яном Длугошем (1415—1480) для создания фрагмента 10-й книги «Истории Польши» за 1382 г.[177] В дальнейшем соответствующие известия из рукописи хроники Длугоша перешли в польские хроники XVI в., изданные типографским способом, прежде всего в хронику Матея Меховского, став таким образом достоянием последующей историографии[178].

Близость между «Origo regis» и текстом, использованным для создания хроники Длугоша, доказывается целым рядом общих чтений, которых нет в других списках «Летописца великих князей литовских». Исчерпывающее текстологическое сравнение двух произведений провел А. Прохаска[179]. Длугош существенно перефразировал исходный текст, видоизменив и отшлифовав его в стилистическом отношении, а кое-где

---

[172] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 74, 195.

[173] Там же. Стб. 86.

[174] Там же. Стб. 222.

[175] Там же. Стб. 219.

[176] Там же. Стб. 220.

[177] *Długosz J.* : 1) Opera omnia. T. 12. Historiae Polonicae libri XII. T. 3. Lib. IX, X. Cracoviae : Czas, 1876. S. 404—412; 2) Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 10. 1370—1405. Varsaviae : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1985. S. 92—101.

[178] *Miechowita M.* Cronica Polonorum. Kraków : Per Hieronymum Vietorem, 1519. S. 264—266 (в издании 1521 г. пагинация та же).

[179] *Prochaska A.* Przekład ruskiego latopisca … S. 197—200. А. Семковичу, проанализировавшему текст Длугоша до 1384 г., хроника «Origo regis» осталась неизвестной, он пользовался только Супрасльским списком «Летописца» в издании И. Н. Даниловича и хроникой Быховца, поэтому его работа уже сильно устарела (см.: *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór … S. 394—397).

незначительно дополнив, однако старался по возможности не исказить имена собственные, содержавшиеся в использованном первоисточнике. Отмечу лишь некоторые характерные совпадения (первое в связке чтение взято из «Origo regis», второе из хроники Длугоша): «Montiwid» — «Montiwido»; «Bernow» — «Kernow»; «Zaslaw» — «Zaslaw»[180]. Имя комтура Остероде, которое в списках на западнорусском языке звучит как «Гунстын», в «Origo regis» передано искаженно: «Astorodens*is* comendator dictus Smydsten»[181], и дальнейшую вариацию этого искажения наблюдаем у Длугоша: «Sundsteyn Osterrodensem comendatorem»[182]. Наконец, перечень убийц князя Кейстута в хронике Длугоша полностью совпадает с аналогичным перечнем в «Origo regis», в том числе упоминается и Гедко Кревлянин («Gedko Crewlanyn» — «Gethkone Crewlanin»)[183], имя которого пропущено в других списках «Летописца великих князей литовских».

Наблюдения Г. Цайссберга помогают приблизительно установить время, когда была написана 10-я книга хроники Длугоша. В предыдущей 9-й книге под 1311 г. содержится упоминание о втором Торуньском мирном договоре 1466 г.; в 11-й книге под 1412 г. сказано, что переданный католикам православный храм в Перемышле был разрушен в 1470 г.[184] Таким образом, 10-я книга написана приблизительно в 1466—1470 гг. Именно в это время (с 1467 г.) Длугош был назначен воспитателем сыновей короля Польши, великого князя литовского Казимира[185], и в этом качестве мог получить доступ к некоторым материалам по истории ВКЛ, в том числе к латинскому переводу, близкому к «Origo regis».

Проблема источников, которыми пользовался Длугош при описании событий от смерти Ольгерда до 1399 г., довольно сложна, но во всяком случае очевидно, что Длугош имел в своем распоряжении только латинский перевод первой части «Летописца великих князей литовских», доведенной до 1382 г. Следов использования второй части «Летописца», описывающей события с 1383 по 1396 г., мы в его хронике не находим. Напрашиваются два вывода: во-первых, terminus ante quem для возникновения латинского перевода, отразившегося в «Origo regis», — это приблизительно 1466—1470 гг., а во-вторых, до 1466—1470 гг. протограф текста, которым воспользовался Длугош, имел хождение в читательских

---

[180] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 219—220; *Długosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 92.

[181] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 221.

[182] *Długosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 94.

[183] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 225; *Długosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 99.

[184] *Zeissberg H.* Dziejopisarstwo polskie wieków średnich / przekł. z niem. Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1877. T. 2. S. 127.

[185] *Семянчук А. А.*: 1) Беларуска-літоўскія летапісы ... С. 60; 2) Длугош Ян // ВКЛЭ. Т. 1. С. 591.

кругах или хранился в государственном архиве отдельно от второй части «Летописца великих князей литовских» и от первого летописного свода ВКЛ. Т. е. нельзя, конечно, отрицать, что вторая часть «Летописца» и первый летописный свод ВКЛ уже могли быть к тому времени созданы, но они остались совершенно неизвестны Длугошу, а значит, к 1466—1470 гг. еще не получили широкого распространения в Великом княжестве Литовском.

Полнота и чтения текста «Origo regis» в сравнении со списками на западнорусском языке

В научной литературе распространено мнение, что текст «Origo regis» отличается большей полнотой в сравнении со списками на западнорусском языке. Отчасти это действительно так, но нельзя забывать и о том, что в ряде фрагментов «Origo regis» также имеет лакуны, утраты и пропуски текста. В целом текстуальные особенности «Origo regis», как и других списков, можно разделить на три категории: особые чтения, лакуны и излишки.

Особые чтения. Как уже говорилось, одним из важнейших чтений, отличающих «Origo regis» от других списков, является чтение «Bernow» («Kernow») вместо Карачева.

При перечислении сыновей Кейстута в «Origo regis» дана цифра 7, а не 6, как в списках на западнорусском языке[186]. Это связано, вероятно, с ошибкой переводчика на латынь, который перепутал кириллические числительные «S» (6) і «З» (7).

Имя комтура Остероде Гоэнштайна в «Origo regis» ошибочно передано как «Smydsten».

Услышав рассказ князя Кейстута о доказательствах измены Ягайла, Витовт согласно «Origo regis» отвечает ему: «Не верю...» и т. д. («Non credo forte hoc non est, quia ipse mecum bene viuit forte michi reuelaret»)[187], тогда как по спискам на западнорусском языке Витовт призывает самого Кейстута не верить этому; например, в Академическом и Супрасльском списках: «Не вероуи томоу, ачь того неть, заньже со мною гораздо живеть, ачеи бы мне явилъ»[188].

Когда была снята осада Полоцка, согласно «Origo regis» князь Скиргайло бежал в Ливонию «с немцами» («cum Theutonic*is*»)[189], что представляется более корректным или по крайней мере таким же равноправ-

[186] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 220.
[187] Там же. Стб. 221.
[188] Там же. Стб. 73, 144.
[189] Там же. Стб. 223.

ным чтением, как и чтение «у Немци», содержащееся в списках первой редакции на западнорусском языке[190].

В эпизоде об убийстве Кейстута в «Origo regis» сказано, что старого князя «iugulauerunt»[191] (одно из значений этого глагола — «перерезали горло», «зарезали»), тогда как в списках на западнорусском языке стоит глагол «оудавили»[192].

Лакуны. Перечислим теперь основные лакуны текста в «Origo regis» в сравнении со списками на западнорусском языке.

В «Origo regis» нет фразы о том, что Кейстуту и Ольгерду не нравилась верховная власть великого князя Евнутия. В Виленском, Академическом и Супрасльском списках это с незначительными различиями строка: «Кн(я)зь велики Евноутеи во болшенсьтве боудѧ не полюбилсѧ има»[193].

Когда Кейстут говорит о том, что не стал посягать на имущество Ягайла, согласно «Origo regis» он упоминает только о казне («thezauros eius»)[194], в то время как в списках на западнорусском языке добавлено о «стадах» (в Виленском, Академическом, Супрасльском, Слуцком списках: «Ни скарбов его, *ни стад*»)[195].

В соответствии с «Origo regis» Кейстут отпустил Ягайла вместе с братьями и казной («cum fratribus et thezauro suo totali»)[196], в прочих же списках добавлено, что также вместе с ними была мать младших Ольгердовичей, т. е. княгиня Ульяна Александровна (например, в Супрасльском: «Со матирию, и со братию, и со скарбы, и со всимь его»)[197].

Одна или две строки протографа пропущены в «Origo regis» в фразе: «Et ita dux m. Jagello vadit in Wytepsko»[198]. Полный текст читается в списках на западнорусском языке, например в Супрасльском: «И кн(я)зь великыи Ягаило поиде Креивоу. Кн(я)зь великы Витовть проводить его до Креива, и кн(я)зь великыи Ягаило поидеть ис Крева ко Витебскоу»[199]. Любопытно, что в соответствующем месте хроники Длугоша все же упоминается о том, что Ягайло направился в Витебск в сопровождении Витовта: «[Iagello] Wilna excedens duce Withawdo eum conducente in Withewsko se contulit»[200]. Из этого следует, что в первоначальном латинском тексте, которым пользовался Длугош, эта фраза все же была пере-

---

[190] Там же. Стб. 74, 86, 195.
[191] Там же. Стб. 225.
[192] Там же. Стб. 76, 89, 147, 197.
[193] Там же. Стб. 71, 142, 191.
[194] Там же. Стб. 222.
[195] Там же. Стб. 74, 85, 145, 194.
[196] Там же. Стб. 222.
[197] Там же. Стб. 74, 85, 194.
[198] Там же. Стб. 222.
[199] Там же. Стб. 74.
[200] *Dlugosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 96.

ведена исправно и пропуск возник именно при переписке «Origo regis» в книгу Коронной Метрики.

В рассказе о возвращении Кейстута из-под Новгорода-Северского в списках на западнорусском языке говорится, что он встретил Витовта и свою жену (Бируту) в Городне. В «Origo regis», однако, слова про Городен опущены[201].

Аналогичным образом в «Origo regis», в отличие от других списков (например, Виленского и Академического), не указывается, что Витовт, собрав войска, отправился на помощь к Кейстуту именно из Городна[202].

В эпизоде о походе мазовецкого князя Януша на Подляшье и в Берестейскую землю в Виленском, Академическом и Слуцком списках подчеркивается, что князь Януш забыл о милости, оказанной ему его тестем (Кейстутом), тещей (Бирутой) и шуринами (Витовтом и другими Кейстутовичами): «Забывъ добра и приязни цтѧ своего и тещи своеи и шюрьи»[203]. В «Origo regis» эта фраза сокращена и оставлено упоминание только про тещу: «Et socris sue»[204].

В отличие от Виленского и Академического списков, в «Origo regis» не говорится о том, что войска Кейстута и Витовта встретились на реке Вилии: «Conuenerunt vltra Cawno duobus miliaribus» против фразы в западнорусских списках: «И съимутьс на Вельи вышеи Ковна двѣ мили»[205].

Одна или две строки протографа пропущены в «Origo regis» в рассказе о поездке Витовта и Скиргайла к Кейстуту с предложением мира. Например, в Супрасльском и Слуцком списках (а также с некоторыми незначительными различиями в Виленском и Академическом списках) мы читаем: «И кн(я)зь велики Витовтъ со кн(я)зем Скригалwм придоуть ко wтцоу своемоу, ко кн(я)зю великомоу Кестоутию, в рать, и дасть правдоу wтцю своемоу wт кн(я)зѧ великого Ягаила, и кн(я)зь Скиригаило правъдоу дасть wт великого кн(я)зѧ Ягаила и wт себе»[206]. В «Origo regis» соответствующий фрагмент чрезвычайно урезан: «Et dux Stergal dat fidem a duce Jagellone et a se»[207].

Наконец, при описании побега Витовта из Кревского замка в «Origo regis», как, впрочем, и в Супрасльском и Слуцком списках, не сообщается, что Витовта научила бежать его жена, княгиня Анна. В Виленском

---

[201] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 75, 87, 145, 195, 223.

[202] Там же. Стб. 146, 196, 223. В Слуцком и Супрасльском списках здесь лакуны из-за утраты целых листов протографа.

[203] Там же. Стб. 87, 145, 195.

[204] Там же. Стб. 223.

[205] Там же. Стб. 146, 196, 223.

[206] Там же. Стб. 76, 88, 147, 197.

[207] Там же. Стб. 224.

и Академическом списках это место звучит следующим образом: «И так (пакь) его наоучить»[208].

В целом лакуны и пропуски текста в «Origo regis», по всей видимости, носят случайный характер и не связаны с какой-то политической тенденцией; в совокупности они не имеют сходства с лакунами и пропусками текста в других списках «Летописца великих князей литовских».

Излишки. В «Origo regis» отразились некоторые выражения и отдельные слова, которые находились в протографе первой части «Летописца великих князей литовских», но по каким-то причинам не попали в сохранившиеся списки на западнорусском языке. Сошлюсь в данном случае на такой пример. При описании осады Полоцка в «Origo regis» говорится, что на помощь князю Скиргайлу пришли войска Тевтонского ордена из Ливонии: «Et ex alia parte m*agister* Liwonie venit cum suo exercitu contra Poloczsko»[209]. Соответствующей фразы нет в Виленском и Супрасльском списках, где изложение сокращено: «И wстоупѧть город*ъ*»[210]. К сожалению, начальная часть Слуцкого списка с этой фразой утрачена, а в списке Красинского, который основан на близком к Слуцкому списке, фраза слегка переиначена: «И wступ*а*т* город* Полтескъ, и Немецьки*и* мистръ пошле*т* на помоч к Полоцьку добыва*ти* города»[211]. И только в Академическом списке сохранилось чтение: «И w*т*тоуды мистръ Лифлѧньски пр҃иде ратью к Полуцкоу и wстоупѧть город*ъ*»[212], которое совпадает с чтением «Origo regis». Указанный факт подтверждает, что в «Origo regis» содержатся некоторые фрагменты текста, корректно отражающие протограф первой части «Летописца великих князей литовских», но испорченные или отсутствующие во многих других списках. Основываясь на этом и некоторых других примерах, можно предполагать, что если бы до нашего времени дошло большее количество ранних списков «Летописца великих князей литовских», то в них нашли бы подтверждение многие, если не все, дополнительные чтения «Origo regis».

Вкратце охарактеризуем важнейшие излишки «Origo regis», имеющие фактологическое значение.

В эпизоде о восстании жителей Вильно против Кейстута во всех списках на западнорусском языке утверждается, что восставшие были людьми Гануля. При этом из имеющихся чтений не совсем ясно, считал ли автор первой части «Летописца великих князей литовских» людей Гануля виленскими горожанами. В Виленском списке соответствующая фраза

---

[208] Там же. Стб. 76, 89, 148, 197, 226.
[209] Там же. Стб. 222.
[210] Там же. Стб. 73, 194.
[211] Там же. Стб. 156.
[212] Там же. Стб. 144.

звучит как «мѣстичи Виле*н*скыи и Ганулеву чад»[213], в Академическом и Слуцком: «мѣстичи Виленьски Ганюилеву чѧд»[214], а в Супрасльском она искажена: «местить великых и Ганоулевоу чад»[215]. «Origo regis» уточняет и дополняет нечеткие чтения этих списков, и становится понятным, что среди жителей Вильно, поднявшихся против Кейстута, были как люди Гануля, так и другие горожане: «Ciue*s* Vilnen*ses* vi*delicet* personam Hanullonis et alios»[216].

Рассказывая Витовту об аресте Ягайла, его матери и братьев, Кейстут подчеркивает, что не стал сажать их в тюрьму («нятство»), а только приставил к ним небольшую стражу. В Виленском, Академическом и Слуцком списках этот фрагмент слегка искажен: пропущена частица «не» при слове «нятство»[217]. Но «Origo regis» позволяет реконструировать первоначальное чтение протографа: «Qui cum fratribus suis nec in captiuitate est, solum sub parwa custodia tenetur»[218]. Правильность такой трактовки подтверждается и Супрасльским списком: «А сами оу мене не в нѧтстве ходѧть, толко за малою сторожею»[219].

В эпизоде о гонцах, которых Кейстут отправил в Полоцк, осажденный войсками Скиргайла и ливонских крестоносцев, только в «Origo regis» сохранилась деталь, что оба гонца прошли в Полоцкий замок: «Qui ambo vt castrum intrauerunt, Polocences gauisi sunt» и т. д.[220]

При описании осады Троков в 1382 г. в «Origo regis» дополнительно сообщается, что Ягайло взял Троки вместе с немцами: «Et Troky dux Jagello cum Theutonicis applicuerunt, Troky se sibi subdiderunt»[221], тогда как в других списках, за исключением позднего Погодинского[222], упоминаний о немцах в данном случае нет; например, в Супрасльском просто сказано: «А какъ пристоупили ко Трокомь кн(я)зь великыи Ягаило, и Трокы дадоутсѧ емоу»[223].

«Origo regis» существенно дополняет и уточняет другие списки при описании похода мазовецкого князя Януша на Подляшье и в Берестейскую землю. Лишь в «Origo regis» упоминается о том, что помимо других регионов мазовецкие войска опустошили окрестности Бельска[224]. Не

---

[213] Там же. Стб. 195.
[214] Там же. Стб. 87, 145.
[215] Там же. Стб. 74.
[216] Там же. Стб. 223.
[217] Там же. Стб. 85, 145, 194.
[218] Там же. Стб. 222.
[219] Там же. Стб. 74.
[220] Там же. Стб. 222.
[221] Там же. Стб. 223.
[222] Там же. Стб. 579.
[223] Там же. Стб. 75, 87, 145, 158, 195.
[224] Там же. Стб. 223.

вполне понятную фразу списков на западнорусском языке о том, что мазовецкий князь «возма осадить» Дорогичин и Мельник[225], можно прояснить с помощью «Origo regis», где словам «осадить» и «осадив» соответствуют выражения «hominibus fulcitur» и «fulcitis hominibus»[226]: таким образом, глагол «осадити» переводчик «Origo regis» в данном случае понимал не как «взять в осаду», а как «укрепить людьми», т. е. поставить гарнизон в замке.

Только в «Origo regis» сохранились размышления автора хроники относительно того, как Кейстуту и Витовту можно было бы избежать ловушки и ареста: «Sed si dux Wytowdus non equitaret et vnus pater solum equitaret forte nihil fuiesset. Et ita videns quod…»[227].

Также лишь в «Origo regis» приведена подробность, что, когда Кейстут и Витовт приехали на переговоры к Ягайлу, их обступили воины, чтобы арестовать: «Circumsteterunt illos»[228].

Если в списках на западнорусском языке говорится просто, что Кейстута посадили в башню Кревского замка, то в «Origo regis» уточняется: «In fundum turris» («в подвал башни»)[229].

В сравнении с другими списками в «Origo regis» представлен более полный перечень убийц Кейстута, хотя расставить запятые между именами сложно и в латинском тексте. Анализ исторических данных показывает, что имя «Bilgeny» в «Origo regis» нельзя считать искажением имени «Бѣликъ» (как в Виленском списке)[230] или выражения «были иныи» (как в Академическом, Супрасльском и Слуцком списках)[231]: иначе говоря, человек по имени «Bilgeny» действительно мог жить в описываемую эпоху и даже быть участником событий, о которых идет речь в «Летописце». Кроме того, в «Origo regis» указано имя одного из убийц, о котором молчат другие списки: «Gedko Crewlanyn», и уточняется социальный статус другого участника убийства — Лисицы Жибентяя, который назван «serws illegitimus»[232].

Наконец, только в «Origo regis» сохранилось чтение о боярине Бутриме, племяннике матери Бируты, которого Ягайло приказал разбить на колесе: «Et alium Buttrim nepotem germanum matris eius»[233]. Во всех остальных списках соответствующий фрагмент представлен искаженно и неполно и упоминания о Бутриме нет.

---

[225] Там же. Стб. 87, 145—146, 195.
[226] Там же. Стб. 223.
[227] Там же. Стб. 224.
[228] Там же. Стб. 76, 88, 147, 197, 224.
[229] Там же. Стб. 76, 89, 147, 197, 225.
[230] Там же. Стб. 197.
[231] Там же. Стб. 76, 89, 147.
[232] Там же. Стб. 225.
[233] Там же. Стб. 226.

Виленский список

За исключением «Origo regis», все прочие списки первой редакции «Летописца великих князей литовских» принадлежат к виду «Карачев»: в них вместо Кернова фигурирует Карачев, который в правление великого князя литовского Гедимина еще не входил в состав ВКЛ и, соответственно, не мог быть передан князю Монтивиду Гедиминовичу. Старейшим по времени переписки, т. е. создания рукописи, среди них является, по-видимому, Виленский список.

Кодекс состоит из двух частей. Первая часть (на л. 1—435) содержит общерусский летописный свод новгородского происхождения, получивший условное название «летопись Авраамки». Эта часть имеет филиграни, датируемые периодом с первой половины 60-х гг. XV в. по 1473 г., а филиграни второй части кодекса (л. 436—450) имеют аналоги, датируемые периодом с 1493 по 1503 г.[234] Именно в этой — второй — части размещен текст «Летописца великих князей литовских», который теперь называют Виленским списком.

Как предполагает А. Г. Бобров, общерусский летописный свод в составе кодекса подготовлен летописцами, работавшими при дворе новгородских архиепископов Евфимия II († 1458) и Ионы († 1470). Князь Михаил Олелькович в 1471 г. при отъезде из Великого Новгорода вывез в ВКЛ эту рукопись (рабочий экземпляр официальной владычной летописи)[235]. Далее она попала в Смоленск, и к тексту общерусской летописи был добавлен текст «Летописца великих князей литовских». Согласно приписке к тексту, смоленский писарь Авраамка переписал его в 7003 г. (1495/1496 гг. по мартовскому стилю) по благословению смоленского епископа Иосифа[236].

---

[234] *Бобров А. Г.* Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2017. С. 315—316. См. также кодикологическое описание в работах: *Морозова Н. А.* Виленский список … С. 26; *Клосс Б. М.*: 1) Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 16. [С. 1—3]; 2) Предисловие к данному изданию (2008 г.) // ПСРЛ. М. : Языки славянских культур, 2008. Т. 17. [С. 1]; Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе / сост. Н. А. Морозова. Вильнюс : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008. С. 106. — Здесь и далее ссылки на сигнатуры и описание кодексов, в которых размещены различные списки «Летописца великих князей литовских» на западнорусском языке, приводятся в соответствии с предшествующей научной литературой (работы Н. Н. Улащика, Н. А. Морозовой, Б. М. Клосса и других исследователей). Автор этих строк не работал с этими кодексами de visu, поскольку они все неоднократно издавались и подробно описывались.

[235] *Бобров А. Г.* Новгородско-литовские отношения … С. 316, 321—322.

[236] Приписка писаря на л. 436—436 об.: «В лѣ*т* 7003 напис(а)на бы*сть* сїа книга, г(лаго)лемыи лѣ*т*писець, въ граде Смоле*н*сцѣ, при дръжавѣ велик(о)го

В XIX в. манускрипт при неясных обстоятельствах (как сказано в документах, «чародейством») достался командиру 25-го егерского полка полковнику Андрею Ивановичу Крыжановскому († 1856) и был передан им протоиерею полоцкого Софийского собора Андрею Юркевичу. В свою очередь, Юркевич 24 февраля 1866 г. отдал рукопись историку и писателю А. В. Рачинскому, который был прикомандирован сопровождать попечителя Виленского округа в поездке по Витебской и Могилевской губерниям для сбора археологических и археографических древностей[237]. В том же 1866 г. новонайденная рукопись при посредстве историка М. О. Кояловича поступила в императорскую Археографическую комиссию[238].

В настоящее время рукопись хранится в рукописном собрании Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы в Вильнюсе (Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka), F22 (фонд отдельных поступлений), шифр F22—49[239].

Очевидно, что название «Виленский список» носит условный характер, так как этот текст «Летописца великих князей литовских» был переписан в Смоленске, а затем манускрипт некоторое время находился в Полоцке.

Виленский список впервые опубликован А. Ф. Бычковым в 1893 г. (но с некоторыми довольно существенными неточностями, например «Копысъ» вместо «Копыл»), вновь переиздан С. Л. Пташицким в 1907 г. и Н. Н. Улащиком в 1980 г.[240]

Особые чтения. Виленский список содержит обе части «Летописца великих князей литовских». В сравнении, например, с Супрасльским, Слуцким и Академическим списками в нем имеется целый ряд мелких особых чтений, которые, хоть и не имеют большого фактологического значения, все же заслуживают внимания при определении генеалогических связей между различными списками «Летописца великих князей литовских».

При этом в Виленском списке встречаются как правильные (что устанавливается на основе анализа исторических и текстологических дан-

---

кн(я)зѧ Александра, изволенїемъ Б(о)жїим и повеленїем г(о)с(поди)на вл(а)д(ы)кы еп(и)с(ко)па Смоленъского Їосиф, рукою многогрѣшнаг раба Б(о)жїа Авраамъка...»

[237] *Бобров А. Г., Введенский А. М.* Летопись Авраамки: проблемы изучения // Русская литература. 2017. № 4. С. 126—127.

[238] *Шахматов А. А.* Записка о западнорусских летописях. С. 39.

[239] См. также: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Elektroninis archyvas. URL: http://elibrary.mab.lt/handle/1/7327 (дата обращения: 02.08.2019).

[240] Отрывок краткой литовской летописи, находящейся в летописном сборнике, именуемом летописью Авраамки / изд. А. Ф. Бычкова. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1893; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 191—204; ПСРЛ. Т. 35. С. 85—90.

ных), так и явно некорректные чтения, отличающиеся от чтений других списков.

Пример некорректного чтения: при описании заговора Войдылы во всех основных списках говорится, что Войдыла намеревался получить земли Кейстута как муж княжны Марии Ольгердовны: «Vt ipsa adipiscatur et cum sorrore ducis m. Jagellonis» («Origo regis»), «а ему бы сѧ достало и съ сестрою великого кн(я)зѧ Ягаила твои мѣста» (Академический и Супрасльский)[241]. И только в Виленском списке ошибочно указана не сестра, а мать Ягайла: «А емоу сѧ бы достало и с м(а)т(е)рью великого кнѧзѧ Ягаила твои мѣста»[242].

В ряде других случаев мелкие особые чтения свидетельствуют о том, что текст Виленского списка претерпел дополнительное редактирование в сравнении с текстом, отразившимся в «Origo regis», Супрасльском, Академическом и Слуцком списках (см. ниже сравнительную табл. 1). При этом, хотя текст переписан в Смоленске, в нем некоторые первоначальные западнорусские слова заменены на слова, являющиеся относительно поздними заимствованиями из других языков: наиболее яркий пример такого рода — слово «гуфы» на том месте, где в Академическом, Супрасльском и Слуцком списках читается слово «полкове». Аналогичным образом в фразе «со многими князьми и бояры Литовъскои земли (литовскими)», читающейся в Академическом, Супрасльском и Слуцком списках, слово «бояры» заменено в Виленском списке на слово «паны».

Таблица 1

Выборка мелких особых чтений Виленского списка

Виленский список	Другие списки
Кнѧз великыи пакъ Кестутеи събравъс съ вс(и)ми вои своими и вженеть оу Вилню[243].	*«Origo regis»:* Dux a*utem* Kyerstuchi congregata potencia sua totali ingreditur castrum Vilnen*se*; *Акад.*: Кн(я)зь пакъ великїи Кестутїю собравсѧ своею моцью и вженеть в город оу Вилню; *Супр.:* Кн(я)зь пакь великы Кестоутеи собравсѧ своею моцию и вженеть во город во Вилню; *Слуцк.:* Кн(я)зь… [мо]цию… Вилню[244].

[241] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 73, 144, 221.
[242] Там же. Стб. 193.
[243] Там же. Стб. 194.
[244] Там же. Стб. 73, 85, 145, 222.

Виленский список	Другие списки
А то собѣ въпѣвнѧ*т*[245].	*Акад., Супр.:* А то собѣ докончають[246].
А с(ы)на своего великаго кнѧзѧ Витовта вставил оу Вилни[247].	*«Origo regis»:* Et filium suum ducem Wytowd*um* in Lithwania dereliquit; *Супр., Слуцк.:* А с(ы)на своего кн(я)зѧ великог Витовта вставиль в Литве[248].
Правдоу у васъ бѣроу, што бы також кнѧз Скиргаило у мое воиско прїехал[249].	*«Origo regis»:* Fidem aput vos recipio, q*uod* eciam dux Stergald huc veniret; *Акад., Супр.:* Правдоу оу вась беру, штобы такоже кн(я)зь Скиригаило семо приѣхаль; *Слуцк.:* Правду оу вась бероу, штобы також кн(я)зь Скиргаило семь приехаль[250].
А гоуфы стоѧ*т*, промежи себе *не* починаа ничого[251].	*Акад., Супр., Слуцк.:* А полкове стоять, межи собою не починають ничего[252].
Бѣликъ[253].	*«Origo regis»:* Bilgeny; *Акад., Супр., Слуцк.:* были инии[254].
А велит его твердо дръжати у комнотѣ[255].	*Акад.:* А велить его тврѣдо стеречи в комнатѣ; *Супр.:* И велить его твердо стерети во комьнате; *Слуцк.:* И велить его твердо стеречь в комнать[256].
Онъ брат маткы его[257].	*«Origo regis»:* Patris *frat*rem eius germanum; *Акад.:* Ѻ*т*ца брата матки его; *Супр.:* Ѻ*т*чнѧ брата матки его; *Слуцк.:* Ѻ*т*тнѧ брата маткы его[258].
А в землю Мстислѧвскоую оуступи много[259].	*Акад., Супр.:* А в землю и Мстиславскоую вои поусти; *Слуцк.:* А в землю Мстиславльскоую воиноу свою поустиль[260].

[245] Там же. Стб. 192.
[246] Там же. Стб. 72, 143.
[247] Там же. Стб. 195.
[248] Там же. Стб. 74, 86—87, 223.
[249] Там же. Стб. 196.
[250] Там же. Стб. 75, 88, 146, 224.
[251] Там же. Стб. 196.
[252] Там же. Стб. 75, 88, 146.
[253] Там же. Стб. 197.
[254] Там же. Стб. 76, 89, 147, 225.
[255] Там же. Стб. 197.
[256] Там же. Стб. 76, 89, 147.
[257] Там же. Стб. 197.
[258] Там же. Стб. 76, 89, 147, 226.
[259] Там же. Стб. 199.
[260] Там же. Стб. 78, 91, 149.

Виленский список	**Другие списки**
Тогда совѣ*т* сътвориша съ многыми кнаѕми и паны Литовское земли[261].	*Акад.:* Тогда съвѣть сотвори со многими кн(я)зьми и бояры Литовъскои земли; *Супр., Слуцк.:* Тогда свѣть сотвори со многими кн(я)зьми и бояры Литовскими[262].
И съ Семено*м* и съ Локвене*м*[263].	*Акад.:* Съ Семеномъ Гугнивымь; *Супр.:* Семеномъ Лынгвенемь; *Слуцк.:* С сыномь Лыквеньемь[264].
Веикули*ш*кы[265].	*Акад.:* Икшишькы; *Супр.:* Веищушкы; *Слуцк.:* Веишишькы[266].

Еще одно особое чтение содержится в фрагменте о битве 1390 г. близ городка Вейшишки. В Академическом, Супрасльском и Слуцком списках здесь пропущено несколько слов: «И оузриль королъ и кн(я)зь великыи Скиригаило, яко вже невозьможьно оудержати земли Литовъскыя пре*д* великимь кн(я)земь Витовтомъ [*место пропуска*], и с Немецькими силами поиде к Вилни»[267]. Редактор Виленского списка, видимо, обратил внимание на это упущение и по общему контексту добавил слова про князя Витовта: «И кнаѕ великыи Витовтъ съ Немецкыми сїлами поиде к Вилни»[268]. Аналогичная редакторская вставка имеется и в списке Красинского[269].

Лакуны. Относительно крупных пропусков текста в Виленском списке нет, за исключением завершающей части.

В отличие от других списков, текст «Летописца великих князей литовских» в Виленском списке не имеет заголовка.

В фразе о том, что витебский князь выдал свою дочку замуж за Ольгерда, в Виленском списке отсутствуют слова «в зяти» («взяти»), имеющиеся в Академическом и Супрасльском списках.

Нет в Виленском списке также фразы о соглашении между Кейстутом и Ольгердом насчет раздела волостей, которая читается в «Origo

---

[261] Там же. Стб. 200.
[262] Там же. Стб. 79, 92, 150.
[263] Там же. Стб. 199.
[264] Там же. Стб. 78, 91, 149.
[265] Там же. Стб. 200.
[266] Там же. Стб. 79, 92, 150.
[267] Там же. Стб. 79, 92, 150.
[268] Там же. Стб. 200.
[269] Там же. Стб. 165.

regis», Супрасльском и Академическом списках: «...или которыи волости, то собѣ розьделили» («et aliquos districtus inter se diuiserunt»)[270].

В фрагменте о поражении смоленских войск под Мстиславлем из Виленского списка убраны слова, что это было «немалым чудом». Если в Академическом и Супрасльском списках говорится: «Б(о)жиею силою тоу не мало чюдо (чюдес) сотворисѧ (сотвориша), избито быс вои мног множество, кн(я)зеи и бояр»[271], то в Виленском списке фраза сокращена: «Божею силою туто не мало избито бысть рати, и множство кнѧзеи и боѧръ»[272].

При описании встречи княжны Софьи Витовтовны с митрополитом Киприаном в Москве в Виленском списке опущены подробности о том, что вместе с Киприаном кроме епископов находились архиепископы, архимандриты и игумены[273].

В эпизоде о конфликте между Витовтом и Дмитрием Корибутом и захвате Новогородка в Виленском списке пропущены слова, во-первых, о том, что Дмитрий Корибут «нечто нача корати», а во-вторых, о том, что войска Витовта, перед тем как взять Новогородок, «wступиша градъ» (в обоих случаях пропущенные слова читаются в Слуцком списке)[274].

Мелкий пропуск слов в Виленском списке наблюдается при описании первого похода Витовта в Подольскую землю. Если в Слуцком списке поход датируется «тое же зимы на весну», а в Супрасльском та же фраза из-за лакуны текста приводится в сокращенном виде: «на весну», то в Виленском списке дата сокращена: «тое ж зимы» (слова «на весну» по какой-то причине выпали)[275].

Ближе к концу текста в Виленском списке увеличивается количество лакун, обусловленных дефектами рукописи: в одном месте слово не читается из-за того, что лист побит молью, в ряде других мест последние листы списка крайне обветшали, а чернила на них выцвели. В публикации А. Ф. Бычкова, вышедшей в 1895 г., в этом фрагменте нет дополнительных чтений по сравнению с изданием 1907 г. (17-м томом «Полного собрания русских летописей»)[276]. При публикации Виленского списка в 1980 г. заключительная часть текста — об отравлении князя Скиргайла в Киеве и дальнейших событиях — на л. 450 об. уже не поддавалась прочтению и была восстановлена по изданию 1907 г.[277]

---

[270] Там же. Стб. 72, 143, 192, 220.
[271] Там же. Стб. 78—79, 150.
[272] Там же. Стб. 200.
[273] Там же. Стб. 93, 201.
[274] Там же. Стб. 93—94, 202.
[275] Там же. Стб. 80, 94, 203.
[276] Отрывок краткой литовской летописи ... С. 13—14.
[277] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 202—204; ПСРЛ. Т. 35. С. 89—90.

Лакуны Виленского списка, не связанные с дефектами рукописи, кажется, имеют в большинстве своем довольно случайный, не политический характер и могли быть вызваны недосмотром переписчика (переписчиков). Однако такие факты, как исключение из текста слов о чудесных причинах поражения смоленских войск под Мстиславлем, невнимание редактора к составу духовных лиц, сопровождавших митрополита Киприана, замена слова «полкове» на «гуфы» (что, вероятно, более соответствовало военным реалиям ВКЛ конца XV в.), могут свидетельствовать о том, что редактором Виленского списка был не представитель духовенства, а человек светский.

Излишки. Из мелких излишков Виленского списка можно упомянуть, например, следующий. Когда в первой части «Летописца великих князей литовских» говорится о том, что Ягайло и Скиргайло вероломно нарушили слово, данное Кейстуту и Витовту, то в Академическом и Слуцком списках утверждается, что они «переступили тыи правды», а в «Origo regis» — «fidem». И только в Виленском списке формулировка дополнена: «переступив свои слюб и правдоу»[278]. Пусть это и незначительное дополнение, но оно лишний раз показывает, что Виленский список в сравнении с другими старейшими списками первой редакции имеет в себе определенный слой дополнительной редакторской правки (но скорее не фактологической, а стилистической).

Уникальных дополнительных чтений, имеющих фактологическое значение, в тексте Виленского списка выявлено три — все они находятся во второй части «Летописца великих князей литовских».

Среди московских князей, выехавших встречать княжну Софью Витовтовну, Виленский список называет «кн(я)зѧ Юрьѧ»[279] — видимо, Юрия Дмитриевича, брата великого князя московского Василия Дмитриевича. В Супрасльском и Слуцком списках этого чтения нет, а Академический обрывается, лишь немного не дойдя до этой фразы. Однако важно отметить, что такое же чтение: «кн(я)зя Юрья Дмитреевич», находится и в списке Дубровского[280] (а значит, было и в протографе Академического списка). В четвертой (Медоварцевской) редакции, в которой, как мы увидим далее, в относительно полном виде отразилась летописная статья московского происхождения, послужившая источником для «Летописца великих князей литовских», имя князя Юрия Дмитриевича вычеркнуто, вероятно, по политическим соображениям.

В фрагменте о походе Витовта на Витебск и о вспомогательных войсках, приведенных смоленским князем, Виленский список называет имя

---

[278] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 88, 147, 197, 224.

[279] Там же. Стб. 201.

[280] ПСРЛ. Т. 43 : Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М. : Языки славянских культур, 2004. С. 269.

этого князя — «Юрьи Свѧтославич», тогда как в Слуцком списке оно пропущено и сказано просто: «великии кн(я)зь Смоленьскиі Светславичь» (в Супрасльском здесь значительная лакуна)[281].

Самое важное дополнительное чтение Виленского списка — это фраза с именами полководцев Витовта, которые возглавляли войска, направленные против князя Дмитрия Корибута: «Кнѧз же великыи Витовтъ посла вои свои, (Вас)илѧ Бореиковичѧ и Кгинивила протіву ему»[282]. Это известие читается только в Виленском списке. В Супрасльском на этом месте лакуна, а в Слуцком соответствующей фразы нет.

Чтения, сближающие Виленский список с другими списками. С «Origo regis» Виленский список сближается следующим образом. В биографии Войдылы в «Origo regis» сказано, что Ягайло «fecitq*ue* eum crescere in magnu*m*»[283]. В Виленском списке этой фразе соответствует выражение «и повелъ его у великы*х*»[284]. В Супрасльском списке вместо «великых» говорится «добрых»: «и повель бы*л* его в добры*х*»[285]. В Академическом и Слуцком списках на месте этой фразы лакуна; однако слегка испорченные чтения списков Красинского («и повелъ его в добрыи дни»)[286] и Дубровского («и повѣле*л* бы*л* его в добрые»)[287] показывают, что и в Слуцком, и, возможно, в протографе Академического списка, вероятнее всего, тоже в этом месте значилось слово «добрых», а не «великих». В этой связи можно предполагать, что совпадение чтений «Origo regis» и Виленского списка («in magnum» и «у великых») носит случайный характер. В протографе на западнорусском языке стояло слово «добрых», которое переводчик на латынь передал как «magnum», а редактор Виленского списка заменил на «великих».

Во второй части «Летописца великих князей литовских» имеются два чтения, сближающие между собой сразу три списка: Виленский, Академический и Супрасльский. В фрагменте о том, как жители Вильно не пустили в город Витовта, так как ранее дали присягу Ягайлу и Скиргайлу, во всех трех списках дано искаженное чтение: «королю Скиргаилу»[288]. Правильно фраза звучит в Слуцком списке: «королю правду дали и Скиргаилоу»[289], но это может быть и переосмыслением испорченного текста при позднейшем редактировании во время одной из переписок.

---

[281] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 94, 202.
[282] Там же. Стб. 202.
[283] Там же. Стб. 221.
[284] Там же. Стб. 193.
[285] Там же. Стб. 72.
[286] Там же. Стб. 155.
[287] ПСРЛ. Т. 43. С. 265.
[288] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 79, 150, 200.
[289] Там же. Стб. 92.

Наоборот, в фрагменте о том, как польская застава не пустила в Виленский Верхний замок князя Коригайла и он был убит немцами, в Виленском, Академическом и Супрасльском списках чтение правильное: «Коргаила», а в Слуцком списке искаженное: «Скиргаила»[290]. Издатели 35-го тома «Полного собрания русских летописей» сопроводили фразу «А лядскои заставе, во Высоком городе тогда сущи, и не пустиша во градь князя Коргаила» примечанием, что вместо «Коргаила» здесь якобы правильно читать «Витовта»[291]. Это мнение ошибочно, поскольку не учитывает общего контекста исторических событий, связанных с осадой Вильно и гибелью князя Коригайла Ольгердовича в 1390 г.

Чтения, общие для Виленского и Супрасльского списков, следующие. При описании битвы близ Вейшишек в Виленском и Супрасльском списках дается правильное чтение, что Скиргайло выступил против войск Тевтонского ордена и Витовта вместе со своим братом Вигунтом («Вигонтом»)[292]. В Академическом и Слуцком списках вместо имени Вигунта встречаем заведомо некорректное: «Витовтом»[293]. Впрочем, необходимо признать, что в разных списках переписчики могли допустить такую напрашивающуюся ошибку независимо друг от друга.

Но главное общее чтение Виленского и Супрасльского списков вряд ли могло возникнуть случайно. При описании осады Полоцка войсками князя Скиргайла и Тевтонского ордена в Ливонии в Виленском и Супрасльском списках фраза сокращена: «И wстоупѧть город»[294], тогда как в Академическом сохранилось чтение, близкое к протографу: «И w*т*тоуды мистръ Лифлѧньски прїиде ратью к Полуцкоу и wстоупѧть город»[295] (как уже говорилось, оно есть также в «Origo regis»: «Et ex alia parte m*agister* Liwonie venit cum suo exercitu contra Poloczsko»[296]).

Наконец, имеется важное чтение, общее только для Виленского и Академического списков. Так, в перечне князей, взятых в плен в битве близ Вейшишек, в Виленском и Академическом списках называется князь Василий Константинович[297], в то время как в фрагменте РГАДА, Супрасльском и Слуцком списках этот же князь носит имя Глеб Константинович[298]. Для определения того, какое из этих двух чтений правильное, необходимо прежде всего обратиться к историческим данным. В рас-

---

[290] Там же. Стб. 80, 92, 152, 201.
[291] ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 114.
[292] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 79, 200.
[293] Там же. Стб. 92, 150.
[294] Там же. Стб. 73, 194.
[295] Там же. Стб. 144.
[296] Там же. Стб. 222.
[297] Там же. Стб. 151, 200.
[298] Там же. Стб. 79, 92.

сматриваемый период действительно жил князь Василий Константинович. В августе 1393 г. состоялись переговоры об освобождении князей ВКЛ, взятых в плен под Вейшишками, а в октябре того же года князь Василий Константинович получил от короля Владислава (Ягайла) деньги на приобретение рыцарского доспеха и возвращение домой, что в принципе может служить косвенным доказательством его пребывания в плену у крестоносцев. Подробнее этот сюжет будет рассматриваться в шестой главе — в комментарии ко второй части «Летописца великих князей литовских». Таким образом, первоначальным чтением в протографе «Летописца великих князей литовских» могло быть именно чтение «князя Василѣа Костѧнтиновича».

Если же допустить, что исходным чтением было «князя Глеба Костентиновичя» (а не «Василѣа Костѧнтиновича»), то возникает противоречие не только исторического, но и текстологического характера. Тогда пришлось бы согласиться с тем, что на каком-то этапе выделились параллельно два списка, первый из которых лег в основу Виленского и Академического списков, а второй был использован для создания Супрасльского и Слуцкого списков. В этом случае не совсем ясно, на каком уровне могло возникнуть общее для Виленского и Супрасльского списков сокращенное чтение «и wстоупѧть город*ѣ*», так как оно явно вторично по отношению к соответствующему более полному чтению «Origo regis» и Академического списка. Остается предполагать, что на каком-то этапе выделился общий для Академического и Виленского списков протограф с чтением «Василѣа Костѧнтиновича», а затем уже близкий к Виленскому список с сокращенным чтением «и wстоупѧть город*ѣ*» послужил протографом для фрагмента РГАДА, Супрасльского и Слуцкого списков, в котором вместо Василия Константиновича был записан Глеб Константинович.

Академический список

Находится в сборнике середины XVI в., филиграни которого имеют аналоги под 1522, 1528, 1534 и 1550 гг.[299] Первые 146 листов занимают богослужебные тексты: службы, каноны, месяцеслов на весь год, тропари и кондаки. Далее следует текст первого летописного свода ВКЛ, в его составе на л. 170—182 об. размещается текст «Летописца великих князей литовских». По данным Н. Н. Улащика, бумага, на которой переписан первый летописный свод ВКЛ, имеет филигрань, датируемую 1534 г.[300]

---

[299] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2 : Исторические сборники XV—XVII вв. / сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1965. С. 121.

[300] *Улащик Н. Н.* Предисловие // ПСРЛ. М. : Наука, 1980. Т. 35. С. 9.

В сборнике содержатся запись 7061 (1553) г. о строительстве церкви Рождества Богородицы и запись XVIII в., в которой упоминается церковь Иоанна Предтечи[301]. Возможно, владельцами рукописи в разное время были священники этих церквей. В июне 1902 г. рукопись была куплена филологом В. И. Срезневским в Вологде[302]. В настоящее время она хранится в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге, шифр 45.11.1.

Академический список впервые опубликован С. Л. Пташицким в 1907 г., переиздан Н. Н. Улащиком в 1980 г.[303]

Особые чтения. Говоря об «Origo regis» и Виленском списке, мы уже касались некоторых особых чтений Академического списка, среди которых важнейшими являются чтения «кн(я)зѧ Васильѧ Костѧнтиновича» и «и wmтоуды мистръ Лифлѧньски прїиде ратью к Полуцкоу и wстоупѧть город». По всей видимости, они очень близки к первоначальным чтениям протографа «Летописца великих князей литовских». Список, лежащий в основе Академического и Виленского, рано выделился из исходной группы списков — вероятно, на более раннем этапе, чем протограф Супрасльского и Слуцкого списков. Но при этом необходимо учитывать, что список, известный теперь как Академический, возник в результате не одного, а нескольких копирований, поэтому он содержит целый ряд искаженных при переписке чтений.

Прежде всего бросается в глаза то, что переписчик Академического списка плохо ориентировался в именах и названиях, связанных с давней историей ВКЛ. Так, имя князя Монтивида он пишет «Моидивиды», имя Кориата — «Рьять», имя Войдылы — «звали его Воидимомъ». Вместо «Gстрозкыи кунтоуръ», как в Виленском списке, или «Gстродски коунторъ», как в Супрасльском списке, в Академическом читается явно искаженный вариант: «Gшькровьскыи кунтарь». Вместо «Дорогичиноу» — «Дорогичинити». Вместо «Монивидом» — «Мониводом». Не совладал переписчик и с именем князя Семена Лынгвена: вместо «Семеном Лынгвенемь», как в Супрасльском списке, в Академическом значится «Семеном Гугнивымь».

Поэтому правомерно предполагать, что Академический список возник за пределами Великого княжества Литовского. Укрепляет в этой мысли и то, что рукопись, судя по обстоятельствам ее находки в Вологде, имела хождение в областях Северо-Восточной Руси.

---

[301] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. С. 121.

[302] *Срезневский В. И.* Отчет отделению русского языка и словесности Императорской академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902). СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1904. С. 90—98.

[303] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 125—152; ПСРЛ. Т. 35. С. 110—114.

Впрочем, в Академическом списке можно встретить массу описок и неточностей не только в именах собственных, но даже в обычных словах: «дончаем» вместо «докончаем», «ѣхот» вместо «некто», «чызды» вместо «ачеи бы», «въше остали» вместо «а в том воиска ничего не починали и оставили», «wбрѣтеся оу Троцех» вместо «обрете у трупех», «wцрь» вместо «w*т*(е)ц», «долка» вместо «дочка», «учил» вместо «учинил», «к докцѣ и Витебь» вместо «к дочце в Витебеск». Возможно, такие ошибки накапливались постепенно на нескольких этапах создания текста, т. е. некоторые из ошибок были сделаны уже переписчиками исходных списков, а некоторые возникли непосредственно при переписке Академического списка.

Во всяком случае, несмотря на большую текстологическую значимость Академического списка, общая небрежность и неаккуратность текста вынуждает осторожно относиться к тем особым чтениям, которые не подтверждаются, например, «Origo regis», Виленским списком или источниками, независимыми от «Летописца великих князей литовских».

Так, например, в фразе о том, что в правление великого князя Евнутия Кейстут и Ольгерд жили между собой в большой дружбе, в Академическом списке допущена очевидная ошибка: утверждается, что Кейстут и Ольгерд «были оу великого кн(я)зѧ оу великои м(и)л(о)*с*ти и в ласцѣ»[304] (т. е. в милости у князя Евнутия). В остальных списках соответствующая фраза передана правильно, с учетом общего контекста: «erant in magna dilectione et vnitate» («Origo regis»)[305], «были у великои м(и)л(о)*с*ти и в ласце» (Виленский список)[306], «были во великои любви и м(и)л(о)*с*ти и в ласце» (Супрасльский список)[307].

В эпизоде об осаде Мстиславля смоленскими войсками, когда говорится, что князь Святослав Иванович начал бить городские стены пороками, Виленский и Супрасльский списки датируют это событие пятницей «на стростнои не*д*(е)ли»[308]. Такая датировка хорошо соотносится с календарной сеткой осады, представленной в летописной «Повести об осаде Мстиславля», которую мы подробнее рассмотрим во второй главе. Тем не менее в Академическом списке ошибочно значится вместо слова «страстнои» слово «кр(е)*с*тнои»[309].

Отдельного рассмотрения требует чтение Академического списка «в горы, в гури» при описании побега великого князя Евнутия из Вильно[310].

---

[304] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 142.
[305] Там же. Стб. 219.
[306] Там же. Стб. 191.
[307] Там же. Стб. 71.
[308] Там же. Стб. 78, 199.
[309] Там же. Стб. 149.
[310] Там же. Стб. 143.

Этот вопрос уже затрагивался выше, когда мы говорили о чтении «Origo regis» («in valles et montes»). Однако не вполне ясно, откуда в Академическом списке взялось это странное дублирование слов «в горы, в гури», а главное, почему аналогичная форма «во гоуры» читается и в Супрасльском списке, и в списках Красинского и Рачинского («в гуры бос»), восходящих к Слуцкому[311].

Слово «гура» фиксируется в документальных памятниках ВКЛ, правда, в весьма поздних и весьма редко. Во второй половине XVI в. оно употреблялось в значении «верх, верховье». В документе 1638 г. слово в множественном числе использовано для обозначения некоей местности близ Вильно: «Онъ Иванъ, приехавши зъ нимъ подъ Вилно, въ гуры, тамъ же забилъ»[312]. Горами (или в крайне редких случаях «гурами») в XVI в. назывались крупные возвышенности в самом Вильно и в его окрестностях; это отражено и в современной топонимике, например близ Вильнюса находится деревня Калнай (от литовского kalnas — «гора»), вокруг которой размещается сразу несколько холмов высотой до 220—230 м[313]. Странным кажется только то, что по чтениям всех списков, кроме Виленского, в протографе первой части «Летописца великих князей литовских» на западнорусском языке слово «горы» было передано как «гуры». Вероятность того, что такой полонизм мог проникнуть в протограф уже в XV в., мне кажется крайне низкой.

Вопрос несколько разъясняется, если обратиться к хронике Быховца. Ее автор или последний редактор сначала излагает легенду о том, что Гедимин нашел место для основания Вильно, когда охотился на большого тура «na toy hory, hde y nyni zowut Turja hora»[314]. Далее в хронике, уже в рассказе о бегстве Евнутия из Вильно, сообщается: «Y kniaź weliki Jewnutey posłyszawszy to wbieh w Turyi hory y tam w noczy oziab»[315]. В дальнейшем Турья гора еще раз упоминается в эпизоде об осаде войсками Витовта Кривого города в Вильно (1390), из контекста можно заключить, что она находилась напротив Кривой горы[316]. Аналогичный хронике Быховца текст про Турью гору находится и в Вавельском фрагменте: «И кн(я)зь велики*и* Витол*т* дела закопа*л* на горе Ту*р*ее, на которо*и* кн(я)зь велики*и* Кгидими*н* тура заби*л*, и для

---

[311] Там же. Стб. 71, 154, 316.

[312] ГСБМ. Вып. 7: Гляденье — девичество. Мінск : Навука і тэхніка, 1986. С. 199.

[313] Топографическая карта N-35-039, квадрат 66:94.

[314] *Narbutt T.* Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, dyplomatycznym, geograficznym, statystycznym, obyczajowym, orcheograficznym i t. p. różnych rękopisnych lub rzadkich wydań dziejopisów. Wilno : R. Rafałowicz, 1846. S. 16.

[315] Ibid. S. 18.

[316] Ibid. S. 32.

того тую гору Турею зову*т*. И казал би*т* в гору Крывую, где *ж* немало тое горы Крывое и *з* городнями w*т*бил»[317], из чего можно заключить, что все предыдущие упоминания о Турьей горе находились в подлинной рукописи хроники Быховца, т. е. не являются поздними интерполяциями Т. Нарбута.

Исходная фраза протографа реконструируется следующим образом: «И кн(я)зь великии Евнутии выскочив оубежить в горы в Турьи в дол и тамо озябет в ногы». Переписчик Академического списка уже имел дело с протографом, в котором не было слова «дол», а слово «Турьи» было интерпретировано как «гури», так и появилась фраза «в горы, в гури». В списке Дубровского, происходящем от списка, очень близкого к Академическому, эти слова получили новое истолкование: «в горы в Угры»[318], т. е. переписчик посчитал, что великий князь литовский Евнутий искал убежище в горах на территории Венгрии — чтение явно вторичное, отразившееся потом и в Погодинском списке[319]. Переписчик западнорусского протографа, отразившегося в «Origo regis» и Виленском списке, видимо, уже зафиксировал искаженную фразу типа «в горы в гоури в дол». Автор латинского перевода передал ее как «montes et valles», а переписчик Виленского списка поправил эту фразу на более внятную «в горы и в дол», но был настолько озадачен этой загадкой, что через несколько строк по рассеянности написал «горы и волости» вместо «грады и волости»[320]. Переписчик списка, послужившего источником для Супрасльского и Слуцкого списков, в свою очередь, убрал слово «дол», но сохранил написание «гоуры». Зато когда близкий к Слуцкому список попал в руки автора третьего летописного свода ВКЛ, отразившегося в хронике Быховца, тот восстановил первоначальное чтение «Турьи горы», поскольку, в отличие от смоленских и новгородских писарей, хорошо разбирался в микротопонимике Вильно и сумел правильно интерпретировать название горы.

Существует одно чтение, казалось бы, сближающее Академический и Супрасльский списки. В фразе о Кейстуте, который после смерти Ольгерда не захотел нарушить данного брату слова, в Виленском списке сказано: «Кестоутїи не wставѧ слова брата своего, великого кнѧзѧ Ѡлкгирда»[321]. В «Origo regis» здесь также присутствует слово «verbum»: «Kyerstuch non deserens verbum fratris sui Olgerdi»[322]. Зато в Академическом и Супрасльском списках «слова» пропущено: «Кестоутїи не wставѧ

---

[317] *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 224.
[318] ПСРЛ. Т. 43. С. 265.
[319] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 574.
[320] Там же. Стб. 192.
[321] Там же. Стб. 193.
[322] Там же. Стб. 221.

брата своего великого кн(я)зѧ Ꙋлгирда»[323]. Но свидетельствует ли это о том, что на некотором этапе возник отдельный от Виленского список, в котором были чтения, общие для Академического и Супрасльского? Нет, как показывает дополнительный анализ, это не так. В списках Дубровского и Погодинском чтение «слова» в данном случае присутствует[324], а значит, оно находилось и в протографе Академического списка, а из самого Академического списка исключено только по недосмотру переписчика. А поскольку, повторюсь, существуют веские основания считать, что протограф Академического и Виленского списков выделился раньше протографа Супрасльского списка, то остается, таким образом, предполагать, что этот пропуск возник в Супрасльском списке независимо от Академического.

Лакуны. Важнейшие лакуны Академического списка по своим размерам варьируются от отдельных строк до значительных фрагментов текста, и все, видимо, обусловлены либо невнимательностью переписчика, либо в некоторых случаях плохой сохранностью первоисточника, с которого переписывался Академический список.

Вероятно, целый лист протографа пропущен в Академическом списке между словами Кейстута об аресте Ягайла и близких: «А то оучиль есми стережа своеи головы» и началом фрагмента о восстании Ягайла против Кейстута: «То пак кн(я)зь великїи Ягаило правду свою наборздѣ забыль»[325].

Строка пропущена при описании переговоров Витовта со Скиргайлом и Ягайлом: «И кн(я)зь великїи Витовтъ съ кн(я)земъ Скиргаилом воедеть ко wтцю своемоу великому *[князю Кейстутю оу воиско (рать) и дасть правду отцу своему]* wт кн(я)зѧ великого Ягаила, и кн(я)зь Скиргаило дас правду wт кн(я)зѧ великого и wт себе»[326].

При упоминании о польском короле Казимире и его единственной дочери в Академическом списке убрано указание на то, что эту дочь звали Ядвигой[327].

Из перечня князей, участвовавших вместе со Скиргайлом в битве со смоленцами под Мстиславлем, исключены имена Корибута и Константина[328]. Этот пропуск носит, очевидно, случайный характер, поскольку имена Корибута и Константина читаются в списке Дубровского[329], а значит, должны были находиться и в протографе Академического.

---

[323] Там же. Стб. 72, 143.
[324] ПСРЛ. Т. 43. С. 265; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 575.
[325] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 145.
[326] Там же. Стб. 147.
[327] Там же. Стб. 148.
[328] Там же. Стб. 149.
[329] ПСРЛ. Т. 43. С. 268.

Наконец, одной из главных особенностей Академического списка является то, что он обрывается на полуслове на событиях 1390 г. (приезде московских послов к Витовту), т. е. в списке нет всей заключительной части «Летописца великих князей литовских».

Фрагмент РГАДА

Отрывок «Летописца великих князей литовских» первой редакции находится на листе, который наклеен на внутренней стороне верхней доски переплета книги Иоанникия Галятовского «Messiasz prawdziwy Iezus Chrystus Syn Boży» (Киев, 1672). Книга эта происходит из библиотеки сотрудника Московского Печатного двора, духовного писателя Сильвестра Медведева (1641—1691) и в настоящее время хранится в РГАДА, ф. БМСТ, Иностранные 2702. По оценке Л. В. Мошковой, фрагмент писан западнорусским полууставом и датируется последней четвертью XV в. — первой четвертью XVI в. (либо концом XV — началом XVI в.)[330].

Сохранившийся текст начинается с перечня князей, захваченных в плен Тевтонским орденом в битве близ Вейшишек, и заканчивается началом фразы о приезде московских послов к Витовту в Мариенбург. В отличие от Академического и Виленского списков, князь Василий Константинович назван в нем Глебом Константиновичем, как в Супрасльском и Слуцком списках. В то же время в фрагменте РГАДА содержится характерное чтение «и иных кн(я)зеи поимано бы*с* много», аналогичное тому, что имеется в Академическом и Виленском списках, хотя в Супрасльском и Слуцком в этом месте след редактирования: «иных кн(я)зеи изымано бы*с* много». Кроме того, в фрагменте РГАДА нет ошибки, имеющейся в Супрасльском и Слуцком списках, где князь Коригайло Ольгердович назван Скиргайлом. Таким образом, по своим текстологическим особенностям фрагмент РГАДА занимает промежуточное положение между группой Академического и Виленского списков и группой Супрасльского и Слуцкого списков. При этом по ряду мелких чтений (например, «поиде князь великии Витовт *таки* к городу к Вилни») он ближе к Академическому, чем к Виленскому.

Отрывок был обнаружен Е. В. Лукьяновой при описании книг из библиотеки Сильвестра Медведева и опубликован ею в 2005 г.[331] В дальнейшем публиковался Л. В. Мошковой[332] и К. Гудмантасом[333].

---

[330] Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 2 : Лествица — Пчела / под ред. Л. В. Мошковой. М. : Древлехранилище, 2014. С. 370.

[331] *Hippisley A., Luk'janova E.* Simeon Polockij's Library : A Catalogue. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005. P. 67—68.

[332] Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века … С. 369—370.

Супрасльский список

Находится в сборнике, переписка которого была завершена 6 октября 7028 г. писарем Григорием Ивановичем по заказу князя Семена Ивановича Одинцевича[334]. Дату переписки в рукописи можно интерпретировать двояко: если год сентябрьский, то рукопись переписана 6 октября 1519 г. (но в таком случае неправильно указан индикт — 9-й вместо 8-го); если же 7028 г. в данном случае мартовский, то, учитывая еще и номер индикта и лунного круга, переписка завершена 6 октября 1520 г.[335] Предприняв по этому случаю специальное исследование, посвященное практике использования лунного календаря в ВКЛ XV — начала XVI в., я склоняюсь в пользу второго варианта[336]. Но дело усложняется в связи с тем, что, согласно исследованиям Н. Н. Улащика, филиграни кодекса имеют аналоги, датированные 1532 и 1534 гг.[337] Поэтому существует вероятность, что дошедший до наших дней сборник — это лишь копия более ранней рукописи, созданной в 1520 г.

---

[333] *Gudmantas K.* Keletas pastabų apie Maskvoje rastą Lietuvos metraščio fragmentą // Lietuvos Didžiųjų Kunigaikščių rūmų kronika. Vilnius, 2018. T. IV (2014—2016). P. 438, 440 (в том числе фотоснимок рукописи).

[334] «Как заець рад избегал тенета, так же всяки мистр радуется, свое делцо искончав. Исписан сии летописець в лето 7028, луна 17, индикта 9, октября 6, на паметь святого апостола Фомы замышлениемь благоверного и христолюбивого князя Симиона Ивановича Одинцевича его милости на здорове и щастье и на жизнь вечную, на отпущение грехов. Боже милостивыи, их милости даи его милости княгини Екатерине, их милости чадомь. Рукоделье многогрешного раба Божиего Григория Ивановича, Богу в честь и во славу во векы. Аминь» (*Данилович И. Н.* О литовских летописях. С. 101; *Шахматов А. А.* О Супрасльском списке западнорусской летописи. С. 5; *Улащик Н. Н.*: 1) Открытие и публикации Супрасльской летописи. С. 208; 2) Предисловие (1980). С. 5—6).

[335] Необходимо учитывать, что хотя в начале XVI в. сентябрьский стиль стал преобладающим в делопроизводстве канцелярии великих князей литовских Александра и Сигизмунда Старого, в делопроизводстве митрополита Киевского и всея Руси Иосифа в то время продолжал использоваться мартовский стиль. В этом нетрудно убедиться, рассчитав даты из ряда документов за 1509 и 1512 гг., включая деяния Виленского собора 1509 г. (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2 : 1506—1544. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. С. 66—67, 102; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1 : 1334—1598. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. Дополнения, № 289; Памятники русской старины в западных губерниях империи, издаваемые по высочайшему повелению П. Н. Батюшковым. СПб. : М-во внутр. дел, 1874. Вып. 6. С. 164).

[336] *Лицкевич О. В.* Использование лунного календаря в Великом княжестве Литовском в XV — начале XVI в. // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2015. Вып. 2. С. 106.

[337] *Улащик Н. Н.* : 1) Предисловие (1980). С. 5; 2) Введение в изучение … С. 44.

Еще в одной приписке упоминается покойный священник Иван[338], предполагаемый отец писаря Григория Ивановича. Судя по всему, Григорий Иванович был не случайным человеком в книжном деле: так, он хорошо знал о традиции русских книжников оставлять по завершении работы специальную запись, в которой писарь сравнивался либо с путником, закончившим путешествие, либо с зайцем, вырвавшимся из силков. Сравнение с зайцем встречается в приписках русских, и в том числе западнорусских, писарей с XIV по XVI в.[339] Среди них можно назвать и приписку диакона Евстафия в Триоди, переписанной для Городенской Пречистенской церкви 27 июня 1466 г.[340]

Князь Семен Иванович Одинцевич, как уже отмечалось в научной литературе, был сыном князя Ивана Федоровича Одинцевича, женившегося на дочери смоленского боярина Плюскова и получившего за женой владения в Смоленской земле[341]. Что касается смоленского боярина Плюскова, возможно, это был смоленский окольничий Федор Плюсков, который упоминается среди свидетелей документа от 27 марта 1451 г.[342], —

---

[338] «Преставлъшего помяни, Господи, ерея Ивана» (*Улащик Н. Н.* Предисловие. С. 6).

[339] *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. Изд. 2. СПб. : Имп. Археолог. ин-т, 1908. С. 34.

[340] «Строцѣ послѣднеи конец, а оуму нѣт конца. Яко ж рад заяць сѣти избѣгъ, такь рад писець послѣднюю строку дописавъ. Слава Б(о)гоу изволившому такъ w Х(ри)с(т)ѣ І(ису)сѣ, Б(ог)е н(а)шем. Аминь» (*Нікалаеў М. В.* Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. Мінск : БелЭН, 2009. С. 61. Фотоснимок страницы).

[341] См. родословие Одинцевичей: «А кн(я)зь Иван понял ис Смоленска Плюсковых дочку» (*Шахматов А. А.* О Супрасльском списке западнорусской летописи. С. 15). Вместе с отцом Иваном Федоровичем Одинцевичем он, видимо, называется в перечне данин короля Казимира «Бояром смоленским с казны давано» (21 июля 1486 г.): «Князю Ивану Одинъцевичу 12 копъ с казны. Князю Семену Ивановичу 10 копъ с казны» (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479—1491): Užrašymų knyga 4 / parengė L. Anužytė. Vilnius : Žara, 2004. P. 40). — См. также: *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Kraków: Drukiem J. Filipowicza, 1895. S. 285; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение … С. 31—32 (дата предложена ошибочная: 1489 г.); *Темчин С. Ю.* О времени появления Супрасльской летописи (списка 1519 г.) в Супрасльском монастыре // Ruthenica. Київ, 2005. Т. 5. С. 155; *Чарняўскі Ф.* Нататкі да генеалогіі князёў Адзінцэвічаў і Падбярэзскіх // Герольд Litherland. Горадня ; Менск, 2013. № 19. С. 69.

[342] Archiwum główne akt dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. I. Zbiór pergaminów, dok. No 7310. — См.: Urzędnicy Wielkiego księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4 : Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie. XIV—XVIII wiek / oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. Romaniuk. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. S. 51; *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum głównego akt dawnych у Варшаве // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2009. Вып. 11. С. 19, № 6.

стало быть, его дочь и была матерью князя Семена Ивановича Одинцевича. Существует мнение, что после 1514 г., когда Смоленск был захвачен московскими войсками, потомки Ивана Одинцевича выехали на территорию ВКЛ и получили в вечное владение село Багриново[343]. Однако с полной уверенностью можно говорить пока лишь о том, что Багриновом (теперь деревня Оршанского района[344]) владел не сам Семен Иванович, а его брат Григорий Иванович Одинцевич с наследниками[345]. А вот где лежали имения князя Семена Ивановича Одинцевича по состоянию на 1520 г., данных нет. Ряд исследователей, прежде всего Н. Н. Улащик, предположили, что список, условно именуемый теперь Супрасльским, мог возникнуть на Смоленщине или в каком-то регионе нынешней Восточной Белоруссии[346], т. е. во всяком случае быть связанным прямо или опосредованно со смоленской книжной традицией. Следует, однако, учитывать, что помимо первого летописного свода ВКЛ Супрасльский кодекс содержит также такие материалы, как родословие мазовецких князей и перевод так называемого Вислицкого статута на западнорусский язык, выполненный приблизительно между 1454 и 1470 гг. по заказу холмского каштеляна Ивана Кирдеевича из Квасилова (должностного лица Короны Польской, имевшего владения на Волыни)[347]. Это дало основания С. Ю. Темчину усомниться в восточнобелорусском или смоленском происхождении кодекса и предположить, что он после переписки находился на Подляшье, а в библиотеку Супрасльского Благовещенского монастыря попал около 1531 г.[348] Не совсем ясно, правда, в какой степени эта датировка согласуется с наблюдением Н. Н. Улащика относительно филиграней кодекса.

Рукопись была открыта в Супрасльском униатском монастыре И. Н. Даниловичем при помощи М. К. Бобровского в 1822 г.[349] В настоящее время манускрипт хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, кол. 115, № 143. «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье» занимают в рукописи л. 87—108 (по старой пагинации 85—106). Супрасльский список «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» впервые был напечатан в польской транслитера-

---

[343] *Чарняўскі Ф.* Нататкі ... С. 70.

[344] Топографическая карта N-36-49, квадрат 54:26.

[345] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy ... S. 285—286.

[346] *Улащик Н. Н.* Введение в изучение ... С. 30—31; *Мароз В. К.* Беларускія летапісы XIV—XVI стст.: гістарыяграфічны і нарматыўны аспекты даследавання // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя філалагічных навук. 2008. № 2 (10). С. 145.

[347] *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. S. 344—347.

[348] *Темчин С. Ю.* О времени появления Супрасльской летописи ... С. 159—161.

[349] *Улащик Н. Н.*: 1) Открытие и публикации Супрасльской летописи. С. 206—207; 2) Предисловие (1980). С. 6.

ции И. Н. Даниловичем в 1823/1824—1827 гг.[350], а затем переиздан в соответствии с оригиналом кириллическим шрифтом С. Л. Пташицким в 1907 г. и Н. Н. Улащиком в 1980 г.[351]

Особые чтения. Краткая характеристика некоторых чтений Супрасльского списка уже приводилась при описании других списков. Поэтому имеет смысл остановиться лишь на отдельных новых деталях и на лакунах.

Супрасльский список «Летописца великих князей литовских», как и остальные, не лишен некоторых единичных неточностей. Например, в результате редакторской правки или ошибки возникло упоминавшееся выше чтение «кн(я)зѧ Глеба Костентиновичь» вместо «кн(я)зѧ Васильѧ Костѧнтиновича». В фразе о виленских горожанах («местичах») и «Ганулевой чади» Супрасльский список дает чтение «великых» вместо «Виленскых»[352]. Имя смоленского наместника Ямонта передано как «Мант» («Мантоу»)[353] и т. д.

С другой стороны, в ряде фрагментов Супрасльский список демонстрирует более высокую аккуратность при передаче текста протографа, чем некоторые другие списки. Например, в фразе «а сами оу мене не в нѧтстве ходѧть, толко за малою сторожею»[354] в Супрасльском списке, единственном из списков на западнорусском языке, сохранена частица «не», пропущенная по недосмотру в Виленском, Академическом и Слуцком: при этом правильность чтения Супрасльского списка подтверждается «Origo regis», где присутствует аналогичная частица «nec».

Супрасльский список практически единственный из списков первой редакции правильно передает имя князя Семена Лынгвена, упорно не дававшееся переписчикам прочих кодексов: «Семеном Лынгвенемь».

Особое внимание хотелось бы обратить на следующую текстологическую особенность Супрасльского списка. В трех чтениях (которые все находятся в первой части «Летописца великих князей литовских») переписчик заменил букву «ч» на «т»: «выскотив» вместо «выскочив», «местить» вместо «местич», «стерети» вместо «стеречи»[355]; в другом фраг-

---

[350] *Daniłowicz I.*: 1) Latopisiec litewski na początku XV wieku przez bezimiennego pisarza w ruskim języku ułożony, wyjęty z rękopismu r. 1520, obeymującego dzieje rusko-litewskie, po raz pierwszy dosłownie łacińskiemi literami do druku podany // Dziennik Wileński. 1823. No 3. S. 241—265, 369—415; 2) Latopisiec Litwy i Kronika Ruska: z rękopisu sławiańskiego przepisane, wypisami z wremennika sofiyskiego pomnożone, przypisami i objaśnieniami dla czytelników polskich potrzebnemi opatrzone. Wilno : Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1827.

[351] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 71—81; ПСРЛ. Т. 35. С. 61—66.

[352] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 74.

[353] Там же. Стб. 81.

[354] Там же. Стб. 74.

[355] Там же. Стб. 71, 74, 76.

менте он, наоборот, написал «Кестоучи» вместо «Кестоути». Еще в одном случае (на этот раз во второй части «Летописца») «ц» заменено на «ч»: «чьщю» вместо «цтю»[356]. Такая же особенность выявляется и в тексте «Повести о Подолье»: «на рѣце на Смотрити» (вместо «Смотричи»)[357]. Как известно, в XIII—XV вв. характерной чертой смоленско-полоцкого диалекта, так же как и новгородского и полоцкого, была взаимная замена [ц] на [ч][358]. Поэтому можно предполагать, что замена «ч» на «т» в Супрасльском списке имеет фонетическую природу и отражает произношение переписчика — либо самого Григория Ивановича, либо писаря, создавшего список, который лег в основу Супрасльского. Не берусь рассуждать о происхождении других материалов кодекса, но Супрасльский список «Летописца великих князей литовских» или его протограф, кажется, действительно могли быть переписаны выходцем из Смоленского, Полоцкого либо Витебского регионов.

Лакуны. Основные лакуны Супрасльского списка, не считая пропусков отдельных слов (как, например, слова «четверток» при описании отравления Скиргайла)[359], следующие.

Пропущена целая строка о том, что князь Ягайло, арестованный Кейстутом, очень обрадовался приезду князя Витовта[360].

Отсутствует значительный по объему фрагмент о нападении мазовецких князей на Подляшье и Берестейский регион — между словами «кн(я)зь пакь Яноушь зать его забывъ добра» и «кн(я)зю великомоу Ягаилоу»[361]; чтобы сохранить связность текста, переписчик вставил на месте этого пропуска слово «приде».

Пропущена фраза, читающаяся в Виленском и Академическом списках, о том, что князь Скиргайло после битвы под Мстиславлем в 1386 г. нашел среди трупов раненого смоленского князя Юрия Святославича и лечил его «многы лѣкарьствы», остригши ему голову[362].

В фрагменте о поездке княжны Софьи Витовтовны в Москву выпущена строка о ее пребывании в Великом Новгороде[363]. Таким образом

---

[356] Там же. Стб. 81.

[357] Там же. Стб. 82.

[358] *Соболевский А. И.* Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. Варшава : Тип. М. Земкевича, 1886. С. 14; *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. С. 63; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М. : Языки славянских культур, 2004. С. 39.

[359] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 80, 95.

[360] Там же. Стб. 74, 86, 194, 222.

[361] Там же. Стб. 75.

[362] Там же. Стб. 79, 150, 200.

[363] Там же. Стб. 80, 93, 201.

изменен смысл текста, и возникает впечатление, что это не новгородцы, а псковичи проводили княжну до самой Москвы.

Наконец, не хватает большого фрагмента между словами «иных кн(я)зеи и бояръ много» и «на весноу кн(я)зь великыи Витовътъ иде и възѧ землю Подолскоую»[364]: о письме Ягайла к Витовту с приглашением принять великое княжение литовское, о возвращении Витовта в Великое княжество Литовское (1392), о походах против князей Дмитрия Корибута и Свидригайла Ольгердовичей (1393). Как уже отмечалось в литературе, скорее всего, из протографа Супрасльского списка выпал лист[365].

Завершается «Летописец великих князей литовских» по Супрасльскому списку на встрече Витовта и его зятя московского великого князя Василия Дмитриевича в Смоленске (1396). Далее следует «Повесть о Подолье».

Слуцкий список

Находится в сборнике, содержащем, помимо прочего, материалы первого летописного свода ВКЛ и общерусскую летопись «Летописецъ отъ великого князя Володимеря Киевского». Почерк основной части рукописи первый публикатор А. Н. Попов датировал периодом «кажется, не позднее половины XV столетия», архимандрит Леонид — «исходом XV ст.», а издатели 17-го тома «Полного собрания русских летописей» — XV в.[366] Н. Н. Улащик указал, что кодекс имеет филигрань, наиболее близкий аналог которой датируется 1524 г.[367]

В рукописи имеются заметки, сделанные почерком XVI в. Первая заметка сообщает о крещении слуцкого князя Семена[368]. Вторая — о жене слуцкого князя Юрия Семеновича княгине Елене Николаевне, урожденной Радзивилл[369]. Третья заметка датирована: «В лето 7050 месяца Апреля 17 на день пр[еподобного] отца Симеона иже въ Персиде, в неделю, вдарило 2 године в ночь, преставись князь Юрьи Слуцкои; была голова на целомъ промыслѣ»[370]. 17 апреля 7050 г., день памяти священномуче-

---

[364] Там же. Стб. 80.

[365] *Prochaska A.* Latopis litewski … S. 23; *Тихомиров И. А.* Два польских труда … С. 405.

[366] Летопись великих князей литовских. С. 25; *Леонид,* архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. Ч. 3. С. 65; ПСРЛ. Т. 17. С. II.

[367] *Улащик Н. Н.*: 1) Предисловие (1980). С. 6; 2) Введение в изучение … С. 48.

[368] *Улащик Н. Н.* Предисловие (1980). С. 7.

[369] Летопись великих князей литовских. С. 24; *Улащик Н. Н.* Предисловие (1980). С. 7.

[370] Цит.: Летопись великих князей литовских. С. 24.

ника Симеона, епископа Персидского, соответствует 1542 г. и по мартовскому, и по сентябрьскому стилям летоисчисления. Правда, именно на воскресенье 17 апреля приходилось не в 1542, а в 1541 г. (в календарной же сетке 1542 г. этот день соответствовал понедельнику).

Во всяком случае нет никаких сомнений в том, что в первой половине XVI в. рукопись находилась в библиотеке слуцких князей Олельковичей, потомков князя Владимира Ольгердовича.

Дальнейшая судьба рукописи точно неизвестна. В первой половине XIX в. она оказалась в коллекции известного российского этнографа и библиографа И. П. Сахарова (1807—1863). По сведениям самого И. П. Сахарова, вырисовывается следующая картина ее открытия. Рукопись какое-то время находилась «в Литве» (под которой могли разуметься и современные районы Центральной и Западной Белоруссии) у не названного по имени сельского священника. От него рукопись попала к учителю Успенскому (его имя и отчество, к сожалению, неизвестны), который вывез ее «из Литвы» и продал Сахарову. Случилось это, видимо, до 14 января 1839 г., когда была сделана арабская нумерация целых страниц манускрипта. В 1847 г. И. П. Сахаров передал сборник в библиотеку российского археолога и коллекционера А. С. Уварова (1825—1884), вследствие чего в старой литературе кодекс иногда назывался Уваровским[371].

В настоящее время кодекс хранится в отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве, собрание А. С. Уварова, № 1381 (153). Слуцкий список впервые опубликован А. Н. Поповым в 1854 г., переиздан С. Л. Пташицким в 1907 г., а также Н. Н. Улащиком в 1980 г.[372]

Особые чтения и лакуны. Слуцкий список, как и все остальные, имеет некоторые ошибочные чтения, которые практически все связаны с описками переписчика. Например, «к Городну, к Дорогичину» вместо «к городоу Дорогичиноу» (ср. «Origo regis»: «ad castrum Drohiczin»); «в Городкѣ» вместо «в Городне»; «Хмельникь» вместо «Мельник»; «ко градомь *ж* пришлі» вместо «граду же Рши»; «Пету» вместо «Тету».

Среди основных лакун Слуцкого списка необходимо отметить отсутствие начального текста «Летописца великих князей литовских» до самых слов «а се п[ак третее: с ким] мы [ся] вою[ем]» из диалога между Кейстутом и Витовтом. Эта лакуна возникла из-за дефекта кодекса, в котором, еще до того как он попал к И. П. Сахарову, было утрачено несколько первых листов. На следующих после этой лакуны листах текст также поврежден: где-то нет одного-двух слов, где-то целой фразы.

---

[371] *Леонид,* архим. Систематическое описание ... С. 66; *Улащик Н. Н.* Предисловие (1980). С. 6—7.

[372] Летопись великих князей литовских. С. 21—58 (и отдельный оттиск); ПСРЛ. Т. 17. Стб. 85—124; ПСРЛ. Т. 35. С. 68—72.

Кроме того, в Слуцком списке целиком отсутствует лист с текстом между словами «и кн(я)зь Витовть собравь свою» и «противоу великаго кн(я)зѧ Кестоутиѧ»[373].

Как и в Супрасльском списке, рассказ завершается на встрече князей Витовта и Василия Дмитриевича в Смоленске. Но дальше следует не «Повесть о Подолье», а статьи из некоей общерусской летописи начиная с 6903 г.

Чтения, сближающие Слуцкий список с другими списками. Рассмотрим теперь важнейшие текстологические связи между Слуцким и остальными списками.

Слуцкий список имеет чтение, непосредственно связывающее его с Академическим списком. Так, в Академическом списке содержится фраза, искаженная, надо полагать, из-за ошибки переписчика: «Чтобы тобѣ чисто wтехати wпѧть оу рать свою чызды бы межи вас добрыи был конець»[374]. Аналогичная ошибка читается и в Слуцком списке: «Што бы тобе чисто wтехати в рать свою чизды бы межи вась добрыи быль конець»[375]. В обоих списках чтение «чызды» является, видимо, искажением слова «ачеи», которое было в протографе и которое мы находим на этом месте в Виленском и Супрасльском списках[376].

Вместе с тем необходимо указать на целый комплекс чтений, сближающих между собой Слуцкий и Супрасльский списки.

Например, когда говорится о том, что Ягайло прибыл из Витебска в Вильно, то в «Origo regis» уточняется: «cum omnibus suis»; в Виленском списке: «съ всими людми своими»; в Академическом: «со всими своими»[377]. И только Супрасльский и Слуцкий списки (а также список Красинского) дают в этом случае сокращенное чтение «со всими»[378].

В фразе про Видимонта, как уже указывалось выше, искаженные чтения находим в Виленском («онъ брат маткы его») и Академическом («wтца брата матки его») списках. Зато в Супрасльском и Слуцком фраза звучит одинаково («wтчнѧ брата матки его» = «wттнѧ брата маткы его») и корректно, в соответствии с чтением «Origo regis» («patris fratrem eius germanum»).

Смоленский князь Святослав Иванович осадил Мстиславль, согласно Супрасльскому и Слуцкому спискам, «бивши» городские стены порока-

---

[373] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 87.

[374] Там же. Стб. 146.

[375] Там же. Стб. 88.

[376] Там же. Стб. 75, 196. Значение слова «ачеи» см.: ГСБМ. Вып. 1 : А — биенье. Мінск : Навука і тэхніка, 1982. С. 165; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1. С. 81.

[377] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 145, 195, 223.

[378] Там же. Стб. 74, 87, 158.

ми[379]. Это же слово читается в хронике Быховца и Вавельском фрагменте: соответственно «biwszy» и «бивши»[380]. Но в Виленском и Академическом списках чтение совсем иное, видимо, находившееся и в их общем протографе: соответственно «вынемши» и «вынѧвше»[381] (слово, как можно предполагать, означает, что смоленцам удалось к моменту прихода литовских войск разрушить, «вынять», часть городской стены).

Есть два главных и самых надежных признака, указывающих на близкую связь между Слуцким и Супрасльским списками. Во-первых, это характерное сокращение эпизода о том, как князь Скиргайло нашел раненого смоленского князя Юрия Святославича среди трупов и вылечил его: в частности изъята вся фраза от слов «князя Юрья князь великыи Скиргаило обрете в трупех много ранена» до слов «отчаял собе живота», которая с незначительными различиями читается в Виленском и Академическом списках[382]. Вслед за Слуцким списком эта же фраза пропущена в списке Красинского, хронике Быховца и Вавельском фрагменте[383]. Во-вторых, это не раз уже упоминавшееся чтение «Глеба Костентиновича» (вместо «Василья»), которое встречаем также в списке Красинского, хронике Быховца и Вавельском фрагменте[384]. Появление имени Глеба в исходном для фрагмента РГАДА, Супрасльского и Слуцкого списков тексте можно объяснить опиской переписчика. В перечне взятых в плен князей непосредственно перед именем князя Василия Константиновича идет имя смоленского князя Глеба Святославича, поэтому переписчик, может быть, от усталости или по невнимательности машинально назвал «Глебом» и следующего князя.

В числе других характерных совпадений можно назвать отсутствие имени князя Юрия Дмитриевича в перечне князей, встречавших Софью Витовтовну в Москве.

Сравнительный анализ Слуцкого и Супрасльского списков дает немало примеров того, что общие для них чтения имеются также в списке Красинского, хронике Быховца и Вавельском фрагменте. Дополнительный текстологический материал показывает, во-первых, что это далеко не случайное совпадение, а во-вторых, что текст «Летописца великих князей литовских» в составе списка Красинского, хроники

---

[379] Там же. Стб. 78, 91.

[380] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 30; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 221.

[381] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 149, 199.

[382] Там же. Стб. 150, 200.

[383] Там же. Стб. 79, 91, 164; *Narbutt T.* Pomniki ... S. 30; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 222.

[384] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 79, 92, 165; *Narbutt T.* Pomniki ... S. 31; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 222.

Быховца и Вавельского фрагмента имеет наиболее тесные связи не с Супрасльским, а со Слуцким списком.

Так, в рассказе о событиях 1382 г. в Виленском, Академическом и Супрасльском списках говорится о том, что войска Тевтонского ордена в Пруссии «идоуть» к Вильно и Трокам (в «Origo regis»: «vadunt»)[385], и только в Слуцком списке, списках Красинского, Рачинского, хронике Быховца и Вавельском фрагменте вместо этого глагола употреблен другой, близкий по смыслу: «тягноуть» («tiahnut»)[386].

При описании замков и местностей Подляшья и Берестейского региона, которые захватил либо опустошил мазовецкий князь Януш, в Слуцком списке по какой-то причине пропущено первое по счету упоминание Мельника. Оно присутствует в «Origo regis», Виленском и Академическом списках (в Супрасльском списке на этом месте пропущен лист): «Дорогичинь возма wсадить, Мелникъ возма wсадить, Саражь извоюеть»[387], тогда как в Слуцком читаем: «Дорогичинь возма wсади*т*, Саражь извоюеть»[388]. Аналогичный пропуск Мельника имеется в списке Красинского, хронике Быховца и Вавельском фрагменте[389].

В дате похода смоленского князя Святослава Ивановича на Мстиславль «тое же зимы на весну оу великїи говенна (пост)» (как в Виленском и Академическом списках)[390] в Супрасльском и Слуцком списках и соответственно в списке Красинского, хронике Быховца и Вавельском фрагменте пропущены слова «на весну»[391].

Далее в Виленском и Супрасльском списках сообщается, что смоленский князь Святослав Иванович бил стены Мстиславля пороками на «страстнои недели»[392]. В Академическом списке чтение искажено: «кр*с*тнои»[393]. И еще сильнее оно испорчено в Слуцком списке: «третеи». Видимо, поэтому редактор списка Красинского вообще выкинул всю эту дату, но она ясно читается в хронике Быховца и Вавельском фрагменте: «tretey» и «третеи»[394].

---

[385] «Проуски Немьци к Вилни и к Трокомь идоуть» (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 75, 145, 195, 223).

[386] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 87, 158, 319; *Narbutt T.* Pomniki … S. 25; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 215.

[387] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 145, 195, 223.

[388] Там же. С. 87.

[389] Там же. Стб. 158; *Narbutt T.* Pomniki … S. 25; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 215.

[390] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 149, 199.

[391] Там же. Стб. 78, 90, 163; *Narbutt T.* Pomniki … S. 30; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 221.

[392] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 78, 199.

[393] Там же. Стб. 149.

[394] Там же. Стб. 91, 163; *Narbutt T.* Pomniki … S. 30; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 221.

Наконец, еще один выразительный признак — отсутствие в Слуцком списке, списке Красинского и хронике Быховца упоминания о том, что князь Скиргайло был в православном крещении наречен Иоанном (эта фраза, однако, читается в Супрасльском списке: «наречены во святомь крещени Иwан»)[395].

С учетом всего вышесказанного не подтверждается предположение В. Ю. Ластовского о том, что «Origo regis» будто бы ближе остальных списков стоит к списку Красинского[396].

При этом, конечно, нельзя отрицать того факта, что текст «Летописца великих князей литовских» в списке Красинского и в третьем летописном своде ВКЛ (известном по хронике Быховца и Вавельскому фрагменту) подвергся дальнейшему редактированию в сравнении со Слуцким списком, поэтому некоторые их чтения не совпадают. Например, в Слуцком списке в эпизоде встречи княжны Софьи Витовтовны в Москве читаем: «с архиепископы», в хронике Быховца: «so archiepiskopy», но в списке Красинского этих слов нет[397]. В Слуцком списке: «на месте на Недокоудове», в списке Красинского: «на мѣстѣ на *Докудовѣ*», в хронике Быховца: «na meste na Dokudowi»[398] и т. д.

Что касается хроники Быховца, целый ряд исследователей связывают ее происхождение со Слуцким списком или со Слуцким регионом (об этой связи прозрачно свидетельствует и сам состав хроники Быховца, пополненной слуцкими материалами). Так, еще С. Смолька утверждал, что для хроники Быховца и Слуцкого списка летописного свода использовался если не один и тот же протограф, то тексты, очень близкие между собой[399]. По мнению А. Прохаски, именно на основе Слуцкого списка были созданы второй и третий летописные своды ВКЛ[400]. Н. Н. Улащик предполагал, что хроника Быховца «написана уроженцем Западной или Юго-Западной Белоруссии, всего вероятнее в районе Новогрудок — Слуцк»[401]. Слуцкий регион как предполагаемое место создания хроники Быховца определяют Н. А. Морозова и Л. Цитко[402]. На близость между первым летописным сводом ВКЛ по Слуцкому списку, вторым летописным сводом ВКЛ по списку Красинского и хроникой Быховца указывал

---

[395] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 81, 95, 169; *Narbutt T.* Pomniki ... S. 34.

[396] *Ластоўскі В. Ю.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі ... С. 193.

[397] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 93, 166; *Narbutt T.* Pomniki ... S. 32.

[398] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 93, 167; *Narbutt T.* Pomniki ... S. 33.

[399] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki ... S. 16, 54—55.

[400] *Prochaska A.* Z powodu wydawnictwa ... S. 116.

[401] *Улащик Н. Н.* Предисловие // Хроника Быховца. М. : Наука, 1966. С. 24.

[402] *Морозова Н. А.* К вопросу о времени создания Хроники Быховца // Slavistica Vilnensis. 2000. Vilnius, 2000. [Kalbotyra, 49 (2)]. С. 137—141; *Citko L.* «Kronika Bychowca» ... S. 265.

и В. А. Чемерицкий[403]. Результаты настоящего сравнительного анализа, с привлечением открытого недавно Вавельского фрагмента, лишний раз подтверждают эти выводы и позволяют в более широком смысле предполагать, что для создания второго летописного свода ВКЛ (по списку Красинского) и третьего летописного свода ВКЛ (по хронике Быховца и Вавельскому фрагменту) был использован список, очень близкий к Слуцкому.

Стык между первой и второй частями «Летописца великих князей литовских» первой редакции

Существенное значение для источниковедческой оценки «Летописца великих князей литовских» имеет установление стыка, своеобразной границы между текстами его первой и второй частей.

По мнению Ф. П. Сушицкого, вторая часть «Летописца» начинается сразу после сообщения о первом отъезде Витовта в Пруссию, которым завершается «Origo regis»[404].

Н. А. Морозова пришла к выводу, что первая часть «Летописца» написана на «руськом» (по ее терминологии) языке, в котором основной глагольной формой прошедшего времени является перфект без связки. Вторая же часть создана на «гибридном церковнославянском» языке с преобладанием аористов и перфектов со связкой[405]. Таким образом, определить начало второй части «Летописца великих князей литовских» можно с учетом особенностей языка.

В. К. Мороз повторила некоторые наблюдения Н. А. Морозовой, отметив, что точно разделить текст на отдельные структурные части можно, в частности, по таким языковым признакам, как полногласие и неполногласие, использование глагольных форм аориста и перфекта и т. д.[406] Исходя из этого, она посчитала, что первая часть «Летописца великих князей литовских» завершается на словах «И оттолѣ почал крестити Литву у латынскую вѣру, и прислал арцибискуп бискупа к Вилни в Литовскую землю», а вторая часть начинается с описания похода князя Андрея Ольгердовича на Литву («и тогда начяша стави костелы в всеи Литовъскои земли»)[407].

Существует ряд контраргументов, которые не позволяют принять это мнение.

Во-первых, кажется невозможным, чтобы граница между двумя частями «Летописца» проходила посреди логически завершенной и целостной фразы: «И w*т*толѣ почал крстити Литву оу Латы*н*скую вѣроу,

---

[403] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы … С. 138, 168—169.

[404] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи … С. 149.

[405] *Морозова Н. А.* Виленский список … С. 38—39.

[406] *Мароз В. К.* Летапісы і хронікі … С. 71.

[407] Там же. С. 71, 76.

и прислал арцибискуп бискоупа к Вилни в Литовскоую землю, и тогда начѧша стави костелы въ всеи Литовъ[с]кои земли» (цит. по Виленскому списку)[408]. Цитируемая фраза в полной мере соответствует критериям, которые указала Н. А. Морозова для текста, написанного на «гибридном церковнославянском» языке, т. е. объединяющего в себе элементы как церковнославянского, так и западнорусского языка. Иначе говоря, вся эта фраза целиком могла входить в состав второй части «Летописца великих князей литовских».

Во-вторых, необходимо учитывать фактор «Origo regis», т. е. принимать во внимание, на каких словах завершается латинский перевод первой части «Летописца великих князей литовских».

В-третьих, если следовать аргументации В. К. Мороз, то необходимо оставить в первой части «Летописца» фразу, явно написанную с элементами церковнославянского языка: «Бывшоу же ему в Нѣмцех и оу Маринѣградѣ оу мистра, приехаша к немоу мнози кн(я)зи и боѧре Литовьскыи» (цит. по Виленскому списку)[409]. Здесь наблюдаются такие черты, как дательный самостоятельный[410], форма аориста. Для объяснения возникающего противоречия В. К. Мороз называет эту фразу «небольшой вставкой» в первой части «Летописца»[411], но в этом случае непонятно, почему таких вставок на церковнославянском языке нет в остальном тексте первой части.

	Конец первой части «Летописца великих князей литовских»	**Начало второй части «Летописца великих князей литовских»**
«Origo regis»	…ad Theutunicos properauit[412].	—
Виленский список	И оутекъ з города въ Нѣмци и оу Прусы.	Бывшоу же ему в Нѣмцех и оу Маринѣградѣ оу мистра, приехаша к немоу мнози кн(я)зи и боѧре Литовьскыи[413].

[408] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 198 .

[409] Там же.

[410] Дательный самостоятельный активно используется во второй части «Летописца» и крайне редко — в первой (едва ли не единственный случай — фраза «еще не съшедшимся полком за три или за четыри стреленя», читаемая с разными вариациями в Супрасльском, Виленским и Академическом списках, в Слуцком конструкция здесь несколько иная, но тоже восходящая к исходному дательному самостоятельному: «и какь не снемшис полкомь за 3 или за 4 стрелениа»).

[411] *Мароз В. К.* Мова беларускага летапісання: «Летописец великих князей литовских» // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Я. Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2009. № 1. С. 61.

[412] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 226.

[413] Там же. Стб. 197—198.

	Конец первой части «Летописца великих князей литовских»	Начало второй части «Летописца великих князей литовских»
Академический список	Да оутекь оу Нѣмци оу Прусы.	Соущю *ж* ему оу Нѣмцахь оу Марьинѣ градѣ у мистра приехаше к нему мнози кн(я)зи и бояре Литовьскїи[414].
Слуцкий список	И оутечеть оу Немци и Пруси.	Соущу *ж* емоу оу Немцах оу М(а)рьине городѣ оу мистра и приехавша к нему мнози кн(я)зи и бояре Литовьскии[415].
Супрасльский список	И оутечеть во Немьци оу Проуси.	Соущю же емоу в Нимцах в Марине городѣ в мистра и приѣхаша к немоу многи кн(я)зи и бояре Литовъскыи[416].

Этих противоречий можно избежать, признав, что первая часть «Летописца великих князей литовских» заканчивается там же, где завершается и латинский перевод «Origo regis», а именно на словах об отъезде Витовта в Пруссию.

Соотношение между «Witoldes sache» и «Летописцем великих князей литовских»

Вернемся теперь к «Witoldes sache», чтобы оценить соотношение и возможные взаимосвязи этого произведения с первой частью «Летописца великих князей литовских».

С целью сравнения текстов первая часть «Witoldes sache» и первая часть «Летописца великих князей литовских», охватывающие период до 1382 г., условно разделены на пять блоков, которые состоят в общей сложности из 78 отдельных смысловых элементов. В таблицах используются следующие условные обозначения:

- 1 = 1 — номера смысловых элементов, взаимно соответствующих друг другу.
- * — в композиционной структуре одного текста элемент располагается не в той последовательности, как в другом тексте.
- Н — смысловое несоответствие двух элементов.

[414] Там же. Стб. 148.
[415] Там же. Стб. 89.
[416] Там же. Стб. 77.

- П — относительно полное смысловое соответствие двух элементов.
- ПТ — относительно полное смысловое соответствие и частичное текстуальное соответствие.
- У — уникальный элемент, которого нет в другом тексте.
- Ч — частичное соответствие; при общем смысловом соответствии присутствуют детали, которых нет в другом тексте.
- ЧТ — частичное смысловое соответствие (как при условном обозначении Ч) и частичное текстуальное соответствие.

Первый блок: раздел земель и власти между сыновьями великого князя литовского Гедимина

	«Witoldes sache»		**«Летописец великих князей литовских»**
1	Гедимин перед смертью раздает уделы своим сыновьям	1 = 1, Н	Количество и перечень сыновей Гедимина
2	*Нет*	У	Удел Монтивида: Слоним и Кернов
3	*Нет*	У	Удел Наримонта: Пинск
4	Гедимин дает Евнутию великое княжение в Вильно	4 = 5, П*	Удел Ольгерда: Крево; витебский князь выдает за Ольгерда свою единственную дочь, и таким образом тот получает Витебск
5	Гедимин дает Ольгерду княжение в Витебске	5 = 4, Ч*	Евнутию передано великое княжение в Вильно
6	Гедимин дает Кейстуту княжение в Троках	6 = 6, П	Удел Кейстута: Троки
7	*Нет*	У	Удел Кориата: Новогородок
8	*Нет*	У	Владимирский князь принимает Любарта в качестве зятя и передает ему Волынскую землю

В первом блоке рассказывается о разделе земель и власти между сыновьями Гедимина. В «Witoldes sache» из всех Гедиминовичей упомянуты только Евнутий, Ольгерд и Кейстут, при этом если согласно «Летописцу» Ольгерд получил Витебск после того, как женился на дочери местного князя, то в «Witoldes sache» утверждается, что княжение в Витебске дал Ольгерду непосредственно Гедимин: «(…vnd gab) Jagaln, fatir Algarden, di herschafft czu Witawis».

Второй блок: заговор князей Ольгерда и Кейстута против великого князя литовского Евнутия

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
9	Князья Ольгерд и Кейстут с юности жили в дружбе; они испытали некоторые несправедливости со стороны великого князя литовского Евнутия и сговорились его свергнуть	9 = 9, ЧТ	Князья Ольгерд и Кейстут жили в большой дружбе и единстве; им не понравилась верховная власть Евнутия, и они сговорились его свергнуть

Текстовые параллели

«Witoldes sache»: Vnd als vn*ser* feter herczog Algart vnd herczog Kinstut von jogu*n*t haben sy begunst czu leben fru*n*tlich, nu dirsagen si jn von h*er*czoge*n* Jawnute*n* eczliche vnrechte. Vnd si vorsprochen sich vor eyn, h*er*czog Algart mit vn*ser*m fater herczoge*n* Kinstutte*n*, das sy mit ichte mochten di Wille besitczen vnd Jawnuten vsczutriben…

«Origo regis»: Olgerth, pater domini regis, et Kyestruch, pater domini ducis Wythowdi, erant in magna dilectione et vnitate et condixerunt inter se fratres, dux magnus Olgerth et dux magnus Kyersthuch, quomodo ipsum de hinc deponere possent vt vnus illorum duorum succedat…

Виленский список: Ѡлкгирдъ королевъ w(те)ць а великого кн(я)зѧ Витовта w(те)ць Кестутїи были у великои м(и)л(о)сти и в ласце. Кнѧз великыи Євнутїи въ болшиньствѣ буда не полюбилсѧ има и смовилисѧ межи собою братѧ, кнѧз великыи Ѡлкгирдъ и кнѧзь великыи Кестутїи, какъ бы им его wтолѣ высадити а которому бы промежу их сѣсти…

10	Заговорщики определили день для захвата Вильно	10 = 10, ПТ	Заговорщики определили день для захвата Вильно и свержения Евнутия

Текстовые параллели (частичные)

«Witoldes sache»: Vnd goben jn eyne*n* tag, welchen tag sy solden syn vor der Wille…

«Origo regis»: Et condicon*t* inter se terminum et diem fecerunt, quibus ad Vilnam venire et castrum occupare et capere sub fratre ipsorum duce m. Jewyntho…

Виленский список: И смовивши межу собож и рокъ учинили, которого бы днѧ к Вилни пригнати и засѣсти город под братом, великым кн(я)земь Євнутьємь…

11	Кейстут пришел к Вильно в назначенный день, а Ольгерд не успел	11 = 11, ПТ	Ольгерд не успел приехать из Витебска к Вильно в назначенный срок

Текстовые параллели (частичные)

«Witoldes sache»: Vnd vn*ser* fater Kinstut der quam vff den tag vor das hus czur Wille, vnd h*er*czog Algart der konde nicht komen…

«Origo regis»: Tunc m. dux Olgerth de Wythewsko non potuit ad eundem terminum venire Vilne condictum…

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
	Виленский список: Кнѧз великыи Ѳлкгирдъ с Витебьска не поспѣлъ к томоу рокоу къ Вилни…		
12	Кейстут завладел Вильно и изгнал Евнутия	12 = 12, ПТ	Кейстут занял Виленский замок, а Евнутий бежал из Вильно
	Текстовые параллели		
	«Witoldes sache»: Vnd vn*ser* vater herczog Kinstutt der besas di Wille vnd treib Jawnuten dorvs…		
	«Origo regis»: Dux autem m. Kyerstruki veniens festine ad Vilnam catrum ipsum intrauit. Dux vero m. Jewynthi exiliens de castro fugit…		
	Виленский список: А кнѧз великыи Кестутеи пригнал къ городѫ к Вилни и въгнал в город, и кнѧз великыи Євноутїи выскочил…		
13	*Нет*	У	Евнутий отморозил ноги, когда прятался от погони
14	Кейстута поддержал весь народ, и все другие замки подчинились ему	У	*Нет*
15	*Нет*	У	Кейстут посадил Евнутия под стражу и направил гонца к Ольгерду; гонец встретил Ольгерда в Крево
16	Ольгерд приезжает в Вильно, и Кейстут как младший брат позволяет ему завладеть Вильно и другими землями и городами	16 = 16, ПТ	Ольгерд приезжает в Вильно, и Кейстут передает ему как своему старшему брату великое княжение и власть над всей землей
	Текстовые параллели (частичные)		
	«Witoldes sache»: Dor noch quam herczog Algart ken der Wille czu vn*ser*m fater vnd vn*ser* fater durch des alders wille, als her sin eldester bruder was, vnd gab jm di Wille czu besitzen…		
	«Origo regis»: Dux m. Olgert eo celeries applicat Vilnam, ad fratrem suum Kyerstruchi venit, qui dicit fratri suo duci Olgerdo: «Tibi licet esse in Vilna m. ducem, quia es senior frater et tecum in vnitate viuo». Et locat eum in magno ducatu Vilne…		
	Виленский список: И кнѧз великыи Ѳлкгирдъ борздѣи поспешит єхати къ брат*у* своємѫ, ко кнѧзю великому Кестоут*ю*, и кнѧз великыи Кестутїи реч брату своєму, великомоу кнѧзю Ѳлкгирду: «Тобѣ под*о*баєть кн(ѧ)земь великы*м* быти у Вилнї, старши*и* братъ, а я с тобою за wдно живѫ». И посади єго на великw*м* кнѧжени оу Вилни…		
17	*Нет*	У	Евнутию дается в качестве удела Заславль
18	*Нет*	У	Ольгерд и Кейстут договариваются между собой, что все братья будут послушны великому князю литовскому Ольгерду

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
19	Ольгерд и Кейстут делят свои земли и города на две части	19 = 19, ПТ	Ольгерд и Кейстут делят некоторые волости между собой
	Текстовые параллели **«Witoldes sache»:** ...vnd ander land vnde borge das teilten sy jn all czu mole enczwei... **«Origo regis»:** Et aliquos districtus inter se diuiserunt... **Виленский список:** *нет;* **Супрасльский и Академический списки:** Или которыи волости, то собѣ розьделили...		
20	Ольгерд и Кейстут договариваются, что всю военную добычу в других землях будут делить между собой пополам	20 = 20, ЧТ	Ольгерд и Кейстут договариваются, что все города, замки или волости, которые добудут, будут делить между собой пополам
	Текстовые параллели **«Witoldes sache»:** Vnd globten den ander, was man mochte jn andern landen gewi*n*nen, das solde man alls entzwei teilen... **«Origo regis»:** Et hoc eciam inter se concluserunt, vbicumque aliquid acceperint, puta: ciuitates, castra aut districtus, id per medium diuidere... **Виленский список:** А то собѣ въпѣвнѧ*т*, што придобоудоу*т* (градъ) или волости, да то дѣлити на полы...		
21	Добыв в Русской земле много замков и территорий, Ольгерд и Кейстут поделили их поровну	У	*Нет*
22	Ольгерд и Кейстут относились друг к другу с большим доверием	22 = 22, Ч	Ольгерд и Кейстут постановили жить друг с другом до самой смерти в дружбе и мире
23	*Нет*	У	Ольгерд и Кейстут присягают друг другу в том, что не будут задумывать лихое друг против друга, и остаются верны этой присяге до самой смерти

Во втором блоке повествуется о заговоре Ольгерда и Кейстута против великого князя Евнутия и о соглашении, которое два князя заключили между собой после захвата Вильно. Именно в этой части встречаются явные текстологические параллели между «Witoldes sache» и «Летописцем». В некоторых фрагментах тексты «Witoldes sache» и «Летописца» имеют даже дословные и не кажущиеся случайными совпадения. Замечу попутно, что необходимо проводить различие между фрагментами, в которых имеются текстуальные совпадения, и фрагментами, в которых просто схожее содержание. В данном случае текстуальные совпадения между «Witoldes sache» и «Летописцем» не стопроцентные (цитируемые

фрагменты скорее похожи на вольный пересказ одного и того же первоисточника), но их доля здесь выше, чем в остальном тексте. Если не считать случайных утрат текста (по какой-то причине в «Origo regis» пропущена строка с объяснением того, почему князья Ольгерд и Кейстут решили восстать против великого князя Евнутия), тексты «Witoldes sache» и «Летописца» здесь не только совпадают, но и дополняют друг друга. Так, в «Witoldes sache» уточняется, что братья составили заговор против Евнутия из-за «некоторых несправедливостей» («eczliche vnrechte»), которые тот им причинил. В «Летописце», в свою очередь, имеется дополнительная деталь, которой нет в «Witoldes sache»: что Ольгерд отправился в поход на Вильно из Витебска.

Если в «Летописце великих князей литовских» представлена издевательская и карикатурная картина бегства великого князя литовского Евнутия из Вильно, то в «Witoldes sache» особо подчеркивается, что после свержения Евнутия Кейстут получил в Великом княжестве Литовском на какое-то время всю полноту власти и что его власть была признана народом.

При этом в «Witoldes sache» полностью отсутствует сюжетная линия о гонце, посланном в Крево к князю Ольгерду, и о Заславском уделе, переданном князю Евнутию, но внутренняя композиция блока в обоих памятниках одинакова. Так же как и в «Летописце великих князей литовских», в «Witoldes sache» указывается, что князь Кейстут и князь Ольгерд заключили между собой договоренность: делить поровну все добытые земли и замки. Но в «Witoldes sache» дополнительно приводится пример практического выполнения этой договоренности: раздел между князьями захваченных волостей на Руси.

Третий блок: после смерти великого князя литовского Ольгерда князь Кейстут посадил великим князем в Вильно совсем еще молодого Ягайла

	«Witoldes sache»		**«Летописец великих князей литовских»**
24	*Нет*	У	Количество сыновей Ольгерда и Кейстута
25	*Нет*	У	Ольгерд и Кейстут назначают своими преемниками Ягайла и Витовта
26	*Нет*	У	Дружба между Ягайлом и Витовтом
27	После смерти Ольгерда Кейстут мог бы перевести юного Ягайла из Вильно в любое другое княжество, но не стал этого делать, уважая волю старшего брата	27 = 27, Ч	После смерти Ольгерда Кейстут не нарушил слова, данного своему старшему брату

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
28	Кейстут посадил Ягайла князем в Вильно и оберегал его, пока он не вырос и пока люди к нему не привыкли	28 = 28, Ч	Кейстут стал держать Ягайла в Вильно в качестве великого князя и ездить к нему на советы

Третий блок посвящен событиям после смерти великого князя Ольгерда, когда Кейстут посадил великим князем в Вильно совсем еще юного Ягайла. В «Witoldes sache» нет известий о дружбе между Витовтом и Ягайлом и о том, что отцы еще при жизни назначили их своими преемниками на княжениях. Зато, в отличие от «Летописца», подчеркивается, что судьба Ягайла зависела от воли князя Кейстута, который при желании мог бы сам стать правителем в Вильно, но не стал этого делать ради своего старшего брата. Если в «Летописце» говорится, что князь Кейстут стал приезжать к великому князю литовскому на советы, то в «Witoldes sache» заостряется тема беспомощности и зависимости Ягайла в начальный период его княжения.

Четвертый блок: князь Кейстут, узнав о том, что великий князь литовский Ягайло тайно заключил перемирие с Тевтонским орденом, захватил Вильно и сослал Ягайла в Витебский удел

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
29	*Нет*	У	Рассказ о Войдыле, который, войдя в доверие к Ягайлу, начал договариваться с Тевтонским орденом против Кейстута
30	Некоторые друзья сообщают Кейстуту о тайном перемирии между Ягайлом и Тевтонским орденом	30 = 30, Ч	Комтур Остероде Гоэнштайн сообщает Кейстуту об измене Ягайла
31	Содержание договоренности между Ягайлом и Орденом: «Vnd vn*ser*n fater gab her vs, das her der heeren solde, vnd globte, das her vn*ser* fatir nicht helfen welde» («И нашего отца он предал, [устроив так], что он [Кейстут] должен будет воевать, и обещал, что нашему отцу не будет помогать»)	31 = 31, Н	Содержание договоренности между Ягайлом и Орденом: «Tu nescis hoc, quomodo dux Jagyello mittit ad nos sepius Woydilonem. Et iam inscripsit se nobiscum quomodo priuaret te tuis bonis, vt ipsa adipiscatur et cum sorrore ducis m. Jagellonis» («Origo regis»); «Ты того не вѣдаешь, как князь великии Ягаило посылаеть к нам часто Воидила, уже записаль ся

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
31			з нами, как тебе избавити своих мѣсть, а ему бы ся достало и с сестрою великого князя Ягаила твои мѣста» (Академический и Супрасльский списки)
32	Намерение Ягайла схватить и убить Кейстута и Витовта, а потом забрать их земли	У	*Нет*
33	*Нет*	У	Кейстут пожаловался Витовту на измену Ягайла
34	*Нет*	У	Третье доказательство измены: совместная осада Полоцка войсками князя Скиргайла и Тевтонского ордена в Ливонии
35	*Нет*	У	Витовт уезжает в Дорогичин (на Подляшье)
36	Кейстут захватывает Вильно, всю казну, все замки и области Ягайла и сажает его вместе с братьями и матерью под стражу	36 = 36, Ч	Кейстут захватывает Вильно и арестовывает Ягайла, его мать и братьев
37	*Нет*	У	Кейстут находит в Вильно грамоты — секретные договоры Ягайла с Тевтонским орденом
38	*Нет*	У	Кейстут посылает гонца к Витовту; Витовт очень быстро прибывает в Вильно
39	Кейстут, не желая зла Ягайлу, отдает ему вместе с казною Витебск и все земли, которые ранее держал в качестве вотчины князь Ольгерд	39 = 39, Ч	Кейстут рассказывает Витовту о найденных грамотах и о своих планах отдать Ягайлу Крево и Витебск
40	*Нет*	У	Ягайло радуется приезду Витовта
41	Ягайло дает присягу и выдает грамоту, что никогда не будет требовать назад Вильно и будет послушен Кейстуту в своем Витебском уделе	41 = 41, Ч	Ягайло дает присягу, что никогда не будет выступать против Кейстута
42	*Нет*	У	Витовт провожает Ягайла до Крева, откуда Ягайло выезжает в Витебск

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
43	*Нет*	У	Кейстут направляет своих людей в Полоцк, чтобы снять осаду; Скиргайло бежит в Ливонию

В четвертом блоке рассказывается о том, как князь Кейстут, узнав о тайном заключении перемирия между великим князем Ягайлом и Тевтонским орденом, захватил Вильно и сослал Ягайла в Витебский удел. В «Witoldes sache» блок представлен в значительно более кратком виде: отсутствует целый ряд важных деталей, например вся сюжетная линия о боярине Войдыле, рассказ о трех доказательствах, которые собрал князь Кейстут прежде чем обвинить Ягайлу в измене, а также фрагмент об осаде Полоцка войсками князя Скиргайла и ливонских крестоносцев. В отличие от «Летописца», в соответствующем блоке «Witoldes sache» нет и подробностей, характеризующих поведение князя Витовта: его поездки, беседы с Кейстутом, приезд к арестованному Ягайлу и т. д. Различается также в двух памятниках описание договоренностей между Ягайлом и Тевтонским орденом: в «Witoldes sache» оно лаконичнее и точнее.

Пятый блок: князь Ягайло занял Вильно и, обманом заманив к себе князей Кейстута и Витовта во время военного противостояния, арестовал их; Кейстута убивают в Кревском замке, а Витовт вынужден бежать в Пруссию

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
44	Ягайло занял Вильно, когда Кейстут был в походе	44 = 44/46, Ч*	Кейстут пошел походом против князя Корибута на Новгород-Северский, а Витовта оставил в Литве
45	*Нет*	У	Кейстут приказывает повесить Войдылу
46	*Нет*	У	Ягайло подговорил горожанина Гануля с его людьми занять Вильно и сам прибыл из Витебска к Вильно
47	*Нет*	У	Витовт, который был в это время в Троках, послал гонца к Кейстуту
48	Когда Кейстут вернулся из похода, Ягайло занял Троки	48 = 48, Ч	С помощью войск Тевтонского ордена Ягайло берет Троки
49	*Нет*	У	Витовт бежит в Городен вместе со своей матерью, там их находит Кейстут

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
50	*Нет*	У	Кейстут отправляет свою жену в Берестье, надеясь на помощь своего зятя мазовецкого князя Януша
51	Кейстут едет в Жемайтию, чтобы получить военную помощь	51 = 51, Ч	Кейстут едет в Жемайтию, а Витовта оставляет в Городне
52	*Нет*	У	Мазовецкий князь Янущ занимает замки Дорогичин и Мельник, осаждает Берестье и опустошает окрестности Суража, Бельска и Каменца
53	Кейстут приходит с жемайтами под Троки, вместе с ним его сын, от лица которого ведется повествование в «Witoldes sache»	53 = 53, Ч	Кейстут, собрав войска, приходит из Жемайтии к реке Вилии, а Витовт с войском идет ему навстречу из Городна: они встречаются неподалеку от Ковно и начинают осаждать Троки
54	Ягайло с войском догоняет Кейстута и Витовта, вместе с ним отряд Тевтонского ордена в Ливонии	54 = 54, Ч	Кейстут услышал, что Ягайло идет из Вильно с войском и что вместе с ним следует отряд Тевтонского ордена в Пруссии и Ливонии
55	*Нет*	У	Доказательства тайного сговора Ягайла с Орденом
56	Войска Кейстута и Витовта стояли на пригорке, а напротив на другом пригорке — войска Ягайла	56 = 56, Ч	Войска Кейстута и Витовта стояли напротив войск Ягайла на расстоянии 3—4 выстрелов
57	Ягайло послал на переговоры Скиргайла, который начал вызывать Кейстута по имени	57 = 57, Н	Ягайло послал на переговоры своих князей и бояр, которые начали вызывать Витовта по имени
58	*Нет*	У	Князья и бояре попросили Витовта поехать на переговоры к Ягайлу и дали ему присягу, что он вернется в безопасности
59	*Нет*	У	Витовт соглашается ехать при условии, что такую же присягу даст Скиргайло
60	*Нет*	У	Скиргайло, приехав, дает Витовту такую же присягу

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
61	*Нет*	У	Витовт едет на переговоры к Ягайлу, а войска стоят, не начиная битвы
62	*Нет*	У	Ягайло просит Витовта помирить его с Кейстутом и дает присягу, что Кейстуту можно будет в безопасности приехать на переговоры и отъехать назад
63	*Нет*	У	Витовт просит Ягайла прислать вместе с ним к Кейстуту Скиргайла, чтобы тот дал присягу от своего имени и от имени Ягайла
64	Скиргайло присягает и ручается перед Кейстутом и Витовтом — от своего имени и от имени Ягайла	64 = 64, Ч	Витовт и Скиргайло приезжают к Кейстуту; Витовт дает ему присягу от имени Ягайла, а Скиргайло — от своего имени и от имени Ягайла
65	Кейстут и Витовт, поверив присягам Скиргайла, едут на переговоры с Ягайлом	65 = 65, П	Кейстут и Витовт, поверив присягам, едут на переговоры
66	*Нет*	У	Замечание, что если бы поехал один Кейстут, а Витовт остался бы в войске, то, возможно, ничего не случилось бы
67	Ягайло и Скиргайло арестовывают Кейстута	67 = 67, Ч	Нарушив свои присяги, Ягайло приказывает окружить Кейстута и Витовта и отправить их в Вильно
68	*Нет*	У	Войска остались, так и не начав битву
69	*Нет*	У	В Вильно Кейстута заковали в кандалы и отправили в Кревский замок, где посадили в подвал башни
70	*Нет*	У	Витовта оставили в Вильно
71	Ягайло и Скиргайло убивают Кейстута	71 = 71, Ч	В Крево Кейстута убивают слуги Ягайла, имена которых перечисляются
72	Ягайло и Скиргайло убивают мать Витовта	У	*Нет*
73	Ягайло и Скиргайло помещают Витовта в заточение	73 = 73, Ч	Ягайло помещает Витовта и его жену под стражу в Кревский замок

	«Witoldes sache»		«Летописец великих князей литовских»
74	*Нет*	У	Чтобы отомстить за смерть Войдылы, Ягайло приказывает казнить родственников Кейстута и Бируты, в том числе Видимонта и Бутрима
75	Бог спасает Витовта, и он бежит из заточения	75 = 75, Ч	По совету жены Витовт переодевается в женскую одежду и бежит из Кревского замка
76	Витовт бежит на территорию Тевтонского ордена в Пруссии	76 = 76, П	Витовт бежит к немцам в Пруссию
77	В Пруссии Витовт принимает католичество	У	*Нет*
78	В руках Ягайла и Скиргайла Витовт оставил своего брата, сестру, жену и своих детей	У	*Нет*

Наконец, в пятом блоке повествуется о том, как князь Ягайло занял Вильно и, обманом заманив к себе князей Кейстута и Витовта во время военного противостояния, арестовал их; Кейстута убивают в Кревском замке, а Витовт вынужден бежать в Пруссию. В этой части известия «Witoldes sache» отличаются наибольшей краткостью в сравнении с «Летописцем великих князей литовских». Отсутствуют целые пласты информации: о повешении Войдылы и соответственно о казни его убийц, об участии горожан Вильно во главе с Ганулем в восстании против Кейстута, о нападении мазовецкого князя Януша на земли Кейстута, об убийцах Кейстута. Но даже и при таком кратком изложении в абсолютном большинстве случаев сведения «Witoldes sache» в этом блоке согласуются с известиями «Летописца» или по крайней мере не противоречат им. Например, если в «Летописце» повествуется о том, что во время виленского восстания Кейстут находился в военном походе против новгород-северского князя Дмитрия Корибута, то в «Witoldes sache» об этих же событиях говорится очень сжато: «Vnd jn den cziten was vn*ser* fatir jn einer herfard». Точно так же, если в «Летописце» подробно описывается пребывание Витовта в Кревском замке и его побег оттуда, то в «Witoldes sache» Кревский замок не называется и вообще дело изложено весьма лаконично, если не сказать — туманно: «Vnd mich selbir nome*n* si jn ein gefengnisse. Do entrug mich Got vnd ich entliff von jn». Одно из немногих явных противоречий между произведениями содержится в сообщении о начале переговоров между Ягайлом и Кейстутом: согласно «Witoldes sache» Ягайло прислал к противостоящему войску своего брата Скиргайла, и он стал вызывать на переговоры Кейстута; согласно «Летописцу» были присланы некие князья и бояре, которые вызывали Витовта. Для

«Witoldes sache» в этом блоке характерно появление религиозной смысловой составляющей, чего совершенно не находим в соответствующей части «Летописца великих князей литовских». Очевидно, Витовт старался произвести на свою аудиторию — братьев Тевтонского ордена — благоприятное впечатление, поэтому в «Witoldes sache» появилось упоминание о его крещении в Пруссии, а удачный побег из тюрьмы объясняется Божьим промыслом.

Подведем некоторые итоги сопоставления. Общее соотношение элементов во всех пяти блоках следующее (78 элементов = 100 %).

В первой части «Летописца великих князей литовских» имеется 39 уникальных элементов (или 50 % от общего количества элементов), которых нет в первой части «Witoldes sache» до 1382 г.

В первой части «Witoldes sache» соответственно имеется 6 уникальных смысловых элементов (или 7,69 % от общего количества), которых нет в первой части «Летописца великих князей литовских». Это довольно важные известия, которые, при условии их достоверности, существенно пополняют наши знания о внутриполитической ситуации в ВКЛ второй половины XIV в.: например, поддержка Кейстута всем народом после свержения Евнутия, практическое выполнение соглашения о разделе волостей на Руси, намерение Ягайла схватить и убить Кейстута и Витовта, а потом забрать их земли, убийство матери Витовта людьми Ягайла и Скиргайла в 1382 г. Этот момент важно подчеркнуть, иначе может сложиться ложное представление, что будто бы весь состав и все содержание первой части «Witoldes sache» о событиях до 1382 г. дублируются в «Летописце».

Параллели в двух текстах имеют между собой только 33 смысловых элемента. Если принять их за 100 %, то получается следующее соотношение.

Относительно полное смысловое соответствие наблюдается у 10 параллельных элементов двух текстов (или 30,3 % от общего количества параллельных элементов). При этом 5 из этих элементов имеют частичное текстуальное соответствие со своим аналогом из сравниваемого текста.

Частичное смысловое соответствие между собой имеют 20 элементов (или 60,6 % от общего количества параллельных элементов). При этом два из них имеют частичное текстуальное соответствие со своим аналогом из сравниваемого текста.

Относительно полное смысловое несоответствие прослеживается только у 3 параллельных элементов (или 9,1 % от общего количества параллельных элементов); это элементы 1, 31, 57.

Таким образом, из 33 параллельных элементов **7 элементов (21,21 %, или пятая часть) имеют частичные текстуальные соответствия**. Конечно, необходимо сделать поправку на некоторую субъективность этой оценки, поскольку сравнение проводится между иноязычными текста-

ми — средневерхненемецким, латинским и западнорусским. Текстуальные соответствия фиксируются только во втором блоке, где речь идет о полулегендарных событиях 40-х гг. XIV в., современником которых не мог быть ни автор «Witoldes sache», ни автор первой части «Летописца великих князей литовских». В сообщениях о событиях 1379—1382 гг. вариативность текстов значительно возрастает.

Под композиционным соответствием в настоящем исследовании понимается наличие в двух произведениях соответствующих друг другу по смыслу и содержанию фрагментов текста, размещенных в одинаковой последовательности. Исходя из этого, композиционное несоответствие в двух текстах можно наблюдать только по трем смысловым элементам. Так, в «Witoldes sache» сначала сообщается о передаче Евнутию великого княжения в Вильно, а уже затем об уделе Ольгерда, а в «Летописце» — наоборот. Кроме того, в «Witoldes sache» сообщение о том, что Ягайло занял Вильно, когда Кейстут был в походе, изложено очень сжато и фактически представляет собой один смысловой элемент (44), тогда как в «Летописце» — это довольно пространный рассказ, подразделяющийся на два смысловых элемента (44 и 46). В процентном отношении композиционное несоответствие между двумя текстами настолько незначительно, что **если из первой части «Летописца великих князей литовских» и первой части «Witoldes sache» убрать уникальные элементы и немногочисленные элементы с полным смысловым несоответствием, то мы получим практически идентичные по структуре тексты.**

Композиционное и текстуальное сравнение, однако, не позволяет ответить на вопрос: который из текстов возник раньше — первая часть «Witoldes sache» или первая часть «Летописца великих князей литовских»? Это можно сделать только с помощью анализа исторических данных. В «Летописце великих князей литовских», и в том числе в «Origo regis», упоминается о том, что вдова Бутрима, казненного в 1382 г., Ульяна впоследствии стала женой боярина Монивида. А поскольку они поженились не ранее 1407 г. (о чем мы подробнее поговорим в четвертой главе), то, значит, последний раз протограф первой части «Летописца» редактировался как минимум спустя 17 лет после возникновения «Witoldes sache».

В целом невозможно категорично утверждать, что «Witoldes sache» в том виде, в каком этот текст на средневерхненемецком языке сохранился до наших дней, непосредственно использовалось для создания «Летописца великих князей литовских». Мне кажется, что связь между двумя памятниками не столь прямолинейна. «Witoldes sache» — это утилитарный инструмент, предназначавшийся сугубо для удовлетворения сиюминутных политических потребностей Витовта и наглухо погребенный в архиве Тевтонского ордена, т. е. после 1390 г. не оказывавший влияния на создание хроникальных памятников на территории Великого княжества Литовского.

На генеалогическом древе «Летописца великих князей литовских» это своего рода тупиковая ветвь, интересная не своими потомками, которых не было, а своими предками. Бесспорно, первая часть «Witoldes sache» и первая часть «Летописца» основываются на общей, если можно так выразиться, модели представлений о последовательности и содержании основных событий, имеют общее композиционное ядро — разумеется, при различиях в отдельных деталях и в трактовках некоторых фактов. Поэтому правомерно говорить о том, что у них имелся общий архетип на западнорусском языке, описывавший события до 1382 г. включительно и созданный еще до 1390 г. Причем в той части, которая касалась событий 40-х гг. XIV в., этот архетип был облечен в письменную форму. Цель создания такого архетипа вполне очевидна — обоснование прав Кейстута и Витовта на великое княжение в Вильно и на земли, которыми они владели.

Воспользовавшись этим архетипом, создатель «Witoldes sache» дополнил его рассказом о событиях 1382—1389 гг., перечислив обиды и несправедливости, которые Витовт и его сторонники претерпели со стороны Ягайла и Скиргайла после возвращения из Пруссии в ВКЛ. Эта часть содержит уникальную информацию, текстовых и смысловых аналогов которой мы не находим ни в «Летописце великих князей литовских», ни в других письменных источниках.

Вторая редакция «Летописца великих князей литовских»

Вторая редакция «Летописца великих князей литовских» находится в составе второго летописного свода ВКЛ, возникшего в 20-х гг. XVI в.[417] Она представлена, в частности, списками Красинского, Рачинского, Археологического общества, Патриаршим А, Румянцевским, Ольшевским, Евреиновским.

Наиболее ранний вариант второй редакции «Летописца», послуживший источником для всех последующих, отражен в списке Красинского, для создания которого был использован текст, очень близкий к Слуцкому списку. Сборник, в котором размещен список Красинского, по филиграням датируется периодом между 1542 и 1595 гг. и принадлежал какое-то время польскому коллекционеру Константину Свидзинскому (1793—1855), от которого 30 ноября 1833 г. поступил в Библиотеку Красинских в Варшаве. В 1944 г. кодекс был уничтожен пожаром во время Варшавского антинацистского восстания[418].

---

[417] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы … С. 136, 158.

[418] Описание рукописи см.: *Карский Е. Ф.* О языке так называемых литовских летописей. С. 211—213; ПСРЛ. Т. 17. С. IV; *Улащик Н. Н.* : 1) Предисловие (1980). С. 10—11; 2) Введение в изучение … С. 55—56.

Текст «Летописца великих князей литовских» в списке Красинского озаглавлен «Кроиники w великихъ кн(я)зех литовъскыхъ». Ему предшествует обширное, изобилующее недостоверными сведениями сочинение о легендарном периоде истории Литвы «Лѣтописець Великого кнѧзьства Литовъского и Жомоицьского». Такая же компоновка материала сохранена и во всех других списках второго летописного свода ВКЛ. Уже в списке Красинского текст летописного свода для удобства чтения разделен на подразделы, имеющие свои подзаголовки. Сразу после подраздела «Кроиники w великихъ кн(я)зех литовъскыхъ» идет подраздел «GƆ Подольскои земли», далее «GƆ Витовътѣ з митрополитом Киевским», «Похвала w вѣликом кн(я)зи Витовтѣ» и т. д. В последующих вариантах второго летописного свода ВКЛ такое деление на подразделы получило свое логическое продолжение, и сетка подзаголовков стала пронизывать уже сам текст «Летописца великих князей литовских»: «GƆ великом кн(я)зе Кгиндимине і о осми с(ы)нех ег», «GƆ кн(я)зи Олкгирде і w Кестути»[419] и т. д. Унификации текста летописного свода, составленного первоначально из разнородных материалов, дополнительно способствовало их языковое и стилистическое редактирование. Во второй редакции «Летописца великих князей литовских» перефразированы некоторые фрагменты, язык которых, видимо, уже звучал несколько архаично для читателей первой половины XVI в. Например, фраза «князь великыи Евнутии в большинстве буда» заменена в списке Красинского на более понятную, хотя и отличающуюся по смыслу от исходного текста: «А кн(я)зь великии Евнутеи был межи их в большеи почестности, кн(я)жилъ на Вилни»[420].

Заботой о том, чтобы читатель лучше понял текст, может объясняться и небольшая интерполяция, размещенная в списках Красинского, Рачинского, Патриаршем А в эпизоде о побеге Витовта из Кревского замка: «Сторожи то видѣли и нѣ догадалиса тому, творѣли (в списке Рачинского: «довнимали». — *О. Л.*) жонка з жонкою вышла»[421].

Общая черта для всех списков второй редакции «Летописца великих князей литовских» следующая. Если в списках всех остальных редакций называется место битвы между войсками Витовта, Тевтонского ордена и Скиргайла в 1390 г. — городок Вейшишки на реке Вилии («Веикулишкы», «Веишишькы», «Икшишькы», «Веищушкы», «Weyszyszki», «Веишишки», «Веишкушки», «Веикшукши»)[422], то в протографе, от которого происходят все списки второй редакции «Летописца», этого названия уже

---

[419] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 262—263, 314—315.

[420] Там же. Стб. 153.

[421] Там же. Стб. 161, 321.

[422] Там же. Стб. 79, 150, 200, 586; ПСРЛ. Т. 43. С. 269; *Narbutt T.* Pomniki ... S. 31; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 222.

не было. Например, в списке Красинского просто сказано, что битва произошла «на реце на Вели у городка». То же встречаем в списках Рачинского, Румянцевском, Евреиновском, Археологического общества. В Ольшевском списке — переводе второго летописного свода ВКЛ на старопольский язык — содержится практически идентичная фраза: «Na rzecze Viely v horoda zamkv»[423].

Вместе с тем в сравнении со списком Красинского другие списки второй редакции «Летописца» (списки Рачинского, Археологического общества, Румянцевский, Ольшевский, Евреиновский) содержат следы дополнительного редактирования. Например, в них в самом начале «Летописца» вставлены из других источников несколько интерполяций: сообщение о дочери Гедимина, княжне Анне, выданной замуж за польского короля Владислава Локетка в 1320 г., указание на то, что Кейстут помимо Троков получил в удел Жемайтию, а также легенда о встрече Кейстута и Бируты, заложении Новых Троков и основании костела Благовещения Пресвятой Девы Марии[424].

Списки Рачинского и Евреиновский пополнены и другой добавочной информацией. В списке Рачинского помещена ошибочная дата начала княжения великого князя литовского Ольгерда: «Лета 6873, а w*т* наро*ж*(еня) Хры*с*та 1365 кнѧ*з* велики*и* Ѡлькги*р*дъ з Вите*б*ска бо*р*здо прыспелъ»[425]. Также называется дата смерти Ольгерда и — опять же ошибочно — высчитывается продолжительность его правления в Великом княжестве Литовском: «Умре в лѣ*т* Бо*ж*(его) наро*ж*(еня) 1377. Пановалъ на Ви*л*ни двана*д*ца*т* лѣ*т*» (аналогичная вставка помещена и в Евреиновском списке)[426]. Следующая интерполяция в списке Рачинского — это поименный перечень сыновей Ольгерда: «Ѡ*т* пе*р*вое жоны пѧть, а w*т* другое Тверанъки, се*м*. А то суть имена и*х*: Анъдре*и*, Дми*т*ре*и*, Костѧнти*н*, Володиме*р*, Федо*р*, Корыбутъ, Скрыга*и*ло, Якге*и*ло, Корыга*и*ло, Лукгвени, Швитрыга*и*ло»[427]. Еще одна существенная интерполяция, общая для списков Рачинского и Евреиновского, — это указание на то, что Витовт после первого возвращения из Пруссии получил помимо Волыни якобы еще и Подольскую землю[428].

Во многом идя вслед за списком Рачинского или близким к нему текстом, редактор Евреиновского списка дополнительно воспользовался некоторыми материалами третьего летописного свода ВКЛ, позаимствовав

---

[423] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 165, 274, 324, 386, 450; ПСРЛ. Т. 35. С. 205.

[424] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 262—263, 314—315, 375—376, 441; ПСРЛ. Т. 35. С. 201—202.

[425] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 315.

[426] Там же. Стб. 316, 379.

[427] Там же. Стб. 316.

[428] Там же. Стб. 321, 384.

оттуда перечни сыновей Ольгерда и Кейстута (переданные с сокращениями) и легендарный рассказ о том, как Ольгерд «приклонил копье» к стенам Москвы[429].

Третья редакция «Летописца великих князей литовских»

Общий состав

Третий летописный свод ВКЛ отразился в хронике Быховца, которую впервые полностью опубликовал польский историк литовского происхождения Т. Нарбут в 1846 г. Поскольку оригинал хроники Быховца утрачен, публикация Т. Нарбута служит главным источником текста — на ней, в частности, основаны издания в составе 17-го и 32-го томов «Полного собрания русских летописей».

В 2011 г. литовский историк Г. Лесмайтис открыл в Национальном архиве в Кракове (в фонде Сангушков) еще один список третьего летописного свода ВКЛ, получивший условное наименование Вавельский список или фрагмент; в научный оборот рукопись ввел в 2012 г. К. Гудмантас, а полностью текст Вавельского фрагмента опубликовала в 2016 г. белорусская исследовательница А. Н. Михальчук[430]. Вавельский фрагмент охватывает события от ареста великого князя Евнутия в 1345 г. до осады Орши войсками Витовта в 1393 г.

Тексты в хронике Быховца и Вавельском фрагменте в значительной мере совпадают, за некоторыми важными исключениями, о которых речь пойдет ниже. Текст «Летописца великих князей литовских» в третьем летописном своде ВКЛ, судя по хронике Быховца, доведен до встречи Витовта с Василием Дмитриевичем в Смоленске (1396). Далее следует текст летописной статьи за 6906 (sic!) г. о битве на реке Ворскле. Как уже говорилось, для создания редакции «Летописца великих князей литовских» в составе этого свода использовался список, близкий к Слуцкому, при этом текст «Летописца» был особым образом скомбинирован с текстом «Повести о Подолье» и обогащен несколькими интерполяциями, перечень которых представлен ниже:

- А. Легенда о встрече Кейстута и Бируты, заложении Новых Троков и основании костела Благовещения Пресвятой Девы Марии (схожая с той, что вошла в состав второго летописного свода ВКЛ), а также ряд приписок и поправок генеалогического характера.

---

[429] Там же. Стб. 377—379. Ср.: *Narbutt T.* Pomniki … S. 20—22; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 210—212.

[430] *Gudmantas K.* Lietuvos metraščio Vavelio nuorašas … P. 121—151; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 190—225.

• B. Интерполяции, связанные с личностью Петра Гаштольда (вставки в «Повесть о Подолье», легенды о походе Ольгерда на Москву, прибытии в ВКЛ и мученичестве виленских францисканцев).

• C. Легенда о походе Ягайла на Мазовию в 1384 г.

• D. Сказание о коронации Ягайла в Кракове и крещении Литвы.

• E. Фрагмент из неизвестной летописи или хроники о битве между войсками Витовта, Тевтонского ордена и Скиргайла на Шешкинях (предместье Вильно) в 1390 (?) г.

Интерполяции Т. Нарбута в тексте «Летописца великих князей литовских», включенном в хронику Быховца

Прежде чем охарактеризовать весь этот довольно пестрый материал, следует посвятить несколько слов вопросу аутентичности хроники Быховца. Хроника была открыта около 1830 г. виленским учителем Ипполитом Климашевским в библиотеке волковысского шляхтича Александра Быховца (откуда и название). Полный ее текст известен только по публикации Т. Нарбута, заслужившего печальную известность своими попытками ввести в научный оборот фальшивые письменные источники. Самый известный случай такого рода — это публикация Т. Нарбутом фальшивого дневника Конрада Кибурга 1397 г. как якобы аутентичного исторического источника[431]. Можно также указать и на фальшивую «Уставу о кревах», найденную в бумагах Т. Нарбута, но, впрочем, никогда им не публиковавшуюся[432]. Изучение «Летописца великих князей литовских» выявляет еще один показательный пример. В 1830 г. Т. Нарбут опубликовал фрагмент из рукописи якобы XVI в., содержащей историческую повесть, написанную неким Лукой Петровичем, уроженцем Смоленска. Заявив об аутентичности этой рукописи, Т. Нарбут даже обещал передать ее в библиотеку Виленского университета. И по стилю, и по содержанию этот текст является художественным произведением на историческую тему, написанным в духе романтической литературы первой трети XIX в. Это, однако, не помешало Т. Нарбуту сослаться на него в 5-м томе своей «Истории литовского народа» при описании убийства Кейстута. Подробнее поговорим об этом в комментарии к сообщению «Летописца великих князей литовских» об убийстве Кейстута.

---

[431] *Сагановіч Г. М.* Дзённік Конрада Кібурга 1397 г.: вяртанне да фальшыўкі // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск : БелНДІДАС, 2004. Вып. 5. С. 104—112.

[432] *Лицкевич О. В.* Ольгердиана: о некоторых фальсификатах и утраченных документах Великого княжества Литовского (литовско-московских договорах 1340—1380-х гг.) // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2011. Вып. 13. С. 89—93.

В 1959 г. были опубликованы выдержки из переписки А. Быховца и Т. Нарбута о пересылке и печатании манускрипта[433], из которых стало ясно, что рукопись хроники Быховца существовала в действительности. Кроме того, отрывок из нее, посвященный заговору против великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича, впервые опубликовал еще сам И. Климашевский[434], а некоторые параллели с хроникой Быховца фиксируются в «Хронике Польской, Литовской, Жемайтской и всей Руси» Матея Стрыйковского (1582). С учетом открытия Вавельского фрагмента теперь можно уверенно утверждать, что текст хроники Быховца не был целиком выдуман или сфальсифицирован Т. Нарбутом.

Но, как отметил на этот счет Е. Охманьский, «публикация летописи по оригиналу не исключает, однако, возможных интерполяций Нарбута, который на протяжении нескольких лет держал эту хронику у себя и был известным мастером подделки исторических источников»[435].

Это проницательное мнение можно подтвердить фактами. В тексте «Летописца великих князей литовских», вошедшем в состав хроники Быховца, имеется по меньшей мере одна интерполяция, которая, вероятнее всего, сделана Т. Нарбутом. Так, во всех списках «Летописца» говорится о том, что Кейстуту сообщил об изменнических действиях Ягайла брат Тевтонского ордена, комтур Остероде, который когда-то крестил дочь Кейстута, жену мазовецкого князя Януша. В «Origo regis» имя комтура передано искаженно как «Smydsten» (отсюда, напомню, в хронике Длугоша «Sundsteyn»), в остальных списках (Виленском, Академическом, Супрасльском) комтур назван «Гунстыном», в списках Дубровского и Погодинском, которые происходят от списка, близкого к Академическому, имя звучит как «Гнупын». В Слуцком списке на этом месте, как известно, лакуна, но близкий к Слуцкому список Красинского дает форму «Густын» (откуда в списке Рачинского и в Румянцевском появляется «Авкгуштын»)[436]. Можно было бы ожидать, что и близкий к Слуцкому

---

[433] *Šalūga R.* Bychovco kronika // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija. 1959. Nr. 1 (6). P. 149—153.

[434] *[Klimaszewski H.]* O śmierci x. Zygmunta Kiejstutowicza. Wyciąg z kroniki litewskiej // Noworocznik Litewski na rok 1831. Wilno : Drukiem A. Marcinowskiego, 1830. S. 91—102. — Об истории открытия, публикации и изучения хроники Быховца см.: *Улащик Н. Н.* Предисловие (1966). С. 7—9; *Міхальчук Г. М.*: 1) Гісторыя даследавання «Хронікі Быхаўца». С. 161—177; 2) «Хроніка Быхаўца»: гісторыя і перспектывы даследавання. С. 78—83.

[435] *O[chmański] J.* [Rec.:] Šaluga R. Bychovco kronika // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Ser. A, 1 (6). Vilnius, 1959. P. 149—154 // Studia Źródłoznawcze. 1961. T. 6. S. 202.

[436] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 73, 144, 155, 193, 221, 317, 380, 575; ПСРЛ. Т. 35. С. 202; ПСРЛ. Т. 43. С. 265. У А. Виюк-Кояловича здесь объединены две формы имени — «Sundsteyn» из хроники Длугоша и «Авкгуштын» из текста, близкого

списку текст «Летописца» в составе хроники Быховца также будет содержать аналогичное перечисленным имя комтура (например «Гунстын», «Густын», «Авкгущтын» или даже, как в Евреиновском списке, «Август»), но вместо этого в хронике Быховца мы встречаем принципиально иное имя: «Liebestyn»[437].

Впервые этот фрагмент хроники Быховца Т. Нарбут опубликовал еще в 1839 г. в пятом томе «Истории литовского народа». Дело в том, что оппоненты Нарбута считали невероятным, что комтур Остероде мог сообщить Кейстуту об измене Ягайла, а соответствующее сообщение Длугоша ставили под сомнение, поскольку комтура Остероде по имени «Sundsteyn» никогда не существовало. Полемизируя с ними, Нарбут ссылался на хронику Быховца с чтением «Liebestyn» и на авторитет немецкого ученого И. Фойгта, установившего, что в 1380 г. комтуром Остероде был Куно фон Либенштайн[438]. Нарбут не упоминал о чтении Супрасльского списка, уже опубликованного к тому времени, ведь имя «Гунстын» для него и его оппонентов было ничем не лучше, чем имя «Sundsteyn». И напрасно. В 1843 г. тот же И. Фойгт опубликовал каталог братьев Тевтонского ордена, занимавших высшие должности в Ордене в XIII—XV вв. Согласно этому справочнику, в 1380 г. комтуром Остероде действительно был Куно фон Либенштайн (с 1379 г. по 17 мая 1383 г.), но в это же время жил также брат Ордена Гюнтер фон Гоэнштайн (Hohenstein), который был комтуром Остероде с 1349 по 1370 г., а затем комтуром Бранденбурга с 4 июня 1370 г. до самой своей смерти в 1380 г.[439] Более того, о нем как о куме (compater) Кейстута упоминается и в хронике Виганда из Марбурга[440], но Нарбут не учел эту информацию. Таким образом, в большинстве списков «Летописца» называется реально существовавший брат Ордена Гоэнштайн («Гунстын»); из-за сходного начертания курсивных букв «G» и «S» это имя неисправно передано в «Origo regis», представляющем копию с более раннего латинского списка. Аналогичная форма имени, близкая к «Гунстын», должна была находиться и в хронике Быховца. В этом нас убеждает и обращение к Вавельскому

к списку Рачинского, и в итоге получилось: «Augustini Sudsteinii» (*Wijuk-Kojałowicz A.* Historiae Lituanae pars prior: de rebus Lituanorum ante susceptam Christianem religionem conjuctionemque Magni Lituaniae Ducatus cum Regno Poloniae. Dantisci : Sumptibus Georgii Försteri, 1650. S. 358).

[437] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 23.

[438] *Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. 5. S. 361; *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5 : Od śmierci Gedymina do bitwy nad Worsklą. Wilno: Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1839. S. 273—274.

[439] *Voigt J.* Namen-Codex der Deutschen Ordens-Beamten, Hochmeister, Landmeister, Grossgebietiger, Komthure, Vögte, Pfleger, Hochmeister-Kompane, Kreuzfahrer und Söldner-Hauptleute in Preussen. Königsberg : Bornträger, 1843. S. 23, 42.

[440] SRP. Bd. 2. S. 604.

фрагменту: его текст идентичен хронике Быховца и, казалось бы, совпадая в других чтениях, должен содержать чтение «Либестын» или что-то в таком роде, однако в нем находится чтение «Гуностым», соответствующее чтениям списков первой редакции «Летописца великих князей литовских»[441].

Итак, остается предполагать, что в полемическом азарте Нарбут ввел в текст публикуемой хроники Быховца конъектуру, заменив имя комтура на «Liebestyn». Фальсификацию выдает и орфография. Сочетание букв «ie» в слове «Liebestyn» (в публикациях 1839 и 1846 гг.) явно принадлежит автору интерполяции, поскольку такого орфографического нюанса не могло быть в тексте, написанном на кириллице. Разве что копиист XVII или XVIII вв., переписавший хронику Быховца польским алфавитом, заботился о том, как могло писаться имя неизвестного ему Либенштайна по-немецки, но и в этом случае он должен был бы полностью сохранить правописание слова «Liebenstein» (не «Liebestyn»). Скорее всего, Нарбут просто взял исходное слово, находившееся в хронике Быховца, в форме «Hunstyn» или «Gunstyn», посчитал его искаженным и, основываясь на исследованиях И. Фойгта, добавил вместа слога «Hun» или «Gun» слог «Liebe», так как сам писал имя Либенштайна как «Liebstein».

Приходится удивляться, почему такой вдумчивый исследователь и знаток источников, как С. Смолька, посчитал правильным и исходным для «Летописца великих князей литовских» чтение «Liebestyn» из хроники Быховца[442]. Он даже предположил, что переписчик «Летописца» в XV в. заменил неизвестное ему имя Либенштайна на хорошо известное имя Гоэнштайна («Гунстына») — как будто писарям в Смоленске или Слуцке было какое-то дело до имен этих орденских комтуров столетней давности. Такую ошибку можно объяснить разве что только тем, что в конце XIX в. истинный масштаб фальсификаций Нарбута еще не был известен и даже видные литуанисты излишне доверчиво относились к его выдумкам и подделкам.

Вопрос о комтурах Либенштайне и Гоэнштайне впервые безукоризненно в научном отношении разрешил немецкий историк Ф. Болдт, который, видимо, прозрачно намекая на Нарбута, писал, что имя «Liebestyn» мог вставить в хронику Быховца «позднейший интерполятор»[443]. Его выводы поддержал О. Бальцер в работе, затрагивавшей, в частности, вопрос о браке между мазовецким князем Янушем и княжной Анной

---

[441] *Gudmantas K.* Lietuvos metraščio Vavelio nuorasas ... P. 127—128; *Михальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 213.

[442] *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1888. S. 56—58.

[443] *Boldt F.* Der Deutsche Orden und Littauen. 1370—1386 // Altpreussische Monatsschrift. Königsberg, 1873. Bd. 10. S. 430.

Данутой Кейстутовной[444]. В современной историографии, по крайней мере литовской, принимается, что об измене Ягайла Кейстуту сообщил именно Гюнтер фон Гоэнштайн[445].

Т. Нарбуту также принадлежит еще одно намеренное искажение текста хроники. Во всех списках первой редакции «Летописца великих князей литовских» князь Кейстут, жалуясь своему сыну Витовту на великого князя Ягайла, говорит такие слова: «Но Бог нас остерег(л)» (Виленский, Академический, Супрасльский, Слуцкий списки), или «Et Deus premuniuit» (согласно «Origo regis»)[446]. В списках второй редакции (Красинского, Рачинского, Патриаршем А, Ольшевском, Румянцевском, Евреиновском) слово «Бог» также дано в единственном числе; это видно и по списку Археологического общества, в котором фраза искажена и читается так: «В томъ нас был wстерегъ»[447]. Окончательную точку в этом вопросе ставит Вавельский фрагмент, в котором слово «Бог» также дано не во множественном, а в единственном числе: «Бог нас wстерег»[448]. Такой же вариант, казалось бы, должен был быть и в хронике Быховца. Но Нарбут, видимо, руководствуясь своими представлениями о Кейстуте как о язычнике, подправил публикуемый текст, и поэтому в нем мы читаем не об одном Боге, а о многих богах, которых Кейстут благодарит за спасение: «No Bohi nas osterehli»[449].

Третья вероятная интерполяция Т. Нарбута касается маршрута, которым следовала княжна Софья Витовтовна из Данцига в Москву. Как мы увидим далее при характеристике Медоварцевского сборника, в «Летописце великих князей литовских» отразилась летописная статья 6898 г. московского происхождения, в которой маршрут указан следующим образом: на кораблях из Данцига в Ригу, а оттуда сухопутным путем через Ливонию в Псков, Великий Новгород и далее в Москву. Автор второй части «Летописца» сократил протограф и исключил упоминание о Риге, поэтому текст звучит несколько противоречиво, ведь для того, чтобы добраться из Данцига в Псков на кораблях, необходимо сделать большой крюк, обогнув всю Эстонию и далее пройдя рекой Нарвой в Чудское и Псковское озера. Эта несообразность, видимо, не укрылась от внимания редактора хроники Быховца, который предположил, что княжна Софья

---

[444] *Balzer O.* Genealogia Piastów. Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, 1895. S. 468—469.

[445] *Rowell S. C.* Pious princesses or the daughters of Belial: Pagan Lithuanian dynastic diplomacy, 1279—1423 // Medieval Prosopography. 1994. Vol. 15/1. P. 63; *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М. : Фонд им. И. Д. Сытина : Baltrus, 2005. С. 155.

[446] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 74, 85, 145, 194, 222.

[447] Там же. Стб. 157, 266, 318, 381, 444; ПСРЛ. Т. 35. С. 203.

[448] *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 214.

[449] *Narbutt T.* Pomniki … S. 24.

Витовтовна двигалась через Пернов (Пярну): «Y z horoda Gdańska poszli w korablech morem y pryszli k Pernowu y k horodu Pskowu»[450]. Однако сомнительно, чтобы такая интерполяция могла возникнуть под пером хрониста XVI в. — скорее в ней можно видеть плод учености первой половины XIX в., тем более, что, в отличие от хроники Быховца, в Вавельском фрагменте Пернов не упоминается, говорится только: «И *з* города Кгда*н*ска пошли в кораблех морем и пришли к городу Пскову»[451].

Излишне говорить, что такие подходы Т. Нарбута к публикации исторического источника отчасти объясняют, почему рукопись хроники Быховца бесследно исчезла.

Прочие интерполяции

Тот факт, что Нарбут произвольно подправлял текст хроники Быховца перед ее публикацией, вынуждает совсем под другим углом зрения смотреть и на саму хронику, и на подходы к ее изучению. Одно дело, когда текст хроники Быховца совпадает с текстом Вавельского фрагмента: в этом случае перед нами могут оказаться только заблуждения и вымыслы хрониста XVI в. По справедливому мнению Е. Охманьского, та часть хроники Быховца, в которой рассказывается о событиях до 1440 г., не имеет ценности как самостоятельный исторический источник, будучи только очень интересным памятником исторических и политических взглядов своей эпохи[452]. Но гораздо хуже, если особые чтения хроники Быховца невозможно подтвердить ни Вавельским фрагментом, ни текстами других летописных сводов ВКЛ: ведь тогда нельзя исключать того, что мы имеем дело с фальсификациями Т. Нарбута. Иными словами, применительно к XIV в. без тщательного всестороннего анализа не может приниматься ни одно из уникальных известий хроники Быховца. Сомнительными выглядят и сообщения хроники о происхождении и уделах Гедиминовичей.

Распространенное в историографии убеждение в том, что хроника Быховца представляет собой *самый полный* летописный свод ВКЛ, способно увести исследователя на ложный путь. Самый полный, конечно, не означает самый достоверный. В значительной мере хроника Быховца — это компиляция из более ранних нарративных памятников, некоторые из которых, как «Летописец великих князей литовских», отражены в более старых и более надежных списках. Это не всегда учитывается. Например, Г. Блащик цитирует по хронике Быховца один из известнейших пассажей «Летописца великих князей литовских» (о недоволь-

---

[450] Ibid. S. 31.

[451] *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 223.

[452] *Ochmański J.* Nad kroniką Bychowca. S. 159.

стве Витовта приездом польского старосты в Вильно в 1389 г.) и сомневается в его достоверности, поскольку хроника Быховца составлена в первой половине XVI в.[453] Даже такой историк, как Н. Н. Улащик, много сделавший для изучения летописания ВКЛ, одно время высказывался в том духе, что якобы «единственным известным источником хроники Быховца является Ипатьевская летопись»[454], что далеко не так, поскольку одним из главных источников третьего летописного свода ВКЛ стали материалы первого свода, в том числе «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье». В дальнейшем он подкорректировал свою аргументацию, ссылаясь на то, что, по мнению едва ли не всех исследователей, хроника скомпонована из нескольких отдельных частей. Но даже при этом, рассуждая о возможном составителе хроники Быховца как православном русине, Н. Н. Улащик привел в качестве примеров, во-первых, эпизод об отказе князя Константина Кориатовича от женитьбы на польской королевне и принятия католичества, а во-вторых, эпизод с осуждением зверств смоленского князя Святослава Ивановича[455], хотя первый фрагмент происходит из «Повести о Подолье», а второй из «Летописца великих князей литовских», и их нельзя использовать для характеристики взглядов собственно составителя хроники Быховца.

Иными словами, при изучении хроники Быховца необходимо различать между собой проблемы нижнего уровня, т. е. определение авторства и происхождения отдельных частей хроники, и проблемы верхнего уровня, т. е. определение составителя и времени создания всей хроники в целом; так или иначе этот принцип уже отмечался в работах Б. Н. Флори и В. А. Чемерицкого[456].

Как предполагал Е. Охманьский, выводы которого относительно структуры хроники кажутся наиболее основательными, автор той части хроники Быховца, которая охватывает период до 1440 г., был близок к влиятельным литовским родам XV — начала XVI в. — Гольшанским, Гаштольдам и Довойнам, а также Олельковичам — потомкам киевского князя Владимира Ольгердовича. Вторая же часть представляет собой повесть об убийстве великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича (1440) и о начальном периоде правления его преемника Казимира Ягайловича. Когда-то, вероятно, это было отдельное произведение, написанное между 1486 и 1508 гг. приверженцем Гаштольдов. Автором был лит-

---

[453] *Błaszczyk G.* Zamach Witolda w 1389 roku // Litwa w epoce Wazów. Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2006. S. 37—42.

[454] *Улащик Н. Н.* Предисловие (1966). С. 15.

[455] *Улащик Н. Н.* Введение в изучение … С. 73—74.

[456] *Флоря Б. Н.* О «Летописце Быховца». С. 138; *Чамярыцкі В. А.* Да гісторыі фарміравання … С. 51.

вин, который знал польский язык и латынь, но писал по-русски[457]. На то, что часть хроники Быховца, охватывающая период с 1440 по 1453 г., по сути, посвящена роду Гаштольдов, а конкретнее Яну Гаштольду, указал и М. Ючас[458]. В третьей, наиболее ценной части хроники Быховца описывается заключительный период правления короля Казимира († 1492) и правление его сына Александра († 1506). Обрывается эта часть, видимо, из-за дефекта рукописи на описании битвы с татарами под Клецком (1506). Но продолжалась она по крайней мере до 1508 г., поскольку автор обещал, что о князе Михаиле Глинском «будем далей много дивного писати». Автором третьей части был православный русин, патриот Великого княжества Литовского; был он человеком рыцарского ремесла, хорошо знающим военное дело, но не великокняжеским дворянином, а приближенным слуцкого князя. И, собственно, вся эта третья часть, скорее всего, была написана в Слуцке очевидцем и участником событий[459].

По мнению Б. Н. Флори, дополнения в «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье» были внесены в 50—60-х гг. XV в. в окружении Гаштольдов; так возникла начальная часть хроники Быховца, которая затем была продолжена при дворе слуцких князей[460].

В. А. Чемерицкий возражал против датирования, предложенного Б. Н. Флорей, и указал, что оригинальная часть хроники Быховца за вторую половину XIV — первую половину XVI вв. не могла быть написана в XV в., поскольку в эпизоде про Грюнвальдскую битву сообщается, что войска Витовта возглавляли два гетмана Иван Жедивид и Ян Гаштольд: военная должность гетмана в ВКЛ была введена только на переломе XV и XVI вв.[461] Автор оригинальной части хроники Быховца за вторую половину XIV — первую половину XV в. был, как считал В. А. Чемерицкий, приверженцем православия, так как утверждал, что Софья Гольшанская была «z pokolenia ruskoho» (хотя ее предком был коренной литовец Ольгимонт)[462]. Против такого аргумента можно возразить, что и Ольгимонт, и его сын Иван Ольгимонтович исповедовали православие, следовательно, в данном случае автор хроники Быховца употребил слово «русский» в конфессиональном, а не в этническом смысле.

М. Ючас, в свою очередь, предполагал, что для создания хроники Быховца были использованы материалы «краткого свода литовской летописи» (т. е., надо понимать, первого летописного свода ВКЛ), попол-

---

[457] *Ochmański J.* Nad kroniką Bychowca. S. 159—160.
[458] *Ючас М. А.* Хроника Быховца. С. 229—230.
[459] *Ochmański J.* Nad kroniką Bychowca. S. 161—162.
[460] *Флоря Б. Н.* О «Летописце Быховца». С. 143.
[461] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы … С. 181.
[462] Там же. С. 183.

ненные «в основном устными воспоминаниями литовских панов начала XVI в.»[463].

Вместе с тем из-за пестрого и неровного состава хроники, доминирования в ее отдельных частях то католического литовского, то православного западнорусского элементов очень усложняются попытки решить проблему верхнего уровня, т. е. установить место, время и обстоятельства, в которых осуществлялось составление и последнее редактирование хроники Быховца как единого целого. Согласно гипотезе Н. Н. Улащика, составителем хроники был православный человек, выходец из областей близ Слуцка или Новогородка, время составления — до 1565 г.[464] М. Ючас предположил, что хроника составлена в окружении виленского епископа Павла Александровича Гольшанского (около 1490—1555) либо кем-то из виленских францисканцев[465]. По мнению Р. Ясаса, та часть хроники Быховца, которая охватывает период после 1446 г., могла быть написана только после издания польской хроники Матея Меховского (1519; 2-е изд.: 1521). Сначала, до 1519 г., возник второй летописный свод ВКЛ, затем, в период между 1519 и 1525 гг., по инициативе канцлера ВКЛ Альбрехта Гаштольда была создана Хроника Быховца (т. е. третий летописный свод ВКЛ). В ней особое внимание уделяется не только роду Гаштольдов, но и родам князей Друцких и Гольшанских, с которыми Альбрехт Гаштольд был связан кровными узами[466]. В. А. Чемерицкий отмечал, что хроника Быховца возникла во второй четверти XVI в. в Слуцке или Новогородке[467]; затем уточнил, что *основная часть* хроники написана «белорусом православного вероисповедания, близким к князьям Олельковичам», а как летописный свод хроника завершена, видимо, в 30-х гг. XVI в.[468] В недавней своей работе исследователь, вслед за М. Ючасом, обратил внимание на сообщение хроники Быховца, что на том месте, где во времена Ольгерда погибли монахи-францисканцы, «i teper Bożaia muka stoit w sadu Biskupem». По мнению В. А. Чемерицкого, здесь имеется в виду крест с распятием, на месте которого виленский епископ Павел Гольшанский между 1536 и 1543 гг. повелел построить часовню[469]. Таким образом, по крайней

---

[463] *Ючас М. А.* Хроника Быховца. С. 231.

[464] *Улащик Н. Н.* Предисловие (1966). С. 27—29.

[465] *Jučas M.* Lietuvos metraščiai. P. 110—111; *Ючас М. А.* Хроника Быховца. С. 223.

[466] Lietuvos metraštis. Bychovco kronika. P. 38; *Ясас Р.* Хроніка Быхаўца і яе паходжанне (пераклад і прадмова Ганны Міхальчук) // Беларускі гістарычны агляд. 2017. Т. 24. Сш. 1—2. С. 212—213, 219.

[467] *Чамярыцкі В. А.* Сведкі нашай мінуўшчыны // Беларускія летапісы і хронікі. Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. С. 17.

[468] *Чамярыцкі В. А.* Хроніка Быхаўца // ВКЛЭ. Т. 2. С. 720.

[469] *Ючас М. А.* Хроника Быховца. С. 224; *Чамярыцкі В. А.* Да гісторыі фарміравання ... С. 58.

мере этот фрагмент хроники мог быть написан до 1536 г. О. Латышонок, основываясь на исследованиях Е. Охманьского, высказался в пользу того, что хроника Быховца как единое целое возникла в кругу Гаштольдов и соединенных с ними родственными узами Гольшанских и слуцких князей Олельковичей[470]. Н. А. Морозова, сопоставляя глоссы на полях Слуцкого списка с текстом хроники Быховца, пришла к выводу, что место и время составления и редактирования хроники Быховца — это Слуцк и 1542 г.[471] Наконец, как уже отмечалось выше, языковедческими исследованиями Л. Цитко подтверждена гипотеза о том, что местом составления и переписки кириллического протографа хроники Быховца был Слуцкий регион[472].

Со своей стороны отмечу, что князь Семен Олелькович († 1470) был женат на дочери Яна Гаштольда — Марии († 1501), которая после смерти мужа владела Пинском; у них было две дочери София и Александра и сын Василий Семенович, живший с матерью в Пинске и умерший бездетным в 1495 г.[473] Брат Марии — Мартин († 1483/84), наместник новогородский в 1464—1471 гг., воевода киевский в 1471—1480 гг., в свою очередь, был женат сначала на дочери князя Семена Семеновича Трабского, т. е. на правнучке князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского, а затем на княжне Анне Гольшанской[474]. Он был отцом будущего канцлера ВКЛ Альбрехта Гаштольда. В среде этих знатных родов и возникли предания, а может быть, и какие-то письменные материалы, использованные для создания некоторых оригинальных фрагментов хроники Быховца, которые охватывают XIV — первую половину XV в. и посвящены Гаштольдам, Олельковичам, Гольшанским и Друцким. Соединенные с материалами первого летописного свода ВКЛ, эти фрагменты, завершающиеся на легендарном описании битвы под Хойницами (1454), были дополнены известиями из хроники, которая во второй половине XV — начале XVI в. велась при дворе копыльских и слуцких князей из линии Михаила Олельковича. Эта слуцкая хроника начинается с сообщения о взятии турками Константинополя (1453), а далее идут короткие записи о смерти Олельки Владимировича, его жены Анастасии, Яна Гаштольда, княжении и смерти Семена и Михаила Олельковичей и т. д.; есть там и запись о киевском воеводе Мартине

---

[470] *Łatyszonek O.* Od rusinów białych do białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. S. 276.

[471] *Morozova N.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės metraščių kalbos ir tekstologijos problemos ... P. 17—18. Цит.: *Міхальчук Г. М.* «Хроніка Быхаўца»: гісторыя і перспектывы даследавання. С. 81.

[472] *Citko L.* «Kronika Bychowca» ... S. 265.

[473] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy ... S. 42.

[474] Ibid. S. 98.

Гаштольде[475]. Вероятно, в составлении и редактировании третьего летописного свода ВКЛ были и дальнейшие этапы — например, добавление начальной легендарной части и легенды о встрече Кейстута и Бируты из второго летописного свода ВКЛ, и возможно также, что к созданию окончательного текста, как и предполагал Р. Ясас, имел непосредственное отношение Альбрехт Гаштольд. Но вопреки теории, что оригинальная часть хроники написана одним автором, нельзя исключать возможности, что рассматриваемые далее интерполяции в текстах «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье», включенных в хронику Быховца, могли вноситься не одновременно, а на разных этапах редактирования, разными авторами и из разных источников (не только на основе устной традиции, но и с привлечением письменных источников, как интерполяция Е).

Интерполяция А. В начальной части третьей редакции «Летописца великих князей литовских» помещены такие же вставки, как и в некоторых списках второй редакции (Рачинского, Археологического общества, Румянцевском, Патриаршем Б): это сообщение о дочери Гедимина, княжне Анне (датированное, впрочем, не 1320, а 1323 г.), указание на то, что Кейстут помимо Троков получил в удел Жемайтию, а также легенда о встрече Кейстута и Бируты, заложении Новых Троков и основании костела Благовещения Пресвятой Девы Марии[476].

Далее текст «Летописца великих князей литовских» в составе хроники Быховца был дополнен некоторыми генеалогическими известиями. Поместивший вставку «bo kniahinia Jewna umerła» редактор был, похоже, уверен в том, что смерть вдовы Гедимина — Евны будто бы послужила одной из причин свержения великого князя литовского Евнутия[477].

В генеалогических данных третьей редакции «Летописца» (по хронике Быховца и Вавельскому фрагменту), как уже говорилось, прослеживается ряд параллелей с Евреиновским списком второго летописного свода ВКЛ. Согласно хронике Быховца, Вавельскому фрагменту и Евреиновскому списку первую жену Ольгерда, витебскую княжну, звали Анной. Однако в хронике Быховца дополнительно помещена глосса «Maryi»: кто-то из читателей или редакторов сопоставил чтение «Анны» с чтением «Maria Jarosławna» из родословья витебских князей, которое находится в конце хроники Быховца[478]. Сыновьями Ольгерда от первого брака с витебской княжной названы киевский князь Владимир, господарь Подольской земли Иван Жедивид, мстиславский князь Семен Лынгвен, трубчевский князь Андрей Вингольт (или «Вин*к*гон*т*» по Вавельскому фрагменту), чернигов-

---

[475] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 61.

[476] См.: Ibid. S. 17—18.

[477] Ibid. S. 18.

[478] Ibid. S. 22, 81; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 212; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 377.

ский и чарторыйский князь Константин, любомльский князь Федор Сангушко. За исключением известий о киевском князе Владимире Ольгердовиче, остальные данные здесь либо ошибочны, либо сомнительны: по одному из документов, Иван Жедивид был сыном князя Ходора, а не Ольгерда, и никаких данных о его правлении на Подолье не сохранилось; Семен Лынгвен был сыном Ольгерда, но от второго, а не первого брака; Андрей Ольгердович владел Полоцком, а не Трубчевском; Федор Ольгердович был князем ратненским, а Сангушком звали его сына, и т. д.

В перечне детей Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной (хроника Быховца называет ее «Ольевной», в Вавельском фрагменте и Евреиновском списке она «Юрьевна») также имеются неточности: названы, например, некие загадочные персонажи Дмитрий Корецкий и Василий, но не упомянуты реально существовавшие Ольгердовичи — Александр Вигунт и Коригайло, хорошо известные по документальным и нарративным источникам.

Далее хронист перечисляет сыновей Кейстута и рядом с Витовтом, Сигизмундом, Товтивилом и Войдатом ошибочно называет полоцкого князя Андрея «Горбатого» (который в действительности был сыном Ольгерда), а также некоего Патрикея. Соответственно далее по тексту в прямую речь Кейстута, обращенную к Витовту, старательно добавлены слова: «Y oni s nimi Połocka dobywaiut, *pod synom moim, a pod twoim bratom pod kniaźem Andrejem Horbatym*»[479]. Однако в Евреиновском списке и Вавельском фрагменте этих слов, выделенных курсивом, нет, и это наводит на подозрение, что перед нами еще одна интерполяция, сделанная Т. Нарбутом.

Ягайло, согласно хронике Быховца и Вавельскому фрагменту, в 1386 г. въехал в Краков вместе со своими племянниками Иваном Владимировичем Бельским и Андреем Владимировичем Могилевским. Это были сыновья киевского князя Владимира Ольгердовича[480], и хотя их возраст в 1386 г. нам неизвестен (как неизвестно, жили ли они вообще тогда), владеть в то время упомянутыми уделами они никак не могли — Белую князь Иван Владимирович или его сыновья получили в правление Витовта вряд ли раньше первых десятилетий XV в., а Могилев уже в 1386 г. был передан в качестве вена польской королеве Ядвиге. В данном случае мы вновь видим интерполяцию, но на этот раз явно сделанную в окружении Олельковичей, так как, кроме них, никому больше не нужно было бы так выпячивать роль сыновей Владимира Ольгердовича.

Весьма интересные генеалогические приписки на польском языке сделаны на полях рукописи хроники Быховца. В одной из маргиналий

---

[479] *Narbutt T.* Pomniki … S. 22—24.

[480] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy … S. 3, 337—338.

сказано, что Бирута вышла замуж за Кейстута будто бы в 1343 г., овдовела в 1382 г., а умерла в 1416 (!) г. При этом публикатор Т. Нарбут, процитировав эту маргиналию в примечании, счел нужным сообщить, что она написана внизу листа иным почерком, чем основной текст[481]. Как известно, в соответствии с «Witoldes sache» и хроникой Виганда из Марбурга, Бируту убили в 1382 г., когда погиб и Кейстут, но в 1416 г. польская делегация заявила на Констанцском соборе о том, что Бирута тогда не погибла, а прожила еще много лет, и что ее могила почитается народом[482]. Следовательно, автор маргиналии был знаком с этим документом Констанцского собора. В другой польскоязычной приписке, по словам Т. Нарбута, утверждалось, что у Витовта было два сына: «Dopisano na boku: Iwan i Jerzy synowie»[483]. Легенда об отравлении сыновей Витовта одним из рыцарей Ордена приводится в таких относительно поздних источниках XVI в., как «Прусская хроника» Симона Грунау и «Прусская хроника» Лукаса Давида. При этом в издании хроники Лукаса Давида в 1815 г. публикатор Э. Гениг сообщил в примечании, что сыновей Витовта звали Иваном и Георгием, но ссылок на источник этой информации не привел[484]. Итак, остается предполагать, что либо Э. Гениг был знаком с текстом хроники Быховца, либо автор маргиналии в хронике Быховца читал 7-й том кенигсбергского издания хроники Лукаса Давида. Наиболее вероятным кажется второй вариант, так как Э. Гениг мог измыслить имена Ивана и Юрия на основе прусских хроник, которые называли среди сподвижников Витовта, сопровождавших его в Пруссии в 1390—1392 гг., князей Ивана (Ольгимонтовича) и Юрия (Наримонтовича)[485]. Поэтому можно предполагать, что обе маргиналии — про Бируту и про сыновей Витовта — возникли не в XVI или в XVII и даже не в XVIII в. — их автором был историк, писавший на польском языке, серьезно интересовавшийся источниками по истории ВКЛ и живший в первой четверти XIX в. Все вновь указывает на самого Т. Нарбута, который мог придумать эти маргиналии и изобразить дело таким образом, будто бы они существовали в оригинале рукописи. Либо же до Т. Нарбута рукопись хроники Быховца побывала в руках другого историка — его современника, который

---

[481] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 17.

[482] Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum. Ed. prima / ed. T. Działyński. Poznań : Typis Ludovici Merzbachi, 1856. T. 3. S. 179; *Prochaska A.* Upadek Kiejstuta // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1909. R. 23. S. 505; *Mickūnaitė G.* Making a Great Ruler ... P. 186, 237.

[483] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 17, 31.

[484] «Es wundert mich, dass unsere neuern Geschichtschreiber diese Nachricht, die doch viel aufklärt, übersehen haben. Die beiden Knaben diessen Iwan und Georg» (*David L.* Preussische Chronik. Königsberg : Hartungsche Hofbuchdruckerei, 1815. Bd. 7. S. 190).

[485] См., например: SRP. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1866. Bd. 3. S. 178.

делал на страницах кодекса примечания. Сомнительно, чтобы это был И. Климашевский.

Интерполяция В. «Повесть о Подолье» в третьем летописном своде ВКЛ размещена внутри «Летописца великих князей литовских» как его составная часть. Использованный текст искажен вымыслами и произвольными поправками. В этом фрагменте в хронику введен вымышленный персонаж Гаштольд Гаштольдович, сын того Гаштольда, который во времена Гедимина якобы был великокняжеским гетманом и виленским воеводой. Великий князь литовский Ольгерд, по хронике Быховца и Вавельскому фрагменту, назначил Гаштольда Гаштольдовича наместником Каменца-Подольского. Он будто бы женился на дочери польского нобиля Бучацкого и первым в Литве принял католичество под именем Петр. Дальнейшее повествование построено вокруг этого персонажа. Когда Ольгерд сделал Петра Гаштольда виленским воеводой, последний пригласил из Польши монахов-францисканцев и основал в Вильно монастырь Богородицы на своем дворе. Во время войны Ольгерда с московским великим князем Дмитрием Ивановичем, когда Петр Гаштольд ездил в поход, виленские язычники предали монахов мученической смерти. Петр Гаштольд бил челом Ольгерду, чтобы князь смилостивился над убийцами, но тот все равно приказал казнить 500 горожан.

Детальный разбор эпизодов хроники Быховца, связанных с Гаштольдами, выполнил В. Семкович, который пришел к выводу, что позднюю, возникшую не ранее второй половины XV в. традицию об участии предка Гаштольдов в первоначальном основании францисканской миссии в Вильно в XIV в. следует признать безосновательной и вымышленной[486]. Не возвращаясь здесь к его аргументации, замечу только, что на примере генеалогии Гедиминовичей и эпизодов, связанных с францисканцами, можно проследить, в каком замысловатом отношении к известиям аутентичных источников XIV в. находится образ прошлого, отразившийся в излишках третьего летописного свода ВКЛ. Некоторые сообщения, возможно, имеют под собой определенную историческую основу, но эта основа до неузнаваемости искажена домыслами и неточностями. Некоторые же известия совершенно фантастичны. Так, начиная с 1387 г. в актовых источниках выступает виленский староста Андрей Гаштольд, который в 90-х гг. XIV в. входил в число ближайших соратников Витовта, а в 1398 г. был старостой Крево. Это то, что твердо о нем известно. Если же

[486] *Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // RTH. 1923. T. 6. S. 116—119. — Кроме хроники Быховца эта традиция отразилась в произведениях виленских францисканцев XVII—XVIII вв., черпавших известия либо из этой хроники, либо из общего с нею источника (библиографию см.: Ibid. S. 117, а также: KDKDW. T. 1 : 1387—1507 / oprac. J. N. Fijałek, W. Semkowicz. Kraków : PAU, 1932—1948. S. 38, 82—83).

привлечь хронику Быховца, можно скомбинировать ряд догадок. Получается, что Андрей Гаштольд был женат на дочери польского земянина Михаила из Бучача, известного в источниках за 1379—1392 гг. Получается также, что он одним из первых в Литве принял католичество (что, впрочем, выглядит правдоподобным для виленского старосты), но, конечно, не под именем Петр; кроме того, согласно хронике он принял и польский герб «Абданк», который позднее служил (официально с 1413 г.) Гаштольдам[487]. Возможно также, что он оказал некоторые услуги виленским францисканцам и участвовал в завоевании Подолья Витовтом в 1394 г. Но нельзя сказать с уверенностью, насколько надежны все эти догадки.

К области старинного фольклора принадлежит красочное описание в хронике Быховца, Вавельском фрагменте и Евреиновском списке военных действий между великим князем литовским Ольгердом и великим князем московским Дмитрием Ивановичем, которые, согласно русским летописям, велись в 70-х гг. XIV в. Московский князь посылает Ольгерду огонь и саблю, Ольгерд в ответ шлет ему трут («губку»), обещает «поцеловать» москвича «красным яйцом, сулицей через щит» и т. д.[488] Подобные предания, видимо, широко бытовали в шляхетском обществе Великого княжества Литовского в XV или первой половине XVI в. Но историческая достоверность этих хроникальных сообщений остается под большим вопросом.

Интерполяция С. Еще одна вставная новелла, размещенная среди событий 1383—1384 гг. и повествующая о походе великого князя Ягайла в Мазовию[489], также в некоторой степени имеет под собой реальную основу. Осада войсками ВКЛ подляшского замка Дорогичин, захваченного мазовецким князем Янушем, описывается под 1383 г. и в хронике Яна из Чарнкова, современника тех событий[490]. Однако в хронике Быховца и Вавельском фрагменте рассказывается не столько о конфликте между ВКЛ и Мазовией, сколько о конфликте между ВКЛ и Польшей, и приводятся данные, проверить которые невозможно. Это по преимуществу либо фольклорные предания, как рассказ о переправе через Вислу и об осаде Завихоста, который литвины якобы забросали палками, либо откровенные вымыслы, вроде того, что Ягайло провел границу с Польшей по реке Висле.

Сердцем этой новеллы является легенда о том, как литвины захватили в Польше святой крест, оправленный в серебро, и перевезли его

---

[487] *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... S. 118—119.

[488] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 21; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 210—211; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 377—379.

[489] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 27—28; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 217—219.

[490] MPH / wyd. A. Bielowski. Lwów : Nakładem własnym, 1872. T. 2. S. 734—735.

в Вильно. Один из литовских воинов из рода Довойнов взял в плен польскую панну герба «Абданк», которую «у велики*и* почтивости хова*л*». Во сне ангел сообщил ей, что на Литву падет Божья кара за то, что здесь непочтительно относятся к святому кресту. Довойна сказал об этом великому князю Ягайлу, и тот отпустил польскую панну домой и позволил ей отвезти святой крест на родину. Она попросила Довойну ехать вместе с нею, и в конце концов молодые люди стали мужем и женой, а к гербу «Абданк» был присоединен крест, и так возник герб «Дембно». Учитывая интерес автора к гербу «Абданк», происхождение этой интерполяции также необходимо связывать с Гаштольдами.

В 1604 г. этот сюжет пересказал в своей книге ксендз Войцех Руфин со ссылкой на князя Януша Острожского, который, в свою очередь, почерпнул известия из некоей «литовской хроники, написанной русским алфавитом, которая была найдена в библиотеке после смерти короля Сигизмунда Августа» (т. е. после 1572 г.)[491].

Интерполяция D. Фрагмент о приглашении Ягайла стать польским королем и о его коронации в Кракове[492] изобилует фактологическими ошибками и также не имеет ценности как исторический источник. Австрийский герцог Вильгельм назван в нем поморским князем Фридрихом, первый виленский епископ Андрей — Матеем и т. д.

Некоторые аспекты здесь, однако, важны для характеристики историографических взглядов редактора или компилятора этой части хроники. Уверенность в том, что поляки пригласили Ягайла, устрашенные жестокими литовскими набегами, вероятно, отражает настроения хрониста как патриота ВКЛ. При этом интерполяциями B, C и D (особенно интерполяцией C) хронист подталкивает читателей к мысли, что крещение Литвы было неслучайным — оно было подготовлено брачными союзами и продолжительным постепенным культурным сближением между литовской и польской знатью, сближением, в котором Литве согласно хронике отводилась роль воинственного мужского начала, коль скоро в брачных союзах литвины брали в жены полек. Хронист вместе с тем не скрывал и того факта, что в результате династического союза с Польским королевством Великое княжество Литовское утратило часть своего суверенитета. Князь Скиргайло Ольгердович после 1386 г., по мнению хрониста, имел в ВКЛ статус и полномочия наместника польского короля, а не великого князя литовского: «А кгубе*р*наторе*м* зо*с*тави*л* брата своего Ски*р*кга*и*ла на Вилни и на Велико*м* кн(я)зьстве Ли*т*(о)вско*м*».

Трудно сказать, основывался ли этот фрагмент, т. е. интерполяция D, на записях, которые могли вестись виленскими францисканцами в конце XIV или в XV в.: против такого предположения, кажется, говорит то, что

---

[491] *Gudmantas K.* Lietuvos metraščio Vavelio nuorasas ... P. 142—143.

[492] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 28—29; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 219—220.

хронист даже не знал точно имени первого виленского епископа, а значит, писал спустя многие десятилетия после описываемых событий.

Интерполяция Е. Наиболее интересной с источниковедческой точки зрения является вставка, в которой повествуется о том, как Витовт заложил Тевтонскому ордену Жемайтскую землю, победил войска Скиргайла «на Шешкинанах» («na Szeszkinach»), захватил Кривой город в Вильно, взял в плен Скиргайла и сел на великом княжении. Этот фрагмент начинается со слов «Кн(я)зю великому, будучи в Немцох в мистра в Марине городе, вчинит змову с немцы» и завершается словами «и сам сел на Вилни и на Великом кн(я)зьстве Литовском»[493]. Как заметил в свое время И. А. Тихомиров[494], это уникальный текст, не имеющий аналогов в других источниках. При этом этот фрагмент, вероятно, существовал в своем завершенном виде еще до включения в состав «Летописца великих князей литовских», поскольку, чтобы надлежащим образом интегрировать его, автор третьего летописного свода ВКЛ был вынужден несколько изменить дальнейший текст «Летописца». Так, после цитаты из письма короля Владислава (Ягайла) к князю Витовту в первой редакции следует текст: «А кн(я)зь *ж* великии Витовтъ советъ сотвори со кн(я)зьми своими, со кн(я)земь Юрьемь Наримонтовичомъ Бельским и со кн(я)земь Иваномь ꙮлгимонтовичомь, и поидѣ в Литвоу и сѧдѣ в Вилни в Литвѣ на вѣликомь кнѧжньи, на столѣ дяди своего великаго кн(я)зя Олгирда и wца своего великаго кн(я)зя Кестоутиа и рада была емоу всѧ земля Литовьскаѧ и Роуская» (цит. по Слуцкому списку)[495]. Но поскольку из интерполяции Е явствует, что Витовт уже сам захватил и Вильно, и великое княжение, то в третьем летописном своде этот текст переделан: «А кн(я)зь великии Витолть вже wсел Вилню и кн(я)зьство Лит(о)вское, и при нем был кн(я)зь Юрии Наримонтович Белски и а кн(я)зь Иван ꙮлкгимонтович. И коли сел на столцы дяди своего ꙮлкгирда и wтца своего Кестутя, и рада была ему вся земля Лит(о)вская и Руская»[496]. Витовт в такой трактовке получил великое княжение не по милости Ягайла, а силой своего оружия. Такой пиетет автора-составителя третьего летописного свода по отношению к Витовту вполне объясним, если учесть, что женой Олельки Владимировича и родоначальницей Олельковичей была княгиня Анастасия Васильевна, внучка Витовта.

Что касается содержания и лексики, интерполяция Е имеет следующие особенности.

В самом начале этого фрагмента говорится о том, что Витовт в 1390 г. якобы записал Жемайтию Тевтонскому ордену в залог за 300 тыс.

---

[493] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 32; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 223—224.
[494] *Тихомиров И. А.* О составе ... С. 36.
[495] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 93.
[496] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 33; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 224.

золотых. Из документальных источников, впрочем, соответствующая запись неизвестна: сохранился только документ Витовта от 27 июня 1390 г. об уплате долга на сумму 1000 прусских марок, в котором про Жемайтию не сказано ни слова[497]. Зато сообщение третьего летописного свода ВКЛ было известно Стрыйковскому, который вдобавок сослался на то, что существуют и другие «некоторые литовские летописцы», в которых фигурируют не 300 тыс. золотых, а 300 тыс. коп литовских грошей[498].

Шешкини — историческое название возвышенности близ правого берега Вилии[499]. Теперь в этой местности размещается одноименный микрорайон Вильнюса. Судя по географическим условиям, летом 1390 г. при приближении войск Тевтонского ордена и Витовта к Вильно князь Скиргайло действительно мог попытаться остановить противника именно в этом месте, чтобы не дать ему переправиться через Вилию и осадить город. Такого мнения придерживался, например, Матей Стрыйковский[500]. Однако источники, более ранние, чем хроника Быховца, локализуют битву 1390 г. между крестоносцами и войском ВКЛ совсем в других районах, расположенных вдоль реки Вилии: эпистолярные и нарративные источники Тевтонского ордена, хроника Длугоша упоминают о битве близ Старого Ковно, а «Летописец великих князей литовских» — близ городка Вейшишки (в настоящее время это, вероятно, д. Гейсишкес)[501]. Возможно, во время военной кампании августа 1390 г. произошло несколько стычек между крестоносцами и войсками ВКЛ[502].

Особый акцент в интерполяции Е делается на том, что крестоносцы одержали победу над войском Великого княжества Литовского и взяли Кривой город в Вильно благодаря использованию пушек: «И почали немцы с пушок бити на воиско Скиркгаилово, и многих у воиску Скиркгаиловом побили»[503] и т. д. В русском летописании, независимом от хроники Длугоша и других европейских нарративных источников, также

---

[497] CEV. S. 25, No 70.

[498] *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewiec : G. Osterberger, 1582. S. 483.

[499] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 3 : Виленская губерния / сост. А. К. Корево. СПб. : Тип. И. Огризко, 1861. С. 708.

[500] *Stryjkowski M.* Kronika … S. 476, 487.

[501] Подробнее см.: *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367—1398 гг.) // Arche. 2010. № 10. С. 117—118.

[502] В чем-то похожее мнение в свое время высказывал М. Балинский: *Baliński M.* Historya miasta Wilna. T. 1 : Dzieje Wilna od założenia miasta aż do roku 1430. Wilno : Drukiem A. Marcinowskiego, 1836. S. 132.

[503] *Narbutt T.* Pomniki … S. 32; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 223—224.

можно найти известия о том, что при осаде Вильно Витовт и крестоносцы эффективно применяли артиллерию[504].

В тексте интерполяции Е попадаются архаичные церковнославянские и древнерусские грамматические формы — «бяху» (3-е лицо множественного числа имперфекта глагола «быти» и формы для образования плюсквамперфекта): «И люде на городе страхом wдержими бяху», а также «бе» (2-е или 3-е лицо единственного числа аориста глагола «быти»)[505]: «А Кривыи городъ бе бо деревеныи»[506]. Эти глагольные формы широко употреблялись в языке древнерусских летописей.

С учетом всего сказанного интерполяция Е может представлять собой переработку летописного или хроникального текста, первоначально написанного с более широким использованием элементов церковнославянского или древнерусского языка, т. е. возникшего в одной из областей Литовской Руси, в православной среде.

Четвертая редакция «Летописца великих князей литовских» (Медоварцевская)

Общий состав

Весьма своеобразная редакция «Летописца великих князей литовских» находится в сборнике, переписанном в 30-х гг. XVI в. в московской книжной мастерской Михаила Медоварцева[507]. Заказчиком его, возможно, был князь Михаил Львович Глинский[508]. Сборник включен в состав кодекса, состоящего в целом из пяти разных рукописей. Интересующая нас рукопись является третьей по счету и занимает л. 389—477 об. кодекса; ее филиграни имеют аналоги в пределах периода от 1491 до 1534 г.[509] В XIX — начале XX в. кодекс хранился в архиве Сийского Антониева

---

[504] Ср. Тверской сборник: «В лето 6898... Той же осени Витовьть из Немець приходил к Вилни, и не възмя, прочь отъиде; от пушек много полегоша» (ПСРЛ. Т. 15 : Рогожский летописец. Тверской сборник. М. : Языки русской культуры, 2000. Стб. 445).

[505] *Алипий (Гаманович)*, иеромонах. Грамматика церковно-славянского языка. М. : Худож. лит., 1991. С. 111, 115; *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. С. 301, 304.

[506] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 32; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 224.

[507] *Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М. : Наука, 1972. С. 313.

[508] *Амосов А. А.* Из истории кодекса сборника Д.193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах библиотеки АН СССР : сб. науч. трудов. Л. : БАН, 1976. С. 41—42.

[509] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. С. 126—127, 130.

монастыря Архангельской губернии. В 1931 г. он поступил в составе Архангельского собрания в Библиотеку Академии наук СССР, где получил шифр Архангельское собрание, Д.193. В научный оборот данные о кодексе были введены М. В. Кукушкиной в 1960 г.[510] На его л. 402—409 об. размещена интересующая нас летопись, а на л. 410—412 об. — особая редакция «Родословия литовских князей». Копия этих произведений содержится также в другом сборнике XVI в.: РГАДА, ф. 181 (Московский главный архив МВД), № 365, л. 156 об. — 180 об.[511]

Текст летописи из Медоварцевского сборника был впервые опубликован Г. К. Бугославским в 1911 г.[512], а затем по этой публикации перепечатан В. А. Ворониным под неточным названием «отрывки из смоленских произведений первой половины XVI в.»[513].

Текст летописи, помещенной в Медоварцевском сборнике, представляет собой литературно обработанную компиляцию из следующих материалов: «Сказание о Вышелеге (Войшелке)»; «Повесть о Довмонте»[514]; «Начало государей литовских» (широко использовано при перечислении потомков Гедимина); первый летописный свод ВКЛ (включая текст «Летописца великих князей литовских»); «Родословие литовских князей»; некоторые летописные статьи московского происхождения.

Как полагал Г. К. Бугославский, «на смоленское происхождение некоторых сокращенных литовских летописей указывает отчасти помещение

---

[510] *Кукушкина М. В.* Новый список Повести о Псковском взятии // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 473—476.

[511] *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М. : Индрик, 1998. С. 200, 207.

[512] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись начала XVI в. // Смоленская старина. Смоленск : Смоленская губ. тип., 1911. Вып. 1, ч. 2. С. 1—19.

[513] В кн.: Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час / Падрыхт. В. А. Варонін. Мінск : [б. в.], 2010. — Рец.: *Ліцкевіч А. У.* Пра некаторыя спісы «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» маскоўскага і наўгародскага паходжання (на маргінезе выданняў М. М. Улашчыка і В. А. Вароніна) // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Гродна, 8—9 ліпеня 2010 г. Мінск : Беларуская навука, 2011. С. 207—223.

[514] По мнению В. И. Охотниковой, «Сказание о Вышелеге (Войшелке)» построено не на материале Галицко-Волынской летописи, а происходит из другого источника, возникшего до XVI в. Фрагменты «Повести о Довмонте» из Медоварцевской редакции «Летописца великих князей литовских» имеют общий источник с Распространенной редакцией «Повести о Довмонте». См.: *Охотникова В. И.* Повесть о псковском князе Довмонте. (К вопросу об источниках и авторе Распространенной редакции) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1977. Т. 33. С. 266, 268.

в них такого рода событий, которые имели чисто местный интерес, как, например, свидание в г. Смоленске великого князя московского Василия Дмитриевича с литовским князем Витовтом, на дочери которого женат был московский великий князь, с точным обозначением времени этого свидания»[515]. Однако с таким мнением согласиться нельзя. В Медоварцевской редакции «Летописца великих князей литовских» действительно имеется статья 6901 г., в которой встреча Витовта и московского великого князя Василия Дмитриевича в Смоленске датирована февралем[516]. Но такая датировка встречи — февралем 6901 г. — противоречит данным более древнего и более надежного источника, а именно Троицкой летописи, соответствующая статья из которой за 6904 г. (не за 6901!), т. е. за период с 1 марта 1396 г. по 28 февраля 1397 г., сохранилась в выписках Н. М. Карамзина: «Тое же весны за двѣ недѣли до велика дни князь великии Василеи Дмитриевичь поѣха въ Смоленскъ, тако же и Киприанъ митрополитъ, и былъ у Витовта и на великъ день поставилъ Насона епископомъ въ Смоленьскѣ»[517]. В 1396 г. Пасха отмечалась 2 апреля, следовательно, великий князь московский Василий Дмитриевич отправился в Смоленск 19—20 марта 1396 г. — никак не в феврале. Точность годовой даты (1396 г.) подтверждается указанием в той же летописной статье за 6904 г. на лунное затмение, произошедшее ночью 21 июня: «Того же лѣта іюня въ 21, въ 4 часъ нощи, гиблъ мѣсяцъ» (что соответствует лунному затмению № 8197 по каталогу NASA)[518]. Таким образом лишается силы главный довод Г. К. Бугославского — что в Медоварцевской редакции содержится якобы точная дата смоленской встречи. Не выдерживает критики и другое его замечание — о том, что встреча Витовта и Василия Дмитриевича в Смоленске имела «чисто местный интерес».

По мнению В. А. Чемерицкого, летопись Медоварцевского сборника (он называет этот список Архангельским) и РГАДА № 365 «видимо, будет более правильным считать отдельным памятником русского происхождения, несмотря даже на то, что одним из главных источников ей послужил первый белорусско-литовский свод новой редакции»[519]. С учетом всего, что нам теперь известно о Медоварцевском сборнике, необходимо уточнить, что это памятник не просто русского, но московского происхождения.

---

[515] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись … С. 3.

[516] Там же. С. 14—15.

[517] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 447.

[518] *Espenak F., Meeus J.* Five Millennium Canon of Lunar Eclipses: —1999 to +3000 (2000 BCE to 3000 CE). NASA Technical Publication NASA/TP-2009-214173. 2011 May 23. URL: http://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCLE/5MKLEcatalog.txt (дата обращения: 02.03.2013).

[519] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы … С. 26.

Датировка Медоварцевской редакции «Летописца великих князей литовских» и ее связь с «Родословием литовских князей»

«Родословие литовских князей» изначально входило в состав текстового комплекса, состоящего из трех частей: легендарной генеалогии российских монархов, выведенной из времен античного Рима, собственно «Родословия литовских князей» с различными версиями происхождения Гедимина и родословия некоторых родов Гедиминовичей, выехавших из ВКЛ в Московское государство (Патрикеевых, Бельских, Мстиславских). В одной из редакций комплекса — «Сказании о владимирских князьях» — третьей части нет.

Вокруг этого текстового комплекса сложилась обширная научная литература. В результате продолжительной дискуссии между Р. П. Дмитриевой и А. А. Зиминым установлено, что первой известной нам редакцией комплекса является так называемое «Послание Спиридона-Саввы», которое, по мнению Я. С. Лурье, принятому и другими учеными, каким-то образом отражает некоторый антилитовский памятник тверской литературы середины XV в.[520] Первичность «Послания Спиридона-Саввы» подтверждается тем, что в его тексте использован фрагмент из предисловия монаха Исайи к славянскому переводу произведений Псевдо-Дионисия Ареопагита, сделанному в Сербии (1371). В Чудовском списке и в «Сказании о владимирских князьях», которые отражают московскую редакцию комплекса, этот фрагмент передан в сокращенном виде, что и доказывает их относительно позднее происхождение по сравнению с тверской редакцией[521].

---

[520] *Лурье Я. С.* [Рец. на кн.:] Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955 // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1956. Т. 15, вып. 2. С. 176—177; *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1976. Т. 30. С. 209; *Флоря Б. Н.* Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье : сб. статей. М. : Наука, 1978. С. 321—322; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 299—300, примеч. 157 (автор комментария А. Л. Хорошкевич; создание гипотетического «тверского памятника» отнесено к 1483—1485 гг., периоду оживленных литовско-тверских контактов); *Ульяновський В. І.* Київський митрополит Спиридон і його догматичний твір «Изложение о православней истинне нашей вере». Ч. III.3 // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Київ, 1999. Вип. 3. С. 132, 136.

[521] *Дмитриева Р. П.* О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 13. С. 444; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М. ; Л., 1960. С. 387—388. — А. А. Зимин признал правоту оп-

Относительно генезиса Медоварцевской редакции «Родословия литовских князей» единства среди исследователей нет. По мнению Р. П. Дмитриевой, эта редакция объединяет в себе черты как тверской, так и московской редакций, т. е. была создана в результате компиляции «Послания Спиридона-Саввы» с одним из московских текстов[522]. Медоварцевская редакция «Родословия литовских князей», как установила та же исследовательница, возникла не позднее 1527 г.[523] А. Л. Гольдберг предполагал, что Медоварцевская редакция возникла позже, чем «Послание Спиридона-Саввы», но раньше, чем редакция Чудовского списка[524]. Другую схему предложила Е. В. Кириченко: в XV в. на основе летописных сводов 1408, 1448 гг. и некоего тверского памятника возникли архетип и протограф «Родословия литовских князей», причем Медоварцевская редакция ближе к этому протографу, чем «Послание Спиридона-

---

понентов с оговоркой, что первая часть комплекса (легендарное родословие российских монархов) в Чудовском списке более древняя, чем в «Послании Спиридона-Саввы», тогда как вторая часть («Родословие литовских князей») в «Послании Спиридона-Саввы» более древняя, чем в Чудовском списке (*Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе : сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М. : Наука, 1972. С. 131—132). Отдельно необходимо упомянуть о мнении М. Е. Бычковой, что наиболее древняя редакция «Родословия литовских князей» отразилась в Чудовском списке и основана на московских летописях XV в. (*Бычкова М. Е.*: 1) Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. // Польша и Русь : Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М. : Наука, 1974. С. 369, 373; 2) Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России ; сб. статей, посвящ. 70-летию академика Л. В. Черепнина. М. : Наука, 1975. С. 134; *Byczkowa M. E.* Legenda o pochodzeniu wielkich książąt litewskich. Redakcje moskiewskie z końca XV i z XVI wieku // Studia Źródłoznawcze. Warszawa ; Poznań, 1976. T. 20. S. 187). В этих работах, однако, не объясняется твердо доказанная текстологическая зависимость «Родословия литовских князей» по Чудовскому списку и «Сказанию о владимирских князьях» от «Послания Спиридона-Саввы». Важное научное значение имеют наблюдения М. Е. Бычковой относительно генезиса третьей части комплекса (родословия некоторых фамилий Гедиминовичей).

[522] *Дмитриева Р. П.*: 1) К истории создания «Сказания о князьях владимирских» // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 495; 2) О текстологической зависимости между разными видами рассказов о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1976. Т. 30. С. 223—224.

[523] Хронологический расчет на л. 413 рукописи: «А от начала великаго князя Рюрика перваго русскаго *до нынешняго лета 7030 пятаго* протече лет 665» (*Дмитриева Р. П.* К истории создания «Сказания о князьях владимирских». С. 346).

[524] *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа ... С. 213.

Саввы» и редакция Чудовского списка[525]. Слабость этой схемы в том, что она основывается только на анализе относительно небольшого сообщения о православном крещении и смерти Ольгерда, а не на всем тексте «Родословия литовских князей». В целом, хотя вопрос о последовательности возникновения различных редакций «Родословия литовских князей» все еще остается открытым, гипотеза Р. П. Дмитриевой о том, что Медоварцевская редакция возникла в результате комбинирования «Послания Спиридона-Саввы» с одним из московских текстов, кажется наиболее взвешенной. Другое дело, что, по одной из версий, тверянин Спиридон-Савва умер в Ферапонтовом монастыре в первые месяцы 1503 г.[526] Та же редакция подписанного его именем «Послания», что сохранилась до нашего времени в списках второй половины XVI в., была создана, как установил А. Ю. Карпов, не ранее сентября и не позднее декабря 1533 г. (когда умер великий князь московский Василий Иванович)[527]. Стало быть, должны были существовать какие-то промежуточные редакции «Послания Спиридона-Саввы»[528], одна из которых и послужила источником для Медоварцевской редакции «Родословия литовских князей».

---

[525] *Кириченко К. В.* Повідомлення про хрещення Ольгерда у «Послании Спиридона-Савы» та споріднених із ним пам'ятках: спроба текстологічного аналізу // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Київ, 2003. Вип. 5. С. 28.

[526] В синодике Ферапонтова монастыря имя Спиридона-Саввы записано перед именем московской великой княгини Софьи Палеолог, умершей 15 мая 1503 г.; см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 300, примеч. 157 (автор комментария — А. И. Плигузов). По утверждению В. И. Ульяновского, «известные на сегодня документы Ферапонтова монастыря не дают ответа на вопрос о времени смерти Спиридона» (*Ульяновський В. І.* Митрополит Київський Спиридон: образ крізь епоху, епоха крізь образ. Київ: Либідь, 2004. С. 339 и след.). В энциклопедии «Вялікае княства Літоўскае» временем смерти Спиридона-Саввы названы 10-е гг. XVI в. (*Пазднякоў В. С.* Спірыдон // ВКЛЭ. Т. 2. С. 622).

[527] Согласно хронологическому расчету в самом тексте «Послания»: «Претече же ныне до великого князя Василиа Ивановичя, волнаго самодржъца и царя, лет 4 (тысячи) осмьсот». А. Ю. Карпов предложил вести в данном случае отсчет от даты Ноевого потопа, известной русским хронографам, — 2242 год от сотворения мира, что дает 7042 сентябрьский год (2242 + 4800). См.: Послание о Мономаховых дарах (Послание Спиридона-Саввы) // Великий князь Владимир Мономах / изд. подгот. А. Ю. Карпов. М. : Русский мир, 2006. Электронная версия: Слово. Православный образовательный портал. URL: http://old.portal-slovo.ru/rus/history/87/ 8162/&part=2 (дата обращения: 09.01.2009).

[528] По мнению В. И. Ульяновского, Спиридон-Савва вообще не мог быть автором «Послания» (*Ульяновський В. І.* Київський митрополит Спиридон і його догматичний твір … С. 143 и след.).

В генеалогической приписке к Медоварцевской редакции «Родословия литовских князей» король Польши, великий князь литовский Сигизмунд Старый назван «нынешним кралем» и читается сообщение: «Михаила сынъ Феодоръ, иже приѣхалъ к великому государю Василию Ивановичу служити лѣта 7030 дня июн»[529]. Как известно, Федор Михайлович Мстиславский приехал на московскую службу в 1526 г.[530], таким образом цитируемый текст возник не ранее июня 1526 г.

Из «Родословия литовских князей» в текст Медоварцевской редакции «Летописца великих князей литовских» включено сообщение о православном крещении Ольгерда: «Въ лѣто 6885 умре князь великій литовскій Ольгердъ Гедимановичъ, былъ послѣ отца своего на государствѣ лѣтъ 30 и пять. Конецъ же его Богъ сподобилъ въ православной христіанской вѣрѣ грѣческаго закона. И въ иноческомъ образѣ нареченъ инокъ Алексіе и погребоша тѣло его въ церкви Пречистыя въ Вильнѣ, юже създа супружница его благовѣрная великая княгини Іуліанія»[531]. Этот текст, вне всякого сомнения, заимствован из Медоварцевской редакции «Родословия литовских князей», размещенной в том же сборнике. На это указывают текстологическое и стилистическое сходство, а также идентичность хронологических расчетов: в Медоварцевской редакции «Родословия литовских князей», как и в Медоварцевской редакции «Летописца», говорится о том, что Ольгерд умер в 6885 г. и что он правил государством 35 лет[532].

Учитывая приведенные выше данные, создание Медоварцевской редакции «Летописца великих князей литовских» следует ограничить периодом с 1526/27 г. по 30-е гг. XVI в.

Важнейшие особенности

В Медоварцевской редакции «Летописец великих князей литовских» подвергся значительной переработке. Использованный для создания Медоварцевской редакции текст «Летописца великих князей литовских» принадлежал к виду «Карачев» и входил в состав первого летописного свода ВКЛ, поскольку рядом с ним размещены сведения о Луцком съезде 1429 г. и войне между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем.

По методам редактирования исходного текста Медоварцевская редакция в чем-то напоминает Погодинский список. Выбросив весь фрагмент о нападении мазовецкого князя Януша на Подляшье и Берестейский регион (что, впрочем, могло быть связано с лакуной или дефектом прото-

---

[529] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись … С. 19.
[530] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy … S. 269.
[531] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись … С. 9.
[532] Там же. С. 18.

графа), редактор расширил некоторые диалоги и добавил ряд антикатолических и антипольских акцентов. Это, например, интерполяция: «Ягайло же съвѣтовалъ съ боляры своими, славицы ради мира сего оставилъ до конца православную христіанскую вѣру греческаго закона и свою матерь благовѣрную великую княгиню Іуліанію». Другая аналогичная интерполяция так же ярко характеризует взгляды как редактора, так и целевой аудитории произведения: «Тогда же Ягайло краль польскыи прислалъ на Вилну намѣстника и старосту пановъ лядцкихъ и бысть отъ нихъ нужда христіаномъ и продажа велія»[533].

В источниковедческом отношении наибольший интерес представляют три особенности Медоварцевской редакции.

Во-первых, не исключено, что в ней ближе всего к протографу передан фрагмент, испорченный во всех без исключения других списках «Летописца великих князей литовских». В перечне владений, отданных Витовту после его возвращения из Пруссии в 1384 г., в Медоварцевской редакции указано, что он не получил Троки: «Даде ему Луческ, и всю землю Волынскую, а к тому в Литовской земли отчину его даде *опрочи Трок*»[534]. Это соответствует известиям других источников о владениях Витовта в период между 1384 и 1389 гг.

Во-вторых, при описании побега Витовта из Кревского замка Медоварцевская редакция единственная сообщает дополнительную деталь о том, что Витовт спустился с замковой стены «въ кошници» (надо понимать, в плетеной корзине). На каком источнике основывается эта деталь и была ли она в исходном тексте «Летописца», неясно. Впрочем, это может быть аллюзия, отсылающая читателей к аналогичному способу преодоления городской стены, который применили ученики апостола Павла при его бегстве из Дамаска: «Поемше же его оученицы нощію, свѣсиша по стѣнѣ въ кошницѣ» (Деяния Святых Апостолов, 9:25).

В-третьих, в Медоварцевской редакции содержатся переработанные варианты двух летописных статей за 6898 г. и 6901 г., протографы которых были использованы также автором второй части «Летописца великих князей литовских» при создании фрагментов, посвященных поездке княжны Софьи Витовтовны в Москву и встрече князей Витовта и Василия Дмитриевича в Смоленске. Подробно этот вопрос будет рассматриваться ниже в разделе о нарративных источниках «Летописца великих князей литовских».

---

[533] Там же. С. 13.

[534] Там же. С. 12.

Пятая редакция «Летописца великих князей литовских» (Новгородская)

Списки Дубровского и Погодинский

Пятая редакция «Летописца великих князей литовских», возникшая в XVI в. в Великом Новгороде, представлена списками Дубровского и Погодинским.

Список Дубровского находится в сборнике начала XVII в., содержащем особую редакцию Новгородской летописи, доведенную до 1539 г. Этот летописный свод был создан в 1542—1548 гг. при новгородском архиепископе Феодосии[535]. Из Великого Новгорода протограф сборника в конце 40-х гг. XVI в. был выслан в Москву митрополиту Макарию. Около 1600—1607 гг., судя по филиграням, с этого протографа в скриптории Чудова монастыря была сделана копия, носящая ныне имя российского библиографа и коллекционера манускриптов П. П. Дубровского (1754—1816)[536].

В настоящее время рукопись хранится в РНБ, шифр F.IV.238, л. 486—496. Текст «Летописца великих князей литовских» по списку Дубровского публиковался С. Л. Пташицким в 1907 г. и О. Л. Новиковой в 2004 г.[537]

По имеющимся данным, аналогичный список находится в сборнике первой половины XVIII ст., хранящемся в РГАДА, ф. 181, МГАМИД, № 20/25, л. 875—882 об.[538]

Погодинский список находится в сборнике второй половины XVI в. (одна из филиграней датируется 1588 г.), содержащем также Новгородскую пятую летопись[539]. В настоящее время рукопись хранится в РНБ, собрание М. П. Погодина, № 1404а. Текст особой редакции «Летописца великих князей литовских» переписан в нем на л. 692 об. — 700 об.

---

[535] *Новикова О. Л.*: 1) О происхождении списка Дубровского Новгородской летописи // Кирилл и Мефодий: духовное наследие : материалы Междунар. науч. конф. Калининград, май 2001. Калининград : Изд-во Калининградского ГУ, 2001. С. 39; 2) Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. СПб., 2005. Вып. 9. С. 28.

[536] *Новикова О. Л.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 43. С. 3—5; *Новикова О. Л., Сиренов А. В.* Сделано в Чудове // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 443.

[537] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 205—218; ПСРЛ. Т. 43. С. 265—269.

[538] См.: *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. М., 1904. Кн. 1 (208). С. 7, 164.

[539] Описание рукописи см.: *[Шеффер П. Н.]* Предисловие // ПСРЛ. Т. 4, ч. 2. Вып. 1 : Новгородская пятая летопись. Пг. : Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. С. III—IV.

Его копией, видимо, является список в сборнике первой четверти XVII в., хранящемся в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге, шифр 34.4.32 (л. 644 об. и следующие)[540].

Погодинский список был опубликован С. Л. Пташицким в 1907 г.[541]

Состав и текстологические особенности

А. А. Шахматов считал тексты, отразившиеся в списках Дубровского и Погодинском, «русскими переработками» «Летописца великих князей литовских»[542]. По мнению В. А. Чемерицкого, списки Дубровского и Погодинский происходят от списка, близкого к Виленскому, который «мог появиться в России не ранее 1514 г., когда после продолжительной войны Смоленск оказался в составе Московского государства». При этом исследователь считает, что в Погодинском списке представлена «русская редакция» «Летописца великих князей литовских»[543].

Сходство между двумя текстами выявляется уже в их составе. В списке Дубровского «Летописец великих князей литовских» имеет заголовок «Литовскомоу рwдоу починокъ», и повествование в нем начинается с легендарной генеалогии Гедимина, который будто бы был потомком некоего Хвоста и сыном князя Витеня, а завершается на событиях 1392 г., когда Витовт стал великим князем в Вильно.

В Погодинском списке «Летописец великих князей литовских» озаглавлен «Родство великихъ князеи Литовскихъ» и тоже начинается с легендарной генеалогии Гедимина, предками которого названы полоцкие князья Изяслав Владимирович, Брячислав Изяславич и Всеслав Брячиславич; повествование так же прерывается на 1392 г.

Ценность процитированных легендарных родословий как источников по истории XIII в. крайне сомнительна. В обоих списках источником этих родословий стал текст, вошедший в так называемое «Начало государей литовских», генеалогический памятник первой четверти XVI в.[544], а затем

---

[540] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 1 : Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги. Изд. 2, доп. / сост. В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 85.

[541] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 573—585.

[542] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов … С. 331.

[543] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы … С. 25, 116.

[544] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 593—595. Датировка основана на следующих аргументах: в тексте «Начала государей литовских» упоминается великий князь литовский Сигизмунд I Старый: «Жигимонт, нынешнеи король»; «Начало» использовалось для создания Медоварцевской редакции «Родословия литовских князей» (следовательно, существовало еще до 1526 г.); «Начало» вошло в состав Воскресенской летописи (ПСРЛ. СПб. : Тип. Э. Праца, 1856. Т. 7. С. 253—256). —

в один из поздних вариантов «Родословия литовских князей» — «Предословие о великих князех литовских, откуду они пошли» (старейший список конца XVI в. находился в сборнике № 349 бывшего Румянцевского музея, л. 54—60)[545].

Список Дубровского

Литовскомоу рwдоу починокъ: перьвое Хвостъ, а с(ы)нъ оу него Волкъ, а оу Волка с(ы)нъ Троен, а оу Троена Витень, а оу Витена с(ы)нъ Едиман[546].

Погодинский список

У великаго князя Володимера Святославича другои сынъ Изяславъ, у Изяслава сынъ Брячислав, у Брячислава сынъ Всеславъ, у Всеслава сынъ Борисъ, у Бориса сынъ Рагволодъ, у Рагволода сынъ Ростиславъ, у Ростислава сынъ Давилъ, у Давила сынъ Видъ, егоже люди Волъкомъ звали, у Вида сынъ Троенъ, у Троена сынъ Виденъ, у Витеня сынъ Гедиманъ[547].

Вопреки упоминавшемуся выше мнению В. А. Чемерицкого, есть веские основания считать, что список Дубровского создан на основе текста, очень близкого не к Виленскому, а к Академическому списку «Летописца великих князей литовских». Об этом свидетельствует целый ряд характерных чтений. Например, в списке Дубровского, как и в Академическом, содержится полное чтение «и *от*туду магистрии Вифлянскои придеть к Полоцку *ж* оступять гра*д*», вместо «ачеи» читаем «и*ж*ды» (переосмысление «чызды», отразившегося в Академическом списке), вместо «страстнои» — «кр*с*тнои»[548]. Наконец, и в Академическом, и в списке Дубровского фраза о ранах смоленского князя Юрия Святославича несколько расширена по сравнению с Виленским списком. В Академическом списке читаем «главу ему постриже рань ра*ди*, зане много раненьи»[549], в списке Дубровского: «главу ему постриже ра*н* для, зане*ж* много ране*н*»[550], но в Виленском слов «ран ради» уже нет: «*г*лаву ему

Согласно «Началу государей литовских», у полоцкого князя Ростислава Рогволодовича были сыновья Давил и Мовколд (Милколд); у Давила сыновья — Вид (Волк) и Гердень; у Вида — сын Проидень (Тройдень); у Проиденя — сын Витень; после же Витеня великим князем стал его раб конюх Гегиманик (Гедимин). Сыном Мовколда был соответственно Миндовг; а у Миндовга — сыновья Вышелег и Довмонт. Достоверность этого и подобных поздних родословий невысока.

[545] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 601—605.

[546] Там же. Стб. 205; ПСРЛ. Т. 43. С. 265.

[547] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 573.

[548] ПСРЛ. Т. 43. С. 266—268.

[549] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 150.

[550] ПСРЛ. Т. 43. С. 268.

постриже, занже мно[го] ранен»[551], следовательно, и по этому признаку список Дубровского сближается больше с Академическим, чем с Виленским.

Таким образом, несмотря на позднее происхождение, список Дубровского имеет определенную текстологическую ценность, поскольку помогает получить представление о некоторых фрагментах текста, утраченных или искаженных в Академическом списке. Впрочем, как и в Академическом, в списке Дубровского имеется целый ряд испорченных чтений, обусловленных тем, что переписчики в Великом Новгороде и Москве плохо знали старинные географические и исторические реалии Великого княжества Литовского. Это, например, чтения «Нижславль» вместо «Жеславль»; «Воинилом» вместо «Воидилом»; «Гнупын» вместо «Гунстын»; «Анюевоу ада» вместо «Ганюлеву чадь»; «ружи» вместо «Сураж» и т. д.

Одно из чтений списка Дубровского требует дополнительного комментария. Это фраза о том, что Витовт был опечален в связи с присылкой в Вильно польского старосты.

Виленский список	Бысть ему нѫжно, иже чого перед тым не было у Литовскои земли старонам владѣючим великым кнѧжньемь[552].
Академический и Супрасльский списки	И быс емо ножно (*в Супрасльском:* поужьно. — *О. Л.*), яже преже чего не было в Литовъскїи земли сторонам владѣющим великим кнѧженьемь[553].
Слуцкий список	И быс ему ноужно, иж преж чюжого не бывало в Литовьскои зеземли [sic] сторонамь владеющимь великим Литовьскимь кнѧжением[554].
Список Дубровского	И быс ему ноужно чего не бывало в Литовскои земли, что староста владѣетъ великъ кн(я)жениемъ[555].
Погодинский список	И бысть ему скорбь велия о всемъ, что староста владѣетъ великимъ княжениемъ[556].
Список Красинского	И стало Витовту смоутно велми и жалость великаѧ, иж перед тым в Литовскои земли чужог дѣржавцы не бывало, и многим волостем Литовским прислухаючи ему[557].
Хроника Быховца и Вавельский фрагмент	И было ему нужно и велми бедно видети то, чого перед тымъ не бывало в Лит(о)вскои земли: сторонним владеючи Великим кн(я)женемъ Лит(о)вским[558].
Медоварцевская редакция	И не мога терпѣти, иже прежде того чюжіи люди Литовскою землею не владѣли[559].

[551] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 200.
[552] Там же.
[553] Там же. Стб. 79, 150.
[554] Там же. Стб. 92.
[555] ПСРЛ. Т. 43. С. 269.
[556] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 585.
[557] Там же. Стб. 164.
[558] *Narbutt T.* Pomniki … S. 31; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс … С. 222.
[559] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись … С. 13.

Высказывавшееся мною ранее предположение, что в списке Дубровского в данном случае содержится чтение, наиболее близкое к протографу двухчастного варианта «Летописца великих князей литовских»[560], не находит подтверждения при более тщательном комплексном текстологическом анализе остальных списков. Как следует из схемы зависимостей и взаимосвязей между всеми списками первой редакции, от протографа отходят две основные линии, одну из которых условно можно назвать линией Академического списка, а другую — линией Виленского, Супрасльского и Слуцкого списков. Так вот, список Дубровского выразительно принадлежит к линии Академического списка. Поэтому если во всех остальных списках, включая Академический, Виленский, Супрасльский и Слуцкий, отразилось чтение «сторонам», то чтение «староста» в списке Дубровского никак не может быть наиболее близким к протографу. При имеющейся в настоящее время базе списков это исключается. Приходится признать, что выражение «сторонам владеющим» (дательный самостоятельный), при всей своей внешней неуклюжести, находилось в протографе, к которому восходят тексты всех списков первой редакции «Летописца великих князей литовских».

Текст «Летописца великих князей литовских» в Погодинском списке, в свою очередь, создан на основе текста, очень близкого к списку Дубровского[561]. Об этом свидетельствует целый ряд общих чтений.

Список Дубровского	**Погодинский список**
А принях Олгерда в Витепскъ к дочерѣ своеи, а собѣ взяти.	А принял Ольгерда Витепск к дочери своеи, а к себе в зяти.
В горы в Угры.	В горы, во Угры.
В Кракове [*вместо:* в Креве] и сказа то великому князю Олгерду.	В Кракове и споведа ему вся бывшая.
Звали его Воинилом.	Раб его именем Воинил от младых людеи.
Островскии купец, звали его Гнупыном.	Островскии купец, именем Гнупын.
И князь велит Воидила вывести великому князю Ягаилу из Витепска и было ти ж с ним.	А братаничю своему Ягаилу повеле ити из Витепска за собою же к Новъгоротцу, тако же и Воинила повеле ему за собою взяти.
Наместницы Виленскии Анюевоу ада.	Наместники Виленския, Анюевуа, да засяде Вилну.
Коромолники [*вместо:* коморники].	Коромолники.
Теплюплаксича [*вместо:* Тету, Льва Плаксича].	Тетляскичь.

[560] *Ліцкевіч А. У.* Пра некаторыя спісы … С. 218.

[561] *Новикова О. Л.* Новгородские летописи XVI века : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 110.

Как известно, летописные своды по спискам Дубровского и Погодинскому восходят к общему протографу[562]. Это находит дополнительное подтверждение и на материале содержащейся в этих сборниках редакции «Летописца великих князей литовских».

Вместе с тем в Погодинском списке текст общего со списком Дубровского протографа значительно видоизменен и дополнен. Например, там, где в списке Дубровского сказано просто «выскочив из Вилны», в Погодинском списке уточняется «превержеся чрез стену». В списке Дубровского читаем: «И повелел (!) был его в добрые», — в Погодинском списке эта фраза разъясняется: «И велможею восхоте его устроити у себе». В списке Дубровского: «Не верую тому, нет того, живет он со мною он гораздо, где бы мне того не явил», — в Погодинском списке цветистая литературная обработка: «Отче, не верую сему, понеже брат мои Ягаила весть верен есть и истинен, и не мню сему тако быти; аще бы он захотел сице сотворити, всяческии бы мне о всем извесно учинил; аз убо непщую, яко сие ложь есть, а не истина» и т. д.

В абсолютном большинстве случаев такие литературные обработки и интерполяции в Погодинском списке необходимо рассматривать как плод художественного творчества последнего его редактора, не имеющий фактологического и источниковедческого значения. К числу таких вымышленных подробностей, скорее всего, принадлежит и интерполяция в эпизоде, посвященном лечению раненого смоленского князя Юрия Святославича: «Бяше бо множество ранъ на главѣ его и по всему тѣлу его».

Единственное исключение составляет описание жестокостей, которые смоленцы чинили по отношению к мирному населению Оршанской и Мстиславской волостей в 1386 г. Здесь в Погодинский список включен фрагмент о том, как людям защемляли руки между бревнами и таким образом развешивали на стенах. Этой подробности нет в других списках «Летописца великих князей литовских», а также в наиболее ранних кратких и расширенных редакциях летописной «Повести об осаде Мстиславля». Однако фрагмент такого же содержания, как в Погодинском списке, находится в одном из вариантов «Повести об осаде Мстиславля», помещенном в Никоновском своде.

Погодинский список	**Никоновский свод**
Християнъ убо многихъ сводяще во едино мѣсто и в ызбахъ запирающе жгаху и у хоромъ стѣны очепы разводяще и христьянъ руками вкладающе стесняху, и сице на всѣхъ четырехъ стенахъ люди	А другихъ, стѣну разведъ храмины отъ высоты и до земли, межь бревенъ рукы въкладываху, ото угла до угла стисняху человѣки; и пониже тѣхъ другихъ повѣшевъ, межи бревенъ руки въкладше, стисняху такоже отъ угла до

[562] *Новикова О. Л.* Из истории новгородского летописания XVI в. … С. 37—38.

повѣшаху, иныхъ же подъ стены подкладающе уморяху, иныхъ на кольяхъ посажда[563].

угла; и тако висяху человѣцы; такоже тѣмъ образомъ и до верху по всѣмъ четыремъ стѣнамъ сотворяху; и тако по многымъ храминамъ сотвориша и зажигающе огнемъ во мнозѣ ярости. А младенци на копие возстыкаху, а другыхъ, лысты процѣпивше, вѣшаху на жердехъ, аки полти, стремглавъ; нечеловѣчне безъ милости мучаху[564].

Редакция «Повести об осаде Мстиславля», вошедшая в состав Никоновского свода, представляет собой позднюю компиляцию, составленную на основе нескольких более ранних редакций. Поэтому, так же как и в Погодинском списке, в Никоновском своде этот фрагмент заимствован из какого-то другого источника, однако представлен более полно. Вошедший в Никоновский свод фрагмент написан по впечатлениям современника или очевидца описываемых событий, т. е. происходит из довольно древнего литературного произведения, скорее всего летописи, один или несколько списков которой в первой половине XVI в. находились в Великом Новгороде или Москве. Читающийся в Погодинском списке фрагмент, в свою очередь, является сокращенной обработкой текста, взятого либо непосредственно из Никоновского свода, либо из близкой к нему летописи, либо из того же источника, которым пользовался составитель Никоновского свода.

Схема взаимосвязей между редакциями и списками «Летописца великих князей литовских»

На основе текстологических и отчасти исторических наблюдений процесс создания различных редакций и списков «Летописца великих князей литовских» можно реконструировать следующим образом.

До 1390 г. возник общий архетип первой части «Witoldes sache» и первой части «Летописца великих князей литовский», охватывавший события вплоть до первого отъезда князя Витовта в Пруссию (1382). Тот его фрагмент, который был посвящен легендарным событиям 40-х гг. XIV в., связанным со свержением великого князя Евнутия, установлением власти Ольгерда в Вильно и заключением договоренности между

[563] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 583—584.

[564] ПСРЛ. Т. 11 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1362—1424). СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1897. С. 91—92.

Ольгердом и Кейстутом, по всей видимости, существовал в письменном виде.

В 1390 г. в Пруссии возник текст «Witoldes sache», который представляет собой перевод речи Витовта с западнорусского на средневерхненемецкий язык. В основу первой части «Witoldes sache» был положен указанный выше архетип.

После января 1407 г. в Великом княжестве Литовском на основе того же архетипа была написана на западнорусском языке первая часть «Летописца великих князей литовских», завершавшаяся словами о бегстве Витовта в Пруссию («оутекь оу Нѣмци оу Прусы» или подобными). Некоторое время этот текст имел хождение в качестве отдельного произведения.

При неясных обстоятельствах текст первой части «Летописца великих князей литовских» в XV в. был переведен с западнорусского языка на латынь. Указанный перевод либо очень близкий к нему текст предположительно в 1466—1470 гг. использовал польский хронист Ян Длугош при создании 10-й книги «Истории Польши». Кроме того, этот перевод в 1502 г. был записан в одну из книг Коронной Метрики: он известен теперь под названием «Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae».

Далее к одному из списков первой части «Летописца великих князей литовских» на западнорусском языке был добавлен новый материал, охватывающий события с 1383 г. до встречи великого князя литовского Витовта с московским великим князем Василием Дмитриевичем в Смоленске (1396). Эта работа, по всей видимости, осуществлялась при создании первого летописного свода ВКЛ (свода 1446 г.), поскольку для написания второй части «Летописца» использовался тот же круг летописных источников, что и для создания выборки общерусских летописных известий в составе свода 1446 г. (подробнее этот вопрос рассматривается далее, в разделе о нарративных источниках «Летописца»). При этом в объединенном двухчастном тексте «Летописца» название города Кернов было по какой-то причине заменено на «Карачев». Все известные в настоящее время списки первой редакции «Летописца» на западнорусском языке восходят к этому протографу вида «Карачев», который можно условно назвать списком II. На этом уровне возник слой чтений, общих для Академического и Виленского списков (прежде всего чтение «Василья Костянтиновича»).

Список II послужил источником еще для двух гипотетических списков. Один из них, с чтением «чызды» вместо «ачеи» (назовем его условно списком IIa), попал в Москву или Великий Новгород и стал протографом для списков Академического, Дубровского и Погодинского. Второй — список IIb — остался, видимо, в Смоленске и стал родоначальником для фрагмента РГАДА и Виленского списка. На основе списка, близкого

Схема 1. Взаимосвязи между различными редакциями и списками «Летописца великих князей литовских»

к фрагменту РГАДА, возник список III, содержавший комплекс чтений, общих для Слуцкого и Супрасльского списков.

Главной проблемой при анализе текстологического материала первой редакции является парадоксальная близость Слуцкого списка не только к Супрасльскому, но и к Академическому списку, хотя они относятся к двум разным линиям. Причины этого не вполне ясны, не в последнюю очередь потому, что в нашем распоряжении нет некоторых гипотетических списков, служивших промежуточными звеньями между теми списками, которые случайно уцелели на протяжении веков. На основе имеющихся данных можно предложить следующее объяснение: на каком-то из этапов создания Слуцкого списка писарь использовал не один, а два исходных текста, — иными словами, не только список, близкий

к III, но и список, близкий к IIа, т. е. к протографу Академического. В этом случае список, близкий к IIа, мог послужить для внесения дополнительных поправок в текст или, скорее всего, для восстановления лакун или дефектов списка, близкого к III. Другого объяснения тому факту, что в Слуцком списке отразилось испорченное чтение, общее с Академическим списком («чызды»), я пока что не вижу. В пользу этой гипотезы говорит то, что переписчик Слуцкого списка или его протографа не просто копировал текст, а довольно требовательно относился к его редактированию, — по крайней мере об этом свидетельствует то обстоятельство, что он изменил первоначальный порядок размещения материалов в первом летописном своде ВКЛ.

Текст, близкий к Слуцкому списку, послужил основой для создания редакций «Летописца великих князей литовских», размещенных во втором и третьем летописных сводах ВКЛ.

Список, легший в основу Медоварцевской редакции, отличался от известных ныне списков тем, что при описании владений Витовта, переданных ему после возвращения из Пруссии в 1384 г., в нем было сохранено важное уточнение «опрочи Трок». Возможно, этот список отделился непосредственно от списка II или какого-то близкого ему списка вида «Карачев», содержавшего материалы первого летописного свода ВКЛ. При этом текст «Летописца» в Медоварцевской редакции был значительно переработан и осложнен добавлениями из других источников.

Списки пятой (новгородской) редакции — Дубровского и Погодинский — восходят к общему с Академическим списком протографу, в котором уже отсутствовала вся заключительная часть «Летописца» за 1393—1396 гг.

Текстология «Повести о Подолье»

В наиболее близком к протографу виде «Повесть о Подолье» отразилась в Супрасльском и Слуцком списках. В обеих рукописях «Повесть о Подолье» помещена в составе первого летописного свода ВКЛ и находится в тесной связи с «Летописцем великих князей литовских», хотя и представляет собой отдельное от него произведение. В отдельном, независимом от летописного свода ВКЛ виде текст повести не сохранился.

Тексты «Повести о Подолье» в Супрасльском и Слуцком списках принадлежат к одной и той же редакции, но различаются между собой некоторыми дополнительными или искаженными чтениями, а также пропусками слов и целых выражений. Попытку комплексного рассмотрения этих двух списков предпринял С. В. Полехов, представивший результаты текстологического анализа в виде сравнительной таблицы, выделив полужирным шрифтом те чтения, которые представляются ему «более -

близкими к первоначальным»[565]. Однако далеко не со всеми его выводами можно согласиться.

Предварительно необходимо отметить, что разночтения Супрасльского и Слуцкого списков можно условно разделить на две категории. Первая категория — это случайные пропуски нескольких слов или строк, описки, которые обусловлены невнимательностью переписчиков и фиксируются как в Супрасльском, так и в Слуцком списках (поэтому эти списки нередко как бы взаимно дополняют друг друга). Так, например, в Слуцком списке, видимо, по недосмотру пропущена строка о князьях Кориатовичах: «...пошли в Подолскую землю. И тогды в Подолскои земли...» Есть также, очевидно, случайная описка «а с того вси городы Полоцкия оумуровали» (вместо «Подольския»). В Супрасльском списке, в свою очередь, отсутствуют такие фразы, как «и вошли у приязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю» (о Кориатовичах) и «а по своемь животе королемь осадити» (о Константине Кориатовиче). Разночтения такого рода вряд ли имеет смысл принимать во внимание при решении вопроса о соотношении Супрасльского и Слуцкого списков.

Вторая категория разночтений для нас более важна. Это явно противоречивые чтения, корректность или некорректность которых трудно установить, оперируя только двумя списками «Повести о Подолье» и не обращаясь к более широкому контексту. К таковым, на мой взгляд, относятся следующие разночтения.

В начальной части повести по Супрасльскому списку сообщается, что у князя Кориата «были четыри с(ы)ны кн(я)зь Юръи а кн(я)зь Александро, кн(я)зь Костентинъ, кн(я)зь Федоръ, ино тыи кн(я)жѧтѧ Коръѧтевечи три браты, кн(я)зь Юръи а кн(я)зь Александръ, кн(я)зь Костентинъ и кн(я)зь Федоръ со кн(я)зѧ великого Ѳлгирдивым презволениємь и с помочию Литовския земли пошли в Подолскоую землю»[566]. Здесь содержится явное противоречие, поскольку сначала говорится о том, что в Подольскую землю пошли только три брата Кориатовича, а затем к их именам прибавляется имя четвертого — князя Федора Кориатовича. В Слуцком списке такого противоречия нет: князь Федор Кориатович не называется среди князей, отправившихся в Подольскую землю, что хорошо согласуется с дальнейшим содержанием повести, согласно которой Федор Кориатович до смерти своих старших братьев держал Новогородок[567].

Другое важное разночтение касается вопроса о подчинении Подольской земли Великому княжеству Литовскому в период до 1392 г. Согласно Супрасльскому списку, «Подольская земля не хотела была пошло-

---

[565] *Полехов С. В.* Летописная «Повесть о Подолье». С. 34—36.

[566] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 82.

[567] Там же. Стб. 99—100.

ушна быти кн(я)зѧ великого Витовта и Литовскои земли, какъ же пред тым послоушна была»[568]. В Слуцком списке в последнюю фразу добавлена частица «не», и поэтому ее смысл стал прямо противоположным: «...какъж и передь тымь послоушна не была»[569].

Наконец, третье важное разночтение — это имя воеводы Федора Кориатовича, защищавшего подольские замки от войск Витовта. В Супрасльском списке оно звучит как «Нестис», а в Слуцком списке — «Нестак».

Если в отношении разночтения «Нестис — Нестак» С. В. Полехов не высказал окончательного мнения, то в двух оставшихся случаях он посчитал более близкими к первоначальным чтения Супрасльского списка. Даже в таком явно дискуссионном случае, как упоминание князя Федора Кориатовича среди братьев, пришедших в Подольскую землю, исследователь выбрал в качестве более корректного противоречивое чтение Супрасльского списка, указав в примечании, что «по-видимому, эта описка возникла еще на этапе работы автора „Повести“»[570]. Текстологических аргументов в обоснование этого мнения в его работе не представлено.

Между тем, как показывают результаты текстологического анализа, Супрасльский и Слуцкий списки «Летописца великих князей литовских» происходят от общего протографа. Следовательно, Супрасльский и Слуцкий списки «Повести о Подолье» тоже возникли на основе общего протографа. Нет никаких оснований для того, чтобы считать, что Слуцкий список зависит от Супрасльского, и наоборот. Поэтому нельзя согласиться и с тем, что Супрасльский список по текстологическим причинам может иметь приоритет в спорных разночтениях. Другое дело, что композиция первого летописного свода ВКЛ в Слуцком списке претерпела некоторые изменения в сравнении с первоначальной композицией, отразившейся в Академическом, Супрасльском и, вероятно, Никифоровском списках: так, в Слуцком списке был изменен порядок размещения некоторых материалов, в том числе «Повести о Подолье». Но это редактирование, проведенное, как показал В. А. Чемерицкий, между 1498 и 1502 гг.[571], не коснулось самих текстов «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье».

Возвращаясь к трем спорным разночтениям «Повести о Подолье», заметим, что князь Федор Кориатович никоим образом не мог упоминаться в протографе повести среди тех князей, которые первыми пришли в Подольскую землю. Это надежно доказывается логикой повествования,

---

[568] Там же. Стб. 82.

[569] Там же. Стб. 100.

[570] *Полехов С. В.* Летописная «Повесть о Подолье». С. 36.

[571] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы ... С. 125—126.

историческими данными, которые будут рассмотрены ниже, и тем, что его имени нет в соответствующем фрагменте Слуцкого списка. Следовательно, в Супрасльском списке это поздняя интерполяция, причины которой остаются неясными.

Что касается характеристики отношения Подольской земли к ВКЛ перед 1392 г., то безоговорочно принимать чтение Супрасльского списка («какъ же пред тым послоушна была») также невозможно. Такая трактовка действительно отвечает общей идейной направленности «Повести о Подолье», которая обосновывала права ВКЛ на Подольскую землю. Но в общеисторическом контексте более корректным является как раз чтение Слуцкого списка («какъж и передь тымь послоушна не была»). Известно, что подольские князья неоднократно — в 60-х и 70-х гг. XIV в. — признавали сюзеренитет Польского и Венгерского королевств, следовательно, ни о какой их постоянной подчиненности по отношению к Великому княжеству Литовскому говорить невозможно. Вот почему чтения Супрасльского и Слуцкого списков в данном случае являются с исторической точки зрения по меньшей мере равноправными.

Нельзя признать приоритет Супрасльского списка и в разночтении, связанном с именем воеводы, которого князь Федор Кориатович в 1394 г. назначил защищать подольские замки. Воевода князя Федора Кориатовича отождествляется с нобилем Нестяком, который в первые десятилетия XV в. входил в ближайшее окружение воеводы и господаря Молдавской земли Александра. Таким образом, наиболее близким к первоначальному является чтение «Нестак» в Слуцком списке, которое затем трансформировалось в чтение «Nestan» в хронике Быховца, но сохранилось в Вавельском фрагменте. Форма же «Нестис» в Супрасльском списке возникла по оплошности переписчика: в западнорусском полууставе XV в. правая дужка буквы «к» нередко писалась отдельно от левой мачты, и эту дужку легко можно было принять за отдельно стоящую букву «с»; по этой причине переписчик принял буквы «-як» или «-ек» в слове «Нестяк» («Нестек») за буквы «-ис».

Вторая редакция «Повести о Подолье» вошла в состав второго летописного свода ВКЛ. Она представлена списками Красинского, Патриаршим А, Ольшевским, Рачинского, Румянцевским, Евреиновским и Тихонравова; в списке Археологического общества присутствует только первая фраза повести, остальной текст утрачен[572]. Подробный анализ разночтений этой редакции сделал С. В. Полехов, привлекший в том числе и список Тихонравова[573]. По сравнению с первой редакцией во второй

---

[572] ПСРЛ. Т. 35. С. 102, 138, 160, 186, 207, 228—229; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 170—172.

[573] *Полехов С. В.* Летописная Повесть о Подолье как исторический источник. С. 99—101.

приглажен стиль, заменена архаичная лексика. Видимо, по политико-идеологическим соображениям из второй редакции повести исключен эпизод с приглашением князя Константина Кориатовича жениться на дочери польского короля Казимира — эпизод, заключавший в себе скрытый политический выпад против Ягайла. Среди владений князя Федора Кориатовича, наряду с Новогородком, назван Гомей (Гомель). Во всех списках из текста исключено имя подольского воеводы Нестяка. В Румянцевском списке фигурируют ошибочные суммы расчетов Витовта за Подольскую землю — восемь тысяч коп грошей вместо сорока тысяч пенязей.

Важной особенностью некоторых списков (Красинского, Патриаршего А, Рачинского, Ольшевского) является то, что в начале «Повести о Подолье» размещены известия о приезде Витовта в Луцк, а уже затем идет описание похода Ольгерда на Синюю Воду. Из-за этого казуса, начиная с хроник Мартина Кромера и Матея Стрыйковского, в историографии некоторое время всерьез обсуждалось предположение, что у Витовта будто бы был полководец по имени Ольгерд, который и завоевал Подольскую землю[574].

Третья редакция содержится в третьем летописном своде ВКЛ, который отразился в хронике Быховца и Вавельском фрагменте[575]. В эту редакцию «Повесть о Подолье» включена в значительно переработанном виде, но вполне очевидно, что основой для нее стал текст, близкий к тексту из Слуцкого списка: в нем, например, были слова «а по своемь животе королемь осадити», которых нет в Супрасльском списке. Хроника Быховца и Вавельский фрагмент происходят от общего протографа и относятся к одному и тому же архетипу[576]. Однако тексты «Повести о Подолье» в них различаются несколькими мелкими разночтениями. Так, в хронике Быховца битва близ Синей Воды почему-то датирована 1351 г., что противоречит данным русских летописей, в первую очередь Рогожского летописца, датирующего эту битву осенью 6871 г. по мартовскому стилю, т. е. осенью 1363 г. Кроме того, в хронике Быховца во фразе «y kniaź Konstantyn ko Korolu Polskomu iezdył» пропущены слова «на кглейтах», которые есть в Вавельском фрагменте. В свою очередь, в Вавельском фрагменте помимо случайных описок («городы польские» вместо «городы Подольские», «Черный городок» вместо «Черленый городок»)

---

[574] *Василенко В. О.* Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX — першої третини XX ст. : монографія. Дніпропетровськ : НГУ, 2006. С. 90, 93.

[575] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 19—20; *Gudmantas K.* Lietuvos metraščio Vavelio nuorašas ... P. 121—151; *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 208—210.

[576] *Міхальчук Г. М.* Новы спіс ... С. 206.

воевода князя Федора Кориатовича назван «Нестаком», а не «Нестаном», как в хронике Быховца.

Искаженно в третьей редакции представлено описание конфликта между Витовтом и Федором Кориатовичем: видимо, пользуясь материалами второго летописного свода ВКЛ, редактор заменил Витовта на Ольгерда, который якобы и захватил Каменец-Подольский. В этом фрагменте в хронику введен вымышленный персонаж «Гаштольд Гаштольдович», сын Гаштольда, который во времена Гедимина якобы был великокняжеским «гетманом» и виленским воеводой. Выше, со ссылкой на исследование В. Семковича, я уже излагал этот сюжет и говорил о том, что легенда об участии предка Гаштольдов в основании францисканской миссии в Вильно возникла не ранее второй половины XV в. Трудно сказать, в какой степени она основывается (и основывается ли вообще) на каких-то реальных фактах. В целом поправки и дополнения, которые редактор архетипа, отразившегося в хронике Быховца и Вавельском фрагменте, внес в исходный текст «Повести о Подолье», не имеют сколько-нибудь значительной фактологической ценности.

Глава 2

Источники «Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье»

Документальные и эпистолярные источники

Принципы выявления документальных материалов

Не подлежит сомнению, что в древнерусские летописи целиком или фрагментарно включались документальные и эпистолярные материалы. Иногда они прямо цитировались составителем летописи, как, например, размещенные в Галицко-Волынской летописи «рукописания» владимиро-волынского князя Владимира Васильковича (1288) или уставная грамота князя Мстислава Даниловича для жителей Берестья (1289); иногда же грамоты просто упоминались или их содержание пересказывалось вкратце, как, например, список литовских князей, участвовавших в заключении мирного договора 1219 г. с Галицко-Волынским княжеством[577]. Такая особенность характерна не только для древнерусских летописей: упоминания о целом ряде документов мы находим и в Ливонской хронике Генриха Латвийского. Среди них, в частности, договоры князя Кукенойса Вячки с Ригой (1205/1206) и с рижским епископом Альбертом (1208), мирные договоры князя Полоцка с рижским епископом Альбертом (1210/1211, 1212/1213) и с Ригой (1223/1224) и т. д.[578] В одном случае даже сохранился оригинал документа, пересказываемого в хронике Генриха Латвийского, — это пожалование риж-

---

[577] *Юрасовский А. В.* Грамоты XI — середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. 1982. № 4. С. 141—142; *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства ... С. 210—211.

[578] Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi. T. 31 : Heinrici Chronicon Livoniae. Ed. altera / recogn. L. Arbusow et A. Bauer. Hannoverae : Impensis Bibliopoli Hahniani, 1955. S. 30—31, 48, 81, 104, 187.

ского епископа Альберта для князя Герцике Всеволода (1209/1210)[579]. Ссылка на предшествующие договоры между Полоцком и Ригой, очевидно, упоминаемые ливонским хронистом, содержится в документе полоцкого князя Изяслава, выданном около 1265 г.: «На семь къ мне целовати кр(е)стъ въ правду, любовь имѣти и миръ, какъ было при первыхъ кнѧз[е]хъ полочьскы. Полочаномъ, видьбляномъ волное торгованье въ Ризе, на Готьскомь бере[зе] и въ Любьце»[580].

Еще один красноречивый пример относится уже к XIV в. В Рогожском летописце дважды, под 6857 (1349) и 6860 (1352) гг., упоминается о мире, который был заключен между великим князем московским Семеном Ивановичем и великим князем литовским Ольгердом. Например, под 6857 г. сообщается, что князь Семен Иванович с Ольгердом «прїа любовь и мир мног взем»; а под 6860 г. формулировка еще более конкретная: «И дошедше Вышегорода на Поротвѣ, тоу оусрѣтоша его послове от князя литовьскаго Олгорда с многыми дары о миру, князь же великїи Семенъ Иванович, не оставя Олгордова слова, мир взял, а послы отпустил с миром»[581]. Спустя полтора столетия, в январе 1494 г., вопрос об этих мирных договорах был поднят в Москве на мирных переговорах между московским представителем князем Семеном Ряполовским и послом ВКЛ Петром Яновичем. При этом московские бояре настаивали на том, чтобы новый договор был заключен так, «как было при наших прадедах, при великом князе Семене Ивановиче и при великом князе Иване Ивановиче, и при его прадеде, при великом князе Олгерде, что при них прислухало к нашему государьству, к великому княжству, и к их государьству, к великому княжству Литовскому, то бы было по давному на обе стороны». Судя по материалам этих переговоров, по крайней мере один из договоров между Ольгердом и Семеном Ивановичем (1349 или 1352 г.), упомянутых в Рогожском летописце, действительно существовал в форме письменного акта, и московские бояре предъявляли этот документ, требуя, чтобы посол ВКЛ «кончял по великого князя Семенову докончянью»[582].

Таким образом, теоретически вполне возможно, руководствуясь определенными критериями, выявить в тексте летописей и хроник следы

---

[579] AGAD. Zbiór pergaminów, dok. No 4489; Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / hrsg. von F. G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 1 : 1093—1300. Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1853. Стб. 20—21, № 15; Scriptores rerum Germanicarum ... T. 31. S. 70—71.

[580] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 59.

[581] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 59, 60.

[582] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1 : Годы с 1487 по 1533. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. С. 114—115; *Лицкевич О. В.* Ольгердиана ... С. 94—98.

использования некоторых документальных материалов. Сама постановка этого вопроса правомерна, дело только в методологии.

Впервые Б. А. Рыбаков на материале южнорусского летописания середины XII в. выделил тексты более 60 «грамот», будто бы включенных в летописный текст[583]. Его гипотетические построения получили некоторое лингвистическое обоснование в работе В. Ю. Франчук, которая так же пришла к выводу, что в составе древнерусских летописей, в частности Киевской, находятся тексты княжеских посланий — иногда в фрагментарном, а иногда в перефразированном виде[584]. О включении в Галицко-Волынскую летопись дипломатической переписки из княжеского архива писал и В. Т. Пашуто[585]. Теоретические основания для идентификации и выделения актового материала, использованного при создании древнерусских летописей, сформулированы в работе А. В. Юрасовского. По его мнению, на использование грамот указывает, во-первых, то, что в летописи имеется термин «грамота» или «рукописание» с последующим явным цитированием документа. Во-вторых, в летописи фигурирует факт отправления посольства, а речь о посольских делах ведется от первого лица (от лица князя или боярина). В-третьих, текст предполагаемой «грамоты», включенной в летопись, отличается внутренней целостностью и завершенностью. В-четвертых, формуляр «грамоты», включенной в летопись, соответствует формуляру аутентичных актов того периода, которые сохранились до нашего времени[586].

Украинский археограф О. А. Купчинский считает, что документальный фонд Галицко-Волынского княжества — официальные речи послов, княжеская переписка, договоры и даже протоколы княжеских съездов и вечевых собраний — являлся одним из основных источников для создания Галицко-Волынской летописи. При составлении корпуса галицко-волынских актов и выявлении документальных материалов в летописном тексте исследователь исходил из следующих тезисов. Межкняжеские контакты в Древней Руси осуществлялись при посредстве письменных посланий. Помещенный в летописи текст документа или его фрагмент характеризуется смысловой целостностью. В начале многих таких текстов сохраняется так называемая «этикетная часть», содержащая обращение («брате», «сыну», «отче» и т. д.). В документах, передававшихся во время посольств, речь ведется от первого лица — князя, епископа, боя-

---

[583] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 316—335.

[584] *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев : Наукова думка, 1986. С. 154.

[585] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М. : Наука, 1968. С. 169 и след.

[586] *Юрасовский А. В.* Грамоты XI — середины XIV века ... С. 143—144.

рина. Перед текстом дипломатического письма или послания может находиться термин «рѣчь». Тексты документов своим языком и орфографией отличаются от остального летописного материала (на лингвистические признаки, как основные при выявлении документальных материалов в летописях, указывали в свое время также Б. А. Рыбаков и В. Ю. Франчук[587]). По этим критериям О. А. Купчинский реконструировал на основе сохранившегося летописного текста более 60 грамот, посланий, обращений, записок, которые, по его мнению, «представляют эпистолярный жанр галицко-волынского документального фонда XIII в.»[588].

С критикой методики Б. А. Рыбакова и его последователей (в том числе О. А. Купчинского) в 1991 г. выступил Я. Р. Дашкевич. Он отметил, что в дипломатической практике Древней Руси устная коммуникация играла более важную роль, чем письменные акты. Содержание большинства посольств передавалось в устной форме, и в летописях отражены не цитаты из княжеских посланий, а в лучшем случае только протокольные записи «посольских речей». Именно на устную коммуникацию, по его мнению, а вовсе не на письменные акты, указывает термин «речь» и производные от него, встречающиеся в летописях при описании межкняжеских посольств. Из теоретических принципов, сформулированных А. В. Юрасовским, Я. Р. Дашкевич признал несомненными и объективными только два: а именно наличие в летописи терминов «грамота», «рукописание» и т. п. и сравнение формуляра летописных «грамот» с аутентичными документальными материалами[589].

Эти замечания не всегда бесспорны. Мнению о преобладании устной коммуникации, например, противоречит большой массив выявленных древнерусских берестяных грамот. Впрочем, конечно, необходимо отдавать себе отчет в том, что *дословная* реконструкция большинства документальных и эпистолярных материалов, использованных для создания летописей или упоминаемых летописцами и хронистами, вряд ли возможна по причинам методологического характера. Однако идентификация таких материалов на основе сохранившегося текста летописей и хроник — это все же задача вполне выполнимая. В конкретном случае «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» этот тезис можно обосновать целым рядом аргументов, среди которых, в частности, развитие письменной культуры в Великом княжестве Литовском в конце XIV — первой половине XV в., языковая специфика летописей и хроник,

---

[587] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь ... С. 318; *Франчук В. Ю.* Киевская летопись ... С. 112.

[588] *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства ... С. 219—220.

[589] *Дашкевич Я. Р.* Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 105—108.

непосредственное упоминание о различных документах в тексте нарративных памятников, наличие прямых цитат и элементов формуляра, а также детальность некоторых описаний.

Развитие письменной культуры в ВКЛ. По мнению А. И. Груши, прецедент использования документов во внутренних отношениях в Великом княжестве Литовском был положен в правление великого князя Ягайла[590]. С этим можно согласиться, но лишь с некоторыми оговорками. Прежде всего, в таком случае необходимо вынести за рамки обсуждения Подолье, где первые внутренние документы появились уже в 1374 и 1375 гг. — соответственно локационный привилей для Каменца и земельное пожалование для доминиканского монастыря в Смотриче[591]. Хотя в политическом отношении Подольская земля с 1366 вплоть до 1394 г. держалась обособленно от Великого княжества Литовского, но правила там литовская княжеская династия Кориатовичей, поэтому рассматривать развитие документальной письменности в ВКЛ без Подолья было бы, как мне кажется, неправомерно.

Что касается внутренних земельных и имущественных пожалований, на территории ВКЛ в XIV в. наиболее ранние пожалования такого рода производились князьями и боярами в пользу православных церквей и монастырей[592]. Как правило, такие тексты в форме вкладных записей вписывались в напрестольные Евангелия, которые хранились в церквях и использовались в богослужении. К таковым относятся, в частности, пожалование князя Василия Михайловича и его жены Василисы церкви Пресвятой Богородицы в Друцке, вписанное в Друцкое Евангелие[593], ряд пожалований, записанных в Лавришевском Евангелии, из которых XIV в. несомненно датируются акты князя Дмитрия Ольгердовича и некоего Юрия Болковича из Новогородка[594], пожалование княгини Ульяны Алек-

---

[590] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.). Минск : Беларуская навука, 2015. С. 174.

[591] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie. Dokumenty do 1430 roku // *Kurtyka J.* Podole w czasach jagiellońskich. Studia i materiały. Kraków : Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego «Societas Vistulana», 2011. S. 325—331.

[592] *Груша А. И.* Вкладные записи XIV в. в книгах Евангелия: акты или протоакты // Русский Книжник : [сб. РГБ] / науч. ред. и сост. А. В. Кузьмин. М. : Пашков дом, 2015. С. 32.

[593] Друцк летапісны. Друцкае Евангелле. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2001. С. 270; *Варонін В. А.* Друцкія князі XIV стагоддзя // Беларускі гістарычны агляд. 2002. Т. 9. Сш. 1—2 (16—17). С. 3—29; *Насевіч В. Л.* Друцкае княства і князі Друцкія // Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2000. С. 49—76.

[594] *Friedelówna T.* Ewangeliarz ławryszewski : monografia zabytku. Wrocław etc. : Wydawnictwo PAN, 1974. S. 67, 71.

сандровны церкви Успения Богородицы[595], записи киевского князя Владимира Ольгердовича для церкви святого Николая в Смедине[596], холмского князя Юрия Даниловича для церкви Пресвятой Богородицы в Холме[597] и полоцкого князя Андрея Ольгердовича для придела Святой Троицы Полоцкого Софийского собора[598]. Древнейшая из известных ныне вкладных записей возникла едва ли ранее 40—50-х гг. XIV в.

Самая ранняя известная нам духовная грамота на территории ВКЛ была выдана волынским князем Дмитрием (Любартом) Ольгердовичем в конце 1383 г. в пользу луцкой соборной церкви Иоанна Богослова. Однако ее текст сохранился лишь фрагментарно в составе более позднего фальсификата и осложнен интерполяциями; к тому же этот фальсификат получил в историографии очень неточную датировку (1322 г.)[599].

Практика документального оформления земельных пожалований частным лицам и сделок с земельными владениями между частными лицами получила распространение в Великом княжестве Литовском относительно поздно, если сравнивать с соседними Польшей, Мазовией, Венгрией, Тевтонским орденом и некоторыми государствами Северо-Западной Руси (Великим Новгородом, Псковом)[600]. При этом в русских удельных княжествах, где правили Гедиминовичи (Полоцком, Киевском, Волынском,

---

[595] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 : 1340—1506. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. С. 21, № 5; *Ластоўскі В. Ю.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі ... С. 119 (факсимиле); *Грандстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л. : ГПБ, 1953. С. 40; Грамоти XIV ст. / упорядк., вступн. стаття, коментарі і словники-покажчики М. М. Пещак. Київ : Наук. думка, 1974. С. 55, № 26.

[596] Русская историческая библиотека. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. 2. Стб. 5—6; Грамоти XIV ст. С. 37. См. также: *Кузьмин А. В.* О времени составления грамоты киевского великого князя Владимира Ольгердовича «святому Николе смединьскому» // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация : XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 14—17 апреля 2009 г. : материалы конф. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2009. С. 171—176.

[597] *Розов В. А.* Українські грамоти. Т. 1 : XIV в. і перша половина XV в. Київ : Друкарня УАН, 1928. С. 21; Грамоти XIV ст. С. 53—54.

[598] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 72—73, № 10.

[599] Обзор литературы и аргументация представлены далее в комментарии к первой части «Летописца великих князей литовских».

[600] Так, в Пскове одна из древнейших частных грамот по земельным делам (пожалование Якову Голутвиничу на селище и рыбные ловли) датируется 1308—1312 гг. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 318), в Великом Новгороде (мировая по спорному делу о владении Шенкурским погостом) — 1315—1322 гг. (Там же. С. 279).

Подольском), такая практика возникла, видимо, раньше, чем собственно в Литве.

Известна группа документов, якобы выданных в период правления Ольгерда, — продажная и меновая записи пана Олехна Ромашковича пану Григорию Тункелю и подтверждение самого Ольгерда на эту куплю в Эйшишском и Радунском повете. Все они сохранились в копиях первой четверти XIX в., которые находятся в фонде Н. П. Румянцева Российской государственной библиотеки. Хотя эти документы издавались как подлинные грамоты времен Ольгерда в трудах известных филологов[601], анализ их формуляра и содержащихся в них данных показывает, что это фальсификаты, созданные на основе грамот великого князя литовского Александра 1497 и 1501 гг.[602]

Самые ранние известные в настоящее время частные документы по земельным и имущественным отношениям на территории ВКЛ датируются широким периодом с конца 60-х по 80-е гг. XIV в. Широта периода объясняется тем, что некоторые документы не имеют точной даты и могут быть датированы лишь исходя из времени правления князя, как, например, пожалование полоцкого князя Андрея Ольгердовича боярину Федору Корсаку на село Семенцово на реке Березвяче (1370—1377 или 1385—1387; более вероятен все же второй период)[603] или пожалование киевского князя Владимира Ольгердовича предку бояр Беховичей на имение Беховщизну в Овручской волости (конец 60-х гг. XIV в. — 1394)[604].

Более точно датированные древнейшие частные документы все восходят к 80-м гг. XIV в. Не считая разных фальсификатов (таких как подложный документ Витовта для подольского боярина Василия Карачевского за 1383 г.)[605] и грамот со спорной датировкой, это запись Чурилы

---

[601] Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума / сост. А. Востоковым. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1842. С. 117, № LXX; *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1903. С. 358—359; Грамоти XIV ст. С. 24—26, № 9—11.

[602] *Лицкевич О. В.* Ольгердиана ... С. 88—89.

[603] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 73—74, № 11.

[604] Документ по состоянию на 1521 г. находился в личном архиве боярина Василия Беховича. Он упоминается в подтверждении короля Сигизмунда I (Вильно, 8 августа 1521 г.) и в одном из документов 1625 г. См.: Архив Юго-Западной России. Киев : Тип. Е. Федорова, 1867. Ч. 4, т. 1. С. 22; *Przeździecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów. Wilno : T. Glücksberg, 1841. T. 2. S. 112—113.

[605] Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis Lithuaniae / wyd. J. Ochmanski. Warszawa etc. : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. S. 189—190.

Бродовского в пользу острожского князя Федора Даниловича (1386)[606], меновая грамота пинского князя Василия Наримонтовича на остров на реке Ступве (1390)[607] и два пожалования князя Скиргайла, упоминания о которых сохранились в документах XVI в., — дьяку Стефану в Полоцкой земле[608] и боярину Висогайлу, или Вижгайлу, в западной части Трокской земли близ реки Невяжи (1387—1392)[609].

Древнейшими частными жалованными актами, выданными монархом ВКЛ, являются документы, которые великий князь литовский Ягайло предоставил своим братьям Александру Вигунту и Скиргайлу в 1386 и 1387 гг. (о них пойдет речь в комментариях к «Летописцу великих князей литовских» и «Witoldes sache»).

Старейшие достоверно известные случаи использования документов во внутриполитических сношениях на территории ВКЛ датируются концом 70-х — началом 80-х гг. XIV в. Согласно «Witoldes sache», после переворота 1381 г. Кейстут заставил Ягайла выдать специальные грамоты с обещанием никогда не претендовать на Вильно и сохранять послушание в Витебском уделе: «Vnde *mit sinen briuen vorschreib* vff das, das her der Wille nymmer gefordern welde vnd her solde vn*ser*m fatir gehorsam seyn jn sines fatir teile czu Witebis». Таким образом, мы имеем свидетельство, что язычник Кейстут прекрасно понимал важность письменного документа и использовал его в своей внутренней политике. Известно также, что после смерти Ольгерда его старшие сыновья от брака с витебской княжной заключили между собой договор о сохранении своих удельных княжеств: ссылка на этот договор, названный «patentes litteras», содержится в документе князя Андрея Ольгердовича за 1385 г.[610] Стало быть, использование письменных межкняжеских договоров во внутренней жизни ВКЛ не было в новинку уже в 1377 г., а могло практиковаться и ранее, по образцу соседних земель Руси. Свои архивы были у некоторых удельных князей: так, в 1385 г. в одной из стычек крестоносцы

---

[606] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1 : 1366—1506. Lwów : Druk. Instytutu Stauropigiańskiego, 1887. S. 2; *Розов В. А.* Українські грамоти … С. 27—28; Грамоти XIV ст. С. 63—64.

[607] *Груша А. І.*: 1) Невядомы арыгінал граматы князя Васіля Нарымонтавіча канца XIV ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 11. С. 31—42 и цветная вставка между с. 48 и 49; 2) Мяноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV — першай трэці XV ст. Мінск : РІВШ, 2010.

[608] *Микульский Ю. Н.* Призабытая полоцкая грамота князя Скиргайло 1387—1393 гг. (по случаю переиздания «Полоцких грамот») // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 271—276.

[609] *Jablonskis K.* Nauji Vytauto laikotarpio aktai // Praeitis. Kaunas, 1933. T. 2. P. 396—399.

[610] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 77.

захватили мешок с казной и архивом князя Скиргайла. Как сообщают «Торуньские анналы», в этом мешке, помимо прочего, находились серебряные чаши и грамоты на русском языке («privilegiis suis Rutenicis»), запечатанные свинцовыми пломбами[611]. Первый известный нам земский привилей для боярства ВКЛ король Владислав (Ягайло) выпустил 20 февраля 1387 г.[612]

Видимо, уже к концу 70-х гг. XIV в. в Великом княжестве Литовском в целом и в некоторых его удельных княжествах получило первоначальное развитие делопроизводство на западнорусском языке, что было обусловлено усложнением хозяйственной жизни и системы землевладения. Без существования — пусть даже в самой примитивной форме — такого делопроизводства, служившего для учета земельных пожалований, даней, доходов, границ между владениями и т. д., невозможным оказалось бы создание столь сложного документа, как привилей для князя Скиргайла Ольгердовича 1387 г. на владение Трокской, Полоцкой и другими землями.

Кроме того, письменная культура в Великом княжестве Литовском в 70-е, 80-е и 90-е гг. XIV в. была развита в достаточной степени, чтобы допустить существование в то время регулярной переписки между князьями и должностными лицами. Уже договор 1379 г. о перемирии между Тевтонским орденом в Пруссии и Великим княжеством Литовским регламентировал, что наместники в приграничных регионах ВКЛ обязаны в письменной форме фиксировать размеры ущерба от прохождения войск и направлять эти документы наместникам более высокого ранга[613]. Собственно в данном вопросе правители ВКЛ могли заимствовать не только орденскую, но и древнерусскую практику. Сохранившийся, например, фрагмент берестяной грамоты из Мстиславля, датируемой первой четвертью XIII в., по предположению Л. В. Алексеева, как раз и представлял собой письмо должностных лиц к своему князю по поводу закупки зерна[614].

Активную переписку с Пруссией и некоторыми государствами Руси уже в 80-х гг. XIV в. вел Витовт, так что его политические противники, князья Ягайло и Скиргайло, пытались запретить ему высылать гонцов и отправлять письма за рубеж, на что указывается в «Witoldes sache».

---

[611] SRP. Bd. 3. S. 137; *Косман М.* З гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага / пер. з польскай. Мінск : Медысонт, 2010. С. 55.

[612] LM. Knyga Nr. 25 (1387—1546): Užrašymų knyga 25 / parengė D. Antanavičius ir A. Baliulis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. P. 35—37.

[613] CDL. Vratislaviae : Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. S. 53—55, No III-1.

[614] *Алексеев Л. В.* Берестяная грамота из древнего Мстиславля // Советская археология. 1983. № 1. С. 210—211.

Переписка между князьями и должностными лицами внутри ВКЛ велась на западнорусском языке. Вообще за XIV—XV вв. не выявлено ни одного актового, эпистолярного или делопроизводственного материала на литовском языке. Славянской является даже аутентичная административная и хозяйственная терминология, иногда попадающаяся в ранних латиноязычных документах для католических костелов: «язы» («jazi», «jasz»), «уставное лукно» («stawne lukno»), «серебщизна» («srzebrzczyszna»), «децкие» («dzeczskye») и т. д., хотя некоторые слова, приводимые в рутенизированной форме, например «дякло» («dakla»)[615], имеют балтскую этимологию. Важно подчеркнуть, что в 80-е и 90-е гг. XIV в. и позднее, в первой половине XV в., западнорусский язык использовался в переписке не только между православными деятелями и по делам русских земель ВКЛ, но и между католиками по делам Литвы и Жемайтии. Доказательством тому служит целый ряд грамот: например, распоряжения короля Владислава (Ягайла) литовским тиунам по поводу основания католических костелов, сохранившиеся в старопольском переводе с западнорусского языка (1389)[616]; послания великого князя Витовта жемайтскому наместнику Кезгайлу (первая треть XV в.)[617]; письмо рады великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича королю Польши Владиславу Варненчику (1437)[618].

Между Гедиминовичами, даже принявшими католичество, переписка по государственным делам нередко велась также на западнорусском языке. Об этом свидетельствуют неоднократные упоминания о таких письмах в переписке между королем Владиславом (Ягайлом) и великим князем Витовтом (1429)[619]. Текст одного из писем великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича к королю Владиславу (Ягайлу), написанного на западнорусском языке в 1433 г., сохранился до наших дней[620].

---

[615] KDKDW. S. 5, 7, 14.

[616] Ibid. S. 28—30.

[617] Vitoldiana ... S. 85, No 89; S. 88, No 92; S. 92—93, No 99.

[618] *Довнар-Запольский М. В.* Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма // ЖМНП. 1901. Ч. 337. Сентябрь. С. 480—481; *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М. : Индрик, 2015. С. 531—533.

[619] Витовт — Владиславу (Ягайлу), 3 мая 1429 г.: «Quod autem scripsistis in littera ruthenica...», «ceterum scribitis in eadem littera ruthena...» (CEV. S. 827, No 1352). Витовт — Владиславу (Ягайлу), 8 мая 1429 г.: «Insuper scribit nobis V. fraternitas in ruthenico...» (CEV. S. 831, No 1353). Владислав (Ягайло) — Витовту, 26 мая 1429 г., приписка переписчика или переводчика письма: «Copia littere domini regis Polonie, scripte domino magno duci in ruthenico, translate in latinum etc.» (CEV. S. 833, No 1356).

[620] *Halecki O.* Z Jana Zamojskiego inwentarza archiwum koronnego // Archiwum Komisji Historycznej. Kraków, 1919. T. 12. Cz. 1. S. 214.

Языковая специфика. На материале Виленского списка Н. А. Морозова охарактеризовала язык второй части «Летописца великих князей литовских» как «гибридный церковнославянский». Написанные на таком языке тексты отличаются чередованием фрагментов на церковнославянском и западнорусском языках. По мнению исследовательницы, это может быть обусловлено причинами не лингвистического, а текстологического характера[621]. Иными словами, пестрота языка второй части «Летописца» объясняется тем, что эта часть составлена из разных исходных материалов и языковую разницу между этими материалами не устранила даже их поверхностная редакторская обработка.

В. К. Мороз, развивая идеи Ф. П. Сушицкого, пишет о значительном влиянии стиля актовых материалов, создававшихся в великокняжеской канцелярии, на язык летописания ВКЛ, однако отмечает при этом, что это влияние было связано не с прямым заимствованием текстовых элементов из грамот, а с участием сотрудников великокняжеской канцелярии в составлении грамот и летописей[622].

Вторая часть «Летописца великих князей литовских», видимо, требует еще комплексного лингвистического исследования с целью провести точное размежевание между фрагментами, написанными с преобладанием церковнославянских элементов, и фрагментами на западнорусском языке. Целесообразно отличать языковую основу тех или иных фрагментов от их стилистического декора. Так, многие фрагменты, написанные в своей основе на западнорусском языке, не исключено, были по стилистическим соображениям «приукрашены» автором с помощью церковнославянской лексики, чтобы приблизить их звучание к высокому стилю, характерному для религиозных текстов, да и для древнерусских летописей тоже.

К западнорусским Н. А. Морозова отнесла фрагменты о возвращении Витовта в Литву, крещении и коронации Ягайла в Кракове, битве близ Вейшишек, взятии Кривого города в Вильно, походе Скиргайла на Черкассы и Звенигород. Возможно, источником для некоторых из этих, а также для других фрагментов, написанных с преобладанием западнорусского языкового элемента, стали документальные, эпистолярные или делопроизводственные материалы из государственного архива ВКЛ.

В то же время при создании целого ряда фрагментов второй части «Летописца», написанных с преобладанием церковнославянского элемента (например, о браке княжны Софьи Витовтовны и московского великого князя Василия Дмитриевича, о смерти князя Скиргайла в Киеве

---

[621] *Морозова Н. А.* Виленский список ... С. 39—41.

[622] *Мароз В. К.*: 1) Мова беларускага летапісання ... С. 141—145; 2) Мова беларускага летапісання: «Летапісец вялікіх князёў літоўскіх». С. 60—63.

и др.), в качестве текстологического, фактологического или стилистического источника, вероятно, использовались русские летописи.

Упоминания о различных видах документов. Документы неоднократно упоминаются в «Witoldes sache», «Летописце великих князей литовских» и «Повести о Подолье». Например, рассказывая об убийстве витебского наместника Федора Весны, хронист прямо сообщает, что король Владислав (Ягайло) прислал князю Витовту «грамоту» с требованием отомстить за это преступление.

При описании событий 1386 г. хронист упомянул о мирном соглашении («докончании»), которое великий князь смоленский Святослав Иванович заключил ранее с великим князем литовским Ягайлом и его братьями.

Не раз в «Летописце великих князей литовских» и в «Повести о Подолье» даются ссылки на различные посольства. Так, Витовта в 1384 г. «кнѧз Агаило перезвавъ… с Нѣмци». В 1384—1385 гг. «почали Лѧхове слати с Кракова къ великому кнѧзю Ѧгаилоу, абы принѧл крещенїе старого Рима и понѧл бы в них королевноу Ѧдвигу и сталъ бы в них королем въ Краковѣ и на всеи Лѧдскои земли». В 1392 г. «присла к нѣму [Витовту] корол посла з братом своим»[623]. В 1392—1395 гг. великий князь литовский Витовт отправлял посольства к великому князю смоленскому Глебу Святославичу: «Кн(я)зь же великыи Витовтъ послы своя слаша [к нему] w справлении»[624]. Автор «Повести о Подолье» в деталях был осведомлен о посольствах, которыми обменивались между собой государи Польши и ВКЛ по вопросу о передаче в залог половины Подольской земли, и цитировал выдержки из переписки между королем Владиславом (Ягайлом) и Витовтом. Из этого можно заключить, что авторы «Летописца» и «Повести о Подолье» имели доступ к некоторым материалам этих посольств, которые хранились в государственном архиве ВКЛ: например, к верительным грамотам и посольским инструкциям, протокольным записям посольских речей, различным другим документам и письмам.

Четырежды во второй части «Летописца великих князей литовских» встречается такой термин, как «совет». Как правило, он означает совещание между князьями и боярами по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики. Так, в 1385 или начале 1386 г. великий князь литовский Ягайло «совѣть сотвори [со] своею м(а)т(е)рью з великою кнѧгинею Оульѧною, и з братьею своею и съ всими кн(я)зьми и бояры Литовьское земли и поехав Кракову, в Лѧдскоую землю»[625]. Зимой 1386 г. великий князь смоленский Святослав Иванович «совѣть сотвори со кн(я)земь

[623] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 198, 201.
[624] Там же. Стб. 81, 95.
[625] Там же. Стб. 90, 148.

Андреемь Полоцкым»[626]. В 1389 г. князь Витовт перед тем, как напасть на Вильно, «съвѣть сотвори со многими кн(я)зьми и бояры Литовъскои земли»[627]. Наконец, в 1392 г. перед возвращением в Великое княжество Литовское из Пруссии Витовт «совѣ*т* сътвори съ кнѧзми своими съ кнѧзе*м* Юрье*м* Наримонтовїчо*м* Бѣльскы*м* и съ кн(я)земь Іваном Ѳлкгимонтовичом»[628]. Однако я не взялся бы настаивать на том, что во всех этих случаях хронист основывался непосредственно на каких-либо документальных источниках. Упоминая о «совете» между князьями Святославом Ивановичем и Андреем Ольгердовичем, хронист, судя по языку и стилистике этого фрагмента, мог использовать какой-то летописный источник.

Прямые цитаты и элементы формуляра. Отдельно необходимо сказать о таком критерии, как наличие в тексте хроник прямых или переработанных цитат из межкняжеской переписки.

Точное определение таких цитат сталкивается с серьезными сложностями. На первый взгляд в этом деле может помочь то обстоятельство, что в некоторых случаях в тексте встречаются элементы дипломатического формуляра — «этикетная часть» (по терминологии О. А. Купчинского). Например, обращение «брате» содержится в просьбе короля Владислава (Ягайла), адресованной князю Витовту, вернуться из Пруссии в Великое княжество Литовское: «Болше, брате, не терѧи земли Литовское, wт*т*чины нашее и свое»[629]. Кроме того, обращение «милыи брате» мы находим в «Повести о Подолье» в эпизоде, повествующем о том, как Владислав (Ягайло) попросил Витовта передать ему Подольскую землю. Однако, как показывают примеры, собранные Ф. П. Сушицким, такие обращения содержатся, в частности, и в хронике Быховца, причем в текстах явно легендарного характера[630]. Таким образом, опираясь только на наличие такой «этикетной части», далеко не всегда можно сказать с уверенностью, в каких случаях перед нами цитаты из действительно существовавших документов, а в каких — плод литературной стилизации. В таких случаях необходимо привлекать доводы текстологического характера.

Так, в «Повести о Подолье» рассказывается о том, как польский король Владислав (Ягайло) передал часть подольских городов Спытку из Мельштына под залог в 20 тыс. «пенязей», а потом его убили татары и «пани Спытковая стала вдовою, *а дѣти малы*». Затем следует цитата из обращения короля Владислава (Ягайла) к князю Витовту, в которой мы

---

[626] Там же. Стб. 77, 90, 148, 198.
[627] Там же. Стб. 79, 92, 150, 200.
[628] Там же. Стб. 93, 201.
[629] Там же.
[630] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи ... С. 389.

вновь встречаем знакомый речевой оборот про «малых детей»: «И королъ почалъ присылати великому кн(я)зю Витовтоу, рекоучи, што еси намь [дал] половицю Подолъскои земли во двадцати тисѧчех пѣнезех, мы дали были во двадцати *ж* тисѧчех паноу Спытькоу, и пани Спытьковая вдовѣла, а дѣти малы, а w*т* [та]таръ земли тои некомоу боронити»[631]. Таким образом, можно прийти к двум противоположным заключениям: либо автор повести сочинил эту цитату самостоятельно, основываясь на собственном предшествующем тексте, либо он заимствовал целые выражения из документального источника и не только оформлял их в качестве прямой речи, но и непосредственно включал в ткань повествования безо всяких обозначений. Второй вывод, на мой взгляд, более вероятен, поскольку повесть носит легендарный характер только в своей начальной части, а при описании событий 80-х и 90-х гг. XIV в., несмотря на массу фактических неточностей, приобретает деловую, прагматичную окраску, исключающую появление в тексте каких-то литературных излишеств. Даже эпизод про несостоявшуюся женитьбу князя Константина Кориатовича в этой части автор сопровождает ссылкой на документы — «глейтовные листы», стремясь подчеркнуть достоверность описываемых фактов.

Несколько иное впечатление оставляет цитата из прямой речи литовских князей, которую автор второй части «Летописца великих князей литовских» поместил в рассказе о битве под Мстиславлем в 1386 г.: «И поменоуша слово Б(о)жие, еже рече: в нюже мѣроу ч(е)л(о)в(е)кь мерить, w*т*миритсѧ емоу, а что посееть, то и пожьнеть. Мы, рекоша, никоего зла емоу не сотворихомь, а wнь с нами в докончани боуда, переступивъ кр(е)стное цѣлование и докончание, нашю землю воюеть и кровъ хрестѧньскоую проливаеть. Мы же идемь на него, надѣемьсѧ на Б(ог)а и на хрестѧнскоую [*в Виленском, Слуцком списках:* кр(е)*с*тноую] силоу»[632]. Здесь литературный вымысел, стилизация разоблачаются довольно уверенно. На них указывает уже тот факт, что процитированные слова высказываются от лица не одного, а сразу нескольких князей — Скиргайла, Витовта, Дмитрия Корибута, Семена Лынгвена и некоего Константина, по крайней мере четверо из которых еще совсем недавно были язычниками. В стилистическом и лексическом отношениях этот фрагмент на церковнославянском языке значительно отличается от других вкраплений прямой речи, содержащихся в тексте «Летописца» и «Повести о Подолье». Вряд ли это была цитата из какого-то письма, написанного князем Скиргайлом. Однако из этого фрагмента ясно видно, что его автор был знаком с текстом договора о мире между ВКЛ и Смоленском, действовавшего по состоянию на весну 1386 г.

---

[631] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 84, 101.

[632] Там же. Стб. 78, 91, 149, 199.

Детальность описаний. Наконец, важным аргументом в пользу использования хронистами некоторых документальных материалов является чрезвычайная детализированность многих описаний. Например, автор второй части «Летописца великих князей литовских», будучи «млад» в начале 1395 г., точно знал, что во время мятежа Витовта в 1389 г. Скиргайло уехал в Полоцк, а жена Витовта княгиня Анна оставалась в Городне. Он был хорошо информирован о битве под Вейшишками и осаде Вильно в 1390 г., о количестве и именах князей, взятых в плен крестоносцами. При этом весь фрагмент за 1389—1390 гг. от слов «а во Вилню послалъ королъ старостоу своего Лѧдского» до слов «возма Кривы город и земли извоевалъ, пакы возвратисѧ в Немьци»[633] написан на гибридном церковнославянском языке с существенной примесью западнорусского языкового элемента (или же наоборот, на западнорусском с примесью церковнославянского). Вряд ли хронист полностью выдумал указанные подробности, чтобы оживить повествование, поскольку, как мы видели выше в эпизоде о битве под Мстиславлем, когда он старался приукрасить текст, он все равно опирался на литературный источник, заимствуя стилистику и темы из Священного Писания. Если бы автор второй части «Летописца» выдумывал излагаемые им факты, это повлияло бы и на облик текста — он был бы в большей степени унифицирован в стилистическом и лексическом отношениях. Между тем, как уже говорилось, вторая часть «Летописца» отличается фрагментированностью, языковой пестротой и неровностью литературного стиля. Таким образом, по крайней мере во второй части «Летописца великих князей литовских», как и в «Повести о Подолье», некоторые подробности, не имеющие аналогов в других летописях и хрониках, могут быть основаны на документальных и эпистолярных источниках из государственного архива ВКЛ.

Перечень документальных и эпистолярных источников «Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье»

Ниже в хронологическом порядке представлено описание выявленных документальных и эпистолярных материалов, упоминаемых, цитируемых или используемых в «Witoldes sache» и «Летописце великих князей литовских». Следует оговориться, что существование так называемого завещания Гедимина, которое, по мнению некоторых исследователей, легло в основу начальной части «Летописца великих князей литовских», мне кажется маловероятным, поэтому оно не включено в этот перечень.

---

[633] Там же. Стб. 79—80, 92, 150—152, 200—201.

Древнейший актовый источник, следы которого обнаруживаются в первой части «Летописца великих князей литовских» и первой части «Witoldes sache», был описан или процитирован, по-видимому, уже в их архетипе, возникшем до 1390 г. Это было соглашение о разделе власти и территорий Великого княжества Литовского между Ольгердом и Кейстутом, заключенное предположительно в 1345 г. после свержения великого князя Евнутия. Нетрудно заметить, что по содержанию, стилистике и лексике договоренности между Ольгердом и Кейстутом, представленные в первой части «Летописца великих князей литовских», весьма напоминают пункты некоего юридического документа. На эту мысль наводит и слово «докончають», которое дважды встречается в соответствующем фрагменте текста по Академическому и Супрасльскому спискам (в Виленском списке это слово тоже присутствует, но текст подвергся дополнительной правке и в результате был исключен пункт о разделе уже существующих волостей). В западнорусском языке слово «докончанье» означало «договор, соглашение» (как правило, в виде письменного документа), соответственно «докончати» — это «договариваться, заключать соглашение»[634]. Дословный текст этого гипотетического соглашения на основе сохранившихся списков «Летописца великих князей литовских» и тем более «Witoldes sache», конечно, восстановить невозможно. Но в целом его пункты могли быть следующими — см. таблицу на с. 175 (в квадратных скобках выделен текст, который мог быть добавлен или изменен автором первой части «Летописца»).

Практика заключения подобных договоров между родными братьями-князьями была хорошо известна на Руси. Сохранился, например, аналогичный договор между московским великим князем Семеном Ивановичем и его братьями Иваном и Андреем, датируемый примерно 1350—1351 гг. По своему содержанию, тесно связанному с тогдашней политической и экономической ситуацией в Московском государстве, он, конечно, гораздо богаче, чем те краткие известия о «докончании» между Ольгердом и Кейстутом, что отразились в «Летописце великих князей литовских», однако можно выделить и некоторые общие черты: в московском договоре тоже указывается, что все младшие братья должны были сохранять послушание старшему брату московскому великому князю Семену Ивановичу и быть «заодин до живота», и тоже распределяются некоторые владения между ними[635].

---

[634] ГСБМ. Вып. 8. С. 230—231; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1. С. 313.

[635] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 11; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М. ; Л., 1948. Ч. 1. С. 20—25.

Западнорусские списки «Летописца великих князей литовских»	**«Origo regis»**	**«Witoldes sache»**
1. [А докончають межи себе кн(я)зь великїи ꙮлгирдъ, кн(я)зь великїи Кестутїи, што] братьи все послушнои быти великого кн(я)зѧ ꙮлгирда.	Et concluserunt inter se fratres dux Olgyerth et dux Kyerstruch, q*uod* fratres omnes obediant duci Olgerdo.	
2. [Или которыи волости, то собѣ разделили]. — *Возможно, в этом пункте содержалось перечисление волостей, поделенных между Ольгердом и Кейстутом.*	Et aliquos districtus inter se diuiserunt.	Vnd ander land vnde borge das teilten sy jn all czu mole enczwei.
3. [А то собѣ докончають — что придобудоуть], грады ли или волости, да то дѣлити наполы.	Et hoc eciam inter se concluserunt vbicumq*ue* aliquid acceperint puta ciuitates, castra aut districtus, id per medium diuidere.	Vnd globten den ander, was man mochte jn andern landen gewi*n*nen, das solde man alls entzwei teilen. Als man jn Russchen lande vil huzer hat gewu*n*nen vnd gegenot, das teilten sy jn alczu mol jn di helfte.
4. А быти [има] до живота в любви а въ великои м(и)л(о)*с*ти.	Et esse concluserunt mutuo in vita in magna caritate, placencia, dilec*ti*on*e*.	
5. [А правду межи собою на томь дали] никому ни на кого не помыслити лихо*м*. [Также и была до живота в тои правдѣ][636].	Et fidem inter se super eo ceperunt nulli in vita de alio male cogitare. Et ita fuerunt vsq*ue* ad termin*um* vite in hac vita[637].	Vnd woren jn mit enander jn g*r*osen truwen[638].

Во второй части «Летописца великих князей литовских» упоминается мирный договор между ВКЛ и Смоленским великим княжеством, заключенный предположительно в период между 1377 и 1386 гг. Об этом договоре и сопровождавшем его заключение крестном целовании говорится при описании битвы между литовскими и смоленскими войсками под Мстиславлем в 1386 г.: «И сожаливсѧ кн(я)зь великыи Скиригаило, поиде со братию своею, со великымь кн(я)земь Витовтомь и Костентиномь,

[636] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 72, 143, 192.
[637] Там же. Стб. 220.
[638] Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. HA, OF 1b. Л. 22 об.

и с Корбоутомь, и со Семеномъ Лынгвенемь. <...> Мы, рекоша, никоего зла емоу не сотворихомь, а внь с нами в докончани боуда, переступивъ кр(е)стное цѣлование и докончание, нашю землю воюеть и кровъ хрестьаньскоую проливаеть. Мы же идемь на него, надѣемьсѧ на Б(ог)а и на хрестьанскоую [*в Виленском, Слуцком списках:* кр(е)*стноую*] силоу»[639]. Кроме того, автор второй части «Летописца» точно знал, что этот документ регламентировал условия мирного договора (не перемирия), так как в другом фрагменте вскользь обмолвился про смоленского князя: «На мироу много зла сотвориша»[640]. Ни оригинал, ни копия этого договора до нашего времени не сохранились.

По тексту «Летописца» можно предполагать, что смоленский великий князь Святослав Иванович заключил этот мирный договор после смерти Ольгерда с новым великим князем литовским Ягайлом и его братьями («а онь *с нами* в докончани буда...»). Отношения между ВКЛ и Смоленским великим княжеством тесно зависели от взаимосвязей этих государств с Москвой. Поэтому новый смоленско-литовский договор мог быть оформлен в 1384 или в начале 1385 г., когда князья Скиргайло и Дмитрий Корибут Ольгердовичи от имени Ягайла заключили мирный договор с Московским государством («докончали и целовали крест великому князю Дмитрею Ивановичю и брату ево князю Володимеру Ондреевичу и их детем»)[641].

В первой части «Летописца великих князей литовских» и в «Witoldes sache» содержится описание договоров, которые князь Ягайло заключил в 1380 г. с Тевтонским орденом против своего дяди князя Кейстута. Для обозначения этих документов в «Летописце» используется термин «грамоты» (или «littere» в «Origo regis») всегда во множественном числе. Упоминаются они несколько раз. Сначала говорится о том, что боярин Войдыла «почал з Нѣмци собѣ соуимы чинити и записыватисѧ грамоты противоу великого кн(я)зѧ Кестутьа». Затем якобы со слов комтура Остероде Гюнтера фон Гоэнштайна описывается цель заключения этих договоров. Согласно трактовке «Летописца великих князей литовских», грамоты предназначались будто бы для того, чтобы Войдыла как муж княжны Марии Ольгердовны мог захватить владения Кейстута и Витовта:

---

[639] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 78, 91, 149, 199.

[640] Там же. Стб. 77, 90, 148. В Виленском списке фраза неправильно понята и отредактирована: «И мироу много зла оучини» (Там же. Стб. 198).

[641] Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. В. И. Гальцов ; под ред. С. О. Шмидта. М. : ЦГАДА, Археогр. комис., 1977. Ч. 1. С. 35; *Черепнин Л. В.*: 1) Договорные и духовные грамоты Дмитрия Ивановича Донского как источник для изучения политической истории Великого княжества Московского // Исторические записки. 1947. Вып. 24. С. 249; 2) Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. С. 49—50; *Лицкевич О. В.* Ольгердиана ... С. 104.

«Как тебе избавити своих мѣсть, а ему бы сѧ достало и съ сестрою великого кн(я)зѧ Ягаила твои мѣста». Далее рассказывается о том, что Кейстут, неожиданно заняв Вильно (в 1381 г.), нашел эти грамоты у Ягайла и показал их Витовту: «А се тые грамоты, что записалисѧ были на нас»[642].

Несколько иное описание содержится в «Witoldes sache». Здесь про Войдылу не сказано ни слова и инициатором переговоров с Тевтонским орденом представлен сам Ягайло. Без ведома Кейстута он заключил перемирие с Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии, обязавшись не оказывать Кейстуту военную помощь: «...Herczog Jagal an vn*ser* fatir wissen vnde vorswigende vn*ser*m fater vnd nam eine*n* frede jm lande czu Prussen vnd mit dem lande czu Jfland. Vnd vn*ser*n fater gab her vs, das her der heeren solde, vnd globte, das her vn*ser* fatir nicht helfen welde».

В данном случае и в «Летописце великих князей литовских», и в «Witoldes sache» речь идет об одних и тех же двух документах, оригиналы которых сохранились до нашего времени.

Первый документ — это договор о перемирии между великим князем литовским Ягайлом и магистром Ливонии Вильгельмом фон Фримерсхаймом, заключенный 27 февраля 1380 г. Один из его пунктов предусматривал, что перемирие не распространяется на владения князя Кейстута и Жемайтию[643]. Сохранился только экземпляр, выданный ливонской стороной.

Второй документ — это договор между великим князем литовским Ягайлом и великим магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпроде, заключенный 31 мая 1380 г. Ягайло, в частности, обязывался сохранять перемирие с Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии, не нападать на его земли, а также не оказывать никакой военной помощи Кейстуту, если бы на него напали войска Ордена. В заключении этого договора принимал непосредственное участие боярин Войдыла, привесивший к нему свою печать[644]. Сохранился только экземпляр, выданный литовской стороной.

Сравнивая тексты сохранившихся оригиналов договоров и их описание в хрониках, необходимо отметить, что в целом трактовка, содержащаяся в «Witoldes sache», гораздо полнее и корректнее, чем в «Летописце великих князей литовских». Описывая содержание договоренностей между Ягайлом и Тевтонским орденом, автор первой части «Летописца», видимо, опирался не столько на тексты договоров, сколько на сообщение,

---

[642] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 73—74, 85, 144—145, 193—194, 221—222.

[643] AGAD. Zbiór pergaminów, dok. No 4529. — Публикации: *Prochaska A.* Rozejm Jagiełły z landmistrzem inflanckim zatwierdzony w Rydze 27 lutego 1380 r. // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1909. R. 23. S. 565; *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 107—110.

[644] Публикации: CDL. S. 55—56; *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 110—112.

которое князю Кейстуту отправил письмом или через гонца бывший комтур Остероде Гюнтер фон Гоэнштайн незадолго до своей смерти, наступившей 22 июля 1380 г. О том, что об измене Ягайла Кейстут узнал от кого-то из своих друзей, говорится и в «Witoldes sache», но прямо на существование письма не указывается: «Vnd dor noch vn*ser* fater derfur von eczlich*en* syn*en* vru*n*den». В первой части «Летописца» тоже не говорится о том, что Гоэнштайн прислал Кейстуту именно грамоту, но его слова цитируются в форме прямой речи: «Тоть повѣдаль кн(я)зю великому Кестютью: „Ты того не вѣдаешь, ка*к* кн(я)зь Ягаило посылаеть к на*м* часто Воидила, оуже записальсѧ з нами, ка*к* тебе избавити свои*х* мѣсть, а ему бы сѧ достало и съ сестрою великого кн(я)зѧ Ягаила твои мѣста“»[645]. Сообщая Кейстуту эту информацию, Гоэнштайн не пересказывал договоры, в которых такого пункта не было, а по-своему их интерпретировал, раскрывая тайные намерения Ягайла и Войдылы, и именно эта интерпретация в конце концов отразилась в первой части «Летописца», тогда как в «Witoldes sache» лаконично и точно передан смысл правовых положений, реально включенных в договоры.

Согласно «Witoldes sache», после того как Кейстут в 1381 г. захватил Вильно, он заставил князя Ягайла выдать одну или несколько грамот (они названы во множественном числе «mit sinen briuen») о том, что он отказывается от претензий на Вильно и будет сохранять послушание Кейстуту в качестве владетеля Витебского удела, ранее принадлежавшего Ольгерду: «Vnde herczog Jagal globte vn*ser*m vatir mit siner muter vnd mit sinen brudern vnd gab sine truwe vnde mit sinen briuen vorschreib vff das, das her der Wille ny*m*mer gefordern welde vnd her solde vn*ser*m fatir gehorsam seyn jn sines fatir teile czu Witebis». Ни оригиналы, ни копии этих грамот до нашего времени не сохранились. Любопытно, что выражение «mit sinen briuen vorschreib vff» из «Witoldes sache» — это, видимо, точная калька западнорусского выражения «записыватися грамоты», которое неоднократно встречается в «Летописце великих князей литовских». Но при этом в «Летописце» при описании присяги Ягайла в 1381 г. про выданные им письменные документы отдельно ничего не говорится или же они подразумеваются под общим понятием «правда»: «И правдоу дасть кнѧз великыи Ягаило великомоу кнѧзю Витwвтоу и дѧди своемоу великомоу кнѧзю Кестоутю, што николи противу емоу не стаѧти, а завсе оу его воли быти»[646].

Крайне туманные и неясные упоминания содержатся в «Witoldes sache» о порочивших Витовта письмах («brife»), которые князь Скиргайло рассылал предположительно в конце 1385 — начале 1386 г. Витовт, т. е. автор, от лица которого ведется повествование в «Witoldes sache», жалу-

[645] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 73, 144, 193, 221.
[646] Там же. Стб. 74, 86, 194, 222.

ется, что князь Скиргайло часто клеветал на него перед князем Ягайлом и рассылал некие письма. Иногда эти письма отправлялись в присутствии Витовта, а иногда князь Скиргайло говорил (об этих письмах?) в присутствии Витовта, так что тот мог слышать (или еще один вариант толкования: Витовт слушался того, что ему говорил Скиргайло), но во всяком случае, как уверял Витовт, во всем этом не было его вины: «Vnd herczog Skirgal hat mich dicke bereet kegn herczoge*n* Jagaln vnd brife sende*n*, vnder wilen vor mir das her briue weg sante, vnder wilen das her js selbir vor mir rette das ich czu horte, vnd das geschach alls ane myne schold».

Как можно понять, существовали какие-то провокационные письма, возможно, составленные от имени Витовта и адресованные руководству Тевтонского ордена, поскольку из контекста «Witoldes sache» видно, что крестоносцы были прекрасно осведомлены об этих письмах. Когда в 1390 г. сановники Ордена спросили Витовта об этих письмах, он заявил, что действительным их автором был князь Скиргайло, который стремился опорочить Витовта в глазах короля Владислава (Ягайла). Ответ этот, отраженный в «Witoldes sache», выдержан в весьма уклончивых выражениях.

В этой связи необходимо указать на то, что 1 января 1386 г. великий магистр Тевтонского ордена Конрад Цёлльнер фон Ротенштайн выдал документ, в котором пообещал Витовту твердо соблюдать свои прежние обязательства и помогать ему в возвращении его вотчины. Хотя публикатор латинской копии документа А. Соколовский внес в его текст конъектуру и безосновательно датировал документ 1384 г., в оригинале, судя по инвентарю Краковского коронного архива, составленному М. Кромером в 1551 г., а также в латинской и немецкой копиях документа, сделанных в XVIII в., значился именно 1386 г.[647] Правомерность такого датирования (т. е. 1386 г.) доказал еще Ф. Конечны[648]. Однако обстоятельства и причины появления этого орденского документа остаются непонятными. Витовт вернулся из Пруссии в Великое княжество Литовское в 1384 г. и с

---

[647] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигисмунда Августа с 1545 по 1572 год. Ч. 1 / изд. М. Оболенский, И. Данилович. М. : Унив. тип., 1843. С. 455—456; Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 1 : 1384—1492. P. 1. Ab anno 1384 ad annum 1444 / cura A. Sokołowski. Kraków : Akademia Umiejętności, 1876. S. 1, No 1. — По сведениям А. Прохаски (1882 г.), «в копиях Нарушевича, находящихся в библиотеке Генерального штаба в Санкт-Петербурге, размещен в первом томе этот документ на немецком языке с выразительно читающейся датой: tusend dreyhundert in dem sechs und achczigsten iare etc.» (CEV. S. 3, No 12).

[648] *Koneczny F.* Polityka Zakonu Niemieckiego w latach 1389 i 1390 // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1889. T. 24. S. 277—278.

тех пор находился на территории страны и был внешне лоялен по отношению к великому князю литовскому Ягайлу. После того как представители польской знати согласились принять Ягайла королем и выставили Волковысский акт от 11 января 1386 г., Витовт находился рядом с Ягайлом и Скиргайлом — об этом известно из источника об отправке ими посольства к мазовецкому князю Земовиту[649]. Трудно понять, зачем же тогда Витовту понадобилось вступать в компрометирующие его отношения с Тевтонским орденом. Если же принять во внимание информацию «Witoldes sache» о каких-то провокационных письмах, в которых «не было его вины», то можно предположить, что в конце 1385 г. кто-то (т. е., по заверению Витовта, сам князь Скиргайло) отправил сановникам Ордена от имени Витовта предложения о возобновлении политических отношений. В ответ великий магистр Конрад Цёлльнер фон Ротенштайн и выдал 1 января 1386 г. документ, в котором подтверждал то, что раньше обещал Витовту[650]. Руководители Ордена, впрочем, и сами были заинтересованы в том, чтобы в период тесного сближения между ВКЛ и Королевством Польским внести раскол в окружение Ягайла.

В «Witoldes sache» упоминается известная грамота короля Владислава (Ягайла) о пожаловании князю Скиргайлу Трокской, Полоцкой и ряда других земель. Этот привилей на западнорусском языке, выданный 28 апреля 1387 г., сохранился в оригинале до нашего времени и неоднократно издавался[651]. Автор «Witoldes sache» отмечает, что год назад, т. е. в 1389 г., король Владислав (Ягайло), будучи в Люблинском замке, пожаловал этим документом («priuilegien») его вотчину своему брату Скиргайлу, причем специально сделал это на глазах у Витовта, чтобы причинить ему страдание: «Des ist nu ein jar das herczog hat herczog Skirigaln vorschreben mit *pr*i*u*ilegien alle min fetirlich erbe vff dem huse czu Lublin vnd vor myne*n* ougen, das was mir gar leid».

Известно, что в третьей декаде мая 1389 г. в Люблине действительно состоялся княжеский съезд, на котором по настоянию короля Владислава (Ягайла) князья Витовт и Скиргайло, враждовавшие между собой, 29 мая заключили соглашение о примирении и взаимной помощи[652]. На этом-то

---

[649] «Ipse dominus rex dum per dominos regni Polonie de unanimi consensu et voluntate in regem Polonie fuisset postulatus, necdum ad possessionem ipsius regni admissus adeuc in Lithwania manens, per certos nuncios suos una cum fratribus suis videlicet Scargello et Wytowdo moderno magno duce Lithwanie ipsi domino Semovito seniori intimavit, ut ad ipsos gressu celeri veniret» (MPH. Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, 1893. T. 6. S. 631).

[650] Обзор документов первой половины 1384 г. со взаимными обязательствами Витовта и руководителей Тевтонского ордена см.: *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы … С. 53—56.

[651] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 81—83, № 16.

[652] CEV. S. 18, No 53.

съезде, как следует из «Witoldes sache», Витовт и узнал о пожаловании Трокской земли Скиргайлу. Похоже, что в сообщении «Witoldes sache» допущен анахронизм, поскольку упоминаемое пожалование Трокской земли князю Скиргайлу было документально оформлено двумя годами ранее, в 1387 г., и не в Люблине, а «оу ловехъ Скоистерскихъ», т. е. в лесу восточнее Вильно в районе современной деревни Скайстяряй[653]. Эта странность, возможно, объясняется тем, что документ, принятый во время охоты, в условиях конфиденциальности, долгое время держался втайне от Витовта, чтобы не провоцировать враждебных действий с его стороны, и Витовт узнал о его существовании только в 1389 г. При этом автор «Witoldes sache» был знаком с оригиналом грамоты, написанным на западнорусском языке. Это видно из того, что в остальном тексте «Witoldes sache» имя Скиргайла передается в форме «Skirgal» и только в фрагменте, посвященном пожалованию 1387 г., оно звучит с дополнительным звуком «i»: «Skirigaln», что точно соответствует форме «Скирикгаило», которая используется в оригинале привилея.

Во второй части «Летописца великих князей литовских» пересказывается письмо, которое король Владислав (Ягайло) и князь Скиргайло предположительно в первой половине 1392 г. направили князю Витовту, приглашая его вернуться из Пруссии в Великое княжество Литовское: «Кн(я)зю великомоу Витовтоу соущу в Немцех оу мистѣра оу Мѣрьине городѣ, присла к немоу король посла и з братомо своимь Скиргаиломь, а рекоуч: „Болши того, брате, не теряи земли Литовьское, wчыны нашее и своеѧ, а поди, братѣ, к намь оу мирь и оу великоу любовъ братскоую, возми собѣ великое княжение оу Вилни, столъ дяди своего, великаго кн(я)зя Ѡлькирда, и wтца своего, великаго кн(я)зя Кестоутия“»[654].

Вновь возникает вопрос, на что указывает в данном случае употребленное хронистом слово «рекучи»: на пересказ устной речи посла (по цитировавшемуся выше мнению Я. Р. Дашкевича[655]) или на пересказ какого-то письменного документа, переданного послом. Основные, наиболее жаркие споры относительно методики вычленения текстов грамот из летописей велись ранее на летописных материалах XII—XIII вв., т. е. периода, по которому сохранилось относительно немного источников, а по некоторым событиям, в том числе посольствам, летописи как раз и являются единственным дошедшим до нашего времени источником. Но с рассматриваемым посольством короля Владислава (Ягайла) и Скиргайла к Витовту ситуация немного иная: его обстоятельства и общий исторический фон известны относительно неплохо не только из «Летописца вели-

---

[653] Топографическая карта N-35-040, квадрат 62:04.

[654] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 93, 201. В Академическом и Супрасльском списках лакуна.

[655] *Дашкевич Я. Р.* Спорные вопросы ... С. 107—108.

ких князей литовских», но и из других вполне надежных источников. В качестве тайного посла к Витовту в Пруссию был направлен плоцкий епископ Генрих Земовитович, из княжеского рода мазовецких Пястов. Будучи гостем у Витовта, он так увлекся его сестрой Рынгаллой Кейстутовной, что отказался от духовного сана и женился на ней. По О. Бальцеру, свадьба состоялась между 4 февраля и концом июня 1392 г., по К. Ясинскому — между серединой апреля и концом июня того же года[656]. Эти даты, собственно, определяют период, когда совершалось посольство. При этом, конечно, князь Скиргайло лично не ездил в Пруссию вместе с послом, как может показаться при поверхностном рассмотрении текста «Летописца». Выглядящая двусмысленно фраза «король посла и з братомо своимь Скиргаиломь» означает лишь то, что посольство к Витовту было направлено и от имени короля Владислава (Ягайла), и от имени Скиргайла. Это неудивительно: между Витовтом и Скиргайлом сложились крайне натянутые, враждебные отношения[657], поэтому при возвращении в ВКЛ ему требовалось получить гарантии безопасности и со стороны Скиргайла. В этой связи кажется весьма маловероятным, чтобы для переговоров по такому щекотливому вопросу посол не привез Витовту письменный документ, составленный от имени обоих Ольгердовичей. Текст этого гипотетического документа, пересказываемый в «Летописце», написан от лица не менее чем двух человек, братьев Витовта: «...а поди, братѣ, *к намь* у мирь и у велику любов братскую», а кроме того, содержит этикетные обороты, вероятно, находившиеся и в оригинале («брате»), — в данном случае подлинность этих этикетных оборотов вряд ли подлежит сомнению. О существовании соответствующих секретных посланий Владислава (Ягайла) к Витовту прямо свидетельствует официал Иоганн, который называет их «briffen heymelich» и указывает, что король отправил эти грамоты, посоветовавшись со своим братом Скиргайлом[658].

---

[656] *Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 479; *Jasiński K.* Henryk Siemowitowic i jego żona Ryngałła. Studium historyczno-genealogiczne // Słowianie w dziejach Europy. Studia historyczne ku uczczeniu 75 rocznicy urodzin i 50-lecia pracy naukowej profesora Henryka Łowmiańskiego. Poznań : Wydawn. Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1974. S. 161.

[657] *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski (1354 lub 1355 — 27 października 1430). Kraków : Avalon, 2013. S. 121—124.

[658] «Do wart der konig von Polan des czu rathe mit Skirgal, und ludin Wytowt *mit briffen heymelich*, das her sich thun sulde von den herren von Pruszen; sy welden im alle dy lant yngebin, dy sinem vatir Kinstottin vor hettin gehort. Unde dese botschaft treib heymelich herczog Heynrich, der bisschoff von Ploczk» (SRP. Bd. 3. S. 179). По свидетельству копииста XV в., хронику написал «Иоганн, оффициал из Ризенбурга»; долгое время ее приписывали Иоганну фон Посильге, который был оффициалом (помощником) епископа Помезании до 1406 г. По мнению Я. Венты,

Таким образом, вопреки доводам Я. Р. Дашкевича, мы видим на материале конца XIV в., что употребленное в хронике слово «рекучи» отсылает не к устной речи посла, а к конкретному письменному документу, переданному послом. Другое дело — насколько корректно воспроизведен в «Летописце» текст этого документа, не содержит ли он каких-либо искажений, поправок и дополнений? Тот же оффициал Иоганн пишет, что в своих тайных посланиях король Владислав (Ягайло) и князь Скиргайло обещали Витовту вернуть его вотчину, которой владел ранее князь Кейстут: «Sy welden im alle dy lant yngebin, dy sinem vatir Kinstottin vor hettin gehort». Зато в «Летописце великих князей литовских» дело представлено так, что Витовту было обещано, помимо этого, великое княжение в Вильно.

Далее во второй части «Летописца» упоминается еще одна грамота, которую король Владислав (Ягайло) отправил князю Витовту с просьбой отомстить князю Свидригайлу за убийство витебского наместника Федора Весны: «Бысть *ж* королю Агаилу великаа жалость w то*м* и писа грамоту бра*т*у своему, великому кн(я)зю Витовту, иже бы е*г* жалости месть сътвори*л*»[659]. Письмо было написано предположительно в конце 1392 г. — начале 1393 г.

Документальные источники «Повести о Подолье», по всей видимости, так же как и источники второй части «Летописца великих князей литовских», происходят из государственного архива ВКЛ. Даже руководствуясь минимальными критериями, сформулированными Я. Р. Дашкевичем, можно твердо установить, что автор «Повести о Подолье» имел в своем распоряжении охранные грамоты, выданные польской стороной подольскому господарю князю Константину Кориатовичу для приезда в Краков (предположительно в начале 1385 г.), или по крайней мере знал об их существовании и содержании. Эти документы неоднократно упоминаются в повести: «Польскии король Казимиръ Локотковичь <...> *прислаль ко кн(я)зю Костяньтиноу клеитовныи листы с великою твердостию*[660], *просѧ є*г*о, што бы к немоу прієхаль*. А оумысливъ тоє собе и со всими паны штож оу него с(ы)на не было, толко была wдна дочка, и хотел за него дочкоу дати а по своємь животе королемь wсадити.

более вероятно авторство Иоганна из Реддена, занимавшего должность оффициала после 1410 г. (*Wenta J.* Studien über die Ordensgeschichtsschreibung am Beispiel Preußens. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. S. 238—239).

[659] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 94, 202.

[660] Слова «с великою твердостию» означают утверждение документа печатями, поэтому правильная расстановка знаков препинания в данном случае именно такая (*Полехов С. В.* Летописная Повесть о Подолье как исторический источник. С. 105).

И кн(я)зь Костяньтинъ *на кглеитовных листехъ* к Польскомоу королю єздиль и тамь какса ємоу посмотрело не похотель к тои вере приступит и wпять на *тыхьж листехь* wтєхаль до Подольскои земли, до своєго г(о)с(по)д(а)рьства...» Князь Константин Кориатович был господарем Подольской земли в 80-х гг. XIV в. и, как достоверно известно, приезжал в Краков в начале 1385 г. Там 17 апреля 1385 г. он выдал привилегию для краковских купцов на свободную торговлю в Подольской земле[661]. Поэтому в «Повести о Подолье» выдача охранных грамот приписана королю Казимиру ошибочно: эти документы для князя Константина Кориатовича выдала группа малопольских магнатов, выбиравших возможного претендента в мужья польской королеве Ядвиге.

Далее в «Повести о Подолье» дважды в форме прямой речи цитируются слова, обращенные королем Польши Владиславом (Ягайлом) к князю Витовту, причем в обоих случаях они сопровождаются словом «рекучи». Сначала пересказывается письмо короля Польши Владислава (Ягайла) князю Витовту с просьбой о передаче Подольской земли: «Тогда пак корол почаль просити князя великого Витовта, рекучи: *Милыи брате, дал тобе Бог, добыл еси Подольскои земли, учини ми тую честь, даи ми Подольскую землю*». Существование примерно такого по содержанию письма кажется весьма правдоподобным. Следует учесть, что документом от 11 октября 1394 г. король Владислав обещал передать Витовту Каменец-Подольский с прилегающей областью в вечное владение, если с Божьей помощью удастся его отвоевать у подольского князя Федора Кориатовича[662]. Поэтому в дальнейшем он должен был просить Витовта отдать если не всю Подольскую землю, то по крайней мере этот замок. Таким образом, велика вероятность, что соответствующий фрагмент «Повести о Подолье» написан на основе действительно существовавшего письма, направленного королем Польши Владиславом (Ягайлом) князю Витовту предположительно в конце 1394 г. или начале 1395 г. и взятого автором повести из государственного архива ВКЛ.

Затем в повести пересказывается содержание еще одного письма короля Польши Владислава (Ягайла), в котором он просил князя Витовта вернуть деньги для выплаты выкупа за Подольскую землю вдове пана Спытка Елизавете: «И король почал присылатися к великому князю Витовту, рек (рекучи), *што еси намь дал половицю Подольскои земли у 20 тисячехь пенезеи, и мы дали были у 20 же тысячехь пану Спытку, и пани Спытковая овдовела, а дети малы, а от татарь земли (тои) некому боронити. И ты отдаи 20 тисячеи пенезеи, а городы (опять) побери за*

---

[661] Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa 1257—1506. Cz. 1 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1879. S. 74—75.

[662] *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // Teki Krakowskie. 1997. No 5. S. 167.

себе». Вопреки доводам С. В. Полехова[663], на существование письма в данном отрывке указывает примечание «король почал присылатися к великому князю Витовту». Как известно, посольства от Владислава (Ягайла) к Витовту, и наоборот, сопровождались присылкой писем; по крайней мере в 90-х гг. XIV в. случаи, когда посольства между ними осуществлялись исключительно в устной форме, неизвестны. Крайне сомнительно, чтобы, предназначая «Повесть о Подолье» для острой политической дискуссии с польской стороной, ее автор стал пересказывать содержание межгосударственной переписки, не основываясь на каких-то подлинных документальных материалах, ведь он должен был отдавать себе отчет в том, что письма Витовта и Владислава (Ягайла) по этим вопросам могли отложиться в польском архиве.

Что касается возможной датировки этого гипотетического письма, то в 1400 г., как известно, еще предполагали, что Спытко мог попасть в плен и находиться в неволе у татар[664], а в 1401 г. Западным Подольем еще управлял князь Свидригайло, поэтому, как мне кажется, описанные в письме обстоятельства относятся к 1402 или началу 1403 г. Из польских источников известно, что вдова пана Спытка Елизавета действительно претендовала на выкуп за Подольскую землю после гибели своего супруга и получила половину его в 1403 г. из польской казны. Поэтому, вопреки изложению «Повести о Подолье», эти просьбы к Витовту о возвращении 20 тыс. пенязей не имеют никакого отношения к событиям 1411 г., когда Витовт уплатил залог за пожизненное владение Подольской землей. Следует также учитывать, что в части, касающейся денежной суммы (20 тыс. пенязей), пересказ этого письма, видимо, неточен, а общий контекст повествования, в который помещен этот пересказ, представляется ложным и тенденциозным.

Наконец, еще одним гипотетическим документом, на котором косвенно основано повествование в «Повести о Подолье», является акт короля Польши Владислава (Ягайла) о передаче Подольской земли князю Витовту за некоторую денежную компенсацию. На возможное существование такого документа указывал Я. Куртыка, предложивший датировать его 2 или 10 февраля 1411 г.[665] Впрочем, из «Повести о Подолье» не вполне ясно, знал ли ее автор об этом документе и пользовался ли его текстом. Рассказывается лишь о посольстве, которое Витовт направил к королю Владиславу для передачи 40 тыс. пенязей: «И князь великыи послал королю сорок тисячеи на имя паномь Немиром а Дмитрием Василъевичемь, луцькым бояринемь, а городы своя опять поимал за себе». Фигурирующая здесь сумма в 40 тыс. пенязей, видимо, неточна.

---

[663] *Полехов С. В.* Летописная «Повесть о Подолье». С. 55.

[664] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 356.

[665] Ibid. S. 385—386.

* * *

В целом характер использования документов в рассматриваемых произведениях существенно различается. В «Witoldes sache» тексты документов не цитируются. Документы просто упоминаются и вкратце характеризуется их содержание. Характеристики, как правило, точны и емки, за исключением описания компрометирующих Витовта писем, якобы рассылавшихся князем Скиргайлом: здесь формулировки расплывчаты и неясны, так как сама тема была, видимо, невыгодна для автора.

В первой части «Летописца великих князей литовских» также нет явного, оформленного литературными средствами цитирования документов. Но в одном случае можно предполагать, что местами перефразированный, а местами даже дословный текст документа («докончания» 40-х гг. XIV в. между Ольгердом и Кейстутом) вплетен в ткань повествования. Характеристика содержания других упоминаемых документов — соглашений между великим князем Ягайлом и Тевтонским орденом о взаимопомощи против Кейстута — явно тенденциозна и проникнута ненавистью, которую Кейстут и Витовт питали к чрезмерно возвысившемуся боярину Войдыле.

Во второй части «Летописца» выявлены следы использования трех документов. При этом в одном случае документ просто вскользь упомянут («докончание» между ВКЛ и Смоленским великим княжеством), еще в одном он назван и вкратце охарактеризовано его содержание (письмо короля Владислава об отмщении за убийство Федора Весны), а в третьем случае пересказ содержания документа оформлен как прямая цитата из письма с использованием или сохранением этикетного оборота «брате».

По характеру использования документальных материалов вторая часть «Летописца» отчасти похожа на «Повесть о Подолье». Известными ему документальными материалами автор «Повести о Подолье» воспользовался крайне тенденциозно. Так, охранные грамоты, полученные князем Константином Кориатовичем от польских сановников в 1385 г., автор использовал для сочинения изобилующего анахронизмами рассказа о мнимом проекте женитьбы этого князя на единственной дочери польского короля Казимира. Еще два документа — письма короля Владислава (Ягайла) князю Витовту 1394—1395 и 1402—1403 гг. по вопросам передачи Подольской земли и уплаты денежного выкупа — автор «Повести о Подолье» произвольно вырвал из исторического контекста и постарался представить как доказательство того, что Великое княжество Литовское исторически имело неоспоримые права на Подолье. При этом пересказ содержания этих писем оформлен в повести в виде прямых цитат с использованием этикетного оборота, например: «Милыи брате, дал тобе

Б(о)гъ, добы*л* еси По*д*(о)льскои земли, оучини ми тоую ч(е)*с*ть, даи ми Подольскоую землю»[666].

Во второй части «Летописца великих князей литовских» манипулирование историческим источником выявляется, по-видимому, в эпизоде с приглашением Витовта вернуться в ВКЛ в 1392 г.: хотя в хронике содержится ссылка на действительно существовавшую грамоту (письмо Ягайла и Скиргайла, направленное Витовту в Пруссию), пересказ ее содержания дополнен сомнительным утверждением, что Витовту уже тогда, при жизни князя Скиргайла, было обещано великое княжение в Вильно.

Нарративные источники

Историография

Стилистическая и языковая целостность первой части «Летописца великих князей литовских» убедительно свидетельствует о том, что при ее создании нарративные (например, летописные) источники даже если и привлекались, то были глубоко переработаны и не включались в текст в своем исходном виде. Единственным нарративным источником, который, как предполагаю, был использован при создании «Witoldes sache» и первой части «Летописца», является их архетип, описывавший события 40-х гг. XIV в., связанные с заговором Ольгерда и Кейстута против великого князя Евнутия, захватом Вильно и последующим разделом власти между двумя братьями.

Иное дело — вторая часть «Летописца», составленная из разнородных фрагментов, некоторые из которых, в частности те, что написаны со значительной примесью церковнославянского языка, могут происходить из более ранних летописных источников. Какие же конкретно летописи использовались при ее создании? Несмотря на то что история изучения летописания ВКЛ насчитывает уже почти два столетия, удовлетворительного решения эта проблема до сих пор не получила. Безусловно, она теснейшим образом связана с вопросом о происхождении выборки общерусских летописных известий, включенной в первый летописный свод ВКЛ наряду с «Летописцем великих князей литовских». Поколение исследователей, работавшее в конце XIX — начале XX столетия, по объективным причинам еще не могло ответить на оба этих вопроса — в связи с тем простым фактом, что на тот момент не были изданы многие важнейшие общерусские летописные своды (например, Рогожский летописец, Московский свод конца XV в.), а связи между ними тогда не были изучены в достаточной мере. Исключение по широте своего научного кругозора

[666] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 83, 100—101.

составлял, конечно, А. А. Шахматов, но он занимался летописными источниками всего древнейшего свода ВКЛ в целом, а конкретно «Летописец великих князей литовских» не изучал. Так, С. Смолька вообще предполагал, что автор второй части «Летописца великих князей литовских» писал «snać z pamięci» (т. е. опираясь на собственную память) и что выборка общерусских летописных известий в первом летописном своде ВКЛ создана на основе общего источника с Воскресенской летописью, а именно на основе гипотетической смоленской летописи за 1395—1418 гг.[667] Ему возразил А. Прохаска, указавший на целый ряд параллелей между второй частью «Летописца великих князей литовских» и Воскресенской летописью — в сообщениях о крещении Ягайла в Кракове, о войне 1386 г. (осаде Мстиславля смоленскими войсками), о женитьбе московского великого князя Василия Дмитриевича на княжне Софье Витовтовне, о смерти Ульяны Александровны, о встрече Витовта с Василием Дмитриевичем в Смоленске. Таким образом, А. Прохаска считал неоспоримым тот факт, что вторая часть «Летописца великих князей литовских» создана с привлечением какой-то русской летописи, следы которой сохранились в Воскресенском летописном своде XVI в.[668] С ним, однако, не согласился И. А. Тихомиров, отметивший, что известия летописей ВКЛ и общерусских летописных сводов (например, Воскресенского) об одних и тех же событиях носят разную идеологическую окраску и направленность. Например, эпизоды про битву под Мстиславлем 1386 г., про поездку княжны Софьи Витовтовны в Москву в летописях ВКЛ написаны с литовской точки зрения, а в общерусских сводах — соответственно со смоленской и с московской. Исключение И. А. Тихомиров сделал только для известия о взятии Смоленска Витовтом и о войне его с Рязанью, которое и в летописях ВКЛ, и в общерусских сводах восходит, по его мнению, к общему источнику[669]. Объективно говоря, представленная И. А. Тихомировым аргументация по этим вопросам кажется слабой, так как он почему-то отказался учитывать то обстоятельство, что заимствованные летописные статьи во второй части «Летописца» могли подвергаться редактированию с литовских политических позиций. Ф. П. Сушицкий, в свою очередь, утверждал, что вторая часть «Летописца великих князей литовских» написана на основе неких гипотетических памятников смоленского летописания конца XIV — начала XV в.[670], однако не представил убедительных текстологических доводов — прежде всего для обоснования тезиса о том, что это была именно смоленская, а не какая-

---

[667] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki … S. 24—25, 53.

[668] *Prochaska A.* Latopis litewski … S. 17—19.

[669] *Тихомиров И. А.*: 1) [Рец.:] Prochaska A. Latopis litewski … С. 257—258; 2) О составе … № 3 (март). С. 10—11.

[670] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи … С. 153—156.

либо общерусская летопись. Сопоставляя точки зрения этих четырех ученых, вплотную занимавшихся вопросом о летописных источниках второй части «Летописца великих князей литовских», мы видим, что наиболее обстоятельно подошел к его решению А. Прохаска, которому удалось на весьма скудном доступном ему летописном материале сформулировать в целом правильные, хотя и нуждающиеся в уточнениях, выводы.

Важный вклад в изучение рассматриваемой проблематики внесли ученые, исследовавшие выборку общерусских летописных известий, включенных в состав первого летописного свода ВКЛ. По мнению А. А. Шахматова, источниками для первого летописного свода ВКЛ послужили общерусская летопись в западнорусской обработке, составленная в Смоленске на основе митрополичьего свода, доведенного до 6954 (1446) г., а также Новгородская IV летопись, Софийская I летопись первой редакции и некоторые западнорусские летописные источники[671] (надо понимать, смоленские записи о событиях 30—40-х гг. XV в.)[672].

М. Д. Приселков отметил, что вся часть выборки общерусских летописных известий в первом летописном своде ВКЛ до 6817 (1309) г. представляет собой заимствование из Новгородской IV летописи. Известия с 6818 (1310) г. по 6893 (1385) г. обнаруживают сходство с Троицкой и Симеоновской летописями, отражающими общерусский свод митрополита Киприана 1408 г., в котором особое внимание уделялось московским политическим тенденциям и реалиям. Известия с 6893 (1385) по 6926 (1418) г. схожи с Софийской I летописью древнейшей редакции по спискам Оболенского и Карамзина. Остальная часть по 1446 г. создана на основе митрополичьей летописи, продолжавшей гипотетический Полихрон Фотия 1418 г.[673]

Несколько к иным выводам пришел В. А. Чемерицкий. Выборка общерусских летописных известий сделана, по его мнению, на основе двух источников. Сведения с самого начала и до 1305 г. включительно, а также за 1385—1446 гг., взяты из митрополичьей летописи 1446 г., основу которой составлял гипотетический общерусский свод 1418 г., так называемый Полихрон Фотия; известия же за 1306—1388 гг. почерпнуты из свода 1408 г. (В. А. Чемерицкий назвал его сводом 1409 г.), отразившегося в Троицкой и Симеоновской летописях[674].

В свою очередь, Я. С. Лурье счел возможным отвергнуть гипотезу о существовании Полихрона Фотия как общерусского свода, стоявшего между сводом 1408 г. и протографом Новгородской IV и Софийской I

---

[671] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов ... С. 331, 345.
[672] Там же. С. 331, 334, 345.
[673] *Приселков М. Д.* История русского летописания ... С. 221—224.
[674] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы ... С. 70—76.

летописей[675]. По его мнению, протограф Новгородской IV и Софийской I летописей возник в 30—40-х гг. XV в. как митрополичий свод общерусского характера, связанный со сводом 1408 г. (Троицкой летописью)[676]. Что же касается первого летописного свода ВКЛ (Я. С. Лурье неточно датировал его составление началом XVI в.), то его составитель заимствовал начальную часть общерусских летописных известий до 6817 (1309) г. из Новгородской IV летописи, а текст за период с 6893 (1385) по 6926 (1418) г. — из Софийской I летописи. Остальной текст за XIV и первую половину XV в. представлял собой соединение свода 1408 г. (Троицкой летописи) и краткой митрополичьей летописи, отмечающей деятельность митрополитов Фотия в 1420—1427 гг. и Герасима в 1432—1435 гг.[677]

Необходимо также сказать о гипотезе Б. М. Клосса, полагающего, что автором Троицкой летописи был монах Троице-Сергиева монастыря преподобный Епифаний Премудрый, одно время выполнявший функции секретаря митрополита Фотия и скончавшийся в конце 1418 или в 1419 г.; помимо прочего, он же, по мнению Б. М. Клосса, написал несколько произведений для составлявшегося около 1418 г. летописного свода митрополита Фотия (общего источника Новгородской IV и Софийской I летописей)[678]. Для нашей темы эти выводы чрезвычайно интересны еще и потому, что составитель первого летописного свода ВКЛ был наверняка знаком с творческим наследием Епифания Премудрого и по крайней мере в одном случае использовал его в качестве образца. В частности, при создании «Похвального слова Сергию Радонежскому» Епифаний взял первые строки «Таину цареву добро есть хранити, а дела Божия проповедати преславъно есть...» из жития Марии Египетской[679], которое в свою очередь в данном случае основывалось на библейской книге Товита (12:7). Автор летописной редакции «Похвалы Витовта», вошедшей в первый летописный свод ВКЛ, подражая Епифанию, также начал свой панегирик аналогичными, хоть и несколько видоизмененными словами: «Таину таити цареву добро есть, а дела велика господаря поведати добро жь есть...»[680].

---

[675] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. : Наука, 1976. С. 107.

[676] Там же. С. 71, 113—114.

[677] Там же. С. 115.

[678] *Kloss B. M.* Determining the Authorship of the Trinity Chronicle // Medieval Russian Culture. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1994. Vol. II. P. 57—72; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1 : Житие Сергия Радонежского. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 107, 110.

[679] *Kloss B. M.* Determining ... P. 62; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 95. См. также: *Mikulski Y.* Staroruski utwór ... S. 48.

[680] ПСРЛ. Т. 35. С. 58, 75. В редакции «Похвалы Витовта» 1428 г., записанной в сборнике слов преподобного Исаака Сирина РНБ, F. I. 476, этих слов нет (*Соболевский А. И.* Запись начала XV в. С. 220—221).

Итак, несмотря на различия в некоторых трактовках, полученные указанными исследователями результаты задают общие ориентиры и для исследования летописных источников второй части «Летописца великих князей литовских».

Соотношение между «Летописцем великих князей литовских» и Воскресенской летописью

Начну этот обзор я не с действительной, а с мнимой связи, т. е. с летописи, которая на самом деле источником для «Летописца великих князей литовских» не является.

Автор второй части «Летописца», как известно, не знал о происхождении польской королевы Ядвиги, поэтому ошибочно назвал ее единственной дочерью польского короля Казимира, хотя она была младшей дочерью венгерского и польского короля Людовика из Анжуйской династии. Аналогичная ошибка отразилась также в «Повести о Подолье» и Воскресенской летописи — своде, доведенном до 1541 г. и составленном на основе московских летописей.

«Летописец великих князей литовских»	Короля Казимира Крокоꙋского в животѣ не стало, и сыноꙋ в него не было, только wдна дочка (именемь) Ядвига. И почали Лѧхове слати с Кракова къ великому кнѧзю Ягаилоу, абы принѧл крещенїе старого Рима и понѧл бы в них королевноу Ядвигу и сталъ бы в них королем въ Краковѣ и на всеи Лѧдскои земли[681].
«Повесть о Подолье»	И затымь [узнал] Полскы король Казимиръ Локотъковичь, што их три браты Корятовичи на Подольскои земли, а люди моужьныи, и wн прислалъ къ кн(я)зю Костентиноу кглеитовныи листы со великою тверъдостию и просѧ его, штобы к нему приѣхаль. А оумысливъ тое собѣ и своими (*в Слуцком:* со всими. — *О. Л.*) паны, што в него с(ы)на не было, толко была wдна дочька, захотель за него дочкоу дати (*в Слуцком добавлено:* а по своемь животе королемь wсадити. — *О. Л.*)[682].
Воскресенская летопись	Того же году (6894) великий князь Ягайло Олгердовичь Литовский ездил женитися в Лятцкую землю, и женися тамо, а поня королевну Казимерову дочь Едвигу, и тамо крестися в Римскую веру[683].

[681] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 77, 89—90, 148, 198.

[682] Там же. Стб. 82, 100.

[683] ПСРЛ. Т. 8 : Продолжение летописи по Воскресенскому списку (1354—1541). СПб. : Тип. Э. Праца, 1859. С. 51.

Как уже говорилось выше, А. Прохаска предполагал, что авторы второй части «Летописца» и «Повести о Подолье» в данном случае использовали в качестве источника сообщение какой-то летописи, следы которой сохранились в Воскресенском летописном своде [684]. Однако это мнение опровергается данными текстологического анализа, которые показывают, что процитированное выше известие Воскресенской летописи является поздней сокращенной редакцией статьи из новгородского, софийского и московского сводов о браке князя Ягайла у «Угорского короля», его крещении в «немецкую веру» и казни в Вильно двоих литовских бояр, исповедовавших православие. В Софийской I летописи соответствующая статья, датированная 6894 г., звучит следующим образом: «Того же году великии князь Ягаило Ольгердович литовьскыи ехал женитися в Угорьскую землю к королю, и тамо женися и крестися в немечьскую веру. И пришед оттоле из Угорьские земли в свою отчину в Литовскую землю и крести Литву в немеческую же веру, половину своего города Вилны. А два литвина у него были болшие, а те крестишася в крестианскую веру. Он же хоте их крестити в свою же веру, они же его не послушавше, король же Ягаило казни их многыми муками и смерти веле предати»[685]. По-видимому, это наиболее близкий к протографу вариант. В Новгородской IV летописи эта статья дополнена сообщением из псковских летописей об осаде Полоцка войсками ВКЛ и пленении князя Андрея Ольгердовича в апреле 1387 г.[686] Основанный на варианте из Софийской I летописи текст статьи вошел также в Типографскую и Никаноровскую летописи, Московский свод конца XV в. и один из вариантов Никоновского свода[687]. Существуют также поздние сокращенные редакции этой статьи. Так, в некоторых летописях отсутствует известие о казни двоих литвинов. Это, например, Львовская летопись, общерусские своды 1497 и 1518 гг., Никоновский свод[688]. В других, наряду с этим, нет сообщения

---

[684] *Prochaska A.* Latopis litewski ... S. 17.

[685] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода. М. : Языки русской культуры, 2000. Стб. 489—490.

[686] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 347; Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1. С. 24; Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 2. С. 29, 106.

[687] ПСРЛ. Т. 24 : Типографская летопись. Пг. : 2-я Гос. тип., 1921. С. 156; ПСРЛ. Т. 27 : Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 82; ПСРЛ. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 213; ПСРЛ. Т. 11. С. 90.

[688] ПСРЛ. Т. 20. Первая половина : Львовская летопись (858—1533). СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. С. 205; ПСРЛ. Т. 28 : Летописный свод 1497 г.

о крещении половины Вильно. Эта редакция статьи вошла в состав первого летописного свода ВКЛ, общерусских сводов 1493 и 1495 гг.[689] Соответствующее известие Воскресенской летописи также представляет собой сокращенную редакцию, созданную, скорее всего, на основе какого-то московского свода, например свода конца XV в. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы в данном случае какой-либо источник Воскресенской летописи мог служить источником для «Летописца великих князей литовских», — просто потому, что в известных ныне летописных сводах XV в. не выявлено статьи о браке и крещении Ягайла, в которой бы Ядвига называлась дочерью короля Казимира. Все было ровно наоборот: именно составитель Воскресенской летописи основывался на ошибочном сообщении «Летописца» и поэтому внес в свой текст коррективы: Ягайло у него ездил жениться не в Венгрию, а в «Лятцкую землю» и взял в жены «королевну Казимерову дочь Едвигу».

Соответственно, соотношение хроникальных сообщений, представленных в таблице выше, выглядит следующим образом. Сначала возник текст, вошедший в состав «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» (с ошибочными данными о происхождении королевы Ядвиги). А уже затем на основе «Летописца» был создан соответствующий фрагмент Воскресенской летописи.

Сравнение процитированных выше фрагментов о единственной дочери короля Казимира позволяет предполагать по крайней мере, что автор «Повести о Подолье» либо сам создал вторую часть «Летописца великих князей литовских» (как предполагал А. Прохаска)[690], либо был знаком с ее текстом. Эта идея давно и хорошо известна. Представляется в целом обоснованным мнение С. В. Полехова: «Между тем наблюдение А. Прохаски справедливо, но свидетельствует о другом — о знакомстве автора „Повести“ с текстом „Летописца“ и заимствовании из него с целью провести параллель, понятную и очевидную читателям „Повести“, соединенную с реальной основой (поездка Константина к польскому королю). В результате в этом рассказе отчетливо видно идейное содержание, выраженное путем противопоставления этого князя Ягайлу»[691]. О том же писал и я несколько лет назад: «Будучи знаком с „Летописцем великих князей литовских“, автор „Повести о Подолье“ знал также про существование охранного листа, выданного для князя Константина Кориатовича на приезд в Краков в апреле 1385 г. <...> Подчеркивая отказ князя от принятия католичества, автор завуалированно противопоставил Константина Кориатовича великому князю литовскому Ягайлу,

---

Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 85, 248; ПСРЛ. Т. 11. С. 87.

[689] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 44; ПСРЛ. Т. 27. С. 256, 334.

[690] *Prochaska A.* Latopis litewski ... S. 26.

[691] *Полехов С. В.* Летописная «Повесть о Подолье». С. 52.

ставшему королем Польши в результате женитьбы на королеве Ядвиге»[692]. Эти соображения, впрочем, буквально лежат на поверхности и, как увидим далее, некоторые из них уже давно звучали в историографии — например, о противопоставлении Константина Кориатовича и Ягайла писал в свое время еще М. С. Грушевский.

Главный вопрос, однако, заключается в том, какое произведение все-таки возникло раньше и соответственно послужило источником для другого — вторая часть «Летописца великих князей литовских» или «Повесть о Подолье». Раньше я находился под влиянием идеи, что *основная часть* первого летописного свода ВКЛ, включая вторую часть «Летописца», возникла в 30-х гг. XV в. Поэтому, как и С. В. Полехов в процитированной работе, я склонен был думать, что вторая часть «Летописца» возникла раньше «Повести о Подолье» и стала для нее источником, например, в сообщении о дочери короля Казимира. Но теперь дело мне не кажется столь очевидным. Не исключено, что вторая часть «Летописца» — это один из наиболее поздних по времени создания фрагментов первого летописного свода ВКЛ, возникший уже после 1446 г., т. е. после «Повести о Подолье».

Сообщение о крещении Литвы

Следует заметить, что в русских летописях сохранились два самостоятельных варианта рассказа о женитьбе и католическом крещении князя Ягайла в Польше. Первый вариант, процитированный выше, отразился в Софийской I летописи и в целом ряде других летописных сводов, включая первый летописный свод ВКЛ. Второй вариант включен в Рогожский летописец и Симеоновскую летопись (в составе сообщения о родословии князей Ольгердовичей), а также в Новгородскую IV летопись и летопись Авраамки (после известий о междоусобной войне в ВКЛ 1381—1382 гг.). Звучит он так: «Тогда (*вариант:* По трех летех. — *О. Л.*) оженися Ягайло и поять за себе некую королицю, не имущю ни отца, ни матери, еяже ради досталося ему королевство в Лятьской земли»[693].

---

[692] *Лицкевич О. В.* Достоверность фрагмента «Повести о Подолье» о предполагавшемся браке между подольским князем Константином Кориатовичем и дочерью польского короля Казимира // Україна і Велике князівство Литовське в XIV—XVIII ст.: політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі. III Міжнародна наукова конференція, 16—19 жовтня 2013 р., Кам'янець-Подільський. Тези доповідей. Київ : [б. и.], 2013. С. 19.

[693] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 326; ПСРЛ. Т. 16 : Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1889. Стб. 119; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 117; ПСРЛ. Т. 18 : Симеоновская летопись. М. : Знак, 2007. С. 118.

Таким образом, составитель первого летописного свода ВКЛ если даже и знал о втором варианте рассказа, вошедшем в Рогожский летописец и другие своды, то никак его не использовал в литературном отношении, а взял за основу первый вариант, отразившийся в новгородском, софийском и московском сводах. Под его пером эта статья, как можно судить по Супрасльскому, Никифоровскому и Слуцкому спискам, приобрела следующий вид: «Того жь годоу кн(я)зь великыи Ягаило Ѡлгирдовичь литовъскыи ѣхаль женитисѧ во Оугорскоую землю ко королоу и тамо женивъсѧ и крстивъся в латыньскоую вѣроу и wттоле начаша Литва крстисѧ в латыньскоу вѣроу»[694]. Сравнивая это сообщение с близким к протографу текстом статьи из Софийской I летописи, мы видим, что сводчик значительно сократил его, убрав детали о крещении половины Вильно и казни двоих православных литвинов, заменил выражение «немецкая вера» на выражение «латынская вера», а кроме того, добавил в текст фразу, которую, по-видимому, сочинил сам, так как ее нет в других источниках: «...и wттоле начаша Литва кр(е)стисѧ в латыньскоу вѣроу». Последнее обстоятельство весьма интересно для нас, поскольку эта же фраза, как в свое время отмечал А. Прохаска, почти дословно повторяется и во второй части «Летописца великих князей литовских» по Супрасльскому, Академическому и Слуцкому спискам: «...И коруновал бысть того королевъства короуною и wтоле начаша кр(е)стити Литву в Латыньскую вѣроу»; в Виленском списке аналогичный текст незначительно отредактирован, изменена форма глагола: «...и wтолѣ почал кр(е)стити Литву оу Латынскую вѣроу»[695].

Указанный факт свидетельствует о том, что автор второй части «Летописца великих князей литовских» либо использовал в качестве источника выборку общерусских летописных сообщений из первого летописного свода ВКЛ, либо сам и являлся редактором-составителем этой выборки.

Летописная «Повесть об осаде Мстиславля» конца XIV — начала XV в.

Одним из источников, с большой долей вероятности использованных при создании второй части «Летописца великих князей литовских», стала летописная «Повесть об осаде Мстиславля» (название условное), в которой рассказывается об осаде Мстиславля смоленскими войсками в апреле 1386 г. и последующем сражении между войсками ВКЛ и Смоленска на реке Вихре. Это произведение вошло практически во все крупные общерусские летописные своды XV—XVI вв., поэтому для

[694] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 44, 109; ПСРЛ. Т. 35. С. 30.
[695] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 77, 90, 148, 198.

предметного разговора первоначально необходимо классифицировать его редакции[696].

Наиболее близкая к протографу старейшая (расширенная) редакция повести отразилась в новгородском и софийском летописных сводах. Речь идет, в первую очередь, о Новгородской IV летописи (старейший извод которой представлен Голицынским и Новороссийским списками)[697] и о Софийской I летописи старшего извода (по спискам Оболенского и Карамзина)[698]. С летописями этого семейства неразрывно связаны также вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи, доведенная до 1428 г.[699], и Новгородская летопись по списку Дубровского[700], что доказывается и сличением содержащихся в них текстов «Повести об осаде Мстиславля».

В Новгородской IV летописи, наряду с «Повестью об осаде Мстиславля», сохранилась и более ранняя статья о тех же самых событиях, т. е. о разгроме смоленских войск под Мстиславлем, написанная непосредственно новгородским автором[701]. Этот факт, кажется, может свидетельствовать о том, что текст повести не был создан одним из составителей Новгородской IV летописи, а просто был механически перенесен в нее из какого-то другого источника.

Что касается Новгородской Карамзинской летописи, она состоит из двух подборок, созданных в разное время. Соответственно, текст первой подборки, протограф которой возник, по мнению А. Г. Боброва, в 1411—1412 гг., мог послужить источником для создания Новгородской IV

---

[696] Текстологические связи между редакциями, вопросы датирования и происхождения повести рассматривались в статье: *Ліцкевіч А. У.* «Аповесць пра аблогу Мсціслаўля» канца XIV — пачатку XV стст. // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2007. Вып. 9. С. 127—146. Однако за прошедшее время к ней накопилось несколько уточнений и дополнений, учтенных в настоящей обобщающей работе.

[697] *Клосс Б. М.* Второе предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. XVI—XVII; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 168. Публикация текста повести: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 343—344.

[698] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 484—486.

[699] ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. Вторая выборка. С. 149; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 163—164.

[700] ПСРЛ. Т. 43. С. 143—144.

[701] «В лѣто 6894. <...> Того же лѣта бишася Литва [с] Смолняны подъ городомъ подъ Мьстиславлимъ, и на томъ сступѣ оубиша князя великаго Святъслава Смоленьскаго и брата его князя Ивана, а князя Глѣба изнимаша» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 343). Это значительно дополненный вариант статьи из Новгородской первой летописи младшего извода («Того же лѣта убиша Литва князя Святослава Смоленьскаго». См.: ПСРЛ. Т. 3 : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 380).

и Софийской I летописей[702]. Однако текст «Повести об осаде Мстиславля» содержится не в первой, а во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи, которая возникла около 1430 г., и он здесь содержит некоторые явно вторичные чтения по отношению к тексту повести из Новгородской IV летописи. Так, во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи убраны точные даты событий (22 марта, 18 апреля, Фомина неделя), а текст в одном месте, где говорится о захвате Мстиславля Литвой, явно испорчен переписчиком: «Литва отвели за себе» вместо «Литва отняли за себѣ»[703], поэтому приоритет Новгородской IV летописи в данном случае оказывается очевидным.

Вторичные, как представляется, чтения по отношению к старшему изводу Новгородской IV летописи содержатся и в тексте повести, помещенном в старшем изводе Софийской I летописи (по спискам Оболенского и Карамзина). Это, например, такие чтения, как «на Пасху» вместо «на Антипасху», «и сила» вместо «и полци тѣ», «и почаша въскорѣ браняти» вместо «и почаша скорѣе въбранятися», «иные побѣгоша» вместо «а прочіи вдавше тылъ и побѣгоша», «наѣхаша на него уже ему лежащу» вместо «наѣхаша его еще елѣ жива соуща» и т. д.; отсутствие фразы «а младенци на колы въстыкаху»[704]. Иными словами текст повести в составе Софийской I летописи старшего извода несколько дальше отстоит от протографа, чем текст в составе Новгородской IV летописи по Голицынскому и Новороссийскому спискам. Близкую связь с Софийской I летописью обнаруживает текст повести в составе Никаноровской летописи[705]. Можно довольно уверенно утверждать, что он происходит от списка Карамзина Софийской I летописи (или от аналогичного списка), с которым имеет ряд общих чтений: «неправедно», «ступишася» и т. д. Текст повести в составе Типографской летописи[706] восходит через несколько промежуточных стадий, в том числе через Московский свод 1479 г., к протографу старшего извода Софийской I летописи[707], имея

---

[702] *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1985. Т. 40. С. 200; *Клосс Б. М.* Второе предисловие к изданию 2000 г. С. XV; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 96—102, 127—128.

[703] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 343; ПСРЛ. Т. 42. С. 149.

[704] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 484—485.

[705] ПСРЛ. Т. 27. С. 80—81.

[706] ПСРЛ. Т. 24. С. 156—157.

[707] *Приселков М. Д.* История русского летописания ... С. 248; *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей ... С. 196 (стемма), 202; СККДР. Вып. 2 : Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2 : Л — Я. Л. : Наука, 1989. С. 64.

в построении фраз и чтениях немало общего со списками Оболенского и Карамзина.

Наконец, следует указать на тексты расширенной редакции повести в составе Московского свода конца XV в. и Воскресенской летописи, озаглавленные «Смоленское побоище» [708] и так же в конечном счете восходящие к Софийской I летописи.

Существует несколько сокращенных редакций повести. Наиболее ранняя из них находится в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи[709]. В Рогожском летописце повесть озаглавлена «О Смоленскомъ побоищи», в Симеоновской летописи она называется «О убьенiи великаго князя Святослава Ивановичя Смоленскаго». Эта сокращенная редакция могла быть создана на основе одного из списков расширенной редакции, близкого к тому, что отразился в Голицынском списке Новгородской IV летописи. Это доказывается рядом идентичных чтений: например, «Скригаило», «избитыхъ князеи» вместо «избьеных» и т. д.; вообще с текстом повести в составе Новгородской IV летописи по Голицынскому списку здесь совпадает целая фраза: «тѣлеса избитыхъ князеи вдаша, а взяша всю свою волю, елико восхотѣша и сотвориша» и т. д. Смоленский князь Иван Васильевич здесь назван Александровичем. На вторичность этой первой сокращенной редакции по отношению к расширенной редакции указывает и тот факт, что в Рогожском летописце она помещена под ошибочной датой «лета 6895» (вместо 6894 г.).

Вторая сокращенная редакция представлена шестью списками: Софийская I летопись по списку Царского, Погодинские первый и второй списки свода 1493 г., Беляевский список свода 1493 г., Мазуринский и Архивский списки свода 1495 г.[710] Эта редакция возникла в результате переработки текста повести, близкого к тому, который вошел в состав Софийской I летописи. От других редакций она отличается двумя существенными особенностями: мстиславский наместник князь Коригайло назван здесь Скиргайлом, а фраза про «ляха», который убил смоленского князя Святослава Ивановича, переиначена: «А князеи смоленьскых ляхове оугнаша в доуброве и посекоша их».

Третья сокращенная редакция повести представлена, в частности, следующими списками: Ермолинская и Львовская летописи, своды 1497 и 1518 гг.[711] Она создана на основе текста расширенной редакции, близ-

---

[708] ПСРЛ. Т. 25. С. 213; ПСРЛ. Т. 8. С. 51—52.

[709] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 152—153; ПСРЛ. Т. 18. С. 137.

[710] ПСРЛ. Т. 39 : Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М. : Наука, 1994. С. 127; ПСРЛ. Т. 27. С. 255—256, 334.

[711] ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 205—206; ПСРЛ. Т. 23 : Ермолинская летопись. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. С. 130—131; ПСРЛ. Т. 28. С. 85, 249.

кого к тому, что помещен в Типографской летописи. Об этом можно судить, например, по такой особенности, как чтение «правнука Глѣба Ростиславича» (ср. в Типографской летописи: «правноукъ Глѣбовъ Ростиславича»).

Наконец, четвертая сокращенная редакция находится в двух вариантах в Никоновском летописном своде[712]. Наиболее примечательной особенностью этой относительно поздней редакции является включенный в текст повести фрагмент из неизвестной летописи о жестокостях смоленских войск по отношению к мирному населению Мстиславской земли: о том, как людям защемляли руки между бревнами и таким образом развешивали на стенах. Мы рассматривали его выше, когда говорили о пятой (новгородской) редакции «Летописца великих князей литовских» по Погодинскому списку.

В целом начальная литературная история «Повести об осаде Мстиславля» реконструируется следующим образом.

Протограф повести написан в конце XIV в. (после 1386 г.) или в начале XV в. (видимо, не позднее 1408 г.). Наиболее близкая к протографу расширенная редакция повести была включена в свод, отразившийся, в частности, в Новороссийском и Голицынском списках Новгородской IV летописи. Еще один очень близкий к протографу, но претерпевший дополнительную правку вариант помещен в Софийской I летописи старшего извода.

Кроме того, один из утраченных ныне ранних вариантов повести, возможно, включенный в общерусский свод 1408 г. (Троицкую летопись), послужил источником для создания первой сокращенной редакции повести, сохранившейся в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. К сожалению, в выписках Н. М. Карамзина и других фрагментах утраченной Троицкой летописи не сохранилось ни одной цитаты из этой повести[713].

Автором повести И. А. Тихомиров считал смоленца — одного из участников осады[714], так как в произведении довольно подробно описано время и место событий и даже упоминается, что горожане наблюдали за битвой, стоя на городских стенах, — деталь, которую мог указать только очевидец. Однако есть несколько аргументов, которые мешают принять эту точку зрения. Во-первых, смоленский автор в конце XIV — начале XV в. поостерегся бы с таким явным осуждением описывать бесчинства, творимые смоленским же войском по отношению к мирному населению. Во-вторых, во время битвы, проходившей на некотором отдалении от Мстиславля, смоленец вряд ли стал бы фиксировать внимание на том, что горожане вышли на городские стены. Сам факт, что горожане видели

---

[712] ПСРЛ. Т. 11. С. 91—92.

[713] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 431—432.

[714] *Тихомиров И. А.* О составе ... № 3 (март). С. 10—11, примеч. 3.

битву со стен, мог быть незаурядным, достойным упоминания событием лишь для них самих, но никак не для смоленского войска.

Напротив, детали, указанные И. А. Тихомировым, как раз свидетельствуют не о смоленском, а о местном, мстиславском происхождении памятника. Автор был непосредственным участником или очевидцем событий, хорошо знал их хронологию и локальные географические условия. Во время осады автор находился в Мстиславле и вместе с другими горожанами напряженно наблюдал за ходом битвы, укрывшись за забралом стены («стояще на забралехъ, зряще съ города»). Меткая художественная подробность о стягах литовских полков, внезапно замеченных на горизонте смоленцами, также своей психологической точностью и достоверностью выдает в авторе жителя Мстиславля — одного из тех, кто несколько дней то с отчаянием, то с надеждой ждал помощи из Литвы. Дальнейшее описание того, как смоленцы, не ожидавшие нападения, начали лихорадочно вооружаться и готовиться к битве («смоутишася и почаша скорѣе въбранятися»), также сделано *извне*, т. е. не из смоленского лагеря, а со стороны. Информаторами, сообщившими автору о чудовищных насилиях смоленцев в отношении мирного населения, могли быть беженцы из близлежащих районов, нашедшие убежище в Мстиславле.

Даты, упоминаемые в повести, в основном точно соотносятся с календарем 1386 г.: в частности среда 18 апреля на Страстной неделе и Фомина неделя, 29 апреля. Единственное исключение — 22 марта, которое ошибочно отнесено автором повести к Средокрестной неделе. Средокрестная неделя Великого поста в 1386 г. начиналась в понедельник 26 марта, поэтому датирование начала смоленского похода требует уточнения (это еще один довод в пользу несмоленского происхождения памятника). Поход, стало быть, начался не 22 марта, а после 26 марта. Возможно, неточностью этой даты объясняется, почему в ряде списков повести ее нет, а в Новгородской Карамзинской летописи вообще вычеркнуты все даты.

Если принять мстиславское происхождение повести, то появление ее текста в Великом Новгороде и Москве, возможно, следует связывать с ближайшим окружением князя Семена Лынгвена Ольгердовича. Согласно повести, он был одним из полководцев ВКЛ, разгромивших смоленцев под Мстиславлем. С 1392 г. и до самой своей кончины Семен Лынгвен княжил в Мстиславле и неоднократно, в частности в 1389—1392 гг. и 1407—1408 гг., был служилым князем Великого Новгорода. Контакты Семена Лынгвена Ольгердовича с Москвой были обусловлены тем, что с 1394 г. он был женат на дочери великого князя Дмитрия Ивановича — княжне Марии Дмитриевне[715].

---

[715] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań etc. : Wydawnictwo Historyczne, 1999. S. 119.

Связь между «Повестью об осаде Мстиславля» и «Летописцем великих князей литовских» выражена не вполне отчетливо; вернее, она не так прямолинейна, как бывает в случае прямых заимствований текста. Небольшое сходство наблюдается в описаниях жестокостей, чинившихся смоленским князем Святославом Ивановичем, но прямых текстовых совпадений в двух произведениях все же нет. При этом согласно «Летописцу» свои зверства смоленцы совершали не под Мстиславлем, а во время более раннего похода на Витебск и Оршу зимой 1386 г. Но есть одна зацепка, позволяющая приблизительно установить взаимное соотношение между этими памятниками. В сравнении с «Повестью об осаде Мстиславля» «Летописец великих князей литовских» не столь точен в хронологии событий, и это может косвенно указывать на его вторичность. По сути, в «Летописце» упомянута только одна дата — Страстная пятница, когда смоленские войска по приказу Святослава Ивановича начали обстреливать стены Мстиславля из пороков (камнеметных машин). Эта дата, возможно, как раз и выведена на основе календарной сетки, представленной в «Повести об осаде Мстиславля». Автор второй части «Летописца» привел ее для того, чтобы усилить литературный эффект от описания нехристианских поступков Святослава Ивановича, — он таким образом проводил образную параллель между страданиями жителей Мстиславля и страданиями Христа в Страстную пятницу. Поэтому с некоторой долей вероятности можно утверждать, что автор второй части «Летописца великих князей литовских» при описании войны 1386 г. пользовался «Повестью об осаде Мстиславля», пополнив свой рассказ также известиями из других источников. При этом в его распоряжении была не сокращенная, а расширенная редакция повести, поскольку в первой сокращенной редакции, отразившейся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, нет точных дневных дат.

Общее описание войны 1386 г.

Описание войны 1386 г. в «Летописце великих князей литовских» выразительно подразделяется на три статьи, каждая из которых, хотя и не имеет годовой даты, начинается с одинакового летописного клише «тое же зимы» или «тое же зимы на весну».

Сначала (в статье I) рассказывается о походе полоцкого князя Андрея Ольгердовича на Литву в феврале 1386 г. Затем (в статье II) — об осаде Орши войсками смоленского князя Святослава Ивановича. По своей структуре и формулировкам эти статьи очень похожи. Они одинаково начинаются и завершаются и, даже если частично заимствованы из одного или двух внешних источников, явно обработаны одним и тем же редактором.

Статья I	Статья II
Тое же зимы королю бывшоу у Краковѣ съ всими кнѧзми Литовскыми кнѧз Андрѣи Полоцкыи приидѣ с Нѣмци с Лифлѧнты, съ всею Латыголою на Литовскоую землю и, повоевав много пожже мѣсть и селъ, градом же в Литовскои земли ничог не вчини [*в Академическом, Супрасльском и Слуцком:* оуспѣ] и пакы възвратисѧ въ своѧси[716].	Тое же зимы кнѧзь Сватославъ Смоленьскыи совѣтъ съ кнѧземь Андрѣемь Полоцкым сътвори: wн в Литву, а кнѧз Сватославъ ко Рши. И [на] мироу много зла оучини, хр(и)стианы не ч(е)л(ове)чьскы мучиша, ниже ни на поганых ратех слышахом такых мукъ. Избирахоу бо их и запирахоу у своих избахъ и зажигахоу, а другыи великыи хра[м]ы wчапы подним*а*хоу и хр(и)стїане под стѣну главами кладахоу и зажигахоу, а иныи жоны и дѣти на колье тыкахоу, и иных моукъ над хр(и)стїаны, ихже срама ради не писахоу, якоже ни Антиwх Сирскыи, ни Улианъ престоупник такых моукъ не сътворил надъ хр(и)стїаны. Граду же Рши ничого не оуспѣша и пакы възвратишасѧ въ своѧси[717].

Внутри статьи II автор второй части «Летописца великих князей литовских» поместил вставку с описанием казней мирного населения, совершавшихся смоленским князем Святославом Ивановичем. Она в чем-то перекликается с летописной «Повестью об осаде Мстиславля», где сказано: «А кого гдѣ изымавше, моучаху нещадно различными казньми, моужеи и женъ и дѣтеи, а иныхъ въ избѣ насажавше запирающе зажигаху, а младенци на колы въстыкаху» (цит. по Новгородской IV летописи)[718]. Однако, как уже говорилось, если в «Повести об осаде Мстиславля» эти действия отнесены к осаде Мстиславля, то согласно второй части «Летописца» они совершались под Оршей. Кроме того, в этом фрагменте «Летописца» содержится и уникальная деталь, не встречающаяся ни в одном другом источнике, — это указание на то, что смоленцы, приподнимая стены «очепами», клали под них пленных христиан «главами». Может быть, эта деталь взята из какого-то неизвестного ныне летописного источника, более подробно, чем все дошедшие до нашего времени тексты, описывавшего жестокости смоленцев, тем более, что сам автор второй части «Летописца» здесь же признается, что сократил какую-то исходную информацию и не стал описывать все известные ему способы казней: «А иныхь мукь над хрестияны, ихже срама ради не писахом». Не исключено, что этот неизвестный летописный источник был близок

[716] Цит. по Виленскому списку (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 77, 90, 148, 198).
[717] Там же. Стб. 77—78, 90, 148—149, 198—199.
[718] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 343—344.

к тому, который фрагментарно отразился в Никоновском своде и в пятой (новгородской) редакции «Летописца великих князей литовских» по Погодинскому списку. В целом же мне кажется, что текст, который лег в основу статей I и II, был взят автором как минимум из двух разных летописных источников. На это указывает то, что содержание двух статей не слишком тщательно согласовано между собой: хотя в статье I уже рассказано о нападении князя Андрея Полоцкого на Литву и даже о том, что он ничего не сумел добиться и вернулся восвояси, в следующей далее статье II заново сообщается, что он «совет сотвори» со смоленским князем и направился походом в Литву. Очевидно, у автора были под рукой две летописи, в которых по-разному описывались одни и те же события, связанные с войной 1386 г.

Необходимо также согласиться с мнением Ф. П. Сушицкого и Е. В. Кириченко о том, что рассматриваемая статья II во второй части «Летописца великих князей литовских» создавалась под стилистическим влиянием Галицко-Волынской летописи, так как в ней почти дословно повторены некоторые обороты из этого источника[719]. Так, в Галицко-Волынской летописи сказано про литовского князя Тройденя: «Его же беззаконья не могохомъ писати срама ради, такъ бо бяшеть безаконьник, яко и Антиохъ Соурьскыи, Иродъ Ер(у)с(а)л(и)мъскыи и Неронъ Римъскыи»[720]. Очевидна параллель с аналогичным фрагментом статьи II «Летописца», где содержится схожий оборот: «И иныхъ моукъ на*д* хр(и)*с*тїаны, ихже срама ради не писахоу (писахом), якоже ни Антиw*х* Сирскыи, ни Улианъ престоупни*к* (законопрестоупник) такы*х* моукъ не сътвори*л* надъ хр(и)*с*тїаны».

Статья III, посвященная разгрому смоленских войск под Мстиславлем, начинается со слов «тое же зимы на весну у великое говение начать Светьславь думати смоленьскими бояры на християньское кровопролитие», а завершается словами «занеже была за князем Юрьем дочка стареишее сестры Скирьгаиловы». Написана она, по всей видимости, на основе старейшей (расширенной) редакции «Повести об осаде Мстиславля» с привлечением данных о мирном договоре между ВКЛ и Смоленским великим княжеством, цитат из Нового Завета и Псалтири[721], а также уст-

---

[719] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи ... С. 395; *Кириченко К. В.* Галицько-Волинський літопис і створення легендарної частини 2-го зводу літописів Великого князівства Литовського // Український історичний журнал. 2012. Вип. 6 (507). С. 118.

[720] ПСРЛ. Т. 2 : Ипатьевская летопись. Изд. 3. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Стб. 869.

[721] Вначале автор второй части «Летописца» вложил в уста литовских князей следующую фразу (цит. по Академическому списку): «И помануша сло*во* Б(о)жїе, еже реч: „Во которою мѣру ч(е)л(ове)къ мѣрить, w*т*мѣритсѧ ему, а что

ной традиции. Так, если имена князей Скиргайла, Витовта, Корибута и Семена Лынгвена автор второй части «Летописца» мог взять из «Повести об осаде Мстиславля», то имя некоего князя Константина как одного из литовских полководцев предположительно вошло в текст из устной традиции. Предание также лежит в основе эпизода о том, как князь Скиргайло нашел среди трупов смоленского княжича Юрия Святославича и, остригши ему голову, вылечил его от ран, а затем привез к матери в Смоленск.

В стилистическом отношении статья III является подражанием русским летописям, и можно даже указать на использованный автором образец. Создатель второй части «Летописца великих князей литовских» в данном фрагменте неоднократно цитирует Псалтирь и упоминает ветхозаветного Давида-псалмопевца: «Бог же по Давида пророка слову сътвори, иже рече...» Цитаты из Псалтири неоднократно встречаются в Новгородской IV летописи, где они оформлены с использованием таких, например, выражений, как «помяноуша Давыда пророка глаголюща» или «яко же рече Давыд пророк»[722]. В этом плане для нас наибольший интерес представляет статья 6879 г., которая помимо Новгородской IV летописи вошла также в состав Софийской I летописи и Рогожского летописца[723]. В ней, в частности, повествуется о разгроме рязанских войск москвичами, и по структуре соответствующее сообщение практически идентично рассматриваемой статье III «Летописца»: дата побоища, перечисление полководцев московского князя Дмитрия Ивановича, «высокоумие» рязанцев, надежда москвичей на Бога, цитаты из Ветхого Завета (Соломон и Давид), Бог помогает москвичам, смена власти в Рязани. Аналогичным образом размещен материал в статье III «Летописца»: дата и направление похода смоленцев, злодеяния смоленских войск, надежда литовских князей на Бога, встреча войск под Мстиславлем, ссылка на пророка Давида, Бог помогает войскам ВКЛ, исцеление смоленского княжича Юрия Святославича, смена власти в Смоленске. При этом в статье 6879 г., как и в статье III «Летописца», цитата из Псалтири оформлена словами «и пророк Давыд рече». Тот факт, что автор второй части «Летописца» был знаком с этой статьей 6879 г., почерпнутой из какого-то

посѣеть, то и пожнеть“». Это компиляция двух цитат из Нового Завета: Мф. 7:2, Мк. 4:24, где в современном церковнославянском переводе читается «возмерится вам», а также Гал. 6:7 («Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет»). Далее хронист вставил в повествование два стиха из Псалтири: «Б(о)гъ же по Д(а)в(и)да пр*о*року слову сотвори, еже реч: „Ѡбратитсѧ болезнь на главу его, и на в(е)*р*хъ его неправда снїдеть“ и паки „Ровь изры и искапа, и впаде*с* во ѧму, юже сотвори“» (Пс. 7:16—17).

[722] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 322, 328.

[723] Там же. С. 296; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 440—441; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 98—99.

общерусского летописного свода, доказывается довольно твердо. Указанная статья, содержащая также известие «Тои же зимы оженися князь Володимерь Андреевичь оу Олгерда», вошла в сокращенном виде под 6880 г. в выборку общерусских известий первого летописного свода ВКЛ[724]. Можно даже вновь предположить, что если автор второй части «Летописца» был знаком с расширенным вариантом статьи 6879 г., которая была в сокращении включена в выборку общерусских известий первого летописного свода ВКЛ, то он и был редактором-составителем этой выборки.

Статья 6898 г. о браке княжны Софьи Витовтовны и московского великого князя Василия Дмитриевича

Как уже говорилось выше при характеристике Медоварцевской редакции «Летописца», в ней существенно расширен фрагмент о московском посольстве к князю Витовту в Пруссию, о поездке княжны Софьи Витовтовны в Москву и о ее венчании и браке с великим князем московским Василием Дмитриевичем (см. табл. 2).

Таблица 2

Летописные статьи о браке московского великого князя Василия Дмитриевича и княжны Софьи Витовтовны

Медоварцевская редакция	В лето 6828 приидоша послы с Москвы к великому князю Витофту литовскому от великаго князя Василия Дмитриевича о сватовстве: боляре его Александр Поле, и Александр Белеут, и Силван, просяще дщери его великия княжны Софьи за великаго князя Василия Дмитриевича Володимерскаго и Московскаго. Князь же великий Витофт даде дчерь свою Софию, и отпусти ю из Марьина градка немецкаго, а с нею послал князя Юрья Патрикевича Наримантова да князя Ивана Олгимондовича из Данска. И поидоша в корабли морем к Риги, а из Риги к Пскову и к Великому Новуграду. Новоградскии же архиепископ Иоанн с архимандритом и с посадники и з боляры стретоша великую княжну Софью с великою честию и дары. Егда прииде великая княжна близь Москвы за 30 поприщ, и князь великии Василий Дмитриевич послал противу ея дядю своего князя Владимира Андреевича и брата своего князя Андрея Дмитриевича, с ними боляр своих многых стретити честно. И прииде великая княжна Софья на Москву. Того же месяца генваря 9 женился князь великий Василий Дмитриевич, понял великую княжну

[724] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 38.

Софью, дщерь великаго князя литовскаго Витофта Кестутиевича, и венчал великаго князя Василия с великою княжною Софьею преосвященный Куприан митрополит всея Руси в соборной церкви Пречистыя на Москве, и бысть брак честен и хвалам достоин[725].

«Летописец великих князей литовских» первой редакции

Того *жс* лѣта к великому кн(я)зю Витов*т*у оу Нѣмци, в Марьин*г*рад, прии*д*оша послы с Москвы w*т* велико*г* кн(я)зѧ Васил*а* Дмитревїча, про*с*а дочкы велико*г* кн(я)зѧ Витов*т*а за велико*г* кн(я)зѧ Василья Дмитреевича. Кн*ѧз* же великыи Витовтъ дасть дочку свою, кн(я)жнѫ Со*ф*ю, и w*т*пустї ю з Марьинаграда, и с нею посла кн(я)зѧ Ивана Ꙇлкгимонтовича из града Данска. И пои*д*оша корабли за море, и приидоша ко *г*раду Пьскову, wни *жс* велику ч(е)*с*ть въздаша и*м*, прово*д*иша и*х* съ ч(е)*с*тью до Великого Новагорада. Новгорw*д*ци же пакы и*м* ч(е)*с*ть въздашѧ, прово*д*иша их с ч(е)*с*тью до града Москвы *к* великому кн(я)зю Василью Дмитреевїчу. Кн*ѧз* ве*л*икыи посла противу и*м* съ ч(е)*с*тью бра*т*ю свою: кн(я)зѧ Воло*д*имера Андрѣевичѧ, кн(я)зѧ Юрьѧ, кн(я)зѧ Андрѣѧ Дмитреевїча и иных кн(я)зеи и бо[я]ръ мно*г*. Стрѣтошѧ великую кн*ѧж*ну Софью с великы*м*и честми. Тог*д*а же с(вя)щ(е)нномитрополи*т* Кѵпрїанъ с еп(и)*с*(ко)пы и съ всѣ*м* [священнич]иски*м* чино*м* срѣте ч(е)*с*тно съ кр(е)*с*ты пре*д* город*о*м Мосъквою. И сътвори бра*к* ч(е)ст(е)нъ, и вѣнчае*т* велико*г* кн(я)зѧ Василья Дми*т*реевичѧ и с великою кн*ѧж*ною Софьею, и бысть бра*к* чоуде*н* зѣло и чьсти достое*н*, ї бысть веселье мно*г*[726].

Рогожский летописец

Тое же зимы в Филипово говение месяца декабря в 1 день, на память святаго пророка Наума, в четверток приведена бысть на Москву из замориа княжна Софиа... Тое же зимы по Крещении месяца генваря в 9 день в неделю, на память святаго мученика Полуекта, оженися князь великии Василеи Дмитреевичь у князя у великаго у Витовта у Кестутиевича у Литовьскаго поя дщерь его, нареченую в святом крещении Софию[727].

---

[725] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись ... С. 14.

[726] Текст приводится по Виленскому списку. В Супрасльском списке пропущена целая строка о Великом Новгороде, нет упоминания о князе Юрии, направленном навстречу княжне Софье, и статья читается не полностью из-за утраченного листа. В Слуцком списке также отсутствует упоминание о князе Юрии, но добавлено про архиепископов, бывших в свите Киприана. В Академическом сохранились только начальные строки этого фрагмента, а далее текст утрачен (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 80, 92—93, 201).

[727] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 158—159. — В выписках Н. М. Карамзина из Троицкой летописи этот фрагмент, к сожалению, не сохранился (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 436).

Симеоновская летопись	Тое же зимы по Крещении мѣсяца Генваря въ 9 день въ неделю, на память святого мученика Полиекта, оженися князь великий Василеи Дмитриевичь у князя у великаго у Витовта у Кестутьевичя у Литовскаго, поя дщерь его, нареченную въ святом крещении Софию[728].
Новгородская IV летопись	А князя великаго боляре, Олександр Поле, Белевуть, Селиван, приехаша из Немець в Новъгород с княгинею Васильевою, а с Витовтовою дщерью, а с нею князь Иван Овгимонтов; и стояв на Городищи, и поехаша на Москву[729].
Софийская I летопись	Великого князя бояре Василия Дмитреевича Александр Поле, Александр Белеутов, Силиван приехаша в Новъгород из Немець с княжною Софиею, с Витовтовою дщерью, а с нею князь Иван Олгимонтович, и стояв на Городище, и поехаша на Москву[730].
Московский свод конца XV в.	Тое же осени великого князя бояря Василья Дмитреевича Александр Поле, Александр Белеут, Селиван, приехаша в Новъгород из Немець со княжною Софьею с Витовътовою дщерью, а с нею князь Иван Олгимантовичь, и стояв на Городище поехаша на Москву и приидоша на Москву с нею месяца декабря в 1 день. Тое же зимы генваря в 9 женися князь великы Василеи Дмитреевичь, понял княжну Софью Витовтову дщерь Кестутьевича[731].
Тверской сборник	(Лето 6898). Той же зыми женися князь великый Василей у Витовта, Софию поня добрую; добрый нравь имѣ отцевь, не сыта бѣ блуда[732].
Степенная книга	О женитве великаго князя Василия Дьмитреевича. Паки же по сихъ благоволениемъ Божиимъ сий христолюбивый великий князь Василий Дмитреевичь по благословению отьца своего, преосвященнаго Киприяна митрополита всеа Русии, совѣтомъ же и благословениемъ святыя матере своея, великия княгини Евдокѣи, восхотѣ законному браку

[728] ПСРЛ. Т. 18. С. 140.

[729] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 368.

[730] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 508. — То же в Новгородской летописи по списку Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 154).

[731] ПСРЛ. Т. 25. С. 219. — То же: Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8. С. 61); Никоновская летопись в двух вариантах, причем во второй вариант введена информация из Рогожского летописца о том, что свадьба состоялась в день святого мученика Полиевкта (ПСРЛ. Т. 11. С. 123); Львовская летопись (ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 210); Ермолинская летопись (ПСРЛ. Т. 23. С. 132); Типографская летопись дает статью в сокращении (ПСРЛ. Т. 24. С. 158); Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 26. С. 163); Никаноровская летопись (ПСРЛ. Т. 27. С. 88).

[732] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 445.

сочетатися. Тогда уже возрасту его исполняшеся двадесятое лѣто. Рече же бо сия, еще ему младу сущу, послан бысть отьцомъ своимъ съ лучьшими и старѣйшими боляры во Орду къ Тахтамышу царю, прю имѣя о великомъ княжении съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ. И видѣ себе держима во Ордѣ и побѣже оттуду з доброхоты своими в Подольскую землю и въ Волохи и въ незнаемыхъ идяше, таяся. Пришедшу же ему въ землю Немецькую и тамо позна его Литовский князь Витофтъ Кестутьевичь и держа его у себе въ чести велицѣ и глагола ему: «Аще хощеши, поими за себе единочадую мою дьщерь и отпущу тя ко отьцу твоему». Онъ же обѣщася и отпущенъ бысть честно и прииде здравъ ко отьцу на Москву. По отьцы же воспомяну обѣщание свое съ Витовтомъ и посла боляръ своихъ: Александра Поля, и Александра Белеута, и Селивана за море въ Нѣмьцы къ тому великому князю Витофту Кестутиевичю, внуку Гедиманову, прося за себя дьщери его, княжьны Софии. И он же радостию вдасть ю. Тогда бо Витофть по убиении отьца своего Кестутия, иже от Ягайла Олгердовича, пребывая въ Немецькой земьлѣ, многу рать подоимая на Ягайла. Прежеречении боляре великаго князя съ Витофтовою дьщерию поидоша изъ Замория во Пьсковъ и в Новъградъ и придоша на Москву мѣсяца декабря 1 день. И поятъ ю великий князь Василий Дьмитриевичь, вѣньчани же бывше въ соборной церкви Киприяномъ митрополитомъ всеа Русии, въ лѣто 6899 мѣсяца генваря 9 день[733].

Статья в Медоварцевском сборнике имеет неточную годовую дату (6828 вместо 6898) и содержит в себе излишки, которых нет в других летописных сообщениях. Так, во главе литовского посольства назван не только гольшанский князь Иван Ольгимонтович, но и князь Юрий Патрикеевич Наримонтович — причем на первом месте. Это явная неточность: в 1390 г. Юрий Патрикеевич, позднее ближний боярин и зять московского великого князя Василия Дмитриевича[734], по своему возрасту и положению вряд ли мог возглавлять столь ответственную миссию. Упоминание его имени — это позднейшая интерполяция.

Аналогичный фрагмент во второй части «Летописца великих князей литовских» по своей структуре повторяет статью из Медоварцевского сборника, но отличается существенными сокращениями. В нем, например, нет имен московских послов Александра Поле, Александра Белеута

[733] ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина : Книга Степенная царского родословия (11—17 степени). СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1913. С. 413—414.

[734] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI ст. М. : Наука, 1988. С. 29.

и Селивана, пропущена деталь, что корабль из Данцига первоначально прибыл в Ригу, а уже из Риги княжна Софья с провожатыми отправилась во Псков, отсутствует перечень новгородских представителей во главе с архиепископом Иоанном (Порфирьевым), встречавших княжну Софью. Автор второй части «Летописца» посчитал излишним упоминать о том, что Софья остановилась за 30 поприщ от Москвы, что свадьба состоялась 9 января, а венчание происходило в соборе Пречистой Богородицы в Москве. Зато во второй части «Летописца» против статьи из Медоварцевского сборника добавлено, что псковичи встретили княжну Софью «с честью», что среди встречающих находился звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич и что митрополит Киприан лично выезжал навстречу Софье из Москвы «с кресты».

В Рогожском летописце из новых известий добавлена дата въезда княжны Софьи в Москву. При этом, как и в Симеоновской летописи, допущена ошибка в датировке свадьбы: 9 января 1391 г. приходилось не на воскресенье («неделю»), а на понедельник. Вследствие этого можно усомниться в том, действительно ли данное сообщение Рогожского летописца и Симеоновской летописи совпадало с аналогичным известием свода 1408 г. (Троицкой летописи), от которого необходимо было бы ожидать точности в передаче московских фактов. В Новгородской IV и Софийской I летописях помещена сокращенная версия, взятая, похоже, из текста, близкого к статье Медоварцевской редакции, но при этом введена локальная новгородская деталь о том, что княжна Софья во время своей поездки останавливалась на Рюриковом Городище. Московский свод конца XV в. и зависимые от него общерусские своды не добавляют существенных новых деталей. В Степенной книге весь фрагмент фактически является компиляцией из нескольких летописных статей — о поездке князя Василия Дмитриевича в Орду, о его побеге в Подольскую землю и Молдавию, о его выезде в Москву через территорию Великого княжества Литовского, о московском посольстве к Витовту и о путешествии княжны Софьи Витовтовны — с прибавлением вымышленных литературных подробностей, таких как высказывание Витовта: «Аще хощеши, поими за себе единочадую мою дьщерь и отпущу тя ко отьцу твоему».

Таким образом, наиболее полный аналог интересующей нас статьи 6898 г. из Медоварцевского сборника мы находим в первой редакции «Летописца великих князей литовских». Как это объяснить?

Мне кажется маловероятным вариант, что автор летописи, помещенной в Медоварцевском сборнике, взял текст из «Летописца великих князей литовских», дополнив его материалом из доступных ему общерусских сводов, прежде всего московских. Повествование в статье 6898 г. Медоварцевского сборника характеризуется целостностью и логичностью. Местами оно помогает объяснить не вполне внятные фрагменты из

«Летописца великих князей литовских». Например, в «Летописце» сказано: «И поидоша корабли за море, и приидоша ко граду Пьскову». Однако с географической точки зрения посольство не могло прибыть в Псков прямо из Данцига на кораблях. Для этого пришлось бы сделать огромный крюк через Финский залив, реку Нарву, Чудское и Псковское озера. Как уже говорилось выше, надуманной кажется и интерполяция, включенная в хронику Быховца, о том, что Софья Витовтовна приехала в Псков через Пернов (Пярну). Все проясняется, если обратиться к статье Медоварцевского сборника, где уточняется: «И поидоша в корабли *морем к Риги, а из Риги к Пскову* и к Великому Новуграду». Таким образом морской путь пролегал только до Риги, а далее посольство добиралось до Пскова сухопутным путем по территории Ливонии. В данном случае мы видим, что текст статьи Медоварцевского сборника никак не мог быть создан на основе текста «Летописца великих князей литовских», а дело скорее обстояло наоборот: процитированный текст «Летописца» является искажением протографа, более полно отразившегося в Медоварцевском сборнике. С другой стороны, статья 6898 г. Медоварцевского сборника не содержит некоторых деталей, которые имеются в «Летописце великих князей литовских», а в одном случае представляет искаженную информацию (о князе Юрии Патрикеевиче Наримонтовиче как одном из руководителей посольства). Из этого следует, что представленный в Медоварцевском сборнике текст не идентичен протографу статьи 6898 г., а, как и текст «Летописца великих князей литовских», является его отредактированным вариантом.

Итак, напрашивается весьма важный вывод: существовал неизвестный ныне протограф летописной статьи 6898 г. о московском посольстве к Витовту, приезде княжны Софьи в Москву и ее венчании и браке с московским великим князем Василием Дмитриевичем. Наиболее полно структура и содержание этой статьи отразились в «Летописце великих князей литовских» первой редакции и компиляции из Медоварцевского сборника. Оба этих текста являются независимыми друг от друга переработками протографа. В первой редакции «Летописца» вычеркнуты практически все новгородские и московские детали, неинтересные для читательской аудитории Великого княжества Литовского. В свою очередь, редакторские правки, внесенные в статью 6898 г. Медоварцевского сборника, возможно, отражают борьбу княжеско-боярских группировок Московского государства второй четверти XV в. Во-первых, в сравнении с протографом из статьи 6898 г. Медоварцевского сборника было убрано имя князя Юрия Дмитриевича († 1434), что могло произойти в период резкого обострения отношений между ним и его сыновьями, с одной стороны, и московским великим князем Василием Васильевичем Темным и его матерью Софьей Витовтовной († 1453), с другой стороны. Во-вторых, на каком-то этапе в текст было внесено имя князя Юрия Патри-

кеевича, отнесенного к потомкам князя Наримонта Гедиминовича. Последнее обстоятельство указывает на то, что вариант статьи 6898 г., отразившийся в Медоварцевском сборнике, отредактирован в интересах кого-то из московских бояр Патрикеевых, потомков князя Юрия Патрикеевича, тем более что в Медоварцевском сборнике размещено их родословие.

Выяснить, в какой именно летописи первоначально находился протограф рассматриваемой статьи 6898 г., сейчас не представляется возможным. Однако с учетом подробностей о московских политических реалиях и деятельности митрополита Киприана наиболее высока вероятность, что это был московский свод 1408 г. В этом случае, вопреки реконструкции Троицкой летописи, сделанной М. Д. Приселковым, соответствующее сообщение свода 1408 г. должно было бы отличаться от сокращенных и в одном случае не вполне точных известий, помещенных в Рогожском летописце и Симеоновской летописи.

Описание событий 1392—1396 гг.

Автор второй части «Летописца великих князей литовских» пользовался русскими летописями и при описании событий 1392—1396 гг.

Сообщение о смерти великой княгини Ульяны Александровны, вдовы Ольгерда, читается помимо «Летописца великих князей литовских» также в Рогожском летописце, Симеоновской летописи, Тверском сборнике и в московских летописях, в частности в Троицкой летописи и своде конца XV в.[735] При этом наиболее полный вариант дан в Троицкой летописи (в части, известной по выпискам Н. М. Карамзина) и московском своде конца XV в.: «[В лето 6900]. Того же лета преставися в Литве княгини [великая] Олгердова Ульяна [в черницах и в скиме], нареченная в мнишеском чину Марина, и положена бысть в Киеве в печере»[736]. В Рогожском летописце статья была сокращена: «[Лето 6900]. Того же лета преставися княгини великаа Улиана Олгирдова в черницах и в ски-

---

[735] Подборку летописных сообщений (за исключением Троицкой летописи) см.: *Кириченко Е. В.* Место смерти и погребения княгини Юлиании Александровны Тверской в русской исторической традиции XV—XVI вв. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Источниковедение и исторический нарратив : XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, IV Чтения, посвященные памяти А. А. Зимина : материалы чтений. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2005. С. 209—211.

[736] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 440. — В квадратных скобках слова, реконструированные М. Д. Приселковым по Рогожскому летописцу и Симеоновской летописи. Ср. московский свод конца XV в.: «В лето 6900... Тое же весны преставися княгини Олгердова Ульяна, дщи князя Александра Тферьскаго, наречена в мнишьском чину Марина, и положена бысть в Печере на Кыеве» (ПСРЛ. Т. 25. С. 219).

ме»[737]. И наконец, самый краткий вариант читаем в «Летописце великих князей литовских»: «Преставися княгини Олгирдовая».

В так называемом «Родословии литовских князей» находится совсем иной рассказ о смерти княгини Ульяны Александровны, основывающийся на другом источнике: по этой версии, она была похоронена не в Киеве, а в Виленской Пречистенской церкви[738].

Е. В. Кириченко в цитированной выше работе высказала предположение, что интересующее нас сообщение «Летописца» о смерти княгини Ульяны Александровны возникло независимо от других летописей и якобы свидетельствует о том, что ее похоронили в Витебске, а не в Киеве или Вильно. Кроме того, украинская исследовательница считает, что московская версия (из свода конца XV в.) создана на основе тверской версии, отразившейся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи. К сожалению, в этой работе не учтены известия Троицкой летописи, сохранившиеся в выписках Н. М. Карамзина и кардинально меняющие всю картину, поэтому выводы Е. В. Кириченко в данном случае требуют пересмотра.

По моему мнению, исходная летописная статья о смерти Ульяны Александровны находилась именно в Троицкой летописи, а уже из этого или близкого к нему источника сообщение попало в урезанном виде во вторую часть «Летописца великих князей литовских». Структура и лексика протографа сохранились даже в предельно лаконичной версии «Летописца», где остались лишь три ключевых слова: «Преставися княгини Олгирдовая». Аналогичным принципом сокращения статьи (опора на ключевые слова протографа) руководствовался и редактор Тверского сборника, ср.: «В лето 6899. Преставися княгыни великаа Улиана Ольердова»[739].

Обнаружить следы еще одного летописного источника нам вновь помогает Медоварцевский сборник. Вслед за разбиравшейся выше статьей 6898 г. в Медоварцевской редакции размещена статья, датированная 6901 г., о встрече Витовта с московским великим князем Василием Дмитриевичем в Смоленске. Протограф статьи, которым пользовался автор Медоварцевской редакции, судя по всему, происходит из выборки летописных известий, почерпнутых из московской летописи, близкой к Троицкой, и помещенных под общей неточной датой 6901 г. в летописный свод, который послужил источником для создания Новгородской IV и Софийской I летописей. В том варианте выборки, который сохранился в летописях новгородско-софийского семейства, сообщение о княжеской

---

[737] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 163.

[738] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 169, 181, 204.

[739] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 446.

встрече уже значительно сокращено: «Великий же князь Василей Дмитреевичь и со княгынею своею ѣзди въ Смолнеск ко тестю своему Витовту на повидание»[740]. При этом автор Медоварцевской редакции вряд ли мог основывать свою статью 6901 г. на данных из первой редакции «Летописца великих князей литовских», поскольку он упоминает о том, что вместе с великим князем Василием Дмитриевичем в Смоленск приехала княгиня Софья Витовтовна, а этой детали нет в первой редакции «Летописца».

Таким образом, вновь, как и в случае со статьей 6898 г., мы видим, что автор первой редакции «Летописца великих князей литовских» и автор Медоварцевской редакции независимо друг от друга пользовались схожим летописным источником, но по-разному его редактировали (см. табл. 3).

Таблица 3

Статья 6901 г. в первой и четвертой редакциях «Летописца великих князей литовских»

«Летописец великих князей литовских» первой редакции	**Медоварцевская редакция**
Тогда же бѣ зима велми стоудена. Тои же зимы на весноу приѣхалъ кн(я)зь же великыи Василеи Дмитреевичь Московскыи ко чьщю своему виликомоу кн(я)зю Витовтоу во Смоленескь во великое говѣние и оучти кн(я)зѧ великого Витовта многими дарми: чепьми золотыми и поясы золотыми и соболми, камками и [со]соуды златыми и бахматы. И кн(я)зь же великыи Витовтъ зѧтѧ своего, великого кн(я)зѧ, оучти и оудари разьличьными дарми: сажеными порты и дорогими wксамиты, и многоценными камъками, и гиншьты во седлех золотых [и] снастех, чюду достоиных и wтпоусьти ко граду Москве с великою честию, а самь поѣде к Литви[741].	В лѣто 6901 князь великий Василий Дмитриевичъ изъ своею великою княгинею Софьею былъ въ градѣ Смоленскѣ у тестя своего великаго князя Витофта, съ нимъ видитись, и жилъ въ Смоленскѣ двѣ недѣли мѣсяца февраля. Витофтъ же почтилъ зятя своего великаго князя Василия и свою дщерь великую княгиню Софию съ великою любовью и дары разноличными и многоцѣнными царскими одаривъ и отпусти его къ Москвѣ съ великою честию, а самъ поиде къ Литвѣ[742].

[740] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 373; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 509—510; ПСРЛ. Т. 6 : Софийские летописи. СПб. : Тип. Э. Праца, 1853. С. 123; ПСРЛ. Т. 42. С. 161.

[741] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 81, 95.

[742] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись ... С. 14—15.

Обе редакции статьи 6901 г. находятся в сложном отношении и друг к другу, и к своему источнику — т. е. к своду, послужившему источником для летописей новгородско-софийского семейства. Как уже отмечалось выше, при характеристике состава Медоварцевского сборника, в Троицкой летописи согласно выпискам Н. М. Карамзина эта статья была датирована правильно — 6904 г. и содержала, помимо прочего, сообщение о том, что вместе с великим князем Василием Дмитриевичем в Смоленск «за двѣ недѣли до велика дни» (т. е. 19—20 марта 1396 г.) приехал митрополит Киприан, поставивший епископа Насона на смоленскую кафедру[743]. Редактор свода, послужившего источником для летописей новгородско-софийского семейства, очевидно, убрал это известие, а кроме того, неточно указал время встречи, обозначив его не мартом, а февралем, причем 6901, а не 6904 г. Автор второй части «Летописца великих князей литовских», опираясь на этот уже отредактированный и сокращенный текст, дополнительно вычеркнул из него упоминание о Софье Витовтовне, обтекаемо указал время встречи «во великое говение», а кроме того, сохранил относительно полный перечень межкняжеских подарков. Автор Медоварцевской редакции, в свою очередь, сократил этот перечень подарков, но следы такого сокращения четко видны: в частности, он неверно прочитал слова «многоценными камъками» как «многоцѣнными царскими». Протограф летописной статьи, которою пользовались авторы второй части «Летописца великих князей литовских» и Медоварцевской редакции, заканчивался одинаково: «И отпусти его къ Москвѣ съ великою честию, а самъ поиде къ Литвѣ», и эти слова из русской летописи составили концовку второй части «Летописца великих князей литовских».

Из русского летописного источника автор первой редакции «Летописца великих князей литовских» взял известие о студеной зиме, поместив его сразу после описания похода войск ВКЛ на Рязанскую землю. Как показывает сличение текстов Новгородской IV, Софийской I и II летописей, в своде, который послужил источником для летописей новгородско-софийского семейства, в статье 6901 г. о литовских делах была странным образом нарушена хронология событий: сначала было размещено известие о встрече великого князя литовского Витовта и великого князя московского Василия Дмитриевича в Смоленске, потом известия о литовско-рязанской войне (1395—1396 гг.), и только затем сообщалось о том, что Витовт стал великим князем литовским: «Великий же князь Василей Дмитреевичь и со княгынею своею ѣзди въ Смолнеск ко тестю своему Витовту на повидание. Князь Олег ходил ратию ко Любутьску; а Литва воевали Рязаньскую землю. Король Ягайло дал Витовту литовское княжение вели-

[743] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 447.

кое»[744]. Почти в таком же виде, но с некоторыми дополнениями, эта выборка за 6901 г. обнаруживается и в одном из списков Софийской II летописи. И вот среди этих дополнений, отражающих, видимо, исходный вариант выборки, мы там и читаем следующее известие: «Тогда же бѣ зима студена, яко человѣци и скоти умираху; изомроша множество»[745]. Изначальный вариант этого сообщения о студеной зиме читается под 6901 г. в Троицкой летописи по выпискам Н. М. Карамзина: «Была зима зѣло студена, яко мнозѣмъ человѣкомъ измерзати и издыхати, не точью человѣки, но и скоти»[746]. Автор второй части «Летописца великих князей литовских» взял это сообщение, очевидно, не из летописи, близкой к Троицкой, а уже из того свода, который послужил источником для летописей новгородско-софийского семейства. При этом он ошибочно отнес его к событиям Литовско-рязанской войны 1395—1396 гг. по той причине, что в статье 6901 г., которой он пользовался, известие о студеной зиме соседствует с сообщением о встрече Витовта и московского великого князя Василия Дмитриевича в Смоленске. Простой расчет хронологии подсказал автору первой редакции «Летописца», что эта встреча не могла состояться в 6901 г., т. е. еще до аннексии Смоленска Великим княжеством Литовским, а стало быть, ее нужно перенести на более позднее время.

Наконец, фрагмент «Летописца великих князей литовских» об отравлении князя Скиргайла Ольгердовича в Киеве был создан под прямым стилистическим влиянием летописной статьи о смерти митрополита Киприана, которая вошла, в частности, в выборку общерусских известий первого летописного свода ВКЛ: «Того жь лѣта приставися преосвященыи Киприянь, митрополить киевьски и всея Руси, месяца сентября 15 на нощь, а пас церков Божию 30 лѣт без полутретя месяца. Во 16 день проводиша в город, нешоша на головах. А епископи служаше над ним <...> Архимандрити, игумени и весь священичскы чинь, пѣвши нагробное, и положиша в изъборънои церкви Святыя Богородици»[747]. Эта статья основана на том же протографе, что и аналогичная статья Симеоновской летописи за 6915 г., однако в Симеоновской нет детали «несоша на головах»[748]. Из этого можно сделать вывод, что статья, содержащаяся в первом летописном своде ВКЛ, заимствована из летописи, близкой к Троицкой, если не из нее самой.

---

[744] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 373; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 509—510.

[745] ПСРЛ. Т. 6 (изд. 1853 г.). С. 123; *Боголепов М. А.* О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. С приложением материалов, извлеченных из русских летописей. М. : Типолитогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1908. С. 62.

[746] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 444.

[747] ПСРЛ. Т. 35. С. 54.

[748] ПСРЛ. Т. 18. С. 151; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 462.

Структура и лексика двух сообщений — о смерти Скиргайла и Киприана — очень похожи. Киприан «приставися» — Скиргайло «престависѧ». Киприана «нешоша на головах» — Скиргайла «понесосѧ на главах». Священники «пѣвши нагробное» над Киприаном — «с(вя)щенници поюще пѣсни wтходныє съ свещами» над Скиргайлом. Киприана «проводиша в город» (здесь в первом летописном своде ВКЛ неточность, так как согласно Симеоновской летописи Киприан умер не за городом, а в Москве, где его «проводиша честно весь град») — погребение Скиргайла также связано с перемещением тела покойного относительно «города». Киприана «положиша в изьборъноі церкви Святыя Богородици» — Скиргайло «положень быс» в церкви Пресвятой Богородицы в Киево-Печерской лавре.

Помимо прочего, указанные текстовые параллели дают нам еще один аргумент в пользу того, что автор второй части «Летописца» уже имел перед глазами обработанную выборку общерусских известий первого летописного свода ВКЛ и, вполне возможно, сам участвовал в редактировании этой выборки.

Официальный источник сообщений «Летописца великих князей литовских» за 1392—1396 гг.: к постановке проблемы

Как показывают результаты структурного анализа, фрагмент «Летописца великих князей литовских», охватывающий период с 1392 по 1396 г., мог быть написан с привлечением некоего официального источника, созданного в канцелярии ВКЛ. Все сообщения за этот период (35 единиц) разбиваются на четыре блока, следующих друг за другом в хронологической последовательности (новогородские дела, витебские дела, подольские и киевские дела, смоленские дела), и подразделяются на следующие типы:

- А) записи о пожалованиях Витовта (в том числе о назначении наместников в регионы); всего — 8;
- Б) записи о вассальных присягах удельных князей Витовту, которые, как правило, описываются выражением «ударити чолом» или «ударити чолом у службу», или соответственно записи о непослушании князей; всего — 8;
- В) записи об отправке войск, осадах городов и походах с участием самого великого князя литовского; всего — 11;
- Г) распоряжения Витовта; всего — 2;
- Д) записи о различных официальных письмах и документах, в том числе о посольствах Витовта; всего — 2;
- Е) записи, созданные на основе русских летописей; всего — 4;

- Ж) записи, созданные на основе устной традиции — 1 (запись об отравлении князя Скиргайла, основанная на предании, но написанная под стилистическим влиянием русской летописи).

Сообщения «Летописца великих князей литовских» за 1392—1396 гг.

1. Новогородские дела (1393 г.)

Б О непослушании князя Дмитрия Корибута, т. е. о его отказе принять вассальную присягу Витовту.

В О сборе и отправке войск во главе с Василием Борейковичем и Гинивилом против князя Дмитрия Корибута, а также об их победе близ Недокудова.

В Об осаде Новогородка и пленении князя Дмитрия Корибута, его жены и детей.

2. Витебские дела (1393 г.)

Е О смерти княгини Ульяны Александровны.

А О назначении Федора Весны наместником в Витебск.

Б О непослушании князя Свидригайла и убийстве Федора Весны.

Д О письме короля Польши Владислава (Ягайла) Витовту с просьбой отомстить за смерть Федора Весны.

Г О распоряжении Витовта князю Скиргайлу принять участие в походе на Витебск: «Князь великыи Витовт понял с собою Скиргаила».

В О сборе и отправке войск Витовта на Витебск.

Б О вассальной присяге друцких князей Витовту.

В Об осаде и взятии Орши.

В Об осаде и взятии Витебска.

Б О вассальной присяге Витовту смоленского князя Юрия Святославича, принимавшего участие в осаде Витебска.

Б О вассальной присяге князя Свидригайла Витовту.

3. Подольские и киевские дела (1393—1395 гг.)

В О первом походе Витовта в Подольскую землю.

Б О непослушании киевского князя Владимира Ольгердовича.

В Об осаде и взятии Житомира и Овруча.

Б О вассальной присяге князя Владимира Ольгердовича.

А О пожаловании Владимиру Ольгердовичу Копыля.

А О пожаловании князю Скиргайлу Киева.

В О втором походе Витовта в Подольскую землю.

Г О распоряжении Витовта князю Скиргайлу идти походом из Киева на Черкассы и Звенигород.

В О взятии Черкасс и Звенигорода.

Е, Ж Об отравлении князя Скиргайла в Киеве.
А О назначении в Киев наместником князя Ивана Ольгимонтовича.

4. Смоленские дела (1395 г.)

А О пожаловании Смоленского великого княжества князю Глебу Святославичу.
А О пожаловании Рославля князю Юрию Святославичу.
Б О непослушании смоленского князя Глеба Святославича.
Д О посольствах Витовта в Смоленск в связи с непослушанием князя Глеба Святославича.
В Об осаде и взятии Смоленска, пленении князя Глеба Святославича.
А О назначении в Смоленск наместниками князя Ямонта и Василия Борейковича.
А О пожаловании Полонного князю Глебу Святославичу.
В Об отправке литовских и смоленских войск во главе с князем Семеном Лынгвеном в Рязанскую землю.
Е О морозной зиме.
Е О встрече Витовта и его зятя, московского великого князя Василия Дмитриевича, в Смоленске и о взаимном обмене подарками.

Идея о канцелярском происхождении многих этих сообщений, конечно, не нова. В свое время, анализируя язык и стилистику второй части «Летописца великих князей литовских», Ф. П. Сушицкий пришел к выводу (перекликающемуся с одним из выводов А. Прохаски), что при описании событий 1392—1396 гг. хронист использовал записи, которые велись в канцелярии ВКЛ. Повествование в этом фрагменте отличается сухостью и сжатостью, которые присущи скорее канцелярскому делопроизводству[749]. На мой взгляд, результаты структурного анализа текста служат этому лишним подтверждением. Однотипность сообщений указывает, по-видимому, на характер источника, из которого хронист черпал сведения: гипотетически это был некий реестр, который велся в канцелярии ВКЛ и в который вносились данные о великокняжеских пожалованиях, назначениях, посольствах, военных походах, поездках и т. д. Не исключено, он представлял собой нечто среднее между делопроизводственным документом и летописью, так как даты в этом реестре обозначались с помощью традиционных летописных клише, например «тое же зимы на весну». Взяв львиную долю сухих фактов из этого источника, автор второй части «Летописца» включил в ткань повествования также данные, заимствованные из официальных документов (таких как письмо короля Польши Владислава князю Витовту по поводу событий в Ви-

[749] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи … С. 160—161. Ср.: *Prochaska A.* Latopis litewski … S. 27—28.

тебске), а также из русских летописей и устной традиции (например, в эпизоде об отравлении Скиргайла).

Как отмечал Ф. П. Сушицкий, обращает на себя внимание то, что подольские дела изложены во второй части «Летописца великих князей литовских» чрезвычайно сжато, практически без подробностей. Таким образом, «Повесть о Подолье» является как бы подробным развитием одного из кратких тезисов «Летописца»: «...на весноу кн(я)зь великыи Витовът иде и възя землю Подолскую»[750]. Это может объясняться тем, что информация о подольских делах из предполагаемого официального источника была использована при создании «Повести о Подолье». По структуре и типам сообщений фрагмент «Повести о Подолье» за 1394—1430 гг. во многом идентичен фрагменту «Летописца» за 1392—1396 гг., однако в нем относительно велика доля сообщений, основанных на устной традиции.

Сообщения «Повести о Подолье» за 1394—1430 гг.

Б	О непослушании князя Федора Кориатовича.
В	О походе Витовта в Подольскую землю.
Ж	О бегстве князя Федора Кориатовича в Венгрию, военной помощи ему со стороны Венгрии и Молдавии.
В	О взятии городов Брацлава, Сокольца, Каменца, Смотрича, Скалы, Черленого городка и других.
Ж	О пленении воеводы Нестяка.
А	О назначении старост в подольские города.
Ж	О том, что войскам ВКЛ при захвате Подолья никто не помогал.
Д	О просьбе короля Польши Владислава (Ягайла) передать ему половину Подольской земли (с цитатой из письма).
А	О передаче Польше в залог подольских городов: Каменца, Смотрича, Скалы, Черленого городка, Бакоты.
А	О назначении старост в Брацлав, Соколец и Винницу.
Д	О передаче части Подолья королем Польши пану Спытку под залог 20 тыс. «пенязей» (данные основаны на упоминаемом далее письме короля Польши Витовту).
Ж, Д	О гибели пана Спытка в битве на Ворскле.
Д	О просьбе короля Польши Владислава (Ягайла) 20 тыс. «пенязей» для выплаты выкупа за Подольскую землю вдове пана Спытка Елизавете (с цитатой из письма).

[750] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи ... С. 164.

Г, Ж О посольстве Витовта к королю Польши Владиславу (Ягайлу) через пана Немиру и луцкого боярина Дмитрия Васильевича с присылкой 40 тыс. «пенязей».
А О назначении подольским старостой дворянина Грановского.
А О назначении подольским старостой Петра Монтигердовича.
А О назначении подольским старостой Гедигольда.
А О назначении подольским старостой Довгирда.
Ж О захвате Каменца поляками.

Говоря шире, напрашивается вывод, что оба произведения созданы с привлечением общего источника либо одним автором, либо в рамках одного и того же, если так можно выразиться, литературного проекта, в ходе которого автор (или последний редактор) второй части «Летописца» и автор (или последний редактор) «Повести о Подолье» согласовывали между собой состав и содержание своих произведений. Предполагаемый официальный источник автор «Повести о Подолье» дополнил информацией, почерпнутой из переписки между королем Польши Владиславом (Ягайлом) и великим князем литовским Витовтом, а также из устной традиции.

Конечно, повторюсь, что существование такого официального источника, использованного при создании второй части «Летописца» и «Повести о Подолье», устанавливается лишь гипотетически. Однако мне кажется, эта гипотеза — единственный возможный способ внятно ответить на вопрос, откуда авторы этих произведений взяли основной фактический материал для описания событий с 1392 по 1430 г. Представляется довольно сомнительным, что источником в данном случае могла быть какая-то русская летопись из тех, что дошли до нашего времени. Дело в том, что по новогородским, витебским, киевским и подольским делам, отразившимся во второй части «Летописца» и в «Повести о Подолье», никаких альтернативных сообщений в известных ныне общерусских летописных сводах не сохранилось. Но некоторой проверке и сопоставлению поддаются смоленские дела, т. е. известия, связанные с первой аннексией Смоленска Великим княжеством Литовским в 1395 г. Статья, посвященная этому событию, вошла во многие общерусские летописные своды; есть она под 6903 г. и в первом летописном своде ВКЛ: в Супрасльском и Никифоровском списках относительно полный вариант, в Слуцком — слегка сокращенный[751].

Аннексия Смоленска в 1395 г. происходила на сложном историческом фоне. Чтобы ввести свои войска в Смоленскую землю, Витовт использовал момент, когда один из смоленских князей Юрий Святославич

[751] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 51, 72—73.

после неудачной междоусобной борьбы со своим братом Глебом Святославичем отправился в Рязань к своему тестю, рязанскому великому князю Олегу Ивановичу. Перед походом Витовт распустил слухи, что идет войной против Тамерлана (Темир-Аксака по русским летописям), который незадолго до того изгнал из Золотой Орды хана Тохтамыша, союзника Витовта. Подойдя к Смоленску, Витовт предложил смоленскому князю Глебу Святославичу, что выступит посредником в спорах между смоленскими конфликтующими группировками. Глеб Святославич, поверив этому, выехал к Витовту вместе со своими князьями и боярами и был арестован. После того как Смоленск, оставшийся без защиты, был захвачен литовскими войсками, начались активные военные действия между Рязанским княжеством, которое поддержало смоленского князя Юрия Святославича, и Великим княжеством Литовским.

В русских летописных сводах XV—XVI вв., а также в статье 6903 г. из первого летописного свода ВКЛ повествование об этих событиях складывается из нескольких элементов, перемешанных в разной хронологической и смысловой последовательности.

Элемент 1. Рассказ о междоусобной борьбе между Юрием и Глебом Святославичами; Юрий Святославич едет в Рязань. Этот элемент отдельно представлен в Никоновском своде под 6904 г.[752]

Элемент 2. Рассказ о войне между Тамерланом и ханом Золотой Орды Тохтамышем, представленный либо в составе так называемой летописной повести о Темир-Аксаке, либо отдельно — в сокращенном виде. Этот элемент встречаем в Новгородской IV летописи, первом летописном своде ВКЛ, Тверском сборнике (под 6906 г.), Софийской I летописи старшего извода, Ермолинской летописи (сокращенная повесть о Темир-Аксаке без упоминания Тохтамыша), Типографской летописи (повесть о Темир-Аксаке), сводах 1497 и 1518 гг., Новгородской Карамзинской, Никаноровской, Вологодско-Пермской летописях, Никоновском своде (под 6906 г.). При этом в первом летописном своде ВКЛ и некоторых других летописях, например Никаноровской, вместо Темир-Аксака называется Темир-Кутлуг[753].

Элемент 3. Рассказ о том, как Витовт, отправившись походом будто бы на Темир-Аксака (в некоторых летописях Темир-Кутлуга), обманом захватил Смоленск, когда князь Юрий Святославич был в Рязани. Варианты краткой редакции помещены в Новгородской I летописи младшего

---

[752] ПСРЛ. Т. 11. С. 161.

[753] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 376; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 511—512; ПСРЛ. Т. 23. С. 134; ПСРЛ. Т. 24. С. 160; ПСРЛ. Т. 28. С. 87, 251; ПСРЛ. Т. 42. С. 163; ПСРЛ. Т. 27. С. 88; ПСРЛ. Т. 26. С. 164; ПСРЛ. Т. 11. С. 167.

извода, летописи Авраамки, Псковской I летописи[754]. Варианты как краткой, так и расширенной редакции — в Новгородской IV летописи[755]. Варианты расширенной редакции различной степени полноты, но все восходящие к общему протографу, — в первом летописном своде ВКЛ, Тверском сборнике (текст с некоторыми дополнительными деталями, очень неприязненный по отношению к Витовту), Софийской I летописи старшего извода, Львовской, Ермолинской, Типографской, Новгородской Карамзинской и Никаноровской летописях, Московском своде конца XV в., сводах 1497 и 1518 гг., Воскресенской летописи, Никоновском своде (под 6904 г. и с некоторыми дополнительными подробностями)[756].

Элемент 4. Сообщение о походе войск во главе с рязанским великим князем Олегом Ивановичем, пронскими князьями и смоленским князем Юрием Святославичем на земли ВКЛ зимою 1395/96 г. Этот элемент отдельно помещен в Никоновском своде под 6904 г.[757]

Элемент 5. Сообщение о походе войск ВКЛ на Рязанскую землю зимою того же года, когда был захвачен Смоленск (т. е. зимою 1395/96 г.). Элемент отражен в первом летописном своде ВКЛ и целом ряде русских летописей — Новгородской IV, Ермолинской, Типографской, Новгородской Карамзинской летописях, Московском своде конце XV в., сводах 1497 и 1518 гг., Воскресенской летописи, Никоновском своде (под 6904 г.)[758].

Элемент 6. Рассказ о том, как рязанский великий князь Олег Иванович отбил нападение войск ВКЛ, вторгшихся в рязанские волости. Этот элемент отдельно размещен в Никоновском своде под 6904 г.[759]

Элемент 7. Сообщение о походе рязанского великого князя Олега Ивановича на Любутск в 6904 (1396) г.; осада Любутска завершена при посредничестве великого князя московского. Содержится в Софийской II летописи, Московском своде конца XV в., Ермолинской, Типографской, Воскресенской летописях, сводах 1497 и 1518 гг., Никоновском своде (под 6905 г.)[760].

---

[754] ПСРЛ. Т. 3. С. 387; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 138; Псковские летописи. Вып. 1. С. 25.

[755] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 376, 378—379.

[756] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 511—512; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 217; ПСРЛ. Т. 23. С. 134—135; ПСРЛ. Т. 24. С. 165; ПСРЛ. Т. 25. С. 225; ПСРЛ. Т. 27. С. 88; ПСРЛ. Т. 28. С. 87, 252; ПСРЛ. Т. 42. С. 164; ПСРЛ. Т. 8. С. 68—69; ПСРЛ. Т. 11. С. 162.

[757] ПСРЛ. Т. 11. С. 163.

[758] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 380; ПСРЛ. Т. 23. С. 135; ПСРЛ. Т. 24. С. 165; ПСРЛ. Т. 28. С. 87, 252; ПСРЛ. Т. 42. С. 165; ПСРЛ. Т. 25. С. 226; ПСРЛ. Т. 11. С. 163.

[759] ПСРЛ. Т. 11. С. 163.

[760] ПСРЛ. Т. 6 (изд. 1853 г.). С. 129; ПСРЛ. Т. 25. С. 227; ПСРЛ. Т. 23. С. 135; ПСРЛ. Т. 24. С. 166; ПСРЛ. Т. 28. С. 88, 252; ПСРЛ. Т. 8. С. 69—70; ПСРЛ. Т. 11. С. 165.

Элемент 8. Рассказ о жестоком нападении войск ВКЛ на Рязанское княжество осенью 6904 (1396) г. «о Покрове»; великий князь литовский Витовт и великий князь московский Василий Дмитриевич встречаются в Коломне. Этот элемент в кратком виде (без сообщения о коломенской встрече князей) отражен в Новгородской I летописи младшего извода, Новгородской IV летописи, летописи Авраамки, Тверском сборнике («Той же осени Витовть многобожный плени Рязань, люди улицами сажаа секль»)[761], а в полном виде — в Софийской II, Ермолинской, Типографской летописях, Московском своде конца XV в., сводах 1497 и 1518 гг., Никоновском своде (под 6906 г.)[762].

Необходимо при этом отметить, что в реконструированном тексте Троицкой летописи сообщения о первом захвате Смоленска войсками ВКЛ нет ни под 6903, ни под другими годами[763]. Аналогичным образом известий о взятии Смоленска в 6903 г. и о Литовско-рязанской войне 6903—6904 гг. мы не находим ни в Рогожском летописце, ни в Симеоновской летописи[764].

Рассмотрим теперь, из каких элементов состоят сообщения об этих событиях, помещенные в выборке общерусских известий первого летописного свода ВКЛ и во второй части «Летописца великих князей литовских». Статья 6903 г. о первом «смоленском взятии», содержащаяся в первом летописном своде ВКЛ, складывается из элементов 2, 3 и 5. Ранее я высказывал мнение, что эта статья могла быть включена в первый летописный свод ВКЛ из некоей смоленской летописи, которая не сохранилась до нашего времени и была также в отредактированном виде использована при создании Тверского сборника[765]. По итогам представленного выше поэлементного анализа эта точка зрения должна быть пересмотрена и уточнена. Смоленское происхождение в этой статье 6903 г. первого летописного свода ВКЛ мог иметь элемент 3, т. е. непосредственно рассказ о смоленских событиях, но и он попал в первый летописный свод ВКЛ не напрямую из смоленского источника, а через посредство некоего общерусского свода, в котором был объединен с элементами 2 и 5. В этом общерусском своде соответствующий фрагмент, похоже, был близок по составу к аналогичному фрагменту Новгородской IV летописи. В некоторых других общерусских сводах в повествование были включены элементы 4 и 6, отражающие рязанский летописный ис-

---

[761] ПСРЛ. Т. 3. С. 388; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 381; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 138; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457.

[762] ПСРЛ. Т. 6 (изд. 1853 г.). С. 129; ПСРЛ. Т. 23. С. 135; ПСРЛ. Т. 24. С. 166; ПСРЛ. Т. 25. С. 227; ПСРЛ. Т. 28. С. 88, 252; ПСРЛ. Т. 11. С. 166.

[763] См.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 446—447.

[764] См.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 164; ПСРЛ. Т. 18. С. 143.

[765] *Ліцкевіч А. У.* Пра некаторыя спісы ... С. 209—210.

точник[766], и элементы 7 и 8, происходящие частью из новгородского, а частью из московского источников. В соответствующей же статье Тверского сборника объединены элементы 2 (под 6906 г.), 3 и 8, и такая комбинация элементов, видимо, полностью исключает вероятность того, чтобы эта статья происходила из того же источника, что и статья 6903 г. первого летописного свода ВКЛ.

Что же касается второй части «Летописца», то здесь в рассказе о захвате Смоленска полностью отсутствуют элементы 1, 2, 4 и 6—8. То же можно сказать и об элементе 3, поскольку короткая заметка о том, как великий князь Витовт со всеми силами подошел к Смоленску и князь Глеб Святославич сдался ему вместе с городом, не имеет с известными нам теперь летописями ни стилистических, ни лексических, ни (по ряду деталей) фактологических параллелей. Это тем более показательно, что, как мы убедились выше, автор второй части «Летописца» при использовании летописей в качестве источника в ряде случаев не перерабатывал исходные тексты до неузнаваемости, а включал их в свое повествование целыми фразами с незначительным редактированием и сокращением. Между тем о посольствах Витовта в Смоленск в первой половине 90-х гг. XIV в. не знает ни одна из известных ныне летописей. Следовательно, эти сведения, носящие явно официальный характер, происходят из информированного источника внутри Великого княжества Литовского, а именно из великокняжеской канцелярии. Вообще из перечисленных выше 8 элементов во второй части «Летописца» присутствует только элемент 5 — о походе литовских войск на Рязанское княжество зимой 1395/96 г. Но и в данном случае автор второй части «Летописца» дает уникальные сведения, видимо, почерпнутые из местных, смоленских или литовских, источников, — о том, что войска ВКЛ возглавлял князь Семен Лынгвен, и о том, что вместе с Литвой на Рязань ходили и смоленцы.

В целом можно прийти к выводу, что фрагмент второй части «Летописца великих князей литовских», в котором повествуется о захвате Смоленска Витовтом и о походе литовских войск на Рязанское княжество, написан в основе своей независимо от известных нам ныне общерусских летописей и статьи 6903 г. первого летописного свода ВКЛ. Исключение, как уже говорилось, составляют сообщения о встрече Витовта и Василия Дмитриевича в Смоленске и о суровой зиме, которые автор заимствовал из статьи 6901 г. свода, послужившего источником для летописей новгородско-софийского семейства. Остальная же фактура взята предположительно из гипотетического официального источника, созданного в канцелярии ВКЛ.

---

[766] Ср.: *Муравьева Л. Л.* Рязанское летописание конца XIII — начала XV в. // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. : сб. статей. М. : Институт истории СССР, 1986. С. 28.

Общий итоговый обзор

Подводя итоги, на примере летописных статей 6898, 6900 и 6901 гг. вполне уверенно можно говорить о том, что в ряде случаев автор второй части «Летописца великих князей литовских» прямо включал целые фрагменты из исходных летописей в свой текст, несколько их подредактировав и сократив.

Судя по текстовым и стилистическим параллелям с Новгородской IV, Софийской I и II летописями, в его распоряжении находилась летопись, идентичная или близкая к той, что послужила источником для летописей новгородско-софийского семейства. Из этой летописи были использованы расширенная редакция «Повести об осаде Мстиславля», статья 6894 г. о крещении и женитьбе князя Ягайла в «Угорьскои земли», статья 6879 г. о разгроме рязанцев московскими войсками, ошибочно датированная статья 6901 г. о встрече Витовта и Василия Дмитриевича в Смоленске и о морозной зиме.

Автор второй части «Летописца» также знал некоторую летопись московского происхождения, вероятно, близкую к своду 1408 г. (Троицкой летописи). Из нее он использовал статью 6898 г. о поездке княжны Софьи Витовтовны в Москву и ее свадьбе с московским великим князем Василием Дмитриевичем, статью 6900 г. о смерти великой княгини Ульяны Александровны и статью 6915 г. о смерти митрополита Киприана.

Открытым, впрочем, остается вопрос о том, были ли это две разные летописи или все-таки одна летопись, объединявшая в себе черты гипотетического новгородско-софийского свода и московского свода 1408 г.

Некоторые из перечисленных статей автор второй части «Летописца» брал непосредственно из исходных летописей, а некоторые (например, статью 6894 г. из свода, послужившего источником для летописей новгородско-софийского семейства, и статью 6915 г. из московской летописи) он использовал, обращаясь к выборке общерусских известий первого летописного свода ВКЛ, в которую их тексты были включены в переработанном виде.

Полученные результаты близко перекликаются с выводами исследователей, изучавших выборку общерусских известий первого летописного свода ВКЛ и отмечавших, что источником для этой выборки могли послужить Новгородская IV и Софийская I летописи (либо же их протограф) и московский свод 1408 г.

Кроме того, во второй части «Летописца» сохранились следы использования еще, видимо, двух или трех летописных статей: статей о походах полоцкого князя Андрея Ольгердовича на Литву и смоленского князя Святослава Ивановича на Оршу, а также фрагмента о зверствах смоленцев, отразившегося в Никоновском своде. Невозможно с точностью сказать, происходят ли эти известия из какой-то отдельной, неизвестной

в настоящее время летописи (может быть, локального характера — полоцкой, витебской или смоленской) либо же они находились в гипотетическом новгородско-софийском своде или московской летописи.

Следует отметить и возможное знакомство автора второй части «Летописца» с Галицко-Волынской летописью (что само по себе весьма интересно).

Предполагаемая устная традиция и собственные сведения авторов или информаторов

Значительный пласт информации в рассматриваемых памятниках базируется на устной традиции и личных впечатлениях авторов. В наибольшей степени это касается «Witoldes sache» — произведения, являющегося переводом публичного выступления Витовта. В части, касающейся событий 70—80-х гг. XIV в., текст «Witoldes sache» практически целиком основан на личном опыте, знаниях и впечатлениях своего автора.

По характеру текста первая часть «Летописца великих князей литовских» весьма напоминает «Witoldes sache»: после краткого вступления о событиях 40-х гг. XIV в., которое опирается на общий для двух памятников архетип, следует текст, как будто созданный из цельного куска, написанный на одном дыхании. В отличие от второй части «Летописца», в первой части мы не находим какой-либо языковой и стилистической чересполосицы или швов, указывающих на то, что текст составлен из разнородных фрагментов. Автор первой части «Летописца» прекрасно осведомлен о мельчайших деталях, касающихся мыслей, мотивов, разговоров и поездок Кейстута и Витовта. Он, например, знает о том, что после разговора с Кейстутом об измене Ягайла (разговор, что характерно, цитируется дословно) Витовт уехал в Дорогичин. Когда же Кейстут, захватив Вильно, направил гонца к Витовту в Дорогичин, гонец нашел Витовта уже в Городне. Еще один эпизод: когда Витовт приехал к арестованному Ягайлу, тот очень обрадовался; затем Витовт проводил Ягайла до Крева, откуда тот выехал в Витебск. Такого рода малозначительные подробности, характеризующие личные отношения между двумя князьями, конечно, могли исходить только от очевидца или участника этих событий, для которого они были важны. Очень детально в первой части «Летописца» также описываются шаги и поведение сторон во время переговоров, предшествовавших аресту Кейстута и Витовта. Словом, такие примеры неединичны. Как и в случае с «Witoldes sache», основным источником для создания первой части «Летописца» послужила информация, непосредственно исходившая из близкого окружения Витовта, а может быть, и от него самого, и во всяком случае отражающая знания, опыт, симпатии и антипатии великого князя.

При этом целый ряд эпизодов передан сквозь весьма тенденциозную призму, состоящую как бы из двух слоев. Первый слой — это восприятие событий Кейстутом, а второй слой — это, если можно так выразиться, восприятие событий Витовтом *сквозь восприятие Кейстута*. Особенно это характерно для начальной части, в которой описываются события 40-х гг. XIV в. Так, в избрании Ольгерда великим князем литовским и первая часть «Летописца», и «Witoldes sache» главную роль отводят Кейстуту, который будто бы единолично решал: дать Ольгерду великое княжение или не дать, и уступил ему столец в Вильно, руководствуясь принципом справедливости как младший брат. Это довольно хвастливое повествование иногда представляет события почти в карикатурном виде, как в эпизоде про «трусливого» Евнутия, который «соскочил» с замковой стены и спрятался в какой-то землянке, обморозив ноги. Трудно отделаться от впечатления, что перед нами, может быть, некое семейное предание, которое часто повторялось самим Кейстутом в неформальной обстановке во время пиров и застолий и поэтому хорошо врезалось в память Витовта. На каком-то этапе оно могло быть даже записано.

Несмотря на свою тенденциозность, первая часть «Летописца», как и «Witoldes sache», ценна не только историческими подробностями из первых рук, но и тем, что в ней отразились психологические мотивы поступков Кейстута и Витовта, а также в определенной степени — их мировоззрение. Чего стоит, например, презрение, с которым в «Летописце» говорится о «холопе» Войдыле, — психологически оно настолько достоверно, что некоторые современные авторы, пишущие о тех событиях на основе «Летописца», тоже усваивают себе этот царственно презрительный взгляд в отношении Войдылы, даже не задумываясь о его сословной природе.

Включения прямой речи в тексте первой части «Летописца» разделяются на три категории. К первой относится высказывание князя Кейстута, процитированное при описании раздела власти между ним и князем Ольгердом после свержения великого князя литовского Евнутия: «И князь великыи Кестути рече брату своему, великому князю Олгирду: “Тобѣ подобаеть княземь великимь быти во Вилнѣ; ты старе(и)ши брать, а я с тобою заодно живу (*в Академическом списке* — дрьжу. — *О. Л.*)”». Очевидно, что, коль скоро первая часть «Летописца» создавалась в близком окружении Витовта, т. е. спустя многие десятилетия после описываемых событий, автор не мог лично слышать эти слова. Следовательно, он почерпнул эту информацию из устной традиции.

Ко второй категории относится рассмотренная выше цитата из гипотетического письма комтура Гюнтера фон Гоэнштайна, оформленная в тексте «Летописца» в виде прямой речи.

Наконец, третья категория, наиболее обширная, охватывает все фрагменты текста, содержащие прямую речь при описании событий 1380—1382 гг. Обращает на себя внимание в данном случае то, что во

всех случаях здесь цитируются выдержки из весьма конфиденциальных бесед, участником которых был сам Витовт.

В частности, показателен целый ряд диалогов между Кейстутом и Витовтом.

Когда пришло известие о тайных договоренностях между Ягайлом и Тевтонским орденом, согласно «Летописцу», «князь велики Кестутеи <...> почнеть жаловатися сыну своему, великому князю Витовту: "Ты с нимь горазьдь живешь, онь же записаль ся на нас со немьци". Князь велики Витовът рече отцу своему: "Не веруи тому, ачь того неть зань же со мною гораздо живеть, ачеи бы мне явил"».

Когда же Ягайло и Скиргайло послали войска на Полоцк, «князь велики Кестути опят начнеть сыну своему, великому князю Витовту, жаловатися и проплакивая на князя Ягаила: "За Воидила сестру даль, мою братанну, а из Немець ми явлено, что немьци записалися на нас, а се пак третее: с кимь мы ся воюемь? С немьци. Они с ними Полоцька добывають. Уже то проявилося, што они на нас полно стали с немьци". И князь велики Витовт отвечаеть отцю своему, великому князю Кестутию: "Еще того не доверяю гораздь"».

Когда Витовт приехал к Кейстуту, узнав об аресте Ягайла и всей его семьи, Кейстут «рече сыну своему, князю великому Витовту: "Ты мнѣ не вѣрель, а се тые грамоты, записалися были на нас, но Бог нась остерегл. Но я князю великому Ягаилу ничего не вчинил, не рушив есмо ни скарбов его, ни стад, а сами у мене не в нятстве ходять, толко за малою сторожею"» и т. д.

Еще один диалог приводится при описании переговоров между Витовтом и посланниками Ягайла. Князья и бояре, посланные Ягайлом, согласно «Летописцу», сказали: «Князь великыи Ягаило послал нас к тобѣ, штобы еси уедьнал нас со отцемь своимь, што быхомь держали свое, а вы бы свое, а бою бы межи нась не было, а кровипролития не вчинилося. Ты бы приѣхал ко брату своему, князю великому Ягаилу, а мы правду даемь, штобы тобѣ чисто отехати в рать свою, ачеи бы межи вась был добрыи конець». На эти слова «князь великыи Витовт отвещал: "Правду у вась беру, штобы такоже князь Скиригаило семо приѣхал, а такоже бы правду дал, и я выеду"».

Вкрапления прямой речи содержатся также при описании переговоров между Витовтом и Ягайлом: «И князь великыи Ягаило почнеть просити великого князя Витовта "штобы *еси* межи нас уеднал и кровопролития бы не было" <...> А еще рек князь великии Витовт князю великому Ягаилу: "Еще, брате, пошли князя Скиргаила, штобы и онь и я задали быхом правду отцю своему, иж бы ему чисто приехати и опять отехати в рать, а князь бы великии Скиргаило от тебе дал правду"».

Наконец в момент ареста Кейстута и Витовта «князь же великии Ягаило переступил тыи правды, молвить: "Поедь к Вилни, тамо докончаемь"».

Столь обильное цитирование прямой речи трудно списать на некую литературную стилизацию (как это мимоходом без детального исследования делал М. С. Грушевский). Прежде всего потому, что невозможно отыскать источник для такой стилизации и подражания. Цитаты не имеют ни малейшего стилистического или лексического сходства с образцами письменности на церковнославянском языке, т. е. не носят книжного характера. Было бы абсурдом, конечно, полагать, что в первой части «Летописца» *во всех случаях* приведены *абсолютно дословные* записи реальных бесед и высказываний, однако вполне вероятно, что автор довольно точно (*а местами, может быть, и дословно*) передал их общее содержание в виде прямой речи. Это опять же было бы невозможно, если бы автор или его информатор не присутствовали при этих событиях и не слышали этих речей. Вновь логика рассуждений приводит нас к личности самого Витовта.

Иное дело — вторая часть «Летописца великих князей литовских». Здесь мы встречаем два случая использования прямой речи. В одном случае это, возможно, цитата из послания Ягайла к Витовту, датируемого предположительно первой половиной 1392 г.: «Больши того, брате, не теряи земли Литовьское, отчыны нашее и своея, а поди, брате, к нам у мир и у велику любов братскую, возми собѣ великое княжение у Вилни, стол дяди своего, великаго князя Олъкгирда и отца своего великаго князя Кестутия».

В другом случае это высказывание, вложенное в уста литовских князей Скиргайла, Витовта, Константина, Корибута и Семена Лынгвена, отправившихся выручать осажденный Мстиславль: «Мы, рекоша (*в Слуцком списке явно ошибочно двойственное число:* рекоста. — *О. Л.*), никоего зла ему не сотворихомь, а онь с нами в докончани буда, переступив крестное целование и докончание, нашю землю воюеть и кров хрестяньскую проливаеть. Мы же идемь на него, надѣемься на Бога и хрестянскую силу». Вновь повторюсь: обращает на себя внимание, что это высказывание коллективное и не обращено к какому-то конкретному собеседнику. К тому же оно насыщено православной риторикой и церковнославянской лексикой. Вот почему есть все основания предполагать, что в данном конкретном случае перед нами — стилизация, фрагмент, сочиненный самим хронистом и оформленный в виде прямой речи для пущего литературного эффекта. Еще больше укрепляет в этом мнении тот факт, что этот фрагмент соседствует с цитатами из Псалтири и текстом, написанным, как мы видели, под стилистическим влиянием русских летописей.

Вполне определенно можно говорить о том, что автор второй части «Летописца» черпал некоторые сведения из устной традиции. Наиболее известный пример такого рода — это эпизод об отравлении князя Скиргайла в Киеве. Говоря об обвинении митрополичьего наместника Фомы

в убийстве князя, хронист, видимо, чтобы избежать обвинений в клевете, сослался на рассказы «некоторых людей»: «*Аз же того не свѣмь, занже бѣх тогды млад, но нецеи г(лаго)лють*, иже бы тот Фома дал князю Скиригаилоу зелие травное пити…» При этом сам эпизод тоже написан под стилистическим влиянием русских летописей и содержит, например, неточную календарную сетку: указанные в нем дни недели соответствуют календарю 1392 или 1397 гг., тогда как в соответствии с более достоверными польскими источниками (финансовыми счетами королевского двора) Скиргайло умер в январе 1395 г.

Большой пласт устной, если не сказать фольклорной, информации лежит в основе «Повести о Подолье». Фактически на легендах, преданиях, а может быть, отчасти и на авторских домыслах базируется вся начальная часть этого произведения — от самой битвы близ Синей Воды. Только при описании событий 80-х гг. XIV в. автор повести пускает в ход первый известный ему письменный источник («глейтовные листы» для князя Константина Кориатовича), впрочем, помещая его во вполне легендарный контекст. Далее, рассказывая о событиях с 1392 по 1430 г., он в такой же манере продолжает перемежать данные, почерпнутые из материалов государственного архива ВКЛ, со сведениями из устной традиции.

Глава 3

Предполагаемое авторство нарративных произведений

Проблема установления авторства рассматриваемых памятников, особенно первой и второй частей «Летописца великих князей литовских», сопряжена с очевидными трудностями методологического и источниковедческого характера, знакомыми каждому исследователю, занимающемуся средневековой историей Восточно-Европейского региона. Это, прежде всего, нехватка и фрагментарность источников по любому частному вопросу, что усугубляется еще и отсутствием сводного корпуса документальных источников по истории Великого княжества Литовского XIV—XV вв. Вполне очевидно, что в таких условиях логические связи между отрывочными известиями немногих сохранившихся источников можно провести лишь пунктиром, и, за исключением разве что «Witoldes sache», выводы относительно авторства первой и второй частей «Летописца великих князей литовских» могут носить только гипотетический, некатегоричный характер. Вместе с тем в настоящее время накопилась сумма аргументов, позволяющих по-новому взглянуть на проблему авторства этих хроник, особенно второй части «Летописца», и, по моему убеждению, без обобщения и рассмотрения этих аргументов дальнейшее продвижение в данной проблематике, наверное, вряд ли возможно. Именно в таком предварительном обобщении и рассмотрении я и вижу свою задачу.

«Witoldes sache» и первая часть «Летописца великих князей литовских»

Итак, относительно «Witoldes sache», как мне кажется, существует определенная ясность: непосредственное авторство этого произведения следует приписать самому Витовту. Витовт также имеет некоторое отношение к созданию первой части «Летописца великих князей литов-

ских». Это мнение давно уже вошло в научную литературу[767]. Впрочем, недавно Е. С. Глинский высказал предположение, что вдохновителем первой части «Летописца» был не Витовт, а его брат Сигизмунд Кейстутович. Это аргументируется тем, что, во-первых, в «Летописце» делается акцент на сотрудничестве между Кейстутом и Ольгердом, Витовтом и Ягайлом, во-вторых, проявляется стремление обелить Ягайла и выставить главным виновником интриг против Кейстута его советника Войдылу, а в-третьих, «Летописец» имеет антитевтонскую направленность[768]. Эти доводы, однако, нивелируются тем, что Сигизмунд Кейстутович до 30-х гг. XV в. играл в политике ВКЛ второстепенную роль и к тому же ни разу не упоминается в тексте «Летописца». Напротив, созвучность политическим целям и установкам Витовта, наличие деталей, которые могли быть известны только Витовту, явные текстуальные и композиционные переклички с «Witoldes sache» — все указывает на то, что заказчиком, источником информации, а может быть, и автором первой части «Летописца» был сам Витовт. Приходится говорить «может быть», так как все же существует неясность в отношении того, в какой форме выражалось участие Витовта в написании этого произведения. Если с «Witoldes sache» более или менее понятно, что это запись и/или перевод устного выступления Витовта, то относительно первой части «Летописца» трудно сказать: диктовал ли великий князь этот текст, приложил ли он руку к его окончательной правке? Иными словами, помимо Витовта в создании первой части «Летописца» могли участвовать еще и другие лица, непосредственно облекавшие информацию, исходившую от Витовта, в связный текст на западнорусском языке. Это могли быть не только писари: сохранились данные о том, что обе последние жены Витовта — княгиня Анна и княгиня Ульяна — были грамотными и правили документы, выдававшиеся от имени мужа. По крайней мере помету «Кн(я)г(и)ни великая правила» мы находим в грамоте 1396 г. для князя Федора Даниловича Острожского (если это не фальсификат), а еще одну помету «Правила великая к(ня)г(и)ня» — в грамоте 1428 г. для Ганки, жены князя Василия Острожского[769]. Это, конечно, вовсе не позволяет однозначно утверждать, что к созданию первой части «Летописца» были причастны княгини Анна или Ульяна. Хотелось бы только подчеркнуть, что возникновение этого текста не обязательно связывать исключительно с западнорусскими писарями великокняжеской канцелярии.

---

[767] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki … S. 45—47; *Сушицький Т. П.* Західньоруськи літописи … С. 149.

[768] *Глінскі Я. С.* Палітычныя і сацыяльныя аспекты ў асэнсаванні мінулага ў ВКЛ у XV—XVI стст. // Сборник работ 67-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорусского гос. ун-та. Мінск : Изд. центр БГУ, 2010. Ч. 3. С. 147.

[769] Vitoldiana … S. 61, 64.

Говоря об участии Витовта в создании «Witoldes sache» и первой части «Летописца великих князей литовских», важно также учитывать, что оба эти текста возникли под непосредственным влиянием центральноевропейской традиции составления официальных меморандумов. Такие меморандумы активно использовались в дипломатической практике Польского королевства, Великого княжества Литовского и Тевтонского ордена в начале XV в., особенно перед войной 1409—1411 гг. В этих документах, адресованных правителям соседних католических государств, а позднее участникам Констанцского собора, стороны излагали свои взгляды на те или иные конфликтные ситуации и проблемы, прибегая также к исторической аргументации[770]. Вместе с тем и «Witoldes sache», и первая часть «Летописца великих князей литовских» выгодно отличаются от таких меморандумов живостью, эмоциональностью и откровенностью изложения. Еще более оригинально выглядит первая часть «Летописца» на фоне русских летописей с их короткими и разрозненными погодными записями. От развернутых повестей, изредка перебивающих мерный лаконизм русских летописей, первая часть «Летописца» отличается сжатостью, стремительностью и деловитостью повествования, светской лексикой и, если так можно выразиться, стилем мышления, абсолютно свободным от влияний церковнославянской книжности. Я далек от мысли отдавать предпочтение первой части «Летописца» перед памятниками русского летописания, как это делал Я. Якубовский, нашедший в этом произведении «ясный замысел, превосходное ориентирование в событиях, способность толково и прагматично рассказать о довольно сложных обстоятельствах, не тратя при этом время на излишние отступления»[771]. Но нельзя не признать, что и «Witoldes sache», и первая часть «Летописца» по-своему уникальны для Восточно-Европейского региона той эпохи. Порожденные амбициями и политическими потребностями Витовта, будучи практическим инструментом его политики, эти произведения являются, по сути, первыми известными нам текстами, которые созданы представителем Великого княжества Литовского и специально посвящены истории Великого княжества Литовского. Служили они, конечно, не историографическим, а утилитарным политическим и идеологическим целям — подтверждению легальности статуса Витовта как великого князя литовского.

Вторая часть «Летописца великих князей литовских»

Перейдем теперь к наиболее сложному вопросу, касающемуся авторства второй части «Летописца великих князей литовских». Прежде всего,

---

[770] *Prochaska A.* Król Władysław Jagiełło. Kraków : Akademia Umiejętności, 1908. T. 1. S. 225—231.

[771] *Jakubowski J.* Studia nad stosunkami … S. 20.

необходимо перечислить ряд фактов, которые установлены в ходе предыдущего историографического, текстологического и источниковедческого исследования. Автор второй части «Летописца» родился приблизительно в 80-х или, самое позднее, в начале 90-х гг. XIV в. Он имел доступ к материалам канцелярии ВКЛ, хорошо ориентировался в русской книжной культуре, цитировал Священное Писание (Новый Завет и Псалтирь), имел в своем распоряжении целый ряд русских летописей, включая Галицко-Волынскую летопись, какой-то из ранних вариантов гипотетического новгородско-софийского свода и московскую летопись, близкую к Троицкой. Знакомство автора со смоленской устной традицией (например, с преданием о спасении и исцелении князя Юрия Святославича) позволяет предполагать, что он был каким-то образом связан со Смоленском.

В этой связи центральный вопрос можно сформулировать следующим образом: имел ли автор действительно какое-то отношение к составлению первого летописного свода ВКЛ и лично к митрополиту Герасиму?

На этот вопрос можно ответить утвердительно. Как уже неоднократно говорилось выше, есть достаточно веские основания предполагать, что автор второй части «Летописца», помимо прочего, участвовал в составлении и редактировании выборки общерусских известий первого летописного свода ВКЛ («Избрание лѣтописания изложено вькратце»). Этот факт сам по себе свидетельствует о многом: создание второй части «Летописца» было органически и неразрывно связано с созданием всего первого летописного свода ВКЛ. Но так же важно, что к работе над второй частью «Летописца» автор приступил, когда выборка общерусских известий была уже полностью или частично готова и отредактирована. Если учесть, что выборка общерусских известий по Супрасльскому, Никифоровскому и, видимо, Академическому спискам завершается на статье 6935 г., после которой следует описание рек и уже не имеющая отношения к выборке статья 6939 г. о Луцком съезде[772], то, следовательно, вторая часть «Летописца» начала составляться не ранее 1428 г. А это именно то время, когда в Смоленске отмечался повышенный интерес к сочинению идеолого-политических произведений и по поручению Герасима (тогда еще епископа смоленского) была написана первая редакция «Похвалы Витовта».

Кроме того, вторая часть «Летописца» имеет некоторые стилистические параллели с хроникой о междоусобной войне 30-х гг. XV в., на что в свое время указывал Ф. П. Сушицкий. По крайней мере некоторые фрагменты в этих произведениях написаны с использованием схожих шаблонных фраз, например, «Бог поможе великому князю»[773]. А коль

---

[772] ПСРЛ. Т. 35. С. 33—34, 56, 106.

[773] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи ... С. 154—155.

скоро после недавнего исследования Ю. Н. Микульского можно вполне уверенно судить, что хроника о войне 30-х гг. XV в., как и летописная редакция «Похвалы Витовта», созданы в Смоленске кем-то из сотрудников или сторонников митрополита Герасима[774], то это еще один довод в пользу того, что из той же среды происходит и вторая часть «Летописца».

Существует и еще один аргумент. Эпизод об отравлении князя Скиргайла Ольгердовича, помещенный во второй части «Летописца», имеет очевидные фактологические параллели с аналогичным фрагментом из хроники Длугоша (подробнее мы поговорим об этом в комментарии к соответствующему известию «Летописца»). Обе трактовки обстоятельств смерти Скиргайла — польская и западнорусская — возникли, по-видимому, независимо друг от друга, но общее в их генезисе — это исторический контекст 30-х гг. XV в., связанный, во-первых, с гражданским противостоянием в Великом княжестве Литовском (противостоянием, которое часто проходило в оболочке конфликта между православными и католиками), а во-вторых, с подготовкой Флорентийской унии 1439 г. В папской курии проблематика, касающаяся этой давней трагедии, приобрела повышенную актуальность около 1434 г. Папа Евгений IV предпринял тогда попытку склонить князя Свидригайла Ольгердовича (в католичестве Болеслава) и митрополита Герасима к заключению унии между католической и православной церквями. Известны его письма от 19 ноября 1434 г., согласно которым Герасим будто бы предполагал отправиться для обсуждения унии в апостольскую столицу[775]. Поэтому и в папской курии должны были интересоваться судьбой старшего брата Свидригайла — православного князя Скиргайла (Ивана) Ольгердовича, который в свое время, как можно судить из хроники Длугоша, собирался отправиться в Рим и при определенных обстоятельствах мог бы стать первым князем-католиком в Киеве, сердце православной Руси. Между тем краковский епископ Збигнев Олесницкий с 1433 г. был польским легатом на Базельском соборе и имел тесные контакты с папой Евгением IV. Вот почему эпизод про смерть Скиргайла и про его намерение ехать в Рим попал на страницы хроники Яна Длугоша, который черпал информацию из архива своего патрона Збигнева Олесницкого. Что же касается предания о смерти Скиргайла, отразившегося во второй части «Летописца», то его кристаллизация также могла быть связана с внутрицерковными событиями 30-х гг. XV в. В 1432—1433 гг. смоленский епископ Герасим находился в Константинополе, где получил сан митрополита Киев-

---

[774] *Mikulski J.* Smoleński ośródek latopisarski. S. 18—20.

[775] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М. : Унив. тип., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 418.

ского (и, возможно, всея Руси)[776]. Известия об отравлении Скиргайла якобы по вине наместника митрополита Киприана (имевшего главную резиденцию в Москве) были бы на руку Герасиму, так как он мог использовать их в борьбе против своего конкурента Ионы, нареченного в митрополиты в Москве.

Иными словами, весьма многое свидетельствует о том, что искать вероятного автора второй части «Летописца» следует среди сотрудников или сторонников митрополита Герасима или, говоря шире, среди людей, близких к смоленской епископской кафедре. Это, конечно, не единственное направление поисков — но то, которое напрашивается в первую очередь. Как предполагал Ф. П. Сушицкий, это мог быть писарь Тимофей, который в 1420 г., находясь в Константинополе, переписал для Герасима сборник слов Исаака Сирина. Во введении к настоящему исследованию уже отмечалось, что эта гипотеза основывается на ошибочных допущениях и не может быть принята: нет никаких сколь-нибудь убедительных свидетельств того, что Тимофей был писарем Герасима и вообще жил в Смоленске. Зато достоверно известно, что в поездке в Константинополь (1432—1433 гг.) Герасима сопровождал его писарь Яков Григорьевич, который сделал граффито на колонне константинопольского Софийского собора: «[Господи пом]ози рабу своему Іакову Григорьєвичу писарю Гєрасима митраполита києвьскаго †»[777]. Эта надпись оставлена в южной части галерей Софийского собора, где, по мнению А. П. Толочко, проходили патриаршие соборы и куда не могли попасть посторонние лица[778].

В изучении авторства второй части «Летописца великих князей литовских» есть одна не вполне решенная проблема. Факты определенно указывают на то, что автор имел доступ к некоторым материалам великокняжеской канцелярии. Можно уверенно говорить о том, что он знал, например, о существовании мирного договора между ВКЛ и Смоленским княжеством, а также грамоты, которую Ягайло отправил Витовту в 1392 г. с просьбой отомстить за убийство витебского наместника Федора Весны. Рассуждая шире, то же самое можно сказать и вообще о составителе первого летописного свода ВКЛ, который каким-то образом получил в свое распоряжение архетип первой части «Летописца» и «Повесть о Подолье» — тоже материалы вполне официального и даже конфиденциального характера,

---

[776] Там же. С. 415—416; *Тарасов А. Е.* Герасим // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 152—154.

[777] *Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D.* A church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, Constantinople // Harvard Ukrainian studies. 1981. Vol. 5. No 1. P. 7; *Алексеев А. А.* Русские граффити цареградской Софии // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 321.

[778] *Толочко А. П.* Два кириллических граффити Константинопольской Софии // Ruthenica. Київ, 2008. Т. 7. С. 213.

вряд ли имевшие широкое распространение в книжности ВКЛ первой половины XV в. Каким же образом это оказалось возможно, если целый ряд других фактов свидетельствует о том, что автора второй части «Летописца» и составителя первого летописного свода ВКЛ следует искать в Смоленске, среди сподвижников и продолжателей дела митрополита Герасима? Самый простой — и, видимо, ошибочный — ответ на этот вопрос следующий. После того как в конце 1432 г. в Великом княжестве Литовском разгорелась междоусобная война в результате переворота, возглавленного князем Сигизмундом Кейстутовичем, свергнутого великого князя литовского Свидригайла Ольгердовича поддержал ряд западнорусских регионов ВКЛ, в том числе Полоцк, Витебск и Смоленск. Возможно, при бегстве в один из этих городов люди Свидригайла захватили с собой вместе с великокняжской казной также и какие-то материалы государственного архива. Эти-то материалы и были использованы кем-то из смоленских книжников для создания второй части «Летописца великих князей литовских». Однако против такого предположения имеются серьезные контраргументы. Начнем с того, что в источниках нет ни малейших указаний на то, что государственный архив ВКЛ в 30-х гг. XV в. вывозился куда-либо из Трок или Вильно. А самое главное — покушение на Свидригайло произошло в Ошмянах в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. Там он находился проездом, направляясь в Берестье на встречу с польским королем. Спасая свою жизнь, Свидригайло бежал в Полоцк в сопровождении горстки всадников. Бегство было столь поспешным, что он оставил в руках заговорщиков свою беременную жену, придворных священников и нескольких писарей[779]. Вряд ли он тогда вез с собой государственный архив ВКЛ, а даже если и вез, то вряд ли в общей суматохе имел время и силы позаботиться о его вывозе в Полоцк. Вот почему само предположение о вывозе архива в Полоцк, Витебск или Смоленск кажется несостоятельным.

Остается, следовательно, предполагать, что автор второй части «Летописца великих князей литовских» и вообще составитель первого летописного свода ВКЛ имел доступ к материалам государственного архива ВКЛ постольку, поскольку сам был сотрудником великокняжеской канцелярии. Получается довольно сложная комбинация фактов, которые необходимо согласовать между собой: с одной стороны, предполагаемый автор имел прямое отношение к Смоленску и митрополиту Герасиму, а с другой стороны, он же каким-то образом был связан с великокняжеской канцелярией в Вильно. Правдоподобной кажется и догадка, впервые высказанная М. С. Грушевским, — о том, что автор второй части «Летописца», судя по эпизоду об отравлении князя Скиргайла в Киеве, был киев-

[779] *Полехов С. В.*: 1) Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 37—38; 2) Наследники Витовта... С. 259—260.

лянином, писавшим в Смоленске, или во всяком случае имел какую-то связь с Южной Русью. Возможно ли все это и каким образом?

Писарь Якуб и его карьера в канцелярии ВКЛ

В первые годы после того, как великий князь литовский Казимир принял польскую корону (1447), в великокняжеской канцелярии появился писарь Якуб, который в дальнейшем занял высокое положение и стал играть важную роль в религиозно-политической жизни ВКЛ. В канцелярии он занимался документацией на западнорусском языке.

В книге данин Казимира (3-й книге записей Литовской Метрики), судя по ее московской и краковской копиям, по моим подсчетам, находятся упоминания о 48 документах, в подготовке которых участвовал писарь Якуб. Из них четыре вообще не содержат дат: один можно датировать только широким периодом с 1447 по 1476 г.[780], другой относится к концу 40-х или началу 50-х гг. XV в.[781], третий можно отнести к периоду с 1449 по 1453 г.[782] и четвертый — к периоду с 1449 по 1458 г.[783] Абсолютное большинство остальных регестов (41) датируется периодом с 1449 по 1455 г., при этом наиболее крупный и хронологически компактный массив относится к 1449—1452 гг., а три регеста по индикту могут быть отнесены и к 50-м, и к 60-м гг. XV в. — 1452 или 1467[784], 1453 или 1468[785] и 1454 или 1469 гг.[786] Наконец, еще три регеста надежно датируются 1462, 1464 и 1466/1467 гг.[787] Таким образом, деятельность Якуба в качестве писаря государственной канцелярии ВКЛ продолжалась по меньшей мере с 1449 по 1467 или 1469 г.[788]

---

[780] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440—1498): Užrašymų knyga 3 / parengė L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius : Žara, 1998. P. 29; BCzart. Rkps 2329. S. 31.

[781] LM. Knyga Nr. 3. P. 31; BCzart. Rkps 2329. S. 36.

[782] LM. Knyga Nr. 3. P. 32; BCzart. Rkps 2329. S. 38.

[783] LM. Knyga Nr. 3. P. 32; BCzart. Rkps 2329. S. 38.

[784] LM. Knyga Nr. 3. P. 27; BCzart. Rkps 2329. S. 25.

[785] LM. Knyga Nr. 3. P. 24; BCzart. Rkps 2329. S. 16.

[786] LM. Knyga Nr. 3. P. 20; BCzart. Rkps 2329. S. 5. Г. Люлевич и А. Рахуба, впрочем, уверенно датировали этот регест с упоминанием виленского конюшего Мартина 1454 г. (Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVIII wieku. Spisy / oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik : Urzędnicy centralni i dygnitarze, 1994. S. 54).

[787] LM. Knyga Nr. 3. P. 24, 26, 42; BCzart. Rkps 2329. S. 14—15, 20—21.

[788] В данном случае мы несколько отходим от принятых в литературе датировок. Ряд исследователей отнесли крайнюю дату к 1466 г. (*Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795. Kraków : Drukarnia Wł. L. Anczyca i Spółki, 1885. S. 254; Urzędnicy centralni i dygnitarze … S. 121; *Груша А. І.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск : Беларуская навука, 2006. С. 143). Однако в интересующем нас

В большинстве этих регестов упоминания о Якубе ограничиваются короткими замечаниями «писал Якуб» или просто «Якуб». Но даже на таком скудном материале можно сделать некоторые выводы относительно его деятельности и биографии. Сфера ответственности Якуба не ограничивалась каким-либо одним регионом: он готовил документы по пожалованиям в Витебской, Полоцкой, Смоленской и Волынской землях, Любутской, Красносельской, Молодеченской, Марковской, Трубчевской, Лукомской, Менской, Велёнской, Кревской, Биржанской, Клецкой, Олитской, Неменчинской волостях. При этом распоряжения о подготовке документов ему отдавали непосредственно король Польши, великий князь литовский Казимир, канцлер ВКЛ Михаил Кезгайлович (чаще всего), виленский воевода Ян Гаштольд и другие паны рады, смоленский наместник Семен Гедигольдович, маршалки Сачко, Петр Монтигердович и Станько Судивоевич. Иными словами, с самого начала своей карьеры в великокняжеской канцелярии писарь Якуб вращался среди наиболее влиятельных сановников государства и на протяжении нескольких лет сопровождал их в поездках — особенно короля Казимира и канцлера Михаила Кезгайловича.

К работе в великокняжеской канцелярии писарь Якуб приступил в Вильно не позднее апреля 1449 г., когда по распоряжению Казимира подготовил два пожалования для Михаила Корсаковича[789]. Затем, в июне — июле 1449 г., видимо, находясь в свите Казимира, он участвовал в походе против князя Михаила Жигимонтовича, захватившего Киев, Стародуб, Новгород-Северский, Брянск и другие приграничные города на востоке ВКЛ[790]. Так, 4 июля 1449 г. мы видим писаря Якуба в Брянске[791]. Уже 28 июля того же года писарь Якуб был в Новогородке, где находи-

---

регесте дата звучит как «в лето 6974 у Вильни, февраля 20». Это 20 февраля 1466 г. (если 6974 г. сентябрьский) или 1467 г. (если мартовский). В свою очередь, М. В. Довнар-Запольский и А. Н. Ясинский датировали последний документ Якуба из книги данин Казимира 1484 г. на основании 3-го индикта (Документы Московского архива Министерства юстиции. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. Т. 1. С. XII; *Ясінскі А. Н.* Спроба крытычнага вывучэньня Кнігі данін вялікага князя Казіміра // Arche. 2009. № 7 (82). С. 1064), но он скорее может быть датирован 1454 или 1469 гг. Ср. доводы: *Бережков Н. Г.* Литовская Метрика как исторический источник. Ч. 1 : О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. С. 166.

[789] LM. Knyga Nr. 3. P. 25; BCzart. Rkps 2329. S. 19.

[790] См.: *Długosz J.* Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Ks. 12 : 1445—1461. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. S. 87—88; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1 : 1377—1499. Warszawa : Kasa im. Mianowskiego, 1930. S. 260.

[791] LM. Knyga Nr. 3. P. 39; BCzart. Rkps 2329. S. 59—60.

лись и король с панами рады, «пришод со Брянска»[792]. В конце октября — ноябре 1449 г. писарь Якуб был в Вильно, где проходил вальный сейм. Здесь 2 ноября он участвовал в подготовке пожалований для луцкого старосты Немиры Рязановича и Федора, канцлера князя Свидригайла[793], которых литовские паны рады стремились щедрыми милостями и посулами склонить к передаче Волынской земли Великому княжеству Литовскому. К этому же времени относится первое документальное известие о служебных контактах между писарем Якубом и смоленским наместником Семеном Гедигольдовичем[794].

Во второй половине 1450 г. писарь Якуб вновь сопровождал короля Казимира и канцлера Михаила Кезгайловича в поездках по Литве. 19 июля он в Новогородке, где, в частности, готовил документы-пожалования вдове Станька Саковича Василисе на Уллу и боярам Корсаковичам на Узду[795]. 24 июля писарь Якуб вместе с королем в Острине. Вновь мы видим, что он принимал самое активное участие в переговорах панов рады с влиятельными волынскими нобилями относительно судьбы Волынской земли после ожидавшейся вскорости смерти князя Свидригайла. Так, писарь Якуб подготовил королевское подтверждение одному из волынцев — Олизару Шиловичу на его вотчину[796]. В августе писарь Якуб в Троках и Олькениках[797], 5 октября в Вильно, а затем вместе с канцлером Михаилом Кезгайловичем предпринял месячную поездку в Дубинки и далее в Ковно[798].

23—24 января 1451 г. писарь Якуб участвовал в еще одном вальном сейме в Вильно, на котором паны рады обсуждали, каким образом отделить Волынь и Подолье от Королевства Польского, передав их в состав ВКЛ[799]. Он, в частности, подготовил текст пожалования для Ивана Козарина[800] — брата луцкого старосты Немиры Рязановича[801]. В начале марта того же года писарь Якуб в составе комиссии, включавшей в себя полоцкого наместника Андрея Саковича, земского маршалка Петра Монтигердовича и господарского маршалка Яна Немировича, ездил

---

[792] LM. Knyga Nr. 3. P. 43; BCzart. Rkps 2329. S. 68—69.

[793] LM. Knyga Nr. 3. P. 59—60; BCzart. Rkps 2329. S. 109—110. — О Немире Рязановиче см.: *Ożóg K.* Riazanowicz Niemira (zm. po 1453) // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1988—1989. T. 31. S. 269—270; *Полехов С. В.* Наследники Витовта ... С. 614—615.

[794] LM. Knyga Nr. 3. P. 37—38; BCzart. Rkps 2329. S. 55.

[795] LM. Knyga Nr. 3. P. 28, 29, 57; BCzart. Rkps 2329. S. 26, 29—30, 104.

[796] LM. Knyga Nr. 3. P. 59—60; BCzart. Rkps 2329. S. 108, 110.

[797] LM. Knyga Nr. 3. P. 20, 48, 53; BCzart. Rkps 2329. S. 5, 82, 94.

[798] LM. Knyga Nr. 3. P. 23—24, 48, 55; BCzart. Rkps 2329. S. 14, 81—82, 97.

[799] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 12. S. 112.

[800] LM. Knyga Nr. 3. P. 58; BCzart. Rkps 2329. S. 105.

[801] *Ożóg K.* Riazanowicz Niemira ... S. 269.

в Смоленск[802] — вероятно, принимать дела смоленского наместничества у тяжело заболевшего и вскоре умершего Семена Гедигольдовича.

В январе 1452 г. на очередном Виленском вальном сейме, где рассматривался волынский и подольский вопрос[803], писарь Якуб по распоряжению короля Казимира и панов рады подготовил целый ряд документов-пожалований для волынских нобилей — Михаила Курцевича, Юшка Девгяловича, Андрея Волотовича, Ивашка Иевлича, Пашка Дахновича и Сомашка Епифановича[804], что было необходимо, очевидно, для того, чтобы заручиться их согласием на передачу Волынской земли в состав ВКЛ. После сейма он отбыл в свите короля в Олькеники (15 января) и в Троки (22—24 февраля)[805], но вскоре, видимо, после известия о смерти Свидригайла, срочно вернулся в Вильно, где 2 марта подготовил для луцкого старосты Немиры Рязановича новый документ, переписав на одном листе пергамена два предыдущих привилея, выданных в ноябре 1449 г.[806]

Связь писаря Якуба со Смоленском

После 1452 г. количество регестов в 3-й книге записей Литовской Метрики с упоминанием писаря Якуба резко сокращается, а хронологические интервалы между ними значительно увеличиваются. Это можно объяснить двояко: либо более поздние документальные записи просто плохо сохранились до наших дней, либо писарь Якуб после 1452 г. занял в канцелярии ВКЛ более высокое, чем раньше, положение и уже крайне редко сам занимался подготовкой и переписыванием документов, лишь контролируя работу других писарей.

На повышение статуса писаря Якуба в 50-х гг. XV в. косвенно указывает тот факт, что он получил тогда от короля Казимира значительные земельные пожалования в Смоленской земле, принадлежавшие ранее смоленскому боярину Юшке Кусакину. Регест этого документа звучит следующим образом (в скобках приведены варианты по краковской копии 3-й книги записей Литовской Метрики): «Якубу, писару, корол дал у Смоленску село Кусакчинъское на Вязовне (Вязовнах) и Волчюковичи (Волчукович), и иные селца, и з челядью, и бортные землици, со всим все, и двор городъскии, што Кусака, сын Кусакинъ, Юшко держал»[807].

---

[802] LM. Knyga Nr. 3. P. 38; BCzart. Rkps 2329. S. 55.
[803] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 12. S. 137.
[804] LM. Knyga Nr. 3. P. 57, 58; BCzart. Rkps 2329. S. 104—106.
[805] LM. Knyga Nr. 3. P. 31, 40, 41; BCzart. Rkps 2329. S. 36, 61, 64.
[806] LM. Knyga Nr. 3. P. 60; BCzart. Rkps 2329. S. 110.
[807] LM. Knyga Nr. 3. P. 44; BCzart. Rkps 2329. S. 71.

Контекст этого пожалования не вполне ясен. Прежде всего, нет никаких других сведений о прежнем владельце этого имения — смоленском боярине Юшке Кусакине. Село Волчуковичи, возможно, следует отождествить с деревней Волковичи к юго-востоку от Рославля[808], хотя полной уверенности в этом нет. Более или менее надежно локализуется только «село Кусакчинъское на Вязовне». Его, очевидно, следует искать в лесистой и болотистой местности вблизи небольшой реки Вязовенки — левого притока р. Жиздры, где по источникам XIX в. фиксируется д. Вязовна (теперь это в юго-западной части Калужской области)[809]. В XV в. это был юго-восточный угол Смоленской земли, севернее располагались Серпейск, Мещовск, Козельск и Масальск, восточнее — Белев, южнее Брянск и Карачев, западнее на некотором отдалении смоленский Рославль.

Примечательно также, что в соответствии с королевским пожалованием писарь Якуб получил и городской двор в Смоленске, т. е. возможность постоянно жить в этом городе.

Поездки писаря Якуба с посольскими миссиями в Москву

В конце 50-х гг. XV в. ранг писаря Якуба как государственного деятеля повысился настолько, что ему доверили возглавить посольство в Московское государство по одному из важнейших внутри- и внешнеполитических вопросов, касавшемуся признания нового киевского митрополита Григория.

Как известно, ставший митрополитом Киевским и всея Руси после смерти Герасима грек Исидор вопреки воле московского великого князя Василия Васильевича перешел под верховенство римского папы и сыграл важную роль в заключении Флорентийской унии 1439 г., поэтому в 1441 г. он был изгнан из Москвы и бежал в Великое княжество Литовское, а оттуда в Рим[810]. В декабре 1448 г. в Москве русскими епископами был самостоятельно, без дозволения константинопольского патриарха — приверженца унии, поставлен новый митрополит — Иона[811]. В январе 1451 г. король Казимир и паны рады ВКЛ признали права Ионы на Киевскую митрополию — таким образом, московская и литовская части пра-

---

[808] Военно-топографическая карта Российской империи. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. 1850 г. Ряд XV, лист 11.

[809] Список населенных мест Калужской губернии. Калуга : Калужский губ. стат. комитет, 1897. С. 36; Военно-топографическая карта Российской империи. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. 1850 г. Ряд XV, лист 13.

[810] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2, ч. 1. С. 421, 441—443, 451—458.

[811] Там же. С. 484.

вославной Руси оказались вновь объединены под одним началом[812]. Однако спустя несколько лет власти ВКЛ стали тяготиться тем, что митрополит Иона недвусмысленно поддерживал политику Москвы. Видимо, с одобрения короля Казимира 15 октября 1457 г. константинопольский патриарх Григорий Маммас нарек киевским митрополитом Григория, игумена монастыря Святого Дмитрия, в прошлом одного из сотрудников митрополита Исидора. Эта кандидатура нашла поддержку в Риме, а Исидор, в свою очередь, сложил с себя митрополичий сан[813]. Первоначально предполагалось, что Григорий будет управлять всей митрополией Киевской и всея Руси, но в конце концов 3 сентября 1458 г. римский папа Пий II вынес определение о разделе митрополии на две части — московскую, управлявшуюся митрополитом Ионой, и киевскую, охватывавшую православные земли Руси в границах Великого княжества Литовского[814].

Около 1460 г. писарь Якуб вместе с боярином Ивашенцом направился в Москву, чтобы представить нового киевского митрополита Григория и добиться его признания. О ходе этого посольства известно немного, кроме, конечно, того, что оно закончилось полной неудачей. Сохранилось несколько посланий митрополита Ионы, отражающих реакцию московской стороны на предложение, озвученное писарем Якубом, из которых самое позднее, направленное смоленскому епископу Мисаилу, датируется периодом с сентября 1460 по 31 марта 1461 г.: «И ныне от короля к великому князю о том отступнике Григорье Якуб писарь да Ивашенець приездили посольством, чтобы его князь велики принял и держал собе отцем митрополитом. И господин и сын мой князь великий Василей Васильевич и сын его князь великий Иван Васильевич не хотят его ни токмо видети, но и слышети, по божественным священным правилом, также сынове и сослужебники наше, вси архиепископы и епископи, и все великое священство, и все наше православье не хочет его ни слышети: занеже, сыну, как и стало наше православье, а от Риму и от латын митрополит к нам не прихаживал»[815].

Через несколько лет после смерти митрополита Ионы, весной 1468 г., писарь Якуб вновь приезжал в Москву, сопровождаемый все тем же боя-

---

[812] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М. : Ин-т истории СССР, 1986. Ч. 1. С. 139—140; Акты исторические. Т. 1. С. 489.

[813] Русский феодальный архив … Ч. 1. С. 71; *Kolankowski L.* Dzieje … S. 305—306; *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny, 1370—1632. Warszawa : Drukarnia Kasy im. Mianowskiego, 1934. S. 60.

[814] *Chodynicki K.* Kościół prawosławny … S. 60.

[815] Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1 : Памятники древнерусского канонического права (XI—XV вв.). 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Стб. 655, 662, 668; Русский феодальный архив … Ч. 1. С. 126.

рином Ивашенцом[816]. Это было единственное известное нам посольство ВКЛ в Москву в первое десятилетие правления великого князя Ивана III Васильевича. В момент прибытия посольства московский государь находился с войском во Владимире, где готовился к походу на Казань. Поэтому он приказал послам ВКЛ «наехати себя» в Переяславле, видимо, для того, чтобы скрыть от них приготовления к походу. К сожалению, никакой информации о целях и результатах этого посольства в источниках не сохранилось[817].

Контакты писаря Якуба с Василием Дмитриевичем Ермолиным

Во время своих посольских поездок в Москву писарь Якуб имел тесные контакты с московским купцом, строительным подрядчиком и архитектором Василием Дмитриевичем Ермолиным. Личность эта весьма примечательная. Ермолин происходил из купеческого рода, родоначальник которого Васко, возможно, пришел в Москву из русских земель ВКЛ. Дед и отец Ермолина в старости были иноками Троице-Сергиева монастыря. Сам же он появляется в источниках в начале 60-х гг. XV в. В 1462 г. построил при Фроловских воротах Кремля церковь Святого Афанасия с приделом Пантелеймона, а также городскую стену от Свибловы стрельницы до Боровицких ворот. В 1464—1466 гг. изготовил для Фроловской башни барельефы святых Георгия Победоносца и Димитрия Солунского. В 1467—1468 гг. отстроил каменную церковь Вознесения в кремлевском Вознесенском монастыре. В 1469 г. построил Трапезную церковь в Троице-Сергиевом монастыре и отреставрировал две каменные церкви во Владимире-на-Клязьме и т. д.[818] Вошел Ермолин и в историю русского летописания: по его заказу была переписана летопись, получившая в научной литературе наименование Ермолинской. В ее основу,

---

[816] «Лето 6976... Тоя же весны в великое говенье пришел на Москву посол от короля Казимера Якуб писарь да Ивашенець» (ПСРЛ. Т. 25. С. 280; ПСРЛ. Т. 12 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1425—1506). СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 119; *Русина О. В.* Мисаїлове послання Сиксту IV за Синодальним списком // Український археографічний щорічник. Нова серія. Київ ; Нью-Йорк, 2002. Вип. 7 (10). С. 290). — Год 6976 здесь сентябрьский.

[817] *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. С. 63.

[818] *Седельников А. Д.* «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века // Известия АН СССР. VII серия. Отд-ние гуманит. наук. Л., 1930. № 4. С. 228; СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1 : А—К. Л. : Наука, 1988. С. 225—226 (автор статьи Я. С. Лурье); *Перхавко В. Б.* Зодчий и книжник Василий Ермолин. М. : Менеджер, 1997. С. 30—46, 78.

по мнению А. Н. Насонова, лег общерусский свод, составленный между 1464 и 1472 гг. при московских митрополитах Феодосии и Филиппе, а также материалы ростовского владычного свода, завершенного при ростовском архиепископе Вассиане Рыло[819].

В формулярном сборнике московских митрополитов начала XVI в. сохранился текст письма, которое Ермолин направил писарю Якубу, вероятно, в 60-х гг. XV в.[820] Письмо выдержано в очень уважительном тоне, и из него можно достоверно узнать о том, что писарь Якуб был православного вероисповедания, поскольку Ермолин обращается к нему следующим образом: «Иже в велицей чести Богом соблюдаемому и во благоплодьи добродетелей пребывающему и в чистоте благых и богоугодныих (добро)детелех *истинныа православныа веры добре живущему* в землях и местех, идеже ти Бог повеле, пречестному и прежнему сисарю ближнейшему великого дръжавнаго короля и великого князя литовскаго, намилейшему приятелю и всегда поминаемому и николи забываемому господину пану *Якову*». Как можно понять из дальнейшего текста, Ермолин получил от писаря Якуба письмо, в котором тот просил прислать ему Стишной пролог под одним переплетом («Прилог со всемы полон на весь год в(о) единех досках»)[821], Октоих нового состава, принятого после замены Студийского богослужебного устава Иерусалимским («Осмог(л)асник по-новому»)[822], творения двух неназванных отцов церкви под одним переплетом («два Творца в одных досках»)[823] и жития двенадцати апостолов тоже под общим переплетом

---

[819] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М. : Наука, 1969. С. 273, 351.

[820] Это послание неоднократно публиковалось. См.: *Седельников А. Д.* «Послание от друга к другу» … С. 223—225; Русский феодальный архив … Ч. 1. С. 196—197, № 56.

[821] Конъектура «Прилог со стисеми» (т. е. Стишной пролог) предложена А. А. Туриловым (*Турилов А. А.*: 1) Slavia Cyrillomethodiana : Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М. : Знак, 2010. С. 377; 2) Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. М. : Знак, 2012. С. 679).

[822] *Седельников А. Д.* «Послание от друга к другу» … С. 237. По другой версии, речь может идти о другой разновидности Октоиха — так называемом Шестодневе служебном (*Кистерев С. Н.* Два эпизода русско-польских книжных связей во второй половине XV в.: писарь Якуб, Василий Ермолин и Швайпольт Фиоль // «Вертоград многоцветный» : сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М. : Индрик, 2018. С. 336).

[823] *Седельников А. Д.* «Послание от друга к другу» … С. 236; *Перхавко В. Б.* Зодчий и книжник Василий Ермолин. С. 65—66. По другой версии, речь идет о двух Триодях (*Немировский Е. Л.* История славянского кирилловского книгопе-

(«житья святых Христовых апостол двоюнадесять, написаны в(о) единыих досках»).

В ответ Ермолин сообщал «господину пану Якову», что книг нужного состава под одним переплетом в Москве не купить, все нужно заказывать особо, а для этого необходимо прислать бумагу и деньги: «А купить еси много того, да не так зделано, какия тобе хочет. Много того, да все еси, пане, по опришным доскам, что обычай держит. Кто будет такого написал, ин собе то и держит, а на денги того не продаст. А коли уж пришла твоя воля по твоей к нам ласце, и тобе, пане, и нам прислать своя папер, да того дела подождать. А яз многим доброписцем велю таковы книги сделать по твоему приказу с добрых списков, по твоему обычаю, как любит воля твоя».

Вполне очевидно, что, обращаясь к Ермолину с просьбой о присылке книг, писарь Якуб действовал в интересах церковных кругов ВКЛ, поскольку, например, Октоих нового состава нужен был прежде всего в богослужебных целях и вряд ли входил в круг чтения частного лица. Интересно, что из письма Ермолина можно заключить, что это была не первая просьба такого рода. Ермолин уже хорошо знал вкусы, требования и предпочтения своего заказчика, коль скоро писал ему: «А наряжу ти, пане, все по твоей мысли и по твоей охоте, *как любишь*». Одним из требований писаря Якуба было то, чтобы книги переписывались «*с добрых списков*», что обнаруживает в нем искушенного и взыскательного знатока книжности.

Связи писаря Якуба с церковными кругами и смоленским епископом (впоследствии митрополитом Киевским и всея Руси) Мисаилом

Кто же были эти церковные иерархи, для которых писарь Якуб хлопотал о покупке и переписке книг в Москве? С большой долей вероятности одним из них был смоленский епископ Мисаил. Наиболее ранние данные об их знакомстве восходят к марту 1451 г., когда писарь Якуб в составе комиссии приезжал в Смоленск к тяжелобольному Семену Гедигольдовичу. Там же в это время находился и епископ Мисаил, выступивший 27 марта 1451 г. свидетелем в одном из предсмертных документов Семена Гедигольдовича[824]. Далее писарь Якуб мог регулярно встречаться с Мисаилом, когда бывал в своих смоленских имениях. Но самым важным свидетельством является тот факт, что в марте 1476 г., уже зани-

---

чатания XV — начала XVII века. М. : Наука, 2003. Кн. 1. С. 97; *Кистерев С. Н.* Два эпизода … С. 336).

[824] *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. … С. 20.

мая должности наивысшего писаря ВКЛ (фактически заместителя канцлера)[825] и виленского ключника, Якуб подписал и, вероятно, частично или полностью составил известное послание тогда уже митрополита Киевского и всея Руси Мисаила к римскому папе Сикусту IV о церковной унии[826]. В этом послании он упоминается как «благоразумъный во законе Божием пан Якуб, навышший писар Великого князъства Литовъского и ключар виленъский послужывый в послании сем»[827], из чего можно сделать вывод, что Якуб был одним из непосредственных авторов текста; А. И. Груша даже предположил, что Якуб ездил с этим посланием в Рим, но точных данных об этом нет[828].

Как же понимать характеристику «благоразумъный во законе Божием»? Вероятно, это указание на большие познания писаря Якуба в церковной истории и богословии. Все это, вкупе с интересом писаря Якуба к православной книжности, является одним из аргументов в пользу того, что он до своего поступления в великокняжескую канцелярию служил писарем (секретарем) у митрополита Герасима.

Безусловно, между второй частью «Летописца великих князей литовских» и посланием папе Сикусту IV существуют огромные стилистические и языковые различия. Это обусловлено разной жанровой принадлежностью этих произведений, а также тем, что они создавались в разных условиях и с разной целью. Источником для второй части «Летописца» послужил целый ряд разнородных компонентов (документы и письма, русские летописи, некий официальный источник о событиях 1392—1396 гг., созданный в канцелярии ВКЛ, устная традиция). Редактирование не устранило стилистическую и языковую разницу между ними, поэтому рядом с фрагментами на церковнославянском языке встречаются фрагменты на западнорусском языке, а суховатые и лаконичные сообщения соседствуют с развернутыми высокопарными нравоучениями, как при описании похода смоленцев на Мстиславль. Совсем другое дело — послание Сикусту IV. Оно с начала до конца написано в одном ключе, на одном дыха-

---

[825] *Груша А. І.* Канцылярыя ... С. 54.

[826] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье : сб. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2007. С. 217. — Относительно аутентичности послания см.: *Галенчанка Г. Я.*: 1) Пасланне да папы рымскага Сікста IV 1476 г.: паходжанне помніка // Наш радавод. Кн. 8 : Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур, X—XX ст. : матэрыяли міжн. круглага стала (Гродна, 28—30 верасня 1999 г.). Гродна ; Беласток : [б. и.], 1999 (2000). С. 79—107; 2) Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV — сярэдзіны XVII ст. Мінск : Беларуская навука, 2008. С. 281—320.

[827] Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7 : Памятники литературной полемики православных южноруссцев с латино-униатами. Киев, 1887. С. 200.

[828] *Груша А. І.* Канцылярыя ... С. 166.

нии и носит целостный характер в стилистическом отношении. Это стиль торжественного витийства с длинными громоздкими периодами и многочисленными отсылками к Священному Писанию. Основная масса текста в послании написана на церковнославянском языке, а вкрапления и островки западнорусского языка весьма незначительны — что видно и по копии, опубликованной в 1605 г. Ипатием Потеем, и еще нагляднее по открытому несколько десятилетий назад отрывку из рукописи XVI в., находящейся в Синодальном собрании ГИМ[829].

С другой стороны, в тех редких случаях, когда мы слышим собственный голос автора второй части «Летописца», он мало чем отличается от голоса автора послания Сиксту IV. Автор второй части «Летописца» точно так же предпочитал изъясняться высоким стилем на церковнославянском языке: «Аз же того не *свѣм*, занеж бех тогды млад» (ср. в послании Сиксту IV «всѣ бо *съвѣмы*, яко умрети ны естъ»[830]).

Выше уже говорилось о том, что при подготовке Флорентийской унии папа Евгений IV одно время рассчитывал на помощь великого князя Свидригайла и митрополита Герасима. Из его писем к этим деятелям, направленных из Флоренции 19 ноября 1434 г., явственно следует, что папа получил какие-то заслуживающие доверия сведения о согласии митрополита Герасима на заключение унии. Собственно там же указан и источник этих сведений: посольство Свидригайла в Рим, возглавляемое будущим епископом Жемайтии Петром и доктором права Иоганном Никлосдорфом. В своем письме папа возносил хвалу, что Господь вдохновил Герасима на то, чтобы тот привел вверенную ему русскую область к послушанию и подчинению апостольской столице. Он также упоминал, что Герасим выразил согласие в случае положительного ответа на посольство приехать к папе. В этой связи Евгений IV советовал Свидригайлу и Герасиму как можно скорее созвать собор с участием епископов и всего высшего духовенства Руси, который бы наделил Герасима необходимыми полномочиями для заключения православно-католической унии — с тем чтобы Герасим затем мог приехать в апостольскую столицу для завершения этого дела[831]. Логично в таком случае предположить, что и писарь митрополита Герасима Яков Григорьевич также был приверженцем православно-католической унии и не изменил своим взглядам и в последующие годы, когда под именем писаря Якуба стал видным государственным деятелем ВКЛ, автором или одним из авторов послания к папе Сиксту IV, в котором выражалась полная поддержка Флорентий-

---

[829] См.: *Русина О. В.* Мисаїлове послання ... С. 291—296.

[830] Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7. С. 224.

[831] *Коцебу А. Ф.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб. : тип. Мед. деп. МВД, 1835. Прибавление. С. 31—41 (переводы), 22—28 (отдельная пагинация; оригиналы).

ской унии: «О владыко, милостивъ буди намъ жывущимъ далече на северныхъ странахъ во граде свѣтле Росіиския чреды, подъ уставомъ и ряду восточныя церкви содержащися светыхъ седми вселенскихъ соборовъ, к нимъ же купно и осмыи Флорентіискии ухваляющы»[832].

Рассматривая возможные идейные параллели между второй частью «Летописца великих князей литовских» и посланием Сиксту IV, необходимо обратить внимание на следующий факт. В фрагменте о католическом крещении Литвы, помещенном во второй части «Летописца», Рим называется «старым»: «И почали Ляхове слати с Кракова к великому князю Ягаилоу, абы принял крещение старого Рима». Аналогичным образом в послании православного духовенства и знати ВКЛ папе Сиксту IV Рим назван «великим» и даже «православным» (если только это не описка вместо «преславный»)[833]. За, казалось бы, тривиальными и малозначительными эпитетами скрывается вполне конкретное и глубокое идеологическое содержание. Обозначение Рима как «старого» или «великого» объясняется обстоятельствами древнеримской и византийской истории. После того как Константинополь стал столицей Римской империи (в 330 г.), собственно Рим стал упоминаться в законах империи как «старый Рим» (vetus Roma), тогда как новая столица получила наименование «новый Рим» (nova Roma)[834]. На той части Руси, которая объединялась вокруг Москвы и отвергла Флорентийскую церковную унию 1439 г., падение Константинополя, захваченного османами в 1453 г., стало импульсом для кристаллизации идеологической концепции «третьего Рима» (т. е. Москвы, которая противопоставлялась не только «старому», или «ветхому, великому» Риму, но и «новому Риму» — Константинополю)[835]. В православной же среде Великого княжества Литовского (по крайней мере у некоторых видных представителей этой среды) упадок Византии в XV в. вызвал совсем иную реакцию, стимулировав рост проунийных настроений. Прозрачно намекая в своих текстах на то, что Рим был и остается первой и главной столицей христианства, и автор второй части «Летописца», и автор послания к папе Сиксту IV использовали это как один из аргументов в пользу православно-католической унии — в первом случае завуалированно, во втором открыто.

Во всяком случае представляется очевидным, что писарь Якуб был тесно связан с митрополитом Мисаилом и, более того, судя по посланию 1476 г., — выполнял его литературные поручения. Этот факт приобретает особое значение, если учесть, что первый летописный свод ВКЛ, дове-

---

[832] Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7. С. 211.

[833] Там же. С. 201, 211.

[834] *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia : The American Philosophical Society, 1953. P. 409.

[835] *Синицына Н. В.* Третий Рим ... С. 59.

денный до 1446 г., был подготовлен как единое целое в дошедшем до нас виде, скорее всего, по инициативе именно Мисаила в бытность его смоленским епископом[836].

Родственные и дружеские связи писаря Якуба: связь с киевским боярским родом Романа и Ивашенца Ивашковичей

А. И. Груша предположил, что сыном писаря Якуба являлся латинский писарь канцелярии ВКЛ Адам Якубович из Котры, который впервые появляется в документах под 1492 г. Аргументация основывается на том, что Якуб и Адам Якубович оба были писарями великокняжеской канцелярии. Правда, если писарь Якуб имел владения в Смоленской земле и был православным, то Адам Якубович и его брат Зброшко происходили из какого-то католического рода Городенского повета. Он, видимо, рано осиротел, учился в виленской кафедральной школе, а затем князь Андрей Свирский оплатил его обучение в Краковском университете (1478—1489 гг.). Разумеется, Адам Якубович был католиком и имел сан плебана[837]. То, что он мог быть сыном писаря Якуба, нельзя полностью исключить, но все же это кажется маловероятным, учитывая разницу в их вероисповедании.

Заслуживает внимания другой аспект. Как мы видели, в посольствах в Москву писаря Якуба дважды сопровождал некий Ивашенец. Про него известно, что он был сыном боярина Ивашка и родным братом овручского и путивльского наместника Романа Ивашковича, а в 60—70-х гг. XV в. дважды ездил с посольствами в Крымское ханство для получения ярлыков от ханов Нур-Девлета и Менгли-Гирея[838]. Вместе со своим братом Романом Ивашковичем Ивашенец подписал послание Сикста IV, причем сразу после их имен следует подпись писаря Якуба: «Благородъный панъ Романъ с Киева, староста путивълский. Благородный братъ его, панъ Иоан с Киева, строитель градъский Троецкое власти, и посолъ мирный къ поганом о утвержении мира хрестианских сынов. Благоразумъный во законѣ Божиемъ панъ Якубъ» и т. д.[839]

К какому же роду принадлежали эти два брата — Ивашенец и Роман Ивашковичи? В генеалогическом исследовании Н. Н. Яковенко Роман Ивашкович отнесен к роду Волчкевичей, родоначальником которого яко-

---

[836] *Mikulski J.* Smoleński ośródek latopisarski. S. 47—48.

[837] *Груша А. І.* Канцылярыя … С. 79, 81, 152.

[838] *Русина О. В.* Мисаїлове послання … С. 290. «Пана Ивашков сын пан Ивашенцо» (LM. Knyga Nr. 8 (1499—1514): Užrašymų knyga 8 / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. P. 83).

[839] Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7. С. 199—200.

бы был некий нобиль Василий (Волчко), живший в конце XIV в.[840] Критические замечания по поводу реконструкции рода Романа Ивашковича, содержащейся в первом издании монографии Н. Н. Яковенко, в свое время высказала Е. В. Русина, отметившая, например, что у Романа Ивашковича не осталось сыновей, а была только одна дочь[841]. Однако во втором издании книги Н. Н. Яковенко эти замечания не были учтены. Между тем никаких надежных источников, свидетельствующих о существовании нобиля Василия (Волчка) и о его связи с родом Романа Ивашковича, в работе Н. Н. Яковенко не представлено (ссылка на запись в помяннике Киево-Печерской лавры о роде винницкого старосты Быка Александровича к таким доказательствам не относится). Как уже отмечала Е. В. Русина, Н. Н. Яковенко почему-то ни разу не упоминает о родном брате Романа Ивашковича — Ивашенце. Кроме того, исследовательница некритично пускает в ход даже безусловный фальсификат XVI в. про «господаря земль Киевских» Романа Олизаровича Волчкевича. При этом она основывается на сомнительных и устаревших данных из монографии С. К. Коссаковского, где латиноязычная копия этого документа ошибочно датирована 1458 г.[842], и не учитывает более современную его публикацию, осуществленную В. М. Русановским: судя по упоминанию панны «Tyszkiewiczowny z Lohoyska», документ не мог быть составлен ранее начала XVI в.[843]

При определении происхождения Романа и Ивашенца Ивашковичей, мне кажется, имеет смысл обратить внимание на следующие факты.

1. Оба они имели тесные родственные связи с Глинскими: дочь Романа Ивашковича была замужем за князем Иваном (скорее всего, Львовичем) Глинским[844], в свою очередь сын Ивашенца Ивашковича — Якуб Ивашенцович был женат на дочери князя Ивана Борисовича Глинского[845].
2. Роман Ивашкович владел целым рядом имений в Киевском повете, в частности, в бассейне реки Рось. После его смерти эти имения перешли к его единственной дочери, жене князя Ивана Глинского, а после мятежа Глинских, в 1509 г., они были переданы его

---

[840] *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. : (Волинь і Центральна Україна). Вид. 2. Київ : Критика, 2008. С. 168, 170.

[841] *Русина О. В.* Мисаїлове послання … С. 290—291.

[842] *Kossakowski S. K.* Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich. Warszawa : Drukarnia Gazety Codziennej, 1860. T. 2. S. 283.

[843] Українські грамоти XV ст. / підгот. тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ : Наукова думка, 1965. С. 26—29, № 2.

[844] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. : историко-генеалогическое исследование. М. : Наука, 1986. С. 63.

[845] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy … S. 79.

племянникам — Богдану, Андрею и Дмитрию Ивашенцовичам, сыновьям Ивашенца Ивашковича. Среди этих имений мы видим и село Тоганов[846] (возможно, идентичное селу Таганча, которым во второй половине XV в. владели киевские бояре Ивашко и Петр Григорьевичи[847]; в обеих формах название происходит от татарского слова «таган» — «треножник»). Таким образом, Роман и Ивашенец Ивашковичи могут иметь какое-то отношение к киевскому боярскому роду Григорьевичей, вотчина которых находилась близ Черкасс. При этом в канцелярской аннотации к указанному документу 1509 г., помещенной в 8-й книге записей Литовской Метрики, уже покойный к тому времени Роман Ивашкович фигурирует с княжеским титулом: «Привилей Богдану, Андрею и Дмитру Ивашенцовичом на именя, дядковщину их, *кн(я)зя* Романову, што держал княз(ь) Иван Глинскии, зрадца, по первои жоне своеи, сестре их, в Киевском повете, а меновите Рют Новыи и Старыи, Тоганов, Очков, Новоселца, Костомиров и иншие, на вечность».

3. В послании Сиксту IV, как известно, нобили, подписавшие этот документ, перечисляются в соответствии со своими фамильными кланами и знатностью происхождения. Первыми среди них названы потомки Владимира Ольгердовича — князья Михаил Олелькович и Федор Иванович Бельский, далее следуют князь Дмитрий Константинович Вяземский, Иван и Павел Ходкевичи, полоцкий боярин Евстафий Васильевич. После них упомянуты Роман и Ивашенец Ивашковичи, писарь Якуб, и наконец, последнюю отдельную группу составляют четыре брата, видимо, сыновья земского подскарбия Александра Юрьевича: Михаил, Андрей, Александр Солтан и самый младший Иван. Вряд ли место, отведенное писарю Якубу в этом перечне, было случайным, особенно если учесть, что он много лет знал Ивашенца Ивашковича и неоднократно ездил вместе с ним в Москву. Иными словами, такой порядок упоминания наводит на мысль, что писарь Якуб находился в родстве или какой-то тесной связи с Ивашенцом и Романом Ивашковичами.
4. Наконец, укажем на запись о роде Романа Ивашковича, помещенную в помяннике Киево-Печерской лавры. Большинство имен в ней трудно поддается датировке и идентификации. Однако есть одно исключение: среди представителей рода мы встречаем князя

---

[846] LM. Knyga Nr. 8. P. 320.

[847] *Грушевський М. С.* Кілька київських документів XV—XVI в. // *Грушевський М. С.* Розвідки й материяли до історії України—Руси. Львів : З друкарні Наукового Товариства імені Шевченка, 1897. Т. 2. С. 10, № 2.

Михаила и князя Симеона, которые могут быть отождествлены со слуцким и копыльским князем Михаилом Олельковичем († 1481) и его старшим братом киевским князем Семеном Олельковичем († 1470), хотя они и названы в помяннике не по старшинству. Это позволяет предполагать, что упомянутые рядом с ними люди также умерли приблизительно во второй половине XV в. (а некоторые и в 70—80-х гг. XV в.). Среди них мы встречаем имена Григория, предположительно его сына Ивашка Григорьевича и некоего Якова, в котором угадывается писарь Якуб: «...Родиона, *Иоанна*, *Григория*, Марию, Феодосию, Елиозара, Фетинию, князя Михаила, князя Симеона, *Иакова*, Елиозара, Оулианоу...» (курсив мой)[848].

Таким образом, есть некоторые основания считать, что писарь Якуб имел тесные связи — и политические и, вероятно, родственные — с родом киевских бояр Романа Ивашковича и его брата Ивашенца. Это позволяет косвенно связать писаря Якуба с той областью Южной Руси, которая в конце XIV в. относилась к Восточному Подолью и была завоевана князем Скиргайлом Ольгердовичем, а впоследствии вошла в состав Киевской земли. Данное обстоятельство весьма интересно, учитывая то, что автор второй части «Летописца великих князей литовских» наделил князя Скиргайла очень лестными характеристиками и отметил, что был «млад» в то время, когда этого князя отравили.

* * *

Результаты изысканий по вопросу об авторстве второй части «Летописца великих князей литовских» можно обобщенно представить в виде следующей таблицы.

	Автор второй части «Летописца великих князей литовских», составитель первого летописного свода ВКЛ	**Митрополичий писарь Яков Григорьевич**	**Писарь Якуб**
Годы жизни	Родился в 80-х или в 90-х гг. XIV в., завершил работу над сводом после 1446 г.	В 1432—1433 гг. ездил в Константинополь	Начал работать в канцелярии ВКЛ в 1449 г., умер после 1476 г.

[848] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1891. Кн. 6. Приложения. С. 28.

	Автор второй части «Летописца великих князей литовских», составитель первого летописного свода ВКЛ	Митрополичий писарь Яков Григорьевич	Писарь Якуб
Связь с митрополитом Герасимом	Да	Да	Н/д
Связь с митрополитами — преемниками Герасима, смоленскими церковными иерархами	Да	Н/д	Да
Хорошее знание церковной истории и Священного Писания	Да	Предположительно да	Да
Хорошее знание церковнославянского языка и русской книжной культуры	Да	Предположительно да	Да
Связь со Смоленском	Да	Да	Да
Связь с Киевской землей	Предположительно да	Н/д	Да
Связь с родом Романа и Ивашенца Ивашковичей	Н/д	Н/д	Да
Поддержка церковной унии	Предположительно да	Предположительно да	Да
Участие в создании крупных литературных произведений	Да	Н/д	Да
Доступ к материалам канцелярии ВКЛ	Да	Н/д	Да

Примечание. Н/д — нет данных.

Совокупность имеющихся данных позволяет предполагать, что автором второй части «Летописца великих князей литовских» мог быть писарь Якуб, который с конца 40-х гг. XV в. работал в канцелярии ВКЛ, а до того, в начале 30-х гг. XV в., был секретарем митрополита Герасима.

Возникает, правда, еще один вопрос: если автор второй части «Летописца великих князей литовских» был, по собственному признанию, «млад» на момент смерти князя Скиргайла, то мог ли он дожить до 1476 г., занимая к тому моменту должности наивысшего писаря ВКЛ и виленского ключника? У слова «млад» в словаре древнерусского языка зафиксированы значения не только «молодой человек, юноша», но и «ребенок, дитя»; например, выражение «из млада» означает «с младенчества, с детства»[849]. Следовательно, слово «млад» вовсе не свидетельствует о том, что автор к моменту смерти Скиргайла был отроком или подростком — в равной мере он мог быть тогда и годовалым младенцем. К тому же автор второй части «Летописца великих князей литовских» не знал точной даты смерти Скиргайла (январь 1395 г.), поскольку представленная им календарная сетка соответствует январю 1397 г. Стало быть, он ошибался на два года, и его рассуждения о хронологии этого события можно трактовать лишь весьма приблизительно. Приблизительностью могли отличаться и его представления о собственной дате рождения. Во всяком случае можно предполагать, что автор второй части «Летописца» родился не позднее января 1397 г. или по крайней мере что он сам так считал, ведь в действительности он мог появиться на свет и через несколько лет после смерти Скиргайла, а уже задним числом указать себя как современника этого события. Таким образом, если брать по минимуму, допуская, что автор родился около 1397 г., то в 1476 г. ему могло быть около 80 лет, а если по максимуму — то около 90. В привилегированном сословии ВКЛ XIV—XV вв. такая продолжительность жизни не была редкостью: Ольгерд прожил 75—80 лет, Витовт — около 80, Ягайло — чуть больше 70, Свидригайло — 75—80, причем до самого преклонного возраста они продолжали активно участвовать в политической деятельности. Андрей Ольгердович отправился в свой последний поход на реку Ворсклу, будучи уже в возрасте 70—75 лет. Ниже, в комментарии к «Повести о Подолье», не раз будет фигурировать подольский нобиль Гринько Соколецкий: в первый раз уже в зрелых годах (как женатый человек) он упоминается в документе под 1391 г., а последний раз — под 1450 г.; это означает, что он прожил не менее 80 лет. Вопреки распространенному стереотипу о низкой продолжительности жизни в Средние века, я убежден, что при наличии репрезентативных массовых источников можно было бы привести множество аналогичных примеров и по ни-

[849] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 9 (М). М. : Наука, 1982. С. 186.

зовому дворянству, мещанству и крестьянству Великого княжества Литовского XIV—XV вв.

В ВКЛ не существовало возрастных ограничений для занятия государственных постов. В качестве наиболее яркого примера можно указать на Льва Сапегу (1557—1633), который до 66 лет выполнял функции канцлера ВКЛ, а затем был виленским воеводой (с 1623 г.) и одновременно великим гетманом (с 1625 г.), до конца своей жизни оставаясь активным политиком и дипломатом — а умер он на 77-м году жизни[850]. Нет ничего невозможного и в том, что писарь Якуб, дожив до 80 лет, сохранял за собой — пусть, может быть, и номинально — должности наивысшего писаря ВКЛ и виленского ключника.

По мнению А. С. Грушевского, в обязанности ключника первоначально входил сбор и хранение медовой дани, а со временем он стал ведать и другими категориями запасов[851]. Действительно в XV в. медовые ключи как «вряды» известны в Полоцкой и Смоленской землях[852]. Но в других регионах ВКЛ (Виленском, Трокском, Киевском, Берестейском, Луцком, Новогородском, Витебском), по данным за вторую половину XV в., ключники заведовали далеко не только медовой данью, но и запасами воска, соли, мехов, зерна, а также денежными средствами (чиншем); к некоторым ключам были приписаны села и дворы[853]. Поэтому думается, что в широком смысле ключник в то время отвечал за великокняжеское складское хозяйство в определенном регионе, например Виленском, т. е. за прием, хранение и выдачу различных запасов и финансовых средств, формировавшихся из натуральных и денежных податей. Разумеется, ключник выполнял эти функции не в одиночку, у него, в частности, был заместитель — подключник[854]. Характер должности ключника предполагает наличие и других сотрудников более низкого ранга, хотя по понятным причинам они в источниках XV в. не упоминаются.

---

[850] *Czwołek A.* Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III // Леў Сапега (1557—1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна : ГрДУ, 2007. С. 135

[851] *Грушевский А. С.* Города Великого княжества Литовского в XIV — XVI вв. Старина и борьба за старину. Киев : [б. и.], 1918. С. 182.

[852] LM. Knyga Nr. 3. P. 34; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. 2. С. 381.

[853] «Шубы лисьи завыиковые с ключей Киевского и Виленского» (LM. Knyga Nr. 4. P. 75); «шуба лисья чомъровая с ключа Троцкого» (Ibid. P. 76); «2 камени воски с ключов Виленского а Троцкого» (Ibid. P. 76); «шуба лисья хребътовая с ключа Троцкого» (Ibid. P. 79); «камень воску с ключа Троцъкого» (Ibid. P. 79); «воз соли с ключа Берестеиского» (Ibid. P. 85); «два возы соли с ключа Луцкого» (Ibid. P. 85); «десять коп в ключника Луцкого с цынъшовых грошеи, а сто бочок ржи з дворов, што под ключом» (Ibid. P. 84).

[854] Ср. данные о подключнике Трокском: LM. Knyga Nr. 3. P. 33.

Время создания «Повести о Подолье» и второй части «Летописца великих князей литовских»

Как уже отмечалось, поскольку автор второй части «Летописца великих князей литовских» пользовался выборкой общерусских известий из первого летописного свода ВКЛ, которая завершается на статье 6935 г., следовательно, составление второй части «Летописца» вряд ли началось ранее 1428 г.

Определить terminus ante quem сложнее. Тот факт, что первый летописный свод ВКЛ завершается на 1446 г., не доказывает, что работа над ним не велась позднее. Старейший кодекс, содержащий первый летописный свод ВКЛ, а именно Никифоровский, переписан на бумаге, филиграни которой датируются периодом с 1461 по 1491 г.[855], что дает слишком широкий хронологический диапазон.

Вместе с тем большой интерес для нашей темы представляет время создания «Повести о Подолье». Оба этих текста — и вторая часть «Летописца», и «Повесть о Подолье» — созданы на основе общего круга источников. При этом их авторы (если это не был один и тот же человек) координировали свою работу. Так, автор или последний редактор второй части «Летописца» специально не стал подробно описывать походы Витовта на Подолье, так как знал, что они были (или будут) освещены в «Повести о Подолье». В обоих произведениях содержится одинаковая ошибка — польская королева Ядвига называется дочерью короля Казимира (в «Повести о Подолье» подразумеваемо, во второй части «Летописца» — явно).

Хронологически «Повесть о Подолье» охватывает крупный период от битвы близ Синей Воды (1363 г.) до захвата Каменца-Подольского поляками сразу же после смерти Витовта (1430 г.). Патриотический и тенденциозный характер этого произведения свидетельствует о том, что повесть написана представителем Великого княжества Литовского во время одного из обострений застарелого конфликта между ВКЛ и Польским королевством по поводу принадлежности Подольской земли. В литературе уже обращалось внимание на характерную оговорку автора повести: «А *здѣ* брат четверьтыи, князь Феодорь Корятовичь, Новгородок держал». Таким образом, этот текст создавался не в Подольской земле, а за ее пределами, где-то на территории ВКЛ. Кроме того, автор почему-то посчитал нужным упомянуть, что после наместничества в Подольской земле пан Гедигольд стал наместником в Смоленске. Эта деталь, очевидно, не имеет никакого прямого отношения к главной теме повести, но косвенно указывает на некоторую связь автора со Смоленском.

---

[855] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. С. 107; *Улащик Н. Н.* Предисловие (1980). С. 4.

В историографии мнения относительно места создания и авторства «Повести о Подолье» разделились. Большинство исследователей датируют возникновение повести первой половиной 30-х гг. XV в. В частности, С. Смолька предположил, что она создана в Смоленске в 1432 г., так как обрывается на смерти Витовта и не охватывает последующих бурных и кровавых событий, связанных с борьбой за Подолье между Польшей и ВКЛ[856]. Ф. П. Сушицкий вообще отнес создание повести в Смоленске к 1430 г., т. е. к периоду непосредственно после 27 октября 1430 г., дня смерти Витовта; правда, в другом месте своей работы он расширил период создания до 1432 г.[857] В. А. Чемерицкий, в свою очередь, обратил внимание на то, что автор повести более всего озабочен судьбою Западного Подолья, захваченного поляками. Из этого он сделал вывод, что текст написан в то время, когда поляки еще не оккупировали целиком всю Подольскую землю, — такой период продолжался с 1431 по 1434 г.[858] Что же касается авторства и места создания, то, по мнению В. А. Чемерицкого, «Повесть о Подолье» возникла в Вильно, где делалась большая политика, а автором был светский человек, близкий к правящим кругам[859]. С. В. Полехов временем создания повести определил 1431—1432 гг., когда велись польско-литовские переговоры о принадлежности Подольской земли, а автором, на его взгляд, мог быть православный мирянин, каким-то образом связанный с виленским воеводой Гедигольдом (бывшим подольским и смоленским наместником)[860].

Особняком стоит точка зрения А. Прохаски. Он считал, что «Повесть о Подолье» могла возникнуть примерно между 1449 и июлем 1451 г., когда литовская знать требовала возвращения Подолья Великому княжеству Литовскому. Под ее давлением король Казимир вынужден был в начале 1451 г. назначить съезд в Вильно, на котором обсуждалось, каким образом отобрать Подолье у Польши. Готовя повесть как своего рода историческую справку, великокняжеская канцелярия ставила своей целью нейтрализовать претензии Польши на Подолье, основанные на документах польско-литовских уний 1385, 1401 и 1413 гг. и на городенском акте великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича от 15 октября 1432 г. об унии с Польским королевством[861].

---

[856] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki … S. 26.

[857] *Сушицький Т. П.* Західньо-руськи літописи … С. 164—165, 308.

[858] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы … С. 99.

[859] Там же. С. 100.

[860] *Полехов С. В.*: 1) Летописная Повесть о Подолье как исторический источник. С. 101—102, 112; 2) Летописная «Повесть о Подолье». С. 56—57.

[861] *Prochaska A.* Latopis litewski … S. 52—53. — Эта точка зрения поддержана и И. А. Тихомировым (*Тихомиров И. А.* [Рец.] Prochaska A. Latopis Litewski … С. 259). О документе Сигизмунда Кейстутовича от 15 октября 1432 г., в части, касающейся Подолья и Волыни, см.: *Грушевський М. С.* Історія України—Руси.

Со своей стороны замечу, что если бы «Повесть о Подолье» в дошедшем до нас виде была написана как официальный документ в Вильно в период с конца 1430 по 1432 г., т. е. в правление великого князя литовского Свидригайла, то в ней был бы упомянут тот факт, что Свидригайло в 1400—1401 гг. был владетелем Подольской земли[862]. Того же самого можно было бы ожидать и в том случае, если бы повесть была написана в Смоленске в окружении лояльного к Свидригайлу митрополита Герасима примерно в первой половине 30-х гг. XV в. По этой причине мне кажется, что период 1430—1432 гг. (или даже более поздний вплоть до 1435 г.) как возможное время создания повести полностью исключен.

Не вполне обоснованной представляется и гипотеза о причастности к созданию «Повести о Подолье» виленского воеводы Гедигольда. Если бы повесть писал человек из его близкого окружения, то в ней не содержалось бы явной ошибки, связанной с тем, что автор перепутал последовательность назначения подольских старост при Витовте и посчитал, что первым после 1411 г. был назначен Петр Монтигердович, а уже следом за ним Гедигольд, хотя дело обстояло наоборот. Если бы Гедигольд или близкий к нему человек участвовали в составлении повести, то в ней находились бы и какие-либо дополнительные детали о его многолетнем наместничестве на Подолье (из записок Жильбера де Ланнуа мы, например, знаем, что в 1421 г. он построил крепость близ Белого города на Днестре[863]), однако ничего подобного в этом произведении нет.

Вообще на всем протяжении второй половины 30-х — первой половины 40-х гг. XV в. трудно найти посвященное конкретно подольскому вопросу политическое мероприятие с участием польских и литовских представителей, для которого «Повесть о Подолье» могла бы предназначаться в качестве меморандума или справочного материала.

А. Прохаска отчасти был прав, когда связал возникновение «Повести о Подолье» со спорами между ВКЛ и Польским королевством по поводу Подольской земли, которые с новой силой разгорелись в конце 40-х — начале 50-х гг. XV в. Однако польский историк ошибочно предполагал, что список Рачинского, завершающийся на 1449 г., отражает наиболее ранний вариант летописного свода ВКЛ, поэтому он и отнес создание повести к 1451 г. Но само содержание и хронологический охват «Повести о Подолье» свидетельствуют о том, что она написана несколько раньше,

---

Т. 4 : XIV—XVI віки — відносини політичні. Вид. 2. Київ ; Львів : Друкарня П. Барського, 1907. С. 207; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 2 : Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2007. S. 816—817.

[862] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 356—359.

[863] *Lelewel J.* Rozbiory dzieł obejmujących albo dzieje, albo rzeczy Polskie. Poznań : Nakładem księgarni J. K. Żupańskiego, 1844. S. 415.

в самом начале многолетних польско-литовских переговоров 40—50-х гг. XV в. по поводу Подолья. Как известно, первые такие крупные переговоры состоялись в сентябре 1446 г. на парчевско-берестейском съезде, посвященном вопросу избрания великого князя литовского Казимира королем Польши. На этом-то съезде делегация ВКЛ и выдвинула требования о возвращении некоторых спорных земель, удерживаемых Польшей, а именно Подолья, Луцка и Олеска[864]. Соответствующее требование о возвращении Великому княжеству Литовскому Подолья и Волыни было включено и в литовский проект межгосударственной унии, подготовленный в том же 1446 г. При этом представители ВКЛ заявляли, что между двумя государствами должны быть установлены такие же границы, которые были в правление Владислава (Ягайла) и Витовта[865]. Великий князь литовский Казимир первоначально удовлетворил это требование, издав 2 мая 1447 г. земский привилей, гласивший: «Также торжественно объявляем и обещаем, что владения или земли нашего вышеупомянутого великого княжества не будем уменьшать, но в их границах, как и предшественники наши, а именно господин Александр, или Витовт, дядя наш и т. д. вышеупомянутый, владел и держал, так и мы будем этими землями в целости и невредимости владеть, держать их и оберегать и с Божьей помощью всеми нашими силами будем стараться их расширять»[866]. Это фактически означало согласие на передачу Подольской земли и Волыни ВКЛ. Однако на петрковском сейме в августе 1447 г. польский нобилитет потребовал от Казимира, уже избранного королем, подтвердить, что он не будет отбирать Подолье и Волынь у Польши и передавать их Великому княжеству Литовскому. При этом поляки ссылались на упоминавшийся выше городенский акт от 15 октября 1432 г., которым великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович уступал Подолье Польскому королевству[867].

Из всего этого прямо следует, что «Повесть о Подолье» возникла, скорее всего, во второй половине 1446 г. Поскольку литовская сторона тогда настаивала на возвращении к границам времен Витовта, то в повести история Подолья доведена только до 1430 г. и не затрагивается ни поль-

---

[864] *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 807.

[865] Ibid. S. 808—809. — Документ см.: *Ulanowski B.* Projekt unji polsko-litewskiej z r. 1446 // Archiwum Komisji Prawniczej. Kraków, 1897—1926. T. 6. S. 238

[866] «Item promittimus et spondemus, quod dominia seu terras Magni Ducatus nostri predicti non diminuemus, sed in suis limittibus, prout antecessores nostri, et signanter dominus Alexander alias Witowdus, patruus noster etc. prefatus, tenuit et possedit, sic et nos, easdem salvas et integras tenebimus, possidebimus et tuebimur, atque cum Dei auxilio, pro cunctis nostris viribus, studebimus dilatare» (Codex diplomaticus Poloniae / ed. L. Rzyszczewski, A. Muczkowski, A. Z. Helcel. Warszawa : Drukiem S. Strąbskiego, 1847. T. 1. S. 337).

[867] *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 816—817.

ско-литовский конфликт 30-х гг. XV в., ни городенский акт 1432 г. Соответственно «Повесть о Подолье» необходимо рассматривать как своего рода справочный исторический материал, которым делегация ВКЛ подкрепляла свои аргументы на переговорах с поляками в Берестье в сентябре 1446 г. В ней, естественно, еще отсутствуют возражения на контраргументы, которые будут представлены польской стороной позднее — на переговорах в Люблине 1448 г. и в Парчеве 1451 и 1453 гг. Впрочем, если официальные представители ВКЛ в дальнейшем придерживались на переговорах все той же линии, настаивая на возвращении к границам времен Витовта, то «Повесть о Подолье» как историческая справка могла ими использоваться не только в 1446—1447 гг., но и в последующие годы. По крайней мере, как явствует из хроники Длугоша, в 1453 г. делегация ВКЛ на переговорах с польской стороной опиралась на «Повесть о Подолье» или на близкий к ней текст, утверждая, что Подолье было передано Витовту за сорок тысяч широких грошей[868].

Ряд признаков — близость повести ко второй части «Летописца великих князей литовских», связь автора со Смоленском и Южной Русью, использование источников из великокняжеской канцелярии, интеграция повести в состав летописного свода, причастность автора к государственной политике ВКЛ — указывает на то, что автором или последним редактором «Повести о Подолье» был тот же самый человек, который, по моему мнению, написал вторую часть «Летописца», а также составил первый летописный свод ВКЛ, т. е. писарь Якуб. Об этом же косвенно свидетельствует и включенный в повесть фрагмент об отказе православного князя Константина Кориатовича от принятия католичества, который отражает интерес к вопросам православно-католической унии, сохранявшийся у писаря Якуба на протяжении всей жизни.

Судя по Супрасльскому списку и без учета позднейших перестановок, осуществленных в Слуцком списке, сам порядок первоначального расположения материалов в первом летописном своде ВКЛ указывает на то, что вторая часть «Летописца великих князей литовских» вряд ли могла возникнуть ранее 1446 г. В начале свода была размещена выборка общерусских летописных известий, доведенная до 6935 (1427/28) г. — «Избрание летописания изложено въкратце». Далее следовала статья 6939 г. о Луцком съезде, хроника войны 30-х гг. XV в. и летописная редакция «Похвалы Витовта». Затем — смоленские летописные заметки с 6940 по 6954 г. Как видим, эту часть свода образуют исключительно материалы, которые автор-составитель мог почерпнуть в Смоленске, а точнее, в кругах, близких к смоленской епископской кафедре. При этом повест-

[868] *Długosz J.* Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 12 : 1445—1461. Varsaviae : Wydawnictwo naukowe PWN, 2003. S. 158.

вование, охватывающее период с древнейших времен по 1446 г., практически не имеет хронологических лакун: в нем пусть и вкратце освещены события практически за все десятилетия XIV в., в том числе за 1384—1396 гг., а стало быть, при составлении этой компиляции создание второй части «Летописца великих князей литовских» еще не предполагалось.

После 1446 г., когда Якуб стал писарем великокняжеской канцелярии и получил доступ к материалам государственного архива ВКЛ, он подготовил заключительную часть свода, которую назвал «Летописцем великих князей литовских». Для ее создания он использовал найденный в архиве меморандум о войне между Кейстутом и Ягайлом, а фрагмент о событиях с 1383 по 1396 г. написал самостоятельно на основе архивных источников, русских летописей и преданий. Далее, в качестве дополнительного материала по подольским делам, он поместил «Повесть о Подолье», которую также взял в государственном архиве ВКЛ или ранее (в 1446 г.) написал сам по заказу правящей верхушки ВКЛ с привлечением того же круга источников, что и для второй части «Летописца». При этом «Повесть о Подолье», точнее ее протограф, использовавшийся на польско-литовских переговорах 1446 г., с большой долей вероятности возникла раньше, чем вторая часть «Летописца».

Также заслуживает внимания уже упоминавшийся выше факт, что Длугош при создании 10-й книги своей хроники (1466—1470 гг.) еще не знал двухчастного варианта «Летописца», а пользовался только его первой частью, отразившейся в «Origo regis». Таким образом, широкое распространение в списках первого летописного свода ВКЛ и второй части «Летописца» в его составе началось не ранее 1466—1470 гг. Это приблизительно соответствует времени возникновения старейшего известного нам списка первого летописного свода ВКЛ (Никифоровского) и последнему десятилетию жизни писаря Якуба.

Приложение 1
Тексты

A. «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln»

Текст публикуется по фотоснимкам рукописи: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. HA, OF 1b, л. 22 об.—24 об. При публикации сохраняется исходное правописание слов, однако упорядочено написание прописных букв: с прописной даются все имена собственные, в том числе те, которые в рукописи пишутся со строчной. Сохраняется исходная разбивка текста на слова, которая отчетливо видна в рукописи. Разделение на абзацы и расстановка знаков препинания выполнены автором. Буквы, обозначенные выносными знаками, вносятся в строку и выделяются курсивом. Одна из форм лигатуры sz в притяжательных местоимениях vnsz, vnszs, vnszm, vnszn передается как *ser* (курсивом), при этом необходимо учитывать, что в средневерхнемецком языке также употреблялись сокращенные формы таких местоимений (vnse, vnses, vnsem, vnsen). Длинная и короткая буквы s передаются одинаково.

Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln

Das erste do vn*ser*s faters fater vorloren wart, vn*ser* elderfater, do gap her vff syne stad czu herschen, di grose herschafft czu der Wille, Jawnuten, vnd Jagaln, fatir Algarden, di herschafft czu Witawis, vnd minem fatir herczoge*n* Kinstutte*n* — czu Traken.

Vnd als vn*ser* feter herczog Algart vnd herczog Kinstut von jogu*n*t haben sy begunst czu leben fru*n*tlich, nu dirsagen si jn von h*er*czoge*n* Jawnute*n* eczliche vnrechte. Vnd si vorsprochen sich vor eyn, h*er*czog Algart mit vn*ser*m fater herczoge*n* Kinstutte*n*, das sy mit ichte mochten di Wille besitczen vnd Jawnuten vsczutriben. Vnd goben jn eyne*n* tag, welchen tag sy solden syn vor der Wille. Vnd vn*ser* fater Kinstut der quam vff den tag vor das hus czur Wille, vnd h*er*czog Algart der konde nicht komen. Vnd vn*ser* vater herczog Kinstutt der besas di Wille vnd treib Jawnuten dorvs. Vnd di lantlute all hilden sich an jn, vnd alle ander huzer gaben sich jm. Dor noch quam herczog Algart ken der Wille czu vn*ser*m fater vnd vn*ser* fater durch des alders wille, als her

sin eldester bruder was, vnd gab jm di Wille czu besitzen, vnd ander land vnde borge das teilten sy jn all czu mole enczwei. Vnd globten den ander, was man mochte jn andern landen gewi*n*nen [1-1], das solde man alls entzwei teilen. Als man jn Russchen lande vil huzer hat gewu*n*nen vnd gegenot, das teilten sy jn alczu mol jn di helfte. Vnd woren jn mit enander jn g*r*osen truwen.

Vnd dor noch vn*ser* fetter herczog Algart der do starb vnd herczog Jagal der was jung, dor noch vn*ser* fater herczog Kinstutt — dor jnne was her gewaldig, wen her hette gewolt, so hette her di Wille genomen vnd herczog Jagal, wo her hette gewolt, hette jm gegeb*e*n ein herczogtum, dorvmb das h*e*rczog Jagal gar jung was noch sinem fatere, — vnd vn*ser* fatir wolde des mit nichtenicht tu*e*n, das her vor jn di Wille wolde nemen vm sines bruder willen
л. 23 des eldesten. Vnd saczte h*e*rczog // Jagaln jn das hus czur Wille vnd behutte jn von allen siten, als lange bis das her vff gewuchs vnd als lange bis das di lute sin gewonten.

Vnd dor noch vn*ser* fater derfur von eczlich*e*n syn*e*n vru*n*den, das herczog Jagal an vn*ser* fatir wissen vnde vorswigende vn*ser*m fater vnd nam ein*e*n frede jm lande czu Prussen vnd mit dem lande czu Jfland. Vnd vn*ser*n fater gab her vs, das her der heeren solde, vnd globte, das her vn*ser* fatir nicht helfen welde. Vnd romte alle cz*i*et, wi her minen fater vnd mich selbir finge vnd wi her minen fater vnd mich totte vnd vn*ser* land jm neme. Vnd vn*ser* fatir das vor wor derfur vnd sach vff sich eyne vnselde, vnd czouch ken der Wille vnd besas di Wille vnd ving jn selben herczogen Jagal jngefengnisse, vnd sine bruder, vnd sine mutir, vnd alle sine gebite vnd sine huzere, das nam her als jn syne hende, vnd sin golt vnd synen tresel vnd sin*e* stutt*e*, das nam her alczumol. Nochten vn*ser* fat*ir* wolde vff sich nich eyn boze wort haben vnd wolde sines geslechtes nimand vortreiben, vnd gab jm alle sines faters teil Witebiske vnd ander gegenote, di sines fatir woren, vnd gold, vnd tresil, vnd stutte. Vnde herczog Jagal globte vn*ser*m vatir mit siner muter vnd mit sinen brudern vnd gab sine truwe vnde mit sinen briuen vorschreib [2-] vff das,[-2] das her der Wille ny*m*mer gefordern welde vnd her solde vn*ser*m fatir gehorsam seyn jn sines fatir teile czu Witebis.

Vnd dorch nach trat her der worheit abe vnde besas di Wille vnder vn*ser*m fatere, vnd jn den cziten was vn*ser* fatir jn einer herfard. Vnd vn*ser* fatir quam vs der heerfard, vnd herczog Jagal ane sin wissin hatte Tracken ouch besessen. Vnd vn*ser* fatir herczog Kinstutt der reit ken Samaiten vnd wolde jm holfe gewi*n*nen. Vnd quam vn*ser* fatir mit den Samaiten vnder Tracken vnd jch was selbir domit myne*m* fat*ir*, mit herczog Kinstutten. Vnd herczog Jagal bejegente
л. 23 об. vns mit sinem heere vnd di heren von Jfland mit jm. Vnd wir // stunden mit vn*ser*m fatere vff eynem berge vnd herczog Jagal vff einem anderm berge ken vns.

Do sante czu minem fatere vnd czu mir herczog Jagal seinen bruder herczogen Skirgal vnde begonste czu ruffen vn*ser*m fatere bi dem namen, das wir vns mit enander besprechen jnguten. Vnd sine truwe gab herczog Skirgal

mine*m* fater von herczog Jagals wein vnd gab jm sine hand vnd von sinent wein gab her ouch sine truwe vnd sine hand. Vnd mir selbir gab her ouch sine truwe von herczog Jagaln vnd von jm selbir vnd syne hant. Vnd vn*ser* fatir glowbete jn vnd ich vnd reten czu sampne mit herczogen Jageln vff jre truwe vnd vff jre hant.

Vff der truwe nome*n* sy vn*ser*n fatir vnd vorterbten jn. Vnd mine mutir ouch alzo vorterbten. Vnd mich selbir nome*n* si jn ein gefengnisse. Do entrug mich Got vnd ich entliff von jn vnd liff czu erbarn luten, czu dem grosem meister von Prussen. Vnd nam czu mir den heilgen glowben, der Cristenheit, vnd den gehorsam des heilgen fater des pabestes. Vnd ich lis do [3-3] by jn minen bruder, vnd mine swestir, vnd min wib, vnd myne kinder, dilis[4] ich alczu mole jn jrem gefenknisse.

Vnd begonste herczog Jagal dicke czu zenden czu vns sinen baiorn vnd sine bryfe vnd rufende mich vff all*e* myn fetirlich erbe vnd sin truwe mir gebende, vnd ich glowbte siner truwe vnd glowbe jm vnd reit czu jm aber eins, vnd alzo vns vnd eczlicher vn*ser* vngetruwer rat dorczu brachte.

Vnd herczog Jagal siner truwe nicht derfollete vnd trat ab siner warheit vnd myn fetirlich erbe gab her mir nicht, vnd myn fetirlich erbe gab her syne*m* bruder her*czoge*n Skirgal. Vnd Skirgal des js nicht vn*ser*s cristen g[l]owben[5], her jst eynes Russchen glowben, als her noch hutes tages held. Vnd hisen mich selbir de*n*noch, das ich den Russchen glowben solde czu mir nemen, das ich allen luten mich derleite, vnd ich ane mynen willen jren willen czutunde, hab ich gesproche*n*: ich habe czu myr genome*n* den Russchen glowben vnd habe geoffenbart den luten. Vnd gliche wol heimelich habe ich // gehalden my*n* *л. 24* glowben, als ich vor czu mir hatte genome*n* den cristen glowben.

Vnd do herczog Jagal Cracaw besas vnd das konigrich von Cracaw jn nam, do offenbarte ich aber mynen glowben vnd als ich noch hutes tages halde den criste*n* glowben, vnd sy mochten mir iczu*n*t des glowben anders nicht geweren. Das was mir von jn ein gros vnrecht, das sy an mine*n* willen wolden, das ich den Russchen glowben czu mir genome*n* hette.

Des ist nu ein jar das herczog hat herczog Skirigaln vorschreben mit p*r*iuilegien alle min fetirlich erbe vff dem huse czu Lublin vnd vor myne*n* ougen, das was mir gar leid. Ich klagte herczoge*n* Jagaln dicke dorvmb vnd jch sach wol, das ich dorczu nichts nicht mochte getun vnd ich mochte der p*r*iuilegien mit nichte wedir werffen. Vnd ich bat ouch czu herczogen Jagaln brife vnd p*r*iuilegie*n* obir di lant, di her mir gegebe*n* hatte, obir das Russche land, das Luwburte*n* was gewest, das ich das behalden mochte, vnd sante czu jm hern Jesken von Tarnaw, den houptman von Russen, vnd den woywoden von Crakaw hern Spitken vnd den houptma*n* von Crakaw. Vnd herczog Jagal gap mir der brife nicht vnd der p*r*iuilegien obir di lant vnd sprach dennoch czu allen lute*n*: jch habe gegebe*n* herczog Witawthen das land bis an mine*n* wille*n*, wen ich wil, zo wil ich aber weder nemen von jm das land.

Vnd nach mer numen sy mine baiorn ane mynen willen vnd marterten sy mit wasser vnd smitten sy in jsen vnd saczte*n* sy jn temenitczen, vnd das alls wedir minen willen.

Vnd herczog Skirgal hat mich dicke bereet kegn herczoge*n* Jagaln vnd brife sende*n*, vnder wilen vor mir das her briue weg sante, vnder wilen das her js selbir vor mir rette das ich czu horte, vnd das geschach alls ane myne schold. Vnd nochten romte her das, wi her mich mochte toten, wen her wol woste dath ich noch min vetirlich erbe welde gewi*n*nen, vnd des besorgte her sich wol, das
л. 24 об. mir das leit were, das her myr vorheld myn fetirlich erbe, // vnd nach schat her mir ken herczog Jagaln jn miner kegenwe*r*tikeit. Vnd herczog Jagal hat jm dorvmb ny czugesprochen vnd hat jn do von ny geczoyn.

Vnd js noch hutte*n*tag lebende bi herczoge*n* Jagaln syn diner, der do heist Warssch. Czu mir sante denselben [6-6] Warssch Skirgal vnd entsagte mir vnd saite myr: hute dich vor mir vnd ich vor dir.

Vff di czie*t* hat ich als vil nicht vriheit, das ich myne*n* boten mochte senden, wo ich wolde, ader brife nach ken Prussen, nach ken Russen vnd bin bi jn gewest als eyn eigener. Ich hatte keine vryheit bi jn keine*n* dinge*n*. An ein meidelin min tochterchin hatt ich vnd an dem selben hatte ich keinen willen, nicht das ichs mochte gebe*n* weme ich wolde, vnd man bat si von mir fil, vnd si werten mir vnd hisen mich, ich solde sy nicht weg geben vnd vorchten sich des, das mir von jrenthalben fru*n*de mochten werden.

Vnd was do y woren myner vrunde, von den allen nam herczog Jagal jre fetirlich erbe. Minen bruder herczog Tewtewiln das her jm gegebe*n* hatte, das nam her jm alczumole wider. Vnd mynes wibes bruder nam her all sin fetirlich erbe. Vnd deme der mynes wybes swester hat Jwan Augemu*n*den[7] son, dem nam her ouch all sin fetirlich erbe. Vnd jm hat gegebe*n* herczog Jagal sine hant vor mir, das her sin fetirlich erbe von jm ny*m*mer genemen welde. Herczog Jwan gab jm dor vmb eynen goldin gortil dorch myne hende.

[1-1] Далее зачеркнуты слова «vnd gegenot vnd das teilten».

[2-2] В ркп. слова «vff das» выделены слева и справа прямыми вертикальными чертами.

[3-3] Далее зачеркнуто слово «jn».

[4] Так в ркп. Следует читать «di lis».

[5] В ркп. «gowben».

[6-6] Далее зачеркнуто слово «Wassch».

[7] Переписчик первоначально написал «aigemunden», а затем, видимо, попытался исправить первые две буквы так, чтобы они выглядели как «au».

Перевод

Это дело Витовта против Ягайла и Скиргайла

Перед своей гибелью[1] отец нашего отца, наш дед, передал свое место правителя[2] — великое княжение в Вильно Евнутию, а отцу Ягайла Ольгерду — княжение в Витебске, а моему отцу князю Кейстуту — в Троках.

И в то время как наш дядя[3] князь Ольгерд и князь Кейстут с юности начали жить в дружбе, они сочли, что князь Евнутий чинит им некоторые несправедливости. И они договорились между собой, князь Ольгерд с нашим отцом князем Кейстутом, каким-либо образом завладеть Вильно и выгнать Евнутия. И назначили день, в который им нужно было прибыть к Вильно. И наш отец Кейстут пришел в тот день к Виленскому замку, а князь Ольгерд не смог прийти. И наш отец князь Кейстут занял Вильно и выгнал оттуда Евнутия. И весь народ земли примкнул к нему, и все другие замки подчинились ему. После этого пришел князь Ольгерд в Вильно к нашему отцу, и наш отец в силу возраста, поскольку тот был его старшим братом, позволил ему завладеть Вильно. А другие земли и города[4] они разделили пополам и обещали друг другу: что добудут в других землях, то должны разделить на две части. В Русской земле много замков было захвачено и территорий; это все они поделили пополам и жили друг с другом в великом согласии.

И потом наш дядя князь Ольгерд умер, а князь Ягайло был еще молод. И наш отец князь Кейстут был тогда могущественным и, если бы захотел, то взял бы Вильно, а князю Ягайлу дал бы [другое] княжество, где бы захотел, потому что этот князь Ягайло был совсем молод после [смерти] своего отца. Но наш отец никоим образом этого не хотел делать и не стал отбирать у него Вильно ради своего старшего брата. И он посадил князя Ягайла в Виленском замке и оберегал его со всех сторон, пока он не вырос и пока люди к нему не привыкли.

И потом наш отец узнал от некоторых своих друзей, что князь Ягайло без ведома нашего отца и тайно от него заключил мир с Прусской и Ливонской землями. [5-] И нашего отца он предал, [устроив так], что он [Кейстут] должен будет воевать, и обещал, что нашему отцу не будет помогать. [-5] И постоянно замышлял[6] схватить и убить моего отца и меня и забрать себе нашу землю. И узнав об этом, наш отец понял, что может произойти беда, и пришел к Вильно, и занял Вильно, и поместил самого князя Ягайла в заточение, и его братьев, и его мать. И все его области и его замки взял он также в свои руки, и его золото, и его казну, и его коней — все он взял. Наш отец, однако, не хотел, чтобы о нем плохо говорили, и не желал никого из своего рода изгонять, и дал ему весь удел его отца — Витебск и другие области, принадлежавшие его отцу, и золото, и казну, и коней. И князь Ягайло обещал нашему отцу вместе со своей

матерью и со своими братьями и дал ему правду[7] и своими грамотами записал, что он никогда не будет требовать Вильно и что он должен быть послушным нашему отцу в Витебском уделе своего отца.

И после этого отступил он от своей правды и отобрал Вильно у нашего отца. А в то время наш отец был в военном походе. И возвратился наш отец из похода, а князь Ягайло без его ведома также занял Троки. И наш отец князь Кейстут поехал в Жемайтию и хотел получить там себе помощь. И пришел наш отец с жемайтами под Троки, и я сам был там с моим отцом, с князем Кейстутом. И князь Ягайло настиг[8] нас со своим войском, и господа из Ливонии были вместе с ним. И мы стояли с нашим отцом на одном холме, а князь Ягайло на другом холме напротив нас.

Тогда послал князь Ягайло к моему отцу и ко мне своего брата князя Скиргайла. И тот стал вызывать нашего отца по имени, чтобы нам друг с другом переговорить по-хорошему. И свою правду дал князь Скиргайло моему отцу от имени князя Ягайла и дал ему свою руку. И от своего имени дал он также свою правду и свою руку. И мне самому дал он тоже свою правду от имени князя Ягайла и от своего имени и свою руку. И наш отец поверил ему, и я [тоже]. И поехали верхом вместе с князем Ягайлом, полагаясь на их правду и на их поручительство.

И нарушив свою правду, они схватили моего отца и убили его, и мою мать тоже убили. И меня самого посадили они в заточение. Там спас меня Бог, и я бежал оттуда. И приехал к благородным мужам, к великому магистру Пруссии, и принял святую христианскую веру, обязавшись хранить послушание святому отцу папе. И я оставил там [у Ягайла] моего брата, и мою сестру, и мою жену, и моих детей, которых я оставил всех у них в заточении.

И начал князь Ягайло часто присылать к нам своих бояр и свои грамоты, приглашая меня [занять] всю мою вотчину и давая мне свою правду. И я поверил его правде, доверился ему и вновь поехал к нему. Нас к этому также склонил один наш неверный советник.

И князь Ягайло свое обещание не исполнил и отступил от своей правды, и мою вотчину он мне не дал. А дал он мою вотчину своему брату князю Скиргайлу. Этот Скиргайло не принадлежит к нашему христианскому вероисповеданию — он придерживается русской веры, которую и по сей день сохраняет. А мне они велели принять русскую веру, чтобы я стал ненавистен всем людям. И я не по своей воле, а выполняя их волю, сказал: «Я принял русскую веру», и объявил об этом людям. Но все равно я тайно придерживался своей веры, христианской, которую принял ранее.

И когда князь Ягайло сел в Кракове и Краковское королевство взяло его к себе, тогда я объявил о своей вере, так что уже по сей день придерживаюсь христианской веры. И они тогда не желали позволить мне [принять] другую веру. Они мне причинили большую несправедливость тем, что против моей воли хотели, чтобы я принял русскую веру.

Минул уже год с того времени, когда князь [Ягайло] в Люблинском замке на моих глазах записал князю Скиргайлу своей привилегией всю мою вотчину, что причинило мне большое огорчение. Я часто жаловался по этому поводу князю Ягайлу, но хорошо понимал, что я ничего не мог с этим поделать и никак не мог отменить эту привилегию. И я просил у князя Ягайла тоже грамоту и привилегию на землю, которую он мне дал, на ту Русскую землю, которая принадлежала Любарту, чтобы я мог ее держать. И послал к нему господина Яська из Тарнова, старосту Руси, и воеводу Кракова господина Спытка, и старосту Кракова. И князь Ягайло не дал мне грамоту и привилегию на эту землю и сказал всем людям: «Я дал князю Витовту эту землю до своей воли. Когда захочу, тогда отберу у него эту землю».

Еще схватили они моих бояр без моего разрешения, пытали их водой, заковали их в железо и бросили их в темницу — и все это против моей воли.

И князь Скиргайло часто на меня наговаривал князю Ягайлу и грамоты [начал] рассылать. Иногда он в моем присутствии грамоты рассылал, иногда сам говорил передо мной, чтобы я слышал, но все это происходило не по моей вине. И при этом он обдумывал возможность меня убить, так как хорошо знал, что я хотел бы вернуть себе свою вотчину. Он очень боялся этого, так как мне причиняло боль то, что он удерживал у себя мою вотчину. И он по-прежнему вредил мне перед князем Ягайлом в моем же присутствии. И князь Ягайло никогда его этим не попрекал и никогда не предупреждал его по этому поводу.

И до сего дня живет у князя Ягайла его слуга по имени Варш. Скиргайло прислал ко мне этого Варша и объявил мне, что между нами нет мира, сказав мне: «Берегись ты меня, а я тебя».

В то время у меня не было свободы для того, чтобы я мог отправлять посланников, куда захочу, или грамоты в Пруссию, на Русь. И я был у них как какой-то невольник и не имел у них свободы ни в каких делах. Была у меня девочка, моя доченька, и даже ее я не был волен отдать замуж за того, за кого я хотел. И много просили ее у меня замуж, а они запретили мне и велели не выдавать ее, опасаясь, что у меня благодаря ей могли бы появиться друзья.

И сколько было у меня друзей — у всех отобрал князь Ягайло их вотчины. У моего брата князя Товтивила забрал он назад все, что ему дал. И у брата моей жены отобрал он всю его вотчину. И у Ивана Ольгимонтовича, женатого на сестре моей жены, забрал он также всю его вотчину. А ведь ранее князь Ягайло поручился ему в моем присутствии, что никогда не заберет у него его вотчину. И князь Иван дал ему за это золотой пояс через мои руки.

[1] Vorloren wart; verlor = verderben, interitus, internecio, perditio (Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer. URL: http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=verlor).

[2] Stad czu herschen; stad = Stätte, Stelle.

[3] Vn*ser* feter. Ср. ниже: «vn*ser* fetter herczog Algart der do starb». У К. Альминаускиса переведено «mūsų tėvai» («наши отцы»).

[4] Borge — дословно «бурги», небольшие местечки.

[5-5] Vnd vn*ser*n fater gab her vs, das her der heeren solde, vnd globte, das her vn*ser* fatir nicht helfen welde. К. Альминаускис не отделил слово «solde» запятой от слов «vnd globte», поэтому отнес всю фразу «das her der heeren solde» к Ягайлу, переведя ее следующим образом: «Ir mūsų tėvą išdavė; tasai, kurs turėjo ir prižadėjo kariauti, (kad jisai) nebenorėjo mūsų tėvui padėti» («И нашего отца предал; тот, кто должен был и обещал воевать, уже не хотел нашему отцу помогать»). У Ф. Конечного перевод также неточен: «A ojcu naszemu donosił, żeby to usłyszał i uwierzył temu, że on nie będzie ojcu naszemu pomagać». Между тем на основе договора от 31 мая 1380 г., о котором шла речь выше, можно прийти к выводу, что слова «das her der heeren solde» (после них должна стоять запятая) относятся не к Ягайлу, а к Кейстуту.

[6] Romte; râmen = zielen, trachten, streben (Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer. URL: http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=ramen).

[7] Treue. Здесь и далее в средневерхненемецком тексте этим словом передается западнорусское понятие «правда» (присяга на верность), тем более что в качестве синонима для «treue» неоднократно используется слово «worheit» («...vnd dorch nach trat her der worheit abe», «...vnd herczog Jagal siner truwe nicht derfollete vnd trat ab siner warheit»). Ср. в «Летописце великих князей литовских» (например, по Виленскому списку): «И правдоу дасть кнѧз великыи Ѧгаило...»

[8] Bejegente; bejagen = erjagen, erringen, erwerben (http://www.mhdwb-online.de). К. Альминаускис перевел как «pasitiko», т. е. «встретил».

B. Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie

За основу взят текст, опубликованный в 17-м томе «Полного собрания русских летописей (стб. 219—226). Он сверен с оригиналом по цифровым снимкам рукописи AGAD, MK, Libri legationum, Nr. III, л. 65—68, которые размещены на сайте http://www.agad.gov.pl/inwentarze/Metr_Korx.xml, и в ряде мест выправлен. При публикации сохраняется исходное правописание слов, однако упорядочено написание прописных букв: с прописной даются все имена собственные, в том числе те, которые в рукописи пишутся со строчной. Сохраняется исходная разбивка текста на слова, которая отчетливо видна в рукописи. Разделение на абзацы и расстановка знаков препинания выполнены автором. Буквы, обозначенные выносными знаками, вносятся в строку и выделяются курсивом.

Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie

Aput ducem magnum Lithuanie Gediminum erant septem filii: primus et senior Montiwid, secundus Narimuth, tercius Olgerth, pater domini regis, quartus Iwenynti, quintus Kyestuti, pater domini magni ducis Wythowdi,

sextus Koriath, septimus Lubarth. Montiwido suus pater dederat bona ista Bernow et Slonym, Narimutho Pynsk. Olgerdo, patri domini regis, Crewa. Sed quia dux Wytersky prolem non habuit masculinam, assumsit eum ad filiam suam vnicam, Wythewsko post eam recipiendo. Yewyntham autem locauit in Wilna in magnoducatu. // Gyesthutho, patri domini ducis Wythowdi, donauit *л. 65 об.* Troky, Coriatho Nowogrodek, Lubarthim assumsit dux Wladimiriensis ad filiam suam, cum qua dedit Wladimiriam, Luczko et terram dictam Volnyczska.

Olgerth, pater domini regis, et Kyestruch, pater domini ducis Wythowdi, erant in magna dilectione et vnitate, et condixerunt inter se fratres, dux magnus Olgerth et dux magnus Kyerstuch, quomodo ipsum de hinc deponere possent, vt vnus illorum duorum succedat, et condicont inter se terminum et diem fecerunt, quibus ad Vilnam venire et castrum occupare et capere sub fratre ipsorum duce m. Jewyntho. Tunc m. dux Olgerth de Wythewsko non potuit ad eundem terminum venire Vilne condictum. Dux autem m. Kyerstruki veniens festine ad Vilnam castrum ipsum intrauit. Dux vero m. Jewynthi exiliens de castro fugit in valles et montes et ibidem infrigidatur pedibus. Capientes eum duxerunt ad fratrem suum ducem m. Kyerstruky, qui, expectans fratrem suum seniorem ducem Olgerth, posuit eum sub custodia. Et in occursum fratri suo duci Olgyerth destinauit cursorem, quod illam Vilnam occupauit et fratrem suum ducem m. Yewynthi cepit, obuiatque ille cursor in Crewa. Dux m. Olgert eo celerius applicat Vilnam, ad fratrem suum Kyerstruchi venit, qui dicit fratri suo duci Olgerdo: tibi licet esse in Vilna m. ducem, quia es senior frater et tecum in vnitate viuo. Et locat eum in magnoducatu Vilne, Yewynto vero dederunt Zaslaw. Et concluserunt inter se fratres dux Olgyerth et dux Kyerstruch: quod fratres omnes obediant duci Olgerdo. Et aliquos districtus inter se diuiserunt et hoc eciam inter se concluserunt, vbicumque aliquid acceperint, puta ciuitates, castra aut districtus, id per medium diuidere et esse concluserunt mutuo in vita in magna caritate, placencia, dilectione et fidem inter se super eo ceperunt: nulli in vita de alio male cogitare. Et ita fuerunt vsque ad terminum vite in hac vita.

Item aput magnumducem Olgerth erant filii XII. Et apud magnumducem Kyerstruchi VII erant filii. Et inter omnes filios placuit duci Olgerdo dux Jagello, duci autem Kyerstuchi placuit dux Vitoldus. Et condixerunt circa vitam eorum, quod ipsi essent in eorum locis, puta in magnisducatibus, post vitam eorum. // Qui duo, videlicet m. dux Jagello et dux Wytoldus, similiter *л. 66* circa patres eorum in magna societate erant. Postremoque dux Olgerth moritur et dux m. Kyerstuch non deserens verbum fratris sui Olgerdi sicut circa vitam eius fuit secum in vnitate. Et tenebat quod m. dux Vilnam filium eius ducem m. Jagello. Et veniebat similiter ad consilia ad eum sicut ad fratrem suum seniorem venire consueuerat.

Quidem autem fuit aput ducem m. Olgerdi se[r]ws, wlgariter chlop dictus, Woydilo primum in pistorem deputatus. Et fuit pistor, postea constituit eum

lectum facere et aquam porrigere sibi ad bibend*um* demumq*ue* placuit sibi et dedit sibi Lidam tenere et dilexit eum fecitq*ue* eum crescere in magnu*m*. Pos*t*ea aut*em*, post vitam ducis Olgerdi duobus aut tribus annis preterit*is*, dux m. Jagello exaltatur m*ult*u*m* alte. Et dabit sibi in vxorem sorrorem suam germanam ducissam Mariam, que postmod*um* erat data duci Daud, in quo m. duci Kyerstrucho multum magna*m* displicenciam et dolorem intulit, quia neptem suam et sorrore*m* ipsius serwo suo dedit. Hic Woydilo in magna potestate apud ducem m. Jagello et cepit cum Theuthonicis conuencio*n*es celebrare et litteris se inscribere contra ducem Kyerstruchi.

Quid*em* aut*em* fuit Astorodens*is* comendator dictus Smydsten. Hic fuit compater m. duci Kyerstruki, de fonte aut*em* baptismi leuauit filia*m* suam consortem ducis Mazowie domini Janusii. Hic comendator referebat duci Kyerstrucho: tu nescis hoc, quo*modo* dux Jagyello mittit ad nos sepius Woydilonem et iam inscripsit se nobiscum, quomodo priuaret te tuis bonis, vt ips*a* adipiscatur et cum sorrore ducis m. Jagellonis. Dux aut*em* Kyersthuk sciens, q*uod* dux m. Witowdus bene viuit cum duce Jagello, cepit querulare coram filio duce Witowdo: tu secum bene viuis, et ipse iam se inscripsit cu*m* Theutonicis contra nos. Dux Vitoldus respondit patri suo: non credo forte, hoc non est, quia ipse mecum bene viuit, forte michi reuelaret.

Postea signum magnum factum est: dux Jagello dederat fratri suo Sergallo. Poloczko, et Polocens*es* eum suscipere noluerunt. Dux vero Jagello direxit exercitum suum omnem Lithvanicum et Ruthenicum cum fratre suo duce Sergallo in Poloczsko. Et ex alia parte m*agist*er Liwonie venit cum suo
л. 66 об. exercitu // contra Poloczsko. Dux enim Kyerstruch iterum conqueritur cora*m* filio suo duce Wythowdo lacrimando contra ducem Jagello et dicens: ecce, Woydilony sorrorem dedit in consortem, neptam meam, et a Theutunicis est intimatum, q*uod* cum ipsis contra nos se inscripsit, et ecce tercium: cum nos bellamus cum Theutunicis, cum ipsis ipse Poloczko expugnauit. Iam aut*em* manifestu*m* est, q*uod* ips*i* ad plenum vnum sunt cum Theutunic*is* contra nos. Dux vero Wythowdus respondit patri suo: adhuc huic non bene credo. Et dicens hoc iuit solus ad castrum Drohiczin. Dux aut*em* Kyerstuchi, congregata potencia sua totali, ingreditur castrum Vilnen*se*. Et capit m. ducem Jagello cum matre et fratribus et litteras has invenit, quibus se cum Theutunic*is* inscripserat. Et ad filium suum ducem Wytowd*um* in Drohiczyn destinat cursorem referens, q*uod* talia gesta sint. Qui cursor invenit ducem Wythowdum in Grodno de Drohiczyn venien*tem*. Qui vna die de Grodno in Vilnam peruenit. Ad quem dux Kyerstuchi: tu michi non credidisti. Ecce littere, quibus se inscripsit contra et Deus premuniuit. Sed ego duci Jagelloni nichil feci, non tetigi thezauros eius, qui cum fratribus suis nec in captiuitate est solum sub parwa custodia tenetur. Patrimoniumq*ue* suu*m* Wytepsko et Crewa et omnes ciuitates, quas pater suus tenuit, sibi do. Et in nichilum, quod est ips*o*rum, me intromitto. Et hoc feci, custodiens caput meum, presenciens, q*uod* michi mala cogitaret. Dux vero Jagello, p*er* nimium exhilaratus de

aduentu duc*is* Wythowdi, fidem dat. Dux vero Jagello patruo suo duci Kyerstucho nu*nqua*m contra ipsum esse, sed in omnibus voluntatem suam facere. Dux vero Kyerstruchi dimittit eum cum fratrib*us* et thezauro suo totali. Et ita dux m. Jagello vadit in Wytepsko. Et dum sedisset dux Kyerstruchi in Vilna, mittit duos homines in Poloczsko, vnum ad exercitum, alium ad castrum. Qui ambo vt castrum intrauerunt, Polocen*ses* gauisi sunt et clamauerunt contra exercitum. Et ita homines ex*er*citan*tes* recesserunt a duce Sergallo et processerunt ad Vilnam ad ducem m. Kyerstruch. Dux vero Sargello cum parwa comitiua cum Theutunic*is* in Liwoniam processit.

Dux aut*em* Kyerstuch iuit ad // Sywerky Nowogrodek contra ducem *л. 67*
Coributh. Et filium suum ducem Wytowd*um* in Lithwania dereliquit. Et eundo illic mandauit Woydilonem suspendi. Duxque m. Jagello debuerunt eciam secum ire con*tra* ducem Coributh. Itaq*ue* dux m. Jagello fidei sue immemor ibi non processit, sed alloquens ciues Vilnen*ses*, v*idelicet* personam Hanullonis et alios, et obsederunt Vilnam, duce m. Wythowdo in Troky existen*te*. Duxq*ue* magnus Jagello de Wytepsko cum om*n*ibus suis ad Vilnam peruenit. Et dux m. Wythowdus mittit ad p*at*rem suum ad Swywyerky Nowogrodek cum hac nouitate. Theutunici aut*em* Prussie audientes talia gesta, marsalcus Prussie procedit cum exercitu in subsidium duci Jagelloni m*ult*um celeriter. Et cum hoc audisset dux Wythowdus, q*uod* Theutunici ad Troky vadunt, et dux Jagello eciam ad Troky progreditur cum exercitu suo cum Theutunicis conuenire, dux Wythowdus iuit ad Grodno cum m*at*re. Et Troky dux Jagello cum Theutunicis applicuerunt. Troky se sibi subdiderunt.

Dux aut*em* m. Kyerstruchi veniens invenit ibi vxorem suam, m*at*rem ducis Wythowdi. Et destinat eam in Bresczye, sperans de duce Mazowie Janussio, genero suo, solus aut*em* procedit in Samagitam, filio suo in Grodno dimisso. Dux aut*em* Janussius, gener suus, oblitus beneficior*um* amiciciar*um* et socr*is* sue, transit cum exercitu suo ad Drohiczyn, capiens homines locat in Myelnyk, capiens homi*ni*bus fulcitur Surast, devastat Byelsk, Kamyenyecz et circumvallat in Bresczye socrum suum. Et isto castro non acquisito, recedit duobus castris Drohyczyn et Myelnyk, fulcitis hominibus. Dux deniq*ue* Kyerstuch, congregatis hominibus exercitibus, et de terra Samagittie transit ad flumen Vilia. Dux vero Wythowd, congregatis de hominibus patrimoniis exercitibus, iuit in occursum patri. Conuenerunt vltra Cawno duobus milliaribus, et ibi transfretati sunt exercitus. Et procedunt contra Troky et venien*tes* circumvallant Troky. Auditq*ue* dux Kyerstuch, q*uod* dux m. Jagello de Vilna vadat cum exercitu Prussie et Liwonie exercitus omnes. Prim*um* eciam Theutunici inimici o*m*nes erant v*idelicet* duci Kyerstuch et duci Jagelloni. Ecce primum exercitus Liwonitar*um* // in *л. 67 об.*
subsidium venit duci Stergal contra Poloczsko, demum cum marschalko Prussie ad Troky veniebat, et tercia vice Livonitar*um* exercitus totus ad eosdem in subsidium venit. Iam signa appar*ent*, q*uod* ipsi vnum erant contra ducem Kyerstuch.

Tand*em* egrediuntur dux m. Kyersthuch cum filio suo duce Wythowdo ad pugnam contra ducem Jagello. Et nond*um* congredien*tes* exercituum cateruis

ad iactum trium aut quatuor sagittarum, adueniunt duces et bthyari a duce m. Jagellone ad exercitum m. ducis Kyerstuch, incipiunt interrogare de duce m. Wythowdo, q*uod* cum eo loquerentur. Et dicunt sibi: dux m. Jagello misit nos ad te, q*uod* concordares nos cum patre tuo, q*uod* teneremus n*ostru*m et vos v*estru*m et conflictus inter nos non sit et sangwinis perfusio non foret veniesq*ue* ad fratrem tuum Jagello et nos damus fid*em*, q*uod* secu*r*e redires ad exercitum tuum, vt per hoc inter nos bonus sit finis. Dux vero m. Wythowdus respondit: fidem aput vos recipio, q*uod* eciam dux Stergald huc veniret et similiter fidem daret, et ego tunc exibo. Ipsi direxerunt pro duce Stergald, qui adueniens similiter fidem dedit duci m. Wythowdo sicut ipsi. Dux vero Wytowdus venit ad exercitum m. ducis Jagellonis, caterwis inter se ni*hi*l agentibus. Jagello incepit rogare ducem Wythowd*um*: quatinus concordiam inter nos faceres, ne sangwinis perfusio sit. Dux aut*em* m. Witowdus recepta a duce m. Jagellone pro p*at*re suo. Q*uod* p*ate*r suus poterit conuenire et iterum pure disuenire secum. Et adhuc dicit dux Wythowdus duci Jagelloni: aduc dirige fratem ducem Stergal, q*uod* ego et ipse fidem daremus p*at*ri meo, q*uod* secure veniat et recedat ad suos exercitus, et dux Stergal daret a se et a te fidem patruo suo a duce Jagellone. Et dux Stergal dat fidem a duce Jagellone et a se. Dux aut*em* Wytowdus a patre suo duce Kyer[stuch] iuit de exercitu suo confiden*do* de fide huiusmodi. Sed si dux Wytowdus non equitaret et vnus pater solum equitaret forte ni*hi*l fuisset. Et ita viden*s*, q*uod* ambo exierunt, ipsi fidem transgredien*tes* circumsteterunt illos. Et dicunt: veniamus Vilnam, ibi concludemus. Et in hoc exercitus nichil agentes remanserunt.

Et dum Vilnam venissent, ducem Kyerstruch vinctum ferreis direxerunt in
л. 68 Crewa in fundum turris proicien*tes*, ducem autem Wytowd*um* // reliquerunt Vilne adhuc. Et ibid*em* Crewe quinta nocte patruum suum magnumducem Kyersthuch iugulauerunt. Et iugulauit eum cubicularius m. ducis Jagellonis Proxa dictus, qui dabat sibi aquam. Et Bilgeny, frater Mostew, Gedko Crewlanyn, Cuczyk, Lyszycza serws illegitimus w*lgariter* Zibintha. Taliter finiuit vitam dux m. Kyerstuch. Post mortem aut*em* ducis Kyerstuchi mittit dux Jagello ducem Withowdum sub custodia eciam in Crewa et cum vxore, mandauit, ut firmiter custodirent ips*um* in caminata. Eod*em* tempore vlciscendo Woydilonem, cui sorrorem suam dederat in vxorem, duos fecit in rotis distrahi. Vnum Wyndimund, patruu*m* matris ducis Wythowdi, p*at*ris fr*at*rem eius germanum. Et alius Buttrim, nepotem germanu*m* matr*is* eius, qui habuit Vlianam, que fuit Munuidi, alios aut*em* q*uam*plures decolauerunt vindicando eund*em* Woydilonem. Dux aut*em* Wythowdus sedit in Crewa in caminata sub arta custodia, vbi due femine ambulabant conducen*tes* ducissam ad caminatam, dormitum locan*tes* eam, exeunt et custodien*do* circumq*uaque*. Ducissa aut*em* m. audiens ab hominibus, si dux Wythowdus diucius sederit, forte taliter consuleret de eo sicut de patre, swasitq*ue* sibi taliter, q*uod* ibunt femine dormitum, q*uod* uni*us* femine reciperet habitum et indueret et exiret cum alia. Et altera cum ducissa remane*re*t, in cuius habitu exiret. Ille vero

taliter fecit induens habitum vnius cum alia discessit. Et mittens se de castro ad Theutunicos properauit.

С. Списки первой редакции «Летописца великих князей литовских»

Здесь и далее в текстах списков «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» кириллические цифры заменены на арабские. Разделение на абзацы и предложения, а также расстановка знаков препинания выполнены автором. Титла раскрываются в круглых скобках.

Академический список

(ПСРЛ. Т. 17. Стб. 142—152; ПСРЛ. Т. 35. С. 110—114)

Лѣтписець великіх кн(я)зе[и] Литовскх

Велики кн(я)зь Гедимина Литовъского 7 с(ы)н(о)въ было: стареишїи Моидивиды, потом Наримонтъ, потомъ ꙮлгирдъ, королевь w(те)ць, потомъ Евнутии, потомъ Кестоути, wцрь великого кн(я)зѧ Витовта, // по- *л. 170 об.*
томъ [Ко]рьять, семы Либорть. Моньдевиду же w(те)ць дал Карачевь да Слоним, Наримонту Пинескь, ꙮлгирду, королеву w(т)цю, Кревь, да к тому кн(я)зѧ Витебьскїи с(ы)н(о)въ не дрьжаль, приняль его к докцѣ и Витебь взѧти. А Евноутья wсадиль оу Вилни на великом кнѧженьи, а Кестутью Трокы, а Корибутоу Новгородь. А Любарта приняль Володимерьскїи кн(я)зь к дочцѣ въ всю землю Волыньскую.

ꙮлгирдъ, королевь w(те)ць, а великого кн(я)зѧ w(те)ць Кестюти были оу великого кн(я)зѧ оу великои м(и)л(о)сти и в ласцѣ. Кн(я)зь великїи Евнути во большеньствѣ боуда не полюбилсѧ има и змолвили межи собою братьѧ, кн(я)зь велики ꙮлгирдъ и кн(я)зь велики Кестутїи, как бы его wтолѣ высади а никоторому бы межи нихь сѣсти. И змолвивше межи собою // рок оучинїли которого бы дні с Вилни пригнати и *л. 171*
засѣсти городы под братомъ великимъ кн(я)земь Евноутиемь. И кн(я)зь велики ꙮлгирдъ из Витебьска не поспѣлъ к тому року к Вилни, а кн(я)зь великїи Кестутеи пригналь к городу к Вилни и вогна во город. И кн(я)зь великїи Евнутїи, выскочивъ, оубѣжить в горы в гури и тамо wзѧбеть в ногы. Немше его привезли ко брату его ко кн(я)зю великому Кестутьеви. ꙮнь, жда брата своего стареишего великог кн(я)зѧ ꙮлгирда, посадить его за сторожею, а противоу брата своег великого кн(я)зѧ ꙮлгирда гонца послал, что уже оу Вилни сѣль а бра[та] кн(я)зѧ великого Евнутьѧ нѧль. Стретитъ его гонець оу Кревѣ, и кн(я)зѧ великїи ꙮлгирдъ вборъздѣ поспѣшить боръздѣ ї при//едеть ко брату *л. 171 об.*

своему ко кн(я)зю великомоу Кестутью. Кн(я)зь великїи Кестутїи рече бра*т*у своему, великому кн(я)зю Ꙉлгирду: «Тобѣ по*д*баеть великимь кн(я)земъ быти во Вилни; ты стареишии брать, а ѧ с тобою заwдно дрьжу». И посадить его на великомь кнѧженьи во Вилни, а Евноутью дали Жеславль. А докончають межи себе кн(я)зь великїи Ꙉ*л*гирдъ, кн(я)зь великїи Кестутїи, што братьи все послушнои быти великого кн(я)зѧ Ꙉ*л*гирда, или которыи волости, то собѣ разделили. А то собѣ докончають: что придобудоуть, грады ли или волости, да то дѣлити наполы, а быти има до живота в любви а въ великои м(и)л(о)*с*ти, а правду
л. 172 межи собою на томь никому ни на кого не помысли//ти лихо*м*. Также и была до живота в тои правдѣ.

С(ы)н(о)вь же было оу великого кн(я)зѧ Ꙉ*л*гирда 12, а оу великого кн(я)зѧ Кестоутьѧ 6 с(ы)н(о)вь было. А межи с(ы)н(о)вь любили кн(я)зь Ꙉлгирдь кн(я)зѧ великого Ягаила и кн(я)зѧ великого Кестоутьѧ полюбиль велико*г* Витовта, а нарекли при своихь животѣхь, што и*м* быти на и*х* местех, на великих кнѧженьяхь. Ꙉни паки, кн(я)зѧ великии Витовтъ, также оу великих дроу*ж*бах были при w*т*цехъ свои*х*. Потомъ паки кн(я)зь великїи Ꙉ*л*гирдъвич оумре, и кн(я)зь великї Кестоутїи не wставѧ брата своего, великого кн(я)зѧ Ꙉ*л*гирда. Какь и до его живота во wдиначествѣ з нимъ были, почнеть дрьжати кн(я)земь великого Ягаила.
л. 172 об. И почнеть такь переежда//ти ко стары*м* дума*м*, ка*к* и ко бра*т*у переежда-ти старшему.

Нѣхто пакь бы*л* оу великого кн(я)зѧ Ꙉлгирда паробокь неволныи, холоп, звали его Воидимомъ. Первое постелю слати и воду давати собѣ пити, и потомь пакь полюбилсѧ бы*л* емоу, да*л* емоу бы*л* Лиду дрьжати. И потомь по животѣ великого кн(я)зѧ Ꙉ*л*гирда двѣ лѣтѣ и болшеи минуло, кн(я)зь великїи Ягаило поведеть его вельми въ высокихь, и дасть за него сестру свою родноую, кнѧгиню Марью, што пото*м* была за кн(я)земь за Давдомь. Кн(я)зю великому Кестоутью влми велику нелюбость и жалость оучинїль, што братанноу его, сестру, за хопа [sic] да*л*. И бы*л* тоть Воидило оу великои моци оу кн(я)зѧ велико*г* Ягаила, почал з
л. 173 Нѣмци собѣ // соуимы чинити и записыватисѧ грамоты противоу великого кн(я)зѧ Кестутьа.

Ѣхо*т* пакь был Ꙉшькровьскыи кунтарь, звали его Гоуньстыно*м*. Тоть быль кмотрь кн(я)зю великомоу Кестютью, кр(е)*с*тиль кнѧгиню Янушеву, дочку его. Тоть повѣдаль кн(я)зю великому Кестютью: «Ты того не вѣдаешь, ка*к* кн(я)зь Ягаило посылаеть к на*м* часто Воидила, оуже записальсѧ з нами, ка*к* тебе избавити свои*х* мѣсть, а ему бы сѧ достало и съ сестрою великого кн(я)зѧ Ягаила твои мѣста». А кн(я)зь великїи Кестути вѣда*л*, што кн(я)зь великїи Витовть гораздо живеть со кн(я)земъ великимъ Ягаило*м*, и почнеть жаловатисѧ с(ы)ноу своему, великому кн(я)зю Витовтоу: «Ты з ни*м* гораздо живешь, а w*н* оуже записальсѧ з Нѣмици на нас». И кн(я)зь велики Витовтъ w*т*вѣчаеть

wтцю своему: «Не вѣруи тому, ач то // нѣть, занеже со мною гораздо жи- *л. 173 об.*
веть, ачеи бы мнѣ явил».

Потом пакь великое знамение оучинїлосѧ: кн(я)зь великїи Ягаило дал
был Польтескь брату своемоу, кн(я)зю Скиргаилу, и wни е не приняли. И
кн(я)зь великїи Ягаило посла рать свою оусю Литовьску и Рускоую з бра-
томъ своим, кн(я)земъ Скиргаиломъ, к Полоцку. И wтуды мистръ
Лифлѧньски прїиде ратью к Полуцкоу и wстоупѧть город. И кн(я)зь
великїи Кестутїи wпѧть начнеть жаловатис с(ы)ноу своему, великому
кн(я)зю Витовту, и проплакивал на кн(я)зѧ Ягаила: «За Воидила сестру
да, мою братаанну, а из Нѣмець ми явлено, что Нѣмци записалисѧ на нас,
а се пак третїе: с ким сѧ мы воюем? З Нѣмци. И wни з ними Полоцка до-
бывають. Оуже то проавилос, што wни заwдно посполь стали на нас з
Нѣмци». Кн(я)зь велики // Витовть wтвѣчаеть wтцю своему, великому *л. 174*
кн(я)зю Кестутью: «Еще тому не довѣрѧю гораздо». А рекь то кн(я)зь
великїи Витовть, а сам поехал к городу Дорогичинити. Кн(я)зь пакъ
великїи Кестутїю, собравсѧ своею моцью и вженеть в город оу Вилню и
иметь кн(я)зѧ великого Ягаила и з матрью и з братьею, и грамоты тые
знаидеть, што з Немци писальсѧ, и ко с(ы)ну своему гонца пошлеть, к
великому кн(я)зю Витовтоу ко Дорогичину, что такаѧ дѣла сталасѧ. И
гонець тоть наидеть кн(я)зѧ великого Витовта, а wн оуже до Городна
приехал з Дорогичина. А кн(я)зь великїи Витовтъ за wдинь д(е)нь прине-
неть из Городна ко wтцоу своему, великомоу кн(я)зю Кестютью. G҃н же
реч с(ы)ну своему, великому кн(я)зю Витовту: «Ты мнѣ не вѣриль, а се
тые // грамоты, что записалисѧ были на нас, но Б(ог)ъ нас wстерег. Но ѧ *л. 174 об.*
кн(я)зю великому ничего не вчиниль, не рушил есми ни скарбовъ его ани
стад, а сами оу мене оу нѧтьствѣ ходѧть, толко за малою сторожею,
а wтчину его, Витебьскь и Кревь, и всѧ мѣста, што w(те)ць его дрьжаль,
тое все ему даю, ни у во что их не оуступаюсѧ. А то оучиль есми стережа
своеи головы».

То пак кн(я)зь великїи Ягаило правду свою наборздѣ забыль, тамо не
пошол, а наговориль мѣстичи Виленьски Ганюилеву чѧд, а засѣли Вилнї.
А кн(я)зь великїи Витовтъ в тое времѧ оу Троцех был, и кн(я)зь великїи
Ягаило з Витебьска со всими своими приженеть к Вилни. И кн(я)зь
великїи Витовтъ пошлеть к Сѣверскому Новугороду ко wтцю своему с
тою вѣстью. А Нѣмци пакъ Прускїи оуслышавше та//а дѣла, и маршалко *л. 175*
Прускіи поїде на помочь ратью к великому кн(я)зю Ягаилу вельми набор-
зде. А какь оуслышавь то кн(я)зь велики Витовтъ, что Прускїи Нѣмци
к Вилни и Троком идоуть, а кн(я)зь великии Ягаило из Вилни к Троком
же идуть ратью сниматис з Нѣмци, и wнь поидет с Троковь к Городноу
с матерью. А какъ приступить ко Трокомъ кн(я)зь великїи Ягаило, и Тро-
ки дадутсѧ ему.

И кн(я)зь великїи Кестютїи к Городноу къ с(ы)ну своему, тута наи-
деть и жену свою и пошлеть ѧ къ Берести, надѣѧсѧ на кн(я)зѧ на Ѧнуша

Мозовьскоѓ, зѧтѧ своего, а сам поидеть во Жемоить, а с(ы)на, кн(я)зѧ великого Витовта, wставить оу Городнѣ. Кн(я)зь пак Янушь, зѧт его, забывъ добра и приязни цтѧ своего и тещи своеи и шюрьи, поиде ратью
л. 175 об. к До//рогичину, Дорогичинь возма wсадить, Мельник возма wсадить, Саражь извоюеть, Каменець извоюеть и wступить оу Берести тещю свою. Берестьѧ добывь поидеть проч, wсадивь тыи 2 города, Дорогичинь и Мелник. А кн(я)зь великїи Кестютїи, събравь свою Жемоитьскоую землю и вси рати, и поде к рѣце к Вльи, и кн(я)зь Витовть, собра свою рать и свои wчины, поидет из Городна противу wтца своего и съимутсѧ на Вельи вышши Ковна 2 мили. И тута перевезетсѧ рать и поидуть к Троком, и, пришдше, wстоупиша Троки. И почюеть кн(я)зь великїи Кестютїи, что кн(я)зь Ягаило из Вилни идеть ратью, а з нимъ Нѣцкаѧ [sic] рать и Лифлѧньскаѧ. Ино первое Нѣмци wбоим неприѧтели были, и кн(я)зю
л. 176 великому Кестютью, и кн(я)зю великому Ягаилу. И се пе//рвое: Лифлѧньскаѧ рать на помочь приходила кн(я)зю Скиргаилу к Полоцку, а потом з маршалъком Проускаѧ рать ко Трокомъ приходила, а то вже въ третьее Лиѳлѧньскаѧ рать з ним же придила [sic]; то вже заки [sic] тые вышли, што с ними заwдно стали противоу кн(я)зѧ великого Кестютьѧ.

И выступить на бои кн(я)зь великїи Кестутїи и с с(ы)ном своим, великим кн(я)земь Витовтом, противу кн(я)зѧ Ягаила. И как не сѣшедшимсѧ полкомь за три или за четыри перестрѣлы, приженуть кн(я)зи и бояре wт кн(я)зѧ великого Ягаила до кн(я)зѧ великоѓ рати Кестоутьевы, почноуть пытати кн(я)зѧ великого Витовта, што быхомъ з ним поговорили. Почнут говорити великому кн(я)зю Витовтоу: «Кн(я)зь
л. 176 об. великїи Ягаило послаль насъ к тобѣ, што быхомъ // дръжали свое, а вы бы свое, а бою бы межи нас не было, а кровопролитьѧ бы не оучинилосѧ. Ты бы приехал ко брату своему, кн(я)зю великому Ягаилу, а мы правду даемь, чтобы тобѣ чисто wтехати wпѧть оу рать свою, чызды бы межи вас добрыи был конець». И кн(я)з великїи Витовть wтвѣчаль: «Правду оу вас беру, штобы також кн(я)зь Скиргаило сѣмо приехал, а такоже бы правду даль, и ѧ выеду». И wни послали къ кн(я)зю Скиргаилу, и кн(я)зь Скиргаило такоже правду дал великомоу кн(я)зю Витовтоу, какь и wни. И кн(я)зь Витовть поехаль къ кн(я)зю великому Ягаилоу и ко его рати, а полкове стоять, межи себе не починали нїчего. И кн(я)зь великїи Ягаило учнет просити великого кн(я)зѧ Витовта, штобы еси межи нас оуед-
л. 177 налъ // и кровопролитьѧ бы не было. И кн(я)зь великїи Витовть правду взѧлъ оу кн(я)зѧ великоѓ Ягаила за wтца своего, что wтцю его, великому кн(я)зю Кестутью, зьехавсѧ и wпѧть чсто розехатисѧ. А еще реч кн(я)зь великїи Витовть кн(я)зю великому Ягаилоу: «Еще, брате, пошли кн(я)зѧ Скиргаила, штобы и wнь и ѧ задали быхом правду wтцю своему, иж бы емоу чсто приехати и wпѧть wтехати в рать, а кн(я)зь бы великїи Скиргаило wт тебе дал правду». И кн(я)зь великїи Витовть съ кн(я)земъ Скиргаилом воедеть ко wтцю своемоу великому wт кн(я)зѧ великого Ягаила,

и кн(я)зь Скиргаило дас правду wт кн(я)зѧ великого и wт себе. И кн(я)зь великїи Витовтъ со wтцемъ своимъ, великыѧ кн(я)земъ Кестутьемъ, wба поидуть из рати, надѣѧсѧ на тыи правды. И кн(я)зь великїи Ягаило переступивь тыи правды, молвѧт: «Поедь к Вилни, тамо дончаемь [sic]». Въше wстали.

И какъ // к Вилни приехавъ, кн(я)зѧ великого Кестютья, дѧдю своего, *л. 177 об.* wковавь, послали Креву и всадили оу вежю, а кн(я)за великого Витовта wставили были еще оу Вилни. И тамо оу Кревѣ пѧтое ночи кн(я)зѧ великого Кестутьѧ оудавили коморники кн(я)зѧ великого Ягаилов: Прокше, што воду даеть ему, а были инии, Мостевь брать а Кучюкь, а Лисица Жибндѧи. Таковъ конець сталсѧ кн(я)зю великому Кестоутью. По см(е)рти пакь великого кн(я)зѧ Кестоутьѧ пошлеть кн(я)зь великїи Ягаило кн(я)зѧ великого Витовта оу Кревъ же со женою а велить его тврѣдо стеречи в комнатѣ. Помщаѧ Воидила, што были сестру свою за него дали, дву вели на колесѣ разбити, а wдно, Видимонта, дѧдю матки кн(я)зѧ великого Витовта, wтца брата матки его, што дръжаль Оульяну, потомъ пакь была за Мониводомъ, а иныхь // бояръ многих постинали, помщаа *л. 178* того Воидила. Кн(я)зь пакь великїи Витовтъ сидѣль оу Кревѣ в комнатѣ за тврѣдою сторожею, а жонцѣ 2 ходили покладывати кнѧгиню в комнату да положивь да вонь поидоуть, а сторожи wколо. То пакь великаѧ кнѧгинѧ слышавь wт людеи: иметь ли кн(я)зь великїи Витовтъ долже сидѣти, ачь также загадають, как и нашим wтцемъ. И пригадала ему такь: какь поидуть жонки покладывати, ино бы ему wднои жонки оуслакьсти порьты да выити вонь з другою жонкою, а тои жонцѣ wставити бы в неи в которыхъ портѣх выидеть вонъ. И пакь его наоучить, и wнь, нарѧдивсѧ в одное жонки порты, да и з другою вышоль, да споустилсѧ з города да оутекь оу Нѣмци, оу Прусы.

Соущю *ж* ему оу Нѣмцахь оу Марьинѣ градѣ у мистра, // приехаше к *л. 178 об.* нему мнози кн(я)зи и бояре Литовьскїи, wн же нача воевати с помочю Нѣмецѣкою Литовьскоую землю. А кн(я)зю великому соущю Ягаилу з матерью, з великою кнѧгинею Оульяною, въ Витебьскоу, а брать его, кн(я)зь Скиргаило, оу Литовьскои земли оу Троцех. А великомоу кн(я)зю Ягаилу и Скригаилу не возможно оуже стати противу емоу, занюже бо оу него сила велика собраласѧ. Тыгды кн(я)зь Ягаило, перезвавъ его из Нѣмець, и дал ему Лоуческь зо всею Волыньскою землею, а оу Литовскои земли wтчину его.

Короля Казимира Краковьского в животѣ не стало, а с(ы)н(о)вь оу него не было, толко wдна долка. И начаша Лѧхове слати ис Кракова ко кн(я)зю великомоу Ягаилу, дабы приняль кр(е)щ(е)ніе старого Рима и понѧл бы оу них королеву Ядвигу собѣ жоною и стал бы оу нихь // коро- *л. 179* лем оу Кракове на все земли Лѧдскои. Сѽн же, кн(я)зь великїи Ягаило, совѣть сотвори своею м(а)т(е)рью, з великою кнѧгинею Оульѧною, и з братьею своею, и съ всими кн(я)зьми и бояры Литовьское земли, и поехав

Кракову в Лѧдскоую землю. Тамо же сам кр(е)стисѧ и брать его, и кн(я)зи, и болре Литовьское земли. И взѧль за себе королеву Адвигу, и коруновaн бысть того королевъства коруною. И wтолѣ начаша кр(е)стити Литву в Латыньскую вѣроу, и присла арцибискупь бискупа к Вилни в Литовскоую землю, и тогда начаша ставити костелы въ всеи Литовьскои земли.

Тое же зимы королю соущю оу Кракове зо всими, кн(я)зь Аньдреи Полоцки прииде з Нѣмъци с Виѳлѧнты, зо всею Латыгалою на Литовъскую землю, и повоевавъ пожже много мѣсть и селъ, градом же в Ли-
л. 179 об. товь//скои земли ничто не оуспѣ, и пакы возвратисѧ восволсы.

Тое же зимы кн(я)зь Свѣтслявь Смоленьскыи совѣть сотвори со кн(я)земь Андреемь Полоцкым: wн в Литвоу, а кн(я)зь Свѣтьслав ко Рши. А на миру много зла сотвориша, хр(ис)тияньскии мучиша хр(и)стиянь, иж ни на поганьскых ратех слышахwмь таковых моукь мучащи хр(и)стиѧнь. Збираху и запираху во избах и зажигаху, а дроугиѧ великїя храмы wчапы подьнимаху и плѣниковь под стѣны главами кладѧху, а иныѧ жень и дѣти на копьѧ тыкаху, а иныхь моукь над хр(и)стияны, ихже срама ради не писахомь, якож ни Антиwх Сирьскїи, ни Оульянь законопреступник тых моукь не сотвори над хр(и)стиѧны. Граду же Рши нїчто же оуспѣша и паки возвратисѧ восволси.

Тое же зимы на весну оу великїи говенна начать Светьславь думати
л. 180 Смо//леньскими бояры на хр(и)стияньское кровопролитие, аки звѣрие сверѣпии, аки нехр(и)стиѧне. Поиде ко граду Мьстиславлю и ста оу град Мьстиславлѧ, и нача добывати и пороки бити град, а в землю Мстиславльскую вои пусти и много пролиа крови хр(и)стиѧньскїа. То ж быс Б(о)гу мрьзко зрѣти: зовущимсѧ хр(и)стияномъ, а братью свою хр(и)стиянь не ч(е)л(ове)ческии, ни хр(и)стияньскїи мучаху. Кн(я)зь же великїи Скиргаило и кн(я)зь великїи Витовтъ приехавше из Лѧхов а брата своего короля и слыша, яко кн(я)зь Светьславъ Смоленьскїи и преже бысть под Витебьскомь, а потом ко Рши приходил, а под Мстиславлем стоить, град пороки биеть. И сожаливсѧ кн(я)зь великїи Скиргаило, поиде со братьею своею, з великим кн(я)земь Витовтом и съ Семеномъ Гуг-
л. 180 об. нивымь. И помѧнуша слово // Б(о)жїе, еже реч: «Во которою мѣру ч(е)л(ове)къ мѣрить, wтмѣритсѧ ему, а что посѣть, то и пожнеть». «Мы, — рекоша, — никего [sic] зла ему не сотворихом, а wнь з нами в доконченїи боудучи и преступивь кр(е)стное цѣлованїе и дончанїе [sic], а нашю землю воюеть и кровь хр(и)стиѧскую проливаеть. Мы же нань идемь, надѣясѧ на Б(ог)а и на хр(и)стіаньскую силу». И приидоша ко град Мьстислявлу. А кн(я)з Светьславоу, стоящю оу града и выѧвше пороки града Мстиславль на кр(е)стнои недли оу пѧтницю. А пакь оуслышавь кн(я)зь Светслявъ, што идеть на него кн(я)зь великїи Скиргаило со братьею, wн же спольчивь воѧ своѧ и поидеть противу им. Яко состоупишас полци, Б(ог)ъ же по Д(а)в(и)да пророку слову сотвори, еже реч:

«Ѡбратитсѧ болезнь на главу его, и на // врхъ его неправда снїдеть». *л. 181*
И паки: «Ровь изры и искапа, и впадес во ѧму, юже сотвори». Б(ог)ъ же поможе великому кн(я)зю Скиргаилу и великомоу кн(я)зю Витовту, а кн(я)зь Светьславь оустремисѧ на бѣгь и со своими кн(я)зьми и бояры Смоленьскиѧ, и со своими ратьми. Б(о)жьею силою ту не мало чюдес сотвориша, избито быс вои много множество, кн(я)зеи, боярь. Но и самого кн(я)зѧ великого Светьслава оубиша, с(ы)на же его, кн(я)зѧ Юрьѧ кн(я)зь великїи Скиргаило wбрѣтесѧ оу Троцех много ранена, толко жива соуща. И взѧ его и нача его лѣчити многими лѣкарьствы, и главу ему постриже рань ради, зане много раненьи wчаявсѧ бе живота. Кн(я)зь же великїи Скиргаило исцѣливь его wт рань и привезе ко граду Смоленьску к матери его, великои кнѧги//ни Свѣтславли, и посади его на великом *л. 181 об.*
кнѧженьи оу Смоленьску, занеже был за кн(я)земъ Юрьемъ дочка стареишее сестры Скирьгаиловы. Ѡтшед же wт города Смоленьска кн(я)зь великїи Скиргаило и поидеть во свою землю Литовьскоую, и нача кнѧжити оу Троцех, а оу Вилню прислаль король старосту wт себе Лѧдского.

А кн(я)зю великомоу Витовту тогда дръжащю Луческь и всю землю Волыньскую, а в Литовъскои земли wтчиноу свою мѣль. И быс емо ножно, яже преже чего не было в Литовъскїи земли, сторонам владѣющимъ великим кнѧженьемь. Тогда съвѣть сотвори со многими кн(я)зьми и бояры Литовъскои земли. Тогда бо Скиргаилу wтехавшоу ко Полоцку и кн(я)зь велики Витовт прииде в Вилню, хотѧ // засѣсти, *л. 182*
а кнѧгинѧ великаѧ его [А]нна бѣ тогда в Городнѣ. Вилневци же тогда не вдашесѧ ему, заеже тогда правду дал королю Скиргаилоу. Ѡнь же тогда не возма Вилни и поиде к мистроу и с своею кнѧгинею, и своими кн(я)зѧми, и со многими бояры, и wтолѣ нача воевати Литовъскую землю з Нѣмецкою помочию. И оуже оузѧл был Литовъскїи земли по рѣку по Велью, а Полтескъ градъ вдасѧ ему.

И оузрѣ король и кн(я)зь великїи Скиргаило, яко уже не возможно имъ оудръжати земли Литовъскои перед великимъ кн(я)земъ Витовтъмъ. С Нимецькими силами поиде к Вилни. И стрѣте его кн(я)зь Скиргаило съ братом своим Витовтьмъ и з Литовъскими вои на рецѣ на Вельи оу городка, на мѣсти наречнномъ Икшишькы. И ступившимсѧ полкомъ, и Б(ог)ъ поможе великому // кн(я)зю Витовту, и побѣжени быша Ли- *л. 182 об.*
товъскїи вои, и оустремишасѧ на бѣгь, и побито быс их много. А нных кн(я)зеи и боярь в нѧтьство поимали: кн(я)зѧ Семена Евнутьевич, кн(я)зѧ Глѣба Светославича Смоленьскоѓ, кн(я)зѧ Васильѧ Костѧтиновича, кн(я)зѧ Ивана Тету, Лва Плакьсича и иных кн(я)зеи поимано быс много.

Иде кн(я)зь великїи Витовтъ таки ко граду Вилни съ своими воими, и wступить градъ Вилню, и нача добывати Кривого города, пушиками бити, и взѧ градъ Кривыи. Тогда же Нѣмци оубиша кн(я)зѧ Коргаила Ѡлгирдовичѧ. А Лѧдскои заставѣ тогда соущи оу Высокомъ городѣ не

пустиша во градъ кн(я)зѧ Коргаила. Кн(я)зь же великїи Витовтъ возма Кривыи градъ и землю извоевавъ, паки возвратисѧ в Нѣмци.

Того же лѣта к великому кн(я)зю Витовту…

Виленский список

(ПСРЛ. Т. 17. Стб. 191—204; текст дополнительно сверен по фотоснимкам рукописи: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Elektroninis archyvas. URL: http://elibrary.mab.lt/handle/1/7327)

Оу великого кнѧзѧ Кгедимина Литовского 7 с(ы)новъ было: старшии Монтивид, потом Нарамонтъ, потом Ѳлкгирдъ, потом Евноутїи, потом Кестоутїи, потом Коріать, семыи Любортъ. Монтивидоу w(те)ць далъ
л. 437 об. Карачевъ и Сло//нимь, а Нарамонтоу Пинескъ, Ѳлпгирдоу [sic], корелеву wтцоу, Крево, да к томоу кнѧз Витебскыи сыновъ не дръжалъ, принѧл ко дочце въ Витебескъ. Евнутя wсадилъ в Вилни на великом кнѧженьи, а Кестутю дал Трокы, а Корьѧтоу Новгородокъ, а Люборта принѧл Волынскыи кнѧз въ всю землю Волынскуж.

Ѳлкгирдъ, королевъ w(те)ць, а великого кн(я)зѧ Витовта w(те)ць Кестутїи были у великои м(и)л(о)сти и в ласце. Кнѧз великыи Евнутїи въ болшиньствѣ буда не полюбилсѧ има, и смовилисѧ межи собою братя, кнѧз великыи Ѳлкгирдъ и кнѧзь великыи Кестутїи, какъ бы им его wтолѣ высадити, а которому бы промежу их сѣсти. И смовивши межу собож и рокъ учинили, которого бы днѧ к Вилни пригнати и засѣсти город под братом, великым кн(я)земь Евнутьемь. Кнѧз великыи Ѳлпгирдъ [sic] с Витебьска не поспѣлъ к томоу року къ Вилни, а кнѧз великыи
л. 438 Кестутеи пригнал къ городж к Вилни и въгнал // в город. И кнѧз великыи Евнутїи выскочил и оубѣжал в горы и в дол и тамо wзѧбе в ногы. И емше его привели къ брату его, къ кнѧзю великому Кестутю. Ѳн жда брата своего старшого, великого кнѧзѧ Ѳлкгирда, посадит его за сторожею, а противу брата своего, великого кн(я)зѧ Ѳлкгирда, пошлет гонца, што вже въ Вилни сѣл а брата своего, великого кн(я)зѧ Евноутѧ, инѧл. И стретит его гонець оу Кревѣ, и кнѧз великыи Ѳлкгирдъ борздѣи поспешит ехати къ брату своемж, ко кнѧзю великому Кестоутю. И кнѧз великыи Кестутїи реч брату своему, великомоу кнѧзю Ѳлкгирду: «Тобѣ подбаеть кн(я)земь великым быти у Вилнї, старшии братъ, а я с тобою заwдно живж». И посади его на великwм кнѧжени оу Вилни, а Евнутью дали Жаславль. А докончають межи себе кнѧз великыи Кестутїи, што брати своеи послушным быти великого кнѧзѧ Ѳлкгирда, а то собѣ въпѣвнѧт: што придобоудоут, горы или волости, да то дѣлити наполы,
л. 438 об. а быти има до живота у любви и оу вели//кои м(и)л(о)сти, а присѧгли промежи собою, што никому межи их зла не помыслити. Також и были по реченнои правдѣ и до своего живота.

Сынов же было оу великого кнаѧ Ѡлкгирда 12, а оу великого ккнаѧ [sic] Кестѫта 6 сынов было. А межи всих с(ы)нов своих любилъ великыи кнаѧзь Ѡлкгирдъ кнаѧ великого Якгаила, и великыи кназ Кестутїи полюбилъ великог кнаѧ Витовта. И нарекли при своихъ животех, што имъ быти на своих мѣстѣх, на великых кн(я)ж(е)ньах. Ѡни пак, кназ великыи Ꙗгаило и кназ великыи Витовтъ, также оу великых дружбах были при w(т)цех своих. Потом пакъ кназ великыи Ѡлгирдъ оумре, и кназ великыи Кестоутїи, не wстава слова брата своего, великого кнаѧ Ѡлкгирда, такъ и до своег живота оув одинацствѣ с нїм были, почнет дръжати кназемъ великымъ въ Вилни с(ы)на, кнаѧ Якгаила, и почнет также приездати // къ старым доумам, какъ и къ брату прїездивалъ къ *л. 439* старшему.

Нѣхто пакъ оу великого кнаѧ Ѡлкгирда xwлопъ Воидило. Пръвое былъ пекарцом, а потом оуставилъ его постелю собѣ слати и воду давати собѣ пити, потом пакъ полюбилсѧ емоу велми, и далъ былъ ему Лидоу дръжати, и повелъ его у великых. Потом по животѣ великого кнаѧ Ѡлгирда двѣ лѣтѣ болши ль было, кназ великыи Ꙗгаило поведет его велми оу высокых и дасть за него сестру свою pwдноую, кн(я)г(и)ню Марью, што потомъ была за кназемъ Д(авы)домъ. Кнаѧзю Кестѫтю великоую нелюбовъ и жалость вдѣлалъ, што братанняѫ его а сестру свою за холопа далъ. И былъ тои Воидло у великои мwци у великого кнаѧ Ягаила, и почалъ с Нѣмьци собѣ соимы чинити и записыватисѧ грамотами противѫ великог кнаѧ Кестута.

Нѣхто пак былъ Ѡстрозкыи кунтоуръ, звали его Гѫнстыномъ. Тои былъ кмотръ кнаѧзю великому Кестоутю, кр(е)стилъ кнагиню Аноу//шеву, доч- *л. 439 об.* коу его. Тои повѣдалъ кнаѧзю великому Кестѫтю: «Ты того не вѣдаешь, какъ кназ великыи Ꙗгаило посылает к намъ часто Воидила и оуже записалсѧ с нами, как тебѣ избавити своих мѣстъ, а емоу сѧ бы достало и с м(а)т(е)рью великого кнаѧ Ягаила твои мѣста». Кназ великыи Кестоутеи вѣдалъ, што кназ великыи Витовтъ горазда живеть съ кназемъ великымъ Ꙗгаиломъ, и почнеть жаловатис сыноу своему, великому кнаѧзю Витwвтѫ: «Ты с нимъ гораздо живеш, а wн оуже записалсѧ с Нѣмци на насъ». И кназ великыи Витовтъ рекъ wтцу своемоу: «Не вѣруи томоу, занже съ мною горазд̀о живеть, ачеи бы ми явилъ».

Потомъ пак явилосѧ великое знаменїе: кназ великыи Ꙗгаило далъ былъ Полтескъ брату своемоу, кнаѧзю Скиргаилоу, и wни его не приняли. И кнаѧзь великыи Ꙗгаило пошлеть свою всю Литwв//скую и Роускую и з *л. 440* братwм своимъ, съ кн(я)земъ Скиргаилwмъ, к Полоцку, и wстоупѧть городъ. И кназ великыи Кестоутїи wпѧть почалъ жаловатисѧ сыну своемоу, великомоу кнаѧзю Витwвтоу, и проплакиваѧ на кнаѧ Ягаила: «За Воидила сестру свою далъ а мою братанну, а з Нѣмци явленw, што Нѣмци записалисѧ на нас, а се пакъ третїе: с кимь с мы воюемъ? С Нѣмци. А wни с ними Полоцка добываютъ. Уже то проявилосѧ, што wни заwдно

певно стали на насъ с Нѣмци». И кнѧз великыи Витѡвтъ реклъ ѡтцоу своему, великомоу кнѧзю Кестоутью: «Еще тому не довѣрѧю гораздо». А реклъ то великыи кнѧзь Витовътъ и поехалъ к городоу Дорогичиноу. Кнѧз великыи пакъ Кестутеи, събравъс съ всими вои своими, и вженеть оу Вилню, и иметь великог кнѧзѧ Ѧгаила и с матерью его и зъ братьею, и
л. 440 об. грамоты наидеть, што с Нѣмъци записалисѧ, и къ с(ы)ноу своемоу // гонца пошлеть, къ велиму [sic] кнѧзю Витовту к Дорогичиноу, што таѧ дѣла сталасѧ. И гонець тои наидеть великѡго кнѧзѧ Витѡвта оу Городнѣ, и кнѧз великыи Витѡвтъ за ѡдинъ д(е)нь з Городна приженеть къ ѡтцу своему, великомоу кнѧзю Кестоутью. Ѡнъ ж реклъ с(ы)ноу своемоу, великомоу кнѧзю Витѡвтоу: «Ты мнѣ не вѣрилъ, а се тыи грамоты, што записалисѧ на насъ, но Б(о)гъ насъ ѡстерегъ, ино ѧ великому кнѧзю Ѧгаилоу ничого не вдѣлалъ, не рушилъ есми ни скарбов его, ни стадъ, а сами оу мене оу нѧтствѣ хѡдѧть за малою сторожою, а ѡчин, а ѡтчину [sic] его, Витебскъ и Крево и всѧ мѣста, што ѡ(те)ць его дръжал, а тое все емоу даю, ни въ што не въступаюсѧ. А то вдѣлал есми стерега головы свеи [sic]. И почѫлъ есми, што на мене лихо мыслѧт». И кнѧз великыи
л. 441 Ѧгаило оурадовалсѧ // велми приездоу кнѧзѧ великого Витовта, и правдоу дасть кнѧз великыи Ѧгаило великомоу кнѧзю Витѡвтоу и дѧди своемоу, великомоу кнѧзю Кестоутю, што николи противоу емоу не стаѧти, а завсе оу его воли быти. И кнѧз великыи Кестутїи ѡтпоустилъ его з братею его, и з м(а)т(е)рью его, и съ всимъ скарбѡм его. И кнѧз великыи Ѧгаило поедеть до Крева, а кнѧз великыи Витовтъ проводить его до Крева, а Ѧгаило поедеть с Крева къ Витебьску. А какъ сѣд кнѧз великыи Кестутїи оу Вилни, пошлет два ч(е)л(ове)кы к Полоцку, ѡдного ч(е)л(ове)ка оу рать, а дроугога къ городоу. И Полочане оурадовалисѧ и кликноули на рать, и люди ратныи ѡтспоупили [sic] ѡт кнѧзѧ Скиргаила и пошли к Вилни къ великоу кнѧзю Кестутю. И кнѧз Скиргаило поидеть оу Нѣмци у Лифлѧнты с малыми слоугами.

Кнѧз пакъ великыи Кестутїи поедѣть къ Северьскому Новоугородку
л. 441 об. на кн(я)зѧ Ко//рбоута, а с(ы)на своего, великаго кнѧзѧ Витовта, ѡставил оу Вилни. А ида к Сѣверскому Новугородкоу велить Воидила ѡбесити, а кнѧзю велїкому Ѧгаилу с Витебка [sic] поити было с ним же. То пак великыи кнѧз Ягаило правдоу свою въборзѣ забыл, тамъ не пошолъ и наговорил мѣстичи Виленскыи и Ганулеву чад засѣсти Вилню. А оу тот часъ кнѧз великыи Витовтъ у Троцех был, и кнѧз великыи Ѧгаило с Витебска съ всими людми своими приженет к Вилни. И кнѧз великыи Витовтъ пошлет къ Сѣверскому Новугородкоу къ ѡтцу своему с тою вѣстью. А Нѣмци пак и Прусы услышавши таѧ дѣла, и маршалко Проусскыи поиде на помочь ратю великою кн(я)зю Ѧгаилу въскоре. А как оуслышавши то кнѧз великыи Витовтъ, што Прусы и Нѣмци к Вилни и къ Троком идоут, а кнѧзь великыи Ѧгаило з Вилни къ Троком же
л. 442 идеть ратю с Нѣмци сниматис, а ѡн поедет с Тро//ковъ к Городноу

с матерью. А какъ приступи*т* къ Троко*м* кнѧ*з* великыи Ягаило, и Трокы дадуть*с* емоу.

И кнѧ*з* великыи Кестоутїи с(ы)на своего и жену свою в Городнѣ наеде*т* и пошлеть ее к Берестью, надѣѧсѧ на кн(я)зѧ Януша Мазовецкого, зѧтѧ своего, а самъ поиде оу Жомои*т*, а с(ы)на своего, великого кнѧзѧ Витов*т*а, wстав*и*лъ у Городнѣ. Кнѧ*з* пак Яноу*ш* забы*л* добра и приѧзни цтѧ своего и тещи и шурьи своеи, поиде*т* рат*ю* къ Дорогичиноу, Дорогичинъ [sic] възмѣ*т* и Мелникъ wсадить, Сараж, Каменець извоюеть, и wстоупи*т* в Берестьи тещоу свою. Берестьѧ нѣ добы*л*, поиде проч, wсадивъ тыи два городы, Дорогичи*н* и Мелникъ. А кн(я)зь великыи Кестутїи, събра*в* всю свою Жомои*т*, поиде к рецѣ Велїи, и кнѧ*з* великыи Витов*т*ъ, събра*в* всю свою ра*т* w*т*чины своеи, поиде из Город*д*на напротивоу w*т*ца своего, и съимуть*с* на Вельи вышеи Ковна двѣ мили. И тоу перев*е*зѣть*с* ра*т* и поидоу*т* къ Троко*м* и, пришед*ш*и, wступѧ*т* Трокы. // И почоуеть великыи кнѧ*з* Кестутеи, што великыи кнѧ*з* Ягаило з Вилни *л. 442 об.*
иде*т* рат*ю*, а с нимъ Немецкаѧ ра*т* и Лиѳлѧнскаа. Ино первѣи Нѣмци wбоимъ непрїатели были, кн(я)зю великомоу Кестоу*т*ю и кн(я)зю великоуму Ягаилу. А се пръвое: Лиѳлѧнскаа ра*т* на помочь прихw*д*ила кн(я)зю Скиргаилоу къ Полоцкому, а пото*м* с маршалкомъ Проускаа ра*т* къ Троко*м* прихw*д*ила, а што в*ж*е Лифлѧнская ра*т* третїе с ни*м* же прихw*д*ила, то вже знакомиты*и* [sic] вышли, што с ними saw*д*но стали противу великомоу кн(я)зю Кестоу*т*ю.

И выстоупи*т* великыи кнѧ*з* Кестутеи и съ с(ы)но*м* своимъ, великы*м* кнѧзе*м* Витов*т*о*м*, противу великого кн(я)зѧ Ягаила. И еще не същед*ш*имсѧ полко*м* за три или за четыри стрелен*ѧ*, и приженж*т* кн(я)зи и боѧре w*т* кн(я)зѧ великого Ягаила до кнѧзѧ великого рати Кестоу*т*евѣ, почну*т* пытати великого кн(я)зѧ Витов*т*а, што быхмо с ни*м* поговорили. // Почноу*т* говорити великому кн(я)зю Витов*т*у: «Кнѧ*з* великыи Ягаила *л. 443*
послалъ на*с* к тобѣ,[1-] штобы еси оуднал на*с* съ w*т*це*м* своим[-1], што быхмо держали свое, а вы свое, а бою бы межи на*с* не было и кровопролит*ѧ*. Ты бы приехал къ брату своемоу, к великому кн(я)зю Ягаилу, а мы тобѣ на томъ прав*д*оу даемъ, што тобѣ ч(и)сто wпѧ*т* оу воиско свое w*т*ехати, ачеи бы межи вашеи м(и)л(о)сти што доброго сталос». Кнѧ*з* великыи Витов*т*ъ реклъ и*м* такъ: «Правдоу у васъ бѣроу, штобы тако*ж* кнѧ*з* Скиргаило у мое воиско прїехал, а таке*ж* бы правду дал, а ѧ выедоу». И wни послали къ кн(я)зю Скиргаилу. Таке*ж* прав*д*оу дал великомоу кн(я)зю Витов*т*оу, как wни правду дали. И кнѧ*з* великыи Витов*т*ъ поехал къ кнѧзю великому Ягаилу въ его во*и*ско, а гоуѳы стоѧ*т*, промежи себе *н*е починаа ничого. И кнѧ*з* великыи Ягаило почне*т* просити велико*г* кн(я)зѧ Витов*т*а, штобы еси промежи на*с* оуеднал, а кровопролитьѧ бы не было. И кнѧ*з* великыи // Витов*т*ъ правду взал оу велико*г* кнѧзѧ Ягаила за w*т*ца *л. 443 об.*
своего, што w*т*цу его, великомоу кнѧзю Кестутью, съехавсѧ wтѧ*т* [sic] чисто розехати*с*. А рекл*ъ* великыи кнѧ*з* Витовтъ кн(я)зю Ягаилоу: «Еще,

брате, пошли до кн(я)зѧ Скиргаила, штобы wн и ѧ дали быхмо правдоу wтцоу своемоу, иже бы ему ч(и)сто приехати и wпѧт wтехати оу рать, а кнѧз бы Скиргаило wт тебе дал правдоу». И кнѧз великыи Витовть съ кн(я)земъ Скиргаиломъ уедеть къ wтцу своему, великомоу кнѧзю Кестоутю, оу воиско и дасть правду wтцу своему, wт кн(я)зѧ великого и wт себе. И кнѧз Витовтъ съ wтц(е)мь своимъ, с великым кнѧзем Кестутемъ, wба поидоут и з воискы, надѣѧсѧ на тыи правды. Кнѧз же великыи Ягаило переспупивъ [sic] свои слюбъ и правдоу, мовит: «Поедь к Вилни, и тамо докончаемь». А в том воиска ничег не починали и wставили.

л. 444 А как // к Вилни прїехав, кн(я)зѧ великого Кестута wковавши и послал къ Кревоу и всадили у вежу, а кн(я)зѧ великого Витовта wставили еще оу Вилни. И тамо въ Кревѣ пѧтое ноци кн(я)зѧ великог Кестоутѧ оудавили коморникы кн(я)зѧ великого Ягаиловы: Прокша, што воду давал ему, а Бѣликъ, Мостев брат, а Коучукъ, а Лисица Жибенътѧи. Такова см(е)рть пригодиласѧ кн(я)зю великому Кестоутю. По см(е)рти пакъ великог кн(я)зѧ Кестута пошлет великыи кнѧз Ягаило кн(я)зѧ великого Витовта у Крево и съ женою, а велит его твердо держати у комнотѣ. Помщаѧ Воидила, што был за него сестру свою дал, двоу велѣл на колесѣ розбити, wдного, Видимонта, дѧдю маткы великого кн(я)зѧ Витовта. Онъ, брат маткы его, што дръжал Оульяну, потом была за Монивидом. А иных боляръ многг постинали, помщаѧ тог Воидила. Кнѧз пак великыи Витовт седѣл оу Креве оу комнатѣ за твердою сторожою, а жонцѣ двѣ
л. 444 об. ходили // покладывать кн(я)зѧ оу комнотоу, положивъ да вонъ идоут, а сторожи wколо. То пакъ великаѧ кнѧгинї слышав wт людеи: имет людеи [sic] великыи кнѧз Витовтъ должеи сѣдѣти, аль пак также изгадають над нимь, какъ и над wтц(е)мь его. И пригадала ему такъ: как жонкы приидуть покладат, ино ему wдное жонъкы порты усклад̀ши да выити вонъ и з дроугою жонкою, а тои жонце wстати у нее, оу которое портехъ вышолъ. А такъ его наоучить, ї wнъ такъ вдѣлаеть, да и споустилсѧ з города и оутекъ з города въ Нѣмци и оу Прусы.

Бывшоу же ему в Нѣмцех и оу Маринѣградѣ оу мистра, приехаша к немоу мнози кн(я)зи и боляре Литовьскыи, wнъ же почѧл воевати Литовскую землю, а с помочю Немецкою. А кнѧз великыи Ягаило с матерью, великою кнѧгинею Ульяною, оу Витебску, а брат его, кнѧз Скиргаило, оу Литовскои земли у Троцех. А кнѧзю великомоу Витовтоу[2] //
л. 449 часто воючи [sic] Литовскую землю, а великому кн(я)зю Ягаилоу и Скиргаилу невъзможно имъ стати противоу ему, занеже бо в него събралас великаѧ сила. Тогда кнѧз Агаило перезвавъ его с Нѣмци и дал емоу Луческъ съ всею Волынскою земьлею, а у Литовскои земли у очинѣ его.

Короля Казимира Кроковского в животѣ не стало, и сынов в него не было, только wдна дочка Ѧдвига. И почали Лѧхове слати с Кракова къ великому кнѧзю Ягаилоу, абы принѧл крещенїе старого Рима и понѧл бы в них королевноу Ѧдвигу и сталъ бы в них королем въ Краковѣ и на всеи

Лѧдскои земли. И wн же, великыи кнѧз Ѧгаило, почал сѧ радити с материю своею, кнѧгинею Оульѧною, и съ братею, и съ всими кнѧзи и бояры Литовское земли, и поехалъ къ Краковѫ, въ Лѧдскоую землю. Тамо сѧ кр(е)стилъ, и братѧ его, и мнози боляре Литовское земли. И понѧл за себе кролевноу Ѧдвигу, и короунован того королевства // короуною. И wтолѣ *л. 449 об.* почал кр(е)стити Литву оу Латынскую вѣроу, и послал арцибискуп бискоупа къ Вилни в Литовскоую землю, и тогда начѧша стави [sic] костелы въ всеи Литовськои земли.

Тое же зимы королю бывшоу у Краковѣ съ всими кнѧзми Литовскыми, кнѧз Андрѣи Полоцкыи приидѣ с Нѣмци с Лифлѧнты, съ всею Латыголою на Литовскоую землю и, повоевав, много пожже мѣстъ и селъ, градом же в Литовскои земли ничог не вчини и пакы възвратисѧ въсволси.

Тое же зимы кнѧзь Сватославъ Смоленьскыи совѣтъ съ кнѧземь Андрѣемь Полоцкым сътвори: wн в Литву, а кнѧз Сватославъ ко Рши. И мироу много зла оучини, хр(и)стианы не ч(е)л(ове)чьскы мучиша, ниже ни на поганых ратех слышахом такых мукъ. И збирахоу бо их и запирахоу у своих избахъ и зажигахоу, а другыи великыи храмы // wчапы *л. 445* поднимахоу и хр(и)стїане под стѣну главами кладахоу и зажигахоу, а иныи жоны и дѣти на колье тыкахоу, и иных моукъ над хр(и)стїаны, ихже срама ради не писахоу, якоже ни Антиwх Сирскыи, ни Улианъ престоупник такых моукъ не сътворил надъ хр(и)стїаны, граду же Рши ничого не оуспѣша и пакы възвратишасѧ въсволси.

Тое же зимы на весну у великыи постъ начѧ Сватослав доумати съ Смоленьскыми боляры на хр(и)стїанское кровопролите, акы сверѣпии звѣрїе, ѧко не хр(и)стиане. И поиде къ градоу Мстиславлю, и ста оу града Мстиславлѧ, и поча добывати градъ, wпорокы бити градъ, а в землю Мстиславскоую оуступи, много пролитїа крови хр(и)стїанское. Бысть Б(о)гоу мерзко зрѣти: зовущимсѧ хр(и)стїаны, а братю свою хр(и)стїаны не ч(е)л(ове)чьскы мучишя. Кнѧз же великыи Скиргаило и кнѧз великыи Витовтъ приехаша из Лѧховъ wт брата своего короля и слышаше, яко кнѧз // Сватослав Смоленскыи прежь былъ под Витебьском, а потом ко Рши *л. 445 об.* прихwдилъ, а пwд Мстиславлем стоит wпорокы бьеть. И зъжаливсѧ великыи кн(я)зь Скиргаило, поиде з братею своею, с великым кнѧземь Витовтомъ, и с Костѧнтиномъ, и с Корбутомъ, и съ Семеном и съ Локвенем. И помяну слово Божїе, иже рече: «В нюже мѣру мѣрите, wтмѣритсѧ в немъ, а што сѣете, то и пожнете». И рекошѧ: «Мы емоу никого зла не сътворишѧ, а wн с нами оу докончанїи буда и перестоупивъ хр(и)стїаньское цѣлованїе нашу землю воюеть, и кровь хр(и)стїаньскую проливаеть; мы же поидемъ нань, надѣясѧ на Богъ и на кр(е)стноую силоу». Приидоша къ граду Мстиславлю. А кнѧзю Сватославу столвшоу у града и вынемши порокы градь Мстиславль на Стростнои недли в пѧтницоу, а какъ услышав кнѧзь Сватослав, што идеть на него // великыи кнѧз Скиргаило *л. 446*

и з братею, и ѡн испольчив воѧ своѧ, и поиде противу имъ. Яко исътупишас полци, Б(о)гъ же по Д(ави)да прор(о)ка словоу сътвори, иже рече: «Ѡбратис болѣзнь его на главу его, и на връхъ ег неправда ег снидет». И пакы: «Ров изрыи и ископав, и впадес въ ѧмоу, юж сътвори». Б(о)гъ же поможе великомоу кнѧзю Скиргаилу и кн(я)зю Витовту, а кнѧз Свѧтослав побѣже съ всими кн(я)зми и с боѧры Смоленскыми. Божею силою туто немало избито бысть рати, и множство кнѧзеи и боѧръ. И самого великог кнѧзѧ Свѧтослава оубиша, сына ж его, кн(я)зѧ Юрьѧ, кн(я)зь великыи Скиргаило ѡбретѣ у троупехъ мног ранена, толко жив. И взѧт его, и нача лечити многы лѣкарьствы, и главу ему постриже, занже мно [sic] ранен и ѡтчаяль собѣ живота. Кн(я)зь же великыи Скиргаило, исцѣливъ ег ѡт ран и привезе къ матери его, великои кн(я)г(и)ни Свѧтославли, и посади его на векомъ [sic] кнѧженьи въ Смоленскѫ, занже бысть за кн(я)земь Юрьем
л. 446 об. дочка старшеи сестры Скиргаиловы. Ѡтшед же ѡт града Смолен//ска великыи кнѧз Скиргаило и поиде у свою землю Литовьскую, и нача жити въ Троцех, и въ Вилню прислал король старосту Лѧдског.

А кнѧз великыи Витовтъ тогда дръжалъ Луческъ и всю землю Волыньскую, а в Литовскои земли, у ѡчинѣ его. Бысть ему нѫжно, иже чого перед тым не было у Литовскои земли, старонам владѣючим великым кнѧжньемь. Тогда совѣт сътворишѧ съ многыми кнѧзми и паны Литовское земли. Тогда бо Скиргаилу ѡтехавшу к Пололоцку [sic], и кнѧз великыи Витовтъ приеде оу Вилню, хотѧ ю засѣсти, а кн(я)г(и)нѧ его великаа Анна в Городнѣ. Вилневци же тогда не вдашасѧ ему, зане бы тогда правдоу дал королю Скиргаилу. Ѡнъ ж тогда не ѡзем Вилни и поде к мистру и съ своею кнѧгинею, и съ своими кнѧзми, и боары и ѡтголе начѧт воевати Литовскоую землю с Нѣмци. Уже взѧлъ былъ Литоское [sic] земли по рѣкоу Велью, и Полтескъ град дастьс емоу.

л. 447 И узри корол и кнѧз великыи Скиргаило, // ѧко оуже не могут удръжати земли Литовское перед великымъ кн(я)земъ Витовтомъ, и кнѧз великыи Витовтъ съ Немецкыми сїлами поиде к Вилни. И стрѣти его Скергаило и з братом своим Вигонтомъ и с Литовскыми вои на рецѣ на Вельи, оу городка, на мѣстѣ нареченом Веикулишкы. И съступившемьсѧ полком, и Б(ог)ъ поможе великому кн(я)зю Витовтоу, и побѣжени быша Литва, и побѣгла, и побито их множство. А иных кнѧзеи и панов много поимали и в нѧтство дали: кнѧзѧ Семена Евнутевичѧ, кн(я)зѧ Глѣба Свѧтославичѧ Смоленьского, кн(я)зѧ Васильѧ Костѧнтиновичѧ, кн(я)зѧ Ивана Тетѫ, Лва Плаксича и иных кнѧзеи поимано было много.

И поиде великыи кнѧз Витовтъ къ граду Вилни съ всими своими вои, и оступи град Вилню, и почѧ добывати Кривого города, пушками бити, и добыл. Тогда же Нѣмци убишѧ кн(я)зѧ Коргаила Ѡлкгирдовичѧ.
л. 447 об. А Лѧдскои заставѣ тогда бывъшу оу Высоком городе, и не пустиша // у горѡд кнѧзѧ Коргаило. Кнѧз же велїкыи Витовтъ ѡзма Кривыи горѡд и землю звоевал и вернес оу Нѣмци.

Того *ж* лѣта к великому кн(я)зю Витов*т*у оу Немци, в Марьин*г*ра*д*, прии*д*оша послы с Москвы w*т* велико*г* кн(я)зѧ Васил*а* Дмитреевїча, прос*а* дочкы велико*г* кн(я)зѧ Витов*т*а за велико*г* кн(я)зѧ Василья Дмитреевича. Кнѧ*з* же великыи Витовтъ дасть дочку свою, кн(я)жнѫ Сов*ѣ*ю, и w*т*пустї ю з Марьинаграда, и с нею посла кн(я)зѧ Ивана Ѳлкгимонтовича из града Данска. И пои*д*оша корабли за море, и приидоша ко *г*раду Пьскову, wни *ж* велику ч(е)*с*ть въздаша и*м*, прово*д*иша их съ ч(е)*с*тью до Великого Новагорада. Новгорw*д*ци же пакы и*м* ч(е)*с*ть въздашѧ, прово*д*иша их съ ч(е)*с*тью до града Москвы *к* великому кн(я)зю Василью Дмитреевїчу. Кнѧ*з* великыи посла противу и*м* съ ч(е)*с*тью бра*т*ю свою: кн(я)зѧ Волод*и*мера Андрѣевичѧ, кн(я)зѧ Юрьѧ, кн(я)зѧ Андрѣѧ Дмитреевїча и иных кн(я)зеи и бо[ѧ]ръ мно*г*. Стрѣтошѧ великую кнѧжну Софью с великы*м*и честми. Тог*д*а же с(вя)щ(е)нномитрополи*т* Кѵпрїанъ съ еп(и)*с*(ко)пы и съ всѣ*м* [священнич]ископ *//* чино*м* срѣте *л. 448* ч(е)*с*тно съ кр(е)*с*ты пре*д* городо*м* Мосъквою. И сътвори бра*к* ч(е)*с*т(е)нъ, и вѣнчае*т* велико*г* кн(я)зѧ Васильѧ Дми*т*реевичѧ и с великою кнѧ*ж*ною Софьею, и бысть бра*к* чоуде*н* зѣло и чьсти достое*н*, ї бысть веселье мно*г*. Мы *ж* на пре*д*нее възвратимь*с*.

Кн(я)зю же буда у мистра в Нѣмце*х*, у Ма*р*инѣградѣ, и присла к нѣму коро*л* посла з брато*м* свои*м* кн(я)земъ Скиргаило*м*, а рекъ: «Болше, брате, не тера*и* земли Литов*с*кое, w*т*чины нашее и свое, пои*д*и к на*м* оу ми*р* и в великую любо*в* бра*т*скую, възми собѣ кнѧ*ж*нье великое оу Вилни, сто*л* да*д*и свое*г*, велико*г* кн(я)зѧ Ѳлкгир*д*а, и w*т*ца свое*г*, велико*г* кн(я)зѧ Кесту*т*а». Кнѧ*з* *ж* великыи Витовтъ совѣ*т* сътвори съ кнѧзми своими, съ кнѧзе*м* Юрье*м* Наримонтовїчо*м* Бѣльскы*м* и съ кн(я)земь Іваном Ѳлкгимонтовичо*м*, и поиде у Литву и сѧде *въ* градѣ Вїлни на столѣ да*д*и свое*г*, велико*г* кн(я)зѧ Ѳлкгир*д*а, и w*т*ца свое*г*, велико*г* кн(я)зѧ Кесту*т*ѧ. И ради ему всѧ землѧ Литовьскаѧ и Рус*с*каѧ.

Кнѧ*з* Корбу*т* Ѳлгирдович начѧ в непослуше*н*ствѣ *бы*ти у велико*г* кн(я)зѧ Витовта и начат збира*т*и вои свои, и поиде противу. Кнѧ*з* же великы*и* Витов*т*ъ посла вои свои, [Вас]ил*а* Бореиковичѧ и Кгинивила *//* протїву ему, и сту*п*шасѧ во*и* на мѣ*с*то на Не*д*окудовѣ, и побежени быша *л. 448 об.* вои кн(я)зѧ Корбута, и почаша бѣгати, и побито их мнw*г*. Са*м* же кнѧ*з* великы*и* Корбу*т* бежи в Новъгородо*к*[3-3] и wполчи*с*, ту *ж* бе и кнѧгинѧ его и дети. Кнѧ*з* же великы*и* Витовтъ събра вси вои свои и *са*мь поиде к Новогоро*д*ку и Нов*г*городо*к* wзма и кн(я)зѧ Корбута, и кнѧгиню его, и дѣти в нѧцство посла.

Преставїсѧ кн(я)г(и)ни великаа Ѳлкгир*д*оваа. Коро*л* же великы*и* приказа гра*д* Витебск соколничему своемоу Ѳедору Весн*ѣ*. А кн(я)зю Швитрии*л*у тогда младоу бывшу, и начѧ Ѳедорь Весна владѣти градо*м* Витебско*м* и всею землею приказаниемъ короля Ѧгаила. Кн(я)зь же Шви*т*ригайло не можаше тръпѣти, што Ѳедоръ Весна градо*м* володѣеть, а его не послуша*н*, w*н* же Ѳew*д*ора уби, а городъ Витеб*с*к засѧде. Бысть

ж королю Ѧгаилу великаа жалость w то*м*, и писа грамоту бра*т*у своему, великому кн(я)зю Витов*т*у, иже бы е*г* жалости месть сътвори*л*. Кнѧз ве-
л. 450 ликыи Витов*т*ъ понѧ*л* съ собою Скиргаила, и съвъкупи... // ...[пои]де гра*д*у Витеб*с*ку... [Швит]ригаила. И прииде къ гра*д*у Друцку. Друцкы*и* же кнѧзи стрѣтоша его и оудариша чоло*м* у слу*ж*боу. И w*т*туду поиду[*т*] къ граду Рши. Ршане *ж* затворишасѧ въ градѣ и боронишас*ѧ* два дни, и удаша град. И w*т*туду поиде къ граду Витебску на кнѧза Швит-ригаила. Кнѧ*з* же Швит*р*игаило затворисѧ въ градѣ, и нача великы*и* кнѧ*з* Витов*т*ъ добывати града. Ту *ж* прииде на помоч Смолен*с*кыи великыи кнѧ*з* Юрьи Сѧтославич съ всѣми Смолен*с*кыми силами и оудари чоло*м* велим*у* кн(я)зю Витов*т*оу оу службу. И начѧша твердо добыти града Витеб*с*ка, поушкы поставиша. Витъблѧне не утръпѣша, начаша даватис великому кн(я)зю Витов*т*у. Кнѧ*з* же великы*и* Швит*р*їгаило выиде вон из града и оудари чоло*м* великому кн(я)зю Витовту. Кнѧ*з* же великыи Витов*т*ъ wзма гра*д* Витебьскъ [по]иде пак к Литвѣ.

Тое же зимы велик[ыи к]нѧ*з* Витов*т*ъ поиде взмѧ [зем]лю Под*о*льскую. А кн(я)зю Влад*и*миру ГѺл[гирдо]вичю, тогда бывшу в Киевѣ, и [не
л. 450 об. всхот]ѣ покоры сътворити вели... // ...[п]риде великы кнѧ*з* Витов*т*ъ... ...место Вручіи и приеха к не[му] кнѧ*з* Владимиръ. Того *ж* лѣта на wсе*н* кнѧ*з* в[елик]ы*и* Витов*т*ъ сведе его с Киева и дасть ему Копы*л*, а на Киеве посади*т* кн(я)зѧ Скиргаила. Са*м* великы*и* кнѧзь Витов*т*ъ поиде на Подо*л*[ск]ую землю, а кн(я)зю Скиргаилу повелѣ ити с Киева къ Черкасо*м* и къ Звинигороду. Кн(я)зь же ве*л*кыи Скиргаило Бо*ж*ею помочю и велико*г* кн(я)зя Витов*т*а повелѣніемъ възѧ*л* Черкасы и Звинигоро*д* и възвратис пакы къ Кыевоу.

То *ж* кнѧжащу ему в Кїевѣ, бысть же нѣкто чернець Ѳома Изуфовъ, дръжа намѣстництво w*т* митрополита у с(вя)тои Сов*ѳ*еи на митрополичо*м* дворѣ. [4-]Въ[схотѣвшу] же кнѧзю Скиргаилу ехати [за Днепръ у ловы, то]и же Ѳома [позвалъ его на пиръ]. Кн(я)зю же Скиргаилу, [будучи ему на пиру, аз же] то*г* не вѣ*м*, зане*ж* [бѣхъ тогда младъ, но нѣцки*и*] г(лаго)лю*т*: то*и* Ѳома да*л* [кнѧзю Скиргаилу] зелье wтра*в*ное пити. [И с того пиру кнѧзь Скиргаило поѣхалъ] за Днепръ к М[илославичом]...[-4]

[1-1] Фраза написана на поле страницы.

[2] Здесь и далее сбой в нумерации страниц Виленского списка объясняется тем, что в рукописи перепутан порядок листов.

[3-3] После «Новъгородок» выскоблено слово, кажется, «Севески».

[4-4] Этот фрагмент в настоящее время практически не читается, восстанавливается по публикации в т. 17 ПСРЛ.

Фрагмент РГАДА

(*Gudmantas K.* Keletas pastabų apie Maskvoje rastą Lietuvos metraščio fragmentą … P. 438)

…кн(я)зѧ Глѣба Костѧнтинович, кн(я)зѧ Иван Тету, *Л*ва Плаксича. И иных кн(я)зеи поимано быс мног.

И поиде кн(я)зь великїи Витовтъ таки к городу к Вилни и со своими воими. И wстоупѧт город Вилню и нача добывати Кривог города, поущками бит, и взѧ град Кривыи. Тогда ж Немци оубиша кн(я)зѧ Коргаила Ꙉлгирдович. А Лѧдскои заставе оу Высоком городѣ тогда соущу и не пустиша въ град кн(я)зѧ Коргаила. Кн(я)зь же великїи Витовтъ возма Кривыи город и землю извоевав паки возвратисѧ в Немци.

Того ж лѣта к великому кн(я)зю Витовту оу Немци оу Мариногород прї…

Супрасльский список

(ПСРЛ. Т. 17. Стб. 71—81; ПСРЛ. Т. 30. С. 61—67)

Лѣтописець великых кн(я)зеи Литовъскых

Великого кн(я)зѧ Кедмина Литовъскоr было с(ы)новъ 7: стареши Монвид, // потомь Наримонтъ, Ꙉлигоръдъ, королевъ w(те)ць, потомь *л. 87 об.* Евноутеи, потомь Кестоути, w(те)ць великого кн(я)зѧ Витовта, потомь Кориятъ, седмыи Любортъ. Монтивидоу даль w(те)ць Корачевъ да Слонимь, Наримонтоу Пинескъ, Ꙉлгирдоу, королевоу wтцоу, Крево, да к томоу кн(я)зь Витебскыи с(ы)новъ не держаль, приняль его к дотьце, Витебъскь взѧти. Евноутия wсадиль во Вильни на великомь кн(я)жени, а Кестоутию Троки, Коръятоу Новъгородокъ, а Люборта принялъ Володимеръскыи кн(я)зь к дотьце во Володимеръ и в Лоуцескь и во въсю землю Волыньскоую.

Ꙉлгирдъ, королевъ w(те)ць, а великого кн(я)зѧ wтець Кестоути были во великои любви и м(и)л(о)сти и в ласце. // Кн(я)зь велики Евноутеи во *л. 88* болшенсьтве боудѧ не полюбилсѧ има, и смовили межи собою братия, кн(я)зь велики Ꙉлгирдъ и кн(я)зь велики Кестоучи, какь бы его wтколе высадити, а некоторомоу бы межи их сести. И смолвилши межи собою, рокь оучинили, которого бы дни к Вилни пригнати, засести город под братомь, великимь кн(я)земь Евноутиемь. А кн(я)зь велики Ꙉльгирдь к Вилни из Витебьска не поспелъ к томоу року, а кн(я)зь велики Кестоутеи пригналь ко городоу Вилни и вогна в городъ. И кн(я)зь велики Евноутеи, выскотивъ, оубежить во гоуры, тамо wзѧбеть в ноги. Немше, его привезли ко братоу его, ко кн(я)зю великомоу Кестоутию, wн же жда

л. 88 об. брата своег // старшего, великого кн(я)зѧ Ꙋлигрда, посадити его за сторожею, а противоу брата своего, великого кн(я)зѧ Ꙋлигорда, послалъ гонца, что иже во Вилни сель, а брата, кн(я)зѧ великого Евноутия, инѧл. Стретиль гонець во Креве, и кн(я)зь велики Ꙋлъгирдь борздо поспешить и борздо пошпешить [sic] ко братоу своемоу, великомоу кн(я)зю Кестоутию. И кн(я)зь великыи кн(я)зь Кестоути рече братоу своемоу, великомоу князю Ꙋлигрдоу: «Тобѣ подобаеть кн(я)земь великимь быти во Вилнѣ; ты стареши брать, а я с тобою заwдно живоу». И посади его на великомь кн(я)жени Вилни, а Евноутию даль Ижеславль. А докончають межи себе кн(я)зь Кестоутеи велики и велики кн(я)зь Ꙋлгирдъ, што бра-
л. 89 тии // всеи послоушноу быти кн(я)зѧ великого Ꙋлгирда, или которыи волости, то собѣ розьделили, а то собѣ докончають: что придобоудоуть, градъ ли или волости, да то делити наполы. А быти имь до живота в любъви, во великои м(и)л(о)сти, а правдоу межи себе на томь дали не мыслити лихомь никомоу же никого *ж.* Такоже были и до живота своего в тои правде.

С(ы)новъ же было оу великого кн(я)зя Ꙋлгирда 12, а в кн(я)зѧ великого Кестоутия с(ы)новъ 6 было. А межи всих сынов любили кн(я)зь Ꙋлгирдъ кн(я)зѧ великого Ягаила, и кн(я)зь велики Кестоути полюбиль кн(я)зѧ великого Витовта, и нарекли при своих животех их, што имь быти
л. 89 об. на их мѣстех, на великих // кн(я)жених. Ꙋ̈ни пакь, кн(я)зь велики Витовтъ, такъ же во великои дроужьбѣ были при wцех своих. Потомь пакь кн(я)зь велики Ꙋлгирдь оумре, и кн(я)зь велики Кестоути не wстави брата своего, великого кн(я)зѧ Ꙋлгирда, какь до его живота в одинотьстве с нимь были: почнеть держати кн(я)земь великим во Вилни с(ы)на его, кн(я)зѧ великого Ягаила. И почнеть пакь приезьдити ко старымь доумамь, какь ко братоу приѣзьчиваль ко стареишемоу.

Некто пакь был оу великого кн(я)зѧ Ꙋлгирда паробокь неволны, холопъ, звали его Воидоломь. Первое был пекаромь, потомь вставили его
л. 90 постелю слати и водоу давати собѣ пити, и потомь // пакь полюбилъсѧ быль емоу, даль был емоу Лидоу держати и повель был его в добрых. Потомь по животе великого кн(я)зѧ Ꙋлигирда двѣ ли лѣте миноуло, кн(я)зь велики Ягаило поведеть его велми во высокых и дасть за него сестроу свою родноую, кн(я)жьню Марию, што потомь была за кн(я)земь Давыдомь. Князю великомоу Кестоутию велми нелюбость оучиниль и жалость, што братанноу его, а свою сестроу, за холопа даль. И быль тоть Воидило оу великои моци оу великого кн(я)зѧ Ягаила, почаль со Немьци собе соимы чинити и записыватисѧ грамотами противоу великого кн(я)зѧ Кестоутия.

л. 90 об. Некто пань быль, Ꙋстродски коунторъ, звали его // Гоунстыномь. Тотъ был кмотръ великомоу кн(я)зю Кестоутию, кр(е)стиль кн(я)г(и)ню Яноушевоую, дщерь его. Тоть поведаль кн(я)зю великомоу Кестоутию: «И ты того не вѣдаешь, какь кн(я)зь великии Ягаило

посылаеть к вамь часто Воидила и оуже записальсѧ с нами, какь тебе изьбавити своих месть, а емоу бы сѧ достало и со строю великого кн(я)зѧ Ягала твои мѣста». Кн(я)зь велики Кестоутеи вѣда, што кн(я)зь велики Витовтъ гораздо живеть со кн(я)земъ великимь Ягаиломь, и почнеть жаловатисѧ с(ы)ноу своемоу, великомоу кн(я)зю Витовтоу: «Ты с нимь горазьдь живешь, wнь вже записаль сѧ на нас со Немьци». Кн(я)зь велики Витовътъ рече wтцоу своемоу: «Не ве//роуи *л. 91* томоу, ачь того неть, заньже со мною гораздо живеть, ачеи бы мне явилъ».

Потомь пакь оучинилосѧ великое знамение. Кн(я)зь великии Ягаило даль былъ Полтескь братоу своемоу Скиригаилоу, и wни его не принѧли. И кн(я)зь великии Ягаило послеть рать свою всю Литовскоую и Роускоую со братомь своим, кн(я)земъ Скригаилемь и к Полоцькоу, и wстоупѧть город. И кн(я)зь велики Кестоути wпятъ начнет с(ы)ноу своемоу, великомоу кн(я)зю Витовтоу, жаловатисѧ и проплакивая на кн(я)зѧ Ягаила: «За и Воидила сестроу даль, мою братанноу, а из Немець ми явлено, что Немьци записалисѧ на нас, а се пакъ третее: с кимь мы сѧ воюемь? // С Не- *л. 91 об.* мьци. Ѡни с ними Полоцька добывають. Оуже то проявилосѧ, што wни на нас полно стали с Немьци». И кн(я)зь велики Витовтъ wтвечаеть wтцю своемоу, великомоу кн(я)зю Кестоутию: «Еще того не доверѧю гораздь». А реклъ то кн(я)зь великыи Витовтъ, а самь поѣхалъ к городоу Дорогичиноу. Кн(я)зь пакь великы Кестоутеи, собравсѧ своею моцию и вженеть во город во Вилню, иметь кн(я)зѧ великого Ягаила и со братиею и с мат(е)рью, и грамоты и надеть, што з Немьци записалсѧ, и ко с(ы)ноу своемоу гонца послеть, к великомоу кн(я)зю Витовтоу к Дорогичиноу, што такая дѣла сталасѧ. И гонець тоть наидеть кн(я)зѧ великого в Городне, wнь вже до Городна приѣхалъ з Дорогичина. // А кн(я)зь великы Витовъть за wдинь д(е)нь приженеть из Городна ко *л. 92* wтцю своемоу Кестоутию. Ѡнь же рече с(ы)ну своемоу, кн(я)зю великомоу Витовтоу: «Ты мнѣ не вѣриль, а се тые грамоты, записалисѧ были на нас, но Б(ог)ъ насъ wстереглъ; но я кн(я)зю великомоу Ягаилоу ничего не вчинилъ, не роушивъ есмо ни скарбовъ его, ни стад, а сами оу мене не в нѧтстве ходѧть, толко за малою сторожею, а wтчиноу его, Ведбескь и Крево, и всѧ мѣста, што w(те)щь его держаль, то все даю емоу, ни оуво что их не встоупаюсѧ; а то вчиниль есми стерега своеи головы, почювъ, што на мене лихо мыслить». И кн(я)зь великыи Ягаило великомоу Витовтоу и дѧди своемоу, великомоу кн(я)зю Кестоутию, што // николи противоу его не стояти, а вьсе оу воли его быти во всемь. *л. 92 об.* Кн(я)зь великыи Кестоути wтпоусти его со матирию, и со братию, и со скарбы, и со всимь его. И кн(я)зь великыи Ягаило поиде Креивоу. Кн(я)зь великы Витовтъ проводить его до Креива, и кн(я)зь великыи Ягаило поидеть ис Крева ко Витебскоу. А какь сѧде кн(я)зь великыи во Вилни, Кестоутеи пошлеть 2 ч(е)л(о)в(е)кы к Полоцькоу, wдног оу рать,

а дроугого к городоу. И Полочане возрадовалисѧ, кликноули на ра*т*, и люди ратьни w*т*стоупили w*т* Скиригаила и пошли к Вильни к великомоу кн(язю Кестоутию. А кн(я)зь Скиригаило пошель оу Немьци у Лифѧнты с малыми слоугами.

л. 93 И кн(я)зь пакь великыи Кестоутеи пои//деть ко Сверскомоу Новгородкоу, а кн(я)зѧ Корбоутия, а с(ы)на своего, кн(я)зѧ виликоѓ Витовта, wставиль в Литве. А идѧ ко Сиверскомоу Новоугородкоу велить Воидила wбесити, а кн(я)зю вели всемоу и Ягаилоу с Витебска поити жь было с нимь. То пакь великыи Ягаило правдоу наборзде загоубиль, тамь не пошель, а наговориль местить великых и Ганоулевоу чад, и засели Вилноу. А кн(я)зь великии в то врѣмѧ Витовтъ во Троцех быль, и кн(я)зь великии Ягаило из Витепска со всими прижинеть к Вилни. И кн(я)зь великы Витовтъ пошлеть ко Сиверскомоу Новгородкоу ко w*т*цю своемоу с тою вестию. А Немци пакь Проускии услышавши тая дѣла, и маршалко
л. 93 об. Проускыи поидеть ратию к велико//моу кн(я)зю Ягаилоу велми наборзде. А какъ оуслышавъ то кн(я)зь великы Витовть, что Проуски Немьци к Вилни и к Трокомь идоуть, а кънѧзь великыи Ягаило из Вилни ко Трокомь же идеть ратию снимати*с* с Нимци, wнь поидеть ко Городноу и со Троков со м(а)*т*(е)рьею. А какъ пристоупили ко Трокомь кн(я)зь великыи Ягаило, и Трокы дадоутсѧ емоу.

И кн(я)зь великыи Кестоутеи к Городноу ии к с(ы)ноу своемоу, тоуто наидеть и женоу свою и пошлеть еи ко Берестию, надияся на кн(я)зѧ Яноуша Мазовскоѓ, зѧтѧ своего, а самь поидеть во Жемоить, а с(ы)на, кн(я)зѧ великого Витовта, wставить в Городне. Кн(я)зь пакь Яноушь,
л. 94 зѧть его, забывъ добра, приде кн(я)зю великомоу Ягаилоу. И се пе//ръво Лихвѧнты рать на помощь приходили кн(я)зю Скиригаилоу к Полоцькоу, а потомь с маршалкомь Пруская рать к Трокомь приходила, а то вже в третие Лихвинѧская рать и с нимь же приходила. То уже знакы тые вышли, што с нимь заwдно стояли противоу великого кн(я)зѧ Кестоутия.

И выстоупить на бой кн(я)зь великы Кестоутеи со с(ы)номь своимь, кн(я)земь великимь Витовтомь, противоу великого кн(я)зѧ Ягаила. И какь, не шоше*д*шимьсѧ полькомь за три или за четыры стреле*н*ия, приженоуть кн(я)зи и бояре w*т* кн(я)зѧ великого Ягаила до кн(я)зѧ великого рати Кестоутееви, почноуть пытати великого кн(я)зѧ Витовта, што быхомь поговорили
л. 94 об. с нимь. Почноуть говори*ти* // великомоу кн(я)зю Витовътоу: «Кн(я)зь великыи Ягаило послаль вас[1] к тобѣ, штобы еси оуедьна*л* на*с* со w*т*цемь своим, што быхомь держали свое, а вы бы свое, а бою бы межи на*с* не было, а кровипролития не вчинолосѧ. Ты бы приѣхалъ ко братоу своемоу, кн(я)зю великомоу Ягаилоу, а мы правдоу даемь, штобы тобѣ чисто w*т*ехати в рать свою, ачеи бы межи вас быль добрыи конець». Кн(я)зь великыи Витовтъ w*т*вещаль: «Правдоу оу вась беру, штобы такоже кн(я)зь Скиригаило семо приѣхаль, а такоже бы правдоу даль, и я выедоу». И wни послали ко кн(я)зю Скиригаилоу, и кн(я)зь Скиригаило такожь правдоу далъ великомоу кн(я)зю

Витовтоу, какь и wны. Кн(я)зь велики Витовтъ поѣхаль к ве//ликомоу *л. 95*
кн(я)зю Ягаилоу и к его рати, а полкове стоять, межи собою не починають
ничего. И кн(я)зь великиы Ягаило почнеть просити великого кн(я)зѧ Витов-
та, штобы еси межи нас оуедналъ и кровопролития бы не было. И кн(я)зь
великыи Витовтъ правду взѧль в него, оу кн(я)зѧ великого Ягаила за wца
своего, што wтцю его, великомоу кн(я)зю Кестоутию, съехавсѧ и wпѧть
чисто розьѣхатисѧ. А еще рече кн(я)зь великыи Витовтъ кн(я)зю великомоу
Ягаилоу: «Еще, брате, пошли Скригаила, штобы wнь а и я а въчинили бы-
хомь правдоу wтцю своемоу, иже бы емоу чисто приходити и wпѧть
wтѣхати в рать, а кн(я)зь бы Скригигаило wт тебе далъ правдоу». И кн(я)зь
велики Витовтъ со кн(я)земъ Скригалwм // придоуть ко wтцоу своемоу, ко *л. 95 об.*
кн(я)зю великомоу Кестоутию, в рать и дасть правдоу wтцю своемоу wт
кн(я)зѧ великого Ягаила, и кн(я)зь Скиригаило правъдоу дасть wт великого
кн(я)зѧ Ягаила и wт себе. И кн(я)зь великыи Витовтъ со wцем своимь, вели-
кимь кн(я)земь Кестоутием, обадва поѣде в рать ко Яглоу [sic], надияѕѧ на
тыи правды. Кн(я)зь же великыи Ягаило перестоупилъ, молвить: «Поѣдь кь
Вилни, тамо докончаемь». А в томь, ничего не починавши, wстали.

И какь к Вилни поѣхали, кн(я)зѧ великого Кестоутия, дѧдоу своего,
wковавъ, ко Кревоу послали и всадили во вежю, а кн(я)зѧ великого
wставили Витовъта еще во Вилни. И тамо во Креиве пѧтои нощи кн(я)зѧ
великого Кестоутия оудавили коморникы кн(я)зѧ великог // Ягаилавы: *л. 96*
Прокша, што водоу давал емоу, а были ины, Мостевъ братъ а Коучюкь а
Лисица Жибентѧи. Таковъ конець сталсѧ кн(я)зю великомоу Кестоутию.
По смерти пакь кн(я)зѧ великого Кестоутия пошлеть кн(я)зь великыи
Ягаило кн(я)зѧ великого Витовта во Креиво же и со женею и велить его
твердо стерети во комьнате. Помщая Воидила, двоу велѣли на колесе
розбити, wдного Видимонта, дѧдю матки кн(я)зѧ великого Витовта,
wтчнѧ брата матки его, што держалъ Оуляноу, потомь пакь была за
Монвидомь, а иных бояръ много постинал, помщая того Воидила. Кн(я)зь
пакь великыи Витовт седель во Креиве за твердою сторожею в камьнате,
а жонце двѣ ходили покла//дывати кн(я)г(и)ню в камнатоу, положив да *л. 96 об.*
вонъ поидоуть, а сторожи wколо. То пакь великия кн(я)г(и)ни слышавъ-
ши wт людеи: иметь ли кн(я)зь великыи Витовътъ должеи седѣти, ачеи
также изгадають, какъ и над оцем. И пригодила емоу такь: как поидоуть
жонки покладати, но бы емоу wднои жонъки всклати порты да выити
вонъ со дроугою жонкою, а тои жонцѣ wстати бы в него. И wнъ,
наредивъсѧ в однои жонкы порты, да за дрогою вышель, да и споуститсѧ
из города, оутечеть во Немьци, оу Проуси.

Соущю же емоу в Нимцах в Маринегородѣ в мистра, и приѣхаша
к немоу многи кн(я)зи и бояре Литовъскыи, wн же нача воевати с помо-
чью Немецькою Литовскоую землю. А кн(я)зю велико//моу соущю Ягаи- *л. 97*
лоу со мат(е)рью своею, великою кн(я)г(и)нию Оуляною, во Витебьскоу,
а брать его, кн(я)зь Скиригаило, в Литовскои земли оу Троцехь. А вели-

комоу кн(я)зю часто воющи [sic] Литовъскоую землю, а великомоу кн(я)зю Ягаилоу и Скиригаилоу невозможьно вже стати противоу его, занже бо оу нег сила велика собраласѧ. Тогда кн(я)зь велики Ягаило, перезвав его со Немець, и даль емоу Лоуческь со всею Волыньскою землею, а в Литовъскои земли wтчиноу его.

Королѧ Казимира в животе не стало, с(ы)н(о)въ в него не было, толко wдна дочка, именемь Ядвига. И начаша Лѧхове слати с Кракова ко кн(я)зю великомоу Ягаилоу, дабы приняль кр(е)щения старого Рима
л. 97 об. и понѧлъ бы в них кролевноу // именемь Ядвигоу собѣ женою и сталь бы в них кролемь во Кракове на всеи земли Лѧдскои. GDн же, кн(я)зь великыи Ягаило, змовилисѧ из своего [sic] материю и с великою кн(я)г(и)нию Оульяною, и со братиею своею, и со всими кн(я)зи и бояре Литовския земли, и поѣхавъ Краковоу, в Лѧдскоу землю. Тамо же самь кр(ес)тисѧ, и братия его, и кн(я)зи, и бояре Литовския земли. И понѧль за себе кролевноу Ядвигоу, и коруновань быс того короловства короуною. И wтоле начаша кр(е)стити Литвоу в Латынскоую вѣроу, и присла арцибискоупа к Вилни в Литовскоую землю, и тогда начаша костелы ставити по всеи Литовъскои земли.

л. 98 Тои же зимы боудоущи королю во Кракове со всими кн(я)зь//ми Литовскыми и бояре Литовськими, кн(я)зь Андрѣи Полоцькыи приде с Немьци Лифѧнты и со всею Латыною на Литовскоу землю и повоевалъ, пожьже много мѣсть и селъ, градомъ жи Литовския земли ничего не вспѣи, и пакь возвратисѧ восвояси.

Тои же зимы кн(я)зь Свецьславъ Смоленскыи советъ сотвори со кн(я)земь Андрѣемь Полоцькымь: wнъ в Литвоу, а кн(я)зь Светиславъ ко GDрши. На мироу много зла сотвориша хр(и)стѧнемь, не ч(е)л(о)вѣческы и ни хр(ис)тѧнскыи моучиша хр(и)стѧнь, иже ни в поганых ратех то не слышах таковых моукь моучаще хр(и)стѧнь. Сбирахоу и запирахоу во изьбах и зажигахоу, а дроугии велики храмы wчепы подимахоу //
л. 98 об. и плѣнниковъ под стены кладахоу главами и зажигахоу, а иныя жены и дѣти на коле тыкахоу, а иных моукь над хр(и)стѧны, ихже скаредно не писахомь, якоже ни GDнтиwх Сирскыи, ни Оулъянъ законопрестоупьныи тех моукь не сотвори над хрестѧны. Градоу же GDрши ничего не вспѣша и пакы возовритисѧ восвояси.

Тои же зимы во великое говение нача Свѣтославъ доумати со Смоленъскыми бояри на хрестѧнское кровопролитие, яко свѣрипие звѣрие, аки не хрестѧне. Поиде ко городоу Мстиславлоу и сташа оу града Мстиславлѧ, и нача добывати и порокы бити град, а в землю Имстиславскоую вои поусти, и много пролития крови хрестѧнскыя. То же быс
л. 99 Б(ог)оу мерзко зрѣти: // зовоущимьсѧ хрестѧнемь, а братию свою хрестѧнь не ч(е)л(о)в(е)ческы, ни христѧнскы моучахоу. Кн(я)зь же велики Скиригаило, кн(я)зь великыи Витовътъ приехавши з Ляховъ wт брата своего королѧ, слышавъ, яко кн(я)зь С(вя)тославъ Смоленскы пре-

же бы*с* по*д* Витебско*м*, а потомь к Орши приходилъ, а по*д* Мстиславлемь стоить, гра*д* порокы биеть. И сожаливсѧ кн(я)зь великыи Скиригаило, поиде со братию своею, со великымь кн(я)земь Витовтомь и Костентиномь, и с Корбоутомь, и со Семеномъ Лынгвенемь. И поменоуша слово Б(о)жие, еже рече: «В нюже мѣроу ч(е)л(о)в(е)кь мерить, w*т*миритсѧ емоу, а что посееть, то и пожьнеть». «Мы, — рекоша, — никоего зла емоу не сотворихомь, а wнь с нами в докончани боуда, пересту//пивъ *л. 99 об.* кр(е)*с*тное цѣлование и докончание, нашю землю воюеть и кровъ хрестѧньскоую проливаеть; мы же идемь на него, надѣемьсѧ на Б(ог)а и на хрестѧнскоую силоу». И придоша ко гра*д*у Мстиславлю. А кн(я)зю С(вя)тославоу, стоявши оу города и бивши порокы гра*д* Имьстиславль на Страснои не*д*ли в пѧтьницю, яко оуслышавъ кн(я)зь С(вя)тославъ, яко идеть на него кн(я)зь Скиригаило и со братиею, wнъ же испочи [sic] воя своя и поиде противоу имь. Яко истоупишасѧ полци, Б(ог)ъ же по Давыда про*р*ока словоу сотвори, еже рече: «G҃братисѧ болезнь на главоу его, и на верхь его неправда снидеть». И пакы: «Ровъ изрывъ ископа, и впадесѧ в него, еже сотвориль». Б(ог)ъ поможе великомоу кн(я)зю Витовтоу, а кн(я)зь С(вя)то//славъ оустремисѧ на бѣгъ и з своими кн(я)зми, *л. 100* и со бояри Смоленскыми, и своими ратьми. Б(о)жиею силою тоу не мало чюдо сотворисѧ, избито бы*с* вои мно*г* множество, кн(я)зеи и бояр. Но и само*г* кн(я)зѧ великого С(вя)тослава оубиша, с(ы)на же его, кн(я)зѧ Юря, кн(я)зь великы Скиригаило исцеливъ его w*т* ранъ и привезе его ко городоу к Смоленскоу и к матери его, великои кн(я)г(и)ни С(вя)тославли, и посади его на великомь кн(я)жени Смоленскомь, занже бы*с* за кн(я)земь Юремь дщи стореи сестры Скирагаилевы. G҃о*т*ше*д*ши w*т* города Смоленского кн(я)зь великыи Скиригаило и поиде во свою землю Литовскоую, и нача кн(я)жити во Троце*х*, а во Вилню посланъ королъ старостоу своего Ля*д*ского.

А кн(я)зю великомоу Витовтоу тогды держащю // Лоуческь и всю *л. 100 об.* землю Волынскоую, а в Литовскои земли w*т*чиноу свою. И бы*с* емоу ноужьно, ижь чего преже не бывало в Литовскои земли, сторонамь владѣющьмь великимь кн(я)жениемь. Тогда свѣть сотвори со многими кн(я)зьми и бояры Литовскими. Тогда бо Скиригаилоу w*т*ехавши к Полоцькоу, кн(я)зь велики Витовтъ приде к Вилни, хотѧ засести, а кн(я)г(и)нѧ великая бѣ Анна тогьда оу Горо*д*не. Вилневци же тогда не вдашасѧ емоу, зане бѣ тогда правдоу дали королоу Скиригаилоу. G҃н же тогда не возма Вилни и поиде к мистроу и зь своею кн(я)г(и)нею, и со своими кн(я)зьми, и со многими боярми, w*т*толе нача воевати Литовскоу землю с Немецькою помочю. И оуже взѧль бы*л* Литовскои земли по Велию рекоу, а и Полътескь // вдасѧ емоу. *л. 101*

И оузриль королъ и кн(я)зь великыи Скиригаило, яко вже невозможьно оудержати земли Литовъскыя пре*д* великимь кн(я)земь Витовтомъ. И с Немецькими силами поиде к Вилни. И стрете его Скиригаило

со братомь своим Вигонтомь и с Литовскими вои на реце на Вели оу городка, на мѣсте нарицаемѣ Веищушкы. И стоупивъшимьсѧ полком, и Б(ог)ъ поможе великомоу кн(я)зю Витовтоу, и побежени быша Литовъски вои, и оустремишасѧ на бегъ, и побито быс много их. Иных кн(я)зеи и бояръ в нѧтьство поимали: кн(я)зѧ Семена Евноутеевича, кн(я)зѧ Глѣба Свѣтославовича Смоленского, кн(я)зѧ Глеба Костентиновичь, кн(я)зѧ
л. 101 об. Ивана Тетоу, Лва Плакьсича, иных // князеи изымано быс много. И поиде кн(я)зь великыи Витовтъ таки к городоу Вилни со своими воими, и wстоупѧть город Вилню, и нача добывати Кривого города, поушками бити, и взѧ город Кривыи; тогда же Немьци оубиша кн(я)зѧ Скиригаила ѠЛъгирдовичь. А Лѧдскои заставе во Высоком городе тогда соущи, и не поустиша во градь кн(я)зѧ Коргаила. Кн(я)зь же великыи Витовть возма Кривы город и земли извоевалъ, пакы возвратисѧ в Немьци.

Того же лѣта к великомоу Витовтоу в Немьци, в Маръиньгород, придоша послы изь города Москвы wт великого кн(я)зѧ Василия Дмитриевича, просѧ дьщери кн(я)зѧ Витовтовы за великого кн(я)зѧ Василия
л. 102 Дмитриевича. Кн(я)зь // великыи Витовтъ дасть дщеръ свою, кн(я)жьню Соѳию, wтпоусти ея из Маринагорода, а с нею посла кн(я)зѧ Ивана ѠЛигимонтовича из град Данска. И поидоша во карабли за море, и придоша к граду Псковоу, wни же великы чти воздаша имь и проводиша их со честию до град Москвы к великомоу Василию Дмитреевичь. Кн(я)зь же великыи Василеи посла противоу емоу со честию братию свою: кн(я)зѧ Володимера Андрѣевича и кн(я)зѧ Андрѣя Дмитреевича, иных кн(я)зеи и бояръ много.

На весноу кн(я)зь великыи Витовътъ иде и възѧ землю Подолскоую. А кн(я)зю Володимероу ѠЛгирдовичю тогда бивши в Киеве, и не всхоте
л. 102 об. покоры оучинити и челомь оударити вели//комоу кн(я)зю Витовтоу. Тои же весны кн(я)зь велики Витовтъ поиде взѧ град Житомиръ и Вроучии, и приѣха к немоу кн(я)зь Володемѣръ. Того жь лѣта на wсенъ кн(я)зь великии Витовтъ выведе его ис Киева и дасть емоу Копылъ, а на Киеве посади кн(я)зѧ Скиригаила. Самь же кн(я)зь великыи Витовтъ поиде на Подольскоую землю, а кн(я)зю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черъкасомь и ко Зенигородоу. Кн(я)зь же Скиригаило Б(о)жиею помощию, великого кн(я)зѧ Витовта повелениемь взѧ Черкасы и Звинигород и возвратисѧ пакы ко Киевоу.

Тоу же паки кн(я)жѧщи емоу в Киевѣ, быс же нехто Фома, чернець Изоуфовъ, держа намѣснитство wт митрополита оу с(вя)тои Софои [sic]
л. 103 на митрополи//чиемь дворе. Посхотевшю же кн(я)зю Скиригаилоу ехати за Днепро в ловы, тои же прежереченыи Фома нача звати его на пиръ на митрополичи дворъ. Кн(я)зю же Скиригаилоу соущю оу него на пироу, азь же того не свѣмь, занже бѣх тогды млад, но нецеи г(лаго)лють, иже бы тот Фома далъ кн(я)зю Скиригаилоу зелие травное пити. И с того пироу кн(я)зь Скиригаило такь поѣхаль за Днепръ к Милолавичемь и тамо

разболисѧ каноньъ канона Крещения, в соуботоу вха в город во Киевъ болень, болевъ 7 днеи, престависѧ в средоу. И понесосѧ на главах его с(вя)щенници, поюще пѣсни wтходные, съ свещами, из града Киева ко Свети Б(огороди)ци Печерскои. И положень быс чюдныи кн(я)зь Скиригаило, добрыи, наречены во светомь крещени Iwан, подле гроба с(вя)того Федосия Печеръ//ского. Кн(я)зь же велики Витовтъ оуслышавъ, ижь *л. 103 об.* кн(я)зь Скиригаило престависѧ, и посла кн(я)зѧ Ивана Ѳлъгимонтовичь ко Киевоу, и да емоу держати Киевъ. Мы же над преречоное возвратимьсѧ.

Какь выеде из Немець кн(я)зь велики Витовтъ на великое кн(я)жение, такь wтпоусти нѧтъца своего, кн(я)зѧ Глѣба С(вя)тославлича, ко Смоленскоу на великое кн(я)жение, а кн(я)зю Юрью С(вя)тославичю вда город Рославль. Кн(я)зю Глѣбоу седѧщи во Смоленсте и нача не в послоушани быти великомоу кн(я)зю Витовътоу. Кн(я)зь же великыи Витовтъ послы своя слаша w справлении, wнь же не всхоте исправитисѧ. Тогда кн(я)зь велики Витовтъ поиде со всими силами ко городу Смоленскоу, тако вдасть // емоу Глѣбъ и з градомь Смоленскымь. Кн(я)зь же великы *л. 104* Витовтъ вда град Смоленескь держати кн(я)зю Мантоу и Василию Бореиковичю, а кн(я)зю Глѣбоу вдасть город Полоны. Самь же кн(я)зь великы Витовътъ возовратисѧ в Литовскоую землю. На тоу же зимоу посла кн(я)зѧ Семена Лынгвена со многими ратьми и Смоленьскыми ратми на кн(я)зѧ Ѳлга Резанского. И спленища многое множество Резанскыа земли, и возвратишасѧ с побѣдою восвояси. Тогда же бѣ зима велми стоудена.

Тои же зимы на весноу приѣхалъ кн(я)зь же великыи Василеи Дмитреевичь Московскыи ко чьщю своему, виликомоу кн(я)зю Витовтоу, во Смоленескь во великое говѣние. И оучти кн(я)зѧ великого Витовта многими дарми: чепьми золотыми и поясы золотыми, и соболми, // камками *л. 104 об.* и соуды златыми, и бахматы. И кн(я)зь же великыи Витовтъ зѧтѧ своего, великого кн(я)зѧ, оучти и оудари разьличьными дарми: сажеными порты, и дорогими wксамиты, и многоценными камъками, и гиншьты во седлех золотых снастех, чюду достоиных, и wтпоусьти ко граду Москве с великою честию, а самь поѣде к Литви.

[1] В 35-м томе ПСРЛ: нас.

Слуцкий список

(ПСРЛ. Т. 17. Стб. 85—96; ПСРЛ. Т. 35. С. 68—72)

...а се п[ак третее: с ким] мы [ся] вою[ем? С Немьци. А они] с ними Полоц[ка доб]ывають. Оуже то проявили, иж wни полно на насъ стали с Немци. И кн(я)зь великии Витовть wтвечеть wтцю своемоу, великомоу

кн(я)зю Кестоутию: «Еще тому не доверяю гораздо». А рек то кн(я)зь великыи Витовть, а самь поехалъ к Городноу, к Дорогичиноу. Кн(я)зь //
л. 1 об. [пакь великии Кестоутеи собравсѧ своею мо]цию и [вженеть во город во] Вилню, име[ть кн(я)]зя великаго Ягаила, и со братьею, и с м(а)т(е)рью и грамоты ты наидеть, што с Немци записалсѧ, и к сыноу своемоу гонца пошлеть, к великомоу кн(я)зю Витовтоу к Дорогичину, иж такыѧ дела сталасѧ. И гонець тоть наидеть кн(я)зя великаго оу Городнѣ, а wн вжѣ //
л. 2 [до Городна приѣхал з До]роги[чина, а князь великии] Витов[ть] за wде[н день] приженеть из Городна кw wтцу своемоу, великомоу кн(я)зю Кестутию. GDнь ж речь к великому кн(я)зю Витовту, с(ы)ну своему: «Ты мнѣ не вириль, а се ты грамоты, што записалисѧ были на нас, но Б(о)гь wстерѣгль, ино я кн(я)зю великомоу Ягаилу ничего не вчинил, не роушиль есми ни скарбу его, ни стад, а сами оу менѣ оу нетьствѣ ходять,
л. 2 об. толко за малою // [сторожею, а wтчину его Ведбескь и К]рево [и вся мѣ]ста, што w(те)ць его держаль, то все емоу даю и ни во што ихъ не оустоупаюсѧ. А то оучиниль есми, стерегль есми своее головы, почюлъ, што на мене лихо мыслять». И к(ня)зь великии Ягаило велми
л. 3 оурадовальсѧ великаго кн(я)зя Витовтовоу приездоу, и правду // [дал] кн(я)зь Витовт[оу и] wцу, великомоу кн(я)з[ю Ке]стоутию, што николи противоу его не стоять, а завсе оу его воли быт со всими. И кн(я)зь великии Кестоутеи wтпоусти его со матерью и з братиею и с скарбомь своимь со всимь. И кн(я)зь великыи Якаило поиде Креву. И кн(я)зь великии
л. 3 об. Витовьтъ // [проводить его до Крева и князь] великии Якаило [поидѣ] с Крева к Витебьскоу. А какь сед кн(я)зь великии Кестоутии оу Вилни, пошлеть 2 ч(е)л(о)в(е)ка к Полоцьку, wдного в рать, а дроугаго в городь. И Полочане возрадовалисѧ и кликноули в рат, и люди ратныи wтступили wт Скиргаила и пошли к Вилни ко кн(я)зю Кестутию. //
л. 4 А кн(я)з [Скиригаило пошел] оу Немци и в Ли[флѧнты] с малыми слоугами.

И кн(я)зь пак великыи Кестутеи поидѣть к Северьскомоу Новоугородку на кн(я)зя Корбоута, а своего с(ы)на, кн(я)зя виликаго Витовта, wставилъ в Литвѣ. Идѧ ко Новоугородку велить да wбесить Воидила.
л. 4 об. А кн(я)зю великомоу Якаилоу из Витебъска // [поити ж было с н]имь. [То пакь] великыи кн(я)зь Якаило правду свою забыль наборзде, тамь не шоль, а наговорилъ местичи Виленьскии, Ганюлевоу чадь, а засели Вилню. А кн(я)зь великии Витовть в то врѣмя оу Троцех быль, и кн(я)зь ве-
л. 5 лики Якаило з Витебъска со всими приженеть к Вилни. И кн(я)зь // велики [Витовт] пошлеть к Северь[скому] Новоугородку ко wтцу своему, великомоу кн(я)зю Кестоутию. А Немци пак Проускии оуслышавші тая дела, и маршалок Проускии поидѣ на помочь ратию к великомоу кн(я)зю Ягоилоу велми наборзде. А как то оуслышаль кн(я)зь великии Витовть,
л. 5 об. иж Проускии Немци к Вилни // [т]ягноу[ть], кн(я)зь великии Агоило из Вилни к Троком же идеть ратью сниматисѧ с Немци, и wн поидеть к Го-

родноу ис Троковь с м(а)т(е)рью. А какь пристоупили к Трокомь, кн(я)зю великомоу Агоилоу Трокы дадутсѧ емоу.

И кн(я)зь великыи Кестоутии к Городноу ко с(ы)ну своемоу тоуто, и женоу // свою пошлють ю к Берестью, надеяся на кн(я)зя Яноуша Маза- *л. 6*
вискаго, зятя своего, а самь поидѣ оу Жомои*т*, а с(ы)на своего, великаго кн(я)зѧ Витовта, wстави*т* в Городкѣ. Кн(я)зь па*к* Яноушь, зять его, забывь добра и приязни цтя своего и тещи своеи и шюрьи, поидѣть ратью к Дорогичиноу. Дорогичинь возма wсади*т*, // Саражь извоюеть, Каменець *л. 6 об.*
извоюеть и wстоупить Бересть и тещоу свою оу Берестьи, и Берестья не добыль, поидеть прочь, wсадивь сии городы, Дорогичинь, Хмелникь. А кн(я)зь великии Кестоутии, собравь свою Жомоитьскоую землю и вси рати, и поидѣть к реце к Вилни. И кн(я)зь Витовть, собравь свою... // ...противоу великаго кн(я)зѧ Кестоутиѧ. *л. 7*

И выстоупять на бои кн(я)зь великии Кестоутии и с(ы)н(о)мь своимь, кн(я)земь Витовтомь, притивоу великаго кн(я)зѧ Якаила. И какь не снемши*с* полкомь за 3 или за 4 стрелениа, приженоуть кн(я)зи и бояяре w*т* кн(я)зѧ великаго Ягола до кн(я)зя велика*г* рати Кестоутиевы, почноуть пытати великаго кн(я)зѧ Витовта, што // быхомь поговорили с нимь. *л. 7 об.*
Почноуть говорити великомоу кн(я)зю Витовтоу: «Кн(я)зь великии Ягоило послаль насъ к тобѣ, штобы еси оуедналь насъ со w*т*цемь своимь, што быхомь дѣржали свое, а вы бы свое, а бою бы ме*ж* нас не было, а кровопролитие бы не оучинилосѧ. Ты бы приехаль ко братоу своемоу, кн(я)зю великомоу Якаилоу, а мы правду // даемь, штобы тобе чисто *л. 8*
w*т*ехати в рать свою, чизды бы межи вась добрыи быль конець». Кн(я)зь великии Витовть w*т*вечаль: «Правду оу вась бероу, штобы тако*ж* кн(я)зь Скиргаило семь приехаль, а тако*ж* бы правдоу даль, и а выедоу». ☙Они послали ко кн(я)зю Скиргаилоу, и кн(я)зь Скиргаило таке*ж* правдоу даль великомоу кн(я)зю Витовтоу, какь wни. // И кн(я)зь великии Витов*т*ъ *л. 8 об.*
поехаль к великомоу к*н*(я)зю Якаилоу и ко его ра*ти*, и полковѣ стоять, межи себе не починая ничего. И кн(я)зь великии Якаило оучнеть просити Витовта, штобы еси ме*ж* на*с* оуедналь и кровопролития бы не было. И кн(я)зь великии Витовть правду оузѧль оу кн(я)зѧ великаго Якаила за w*т*ца своего, што w*т*цю его, кн(я)зю // великомоу Кестоутию, соехавсѧ, *л. 9*
wпять чисто разехатисѧ. А еще рекъ кн(я)зь великии Витовтъ кн(я)зю великомоу Якаилу: «Еще, брате, пошли Скиргаила, што быхомь w*т*цю своемоу правду, и*ж* бы емоу чисто приехати, wпять w*т*ехати, а кн(я)зь бы Скиргаило w*т* тебѣ да*л* правду». И кн(я)зь велики Витовтъ со кн(я)земь великимь Скиргаиломь // приедоуть ко w*т*цю своемоу, кн(я)зю *л. 9 об.*
великомоу Кестоутию в ра*т*, да*с* правду w*т*цю своему w*т* кн(я)зя великаго Якаила, и кн(я)зь Скиргаило правду дасть w*т* великаго кн(я)зя и w*т* себѣ. И кн(я)зь великии Витовть со w*т*цемь своимь, великимь кн(я)земь Кестоутиемь, wба поедуть в ра*т* ко Якаилу, надея*с* на тыи правды. Кн(я)зь *ж* великии Якаило перестоупи*л* тыи правды, // мол- *л. 10*

вить: «Поедь к Вилни, тамо докончаемь». А в том *ра*ти, ничего не почавши, wстали.

И какь к Вилни приехавъ, кн(я)зя Кестоутия, дядю своего, wковавши, ко Кревоу послаль и оусадили оу вижю, а кн(я)зя великаго Витовта wставили были еще оу Вилни. И тамо оу Креве пятыѧ нощи кн(я)зѧ
л. 10 об. вѣликаго Кестоутиѧ оудавили коморникы кнѧзя великаго // Якаиловы: Прокша, што водоу даваль емоу, а были иныи, Мостевь брать, а Коучюкъ, а Лисица Жебен*т*яи. И таковь конець сталсѧ емоу, кн(я)зю великомоу Кестоутию. По см(е)рти пакь оу кн(я)зя великаго Кестоутиа пошлеть кн(я)зь великии Якаило кн(я)зѧ великаго Витовта во Крево *ж* и
л. 11 женою и велить его твердо стеречь в комнать. // Помщая Воидила, што были, за него сестроу свою дали, двоу велели на колесе разбити, wдного, Видимонта, дядю маткына кн(я)зя великаго Витовта, w*т*тнѧ брата маткы его, што держаль Оулияноу, потомь пакь была за Монивид*м*ь. И иных бояръ много постиналь, помщаѧ то Воидила. Кн(я)зь пакъ великии Ви-
л. 11 об. товтъ седель оу Кревѣ. Двѣ ходили // покладывати кн(я)ги*н*и оу комнатоу, да положивь их да вонь поидуть, а сторо*ж* wколо. То пакъ великаѧ кн(я)гини слышавъ w*т* *людии*: имет ли кн(я)зь великии Витовтъ доль*жи* седѣти, ачеи такъже изгадають, какь и надъ w*т*цемь. И пригадала емоу такь: какъ поидуть жонкы покладати, ино бы ему wдное жонкы оускласти
л. 12 порьты да вы//ити вонъ со дроугою жонкою, а тои жонце wстати бы в нее. Сѻнъ наредил*с*ь о*д*ное жонкы порты да з *д*роугою вышель, да споуститьсѧ из города и оутечеть оу Немци и Прусы.

Соущу *ж* емоу оу Немца*х* оу М(а)рьинегородѣ оу мистра, и приеха*в*ша к нему мнози кн(я)зи и бояре Литовьскии, и wнъ *ж* начне воевати по-
л. 12 об. мочю Немецькою Литовскую землю. // А кн(я)зю великомоу соущу Якаилоу с м(а)т(е)рью своею, великою кн(я)гинею Оульяною, оу Витебъскоу, а бра*т* его, кн(я)з Скиргаило, оу Литовьскои земли оу Троцѣхъ. А великому кн(я)зю Якаилоу Скиргаилу невозмо*ж*но оуже стати противу емоу, зане*ж* оубо у него сила великаѧ собираласѧ. Тогды кн(я)зь великии
л. 13 Якаило перезваль его изъ Немець // и даль емоу Луческь со всею Волыньскою землею, а в Литовьскои земли wчиноу его.

Короля Козимира пакъ Краковьскаго в животе не стало, а с(ы)н(о)вь оу него не было, толко wдна дочка, именемь Я*д*вига. И начша Ляхове с Кракова слати ко кн(я)зю великомоу Якаилу, дабы принялъ кр(е)щение
л. 13 об. старо*г* Рима и поня*л* бы в нихъ // королевноу Ядвигоу собе женою и сталъ бы в нихъ королемь оу Краковѣ на всеи землі Лядьскои. Сѻнь *ж*, кн(я)зь великии Якаило, све*т* сотвориль со м(а)т(е)рью своею, великою кн(я)гинею Оульяною, и *з* бра*т*ею своею, и со всими кн(я)зьми и бояры Литовьскиѧ земли, и поехаль Краковоу, оу Лядьскоую землю. Тамо *ж*
л. 14 самь кр(е)*с*тисѧ и бра*т*я его, // и кн(я)зи, и бояре Литовьское земли. И поняль за себѣ королевну Ядвигу, и корунанова [sic] бы*с* того королевьства короуною[1]. И w*т*толѣ начша кр(е)*с*тити Литву в Латыньскоую

вероу, и прислал арцибискоупъ бискоупа к Вилни во Литовьскоую землю, и тогды начша костелы ставити по всеи Литовьскои земли.

Тои *ж* земы королю соущу оу // оу Кракове со всими кн(я)зьми Литовьскими и бояри Литовьскими, кн(я)зь Андреи Полоцькыи приидѣ с Немци Виѳлянты со всею Латыгалою и ная [sic] [Л]итовьскою землю, и повоеваша и пожже много мести и селъ, градомь Литовьския земли ничего не оуспе, и пакы возвратисѧ восвояси. *л. 14 об.*

Тои *ж* зимы кн(я)зь Свяцьславль Смоле//леньскии [sic] советь сотвориша со кн(я)земь Андреемъ Полоцькымь: wнъ в Литвоу, а кн(я)зь Свяцьславль ко Рши. А не [sic] мироу много зла сотворивьши хр(и)стияньмь, не ч(е)л(о)в(е)чьскии и не хр(и)стияньскии, иж ни и на погансkыхъ ратехь слышахомь таковыхъ моук мучиша хр(и)стиянъ. Собирахоу и запираху во избахь, зажигаху, другыѧ великиа храмы wчепы под//нимахоу и плениковь подь стеноу главами кладахоу и зажигаху, а жоны и дети ихь на колье тыкахоу, а ныхь моукь над хр(и)стияны, иж грозы ради не писахомь, якож ни ꙮниихь ꙮсирьскии, ни Оульянъ законьпрестоупныи техь моукь не сотворили над хр(и)стияны. Ко градомь ж пришлі, ничто ж оуспеша и пакы возвратишас восвояси. // *л. 15* *л. 15 об.*

Тое ж зимы великаго пос[та] нача Свяцьславль доумати с Смоленскими бояры на хр(и)стияны кровопролитие, акы свирепии зверие, акы не хр(и)стияне. Поиде к городоу Мьстиславлю, ста оу града Мьстиславля и нача добывати, порокы бити градь, а в землю Мьстиславльскоую воиноу свою поустиль и много проли крови хри//стияньскиа. Тож быс Б(о)гу мерьзко зрети: зовоущимсѧ хр(и)стияном, а братю свою хр(и)стияне не ч(е)л(о)в(е)чьскы и не хр(и)стияньскии моуча. Кн(я)зь же великии Скиргаило и кн(я)зь великии Витовть приехаша из Ляховь wт брата своего короля и, слышачи, яко кн(я)зь Свяцьславль Смоленьскии прежс быс под Витебьскомь, а потомь к Орши ходиль, а под Мь//стиславлемь стоить, град порокы биеть. И сжалилсѧ кн(я)зь великии Скиргаило, поидеть и с братьею своею, великиимь кн(я)земь Витовтомь и с Костяньтиномь, и с Корибоутомь, и с сыномь Лыквеньемь. И поменоуша слово Б(ож)ие, еж рече: «В нюж ч(е)л(о)в(е)кь мероу мѣрить и wтмеритсѧ емоу, а што сеѣть, то и пожнеть». Рекоста: // «Мы никоего зла сотворша емоу, а wнъ с нами оу докончании боуда и престоупиль кр(е)стное целование и докончание, нашю землю воюеть и кровь хр(и)стиянскоую проливаеть. Мы ж идемь на него, надеючисѧ на Б(о)га и на кр(е)стьноую силоу». И придоша ко городу Мьстисавлю. Ан кн(я)зю С(вя)тославоу ставшоу оу города // и бивши порокы град Мьстиславль на третеи недели оу пятницю, яко оуслыша кн(я)зь Свяцьславль, яко идеть на него кн(я)зь великии Скиргаило с братьею, wн жъ сполчивь воu своя и поидѣ противоу имь. Яко состоупишасѧ полци[2], Б(о)гь ж по пр*о*р(о)ка Д(а)в(и)да слоуву сотвори, еж рече: «ꙮбратитсѧ болезнь его на главоу, и на верхь его неправда снидеть». // И пакы: «Ровь изрыивъ ископа и впадесѧ во яму, юж *л. 16* *л. 16 об.* *л. 17* *л. 17 об.* *л. 18* *л. 18 об.*

сотвори». Б(ог)ь поможет великомоу кн(я)зю Скиргаилоу и великомоу кн(я)зю Витовту, а князь С(вя)тослав оустремисѧ на бег и со своими кн(я)зми, и бояры Смоленьскими, и со своими ратми. Б(о)жиею силою тоу не мало чюдо створис, избито быс вои много множество, кн(я)зеи и бояръ.

л. 19 Но и самого великаго кн(я)зя // Свяцьслава оубиша, с(ы)на ж его, кн(я)зѧ Юрья, кн(я)зь великии Скиргаило исцелиль его wт рань и приведеть его к городоу Смоленьску ко м(а)т(е)ри его, великои кнегини Свяцьславли, и посади его на великомь кнѧжньи Смоленьскомь, занеж быс за кн(я)земь Юрьемь дщи старшье сестры Скиргаилавы. Ѳтшедъше wт града Смоленьска,

л. 19 об. кн(я)зь великии и Скиргаило поидѣ // оу свою землю Литовскую и нач княжити оу Троцехь, а оу Вилни прислал корол старостоу своего Лядскаго.

А кн(я)зю великомоу тогды Витовтоу держачи Лоуческь и всю землю Волыньскоую, а в Литовьскои земли wчиноу свою. И быс ему ноужно, иж прежс чюжого не бывало в Литовьскои зеземли [sic], сторонамь вла-

л. 20 деющимь великим // Литовьскимь кнѧжением. Тогда советь сотвори со многыми кн(я)зьми и бояры Литовьскими. Тогда бо Скиргаилоу wтехавшю к Полоцку, а кн(я)зь великии Витовть приидѣ к Вилни, хотя ю засести, а кнегини великаа его Анна бе тогда оу Городнѣ. Вилневци ж тогда не оудашасѧ емоу, занеж тогда были королю правду дали и Скир-

л. 20 об. гаилоу. Ѳнь же // тогда не возма Вилни и поиде ко мистроу с своею кн(я)гинею, и со своими кн(я)зьми, и со многими бояры, и wтоле нача воевати Литовьскоую землю с Немецко помочью. И оуже оузяль быль половиноу Литовьское земли по рекоу Велью, и Полтескъ градъ далсѧ емоу.

л. 21 Оузрѣ король и кн(я)зь великии Скиргаило, // якож оуж имь невозможно оудержати Литовьское земли пред великымь кн(я)земь Витовтомь. С Немецькыми силами поидѣ к Вилни, стретить его кн(я)зь Скиргаило со братомь своимь Витовтомь и с Литовьскыми вои на реце на Вельи оу городка, на месте нарицаеме Веишишькы. И стоупившимсѧ пол-

л. 21 об. комь, Б(о)гь поможит // великомоу кн(я)зю Витовтоу, и побежени быша Литовьскии вои, и оустремишасѧ на бегь, и побито ихь много быс. А иных кн(я)зеи и боѧрь в нятство имали: кн(я)зя Семиwна Евдоутьевич, кн(я)зя Глеб С(вя)тославич Смоленьскаго, кн(я)зя Глеба Костяньтинович,

л. 22 кн(я)зѧ Ивана Петоу, Лва Плаксича и иныхь кн(я)зеи много // изымань. И поидѣ кн(я)зь великии Витовть к городу к Вилни и со своими воинами, и wтстоупять город Вилню, и нача добывати Кривого города, поушками бити, и взя град Крывии. Тогда же Немци оубиша кн(я)зя Скиргаила Ѳлкирдович. А Лядскои заставе оу Высокомь городе тогда соущоу, и не

л. 22 об. поустиша оу градь кн(я)зя // Скиргаила. Кн(я)зь ж великии Витовть возма Крывы город и землю извоеваль, пакы возвратисѧ в Немьци.

Того ж лета к великомоу кн(я)зю Витовту оу Немци, оу Марьнрод [sic], приидоша послы из города Москвы wт великаго кн(я)зя Василиа

л. 23 Дмитреевич, просѧчи дщери кн(я)зя великаго Витовтовы // за великаго кн(я)за Василѧ Дмитрович. Кн(я)зь же великии Витовть дасть дщерь

свою, княгиню Соѳью, и w*т*поусти ю из Марьинагорода, а з нею посла кн(я)зѧ Ивана Ѳлгимонтович из грода К*д*аньска. И поидоша в кораблех за море, и приидоша к гра*д*у Пьскову, wни *ж* великыи ч(ес)ти оуздаша *л. 23 об.* имь, проводиша ихь ч*с*та до Великаго Новагоро*д*а. // Новгоро*д*ци же пакы ч(е)*с*ть имь воздаша и проводиша ихь и с честию до Мысквы к великому кн(я)зю Василью Дмитреевич. Кн(я)зь великии Василии послаль противоу имь с ч(е)*с*тию братью свою, кн(я)зя Володимера Ан*д*реевич и кн(я)зя Ан*д*рея Димитроевичь, иных много кн(я)зеи и бояръ. И стретиша великоую кнѧ*ж*ноу Соѳью с великими // честьми, тогда бе с(вя)щ(е)ныи митро- *л. 24* полить Киприянъ съ архиеп(и)*с*к(о)пы и съ еп(иско)пы, и съ архиман*д*риты, игумены, и со всимъ с(вя)щ(е)ничискымь чиномъ стрете и ч(е)*с*тно со кр(е)*с*ты предь градомь пре*д* Москвою. И сотвори бракъ ч(е)*с*тнѣ, и венча и великаго кн(я)зя Василья Дитреевич с великою кня*ж*ною Со*ѳ*ею, и бы*с* // бракъ ч(е)*с*т(е)нъ и чти достоинъ, и веселию многомоу. Мы *ж* на *л. 24 об.* предние возвратим*с*ь.

Кн(я)зю великомоу Витовтоу соущу в Немце*х* оу мист*а*ра оу М*а*рьинегородѣ, присла к немоу король посла и з братомо своимь Скиргаиломь, а рекоуч: «Болши того, брате, не теряи земли Литовъское, wчыны нашее и своеѧ, а поди, братѣ, к намь оу мирь // и оу великоу любовъ бра*т*скоую, *л. 25* возми собѣ великое кня*ж*ние[3] оу Вилни, столъ дяди своего, великаго кн(я)зя Ѳлъкирда и w*т*ца своего, великаго кн(я)зя Кестоутия». А кн(я)зь *ж* великии Витовтъ советъ сотвори со кн(я)зьми своими, со кн(я)земь Юрьемь Наримонтовичомъ Бельски*м* и со кн(я)земь Иваномь Ѳлгимонтовичомь, и поидѣ в Литвоу и сѣдѣ в Вилни, // в Литвѣ, на вѣликомь *л. 25 об.* кнѧ*ж*ньи, на столѣ дяди своего, великаго кн(я)зя Олгирда, и wца своего, великаго кн(я)зя Кестоутиа. И рада была емоу всѧ земля Литовьскаѧ и Роуская.

Кн(я)зь Корибоуть Ѳлгир*д*овичь нечто нача корати и не оу послушаннии нача быти оу него и нача совокоупляти [проти]воу емоу вои свои, и поидѣ противоу емоу, и сту//пишя*с* вои на месте на Недокоудове. *л. 26* И побе*ж*ни быша вои кн(я)зя Коурибоута, и оустремишасѧ на бегъ. Бы*с* же ихъ много побито, сам *ж*ь кн(я)зь Корибоу*т* оубеже в Новъгоро*д*къ и wполчи*с*, тоу *ж* бѣ княгини его и дѣти его. Кн(я)зь *ж* великии Витовтъ совокоупи вои свои, самъ поидѣ к Новугоро*д*коу и wступиша гра*д* и возма Новъгоро*д*къ, а кн(я)зя Корибоута и кня*г*(и)ню его // и дети его оу *л. 26 об.* нятьство поима.

Престависѧ княг(и)ни Ѳлгир*д*овая, король *ж* приказа град Витебьскъ соко*л*нчѣмоу своемоу Ѳew*д*ороу Весне. А кн(я)зю Швиртигаилоу тогда соущу младоу, и нача Ѳewдоръ Весна владети градомь Витебьскомь и всею землею Витебъскою, советомь и оуказаниемь короля Якаила. Кн(я)зь *ж* Швиртиигаило не можашѣ // терпети, што Ѳew*д*оръ Весна *л. 27* градомь владееть, а его не послушенъ, wнъ *ж* Ѳew*д*ора оуби, а град Витебъскъ засѧдѣ. Бы*с* же королю Якаилоу велика жалость w томь и писа

грамотоу братоу своему, великомоу кн(я)зю Витовтоу, *иж* бы тои его жалости месть сотвориль. И кнѧ*з* же великии Витовтъ поня с собою
л. 27 об. кн(я)зя Скиргаила и совокоупи вои // много и поидѣ ратию ко гра*д*у Витебьскоу на кн(я)зя Швиртигаила. І яко приидѣ ко гра*д*у Дрюцку, Дроуцкыи кн(я)зи стретоша его и оудариша емоу челомь оу слоу*ж*боу. И w*т*толѣ поиде ко Рши. Ршане затворишасѧ оу градѣ, и боронишасѧ два дни, и оудаша гра*д*. И w*т*толѣ поидѣ к Витебьскоу на кн(я)зя Швитри-
л. 28 гаила, кн(я)зь *ж* Швитрѣгаило // затворисѧ оу городѣ, и нача вевеликии [sic] кн(я)зь добывати града. Тоу *ж* приидѣ на помочь великии кн(я)зь Смоленьскиі Све*т*славичь со всими Смоленьскими силами и оудари чоломь великому кн(я)зю Витовтоу оу слоу*ж*боу. И начаша твердо добывати гра*д* Витебьска, и поушки поставиша, Ви*т*бляне *ж* не утерпеша
л. 28 об. и начаша оудаватис великомоу кн(я)зю Витовтоу. Кн(я)зь *ж* // Швитрогаило выидеть вонь *из* града и оудари челомь великомоу кн(я)зю Витовтоу. Кн(я)зь *ж* великии Витовтъ возма гра*д* Витебескъ и поидѣ пакы к Вилни.

Тое *ж* зимы на весноу кн(я)зь великии Витовтъ идѣ в землю По*д*ольскоую. А кн(я)зю Володимироу Ꙋлгир*д*ович тогда соущоу в Киевѣ и не восхотѣ покоры оучинити и чоломь оударити великомоу кн(я)зю Витов-
л. 29 то*в*ту [sic]. // Тое *ж* весны кн(я)зь великии Витовтъ поидѣ и взя гра*д* Житомирь, Оуроучи, и приеха*л* к немоу кн(я)зь Володимиръ. Того *ж* лета на wсень кн(я)зь великии Витовть выведѣ его с Киева и да*л* емоу Копыль, а на Киевѣ посадиль Скиргаила. Самь *ж* кн(я)зь великии Витовть поидѣ на По*д*ольскоую землю, а кн(я)зю Скиргаилу повеле с Киева к Черкасомъ
л. 29 об. и ко Звинигороду. Кн(я)зь *ж* // Скиргаило Бо*ж*ею помочью и великаго кн(я)зя Витовта повелениемь взя Черкасы и Звинигоро*д* и возв*р*атисѧ wпят ко Киевоу.

Тоу *ж* емоу кня*ж*(а)щю оу Киевѣ, бы*с* же некто Ѳома чернець Изоуѳовъ, дер*ж*а намесничество w*т* митрополита оу с(вя)тое Соѳьи на митропольемь дворѣ. Восхотевшю *ж* кн(я)зю Скиргаилоу wехати за
л. 30 Днепръ оу ловы, тои *ж* Ѳома нача звати его // на пиръ на митрополич дворь. Кн(я)зю *ж* Скиргаилоу соущоу емоу на пироу, азь *ж* того не свемь, зане*ж* бехь тогды мла*д*, но неции мовять, и*ж* бы то*т* Ѳома даль кн(я)зю Скиргаилоу зелие wтравное пити. И с того пироу кн(я)зь Скиргаило поехалъ за Днепръ к Милославичомь и тамо разболе*с* кано*н*[4] Кр(е)щ(е)ния оу че(тверто)*к* и на Кр(е)щ(е)ние в соу*б*(оту) оуеха*л* оу гра*д* // Киевь боленъ, болѣвъ 7 дни и престависѧ оу сре*д*(у). И понесоша его на
л. 30 об. главах с(вя)щ(е)н(и)ци, поюще песни w*т*ходныя, со свещами, *из* града Киева С(вя)теи Б(огороди)ци Печьрьскои. И поло*ж*нъ бы*с* чюдныи кн(я)зь Скиргаило, добрыи, по*д*ле гроба с(вя)того Ѳедосия Печрьска*г*. Кн(я)зь великии Витовть оуслышавъ, а*ж* кн(я)зь Скиргаило преставис,
л. 31 и посла*л* кн(я)зя Ивана Ꙋльгимо*н*тонович ко Киеву, // и да*л* емоу дер*ж*ати Киевь. Мы *ж* на предълежащѣе возвратимсѧ.

Как выидѣ из Немець кн(я)зь великии Витовть на великое кня*ж*ние, какь ѡтпоусти [ня]тца своего, кн(я)зя Глеба Свя*т*слави*ч*, ко Смоленьскоу на великое кня*ж*ние, а кн(я)зю Юрью Свя*т*слави*ч* даль горо*д* Рославль. Кн(я)зю Глебоу седящю оу Смоленьскоу и нача в непослоушании быти великомоу кн(я)зю Витовто*у*. // Кн(я)зь *ж* великии Витовтъ послы своя *л. 31 об.* слаше к немоу ѡ*т*правлении, ѡнъ *ж* не восхоте исправитисѧ. Тогда кн(я)зь великии Витовть со всими силами поиде ко гра*д*у Смоленьскоу на кн(я)зя Глеба Свя*т*слави*ч* и какъ *ж* приедѣ ко Смоленъскоу, тако Глебъ далсѧ и *з* градомь Смоленьскомь. Кн(я)зь *ж* великии Витовть даль гра*д* Смоленескъ дѣржати кн(я)зю Мантоу и Василю // Бореиковичь, а кн(я)зю *л. 32* Глебоу далъ горо*д* Полоныи. Самь *ж* кн(я)зь великии Витовтъ поидѣ в Литовъскую землю. На *т*у жь зиму посла кн(я)зя Семиѡна Лыкве*н*я со многыми ратьми Смольньскими силами на кн(я)зя Ѡ*л*га Рязаньскаго. И испленишa многое мно*ж*ство Рязаньское земли, и возвратишасѧ с победою восвяяси. Тогда же бе зима велми стоудена. //

Тое *ж* зимы на весноу приехаль кн(я)зь великии Василеи Дмитро- *л. 32 об.* вичь Мо*с*ковьскии ко ѡцу своемоу, великомоу кн(я)зю Витовту, коу Смоленьскоу оу велики по*с*. И оучти кн(я)зя великаго Витовта многими дарми: чепми златыми и поясы золотыми, соболми, камьками, сосуды золотыми и бахматами. Кн(я)зь же великиі Витовтъ зятя своего, // вели- *л. 33* каго кн(я)зя, оучтив и оударивь различьными дары: сажеными порты и дорогыми ѡксамиты, многоцеными камьками и гиньшты оу золотыхъ седлехь и снастехь, чюдоу достоины, и ѡ*т*пусти к Москвѣ с великою честию, самь поеха*л* к Литве.

[1] В 35-м томе ПСРЛ примечание: *На правом боковом поле с выносным знаком, сделанным киноварью, скорописью написано:* Яко крести Якало всю Литву в римскую веру.

[2] В 35-м томе ПСРЛ примечание: *На правом поле скорописью написано:* тако победи Витовт Святослава.

[3] В 35-м томе ПСРЛ: княжение.

[4] В 17-м томе ПСРЛ примечание: *После слова* канон *по выскобленному можно разобрать* канон. В 35-м томе ПСРЛ примечание: *Далее стертое слово* каноу.

D. Реконструкция содержания архетипа первой части «Летописца великих князей литовских»

Реконструкция архетипа и его перевод осуществлены на основе «Origo regis» (Or.), Виленского (Вл.), Супрасльского (Сп.), Слуцкого (Сл.) и Академического (Ак.) списков с учетом некоторых чтений списков Красинского (Кр.), Рачинского (Рч.), Патриаршего А (ПА.), Медоварцевского (Мд.), Дубровского (Дб.), Погодинского (Пг.) и хроники Быховца (Бх.). Приняты также во внимание чтения списков Археологи-

ческого общества, Румянцевского, Евреиновского и Ольшевского. В ряде случаев для уточнения написания имен собственных привлекается хроника Длугоша (Длуг.), в которой отражен один из утраченных латинских переводов первой части «Летописца», близкий к «Origo regis». Орфография цитат в разночтениях упрощена.

Следует отметить, что я не считаю возможной реконструкцию архетипа первой и второй частей «Летописца великих князей литовских» на западнорусском языке. При такой реконструкции сложно в точности учесть более корректные или дополнительные чтения «Origo regis» на латинском языке, а кроме того, далеко не всегда ясно, какие формы слов и выражений в западнорусском тексте являются первичными. С учетом этих соображений возможна реконструкция лишь *содержания* архетипа на одном из языков-посредников, например на современном русском языке.

У великого князя литовского Гедимина было семеро сыновей. Первым и старшим был Монтивид[a]; вторым — Наримонт; третьим — Ольгерд[b], отец господина короля; четвертым — Евнутий; пятым — Кейстут, отец господина великого князя Витовта; шестым — Кориат[c]; седьмым — Любарт.

Монтивиду его отец дал в удел Кернов[d] и Слоним; Наримонту — Пинск; Ольгерду, отцу господина короля — Крево. А к тому еще: поскольку витебский князь не имел сыновей, то принял его в качестве зятя к своей единственной дочери в Витебск [*вариант*: принял его к своей единственной дочери, чтобы он взял Витебск][e]. Евнутия же [Гедимин] посадил в Вильно на великом княжении. Кейстуту, отцу господина князя Витовта, дал Троки, Кориату[ee] — Новогородок. Любарта принял владимирский князь к своей дочери, за которою дал Владимир, Луцк и всю Волынскую землю[f].

Ольгерд, отец господина короля, и Кейстут, отец господина великого князя Витовта, жили в великой милости и единстве[g]. [h-] Верховное положение великого князя Евнутия не понравилось им [-h], и договорились между собой братья, великий князь Ольгерд и великий князь Кейстут, его оттуда сместить и одному из них двоих там сесть. И сговорившись между собой, назначили срок и день, когда приехать к Вильно и занять его, сместив своего брата великого князя Евнутия. После этого великий князь Ольгерд не успел из Витебска приехать к Вильно в условленный срок[i]. Великий же князь Кейстут быстро подошел к Вильно и ворвался в замок.

И великий князь Евнутий, выскочив из замка[j], бежал в [Турьи] горы [и спрятался] в яме[k]. И там обморозил ноги. [l-] Схватив, привели его к его брату великому князю Кейстуту. Он, ожидая своего старшего брата Ольгерда, посадил Евнутия под стражу, а сам навстречу своему брату великому князю Ольгерду отправил гонца [с сообщением], что уже занял

Вильно и поймал своего брата великого князя Евнутия. Гонец встретил его в Крево[m] и великий князь Ольгерд как можно быстрее поспешил в Вильно[n] и приехал к своему брату великому князю Кейстуту. [-l] И великий князь Кейстут сказал своему брату великому князю Ольгерду: «Тебе надлежит быть в Вильно великим князем, ибо ты старший брат, а я с тобой в единстве живу»[o]. И посадил его на великом княжении в Вильно, а Евнутию дали[p] Заславль[q].

И договорились между собой братья великий князь Ольгерд и великий князь Кейстут, [r-] что все братья будут послушны великому князю Ольгерду. [-r s-] И некоторые волости разделили между собой [-s] и так докончали[t] между собой: где что добудут — города, замки или волости[u] — то делить пополам. И постановили жить друг с другом до самой смерти в великой любви, милости и дружбе. [v-] И правду друг другу дали в том, что не будут замышлять лихое друг против друга, и были в той правде до скончания жизни.[-v]

Сыновей же было у великого князя Ольгерда — 12[w], а у великого князя Кейстута — 6[x]. И из всех сыновей любил великий князь Ольгерд великого князя Ягайла, а великий князь Кейстут — великого князя Витовта. И назначили еще при своей жизни[y], что они [эти сыновья] после их смерти займут их места на великих княжениях[z]. И они также, великий князь Ягайло и великий князь Витовт, подобно своим отцам были между собой в большой дружбе. Затем, когда умер великий князь Ольгерд[aa], великий князь Кейстут не нарушил слова[ab], [данного] своему брату великому князю Ольгерду, ибо на протяжении всей своей жизни был с ним в единстве. [ac-] И начал он держать великим князем в Вильно его сына, великого князя Ягайла. [-ac ad-] И начал ездить к нему на советы[ae] тем же старым обычаем, как ездил к своему старшему брату. [-ad]

Был у великого князя Ольгерда один паробок невольник, холоп по имени Войдыла[af]. Сперва был пекарем, потом [великий князь Ольгерд] поставил его стелить себе постель и давать себе воду для питья. И полюбился он великому князю Ольгерду, так что великий князь дал ему в держанье Лиду и [ag-] сделал его знатным человеком. [-ag] Прошло два или три года[ah] после смерти Ольгерда, и великий князь Ягайло сделал его еще более высоким и выдал за него замуж свою родную сестру Марию, которая потом была за князем Давыдом. [ai-] И доставил этим он великому князю Кейстуту огромную неприятность и огорчение, поскольку его племянницу, а свою сестру отдал за своего холопа. И был этот Войдыла в большой силе у великого князя Ягайла. И начал он с немцами проводить встречи и записываться грамотами против великого князя Кейстута.[-ai]

Был же некоторый комтур Остероде по имени Гоэнштайн[aj], который был кумом великого князя Кейстута, [ak-] так как крестил его дочь, жену мазовецкого князя Януша.[-ak] Этот комтур сообщил великому князю Кей-

стуту: «Ты того не знаешь, как часто великий князь Ягайло присылает к нам Войдылу. И тот уже записался с нами, чтобы лишить тебя твоих владений и [al-] чтобы они достались ему за женой, сестрой великого князя Ягайла». [-al]

Великий князь Кейстут знал, что великий князь Витовт хорошо жил с великим князем Ягайлом, и начал жаловаться своему сыну великому князю Витовту: «Ты с ним хорошо живешь, а он уже записался с немцами против нас». И великий князь Витовт ответил своему отцу: [am-] «Не верю, что это так, ибо он со мною хорошо живет, и если бы так было, то он бы мне открыл». [-am]

После этого появилось важное доказательство. Великий князь Ягайло передал Полоцк своему брату Скиргайлу, а полочане[an] его не приняли. И великий князь Ягайло послал всю свою рать литовскую и русскую со своим братом Скиргайлом к Полоцку. [ao-] И с другой стороны подошел магистр Ливонии со своим войском против Полоцка. И осадили город. [-ao] И великий князь Кейстут опять начал жаловаться с плачем[ap] своему сыну великому князю Витовту на великого князя Ягайла, говоря: «За Войдылу отдал замуж свою сестру, мою племянницу. От немцев известили, что он с ними записался против нас. А это уже третье [доказательство]. С кем мы воюем? С немцами! А они вместе с ними добывают Полоцк! Разве не понятно, что они объединились[app] с немцами против нас?» А великий князь Витовт ответил своему отцу: «Я еще не верю этому до конца». И сказав так, поехал один[aq] в замок Дорогичин[ar].

Великий же князь Кейстут, собрав все свои силы[as], ворвался в Виленский замок. И схватил великого князя Ягайла с матерью и братьями[at]. И нашел те грамоты, которыми они с немцами записались. И к своему сыну великому князю Витовту послал гонца в Дорогичин, сообщая, что произошли такие события. И гонец нашел великого князя Витовта в Городне, [au-] так как он уже приехал к Городну из Дорогичина. [-au] И великий князь Витовт за один день прибыл из Городна в Вильно[av] к своему отцу великому князю Кейстуту. [aw-] И он сказал своему сыну, великому князю Витовту [-aw]: «Ты мне не верил. А вот грамоты, которыми они записались против нас, да Бог нас уберег. Но я великому князю Ягайлу ничего не сделал, не прикоснулся ни к его казне, ни к стадам[ax]. [ay-] Он у меня с братьями своими не в заточении, а только ходят под небольшой стражей [-ay]. Вотчину его Витебск и Крево и все города, которые отец его держал, даю ему и ни во что им принадлежащее[az] не вступаюсь. А сделал я это, чтобы свою голову сберечь, [azz-] потому что узнал, что они замышляют лихое против меня». [ba]

[bb-] И великий князь Ягайло очень обрадовался приезду великого князя Витовта. [-bb] И дал правду великий князь Ягайло своему дяде, великому князю Кейстуту, что никогда не будет против него стоять, а будет во всем исполнять его волю. И великий князь Кейстут отпустил его вместе

с матерью[bc] и с братьями и с казною и со всем его имуществом[bd]. [be-] И великий князь Ягайло поехал в Крево, а великий князь Витовт проводил его до Крево. И из Крево великий князь Ягайло поехал в Витебск. [-be]

И как сел великий князь Кейстут в Вильно, то отправил двух человек в Полоцк: одного в рать, а другого к городу[bf]. [bg-] И когда оба пробрались в замок [-bg], полочане обрадовались и крикнули войску[bh]. И люди военные отступили от князя Скиргайла и пошли в Вильно к великому князю Кейстуту. А князь Скиргайло с небольшим числом слуг и с немцами[bi] поехал в Ливонию.

Великий князь Кейстут пошел на Новгород-Северский против князя Корибута, а своего сына, великого князя Витовта оставил в Литве[bj]. И отправляясь в Новгород-Северский, приказал повесить Войдылу. Великий же князь Ягайло должен был пойти вместе с ним против князя Корибута[bk]. [-azz]И великий князь Ягайло быстро забыл о своей правде и туда не пошел, но подговорил виленских горожан, людей Гануля и других[bl], чтобы они заняли Вильно. А в то время великий князь Витовт был в Троках. И великий князь Ягайло [bm-] со всеми своими людьми[-bm] прибыл из Витебска к Вильно. И великий князь Витовт послал к Новгороду-Северскому к своему отцу[bn] [гонца] с этим известием.

[bo-] Как только об этих событиях узнали немцы в Пруссии, маршал Пруссии как можно быстрее выступил с ратью на помощь великому князю Ягайлу.[-bo] И услышав, что немцы из Пруссии идут[bp] на Троки[bq], а великий князь Ягайло, чтобы встретиться с немцами, идет со своей ратью из Вильно на Троки, великий князь Витовт пошел к Городну вместе с матерью. И когда великий князь Ягайло с немцами[br] приступили к Трокам, Троки покорились им.

Великий князь Кейстут, приехав к Городну[bs], [bt-] нашел там своего сына и свою жену, мать великого князя Витовта. [-bt] И отправил ее в Берестье, надеясь на князя Януша Мазовецкого, своего зятя. Сам же поехал в Жемайтию, а своего сына, [bu-] великого князя Витовта [-bu], оставил в Городне[bv]. Но князь Януш, его зять, забыв о благодеяниях [bw-] и приязни [bx-] своего тестя и тещи, и своих шуринов, [-bx] пришел со своим войском к Дорогичину. [by-] И взяв Дорогичин, посадил там своих людей и Мельник, взяв, укрепил своими людьми, опустошил Сураж, Бельск, Каменец и осадил в Берестье свою тещу. [-by] И не добыв этот замок, отступил, укрепив [своими] людьми[bz] два замка — Дорогичин и Мельник[ca].

А великий князь Кейстут, [cb-] собрав войска, пошел из Жемайтской земли к реке Вилии [*вариант:* собрав всю свою Жемайтскую землю и все рати, пошел к реке Вилии]. [-cb] Великий же князь Витовт, собрав [cc-] все войско со своей вотчины, пошел из Городна[cd] навстречу[ce] своему отцу. И встретились они на Вилии[cf] в двух милях выше Ковно, и там войска переправились через реку[cg]. И пошли на Троки и, придя, взяли Троки в осаду. И услышал великий князь Кейстут, что великий князь Ягайло из

Вильно идет с войском[ch], [ci-] а вместе с ним рать из Пруссии и Ливонии.[-ci] А ведь раньше немцы были врагами им обоим — и великому князю Кейстуту, и [-bw] великому князю Ягайлу. Сначала ливонская рать приходила на помощь князю Скиргайлу против Полоцка. Потом войско во главе с маршалом Пруссии приходило под Троки. И вот уже третий раз все ливонское войско к ним пришло на помощь[cj]. И это были доказательства, что [немцы] стояли с ними заодно [-cc] против великого князя Кейстута.

И выступил великий князь Кейстут со своим сыном великим князем Витовтом на бой[ck] против великого князя Ягайла. И полки еще не сошлись, [будучи на расстоянии] трех или четырех выстрелов [друг от друга], как приехали князья и бояре от великого князя Ягайла к войску великого князя Кейстута и начали вызывать великого князя Витовта, чтобы с ним поговорить.

И сказали они великому князю Витовту: «Великий князь Ягайло послал нас к тебе, чтобы ты помирил нас со своим отцом, чтобы мы держали свое, а вы свое и чтобы не было между нами боя и не началось кровопролитие. Ты бы приехал к своему брату, великому князю Ягайлу, а мы тебе на том правду[cl] даем, что тебе можно будет в безопасности назад в свое войско отъехать, [cm-]лишь бы только между вами установилось согласие». [-cm]

Великий князь Витовт отвечал им: «Правду у вас беру, чтобы и князь Скиргайло сюда[cn] приехал и также правду дал, а [тогда] я выеду». И они послали к князю Скиргайлу, который, приехав[co], такую же правду дал великому князю Витовту, как и они. И великий князь Витовт поехал к великому князю Ягайлу в его войско. А полки[cp] стояли, ничего между собой не начиная.

И великий князь Ягайло начал просить великого князя Витовта: [cq] «Пускай бы ты помирил нас, и кровопролития бы не было!» И великий князь Витовт правду взял у великого князя Ягайла за своего отца, что его отцу, великому князю Кейстуту, можно будет приехать на встречу и назад в безопасности отъехать. И сказал великий князь Витовт великому князю Ягайлу: «Еще, брат, пришли[cr] князя Скиргайла, чтобы он и я правду дали моему отцу, что он в безопасности может приехать [сюда] и отъехать назад в свое войско, [cs-] а князь Скиргайло от себя и от тебя дал правду». [-cs]

[ct-] И великий князь Витовт с князем Скиргайлом поехал к своему отцу великому князю Кейстуту в войско и дал правду своему отцу от великого князя Ягайла. И князь Скиргайло дал правду от великого князя Ягайла и от себя. [-ct] И великий князь Витовт вместе со своим отцом, великим князем Кейстутом, оба поехали из войска, надеясь на эти правды. [cu-] Но если бы великий князь Витовт не поехал и один бы только его отец поехал, то, наверное, ничего бы не случилось. А так, увидев, что они оба приехали, [-cu] те, переступив через свою правду[cv], [cw-] окружили их. [-cw cx-] И

великий князь Ягайло сказал [-cx]: «Поедем в Вильно и там докончаем». [cy-] А войска так и остались, ничего не начиная. [-cy]

А когда приехали в Вильно, то великого князя Кейстута, [cz-] дядю своего, [-cz] заковав в кандалы, отправили в Крево и посадили в подвал башни[da]. Великого же князя Витовта оставили пока что в Вильно. И на пятую ночь там в Крево дядю своего великого князя Кейстута удавили[db]. [dc-] А удавили его коморники великого князя Ягайла: Прокша, который давал ему воду для питья, и Билгени (?), брат Мостев, Гедко Кревлянин, и Кучук, и Лисица, незаконнорожденный раб, по-простому Жибентяй. [-dc] Таков конец стался великому князю Кейстуту.

После смерти великого князя Кейстута великий князь Ягайло послал великого князя Витовта под стражей[dd] в Крево вместе с женой и приказал их тщательно охранять[de] в комнате. [df-] И мстя за Войдылу, [dg-] за которого когда-то отдал свою сестру замуж, [-dg] двоих приказал разбить на колесе: одного Видимонта[dh], дядю матери великого князя Витовта, [di-] родного брата ее отца;[-di dj-] а другого — Бутрима, родного племянника ее матери,[-dj] что был мужем Ульяны, которая [потом] была за Монивидом[dk]. И еще многим отрубили головы, [-df] мстя за того Войдылу.

Великий князь Витовт сидел в Крево в комнате под строгой стражей. [dl-] И туда в комнату обычно ходили две женщины, чтобы прислуживать княгине:[-dl] уложив ее спать, они выходили вон, а стражники [были] рядом[dm]. И великая княгиня услышала от людей, что если великий князь Витовт и далее будет сидеть, то, может быть, сделают с ним то же, что и с его отцом. И она уговорила его: как придут женщины укладывать спать, то он пускай оденется в одежду одной из женщин и выйдет вон вместе с другой. А та, в одежде которой он выйдет, пускай останется с княгиней[dn]. [do-] И так его научила. [-do] И он так и поступил: оделся в одежду одной из женщин, а с другою вышел. [dp-] И, спустившись с замка, бежал к немцам в Пруссию. [-dp]

[a] Or.: Montiwid; Длуг.: Montiwido; Вл., Кр.: Монтивид; Ак.: Моидивиды; Сп.: Монвид; Дб.: Мондовид; Пг.: Мантивид; Бх.: Montwid.

[b] ПА.: Александр.

[c] Ак. Рьят; Кр.: Корят.

[d] Or.: Bernow; Длуг.: Kernow; Вл., Ак.: Карачевъ; Кр.: Корачов; Сп., Дб.: Корачев; Пг.: Карячев.

[e] Or.: assumpsit eum ad filiam suam unicam, Wythewsko post eam recipiendo; Вл.: принял ко дочце в Витебеск; Ак.: приняль его к докцЬ и Витебь взяти; Сп.: приняль его к дотьце, Витебъскь взяти; Кр.: принял Олкгирда к дочце своеи Витебъск в зяти; Дб.: а принях Олгерда в Витепскъ к дочерѣ своеи, а собѣ взяти; Пг.: а принял Ольгерда Витепск к дочери своеи, а к себе в зяти.

[ee] Ак.: Корибутоу.

[f] *В Рч. и других списках второго летописного свода ВКЛ (кроме Кр.) добавлена интерполяция:* А старшых двух сынов своих посадил на великих князствах:

Евнутя на стольцы своем на Вилни и на Великом князстве Литовском, а Кестутя на Троцэх и на всеи земли Жомоитскои. И розделившы их сам почестне умер. (*Далее идет легенда о встрече Кейстута и Бируты.*)

[g] Or.: erant in magna dilectione et unitate («в великой милости и единстве»); Вл.: были у великои милости и в ласце; Ак.: были у великого князя (!) у великои милости и в ласце (*т. е. в великой милости у великого князя Евнутия; вероятно, это ошибка переписчика Ак., не очень хорошо понявшего исходный текст*); Сп.: были во великои любви и милости и в ласце.

[h-h] Or.: *этой строки нет*; Вл., Ак., Сп.: князь великыи Евнутии в большинстве буда не полюбился има; Кр.: а князь великии Евнутеи был межи их в большеи почестности, княжил на Вилни, и не полюбился князю Олькгирду и Керстутю.

[i] Рч. (*вся фраза переиначена*): Лета 6873, а от нароженя Хрыста 1365 князь великии Олькгирд з Витебска борздо прыспел.

[j] Or.: exiliens de castro; Вл.: выскочил; Ак.: выскочив; Сп.: выскотив; Кр.: с страху выбежи з города з Вилни; Дб.: выскочив из Вилны; Пг.: превержеся чрез стену.

[k] Or.: in valles et montes; Длуг.: in silvasque et montes; Вл.: в горы и в дол; Ак.: в горы, в гури; Сп.: во гуры; Кр., Рч.: в гуры бос; ПА.: у горы бос; Мд.: в Угры (*т. е. в Венгрию*); Дб.: в горы в Угры; Пг.: в горы, во Угры; Бх.: w Turyi hory.

[l-l] Кр.: И немъши его там, и привезли его до брати, и они посадили за сторожою его.

[m] Дб.: в Кракове и сказа то великому князю Олгерду; Пг.: в Кракове и споведа ему вся бывшая.

[n] Or.: Vilnam; Вл., Ак., Сп.: *нет*; Мд., Дб.: к Вильне; Пг.: в Вилну.

[o] Or.: vivo; Вл., Сп., Дб.: живу; Ак.: дрьжу; Пг.: аз же хощу быти с тобою за един; Мд., *весь фрагмент передан иначе*: Кестутий встретив и целовав брата своего Олгерда и рече: «Ты ми еси, государь, брат старейший, тебе подобает быти на государстве на великом княжении литовском». Ольгерд же смиряяся рече: «Брате и господине, ты на пред мене поспел и взял Вильну, ты и сяди на великом княжении». И Кестутий глагола: «Ми не подобает мимо тебе, государя моего и брата старейшего, сесть на государстве, но тебе подобает. А яз рад своею главою тебе служити и с тобою жити за один».

[p] Or.: dederunt; Ак., Вл.: дали; Сп.: даль.

[q] Or., Длуг.: Zaslaw; Вл.: Жаславль; Ак., Кр., Пг.: Жеславль; Сп.: Ижеславль; Дб.: Нижславль; Бх.: Zesławly.

[r-r] Or.: quod fratres omnes obedient duci Olgerdo; Вл.: што братьи своеи послушным быти великого князя Олкгирда; Ак., Сп., Кр. (*с незначительными перестановками и изменением слов*): што братьи все послушнои быти великого князя Олгирда; Дб.: то брате всем мощно быти у великого князя Олгерда; Пг.: *строки нет*; Мд.: и приидоша вся братия ко Олгерду в Вильну и поклонишася ему и поздравствоваша его на государстве и докончаша между себе и крест целоваша, что братии всей быти и послушным у Ольгерда великого князя.

[s-s] Or.: et aliquos districtus inter se diuiserunt; Вл.: *нет*; Сп., Ак.: или которыи волости, то собѣ розьделили.

[t] Or.: concluserunt — *вероятно, латинская калька с западнорусского «докончали»*; Вл.: впевнят; Ак., Сп.: докончають; Бх.: dokonczaiut.

[u] Or.: ciuitates, castra aut districtus; Вл.: горы или волости; Ак.: грады ли или волости; Сп.: град ли или волости; Кр.: городы алюбо волости; Дб.: городов

и волостеи; Мд.: русскых градов или волостей. (*Ср. «Witoldes sache»: «jn Russen lande». Однако нельзя с уверенностью сказать, находилось ли слово «Русь» или подобное в протографе первой части «Летописца великих князей литовских».*)

[v-v] Or.: et fidem inter se super eo ceperunt nulli in vita de alio male cogitare et ita fuerunt vsque ad terminum vite in hac vita (*! — правильно: in hac fide*); Вл.: а присягли промежи собою, што никому межи их зла не помыслити, також и были по реченнои правде и до своего живота; Ак.: а правду межи собою на томь, никому ни на кого не помыслити лихом, также и была до живота в тои правде; Сп.: а правду межи себе на томь дали, не мыслити лихомь никому же никого же, такоже были и до живота своего в тои правде; Кр.: а присягу межи собою на том дали не мыслити зла межи их никому на себе, такеж были в тои справедливости, оли ж до живота своего.

[w] Рч. (*добавлено*): от первое жоны пять, а от другое тверанъки, сем. А то суть имена их: Анъдреи, Дмитреи, Костянтин, Володимер, Федор, Корыбут, Скрыгаило, Якгеило, Корыгаило, Лукгвени, Швитрыгаило.

[x] Or.: VII; Вл., Ак., Сп., Кр., Рч., Дб., Пг.: 6. — *Кроме «Origo regis» цифру 7 дает также Ольшевский список (перевод второго летописного свода ВКЛ на старопольский язык, см.: ПСРЛ. Т. 35. С. 181). Возможно, в обоих случаях здесь мы имеем дело с ошибками переводчиков. Цифру 6 даем на основе списков на западнорусском языке.*

[y] Or.: circa vitam eorum (*калька с выражения «при своих животех», употребленного в Вл., Ак., Сп.*).

[z] Кр.: По нашом животе тыи наши дети будуть на княжени великом Литовъском княжити.

[aa] Рч. (*добавлено*): умре в лето Божого нароженя 1377. Пановал на Вилни дванадцать лет.

[ab] Or.: verbum; Вл., Дб., Пг.: слова; Кр.: шлюбу; Ак., Сп.: *нет*.

[ac-ac] Or.: et tenebat quod M. dux Vilnam filum eius ducem M. Jagello; Вл.: почнет дръжати князем великым в Вилни сына князя Якгаила; Ак.: почнеть дръжати княземь великого Ягаила; Сп.: почнеть держати княземь великим во Вилни сына его, князя великого Ягаила; Дб.: почтем дръжати великим князем в Вилне Олгердова сына Ягаила опосле Олгерда; Пг.: и даде великое княжение в Вилне братаничю своему Ягаилу Олгердовичю.

[ad-ad] Кр.: *нет*; Дб. (*фраза переиначена*): как к брату своемоу ежживал к стареишинам.

[ae] Or.: ad consilia; Вл.: к старым доумам; Ак., Сп., Дб.: ко старымь думамь; Пг.: о всяких советех.

[af] Or.: dictus Woydilo; Вл.: Воидило; Ак.: звали его Воидимом; Сп., Кр.: звали его Воидиломь; Дб.: звали его Воинилом; Пг. (*вся фраза переиначена*): раб его именем Воинил от младых людеи.

[ag-ag] Or.: fecitque eum crescere in magnum; Вл.: и повел его у великых; Ак.: поведеть его в вельми высоких; Сп.: и повель быль его в добрых; Кр.: и повел его в добрыи дни; Дб.: и повелел был его в добрые; Пг.: и велможею восхоте его устроити у себе; Мд. (*вся эта и предыдущая фразы переиначены*): и для его разума и возраста доброзрячия велел ему Олгерд жити близ себя у постели и учал его жаловати, дал ему держати Лиду и велел ему быти с боляры в своей раде.

[ah] Or.: duobus aut tribus annis; Вл.: две лете болши ль было; Ак.: две лете и больше минуло; Сп.: две ли лете минуло; Кр.: *нет*; Дб.: лета 2 или болши или менши миноуло; Пг.: по двою лету или мала множае или менши.

[ai-ai] Мд.: Кестутий же о том на Ягайло добре негодовал, что он дал за холопа сестру свою. И был тот Воидило у Ягайла в великой моци. И учал от Ягайла с немцы коромолить и грамотами записыватися противу Кейстутия и сына его Витофта; Пг.: Слышав же се князь великии Кестутеи, что братанич его Ягаила дал сестру свою, а его братанична за своего раба, ярости и жалости велми наполнився. Воинило же, сия слышав, еже гневаетца на него князь великии Кестутеи Гедиманович, начат таино советы творити с Немцы и писанием утвержатися и против великова князя воаружатися.

[aj] Or.: Astorodensis comendator dictus Smydsten; Длуг.: Sundsteyn Osterrodensem Commendatorem; Вл.: Острозкыи кунтоур, звали его Гунстыном; Ак.: Ошькровьскыи кунтарь, звали его Гуньстыном; Сп.: Остродски кунтор, звали его Гунстыномь; Кр.: лифлянскии кунтор, звали его Густыном; ПА.: Ифлянскии коунтор, звали его Август; Мд.: *нет*; Дб.: Островскии купец, звали его Гнупыном; Пг.: Островскии купец, именем Гнупын; Рч.: ифлянскии кунтор, именем Авкгуштын; Бх.: Ostrodski kuntor, zwali ieho Liebestyn (*«Liebestyn» — вероятно, интерполяция Т. Нарбута*).

[ak-ak] Кр.: *нет*.

[al-al] Or.: vt ipsa adipiscatur et cum sorrore ducis M. Jagellonis; Вл.: а емоу ся бы достало и с мтрью великого князя Ягаила; Ак.: а ему бы ся достало и с сестрою великого князя Ягаила; Сп.: а ему бы ся достало и со строю великого князя Ягала; Кр.: а ему бы ся достало с своею жоною, с сестрою князя великого Якгаила; Мд.: и хощет посадити на твоих местах затя своего Воидила; Дб.: ему ся бы то достало твои места; Пг.: и посадити на великом княжении в Тротцех Воинила; Бх.: a iemusia dostało y so sestroiu welikoho kniazia Jagoyła, szto za Woydyłom.

[am-am] Or.: non credo forte hoc non est, quia ipse mecum bene viuit forte michi reuelaret; Вл.: не веруи тому, занже с мною гораздо живеть, аче и бы ми явил; Ак., Сп.: не веруи тому, ач то неть, занеже со мною гораздо живеть, ачеи бы мне явил; Кр.: не верь тому, отче, бо того нет межи нас, занюж Якгало живеть со мною горазд; Мд.: государь, нелзе тому быти и вери тем вором, со мною живет за един живот Ягайло брат мой; Дб.: не верую тому, нет того, живет он со мною он гораздо, где бы мне того не явил; Пг.: отче, не верую сему, понеже брат мои Ягаила весть верен есть и истинен, и не мню сему тако быти; аще бы он захотел сице сотворити, всяческии бы мне о всем извесно учинил; аз убо непщую, яко сие ложь есть, а не истина.

[an] Or.: Polocenses; Кр.: полочане; Вл., Ак., Сп.: они.

[ao-ao] Or.: et ex alia parte magister Liwonie venit cum suo exercitu contra Poloczsko; Вл., Сп.: и остоупять город; Ак.: и оттуды мистр лифляньски прииде ратью к Полуцку и оступять город; Кр.: и оступять город Полтеск, и немецькии мистр пошлеть на помоч к Полоцьку добывати города; Дб.: и оттуду магистрии Вифлянскои придеть к Полоцку ж оступять град; Пг.: Тако же и магистрь Вифлянскои прииде к Полоцку же на помощь Скиригаилу и оступиша град.

[ap] Or.: lacrimando; Вл., Ак., Сп.: проплакивая; Кр.: проплакиваючи; Бх.: płaczuczy.

[aq] Or.: solus; Вл., Ак., Сп., Сл., Кр., Дб., Пг.: *нет.*

[app] Or.: ad plenum vnum sunt; Вл.: за одно певно стали; Ак.: за одно поспол стали; Сп.: полно стали.

[ar] Or.: ad castrum Drohiczin; Вл., Сп.: к городоу Дорогичиноу; Ак.: к городу Дорогичинити; Сл.: к Городну, к Дорогичину; Кр.: к Дорогичину.

[as] Or.: congregata potencia sua totali; Вл.: събравъся съ всими вои своими; Ак., Сп., Сл.: собрався своею моцью; Кр.: собравши свою силу и со всим своим двором в зброях; Дб.: собравъся с своею мочию; Пг.: вскоре собрав силу свою.

[at] Мд. (*добавлено*): и сам сел на государстве в Вильне.

[au-au] Вл., Пг.: *нет.*

[av] Or.: in Vilnam; Кр.: до Вилни; Мд., Пг.: в Вилну; Вл., Ак., Сп., Сл., Дб.: *нет.*

[aw-aw] Or.: *строки нет.*

[ax] Or.: thezauros eius; Вл., Ак., Сп., Сл., Кр.: ни скарбов его, ни стад.

[ay-ay] Or.: qui cum fratribus suis nec in captiuitate est solum sub parwa custodia tenetur; Вл.: а сами оу мене оу нятстве ходять за малою сторожою; Ак., Сл., Дб.: а сами у мене у нятьстве ходять, только за малою сторожею; Сп.: а сами у мене не в нятстве ходять, толко за малою сторожею; Кр.: а сам Якгаило в нятцтве в мене ходить за малою сторожею.

[az] Or.: quod est ipsorum; Вл.: *нет*; Ак., Сп., Сл.: их.

[azz-azz] Ак.: *нет всего этого фрагмента (вероятно, в исходном тексте был пропущен лист).*

[ba] *В редакции Мд. и списке Пг. речь Кейстута значительно изменена и расширена интерполяциями.* Например, Мд.: Кестутий же рече Витофту сыну своему: «Ты мне не верил еси, а во се грамоты, что Ягайло братаничь мой, а твой брат и друг, съединачился с немцы на нас и записался. Но Бог нас помиловал, не предал ему». Витофт же имея не лицемерную сущую любовь к брату своему Ягайлу и ничтоже отвеща отцу своему, но стояше слезен и уныл для Ягайла. Кестутий же познав сына своего Витофта дряхла любви ради и рече: «Ныне аз милость еще показую своему братаничю Ягаилу, поминаю добродетель и любовь к себе брата своего Ольгерда и твоея ради любви к нему жалую вотчиною его Витблеск и Крев и вся места, что отец его прежде держал, то ему даю, ни во что не вступаюся. А дела его лихии явны суть пред нами, достойны смертныя казни. Еще есмь ни скарбу его не рушил, ни стад его, а сам сидит за малою стражею». И Витофт сия слышав, и посла к Ягайлу и сказа ему жалование отца своего к нему. — *Интерполяции из Пг. не выписываем из-за большого объема и малой фактологической ценности (см.: ПСРЛ. Т. 17. Стб. 577—578). Во всяком случае, как, видимо, и цитированные интерполяции из Мд., это поздняя литературная стилизация, не имеющая отношения к протографу первой части «Летописца».*

[bb-bb] Сп.: *строки нет.*

[bc] Or.: *нет.*

[bd] Сп.: со скарбы, и со всимь его; Кр.: со всим его скарбом и со всими статки.

[be-be] Or.: et ita dux M. Jagello vadit (*здесь в Or. пропущены две строки, которые были в протографе)* in Wytepsko.

[bf] Кр.: два паны литовские з воиском.

[bg-bg] Or.: qui ambo vt castrum intrauerunt; Вл., Ак., Сп., Сл.: *строки нет*; Кр.: люди полочане услышавши е; Дб.: се ж уведав полочане.

[bh] Or.: et clamauerunt contra exercitum; Вл., Сп., Дб.: и кликноули на рать; Сл.: кликнули в рать; Кр.: кликнули на рать Скиргаилову. — *Смысл этого выражения не вполне прозрачен. «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» переводит «клікаці на (што-небудзь, каго-небудзь)» как «крычаць, выкрыкваць, ускліквацъ», а «кликнути на» из этого фрагмента «Летописца великих князей литовских» (по Вл. и Кр.) как «закрычаць, выкрыкнуць» (ГСБМ. Вып. 15. Катъ — коречный. Мінск: Беларуская навука, 1996. С. 118—119).*

[bi] Or.: cum Theutonicis; Вл., Сп., Сл., Дб., Пг., Кр.: у Немци. — *Принимается чтение Or.*

[bj] Or.: in Lithwania; Вл.: оу Вилни; Сп., Сл., Кр.: в Литве; Дб.: в Витфи.

[bk] Дб.: и князь велит Воидила вывести великому князю Ягаилу из Витепска и было ти ж с ним; Пг.: а братаничю своему Ягаилу повеле ити из Витепска за собою же к Новъгоротцу, тако же и Воинила повеле ему за собою взяти.

[bl] Or.: ciues Vilnenses videlicet personam Hanullonis et alios; Вл.: местичи Виленскыи и Ганулеву чадь; Ак.: местичи виленьски Ганюилеву чадь; Сп.: местить великых и Ганулеву чадь; Сл.: местичи виленьскии Ганюлеву чадь; Дб.: наместницы Виленскии Аню евоу а да; Пг.: Ягаило, забыв обещание свое и клятвы своя преступив, не поиде за дядею за своим, великим князем Кестутием Гедимановичем, ни зятя своего Воинила не посла, но шед к Вилне и прелсти наместники Виленския, Анюевуа, да засяде Вилну.

[bm-bm] Or.: cum omnibus suis; Вл.: с всими людьми своими; Ак.: со всими своими; Сп., Сл., Кр.: с всими; Дб.: со всеми вои своими.

[bn] Кр.: к брату своему.

[bo-bo] Or.: Theutunici autem Prussie audientes talia gesta Marsalcus Prussie procedit cum exercitu in subsidium duci Jagelloni multum celeriter; Вл.: а Немци пак и Прусы услышавши тая дела и маршалко Проусскыи поиде на помочь ратю великою князю Ягаилу въскоре; Ак., Сп., Сл., Дб. (*с незначительным изменением*: маршалко Пруские земли): а немци пак прусскии услышавше таа дела, и маршалко прускии поиде на помочь ратью к великому князю Ягаилу вельми наборзде; Кр.: и немцы прускии, услышавши тую реч, маршалок прускии поидеть на помоч ратю к великому князю Якгаилу велми наборздеи.

[bp] Or.: vadunt; Вл., Ак., Сп., Дб.: идоут (идуть); Сл., Кр., Рч.: тягнуть; Бх: tiahnut.

[bq] Or.: ad Troky; Вл., Ак., Сп.: к Вилни и к Троком; Сл.: к Вилни; Кр.: до Вилни и до Троков; Дб.: к Троком.

[br] Or.: cum Theutunicis; Вл., Ак., Сп., Сл., Дб., Кр., Рч.: *нет*; Пг.: с Немцы и со всею силою своею.

[bs] Or.: *нет.*

[bt-bt] Ак., Сп.: к сыну своему, туто наидеть и жену свою; Сл.: ко сыну своему туто и жену свою.

[bu-bu] Or.: *нет.*

[bv] Сл.: Городке.

[bw-bw] Сп.: *этого фрагмента нет.*

[bx-bx] Or.: et socris sue; Вл.: цтя своего и тещи и шурьи своеи; Ак., Сл.: цтя своего и тещи своеи и шюрьи.

[by-by] Or.: [Drohiczyn] capiens homines locat in Myelnyk capiens hominibus fulcitur Surast devastat Byelsk Kamyenyecz et circumvallat in Bresczye socrum suum (*у Длугоша также присутствует упоминание о Бельске*); Вл.: Догочин възмет и Мел-

ник осадить, Сараж, Каменець извоюеть и остоупит в Берестьи тещоу свою; Ак.: Дорогичинь возма осадить, Мельник возма осадить, Саражь извоюеть, Каменець извоюеть и оступить у Берести тещю свою; Сл.: Дорогичинь возма осадить, Саражь извоюеть, Каменець извоюеть и оступить Бересть и тещю свою; Кр.: Дорогичин возметь и осадить, Сараж звоюеть и Каменец звоюеть и подступить под Берестеи; Мд.: *нет*; Дб.: Дорогочин возметь, Молебник возметь и ты городы осадить а ружи звоюет Каменець извоюеть отступить к Берести тещу свою доставать; Пг.: и взя два града тестя своего Кестутьевы, Дорогочин и Мелник, и осади их, и оттуду шед повоева ина два града, Рожда и Каменец, и поиде к Бересте граду, хотя взяти его и тещу свою пленити; Бх.: Dorohiczyn wzemszy osadył, Suraż zwoiuiet, Kamieniec zwoiuiet y ostupit Berestey y teszczu swoju w Berestiu. — *Упоминание о Бельске включено на основе Or.*

[bz] Or.: fulcitis hominibus; Вл., Ак., Сл., Дб.: осадив; Кр.: осадивши.

[ca] Сл.: Хмельникь.

[cb-cb] Or.: congregatis hominibus exercitibus et de terra Samagittie transit ad flumen Vilia; Вл.: събрав всю свою Жомоит поиде к реце Велии; Ак.: събрав свою Жемоитьскую землю и все рати и поде к реце к Вльи; Сл.: собравь свою Жемоитьскую землю и вси рати и поидеть к реце к Вилни; Мд.: собрав силу Жемоцкыя земли и вси рати свои и пошел к реце к Вилне; Дб.: собрав свою Жемоцкую землю и вси рати поидеть к реце Велии; Пг.: собрав свою Жамоцкую силу и все свои рати х Креву; Кр.: собравши всю жомоицскую рать, и многи люди пошли к нему на помоч, и приидеть к реце к Вели.

[cc—cc] Сл.: *этого фрагмента нет (утрачен лист).*

[cd] Or.: *нет*; Вл., Ак.: из Городна; Кр.: з Городна; Дб., Пг.: из Городня.

[ce] Or.: in occursum; Вл., Ак.: напротиву; Дб.: против; Кр.: на помоч.

[cf] Or.: *нет*; Вл., Ак., Кр., Дб.: на Вельи.

[cg] Дб., Пг.: за реку; Мд.: прелезша Велью.

[ch] Кр.: с великим войском.

[ci-ci] Or.: cum exercitu Prussie et Liwonie; Вл., Ак.: а с ним Немецкая рать и Лифлянская; Кр.: а с ним идеть немецкая рать, лифлянтъскаа; Дб.: а с ним Немецкая рать Фиплянская; Пг.: а с ним Немецкая рать Вифлянская, и смутися попремногу.

[cj] Or.: in subsidium. — *В других списках нет.*

[ck] Or.: ad pugnam; Вл.: *нет*; Ак., Сп., Дб.: на бои; Кр., Пг.: на битву.

[cl] Кр. (*здесь и далее*): *вместо* правду — присягу.

[cm-cm] Or.: vt per hoc inter nos bonus sit finis; Вл.: ачеи бы межи вашеи млсти што доброго сталося; Ак.: чызды (!) бы межи вас добрыи был конець; Сп.: ачеи бы межи вас добрыи был конец; Сл.: чизды (!) абы межи вас добрыи был конец; Кр.: ачеи бы межи нас добрыи конець стался; Дб.: ижды (!) бы межи нас было доброи конец; Пг.: и великие бы князи были в мире и в любви и в смирении и в соединении.

[cn] Or.: huc; Вл.: у мое воиско; Ак., Сп., Дб.: семо; Сл.: семь.

[co] Or.: aduenies; Вл., Ак., Сп., Сл., Дб., Кр.: *нет*; Пг.: вскоре приде; Мд.: к Витофту приехал.

[cp] Or.: caterwis; Вл.: гуфы; Ак., Сп., Сл.: полкове; Кр.: полки.

[cq] Кр., ПА., Рч. (*добавлено*): Брате милый. — *В других списках этого нет.*

[cr] Вл.: пошли до.

[cs-cs] Or.: et dux Stergal daret a se et a te fidem patruo suo a duce Jagellone; Вл., Ак., Сп., Сл.: а князь бы Скиргаило от тебе дал правдоу; Дб.: и князь Скиригаило дал от себе правду; Кр.: и дал бы нам присягу от тебе.

[ct-ct] Or.: Et dux Stergal dat fidem a duce Jagellone et a se. Вл.: и князь великыи Витовт с князем Скиргаилом уедеть к отцу своему великомоу князю Кейстутю оу воиско и дасть правду отцу своему от князя великого и от себе; Ак.: и князь великии с князем Скиргаилом воедеть ко отцю своему великому [*здесь в Ак. пропущена строка*] от князя великого Ягаила, и князь Скиргаило дасть правду от князя великого и от себе; Сп., Сл., Дб.: и князь велики Витовт со князем Скригалом придуть ко отцу своему, ко князю великому Кестутию, в рать, и дасть правду отцю своему от князя великого Ягаила, и князь Скиригаило правъду дасть от великого князя Ягаила и от себе; Кр.: и князь великыи Витовт с князем Скиргаилом приедуть к отцу своему, ко князю великому Кестутю, в рать, и дасть присягу князю великому Кестутю от князя великого Якгаила и от себе.

[cu-cu] Or.: sed si dux Wytowdus non equitaret et vnus pater solum equitaret forte nihil fuiesset. Et ita videns quod. — *В других списках этого фрагмента нет.*

[cv] Or.: fidem; Вл.: слюб и правдоу; Ак., Сп., Сл.: тыи правды; Дб.: сы правды.

[cw-cw] Or.: circumsteterunt illos. — *В других списках этих слов нет.*

[cx-cx] Or.: et dicunt. — *В других списках следующие слова приписаны великому князю Ягайлу.*

[cy-cy] Or.: et in hoc exercitus nichil agentes remanserunt; Вл.: а в том воиска ничег не починали и оставили; Ак.: въше остали; Сп.: а в том ничего не починавши остали; Сл.: а в том рати ничего не почавши остали; Дб.: в том рати ничего не чиня починавше остали; Кр.: а в том воиска ничого не починавши остали.

[cz-cz] Or., Вл.: *нет*; Ак., Сп., Сл., Дб., Кр.: дядю своего.

[da] Or.: in fundum turris; Вл., Ак., Сп., Сл., Дб., Кр.: у вежу.

[db] Or.: iugulauerunt (*буквально «перерезали горло», «зарезали»*); Вл., Ак., Сп., Сл., Дб., Кр.: оудавили.

[dc-dc] Or.: et iugulauit eum cubicularius M. ducis Jagellonis Proxa dictus, qui dabat sibi aquam. Et Bilgeny frater Mostew Gedko Crewlanyn Cuczyk Lyszycza serws illegitimus wlgariter Zibintha; Длуг.: Proxa Ducis Iagellonis pincerna, item fratre suo Bilgieny, item Mostew, Gethkone, Crewlanin, Cuczuk, Liszicza… Zibinthae; Вл.: удавили коморники князя великого Ягаиловы Прокша што воду давал ему, а Белик Мостев брат, а Коучук, а Лисица Жибенътяи; Ак., Сп., Сл.: удавили коморники князя великого Ягаиловы: Прокша, што воду даеть ему, а были инии, Мостевь брат а Кучюкь, а Лисица Жибндяи (Жибентяи, Жебентяи); Дб., Пг.: оудавили коромолники великого князя Ягаиловы Ярошка что воду давах емоу, был с ним Мостев брат Къкоучок Лисица Ибинтяи; Кр.: удавили коморники князя великого Якгаиловы: Прокшою его звали, што воду ему давал пити, а был другии, Мостев брат а Кучук а Лисица Жибентяи; Бх.: udawili komorniki kniazia welikoho Jagiełowy, na imia Proksza szto wodu iemu dawał; i byli inszyie, Moster brat, a Kuczuk a Lisica Żybentiay; *в Ольшевском списке вместо «Лисица Жибентяй»:* Lisicza czo swiecil.

[dd] Or.: sub custodia; Вл., Ак., Сп., Сл., Дб.: *нет.*

[de] Or.: firmiter custodirent; Вл.: твердо дръжати; Ак.: тврьдо стеречи; Сп.: твердо стерети; Сл.: твердо стеречь; Дб.: твердо стеречи.

[df-df] Кр., ПА.: *этого фрагмента нет.*

[dg-dg] Сп.: *нет.*

[dh] Or.: Wyndimund; Длуг.: Widimunth; Вл., Ак., Сп., Сл.: Видимонта; Дб.: Винтимонда; Бх.: Widymonta.

[di-di] Or.: patris fratrem eius germanum; Вл.: он брат маткы его; Ак.: отца брата матки его; Сп.: отчня брата матки его; Сл.: оттня брата маткы его. — *В Дб. и Пг. ошибочная трактовка, что Видимонт был оставлен в живых, поскольку был мужем Ульяны.*

[dj-dj] Or.: et alium Buttrim nepotem germanum matris eius. — *Этих слов, повторенных и в хронике Длугоша, нет в других списках.*

[dk] Or.: Munuidi; Вл., Сл.: за Монивидом; Ак.: за Мониводом; Сп.: за Монвидом; Дб.: за Мондивидом.

[dl-dl] Or.: vbi due femine ambulabant conducentes ducissam ad caminatam; Вл.: а жонце две ходили покладыват князя оу комнатоу; Ак., Сп., Сл.: а жонце 2 ходили покладывати княгиню в комнату; Кр.: а жонкам двема призволено было ходити до комнать княгиню с ним покладати.

[dm] Кр.: а сторожа завжды около была.

[dn] Кр. (*добавлено*): в коморе.

[do-do] Or., Сп., Сл.: *нет*; Вл.: и так его наоучить; Ак.: и пакь его научить.

[dp-dp] Or.: et mittens se de castro ad Theutunicos properauit. — *На этой фразе завершается Or.*; Вл.: и спустился с города и оутек з города в Немци и оу Прусы; Ак., Сп., Сл., Дб.: и спустился с города да утек у Немцы, у Прусы; Мд.: и споустися в кошници по стене из града и утече в немцы прусскыя к магистру. Кр., ПА., Рч. (*добавлено*): к мистру до Марьина городка. Сторожи то видели и не догадалися тому, творели (Рч.: довнимали) жонка з жонкою вышла. — *Чтение Мд.* в кошници *(«в плетеной корзине») является уникальным, но трудно сказать, было ли оно в протографе первой части «Летописца».*

Е. Реконструкция содержания архетипа второй части «Летописца великих князей литовских»

Когда [Витовт] был у немцев, в Марьине-городе, у магистра, приехало к нему множество литовских князей и бояр, и он начал воевать Литовскую землю с немецкой помощью. А великий князь Ягайло со своей матерью великой княгиней Ульяной был в Витебске, брат же его, князь Скиргайло, был в Литовской земле, в Троках. И великий князь Витовт часто воевал Литовскую землю. И великому князю Ягайлу и князю Скиргайлу не было возможности противостоять ему, так как у него собралась большая сила. Тогда великий князь Ягайло, позвав его из Немецкой земли, дал ему Луцк со всею Волынской землей, а в Литовской земле — вотчину его, [a-] [кроме Троков] [-a].

Когда умер король Казимир краковский, у него не было сыновей, только одна дочь [b-] по имени Ядвига [-b]. И начали поляки присылать из Кракова к великому князю Ягайлу, чтобы он принял крещение старого Рима и взял у них королевну по имени Ядвига себе в жены и стал бы у них королем в Кракове и на всей Польской земле. [c-] Он же, великий

князь Ягайло, посоветовался со своей матерью, великой княгиней Ульяной, и со своими братьями, и со всеми князьями и боярами Литовской земли, и поехал в Краков в Польскую землю.[-c] И там он сам крестился, и его братья, и князья и бояре Литовской земли. И взял за себя королевну Ядвигу и коронован был короной того королевства[d]. И после этого начали крестить Литву в латинскую веру, и архиепископ прислал епископа в Вильно в Литовскую землю, и тогда начали ставить костелы по всей Литовской земле.

[e-e] В ту же зиму, когда король был в Кракове со всеми [f-] литовскими князьями и боярами, [-f] князь Андрей полоцкий пришел с ливонскими немцами и со всеми латгалами[fa] на Литовскую землю и, опустошив, сжег много мест и сел, городам же Литовской земли не причинил вреда и вскоре возвратился восвояси.

В ту же зиму князь Святослав смоленский договорился[g] с князем Андреем полоцким: он в Литву, а князь Святослав — под Оршу. И во время мира много зла причинили христианам, не по-людски и не по-христиански мучили христиан, чего и при нашествиях язычников не слыхали, чтобы так мучили христиан. Собирали и, запирая в домах, сжигали; приподнимали рычагами большие строения, клали пленных головами под стены и [раздавливали][h]; женщин и детей на кол сажали. А о других издевательствах над христианами даже стыдно писать, ибо ни Антиох сирийский[i], ни Юлиан вероотступник таких издевательств не творили над христианами. Но городу Орше[j] вреда не причинили и вскоре возвратились восвояси.

Той же зимы на весну[k] в Великий пост начал Святослав со смоленскими боярами замышлять [l-] пролитие христианской крови, словно лютые звери, а не христиане. [-l] И пошел к городу Мстиславлю, и стал возле города Мстиславля, и начал добывать город и бить город пороками, а по Мстиславской земле [m-] разослал воинов [-m] и много пролил христианской крови. [n-] И Богу было противно видеть, [-n] как те, кто зовется христианами, братьев своих христиан не по-людски и не по-христиански мучат.

Великий же князь Скиргайло и великий князь Витовт приехали из Польши от своего брата, короля, и услыхали, что князь Святослав смоленский перед тем был под Витебском, а потом приходил под Оршу и [теперь] стоит под Мстиславлем, бьет город пороками. И опечалился великий князь Скиргайло, пошел со своими братьями, с великим князем Витовтом, [o-] и с Константином, и с Корибутом, [-o] и с Семеном Лынгвеном[p]. И вспомнив Слово Божие, которое гласит: «Какой мерой человек меряет, такой ему и отмерится *[Мф. 7: 2; Мк. 4: 24; Лк. 6: 38]*, а что сеет, то и пожнет *[Ос. 8: 7; 2 Кор. 9: 6]*», сказали: «Мы никакого зла ему не сделали, а он, будучи с нами в [мирном] докончании, переступил через крестное целование и докончание, опустошает нашу землю и проливает

христианскую кровь. [q-] Мы же идем на него, надеясь на Бога и на крестную силу» [-q].

И пришли под город Мстиславль, когда князь Святослав стоял близ города и выбил[r] пороками [часть] города Мстиславля на Страстной[s] неделе в пятницу. И услышав, что на него идет великий князь Скиргайло с братьями, князь Святослав привел в готовность[t] свое войско и пошел против них. И когда сошлись полки, Бог сотворил согласно слову пророка Давида, которое гласит: «Обратится его злость на его голову, и на его темя неправда его падет» *[Пс. 7: 17]*, и еще: «Выкопал ров и углубил его, но сам упадет в яму, которую сделал» *[Пс. 7: 16]*. Бог же помог великому князю Скиргайлу и великому князю Витовту, а князь Святослав пустился в бегство вместе со своими князьями и боярами смоленскими и со своим войском. Божией силой здесь немалое [u-] чудо было сотворено [-u], и множество было побито войска, и князей, и бояр. И самого великого князя Святослава убили, а его сына, князя Юрия, великий князь Скиргайло [v-] нашел среди трупов[w], тяжелораненного, едва живого, и взял его и начал лечить многими лекарствами, и остриг ему голову [x-]по причине его ран [-x], поскольку он был весьма тяжело ранен и уже не надеялся остаться в живых.[-v] И великий князь Скиргайло, вылечив его от ран, привез его к его матери, великой княгине Святославовой, и посадил его на великом княжении в Смоленске, так как замужем за князем Юрием была дочь старшей сестры Скиргайла.

Отойдя от города Смоленска, великий князь Скиргайло направился в свою Литовскую землю и начал княжить в Троках. А в Вильно король прислал от себя[y] польского старосту[z]. А великий князь Витовт тогда держал Луцк и всю Волынскую землю, а в Литовской земле свою вотчину. [aa-]И было ему больно от того, что раньше такого не было в Литовской земле, чтобы иностранец владел великим княжением.[-aa] Тогда он посоветовался со многими князьями и боярами Литовской земли[bb]. И когда великий князь Скиргайло отъехал в Полоцк, великий князь Витовт пришел в Вильно, намереваясь его занять, а его великая княгиня Анна тогда была в Городне. Но жители Вильно не подчинились ему, так как тогда правду дали [cc-] королю Ягайлу и Скиргайлу. [-cc]

И он в то время не взял Вильно и пошел к магистру вместе со своей княгиней и своими князьями и многими боярами. И оттуда начал воевать Литовскую землю с немецкой помощью. И уже захватил Литовскую землю до самой реки Вилии, и город Полоцк передался ему. И увидели король и великий князь Скиргайло, что уже невозможно удержать Литовскую землю под натиском великого князя Витовта.

[dd-] И великий князь Витовт [-dd] с немецкими силами пошел к Вильно. А князь Скиргайло со своим братом Вигунтом[ee] и с литовским войском встретил его на реке Вилии близ городка, на месте, которое зовется Вейшишки (Вейкшишки)[ff]. И сошлись полки, и Бог помог великому князю

Витовту, и были разбиты литовские воины и начали убегать, и множество их было побито. А иных много князей и бояр взяли в плен: князя Семена Евнутьевича, князя Глеба Святославича смоленского, князя Василия[gg] Константиновича, князя Ивана Тету,[hh] Льва Плаксича, и других князей было захвачено много.

И пошел великий князь Витовт к городу Вильно со всем своим войском, и осадил город Вильно, и начал добывать Кривой город, бить пушками, и взял Кривой город. Тогда же немцы убили князя Коригайла[ii] Ольгердовича. А польская застава, которая была тогда в Высоком городе, не пустила князя Коригайла[jj] в город. Князь же великий Витовт, взяв Кривой город и опустошив землю, вернулся к немцам.

[kk-] Тем же летом к великому князю Витовту в немецкий Марьин-город пришли послы из города Москвы от великого князя Василия Дмитриевича, прося отдать дочь великого князя Витовта за великого князя Василия Дмитриевича. И великий князь Витовт отдал свою дочь, княжну Софью, [замуж] и отпустил ее из Марьина-города, а с нею послал князя Ивана Ольгимонтовича[ll] из города Данцига. И пошли на кораблях[mm] за море, и пришли в город Псков[nn]. Они же с великой честью встретили их и проводили с почетом [oo-] до Великого Новгорода. Новгородцы также их с честью встретили и проводили их с почетом [-oo] до города Москвы к великому князю Василию Дмитриевичу. Князь же великий Василий Дмитриевич послал навстречу им с честью своих братьев — князя Владимира Андреевича[pp], князя Юрия[qq], князя Андрея Дмитриевича и много других князей и бояр. [rr-] И встретили великую княжну Софью с великой честью. Тогда же [преосвященный][ss] митрополит Киприан с архиепископами[tt] и епископами, [uu-] и с архимандритами, и с игуменами, [-uu] и со всем священническим чином встретил [ее], почтив, с крестами перед городом Москвой. И заключил брак честный и обвенчал великого князя Василия Дмитриевича с великой княжной Софьей. И была свадьба весьма чудная[vv] и достойная уважения и многой радости. [-kk] Мы же вернемся к предыдущему.

Когда великий князь Витовт был у немцев, у магистра в Марьине-городе, король прислал к нему с братом своим князем Скиргайлом посла, говоря ему: «Больше, брате, не разоряй Литовскую землю, нашу и свою вотчину, а пойди, брате, к нам в мир и в великую братскую любовь. Возьми себе великое княжение в Вильно, столец дяди своего, великого князя Ольгерда, и отца своего, великого князя Кейстута». Князь же великий Витовт посоветовался со своими князьями — с князем Юрием Наримонтовичем белзским и с князем Иваном Ольгимонтовичем, и пошел в Литву и сел в городе Вильно, на стольце своего дяди, великого князя Ольгерда, и своего отца, великого князя Кейстута. И была ему рада вся земля Литовская и Русская[ww].

Тогда князь Корибут Ольгердович [xx-] что-то начал упрямиться [-xx] и проявлять непослушание по отношению к великому князю Витовту

и стал собирать свое войско и пошел против него. [yy-] Князь же великий Витовт послал свое войско [во главе] с Василием Борейковичем и Гиниви-лом против него. [-yy] И сошлись войска на месте Недокудове[zz], и войско князя Корибута было разбито и принялось убегать, и побито их много. Сам же князь Корибут бежал в Новогородок и подготовился к осаде[ab]; здесь же была и его княгиня и его дети. И великий князь Витовт, собрав свое войско, сам пошел к Новогородку и, [ac-] осадив город, [-ac] взял Новогородок, а князя Корибута, и его княгиню, и его детей отправил в заточение[ad].

[Когда] умерла великая княгиня, [вдова] Ольгерда, король приказал своему сокольничему Федору Весне [управлять] городом Витебском.[ae] А князь Свидригайло тогда был [очень] молод. И начал Федор Весна владеть городом Витебском и всей землей по приказу короля Ягайла. Князь же Свидригайло не мог терпеть, что Федор Весна владеет городом и его не слушается. Он Федора убил и занял город Витебск. И король Ягайло был этим очень опечален и написал грамоту своему брату, великому князю Витовту, чтобы тот отомстил за [причиненное] ему огорчение. И великий князь Витовт взял с собой Скиргайла и собрал [af-] множество воинов и пошел с войском к городу [-af] Витебску на князя Свидригайла[ag]. И пришел к городу Друцку. Друцкие князья встретили его и ударили челом в службу. И оттуда пошел под Оршу. Оршане же затворились в городе, и оборонялись два дня, и сдали город. И оттуда пошел к городу Витебску на князя Свидригайла. Князь же Свидригайло заперся в городе. И начал великий князь Витовт добывать город. Здесь же пришел [к нему] на помощь смоленский великий князь Юрий[ah] Святославич со всеми смоленскими силами и ударил челом великому князю Витовту в службу. И начали крепко добывать город Витебск и поставили пушки. Витебчане не выдержали и начали сдаваться великому князю Витовту. А князь[ai] Свидригайло вышел вон из города и ударил челом великому князю Витовту. Князь же великий Витовт, взяв Витебск, поехал в Вильно.

Той же зимы [-ri] на весну[aj] великий князь Витовт пошел, [чтобы] взять[ak] Подольскую землю. А князь Владимир Ольгердович тогда был в Киеве и не захотел подчиниться и ударить челом великому князю Витовту. В ту же весну великий князь Витовт пошел и взял город Житомир и Овруч, и приехал к нему князь Владимир. Того же лета на осень великий князь Витовт вывел его из Киева и дал ему Копыль, а в Киеве посадил Скиргайла. Сам же великий князь Витовт пошел на Подольскую землю, а князю Скиргайлу приказал идти из Киева к Черкассам и Звенигороду. Князь же Скиргайло с Божией помощью и по приказу великого князя Витовта взял Черкассы и Звенигород и вернулся назад в Киев.

Когда он княжил в Киеве, некий чернец Фома Изуфов держал наместничество от митрополита в Святой Софии на митрополичьем дворе. Князь Скиргайло захотел ехать за Днепр на охоту, и этот Фома пригласил

его на пир на митрополичий двор. И когда князь Скиргайло был на пиру, я этого не помню, так как был тогда мал, но некоторые говорят, что этот Фома дал князю Скиргайлу выпить отравное[al] зелье. И с этого пира князь Скиргайло поехал за Днепр к Милославичам и там заболел за два дня до[am] Крещения, в четверг[an], и на Крещение в субботу, поехал, хворая, в город Киев, болел 7 дней и умер в среду. И понесли его на головах священники, поющие отходные песнопения, со свечами из города Киева к [собору] Святой Богородицы Печерской. И положили чудного, доброго князя Скиргайла, [ao-] нареченного в святом крещении Иваном, [-ao] около гроба святого Феодосия Печерского. Князь же великий Витовт, услышав о смерти князя Скиргайла, направил в Киев князя Ивана Ольгимонтовича. Мы же вернемся к предыдущему [повествованию].

Выйдя от немцев на великое княжение, великий князь Витовт отпустил своего пленника, князя Глеба Святославича, в Смоленск на великое княжение, а князю Юрию Святославичу дал город Рославль. Сидя в Смоленске, князь Глеб начал быть непослушным великому князю Витовту. Князь же великий присылал к нему послов, чтобы он исправился, но он не захотел исправиться. Тогда великий князь Витовт пошел со всеми силами к городу Смоленску, и князь Глеб сдался ему с городом Смоленском. Князь же великий Витовт дал город Смоленск держать князю Ямонту и Василию Борейковичу, а князю Глебу дал город Полонное. Сам же великий князь Витовт вернулся в Литовскую землю. В ту же зиму [он] отправил князя Семена Лынгвена [ap-] с большим войском и смоленскими ратями [-ap] на князя Олега рязанского. И они опустошили много [волостей] Рязанской земли и вернулись домой с победой. Тогда зима была очень студеная.

Той же зимы на весну приехал великий князь Василий Дмитриевич московский к своему тестю, великому князю Витовту, в Смоленск во время Великого поста. И почтил великого князя Витовта[aq] многочисленными дарами: золотыми цепями и золотыми поясами; соболями; камками; золотой посудой и конями-бахматами. Князь же великий Витовт [также] уважил своего зятя, великого князя, разными дарами, достойными удивления: одеждой, украшенной драгоценными камнями[ar]; дорогими аксамитами; очень ценными камками; конями-гинштами под золотыми седлами и в золотой сбруе, и отпустил его в Москву с великим почетом, а сам поехал в Литву.

[a-a] Мд.: опрочи Трок. — *В других редакциях нет. Чтение включается в реконструкцию архетипа, поскольку достоверность этого факта подтверждается многочисленными другими источниками.*

[b-b] Ак.: *нет.*

[c-c] Мд.: Ягайло же съветовал с боляры своими, славицы ради мира сего оставил до конца православную христианскую веру греческаго закона и свою матерь благоверную великую княгиню Иулианию.

[d] Мд.: и коруноваша его царским венцем полскаго государства кралем.

[e-e] Пг. (*добавлено*): В лето 6895; Мд. (*вместо некоторых других фраз добавлено*): В лето 6879. Бысть мятеж и кровопролитие велико между себе в Литовской земли.

[f-f] Ак.: *нет*; Кр. (*после этой фразы добавлено*): Потом пак сталася новина.

[fa] Ак., Сл.: со всею Латыгалою; Вл.: со всею Латыголою; Сп.: со всею Латыною.

[g] Вл., Ак., Сп., Дб.: совет сотвори; Сл.: совет сотвориша; Кр.: учинить собе съем и раду; Бх.: sowit sotworyli.

[h] Вл., Сп., Сл.: зажигаху; Ак.: *нет*; Дб.: зажигая; Пг. (*вся фраза расширена за счет интерполяции*): И у хором стены очепы разводяще и христьян руками вкладающе стесняху, и сице на всех четырех стенах люди повешаху, иных же под стены подкладающе уморяху; Кр. *(фраза переиначена*): А иншие люди под стену головами клали, ланцухи великими поднимаючи хоромы и з заду люди жгли; Бх.: zażymali. — *Чтение «зажигаху» кажется ошибочным; в протографе, возможно, было чтение «зажимаху», след которого сохранился в Бх.*

[i] Бх.: Assyryjski.

[j] Сл. (*вместо* «граду же Рши»): ко градом же пришли.

[k] Сп., Сл., Пг., Кр., Бх.: «на весну» *нет.*

[l-l] Кр.: *нет.*

[m-m] Вл.: оуступи много; Ак., Сп.: вои пусти; Сл.: воину свою пустил; Дб.: вои поустил; Пг.: воинство же свое распусти воевати земли Литовския; Кр.: воиско свое послали; Бх.: woyju swoiu pustył.

[n-n] Вл., Ак., Сп., Сл., Дб.: [То же] бысть Богу мерзко зрети; Кр.: Милостивыи Бог того не хотел терпети.

[o-o] Ак.: *нет*; Пг.: (*вся фраза переставлена в другое место, имени Константина нет*).

[p] Вл.: и с Семеном и с Локвенем; Ак.: с Семеном Гугнивымь; Сп.: Семеном Лынгвенемь; Сл.: с сыномь Лыквеньемь; Дб.: с Семеном Лугвеном; Пг.: Лугвеном Ольгердовичем; Кр.: Семеном Лынквеневичом; Бх.: z Łyngwenem.

[q-q] Кр.: по два братя на него, надеючися на Бога и на свою справедливость.

[r] Вл.: вынемши; Ак.: вынявше; Сп., Сл.: бивши; Дб.: бияша; Кр.: города добываючи; Бх.: biwszy.

[s] Вл.: строснои; Сп., Пг.: страснои; Ак.: крестнои; Сл.: третеи; Дб.: крестнои; Кр.: (*нет всей даты*); Бх.: tretey.

[t] Вл., Пг.: исполчив; Ак., Сп.: сполчив; Сп.: испочи; Кр.: собравши; Дб.: исполнив; Бх.: sopołczył. — В «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» слово «исполчити» переводится как «прывесці ў баявую гатоўнасць» (ГСБМ. Вып. 14. Игде — катуючий. Мінск, 1996. С. 174).

[u-u] Вл.: *нет.*

[v-v] Сп., Сл., Кр., Бх.: *нет*; Пг. (*фраза несколько расширена*): и обрете его князь великии Скиригаила в трупье лежаща, елы дышуща и живота отчаявшися. Он же, взем его, и повеле лечити, и остригоша главу его множества ради ран, бяше бо множество ран на главе его и по всему телу его.

[w] Вл., Дб.: у троупех; Ак.: у Троцех.

[x-x] Ак.: рань ради; Дб.: множества ради ран; Вл.: *нет.*

[y] Ак.: от себе; Дб.: от собя; Вл., Сп., Сл., Кр., Бх.: *нет.*

[z] Мд. (*фраза переиначена и дополнена*): Тогда же Ягайло краль польскыи прислал на Вилну наместника и старосту панов лядцких и бысть от них нужда христианом и продажа велия.

[aa-aa] Вл.: бысть ему нужно, иже чого перед тым не было у Литовскои земли старонам владеючим великым княжньемь; Ак., Сп.: и бысть ему ножно, яже преже чего не было в Литовъскои земли, сторонам владеющим великим княженьемь; Сл.: и бысть ему нужно, иж преже чюжого не бывало в Литовьскои земли, сторонамь владеющимь великим Литовьскимь княжениемь; Дб.: и быс ему ноужно чего не бывало в Литовскои земли, что староста владеет велик княжением; Пг.: и бысть ему скорбь велия о всем, что староста владеет великим княжением; Мд.: и не мога терпети, иже прежде того чюжии люди Литовскою землею не владели; Кр.: и стало Витовту смутно велми и жалость великая, иж перед тым в Литовскои земли чужого державцы не бывало, и многим волостем литовским прислухаючи ему; Бх.: i było iemu nużno y welmi bidno widety to, czoho pered tym ne bywało w Litowskoy zemli storonnym władeiuczy welikim kniażeniem Litowskim.

[bb] Вл.: с многыми князми и паны Литовское земли; Ак., Дб.: со многими князьми и бояры Литовъскои земли; Сп., Сл.: со многими князьми и бояры литовскими.

[cc-cc] Вл., Ак., Сп., Дб.: королю Скиргаилу; Сл.: королю правду дали и Скиргаилу; Кр.: королю Якгаилу здали правду и Скиргаилу; Бх.: korolu Jagoyłu i Skirgayłu.

[dd-dd] Ак.: *нет*.

[ee] Вл., Сп., Кр.: Вигонтом; Ак., Сл., Дб.: Витовтом; Пг.: *нет*; Бх.: Wingontom.

[ff] Вл.: Веикулишкы; Ак.: Икшишькы; Сп.: Веищушкы; Сл.: Веишишькы; Дб.: Веишкушки; Пг.: Веикшукши; Кр.: *нет*; Бх.: Weyszyszki.

[gg] Вл., Ак., Дб., Пг.: Василья; Сп., Сл., Кр.: Глеба; Бх.: Hleba.

[hh] Вл., Ак., Сп.: Тету; Сл.: Пету; Кр.: *нет*; Дб. (*вместо* «Тету, Льва»): Теплю; Пг. (*вместо* «Тету, Льва Плаксича»): Тетляскичь; Бх.: Tetu.

[ii] Вл., Ак.: Коргаила; Сп., Сл., Дб., Кр.: Скиригаила; Пг., Бх.: *нет*.

[jj] Вл., Ак., Сп.: Коргаила; Сл.: Скиргаила; Дб., Пг.: *нет*; Кр.: Витовта; Бх.: Skirgayła.

[kk-kk] *В Мд. размещена расширенная летописная статья, вероятно, отражающая московскую летописную статью, которая послужила источником для этого сообщения «Летописца».*

[ll] Дб., Пг.: Монтивича.

[mm] Вл.: поидоша корабли; Сп.: поидоша во корабли; Сл.: поидоша в кораблех; Дб.: поидоша вси корабли; Мд.: поидоша в корабли; Кр.: поидоша с княжною у великих кораблех; Бх.: poszli w korablech.

[nn] Бх.: k Pernowu y k horodu Pskowu. — Сообщение Бх. про Пернов выглядит сомнительным, так как в Мд. говорится о Риге.

[oo-oo] Сп.: *нет*.

[pp] Вл., Сп., Сл., Бх.: Володимера Андреевича (Wołodymira Andrejewicza); Дб., Пг., Кр.: Ондрея Володимеровича.

[qq] Вл., Дб., Пг.: князя Юрья; Сп., Сл., Мд., Кр., Бх.: *нет*.

[rr-rr] Сп.: *нет* (вероятно, пропущен лист).

[ss] Вл.: священномитрополит; Сл., Дб.: священныи митрополит; Мд.: преосвященный Киприан митрополит. — *Чтение московского источника* «преосвя-

щенный», *искаженное во всех других списках «Летописца», восстанавливается по Мд.*

[tt] Вл., Кр.: *нет*; Сл., Дб., Пг.: с архиепископы; Бх.: so archiepiskopy.

[uu-uu] Вл., Дб.: *нет*; Сл.: и с архимандриты, игумены.

[vv] Вл.: чоуден зело; Сл.: честен; Дб.: чюден; Кр. (*фраза сокращена и переиначена*): и был збор великии чесныи, и венчанье сталося; Бх.: weselije welikoie i znamenitoie; Пг. (*фраза расширена интерполяциями*): и сотвори князь велики Василеи Дмитреевичь брак честен и понят за собя княжну Софью Витофтовну, и венчан бысть с нею в соборнеи церкви Пречистеи Богородицы чеснаго ея Успения Киприяном митрополитом Киевским и всея Русии. — *Возможно, эта версия из Пг. происходит из того же источника, что и упомянутая выше версия Мд.*

[vvv] *Весь этот абзац переводится по Вл. и Сл., так как версия в Дб. сокращена, а в Пг., наоборот, расширена за счет интерполяций и редактирования.*

[xx-xx] Вл.: *нет*; Сл.: нечто нача корати; Кр.: нешто почнеть на то радити; Бх.: neszto naczaw pomyszlaty.

[yy-yy] *Эта фраза есть только в Вл.*

[zz] Вл.: на место на Недокудове; Сл.: на месте на Недокудове; Кр.: на месте на Докудове; Бх.: na meste na Dokudowi.

[ab] Вл., Сл.: ополчися; Кр., Бх.: *нет.*

[ac-ac] Вл., Бх.: *нет*; Сл.: оступиша град; Кр.: оступил город.

[ad] Вл.: в няцство посла; Сл.: у нятьство поима; Кр.: в нятство взял; Бх.: w niadstwo osadył.

[ae] Бх. (*добавлена интерполяция*): Ynoho bo czasu kniaź weliki Witolt ne był w mocy kniastwa Witebskoho, poneże bo Szwitrygayło Olgirdowicz derżał Krewo y Witebsk po otcu swojem Olgirde.

[af-af] Вл.: *этих слов нет из-за дефекта рукописи.*

[ag] Вл.: Скиригаила.

[ah] Сл., Кр.: *нет.*

[ai] Вл.: князь же великыи.

[aj] Вл.: *нет*; Кр.: весны на лето.

[ak] Вл.: взмя; Сп.: възя; Сл., Кр., Бх.: *нет.*

[al] Вл., Сл., Кр.: отравное; Сп.: травное; Бх.: otrawnoie.

[am] Сл.: канон (*далее выскоблено слово* канон); Сп.: канонь канона; Кр.: на канун.

[an] Сп.: *нет*; Сл.: у чек; Кр.: у четверг.

[ao-ao] Сл., Кр., Бх.: *нет.* — Чтение приводится по Сп.

[ap-ap] Сп.: со многими ратьми и смоленьскыми ратьми; Сл.: со многыми ратьми смольньскими силами.

[aq] *В Кр. из-за ошибочной интерпретации редактора текста все перечисленные дары передал великий князь Витовт своему зятю.*

[ar] Сп., Сл.: сажеными порты; Кр.: сажоными портищи.

F. «Повесть о Подолье»: тексты и реконструкция содержания архетипа

Списки первой редакции

Слуцкий список

(ПСРЛ. Т. 17. Стб. 99—101)

Коли г(о)*с*(по)д(а)ремъ бы*л* на Литотовьскои [sic] земли кн(я)зь великии Ѡлгирдъ, и шедь в поле с Литовьски*м* воискомь побиль Татар на Синеи воде, тре*х* братовь, кн(я)зя Хачебея, а Коутлоубуга, и Дмитрия. А тыи трии браты Татарьскоє земли ѡ*т*чичи и деди*чи* Подольскои земли. А ѡ*т* ни*х* заведали атамани, и боискаки, приєж*д*аючи, ѡ*т* тыхь
л. 42 об. ата//моновь имовали с По*д*льскои земли данъ.

А бра*т* великаго кн(я)зя Ѡльгирдовъ дер*ж*аль Новгородокь Литовьскии, кн(я)зь Корьять, а оу него были 4 с(ы)ны: кн(я)зь Юрьи, кн(я)зь Александръ, кн(я)зь Костяньтинь, кн(я)зь Ѳеѡдоръ. Ино тыи княжата Кориятовичи 3 браты со кн(я)зя великого Ѡльгирдовымь
л. 43 прозволениємь и с помочию // Литовьскои земли. Не бы*л* ни ѡдинъ городь ни древомь роубленыи, ани камениємь боудованныи. Тогда тыи кня*ж*та Корьятови*ч*, пришe*д* в Подольскоую землю, и вошли оу приязнь со атаманы, почали боронити Подольскоую землю ѡ*т* Татарь и боскакомъ выхода не почали давати. И напервеи нашли собе твер*ж*ю на реце
л. 43 об. на Смотричи, тоу*т* // па*к* собе нарядили горо*д* Смотри*ч*. А оу другомь местє были черници оу горе, и в томь месте нарядили горо*д* Бокотоу. И ловяче в лове*х*, пригодилосѧ имъ, тако оугонили много ѡлени*и* в тотъ ѡстро*в*, где н(ы)не Каменецькое место лежить, и посекши лесъ, оумоуровали горо*д* Каменець. А с того вси городы Полоцкия оумуровали
л. 44 и всю землю По*д*оль//скоую ѡсели.

И затымь Польскии король Кази*ми*ръ Локотковичь, што и*х* 3 браты Корьятови*ч* на Подольскои земли, а люди моужны. И ѡ*н* прислаль ко кн(я)зю Костяньтиноу клеитовныи листы с великою твердостию, просѧ єго, штобы к немоу приєхаль. А оумысливъ тоє собе и со всими паны, што
л. 44 об. *ж* оу него с(ы)на не было, толко была ѡдна дочка, // и хоте*л* за него дочкоу дати а по своємь животе королемь ѡсадити. И кн(я)зь Костяньтинъ на кглеитовны*х* листехъ к Польскомоу королю єздиль, и тамь ка*к* сѧ ємоу посмотрело, не похотель к тои вере приступи*т* и ѡпять на тыхь *ж* листехь ѡ*т*єхаль до По*д*ольскои земли, до своєго г(о)*с*(по)д(а)рьства, и тоуто боуда
л. 45 на Подольскои землі // на своємь г(о)*с*(по)д(а)рьствѣ оумерль.

А кн(я)зя Юрья Волохове возма к собе єго воєводою и тамо єго ѡкормили. А кн(я)зя Алексан*д*ра Татарове оубили. А з*д*е бра*т* и*х* 4 кн(я)зь Ѳеѡ*д*орь Ко*р*ятовичь Новьгоро*д* дер*ж*аль. И оуслышаль то кн(я)зь Ѳеѡ*д*оръ, што бра*т*и єго оу Подольскои земли не стало в животе, и ѡ*н* шедь Подольскоую землю засель.

А в тыи // лета кн(я)зь Витовть г(оспо)д(а)р(е)мь сталь на Литовъскои *л. 45 об.*
земли, и Подольская земля не хотела была послоушна быти кн(я)зя великаго Витовта и Литовьскои земли, какъ *ж* и передь тымь послоушна не была. И кн(я)зь великии пошель со всими силами Литовьскими к По*д*олью, и то оуслышавь, кн(я)зь Θew*д*орь Коръятовичь выбегь с Подольскои земли // ко Угромь а городы wсадиль Волохи. И Оугорьски *л. 46*
кн(я)зю Θew*д*ороу помочь *д*алъ. А кн(я)зь великии Витовть первеи пришоль ко Бряславлю, а выимя Бряславль, пришель к Соколщю и Соколець выня*л*, и приш*ел* ко Каменцу в ночи и Каменца добы*л*, а потомь Смотричь выняль, и Скалоу, и Черъвленыи городокъ, и вси городы позаседа*л*ъ. // И воєводу кн(я)зя Θew*д*орова, што *ж* на тых городехь, на *л. 46 об.*
имя Нестака, выня*л*, и по всимь городомь кн(я)зь великии Витовтъ свои старосты посажалъ. А то было Литовьскими силами, а никто єму ни которы*х* сторонь не помагаль.

Тогды пакы король просити почаль великаго кн(я)за Витовта,
рекоучи: «Милыи брате, да*л* тобе Б(о)гь, // добы*л* єси По*д*льскои земли. *л. 47*
Оучини ми тоую ч(е)сть, даи ми Подольскоую землю». И кн(я)зь великии даль половиноу По*д*ольскои зем*л*и королю оу 20 тисѧчехь: Каменець даль, а Смотри*ч*, а Скалоу, а Черлены*и* к городокь, а Бакотоу. А на иныхь на всихь Подольски*х* городехь кн(я)зь Витовтъ свои старосты посажалъ:
на Бряславли, и на Соколци, и на Венице. А коро*л* // тыи городы оу 20 *л. 47 об.*
тысѧчехь па*н*у Спыткоу за*ст*авилъ.

И коли кн(я)зь великии би*л*сѧ на Татарьскомь побоищи, а па*н*у Спытко приходиль на помочь великомоу кн(я)зю Витовту, и тогды пана Спытка оубили Та*т*арове на томь бои. А пани Спытковая wстала вдовою, а дети малы, и король почалъ присылатисѧ к великомоу кн(я)зю
Витовтоу, рекъ: «Што єси на*м* да*л* // половицю Подльскои земли оу 20 *л. 48*
тысѧчехь пенезеи, и мы дали были оу 20 же тысѧчехь па*н*у Спытку, и пани Спытковая wвдовела, а дети малы, а w*т* Татарь земли некомоу боронити. И ты w*т*даи 20 тисѧчеи пенязеи, а городы побери за себе».

И кн(я)зь великии послаль королю 40 тисѧчеи пенезеи на имя паномь Немиромь а Дмитриємь // Васи*л*иєвичомь, Лоуцкы*м* бояриномь, а городы *л. 48 об.*
свои wпя*т* поималь за себѣ. И *с*тароstоу своєго посади*л*, дворянина своєго Граньскаго. А по*д* Грановьскимь далъ паноу Пет*р*оу Монтикгирдович, а под Петромъ даль паноу Дедикго, и потомь даль пану Дедикголдоу Смоленьскь, а па*н*у Долгордоу Подольє далъ. Пань *ж*
Долкгирдъ старостиль на всихь тых городе*х* на По*д*ольи // и до великаго *л. 49*
кн(я)зя Витовтовы см(е)рти.

А ка*к* кн(я)зя великаго Витовта в животе не стало, и приєхавши Леховѣ и пана Долкгирда з города Каменца созвали на раду собе. И до рады не *до*поустили, самого иняли и wграбили, што Поидольскоє земли дер*ж*ать.

Супрасльский список

(ПСРЛ. Т. 17. Стб. 81—84)

Коли г(о)*с*(по)д(а)ръ былъ на Литовскои земли кн(я)зь великы ѠЛгирдъ, и шед в поле с Литовъскимь воискомь побиль Татаровъ на Синѣи воде трех братовъ, кн(я)зѧ Хоче*бия*, а Коутлоубоугоу, а Дмитрея. А то си три браты Татарскыа кн(я)зи w*т*чичи и дедѣчи Подолскои земли. А w*т* ни*х* завѣдали втамони, а боискаки, приєзьдѧючи, w*т* ни*х*
л. 105 оутамонъвъ имывали ис Подолъ//скои земли дань.

А брать великого кн(я)зѧ ѠЛгирдовъ державъ Новъгород*н*ъ Литовскыи, кн(я)зь Коръять, а в него были четыри с(ы)ны: кн(я)зь Юръи, а кн(я)зь Александро, кн(я)зь Костентинъ, кн(я)зь Федоръ. Ино тыи кн(я)жѧтѧ Коръѧтевечи три браты: кн(я)зь Юръи, а кн(я)зь Александръ, кн(я)зь Костентинъ и кн(я)зь Федоръ со кн(я)зѧ великого ѠЛгирдивы*м* презволениємь и с помочию Литовския земли пошли в Подолскоую землю. И тогды в Подолскои земли не быль ни wдинъ город*д* ни деревомь роубленого, ани каменемъ боудованого. И тогды тыє кн(я)жѧта Корятовичи пришли в Подолскоую землю w*т* татаръ и боскакомь выхода не почали давати. И на первоє нашли собѣ тверж̀ю на рецѣ на Смотрити.
л. 105 об. А в дроугомь мѣсте были черницы // в горе, и в томь мѣсте наредили город*д* Бакотоу. И ловѧчи в ловех, пригодилос имь такъ, оугонили много wленеи в тот wстровъ, кдѣ н(ы)нѣ Каменское мѣсто лежить, и посекши лѣсь, город*д* моуровали Каменець. А ис того вси Подолски городы оумоуровали. и всю землю Подолскоую wсели.

И затымь Полскы король Казимиръ Локотъковичь, што их три браты Корятовичи на Подольскои земли, а люд*и* моужьныи. И w*н* прислалъ къ кн(я)зю Костентиноу кглеитовныи листы со великою тверъдостию, и просѧ єго, штобы к нему приѣхаль. А оумысливъ тоє собѣ и своими паны, што в него с(ы)на не было, толко была wдна дочька, захотель за него дочкоу дати. И кн(я)зь Костенти*н* на клегиитовны*х* листе*х* к Польс-
л. 106 комоу // королоу ѣздилъ, и тамъ какь сѧ ємоу посмотрѣло, не похотелъ к тои вѣре пристоупити и wпѧть на тых же листѣхь w*т*ехалъ до Подолъскои земьли и на своємь г(о)*с*(по)д(а)рьстве оумерлъ.

А кн(я)зѧ Юръя Волохове взѧли єго собѣ воєводою и тамо єго wкормили. А кн(я)зѧ Александра Татарове оубили. А здѣ брать четверьтыи кн(я)зь Федоръ Корятовичь Новгородо*к* держалъ. И оуслышалъ то кн(я)зь Федоръ, што братии єго в Подолскои земли не сьтало в животе, и w*н* шед во Подолскоую землю заселъ Подолскоую землю.

А в тыя лѣта кн(я)зь великыи Витовтъ г(о)*с*(по)д(а)ремь сталъ на Литовскои земли, и Подолъская землѧ не хотела была пошлоушна [sic] быти
л. 106 об. кн(я)зѧ великого Витовта и Литовскои земли, // какъ же пре*д* ты*м* послоушна была. И кънѧзь великыи пошелъ со всими силами Литовскы*м*и к Подолию, и то вслышалъ кн(я)зь Федоръ Корятовичь, выбеглъ ис По-

долскои земьли ко Оугромь, а городы wсадилъ Волохи. И Вгорскыи кн(я)зь Федору помочь далъ. И кн(я)зь велики Витовътъ первоє пришед ко Брасловлю и выма Брасловлъ, пришелъ ко Соколцю и Соколець выналъ, и пришел ка [sic] Кеменцю [sic] в ночи и Каменца добылъ, а потомь Смотричь выналь, и Сколоу, и Черленыи городокь, и вси городы позаседал. И воєводоу кн(я)зя Федора, што на тых городех, на има Нестиса, вынелъ, и по всимь городомь кн(я)зь великыи Витовтъ свои старосты посажаль. А добылъ Литовскими силами, // а никто ємоу ни с *л. 107* которых сторwн не помогали.

Тогда пакъ королъ почаль просити кн(я)зя вєликого Витовта, рекоучи: «Милыи брате, далъ тобѣ Б(ог)ъ, добылъ єси Подольскои земли. Оучини ми тоую честь, даи ми Подолъскоую землю». Кн(я)зь великы Витовтъ далъ Подолскои земли половиноу королю у двадцати тисачех: далъ Каменець, а Смотричь, и Скалоу, а Черъленыи городок, а Бокатоу. А на иных на всих Подолскых землах и городех кн(я)зь велики Витовтъ свои старосты посажалъ: на Брасловли, и на Соколци, и на Бенici. А королъ в тые городы во двадцати тысачех паноу Спытькоу заставилъ.

И коли кн(я)зь великии билсъ на татаръскомь побоищи, а пань Спытко приходилъ на помочь великомоу // кн(я)зю Витовтоу, и тогды пана *л. 107 об.* Спытька оубили Татарове. А пани Спытковая стала вдовою, а дѣти малы, и королъ почалъ присылати великому кн(я)зю Витовтоу, рекоучи: «Што єси намь половицю Подолъскои земли во двадцати тисачех пѣнезех, мы дали были во двадцати *ж* тисачех паноу Спытькоу, и пани Спытьковая вдовѣла, а дѣти малы, а w*т* [Та]таръ земли тои некомоу боронити. G*Э*тдаи двадцать тисачеи пѣнезеи, а городы wпать побери за себе».

И кн(я)зь великыи послалъ королоу сорок тисачеи на има паномь Немирw*м* а Дмитриw*м* Василъєвичемь, Лоуцькы*м* бояринемь, а городы своя wпать поималъ за себе. И старостоу своєго посадилъ, дворенина своєго Грановского. А под Грановскимь далъ паноу Петроу // Монти *л. 108* Кигрдовичь [sic]. А под паномь Петрw*м* далъ паноу Дидикгоилдоу. Потомь далъ паноу Дидикглдоу Смоленескъ, а паноу Долъкгирдоу Подольє далъ. Панъ же Долъкгиръдъ старостилъ на всих тех городех на Подолъи и до великого кн(я)зя Витовта см(е)рти.

А какъ кн(я)зя великого Витовта в животе не стало, и приѣхавши Лахове пана Долъкгирда из города ис Каменца созвали на радоу к собѣ. И до рады не допоустивши, самого инали и wгърабили, и Каменець засѣли, и все тоє забрали, што Подолъскои земли держать.

Реконструкция содержания архетипа первой редакции

[a-] Когда государем Литовской земли был великий князь Ольгерд, [-a] он вышел в Поле с литовским войском и разбил татар на Синей Воде, трех

братьев: князя Хочебея[b], Кутлубугу[c] и Дмитрия. А те три брата из Татарской земли были отчичами и дедичами Подольской земли, и от них [там] управляли атаманы, и баскаки[d], приезжая, у тех атаманов[e] забирали дань с Подольской земли.

А брат великого князя Ольгерда, князь Кориат, держал Новогородок Литовский, и у него было 4 сына: князь Юрий, князь Александр, князь Константин и князь Федор. И эти 3 брата[f], князья Кориатовичи[g], с разрешения великого князя Ольгерда и с помощью Литовской земли [h-] пошли в Подольскую землю. И тогда в Подольской земле [-h] не было ни одного города, ни деревянного, ни каменного. Тогда те князья Кориатовичи, придя в Подольскую землю, установили приязненные отношения с атаманами и начали защищать их от татар и дань баскакам[i] не стали давать. И прежде всего нашли себе укрепленное место[j] на реке Смотрич [k-] и там поставили себе город Смотрич. [-k] А в другом месте в горе жили черницы[l], и они на том месте поставили город Бакоту. А потом, охотясь, пригнали они много оленей на тот остров[m], где теперь находится Каменецкое место. И вырубив лес, построили каменный город Каменец. И [начиная] с этого, построили все каменные города Подольской земли и заселили всю Подольскую землю[n].

[o-] И потом [узнал] польский король Казимир Локеткович, что их 3 брата Кориатовича на Подольской земле, а люди мужественные, и он прислал к князю Константину охранные грамоты, весьма твердо заверяя его в безопасности и прося, чтобы он к нему приехал. А замыслил он со своими панами, что у него не было сына, а только одна дочь, захотел за него выдать замуж свою дочь [p-] и после своей смерти посадить королем.[-p] И князь Константин [под защитой] охранных грамот ездил к польскому королю и, посмотрев там, не захотел принимать ту веру и вновь [под защитой] тех же грамот отъехал в Подольскую землю, в свое господарство. И, [q-] будучи тут в Подольской земле, [-q] на своем господарстве, умер. [-o] А князя Юрия волохи взяли к себе воеводой и там его отравили. А князя Александра убили татары.

[r-] А их четвертый брат, князь Федор Кориатович, здесь держал Новогородок. И услышав, что его братья в Подольской земле умерли, князь Федор пошел и занял Подольскую землю. [-r] В те годы великий князь Витовт стал государем Литовской земли, и Подольская земля не хотела быть послушной великому князю Витовту и Литовской земле, как перед этим была послушна[s] [*вариант*: как и перед этим не была послушна]. И великий князь пошел со всеми литовскими силами на Подолье. И узнав об этом, князь Федор Кориатович бежал из Подольской земли в Венгрию, а в городах посадил волохов. И венгерский [король] князю Федору оказал помощь.

И сначала великий князь Витовт пришел к Брацлаву и, взяв Брацлав, пришел к Сокольцу. И взяв Соколец, пришел к Каменцу ночью[t] и добыл

Каменец. А потом взял Смотрич, и Скалу, и Черленый городок, и занял все города. И захватил воеводу князя Федора, который [управлял] теми городами, по имени Нестяк[u]. И по всем городам великий князь Витовт посадил своих старост. А это было добыто литовскими силами, и никто ниоткуда из чужих краев не помогал.

И потом король[v] начал просить великого князя Витовта, говоря: «Милый брате, дал тебе Бог, добыл ты Подольскую землю. Сделай мне милость, дай мне Подольскую землю». И великий князь дал половину Подольской земли королю за 20 тысяч: дал Каменец, Смотрич, Скалу, Черленый городок и Бакоту[w], а в других всех подольских городах великий князь Витовт посадил своих старост: в Брацлаве, Сокольце и Виннице.

А король те города отдал пану Спытку под залог 20 тысяч. И когда великий князь сражался на татарском побоище, а пан Спытко приходил на помощь великому князю Витовту, тогда пана Спытка убили татары в той битве, а пани Спытковая осталась вдовой, и дети малые. И король начал присылать к великому князю Витовту, говоря: «Что ты дал нам половину Подольской земли за 20 тысяч пенязей, и мы дали также за 20 тысяч пану Спытку, и пани Спытковая овдовела, а дети малые, и от татар некому защищать ту землю. И ты отдай 20 тысяч пенязей, а города опять себе возьми». И князь великий послал королю сорок[x] тысяч пенязей[y] с паном Немирой и Дмитрием Васильевичем, луцким боярином, а города свои вновь себе забрал и посадил своего старосту, дворянина своего Грановского.

А после Грановского дал [должность старосты] пану Петру Монтигердовичу, а после Петра дал пану Гедигольду. И потом дал пану Гедигольду Смоленск, а Подолье дал пану Довгирду. Пан же Довгирд был старостой во всех тех городах на Подолье до самой смерти великого князя Витовта. А как умер великий князь Витовт, поляки, приехав, пригласили пана Довгирда из города Каменца к себе на совет, но, к совету не допустив, схватили его и ограбили[z], [aa-] и заняли Каменец и забрали все то, [-aa] что держат в Подольской земле.

[a-a] Список Красинского (Кр.): Коли пак князь великыи Витовт поехал з Литвы до великого Луцка.

[b] Супрасльский список (Сп.): Хачебия; Слуцкий список (Сл.), Кр.: Хачебея.

[c] Кр.: Сакутлубугу.

[d] Сл.: *нет.*

[e] Сп.: от них утамонъв; Сл.: от тых отамоновь.

[f] Кр.: *нет.*

[g] Сп. (добавлено): князь Юръи а князь Александр, князь Костентин и князь Федор.

[h-h] Сл.: *нет.*

[i] Сл.: *нет.*

[j] Сп., Сл.: твержю; Кр.: твержицу.

[k-k] Сп.: *нет.*

[l] Сп., Сл.: черници; Кр.: чернци.

[m] Кр. (*фраза переиначена*): пригодилося им много олении наехати на том месте.

[n] Кр. (*фраза переиначена*): и вси Подолские городы осели тыи Корятовичи.

[o-o] Кр. (*вместо целого абзаца*): А потом один их брат поехал до угорского короля, князь Костянтин, и там умер.

[p-p] Сп.: *нет.*

[q-q] Сп.: *нет.*

[r-r] Кр.: Як тых трех братов не стало, ино их четвертыи брат в Литве держал Новъгородок, князь Федор, и к тому еще Гомеи. И шедши з литовским воиском и засядеть Подолскую землю к Литве.

[s] Сп.: как же перед тым послушна была; Сл.: как же и передь тым послушна не была; Кр.: *нет всей этой фразы.*

[t] Сп., Сл.: в ночи; Кр.: и ночовал и порану.

[u] Сп.: на имя Нестиса; Сл.: на имя Нестака; Кр.: *нет*; хроника Быховца: Nestana; Вавельский фрагмент: Нестака.

[v] Сп., Сл.: корол; Кр.: корол полскыи Якгаило.

[w] Кр.: Бакоту *нет.*

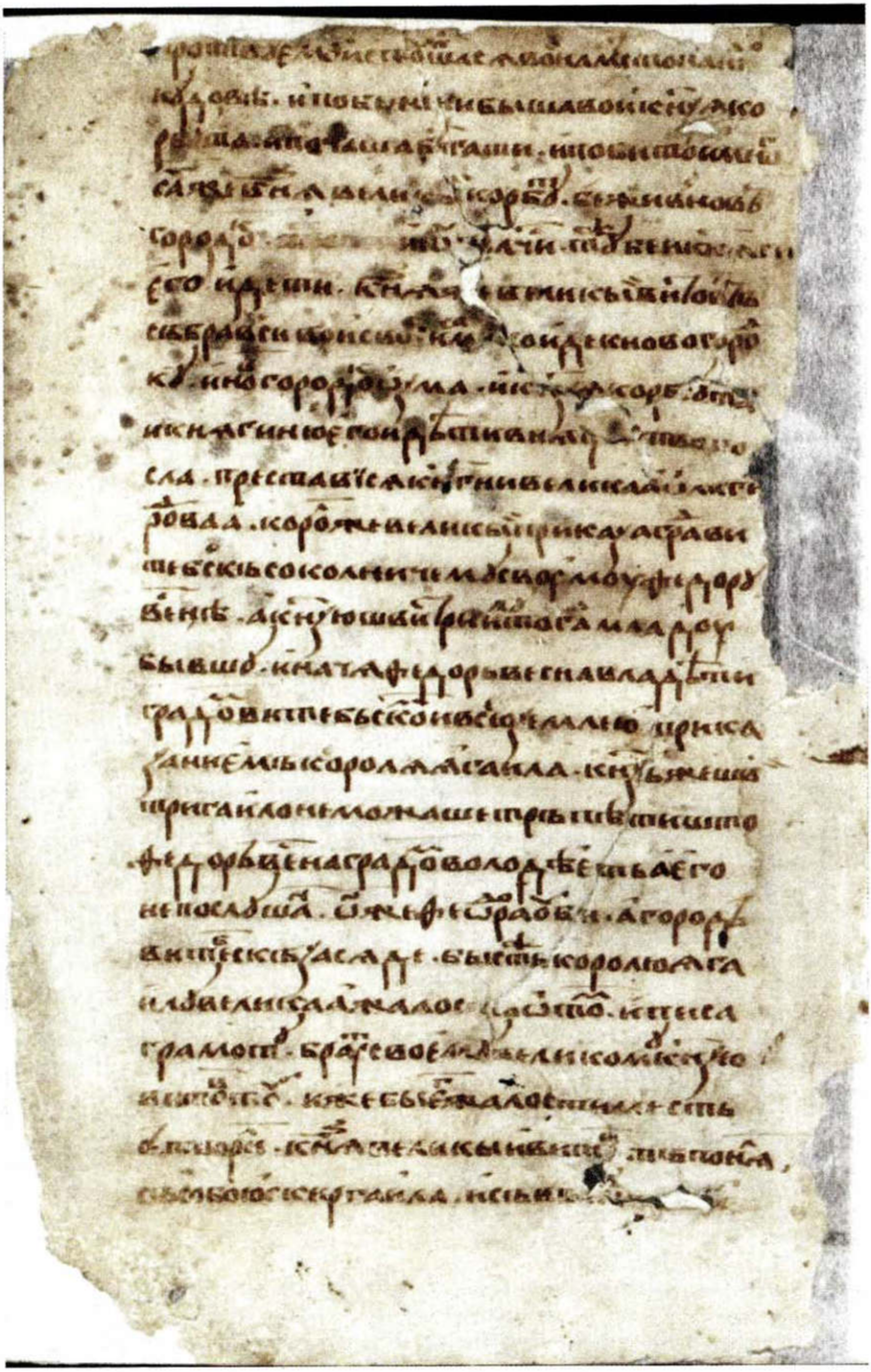
[x] Сп., Сл.: 40 тысяч; Кр.: 20 тисяч.

[y] Сп.: пенезеи *нет.*

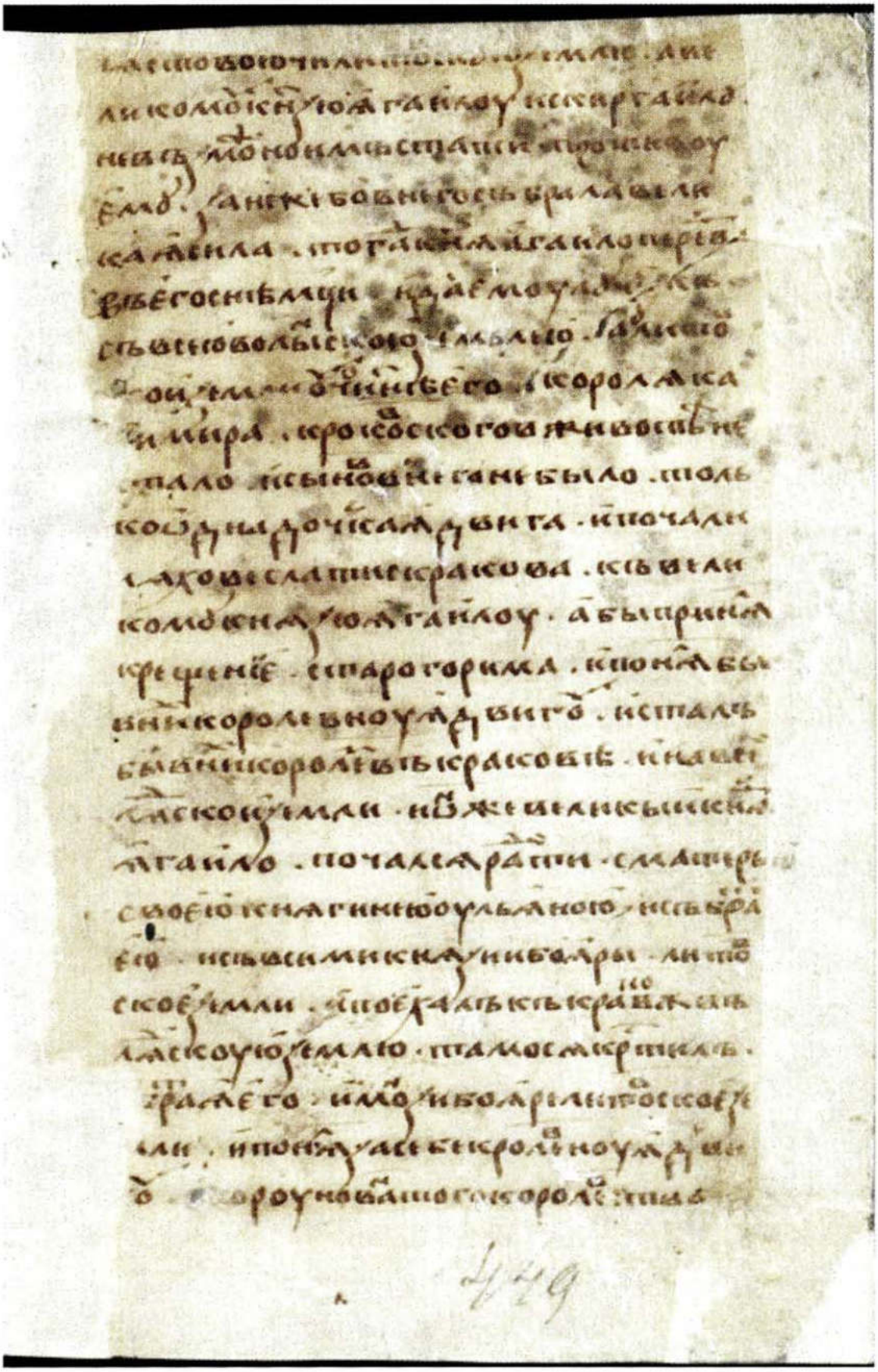
[z] Кр.: обрали и забили.

[aa-aa] Сп.: *нет.* Кр. (*вся концовка переиначена*): и Каменець засели, иныи подолские городы. И до сих часов тым Подоле за ляхи зашло, и тепер держать.

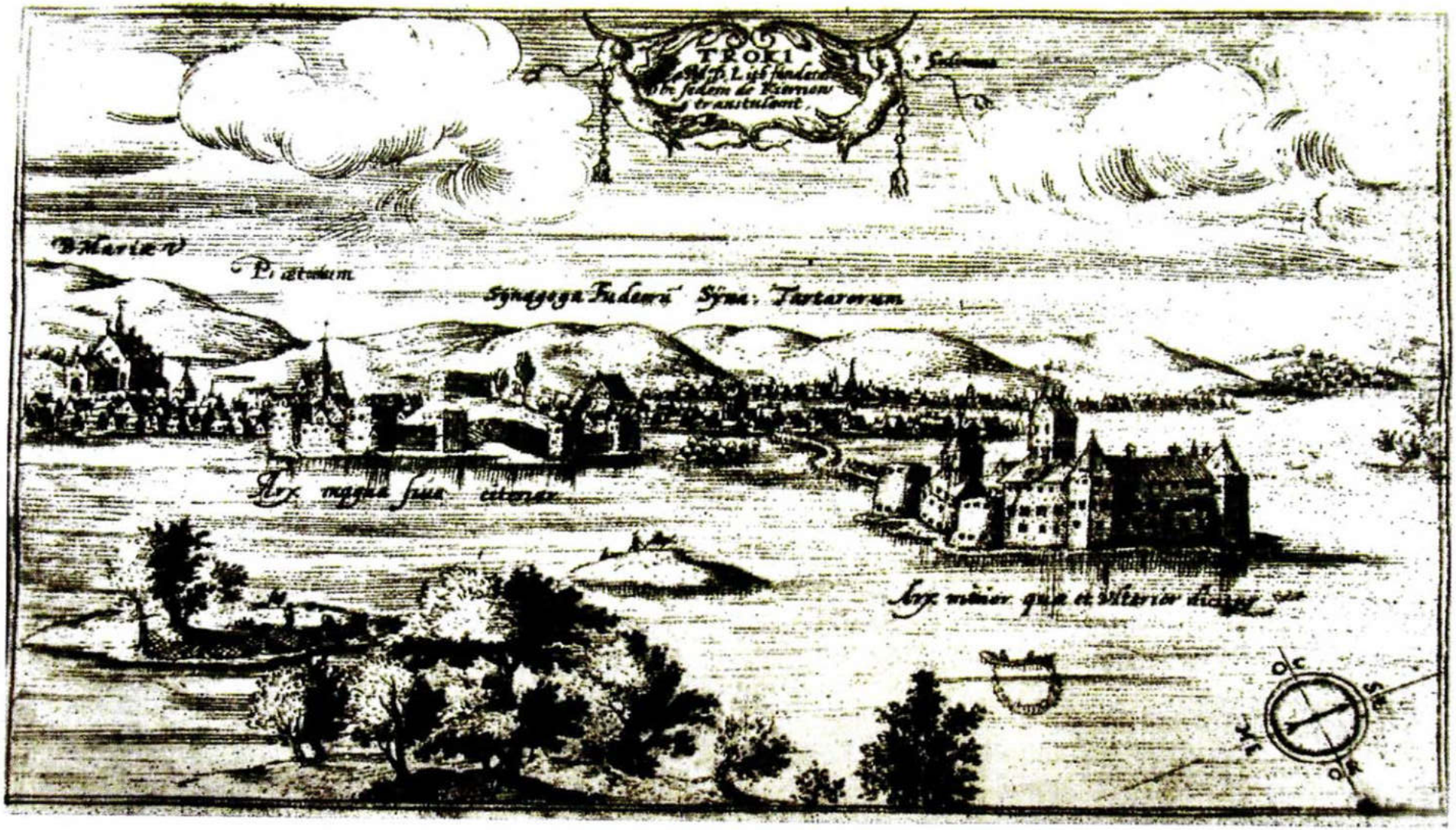
Фрагмент «Летописца великих князей литовских» из РГАДА.
Лист из переплета книги Иоанникия Галятовского «Messiasz prawdziwy Iezus Chrystus Syn Boży» (Киев, 1672)



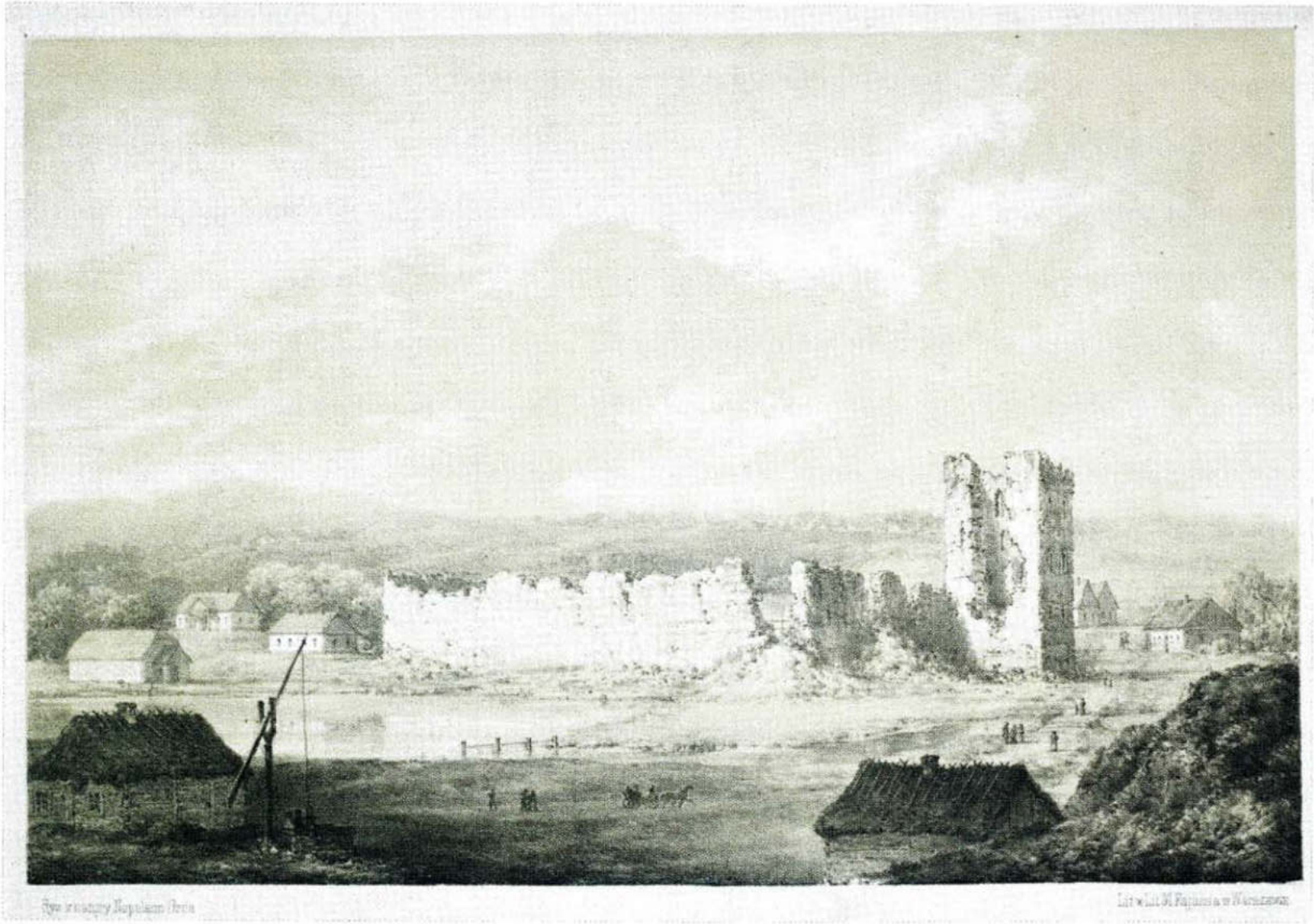
Виленский список. Л. 448 об.



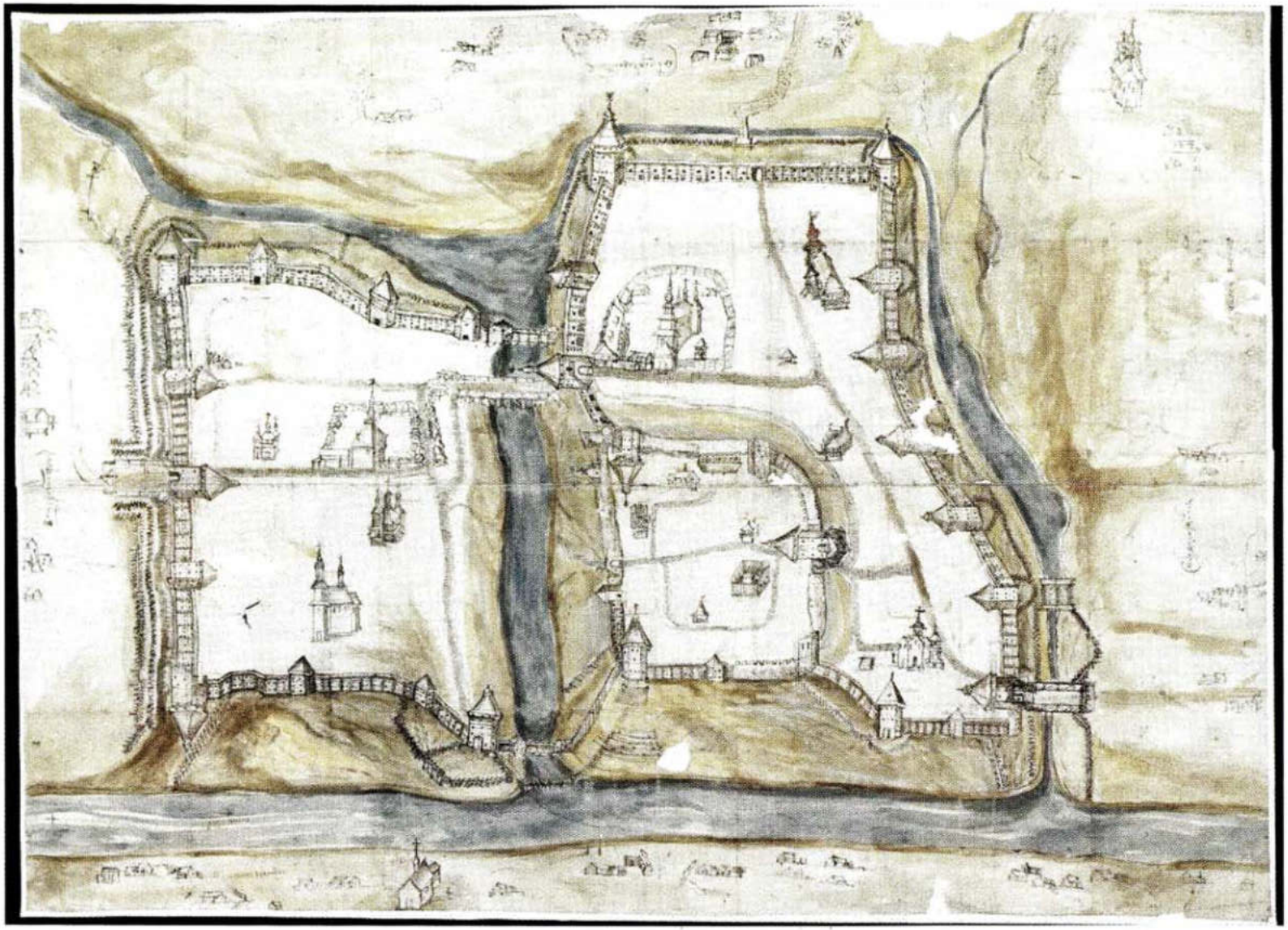
Виленский список. Л. 449. В рукописи перепутан порядок листов, поэтому этот лист с описанием событий 1385—1386 гг. размещен среди листов, на которых описываются события 1393 г.



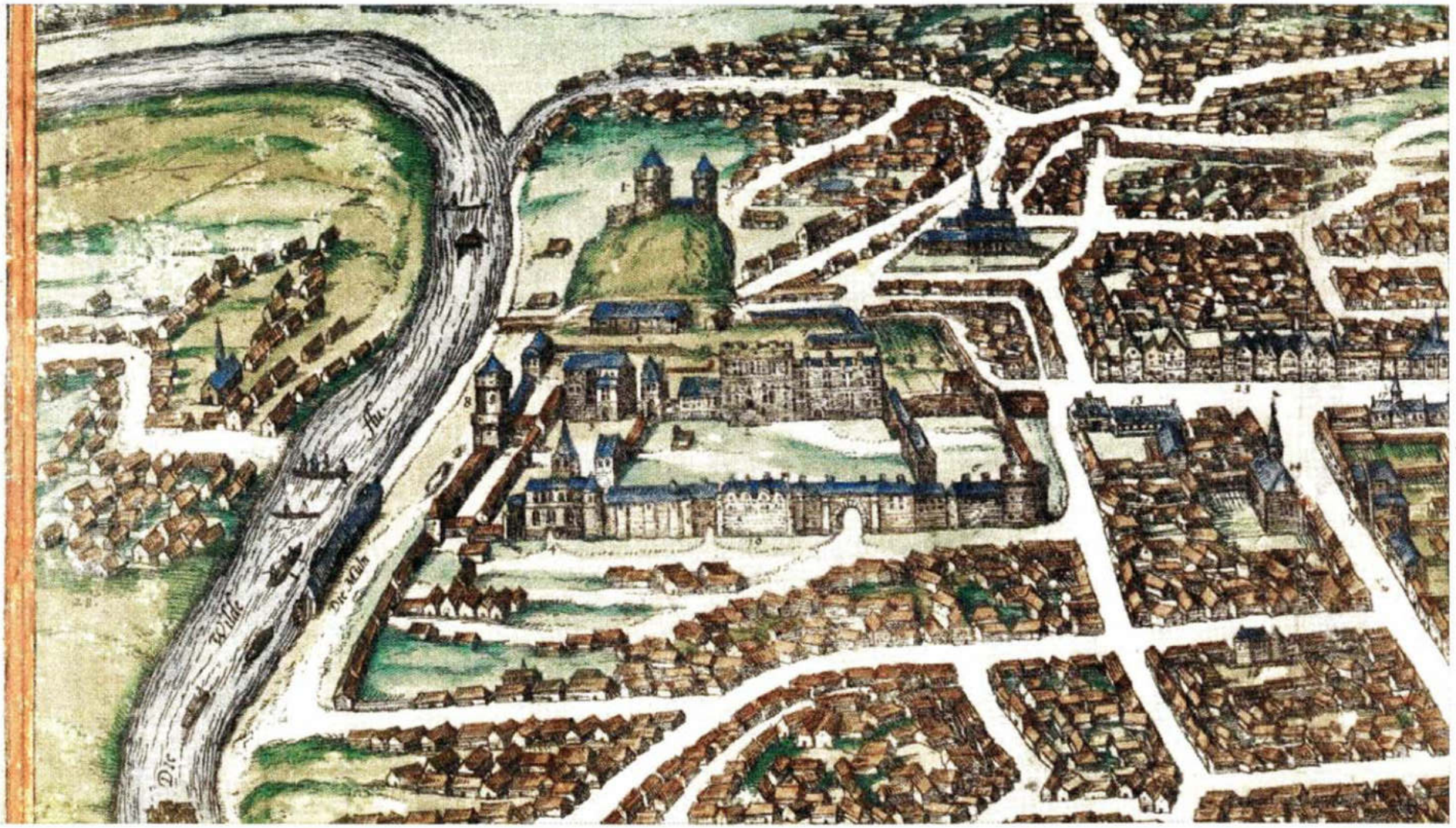
Троки на гравюре Томаша Маковского (1600)



Руины Кревского замка на гравюре Наполеона Орды (1877)

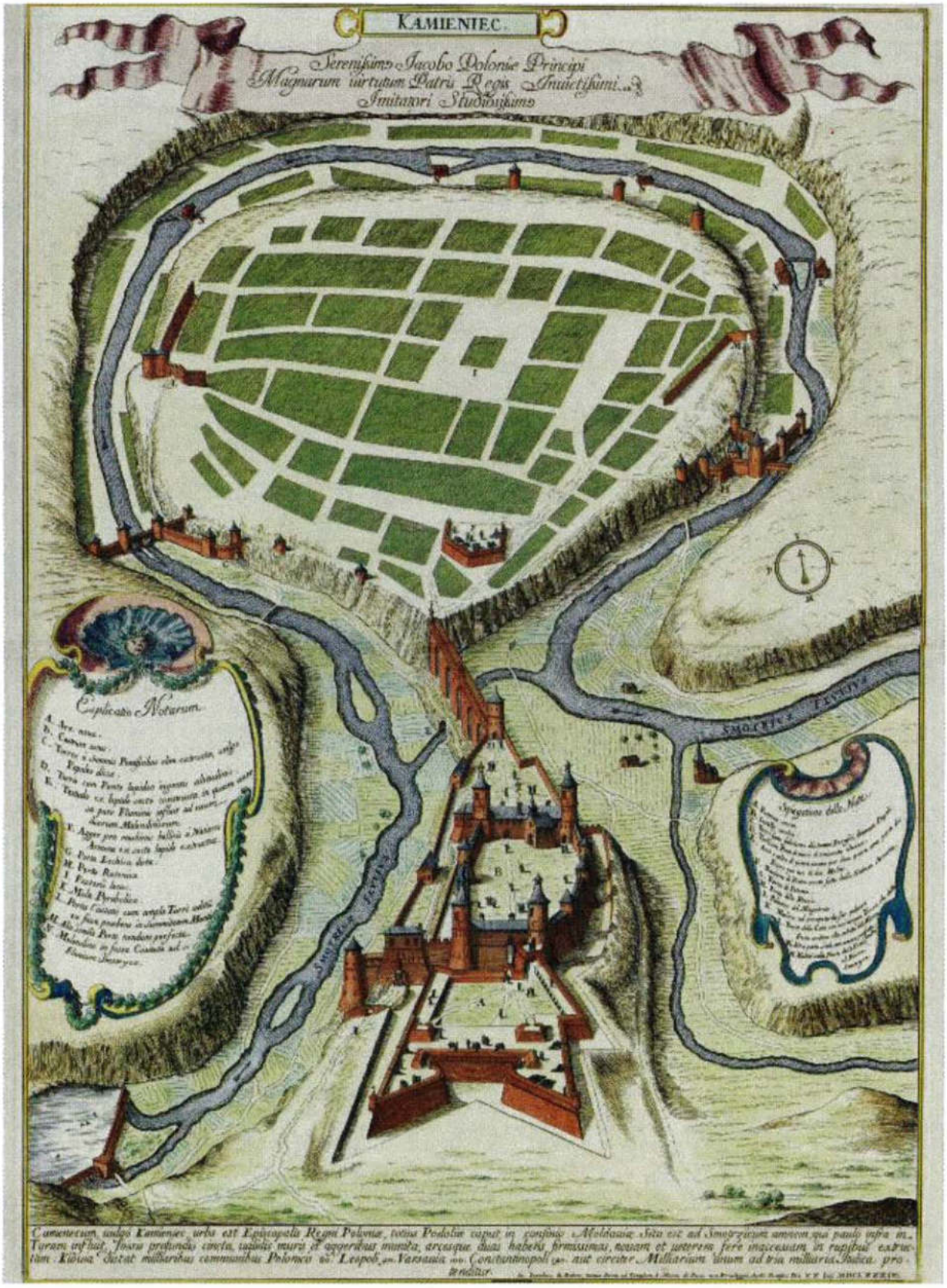


Витебск на плане князя Волконского (1664)

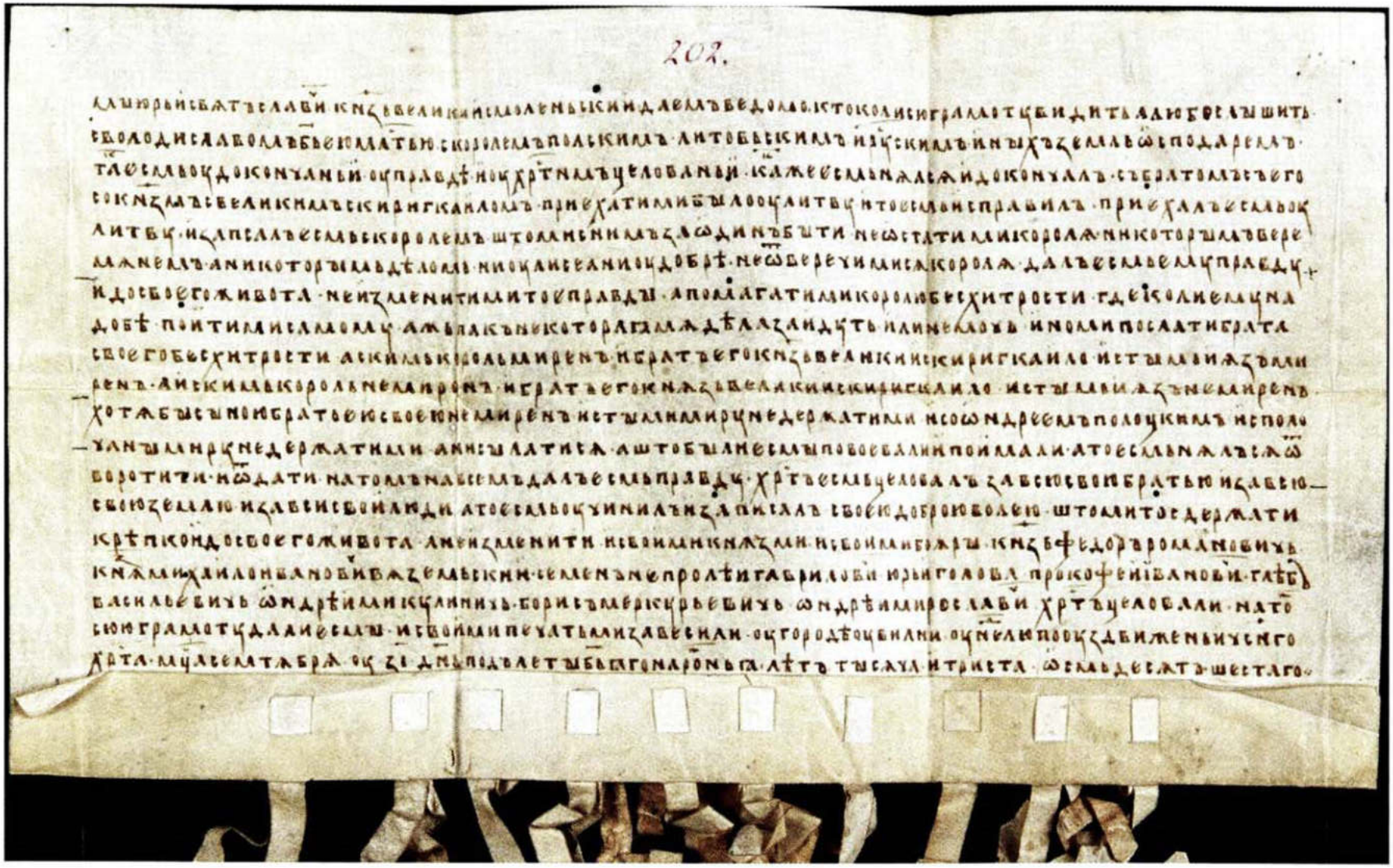


Виленские Верхний и Нижний замки на карте неизвестного автора (1572)

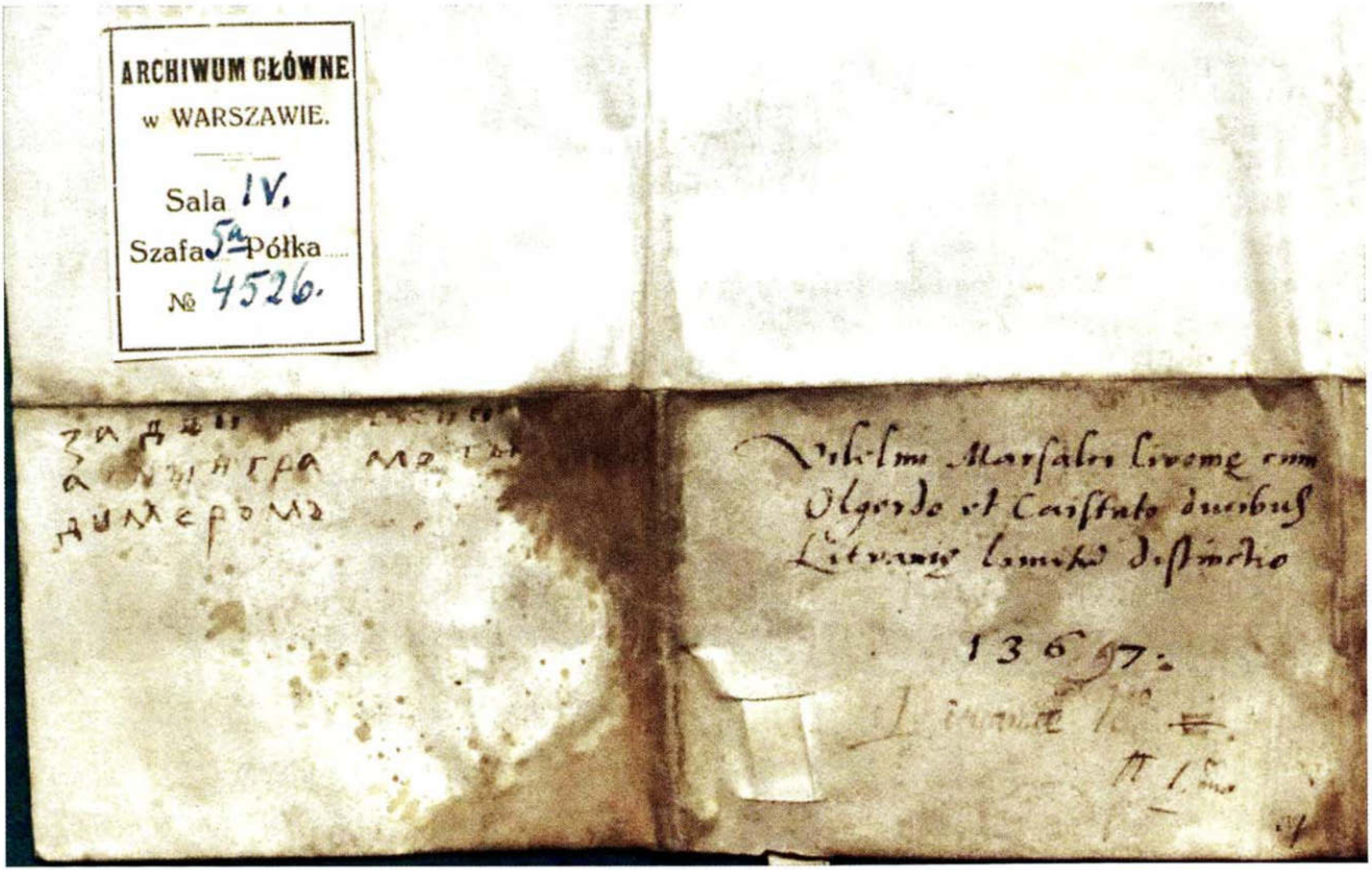
Подземный некрополь Киево-Печерской лавры и Киевский Успенский собор на плане Иоганна Гербиния (1627–1679)



Каменец-Подольский на карте Джакомо Кантелли (1684)



Докончание смоленского князя Юрия Святославича о мире и союзе с королем Польши Владиславом (Ягайлом). Вильно, 16 сентября 1386 г.



Запись второй половины XIV в. на обороте договора 1367 г. между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии:
ЗАДВИ[НСКИЕ Р]|АТНЫИ ГРАМОТЫ [ВОЛО]|ДИМЕРОМЪ

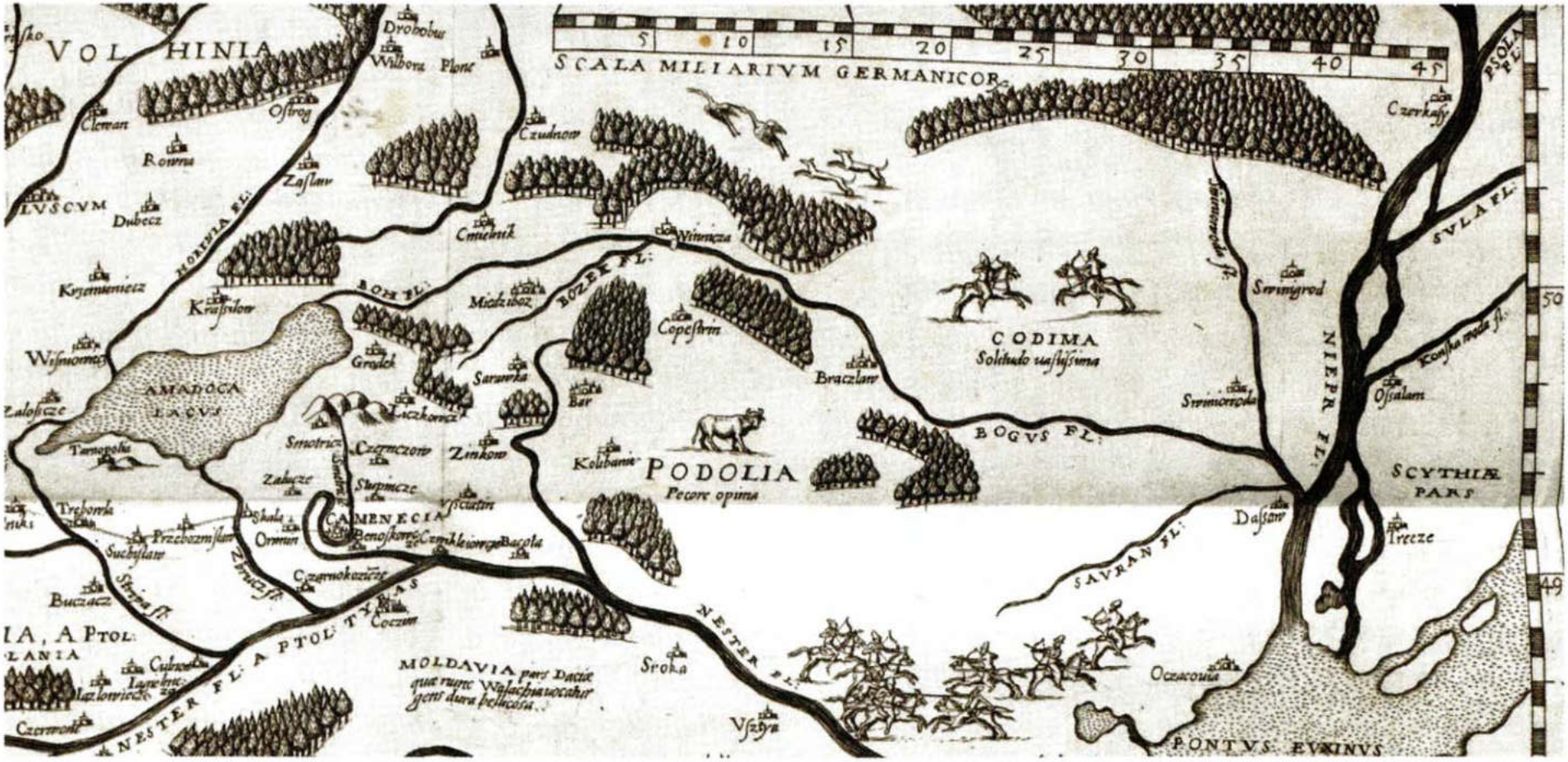
Великий князь московский Василий Дмитриевич
и великая княгиня Софья Витовтовна.
Шитье на Большом саккосе митрополита Фотия. 1414–1417

Печать князя Ягайла, привешенная к договору с Тевтонским орденом о военной помощи (на реке Дубисе, 1382): IAGAL DEY GRACIA REX IN LETTOV

Печать князя Витовта (1392): S[IGILLUM] VITOLDI DVCIS LITWAN[I]E ET DO[MIN]I GRODNI[ENSIS]

Печать князя Скиргайла, привешенная к поручительству за князя Андрея Ольгердовича (1394): SKIRGALONIS [DEI] GRA[TIA] DUCIS LITHUANIE

Волынь, Подолье и Молдавия на карте Польши Вацлава Гродецкого (1571)



Подолье на карте Европейской Сарматии Анджея Пограбки (1570). На карте указаны располагающиеся рядом города Swinigrod (Звенигород) и Swiniowoda (Синяя Вода = Торговица)

Торговица, река Синюха (Sinowoda) и Черный шлях на карте Гийома Боплана (1648). Юг вверху, север внизу

ЧАСТЬ 2

Достоверность и контекст сообщений «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln», «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье»

Общие понятия и условные обозначения

Краткая характеристика применяемой в настоящей работе методики дана во Введении. Кроме того, эта методика уже была представлена в одной из моих публикаций[869]. Суть в общем-то проста и заключается в сопоставлении отдельных сообщений хроник с другими дошедшими до нашего времени источниками по соответствующей проблематике. Для этого текст реконструированного смыслового архетипа или единственного сохранившегося списка хроники (как в случае с «Witoldes sache») разделяется на несколько смысловых элементов и подэлементов, которые по результатам анализа получают одну из нижеследующих оценок.

A — Известие не находит ни прямого, ни косвенного подтверждения в независимых источниках, но не может быть опровергнуто.

B — Известие прямо подтверждается формально независимыми источниками. Оценка B1 ставится тогда, когда имеются основания считать, что формально независимый источник может быть связан с анализируемой хроникой (т. е. этот источник мог возникнуть на основе анализируемой хроники, либо, наоборот, анализируемая хроника могла возникнуть на основе этого источника).

C — Известие косвенно подтверждается формально независимыми источниками.

D — Известие полностью или частично противоречит сообщениям независимых источников. Это, в свою очередь, служит триггером для следующих оценок: D1 — приоритет в плане достоверности отдается анализируемым хроникам; D2 — приоритет отдается формально независимым источникам; D3 — приоритет неясен.

Кроме того, смысловым элементам и подэлементам может присваиваться ряд дополнительных значений.

E — Информация представлена таким образом, будто исходит от непосредственного участника или свидетеля событий.

---

[869] *Ліцкевіч А. У.* Комплекс звестак «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» пра нобіля Вайдылу: да праблемы верагоднасці і кантэксту // Studia historica Europae Orientalis. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 6. С. 138—162.

F — Информация, как кажется, неполная. Эта оценка означает, что информация могла быть представлена в неполном виде умышленно, по причинам политического или идеологического характера.

G1 — Отсутствуют внутренние противоречия с другими смысловыми элементами или подэлементами той же хроники.

G2 — Выявляется противоречие с другими смысловыми элементами или подэлементами той же хроники либо одной из других анализируемых хроник («Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских», «Повести о Подолье»).

Арабской цифрой обозначается порядковый номер смыслового элемента, римской цифрой — номер подэлемента.

Сначала анализируется первая часть «Летописца великих князей литовских» и соответствующая ей первая часть «Witoldes sache» (о событиях до 1382 г. включительно), затем дается комментарий к остальной части «Witoldes sache», второй части «Летописца» и «Повести о Подолье». После комментария по каждой анализируемой хронике размещается сводный список смысловых элементов и подэлементов с указанием оценок.

Глава 4

Первая часть «Летописца великих князей литовских» и первая часть «Witoldes sache»

Смерть Гедимина, перечисление его сыновей

Смысловые элементы 1a («Witoldes sache») и 1b («Летописец»)

И «Witoldes sache», и «Летописец великих князей литовских» начинаются с сообщения о том, как перед своей смертью великий князь литовский Гедимин разделил удельные княжества между сыновьями.

Смерть Гедимина

Дата и обстоятельства смерти Гедимина до сих пор остаются предметом дискуссий. В хронике Виганда из Марбурга упоминается о «князе язычников из Троков», который был убит каким-то метательным снарядом во время осады замка Байербург, датируемой 1337 г.[870] На основе этого неясного сообщения возникла гипотеза, что упомянутым князем был именно Гедимин[871]. Замок Байербург крестоносцы воздвигли на реке Неман[872] напротив литовского замка Велёна[873]. Поэтому уже в XVI в. ги-

---

[870] «Accidit, quod quidam frater Tilemannus de Sunpach magister sagittariorum telo igneo vexillum combussit et statim post paganorum regem de Tracken telo vulnerat in collum inter scapulas, et mortuus est, suscipiens partem cum dampnatis» (SRP. Bd. 2. S. 493—494). Найденный в 1935 г. фрагмент немецкого текста рифмованной хроники Виганда, к сожалению, обрывается непосредственно перед этим текстом (SRP. Bd. 6. Frankfurt a/M : Minerva GMBH, 1968. S. 46).

[871] *Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. 4 : Die Zeit von der Unterwerfung der Preussen 1283 bis zu Dieterichs von Altenburg Tod 1341. Königsberg : Borntträger, 1830. S. 555; *Baliński M.* Historya miasta Wilna. T. 1. S. 19; *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. Wilno : Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1838. T. 4. S. 623; *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. Wilno : Druk. A. H. Kirkora, 1860. T. 1. S. 176.

[872] В районе нынешнего г. Раудоне; топографическая карта N-34-035, квадрат 10:36.

[873] Теперь местечко Вялюона; топографическая карта N-34-35, квадрат 08:44.

бель Гедимина стали связывать не с Байербургом, а с Велёной, что еще больше запутало ситуацию. Так, И. Фойгт, сославшись на «Оливскую хронику», привел цитату, из которой следует, что Гедимина якобы убил выстрелом из бомбарды некий рыцарь Мариан при осаде замка Велёна[874]. В «Старшей Оливской хронике», где повествуется о строительстве замка Байербург на реке Неман, этой цитаты обнаружить не удалось[875]. Между тем она почти дословно совпадает с текстом хроники Станислава Сарницкого (1587) — источника в данном случае не вполне надежного[876].

Нетрудно заметить, что гипотеза о гибели Гедимина под Байербургом имеет в себе органический изъян, так как требует датировать осаду этого замка, описанную в хронике Виганда, не 1337 г., а более поздним временем, ведь Гедимин был жив еще 1 ноября 1338 г., когда заключил договор с Ливонией. В Новгородской первой летописи младшего извода смерть Гедимина отнесена к зиме 6849 г. по мартовскому стилю, т. е. к периоду между 1 декабря 1341 г. и 1 марта 1342 г.[877] В свою очередь, чешский хронист Бенеш Крабице из Вейтмиле датировал смерть «князя литвинов» 1341 г. и сообщил, что он был отравлен своими подданными после того, как пригласил к себе христианских (католических) священников и множество христиан[878].

В современной научной литературе высказываются следующие версии. Часть историков, начиная с Э. Гудавичюса, считает ошибочным отождествление трокского князя, погибшего под Байербургом, с Гедимином[879]; таким образом, за неимением надежных источников остается от-

---

[874] «Porro Gediminus Magnus Dux Lithuaniae cum ipsemet seu miles gregarius machinas moenibus arcis Violonae admoveret, a milite Mariano globo bombardae, tum primum in Germania inventae, necdum Lithuano militi visae, traiectus fuit» (*Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. 4. S. 556).

[875] SRP. Bd. 1. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. S. 717.

[876] *Sarnicki S.* Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum. Kraków : Propriis sumtibus ipsius authoris, 1587. S. 310.

[877] «В лѣто 6849... Тои же зимѣ умре князь великыи Гѣдименъ литовьскыи поганыи» (ПСРЛ. Т. 3. С. 353; отсюда это сообщение попало в новгородско-софийские и московские своды: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 415; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 270; ПСРЛ. Т. 25. С. 173; ПСРЛ. Т. 7. С. 207).

[878] «Eodem anno (MCCCXLI) dux Lithwanorum accersiri fecerat ad se X sacerdotes et christianos plurimos, cupiens tandem christiana fide imbui. Sui hoc considerantes ipsum ducem veneno intoxicarunt» (Fontes rerum Bohemicarum. Praha : V komissi knihkupectvi: dr. Gregr a Edv. Valecka, 1884. T. 4. S. 490).

[879] *Gudavičius E.* Kas žuvo 1337 m. prie Bajerburgo? // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A. 1984. T. 4 (89). P. 92—99; *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Феодализм в Балтийском регионе : сб. науч. трудов. Рига : ЛГУ, 1985. С. 35.

крытым вопрос о том, мог ли вообще Гедимин погибнуть при осаде какого-либо замка.

Существует и, если можно так выразиться, гибридная версия, в соответствии с которой Гедимин погиб все же при осаде Байербурга, но не в 1337 г., а зимой 1341 г.[880]

А. Никжентайтис, под влиянием хроники Бенеша, склонился к версии об отравлении Гедимина, связав ее с мученичеством виленских францисканцев и даже высказав мнение о возможном участии Евнутия в заговоре против отца[881]. Однако, как показал С. К. Роуэлл, поддержанный Р. Батурой и другими учеными, скорее всего, в хронику Бенеша закралась путаница: Бенеш основывался на хронике своего предшественника, Франтишека Пражского, в которой речь шла не о Гедимине, а о галицко-волынском князе Болеславе II Юрии, также отравленном своими подданными, но не в 1341, а в 1340 г.; только вместо «dux Ruthenorum» он написал «dux Lithwanorum». Ссылки же на то, что этот отравленный галицко-волынский князь стремился «научиться христианству», следует относить к его желанию отказаться от православия и принять католичество[882]. Мотив отравления Гедимина будто бы из-за поддержки, оказанной им католикам, выглядит тем более сомнительно, что в соответствии с хроникальной традицией францисканцев («Chronica XXIV Generalium Ordinis Fratrum Minorum») оба виленских мученика — монахи Мартин и Ульрих были казнены по приказу самого Гедимина[883].

По мнению С. К. Роуэлла, Гедимин умер примерно в период с января по март 1342 г., поскольку в новгородской летописи о его кончине упоминается после сообщения о смерти хана Узбека, который согласно арабским хроникам ушел из жизни предположительно в марте 1342 г.[884] Однако последовательность упоминания двух этих событий могла быть связана со случайными причинами, которые обусловлены особенностями работы сводчика. Так, сразу же после записей о смерти Узбека и Гедимина, датированных «тои же зиме», составитель Новгородской I летописи

---

[880] *Насевіч В. Л.* Гедзімін // ВКЛЭ. Т. 1. С. 520.

[881] *Nikžentaitis A.* Litwa i Zakon krzyżacki w końcu XIII i w pierwszej połowie XIV w. (1283—1345) // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku : materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988. Toruń : Instytut historii PAN, 1990. S. 134—135.

[882] Fontes rerum Bohemicarum. T. 4. S. 430; *Rowell S. C.* Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe 1295—1345. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 271—274; *Batūra R.* Lietuvos karaliaus Gedimino kova prie Bajerburgo (Veliuonos) ir žūties problema // Istorija. 2002. T. 53. P. 29—30.

[883] *Baronas D.* Vilniaus pranciškonų kankiniai ir jų kultas XIV—XX a. Istorinė studija ir šaltiniai. Vilnius : Aidai, 2010. P. 238, 240.

[884] *Rowell S. C.* Lithuania ascending ... P. 270.

младшего извода поместил запись о строительстве епископского терема в Великом Новгороде и датировал его «тои же осени», а далее идет сообщение о приезде тверского княжича Михаила Александровича в Великий Новгород, вновь датированное «тои же зиме»[885]. Это свидетельствует о том, что в данном случае хронологическая последовательность записей внутри одного года не соблюдалась и сводчик даже не ставил перед собой такой задачи. Поэтому при сопоставлении новгородского и чешского нарративных источников более обоснованным представляется вывод, что Гедимин скончался в декабре 1341 г.

Количество и последовательность рождения сыновей Гедимина

Я. Тенговский причислил к сыновьям Гедимина также князя Витовта, чей сын Юрий (Георгий) Витовтович, судя по псковским летописям, был вначале воеводой витебского князя Ольгерда, а затем служилым князем в Пскове, где погиб 15 апреля 1349 г.[886] В этом князе Витовте польский исследователь видит того самого не названного по имени князя Троков, который был убит крестоносцами 6 июля 1337 г. при осаде Байербурга. Каких-то дополнительных доводов, подкрепляющих эту гипотезу, не имеется.

Согласно хронике Матиаса фон Ноенбурга, в битве на реке Стреве (2 февраля 1348 г.) погибли два брата литовского короля, которые после поражения войск ВКЛ, чтобы не попасть в руки крестоносцев, покончили жизнь самоубийством, повесившись на дереве[887]. Аналогичная информация помещена и в «Chronik der vier Orden von Jerusalem» конца XV в.[888] Комментируя эти сообщения, Я. Тенговский допускает, что одним из этих братьев литовского короля был Наримонт, а другим — Монтивид Гедиминовичи[889]. Таким образом, данные этих хроник косвенно подтверждают как количество сыновей Гедимина (семеро), так и существование еще одного малоизвестного Гедиминовича помимо Наримонта, Ольгерда, Кейстута, Евнутия, Кориата и Любарта; этим сыном Гедимина, практически не оставившим следов в письменной истории, действительно мог быть Монтивид, называемый в «Летописце великих князей литовских».

Перечисления сыновей Гедимина содержатся в ряде русских летописей, среди которых наибольшего внимания — с учетом древ-

---

[885] ПСРЛ. Т. 3. С. 354.

[886] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 45—46.

[887] Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum nova series. T. 4 : Die Chronik des Mathias von Neuenburg / hsgb. von A. Hofmeister. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1924—1940. S. 253—254.

[888] SRP. Bd. 6. S. 150.

[889] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 244.

ности и информативности — заслуживает Рогожский летописец, переписанный в 40-е гг. XV в.[890] В нем под 6885 г. сказано: «Сии Олгерд не един сын у своего отца бѣаше, но ини мнози прочии братиа его бѣаху сынове Гедиминови — Наримонт, Олгѣрдъ, Евнутеи, Кестутеи, Кориадъ, Любортъ, Монтивитъ»[891]. Аналогичная фраза помещена и в Симеоновской летописи, но в выписках из Троицкой летописи она не сохранилась[892], поэтому неясно, каким был источник этой информации — московским или тверским. Однако судя по всему, именно на этом источнике Рогожского летописца и Симеоновской летописи основывается известие сокращенного летописного свода 1493 г. о том, что Наримонт был «большим» (т. е. старшим) сыном Гедимина[893].

Возможно, на основе этих летописей были также созданы перечни Гедиминовичей, включенные в некоторые варианты «Родословия литовских князей», в том числе в «Послание Спиридона-Саввы» (первая треть XVI в.). Последовательность перечисления в этих перечнях следующая: Наримонт, Евнутий, Ольгерд, Скиргайло (sic), Кейстут, Кориат, Монтивид[894]. Разумеется, такой анахронизм, как размещение среди Гедиминовичей князя Скиргайла Ольгердовича, вынуждает скептически относиться к этим текстам как к историческим источникам.

В хронике «Шамотульское дополнение к рочнику Траски», составленной в малопольском местечке Тшемешна в 1426/1427 гг.[895], вопрос о старшинстве и составе Гедиминовичей еще более запутан. Здесь братья великого князя литовского Ольгерда перечислены в следующем порядке: Кейстут, Любарт, Патрикей (sic), Наримонт, а сыном Кейстута кроме Витовта ошибочно назван Корибут[896]. Следовательно, источник этот в данном аспекте также ненадежен.

Еще в двух генеалогических текстах XVI в. — «Начало государей литовских» и «Предословие о великих князех литовских, откуду они пошли» — последовательность перечисления такая: Монтивид, Нари-

---

[890] *Муравьева Л. Л.* Палеография рукописи Рогожского сборника XV века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : сб. статей. М. : ИРИ РАН, 1993. С. 25.

[891] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 117. Аналогичный перечень дважды встречается в Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 10. СПб. : Тип. МВД, 1885. С. 213; ПСРЛ. Т. 11. С. 25—26.

[892] ПСРЛ. Т. 18. С. 118; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 402.

[893] ПСРЛ. Т. 27. С. 239.

[894] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 166, 179, 201, 211; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 413, 589; ПСРЛ. Т. 33 : Холмогорская летопись. Двинской летописец. М. : Наука, 1977. С. 76—77.

[895] *Ożóg K.* Dopełnienie szamotulskie — studium źródłoznawcze // Studia Historyczne. 1992. T. 35. Z. 2. S. 152.

[896] MPH. T. 2. S. 862.

монт, Евнутий, Ольгерд, Кейстут, Кориат, Любарт[897]. Их составители, работавшие на территории Московского государства, видимо, основывались на «Летописце великих князей литовских», но переставили местами имена Ольгерда и Евнутия, поскольку Евнутий первый стал великим князем литовским, а значит, по логике составителей был старше Ольгерда.

По всей видимости, авторитетность Рогожского летописца способствовала тому, что в польской историографии сначала Т. Василевский, затем Я. Тенговский признали Монтивида не самым старшим, а самым младшим сыном Гедимина[898]. В этом вопросе — о чем уже писал Я. Никодем в своем критическом отзыве[899] — не совсем понятны критерии, по которым необходимо отбрасывать информацию «Летописца великих князей литовских» и принимать информацию Рогожского летописца. Данные «Летописца» о старшинстве Монтивида вызывают больше доверия хотя бы потому, что этот источник происходит с территории ВКЛ.

В своей монографии «Первые поколения Гедиминовичей» (1999) Я. Тенговский следующим образом размещает сыновей Гедимина по старшинству: Наримонт, Ольгерд, Витовт-старший (его отнесение к Гедиминовичам весьма спорно), Кориат, Евнутий, Кейстут, Любарт, Монтивид. Таким образом, исследователь значительно отходит от последовательности рождения сыновей Гедимина, отраженной в «Летописце великих князей литовских». Не углубляясь в подробное рассмотрение аргументации Я. Тенговского (что потребовало бы отдельной работы), замечу только, что метод определения старшинства Гедиминовичей по первым упоминаниям в источниках об их детях вообще не вполне надежен.

Иная схема, нежели у Я. Тенговского, представлена, например, в белорусской энциклопедии «Вялікае княства Літоўскае», в которой статьи про Гедиминовичей написаны несколькими авторами: Наримонт (год рождения обозначен «около 1294 г.»); Ольгерд (около 1296 г.); Кейстут (1297 г.); Кориат (около 1306 г.); Евнутий (около 1308 г.); Монтивид (около 1314 г.); Любарт (1320?)[900]. Все представленные здесь даты рождения этих князей носят гипотетический характер.

В целом можно прийти к выводу, что при нынешнем состоянии источников и методологии невозможно с достаточным уровнем надежности

---

[897] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 595, 603.

[898] *Wasilewski T.* Synowie Gedymina w. ks. Litwy a następstwo tronu po nim // Annales Universitatis Marie Curie-Skłodowska. Sectio F. Historia. 1990. T. 45. S. 185—194; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 244.

[899] *Nikodem J.* Synowie Giedymina. Próba ustalenia kolejności urodzeń // Genealogia. Studia i materiały historyczne. 2001. T. 13. S. 13.

[900] ВКЛЭ. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2005. Т. 1. С. 222; Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2006. Т. 2. С. 66, 86, 225, 349, 786; Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2010. Т. 3. С. 361 (статья «Монвід»).

установить хронологию и даже последовательность рождения сыновей Гедимина. По этой причине последовательность рождения сыновей Гедимина, указанная в «Летописце великих князей литовских», практически не может быть опровергнута. Достоверность анализируемого сообщения «Летописца» подтверждается тем фактом, что перечень Гедиминовичей в «Летописце великих князей литовских» точно совпадает с аналогичным списком, помещенным в Рогожском летописце, за исключением Монтивида. Однако Монтивид мог быть указан в Рогожском летописце на последнем месте среди братьев только потому, что он по некоторым причинам не играл значительной роли в политической жизни ВКЛ.

Имя Монтивида

Отдельно следует сказать о правильной форме написания имени Монтивида, которого в польской, белорусской и литовской историографии иногда ошибочно называют «Monwid», «Монвид» или «Monvydas».

Чтение «Мо*н*вид» встречается только в Супрасльском списке, где при переписке, видимо, просто была пропущена одна или две надстрочных буквы («т» или «ти»), но в другом месте дано корректное чтение: «Монтивид». Зато большинство остальных списков «Летописца великих князей литовских» всех пяти редакций дают форму, которая может быть реконструирована как «Монтивид» (Origo regis: Montiwid; Виленский список: Монтивид; Академический: Моидивиды, Моньдевид; список Дубровского: Монтивид; Погодинский: Мондовид). Такую же форму встречаем и в списке Красинского (Монтивид), и в хронике Быховца (Montwid), и в хронике Длугоша (Montiwido). В Рогожском летописце также читаем «Монтивитъ».

Особенно важны в данном случае чтения «Origo regis» и хроники Длугоша, доказывающие, что форма «Монтивид» содержалась в протографе первой части «Летописца великих князей литовских».

«Монтивид» — это распространенное в древности балтское имя, которое, например, в последней четверти XIV в. носил и один из бояр князя Скиргайла Ольгердовича (Montwit)[901].

[901] AGAD. F. 358. BOZ, nr. 33. Inwentarz Archiwum Koronnego Jana Zamojskiego. T. IV. S. 605.

Удел Монтивида: Слоним и Кернов

Смысловой элемент 2

Древний «Вослоним» («Оуслоним») размещался при впадении реки Исса в реку Щара на том же месте, где находится центр современного г. Слонима. Археологическими раскопками в пластах XI—XV вв. выявлены остатки деревянных строений и уличных настилов из тонких бревен и плашек. Начиная с середины XIII в. за владение городом начали бороться между собой Галицко-Волынское княжество и молодое Великое княжество Литовское. В ходе боевых действий и в результате дипломатических соглашений город неоднократно переходил из рук в руки и приблизительно в конце XIII в. окончательно вошел в состав ВКЛ[902].

Второй половиной XIII в., вероятно, следует датировать создание отдельной административно-территориальной единицы с центром в «Вослониме». Так, под 6789 (1281/82) г. галицко-волынская летопись упоминает «Василка, князя Вослонимьского»[903]. Границы и продолжительность существования этого княжества точно неизвестны.

Не выявлено никаких известий независимых источников о княжении Монтивида Гедиминовича († 1348?) в Слониме.

Кернов (Кярнаве) — в настоящее время небольшой населенный пункт в Ширвинтском районе Литвы, располагающийся на правом берегу реки Вилии (Нярис) примерно в 40 км к северо-западу от Вильнюса. Древний город размещался у подножья пяти городищ в долинах рек Паяута и Кярнаве (Кярнавеле). Центральное городище, так называемую «Жертвенную гору», где была резиденция князя, с востока, севера и запада окружали еще три городища, носящие теперь условные названия «Гора Лиздейки», «Трон Миндовга» и «Замковая гора». На пятом городище, вероятно, возвышалась сторожевая башня[904]. Численность населения в период расцвета Кернова составляла приблизительно 500 человек (не считая княжеской дружины и феодальной элиты)[905]. Хотя в Кернове остатки христианского храма не выявлены, по археологическим находкам

---

[902] *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Минск : Наука и техника, 1989. С. 72—73; *Звяруга Я. Г.*: 1) Слонім // АНБ. С. 575; 2) З гісторыі старажытнага Слоніма // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў : матэрыялы рэгіянальнай гісторыка-краязнаўчай канф., прысвечанай 750-годдзю горада Слоніма і 70-годдзю заснавання Слонімскага раённага краязнаўчага музея ім. І. І. Стаброўскага. Слонім : ГАУПП «Слонімская друкарня», 2002. С. 29—30.

[903] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 884.

[904] *Luchtanas A.* Kernave — litewska Troja // Kernave — litewska Troja : Katalog wystawy ze zbiorów Państwowego Muzeum-Rezerwatu Archeologii i Historii w Kernave, Litwa. Warszawa : Puszka Pandory : Sitex, 2002. S. 11, 13; *Velius G.* Społeczeństwo Kernave w XIII—XIV w. // Ibid. S. 42.

[905] *Velius G.* Społeczeństwo Kernave w XIII—XIV w. S. 44.

можно предполагать, что часть местного населения исповедовала христианство (скорее всего, православие); языческие традиции тесно переплетались здесь с христианскими[906].

Впервые Кернов упоминается в письменных источниках в 1279 г. как пункт обороны против крестоносцев, принадлежавший литовскому князю Тройденю[907]. По преданию, отразившемуся во втором летописном своде ВКЛ, Кернов был первой столицей великого князя литовского Гедимина, который именно отсюда перенес свою главную резиденцию сначала в Троки, а потом в Вильно[908]. На рубеже XIII и XIV вв. керновские купцы вели торговлю с Ригой: в Рижской долговой книге под 1290 и 1303 гг. сохранились записи о керновцах, видимо, носивших балтские имена: «Rameyze de Kernowe» и «Studile de Kernowe»[909].

Из всего сказанного видно, что в начале XIV в. Кернов имел для Великого княжества Литовского очень важное политическое, военное, экономическое и культурное значение. Однако после переноса столицы в Вильно и строительства каменных замков в Старых Троках, Вильно, Медниках, Крево, Ковно и Лиде — т. е. на момент предполагаемого вокняжения Монтивида Гедиминовича в Кернове — военно-политическая роль этого центра уменьшилась[910].

Впрочем, так же как и в случае со Слонимом, никаких известий независимых источников о княжении Монтивида в Кернове не выявлено. Догадка Г. Велюса в процитированной выше работе, что около 1342 г. (неясно, откуда взялась эта дата) после смерти Монтивида Кернов будто бы достался Ольгерду, ничем не аргументирована. С 1386 г. Кернов становится одним из центров удела князя Александра Вигунта Ольгердовича († 1392). В 1390 г. во время совместного набега крестоносцев и отряда Витовта защитники Кернова сожгли городские деревянные укрепления, которые в дальнейшем больше не восстанавливались[911].

В литературе со ссылкой на так называемый «Zbiór Łoyki» промелькнуло сообщение о том, что в некоторых архивных материалах уделом

---

[906] Ibid. S. 53.

[907] Livländische Reimchronik mit Anmerkunden: Namenverzeichniss und Glossar / hsgb. von L. Meyer. Paderborn : F. Schöningh, 1876. S. 191; *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» ... С. 37; *Luchtanas A.* Kernave — litewska Troja. S. 13—14; *Dubonis A.* Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje. 1268—1282. Vilnius : LII leidykla, 2009. P. 63.

[908] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 261, 313, 374.

[909] Das Rigische Schuldbuch (1286—1352) / hsgb. von H. Hildebrand. St. Petersburg : Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1872. S. 84, No 1284; S. 89, No 1374.

[910] *Velius G.* Społeczeństwo Kernave w XIII—XIV w. S. 39.

[911] *Luchtanas A.* Kernave — litewska Troja. S. 14—15.

Монтивида вместо Слонима называется Мозырь[912]. На поверку выясняется, что в одной из рукописей польского историка Феликса Лойко (1717—1779) говорится, что Наримонт княжил в Пинске и Мозыре; при этом использовались данные из книги А. Виюк-Кояловича[913]. К Монтивиду эта информация не имеет никакого отношения.

Удел Наримонта: Пинск

Смысловой элемент 3

В XIII в. Пинск был центром удельного княжества, в котором правили князья из династии Рюриковичей. Под 6770 (1262/63) г. в летописи упоминаются пинские князья Федор, Демид и Юрий, которые вместе с волынским князем Васильком праздновали победу над Литвой[914]. Под 6800 (1292/93) г. в том же источнике сказано о смерти пинского князя Юрия Владимировича, у которого оставались сыновья и брат Демид[915]. Во внешней политике пинские князья были вынуждены лавировать между интересами Галицко-Волынского княжества и Великого княжества Литовского[916].

Точное время и обстоятельства перехода Пинского княжества в состав ВКЛ неизвестны. Существует мнение, что Пинское княжество досталось Гедимину от первой жены, которою будто бы была какая-то пинская княжна[917], но эта гипотеза не находит подтверждения в источниках. По мнению Я. Тенговского, даже в первые десятилетия XIV в. Пинское княжество еще могло входить в сферу влияния Галицко-Волынского княжества, а значит, переход Пинска в состав ВКЛ состоялся не ранее смерти последнего галицко-волынского князя Болеслава II Юрия[918]. Догадка эта не лишена правдоподобия, поскольку отвечает всей совокупности имеющихся у нас данных о предшествующей истории Пинского княжества. Отсюда следует, что если Гедимин лично передал Пинский удел своему сыну Наримонту, то это могло произойти только в 1340—1341 гг.

---

[912] *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski ... S. 25.

[913] BCzart. Rkps 1119. O Haliczu i Włodzimierzu. T. 2 : Excerpta ex variis fontibus historiam Russiae illustrantia. S. 63; *Wijuk-Kojałowicz A.* Historiae Lituanae pars prior ... P. 281.

[914] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 856.

[915] Там же. Стб. 938.

[916] *Грушевский А. С.* Пинское Полесье : исторические очерки. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1901. Ч. 1. С. 64.

[917] *Шаланда А. І.* [Рэц.] Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań ; Wrocław, 1999 // Герольд Litherland. Горадня, 2001. № 3—4 (3). С. 123.

[918] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 24.

Никаких подробностей о княжении Наримонта в Пинске, к сожалению, не сохранилось. Если принять предложенное Я. Н. Щаповым датирование Турово-Пинской уставы о церковной десятине серединой XIV в.[919], то остается признать, что эта устава была утверждена либо в последние годы княжения Наримонта († 1348), либо в первые годы княжения одного из его преемников. Содержание уставы свидетельствует о том, что в XIV в. и Туров, и Пинск были значительными торговыми центрами.

Факт получения Пинского удела Наримонтом косвенно подтверждается тем, что согласно аутентичным документальным источникам 1386—1390 гг. в Пинске княжил его сын Василий Наримонтович[920]. В 2015 г. свинцовая печать князя Глеба (т. е. Наримонта) была найдена в Старом Копыле[921]; в 40-х гг. XIV в. Копыльский удел, входивший в состав Киевской земли, примыкал к Пинскому с северо-востока. Выше я уже говорил, что существовала традиция, отразившаяся в хронике А. Виюк-Кояловича, согласно которой Наримонт кроме Пинска держал Мозырь и часть Владимиро-Волынской земли: «Narimundo, Pinscum, Mozyrum, partemque Volodimirensis provinciae»[922]. Думается, что это известие в конечном счете восходит к хронике Стрыйковского, который писал, что Наримонту достался Пинск «ze wszystkimi okolicznymi przyległościami, nad Przypieczą Rzeką aż do Dniepru się sciagaiącymi, ktorych krain dostał był Gedimin woyną pod Włodimirzem Wołodimirskim, Ruskim Kniaziem»[923]. Видимо, исходя из этого описания А. Виюк-Кояловичем заключил, что Мозырь, лежащий на Припяти, естественно, должен был входить в удел Наримонта.

В 6841 (1333/34) г. Наримонт был крещен в православие под именем Глеб[924], а значит, уже тогда мог управлять одним из регионов Литовской Руси. Скорее всего, это был Полоцк, где Наримонт Глеб кня-

---

[919] *Щапов Я. Н.* Туровские уставы XIV века о десятине // Археографический ежегодник за 1964 год. М. : Наука, 1965. С. 273.

[920] Akta unji Polski z Litwą. 1385—1791. Kraków : Polska Akademia Umiejętności : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932. S. 13—14, No 17; *Груша А. І.* Невядомы арыгінал ... С. 42. См. также: *Nikodem J.* Narymunt Giedyminowic i jego uposażenie // Scriptura custos memoriae. Prace historyczne. Poznań : Instytut Historii UAM, 2001. S. 609—622.

[921] *Сідаровіч В. М., Касюк А. Ф.* Пячатка князя Глеба Нарымонта XIV ст. з в. Стары Капыль // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 45—46.

[922] *Wijuk-Kojałowicz A.* Historiae Lituanae pars prior ... P. 281.

[923] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 407. Отсюда то же повторено в «Хронике Литовской и Жмойтской» (ПСРЛ. Т. 32. С. 41).

[924] ПСРЛ. Т. 3. С. 345.

жил и в 1338 г.[925] Почему же тогда «Летописец великих князей литовских» называет в качестве его удела только Пинск и молчит о Полоцке? Это объясняется тем, что в Полоцке, как и в Великом Новгороде, Наримонт был только служилым, т. е. временно приглашенным князем, тогда как Пинск де-факто перешел к нему в наследственное владение. Другое дело, что кроме Пинска у Наримонта были и некоторые другие наследственные владения, о которых не вспоминает «Летописец». Так, один из сыновей Наримонта Юрий после его смерти княжил в волынском Белзе и, видимо, в качестве белзского князя фигурирует уже в договоре 1352 г., заключенном между Польским королевством и ВКЛ[926]. Из этого можно сделать вывод, что Белз, как и Пинск, достался Наримонту Гедиминовичу уже при первом разделе галицко-волынского наследства в 40-х гг. XIV в. Стало быть, информация об уделе Наримонта, представленная в «Летописце великих князей литовских», по каким-то причинам неполная.

Схема Я. Тенговского, в соответствии с которой Наримонт якобы получил после 1326 г. Городенское княжество[927], вызывает серьезные сомнения, так как оснований для того, чтобы считать известного в последующие десятилетия городенского князя Патрикея сыном Наримонта, на мой взгляд, недостаточно. Слабо аргументированной кажется и попытка Т. Василевского отождествить городенского князя Патрикея с Монтивидом Гедиминовичем[928]. Этим городенским князем Патрикеем мог быть «Patricius filius David Ruthenus», которого Длугош называет среди участников набега на Мазовию в 1336 г.[929] Патрикей Давыдович, возможно, был сыном городенского князя Давыда († 1326) и княжил в Городне как вассал трокского князя Кейстута приблизительно до 1365 г., когда Кейстут сместил его и дал ему вместо Городенского удела другое княжество в Русской земле — как сообщил хронист Виганд из Марбурга, «за дружбу с Орденом»[930]. Этим новым русским княжеством, которое получил Патрикей Давыдович, было Стародубское княжество, где Любецкий синодик во второй половине XIV в. фиксирует «князя Патрикия Давидовича

---

[925] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 69.

[926] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 444—445; *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 4—7, № 3; Грамоти XIV ст. С. 29—31, № 14.

[927] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 24, 29—30.

[928] *Wasilewski T.* Synowie Gedymina ... S. 193—194.

[929] *Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 172; 2) Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 9. Varsaviae : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1978. S. 191.

[930] SRP. Bd. 2. S. 545. Обобщенную информацию о положении Городна и Городенского региона в XIV в. см.: *Ліцкевіч А. У.* Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII—XIV ст. Сухапутныя і водныя камунікацыі, населеныя пункты, этнаканфесійны склад і міграцыі насельніцтва // Arche. 2014. № 11. С. 8—60.

Стародубскаго, приемшаго ангельский образ, и княгиню его Елену, сына их, князя Иоанна»[931].

Гедимин передает великое княжение в Вильно Евнутию

Смысловой элемент 4

Как уже отмечалось выше, существуют основания предполагать, что смерть Гедимина и соответственно приход к власти Евнутия в конце 1341 или в начале 1342 г. произошли на фоне языческой антихристианской реакции в Вильно[932]. Имеется в виду, во-первых, убийство виленских францисканцев в 1341 г.[933], а во-вторых, деятельность Евнутия по обращению литовских христиан в язычество, описанная в хронике Матиаса фон Ноенбурга[934]. Впрочем, скупые известия этой хроники про «молодого языческого короля Литвы», обратившего в язычество множество христиан, все же можно трактовать двояко. Здесь может идти речь не столько о том, что Евнутий насильственно возвратил в язычество христиан ВКЛ, сколько о том, что он вывел из Пруссии и Ливонии множество пленных, которые в языческом окружении вынуждены были отступить от христианской веры.

Характеристика «iuvenis» («молодой») употреблена в хронике Матиаса фон Ноенбурга под 1343 г. в отношении великого князя литовского, занявшего столец после Гедимина. Возможно, это переосмысление имени Евнутия (по-литовски «jaunas» также означает «молодой»). Кроме того, на факт занятия великокняжеского стольца Евнутием прямо указывает Новгородская первая летопись младшего извода в фрагменте, посвященном заговору Кейстута и Ольгерда в 6853 (1345/46) г.[935]

---

[931] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб. : Археографическая комиссия, 1892. С. 28. Подробнее это предположение изложено в статье: *Лицкевич О. В.* Поручительство литовско-русской знати за нобиля Братошу Койлутовича (1387—1394 гг.) // Беларуская даўніна. Мінск : [б. и.], 2014. Вып. 1. С. 35—37.

[932] *Nikžentaitis A.* Litwa i Zakon krzyżacki ... S. 136; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 191.

[933] *Baronas D.* Vilniaus pranciškonų kankiniai ... P. 77—84.

[934] «[1343] Rex autem Litovie gentilis iuvenis et recens tempore ipsius Clementis [папа Климент VI] fratres Theutonicos sancte Marie in Prussia et Livonia plurimum infestavit, multa Christianorum milia occidendo et ad fidem conversos in perfidiam reducendo» (Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum nova series. T. 4. S. 171).

[935] ПСРЛ. Т. 3. С. 358.

Вокняжение Евнутия нарушило давнюю традицию престолонаследования в ВКЛ, согласно которой очередным правителем Литвы становился не сын, а брат прежнего великого князя[936]. С этого времени и на протяжении последующих десятилетий, как отмечал в свое время М. К. Любавский, престолонаследование в ВКЛ стало осуществляться не в соответствии с какими-либо обычаями, а исходя из предпочтений и привязанностей правящего князя или по праву силы: Гедимин по своей воле поставил великим князем одного из своих младших сыновей Евнутия, затем Ольгерд сверг Евнутия, а впоследствии назначил своим преемником Ягайла, который тоже не был старшим сыном[937].

Одним из претендентов на власть кроме Евнутия, вероятно, был Наримонт, которому не позволили занять великое княжение в Вильно из-за православного вероисповедания. Это обстоятельство в легендарной форме отразилось в сокращенном своде 1493 г.[938], в «Начале государей литовских»[939], а также в «Родоводе русских и литовских князей», который содержится в рукописи XVI в. из Библиотеки Чарторыйских и в котором, по данным Я. Никодема, утверждается, что Наримонт был одно время великим князем литовским[940]. Нет смысла излишне переоценивать значение этих памятников, особенно статьи из сокращенного свода 1493 г., в которой имеется целый ряд анахронизмов и неточностей: например, автор не знает, что до Ольгерда великим князем литовским был Евнутий

---

[936] *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» ... С. 36—37.

[937] *Любавский М. К.* О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. // Издания исторического общества при Императорском Московском университете. Рефераты, читанные в 1895 году. (Год 1). М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1896. С. 74—76.

[938] «В лѣто 849... Тое же зимы умрѣ князь велики литовскыи Гедимань. И по нем сѣде на вѣликом княжении литовском сынъ его болше Наримант. И бысть емоу брань съ иноплеменники, и впаде в руце иноплеменником. И в то врѣмя бывшоу великомоу князю Ивану Даниловичю въ Орде, и взя Нариманта на кунах и отпусти его на вотчину его, на великое княженье. И не дошед своеи вотчины, великого княженіа, и крестися, и сего ради братья его и не даша ему великого княженіа, его отчины. И по нем сѣде на вѣликом княжение брат его меншои Олгердъ» (ПСРЛ. Т. 27. С. 239).

[939] «После отца своего Гедимина сел на великом княженьи на Литовском Наримант, и бысть ему брань с татары и впаде в руцы тотаром. В то же время бывшу великому князю Ивану Даниловичу в Орде и Нариманта выкупил и отпустил его на великое княженье. Наримант же, не дошед своея отчины, крестися по своему обещанью и наречен бысть во святом крещении Глеб. И того для братья его и вся земля Литовская не даша ему великого княженья, а посадиша на великое княженье Олгерда, а Нариманта взяли в Великии Новгород на пригороды» (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 595).

[940] *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski ... S. 25.

и что православное крещение Наримонт принял еще задолго до смерти Гедимина. Но все же эти произведения заслуживают доверия в части, касающейся отношения «всей земли Литовской» к конфессиональной принадлежности великого князя литовского. В балтском обществе ВКЛ XIV в., по-видимому, существовало убеждение, что великий князь литовский не может быть христианином. Так, во второй части «Witoldes sache» недвусмысленно отмечается, что Витовта заставили принять православие, чтобы уменьшить его поддержку в народе. Ни один из князей XIII—XIV вв., управлявших собственно Литвой, не принял православия как великий князь литовский[941] (исключение составляет лишь Ольгерд, но он крестился только на смертном одре).

Причина, по которой Ольгерд не стал великим князем литовским в 1341 г., не вполне ясна. В качестве витебского князя он, кажется, также должен был принять православие. Однако Псковская первая летопись сообщает под 6850 г. (среди событий второй половины 1342 г.), что Ольгерд еще не был тогда крещен[942]. Возможно, он был только катехуменом (оглашенным) или отступил от православия под влиянием внутриполитических обстоятельств, сложившихся в 1341 г. в канун и после смерти Гедимина.

Также нет достоверных данных о том, какие волости кроме Вильно входили в состав удела Евнутия в бытность его великим князем литовским. М. Стрыйковский (а за ним «Хроника Литовская и Жмойтская» XVII в.) называет, в частности, Ошмянский, Вилькомирский и Браславский поветы («Ośmianski, Wilkomeriyski y Bracławski powiaty przy Woiewodztwie Wilenskim»)[943], однако источников этой информации не указывает. Здесь виден некоторый анахронизм, поскольку в 40-х гг. XIV в. Виленского воеводства еще как такового не существовало и не был введен раздел земель ВКЛ на поветы, поэтому возможно, что Стрыйковский исходил в данном случае из представлений и реалий своей собственной эпохи, т. е. административно-территориального деления ВКЛ, характерного для второй половины XVI в.

---

[941] *Śliwa T.* Kościół prawosławny w państwie litewskim w XIII—XIV wieku // Chrzest Litwy. Geneza. Przebieg. Konsekwencje / pod red. ks. M. T. Zahajkiewicza. Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1990. S. 19.

[942] Псковские летописи. Вып. 1. С. 19.

[943] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 408; ПСРЛ. Т. 32. С. 41.

Удел Ольгерда: Крево и Витебск

Смысловой элемент 5 (варианты 5a и 5b)

Точная дата и обстоятельства занятия Ольгердом Кревского удела неизвестны. Единственным источником, дополняющим в данном случае скудные известия «Летописца великих князей литовских», является хроника М. Стрыйковского, который разместил сообщение о раздаче уделов сыновьям Гедимина между событиями 1327 и 1328 гг. и, среди прочего, упомянул о «Кревской области, которая раскинулась на восток вплоть до реки Березины»[944]. Здесь необходимо учитывать, что хроника Стрыйковского опосредованно зависит от «Летописца великих князей литовских» и что многие ее «уникальные сообщения» представляют собой плод художественной фантазии автора. Так, восточную границу Кревского удела, в том виде как его первоначально получил Ольгерд, Стрыйковский, по всей видимости, определил, сообразуясь с границами Ошмянского повета XVI в.[945] А кроме того, Стрыйковский в общей хронологии допустил сдвиг на 10—12 лет (смерть Гедимина он, например, датировал 1329 г.), поэтому использовать его даты не представляется возможным. Некоторые исследователи, впрочем, отталкиваясь от информации Стрыйковского, датируют передачу Крева Ольгерду 1338 г.[946] Логика здесь простая: если, по Стрыйковскому, раздел удельных княжеств состоялся за два-три года до смерти Гедимина, то необходимо соотнести дату с 1341 г., вот и получим 1338 г. Однако выводимая таким образом дата все равно условная и не может быть признана вполне достоверной. Прежде всего неясно, в какой мере можно — и можно ли вообще — доверять данным Стрыйковского о времени раздела удельных княжеств. Археологические данные помочь здесь вряд ли могут, поскольку разброс мнений о периоде строительства каменного Кревского замка весьма велик — от конца XIII в. до 80-х гг. XIV в.[947]

То, что Ольгерд владел Кревским уделом, косвенно подтверждается тем, что позднее Крево входило в домен великого князя литовского Ягайла Ольгердовича, так как именно здесь содержались в заточении Витовт и Кейстут и был подписан Кревский акт с предварительными усло-

---

[944] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 407.

[945] *Спірыдонаў М. Ф.* Ашмянскі павет у канцы XVI ст. [карта] // ВКЛЭ. Т. 1. С. 268.

[946] *Дзярновіч А. І.*: 1) Крэва // АНБ. С. 350; 2) Крэва: мястэчка і гісторыя // Адраджэнне : гістарычны альманах. Мінск : Універсітэцкае, 1995. Вып. 1. С. 107; 3) Крэўскі замак // ВКЛЭ. Т. 2. С. 159 ; *Кушнярэвіч А. М.* Мураваная дабастыённая фартыфікацыя Вялікага княства Літоўскага. Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 84.

[947] *Дзярновіч А. І.* Крэўскі замак. С. 159—160; *Кушнярэвіч А. М.* Мураваная дабастыённая фартыфікацыя ... С. 84.

виями династического союза между Польским королевством и ВКЛ (1385).

Ольгерд начал княжить в Витебске еще до 1 ноября 1338 г. В тот день он вместе с отцом, великим князем литовским Гедимином, и с братом, полоцким князем Глебом Наримонтом, заключил мир с Тевтонским орденом в Ливонии и Ригой[948]. В соответствующем соглашении при этом указывается, что кроме полоцкого епископа, полоцкого и витебского князей города Полоцк и Витебск также выступили как равноправные стороны мирного соглашения, а князья «целовали крест»[949]; княжеская власть в Витебске, таким образом, в тот период была ограниченной. Хотя имя Ольгерда в документе прямо не называется, то, что именно он участвовал в заключении договора 1338 г., надежно устанавливается по позднейшей грамоте смоленского князя Ивана Александровича: «Докончал есмь по тому докончанью, како то брат мой старѣиший Кедименъ докончалъ и его дѣти Глѣбъ и Алкердъ»[950]. Безусловно, подобно своему брату Глебу Наримонту, Ольгерд вряд ли мог бы стать князем Витебска, если бы не определил свое отношение к православию. Договор 1338 г. он заключал в качестве катехумена, а впоследствии, борясь за великокняжеский столец, полностью порвал с православием. Нападение на Можайск 1 октября 1341 г. Ольгерд «с литовьскою ратию»[951] осуществил, видимо, именно из Витебска. Прямо под своим именем как витебский князь Ольгерд впервые упоминается в Псковской летописи весной 1342 г.[952]

Единственные два источника, которые сообщают имя витебского князя, пригласившего Ольгерда, и имя витебской княжны, первой жены Ольгерда, это «Родословье витебских князей», записанное в той же рукописи, что и хроника Быховца, а также синодик из исчезнувшего Евангелия Виленской Пречистенской церкви, датируемого якобы концом XV в. Оба источника были впервые введены в оборот Т. Нарбутом, что заставляет относиться к ним с осторожностью.

---

[948] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 47.

[949] «Unde mit vulbort des biscopes van Ploscowe, des koninghes unde des stades van Ploscowe unde des koninghes van Vitebeke unde des stades van Vitebeke, de alle uppe dessen vorebenomeden vrede dat cruce hebben ghekusset» (Chartularium Lithuaniae ... P. 260).

[950] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / подгот. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 70. — На этот факт впервые обратил внимание Т. Василевский.

[951] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 53.

[952] «Послаша послове в Витебско ко князю Ольгерду помощи прошати» (Псковские летописи. Вып. 1. С. 18). Общий обзор известий о княжении Ольгерда в Витебске см.: *Воронин В. А.* Княжение Ольгерда в Витебске // Ukraina Lithuanica : Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2013. Т. 2. С. 29—31.

В хронике Быховца витебская княжна сначала названа Анной, но на полях рукописи, по свидетельству Т. Нарбута, было указано имя «Магуіа»[953]. Польские историки, кстати, обратили внимание на то, что первая жена Ольгерда названа Анной, мачехой старших Ольгердовичей — Андрея и Дмитрия, в некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» (Т. Василевский, первым указавший на этот факт, считал даже, что Ольгерд был женат трижды)[954]. Однако, не говоря о том, что источник этот весьма поздний, в первоначальном, наиболее раннем тексте «Сказания» речь шла о ненависти великой княгини Ульяны Александровны, второй жены Ольгерда, к сыновьям Ольгерда от первого брака. По мнению Д. Домбровского, чтение с именем мнимой княгини Анны возникло в следующих редакциях из-за искажения имени Ульяны[955]. Мне представляется более вероятным, что причиной стало искажение одной из фраз («нъ ныне») при переписке[956].

В «Родословье витебских князей», написанном, если верить публикатору, иным почерком, нежели остальной текст хроники Быховца, в частности, сказано: «Jarosławl Wasiliewicz, posledniy kniaź Wytebskiy,

---

[953] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 22.

[954] *Wasilewski T.* Trzy małżeństwa wielkiego księcia Litwy Olgierda. Przyczynek do genealogii Giedyminowiczów // Kultura średniowieczna i staropolska. Studia ofiarowane Aleksandrowi Gieysztorowi w 50-lecie pracy naukowej. Warszawa : PWN, 1991. S. 673—682; *Tęgowski J.* Kilka słów o małżeństwach wielkiego księcia litewskiego Olgierda Giedyminowica // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність : збірник наукових праць. Львів, 2011. Вип. 20. С. 647.

[955] *Dąbrowski D.* Radosłowle kniazey Wytebskich — analiza porównawcza treści // Genealogia. Studia i materiały historyczne. Poznań ; Wrocław, 2003. T. 14. S. 60.

[956] Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» (по списку XVI в.): «Слышав князь Андрей полотскый и князь Дмитрей брянскый, Вольгордовичи, яко велика туга и попечение належить великому князю Дмитрию Ивановичу московьскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаа. Беста бо те князи отцом своим, князем Вольгордом, ненавидими были, мачехи ради, нъ ныне Богом възлюбленыи бысть и святое крещение приали» (Повести о Куликовской битве / изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 58). В Летописной редакции «Сказания», все три списка которой происходят из Вологодско-Пермской летописи, слова «нъ ныне» внезапно превращаются в имя княгини Анны: «Отъидем мы к великому князю московскому на помощь, беста бо есми отцем и братом ненавидими, но Богом возлюблени, бе бо есмя едино крещение, от мачехи своея княгини Анны...» (Там же. С. 92); аналогичное чтение попало и в редакцию по Забелинскому списку (Там же. С. 183). В Распространенной редакции имя Анны вычеркнуто: «Беста бо отцем ненавидими, наипаче Богом любимы, и крещение въсприали от мачехы своея княгины» (Там же. С. 137). Очевидно, что из четырех текстов самым ранним является текст Основной редакции, а остальные, содержащие имя Анны, представляют собой его переработку.

umre 1320 roku. Maria Jarosławna, wyide za muż za Olkherda kniazia Krewskoho, Hedyminicza, 1318 roku, umre w Wilni 1346 roku»[957]. Тщательный анализ этого текста осуществил Д. Домбровский[958]. Как можно судить по собранным им материалам, сколько-нибудь серьезных доказательств достоверности этих известий не существует. Во-первых, хотя текст явно стилизован под древнерусский, даты в нем приведены не от сотворения мира, а от Рождества Христова. Во-вторых, и это главное, в «Родословье» не назван единственный витебский князь конца XIII — начала XIV в. — Михаил Константинович, существование которого подтверждено независимым источником, жалобой рижан, написанной между 1286 и 1307 гг.[959] Что же касается княжны Марии — предполагаемой супруги Ольгерда, то указания на ее существование появляются только в хрониках XVI—XVII вв., которые могли прямо или опосредованно зависеть от «Родословья витебских князей» и хроники Быховца. При этом уже у польского хрониста Мартина Кромера эта Мария названа не витебской, а тверской княжной и, соответственно, не первой, а второй женой Ольгерда. Далее это было повторено в трудах Стрыйковского, «Хронике Литовской и Жмойтской», Густынской летописи, а в витебской летописи Панцерного и Аверки XVIII в. Мария названа Мариной и отождествлена

---

[957] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 81.

[958] *Dąbrowski D.* Radosłowle kniazey Wytebskich ... S. 53—60.

[959] *Срезневский И. И.* Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского языка // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1861. Т. 10, вып. 6. Стб. 633—636; Russisch-Livlandische Urkunden / gesammelt von K. E. Napiersky. Sankt Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1868. S. 26—28, No 49; Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. von F. G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 6 : Nachträge zu den fünf ersten Bänden. Riga : Im verlage von Nikolai Kymmel, 1873. S. 455—459, No 3059 (s. 162—163, reg. 683d; дата: конец XIII — начало XIV в.); Hansisches Urkundenbuch / ed. K. Hohlbaum. Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876. Bd. 1. S. 435—438, No 1300 (перевод на современный немецкий язык; дата: около 1298); *Боголюбова Н. Д., Таубенберг Л. И.* О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского архива // Учен. зап. Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. Рига : Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. П. Стучки, 1960. Т. 36, вып. 6а. Фотокопия № 2 (дата: 1298). — Этот витебский князь Михаил Константинович, скорее всего, был сыном полоцкого князя Константина Безрукого, который действовал в 1260-е и 1270-е гг. Принятая в настоящей работе дата 1286—1307 гг. выведена на основе биографических данных названных в жалобе людей (согласно исследованию Ф. Г. фон Бунге). Так, член рижского городского совета Герлах Резе (Gerlach Rese) упоминается в документах за период с 1286 по 1307 г., рижский бюргер Гильдебранд (Hildebrand) бывал в 1293 г. в Полоцке, а господин Фридрих торговец (dominus Fridericus Institor) фигурирует в источниках в 1297 и 1299 гг. (Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch ... Bd. 6. S. 163).

с тверской княжной Ульяной («Xionże littewskie Olgierd poioł żone xionżencia twierskiego corke Marine, alias Ullane»)[960]. Взвешенным представляется мнение В. А. Воронина о том, что реальность существования витебского князя Ярослава Васильевича и его дочери Марии довольно сомнительна[961].

Фрагменты синодика Виленской Пречистенской церкви были впервые опубликованы Т. Нарбутом в статье «Об именах жен великого князя литовского Ольгерда» (1841; вторая, исправленная публикация: 1856)[962]. По свидетельству Т. Нарбута, синодик находился в «русском Евангелии», которым на момент первой публикации статьи владел некий не названный по имени «любитель исторического краеведения». Это был якобы бумажный манускрипт XV в., который, по мнению публикатора, возможно, представлял собой копию более древнего Евангелия из Виленской Пречистенской церкви.

Всего Т. Нарбут процитировал четыре фрагмента синодика в латинской транслитерации: «[1.] Welikaja Kniażna Maria Jorosławowna [sic], usopsze na pamiat' prepodobnoho Ilariona; [2.] Welikaja Kniażna Juliana Aleksandrowna, wo światoj schymie Marya, usopsze na pamiat' świntoho [sic] Apostoła Semeona Zilota; [3.] Welikij Kniaź Ondréj Hedyminicz, wo światoj schymie Aleksij, usopsze na pamiat' Swiatych Muczeników Płatona i Romana; [4.] Welikaja Kniażna, Korolewa Elena Iwanowna, usopsze na pamiat' Prepodobnoj Materi Ksenii». Годы при этих записях в синодике не были указаны.

Перечислю аргументы в пользу того, что этот текст сфальсифицирован[963]. Во-первых, в дальнейшем ни в одной научной публикации, независимой от Т. Нарбута, этот синодик не цитировался. Евангелие, в которое он якобы был вписан, больше не упоминалось в научной литературе; его местонахождение неизвестно. Имя владельца рукописи Т. Нарбут так и не раскрыл, видимо, потому, что никакой рукописи в реальности и не было. Во-вторых, крестное имя Ольгерда «Андрей» из других источников неизвестно, если не считать так называемую «надпись на колоколе 6887 г.», где Ягайло фигурирует как «Яков Андреевич» (причем надпись на колоколе тоже известна исключительно по публикации Т. Нарбута)[964]. В-третьих, дата смерти Ольгерда из синодика — день святых мучеников Платона и Романа (18 ноября по старому стилю) противоречит свиде-

---

[960] Обзор см.: *Dąbrowski D.* Radosłowle kniazey Wytebskich ... S. 54—58.

[961] *Варонін В. А.* Яраслаў Васілевіч // ВКЛЭ. Т. 2. С. 784; *Воронин В. А.* Княжение Ольгерда в Витебске. С. 24.

[962] *Narbutt T.* Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno : T. Glücksberg, 1856. S. 83.

[963] См. также: *Воронин В. А.* Княжение Ольгерда в Витебске. С. 23—24.

[964] *Narbutt T.* Pomniejsze pisma ... S. 99—100.

тельству такого надежного источника, как письмо короля Венгрии и Польши Людовика Анжуйского, согласно которому уже к 29 сентября 1377 г. Ольгерда не было в живых[965]. Подгонка даты для того, чтобы она пришлась на позднюю осень, была необходима Т. Нарбуту для подтверждения его собственной гипотезы, так как в «Истории литовского народа», оспаривая данные М. Стрыйковского, Т. Нарбут отнес дату смерти Ольгерда именно на конец 1377 г.[966] В-четвертых, наблюдается определенное сходство в лексике между «Родословьем витебских князей» и синодиком: в обоих текстах употребляется такая нетривиальная форма, как «Hedyminicz». Наконец, в-пятых, в найденном недавно в Полоцкой Спасо-Преображенской церкви граффито конца XIV в. датой смерти великой княгини Ульяны Александровны называется день святого Алексея человека Божьего (17 марта)[967], следовательно, синодик, опубликованный Т. Нарбутом, неточен и в этом аспекте.

Единственный довод, который может указывать на то, что Нарбут все же имел под рукой подлинный русский текст синодика, — это наличие знака é в имени Ondréj. Возможно, с помощью этого знака Нарбут или корреспондент, приславший ему текст синодика, пытались передать букву «ѣ» из оригинала. Однако, конечно, одного этого аргумента недостаточно. Поэтому, после некоторых колебаний, приходится с учетом совокупности данных признать этот синодик еще одним фальсификатом Т. Нарбута. Изменить отношение к этому источнику, наверное, можно будет только тогда, когда удастся отыскать подлинную рукопись Евангелия, в котором синодик был записан.

Таким образом, оба проанализированных источника — и «Родословье витебских князей», и синодик из неизвестного Евангелия Виленской Пречистенской церкви — сомнительны, и мы не можем с точностью сказать, как звали витебскую княжну, первую супругу Ольгерда, и кем был

---

[965] «Dicti Olgordi, qui noviter obiit». — См.: Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici Italiani dal cinquecento al millecinquento / ordinata da L. A. Muratori. Nuova edizione riveduta ampliata e corretta con la direzione di Giosue Carducci e Vittorio Fiorini. T. 17. P. 1. Città di Castello: Coi Tipi della Casa Editrice S. Lapi, 1909. P. 146; также Приложение 3 к настоящей работе). На это послание в контексте истории ВКЛ впервые обратил внимание О. Халецкий, перепечатавший его в своей работе по итальянскому изданию, но с некоторыми пропусками и неточностями (*Halecki O.* Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego // Miesięcznik heraldyczny. 1935. R. 14. No 7—8. S. 102—103, nota 28); важнейшее упущение — это пропуск «castrum Belin» в перечне замков, захваченных королем Людовиком у князя Юрия Наримонтовича в 1377 г.

[966] *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 232.

[967] *Калечиц И. Л.* Запись о смерти Ульяны Тверской в граффито Полоцкой Спасо-Преображенской церкви // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 60—61.

витебский князь, ее отец. Вероятно, Ольгерда пригласил в Витебск либо князь Михаил Константинович, либо его неизвестный по имени младший брат (упоминаемый в той же жалобе рижан), либо непосредственный преемник кого-то из этих двух князей.

Удел Кейстута: Троки

Смысловой элемент 6

В историографии прочно утвердилось мнение, что Кейстут начал княжить в Троках уже в последние годы жизни Гедимина либо в первые годы после его смерти. Однако, как и в случае с другими Гедиминовичами, дата и обстоятельства занятия Кейстутом Трокского удела в точности неизвестны и вряд ли могут быть установлены на основе источников, независимых от «Летописца великих князей литовских» и «Witoldes sache». Уверенно можно говорить лишь о том, что Кейстут обосновался в Троках не ранее июля 1337 г., когда во время осады Байербурга был убит предыдущий князь Троков.

Наиболее ранний из известных ныне документов, выданных Кейстутом, — это его совместная с Любартом грамота для торуньских купцов. Грамота не датирована; в литературе предлагалось датировать ее либо периодом после 1341 г. (первый публикатор И. И. Срезневский, а в новейшей историографии — О. А. Купчинский), либо периодом сразу после 1366 г. (М. С. Грушевский), так как в тексте не назван город Владимир-Волынский, который в то время был занят Польским королевством[968]. Датировка 1366 г. кажется все-таки слишком поздней. Создание грамоты можно связать с событиями начала 40-х гг. XIV в., когда на территории бывшего Галицко-Волынского княжества развернулась политическая борьба, в которой участвовали местные княжеско-боярские группировки (во главе с Дмитрием Дедком и князем Даниилом Острожским), а также Польское королевство и Великое княжество Литовское. В это время, около 1341 г. или чуть позднее, «смотритель и староста земли Русской» (provisor seu capitaneus terre Russie) Дмитрий Дедко в своем письме, написанном во Львове, сообщал торуньским купцам, что конфликт между ним и польским королем Казимиром урегулирован и что купцы могут в безопасности приезжать во Львов[969]. Аналогичным образом примерно в этот же период, но не ранее января 1342 г., князья Кейстут и Любарт разрешили торуньским купцам проезд через свои владения — Дорогичин,

---

[968] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 448; *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства ... С. 200.

[969] МРН. Т. 2. S. 622; *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства ... С. 199—200.

Мельник, Берестье — в Луцк. В этой грамоте — ни в титулатуре князя, ни в легенде печати («S. KEISTVTIS») — еще нет упоминания ни про Троки, ни про другие владения Кейстута[970]. Скорее всего, этой печатью без указания титула и владений Кейстут пользовался еще при жизни Гедимина, поэтому существуют некоторые сомнения по поводу того, княжил ли он в Троках до начала 1342 г.

В некоторых более поздних документах Кейстут прямо титулуется князем Троков — например, в договоре от 14 августа 1358 г. между ВКЛ и Мазовецким княжеством[971] и в договоре от 29 сентября 1379 г. между ВКЛ и Тевтонским орденом[972]. Эта титулатура подтверждается

---

[970] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка: Общее повременное обозрение: (Продолжение) // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1861. Т. 10, вып. 4. Стб. 297—298; *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 1—2, № 1; *Engel B.* Die mittelalterlichen Siegel der Fürsten, der Geistlichkeit und des Polnischen Adels im Thorner Rathsarchive. Danzig: Kommissions-Verlag von L. Saunier's Buchhandlung, 1902. S. 1, Taf. 1—1.

[971] «Kynstutus dux Lithwanorum, dominusque Throczensis, Grothnensis etc.» — Оригинал: BCzart, rkps 307, s. 1. — Публикация: Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza / wyd. I. Sułkowska-Kuraś, S. Kuraś. Cz. 3. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2000. S. 30—32, No 26. В этом издании, впрочем, без достаточной аргументации заявлено о том, что документ — якобы фальсификат первой половины XV ст. Не углубляясь здесь в подробное рассмотрение этой проблематики, замечу только, что по совокупности всех аргументов, даже если документ по палеографическим данным фальсификат (а убедительных доказательств этого публикаторы не представили), то он основывался на каком-то аутентичном договоре между ВКЛ и Мазовией, заключенном именно в 1358 г., и в литературе это мнение уже высказывалось (*Długokęcki W., Kowalczyk E.* Nieznane opisy granicy mazowiecko-krzyżackiej. Cz. II : Granica komturstwa Bałgijskiego (prokuratorstwo Piskie i Ełckie) // Kwartalnik historyczny. 2004. R. 101. Z. 1. S. 6; *Čelkis T.* Nuo teritorinio ruožo prie linijos : Sienų sampratos pokyčiai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV—XVI amžiuje // Lietuvos istorijos studijos. 2008. No 22. P. 63). Подробнее см.: *Ліцкевіч А. У.* Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII—XIV ст.: назва і межы // Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні. XV—XX стст. Кракаў : Гарадзенская бібліятэка, 2013. С. 10—59. Ранее в литературе, в том числе и мною, упускался из виду тот факт, что в Коронном архиве, согласно инвентарю 1682 г., хранились три списка этого договора, написанные не на пергамене, а на бумаге (Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum, quacunque in archivo regni in arce Cracoviensi per commissarios a sacra regia majestate et republica ad revidendum et connotandum omnes scripturas in eodem archivo existentes deputatos confectum anno domini 1682 / [ed. E. Rykaczewski]. Paryż ; Berlin ; Poznań : Typis L. Martinet : B. Behr (E. Bock), 1862. S. 343).

[972] «Kenstutte, herczoge zcu Tracken» (*Baczko L.,* von. Geschichte Preussens. Königsberg : Bey Gottlieb Leberecht Hartung, 1793. Bd. 2. S. 231; CDL. S. 53; CDP. Bd. 3. S. 180).

сфрагистическим материалом — в первом случае описанием печати в транссумпте 1434 г.[973], во втором — легендой печати, которая в целости дошла до нашего времени[974].

Трокская земля исторически сложилась из литовских областей, располагавшихся непосредственно к востоку от впадения реки Невяжи в Неман и к югу от реки Вилии. Конфигурацию границ Трокского удела Кейстута приблизительно можно реконструировать на основе привилея 1387 г. на Трокское княжество, выданного великим князем литовским Ягайлом для своего брата князя Скиргайла[975], а также ряда других источников.

Если рассматривать границы в направлении против часовой стрелки, то к востоку от Троков удел, по всей видимости, включал Радунь с волостью, Солечники с волостью, и далее «старыи рубежь» шел по реке Ваке (теперь р. Воке) до ее впадения в Вилию. Затем граница шла вниз по реке Вилии (Нярис) «так жь по старыи рубежь». Где точно проходил этот рубеж, остается неясным, но приблизительно можно предполагать, что — в районе Хурмоголы (теперь Курмегала на р. Вилии близ Ионавы). От Хурмоголы граница сворачивала на север, где удел Кейстута мог включать в себя волости с центрами в Жеймах и Кулве (теперь это населенные пункты Жеймяй и Кулва к северу от Вилии в районе Ионавы); в привилее 1387 г. оговаривалось, что эти волости не передавались князю Скиргайлу. От Жеймов граница доходила до Арвистова (теперь Аристава) и Пяди (теперь Педжяй на р. Барупе), потом до Лабунова (теперь Лабунава) и далее спускалась по реке Невяже до ее впадения в Вилию. В означенном районе Трокский удел граничил непосредственно по реке Невяже с Жемайтией, а в регионах вдоль реки Неман с Тевтонским орденом. Кроме того, уже в XIV в. в сферу влияния князей Троков входила Упитская земля, лежавшая в среднем и верхнем течении Невяжи. Давними тесными связями Упитской земли с Троками объясняется то, что после 1413 г. Упита вошла в состав Трокского, а не Виленского воеводства.

От устья Невяжи начинался неманский отрезок границы. Граница шла вдоль Немана до Ковно, а далее, как сказано в привилее 1387 г., трокскому князю принадлежали «обаполъ Немна, и пуща по старому и городки»: в частности, село Румшишки (теперь Румшишкес) и такие центры волостей, как Бирштаны, Пуня, Олита, Немунек (теперь, видимо,

---

[973] «Sigillum Kynstuti ducis Trocensis» (Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego / wyd. T. J. Lubomirski. Warszawa : Drukarnia Gazety Polskiej, 1863. S. 74).

[974] «S. KYNSTVTTE DVX DE TRACKEN» (*Gumowski M.* Pieczęcie książąt litewskich // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. Z. 3—4. S. 703).

[975] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 81—83.

Нямунайтис) и Мереч. Покрытые густыми лесами территории к западу от Немана были не заселены из-за частых набегов крестоносцев, но можно предполагать, что зона хозяйственной и охотничьей деятельности князей Троков в XIV в. достигала леса Даудишки, край которого локализуется между реками Юра и Пилве, правыми притоками Шешупе.

Меречская волость на востоке граничила с Перелайской и, возможно, Радуньской волостями, а на юге с Переломской волостью, также входившей в состав Трокского удела. Хотя Переломская волость не упоминается в привилее 1387 г., ее существование устанавливается на основе договора 1379 г. о перемирии между ВКЛ и Тевтонским орденом. Судя по тексту этого документа, граница между Переломской волостью и Городенским регионом проходила по линии следующих современных населенных пунктов: район д. Ятвезь на р. Неман — д. Микулишки Щучинского района — д. Заболоть Вороновского района — д. Великое Село Щучинского района — г. п. Острина Щучинского района — д. Сухиничи Мостовского района[976].

Сначала резиденция Кейстута находилась в Старых Троках (теперь это д. Сянейи-Тракай в 2 км от Тракая). Здесь, видимо, еще со времен Гедимина стоял каменный замок, который сохранялся и в конце XIV в., когда о нем упоминает «Список русских городов дальних и ближних»[977]. Спустя какое-то время — точно неизвестно когда — Кейстут перенес свою резиденцию в Новые Троки (теперь Тракай) на берегу озера Гальве. Новое место было более привлекательным в стратегическом и военном отношениях, поскольку географические условия позволяли организовать здесь мощную систему оборонительных сооружений. На озерном полуострове Кейстут воздвиг два замка: со стороны города стоял каменный замок с несколькими башнями и въездными воротами, а за ним находился деревянный замок, в центре которого на горе были возведены княжеские покои[978]. Нападающие войска могли подойти к деревянному замку по суше, только взяв первый, каменный замок. Строительство еще одного каменного замка, на острове, было начато Витовтом уже после гибели Кейстута.

Кроме Трокского удела во владении у Кейстута были и другие земли. Берестейский регион и Подляшье (с центрами в Дорогичине и Мельнике) фиксируются в домене Кейстута уже по его документу, выданному для

---

[976] *Ліцкевіч А. У.* Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII—XIV ст.: назва і межы. С. 35—41.

[977] «Трокы Старый каменны. А Новый Трокы на езере две стены камены. А вышний древян. А в острове камен» (*Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. М., 1950. Т. 40. С. 224).

[978] *Baliulis A., Mikulionis S., Miškinis A.* Trakų miestas ir pilys: Istorija ir architektūra. Vilnius : Mokslas, 1991. P. 26—27.

торуньских купцов. Но Дорогичин Кейстут не мог получить ранее 31 января 1342 г., так как документально засвидетельствовано, что на эту дату в Дорогичине еще сидел воевода мазовецкого князя Земовита III Тройденовича[979]. Из этого можно заключить, что по крайней мере контроль над Подляшьем Кейстут установил только после смерти отца.

Время перехода Берестейского региона в состав ВКЛ остается неясным. П. А. Иванов считал, что для определения такого периода можно использовать внешнеполитический документ галицко-волынского князя Болеслава II Юрия за 1335 г., где среди свидетелей перечислены воеводы Галицко-Волынского княжества, но не названы берестейский и холмский воеводы[980]. Впрочем, отсутствие этих воевод при заключении документа могло быть вызвано случайными обстоятельствами, и сам факт, что упомянутый документ — это мирное соглашение между Галицко-Волынским княжеством и Тевтонским орденом в Пруссии, показывает, кажется, что между двумя государствами тогда, в 1335 г., существовала общая граница, а значит, Берестейская земля и Подляшье в то время еще принадлежали галицко-волынскому властителю. Таким образом, вхождение Берестья в состав ВКЛ необходимо отнести к периоду между 1340 г., годом смерти последнего галицко-волынского князя, и 1348 г., когда оно называется среди литовских городов в хронике Германа Вартберге[981].

Время перехода Городенского региона под власть Кейстута также неизвестно. Городенским владетелем Кейстут титулуется в договоре 1358 г. между ВКЛ и Мазовецким княжеством. Однако, как уже отмечалось, приблизительно до 1365 г. в Городне княжил Патрикей Давыдович, вероятно, вассал Кейстута.

В целом, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, некоторые свои владения, в частности Троки и Берестье, Кейстут мог получить в последние годы жизни Гедимина, т. е. в 1340—1341 гг., но твердо доказать это невозможно; что же касается Подляшья и Городенского региона, то они достались Кейстуту уже после смерти отца.

Границы Жемайтии во второй половине XIV в. существенно отличались от тех границ, которые сложились в XV—XVI вв. Прежде всего, в ее состав тогда еще не входила Паланга, которая исторически относилась к куршской приморской области Мегава (в немецких источниках

---

[979] *Paszkiewicz H.* Z dziejów Podlasia w XIV wieku // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1928. R. 42. Z. 2. S. 233.

[980] *Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса : Экономическая тип., 1895. С. 233. — Текст документа: *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства ... С. 185—186.

[981] SRP. Bd. 2. S. 75—76.

Megowe)[982]. Это обстоятельство необходимо учитывать при оценке летописного сообщения о встрече Кейстута и Бируты. Самыми западными пунктами Жемайтии в рассматриваемую эпоху было поле Борейкяны (Bareykenfelde)[983] на реке Граумена и Савславки (Sawlawken)[984] к западу от реки Юра. Если говорить в самых общих чертах, то в период междоусобицы между Кейстутом и Ягайлом Жемайтия условно состояла из двух регионов. Первый располагался к западу от реки Дубисы и включал в себя Медницкую, Колтенянскую, Кнетовскую (в бассейне реки Книтуоя, правого притока Вянты), Крожскую, Видуклевскую, Росейнскую и Эйрагольскую волости. Когда-то к нему относилась и Велёнская волость, захваченная в 1367 г. крестоносцами. Именно этот регион Жемайтии был уступлен Тевтонскому ордену Ягайлом в 1382 г.[985], и именно он поддержал Витовта в 1390 г., когда тот на стороне Тевтонского ордена воевал против ВКЛ[986]. Поэтому можно предполагать, что основной контингент своего жемайтского отряда Кейстут в 1382 г. набрал как раз в этих краях. Второй регион Жемайтии располагался между реками Дубиса и Невяжа. Помимо ряда мелких волосток, которые здесь нет нужды разбирать подробно, он охватывал Поштовскую (на реке Неман)[987], Гойжовскую, Пернаровскую, Ясвойнскую, Бетигольскую, Тондягольскую и Датновскую волости, а также так называемую волость Эгинта (Eginthen), лежавшую по обоим берегам Невяжи. Самую северную часть этого региона Жемайтии составляла Шавленская волость, практически полностью обезлюдевшая из-за нападений крестоносцев в 1348 и 1358 гг.

---

[982] *Salys A.* Die žemaitischen Mundarten. Teil 1. Geschichte des žemaitischen Sprachgebiets. Kaunas : Spindulys, 1930. S. 18; *Łowmiański H.* Geografia polityczna Bałtów w dobie plemiennej // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. Poznań, 1985. T. 1. Карта между с. 96 и 97.

[983] Теперь д. Барейкос. См.: SRP. Bd. 2. S. 664; *Salys A.* Die žemaitischen Mundarten ... S. 38; карта N-34-020, квадрат 56:42.

[984] Теперь д. Сауслаукис. См.: SRP. Bd. 2. S. 667; *Salys A.* Die žemaitischen Mundarten ... S. 66; карта N-34-020, квадрат 56:56.

[985] Сам факт передачи этой части Жемайтии Тевтонскому ордену в 1382 г. вряд ли подлежит сомнению, но соответствующий документ сохранился только в позднейшей копии, текст которой, возможно, был подкорректирован в интересах Ордена. См.: *Лицкевич О. В.* Орденский экземпляр договора о четырехлетнем перемирии и военной помощи между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом (31 октября 1382 г.) // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius : LII leidykla, 2014. T. 5. C. 215—232.

[986] CEV. S. 23—24.

[987] О ее принадлежности к Жемайтии см.: *Salys A.* Die žemaitischen Mundarten ... S. 61. Некоторые ученые не включают Поштовскую волость в состав Жемайтии (см. карту: *Almonaitis V.* Žemaitijos politinė padėtis 1380—1410 metais. Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas, 1998. P. 34—35).

Государственно-правовое положение Жемайтии во второй половине XIV в. по отношению к Великому княжеству Литовскому остается не вполне выясненным. Как показывает текстологический анализ, фраза о том, что великий князь литовский Гедимин посадил «Кестутя на Троцэх и на всеи земли Жомоитскои», не входила в наиболее древнюю редакцию «Летописца великих князей литовских», а появилась только во втором летописном своде ВКЛ, составленном в первые десятилетия XVI в.

Мнения исследователей в этой связи разделились. Одни, как О. Халецкий, считали, что Жемайтия была неотъемлемой частью Литвы и действительно входила в домен Кейстута[988]. С. Зайончковский, напротив, отмечал, что для признания такого мнения практически нет аргументов. Известия источников об отношениях между Жемайтией и Великим княжеством Литовским в период правления Гедимина и Ольгерда весьма ограниченны. Так, Жемайтия выступала на стороне Великого княжества Литовского в договоре, заключенном между ВКЛ и Ливонией в 1323 г.[989] Кроме того, жемайты участвовали в походе на Переяславль в составе войск, возглавлявшихся Кейстутом и Андреем Ольгердовичем (в летописях этот поход датируется по-разному: 4 апреля 1372 г. или 26 апреля 1373 г.)[990]. Вместе с тем в договоре между великим князем литовским Ягайлом и магистром Тевтонского ордена в Ливонии Вильгельмом фон Фримерсхаймом от 27 февраля 1380 г. проводится выразительное различие между землями Кейстута и собственно Жемайтией: «Ab istis vero pace et treugis rex Keynstuthe, *et sui ac terra sua, et illi de Sameythen* omnino esse debeant exclusi»[991]. Таким образом, до самых первых лет правления великого князя литовского Ягайла Жемайтия только номинально находилась под властью великих князей литовских, фактически же жемайтская знать сохраняла относительную независимость[992]. К аналогичным выводам пришел В. Алмонайтис, указавший, что вплоть до начала XV в. в Жемайтии не было великокняжеских тивунов; отдельны-

---

[988] *Halecki O.* Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Seria 2. Kraków, 1916. T. 59. S. 237—238.

[989] Chartularium Lithuaniae ... P. 72.

[990] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 394 (дата: второй вторник после Пасхи на Радуницу 6881 г., цитата из летописи сохранилась в выписке Н. М. Карамзина). Ср. Воскресенскую летопись с такой же датой (ПСРЛ. Т. 8. С. 19). В Рогожском летописце дата: Фомина неделя 6880 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 99).

[991] *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... Дадатак 1. С. 109.

[992] *Zajączkowski S.* Żmudź w początkach unji polsko-litewskiej // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu polskich historyków w Warszawie, 28 listopada — 4 grudnia 1930 r. T. 1 : Referaty. Lwów : Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1930. S. 339—340.

ми волостями и краем в целом управляли советы бояр, при этом Жемайтия сохраняла некоторую подчиненность князьям Троков, т. е. лично Кейстуту и Витовту, а через них и Великому княжеству Литовскому[993]. В целом Жемайтия во второй половине XIV в. пользовалась широкой автономией в своих внутренних делах и не зависела от Вильно. Гораздо более прочные политические связи сложились у жемайтской знати (по крайней мере у значительной ее части) с Кейстутом как с князем Троков, но и он выступал скорее в роли союзника, а не князя жемайтов. Влияние Кейстута в Жемайтии было обусловлено целым рядом факторов: во-первых, Трокская земля непосредственно граничила с Жемайтией; во-вторых, он активно противостоял экспансии Тевтонского ордена и помогал жемайтам отбивать набеги крестоносцев; в-третьих, он был приверженцем языческих традиций, которые в Жемайтии были очень сильны. Ну и наконец, не следует сбрасывать со счетов личные отношения. В частности, сохранилось свидетельство XVII в. о том, что первую жену Витовта кремировали в Эйраголе (подробнее мы рассмотрим его в комментарии к «Witoldes sache»), т. е. не исключено, что Витовт был связан родственными узами с каким-то местным знатным родом.

Удел Кориата: Новогородок

Смысловой элемент 7

В молодости до занятия Новогородского удела Кориат, видимо, получил в держание с. Кариотишкес близ Троков, сохранившее свое название вплоть до наших дней[994].

Факт княжения Кориата Гедиминовича в Новогородке подтверждается документальным источником. Это недатированное пожалование Юрия Болковича, записанное на л. 88 и 89 Лаврышевского Евангелия. Указанным документом Юрий Болкович основывает церковь и алтарь святого Николая для своего сына Варфоломея, отмечая, что делает это «повелѣньемь благовѣрнаго и христолюбиваго князя великого Михаила Кедиминовича»[995]. На поле рядом с этой записью размещена приписка другой рукой: «Кориата князѧ Новогородского. Року АТКѲ... А. 1329»[996]. Приписка сделана, видимо, значительно позднее, чем основной текст: по наличию надстрочной буквы *д* и латиноязычной даты «A[nno] 1329» от Рождества Христова можно приблизительно датировать

---

[993] *Almonaitis V.* Žemaitijos politinė padėtis ... P. 179—180.

[994] *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» ... С. 40.

[995] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 8; *Friedelówna T.* Ewangeliarz ławryszewski ... S. 71.

[996] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 9.

ее периодом от конца XV в. до начала или даже середины XVII в. Во всяком случае очевидно, что дату 1329 г. нельзя признать абсолютно надежной.

Христианское имя Кориата Михаил, впрочем, называется в хронике Яна из Чарнкова[997] и в некоторых летописях, близко стоящих к Троицкой[998], и это самое важное подтверждение того, что во вкладной записи Лавришевского Евангелия имеется в виду именно Кориат. Необходимо также указать на запись в Холмском помяннике: «De Domo Koriatouiciorum Basilius. Michael»[999]. Здесь, очевидно, речь идет о Василии Кориатовиче и о его отце, т. е. Кориате Михаиле.

По утверждению М. Стрыйковского, кроме Новогородка в удел Кориата когда-то также входили Волковыск и Мстибогов[1000], но эти данные не поддаются проверке.

Последний раз Кориат упоминается как живой 14 августа 1358 г. в договоре между ВКЛ и Мазовецким княжеством[1001].

Информация «Летописца великих князей литовских» о том, что Кориат владел Новогородком, не противоречит известиям «Повести о Подолье», в которой также говорится, что Кориат «держал Новогородок Литовский» и что после его смерти «князь Федор Кориатович *здесь* держал Новогородок».

Любарта принимает в качестве зятя волынский князь

Смысловой элемент 8

Личность волынского князя, зятем которого стал Любарт, до сих пор остается предметом дискуссий[1002].

До нашего времени дошла копия документа, датированного 7-м индиктом, 8 декабря 6830 г., которым луцкий и владимирский князь

---

[997] «Duce Alexandro filio Michaelis alias Coriathi» (MPH. T. 2. S. 643).

[998] ПСРЛ. Т. 35. С. 46, 103; ПСРЛ. Т. 27. С. 240; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 58; ПСРЛ. Т. 18. С. 96; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 369. — В соответствующем фрагменте, где говорится про «Корьяда Михаила», публикаторы нередко ставили запятую между этими именами, хотя речь идет об одном и том же человеке.

[999] *Баран О.* Холмський пом'яник (за текстом збірника Лева Кишки) // Вісник Львівського університету. Серія книгознавство. 2007. Вип. 2. С. 205.

[1000] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 408; ПСРЛ. Т. 32. С. 41.

[1001] *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. Z. 3—4. S. 426—427; Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. S. 31.

[1002] Обзор литературы см.: *Tęgowski J.*: 1) Małżeństwa Lubarta Giedyminowica. Przyczynek do genealogii dynastów halicko-wołyńskich w XIV wieku // Genealogia. 1995. No 6. S. 17—20; 2) Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 235—238; *Василенко В. О.* Політична історія ... С. 54—56.

Любарт Гедиминович, «хотечи душу спасти», пожаловал некоторые села соборной церкви Иоанна Богослова в Луцке[1003]. По году от сотворения мира документ можно датировать 1321 г. по ультрамартовскому либо 1322 г. по мартовскому стилю; 7-й индикт по стандартной шкале соответствует здесь дате 8 декабря 1323 г. (и 6832 г. по сентябрьскому стилю). Текст выразительно разделяется на две части. Первая часть, как показал Д. М. Щербаковский, имеет характер духовной грамоты и могла быть создана еще при жизни Любарта, но не в 1321/22 г., а перед самой кончиной князя, в 1383 г. Вторая же часть — это поздний фальсификат, созданный, вероятно, в 90-х гг. XV в.[1004] М. С. Грушевский, в свою очередь, отнес первую часть грамоты к концу XIV в., а вторую к концу XVI — началу XVII в., связывая возникновение фальсификата с деятельностью униатских иерархов[1005]. В противоположность этому Б. Н. Флоря высказал мнение, что первая часть грамоты действительно была выставлена Любартом в 1322 г., после того как он женился на дочери владимирского князя Андрея Юрьевича[1006]. Наконец, О. А. Купчинский, подготовивший на сегодня самую полную и точную публикацию грамоты, высказывается против аутентичности обеих частей документа. Первая часть, по его мнению, также фальсификат, датируемый последними десятилетиями либо непосредственно концом XV в.[1007]

Необходимо, однако, заметить, что не вся критика аргументации Д. М. Щербаковского является справедливой. Например, О. А. Купчинский полагает, что «на 1383 р. припадав шостий індикт, а не сьомий»[1008]. Это не совсем так, поскольку 7-й индикт приходился на период с 1 сен-

---

[1003] Публикации: Архив Юго-Западной России. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. Ч. 1, т. 6. С. 1—3, № 1; Архив Юго-Западной России. Киев : Унив. тип., 1859. Ч. 1, т. 1. С. 206—208; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / подгот. Я. Н. Щапов. М. : Наука, 1976. С. 173—176; Грамоти XIV ст. С. 20—22, № 6; *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства ... С. 684—697, № III-20.

[1004] *Щербаковский Д. М.* Фундушевая запись князя Любарта луцкой церкви Иоанна Богослова 1322 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1904. Кн. 18, вып. 3—4. Отд. II. С. 61—70.

[1005] *Грушевський М. С.* Коли сфабрикована грамота Любарта Луцькій катедрі? // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1906. Т. 70, кн. 2. С. 71—72.

[1006] *Флоря Б. Н.* Две грамоты князя Любарта (о луцкой епископской кафедре в первой половине XIV в.) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1998 г. Памяти А. П. Новосельцева. М. : «Восточная литература» РАН, 2000. С. 253.

[1007] *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства ... С. 690.

[1008] Там же. С. 689.

тября 1383 г. по 31 августа 1384 г. Следовательно, Д. М. Щербаковский не ошибался в дате, когда указывал, что Любарт мог выдать первую часть документа (свою духовную грамоту) 8 декабря 1383 г. Новый свет на эту дату проливает заметка в Луцкой Псалтири, согласно которой эту рукопись начали переписывать в 6892 (1384/85) г. «первого лета по смерти князя великого Дмитрья Кедиминовича»[1009]. «Первого лета по смерти», должно быть, означает не «через год после смерти», а «в следующий год после смерти», т. е. Любарт ушел из жизни в 6891 г. по мартовскому стилю. В развитие доводов Д. М. Щербаковского можно предполагать, что смерть Любарта наступила между 8 декабря 1383 г., когда он, уже предчувствуя скорую кончину, составил свою духовную грамоту, и 1 марта 1384 г. В последующем же, при подготовке известной ныне копии грамоты, переписчик ошибочно записал дату 6891 из оригинала как 6830, приняв кириллическую цифру «а» (1) за цифру «л» (30).

Как уже отмечалось в предшествующей литературе, в своих грамотах как на западнорусском (1366), так и на немецком языках (1379) Любарт именовался крестным православным именем Дмитрий; то же видим и в записи переписчика Луцкой Псалтири. Этот факт иногда выдвигается как аргумент против аутентичности первой части грамоты Любарта, выданной для церкви Иоанна Богослова. Но есть и исключение — грамота, в которой Любарт был назван своим балтским именем. Речь идет о пожаловании Любартом с. Сушичны и озера Стобухова церкви Пречистой Богородицы во Владимире-Волынском, которое было вписано в Евангелие и подтверждено великим князем Свидригайлом в 1444 г. (регест известен по копии 1635 г.). В этом пожаловании князь фигурирует как «великий князь Любарт Кгидеминович»[1010]. Несмотря на свое темное происхождение, этот акт, безусловно, заслуживает внимания в контексте вопроса об аутентичности грамоты Любарта для церкви Иоанна Богослова.

Во всяком случае независимо от того, была ли грамота для церкви Иоанна Богослова выдана Любартом в декабре 1383 г. либо это все же фальсификат более позднего времени, фактом является то, что документ совершенно невозможно датировать ни 1321, ни 1322 гг. А значит, у нас не остается никаких серьезных аргументов для того, чтобы предполагать, что Любарт женился около 1320 г. на дочери Андрея Юрьевича, «князя Владимира и всей Руси». Совсем голословной выглядит и гипотеза о том, что первой женой Любарта якобы была дочь галицкого князя Льва Юрьевича. Исключается также и вариант, что Любарт был в браке с дочерью

[1009] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М. : Наука, 2000. С. 349; *Крысько В. Б.* Запись писца в Луцкой Псалтири 1384 года // Луцький Псалтир 1384 року. Київ : Горобець, 2013. С. 469.

[1010] Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 6. С. 8.

последнего галицко-волынского князя Болеслава II Юрия, умершего весной 1340 г. Это связано с тем, что Болеслав II Юрий был женат на родной сестре Любарта — Евфимии Гедиминовне[1011], поэтому если бы он даже и имел дочь от этого брака, то Любарту проблематично было бы жениться на собственной племяннице. Таким образом, вообще крайне маловероятно, что первой женой Любарта была княжна из дома галицко-волынских Романовичей.

По мнению Я. Тенговского, которое в данном случае выглядит наиболее обоснованным, Любарт мог взять в жены сестру или дочь князя Даниила Острожского[1012]. Когда же в 40-х гг. XIV в. развернулась борьба между Польским королевством и ВКЛ за галицко-волынское наследство, Даниил признал Любарта сюзереном Волынской земли. Это обстоятельство отчасти позволяет объяснить устойчивое и привилегированное положение Острожского княжеского дома в системе власти на Волыни при жизни Любарта и после его смерти[1013]. Женитьба Любарта на дочери князя Даниила могла состояться как до, так и после смерти Болеслава II Юрия — ничего определенного насчет даты, разумеется, сказать невозможно.

Первая жена Любарта умерла до 1 марта 1349 г., поскольку, согласно летописям, в 6857 г. по мартовскому стилю Любарт прислал в Москву послов сватать ростовскую княжну Ольгу Константиновну, которая в конечном счете и стала его второй женой[1014]. Некоторые исследователи считают первый брак Любарта бездетным, однако в Любецком и Введенском синодиках сохранилось упоминание о князе «Иоанне Любортовиче» и его жене Марии, вероятно, из рода черниговских Рюриковичей[1015]. Также

[1011] *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne początki. Poznań : Wydawnictwo naukowe UAM, 1998. S. 115—116.

[1012] *Tęgowski J.*: 1) Małżeństwa Lubarta Giedyminowica ... S. 23—25; 2) Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 237.

[1013] В договоре 1366 г. между Любартом и польским королем Казимиром князь Даниил Острожский называется на первом месте среди приближенных Любарта после луцкого епископа Арсения. См. также комплекс документов 1386 г. с подтверждениями владений острожского князя Федора Даниловича, который совместно с братом Михаилом был назначен наместником Волынской земли после отстранения от власти князя Федора Любартовича (Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. S. 1, 5—8).

[1014] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 59.

[1015] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику ... С. 29; Поменник Введенської церкви в Ближніх Печерах Киево-Печерської Лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. / упорядк. та вступна стаття О. Кузьмука // Лаврський альманах. Київ : Національний Киево-Печерський історико-культурний заповідник, 2007. Вип. 18 (спецвипуск 7). С. 19.

в копии одного из документов XVIII в. сохранились сведения о князе «Дмитрии Алибуртовиче», который приблизительно в 1368—1372 гг. служил тысяцким в Нижнем Новгороде, но, по некоторым данным, этот документ — фальсификат[1016]. Поскольку в браке с княгиней Ольгой Любарт имел сыновей Федота (Федора), Лазаря и Семена, то Иван был, наверное, его сыном от первого брака.

Власть над Волынью Любарт мог взять только после смерти Болеслава II Юрия, т. е. не ранее 1340 г. Собственно говоря, именно такая преемственность власти зафиксирована в хронике Яна из Чарнкова[1017]. Но невозможно сказать точно, в каком году это произошло. Рассматривавшаяся выше грамота Кейстута и Любарта для торуньских купцов, согласно которой Любарт уже контролировал Луцк, была создана не ранее января 1342 г. Можно предполагать только то, что Любарт на протяжении 40-х гг. XIV в. уже прочно утвердился в качестве правителя Волынской земли (с центрами во Владимире и Луцке), хотя упорная борьба за этот регион между ВКЛ и Польским королевством, то стихая, то разгораясь с новой силой, продолжалась еще несколько десятилетий, и некоторые волости неоднократно переходили из рук в руки.

Факт княжения Любарта на Волыни в период с 40-х гг. XIV в. по 1384 г. надежно доказывается целым комплексом документальных и нарративных источников, которые нет надобности разбирать здесь подробно[1018].

Сохранилась также фрагментарная информация о части домена, которым Любарт владел за пределами Волыни. В его состав, в частности, входили Старые Геранёны[1019] и, вероятно, с. Любартишкес на территории бывшей Трокской земли[1020].

[1016] *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. С. 106—107.

[1017] MPH. T. 2. S. 629.

[1018] Среди документов, например, можно назвать договоры между ВКЛ и Польским королевством 1352 и 1366 гг., акты князя Федора Любартовича 1386 г. и вдовы Любарта княгини Ольги (*Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 4—7, № 3; *Czuczyński A.* Traktat książąt litewskich z Kazimierzem Wielkim z r. 1366. // Kwartalnik historyczny. 1890. R. 4. S. 513—515; *Довнар-Запольский М. В.* Из истории литовско-польской борьбы за Волынь. (Договоры 1366 года) // Университетские известия. Киев, 1896. № 8. С. 1—13; Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. S. 1—2, 8).

[1019] «Curia, quae iacet in Goranonach, quam quondam patruus noster Lwbart tenuit» (Akta unji Polski z Litwą ... S. 35). Двор, которым владел Любарт, был в 1401 г. передан князю Сигизмунду Кейстутовичу и впоследствии, видимо, получил название Старые Геранёны (теперь д. Зыгмунтишки Ивьевского района), которые не следует путать с Мурованными Геранёнами (теперь д. Геранёны)

К вопросу о так называемом «завещании Гедимина»

Подводя некоторые промежуточные итоги, хотелось бы определиться с общим отношением к так называемому «завещанию Гедимина». В свое время Т. Василевский отмечал, что это «завещание» было по форме скорее устным, нежели письменным и, возможно, в том виде, как оно представлено в «Летописце великих князей литовских», оно дополнено с учетом некоторых изменений, произошедших уже после смерти Гедимина[1021]. К сожалению, это проницательное замечание не сопровождалось расширенной аргументацией и осталось не услышанным. Например, в недавней работе А. К. Кравцевича утверждается, что «завещание Гедимина» было составлено либо после 1338 г., либо непосредственно в 1340 г.[1022], и само слово «составлено» приводит к мысли, что это был письменный документ.

Думается, понятие «завещание Гедимина» носит чисто условный характер. Никакого документа, которым Гедимин распределял уделы между сыновьями, до нашего времени не сохранилось. Все выводы относительно возможного его существования опираются на хроникальные произведения, из которых самые ранние — это «Witoldes sache» и «Летописец великих князей литовских». Во втором летописном своде ВКЛ (за исключением списка Красинского), а также в хронике Быховца в соответствующий текст «Летописца» была добавлена дополнительная информация о том, что Гедимин якобы санкционировал учреждение диархии в государстве, посадив Евнутия на столец в Вильно, а Кейстута — на столец в Троках и Жемайтии. Необходимо учитывать, что это сообщение позднее и ненадежное. Еще более сомнительными в плане надежности и достоверности являются дополнительные известия о территории удельных княжеств, полученных сыновьями Гедимина, которые разместил в своей хронике М. Стрыйковский и которые впоследствии перекочевали

и Монивидовыми Геранёнами (теперь д. Субботники Ивьевского района). — См.: Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 2 : Derenek — Gżack. Warszawa: Druk «Wieku», 1881. S. 558; *Шаблюк В. У.* Геранёны // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 2 : Беліцк — гімн. Мінск : БелЭн, 1994. С. 514.

[1020] *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» ... С. 40.

[1021] *Wasilewski T.* Synowie Giedymina ... S. 187.

[1022] «Тэстамент быў складзены ў апошнія гады жыцця Гедыміна, дакладней, пасля 1338 ці нават у 1340 г.» (*Краўцэвіч А. К.* Гісторыя Вялікага княства Літоўскага. Кн. 1 : Ад пачатку гаспадарства да каралеўства Літвы і Русі (1248—1341 гг.). Кн. 2 : Дуумвірат Альгерда і Кейстута Гедымінавічаў (1341—1377 г.). Гародня ; Уроцлаў : Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego we Wrocławiu, 2013. С. 156).

в «Хронику Литовскую и Жмойтскую» — компилятивное сочинение XVII в.

На Руси XIV в. завещания князей были тесно связаны с практикой православного вероисповедания и, собственно, так и назывались — «душевные грамоты». Духовная грамота современника Гедимина — московского великого князя Ивана Калиты начиналась с христианской формулы: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се яз грешный худый раб Божий Иван, пишу душевную грамоту»[1023] и т. д. В грамоте он распределял волости между своими сыновьями. После смерти отца сыновья Ивана Калиты заключили между собой отдельное соглашение и целовали крест, обещая его соблюдать: «Целовали есмы межи собе крест оу отня гроба»[1024]. Наконец, уже в собственной духовной грамоте московский великий князь Семен Иванович ссылался на то, что владеет своим уделом по воле своего отца, и употребляемая им терминология — сугубо христианская: «А чим мя благословил отець мои»[1025] и т. д. Разумеется, в языческом обществе, составлявшем ядро Литвы в первой половине XIV в., завещания, т. е. выражения предсмертной воли людей, должны были отличаться от православной русской практики — и по формулировкам, и по способу фиксации (устные, а не письменные), и, возможно, по мотивации (не на вспомин души). От XIII в. до нашего времени вообще не дошло ни одного письменного завещания, выданного представителем балтской языческой знати. Вот почему я предполагаю, что завещания Гедимина в форме письменного документа никогда не существовало.

В целом, обобщая результаты текстологического и исторического анализа, необходимо заметить, что архетип повествования о смерти Гедимина и о распределении удельных княжеств между его сыновьями, вошедшего в «Witoldes sache» и «Летописец великих князей литовских», зафиксирован в письменном виде довольно поздно — как мне кажется, не ранее смерти Ольгерда (1377), т. е. спустя по меньшей мере 40 лет после описываемых событий. Ни одно из сообщений о том, что Гедимин еще при своей жизни передал то или иное княжество или сферу власти своему сыну, не находит подтверждения в независимых источниках. Иными словами, эти известия невозможно проверить, хотя они хорошо вписываются в общий массив наших знаний о той эпохе.

Принятые в научной литературе версии смерти Гедимина (при осаде замка Байербурга или от отравления на фоне некоторых гражданских волнений) опираются на довольно шаткую основу и не являются вполне надежно доказанными. Но каждая из этих версий предполагает, что кончина Гедимина была внезапной и что он, возможно, вообще не имел вре-

---

[1023] Духовные и договорные грамоты ... С. 7, 9.

[1024] Там же. С. 11.

[1025] Там же. С. 13.

мени для выражения последней воли даже в устной форме. Если даже именно Гедимин распределил удельные княжества между сыновьями, то это происходило не в какой-то один момент времени, а постепенно. Раньше других, вероятно, получил свой удел Монтивид, после июля 1337 г. — Кейстут (сначала Троки, а остальные свои земли и сферы влияния собирал потом постепенно вокруг Троков), в 1340—1341 гг. — Наримонт (Пинск и Белз при разделе галицко-волынского наследства). Любарт при жизни отца, возможно, еще не имел никакого удела и укрепился на Волыни только после его смерти, в 40-х гг. XIV в. Ольгерд обосновался в Витебске до 1338 г., но, когда он получил Крево, неизвестно. Относительно Евнутия и Кориата ясности нет. Впрочем, очевидно, что выбор Евнутия в качестве великого князя литовского в конце 1341 или начале 1342 г. диктовался не столько волей покойного Гедимина, сколько консенсусом языческой литовской элиты, отвергшей, например, кандидатуры Наримонта и Ольгерда. Указания же «Witoldes sache» и «Летописца» на то, что Ольгерд, а главное, Кейстут получили уделы по воле отца, не столько отражали историческую действительность (которая, видимо, была гораздо сложнее), сколько служили политическим интересам Витовта, подчеркивавшего таким образом легитимность своей власти.

И наконец, между «Witoldes sache» и «Летописцем великих князей литовских» наблюдаются некоторые различия фактологического характера. Если в «Witoldes sache» утверждается, что Гедимин сам передал Ольгерду Витебск, то в «Летописце» говорится, что отец дал Ольгерду только Крево, а Витебск достался ему за первой женой. Такие расхождения лишний раз доказывают легендарный характер этих известий.

Заговор Кейстута и Ольгерда, свержение Евнутия, передача власти Ольгерду

Смысловые элементы 9—16

Данные о дружеских либо по крайней мере союзных отношениях, сложившихся между Ольгердом и Кейстутом в период правления великого князя литовского Евнутия, косвенно подтверждаются тем, что два брата вместе оказывали военную помощь Пскову в 1341—1342 гг.[1026] Совместные действия Ольгерда и Кейстута против Ордена в 1343 г. отмечаются и в хронике Виганда из Марбурга[1027].

Причины заговора Ольгерда и Кейстута против Евнутия в других источниках не называются. Если согласно «Witoldes sache» братья испы-

[1026] Псковские летописи. Вып. 1. С. 18—19.
[1027] SRP. Bd. 2. S. 502.

тали какие-то несправедливости со стороны Евнутия, то по трактовке «Летописца» они просто были недовольны правлением Евнутия — обе эти причины взаимодополняют друг друга[1028].

Автор или последний редактор хроники Быховца напрямую связал восстание Ольгерда и Кейстута с тем, что умерла княгиня Евна[1029] (надо понимать, мать Евнутия, способствовавшая его восхождению на вершину власти); однако с учетом общей ненадежности хроники Быховца как источника сам факт существования княгини Евны остается неясным[1030]. Существует также мнение, что Евнутий сопротивлялся браку между Кейстутом и Бирутой и поэтому-де Кейстут выступил против него[1031].

По предположению А. Никжентайтиса, главной причиной заговора против Евнутия могла быть угроза иностранной интервенции, поскольку в начале 1345 г. против Великого княжества Литовского организовывался крестовый поход во главе с чешским королем Иоганном Люксембургским и его сыном, маркграфом моравским Карлом. Сам же заговор и переворот литовский исследователь датирует концом 1344 г.[1032] (что не совсем согласуется с русскими летописями, относящими это событие к 6853 г., т. е. к периоду после 1 марта 1345 г.).

Для рассмотрения проблематики, связанной с захватом Вильно и свержением Евнутия, существенное значение имеет сообщение Новгородской 1 летописи младшего извода: «В лето 6853... Того же лѣта створися в Литвѣ замятня велика: изгони город Вилно Алгердъ с братом Кестутиемъ, и князь великыи Евнутии переверженся чресь стѣну и бѣжа въ Смолнескъ, а Наримонтъ бѣжа в Орду къ цесарю. Прибѣжа князь Евнутии въ Смолнескъ, побывъ ту мало, и поиха к великому князю Семеону на Москву, и ту его крести князь Семеонъ въ имя Отца и Сына и Святого Духа, и наречено бысть имя ему Иоанъ»[1033].

В Никоновской летописи этот рассказ несколько расширен и видоизменен: добавлено, что во время приступа Наримонт находился в Виленском замке вместе с Евнутием и прямо оттуда («из града») бежал в Орду к хану Джанибеку, а Евнутий, в свою очередь, бежал не в Смоленск, а во

[1028] Разбор литературы см.: *Nikodem J.* Zegnanie Jawnuty ze stolca wielkoksiążęcego w 1345 r. // Zamach stanu w dawnych społecznościach. Warszawa: OBTA, 2004. S. 365—369.

[1029] «Kniaziu Jewnutiu panuiuczy na Wilni, y na welikom kniastwe Litowskom, y kniaziu welikomu Olgierdu starszomu bratu ich y kniaziu welikomu Kieystutiu ne spodobałosia im na Wilni y na kniastwe Litowskom dla nekotorych pryczyn, *bo kniahinia Jewna umerła*» (*Narbutt T.* Pomniki ... S. 18).

[1030] *Nikodem J.* Zegnanie Jawnuty ... S. 364—365.

[1031] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 197.

[1032] *Nikžentaitis A.* Litwa i Zakon krzyżacki ... S. 136.

[1033] ПСРЛ. Т. 3. С. 358.

Псков, затем в Великий Новгород и оттуда в Москву, где принял крещение[1034].

Эти известия дополняет Рогожский летописец: «В лето 6853... Тое же осени мѣсяца септября в 23, на пам'ять честнаго зачатия святаго Иоанна Предтечи князь великии Семенъ Иванович крестил князя литовьскаго именемъ Евнутиа и его дружину Литву»[1035].

Процитированные летописные сообщения, сходясь с «Летописцем великих князей литовских» в некоторых мелких деталях (например, бегство Евнутия, спустившегося со стены Виленского Верхнего замка), в то же время весьма существенно с ним расходятся в главном.

Во-первых, подтверждается, что организаторами заговора были оба брата — и Ольгерд, и Кейстут, однако при этом недвусмысленно указывается, что Вильно захватили они вдвоем, а не один только Кейстут. Из Никоновской летописи даже можно понять, что Виленский замок был сдан Кейстуту и Ольгерду изменой: «И устрашишася людие во граде».

Во-вторых, как уже обращали внимание Т. Василевский и Я. Никодем[1036], сообщение «Летописца» о том, что Евнутий, обморозивший ноги, был схвачен и заключен под стражу, вступает в прямое противоречие с данными Новгородской I и Никоновской летописей, из которых явствует, что Евнутий сумел бежать то ли в Смоленск, то ли во Псков, а оттуда в Москву. Это можно с некоторой натяжкой объяснить тем, что Евнутий бежал в Смоленск или Псков уже тогда, когда находился под стражей в Вильно[1037], но все равно неясность остается.

В-третьих, Новгородская I летопись отмечает, что переворот был направлен не только против Евнутия, но и против Наримонта, в результате бежавшего в Золотую Орду. В «Witoldes sache» и в «Летописце великих князей литовских» этот сюжет по каким-то причинам полностью опущен — возможно, из-за того, что один из сыновей Наримонта — Юрий Наримонтович — в 80—90-х гг. XIV в. был ближайшим сподвижником Витовта.

Такие расхождения и недомолвки заставляют в данном случае подозревать и «Witoldes sache», и первую часть «Летописца великих князей литовских» в определенной тенденциозности. Весь рассказ, конечно, представляет собой апологию могущества, мудрости и великодушия Кейстута. Кейстут держит слово, данное Ольгерду, и первым прибывает

[1034] ПСРЛ. Т. 10. С. 216.

[1035] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 56. То же в Троицкой летописи (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 367).

[1036] *Wasilewski T.* Synowie Giedymina ... S. 189; *Nikodem J.* Zegnanie Jawnuty ... S. 371.

[1037] Такое мнение см.: *Краўцэвіч А. К.* Гісторыя Вялікага княства Літоўскага ... С. 226.

к Вильно, тогда как Ольгерд то ли случайно, то ли умышленно где-то замешкался. Весь народ поддерживает Кейстута, и все замки передаются под его власть («Vnd di lantlute all hilden sich an jn, vnd alle ander huzer gaben sich jm»): правда, при этом между «Witoldes sache» и «Летописцем» возникает хронологическая нестыковка, ведь для того, чтобы взять под контроль основные замки ВКЛ, необходимо было некоторое время, тогда как согласно «Летописцу» Кейстут сразу после захвата Вильно и ареста Евнутия отправил гонца, который вскоре же нашел Ольгерда в Крево. Дальше Кейстут благородно — как младший брат старшему — уступает Ольгерду великое княжение. В целом Ольгерд изображен в этом фрагменте как нерешительный или даже коварный деятель, обязанный своей властью исключительно Кейстуту.

Точно так же тенденциозно и почти карикатурно, в духе хвастливого застольного рассказа, излагаются события, связанные с бегством и арестом Евнутия. Установить их достоверность не представляется возможным. Известия о том, что Евнутий спрятался в горах «в доле» (землянке), подробно анализировались в первой части. Под «горами» здесь имеется в виду какая-то местность в окрестностях Вильно, скорее всего, Турьи горы, известные по источникам XVI в. Сообщения о том, что Евнутий бежал в «Угры» (т. е. в Венгрию), обнаруживаются в относительно поздних редакциях и списках (Медоварцевская редакция, списки Дубровского и Погодинский) и возникли из-за неправильного понимания текста переписчиками, поэтому не могут приниматься во внимание.

Что же касается обморожения Евнутия, то соответствующее известие на первый взгляд не противоречит хронологии событий, восстанавливаемой с помощью Новгородской I летописи, Рогожского летописца и немецких хроник. Так, уже к осени 1345 г. Ольгерд взял власть в Великом княжестве Литовском в свои руки: в это время он провел набег на Ливонию, а в ноябре того же года совместно с Кейстутом ходил на замок Растенбург в Пруссии[1038]. Евнутий же, как говорилось выше, уехал в Москву, где 23 сентября 1345 г. принял православие. Если Таинству Крещения предшествовала 40-дневная подготовка, то Евнутий мог прибыть в Москву еще в августе того же года. Соответственно, бежал из Вильно и обморозил ноги он в один из весенних месяцев 1345 г.[1039] Однако, повторюсь, при сопоставлении с новгородской летописью достоверность всего этого рассказа о бегстве Евнутия в какую-то землянку в горах и обморожении ног выглядит сомнительно.

[1038] SRP. Bd. 2. S. 72, 508.

[1039] *Nikodem J.* Zegnanie Jawnuty ... S. 369—370, 372.

Евнутию дан в качестве удела Заславль

Смысловой элемент 17

Итак, после свержения Евнутию каким-то образом удалось бежать за пределы Великого княжества Литовского. В сентябре 1345 г. он вместе со своими приближенными («дружиной») крестился в Москве. В «Летописце великих князей литовских» этот момент обойден молчанием, и из повествования может сложиться ошибочное впечатление, что вскоре после переворота Евнутий был освобожден из-под ареста и получил в качестве удела Заславское княжество.

Когда же Евнутий вернулся в Великое княжество Литовское?

Ю. А. Заяц датировал возвращение Евнутия в ВКЛ и соответственно передачу ему Заславля 1345 г., т. е. периодом сразу после принятия им православного крещения[1040]. При имеющемся весьма скудном корпусе источников это самое простое решение вопроса. Однако, возможно, события развивались иначе. Отъезд Евнутия в Москву означал не столько стремление к принятию христианства, сколько его попытку заручиться поддержкой московского великого князя Семена Ивановича в борьбе за литовский великокняжеский столец. Поэтому вряд ли Евнутий возвратился в ВКЛ вскоре после сентября 1345 г. Вполне вероятно, что он окончательно помирился с братьями только в канун или после заключения мирного договора между ВКЛ и Московским государством в 6857 (1349) г., когда ценой некоторых уступок великий князь литовский Ольгерд вызволил из московского пленения своего брата Кориата и высватал себе в жены княжну Ульяну Александровну[1041].

Таким образом, крохотный Заславский удел близ Менска мог быть передан Евнутию в период с конца 1345 г. по 1349 г. Кроме Заславля Евнутий держал некоторые владения на Волыни, поскольку принимал участие в заключении мирных договоров между ВКЛ и Польским королевством в 1352 и 1366 гг., которые касались спорных волынских территорий. После смерти Евнутия Заславль перешел к его старшему сыну

[1040] *Заяц Ю. А.*: 1) Заславль X—XVIII веков : (Историко-археологический очерк). Минск : Наука и техника, 1987. С. 53; 2) Заславль в эпоху феодализма. Минск : Наука и техника, 1995. С. 119.

[1041] «В лето 6857 Олгорд князь Литовьскыи прислал послы свои к князю великому Семену Ивановичю бити челом за своего брата Корьяда и за бояр и за его дружину за Литву со многыми дары, просяще мира и живота своеи братии. Князь же великы Семен Иванович многое серебро отложив и приа любовь и мир мног взем отпусти Корьяда и его дружину Литву въсвояси» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 59). См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. М. : Наука, 2000. С. 75. 6857 г. по мартовскому стилю соответствовал периоду с 1 марта 1349 г. по 28 февраля 1350 г.

Михаилу Евнутьевичу[1042], а небольшой волынский удел с центром в Степани — к младшему сыну Семену Евнутьевичу[1043].

Я. Тенговский настаивает на существовании третьего сына — Григория Евнутьевича, который будто бы княжил в Слуцке[1044]. В доказательство этого польский историк приводит аргументы логического характера, основываясь на анализе одного из документов 1387 г., в котором слуцкий князь Григорий назван братом Витовта[1045]. Полной ясности в этом вопросе нет, однако все же гипотезу нельзя сбрасывать со счетов. В послании московского великого князя Ивана IV Васильевича к королю Сигизмунду Августу сказано, что Евнутий в свое время получил от своих братьев Новогородок и другие «убогие местца»[1046]. Это послание было написано в 1567 г. от имени московского боярина Ивана Федоровича Мстиславского, потомка Евнутия. Конечно же, Слуцк, расположенный на расстоянии 155 км от Новогородка, лишь условно можно отнести к Новогородской земле; к тому же и источник весьма поздний. Но все же существует вероятность, что в послании нашли отражение некоторые семейные предания князей Заславских и Мстиславских о том, что Евнутий владел каким-то уделом рядом с Новогородской землей — т. е. в Слуцке. Если принять гипотезу о Григории Евнутьевиче как слуцком князе (правившем там приблизительно в период с 1366 по 1394 г. — от смерти Евнутия до передачи Слуцка князю Владимиру Ольгердовичу), то из этого следует, что свергнутый Евнутий после 40-х гг. XIV в. сконцентрировал в своих руках и передал сыновьям не такой уж и маленький домен, простиравшийся полосой с севера на юг через центральные регионы ВКЛ: Заславль, Слуцк и Степань. Владения, похоже, были выбраны для него с таким расчетом, чтобы они были в отдалении от границы между ВКЛ и Московским государством и чтобы воспрепятствовать сношениям Евнутия с Москвой.

[1042] Акт от 1 марта 1386 г., который выдал «Michael Dei gratia dux Zaslaviensis» и к которому привешена печать с легендой «ПЄЧѦТЬ КНѦЗѦ МИХАЇЛОВА ЄВНЮТЄВИЧА» (Akta unji Polski z Litwą ... S. 5—6).

[1043] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 194—195.

[1044] Ibid. S. 194.

[1045] Акт от 11 августа 1387 г.: «Nos Alexander alias Witoldus Dei gracia dux Brestensis et Haradiensis etc. una cum fratribus nostris dilectis eadem gracia ducibus videlicet Georgio alias Debek (= de Belz), Fedario de Rathin, Wassilio de Pinsko, Fedario de Ladomiria, Greorio de Sluczsko et Symeone Stepansky» (CEV. S. 13).

[1046] «А што еси писал о предках наших, какую почесть мы имели, ино наша отчизна была великое княжство Литовское, и яким зрадным обычаем прародителя нашего Евнутья братья его молодшые Олгерд и Кестутей с столечного его места зрадивши згонили и якож некоторому убогому человеку дали на прокормление Новгородок Литовской и иные убогие местца и от тех мест во всяком безчестии и гоненье род наш был» (Послания Ивана Грозного / подгот. Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 252).

Договоренности между Ольгердом и Кейстутом

Смысловые элементы 18—23

Л. Колянковский в свое время попытался поставить под сомнение данные «Witoldes sache» и «Летописца великих князей литовских» о согласии и дружбе между Ольгердом и Кейстутом. Он исходил из того, что в материалах переговоров конца XV в. между ВКЛ и Московским государством сохранились известия о каком-то конфликте, якобы произошедшем у Кейстута с Ольгердом около 1350 г. Так, в январе 1494 г., ссылаясь на мирные соглашения, заключенные когда-то московскими великими князьями Иваном Ивановичем и Семеном Ивановичем с великим князем литовским Ольгердом, литовский посол Петр Янович говорил московским боярам, что эти соглашения были заключены из-за «незгоды Ольгердовой с Кестутьем»[1047]. Далее, тема невыгодных для ВКЛ Ольгердовых «докончаний» была поднята в инструкции великого князя литовского Александра послу Ивану Сапеге, направленному в Москву для ведения переговоров в 1503 г. Документ можно понять таким образом, что Ольгерд якобы был захвачен в плен («нят») московским великим князем и утвердил грамоту под принуждением[1048]. Рассмотрев эти материалы, Л. Колянковский резко высказался в том духе, что пора уже-де «покончить с выдуманной Витовтом для крестоносцев идиллией, которую столетиями лелеет наука»[1049].

В современной историографии этот вывод оспаривает украинский историк В. А. Василенко. По его мнению, в фразе источника «незгодою Олгердовою с Кестутьем» слово «незгодою» следует читать как «невзгодою», т. е. в посольских материалах конца XV в. речь шла о том, что невыгодные для ВКЛ соглашения с Московским государством были заключены из-за «невзгоды», неблагоприятного стечения обстоятельств,

---

[1047] «И бояре ему отговаривали те докончянья незгодою государей наших, деда его великого князя Василья и отца его великого князя Василья. А говорили, чтобы кончял по великого князя Семенову докончянью и по великого князя Иванову. И пан Петр отговаривал те докончания стариною да незгодою Олгердовою с Кестутьем» (Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. С. 114—115).

[1048] «А будуть ли мовити о записы, што перед Витовътовъ были записы, которыми ж великии князь Олькгирдъ поступилъ и записалъ земли великому князю московъскому, ино отъказати, иже тотъ князь был нятъ и прынужонъ на все дозволити, какъ то нятый, и досветъчать, как ся имъ видело, у которых онъ был у моцы, и потом дед нинешнего князя московского добровольне поступилъ тыхъ земль, на которыи земли мають они записы» (LM. Knyga Nr. 5 (1427—1506): Užrašymų knyga 5 / parengė E. Banionis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedių leidykla, 1993. P. 196).

[1049] *Kolankowski L.* Dzieje ... S. 8, nota 1.

в которых оказались Ольгерд и Кейстут[1050]. С этим выводом, безусловно, можно согласиться.

За 1349 г. сохранилось несколько документов папы Климента VI по поводу планов крещения Литвы; интересно, что в этих документах в качестве князя Литвы на первом месте называется Кейстут, а об Ольгерде не сказано ни слова[1051]. Однако в Рогожском летописце говорится о том, что переговоры с Московским государством в том же году (6857) вел именно Ольгерд через своих послов[1052]. Из этих разноречивых свидетельств можно заключить по крайней мере, что Кейстут и Ольгерд действовали в ту пору на разных дипломатических направлениях (один на западном, другой на восточном); но что между ними был конфликт — этого прямо не следует. Добавлю, что сообщение в посольской инструкции 1503 г. о «нятстве» Ольгерда, возможно, объясняется просто недоразумением. Из Рогожского летописца мы знаем, что договор 1349 г. между московским великим князем Семеном Ивановичем и великим князем литовским Ольгердом заключался в условиях, когда в Москве находился в плену князь Кориат Гедиминович. Следовательно, авторы посольской инструкции 1503 г. могли ошибиться в формулировке или запутаться в исторических реалиях и вместо «нятства» Кориата упомянули о мнимом «нятстве» Ольгерда[1053].

Таким образом, аргументов в поддержку гипотезы Л. Колянковского о конфликте, будто бы произошедшем около 1350 г. между Ольгердом и Кейстутом, практически не остается. Не знаем мы ничего о таких конфликтах либо о выступлениях других Гедиминовичей против Ольгерда и в последующие периоды.

Выше, при характеристике документальных источников хроник, я высказывал мысль о том, что в первой части «Летописца великих князей литовских» отразился какой-то письменный документ, фиксировавший пункты «докончания» между Ольгердом и Кейстутом о распределении власти в ВКЛ. Договоренностями, заключенными, видимо, сразу после переворота 1345 г., предусматривалось, что все братья, сыновья Гедимина, должны быть послушны великому князю Ольгерду. Далее следовал пункт о разделе уже имеющихся волостей ВКЛ между Ольгердом и Кейстутом с оговоркой, что в дальнейшем они будут делить поровну между собой все добытые города и волости. Заканчивался документ совместным обещанием двух братьев, что они до самой смерти будут жить между собой «в любъви, во великои милости» и не будут «мыслити лихомь никому же никого же».

[1050] *Василенко В. О.* Політична історія ... С. 299.

[1051] Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae / ed. A. Theiner. T. 1 : 1217—1409. Romae : Typis Vaticanis, 1860. P. 525—526, No 691—693.

[1052] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 59.

[1053] Подробнее см.: *Лицкевич О. В.* Ольгердиана ... С. 94—98.

В «Witoldes sache» это соглашение между Ольгердом и Кейстутом представлено в сокращенном виде и с чуть смещенными акцентами. Автор здесь не просто констатирует, что два князя пришли к некоторым договоренностям, но подчеркивает, что эти договоренности исполнялись на практике. Так, говоря о пункте, посвященном разделу волостей, автор «Witoldes sache» добавляет существенную деталь, что Ольгерд и Кейстут действительно поделили между собой много замков и территорий, захваченных на Руси. Если в «Летописце великих князей литовских» говорится о намерении Ольгерда и Кейстута жить до самой смерти в любви и дружбе, то в «Witoldes sache» уже как факт отмечается, что они действительно, если переводить с немецкого дословно, «были друг с другом в великой правде» (вряд ли мы погрешим против истины, переведя эту фразу более литературно: «Относились друг к другу с большим доверием»).

Сообщения анализируемых хроник о разделе волостей и захваченных территорий между Ольгердом и Кейстутом косвенно подтверждаются комплексом документальных источников XIV—XV вв., согласно которым, например, Бобруйская волость традиционно делилась на виленскую и трокскую половины, а Любошанская волость тянула к Трокам[1054]. Кажется, наиболее ранним документальным источником, зафиксировавшим такой раздел, причем именно на территории исторической Литовской Руси, является привилей, который король Польши, верховный князь литовский Владислав (Ягайла) выдал своему брату Скиргайлу 28 апреля 1387 г.; в нем упоминаются две «половины» Бобруйска: «Так жь Бобруескъ, wбѣ половине»[1055].

Кроме собственно территориального аспекта сообщения «Летописца великих князей литовских» и «Witoldes sache» о договоренностях между Ольгердом и Кейстутом интересны как свидетельство диархического характера государственной власти в ВКЛ — по крайней мере в третьей четверти XIV в. Они позволяют, пусть и фрагментарно, проследить механизм формирования и функционирования такой системы власти на конкретном примере двух братьев-соправителей — великого князя литовского Ольгерда как владетеля Вильно и князя Кейстута как владетеля Троков[1056]. Вопрос

[1054] *Любавский М. К.* Областное деление ... С. 8—9, 13, 104—105. Ср. документ великого князя литовского Казимира 1440—1447 гг., адресованный «наместънику Бобруискому Троцкое половицы» (LM. Knyga Nr. 10 (1440—1523): Užrašymų knyga 10 / parengė E. Banionis, A. Baliulis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. P. 87).

[1055] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 82.

[1056] *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 5—7; *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» ... С. 38, 42; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 42—46 (здесь литература).

о широте полномочий, которыми владел трокский князь как «субмонарх», конечно, остается дискуссионным[1057], однако представляется несомненным, что диархическая система власти отличалась гибкостью и ее содержание во многом зависело от конкретных исторических обстоятельств и личных качеств князей. Если при Ольгерде Кейстут действительно мог обладать максимально широкими полномочиями субмонарха, то во взаимоотношениях с Ягайлом в 1377—1380 гг. он уже одно время играл главенствующую роль, хотя для видимости и ездил на советы в Вильно. Что же касается положения князя Скиргайла в ВКЛ в 1381—1392 гг., хотя Ягайло и постановил в 1387 г. «держати ми его выше оусее н(а)шее братье и слушати ми его боле оусехъ своихъ приателии и братьи»[1058], но Скиргайло по своим личным качествам вряд ли годился на роль субмонарха, поэтому и значение его было скромнее, чем значение Кейстута при Ольгерде.

Сыновья Ольгерда и Кейстута

Смысловой элемент 24

От первого брака с витебской княжной Ольгерд имел шестерых сыновей: старшего Федора († между 10 февраля 1394 г. и 1400 г.[1059]), Андрея († 1399), Дмитрия († 1399), Владимира († после 12 октября 1398 г.), Константина († незадолго до 30 октября 1393 г.[1060]) и еще одного сына, имя которого неизвестно († 1353).

[1057] Критику см.: *Любавский М. К.* О распределении владений ... С. 81—86; *Nikodem J.*: 1) Jedynowładztwo czy diarchia? Przyczynek do dziejów ustroju wielkiego księstwa litewskiego do końca XIV wieku // Zapiski Historyczne: poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. 2003. T. 68. Z. 4. S. 7—30; 2) Witold wielki książę litewski ... S. 15—16.

[1058] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 82.

[1059] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 61. — Здесь и далее приводятся только даты смерти упоминаемых князей, так как годы их рождения точно неизвестны.

[1060] Под этой датой князь Константин упоминается в королевских финансовых счетах как недавно умерший: «ducis Constantini felicis memorie» (*Stadnicki K.* Bracia Władysława-Jagiełły ... S. 238; Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1896. S. 167). То, что здесь идет речь не о господаре Подольской земли Константине Кориатовиче, может следовать из того факта, что Константин Кориатович исчез с политической арены еще задолго до 1393 г. Последний раз он фигурирует в документе — пожаловании для нобиля Немиры на замок Бакоту от 19 сентября 1388 г. (*Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 170). Однако уже такие документы, как подтверждение боярину Гриньку на Соколец от 20 июня 1391 г. и пожалование боярину Бедриху (Бедришку) на четыре села от 1 июля

На существование неизвестного сына Ольгерда от первого брака впервые указал Я. Тенговский[1061]. В продолжении хроники Матиаса фон Ноенбурга имеется сообщение о том, что во время одного из походов короля Литвы в Пруссию зимой 1353 г. сын этого короля с многими другими своими спутниками утонул, провалившись под лед[1062].

Я. Тенговский, впрочем, отрицает существование Константина Ольгердовича и считает, что во всех источниках речь идет не о нем, а о Константине Кориатовиче[1063]. С этим трудно согласиться. Во-первых, два князя умерли в разное время. Во-вторых, князь Константин, участвовавший в 1383 г. в переговорах с крестоносцами на реке Дубисе, в соответствующей орденской реляции прямо называется братом Ягайла («Constantinum sinem bruder»), как и другой родной брат Ягайла — Скиргайло, тогда как двоюродный брат Ольгердовичей — Михаил Евнутьевич — в той же реляции их братом не называется[1064]. Кроме того, если это был не Константин Ольгердович, а Константин Кориатович, то неясно, какая политическая потребность заставила отправиться господаря Подольской земли так далеко на эти переговоры с крестоносцами. Стало быть, в этом случае в источнике фигурирует именно Константин Ольгердович. В-третьих, какой-то князь Константин, согласно «Летописцу великих князей литовских», вместе с князьями Скиргайлом, Витовтом, Дмитрием Корибутом и Семеном Лынгвеном весной 1386 г. принял участие в походе войск ВКЛ против смоленского великого князя Святослава Ивановича, осадившего Мстиславль. Можно еще допустить, что Константин Кориа-

---

1392 г. князь Федор Кориатович выдал один, без Константина Кориатовича (*Молчановский Н. В.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1885. С. 226; *Груша А. І.* Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча 1391 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сш. 1—2 (14—15). С. 123—135). Поэтому кажется справедливым предположение А. И. Груши в цитированной работе, что Константин Кориатович умер между 19 сентября 1388 г. и 20 июня 1391 г.

[1061] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 73.

[1062] «Filius autem regis cum multis aperta et fracta in parte illa glacie est submerses» (Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum nova series. T. 4 : Die Chronik des Mathias von Neuenburg. S. 474—475).

[1063] *Tęgowski J.*: 1) Który Konstanty — Olgierdowic czy Koriatowic — był przodkiem kniaziów Czartoryskich? // Europa Orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność: studia i materiały ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Alexandrowiczowi w 65 rocznicę urodzin. Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1996. S. 53—59; 2) Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 95—96.

[1064] CDL. S. 66; Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. von F. G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 3 : Nachträge zu den zwei ersten Bänden, Fortsetzung von 1368—1393. Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1857. S. 491.

тович привел под Мстиславль свою дружину из Подольской земли, но труднее ответить на вопрос: зачем же ему понадобилось участвовать в военном конфликте на далекой смоленской границе? Поэтому и в этом источнике имеется в виду либо Константин Ольгердович, либо какой-то другой князь, но никак не Константин Кориатович.

От второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной Ольгерд имел восьмерых сыновей: Ягайла († 1 июня 1434 г.), Скиргайла († в январе 1395 г.), Семена Лынгвена († после 19 июня 1431 г.[1065]), Дмитрия Корибута († после 1404 г.[1066]), Коригайла († 4 сентября 1390 г.[1067]), Минигайла († до 1382 г.[1068]), Александра Вигунта († в первой половине 1392 г.) и Свидригайла († 10 февраля 1452 г.).

В целом же информация «Летописца великих князей литовских» о том, что у Ольгерда было 12 сыновей, не вполне точна, так как всего от двух браков у него насчитывалось 14 сыновей. Однако такая неточность находит простое объяснение: автор первой части «Летописца» упомянул только о тех Ольгердовичах, которые достигли зрелого возраста и оставили след в политической жизни. А поскольку неизвестный по имени сын Ольгерда от брака с витебской княжной и Минигайло погибли еще в детстве или юности, то автор не посчитал необходимым включать их в общее число.

Относительно сыновей Кейстута все наиболее ранние списки «Летописца» на западнорусском языке сообщают число 6, и только в «Origo regis» говорится о семерых Кейстутовичах. Возможно, это было связано с ошибкой переводчика или копииста, принявшего кириллическую цифру S (6) за З (7). В нашей реконструкции архетипа за основу принята цифра 6.

Г. Пашкевич, доверяя сообщению «Origo regis», относил к семерым сыновьям Кейстута, во-первых, его детей от гипотетического первого брака: Патирга (Патрикея), Войдата, Бутовта и Войшвилта, а во-вторых, трех детей от брака с Бирутой: Витовта, Товтивила и Жигимонта (Сигизмунда)[1069]. Мнение о том, что сыном Кейстута был городенский намест-

---

[1065] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 121.

[1066] Ibid. S. 109.

[1067] Ibid. S. 147.

[1068] Ibid. S. 147—148. О том, что Минигайло умер в раннем детстве, писал еще К. Стадницкий (*Stadnicki K.* Bracia Władysława-Jagiełły Olgierdowicza króla Polski, Wielkiego Xięcia Litwy. Lwów : Drukarnia Zakładu narod. im. Ossolińskich, 1867. S. 304).

[1069] *Paszkiewicz H.* O genezie i wartości Krewa. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1938. S. 299—305. Следует отметить, что имя Бируты, жены Кейстута и матери Витовта, нам известно только по источникам XVI в. См.: *Łowmiański H.* Biruta (XIV w.) // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1936. T. 2. S. 108; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 196—197.

ник «Патирг», разделяется и некоторыми другими историками, например В. Л. Носевичем[1070]. Но необходимо сказать, что «Патирг» — это искаженное прочтение христианского имени «Патрикей» (проникшее в историографию из прусских хроник, где оно фигурирует как «Patirke»); кроме того, не существует ни одного письменного источника, в котором городенский наместник Патрикей прямо бы назывался сыном Кейстута. Так, в хронике Виганда этот князь ни разу не именуется сыном Кейстута (например, под 1356 г. он просто упоминается как «rex Paterky vulgariter de Karten»[1071]). Как уже говорилось выше, существует вероятность, что это был Патрикей Давыдович, сын Давыда Городенского.

Войшвилт также нигде в источниках не называется сыном Кейстута. По своему статусу это был нобиль некняжеского ранга — или по крайней мере князь не из рода Гедиминовичей, фигурирующий в хронике Германа Вартберге как «nobilis satrapa». Помимо имений в Логожеске он владел землями на границе между ВКЛ и Ливонией, где до наших дней сохранилась д. Вайшвильчай, расположенная в 2 км от Упите, к юго-западу от Паневежиса. От имени великого князя литовского Ольгерда Войшвилт принимал участие в заключении договоров между ВКЛ и Мазовецким княжеством (1358), а также между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии (1367). Погиб во время набега крестоносцев в 1370 г.[1072]

Я. Тенговский, в свою очередь, насчитывает лишь пятерых сыновей Кейстута (все от брака с Бирутой): Войдат († до 1401), Бутовт († после февраля 1381[1073]), Витовт († 27 октября 1430), Товтивил († 1390 или после 2 февраля 1395[1074]) и Жигимонт, или иначе Сигизмунд († 20 марта 1440); существование «Андрея Кейстутовича Горбатого» он справедливо считает сомнительным[1075].

Таким образом, вопрос о том, кто был шестым сыном Кейстута, остается пока без ответа. Это не могли быть ни Патрикей, ни Войшвилт, ни тем более «Андрей Горбатый» — фантомный персонаж из хроники Быховца.

[1070] *Насевіч В. Л.*: 1) Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск : Полымя, 1993. С. 146—147; 2) Кейстутавічы // ВКЛЭ. Т. 2. С. 87.

[1071] SRP. Bd. 2. S. 522, 527, 528, 545, 549.

[1072] Топографическая карта N-35-001; SRP. Bd. 2. S. 96; *Petrauskas R.* Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje — XV amžiaus pradžioje // Lietuvos istorijos studijos. 2005. No 16. P. 25; *Baronas D.* Aukštaitija kovų su Livonijos ordinu metu (XIII—XIV a.) // Iš Panevėžio praeities: Upytės žemei 750 metų. Panevėžys : Panevėžio kraštotyros muziejus, 2004. P. 52; *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 104—107.

[1073] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 204.

[1074] Ibid. S. 216.

[1075] Ibid. S. 213.

Отцы выбирают Ягайла и Витовта своими преемниками; после смерти Ольгерда Ягайло с помощью Кейстута занимает его престол

Смысловые элементы 25—28

В этом фрагменте авторы первой части «Летописца» и «Witoldes sache» продолжают изображать идиллическую (по выражению Л. Колянковского) картину дружбы и согласия между Кейстутом и Ольгердом. Еще при своей жизни оба князя назначают себе преемников из числа своих сыновей. Такими преемниками стали соответственно Витовт и Ягайло, которых отцы любили больше остальных детей. Здесь не ускользает от внимания еще одна попытка авторов первой части «Летописца» и «Witoldes sache» подчеркнуть легитимность власти Витовта: сначала Гедимин передал удел его отцу, а затем уже сам Кейстут благословил Витовта на княжение. Совсем иначе расставлены акценты в отношении Ягайла: своей властью он обязан даже не столько воле отца, сколько великодушию и благородству все того же Кейстута, который не пожелал нарушать волю старшего брата. Причем если в первой части «Летописца» эта мысль смягчена — просто указывается, что Кейстут для видимости продолжал ездить к Ягайлу на советы как к настоящему великому князю, то в «Witoldes sache» она выражена предельно откровенно и грубо. Автор «Witoldes sache», т. е. сам Витовт, подчеркивает, что Ягайло в первые годы после смерти отца был слабым, беззащитным юнцом, к которому «не привыкли люди» и которого Кейстут при желании мог бы отправить в ссылку в любой отдаленный удел ВКЛ.

Сколько же лет было Ягайлу в момент смерти отца? Долгое время в историографии господствовало убеждение, что Ягайло родился приблизительно в 1350—1351 гг.[1076]

Значительное влияние на формирование такой точки зрения оказало то, что Ягайло как преемник Ольгерда априори считался его старшим сыном от брака с Ульяной Александровной. Кроме того, учитывались и данные хроники Конрада Бичина († после 1464) о том, что в 1370 г. Ягайлу якобы было 22 года, а Витовту — 20[1077]. Поскольку этот уроженец Данцига был младшим современником Ягайла, его сообщение казалось пусть, может быть, и не вполне точным, но приблизительно указывающим на дату рождения литовского князя. Первым предложил пересмотреть устоявшиеся взгляды Т. Василевский, резонно заметивший, что если верить Конраду Бичину, то Ягайло родился вообще в 1348 г., т. е.

[1076] См., например: *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonów. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1968. S. 30.

[1077] SRP. Bd. 3. S. 480. См.: *Puzyna J.* Kiedy urodził się Witold i co wiemy o rodzinie jego matki // Miesięcznik heraldyczny. 1930. No 7. S. 131.

Портрет короля Польши Владислава (Ягайла)
на его надгробии в Кракове

еще до того, как Ольгерд посватался за Ульяну Александровну. Следовательно, ни о каких мелких случайных неточностях тут нельзя говорить: Конрад Бичин просто выдумал свои известия, и их невозможно принимать в расчет. В целом, опираясь в том числе на сообщение «Witoldes sache», Т. Василевский пришел к выводу, что Ягайло родился в 1362 или 1363 г., а значит, в момент смерти Ольгерда ему было всего 14—15 лет[1078]. Эта точка зрения была поддержана Я. Тенговским, датировавшим рождение Ягайла периодом около 1362 г.[1079], и раскритикована Я. Никодемом, который вернулся к взглядам, принятым в старой историографии, и предложил дату «не позднее 1353 г.»[1080]. Оценивая этот вопрос, я все же склонен согласиться с Т. Василевским, поскольку в «Witoldes sache» недвусмысленно говорится, что Ягайло после смерти отца был еще очень юн («dorvmb das herczog Jagal gar jung was noch sinem fatere») и что Кейстут оберегал его до тех пор, пока он не вырос («als lange bis das her vff gewuchs»). Эти слова можно применить только к подростку, но никак не к двадцатичетырех- или двадцатипятилетнему мужчине. А учитывая, что информация происходит из первых рук, т. е. от самого Витовта, она по значимости перевешивает любые умозрительные рассуждения о возможной последовательности рождения детей Ольгерда.

То предполагаемое обстоятельство, что великокняжеский столец Ягайло занял, будучи 14—15-летним подростком, заставляет под иным углом глянуть и на некоторые другие аспекты «Летописца великих князей литовских». Так, автор «Летописца» утверждает, что Ягайло и Витовт «также во великои дружьбѣ были при отцех своих». Между тем если принять точку зрения Я. Тенговского, то Витовт родился около 1348 г.[1081], а стало быть, был старше Ягайла на 14 лет. Если же применить более умеренный подход Т. Василевского, относящего рождение Витовта к 1354—1355 гг.[1082], то разница в возрасте между ними все равно составляла не менее 8—9 лет. Следовательно, взаимоотношения между ними невозможно воспринимать как стихийно возникшую дружбу одногодков или близких по возрасту сверстников. Витовт, таким образом, поначалу играл в этих отношениях роль старшего товарища и опекал Ягайла, —

[1078] *Wasilewski T.* Daty urodzin Jagiełły i Witolda: przyczynek do genealogii Giedyminowiczów // Przegląd Wschodni. 1991. T. 1. Z. 1. S. 22, 33—34.

[1079] *Tęgowski J.*: 1) O następstwie tronu na Litwie po śmierci Olgierda // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84. Z. 2. S. 127; 2) Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 124—125.

[1080] *Nikodem J.*: 1) Objęcie władzy na Litwie przez Jagiełłę w 1377 r. // Przegląd Historyczny. 2001. T. 92. Z. 4. S. 456; 2) Data urodzenia Jagiełły. Uwagi o starszeństwie synów Olgierda i Julianny // Genealogia. Studia i materiały historyczne. 2000. T. 12. S. 46, 49.

[1081] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 207.

[1082] *Wasilewski T.* Daty urodzin Jagiełły i Witolda ... S. 33.

может быть, стараясь завоевать его доверие по собственному почину или по поручению Кейстута.

Второй аспект: Ягайло стал великим князем литовским совсем не потому, что был самым старшим сыном Ольгерда от его брака с Ульяной Александровной. Среди единоутробных братьев старше его были князья Скиргайло, Дмитрий Корибут и, по-видимому, Семен Лынгвен, но они по какой-то причине были обойдены при решении вопроса о наследовании великокняжеского стольца. Может быть, это было связано с тем, что некоторые из них уже приняли к 1377 г. православие и княжили в различных русских регионах ВКЛ: например, Дмитрий Корибут — в Новгороде-Северском. Но все же не вполне ясна ситуация со Скиргайлом, ведь еще в 1381 г. он оставался язычником. Следовательно, остается предполагать, что выбор Ягайла в качестве преемника был действительно обусловлен предсмертной волей Ольгерда и последующей поддержкой со стороны Кейстута, как о том говорится в «Witoldes sache» и «Летописце великих князей литовских».

Большая печать Витовта, привешенная
к Городельскому акту 1413 г.:
SIGILLUM ALLEXANDRI ALIAS WITOWDI MAGNI DUCIS
LITHWANIE ET RUSSIE ET CETERA

Дату и обстоятельства смерти великого князя литовского Ольгерда можно установить только в самых общих чертах. Современник этого события Герман Вартберге февралем 1377 г. датировал мощный поход крестоносцев в глубь ВКЛ, в котором участвовали отряды как из Пруссии, так и из Ливонии. Рыцари дошли до самого Вильно, где, по словам хрониста, находился в то время Ольгерд. В канун Вербного воскресенья, 21 марта того же года, войска ВКЛ нанесли ответный удар, опустошив Куронию. Возглавлял этот набег Кейстут, которого сопровождали его сыновья, а также сыновья Ольгерда «с большим войском русинов». Вскоре после описания этих событий Герман Вартберге поместил сообщение о смерти Ольгерда, примерно на рубеже между весной и летом 1377 г.[1083]

Уточнить terminus ante quem в данном случае помогает упоминавшееся выше послание короля Польши и Венгрии Людовика Анжуйского к правителю Падуи Франческо да Каррара, которое датировано 29 сентября 1377 г. и в котором, среди прочего, заявляется о недавней кончине Ольгерда.

Говоря о внутриполитической ситуации, сложившейся в ВКЛ непосредственно после смерти Ольгерда, нельзя не затронуть вопрос о возможном предсмертном православном крещении старого князя, о котором сообщается в ряде источников. Прежде всего речь идет о так называемом «Родословии литовских князей». Краткий обзор историографии изучения этого памятника представлен в первой части этого исследования при характеристике Медоварцевской редакции «Летописца великих князей литовских». Хотя обзор этот далеко не исчерпывающий, хотелось бы обратить внимание на гипотезу Я. С. Лурье о возможной связи «Родословия литовских князей» с тверской литературой середины XV в. Учитывая, что княгиня Ульяна Александровна, присутствовавшая при последних часах жизни Ольгерда, сама происходила из тверского княжеского дома, это заставляет относиться к рассказу о предсмертном православном крещении Ольгерда с достаточной серьезностью, поскольку его источником может оказаться ближний круг княгини Ульяны Александровны.

При рассмотрении известных нам списков можно выделить четыре редакции «Родословия литовских князей». Первая (тверская) редакция отражена в послании Спиридона-Саввы[1084]. Вторая (тверская) редакция представлена текстом в составе Медоварцевского сборника[1085]. Третья (тверская) редакция носит название «Предословие о великих князех

[1083] SRP. Bd. 2. S. 112—113.

[1084] Рассказ о крещении и смерти Ольгерда см.: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 169.

[1085] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись ... С. 17—18.

литовских, откуду они пошли»[1086]. И наконец, четвертую (московскую) редакцию представляют несколько списков: списки текста, помещенного после «Сказания о князьях владимирских» первой редакции; списки текста, находящегося после «Повести, начинающейся с разделения вселенной Августом»; текст после «Повести о разделении вселенной Ноем»; статья за 6885 г. в Холмогорской летописи[1087].

Помещенный во всех четырех редакциях рассказ о смерти Ольгерда восходит к общему архетипу и состоит из следующих частей.

1. Ольгерд тяжело заболел, и стало очевидно, что он может в любой момент умереть.

2. Перед смертью Ольгерд начинает раздавать уделы своим сыновьям. В 1-й редакции говорится, что он «Вилну вручи Иякову [Ягайлу]». Во 2-й редакции: «и тому [Ягайлу] поручи великое княжение Вилну». В 3-й редакции этого пункта нет. В 4-й редакции он звучит так: «Иакова сына своего возлюби паче всех и даде ему великое княжение и град Вилну».

3. Ульяна Александровна созывает совет, в котором участвуют сыновья Ольгерда и ее духовник архимандрит Киево-Печерской лавры Давид.

4. Ольгерд принимает православное крещение с именем Александр.

5. Через некоторое время Ольгерд принимает монашество с именем Алексей и вскоре умирает в схиме.

6. Ольгерда хоронят в Виленской Пречистенской церкви, которую основала княгиня Ульяна Александровна.

7. Спустя какое-то время умирает и Ульяна Александровна, которую похоронили в той же церкви (во 2-й и 3-й редакциях этого пункта нет).

В целом этот рассказ носит легендарный характер и не лишен анахронизмов и неточностей. Например, факт погребения Ольгерда и Ульяны Александровны в Виленской Пречистенской церкви не подтверждается археологическими данными и противоречит известиям других письменных источников. Кроме того, Ульяна Александровна скончалась не вскоре после мужа, а в 1392 г., т. е. спустя 15 лет после его кончины. С другой стороны, архимандрит Давид († до 1398) упоминается в помяннике Киево-Печерской лавры, а также в старинном списке архимандритов, изображения которых были помещены в интерьере Великой Печерской церкви (Успенского собора)[1088].

[1086] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 604—605.

[1087] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 180—181, 203—204, 213; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 416, 591—592; ПСРЛ. Т. 33. С. 87.

[1088] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры ... С. 4; *Жиленко І. В.* Києво-Печерська лавра в XIV столітті // Могилянські читання : Збірник наукових праць. Києво-Печерська лавра в контексті світової історії. Київ : Університетське видавництво «Пульсари», 2001. С. 141, 147; *Жиленко И. В., Кузь-*

Тем не менее главное, что интересует нас в этом рассказе, — факт предсмертного православного крещения Ольгерда является вполне вероятным, поскольку подтверждается последующей устойчивой традицией церковного поминания этого князя, причем именно в Киево-Печерской лавре. При отсутствии засвидетельствованных данных о православном крещении усопшего запрещается поминать его во время Литургии и других церковных служб. Первоначальный вариант помянника Лавры, как известно, погиб во время татарского набега на Киев в 1482 г. В сохранившемся до нашего времени виде помянник был восстановлен и начал пополняться новым материалом около 1483 г. В нем говорится про «княз(я) великаго Олгерда, нареченнаго в с(вя)том кр(е)щ(е)нии Димитриа»[1089]. Поскольку эта запись открывала список поминаемых литовских князей, нет ничего невозможного в том, что она могла хорошо запомниться инокам и была восстановлена после гибели первоначального помянника. Аналогичное поминание содержится в синодике Введенской церкви Киево-Печерской лавры (второй половины XVII в.)[1090]. Под именем Дмитрия Ольгерд фигурирует и в синодике слуцких князей 1684 г.[1091] Неясно, в какой связи с помянником Киево-Печерской лавры находится «субботник», составление которого в Супрасльском монастыре началось около 1500 г. В нем записан «род князя Феодоров Андреевича Санькгушьковича», который начинается именами князей Димитрия, Федора, Романа, Симеона, Иоанна и т. д.[1092] Наиболее вероятно, что здесь перечислены кобринские князья — Федор Ольгердович († после 1394), Роман Федорович († после 1417), Семен Романович († около 1460), Иван Семенович († около 1490)[1093]. Таким образом, «князь Димитрий», с которого начинается перечень князей этого рода в Супрасльском «субботнике», не кто иной, как Ольгерд. Мы видим, что четыре помянника — Киево-Печерский, Введенский, Слуцкий и Супрасльский — единодушно относят Ольгерда к принявшим православное крещение и называют одно и то же его православное имя Дмитрий.

Однако почему же в монастырских помянниках Ольгерд именуется Дмитрием, тогда как согласно «Родословию литовских князей» он снача-

---

мин А. В. Давид († до 1398?), архим. Киево-Печерского в честь Успения Пресв. Богородицы монастыря // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 562—563.

[1089] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры ... С. 6.

[1090] Поменник Введенської церкви ... С. 21.

[1091] *Миловидов А. И.* Синодик благочестивых князей гор. Слуцка // ЧОИДР. М., 1896. Кн. 1 (176). Смесь. С. 15.

[1092] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна : Печатня О. Блюмовича, 1870. Т. 9. С. 457.

[1093] *Пазднякоў В. С.* Кобрынскія, княжацкі род герба «Пагоня» // ВКЛЭ. Т. 2. С. 118—119.

ла принял имя Александр, а затем имя Алексей? Этому есть простое объяснение, коренящееся в практике православного монашеского пострига. Один человек может последовательно принимать несколько православных имен — в том случае, если он проходит все степени монашеского посвящения: рясофор, принятие малой, а затем и великой схимы. Каждый раз при этом монах получает новое имя. В соответствии с «Родословием литовских князей» имя Александр было крестным именем Ольгерда, а Алексей — именем, принятым, видимо, при рясофорном постриге. Далее же в «Родословии» указывается, что «инок же Алексей, прежереченный Олгерд, скончявает житие в черьнецех и в схиме», т. е. Ольгерд должен был как минимум еще один раз после этого получить новое имя при принятии малой схимы. Им-то и могло быть имя Дмитрий, зафиксированное в церковных помянниках[1094].

«Родословию литовских князей» противостоит совсем иная историографическая традиция, согласно которой Ольгерд был похоронен по языческому обряду. Ливонский хронист Герман Вартберге сообщил, что похороны Ольгерда были очень богатыми и что в соответствии с литовским обычаем были сожжены разные вещи и 18 коней[1095]. Это известие довольно надежно, так как хронист был современником описываемых событий, хотя бросается в глаза, что Герман Вартберге не упомянул о кремации тела самого Ольгерда. Длугош, в свою очередь, поместил в своей хронике фрагмент текста неизвестного происхождения о нравах и богах

[1094] В источниках, опубликованных Т. Нарбутом, называется еще одно православное имя Ольгерда — Андрей. Это уже знакомый читателям «синодик Виленской Пречистенской церкви», видимо, сфабрикованный самим Нарбутом или кем-то из его корреспондентов, а также надпись на колоколе, выписанная будто бы из какой-то рукописи, которая была найдена после сноса монастыря бернардинцев в Троках: «Se az rab boży Jakow Ondrewicz s materoju swojeju Ulianoju Aleksandrowa... W.K.L. dali jeśmo sej kołokoł ulit w cerkow Sw. Paraskeve... w Wilni wo wiki» (*Narbutt T.* Pomniejsze pisma ... S. 99—100). Кроме Т. Нарбута, никто больше этих источников не видел, поэтому их существование, как и наличие у Ольгерда православного имени Андрей, остаются под большим сомнением. В приписке в Киевском Евангелии 1393 г. (РНБ. F.I.18. Л. 207): «Благословеньем Киприяна митрополита всея Роуси, повеленьемь благовернаго князя Володимера Андреевич списана быс(ть) сия книга в лет 6901 индик 1 многогрешны раб Божий Спиридон диякон» (*Гранстрем Е. Э.* Описание ... С. 36), упоминается, скорее всего, не Владимир Ольгердович, а серпуховский князь Владимир Андреевич. Духовник этого князя игумен Афанасий был одним из приближенных митрополита Киприана и сопровождал его в поездке в Киев осенью 1382 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 147), поэтому между князем Владимиром Андреевичем и киевским духовенством существовали связи.

[1095] «In exsequiis magna pompa in cremacione diversarum rerum ac XVIII equorum dextrariorum secundum ritum eorum» (SRP. Bd. 2. S. 113).

литвинов, в котором утверждается, что тело Ольгерда было сожжено в роще Куковяйтис близ замка Мойшагола[1096]. По мнению В. Вайткявичюса, эта роща Куковяйтис находилась на территории современного Ширвинтского района Литвы между населенными пунктами Гудулине и Патюнай[1097]. Однако поиски могилы Ольгерда в этой местности пока не дали результатов.

По сути, две историографические традиции — предсмертного православного крещения Ольгерда и его погребения по языческому обряду — не являются абсолютно взаимоисключающими. Обе они могут отражать две стороны реальности и сочетаются между собой следующим образом. По просьбе и настоянию княгини Ульяны Александровны Ольгерд принял перед самой кончиной православное крещение, а затем монашеский постриг и схиму. Однако после его смерти влиятельная языческая знать во главе с Кейстутом воспротивилась тому, чтобы Ольгерда хоронили в Виленской Пречистенской церкви. По этой причине тело Ольгерда кремировали, как того требовал обычай. В этой ситуации можно увидеть один из первых зародышей того непримиримого конфликта между Кейстутом и княгиней Ульяной Александровной, который через несколько лет привел в ВКЛ к междоусобной войне 1381—1382 гг., так живо описанной в «Witoldes sache» и «Летописце великих князей литовских».

Рассказ «Родословия литовских князей» о православном крещении Ольгерда дает также общее представление об обстоятельствах, в которых Ольгерд высказал свою последнюю волю относительно передачи великокняжеской власти Ягайлу. Либо скажем иначе: об обстоятельствах, в которых эта воля была высказана народу от имени Ольгерда. Известия эти заслуживают внимания уже хотя бы потому, что вполне перекликаются с еще одним более ранним тверским источником — Рогожским летописцем, в котором изображена практически аналогичная картина передачи власти: «Всѣм же симъ грады и княжениа раздаял есть, а умираа приказа старѣишиньство сыну своему Ягаилу, того бо возлюби паче всѣхъ сыновъ своихъ и того избра во всеи братии его, емуже и княжение великое поручи»[1098]. К тому же описание этого события и в Рогожском летописце, и в «Родословии литовских князей» в определенной степени соответствует традиционным представлениям о том, что легитимность

[1096] Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai / par. N. Vėlius. Vol. 1 : Nuo seniausių laikų iki XV a. pabaigos. Vilnius : Mokslo ir enciklopedių leidykla, 1996. S. 556.

[1097] *Vaitkevičius V.* Kukaveičio šventvietės mįslės // Šiaurės Atėnai. 2008.V.02. No 891. — Перевод на белорусский язык (автор К. Казаченок) на сайте «Крыўя». URL: http://kryuja.org/artykuly/inszyja_autary/kukaveitis.html (дата обращения: 12.12.2008). — См. также: *Vaitkevičius V.* Studies into the Balts' Sacred Places. Oxford : Biddles Ltd, 2004. P. 17.

[1098] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 117.

власти доказывается фактом ее передачи от отца к сыну. Такие представления были присущи обществу ВКЛ уже в последней четверти XIV в. Они, например, отражены в эпизодах «Witoldes sache» и «Летописца великих князей литовских» о раздаче Гедимином уделов своим сыновьям и о выборе Ольгердом и Кейстутом преемников (Ягайла и Витовта) из числа сыновей. Сошлюсь также на документ Андрея Ольгердовича от 1385 г., в котором он в качестве одного из главных доказательств своего права на Полоцкое княжество приводит факт, что это княжество отец — великий князь литовский Ольгерд — дал ему еще при своей жизни[1099]. Кроме того, существует еще один важный источник: история Базельского собора, написанная Иоанном Сеговийским. В ней пересказывается речь представителя великого князя Свидригайла, который, в частности, сообщил, что литовский князь, его отец (т. е. Ольгерд), распределял власть между четырьмя своими сыновьями. И тогда князь Ягайло под присягой подтвердил, что если получит какое-либо другое королевство, то передаст власть над Великим княжеством Литовским своему брату Свидригайлу. Однако вместо этого, став королем Польши, он сделал правителями ВКЛ поочередно двух других своих братьев, а после их смерти отдал великое княжение своему племяннику (sic) Витовту[1100]. Сомнение здесь вызывают некоторые детали, например, количество сыновей Ольгерда (предположительно речь идет о Ягайле, Скиргайле, Вигунте и Свидригайле, но почему Ольгерд мог исключить из обсуждения других своих детей — Корибута, Лынгвена и Коригайла?). Однако этот рассказ все же подтверждает главное, что нас интересует: Ольгерд перед своей смертью действительно выбрал Ягайла в качестве своего преемника.

Из-за целого ряда внутриполитических и внешнеполитических проблем, обострившихся сразу после смерти Ольгерда, Великое княжество Литовское оказалось в тот период, по сути, на грани развала. Король Польши и Венгрии Людовик Анжуйский к концу сентября 1377 г. захватил замки Белз и Холм, подчинив себе князя Юрия Наримонтовича. Ему также добровольно покорился князь Федор Ольгердович, который владел волынским замком Ратно и Кобрином. Причем Федор Ольгердович зая-

---

[1099] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 77, 79.

[1100] «Proposuit autem et specialiter querelam contra fratrem suum Ladislaum Polonie regem, narracione facta seriosius quam alias per litteras suas, videlicet patrem ipsorum quatuor filios habentem disposuisse, quod et ipse Ladislaus iuramento firmarat, vt, si contingeret eum aliquod regnum adipisci, ducatus ipse Lithuanie in personam veniret dicti Witrigaldi; accepto autem Polonie regno quod ordinacionem ipsam nunquam voluerit obseruare, sed dederat ducatum tercio fratri, illoque mortuo et quarto, ac post eius obitum nepoti su Witoldo». См.: Monumenta Conciliorum Generalium seculi decimi quinti. Concilium Basileense Scriptorum Vindobonae : Typis C. R. Officinae Typographicae Aulae et Status, 1873. T. 2. S. 619.

вил королю Людовику, что как первенец Ольгерда от первого брака именно он должен был бы унаследовать великокняжескую власть после отца. Волынский князь Любарт тоже стал вассалом короля Людовика и, получив в качестве ленного владения Владимирское княжество, обязался служить королю против всех неприятелей, за исключением своих кровных родственников. Его примеру последовали и господари Подольской земли Александр и Борис, перешедшие с 11 замками под сюзеренитет Венгерской короны[1101]. Таким образом, за считанные месяцы ВКЛ лишилось огромных территорий на юге, очень важных с экономической и военной точек зрения.

Ко всем бедам добавилось то, что король Людовик сумел захватить в плен одного из сыновей Кейстута[1102]. Учитывая, что в одном из документов упоминается о пленении венграми примерно в то же время некоего «Prezkoya capitaneum»[1103], это дало основание Я. Тенговскому предполагать, что речь идет о Витовте, как известно, владевшем Берестейской землей[1104]. Если это так, то факт этот весьма важен и для нашей темы, поскольку отчасти объясняет, почему в «Witoldes sache» и «Летописце великих князей литовских» практически не освещаются события, происходившие в течение двух лет с 1377 по 1379 г. Однако полной уверенности, что это был именно Витовт, все же нет. Я. Тенговский ссылается на то, что «Prezkoya» напоминает русское слово «Брестский». Однако формы «Брест», «Брестский» вошли в русский язык лишь в последние столетия под влиянием польского языка. Другое дело, что в немецких хрониках XIV в. древнерусское Берестье, бывало, называлось «Brisk» или «Briske», и с этой точки зрения «Prezkoya» действительно может означать Берестье[1105]. Но в источнике говорится не о берестейском князе, а о берестейском наместнике, поэтому отождествлять его с Витовтом можно лишь с натяжкой.

Еще одну угрозу целостности и спокойствию государства представляла оппозиция со стороны старших Ольгердовичей — его православных сыновей от первого брака, которые могли отколоть от ВКЛ обширные пространства Литовской Руси. Наиболее могущественными из них были полоцкий князь Андрей Ольгердович, киевский князь Владимир Ольгер-

---

[1101] Rerum Italicarum scriptores. T. 17. P. 1. S. 146; MPH. T. 2. S. 678—679; SRP. Bd. 2. S. 114—115.

[1102] «Filium Chestudi, ducis Lituanorum, captivavimus et captivum habemus et teneri faciemus» (Rerum Italicarum scriptores. T. 17. P. 1. S. 146; уточненную публикацию этого текста см. в Приложении 3).

[1103] Máramarosi diplomák a XIV. és XV. századból / Mihályi János. Máramaros-Sziget, 1900. P. 83.

[1104] *Tęgowski J.* O następstwie tronu ... S. 130.

[1105] SRP. Bd. 2. S. 813.

дович, брянский, стародубский и трубчевский князь Дмитрий Ольгердович. Видимо, в первые месяцы после смерти отца они заключили между собой специальное письменное соглашение о распределении и сохранении за собой занимаемых удельных княжеств[1106].

Ссылаясь на упоминавшееся выше послание короля Людовика от 29 сентября 1377 г., в котором говорится о притязаниях Федора Ольгердовича на наследование отцовской власти, Я. Тенговский предположил, что с мая по сентябрь того года великокняжеский столец еще не был занят и что Ягайло стал великим князем литовским лишь в последние месяцы 1377 г.[1107] С возражениями против этой гипотезы выступил Я. Никодем, но он главную (не всегда основательную) критику направил на сведения источника о том, что Федор Ольгердович был самым старшим сыном Ольгерда[1108]. Однако же ни в послании короля Людовика, ни в других источниках мы не находим никаких прямых указаний на то, что Ольгерд назначил Федора Ольгердовича своим преемником и что Федор Ольгердович вообще пытался занять великокняжеский столец в Вильно[1109]. И это как раз и есть главный довод против гипотезы Я. Тенговского. Да, в документе не упомянут Ягайло в качестве преемника Ольгерда, но это и неудивительно, поскольку все послание посвящено исключительно делам в юго-западных областях ВКЛ. По крайней мере русские летописи, начиная с Рогожского летописца, а также хроника Виганда из Марбурга единодушно утверждают, что после смерти Ольгерда его преемником стал Ягайло и что никто другой в 1377 г. великокняжеский столец в Вильно не занимал[1110].

Приход к власти кого-нибудь из старших Ольгердовичей был, конечно, крайне невыгоден Кейстуту, так как ставил под угрозу его привилеги-

---

[1106] «...regnum Ploscoviense, quod pater noster Algirde, quondam rex Littoviae, nobis in vita sua assignavit et dedit, et post patris obitum fratres nobis dederunt et assignaverunt, sicut in eorundem fratrum nostrorum patentibus litteris clarius apparet» (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 77).

[1107] *Tęgowski J.* O następstwie tronu ... S. 128—129.

[1108] *Nikodem J.* Objęcie władzy ... S. 452—455.

[1109] «Codor magni Olgordi summi principis Lituanorum primogienitus, qui more et consuetudine principum deberet sucedere dominio dicti Olgordi, qui noviter obiit, se una cum duobus filiis nostre subiecit maiestati» (Rerum Italicarum scriptores. T. 17. P. 1. S. 146).

[1110] «В лето 6885 умре князь великии Олгерд Гедиминович Литовьскыи, зловерныи, безбожныи, нечестивыи, и седе по нем сын его меншии именем Ягаило на княжении на великом, обладаа всею землею Литовьскою» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 117—118; то же в сокращении в первом летописном своде ВКЛ и Воскресенской летописи: ПСРЛ. Т. 8. С. 25; ПСРЛ. Т. 35. С. 29, 49); «Hoc anno rex Algart obiit, et filius eius Jagel erigitur in regem et hic opposuit se germano patris sui Kynstut, quod displicuit ei» (SRP. Bd. 2. S. 604).

рованное положение, к которому он привык в правление Ольгерда. Зато, посадив в Вильно юного Ягайла, опекая и контролируя его, Кейстут дефакто становился единоличным теневым правителем ВКЛ, сохранял все свои владения, а в будущем рассчитывал, что его сын Витовт займет при Ягайле такое же место, какое Кейстут занимал когда-то при Ольгерде (собственно это и выражено с обезоруживающей прямотой в «Летописце великих князей литовских»). Для Ягайла же, его единоутробных братьев и матери Ульяны Александровны поддержка Кейстута на первых порах была жизненно важна в прямом смысле этого слова, так как обстановка в стране была очень напряженной и государству грозил распад. Итак, в сложившихся после смерти Ольгерда обстоятельствах Кейстут точно так же нуждался в Ягайле, как и Ягайло нуждался в Кейстуте. В этом смысле помимо желания выполнить волю умершего брата у Кейстута были и иные более приземленные политические причины для того, чтобы поддерживать Ягайла. Сопоставление источников, повествующих о последних днях и погребении Ольгерда, приводит к выводу, что хотя Кейстут формально и выполнил волю Ольгерда, но, возможно, в чем-то ограничил волю княгини Ульяны Александровны и ее сыновей, включая самого Ягайла, вплоть до создания условий, которые могли расцениваться как унизительные: например, не разрешил похоронить Ольгерда по православному обряду, публично подчеркивал молодость и неопытность Ягайла и т. д. Поэтому анализируемые данные, в том виде как они представлены в «Witoldes sache» и «Летописце великих князей литовских», кажутся неполными и односторонними, если не сказать тенденциозными.

Войдыла и Мария Ольгердовна

Смысловой элемент 29

В основных списках первой редакции «Летописца» («Origo regis», Супрасльском, Виленском и Слуцком) имя Войдылы передано как «Воидило» или Woydilo. Почти в аналогичном виде (Waydel, Waydelen) имя встречается в латинском переводе хроники Виганда из Марбурга[1111]. Исключение составляет Академический список («звали его Воидимом»), но результаты текстологического анализа показывают, что это описка, которая не может приниматься во внимание. Имя «Воидило» имеет балтскую этимологию (ср. литовские слова vaidinti — «перенимать, имитировать, исполнять роль»; vaidila — «жрец»)[1112]. Похожий антропоним (в да-

[1111] SRP. Bd. 2. S. 576, 604.

[1112] *Bauer G.* Baltismen im ostpreußischen Deutsch. Hermann Frischbiers «Preussisches Wörterbuch» als volkskundliche Quelle // Annaberger Annalen. 2005. T. 13. S. 57.

тельном падеже «Воидилу») фиксируется на территории средневековой Литвы в XV в.[1113] При этом необходимо заметить, что хотя Войдыла был по происхождению балтом, но на протяжении своей жизни он воспринял некоторые элементы русской культуры. Об этом свидетельствует наличие у него печати с легендой на западнорусском языке. Можно также предполагать, что по крайней мере за несколько лет до своей трагической смерти Войдыла принял православие, иначе бы не состоялся его брак с княжной Марией Ольгердовной. Впрочем, православного имени Войдылы мы не знаем, но такая деталь кажется вполне правдоподобной, учитывая общие тенденции рутенизации балтского нобилитета ВКЛ в XIV в.[1114], а особенно политическое влияние, которое имела при великокняжеском дворе княгиня Ульяна Александровна в первые годы после смерти Ольгерда.

Большинство известий «Летописца» про Войдылу носят уникальный характер. Например, в других источниках ничего не говорится о том, что Войдыла был по происхождению «холопом», что он держал Лиду. Даже о наличии у Ольгерда одной из младших дочерей по имени Мария и о ее мезальянсе с Войдылой мы ничего не знали бы, если бы не ценное сообщение «Летописца».

С. К. Роуэлл считает информацию «Летописца» о низком социальном происхождении Войдылы (как слуги-невольника) тенденциозной и пропагандистской, нацеленной на то, чтобы опорочить Войдылу и таким образом, наверное, оправдать жестокие действия Кейстута по отношению к нему[1115]. Аналогичную идею развивают Я. Тенговский и Я. Никодем[1116]. Эта гипотеза, однако, имеет тот существенный недостаток, что ее практически невозможно доказать. Если бы автор первой части «Летописца великих князей литовских» употребил в отношении Войдылы только слово «холоп», то это еще можно было бы объяснить тенденциозностью:

[1113] LM. Knyga Nr. 3. P. 67.

[1114] *Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Cz. 2. Litwa w pierwszych trzech wiekach po przyjęciu wiary chrześciańskiej. Wilno : Drukarnia M. Romma, 1844. S. 2—7; *Чубатий М. Д.* Державно-правне становище украинських земль Литовской держави під кінець XIV в. // Записки Наукового товариства имени Шевченка. Львів, 1924. Т. 134—135. С. 23; *Halecki O.* Zagadnienia kulturalne w dziejach Unji Jagiellońskiej. Warszawa : Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1927. S. 3—4; *Paszkiewicz H.* O genezie ... S. 164—167; *Kosman M.* Między Zakonem krzyżackim, Rusią i Polską (początki chrystianizacji Litwy) // Przegląd Zachodni. 1987. No 5—6. S. 76; *Ліцкевіч А. У.* Да пытання пра рутэнізацыю балтаў ВКЛ у XIV — пачатку XV стст. // Arche. 2009. № 11—12. С. 24—80.

[1115] *Rowell S. C.* Pious Princesses ... P. 21—22.

[1116] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 143—144; *Nikodem J.* Wiarygodność Latopisu wielkich książąt litewskich. S. 158.

«холоп» в данном случае означало бы ту социальную пропасть, которая в представлении хрониста пролегала между неродовитыми боярами и великим князем. Однако хронист очень конкретно определяет первоначальный социальный статус Войдылы: не просто «холоп», но «паробок неволный», в дальнейшем повествовании на этот счет нет никаких внутренних противоречий. Автор последовательно называет все ступеньки карьеры Войдылы: сначала простой слуга-невольник, затем личный слуга великого князя, затем Ольгерд «повел был его в добрых» (дал наместничество в Лиде), и наконец, Ягайло «поведеть его вельми во высокыхь», сделав своим зятем, членом великокняжеской семьи. Аргументов для того, чтобы опровергнуть это сообщение, пока недостаточно. Если же выбирать между прямым свидетельством хроники «как было» и субъективными представлениями исследователя «как должно было быть», то выбор конкретно в этом случае должен остаться за «Летописцем великих князей литовских». По мнению Э. Гудавичюса, в 30-х гг. XV в. великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович, стремясь расширить круг своего дворянства, так же возвышал незнатных землевладельцев и даже жаловал дворянское звание зажиточным крестьянам[1117]; поэтому взлет Войдылы от «паробка невольного» до боярина как один из первых и наиболее ярких примеров такого рода не был чем-то невероятным для средневековой Литвы. Нельзя недооценивать мощь великокняжеской власти Ольгерда, который действительно, вопреки традициям, мог возвысить бывшего холопа, сделав его боярином, лидским наместником. При этом в источниках заретушированной остается роль княгини Ульяны Александровны в этом деле, хотя очевидно, что Войдыла не имел бы шансов жениться на Марии Ольгердовне, если бы и ранее, при жизни Ольгерда, не пользовался поддержкой и благосклонностью своей будущей тещи[1118].

При дворе великих князей литовских Ольгерда и Ягайла существовала должность постельничего. В западнорусском языке он назывался «коморником», а по-латыни cubicularius. Кроме застилания постели постельничий обязан был давать великому князю питьевую воду, вероятно, пробуя ее перед употреблением. Характер этой должности требовал исключительного доверия между великим князем и слугой. Этот фактор, видимо, также повлиял на быстрый карьерный рост Войдылы, поскольку Ольгерд намеренно мог выдвинуть на должность постельничего человека незнатного происхождения, всецело ему преданного и не связанного с какими-либо княжеско-боярскими кланами. Как буквально следует из сообщения Рогожского летописца, Ольгерд вообще не употреблял алко-

---

[1117] *Гудавичюс Э.* История Литвы ... С. 292.

[1118] *Smolka S.* Kejstut i Jagiełło. S. 12; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 144.

голя («понеже пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла»)[1119]. Может быть, это объяснялось мерами безопасности. Один из «коморников» Ягайла — «Прокша, што воду давал ему» — участвовал в убийстве Кейстута. В соответствующем фрагменте хроники Симона Грунау, который основывается на каком-то довольно информированном польском или прусском источнике, этот Прокша назван боярином (Poraxa der bayor)[1120]. В 1395 г. постельничим Ягайла был Литвош, возможно, тождественный польскому шляхтичу Святославу Литвошу из Казанова герба Гжимала († перед 1436)[1121]. Таким образом, некоторые известные нам примеры последней четверти XIV ст. свидетельствуют о том, что постельничие великого князя литовского имели дворянский статус.

Независимо от своего происхождения статус боярина Войдыла получил еще при жизни Ольгерда. Самое раннее упоминание о нем помещено в хронике Виганда из Марбурга. В ней повествуется, как после Пасхи (22 апреля) 1376 г. отряд крестоносцев во главе с Вигандом фон Балдерсхаймом направился для охоты и разбоя в местность под названием Даудишки или Давыдишки (Dewedisken). Этот топоним локализуется в междуречье рек Юра и Пильве, где он сохранялся вплоть до XX в. в форме «Dedyszki»[1122]. Прибыв в пущу, крестоносцы услышали звуки охотничьего рога и наткнулись на троих «язычников». Из них схватили двоих, а третий убежал. Немцам достались также две охотничьи собаки молосской породы («molosos»). На допросе у схваченных людей спросили, чьи они. Те ответили: «Некоторого боярина (bayoris) по имени Войдыла (Waydel), который охотится в этих безлюдных местах». По приказу крестоносцев эти охотники провели отряд ночью к месту, где находился Войдыла со своими людьми. Но, увидев своих, двое этих безымянных героев успели крикнуть и предупредить, что с ними пришли враги. Поэтому Войдыла и его люди сумели бежать, переправившись через большую реку. Тем не менее крестоносцы захватили 40 коней[1123]. Бесхитростный рассказ Виганда не только живо рисует обстановку на пограничье между ВКЛ и Тевтонским орденом в Пруссии, но и позволяет судить, что в тот период, в 1376 г., Войдыла уже был богатым боярином, владел своими собственными «паробками невольными» и имел свиту из нескольких десятков слуг.

[1119] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 117.

[1120] *Grunau S.* Preussische Chronik. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1876. Bd. 1. Tractat 1—14. S. 663.

[1121] *Heymowski A.* Herby polskie w Sztokholmskim *Codex Bergshammer* // Studia Źródłoznawcze. 1967. T. 12. S. 95.

[1122] *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 112.

[1123] SRP. Bd. 2. S. 576.

Наместничество Войдылы в Лиде косвенно подтверждается тем, что он имел земли в непосредственной близости от Лиды. Так, Войдыла владел Дубровенской волостью (districtum Dambrowno), которую позднее, 17 февраля 1387 г., король Польши, верховный князь литовский Владислав (Ягайло) передал Виленскому костелу святых Станислава и Владислава[1124]. Указание С. К. Роуэлла, что «Дубровна» располагалась к северу от Лиды[1125], никак не аргументировано, в этом направлении населенных пунктов с таким названием не выявлено. Согласно визитациям 1781 и 1795 гг., имение «Dubrowna» Лидского повета, пожалование Ягайла костелу, находилось «над рекой Жижмой»[1126]. Я. Фиялэк и В. Семкович, издатели «Кодекса дипломатического кафедры и диоцезии Виленской», локализовали эту волость при впадении р. Гавьи в Неман, где, по их данным, находились д. Дубровка и топонимы Бискупицы. Теперь Жижма считается правым притоком Гавьи, но польские историки отнесли к Жижме отрезок Гавьи от слияния двух рек и до самого впадения в Неман[1127]. На современных картах этой д. Дубровка нет, однако рядом с устьем Гавьи действительно имеются три топонима с одинаковым названием Бискупицы и ряд топонимов типа Ольховка, Березовка, Ельня и т. д.[1128] Впрочем, скорее всего, это вообще неверное направление поисков. Рядом с Лидой, к востоку от города и в нескольких километрах к югу от русла Жижмы, находится д. Дубровня (центр Дубровенского сельсовета Лидского района)[1129]. По всей видимости, именно здесь и был центр древней Дубровенской волости, которая принадлежала Войдыле. Это соотносится с данными А. Киркора о том, что в его время (1882 г.) в 5 верстах восточнее Лиды в имении «Домбровка» (судя по расстоянию и направлению, речь здесь может идти про современную Дубровню) «указывают место и каменные фундаменты дворца Войдылы»[1130]. Археологического подтверждения последний факт пока что не имеет.

В описании дорог «Die Littauischen Wegeberichte», составленном в Тевтонском ордене в конце XIV — начале XV в., упоминается село Wayteldorffe. Контекст следующий: от Вилькомира до Дялтувы 1 миля

[1124] KDKDW. S. 4—5 (вариант A), 7 (вариант B).

[1125] *Rowell S. C.* Pious princesses ... S. 22.

[1126] *Kurczewski J.* Kościół Zamkowy czyli Katedra wileńska: w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju. Cz. 2. Źródła historyczne na podstawie aktów kapitulnych i dokumentów historycznych. Wilno: Nakładem i drukiem J. Zawadskiego, 1910. S. 142—143.

[1127] KDKDW. S. 4.

[1128] Топографическая карта N-35-076.

[1129] Топографическая карта N-35-075.

[1130] Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. М. ; СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1882. Т. 3. С. 170.

(7,5—8 км), от Дялтувы до Вепрай 1 миля, от Вепрай до Wayteldorffe 2 мили (15—16 км), причем между ними размещалась какая-то священная роща, а от Wayteldorffe до Саленикай (близ впадения р. Швянтойи в Вилию) также 2 мили[1131]. Помимо того, что точная локализация этого села встречается с некоторыми трудностям, еще нет полной уверенности, что оно действительно принадлежало интересующему нас боярину Войдыле, а не какому-то языческому жрецу («vaidila»).

Согласно «Летописцу великих князей литовских», брак Войдылы с Марией Ольгердовной был заключен спустя 2—3 года после смерти Ольгерда, т. е. приблизительно во второй половине 1379 г. Косвенным аргументом при датировании может служить свидетельство «Летописца», что Войдыла начал «записываться грамотами» против великого князя Кейстута именно после женитьбы на Марии Ольгердовне. Это еще более сужает датирование, поскольку, по хронике Виганда, тайные переговоры Ягайла с крестоносцами, направленные против Кейстута, начались в Вильно приблизительно в начале октября 1379 г.[1132] Таким образом, брак Войдылы с Марией Ольгердовной можно датировать сентябрем 1379 г. — традиционным месяцем для свадеб после завершения летнего цикла сельскохозяйственных работ. Как отмечает С. К. Роуэлл, это был единственный известный случай, когда княжна из дома Гедимина была выдана замуж за сравнительно незнатного человека[1133] (добавим: по крайней мере не из княжеского рода). О потомстве от этого брака ничего не известно.

Мария Ольгердовна относилась к тем четырем дочерям Ольгерда, которые вышли замуж уже после смерти отца. С учетом датирования брака, когда невесте должно было исполниться не более 16—17 лет, родилась она, как предполагает Я. Тенговский, около 1363 г.[1134] Моложе ее были братья Коригайло, Александр Вигунт, Свидригайло и сестры Александра (с 1387 г. жена мазовецкого князя Земовита IV), Вильгейда (в католичестве Екатерина, с 1388 г. жена будущего мекленбург-штаргардского герцога Иоганна II) и Ядвига (приблизительно с 1394 г. жена освенцимского князя Яна III)[1135]. Неясно, правда, когда именно и при каких обстоятельствах Мария Ольгердовна приняла православие — в детстве ли или только в отрочестве.

«Летописец великих князей литовских» сообщает, что вторым мужем Марии Ольгердовны был князь Давыд. Речь идет о городецком князе

[1131] SRP. Bd. 2. S. 695.
[1132] Ibid. S. 605.
[1133] *Rowell S. C.* Pious princesses ... S. 23.
[1134] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 143.
[1135] Ibid. S. 145—161.

Давыде Дмитриевиче[1136], по имени которого назван Давыд-Городок — в XIV—XV вв. центр автономного Городецкого княжества в составе ВКЛ. Оба — Давыд и Мария — упомянуты как супруги в Любецком и Введенском синодиках[1137]. Давыд Дмитриевич впервые появляется в актовых источниках 26 апреля 1388 г. на первом месте среди князей и бояр — поручителей за новгород-северского князя Дмитрия Корибута[1138]. Столь высокий статус означает, что он породнился с правящей династией Ольгердовичей еще до 1388 г. Попытку Ю. Пузыны отнести его (а заодно и князей Плаксичей) к потомкам пинского князя Наримонта Гедиминовича[1139] сложно признать убедительной, как, впрочем, и большинство его построений, касающихся генеалогии Наримонта и Наримонтовичей. Более вероятным представляется, что он был по происхождению Рюриковичем, сумевшим сохранить своей небольшой полесский удел благодаря связям с правящей верхушкой Гедиминовичей, подобно князьям Друцким и Острожским. Последний раз он упоминается как свидетель документа 8 сентября 1418 г. («Davide de Grodek»)[1140]. В браке с Марией Ольгердовной он имел старшего сына Митка (Дмитрия), который во время междоусобицы и войны 30-х гг. XV в. принадлежал к партии своего дяди Свидригайла Ольгердовича и был казнен по приказу великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича[1141]. Как и при Давыде Дмитриевиче, Городецкое княжество при Митке Давыдовиче сохраняло свой

[1136] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy ... S. 135; *Грушевский А. С.* Пинское Полесье : исторические очерки. Ч. 2. С. 2; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 144—145.

[1137] «Князя Давида Димитриевича Городецкого и княгиню его Марию» (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику ... С. 29). Ср.: Поменник Введенської церкви ... С. 19.

[1138] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 38.

[1139] *Puzyna J.*: 1) Narymunt Gedyminowicz // Miesięcznik heraldyczny. 1930. No 3. S. 37—38; 2) Potomstwo Narymunta Gedyminowicza // Miesięcznik heraldyczny. 1931. No 9. S. 193—199.

[1140] *Semkowicz W.* Nieznane nadania Witolda dla osób prywatnych // Ateneum Wileńskie. Wilno, 1930. R. 7. Z. 3—4. S. 854; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 145.

[1141] Документ Свидригайла Ольгердовича (Перемышль, 3 ноября 1436 или 1451 г.): «Ино тотъ Радивилъ, который передъ тымъ тое имѣнье держалъ, стоя на своего господара, на сестренца нашого князя Митка Давыдовича... и выдалъ его князю Жыкгимонту неподобными речьми. У той то речы князь Жыкгимонтъ князя Митка инялъ и згубилъ» (Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присовокуплением привилегий на входы в пущи и на земли. Вильна : Виленская археографическая комиссия, 1867. Т. 1. С. 327—328).

автономный статус[1142]. Вторым сыном городецкого князя Давыда Дмитриевича и Марии Ольгердовны был Володко Давыдович, упоминаемый в ряде документов 30-х гг. XV в. Он (Wolodyko Dawydawicz), в частности, подписал обращение русских князей и бояр к Базельскому собору в поддержку Свидригайла Ольгердовича (Витебск, 22 марта 1433 г.)[1143].

Сообщение «Летописца» об активном участии Войдылы в заключении договоров с Тевтонским орденом прямо подтверждается актовым, нарративным и сфрагистическим материалом (см. ниже).

Заговор против Кейстута

Смысловые элементы 30—32

Уже в июле 1379 г., направив князя Скиргайла Ольгердовича в столицу Тевтонского ордена — Мариенбург (формальным предлогом была его поездка в Липну для участия в свадебных торжествах мазовецкой княжны Маргариты и бжегского князя Генриха)[1144], великая княгиня Ульяна Александровна вступила в прямые контакты с Тевтонским орденом в Пруссии, чтобы с помощью крестоносцев ослабить позиции Кейстута в Великом княжестве Литовском.

Согласно хронике Виганда из Марбурга, сразу после заключения соглашения о 10-летнем перемирии между ВКЛ и Тевтонским орденом в Пруссии (29 сентября 1379 г.), представители крестоносцев — комтур Бранденбурга Гюнтер фон Гоэнштайн, фогт Диршау Альбрехт фон Люхтенберг и переводчик Фома Сурвила (литвин по происхождению) — отправились сначала в Троки к Кейстуту, а затем в Вильно, где трое суток вели тайные переговоры с великим князем литовским Ягайлом.

[1142] Во второй половине XV в. это отмечала княгиня Анна, вдова Свидригайла: «Князь Митко был волен, кого хотел пожаловати слуг своих, того жаловал» (*Грушевский А. С.* Пинское Полесье : исторические очерки. Ч. 2. С. 7).

[1143] Bullarium Poloniae litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens. T. 5 : 1431—1449 / wyd. I. Sułkowska-Kurasiowa, S. Kuraś. Romae ; Lublin : École Française de Rome, 1995. S. 250—251, No 1361. — В более раннем издании этого акта имя Володки Давыдовича было передано искаженно — «Wolodiko Saroydawitiz» (см.: Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio / ed. E. Martene, U. Durand. Parisiis : Apud Montalant, 1733. T. 8. Col. 576). Благодарю А. Брыля за указание на этот факт.

[1144] *David L.* Preussische Chronik. Bd. 7. S. 156; *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 17; *Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 472; *Tęgowski J.* Ślub Małgorzaty Siemowitówny z Henrykiem VIII księciem Brzegu (Przyczynek źródłowy) // Studia Źródłoznawcze. 2007. T. 45. S. 43—44.

После этого Ягайло сообщил великому магистру Тевтонского ордена Винриху фон Книпроде о своем согласии принять католичество[1145].

Уже в договоре о перемирии между великим князем литовским Ягайлом и Полоцкой землей, с одной стороны, и магистром Тевтонского ордена в Ливонии Вильгельмом фон Фримерсхаймом, с другой стороны, заключенном 27 февраля 1380 г., имелся пункт, непосредственно направленный против Кейстута: «Из этого мира и перемирия король Кейстут, и его люди, и его земля, и те люди из Жемайтии целиком должны быть исключены, так что никакого мира и перемирия с указанным королем Кейстутом и теми людьми из Жемайтии не желаем соблюдать»[1146].

Печати Кейстута и Витовта, привешенные к договору с Тевтонским орденом о перемирии на 10 лет (1379). На печати Кейстута надпись: S[IGILLUM] KYNSTVTTE DVX DE TRACKEN; на печати Витовта: S[IGILLUM] DVCIS VITAVTO

Далее, 31 мая 1380 г., был заключен договор в лесу Даудишки (Давыдишки). Это было место, откуда начиналась так называемая «пустыня» — обширное ненаселенное пространство между Пруссией и ВКЛ, где из-за постоянных нападений и перемещений военных и разбойничьих отрядов никто не жил. Если верить хронике Виганда, переговоры по поводу этого соглашения велись во время охоты, в которой по приглашению великого магистра Винриха фон Книпроде принимали участие вели-

---

[1145] SRP. Bd. 2. S. 604—605.

[1146] «Ab istis vero pace et treugis rex Keynstuthe, et sui ac terra sua, et illi de Sameythen omnino esse debeant exclusi, ita quod nullas pacem et treugas inter praedictos regem Keynstuthen et illos de Sameythen volumus obtinere» (*Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... Дадатак 1. С. 109).

кий князь литовский Ягайло, князья Витовт Кейстутович и Иван Ольгимонтович, а также Войдыла. Со стороны Ордена присутствовали великий комтур Рудигер фон Эльнер, великий госпитальер и комтур Эльблонга Ульрих фон Фрике и фогт Диршау Альбрехт фон Люхтенберг[1147]. Учитывая содержание согласованного на этих переговорах документа, присутствие Витовта на охоте было довольно двусмысленным. Остается предполагать, что он не знал о заключении этого договора и дело велось втайне от него, хотя в это и трудно поверить[1148]. В целом пункты договора составлены в весьма уклончивых (если не сказать умышленно туманных) выражениях. Ягайло, титулованный верховным королем литвинов, обещал Тевтонскому ордену в Пруссии и Ливонии мир и безопасность, обязывался не нападать на его территории и не причинять им никакого вреда. Если бы случилось так, что войска Ордена напали на земли Кейстута и его сыновей, то Ягайло обещал не начинать против них военные действия. Если же по какой-то причине люди Ягайла захватят людей Ордена и наоборот, то все захваченные должны быть возвращены без выкупа. Некоторый выкуп за пленных необходимо давать для сокрытия истинных намерений, но в реальности обе стороны не должны брать за них ни деньги, ни товары. Несмотря на некоторые расплывчатые и туманные формулировки, общий смысл договора не оставляет сомнений в том, что Ягайло отказывался от любой военной помощи Кейстуту, если бы на него напали войска Тевтонского ордена[1149]. К экземпляру документа, полученному Тевтонским орденом, привешены печати Ягайла и Войдылы. Печать Войдылы на желтом воске имеет изображение креста с треугольными стрелками на концах, вокруг которого идет надпись: «ВОИДИ(Л)ОВА ПЕЧАТЫ» (правая мачта буквы «Л» не отпечаталась или повреждена, поэтому буква может читаться как «Т»)[1150].

Общее содержание соглашений 1380 г. между ВКЛ и Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии (вернее, содержание пунктов, направленных против Кейстута) точнее всего передано в «Witoldes sache», где говорится буквально следующее: «Vnd vn*ser*n fater gab her vs, das her der heeren solde, vnd globte, das her vn*ser* fatir nicht helfen welde». Темным ме-

---

[1147] SRP. Bd. 2. S. 604.

[1148] *Гудавичюс Э.* История Литвы ... С. 154.

[1149] Текст и комментированный перевод на белорусский язык см.: *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... Дадатак 1. С. 110—112.

[1150] Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Tl. 1. Vom Jahre 1198 bis zum Jahre 1449 incl. Dorpat ; Riga : E. Frantzen's Buchhandlung, 1833. S. 111, No 436; *Barwiński B.* Pieczęć ruska Wojdyły z r. 1380: (Przyczynek do sfragistyki litewskiej) // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. 1910. No 9. S. 144; *Барэйша Ю.* Аб атрыбуцыі, сімволіцы і датаванні манет ВКЛ з ільвом і крыжом // Банкаўскі веснік. 2007. № 16 (381). С. 60, мал. 3.

стом этой фразы является выражение «das her der heeren solde», так как не вполне ясно, к кому оно относится — к Ягайлу или Кейстуту. Готовя первый перевод «Witoldes sache» на белорусский язык, я предположил, что речь здесь идет о том, что Ягайло обязался предоставить Ордену вспомогательные войска против Кейстута. Однако после тщательного сличения с содержанием соглашений 1380 г. это предположение кажется ошибочным. Выражение «das her der heeren solde» относится все же к Кейстуту и означает, что Кейстут должен будет воевать с Орденом в то время, как на остальные земли ВКЛ в соответствии с соглашениями 1380 г. распространяется перемирие. Таким образом, первая часть фразы: «Vnd vn*ser*n fater gab her vs, das her der heeren solde» в точности передает содержание договора с Тевтонским орденом в Ливонии от 27 февраля 1380 г., а вторая часть: «Vnd globte, das her vn*ser* fatir nicht helfen welde» сжато описывает содержание договора от 31 мая 1380 г., заключенного в лесу Даудишки.

В «Летописце великих князей литовских», напротив, внимание сосредоточено не на этих аспектах, а на том, что Войдыла преследовал цель захватить некоторые владения Кейстута, которые в случае успеха перешли бы к нему как к мужу княжны Марии Ольгердовны. Возможно, такое расхождение с «Witoldes sache» объясняется тем, что автор первой части «Летописца» имел в виду не сам текст соглашений 1380 г., а информацию, содержавшуюся в письме комтура Гюнтера фон Гоэнштайна к Кейстуту, в котором сообщалось о тайных договоренностях между Ягайлом и Орденом. Так или иначе обвинение Войдылы в намерении захватить земли Кейстута не находит подтверждения в тех соглашениях между ВКЛ и Орденом, которые сохранились до нашего времени.

О Гюнтере фон Гоэнштайне, именуемом в «Летописце» «Гунстыном», я уже вкратце говорил, когда характеризовал некоторые интерполяции, внесенные Т. Нарбутом в текст хроники Быховца. В сентябре 1344 г. Гоэнштайн фиксируется в документах как комтур Шветца (теперь городок Свеце на севере Польши). С 22 сентября 1349 г. по 1370 г. он был комтуром Остероде, а с 4 июня 1370 г. до самой смерти, наступившей 22 июля 1380 г., — комтуром Бранденбурга[1151].

На то, что Гоэнштайн был кумом («compater») Кейстута, указывает также хроника Виганда[1152]. Однако «Летописец» содержит дополнительные уникальные сведения о том, что Гоэнштайн был крестным отцом Анны Дануты Кейстутовны († 1448), которая вышла замуж за мазовецко-

[1151] *Voigt J.* Namen-Codex ... S. 23, 42, 53; SRP. Bd. 3. S. 114; *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 57.

[1152] SRP. Bd. 2. S. 605.

го князя Януша I Старшего († 1429)[1153] не позднее 27 сентября 1376 г., а по некоторым гипотезам либо между 1371 и 1373 гг., либо около 1370 г.[1154] Если прочитать «Летописец» буквально, т. е. признав, что Анну Дануту Кейстутовну Гоэнштайн крестил именно в качестве комтура Остероде, то terminus ante quem для этого бракосочетания действительно ставит 1370 г.

Хотя Гоэнштайн не присутствовал при заключении договора 1380 г. на охоте в лесу Даудишки, он принимал участие в тайных переговорах с Ягайлом, состоявшихся в Вильно ранее, в октябре 1379 г., поэтому был в курсе всех этих дел. Странное для брата Тевтонского ордена стремление предупредить Кейстута об опасности может объясняться личной приязнью, существовавшей между ними; кроме того, Гоэнштайну было нечего терять: в том же 1380 г., через семь недель после заключения договора в лесу Даудишки, он умер и, скорее всего, успел отправить предупреждение Кейстуту, уже находясь на смертном одре. С. Смолька удивлялся, почему после этого предупреждения Кейстут ждал еще год с лишним, прежде чем решиться на государственный переворот и свергнуть Ягайла[1155]. Но нельзя забывать, что Кейстут первоначально мог воспринять это известие как провокацию крестоносцев (чем, впрочем, оно, вполне возможно, и являлось). Кроме того, в «Летописце» ясно и последовательно указывается, что предупреждение, присланное Гоэнштайном, было лишь одним фактом в цепочке доказательств, которые Кейстут собирал, чтобы убедиться самому и убедить Витовта во враждебных намерениях Ягайла. Следующим доказательством стала осада Полоцка в 1381 г., в ходе которой войскам Ягайла и Скиргайла помогали рыцари Тевтонского ордена в Ливонии. Совокупность фактов показывает, что свой переворот Кейстут готовил тщательно и осторожно, — по крайней мере нет никаких оснований считать его каким-то спонтанным эмоциональным актом.

Осада Полоцка и переворот, организованный Кейстутом

Смысловые элементы 32—43

После того как великий князь полоцкий Андрей Ольгердович на рубеже 1377 и 1378 гг. покинул Полоцк, выехав сначала во Псков, а затем в Москву[1156], князем в Полоцке стал Семен Лынгвен Ольгердович.

[1153] *Sobol B.* Janusz I Starszy (ok. 1329 — 1429) // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1962—1964. T. 10. S. 581—582.

[1154] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 218; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 1. S. 116—117.

[1155] *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 57.

[1156] Псковские летописи. Вып. 1. С. 24; ПСРЛ. Т. 3. С. 375.

В качестве великого князя полоцкого Семен Лынгвен закрепил своей печатью договор о перемирии между ВКЛ и Тевтонским орденом в Пруссии от 29 сентября 1379 г.[1157] Вскоре между ним и Ягайлом произошел какой-то конфликт, в результате которого Семен Лынгвен покинул полоцкий столец и на протяжении более чем десяти лет, в отличие от других своих братьев, не имел какого-либо значительного удела в ВКЛ (лишь после 1390 г., когда погиб его брат мстиславский князь Коригайло Ольгердович, Семен Лынгвен получил во владение Мстиславскую землю).

Приблизительно в первой половине 1381 г. великий князь литовский Ягайло потребовал, чтобы Полоцк принял к себе князем другого его брата Скиргайла Ольгердовича. Скиргайло даже приехал в город, но полочане силой изгнали его, так как князь не принял православие, а оставался язычником (так передает суть раздора Виганд из Марбурга[1158]). Хронист Детмар из Любека уточнил, что полочане издевательски посадили Скиргайла на коня и выгнали из города[1159]. То же повторил и Альберт Крантц в своей книге «Вандалия», вышедшей в 1519 г., добавив, что полочане, посадив Скиргайла на клячу, прокляли его, если он когда-нибудь еще раз вернется в Полоцк[1160].

Сообщение «Летописца великих князей литовских» об осаде Полоцка значительно дополняется известиями других хроник. Так, немецкие хроники — «Торуньские анналы», хроники Детмара из Любека и оффициала Иоганна — датируют начало осады днем святого Лаврентия (10 августа) 1381 г.[1161] Однако следует учитывать, что это, скорее всего, день, в который к осаде приступили войска Тевтонского ордена в Ливонии, приглашенные Скиргайлом. Согласно хронике Виганда, Скиргайло обратился за помощью к ливонским крестоносцам, когда уже стоял под Полоцком и когда «русины обороняли город (opidum)»[1162]. Таким образом, собственно осада могла начаться еще в июле 1381 г. В Новгородской I летописи младшего извода осада Полоцка вообще датируется осенью 6889 г. (1381 г. по мартовскому стилю), что, видимо, связано с большой дли-

---

[1157] *Ліцкевіч А. У.* Некалькі заўваг пра мову Ягайлы і геаграфічныя асаблівасці Гарадзенскай зямлі ў 1379 г. // Arche. 2010. № 1—2. С. 696.

[1158] «Ruteni vero putabant in nullo eventu habere regem paganum et vi expulerunt eum» (SRP. Bd. 2. S. 607; см. также: *Nikodem J.* Rola Skirgiełły na Litwie do 1394 roku // Scripta minora. Poznan, 1998. T. 2. S. 88; *Матузова В. И.* Борьба за Полоцк в «Новой прусской хронике» Виганда Марбургского // Норна у источника Судьбы : сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М. : Индрик, 2001. С. 256).

[1159] «...De wart honliken van den Russen vorwiset uter stad Ploscowe: se setten ene up en perd unde togen ene mit den perde uter stad» (SRP. Bd. 3. S. 116—117).

[1160] *Krantz A.* Wandalia. Coloniae: Soter, 1519. Lib. IX, cap. VIII.

[1161] SRP. Bd. 3. S. 116.

[1162] SRP. Bd. 2. S. 607.

тельностью этой военной кампании; в псковских летописях по какой-то причине датирование ошибочное (6890 г.)[1163].

В обмен на военную помощь крестоносцев Скиргайло обещал ливонскому магистру в случае победы передать в вечное владение какую-то небольшую территорию — вероятно, одну из земель Полоцка в Подвинье[1164]. Полочане, в свою очередь, направили посольство в Великий Новгород. Как сообщил новгородский летописец: «И много бысть им тягости; и прислаша к Новугороду, просяще помоци по крестиянству: „Помогли бы есте по нас". И не бысть им помощи от Новаграда». Единственное, что сделали новгородцы, это отправили свое посольство во главе с боярином Юрием Онцифоровичем к великому князю литовскому Ягайлу, но содержание и цели этого посольства неясны[1165].

Согласно немецким и русским источникам, осада Полоцка продолжалась 13—14 недель[1166]. Если она началась в период с середины июля по 10 августа 1381 г., то завершилась в октябре или ноябре того же года. Взять город силам ВКЛ так и не удалось[1167].

На основе этих данных приблизительно устанавливается период, когда Кейстут захватил Вильно и арестовал Ягайла, его мать и братьев. Государственный переворот в ВКЛ произошел в октябре (самое позднее — ноябре) 1381 г. Одной из причин его успеха стало то, что под Полоцком находились самые боеспособные силы Ягайла — все его «войско литовское и русское». Оборона Виленского замка оказалась ослаблена, тем более что Ягайло не ожидал нападения ни от Тевтонского ордена, ни от внутренних неприятелей. Собрав армию, Кейстут распустил слухи, что идет походом на Пруссию, но неожиданно повернул и тайно направился к Вильно. Как сообщают «Торуньские анналы», вперед он выслал своих людей, которые прятали под одеждой оружие[1168].

[1163] ПСРЛ. Т. 3. С. 377; Псковские летописи. Вып. 1. С. 24; Псковские летописи. Вып. 2. С. 29.

[1164] «Unde Schirgal mittit legatos magistro Lyvoniensi, vocans eum, promittens ordini dare terriculam perpetuo possidendam» (SRP. Bd. 2. S. 607).

[1165] ПСРЛ. Т. 3. С. 378.

[1166] Псковские летописи называют цифру 13 недель; «Торуньские анналы» и оффициал Иоганн — 14 недель; Детмар из Любека по одному со списков — 16 (вероятно, описка), по другому — 14; согласно хронике Виганда из Марбурга, войско крестоносцев стояло под Полоцком всего лишь 11 дней, что явная неточность (Псковские летописи. Вып 1. С. 24; Псковские летописи. Вып. 2. С. 29; SRP. Bd. 2. S. 607; SRP. Bd. 3. S. 116—117).

[1167] «И заступи Бог и святая Софея свои дом, и отъидоша, города не вземше» (ПСРЛ. Т. 3. С. 378).

[1168] «Eodem anno Kinstut tradicione cepit castrum Vilne, qui venit latenter, fingens se velle vastare terram christianorum, premissis aliquibus sub vestibus armatis. In Vilna cepit Jagell regem et matrem ejus et omnes, qui fuerunt in castro; sed tamen omnibus

Весьма интересны данные «Летописца» о том, что в Виленском замке Кейстут нашел грамоты, которыми Ягайло и Войдыла «записались» с немцами против него. Это были оригиналы соглашений 1380 г., которые орденская сторона передала великому князю литовскому Ягайлу; при этом один из указанных оригиналов (орденский экземпляр договора с Ливонией) сохранился до наших дней. Из «Летописца» прямо следует, что древний архив ВКЛ, по крайней мере до 1381 г., хранился в одном из Виленских замков — Верхнем или Нижнем[1169]. Об этом же, кстати, осталось любопытное свидетельство самого Ягайла: в одном из документов 1388 г. он писал, что сразу после смерти Ольгерда приказал исследовать отцовскую сокровищницу и нашел там сундуки с межгосударственными актами и письмами[1170].

Слухи о перевороте вскоре достигли Пруссии и были отражены в переписке современников этих событий. Одно из недатированных безымянных писем, текст которого сохранился в манускрипте Breslauer Formelbuch из Кенигсбергской библиотеки, было написано, вероятно, духовным лицом. Хотя автор путался в родственных связях между Гедиминовичами и считал, что Ягайло был дядей (patruus) Кейстута, он, однако, передал ряд ценнейших подробностей, которые позволяют верифицировать сообщения «Летописца» и других хроник. Кейстут, как указывается в письме, собрав свое войско, двинулся «к границам христианского мира», будто бы планируя напасть на христианские земли. Внезапно он повернул на Вильно и захватил главного короля Литвы с его матерью, которые безуспешно пытались бежать. О судьбе главного короля автор письма еще не имел данных. Но он знал, что брат короля, державший вместе с ливонским магистром в осаде некий замок русинов, отправился в Ливонию и остался там. В захваченном Вильно Кейстут собрал в одном месте литвинов, своих вассалов, в том числе главного короля Литвы и его братьев, и заставил их принять присягу верности, скрепив ее кровью заколотого жертвенного животного[1171]. Практически во всех этих деталях

---

libertati restitutis Jagel et matrem ipsius ad terras ipsius Ruthenicas in pace transmisit» (SRP. Bd. 3. S. 117).

[1169] *Косман М.* З гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага. С. 54.

[1170] «Czum ersten, do vnser vater vorscheiden was, do wir ein erbeling worden des obersten furstentums czu Littowen, do suchte wir vnd sagen alle dy schrin vnd kasten der schacze des vorgenanten vnszs vaters vnd funden in beheldnisse eczlicher bullen des allirheilgesten in gote vaters des romischen babstes vnd ouch bullen des Romisschen keisers vnd viler konige vnd fursten, di vnsz vorfarende vnd vns manende doran hilden, das wir di heilge touffe vnd den glowben des waren gots czu vns entfingen» (SRP. Bd. 2. S. 714).

[1171] Codex diplomaticus Silesiae. Bd. 5 : Das Formelbuch des Domherrn Arnold von Protzan / hsgb. von W. Wattenbach. Breslau : Josef Max & Komp., 1862. S. 315;

цитируемое письмо повторяет и подтверждает известия «Witoldes sache», «Летописца великих князей литовских» и «Торуньских анналов». Это касается и сообщения о присяге верности, которая в «Летописце» названа «правдой», а в «Witoldes sache» — «truwe».

Как видим, о судьбе Ягайла, захваченного в Вильно, некоторое время не было точных известий. Слухи на этот счет, циркулировавшие в Польше, отразились в известном сообщении польского хрониста Яна из Чарнкова о том, что Ягайло был якобы в кандалах отправлен в Полоцк — город на «Белой Руси»[1172]. Напротив, согласно «Летописцу», Ягайло вместе с братьями и матерью, княгиней Ульяной Александровной, содержался в весьма мягких условиях и вскоре был направлен княжить в Витебск (последний факт косвенно подтверждается и цитированными выше «Торуньскими анналами»). Автор первой части «Летописца» утверждает даже, что за Ягайлом было сохранено и Крево. Это кажется странным, учитывая стратегическое значение этого мощного замка, стоящего в опасной близости от Вильно.

Кто из братьев был арестован вместе с Ягайлом в Вильно? Определенно можно говорить только про самых младших Ольгердовичей, которые в 1381 г. еще были детьми и подростками, — это Вигунт, Свидригайло и, возможно, Коригайло (был ли жив к тому времени Минигайло, сказать трудно). Если Семен Лынгвен был в конфликте с Ягайлом, то, наверное, его не было в Вильно осенью 1381 г. Дмитрий Корибут, который в то время уже княжил в Новгороде-Северском, также, вероятно, не попал в руки Кейстута и в дальнейшем не стал ему подчиняться.

Наконец, на основе «Летописца» можно сделать вывод, что мятежный Полоцк сразу же покорился власти нового великого князя литовского Кейстута. Это свидетельствует о том, что главной причиной восстания 1381 г. было скорее не стремление полностью и навсегда отделиться от Великого княжества Литовского, а именно недовольство полочан назначением нового князя (Скиргайла), которое, вероятно, не было согласовано с представителями городской властной верхушки.

Переворот, организованный Ягайлом

Смысловые элементы 44—51

Согласно «Торуньским анналам», поход Кейстута на Новгород-Северский начался перед днем Святой Троицы, который в 1382 г. праздновался в воскресенье 25 мая. Эта немецкая хроника также передает

Prochaska A. Przyczynki krytyczne do dziejów unii. Kraków : Akademia Umiejętności, 1896. S. 12.

[1172] MPH. T. 2. S. 719.

несколько любопытных подробностей: Кейстут якобы отправился в поход, чтобы отомстить Ягайлу за некоторые обиды, а именно за то, что Ягайло задержал его послов и ограбил посольство, направленное к нему из какой-то области Руси[1173]. Несколько иначе описывает дело «Старшая хроника великих магистров»: Кейстут пошел походом на Ягайла и Корибута якобы потому, что они задерживали выплату дани[1174]. Из этих известий следует, что Кейстут направился в поход на Новгород-Северский, уже находясь в состоянии войны с Ягайлом, а это прямо противоречит данным «Летописца» о том, что Ягайло должен был присоединиться к Кейстуту в этом походе. Это, впрочем, не значит, что верна именно та версия событий, которая представлена в немецких хрониках.

Можно предложить следующую комбинацию немногочисленных известных нам фактов.

В декабре 1379 г. московские войска «взяша город Трубческы и Стародуб», которые принадлежали Великому княжеству Литовскому[1175]. В период между ноябрем 1381 г. — июнем 1382 г. великий князь Кейстут заключил с Москвой мирное соглашение. В нем регламентировался статус спорных приграничных территорий (в частности, волости Осуга в Ржевской земле)[1176], и, возможно, Кейстут пошел на уступки в вопросе о принадлежности Трубчевска и Стародуба, юридически оформив передачу этих территорий Москве. Этому не подчинился новгород-северский князь Дмитрий Корибут, захвативший по меньшей мере Трубчевск[1177]. Управляя Новгород-Северским княжеством приблизительно с 1375 г. и будучи зятем рязанского великого князя Олега Ивановича[1178], Дмитрий Корибут, видимо, занимал антимосковские позиции. Впрочем, его непослушание Кейстуту можно рассматривать и как часть заговора младших Ольгердовичей, нацеленного на то, чтобы выманить Кейстута как можно дальше от Вильно и захватить в его отсутствие ключевые замки Литвы. На это же был рассчитан и отказ выплачивать дань Кейстуту.

[1173] «Eodem anno ante festum penthecostes Kinstut volens vindicare injuriam sibi factam per Yagell, filium fratris sui Alger, qui nuntios suos tenuit et sibi missa a Rutenis spoliavit» (SRP. Bd. 3. S. 121). Праздник Троицы как ориентир для датирования переворота в Вильно упоминает и Ян из Чарнкова (МРН. Т. 2. S. 719).

[1174] «Selber czog her mit macht ken Rewsen uff Jagel und Carbod, die em seyne czins hatten uff gehalden» (SRP. Bd. 3. S. 602).

[1175] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 138.

[1176] «А которыи места волостили веда(ли) Осугу пры великом князи Кестути, и твоим волостелем по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не въступатисе» (Духовные и договорные грамоты ... С. 160—161, 329—330).

[1177] Среди князей и бояр, поручившихся за новгород-северского князя Дмитрия Корибута в 1388 г., был и «трубецьский воевод(а) Глѣбъ Евдокимович» (*Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 38).

[1178] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 106—107.

Как отмечал С. Смолька, Ягайло при этом до последнего момента внешне не поддерживал Дмитрия Корибута, поэтому Кейстут и мог потребовать от него вместе направиться на Новгород-Северский[1179]. Тогда Ягайло, видимо, еще и под впечатлением от известий об убийстве Войдылы, сбросил маску лояльности, задержал направленное к нему посольство Кейстута и ограбил какое-то русское посольство — точно не тверское, а, скорее всего, московское, ехавшее через Витебскую землю в Вильно и намеревавшееся, наверное, потребовать от Кейстута выполнения условий ранее заключенного мирного соглашения.

Отправляясь в поход против Дмитрия Корибута, Кейстут оставил на великом княжении в Вильно и во всей Литовской земле своего сына Витовта. Известия «Летописца» в данном случае подтверждаются «Торуньскими анналами», хроникой Детмара из Любека и «Старшей хроникой великих магистров»[1180].

Сложно реконструировать обстоятельства, при которых Войдыла был повешен. Это связано с тем, что мы не знаем, когда и как он был схвачен людьми Кейстута. Представляется невозможным, чтобы Войдыла продолжал исполнять обязанности наместника в Лиде в период правления Кейстута, т. е. во второй половине 1381 г. и первой половине 1382 г. Имеет смысл привлечь в этом контексте еще один источник, прямо касающийся Войдылы. И. Фойгт в 5-м томе своей «Истории Пруссии» пересказал содержание следующего документа, обнаруженного в архиве Тевтонского ордена: Войдыла (Waytil) из Литвы получил от великого магистра Винриха фон Книпроде две гуфы (приблизительно 15—20 гектаров) земли близ орденского замка Рагнит (теперь г. Неман Калининградской области) на территории Пруссии при условии, что он отдаст их и вернется в Литву в свои владения, когда эта земля будет завоевана[1181].

По мнению А. Прохаски, этот документ означает, что крестоносцы таким образом наградили Войдылу за его усилия в деле присоединения Жемайтии к Тевтонскому ордену[1182]. Такая интерпретация кажется ошибочной и тенденциозной, поскольку в документе, в том виде, как его процитировал И. Фойгт, речь идет не о Жемайтии, а о Литве, и ясно указывается, что Войдыла получил эти две гуфы земли в тот период, когда по каким-то причинам вынужден был находиться на территории Ордена и не мог вернуться в Великое княжество Литовское. Отпадает и предложенный А. Прохаской мотив: будто бы Войдыла получил эту землю за

[1179] *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 68.

[1180] SRP. Bd. 3. S. 121—122, 602.

[1181] *Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. 5. S. 354; *Daniłowicz I.* Skarbiec ... T. 1. S. 232.

[1182] *Prochaska A.* Upadek Kiejstuta. S. 498—499.

«измену». Это, конечно, слишком мизерная награда для одного из первых бояр ВКЛ, зятя великого князя литовского. Да и вряд ли в данном случае можно говорить об «измене» со стороны Войдылы, просто выполнявшего распоряжения и волю Ягайла и Ульяны Александровны. Единственным возможным объяснением этой ситуации может быть то, что в конце 1381 г., когда власть в ВКЛ захватил Кейстут, Войдыла бежал в Пруссию и нашел временное убежище у крестоносцев. Вполне вероятно, что именно отсюда, из местности близ Рагнита, он, как пишет Э. Гудавичюс, «дирижировал» заговором Ягайла против Кейстута в 1382 г.[1183] Относительно остального можно только догадываться: люди Кейстута могли схватить Войдылу, когда он тайно вернулся в ВКЛ, либо выкрасть с территории Пруссии.

Так или иначе гибель Войдылы датируется концом мая или началом июня 1382 г.

О ходе и результатах военной кампании Кейстута против Новгорода-Северского практически ничего не известно, кроме лаконичного сообщения Виганда, что Кейстут был изгнан с Руси, потеряв убитыми 500 человек[1184].

Ключевую роль в захвате Вильно, согласно «Летописцу великих князей литовских» и немецким хроникам, сыграла «Ганулева чадь», т. е. люди, возглавлявшиеся виленским горожанином Ганулем (Ганком или Гансом), который был по происхождению рижским немцем[1185]. Сам Немецкий город в Вильно в 80—90-х гг. XIV в. располагался вокруг костела св. Николая в западной части нынешнего Старого города[1186]. После переворота Гануль сделал успешную карьеру при дворе великого князя литовского Ягайла. Он участвовал в заключении мирных договоров между ВКЛ и Тевтонским орденом в Пруссии 31 октября 1382 г. на реке Дубисе. Вместе с князьями Скиргайлом Ольгердовичем и Борисом Кориатовичем он ездил в 1385 г. вначале в Польшу, а затем в Венгрию для переговоров относительно брака Ягайла с польской королевой Ядвигой[1187]. Некоторое время, примерно до начала 1387 г., Гануль исполнял обязанности виленского наместника. От Ягайла он получил имение на р. Кяна, левом при-

---

[1183] *Гудавичюс Э.* История Литвы ... С. 156.

[1184] «Hec acta sunt eo tempore, quo Kynstut in Russia fuerat et cum scandalo expulsus a Rutenis, qui de suis 500 occiderant» (SRP. Bd. 2. S. 611).

[1185] SRP. Bd. 3. S. 602; *Semkowicz W.* Hanul namiestnik wileński (1382—1387) i jego rod // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. S. 4, 6.

[1186] *Каплунайте И.* Роль Немецкого города в Вильнюсе во второй половине XIV в. // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ ; Кам'янець-Подільский, 2017. Т. 4. С. 133.

[1187] Подробнее см.: *Semkowicz W.* Hanul namiestnik wileński ... S. 7—12.

токе р. Вильни[1188], и называл себя в документах «рыцарем» (miles). После прихода Витовта к власти в Великом княжестве Литовском Гануль, видимо, опасаясь за свою жизнь, переехал жить в Польское королевство, в город Казимир близ Кракова, где женился на Анне, придворной даме королевы Ядвиги. Свою недвижимость в Вильно и имение на реке Кяне он отписал виленским францисканцам. Умер Гануль не ранее 25 февраля 1417 г. и не позднее 7 января 1421 г., оставив пятерых сыновей[1189].

Слово «чадь», употребленное в «Летописце», я счел возможным перевести как «люди». Можно, впрочем, трактовать это слово и как «дружина» или даже «ополчение». Так, редактор первого летописного свода ВКЛ, обрабатывая статью 6857 г. о том, как удалось освободить из московского плена «Корьяда и его дружину Литву»[1190], заменил эти слова на выражение «Коръадову чадь»[1191]. Во всяком случае в «Летописце великих князей литовских» здесь идет речь о людях, которых Гануль объединил под своим началом. Согласно «Старшей хронике великих магистров», «Ганс из Риги, а также другие горожане были недовольны суровыми притеснениями, которые чинил Кейстут в отношении своих людей»[1192]. Вероятно, в немецкой общине Вильно ширился протест, во-первых, против жестокости, с которой Кейстут восстанавливал и насаждал языческие порядки, а во-вторых, против преследования тех, кого он подозревал в тайных отношениях с Тевтонским орденом (естественно, виленские немцы оказывались в числе первых подозреваемых). Допущение С. Смольки, что в перевороте участвовали и русские (православные) мещане Вильно[1193], основывается на случайной описке в Супрасльском списке («местить великых» вместо «виленских», как в остальных списках) и не может приниматься в расчет.

Удобный момент для выступления «Ганулевой чади» настал, когда Витовт вместе с женой и матерью выехал из Вильно в Троки, где для забавы была организована охота[1194]. Дальнейшее мы знаем из немецких

[1188] «Nobilis Hanvl heres in Nakyenny, namyesthnyk Vilnensis» (KDKDW. S. 38). Как считали Я. Фиялэк и Вл. Семкович, это имение может находиться либо в районе современной д. Кийонис, либо в районе современной д. Кяна на территории Литовской Республики (топографическая карта N-35-052, левый верхний квадрат).

[1189] *Semkowicz W.* Hanul namiestnik wileński ... S. 14—15; KDKDW. S. 37—38.

[1190] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 370; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 59; ПСРЛ. Т. 18. С. 96—97.

[1191] ПСРЛ. Т. 35. С. 28, 47.

[1192] «Was eyn burger zcur Wille, Hans von Rige gnant, den vordros und ouch andere burger der strengen grusamkeit, dy Kynstod seynen leuthen that» (SRP. Bd. 3. S. 602).

[1193] *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 69.

[1194] SRP. Bd. 3. S. 121, 602.

хроник. Виленский замок остался, как сказано в «Старшей хронике великих магистров», «без людей». Вооруженные горожане стремительно проникли в замок и перебили всех, кто там находился, — по Детмару из Любека, дворовых людей или «челядь» (gesinde) Кейстута. Виганд сообщает о тысяче убитых, но это, вероятно, поэтическое преувеличение[1195]. К Ягайлу был направлен гонец с известием, что он может прибыть в Вильно. Ягайло же в то время, согласно «Торуньским анналам», находился уже не в Витебске, а в с. Вайшвильчяй около границы с Ливонией, где, надо полагать, он встретился и объединил свои силы со Скиргайлом, прибывшим из Ливонии. В день октавы Тела Господня (в четверг 12 июня 1382 г.) Ягайло со своим войском и, вероятно, отрядом ливонских крестоносцев въехал в Виленский замок. Вскоре, однако, сторонники Кейстута попытались штурмовать Виленский замок или взять его в осаду, но были отброшены с большим уроном для себя[1196]. По словам Виганда, нападавших возглавлял Витовт и с обеих сторон погибло по 300 человек[1197].

Выступление против Кейстута было заранее согласовано с Тевтонским орденом. Как позднее сообщили представители Ордена, выступая на Констанцском соборе 1416 г., с просьбой о помощи к великому магистру Винриху фон Книпроде обратился Скиргайло. В ответ крестоносцы потребовали, чтобы Ягайло выдал грамоты, в которых бы обещал, что в течение четырех лет примет католичество. Скиргайло дал такие гарантии[1198]. Поэтому на помощь Ягайлу выступили войска Тевтонского ордена в Пруссии во главе с верховным маршалом Куно фон Гатштайном. Армии встретились в воскресенье, 6 июля 1382 г., в Бражоле (теперь д. Бражуоле) в 3 км от Троков. Здесь Ягайло и крестоносцы заключили соглашение о перемирии до ближайшего дня Успения или Рождества Богородицы (15 августа или 8 сентября 1382 г.)[1199]. После этого они совместно осадили и взяли Троки[1200]. Когда и при каких обстоятельствах Витовт бежал из Троков в Городен вместе с женой и матерью, остается неясным. Хронист Ян из Чарнкова сообщил, к слову, что в Троках Ягайло, спалив замок, захватил всю казну Кейстута[1201]. Факт сожжения замка, впрочем, не подтверждается хроникой Виганда, в которой довольно под-

---

[1195] SRP. Bd. 2. S. 611.

[1196] «Qui Jagel, veniens de Wichtwiltse in octava corporis Christi intravit Vilnam et regnum suum, adversariis suis, qui ipsam obsederant, abinde fugatis, ex quibus tamen multi corruerunt» (SRP. Bd. 3. S. 122).

[1197] SRP. Bd. 2. S. 613.

[1198] CEV. S. 1025—1026.

[1199] Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2 : 1382—1445 / coll. opera A. Lewicki. Kraków : Akademia Umiejętności, 1891. S. 1.

[1200] SRP. Bd. 2. S. 614; Bd. 3. S. 123.

[1201] MPH. T. 2. S. 720.

робно описан процесс переговоров о капитуляции с защитниками Троков[1202].

Сообщения «Witoldes sache» и «Летописца великих князей литовских» о поездке Кейстута в Жемайтию за военной помощью находят прямое подтверждение в хронике Виганда. Согласно ей, Кейстут, проведя некоторое время в Городне, приехал в жемайтские Медники (близ современного г. Варняй), где жемайты заявили, что будут подчиняться Ягайлу только при условии, что он останется язычником, если же нет, то они перейдут на сторону Кейстута. В конце концов к Кейстуту присоединился жемайтский отряд численностью 9 тыс. человек (цифра, вероятно, завышена), с которым он направился под Троки[1203]. О том, что жемайты были в отряде Кейстута, говорится и в «Торуньских анналах»[1204].

Нападение мазовецкого князя Януша на Подляшье и Берестейскую землю

Смысловой элемент 52

После смерти мазовецкого князя Земовита III в 1381 г. Мазовия была разделена на два независимых княжества. Януш I получил земли Черскую, Варшавскую, Ливскую, Закрочимскую, Вышеградскую, Цехановскую вкупе с Остроленкой и Новогрудом. Его брат Земовит IV — земли Плоцкую, Гостынинскую, Сахачевскую, Равскую и Плоньскую, а также как выделенный анклав — землю Визненскую[1205].

Согласно мирному договору 1358 г., граница между ВКЛ и Мазовией проходила от Каменного брода на реке Элк до окрестностей Райгорода и далее шла приблизительно вдоль рек Нетта, Бебжа, затем от устья до истока реки Великая Струга (теперь Бжозувка), по реке Малая Соколда (теперь Чарна) от ее истока до впадения в реку Супрасль и далее до устья реки Неводница при ее впадении в реку Нарев (рядом с современным Белостоком)[1206]. В 5—6 км к югу от места, до которого доходил этот отрезок границы, начиналась линия литовских замков на Подляшье —

[1202] SRP. Bd. 2. S. 613—614, 617—618.

[1203] Ibid. S. 618—619.

[1204] SRP. Bd. 3. S. 122.

[1205] *Dymek B.* Walka Siemowita IV o koronę polską // Rocznik Mazowiecki. 1999. T. 11. S. 63, 67.

[1206] См.: *Kamiński A.* Pogranicze polsko-rusko-jacwieskie między Biebrzą i Narwią // Rocznik Białostocki. 1963. T. 4. S. 28—31; *Ліцкевіч А. У.* Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII—XIV ст.: назва і межы. С. 27—31.

Сураж, Бельск, Дорогичин, Мельник, соответствующие волости также примыкали к мазовецкой границе.

Нападение мазовецкого князя Януша на Подляшье, произошедшее в июне — июле 1382 г., подтверждается хроникой Яна из Чарнкова, который писал: «Князья Мазовии, узнав о внутренней войне литвинов, вторглись в Русскую землю и захватили замок Дорогичин и Мельник и большую добычу там и вокруг замка Берестье взяли, счастливо вернувшись домой»[1207]. Сложно точно сказать, какими именно причинами было вызвано это нападение. Ничем не обоснована догадка Т. Нарбута, что Януш претендовал на Подляшье как на брачное вено своей жены Анны Дануты Кейстутовны[1208]. Впрочем, можно вспомнить, что еще до 1342 г., перед тем как быть включенным в состав ВКЛ, Дорогичин принадлежал Мазовии[1209], поэтому действиями Януша могло руководить стремление восстановить историческую справедливость и возвратить этот регион. К тому же мазовецкие князья Земовит и Януш в 1382 г. находились в затруднительных финансовых обстоятельствах, поскольку 2 декабря того года отдали замок Визну крестоносцам под залог 7 тыс. марок.

Не исключено также, что начиная с июля 1379 г., когда Скиргайло Ольгердович встречался с мазовецкими князьями на свадебных торжествах в Липне[1210], Януш I входил в коалицию, направленную против Кейстута, и координировал свои действия с великим князем литовским Ягайлом, княгиней Ульяной Александровной и Тевтонским орденом.

В первые месяцы 1383 г. замок Дорогичин, гарнизоном которого командовал дворный маршалок Януша I мазовецкий рыцарь Сасин из Смаржева († 1396), после осады вновь был захвачен войском ВКЛ[1211]. Вероятно, тогда же был возвращен в состав Великого княжества Литов-

---

[1207] «Duces vero Mazoviae praedicti cognoscentes intestina bella Litwanorum, intraverunt terram Russiae et ceperunt Drohiczin castrum et Melnyk, et magna praeda ibidem et circa castrum Brzeszcze recepta feliciter ad propria redierunt» (MPH. T. 2. S. 720). — Длугош при описании этого события ограничился пересказом известий из «Origo regis» (*Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 409—410; 2) Annales ... Lib. 10. S. 97).

[1208] *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 289.

[1209] В документе за 31 января 1342 г. упоминается Ян, сын Доброгоста, мазовецкий воевода в Дорогичине (*Paszkiewicz H.* Z dziejów Podlasia ... S. 233; Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 8 : Urzędnicy Podlascy XIV—XVIII wieku. Spisy. Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. S. 90; *Tyszkiewicz J.* Książęta mazowieccy na Podlasiu (1385—1440). Od unii krewskiej do Kazimierza Jagiellończyka // Rocznik Mazowiecki. 2005. T. 17. S. 27).

[1210] *David L.* Preussische Chronik. Bd. 7. S. 156; *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 17; *Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 472.

[1211] MPH. T. 2. S. 734—735; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 1. S. 103.

ского и замок Мельник. Комментируя слова «Летописца» о том, что мазовецкий князь занял подляшские замки своими людьми, необходимо добавить, что численность этих гарнизонов была весьма невелика. Так, о немногочисленности мазовецких защитников Дорогичина писал Ян из Чарнкова в цитированном выше фрагменте; когда же, согласно этой хронике, на помощь замку пришел рыцарь Сасин из Смаржева, то в нем было лишь 30 копейщиков и несколько баллистариев — и с этими силами он защищал замок несколько дней, оставив его только после того, как замок был подожжен.

Переговоры о мире, арест Кейстута и Витовта, убийство Кейстута и Бируты

Смысловые элементы 53—72

Приход войск Кейстута и Витовта вместе с жемайтами под Троки «Торуньские анналы» точно датируют воскресеньем 3 августа 1382 г.[1212] Именно в ближайшие дни после этой даты произошли события, связанные с противостоянием армий Кейстута и Ягайла, переговорами о мире и арестом Кейстута и Витовта.

Прежде чем перейти к рассмотрению альтернативных источников, необходимо прокомментировать один мелкий аспект, упоминаемый в «Летописце великих князей литовских». В хронике отмечается, что войска Кейстута и Витовта стояли напротив войск Ягайла на расстоянии 3—4 выстрелов («стреленья»). Из текста не вполне ясно, о каком оружии здесь идет речь — луках или арбалетах. При стрельбе из лука оптимальным для прицельного поражения, согласно одному средневековому (арабскому, впрочем) трактату, считалось расстояние приблизительно в 60 м, предельное же расстояние, сверх которого была невозможна прицельная стрельба из лука, составляло примерно 160 м (200 шагов)[1213]. По данным А. Ф. Медведева, основывавшегося на известиях из «Хождения игумена Даниила» (XII в.), дальность стрельбы («перестрел») из лука в Древней Руси могла составлять от 200 до 250 м[1214]. Эта оценка повторяется в последующей специальной литературе[1215]. Таким образом, 3—4

[1212] SRP. Bd. 3. S. 122.

[1213] *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси. (Из истории средневекового оружия VI—XV вв.) // Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси / под ред. Н. Н. Воронина. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 28.

[1214] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. М. : Наука, 1966. С. 31.

[1215] *Rackevičius G.* Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII—XVI a. Vilnius : Lietuvos pilys, 2002. P. 40; *Бохан Ю. М.* Зброя Вялікага княства Літоўскага, 1385—1576. Мінск : Беларусь, 2003. С. 44.

выстрела из лука по нижней оценке соответствуют приблизительно 480—640 м, по верхней оценке — 600—800 м.

По дальности стрельбы арбалеты значительно уступали лукам[1216], поэтому дальность прицельной стрельбы из арбалета вряд ли превышала те же 60 м. Если в «Летописце» речь идет о выстрелах из арбалета, то расстояние между войсками могло составлять от 180 до 240 м.

Кроме «Witoldes sache» и «Летописца великих князей литовских» существует еще несколько важных источников, каждый из которых предлагает свое собственное видение событий, связанных с арестом Кейстута и Витовта[1217].

Так, в хронике Виганда из Марбурга рассказывается, что войска Кейстута и Ягайла сошлись для битвы под Троками, при этом на помощь Ягайлу пришли 300 воинов, присланных ливонским магистром. Узнав о приходе вспомогательного отряда крестоносцев, Кейстут вместе с сыном поехал к Ягайлу, рассчитывая, что после мирных переговоров сможет вернуться в расположение своего войска. Однако Ягайло заявил: «Это мне не нравится» («Nec hoc placet mihi»), и таким образом Кейстут и Витовт были хитростью захвачены в плен[1218]. В общих чертах это описание соответствует тому, как представлены события в «Witoldes sache» и «Летописце великих князей литовских».

Однако в другом месте хроники Виганда события описываются несколько иначе. Узнав, что вместе с Ягайлом пришел отряд во главе с ливонским магистром, а также отряд верховного маршала Тевтонского ордена, Кейстут и Витовт выступили против магистра. Витовт тем временем, надеясь на милость, прибыл к королю Ягайлу. О ходе их переговоров ничего не сообщается, далее говорится только, что, обдумав ситуацию, Кейстут и Витовт сдались Ягайлу. При сдаче в плен они просили Ягайла не губить их войско, оставшееся без военачальников. Это важный момент, поскольку «Witoldes sache» и первая часть «Летописца великих князей литовских» обходят судьбу войска Кейстута полным молчанием, словно какую-то несущественную деталь, что лишний раз подчеркивает узкосословный характер этих произведений. Ягайло попросил крестоносцев проявить милосердие, в результате было захвачено в плен 5 тыс. человек, которых отпустили по домам после того, как они дали присягу

[1216] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие ... С. 90.

[1217] Общий обзор событий см.: *Stadnicki K.* Olgierd i Kiejstut, synowie Gedymina — wielkiego xięcia Litwy. Lwów : Nakładem księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1870. S. 191—196; *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 71—75; *Prochaska A.* Upadek Kiejstuta. S. 503—505; *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski ... S. 67—69.

[1218] SRP. Bd. 2. S. 614.

на верность Ягайлу[1219]. С этими известиями Виганда согласуется сообщение, помещенное в «Торуньских анналах»: Кейстут, увидев войска крестоносцев и поняв, что не сумеет спастись, сдался Ягайлу вместе с Витовтом[1220]. В историографии факт добровольной сдачи (не захвата) Кейстута принял, например, А. Прохаска[1221].

Совсем иная модель событий представлена в хронике Яна из Чарнкова. Согласно ей, после падения Троков Кейстут, собрав войска, осадил Вильно и намеревался захватить замок, но когда Скиргайло приблизился к нему с малыми силами и Кейстут увидел его знамя, то старый князь пустился в бегство. Скиргайло преследовал его и уничтожил такое множество бегущих воинов, что «никогда такой битвы в Литовском народе, говорят, не было». Кейстут же спрятался в каком-то замке, где был захвачен Ягайлом и посажен в кандалы вместе с сыном Витовтом, а спустя какое-то время в темнице сам себя зарезал или задушил[1222]. Возможно, здесь отразились недостоверные слухи, дошедшие через какое-то время до Польши.

Согласно спискам «Летописца» на западнорусском языке, Кейстут был посажен в башню Кревского замка. Только в «Origo regis» имеется важное уточнение, что князя держали в подвале башни («in fundum turris»).

Считается, что уже до 1382 г. в замке имелись две каменные башни. Внешняя квадратная в плане башня-донжон, получившая условное название «Княжеская» и частично сохранившаяся до наших дней, имела размеры 18,76 × 17 м и высоту 25 м (при толщине стен снизу вверх от 3 до 2,5—2,6 м). Эта башня находилась вне периметра оборонительных стен, и из нее обеспечивался обстрел подступов к замку. По диагонали от Княжеской башни, если перейти через замковый двор, внутри двора к замковым стенам была пристроена так называемая Малая башня, имевшая размеры 11 × 10,65 м. По всей видимости, Кейстута держали именно в Княжеской башне, подвал которой служил тюрьмой, второй ярус использовался для хозяйственных целей, а на третьем и четвертом ярусах, где внутренняя поверхность стен была оштукатурена и украшена фресками (геометрическим орнаментом и изображениями людей), находились жилые помещения. В этих покоях были большие островерхие оконные проемы. Попасть в Княжескую башню и соответственно выйти из нее можно было через боевую галерею северной стены замка, где размещался вход на третий ярус башни. Однако в подвал башни вел еще

[1219] Ibid. S. 619.

[1220] SRP. Bd. 3. S. 122.

[1221] *Prochaska A.* Dzieje Witolda Welkiego Księcia Litwy. Wilno : Ks. A. Rutkowski, 1914. S. 36.

[1222] MPH. T. 2. S. 720. Ср. также: SRP. Bd. 2. S. 718.

один специальный проход, сделанный в толще северной и восточной стен[1223].

Информация о том, что Кейстут в период своего заточения находился в Крево, подтверждается хроникой Виганда[1224].

Как уже говорилось выше, войско Кейстута и Витовта пришло под Троки 3 августа 1382 г. Далее на протяжении нескольких дней проходили переговоры между Кейстутом/Витовтом и Ягайлом/Скиргайлом. С учетом этого отъезд переговорщиков в Вильно и арест Кейстута и Витовта можно приблизительно датировать временем, близким к 7—8 августа. Согласно «Летописцу великих князей литовских», Кейстут погиб на пятую ночь после того, как был кинут в кандалах в подвал башни Кревского замка. Это хорошо соотносится с сообщением Виганда о том, что Скиргайло, отлучившись в Вильно, через 4 дня вернулся в Крево и нашел Кейстута уже мертвым[1225]. В «Торуньских анналах» и в хронике оффициала Иоганна смерть Кейстута датирована временем, близким к празднику Успения Богородицы (около 15 августа)[1226], что выглядит довольно правдоподобным[1227].

Имена убийц Кейстута подробно перечислены в первой части «Летописца великих князей литовских», и больше такой перечень не встречается ни в одном другом независимом источнике.

1. Прокша. Как мы говорили выше, при дворе великих князей литовских Ольгерда и Ягайла существовала должность постельничего, который кроме застилания постели обязан был подавать господину питьевую воду. Таким постельничим — близким доверенным лицом Ягайла — в 1382 г. был Прокша, который, согласно «Летописцу великих князей литовских», собственноручно убил Кейстута. Контекст хроники и харак-

---

[1223] *Ткачоў М. А., Чарняўскі І. М.* Крэўскі замак // АНБ. С. 352; *Чарняўскі І., Цэйтліна М.* Архітэктурна-мастацкія асаблівасці Крэўскага замка (па выніках археалагічных даследаванняў) // Каштоўнасці мінуўшчыны. Вып. 4 : Помнікі археалогіі: праблемы аховы і вывучэння : матэрыялы канферэнцыі, Менск, 23 лістапада 2000 г. Мінск : ТАА «Лекцыя», 2001. С. 102—103; *Dziarnovich A.* Castella Alboruthenica: castle building in Belarus at the crossroads of cultural influences during the 12th to 14th centuries // Castella maris Baltici. Vilnius, 2004. T. 6. S. 53; *Кушнярэвіч А. М.* Мураваная дабастыённая фартыфікацыя ... С. 76; *Дзярновіч А. І.* Заняпад ці трансфармацыя? Эвалюцыя статуса Крэўскага замка ў XIV—XVII ст. (па выніках гістарычна-археалагічных даследаванняў) // Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. (г. п. Мір, 25—26 красавіка 2013 г.). Мінск : Медысонт, 2013. С. 27.

[1224] SRP. Bd. 2. S. 620.

[1225] Ibid.

[1226] SRP. Bd. 3. S. 122—123.

[1227] См. расчеты Я. Тенговского, относящего день смерти Кейстута на 14 августа: *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 199.

тер должности Прокши не оставляют сомнений в том, что автор первой части «Летописца» считал заказчиком этого политического убийства самого великого князя литовского Ягайла. Это совпадает с позицией Витовта, который неоднократно публично обвинял в убийстве Кейстута князей Ягайла и Скиргайла. Например, в тексте договора с Тевтонским орденом от 30 января 1384 г. Витовт прямо утверждал: «И наш отец был убит теми же нашими двоюродными братьями [Ягайлом и Скиргайлом]»[1228]. То же самое Витовт повторил и в «Witoldes sache»: «И под присягой взяли они моего отца и убили его, и мою мать также убили» («Vff der truwe nomen sy vn*se*rn fatir vnd vorterbten jn. Vnd mine mutir ouch alzo vorterbten»). В свете этих признаний предположения о том, что Кейстута убили по распоряжению великой княгини Ульяны или ее дочери Марии Ольгердовны, вдовы Войдылы[1229], представляются не вполне аргументированными.

Имя Прокша имеет западнорусское происхождение — как производное от имени Прохор[1230]. Из этого можно сделать вывод, что Прокша был православным; но его этническая принадлежность все же неясна, поскольку он мог быть как русином (в этническом смысле), так и крещеным балтом (литвином), принявшим русское имя.

Кроме «Летописца великих князей литовских» имя Прокши встречается в хронике Длугоша (в форме «Proxa») и в тех хрониках, которые использовали информацию Длугоша и его последователей. Сам Длугош основывался в данном случае на тексте, близком к «Origo regis», т. е. в конечном счете на первой части «Летописца».

Несколько особняком стоит только «Прусская хроника» Симона Грунау, первые 22 трактата которой были созданы между 1517 и 1522 гг.[1231] Согласно данным, которые приводит Грунау, после смерти короля Венгрии и Польши Людовика Анжуйского (1382) польские магнаты стали слать письма князю Литвы и Подолья (sic!) Ягайлу, чтобы он посватался к их королеве Ядвиге. В первом посольстве Ягайло обещал в случае заключения брака принять католичество вместе со своими братьями и перевезти с собой сокровища своих предков. Но Ядвига отказала ему. Тогда Ягайло прислал второе посольство и обещал принять крещение, перевезти сокровища в Польшу, присоединить Литву к Польскому королевству, а также начать борьбу за возвращение польских земель в Силезии и Померании. В ответ

[1228] «Und unsir vater von den selbigen unsern vettern getodt wart» (CEV. S. 3).

[1229] См.: *Kuczyński S. M.* Król Jagiełło, ok. 1351—1434. Wyd. 2. Warszawa : Wyd. MON, 1987. S. 44.

[1230] Ср. имя одного из смоленских нобилей XV в.: «Бориско Прокъшин» (LM. Knyga Nr. 3. P. 35).

[1231] *Töppen M.* Geschichte der Preussischen Historiographie von P. v. Dusburg bis auf K. Schütz. Berlin : Verlag von W. Hertz, 1853. S. 123.

Ядвига заявила, что Ягайло уморил в заточении своего дядю Кейстута. После этого выступил Витовт, который будто бы тоже участвовал в посольстве ВКЛ, и сказал, что он сын Кейстута, что он не держит зла против Ягайла и что убийцей Кейстута был боярин Прокша (Рогаха der bayor), который совершил это преступление по собственному злому умыслу. Ядвига вновь отказала. Видя упорство королевы, поляки тем не менее все равно желали принять к себе королем Ягайла и направили к нему приглашение приехать в королевство. Ядвига тогда написала своей матери королеве Венгрии Елизавете обо всем ходе переговоров и просила совета. Мать же ее похлопотала перед папой о том, чтобы разорвать обручение между Ядвигой и австрийским герцогом Вильгельмом, поставив условием, чтобы Ягайло принял крещение[1232].

Данные о Прокше как об убийце Кейстута Грунау, конечно, мог позаимствовать из хроники М. Меховского (1519)[1233], который основывался на хронике Длугоша. Но Грунау, назвав Прокшу боярином, поместил это сообщение в весьма необычный, оригинальный контекст, и некоторые детали в его рассказе уникальны. Наверное, ключом к разгадке является известие прусского хрониста о письме королевы Ядвиги, в котором описывался ход польско-литовских переговоров, и далее о переписке королевы-матери Елизаветы с папской курией. Возможно, эти источники стали известны крестоносцам и отложились в их архивах, и из них-то и мог происходить пласт уникальной информации, отраженной в хронике Грунау.

Некоторые дополнительные, но, увы, вымышленные подробности о Прокше, как и в целом об убийстве Кейстута, находятся в 5-м томе «Истории литовского народа» Т. Нарбута. В нем сообщается, что Прокша (которого Т. Нарбут называет Прором) был доверенным лицом княжны Марии Ольгердовны, вдовы Войдылы. Кейстут был якобы задушен золотым шнуром от ферязи (верхней одежды с длинными рукавами), а его слугу Григория Омулича, присутствовавшего при этом, ударили по голове чеканом и выкинули в окно башни. Жена Григория Омулича — Елена будто бы была служанкой великой княгини Анны и помогала Витовту бежать из Кревского замка[1234]. Выдумкой называл этот рассказ Т. Нарбута еще литовский историк И. Йонинас, исходивший из того, что ни один из фактов, обнародованных Т. Нарбутом, не находит подтверждения в летописях ВКЛ, в частности в хронике Быховца[1235]. Примечательна характеристика «источника», на который Т. Нарбут сослался. По словам Т. Нарбута, он почерпнул все эти детали из какой-то «рукописи старой даты», выдержки

[1232] *Grunau S.* Preussische Chronik. Bd. 1. S. 662—663.
[1233] *Miechowita M.* Cronica Polonorum. S. 266.
[1234] *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 294.
[1235] *Jonynas I.* Vytauto šeimyna // Praeitis. Kaunas, 1933. T. 2. P. 188.

из которой сам же и напечатал в 1830 г. в литературном приложении к журналу «Dziennik Wileński». В свою очередь, в предисловии к этой последней публикации Нарбут заверял, что рукопись была написана в XVI ст. на польском языке, и обещал отдать ее на хранение в библиотеку Виленского университета[1236]. Правда, об обстоятельствах находки этой рукописи он почему-то умалчивал. Знакомство же с текстом, якобы взятым из этой рукописи и опубликованным под заголовком «Лука Петрович», убеждает в том, что мы имеем дело с очередным его фальсификатом, художественным произведением, написанным в жанре романтической исторической повести XIX в. и изобилующим различными анахронизмами. Остается удивляться тому, что он в своем историческом труде на полном серьезе увлеченно цитировал свои же собственные выдумки и ссылался на них как на подлинные исторические источники. Об этом казусе можно было бы и не упоминать, если бы, как и многие другие фальсификаты Т. Нарбута, его фантазии про «Григория Омулича», служанку великой княгини Анны «Елену Омулич» и «золотой шнур от ферязи» не попали во вполне академическую историографию XIX ст.[1237]

2. Билгени (?), брат Мостев. Согласно известной гипотезе А. Прохаски, имя «Bilgeny» в «Origo regis» и хронике Длугоша является искаженным прочтением выражения «были инии», которое сохранилось в списках на западнорусском языке — Академическом, Супрасльском и Слуцком[1238]: «...князя великого Кестутия удавили коморники князя великаго Якаиловы: Прокша, што воду давал ему, *а были иныи*, Мостевь брат, а Кучюк, а Лисица Жебентяи»; ср. «Origo regis»: «Et iugulauit eum cubicularius m. ducis Jagellonis Proxa dictus, qui dabat sibi aquam. Et Bilgeny frater Mostew, Gedko Crewlanyn, Cuczyk, Lyszycza serws illegitimus wlgariter Zibintha».

Это мнение устойчиво закрепилось в научной литературе[1239], однако против него имеются некоторые возражения.

[1236] *Narbutt T.* Łuka Pietrowicz. Nowina historyczna // Dziennik Wileński. Literatura Nadobna. 1830. T. 5 (kwiecień). S. 129 (описание мифической рукописи), 147 (вымышленные детали убийства Кейстута).

[1237] Например: *Киркор А.* Великий князь Витовт // Черты из истории и жизни литовского народа. Вильно : Тип. О. Завадского, 1854. С. 26; Литва в отношении к России и Польше // Вестник Юго-Западной и Западной России. Киев, 1862. Сентябрь. Год первый. Т. 1. С. 121; Живописная Россия. Т. 3. С. 81; *Брянцев П. Д.*: 1) История Литовского государства с древнейших времен. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. С. 185; 2) Очерк древней Литвы и Западной России. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1891. С. 35—36; *Иловайский Д. И.* История России. Т. 2 : Московско-литовский период или собиратели Руси. 2-е изд., пересм. и доп. М. : Типолитогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1896. С. 158.

[1238] *Prochaska A.* Przekład ruskiego latopisca ... S. 200.

[1239] См., например: *Rowell S. C.* Lithuania ascending ... S. 26.

Во-первых, в целом странным выглядит, что переводчик протографа «Origo regis», более или менее справившись с остальным довольно сложным текстом на западнорусском языке, внезапно споткнулся на переводе простого словосочетания и принял слова «были инии» за имя человека «Bilgeny». Наоборот, кажется, что это имя уже было в тексте, с которого он делал свой перевод на латынь.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в Виленском списке вместо слов «были инии» тоже названо имя человека — «Белик», распространенное в Великом княжестве Литовском в конце XIV—XV ст.[1240] Следовательно, в тексте, которым пользовался переписчик этого кодекса, тоже находились не слова «были инии», а имя человека.

В-третьих, слова «были инии» в Академическом, Супрасльском и Слуцком списках противоречат общему грамматическому построению предложения. Сначала говорится во множественном числе, что Кейстута «*удавили коморники* князя великого Ягаиловы», но затем называется имя лишь одного Прокши и сразу далее почему-то уточняется «а были инии», хотя с самого начала в предложении ясно подчеркивается, что Прокша был не один и кроме него были и другие «*коморники*».

В-четвертых, в протографе первой части «Летописца» определение «брат Мостев» вряд ли относилось к Гедку Кревлянину, так как последний уже имел признак, достаточный для его идентификации, — «Кревлянин». Зато если в протографе были слова «были иныи», то «брат Мостев» фактически остается без имени и его личность по этому сообщению было невозможно точно идентифицировать (мало ли в ВКЛ того времени было «братьев Мостевых»). Напрашивается вывод, что перед словами «брат Мостев» в протографе было точно указано имя человека, «брата Мостева», которое переводчик «Origo regis» воспроизвел как «Bilgeny», переписчик Виленского списка — как «Белик», а переписчик протографа Академического, Супрасльского, Слуцкого и других более поздних списков — как «были инии».

Наконец, в-пятых, в Великом княжестве Литовском последней четверти XIV в. бытовало мужское имя, по форме и произношению весьма близкое к имени «Bilgeny». В 1374 г. проводником крестоносцев был балт по имени «Billene», который помог бежать в Литву двоим братьям Ордена из Ливонии; в 1378 г. он был схвачен в плен крестоносцами, а в

[1240] Белик и его сын Семен фигурируют среди бояр, которые поручились в 1388 г. за новгород-северского князя Дмитрия Корибута; также в документах XV в. встречаются: в Луцке — нобиль Белик; в Смоленске — нобиль Мишка Беликович; в Новгородке — владелец села Беликович, «которыи проч ехал»; в 1487 г. в окружении кобринского князя — боярин Сугак Беликович (*Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 38; LM. Knyga Nr. 3. P. 45, 63, 69; *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. ... С. 32, 34).

1394 г. вновь упоминается как их проводник[1241]. С. Смолька, впервые обративший внимание на этот факт, считал (еще не зная чтения Виленского списка) правдоподобной гипотезу А. Прохаски о том, что «Bilgeny» — это искажение слов «были инии», но при этом предполагал, что переписчик, внося имя «Bilgeny» в протограф «Origo regis», якобы помнил о существовании реального человека, носившего такое имя в 70—80-х гг. XIV в.[1242]

Возможное присутствие среди убийц Кейстута человека, который некогда был на службе у ливонских крестоносцев, само по себе приводит к далекоидущим политическим выводам, поскольку предполагаемая причастность Тевтонского ордена к этому убийству получает довольно весомое доказательство. Однако все же идентичность человека по имени «Bilgeny» с проводником «Billene», известным по источникам 70—90-х гг. XIV в., не является твердо установленной. Единственное, что можно утверждать уверенно: чтение «Bilgeny» в «Origo regis» не было случайной ошибкой переводчика или переписчика — человек с похожим именем существовал в действительности, и автор первой части «Летописца» считал его одним из убийц Кейстута. Чтения же «Белик» из Виленского списка и «были инии» из других списков являются искаженными и вторичными.

«Bilgeny», как следует из «Летописца», был «брат Мостев» («frater Mostew»). «Мостев» — производное от балтского имени Мостис или Мостейко[1243]. Это еще один довод в пользу того, что «Bilgeny» был балтом.

В хронике Быховца слова «брат Мостев» переданы как «Moster brat». По утверждению Т. Нарбута, напротив этих слов на поле тем же почерком, что и основной текст, было написано слово «krzyżak». Из этого Нарбут сделал вывод, что в убийстве Кейстута якобы участвовал брат великого магистра Тевтонского ордена или ливонского магистра[1244]. Действительно, в западнорусском языке слово «местеръ, мейстеръ» означало магистра или главу Тевтонского ордена[1245]. Видимо, поэтому В. А. Чемерицкий сначала в реконструкции текста «Летописца великих князей литовских» дал примечание, что слова «Мостев, брат» следует понимать как «крыжак, брат па Ордэну», а затем, в 2011 г., при повторном издании

[1241] SRP. Bd. 2. S. 105, 116, 679.

[1242] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki ... S. 40.

[1243] В документах XV в.: «Кедивиду два чоловека у Коижеве: Ятус, Мостис»; «Мостеико» (LM. Knyga Nr. 3. P. 48; *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. ... С. 19, 21, 26).

[1244] *Narbutt T.*: 1) Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 294—295; 2) Pomniki ... S. 26.

[1245] ГСБМ. Вып. 17. С. 358.

своего перевода «Летописца» счел необходимым изменить текст: вместо «Мосцеў брат», как было раньше, поставил «Мосцеў, крыжак»[1246]. Обоснованность такого перевода (и интерпретации слов «Мостев брат» как «местерев брат») остается сомнительной. Чтение «Moster» в хронике Быховца и чтение «Мостол» в Вавельском фрагменте, очевидно, вторичны по отношению к чтениям «Мостев, Mostew», содержащимся в более ранних редакциях «Летописца великих князей литовских». Да и в таких относительно поздних летописях, как Румянцевская и особенно Евреиновская (близкая к хронике Быховца), мы встречаем все те же чтения «Мостѣев брат» и «Мостов брат»[1247].

3. Гедко Кревлянин. Об этом человеке ничего не известно, кроме того, что он был уроженцем или жителем Крево. Имя «Гедко» — производное от одного из балтских имен, начинавшихся с компонента «Гед-» или «Геди-». В частности, Книга данин великого князя литовского Казимира (XV ст.) содержит упоминания целого ряда подобных имен: Гедвид, Гедвус, Гедивил, Гедивойн, Гедигид, Гедмин[1248], не говоря уже об имени Гедигольд, которое носил один из видных литовских нобилей первой половины XV в. По своему происхождению Гедко Кревлянин, несомненно, был балтом.

4. Кучук. Имя, скорее всего, имеет балтское происхождение, так как в XV в. нам известен литовский нобиль — маршалок, лидский наместник Кучук Ян[1249]. С определенной долей вероятности можно утверждать, что и великокняжеский слуга Кучук, участник убийства Кейстута, также был балтом.

5. Лисица Жибентяй. Имя «Лисица» имеет западнорусское происхождение. Среди ближайших аналогов этого имени (здесь не имеется в виду идентичность людей) можно указать на имя сокольничего в Каменце и Берестье русина Ходки Лиски, который в первой половине XV в. владел имением Узвод[1250]. По социальному статусу Лисица, как уточнено в «Origo regis», был «serws illegitimus». Если смысл первого слова вполне прозрачен, то второе слово одним из своих значений имеет «незаконнорожденный, внебрачный»[1251]. Таким образом, Лисица был слугой, неза-

---

[1246] Ср.: «Летапіс вялікіх князёў літоўскіх» / прадмова, пер. са старабеларускай мовы і каментарый В. А. Чамярыцкага // Спадчына. 1991. № 1. С. 83; «Летапіс вялікіх князёў літоўскіх» / рэд. падрыхтоўка В. А. Чамярыцкага // Анталогія даўняй беларускай літаратуры ... С. 243; Літаратура XI—XVI стагоддзяў. С. 155.

[1247] ПСРЛ. Т. 35. С. 204, 225.

[1248] LM. Knyga Nr. 3. P. 50, 51.

[1249] Ibid. P. 24, 52.

[1250] Ibid. P. 62, 64; Ревизия пущ и переходов звериных ... С. 162.

[1251] Illegitimus = unlawful, illegitimate (Mediae latinitatis lexicon minus. A medieval Latin — French/English dictionary / compos. J. F. Niermeyer. Leiden : E. J. Brill, 1976. P. 509).

коннорожденным сыном кого-то из знатных людей. Слово «Жибентяй» происходит от балтского слова, означающего «освещать» (ср. в литовском языке žibinti — «жечь, освещать»; žibintas — «фонарь»), и определяет занятие Лисицы: в Кревском замке он отвечал за освещение или за обеспечение господского двора топливом[1252]; видимо, он и освещал своим факелом жуткую картину убийства, происходившего в подвале Кревского замка. Любопытно, что в Витебском районе до наших дней сохранилась д. Жибентяи[1253], название которой, возможно, восходит еще к временам княжения Ольгерда в Витебске[1254]. В XVI в. в Витебском повете существовала особая категория господарских слуг — «жибентяев»[1255].

Т. Нарбут в одной из своих статей отмечал, что в 1409 г. какой-то нобиль по имени Лиско Жибинта (Lissko Zybinta) якобы получил от короля Польши Владислава Ягайла землю, на которой возникло имение Лысково (теперь деревня в Пружанском районе)[1256]. Данные об этом пожаловании Т. Нарбут нашел, по собственным словам, в издании «Monumenta varia de louis diversis et personis a Salomone Risinio caposita, Lubecae od Chronum in Litwania. 1823 edit posterior, in officina Petri Plasii» (на 136 страницах). Выходные данные книги Т. Нарбут воспроизвел очень неточно, но, очевидно, что он ссылался на одно из любчанских изданий Соломона Рысинского. Известны два любчанских старопечатных издания 1614 г. и одна рукопись, в которых помещены стихотворные и прозаические эпитафии С. Рысинского, посвященные биржанским Радзивиллам и другим лицам. Среди них имеется и книжка с выходными данными, похожими на те, что цитировал Т. Нарбут, но с гораздо меньшим количеством страниц[1257]. Видимо, перед нами очередная мистификация Т. Нар-

---

[1252] *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л. : Наука, 1982. С. 93.

[1253] *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск : Изд-во БГУ, 1974. С. 118.

[1254] *Ochmański J.* Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI w. Poznań: UAM, 1981. S. 65.

[1255] Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533—1540 / подгот. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич. М. : Наука, 2008. С. 59.

[1256] *Narbutt T.* Pomniejsze pisma ... S. 29. — За чистую монету это сообщение принял М. П. Смирнов (*Смирнов М. П.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1868. Год второй. Т. 2, вып. 1—6. С. 95).

[1257] Rerum ab illustrissimo principe Christophoro Radivilo, Birzarum et Dubincorum duce... praeclare gestarum epitome / conscripta sub eiusdem principis exequias a Solomone Rysinio. Accessit variorum monumentorum decas, eosdem auctore. Lubecae ad Chronum : In officina Petri Blasti, 1614; Monumenta variis in locis

бута. В его время «Origo regis» еще не было опубликовано, поэтому он не знал, что Лисица Жибентяй был простым слугой, поэтому присочинил, что это был нобиль, якобы получивший пожалование от самого короля. А для придания весомости своим домыслам Т. Нарбут сослался на малоизвестный библиографический раритет.

Из пяти убийц Кейстута трое (Билгени, Гедко и Кучук) были балтами, а двое (Прокша, Лисица) — русинами, при этом Прокша мог быть крещенным в православие балтом, а Лисица — незаконнорожденным сыном какого-то балтского нобиля. В связи с этим не подтверждается мнение Э. Гудавичюса о том, что убийцами Кейстута были якобы «преимущественно русские» слуги Ягайла[1258].

К слову, если списки на западнорусском языке не уточняют, от чьих именно рук погиб Кейстут, а возлагают ответственность на всех перечисляемых слуг, то в «Origo regis» конкретно уточняется, что непосредственным исполнителем преступления был Прокша. При этом между списками на западнорусском языке и «Origo regis» имеется существенное расхождение относительно способа убийства. В Супрасльском, Слуцком, Академическом, Виленском списках утверждается, что Кейстута «оудавили», т. е. задушили. В «Origo regis», напротив, употреблен глагол «jugulo» (в формах «iugulauerunt» и «iugulauit»), одним из главных значений которого является значение «перерезать горло»[1259]. Аналогичное выражение употребили хронист Ян из Чарнкова («jugulasse», см. ниже), а также представители Тевтонского ордена, которые, выступая на Констанцском соборе в 1416 г., заявили, что Ягайло Кейстута «in carceribus iugulavit»[1260]. Приоритет какого-либо одного источника в данном случае трудно определить. Семантически оба глагола («удавили» и «iugulauerunt») означают действие в отношении горла, поэтому можно предпола-

---

diversis personis a Solomone Rysinio posita... Impressa typis Petri Blasti Lubecae ad Chronum in Lituania anno 1614; Variorum monumentorum decas altera // Нацыянальны гістарычны архіў у Мінску. Ф. 694, воп. 1, спр. 145, арк. 1—16 (данные о рукописи опубликовал Е. В. Приставко). — См.: Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi = XVII a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas / sud. D. Narbutienė, S. Narbutas. Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. P. 212; *Narbutienė D.* LDK lotyniškoji knyga asmeninėse XVI—XVII a. bibliotekose // Knygotyra. 2001. No 37. P. 146; *Прыстаўка Я. У.* Жанрава-стылістычныя адметнасці фунеральнага зборніка Саламона Рысінскага «Monumenta... diversis personis... posita» («Помнікі... пастаўленыя... розным асобам») (1614) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. 2011. № 3. С. 12—15.

[1258] *Гудавичюс Э.* История Литвы ... С. 159.

[1259] Jugulum = murder, cutting the throat, slaughter (Mediae latinitatis lexicon minus ... P. 566).

[1260] CEV. S. 1026.

гать, что Кейстута душили тонкой удавкой, может быть, повредив ему при этом горло.

В ряде немецких и польских хроник обстоятельства смерти Кейстута описываются иначе, чем в «Летописце великих князей литовских».

Так, в «Торуньских анналах» и хронике оффициала Иоганна сообщается, что, по слухам, Кейстут покончил жизнь самоубийством в тюрьме[1261].

Виганд из Марбурга причиной смерти Кейстута назвал удушение («Kynstut in captivitate strangulatur»). В его хронике события описаны следующим образом. Скиргайло, проводив Кейстута в Крево, в тюрьму, вернулся в Вильно. Когда же через четыре дня он вновь приехал в Крево, чтобы увидеть дядю в кандалах, то нашел его уже мертвым. Никто не знал, каким именно образом погиб старый князь. Тогда Скиргайло сопроводил тело Кейстута в Вильно, где его торжественно сожгли на костре вместе с конями, одеждой, оружием, охотничьими птицами и собаками. Во время сожжения произошло «чудо»: под костром открылась яма в рост человека и стала засасывать в себя пепел. «Но никто из стоявших вокруг [язычников] жизнь свою не исправил», — меланхолически заключил свой рассказ средневековый поэт-хронист[1262].

Польский хронист Ян из Чарнкова предполагал, что Кейстут в тюрьме сам себе перерезал горло[1263]. Наконец, еще в одном польском источнике — «Шамотульском дополнении к рочнику Траски» — утверждается, что Ягайло-де уморил своего дядю Кейстута в жарко натопленной бане[1264]: может быть, в данном случае нашло неожиданное преломление одно из значений слова «задушить» (в пару, в духоте и т. п.).

Расхождения между различными хрониками можно объяснить тем, что в них отражены разные по происхождению и предназначению версии убийства Кейстута.

В «Летописец великих князей литовских» включена версия, которая основывалась на результатах расследования, проведенного самим Витовтом. На это указывает подробный список исполнителей убийства, который мог быть составлен только на основе показаний кого-то из них, данных, вероятно, под пыткой. Вот почему данные «Летописца» в этом аспекте заслуживают наибольшего доверия.

В немецких хрониках и в хронике Яна из Чарнкова отражена версия самоубийства Кейстута в темнице, которую с подачи князей Ягайла

[1261] SRP. Bd. 3. S. 122—123.

[1262] SRP. Bd. 2. S. 614, 620.

[1263] «...post modicum tempus se ipsum in captivitate praedicta dicitur jugulasse» (МРН. T. 2. S. 719).

[1264] «Hunc quoque Ceistuthy patruum sibi offensum Wladislaus rex Polonie in caloribus balnearibus suffocavit» (Ibid. S. 862).

и Скиргайла распространяли официальные представители Великого княжества Литовского.

В таких хрониках, как «Шамотульское дополнение...», представлены слухи и домыслы, которыми неизбежно должно было обрасти такое исключительное событие, как загадочная смерть Кейстута в Крево.

Обстоятельства и даже сам факт убийства Бируты, матери Витовта, остаются не вполне ясными. Из некоторых источников, прежде всего хроники Виганда и документов Ордена, известно, что Бируту утопили — скорее всего, люди Ягайла и Скиргайла[1265]. Данные «Witoldes sache» позволяют предполагать, что Бирута была умерщвлена одновременно с Кейстутом или вскоре после его гибели. С другой стороны, отвечая на претензии Тевтонского ордена на Констанцском соборе, польская делегация недвусмысленно заявила, что Бирута не погибла в 1382 г., а жила еще многие годы после тех трагических событий[1266]. Разрешить это противоречие не представляется возможным. Трудно сказать, почему в 1390 г., когда возникло «Witoldes sache», Витовт еще не знал, что его мать не погибла 8 лет тому назад. Возможно, Бирута долгое время содержалась под стражей в одном из замков ВКЛ, так что даже Витовт считал ее погибшей и только многие годы спустя узнал о том, где она находится. Во всяком случае в «Летописце великих князей литовских» о смерти Бируты почему-то уже не упоминается.

Заточение Витовта в Кревский замок, казнь Видимонта и Бутрима

Смысловые элементы 73—74

Наш перевод фрагмента, посвященного родственным отношениям Видимонта, Бутрима и Бируты, в основном опирается на «Origo regis». Как можно судить по латинскому тексту и искаженным при переписке отрывкам текста на западнорусском языке, автор «Летописца великих князей литовских» считал Видимонта родным братом отца Бируты, т. е. Видимонт был дядей Бируты по отцовской линии.

[1265] Публикации и обзор источников: SRP. Bd. 2. S. 614; CEV. S. 1026; *Stadnicki K.* Olgierd i Kiejstut ... S. 202; *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1885. С. 23—24; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 199—200.

[1266] «De matre autem ducis Witowdi Serenissima notorium est quod longe post displicencias inter eos exortas vixit in statu suo gloriose et postea morte laudabili finem vite sue consumauit et sepulchrum ipsius pro nunc apparet gloriosum» (Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum. ed. prima / ed. T. Działyński. T. 3. S. 179). Факт указан А. Прохаской (*Prochaska A.* Upadek Kiejstuta. S. 505).

Сложнее установить степень родства Бутрима, который в «Origo regis» назван «Buttrim nepotem germanum matris eius». Прежде всего необходимо определить, к какому лицу относится местоимение «eius» (Genetivus от «is, ea, id»), которое может означать и «его», и «ее». Поскольку в предыдущей фразе про Видимонта местоимение «eius» относится к Бируте, то и в фразе про Бутрима оно, как мне кажется, имеет отношение к Бируте. «Nepos» в классической латыни означает «внук», но в средневековых текстах может означать и «племянник»[1267]. Если бы Бутрим был родным внуком матери Бируты, то хронисту проще было бы назвать его племянником Бируты (сыном ее брата или сестры); употребленная же хронистом сложная конструкция при указании родственных отношений свидетельствует о том, что он считал Бутрима не внуком, а племянником матери Бируты (т. е. двоюродным братом Бируты; для наглядности см. схему 2).

О Видимонте не сохранилось никаких свидетельств в других источниках. Можно, впрочем, предполагать, что в августе — сентябре 1382 г., когда состоялась казнь, он был уже в довольно преклонном возрасте. В западной части современной Литовской Республики находится населенный пункт Видмантай[1268]. Созвучие имени Видимонт и названия Видмантай, конечно же, само по себе не может служить решающим аргументом. Однако Видмантай располагается в непосредственной близости от Паланги, и это заставляет вспомнить известную легенду о встрече Кейстута и Бируты в Паланге, которая включена во второй летописный свод ВКЛ[1269].

В. Семкович полагал, что Бутрим, казненный в 1382 г., мог быть отцом нобиля Бутрима Совичовича, который фигурирует в одном из документов конца XIV в. Соответственно польский исследователь построил следующую схему родственных связей. Родоначальником этой фамилии

[1267] Nepos = nephew, niece (Mediae latinitatis lexicon minus ... P. 717).

[1268] Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 13 : Warmbrun — Worowo. Warszawa : Druk «Wieku», 1893. S. 290; топографическая карта N-34-007.

[1269] «И пануючи Кестутю на Троцех и на Жомоити, и вслышал девку на Полонде, именем Бирюту, которая ж девка богом своим подлуг обычаю поганского пошлюбила чистость ховати, и сама была хвалена от людеи за богиню. И приехал там князь Кестутеи сам, и сподобалося ему велми, иж была велми красна тая девка и розумна, и просил ее, абы была ему малжонкою, и она не хотела зволити, и отказала ему, иж „я пошлюбила богом своим чыстость ховати до живота своего“. И князь Кестутеи взял ее моцно с того месца и провадил ее до столца своего у великои почесности до Троков. И обославши братю свою, учинил великое веселе з братею своею, и понял тую панну Бирюту собе за жону» (ПСРЛ. Т. 35. С. 97, 154, 181, 201—202, 222; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 262—263).

был некий нобиль по имени Сова, его сыном был Бутрим Сович († 1382), а сыном Бутрима Совича был Бутрим Совичович.

В свою очередь Бутрима Совичовича В. Семкович отождествил с нобилем Яном Бутримом, который владел Жирмунами (теперь деревня в Лидском районе) и в 1413 г. принял польский герб Топор. Возможно, ему же принадлежали села Бутримы близ Радуни и Бутриманцы близ Эйшишек[1270].

Если принять эту схему, то можно прийти к заключению, что гипотетический Сова был братом матери Бируты (либо его жена была сестрой матери Бируты), Бутрим Сович был двоюродным братом Бируты, а Бутрим Совичович — троюродным братом Витовта.

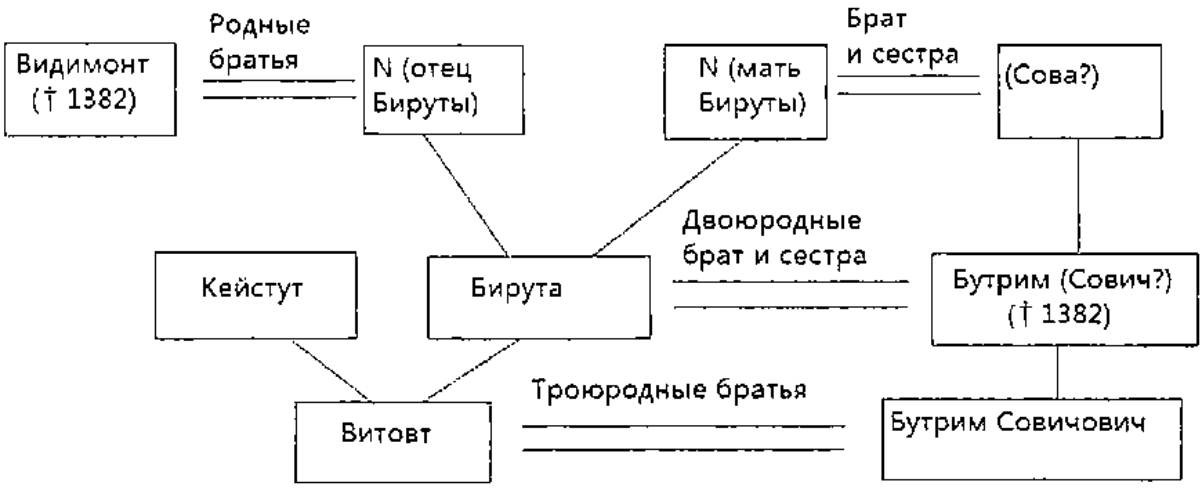


Схема 2. Родственные связи Видимонта, Бутрима и Бируты (с привлечением гипотезы В. Семковича о существовании нобиля Совы)

Однако, говоря об этой гипотезе, нельзя все же умолчать о некоторых сомнениях. Дело в том, что Бутрим было довольно распространенным в ВКЛ личным именем. Его носили представители и нобилитета, и простонародья[1271]. В мазовецких и подляшских диалектах польского языка слово «butrym, butryn» означало коренастого плотного ребенка или неуклюжего толстого человека. В ряде русских диалектов, согласно словарю В. И. Даля, «бутрим» — упорный, непослушный, хмурый человек. М. Фасмер отнес этимологию русского слова «бутрим», как и древнерусского имени «Бутримъ», к неясным случаям[1272]. Литовские исследователи (Ю. А. Лаучюте со ссылкой на К. Бугу) считают упомянутые диалектные

[1270] *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... // RTH. 1921. T. 5. S. 47.

[1271] LM. Knyga Nr. 3. P. 50, 54; *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. ... С. 19—20.

[1272] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 253.

слова в польском и русском языках, а также имя «Бутримъ» балтизмами[1273]. В «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» и в «Словнику староукраїнської мови XIV—XV ст.» слово «бутримъ» не зафиксировано[1274].

Гипотеза, что в конце XIV в. существовал знатный балтский род, все представители которого подряд (скажем, отец, сын и внук) носили имя Бутрим, кажется хоть и не совсем невероятной, но все же несколько шаткой.

Кроме того, необходима дополнительная аргументация, что имя «Сович» было патронимом от имени «Сова». В материалах XV в. фиксируется самостоятельный балтский антропоним Сович (даже в форме «Совичис»), от которого образовывалось отчество «Совичевич»[1275]. Вопрос о происхождении этого антропонима требует дальнейшего изучения.

Таким образом, родственная связь Бутрима, казненного в 1382 г., с известным позднее нобилем Бутримом Совичовичем хоть и не опровергается прямо, но доказывается пока еще не вполне убедительно.

Женой Бутрима была Ульяна — как следует из хроники Длугоша, родная сестра княгини Анны, жены Витовта[1276], и княгини Агриппины, жены гольшанского князя Ивана Ольгимонтовича[1277]. Сам этот факт указывает на очень высокопоставленное положение (и возможно, даже на княжеский ранг) Бутрима.

После гибели первого мужа Ульяна вышла замуж за пинского князя Василия Наримонтовича, убитого по приказу Витовта в 1390 г. при осаде Вильно[1278]. Вдова затем в третий раз вышла замуж за литовского нобиля Монивида Койликиновича (в католичестве Альбрехта). Впервые упомянутый в одном из документов, выставленных не ранее 1387 г., Монивид в последующем играл важную роль в политической жизни Великого княжества Литовского, став в 1395 или 1396 г. виленским старостой. Среди его владений были Геранёны, Жупраны, Мирклишки, Корейки и многие другие имения. Последний раз Монивид называется в исторических источниках как свидетель заключения Мельнского договора ВКЛ с Тевтонским орденом в сентябре 1422 г. После него остался сын Ивашко Монивидович[1279].

[1273] *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов ... С. 100.

[1274] ГСБМ. Вып. 2 : Биецъ — Варивный. Мінск : Навука і тэхніка, 1983. С. 259—260.

[1275] LM. Knyga Nr. 3. P. 22, 32, 51, 61.

[1276] *Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 491; 2) Annales ... Lib. 10. S. 187.

[1277] См.: *Baranauskienė I.* Onos Vytautienės kilmė ir giminė // Kultūros barai. 2012. No 2. P. 68.

[1278] *Груша А. І.* Невядомы арыгінал ... С. 35.

[1279] Биографические сведения о Монивиде см.: *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... // Miesięcznik heraldyczny. 1913. No 11—12. S. 179—184.

Любопытно при этом, что Монивид до 1407 г. был женат на некоей Ядвиге, которая и родила ему единственного сына[1280], а Ульяна стала его следующей женой только после 1407 г. Впервые Монивид и Ульяна фигурируют вдвоем как супруги в одном из документов за январь 1419 г., когда они обратились к папе Мартину V с просьбой освободить их от поста в связи с пожилым возрастом[1281]. В этой связи мнение И. Баранаускене о том, что имя Ядвига якобы было католическим именем самой Ульяны[1282], представляется несостоятельным, ведь в письме к папе Мартину V она не называла себя Ядвигой.

Таким образом, уточнение, что Ульяна, вдова Бутрима, вышла замуж за Монивида, могло быть помещено в самую раннюю редакцию «Летописца великих князей литовских» не ранее 1407 г.

«Разбить на колесе» — вид мучительной смертной казни, распространенный в Западной и Центральной Европе в Средние века и Новое время. Человека привязывали к колесу и железным ломом по очереди, через определенные промежутки времени, разбивали ему в нескольких местах кости рук, ног и таза. Затем из него тянули жилы, выкручивая на колесе тело таким образом, чтобы пятки касались головы. Колесо поднимали на высокий шест, и человек, оставленный в таком положении, мучительно умирал от болевого шока и обезвоживания. Еще живую жертву на колесе расклевывали хищные птицы. Агония могла продолжаться от нескольких часов до нескольких дней.

В Московском государстве такой вид смертной казни появился в XVII в. Поэтому представляется невозможным, чтобы в Великом княжестве Литовском колесование было введено под влиянием русских обычаев. В письменных источниках ВКЛ наиболее раннее упоминание колесования помещено именно в «Летописце великих князей литовских». На немецкой гравюре XVI в. «Ужасное, но правдивое известие о страшном голоде и эпидемии чумы, которые поразили страну Русь и Литва в 1571 году»[1283], изображающей утрированные сцены каннибализма, можно увидеть два колеса, с которых голодные люди снимают трупы

[1280] *Semkowicz W.* Przywileje Witołda dla Moniwida, starosty wileńskiego i testament jego syna Jana Moniwidowicza // Ateneum Wileńskie. Wilno, 1923. R. 1. Z. 2. S. 253, 258.

[1281] Документ за 11 января 1419 г.: «Ex parte Alberti Moniwidi palatini et capitanei Wilnensis ac Julianae eiusdem coniugis» (Ibid. S. 253. Со ссылкой на рукопись из Ватиканского архива).

[1282] *Baranauskienė I.* Onos Vytautienės kilmė ir giminė. P. 69.

[1283] Ein Erschroeckliche doch Warhaftige grausame hungers nott und Pestilenzische plag so im Landt Reissen vnnd Littaw fürgangen im 1571 Jar. München : Bey Adam Berg, [1571]. — Zentralbibliothek Zürich. ZB Graphische Sammlung (GSB). PAS II 9/9. URL: https://www.zb.uzh.ch (и далее поиск по каталогу; дата обращения: 27.02.2019).

казненных. Правда, в данном случае художник (Ганс Рогель из Аугсбурга) при передаче мелких бытовых деталей (одежды, колес и виселиц), видимо, отразил реалии современной ему Германии, а не Великого княжества Литовского. На гравюре с видом Городна, выполненной Г. Адельхаузером и М. Цюндтом (1568), колеса не изображены, и можно увидеть на далекой окраине города лишь виселицу с трупом одного казненного.

Возможно, такой вид казни, как колесование, был выбран для Видимонта и Бутрима под влиянием немецкого права (в Вильно, напомню, проживала крупная немецкая община во главе с Ганулем). В средневековой Германии на колесе разбивали убийц, которые совершили преступление из засады; во Франции такую смертную казнь назначали разбойникам с большой дороги[1284]. Это может косвенно указывать на то, при каких обстоятельствах произошло нападение на Войдылу и его убийство, хотя, конечно, вопрос о применении колесования в регионе Восточной Европы требует дополнительного исследования.

Бегство Витовта в Пруссию

Смысловые элементы 75—78

Важнейшими источниками, подтверждающими сообщение «Летописца великих князей литовских» об обстоятельствах бегства Витовта из Крева в женской одежде, являются немецкие хроники.

Так, в хронике Виганда из Марбурга сообщается, что Витовт после своего ареста недолгое время пробыл в Вильно, а затем был переведен в некий замок, названия которого хронист не знал. Оттуда Витовт обращался к великому князю литовскому Ягайлу с просьбой вернуть ему вотчину, предлагая взамен принять вассальную присягу (omagium) и «сделаться его человеком». Одновременно Витовт направлял письма великому магистру Тевтонского ордена, прося, чтобы тот заступился за него перед Ягайлом. Чтобы утешить печаль Витовта, в замок к нему приехала его семья — жена и дети. Посоветовавшись с женой, Витовт надел ее одежду и бежал из замка, обманув стражу. Оказавшись на воле, он отправился к своей сестре в Мазовию[1285].

О том, что Витовт при побеге переоделся в одежду своей жены, говорится также в «Торуньских анналах», хронике оффициала Иоганна и средней Оливской хронике[1286].

[1284] *А. Я.* Колесование // Энциклопедический словарь. Т. XVa : Коала — Конкордия / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Тип. акц. о-ва «Брокгауз — Ефрон», 1895. С. 681.

[1285] SRP. Bd. 2. S. 620—621.

[1286] SRP. Bd. 3. S. 123; MPH. T. 6. S. 361.

Когда же состоялся этот побег из Кревского замка? С. Смолька допускал, что Витовт, находясь в Крево, переписывался с великим магистром Тевтонского ордена и просил Ягайла о милости; такая покорность способствовала тому, что к пленному князю пустили в замок жену и детей[1287], а значит, возникли условия для побега. Еще один польский историк Ф. Конечны, посвятивший специальное исследование в том числе и этим вопросам, оспаривал это, ссылаясь на хронологическую путаницу, нередко встречающуюся в хронике Виганда[1288]. Если принимать известия хроники Виганда буквально, то необходимо учитывать, что после смерти великого магистра Винриха фон Книпроде, наступившей 23 июня 1382 г., следующий великий магистр Конрад Цёлльнер фон Ротенштайн был избран только 5 октября 1382 г.[1289] Следовательно, вступить с ним в переписку Витовт мог не ранее октября. Дополнительным аргументом служит то, что Дубисское соглашение о перемирии между ВКЛ и Тевтонским орденом было заключено 31 октября 1382 г., и отношения между двумя государствам на тот момент еще, видимо, не были омрачены приездом Витовта в Пруссию. Таким образом, побег Витовта из Кревского замка можно датировать поздней осенью, а точнее, ноябрем 1382 г. Terminus ante quem ставит письмо великого князя литовского Ягайла к великому магистру Конраду Цёлльнеру фон Ротенштайну с отказом принять обратно князей-беглецов Витовта и Товтивила, датированное 6 января 1383 г. («in Epyphania Domini»)[1290].

Итак, события реконструируются следующим образом. Можно принять за факт (и это косвенно следует из «Летописца великих князей литовских»), что Витовт и его жена княгиня Анна жили в помещениях на третьем или четвертом ярусах Княжеской башни Кревского замка. В один из ноябрьских вечеров, когда две служанки пришли стелить постель княгине, Витовт по совету жены переоделся в верхнюю одежду одной из служанок. Поскольку уже наступили холода, эта одежда позволяла укрыть лицо, тем более в вечерний час. Князь прошел мимо стражи, располагавшейся у входа в покои, и в сопровождении второй служанки вышел с третьего яруса башни на боевую галерею стены. Похоже, побег не был спонтанным, т. е. был хорошо организован. Друзья Витовта в замке заблаговременно приготовили для спуска со стены веревку или даже корзину («кошницу»), упоминаемую в Медоварцевской редакции. За стенами Кревского замка беглеца также ожидали — кто-то помог ему перебраться через ров и дал коня. Возможно, непосредственной организацией

[1287] *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło. S. 75.

[1288] *Koneczny F.* Jagiełło i Witold. Cz. 1. Podczas Unii krewskiej 1382—1392 // Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów, 1892. T. 20. Cz. 1. S. 7.

[1289] *Voigt J.* Namen-Codex ... S. 2.

[1290] CDL. S. 60.

этого побега кроме княгини Анны занимался брат Витовта Товтивил Кейстутович, которому помогали гольшанский князь Иван Ольгимонтович и нобиль Судимонт, сын Пекште, одного из ближайших сподвижников Кейстута[1291]. Именно на этих людей впоследствии, судя по «Witoldes sache», обрушился гнев Ягайла, и они были лишены своих владений.

Вместе с Товтивилом Витовт в ноябре или декабре 1382 г. прибыл в Мазовию, надеясь на гостеприимство своей сестры Анны Дануты, которая, как уже говорилось выше, была замужем за мазовецким князем Янушем. Возможно, он также рассчитывал на то, что Януш отдаст ему захваченные ранее подляшские замки (Дорогичин и Мельник)[1292]. В Мазовии Товтивил, по свидетельству Яна из Чарнкова, принял католическое крещение под именем Конрад и получил от князей Януша и Земовита «некоторую крепость с несколькими деревнями во владение»[1293]. Справедливым кажется предположение, что между Витовтом и Товтивилом в Мазовии произошла размолвка[1294]. Товтивил отказался ехать к крестоносцам. Зато Витовт, недовольный оказанным ему в Мазовии холодным приемом, наоборот, стремился установить тесные отношения с великим магистром Конрадом Цёлльнером фон Ротенштайном. Как свидетельствовал Витовт сам позднее, в документе от 30 января 1384 г., из Мазовии он писал великому магистру, прося, чтобы тот гарантировал ему безопасный проезд на территорию Ордена[1295]. Вероятно, тогда же, в декабре 1382 г., он обещал крестоносцам, что примет у них католичество. По словам Виганда из Марбурга, Витовт затем отправил послание жемайтам, сообщая, каким образом он был вынужден просить помощи у Ордена. Однако те сначала не поверили этому, и тогда Витовт лично направился в Жемайтию, чтобы заручиться их поддержкой[1296].

Католичество Витовт впервые принял под именем Виганд 21 октября 1383 г. на территории Тевтонского ордена в Пруссии[1297].

Поскольку один из младших братьев Витовта — Жигимонт (Сигизмунд), видимо, тоже последовал за ним в Пруссию (он упоминается

[1291] *Лицкевич О. В.* Поручительство литовско-русской знати ... С. 38—39.

[1292] *Koneczny F.* Jagiełło i Witold ... S. 8.

[1293] МРН. Т. 2. S. 719—720.

[1294] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 214.

[1295] *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 53—54. — Это же повторено и в документе великого магистра Тевтонского ордена Конрада Цёлльнера фон Ротенштайна от 14 июня 1384 г. (Там же. С. 55—56).

[1296] SRP. Bd. 2. S. 622.

[1297] SRP. Bd. 3. S. 127; *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы ... С. 135—137; *Prochaska A.* Dzieje Witolda ... S. 44; *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski ... S. 83.

в документе Ордена за 1384 г.), с некоторой долей вероятности можно допускать, что братом Витовта, который согласно «Witoldes sache» остался в руках Ягайла и Скиргайла, был новогородский князь Войдат Кейстутович.

Имя сестры, также оставшейся в заточении, неизвестно: может быть, это была младшая сестра Витовта Рынгалла Кейстутовна († 1423/1430[1298]).

Относительно происхождения жены Витовта Анны единства нет ни в исторических источниках, ни в научной литературе. Хроника Быховца называет ее дочерью смоленского великого князя Святослава Ивановича[1299]. Казалось бы, с этим согласуется тот факт, что в одном из документов 1384 г. шурином Витовта назван князь Лев Друцкий[1300]. В то же время сохранились заслуживающие доверия источники о том, что родственником Витовта со стороны его жены был нобиль Судимонт. Так, «Старшая хроника великих магистров» называет Судимонта шурином («swoger») Витовта[1301]. В жалобе Ордена на Констанцском соборе князь (sic!) Судимонт назван по отношению к Витовту «mage» (в немецком тексте) и «consanguineus» (в латинском)[1302]. Согласно словарю немецкого языка, составленному братьями Гримм, «mage» — это не собственно шурин в узком смысле, а родственник по мужу или по жене, человек, родственные связи с которым возникли в результате брака (тесть, свекр, зять и т. д.). Это дало основание И. Йонинасу и И. Баранаускене предполагать, что княгиня Анна была сестрой Судимонта[1303], но, как мне кажется, такая гипотеза не решает всех вопросов. Неясно, например, как трактовать содержащиеся в документе 1384 г. сведения о том, что Лев Друцкий так же, как и Судимонт, был шурином Витовта (версию с ошибкой переписчика я не рассматриваю).

Как предположил А. В. Кузьмин, князь Лев Друцкий был сыном князя Василия Михайловича и княгини Василисы, известных по вкладной записи в Друцком Евангелии[1304]. На мой взгляд, то, что он назван в документе шурином Витовта, может объясняться единственно тем, что он был

[1298] Годы смерти приводятся согласно: *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 228.

[1299] ПСРЛ. Т. 32. С. 150.

[1300] CEV. S. 4.

[1301] SRP. Bd. 3. S. 605.

[1302] CEV. S. 1029; *Prochaska A.* Z archiwum Zakonu Niemieckiego. Analekta z wieku XIV i XV. Kraków : Akademia Umiejętności, 1911. S. 36.

[1303] *Jonynas I.* Vytauto šeimyna. P. 206—213; *Baranauskienė I.* Onos Vytautienės kilmė ir giminė. P. 71—73.

[1304] См.: *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 58.

по материнской линии двоюродным братом княгини Анны. Почему именно по материнской? Если бы друцкие князья Василий и Дмитрий Михайловичи были родными братьями отца Анны, Агриппины и Ульяны, то в последующем сын Агриппины князь Андрей Иванович Гольшанский не смог бы взять в жены дочь Дмитрия Михайловича Друцкого Александру из-за слишком близкой степени родства. Таким образом, остается предполагать, что родными сестрой и братом были мать Льва Друцкого княгиня Василиса и отец Анны, Агриппины и Ульяны (не исключено все же, что это действительно был смоленский великий князь Святослав Иванович).

Что же касается родственных связей между Витовтом и Судимонтом, то их можно интерпретировать как свидетельство того, что Витовт в ранней молодости был женат на его родственнице, но рано овдовел[1305]. В древности существовала легенда о том, что первую жену Витовта после смерти кремировали в Эйраголе — центре одной из жемайтских волостей. Предание записано в Хронографе XVII в., который в свое время находился в библиотеке Супрасльского монастыря. На л. 27 об. Хронографа помещена статья «Слово 18. Скажем поганьскыя прѣлести быти сицево и в Литвѣ нашей». На поле значится приписка: «Се есть прелесть поганъская, и в нашои Литве то ся водило злое дело и до Витовта, бо Витовтову жону во Ираколе сожгли по смерти и потом почали переставати жечися»[1306]. В данном случае речь, конечно, не идет ни о княгине Анне, которая скончалась, исповедуя католичество, ни о последней жене Витовта Ульяне Ивановне Гольшанской, ни тем более о мифической княгине «Марии Лукомской», упоминаемой в качестве второй жены Витовта в хронике Быховца. Тот факт, что дочь Витовта княжна Софья вышла замуж в январе 1391 г., указывает на то, что она родилась примерно в 1378 г. и что Витовт женился на княгине Анне примерно в 1376—1377 гг.[1307] Следовательно, его первая жена, родственница нобиля Судимонта, умерла и была кремирована по языческому обряду еще в правление Ольгерда.

Весьма интересно упоминание в «Witoldes sache» о нескольких детях Витовта («kinder»), которых он покинул на территории ВКЛ, когда бежал в Пруссию. Это означает, что кроме Софьи Витовтовны у Витовта от первого или второго брака был по крайней мере еще один ребенок. Эта информация подтверждается хроникой Виганда из Марбурга, согласно

[1305] Ранее я касался этого вопроса в одной из своих статей: *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... Дадатак 2. С. 116—122.

[1306] *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской Публичной Библиотеки: церковно-славянских и русских. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1882. С. 249.

[1307] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 208, 212.

которой Витовт просил, чтобы к нему в Кревский замок прислали жену и *детей* («liberis»)[1308].

В «Прусской хронике» Симона Грунау под 1391 или 1392 г. приводится легенда о том, как некий рыцарь, когда-то оскорбленный Витовтом, чтобы отомстить, приехал в Кенигсберг и отравил двоих сыновей Витовта. Этим происшествием Грунау объяснял то, что Витовт изменил крестоносцам и вернулся в Великое княжество Литовское в 1392 г.[1309] В более поздней хронике Лукаса Давида, видимо, пользовавшегося произведением Грунау, легенда обрастает новыми подробностями. Два сына Витовта, писал Л. Давид, по приказу великого магистра содержались в хороших условиях в Кенигсберге. Витовт поссорился с одним братом Ордена, и тот замыслил отомстить. Прибыв в Кенигсберг, этот рыцарь отравил двоих мальчиков, которые скоропостижно скончались в одну ночь[1310]. Подобно Грунау, Л. Давид считал, что эта трагедия случилась из-за личной неприязни, и отрицал участие в убийстве кого-либо из высших должностных лиц Тевтонского ордена.

Издатель хроники Л. Давида Эрнст Гениг в примечании к этому фрагменту добавил, что убитых сыновей Витовта якобы звали Иван и Георгий[1311]. Но источник этих данных он не привел. Как отмечали Ю. Вольф и И. Йонинас, возможно, здесь произошла путаница и кто-то из немецких хронистов, а за ним и Гениг, приняли соратников Витовта, которые были вместе с ним в Пруссии в 1390—1392 гг., Ивана Ольгимонтовича и Юрия Наримонтовича, за сыновей Витовта — Ивана и Юрия[1312]. Это вполне вероятно. Также возможно, что Гениг ошибся, зная из русских летописей о существовании князя Юрия Витовтовича († 1349), не имевшего никакого отношения к Витовту Кейстутовичу.

Т. Нарбут писал о существовании некоей латиноязычной рукописи XV в., в которой будто бы рассказывалось о том, что сыновей Витовта отравил рыцарь из Австрии, брат Тевтонского ордена Андрей де Зоненберг[1313]. При полном отсутствии следов этого манускрипта ничего определенного о нем сказать не можем.

Ю. Вольф вообще отрицал существование сыновей Витовта и соответственно факт их отравления крестоносцами. Он аргументировал это

[1308] SRP. Bd. 2. S. 621.

[1309] *Grunau S.* Preussische Chronik. Bd. 1. S. 652.

[1310] *David L.* Preussische Chronik. Bd. 7. S. 189—190.

[1311] Ibid. S. 190.

[1312] *Wolff J.* Ród Gedymina. Dodatki i poprawki do dzieł gr. K. Stadnickiego «Synowie Gedymina», «Olgierd i Kiejstut», «Bracia Władysława Olgierdowicza Jagiełły» we Lwowie 1867. Kraków : Drukarnia Wł. L. Anczyca i Spółki, 1886. S. 59; *Jonynas I.* Vytauto šeimyna. P. 231.

[1313] *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 488—489.

тем, что в документе от 14 июня 1384 г., которым регламентировались отношения Витовта и Тевтонского ордена, речь шла только о его дочери Софье и брате Жигимонте, а сыновья не упоминались. Это довольно важный довод. Еще один аргумент (повторенный в наши дни Я. Тенговским): на Констанцском соборе 1414—1418 гг. Польское королевство и Великое княжество Литовское в своих жалобах на Орден ни разу не вспомнили об убийстве сыновей Витовта[1314]. Ф. Конечны, в свою очередь, настаивал на ненадежности хроники Грунау как исторического источника, хотя, впрочем, по его собственному признанию, издание хроники 1876 г. было ему недоступно[1315].

Наиболее взвешенным все же представляется мнение И. Йонинаса: если у Витовта в 1382 г. были другие дети кроме Софьи, то, по всей видимости, они умерли еще до 1384 г.[1316] Если из «Witoldes sache» и из хроники Виганда прямо следует, что у Витовта в 1382 г. было как минимум двое детей, то сообщение Грунау о двоих сыновьях Витовта ничем этому не противоречит. Другое дело, что умерли они не в 1392 г., а, скорее всего, в 1383 г., и что настоящих имен их мы не знаем. Кроме того, сомнительной выглядит вся сюжетная линия о пребывании сыновей Витовта на территории Ордена: как мы знаем из «Witoldes sache», семья Витовта осталась на территории ВКЛ, и вряд ли ей было позволено выехать к нему в Пруссию. Следовательно, дети, которые были у Витовта кроме Софьи, умерли не в Пруссии, а в Великом княжестве Литовском.

Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности

Реконструируемый по спискам первой редакции архетип первой части «Летописца великих князей литовских» можно разделить на следующие смысловые элементы и подэлементы.

1b-I. Количество сыновей Гедимина. — C.

1b-II. Последовательность рождения сыновей Гедимина. — A; G1 (отсутствие противоречия с «Witoldes sache»).

1b-III. Существование князя Монтивида Гедиминовича. — B.

1b-IV. Князь Монтивид был старшим среди сыновей Гедимина. — D1.

2. Удел Монтивида: Слоним и Кернов. — A.

3-I. Гедимин передает Пинск Наримонту. — A.

[1314] *Wolff J.* Ród Gedymina ... S. 58; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 208.

[1315] *Koneczny F.* Jagiełło i Witold ... S. 976—979.

[1316] *Jonynas I.* Vytauto šeimyna. P. 231.

3-II. Княжение Наримонта в Пинске. — C; F (информация о владениях Наримонта, вероятно, не полная).

4b-I. Гедимин передает великокняжескую власть Евнутию. — A.

4b-II. После смерти Гедимина Евнутий занимает великокняжеский столец в Вильно. — B; G1 (отсутствие противоречия с «Witoldes sache»).

5b-I. Гедимин передает Крево Ольгерду. — A.

5b-II. Княжение Ольгерда в Крево. — C; G1 (отсутствие противоречия с другими элементами «Летописца», в которых повествуется о событиях, связанных с Крево).

5b-III. Витебский князь выдает за Ольгерда свою единственную дочь, и таким образом тот получает Витебск. — A.

5b-IV. Княжение Ольгерда в Витебске. — B.

6b-I. Гедимин передает Троки Кейстуту. — A.

6b-II. Княжение Кейстута в Троках. — B.

7-I. Гедимин передает Новогородок Кориату. — A.

7-II. Княжение Кориата в Новогородке. — C.

8-I. Любарт становится зятем волынского князя и поэтому получает Волынь. — A.

8-II. Княжение Любарта на Волыни. — B.

9b-I. Ольгерд и Кейстут живут между собой в дружбе. — C.

9b-II. Причина заговора: недовольство верховной властью Евнутия. — A.

9b-III. Заговор Кейстута и Ольгерда против Евнутия. — B.

10b. Заговорщики назначают день для захвата Вильно и свержения Евнутия. — A.

11b. Ольгерд не успевает приехать из Витебска в Вильно в назначенный срок. — A.

12b-I. Захват Вильно и Виленского замка с целью свержения Евнутия. — B.

12b-II. Вильно захватывает один Кейстут. — D3.

12b-III. Евнутий бежит из Виленского Верхнего замка, спустившись с замковой стены. — B.

12b-IV. Бегство Евнутия в горы и его попытка спрятаться в землянке. — A.

13. Прячась от погони, Евнутий обмораживает ноги. — A.

15-I. Кейстут заключает Евнутия под стражу. — D3.

15-II. Кейстут направляет гонца, который встречает Ольгерда в Крево, после чего Ольгерд приезжает в Вильно. — A.

16b-I. Кейстут как младший брат передает Ольгерду власть над Вильно и другими землями и городами. — A.

16b-II. Ольгерд был старше Кейстута. — B (по данным Рогожского летописца).

16b-III. Ольгерд становится великим князем литовским сразу после Евнутия. — B.

16b-IV. Ольгерд становится великим князем литовским с разрешения Кейстута. — A.

17. Евнутию дают в качестве удела Заславль. — C; F.

18. Ольгерд и Кейстут договариваются о том, что все братья будут послушны Ольгерду как великому князю литовскому. — A.

19b. Ольгерд и Кейстут делят между собой некоторые волости. — C.

20b. Ольгерд и Кейстут договариваются о том, что все добытые города, замки или волости будут делить поровну между собой. — C.

22b. Ольгерд и Кейстут постанавливают жить между собой до самой смерти в дружбе и мире. — A.

23. Ольгерд и Кейстут присягают, что не будут замышлять зла друг другу, и в дальнейшем соблюдают эту присягу до самой смерти. — A.

24-I. У Ольгерда было 12 сыновей. — D2.

24-II. У Кейстута было 6 сыновей. — D3.

25-I. Ольгерд и Кейстут любят Ягайла и Витовта больше, чем остальных сыновей. — A; E.

25-II. Ольгерд и Кейстут назначают Ягайла и Витовта своими преемниками на великих княжениях. — A.

26. Ягайло и Витовт, как и их отцы, были дружны в юности. — A; E.

27b. После смерти Ольгерда Кейстут не нарушает слова, данного старшему брату. — C; F.

28b-I. Ягайло после смерти отца занимает великокняжеский столец в Вильно. — B.

28b-II. Кейстут ездит к Ягайлу на советы по старинному обычаю. — A.

29-I. Наличие у Ольгерда, а затем у Ягайла слуги по имени Войдыла. — B.

29-II. Карьера Войдылы: от невольника-холопа до постельничего при дворе великого князя литовского. — A; G1.

29-III. Войдыла был фаворитом Ольгерда. — A; G1.

29-IV. Войдыла был нобилем. — B.

29-V. Войдыла был наместником в Лиде. — C.

29-VI. Наличие у Ольгерда дочери по имени Мария. — C.

29-VII. Женитьба Войдылы на княжне Марии Ольгердовне спустя 2—3 года после смерти Ольгерда. — A; G1.

29-VIII. Овдовев, Мария Ольгердовна выходит замуж за князя Давыда. — B.

29-IX. Огорчение Кейстута по поводу брака между Войдылой и Марией Ольгердовной. — A; E; G1.

29-X. Войдыла был одним из близких доверенных лиц Ягайла. — C.

29-XI. Участие Войдылы в тайных переговорах с Тевтонским орденом, направленных против Кейстута. — B.

30b-I. Существование комтура Остероде по имени Гоэнштайн. — B.

30b-II. Гоэнштайн был кумом Кейстута (крестил его ребенка). — B.

30b-III. Гоэнштайн крестил Анну Дануту Кейстутовну, жену мазовецкого князя Януша. — A.

30b-IV. Гоэнштайн сообщает Кейстуту о сношениях между Ягайлом и Тевтонским орденом при посредничестве Войдылы. — A; E.

31b. Целью Войдылы было сместить Кейстута, чтобы иметь возможность как мужу Марии Ольгердовны завладеть его землями. — D2.

33-I. Кейстут жалуется Витовту на то, что Ягайло заключил тайные соглашения с Орденом. — A; E.

33-II. Витовт не верит этому, так как ничего не знает о тайных переговорах Ягайла с Орденом. — D3.

34-I. Великий князь литовский Ягайло передает Полоцк своему брату Скиргайлу. — B.

34-II. Полочане не принимают Скиргайла в качестве князя. — B.

34-III. Осада Полоцка войсками Ягайла и Скиргайла и участие в ней войск Тевтонского ордена в Ливонии. — B.

34-IV. Кейстут вновь жалуется Витовту на враждебные намерения Ягайла. — A; E.

35. Витовт вновь не верит отцу и уезжает в Дорогичин. — A; E.

36b. Кейстут захватывает Виленский замок и арестовывает великого князя литовского Ягайла, его мать и братьев. — B.

37. Кейстут находит в Вильно грамоты — тайные соглашения Ягайла с Тевтонским орденом. — C.

38-I. Кейстут посылает гонца к Витовту в Дорогичин. — A; E.

38-II. Гонец находит Витовта в Городне, и Витовт за один день прибывает из Городна в Вильно. — A; E.

39b-I. Кейстут рассказывает Витовту о найденных грамотах и о своих планах отдать Ягайлу Крево и Витебск. — A; E.

39b-II. Кейстут не причиняет Ягайлу зла, не присваивает его казны и имущества. — A.

39b-III. Мягкие условия содержания Ягайла и его родственников под стражей. — D3 (противоречие с хроникой Яна из Чарнкова).

39b-IV. Ягайлу возвращен Витебск. — B.

39b-V. Ягайлу возвращено Крево. — A.

40. Ягайло радуется приезду Витовта. — A; E.

41b-I. Ягайло приносит присягу Кейстуту в том, что никогда не будет против него выступать и что будет во всем выполнять его волю. — B.

41b-II. Кейстут отпускает Ягайла вместе с матерью и братьями. — B.

41b-III. Кейстут возвращает Ягайлу казну и имущество. — A.

42. Витовт провожает Ягайла до Крева, откуда Ягайло выезжает в Витебск. — A; E.

43-I. Кейстут направляет из Вильно двух своих людей в Полоцк для снятия осады. — A.

43-II. Войско выходит из подчинения князю Скиргайлу и направляется в Вильно. — A.

43-III. Силам ВКЛ и Ордена не удалось взять Полоцк. — B.

43-IV. Скиргайло со слугами и с немецким отрядом бежит в Ливонию. — B.

44b-I. Кейстут отправляется в поход на Новгород-Северский против князя Корибута. — B.

44b-II. Временным наместником в Литве Кейстут оставляет Витовта. — B.

45. Отправляясь на Новгород-Северский, Кейстут приказывает повесить Войдылу. — A; G1.

46-I. Ягайло должен был идти вместе с Кейстутом на Новгород-Северский. — D3.

46-II. Существование виленского горожанина Гануля. — B.

46-III. Ягайло подговаривает Гануля начать восстание в Вильно. — A.

46-IV. Участие людей Гануля в перевороте. — C.

46-V. Во время переворота Витовт находится в Троках. — B.

46-VI. Ягайло прибывает в Вильно из Витебска со своими людьми. — D2.

47. Витовт отправляет гонца к Новгороду-Северскому, чтобы известить Кейстута. — A; E.

48b-I. Войска Ягайла занимают Троки. — B.

48b-II. При осаде Троков Ягайлу помогают войска Тевтонского ордена в Пруссии. — B.

48b-III. Войска Ордена возглавлял верховный маршал Ордена. — B.

48b-IV. Услышав о приближении войск Ягайла и Ордена, Витовт с матерью уезжают в Городен. — A; E.

49-I. Приехав в Городен, Кейстут находит там свою жену и Витовта. — A; E.

49-II. Перед поездкой в Жемайтию Кейстут некоторое время находится в Городне. — B.

50. Кейстут отправляет свою жену в Берестье, надеясь на помощь своего зятя, мазовецкого князя Януша. — A; E.

51b-I. Кейстут едет в Жемайтию просить о военной помощи. — B.

51b-II. Витовт в это время остается в Городне. — A; E.

52-I. Нападение мазовецкого князя Януша на Подляшье на фоне внутренних междоусобиц в ВКЛ. — B.

52-II. Захват мазовецкими войсками Дорогичина. — B.

52-III. Захват мазовецкими войсками Мельника. — B.

52-IV. Опустошение мазовецкими войсками окрестностей Суража, Бельска и Каменца. — A.

52-V. Осада мазовецкими войсками Берестья, где находится жена Кейстута. — C.

53b-I. Войска Кейстута и Витовта приходят под Троки. — B.

53b-II. Маршрут продвижения войск Кейстута и Витовта. — A; E.

54b. Кейстут узнает, что вместе с Ягайлом против него пришли войска Тевтонского ордена в Ливонии и Пруссии. — B; E.

55. Факты военной помощи, оказывавшейся Орденом великому князю литовскому Ягайлу (при осаде Полоцка и Трок). — B.

56b. Войска Кейстута и Витовта встают напротив войск Ягайла на расстоянии 3—4 выстрелов. — A; E.

57b. Ягайло посылает на переговоры своих князей и бояр, которые начинают вызывать Витовта по имени. — D3; E; G2 (содержание прямо противоречит элементу 57a «Witoldes sache»).

58. Присланные князья и бояре просят Витовта поехать на переговоры к Ягайлу и дают ему присягу, что он вернется в безопасности. — A; E.

59. Витовт соглашается поехать при условии, что такую же присягу даст Скиргайло. — A; E.

60. Скиргайло, приехав, дает Витовту такую же присягу. — A; E.

61. Витовт едет на переговоры к Ягайлу, а войска стоят, не начиная битву. — B; E.

62. Ягайло просит Витовта помирить его с Кейстутом и дает присягу, что Кейстуту можно будет в безопасности приехать на переговоры и отъехать назад. — A; E.

63. Витовт просит Ягайла прислать вместе с ним к Кейстуту Скиргайла, чтобы тот дал присягу от своего имени и от имени Ягайла. — A; E.

64b. Витовт и Скиргайло приезжают к Кейстуту; Витовт дает ему присягу от имени Ягайла, а Скиргайло — от своего имени и от имени Ягайла. — A; E.

65b-I. Кейстут и Витовт, поверив присягам, приезжают в войско Ягайла. — B.

65b-II. Кейстут и Витовт приезжают в войско Ягайла, чтобы вести переговоры о мире, и надеются вернуться назад в расположение своего войска. — D3.

66. Если бы поехал один Кейстут, а Витовт остался бы в войске, ничего плохого не случилось бы. — A; E.

67b-I. Кейстут и Витовт вероломно схвачены людьми Ягайла и Скиргайла, а не сдались сами. — D3; E.

67b-II. Факт ареста Кейстута и Витовта. — B; G1.

67b-III. После ареста Кейстут и Витовт отправлены в Вильно. — A; E.

68. Войска остаются на своих местах, и битва так и не началась. — C; F.

69-I. В Вильно Кейстута заковывают в кандалы. — C; E.

69-II. Кейстута отправляют в Крево, где сажают в подвал башни. — B; G1.

70. Витовта оставляют в Вильно. — A; E.

71b-I. В Крево Кейстута убивают слуги Ягайла. — C.

71b-II. Время убийства Кейстута: на пятую ночь после прибытия в Крево. — B.

71b-III. Факт, что Кейстут был убит, а не покончил жизнь самоубийством. — D1.

71b-IV. Существование у Ягайла слуги по имени Прокша, который обвинялся в убийстве Кейстута. — B (хроника Грунау).

71b-V. Существование людей по имени Билгени, брат Мостев, Гедко Кревлянин, Кучук и Лисица Жибентяй, и их участие в убийстве Кейстута. — A.

71b-VI. Кейстута задушили (не зарезали). — D3.

73b. После смерти Кейстута Ягайло помещает Витовта и его жену под стражу в одну из комнат Кревского замка. — C; G1.

74-I. В качестве мести за смерть Войдылы Ягайло казнит многих людей, в том числе Видимонта и Бутрима. — A.

74-II. Существование Видимонта, дяди княгини Бируты. — A

74-III. Существование Бутрима, племянника матери княгини Бируты. — A.

74-IV. Участие Видимонта и Бутрима в убийстве Войдылы. — A.

74-V. Бутрим был мужем Ульяны. — A.

74-VI. После смерти Бутрима Ульяна вышла замуж за Монивида. — B.

74-VII. Видимонта и Бутрима колесуют, тогда как остальным отрубают голову. — A.

75b-I. Витовт, переодевшись в женскую одежду, бежит из заточения. — B.

75b-II. В заточении жене Витовта прислуживали две женщины. — A; E.

75b-III. Бежать в женской одежде Витовту посоветовала жена. — A; E.

75b-IV. При бегстве Витовт переоделся в одежду служанки (не жены). — D1.

76b-I. При бегстве Витовт спускается с замковой стены. — A; E.

76b-II. Витовт бежит в Пруссию к немцам. — B; F (информация неполная, так как не упомянуто о пребывании Витовта в Мазовии).

Всего в первой части «Летописца великих князей литовских» определено, проанализировано и оценено 157 отдельных смысловых элементов и подэлементов. Из них получили оценку A, т. е. не находят ни прямого, ни косвенного подтверждения в других источниках, но не могут быть опровергнуты 72 (45,86 %). Это означает, что чуть менее половины известий первой части «Летописца» не поддаются фактической проверке. Около трети известий, или 50 смысловых элементов и подэлементов, по-

лучивших оценку B, прямо подтверждаются формально независимыми источниками (31,85 %), 19 смысловых элементов и подэлементов с оценкой C подтверждаются косвенно (12,10 %). И наконец, 16 смысловых элементов и подэлементов (10,19 %) в той или иной степени противоречат сообщениям формально независимых источников, т. е. получили оценку D, причем в большинстве случаев приоритет не в пользу «Летописца великих князей литовских» либо ситуация с приоритетом неясна.

Среди смысловых элементов, получивших оценку D, в трех случаях приоритет в плане достоверности принадлежит первой части «Летописца великих князей литовских». Это сообщения о том, что князь Монтивид был самым старшим из сыновей Гедимина, о том, что Кейстут был убит, а не покончил жизнь самоубийством, и о том, что Витовт при бегстве из Кревского замка переоделся в одежду одной из служанок.

В трех случаях приоритет отдается формально независимым источникам. Так, автор первой части «Летописца» допустил неточность, когда сообщил, что у Ольгерда было 12 сыновей и что во время переворота 1382 г. Ягайло прибыл в Вильно сразу из Витебска, тогда как он первоначально направился к ливонской границе. Тенденциозным является сообщение первой части «Летописца» о том, что Войдыла намеревался сместить Кейстута, чтобы завладеть его землями.

В десяти случаях приоритет в плане достоверности остается неясным. Из них некоторые можно отнести к менее значительным: например, сообщения о том, что у Кейстута было 6 сыновей, что Ягайло должен был идти вместе с Кейстутом в поход на Новгород-Северский или что Кейстута задушили в тюрьме (в то время как, по некоторым другим источникам, ему перерезали горло). Однако многие смысловые элементы и подэлементы, получившие оценку D3, относятся к узловым моментам повествования. Так, существуют некоторые основания сомневаться в том, что Вильно в момент государственного переворота 1345 г. захватил один Кейстут без участия Ольгерда, что Кейстуту удалось схватить и заключить под стражу Евнутия. Сомнительно также, что Витовт в 1380 г. ничего не знал о тайных переговорах Ягайла с Тевтонским орденом, направленных против Кейстута. Сообщение первой части «Летописца» со ссылкой на слова Кейстута о том, что условия содержания Ягайла под стражей в 1381 г. были относительно мягкими, расходится с данными хроники Яна из Чарнкова, рассказывающего, что Ягайло был закован в кандалы. Наконец, серьезные расхождения возникают между первой частью «Летописца» и другими источниками при описании переговоров, которые вели в 1382 г. Кейстут и Витовт с Ягайлом и Скиргайлом. Согласно первой части «Летописца» Кейстут и Витовт направились в расположение войск Ягайла, чтобы вести переговоры о мире, и были там вероломно схвачены в нарушение присяг и обещаний. Формально независимые источники излагают иную версию событий: поняв, что у них нет шансов

в противостоянии с войсками Ягайла и Тевтонского ордена и не желая попасть в руки к крестоносцам, Кейстут и Витовт сдались Ягайлу, бросив на произвол судьбы свои войска. Результаты сопоставления источников указывают на довольно двусмысленную роль Витовта во всех событиях 1380—1382 гг., приведших к гибели Кейстута.

36 смысловых элементов и подэлементов первой части «Летописца великих князей литовских» получили дополнительную оценку Е, т. е. информация в них представлена таким образом, словно исходит от непосредственного участника или свидетеля событий. Причем все указанные смысловые элементы и подэлементы касаются событий, непосредственно связанных с Кейстутом и Витовтом. Это лишний раз подтверждает уже давно выдвинутую гипотезу о том, что к созданию первой части «Летописца» имел прямое отношение сам Витовт.

Глава 5

Вторая часть «Witoldes sache»

Посольства Ягайла к Витовту, возвращение Витовта в ВКЛ, принятие им православия, а затем вновь католичества

Смысловые элементы 79—83

Вторая часть «Witoldes sache» начинается с сообщения о том, что Ягайло принялся часто присылать к Витовту в Пруссию своих бояр с письмами, в которых просил его вернуться в Великое княжество Литовское и обещал возвратить вотчину. С этого момента описание событий в «Witoldes sache» и «Летописце великих князей литовских» начинает резко различаться.

На содержание этих посольств проливают свет некоторые орденские источники, согласно которым Ягайло уже в первой половине 1384 г. обещал Витовту великокняжеский столец, если самого Ягайла действительно изберут польским королем: «Ягайло, будучи принят в качестве короля Польши, тайно направлял посольства к Витовту, стараясь посулами привлечь его к себе и обещая сделать его великим князем литовским»[1317].

Кроме того, в «Witoldes sache» Витовт признался, что принял решение о возвращении в ВКЛ под влиянием одного из своих «неверных советников» («vnd alzo vns vnd eczlicher vn*ser* vngetruwer rat dorczu brachte»). Личность этого советника достоверно установить невозможно, но есть основания предполагать, что это был Судимонт, на значительную роль которого в возвращении Витовта в ВКЛ указывает «Суммариум Ягайла и Витовта»[1318].

[1317] «Jagel assumptus fuit in regem Polonorum, qui clam missis nunciis ad Wytaudum ipsum sibi per blandimenta et promissiones allicere studuit, spondens ipsum in magnum principem Litwanie sublimare» (CEV. S. 1028). Ср. немецкий текст того же мемориала: «Daczuszen wart Jagel kunig czu Polan unde globte Witolden, das er ine einen groszem fursten zu Litwan machen wolde» (*Prochaska A.* Z archiwum Zakonu Niemieckiego … S. 36).

[1318] SRP. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1874. Bd. 5. S. 224.

Возвращение Витовта в Великое княжество Литовское датируется приблизительно июлем 1384 г.[1319]

Прибыв в Великое княжество Литовское, Витовт получил только часть былых владений своего отца Кейстута. Ему не отдали Трокскую землю, которой впоследствии завладел Скиргайло. Всего под контроль Витовта перешли центры волостей Городен, Берестье, Дорогичин, Мельник, Бельск, Сураж, Каменец и Волковыск. В хронике М. Стрыйковского к ним также прибавлен Мстибогов, но достоверность этой информации неясна[1320]. В 1384—1385 гг., вступая во владение этими волостями, Витовт выдал великому князю литовскому Ягайлу письменный документ, которым обещал сохранять ему «сыновнюю покорность», присягнул предупреждать о кознях неприятелей, не отправлять без ведома Ягайла посольства и не добиваться возвращения своей вотчины[1321]. Интересно, что и в этом документе, и в «Witoldes sache» он явно называет своей вотчиной («patrimonium» на латыни и «fetirlich erbe» на немецком) только Трокскую землю, которая ему не досталась, тогда как остальные полученные земли — Городенскую, Берестейскую и Подляшскую — к своей вотчине не относит. Это косвенно свидетельствует о том, что первоначальным «вотчинным» владением Кейстута были только Троки с прилегающими волостями, о чем уже говорилось выше.

Точное время, когда князь Скиргайло Ольгердович принял православие, неизвестно. Произошло это приблизительно между 1382 и 1384 гг. Terminus post quem ставит первая половина 1381 г., когда Скиргайло еще оставался язычником и в связи с этим был изгнан из Полоцка. Terminus ante quem — 6892 г. (продолжавшийся с 1 марта 1384 г. по 28 февраля 1385 г.), когда Скиргайло участвовал в заключении мирного договора с Московским государством и вместе с братом Дмитрием Корибутом как православный представитель своего брата-язычника великого князя литовского Ягайла целовал крест «великому князю Дмитрею Ивановичю и брату ево князю Володимеру Ондреевичу и их детем»[1322]. Согласно второй части «Летописца великих князей литовских», а также помяннику Киево-Печерской лавры и Любецкому синодику, в православии Скиргай-

---

[1319] SRP. Bd. 3. S. 131; *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski ... S. 89.

[1320] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 469.

[1321] Инвентарь Коронного архива М. Кромера 1551 г.: «Vitoldus revocatus a Iagellone magno duce, testatur se ab eo accepisse Brzescie, Drohiczin, Mielnik, Bielsko, Szarass, Camieniecz, Volkowisk et Grodno, cum toto districtu, promittitque ipsi obsequium ut patri et fidelitatem, et quod praemonebit eum de insidiis et consiliis adversariorum, neque mittet quoque legationem ipso inscio, neque repetet patrimonium» (Книга посольская ... С. 455).

[1322] Опись архива Посольского приказа 1626 года. С. 35.

ло принял имя Иван[1323]. Этому есть и документальное подтверждение: видимо, при крещении Скиргайло пожаловал часть Логожеской дани местной церкви св. Иоанна Предтечи, своего небесного покровителя, что было подтверждено привилеем от 28 апреля 1387 г., выданным великим князем литовским Ягайлом[1324].

Витовт принял православное крещение под именем Александр в 1384 или 1385 гг. после того, как приехал из Пруссии в Великое княжество Литовское. По крайней мере именно это следует из «Witoldes sache», где четко указана последовательность крещения Витовта: сначала он стал православным, а уже затем, в 1386 г., католиком. Парадоксальное мнение А. Прохаски, что Витовт принял православие только в 1389 г.[1325], представляется несостоятельным по той причине, что в этом случае необходимо предполагать, что Витовт вскоре уже к 1390 г., т. е. к моменту второго отъезда в Пруссию, вновь принял католичество, но когда и где?

Вопрос о православном крещении Витовта требует небольшого источниковедческого экскурса. Существует пожалование Витовта («Витовт *нареченный во светом крещении Александр*») Трокскому монастырю Рождества Пречистой Богородицы от 23 августа 1384 г. Документ сохранился в копии (видимусе) из книг Главного трибунала ВКЛ (9 июля 1585 г.) и иногда называется в литературе фальсификатом[1326]. Действительно, некоторые детали документа вызывают сомнение в его аутентичности. Так, Витовт в нем титулуется «великим князем», что кажется невозможным в 1384 г. Упоминается княгиня Ульяна («на просьбу и на жоданье княгини *нашое* великое Ульяны»), но на Ульяне Ивановне Гольшанской он женился только в 1418 г. Однако следует учитывать, что даже если в копию XVI в. внесены некоторые интерполяции, то некоторое пожалование Витовта для Трокского монастыря Рождества Пречистой Богородицы все же существовало в действительности. Оно было подтверждено великим князем литовским Сигизмундом Кейстутовичем 8 февраля 1435 г. в Троках, а затем подтверждалось и его преемниками — великими князьями литовскими Казимиром и Александром (в последнем случае в 1498 г.). Это дало основание Ю. Н. Микуль-

---

[1323] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры ... С. 6; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику ... С. 28.

[1324] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 82—83.

[1325] См.: *Prochaska A.* Dzieje Witolda ... S. 55—57.

[1326] Vitoldiana ... S. 190—192, No 212; *Baliński M.* Historya miasta Wilna. T. 1. S. 52, 188; *Purc J.* Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku — 27 pazdziernika 1430 roku) // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 1971. Z. 74 : Historia. Nr. 11. S. 79.

скому недавно признать документ подлинным и отнести его к периоду между 1418 и 1430 гг.[1327]

Я согласен с тем, что текст документа, известный ныне в копии 1585 г., основан на некоем подлинном пожаловании Витовта для Трокского монастыря Рождества Пречистой Богородицы, хотя и может быть отягощен интерполяциями. Судя по этой копии, бумажного или пергаменного оригинала этого документа никогда не существовало: его текст был изначально по приказу Витовта вписан в напрестольное Евангелие церкви монастыря Рождества Пречистой Богородицы[1328]. В пользу датировки документа 1384 г. свидетельствует предполагаемое время строительства каменной церкви Рождества Пречистой Богородицы в Троках. Она пришла в запустение уже во второй половине XVI в., и до наших дней сохранился только фундамент храма. По всей совокупности аргументов, в том числе по формату кирпича, эти руины датируются XIV в.[1329] Вопреки утверждению Ю. Н. Микульского, окольный город вокруг замка в Новых Троках был основан не «приблизительно в конце XIV в.»[1330], а существовал уже к февралю 1377 г., когда был сожжен крестоносцами[1331]. Следовательно, уже в 80-х гг. XIV в. здесь мог находиться и монастырь. Великим князем Витовт мог титуловаться в 1384 г. сразу после своего возвращения из Пруссии, так как надеялся, что Ягайло, как обещал, вернет ему вотчину — Троки, или сделает великим князем литовским после своего отъезда в Польшу, на что позднее указывала делегация Тевтонского ордена на Констанцском соборе в 1416 г. (выше цитировался этот документ)[1332].

В то же время документ содержит много таких деталей, которые не могли существовать в 1384 г. В нем упоминается, например, трокский воевода: «И в тую луку не мают се вступовати ни митрополит, ани владыка, ани воевода троцки, ани их наместники». Самое главное, конечно, что препятствует датированию этого акта 1384 г., — это то, что в нем

[1327] *Микульский Ю. Н.* Литовский князь Витовт как православный ктитор (1392—1430 гг.) // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2015. Вып. 2. С. 28—30.

[1328] Vitoldiana ... S. 192.

[1329] *Кушнярэвіч А. М.* Культавае дойлідства Беларусі XIII—XVI стст. : гістарычнае і архітэктурна-археалагічнае даследаванне. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. С. 32.

[1330] *Микульский Ю. Н.* Литовский князь Витовт как православный ктитор ... С. 33.

[1331] «...tunc cum peregrinis accelerant contra castra, signanter contra novam domum in terra Tracken, ubi fit vastacio et succensio magna fugaque populi» (SRP. Bd. 2. S. 587; см. также: *Baliulis A., Mikulionis S., Miškinis A.* Trakų miestas ir pilys ... P. 30—31).

[1332] CEV. S. 1028; *Prochaska A.* Z archiwum Zakonu Niemieckiego ... S. 36.

Витовт называет великую княгиню Ульяну «нашой», следовательно, здесь не может идти речи о великой княгине Ульяне Александровне, вдове Ольгерда. Таким образом, пожалование Витовта монастырю Рождества Пречистой Богородицы в Троках не может служить источником при рассмотрении вопроса о православном крещении Витовта в 1384—1385 гг.

Какие же еще есть источники? Главным из них остается орденский меморандум, так называемый «Суммариум Ягайла и Витовта», возникший в 1412—1413 гг. В нем рассказывается о том, что принять православное крещение Витовта заставила великая княгиня Ульяна Александровна, и дело изложено следующим образом. Витовт после приезда в Великое княжество Литовское (в 1384 г.) хотел получить во владение Луцкую землю и просил мать Ягайла княгиню Ульяну Александровну, чтобы она помогла ему в этом: «И тогда просил Витовт мать Ягайла об одной земле, которую называют Луцк, и, чтобы она ему досталась, он пожелал креститься в русскую веру. Она дала ему эту землю, и тогда он принял русское крещение...»[1333]

Данные хроники Быховца о том, что Витовт в православии носил имя Юрий, весьма ненадежны[1334]. Хотя в литературе можно встретить сомнения в том, что православным крестным именем Витовта было имя Александр[1335], следует отметить, что оно прямо называется и в помяннике Киево-Печерской лавры, несмотря на то что соответствующая запись там была выскоблена, видимо, в связи с вероотступничеством князя[1336].

Вообще, по всей видимости, Витовт в «Witoldes sache» вводил в заблуждение представителей Ордена об обстоятельствах своего православного крещения, чтобы его отступление от католичества выглядело не слишком одиозным. В описании Витовта принятие православия представлено как унизительная процедура, направленная на то, чтобы его возненавидели люди, видимо, соратники его отца Кейстута («Vnd hisen mich selbir dennoch, das ich den Russchen glowben solde czu mir nemen, das

---

[1333] «Und do bat Wythaut Jagels mutter umbe ein lendichen, das ist gnant Lawtzk mit deme namen, mochte im das werden, her wolde sich uff Reusch lossen teuffen. Sie gab im das lant, und do entpfingk er die Reusche touffe, und also was das die ander touffe, die er hatte entpfangenn» (SRP. Bd. 5. S. 225; *Prochaska A.* Przyczynki krytyczne ... S. 32—33).

[1334] «Perwy Witolt, a koli Rusinom ostał, dali byli imia iemu Jurj» (*Narbutt T.* Pomniki ... S. 22).

[1335] *Wasilewski T.* Prawosławne imiona Jagiełły i Witolda // Analecta Cracoviensia. 1987. T. 19. S. 114.

[1336] Сразу после записи о великом князе литовском Ольгерде: «Князя великаго Витовта, нареченаго в святом крещении Александра» (*Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры ... С. 6).

ich allen luten mich derleite»): Витовт должен был после своего православного крещения во всеуслышание объявить о нем людям. Это могла быть своего рода утонченная месть со стороны Ульяны Александровны и ее сыновей: чтобы любимый сын того самого Кейстута, который когда-то преследовал их и отказался похоронить по православному обряду Ольгерда, принял православие. Тем более что ни в 1384 г., ни в 1385 г. Витовт Луцка официально так и не получил[1337].

Католическое крещение, судя по «Witoldes sache», Витовт повторно принял после того, как Ягайло, избранный польским королем, приехал на коронацию в Краков. Согласно хронике Длугоша, Витовт в те февральские дни 1386 г. действительно находился в Кракове в свите Ягайла и подносил подарки королеве Ядвиге[1338]. Таким образом, остается предполагать, что он крестился 15 февраля 1386 г. в Кракове вместе с Ягайлом, его братьями, а также многими боярами ВКЛ, оставив себе христианское имя Александр. Новым католическим именем («Allexander alias Wytolt») Витовт официально подписывается уже 13 марта 1386 г.[1339]

Люблинский съезд 1389 г.: официальная передача вотчины Витовта Скиргайлу, просьба Витовта о получении документа на владение Луцком

Смысловые элементы 84 и 85

Итак, после событий 1382 г. Троки перешли во владение князя Скиргайла Ольгердовича. Трудно сказать, когда точно это произошло. Во всяком случае письменным актом это владение было оформлено, видимо, лишь через несколько лет — только в феврале 1386 г., когда Ягайло принял католическое крещение в Кракове и стал мужем польской королевы Ядвиги Анжуйской. Именно тогда он выдал некоторым своим братьям документы с указанием их статуса в Великом княжестве Литовском и с описанием их владений. В частности, точно известно, что в феврале 1386 г. такой привилей на Кернов, Биютишки и Чечерск получил от Ягайла его младший брат Александр Вигунт[1340]. Примерно в это же время был пожалован и первый привилей князю Скиргайлу, оригинал которого ныне утрачен. В нем Ягайло ссылался на то, что буквально на днях принял христианскую веру: «Б(ог)ъ далъ намъ всего много, а *ныне* язъ и своимъ братомъ со кн(я)з(е)мъ Скирикгаиломъ оумыслили есмы и приима-

[1337] *Paszkiewicz H.* O genezie ... S. 169.

[1338] *Długosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 152.

[1339] Akta unji Polski z Litwą ... S. 8.

[1340] *Wdowiszewski Z.* Uposażenie ks. Wigunta Olgerdowicza przez Władysława Jagiełłę // Księga ku czci Oskara Haleckiego wydana w XXV-lecie jego pracy naukowej. Warszawa : Nakładem uczniów, 1935. S. 265.

емъ Б(ож)ии даръ ч(е)сно по Б(ож)ью изволенью и его Пр(е)ч(и)стое М(а)т(е)ри Д(е)в(и)ци Б(огороди)ци М(а)рье». Далее он устанавливал первенство Скиргайла среди других князей Ольгердовичей («А держати ми его выше оусее нашее братье и слушати ми его боле оусехъ своихъ приѧтелии и братьи») и описывал границы его владений в ВКЛ, в том числе границы Трокской земли. После взятия мятежного Полоцка весной 1387 г. была подготовлена вторая редакция этого привилея. Документ был выдан Скиргайлу тайно на охоте в Скойстерских ловах 28 апреля 1387 г. и сохранился до нашего времени. В него были включены положения первой редакции привилея — соответствующий текстологический пласт во второй редакции прослеживается очень отчетливо — и добавлялось, что Скиргайло кроме Троков и других волостей владеет также Полоцкой землей[1341].

Из «Witoldes sache» недвусмысленно следует, что, хотя Скиргайло и ранее титуловался в документах трокским владетелем, но о существовании особого привилея на Трокскую землю, выданного Скиргайлу, Витовт узнал только в мае 1389 г. на княжеском съезде в Люблине. На этом съезде ранее враждовавшие между собой Витовт и Скиргайло 29 мая 1389 г. по настоянию Ягайла заключили особое соглашение о дружбе и взаимопомощи[1342]. Как признается в «Witoldes sache» сам Витовт, известие о выдаче Скиргайлу привилея на Троки стало ударом для него. Надо полагать, прежде он думал, что Скиргайло владеет Троками исключительно «до воли» Ягайла, т. е. без документального оформления. Соответственно, на том же Люблинском съезде Витовт стал требовать, чтобы Ягайло выдал ему такой же письменный акт на владение Луцком (раз уж Троки отписаны Скиргайлу). Однако Ягайло публично отказался это сделать, заявив: «Я дал эту землю князю Витовту до своей воли, когда захочу, тогда заберу ее у него» («Jch habe gegeben herczog Witawthen das land bis an minen willen, wen ich wil, zo wil ich aber weder nemen von jm das land»).

Комментируя сообщение «Witoldes sache» о том, что Витовт владел Луцком, необходимо попутно оценить и известия «Летописца великих князей литовских», из которых следует, что Витовт получил Луцк со всей

[1341] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 83.

[1342] CEV. S. 18, No 53. В. Двожачек отнес события в Люблине, описываемые в «Witoldes sache», к 1384 г. (*Dworzaczek W.* Leliwici Tarnowscy. Z dziejów możnowładztwa Małopolskiego wiek XIV—XV. Warszawa : Pax, 1971. S. 106). Это предположение вполне основательно отвергается Я. Тенговским (*Tęgowski J.* Bezkrólewie po śmierci Ludwika Węgierskiego a geneza unii Polski z Litwą // Studia historyczne z XIII—XV wieku. Wydanie jubileuszowe z okazji 75-lecia urodzin i 45-lecia pracy naukowej Profesora Kazimierza Jasińskiego. Olsztyn : WSP w Olsztynie, 1995. S. 110).

Волынской землей уже после возвращения из Пруссии в 1384 г. Выше анализировался комплекс источников о православном крещении Витовта в июле или августе 1384 г. и о связи этого решения с планами Витовта получить Луцк. Так, в «Суммариуме Ягайла и Витовта» указывается, что после принятия Витовтом православия княгиня Ульяна Александровна якобы действительно дала ему Луцк («sie gab im das lant»). Однако в свете других источников это сообщение «Суммариума» все же выглядит анахронизмом. Похоже, что после смерти волынского князя Любарта Гедиминовича в начале 1384 г. Луцком и Владимиром-Волынским стал владеть его сын Федор (Федот) Любартович, который еще в мае 1386 г. титуловался луцким князем: «Feodor Lubhard, Dei gracia dux Luciensis»[1343]. Вскоре, между маем 1386 г. и августом 1387 г., Луцк был отнят у него и передан острожским князьям Федору и Михаилу Даниловичам, которые присягнули на верность королю Польши[1344]. Уже в августе 1387 г. в титуле Федора Любартовича осталось только упоминание о Владимире-Волынском: «Fedario de Ladomiria»[1345], которым он продолжал владеть вплоть до мая 1393 г.[1346] Таким образом, между 1384 и 1388 гг. трудно найти период, в который Витовт мог бы владеть Луцком и реально, и номинально. Не мог Витовт получить Луцк и в начале или в первой половине 1388 г., поскольку Длугош сообщает, что в 1388 г. король Владислав (Ягайло) прислал в Луцк своего наместника — Креслава из Курозвенков[1347]. Фальсификаты привилеев Витовта для евреев, которые были будто бы выданы в 1388 г. в Луцке, мы во внимание не принимаем.

Зато уже в январе 1390 г. в сношениях с Тевтонским орденом Витовт титуловался князем Луцким и Городенским («herczog czu Luczik und czu Garthin»)[1348]. С учетом этого документа, а также хроники оффициала Иоганна[1349] представляется ошибочным мнение о том, что Витовт получил Луцк якобы только после августа 1392 г.[1350]

В целом, характеризуя достоверность известий «Witoldes sache» и «Летописца великих князей литовских» о пожаловании Витовту Луцка, можно прийти к следующим выводам. Луцк был передан Витовту либо незадолго до Люблинского съезда (во второй половине 1388 г. или в на-

---

[1343] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. S. 2, No 3.

[1344] Ibid. S. 5—8.

[1345] CEV. S. 13, No 35.

[1346] Akta unji Polski z Litwą ... S. 31.

[1347] *Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 477; 2) Annales ... Lib. 10. S. 172.

[1348] CEV. S. 20, No 63—64.

[1349] «Czogin die Littowin weder ken Russin in das lendechen, das Wytowten was, und gewonnen Rusche Briske, Luczk und Sarassin, das alleyne Garthin bleib» (SRP. Bd. 3. S. 163).

[1350] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 210.

чале 1389 г.), либо непосредственно на Люблинском съезде, чтобы удовлетворить его претензии и примирить его со Скиргайлом (согласно гипотезе А. Сохацкой)[1351]. В «Летописец великих князей литовских» соответствующее сообщение было внесено дважды. Вначале автор второй части «Летописца» написал, что на момент своего восстания в конце 1389 г. Витовт владел Луцком и всей Волынской землей: «А князю великому Витовту тогда держащю Луческь и всю землю Волынскую, а в Литовскои земли отчину свою». Хотя Витовт в тот период действительно владел Луцком, в остальном это сообщение грешит неточностями: Витовт тогда не получил *всю Волынскую землю*, так как во Владимире-Волынском продолжал княжить Федор Любартович, а кроме того, он не получил *всю свою вотчину в Литовской земле*, поскольку Троки оставались в руках у Скиргайла. Затем, когда этот фрагмент был уже готов, автор счел необходимым вернуться в начало текста и теми же словами добавить, что после возвращения Витовта из Пруссии (в 1384 г.) Ягайло якобы «дал ему Луческь со всею Волыньскою землею, а в Литовьскои земли отчину его», и вот это сообщение, помещенное в таком контексте, уже недостоверно от первого до последнего слова.

Польские сановники ходатайствовали за Витовта, видимо, на том же Люблинском съезде в мае 1389 г. В «Witoldes sache» упоминаются следующие лица: Ян из Тарнова (1349—1409), сандомирский воевода, староста Галицкой Руси, принадлежавшей Польше; Спытко из Мельштына (1322—1399), краковский воевода[1352]; и не названный по имени Сендзивой из Шубина (? — около 1405), калишский воевода, староста Кракова.

Прочие жалобы Витовта на Ягайла и Скиргайла

Смысловые элементы 86—92

Имена бояр Витовта, которые были арестованы и подвергнуты пыткам по приказу Ягайла и Скиргайла, выяснить не представляется возможным. Пытка водой, упоминаемая в «Witoldes sache», возможно, была связана с частичным утоплением жертвы или была идентична той, которая применялась в отношении одного из мучеников-францисканцев в 1341 г.: жертву заставляли проглотить мешочек, наполняемый затем

[1351] *Sochacka A.* Zjazdy polsko-litewskie w Lublinie i Parczewie w czasach Władysława Jagiełły // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Historia. 1986—1987. Vol. 41/42. No 3. S. 67.

[1352] *Dworzaczek W.* Leliwici Tarnowscy ... Tabl. I.

большим количеством воды, и резко вытягивали этот мешочек через пищевод, повреждая и разрывая внутренние органы[1353].

Вопрос об упоминаемых в «Witoldes sache» каких-то провокационных письмах, рассылавшихся князем Скиргайлом, чтобы навредить Витовту, подробно разбирался во 2-й главе при характеристике документальных источников.

Названным в «Witoldes sache» слугой Варшем, которого Скиргайло направил к Витовту, был, возможно, польский рыцарь Варш из Михова, герба Рава. Этот выходец из Сандомирской земли в числе других малопольских шляхтичей после 1386 г. поступил на службу к новому королю Польши Владиславу (Ягайлу). В 1397 г. он был старостой шидловским, а затем участвовал в походе войск ВКЛ против Золотой Орды и сложил голову на реке Ворскле в 1399 г.[1354]

Скиргайло направил Варша к Витовту, видимо, непосредственно после Люблинского съезда, на котором два князя официально помирились, т. е. в конце мая или в начале июня 1389 г. Это видно из слов, которые он передал Витовту: «Берегись ты меня, а я тебя» («Hute dich vor mir vnd ich vor dir»). Рассказывая об этом эпизоде в «Witoldes sache», Витовт стремился показать, что Скиргайло первым нарушил заключенное в Люблине соглашение о «братской любви и дружбе».

Сведения «Witoldes sache» о том, что Витовту было запрещено направлять гонцов и письма в зарубежные страны, находят косвенное подтверждение в тексте его вассальной присяги великому князю литовскому Ягайлу, датируемой 1384 или 1385 гг. Согласно этому документу (ссылка на него приводилась выше) Витовт обязывался не высылать какие-либо посольства без ведома Ягайла («neque mittet quoque legationem ipso inscio»).

Говоря о том, что ему запрещали выдавать замуж свою дочь, Витовт, конечно, имел в виду Софью Витовтовну. В 1383 г. по распоряжению хана Золотой Орды Тохтамыша московский великий князь Дмитрий Иванович Донскойотправил в Орду своего сына Василия Дмитриевича[1355]. 26 ноября 1385 г. молодой княжич бежал из Орды и в следующем году прибыл в Подольскую землю и в Валахию[1356]. Оттуда Василий Дмитриевич уехал в Великое княжество Литовское и проездом через Полоцк 19 января 1388 г. возвратился в Москву, причем сопровождали его, судя

[1353] «Nam cum magna violentia quendam pannum cum aqua nimia ipsum transglutire compellunt, quem postea e visceribus eius trahentes quasi eius interiora disrumpunt» (*Baronas D.* Vilniaus pranciškonų kankiniai ... P. 240).

[1354] MPH. Lwów : W Komisie Księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1878. T. 3. S. 82; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 179.

[1355] ПСРЛ. Т. 3. С. 379.

[1356] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150—152; ПСРЛ. Т. 8. С. 49.

по русским летописям, «князи лятьские и панове, и ляхове, и литва»[1357]. Соответственно, когда Василий Дмитриевич находился в ВКЛ, он и познакомился с дочерью Витовта Софьей, попросив ее руки. Однако, как можно предполагать на основе «Witoldes sache», этот брак по политическим мотивам был запрещен Ягайлом, который боялся, что династический союз с Москвой будет способствовать опасному усилению Витовта. Только в 1390 г., когда Витовт с семьей находился в эмиграции в Пруссии, Василий Дмитриевич, ставший к тому времени московским великим князем, прислал послов за княжной Софьей Витовтовной в прусский Мариенбург. Свадьбу же сыграли в январе 1391 г. в Москве (см. далее комментарий ко второй части «Летописца великих князей литовских»).

Репрессии Ягайла в отношении родственников и соратников Витовта

Смысловые элементы 93—96

Товтивил был одним из младших сыновей Кейстута и Бируты — младше Витовта, но старше Жигимонта (Сигизмунда). Впервые на исторической сцене он появляется в 1382 г., когда, возможно, организовал побег Витовта из Кревского замка. Два брата вместе направились в Мазовию, где Товтивил принял католическое крещение под именем Конрад[1358]. По сообщениям Виганда из Марбурга и Длугоша, в 1390 г. Товтивил Конрад участвовал в осаде Вильно на стороне Витовта и крестоносцев. В сентябре 1390 г. во время одного из штурмов он был убит выстрелом из бомбарды. Похоронен в Виленском соборе святых Станислава и Владислава[1359].

[1357] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 153; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 116.

[1358] МРН. Т. 2. S. 719—720.

[1359] «Dux Conradus cum telo occiditur» (SRP. Bd. 2. S. 643); «Sed et Totiwil Dux, Withawdi germanus, bombarda ex castro ictus subito interiit et apud Vilnensem ecclesiam accepit sepulturam» (*Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 491; 2) Annales ... Lib. 10. S. 187). Существует гипотеза, что это был не Товтивил, а какой-то другой князь Конрад, сын одного из братьев Витовта (*Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 214—215). На основе сообщения Виганда Я. Тенговский предположил, что этот князь Конрад был только ранен, а умер от своей раны через несколько недель на территории Пруссии, поэтому его и не могли похоронить в Вильно. Но в хронике Виганда об этом ничего не говорится — утверждается только, что войска крестоносцев стояли под стенами Вильно 5 недель и непрерывно сражались днем и ночью etc. («Steterunt V septimanis in continuo agone nocte dieque et pugna»; SRP. Bd. 2. S. 643). Мне не удалось найти упоминаний о Товтивиле в сборнике эпитафий на литовских нобилей, похороненных в Виленском соборе, который был напечатан Симоном Старовольским в 1655 г., и вообще обнаружить там эпитафии на погребения, датируемые ранее начала XVI в., несмот-

Не названным по имени «братом жены» («mynes wibes bruder») Витовта, упомянутым в «Witoldes sache», мог быть либо князь Лев Друцкий, либо нобиль Судимонт, о которых я подробнее говорил выше. Мне кажется, в «Witoldes sache» имеется в виду именно Судимонт как брат первой жены Витовта, тогда как Лев Друцкий, скорее всего, был двоюродным братом второй жены Витовта — княгини Анны.

Судимонт († 1394) был одним из ближайших соратников Витовта, сопровождавшим его во время первого отъезда в Пруссию в 1382—1384 гг.

Гольшанский князь Иван Ольгимонтович — личность, хорошо известная по другим письменным источникам[1360]. Его отец Ольгимонт в последней четверти XIV в. владел Гольшанами[1361], участвовал в посольствах ВКЛ в Польшу (январь 1385 г.)[1362] и в Великий Новгород (1388—1389)[1363]. Ольгимонт был крещен в православии под именем Михаил, а в конце жизни принял монашество под именем Евфимий[1364]. Соответственно, православным был и его сын — Иван Ольгимонтович, который впервые появляется в источниках 29 сентября 1379 г. среди ближайших бояр великого князя литовского Ягайла, свидетелей договора о 10-летнем перемирии между ВКЛ и Тевтонским орденом в Пруссии[1365]. К 1382 г. произошло политическое сближение между Иваном Ольгимонтовичем и Витовтом, связанное с тем, что Иван Ольгимонтович женился на княжне Агриппине[1366], которая, как следует из «Witoldes sache», была родной сестрой княгини Анны, жены Витовта. После этого Иван Ольгимонтович на многие годы стал правой рукой Витовта. Он сопровождал княжну Софью Витовтовну в поездке в Москву (1390), был наместником в Киеве

ря на то что в одной из эпитафий и упоминается Витовт (см.: Monvmenta sarmatarvm beatae aeternitati / Simone Starovolscio primicerio tarnouiensi collectore. Cracoviae : Officina viduae et haeredum Francisci Caesarij, 1655. S. 230 и след.). Однако все же пока нет никаких оснований ставить под сомнение известия Виганда и Длугоша о смерти Товтивила Конрада.

[1360] О нем и о его отце Ольгимонте см.: *Šedvydis L.* Dukes of Holshany in Kiev from early 14th century to year 1430 // Colloquia Russica. Серія I. Т. 2 : Князівства Галицької і Волинської земель в міжнародних відносинах XI—XIV століть : матеріали II Міжнародної наукової конференції, Івано-Франківськ, 20—22 жовтня 2011 р. Краків, 2012. С. 157—160.

[1361] «Ongemundes hoff Galschan» (SRP. Bd. 2. S. 707).

[1362] Упомянут в «Краковском календаре» как «Elgemont» (МРН. Т. 3. S. 230).

[1363] В Новгородской IV и Софийской I летописях посольство датировано 6896 г. (ПСРЛ. Т. 4. С. 351; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 491).

[1364] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры ... С. 7.

[1365] *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 50.

[1366] Любецкий синодик: «Князя Иоанна Олгимонтовича и княгиню его Агрипину» (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику ... С. 28).

после внезапной смерти князя Скиргайла Ольгердовича (1395). Последний раз Иван Ольгимонтович фигурирует в письменных источниках 5 февраля 1401 г., когда выдал присяжную грамоту о том, что будет сохранять верность польскому королю и Польше в случае смерти Витовта[1367]. Дочь Ивана Ольгимонтовича — Ульяна Ивановна Гольшанская — стала женой Витовта в 1418 г., внучка — Софья Андреевна Гольшанская — в 1422 г. вышла замуж за польского короля Владислава (Ягайла) и, родив ему Казимира, будущего великого князя литовского и короля Польши, стала родоначальницей династии Ягеллонов.

Говоря о землях, конфискованных Ягайлом у Товтивила Кейстутовича, Судимонта и Ивана Ольгимонтовича, имеет смысл вновь вспомнить о том, что в феврале 1386 г., став польским королем, Владислав (Ягайло) пожаловал своему брату Александру Вигунту Кернов, Биютишки и Чечерск. Хотя сам документ не сохранился до нашего времени, его содержание известно по двум описям Коронного архива в Кракове, которые были составлены в XVI в. историком Мартином Кромером и канцлером Польского королевства Яном Замойским.

Инвентарь Коронного архива в Кракове, составленный М. Кромером в 1551 г.[1368]

1385. Wladislaus rex Poloniae donat Kiernow, Biuciszki et Czeczersk Viguntho duci fratri. Datum Cracoviae. In papyro lacera.

Перевод

1385. Владислав, король Польши, жалует Кернов, Биютишки и Чечерск своему брату князю Вигунту. Дано в Кракове. На ветхой бумаге.

Инвентарь Коронного архива в Кракове, составленный Я. Замойским в 1569—1571 гг.[1369]

Litterae russicae Wladislai Dei gratia magni regis Cracoviae et Maioris Poloniae, Lituaniae, Russiae etc. et aliarum multarum terrarum domini, quibus fratri suo Vigunto ex patrimonio ipsius Wladislai Kernoff castrum cum pertinentiis ac terra et aqua, similiter villam Byuciszki cum omnibus pertinentiis ac terra et aqua, ac item Cziczersk districtum cum omni dacia ac omnibus usibus et terra ac aqua donat, ut ea possideat ac ipsi regi magno tenutario serviat, nemo vero illum molestet, quod si ab aliquo illi molestia inferatur eum defendere promittit. Datum Cracoviae, dominica 1385. Sine sigillo. Papireae. k.k. XIX.

[1367] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 63—64, № 35.

[1368] Книга посольская ... Приложение IX. С. 455.

[1369] *Wdowiszewski Z.* Uposażenie ks. Wigunta Olgerdowicza ... S. 265. — Регест см.: AGAD. F. 358. BOZ, nr. 33. Inwentarz Archiwum Koronnego Jana Zamojskiego. T. IV. S. 620.

Перевод

(Архивная сигнатура) k.k. XIX. Грамота на русском языке Владислава, Божией милостью великого короля в Кракове и Великой Польше, Литве, Руси и так далее и прочих многих земель владетеля, которой он жалует своему брату Вигунту из своей вотчины замок Кернов с тем, что к нему принадлежит, землями и водами, а также село Биютишки со всем, что к нему принадлежит, землями и водами, и волость Чечерск со всеми данями и всеми угодьями, землями и водами, чтобы (Вигунт) ими владел и этому великому королю с этого владения служил службу. И никто не должен ему (Вигунту) причинять зла. Если же кто-нибудь причинит ему зло, то (Владислав) обязуется его защищать. Дано в Кракове, в воскресенье 1385 г. Без печати. На бумаге.

Тот факт, что в документе Ягайло выступает уже с католическим именем и с титулом польского короля, однозначно свидетельствует, что пожалование следует датировать не 1385 г., а более поздним временем. Как справедливо предполагал З. Вдовишевский, скорее всего, документ был выдан в воскресенье 18 февраля 1386 г., когда Ягайло находился в Кракове на торжествах по случаю коронации и женитьбы на польской королеве Ядвиге[1370]. Откуда же в обеих архивных описях взялась дата 1385 г.? Это необходимо связывать с тем, что документ был написан на западнорусском языке и имел дату 6893 г. по мартовскому стилю. При переводе этой даты на летоисчисление от Рождества Христова сотрудники Кромера и Замойского не учли, что 6893 г. завершался 28 февраля 1386 г., поэтому они отняли от 6893 число 5508, а не 5507, и получили ошибочный год — 1385 вместо 1386.

Указанный документ — пожалование князю Александру Вигунту — может быть использован для частичного решения вопроса о том, какие земли после 1382 г. были конфискованы у родственников Витовта, называемых в «Witoldes sache».

Прежде всего речь идет о землях Ивана Ольгимонтовича. Поскольку его отец гольшанский князь Ольгимонт в 1385 и 1388/89 гг. выполнял ответственные посольские поручения в интересах Ягайла, можно прийти к твердому выводу, что именно он как старший в роду владел тогда Гольшанами. Следовательно, у Ивана Ольгимонтовича были конфискованы не Гольшаны, а какое-то другое владение. В пожаловании Александру Вигунту называются Биютишки. Теперь это небольшая деревня в 6—7 км

[1370] *Wdowiszewski Z.* Uposażenie ks. Wigunta Olgerdowicza ... S. 267.

северо-восточнее Гольшан[1371]. В последней четверти XIV ст. это был центр небольшой волости. В орденском дорожном справочнике «Die Littauischen Wegeberichte» Биютишки называются великокняжеским двором уже около 1385 г. и локализуются примерно на том же месте, где расположена современная деревня того же названия, — в трех милях (22—24 км) от Ошмян и в двух милях (14—16 км) от Крево[1372]. Сопоставление этих данных позволяет предполагать, что Биютишки при жизни отца были выделены Ивану Ольгимонтовичу в качестве вотчинного владения, а в период между 1382—1385 гг. конфискованы у него и затем переданы князю Александру Вигунту.

Нобиль Судимонт, в свою очередь, владел селом Вейшишки («Wesisken»), которое локализуется на месте современной д. Гейсишкес недалеко от Кернова (историография и аргументация по этому вопросу представлены в комментарии ко второй части «Летописца великих князей литовских»). В этом отношении передача князю Александру Вигунту Кернова также могла быть каким-то образом связана с конфискацией земель у одного из сторонников Витовта — на этот раз у Судимонта, который лишился Вейшишек.

Товтивил Кейстутович некоторое время вместе с братом Войдатом владел частью Новогородской земли как своей вотчиной[1373]. Находился ли в числе его владений также и Чечерск, достоверно неизвестно, поэтому в данном случае пожалование князю Александру Вигунту не может ничем нам помочь. Остается предполагать, что у Товтивила после 1382 г. была отобрана его часть Новогородской земли, которая впоследствии перешла под контроль брата Ягайла — Дмитрия Корибута.

Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности

Первую и вторую части «Witoldes sache» можно разделить на следующие смысловые элементы и подэлементы.

1а-I. Гедимин был дедом Витовта. — В.

1а-II. Перед смертью Гедимин раздает уделы своим сыновьям. — А.

4а-I. Гедимин передает великокняжескую власть Евнутию. — А.

4а-II. После смерти Гедимина Евнутий занимает великокняжеский столец в Вильно. — В.

[1371] Топографическая карта N-35-XV (1: 200000).

[1372] «Bytiskin des konigs dorf» (SRP. Bd. 2. S. 700).

[1373] Документ Витовта от 18 января 1401 г.: «Medietatem Novogrodeg, quae fuit de patrimonio nostro sors duorum fratrum nostrorum, ducum Woydati et Thowtiwil» (Akta unji Polski z Litwą … S. 35)

5a-I. Гедимин передает Витебск Ольгерду. — A; F; G2 (информация неполная, так как, в отличие от «Летописца», в числе владений Ольгерда не упомянуто Крево; кроме того, наблюдается противоречие с элементом 5b «Летописца», в соответствии с которым Витебск достался Ольгерду в связи с его женитьбой на дочери витебского князя).

6a-I. Гедимин передает Троки Кейстуту. — A.

6a-II. Княжение Кейстута в Троках. — B.

9a-I. Ольгерд и Кейстут живут между собой в дружбе. — C.

9a-II. Причина заговора: несправедливости со стороны Евнутия. — A.

9a-III. Заговор Кейстута и Ольгерда против Евнутия. — B.

10a. Заговорщики назначают день для захвата Вильно. — A.

11a. Кейстут приходит к Вильно в назначенное время, а Ольгерд не успевает. — A.

12a-I. Захват Вильно и Виленского замка с целью свержения Евнутия. — B.

12a-II. Вильно захватывает один Кейстут. — D3.

14. Кейстута поддерживает весь народ, и ему подчиняются все другие замки. — A; G2.

16a-I. Кейстут как младший брат передает Ольгерду власть над Вильно и другими землями и городами. — A.

16a-II. Ольгерд был старше Кейстута. — B (по данным Рогожского летописца).

16a-III. Ольгерд становится великим князем литовским сразу после Евнутия. — B.

16a-IV. Ольгерд становится великим князем литовским с разрешения Кейстута. — A.

19a. Ольгерд и Кейстут делят свои земли и города на две части. — C.

20a. Ольгерд и Кейстут договариваются о том, что всю военную добычу в других землях будут делить поровну между собой. — C.

21. Добыв в Русской земле много замков и территорий, Ольгерд и Кейстут делят их между собою поровну. — C.

22a. Ольгерд и Кейстут с доверием относятся друг к другу. — A.

27a-I. После смерти Ольгерда Кейстут мог бы перевести Ягайла из Вильно в любое другое княжество, но не стал этого делать, уважая волю старшего брата. — A; E.

27a-II. После смерти Ольгерда Ягайло был еще очень юн. — A.

28a-I. Ягайло после смерти отца занимает великокняжеский столец в Вильно. — B.

28a-II. Именно Кейстут сажает Ягайла князем в Вильно. — A.

28a-III. Кейстут оберегал Ягайла от опасностей, пока он не вырос и пока люди к нему не привыкли. — A.

30a-I. Некоторые друзья сообщают Кейстуту о враждебных планах и действиях Ягайла. — A.

30a-II. Втайне от Кейстута заключен мир между ВКЛ и Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии. — B.

31a. Ягайло предает Кейстута, направив войска Ордена на его земли и дав обещание не оказывать ему помощь. — B.

32. Намерение Ягайла схватить и убить Кейстута и Витовта, а затем забрать их земли. — A; E.

36a. Кейстут захватывает Вильно, всю казну, все замки и области Ягайла и помещает его со всеми братьями и матерью под стражу. — B.

39a-I. Не желая Ягайлу зла, Кейстут отдает ему Витебск и другие земли, ранее принадлежавшие Ольгерду. — B.

39a-II. Кейстут также отдает Ягайлу казну и имущество. — A.

41a-I. Ягайло со своей матерью и братьями приносит Кейстуту присягу в том, что никогда не будет требовать назад Вильно и будет послушен Кейстуту в своем Витебском уделе. — B.

41a-II. Ягайло выдает Кейстуту соответствующий письменный документ. — A.

44a. Ягайло занял Вильно, когда Кейстут находился в походе. — B.

48a. К тому времени, когда Кейстут вернулся из похода, Ягайло занял Троки. — B.

51a. Кейстут едет в Жемайтию просить о военной помощи. — B.

53a-I. Войска Кейстута и Витовта приходят под Троки. — B.

53a-II. Участие жемайтов в войне на стороне Кейстута. — B.

54a. Когда Ягайло с войском догоняет Кейстута и Витовта, вместе с ним находятся войска из Ливонии. — B.

56a. Войска Кейстута и Ягайла встают друг напротив друга на пригорках. — A; E.

57a. Ягайло посылает на переговоры Скиргайла, который вызывает Кейстута по имени. — D3; E; G2 (содержание прямо противоречит элементу 57b «Летописца»).

64a. Скиргайло дает присягу и поручительство Кейстуту и Витовту — от своего имени и от имени Ягайла. — A; E.

65a-I. Кейстут и Витовт, поверив присягам, приезжают в войско Ягайла. — B.

65a-II. Кейстут и Витовт приезжают в войско Ягайла, чтобы вести переговоры о мире, и надеются вернуться назад в расположение своего войска. — D3.

67a-I. Кейстут схвачен вероломно людьми Ягайла и Скиргайла, а не сдался сам. — D3.

67a-II. Факт ареста Кейстута. — B.

71a. Кейстута убивают по приказу Ягайла и Скиргайла. — C.

72. Люди Ягайла и Скиргайла убивают мать Витовта. — D3.

73a. Ягайло и Скиргайло сажают Витовта в заточение. — C; G1.

75a. Витовту удается бежать из заточения. — B.

76а. Витовт бежит на территорию Тевтонского ордена в Пруссии. — B; F (информация неполная, так как не упомянуто о пребывании Витовта в Мазовии).

77. В Пруссии Витовт принимает католичество. — B.

78-I. В руках у Ягайла и Скиргайла Витовт оставляет своего брата, сестру, жену и детей. — A; E.

78-II. Наличие у Витовта других детей кроме Софьи Витовтовны. — B.

79-I. Ягайло направляет к Витовту посольства с просьбой вернуться в ВКЛ. — B.

79-II. Ягайло обещает Витовту вернуть вотчину. — A; E.

79-III. Витовт возвращается в ВКЛ. — B.

79-IV. На решение Витовта влияет некий советник. — A; E.

80-I. Ягайло не выполняет обещаний, которые давал Витовту перед его возвращением в ВКЛ. — A.

80-II. Ягайло отдает вотчину Витовта (Троки) Скиргайлу. — B.

81. Скиргайло не католик, а православный (на 1390 г.). — B.

82-I. После возвращения в ВКЛ Витовт принимает православие (в 1384 г.). — B.

82-II. Принять православие Витовта вынуждают силой. — D3; E.

83-I. Ягайло становится королем Польши. — B.

83-II. Когда Ягайло становится королем Польши, Витовт повторно принимает католичество. — B.

83-III. Витовту препятствуют (Ягайло и Скиргайло) принимать католичество. — A; E.

84-I. Ягайло выдает Скиргайлу письменный документ на владение вотчиной Витовта за год до создания «Witoldes sache» (в 1389 г.) в Люблине. — D3.

84-II. Ранее Витовт не знал о существовании такого документа. — A; E.

84-III. Выдача такого документа Скиргайлу становится для Витовта сильным ударом. — A; E.

85-I. Витовт просит у Ягайла привилей на Русскую землю (Волынь), которую ранее держал Любарт. — A; E.

85-II. По просьбе Витовта перед Ягайлом об этом ходатайствует делегация польских магнатов. — A; E.

85-III. Ягайло отказывает и заявляет, что дал эту землю Витовту до своей воли. — A; E.

85-IV. Существование польских магнатов, перечисленных в «Witoldes sache». — B.

86. Ягайло и Скиргайло бросают в темницу и пытают бояр Витовта. — A.

87. Скиргайло наговаривает Ягайлу на Витовта и рассылает какие-то письма (вероятно, от имени Витовта). — A; E.

88. Скиргайло замышляет убить Витовта и вредит ему, так как боится, что Витовт захочет вернуть себе свою вотчину. — A; E.

89. Ягайло никогда не спрашивал со Скиргайла за это и не обвинял его. — B.

90-I. Скиргайло направляет к Витовту слугу Варша, чтобы тот передал: «Берегись ты меня, а я тебя». — A; E.

90-II. Существование в рассматриваемый период слуги по имени Варш. — B.

91. Витовт не имеет свободы ни в каких делах, в том числе не может направлять письма и гонцов ни в Пруссию, ни на Русь. — C; E.

92. Витовту не разрешают выдавать замуж дочь, боясь, что у него появятся друзья. — A; E.

93-I. Ягайло отбирает у друзей Витовта их вотчины. — A; E.

93-II. Ягайло отбирает у брата Витовта — Товтивила все, что ранее ему пожаловал. — A; E.

94. Ягайло отбирает вотчину у брата жены Витовта. — A; E.

95-I. Ягайло отбирает вотчину у князя Ивана Ольгимонтовича. — A.

95-II. Иван Ольгимонтович женат на сестре жены Витовта. — A.

96-I. Ранее Ягайло обещал Ивану Ольгимонтовичу, что не заберет у него вотчину. — A.

96-II. За это Иван Ольгимонтович подарил Ягайлу золотой пояс через Витовта. — A; E.

В составе «Witoldes sache» определено, проанализировано и оценено 92 смысловых элемента и подэлемента. Из них не находят ни прямого, ни косвенного подтверждения в формально независимых источниках, но и не могут быть опровергнуты 43 (46,74 %). 35 смысловых элементов и подэлементов прямо подтверждаются формально независимыми источниками (38,04 %), 7 смысловых элементов и подэлементов подтверждаются косвенно (7,61 %).

И наконец, 7 смысловых элементов и подэлементов (7,61 %) противоречат сообщениям формально независимых источников, причем все получили оценку D3, т. е. приоритет неясен. Это, в частности, сообщение о том, что Кейстут единолично захватил Вильно во время переворота 1345 г., некоторые известия о переговорах между Кейстутом, Витовтом и Ягайлом, Скиргайлом, состоявшихся в 1382 г., данные об убийстве матери Витовта Бируты и о том, что Витовта якобы насильно заставили принять православие, а также сообщение о том, что привилей на Трокскую землю был выдан Скиргайлу только на Люблинском съезде 1389 г.

Глава 6

Вторая часть «Летописца великих князей литовских»

Первый отъезд Витовта в Пруссию и его возвращение в ВКЛ

Смысловые элементы 97—100

Прибыв на территорию Тевтонского ордена в конце 1382 г., Витовт первоначально не имел при себе значительного количества воинов. Первый его поход совместно с войсками Ордена против Великого княжества Литовского состоялся в августе — сентябре 1383 г. Отряд Витовта состоял из жемайтов, которые получили коней и оружие от крестоносцев. Совместными усилиями союзникам удалось захватить замок Троки, но наступление на Вильно завершилось безрезультатно. Хотя великий магистр передал Троки Витовту, у того не хватало людей, чтобы поставить в замке гарнизон, поэтому крестоносцы выделили для этой цели собственный отряд, насчитывавший 60 человек[1374]. Эти данные, приведенные в хронике Виганда из Марбурга, позволяют сделать вывод, что если массовый приток нобилей ВКЛ к Витовту и имел место, то только после сентября 1383 г.

Точную или даже приблизительную численность нобилей, приехавших к Витовту в 1383—1384 гг., установить невозможно. Девять человек перечислены в качестве свидетелей договора о военной помощи, который Витовт заключил с Тевтонским орденом в Кенигсберге 30 января 1384 г.: это князь Юрий, сын Витовтова брата, княжившего в Новогородке, по-видимому Войдата[1375]; шурин Витовта друцкий князь Лев; нобиль Су-

---

[1374] SRP. Bd. 2. S. 622.

[1375] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 202. По другой версии, речь идет о князе Юрии Наримонтовиче, который одно время был служилым князем в Великом Новгороде (*Jankauskas V.* Kunigaikštis Vaidotas Kęstutaitis // Kauno istorijos metraštis. 2013. Nr. 13. P. 14). Но у этого предположения есть тот изъян, что Юрий Наримонтович был сыном не брата, а дяди Витовта,

димонт из Вейшишек; а также бояре Юрий (Георгий), Свиргайло, тивун Жеймов Гибут (или Эйбут), Раукуте, Михаил и Милегауде[1376]. Из орденского экземпляра этого договора, выданного 14 июня 1384 г., следует, что вместе с Витовтом в Пруссии находился его брат Жигимонт Кейстутович[1377]. Свидетельства довольно немногочисленны, однако очевидно, что к Витовту в Пруссию приезжали как нобили-язычники, так и нобили православного вероисповедания, даже русины, как друцкий князь Лев. С другой стороны, кажется, костяк князей ВКЛ, поддержавших Витовта, составляли его родственники, а среди нобилей более низкого ранга преобладали бывшие соратники Кейстута.

Сообщение «Летописца великих князей литовских» о частых нападениях Витовта на ВКЛ находит косвенное подтверждение в немецких хрониках. С той, конечно, оговоркой, что масштаб этих походов не был значительным. Так, в 1384 г. состоялся рейд отряда во главе с вице-комтуром Рагнита Марквардом фон Зальцбахом: со стороны крестоносцев в нем участвовало 40 человек, а со стороны Витовта — 150[1378]. В мае того же года в Кульвскую волость ВКЛ ходили 500 человек во главе с комтуром Рагнита Вигандом фон Балдерсхаймом и соратником Витовта Судимонтом. Этот отряд угодил в засаду, и многие воины Ордена погибли или попали в плен[1379]. Сановники Тевтонского ордена в дальнейшем подозревали, что эта неудача была связана с предательством Витовта и Судимонта[1380].

Неясно, где находились Ягайло и Скиргайло во время военных действий 1383 и 1384 гг. Представленная в «Летописце» информация о том, что Ягайло якобы пребывал в Витебске рядом с матерью, не вызывает доверия, так как цель ее очевидна — показать трусость Ягайла. Также непонятно, на чем основывается приводимая в хронике оценка вооруженных сил ВКЛ. Сведения о том, что Великое княжество Литовское не имело достаточно сил, чтобы противостоять набегам Витовта, вероятно, преувеличены, так как, не считая временного захвата Троков с помощью Ордена, никаких иных крупных военных успехов Витовт так и не достиг.

В комментариях к «Witoldes sache» уже говорилось о том, что Витовт возвратился из Пруссии по личному приглашению великого князя литовского Ягайло. Это подтверждается источниками Тевтонского ордена.

поэтому к нему невозможно напрямую отнести слова источника «Jurgen unsirs bruders son herczoge czu Nogarten» (CEV. S. 4).

[1376] CEV. S. 4.

[1377] Ibid. S. 5.

[1378] SRP. Bd. 2. S. 623.

[1379] Ibid. S. 626—627.

[1380] *Ліцкевіч А. У.* «Сумарыум Ягайлы і Вітаўта» // Беларуская думка. 2009. № 11. С. 98.

В июле 1384 г. Витовт сжег два замка крестоносцев на реке Неман (Юргенбург и Мергенбург) и ушел со своими людьми в Литву, убив и взяв в плен нескольких братьев Ордена[1381]. Однако надежды его на официальное получение своей вотчины (Троков) так и не оправдались. Троки со всеми прилегающими волостями в последующем остались в руках у князя Скиргайла Ольгердовича. Таким образом информация старейшей редакции «Летописца великих князей литовских» о том, что Витовт получил в ВКЛ свою вотчину, прямо противоречит другим, весьма надежным источникам и не соответствует действительности. Относительно корректно данные представлены только в Медоварцевской редакции, созданной не ранее 1526/27 г. В ней сказано, что Витовт получил вотчину «опрочи Трок». Однако возникает вопрос, отражает ли в данном случае Медоварцевская редакция самый ранний текст «Летописца». Возможно, это действительно так: Медоварцевская редакция может сохранять самое раннее чтение, искаженное во всех прочих редакциях «Летописца», но все же это предположение вряд ли может быть доказано со всей необходимой надежностью. Поэтому при сопоставлении этого фрагмента с другими источниками предложены две оценки его достоверности (B и D2).

Начало переговоров между ВКЛ и Польским королевством о крещении Литвы и династическом браке между Ягайлом и Ядвигой

Смысловые элементы 101—102

Сообщение «Летописца великих князей литовских» о том, что королева Польши Ядвига была дочерью польского короля Казимира, ошибочно. Ядвига, родившаяся между 3 октября 1373 г. и 18 февраля 1374 г., а скончавшаяся 17 июля 1399 г., была младшей дочерью короля Польши и Венгрии Людовика Анжуйского от его брака с Елизаветой Боснийской[1382].

Что же касается известий «Летописца» о том, что поляки первыми начали присылать к Ягайлу посольства с предложением принять польскую корону, то они прямо противоречат сообщению Длугоша. Возможно даже здесь имеет место скрытая полемика со взглядами, распространенными в Польском королевстве XV в. и отразившимися в хронике Длугоша. Согласно польскому хронисту именно Ягайло, услышав о красоте

[1381] SRP. Bd. 2. S. 628; SRP. Bd. 3. S. 130—131; *Ліцкевіч А. У.* «Сумарыум Ягайлы і Вітаўта». С. 98—99.

[1382] *Dąbrowski J.* Ostatnie lata Ludwika Wielkiego 1370—1382. 2 wyd. Kraków : Universitas, 2009. S. 18, 21—22; *Halecki O.* Małżeństwo królowej Jadwigi w świetle historii. Toruń : Drukarnia Toruńska, 1938. S. 14.

Ядвиги, начал часто присылать своих представителей в Польшу, чтобы проверить эти слухи, а затем направил в Краков великое посольство во главе с князьями Скиргайлом, Борисом и виленским старостой Гануле м[1383].

Вообще вокруг вопроса, кто же был инициатором сближения Великого княжества Литовского и Польского королевства — поляки или литвины, сложилась обширная литература, подробный анализ которой не входит в задачу этого исследования[1384]. Источников по этой проблематике не очень много, все они фрагментарны и допускают разные, иногда противоречивые интерпретации. Однако можно сформулировать несколько тезисов, которые устоялись в историографии.

После смерти короля Польши и Венгрии Людовика Анжуйского королевой Венгрии стала его старшая дочь Мария, тогда как младшая Ядвига была по требованию шляхты признана наследницей польского престола. Первые консультации о приглашении великого князя Ягайла стать мужем Ядвиги состоялись, видимо, еще в апреле 1383 г., когда Ягайло и Скиргайло выдали в Вильно привилей на вольную торговлю для купцов из польского города Люблина[1385]. К этому мог иметь отношение люблинский староста, краковский чашник Влодко из Харбиновиц, игравший

[1383] «Intelligens Iagello Lithwanorum magnus dux virginem regiam Hedwigim Ludovici filiam ad Polonie Regnum ex Hungaria traductam et diademate reginali insignitam, eique universi Regni Polonie administracionem et regimen mandatum esse, et tam assiduo rumore quam frequenti suorum nunciorum, quos exploratum mittebat, relacione cognoscens virginem predictam regiam adeo venustam decoramque existere, ut pro illa tempestate in orbe universe parem in forma non habere credita sit, duos duces fratres suos, videlicet Skirgallonem et Borzisch, item Hanulonem capitaneum Vilnensem Cracowiam ad Hedwigim reginam et ad prelates baronesque Polonie ad precandum virginem prefatam suo connubio transmittit» (*Długosz J.*: 1) Annales ... Lib. 10. S. 142; 2) Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Ks. 10 : 1370—1405. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. S. 188).

[1384] Обзоры см.: *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 1. S. 198—206; *Jučas M.* Unia polsko-litewska / Tłum. A. Firewicz. Toruń : Europejskie Centrum Edukacyjne, 2004. S. 9—80; *Nikodem J.* Długosz o początkach związku polsko-litewskiego. Przyczynek do dyskusji nad znaczeniem krewskiego «applicare» // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2010. T. 34. S. 20—38.

[1385] Kodeks dyplomatyczny Małopolski. T. 3 : 1333—1386 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1887. S. 349—350, № 931; *Semkowicz W.* Hanul namiestnik wileński ... S. 10 (и вкладка между с. 10 и 11); *Kolankowski L.* Dzieje ... S. 31—32; *Kuczyński S. M.* Król Jagiełło. S. 52; *Ivinskis Z.* Litwa w dobie chrztu i unii z Polską // Chrystianizacja Litwy. Kraków : Znak, 1987. S. 54. Сам документ можно датировать и 15, и 18 апреля 1383 г. Четырнадцатый день до календ мая соответствует 18 апреля, однако по фотографии оригинала, опубликованной В. Семковичем, дату можно прочитать как XVII, а не XIIII. Соответственно, семнадцатый день до календ мая — это 15 апреля.

позднее важную роль в польско-литовских переговорах о династическом союзе[1386]. Посол ВКЛ (названный в источнике «великим князем») присутствовал на коронации королевы Ядвиги в Кракове 15 октября 1384 г.[1387] Видимо, после этого предварительные консультации уступили место серьезному и предметному обсуждению предстоящего межгосударственного династического союза[1388].

С польской стороны активное участие в переговорах принимала прежде всего знать Малопольши, заинтересованная в том, чтобы отобрать у Венгрии Галицкую Русь и расширить свое влияние на Волыни и в Подольской земле[1389]. Из них в первую очередь необходимо назвать знакомых нам по «Witoldes sache» краковского воеводу Спытка из Мельштына, сандомирского воеводу Яська из Тарнова, которые после коронации Ягайла в Кракове получили от него весьма значительные пожалования[1390], а также группу малопольских шляхтичей более низкого ранга, принимавших непосредственное участие в посольствах и переговорах, в частности в заключении Кревского акта 1385 г. и Волковысского акта 1386 г.: это уже упоминавшийся выше Влодко из Харбиновиц, казимирский державец Кристин из Острова, завихостский каштелян Миколай Багория, краковский подстолий Петр Шафранец[1391]. Со стороны ВКЛ активно участвовали в переговорах князь Скиргайло Ольгердович, князь

[1386] *Halecki O.* Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. Kraków : Akademia Umiejętności, 1919. S. 95—96.

[1387] *Paszkiewicz H.* Jagiełło w przededniu Unii polsko-litewskiej w oświetleniu nowych źródeł. Londyn, 1951. S. 9 [Odbitka z Tek Historycznych. T. IV, nr. 4. Październik — grudzień 1950].

[1388] *Paszkiewicz H.* O genezie ... S. 207—208; *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski ... S. 87.

[1389] *Bardach J.* Krewo i Lublin. Z problemów unii polsko-litewskiej // Kwartalnik historyczny. 1969. R. 76. Z. 1. S. 589.

[1390] *Halecki O.* Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. S. 97. Существует даже мнение, что Спытко из Мельштына и Ясько из Тарнова лично ездили на переговоры в Вильно в 1384 г. (*Śliczyńska J. E.* Okoliczności zawarcia umów w Krewie i Wołkowysku, między panami małopolskimi a Jagiełłą, dotyczących warunków jego małżeństwa z Jadwigą Andegaweńską (1385—1386) // Meritum — Rocznik Koła Naukowego Doktorantów-Historyków Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2013. T. 5. S. 29). Кажется, причиной тому стало неверное датирование Люблинского съезда, описанного в «Witoldes sache» не 1389, а 1384 г., о чем говорилось выше.

[1391] *Szczur S.* Negocjatorzy unii Polski z Litwą i ich kariery // Analecta Cracoviensia. 1987. T. 19. S. 190—195; Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 4 : Małopolska (Województwa Krakowskie, Sandomierskie i Lubelskie). Z. 1 : Urzędnicy Małopolscy XII—XV wieku. Kórnik : Wydawnictwo PAN, 1990. S. 54, 106, 260.

Борис Кориатович[1392], виленский наместник Гануль. Известно также об участии в одном из посольств 1385 г. гольшанского князя Ольгимонта.

Гипотеза о том, что инициаторами сближения между ВКЛ и Польским королевством были королева Венгрии Елизавета, мать Ядвиги, и великая княгиня Ульяна, мать Ягайла[1393], не имеет достаточных доказательств.

В научной литературе рассказ Длугоша о начале межгосударственных переговоров признается тенденциозным и ненадежным: хронист не желал допустить, чтобы у читателей создалось впечатление, что поляки добивались согласия языческого властителя, тем более что по традиции именно представители жениха должны были начинать сватовство, а не наоборот[1394]. Однако независимая от Длугоша польская средневековая хроникальная традиция представляет инициаторами сближения именно польскую сторону. Например, согласно Свентокшискому рочнику Ягайло был «призван из Литвы нобилями Польской земли»[1395]. В «Шамотульском дополнении к рочнику Траски» указывается, что в Литву было направлено великое посольство просить Ягайла принять корону[1396]. Такие же представления сохранялись в Польше и в XVI в. Так, на заседании Варшавского сейма 7 января 1564 г. краковский епископ Филипп Падневский (1510—1572) заявил: «В самом начале, когда наши предки прилагали усилия для того, чтобы на определенных условиях принять королем Ягайла, они не раз присылали к нему послов. Но, видя, что он колеблется, сказали ему в конце концов, что „мы это можем еще где-нибудь найти, так как нас просят о том некоторые короли и князья, желающие

[1392] *Halecki O.* Przyczynki genealogiczne ... S. 104—105.

[1393] *Zakrzewski S.* Wypadki z lat 1382—1386 w związku z genezą unii // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu polskich historyków w Warszawie, 28 listopada — 4 grudnia 1930 r. T. 1 : Referaty. Lwów : Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1930. S. 352. Разбор и критику см.: *Nikodem J.* Elżbieta — Julianna — Jadwiga. Przyczynek do genezy związku polsko-litewskiego // Cognitioni gestorum. Studia z dziejów średniowiecza dedykowane Profesorowi Jerzemu Strzelczykowi. Poznań : Wydawnictwo DiG, 2006. S. 477—480; *Osiński K.* Pozycja Julianny Twerskiej w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1377—1382. Próba charakterystyki problemu // Przegląd Prawniczy, Ekonomiczny i Społeczny 2013. Nr. 1. S. 82—83.

[1394] *Kuczyński S. M.* Rozbiór krytyczny roku 1385 ... S. 223—224; *Nikodem J.* Długosz o początkach związku polsko-litewskiego ... S. 25. Особняком стоит работа К. Осинского, который при разборе известий Длугоша не стал учитывать данные «Летописца великих князей литовских» и других источников (*Osiński K.* Małżeństwo Jadwigi Andegaweńskiej z Władysławem Jagiełłą w Rocznikach Jana Długosza // Przegląd Prawniczy, Ekonomiczny i Społeczny. 2014. Nr. 2. S. 38—39).

[1395] «Anno domini 1386 dominus Iagello dux supremus Lithwanorum serenissimus vocatus de Lithwania per nobiles terre Polonorum suscipitur in regem Polonie» (MPH. T. 3. S. 82).

[1396] «Legati solemnes de Polonia missi in Lithuaniam, rogabant Yagilonem supremum ducem Lithuanie ut regni susciperet dyadema» (MPH. T. 2. S. 862).

государства и богатства свои инкорпорировать в состав Короны, но поскольку мы уже к тебе склонили свои сердца, не желали мы к этому времени ни с кем из них иметь дело". Рассмотрев эти обстоятельства и опасаясь, что если бы в Польше обосновался какой-нибудь другой могущественный властитель, то им самим (Литве. — *О. Л.*) пришлось бы трудно, Ягайло согласился на те условия и, приехав, все условия полностью выполнил и унию осуществил...»[1397].

Впрочем, сближение между ВКЛ и Польским королевством, конечно, диктовалось всем ходом истории этих государств, их географическим расположением и некоторыми геополитическими факторами, поэтому можно солидаризоваться с мнением А. Левицкого и Г. Пашкевича, что такие идеи, как межгосударственный династический союз, буквально носятся в воздухе и обычно официальным посольствам, сообщения о которых сохраняются в исторических источниках, предшествуют интенсивные неофициальные контакты и консультации, о которых следующие поколения ничего не знают[1398].

Династический брак между Ягайлом и Ядвигой, крещение Литвы

Смысловые элементы 103—106

Обращает на себя внимание то, что во второй части «Летописца великих князей литовских» обойдены молчанием важнейшие вопросы, касающиеся объединения ВКЛ и Польского королевства в 1386 г., как-то: правовой характер и государственно-политические последствия этого объединения, статус короля Польши Владислава (Ягайла) и его брата князя Скиргайла как правителей ВКЛ, статус, права и полномочия удельных князей, в том числе самого Витовта, положение православного населения и т. д.[1399] В последние десятилетия в литовской и белорусской ис-

---

[1397] «Od początku jeszcze, gdy przodkowie nasi starali się o Króla Jagiełła, aby go za pewnemi kondycyami za Pana przyjęli, słali do niego Posły nieraz, którego oni widząc perplexum, powiedzieli mu nakoniec, że my to możem gdzie indziej należć, bo nas szukają z tem Królowie, Xiążęta, chcąc Państwa, bogactwa swoje do Korony inkorporować. Ale żeśmy się już ku Tobie przychilili, nie chcieliśmy już do tego czasu z żadnym z nich nic stanowić. Które przyczyny Jagiełło bacząc, obawiając się też, gdyby miał być inszy który Pan w Polszcze możny, żeby im samym ciężko być musiało; przeto Jagiełło na ony kondycye przyzwolił i przyjachawszy kondycyam wszytkim dosyć uczynił, a tak i Uniej uczynił effekt» (Zrzodłopisma. Cz. 2. Oddz. 1. S. 272).

[1398] *Lewicki A.* Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, 1892. S. 291; *Paszkiewicz H.* O genezie ... S. 202.

[1399] Литература по этим вопросам весьма обширна; например: *Smolka S.* Rok 1386. W pięciowiekową rocznicę. Kraków: Nakład księgarni J. K. Żupańskiego &

K. J. Heumanna, 1886; *Lewicki A.* Nieco o unii Litwy z Koroną // Przegląd Polski. 1893/1894. R. 28. T. 2. S. 235—280; *Prochaska A.* Przyczynki krytyczne do dziejów unii. Kraków : Akademia Umiejętności, 1896; *Kutrzeba S.*: 1) Unia Polski z Litwą // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Krakow etc. : Gebethner i Wolff, 1914. S. 449—658; 2) Charakter prawny związku Litwy z Polską 1385—1569 // Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historyków polskich w Wilnie. Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1935. T. 1. S. 165—173; *Balzer O.*: 1) Istota prawna zależności książąt litewsko-ruskich w dobie 1386—1398/1401 // Sprawozdania Towarzystwa naukowego we Lwowie. Lwów, 1921. R. 1. Z. 1. S. 196—204; 2) Nowsze poglądy na istotę prawno-państwowego stosunku Polski i Litwy w Jagiellońskiem średniowieczu // Sprawozdania Towarzystwa naukowego we Lwowie. Lwów, 1921. R. 1. Z. 1. S. 81—94; 3) Stosunek Litwy do Polski // Pisma pośmiertne Oswalda Balzera. Lwów : Nakładem Towarzystwa Naukowego we Lwowie, 1937. T. 3. S. 245—318; *Halecki O.*: 1) Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego przez Polskę (1386—1401) // Przegląd historyczny. Warszawa, 1917—1918. T. 21. S. 1—77; 2) Dzieje unii Jagiellońskiej. Kraków : Akademia Umiejętności, 1919. T. 1; 3) Przyczynki genealogiczne ... S. 97—111; *Jakubowski J.* Z zagadnień unii polsko-litewskiej // Przegląd historyczny. 1919—1920. T. 22. S. 136—155; *Adamus J.*: 1) O prawno-państwowym stosunku Litwy do Polski // Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historyków polskich w Wilnie. Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1935. T. 1. S. 174—180; 2) Najnowsza literatura o akcie krewskim // Wiadomości studium historii prawa litewskiego Uniwersytetu Stefana Batorego. Wilno, 1938. T. 1. S. 273—316; *Łowmiański H.* Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. // Ateneum Wileńskie. 1937. R. 12. S. 36—145; *Paszkiewicz H.*: 1) O genezie i wartości Krewa. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1938; 2) W sprawie inkorporacji Litwy do Polski w 80. latach XIV w. (Z powodu pracy H. Łowmiańskiego, «Wcielenie...»). Warszawa : Gebethner i Wolff, 1938; 3) W sprawie inkorporacji... // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1938. R. 52. Z. 2. S. 239—245; *Maleczyńska E.* [Rec.] Paszkiewicz H. O genezie...; *Bardach J.* Krewo i Lublin ... S. 583—619; Dzieło Jadwigi i Jagiełły w 600-lecie chrztu Litwy i jej związków z Polską / wyb. i oprac. W. Biliński. Warszawa : Wydawnictwo Archidiecezji Warszawskiej, 1989; *Kiaupienė J.*: 1) Historiografia litewska o niektórych zagadnieniach stosunków polsko-litewskich między Krewem a Lublinem // Profesor H. Łowmiański. Życie i dzieło. Poznań : Instytut Historii UAM, 1995. S. 116—123; 2) Akt krewski z 14 sierpnia 1385 r.: gdzie kryje się problem — w dokumencie czy w jego interpretacjach? // Kwartalnik historyczny. 2001. R. 108. Z. 4. S. 47—62; 3) W związku z polemiką Grzegorza Błaszczyka w sprawie unii Krewskiej // Kwartalnik historyczny. 2003. R. 110. Z. 1. S. 97—98; *Tęgowski J.*: 1) [Rec.] Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1 : Trudne początki. Poznań, 1998 // Przegląd Wschodni. 1998. T. 5. Z. 3 (19). S. 561—562; 2) Bezkrólewie po śmierci Ludwika Węgierskiego ... S. 87—110; 3) Zagadnienie władzy w Wielkim księstwie Litewskim w okresie między unią krewską a zgonem Skiergiełły (1385—1394) // Zapiski historyczne. Toruń, 2001. T. 66. Z. 4. S. 7—17; 4) Wprowadzanie w życie postanowień aktu Krewskiego w latach 1385—1399 // Studia z dziejów państwa i prawa polskiego. Lublin ; Łódź, 2006. T. 9. Cz. 1. S. 77—91; 5) W sprawie genezy unii Polski z Litwą. Projekt małżeństwa Jagiełły z córką Dymitra Dońskiego wielkiego księcia moskiewskiego — próba ustalenia daty // Prace naukowe Akademii im. Jana

ториографии неоднократно поднимался вопрос о том, что Кревский акт 1385 г. сфальсифицирован польской стороной. Соответствующие тезисы литовского автора Й. Дайнаускаса подробно проанализированы целым рядом историков и отвергнуты[1400]; положения белорусских исследователей (И. А. Юхо и других)[1401] до сих пор надлежащим образом не разобраны в печати, хотя также не представляются убедительными. Тот факт, что Кревский акт не упоминается в «Летописце великих князей литовских», конечно, никоим образом не может свидетельствовать о сфальсифицированности этого документа.

Długosza w Częstochowie. Seria: Zeszyty Historyczne. 2009. Z. X. S. 51—64; *Błaszczyk G.*: 1) Czy była unia krewska? // Kwartalnik historyczny. 2003. R. 110. Z. 1. S. 86—96; 2) Dzieje stosunków ... T. 1. S. 195—267; *Гудавичюс Э.* История Литвы ... С. 164—182; *Nikodem J.* Akt krewski i jego znaczenie // Poznań — Wilnu. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego / pod red. Z. Wojtkowiaka. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2010. S. 111—143; *Śliczyńska J. E.* Okoliczności zawarcia umów w Krewie i Wołkowysku, między panami małopolskimi a Jagiełłą, dotyczących warunków jego mariażu z Jadwigą Andegaweńską (1385—1386) // Meritum — Rocznik Koła Naukowego Doktorantów-Historyków Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2013. T. 5. S. 27—41; *Uruszczak W.* Unio regnorum sub una Corona non causat eorum unitatem: Unia Polski i Litwy w Krewie w 1385 r.: studium historyczno-prawne. Kraków : Uniwersytet Jagielloński. Katedra Historii Prawa Polskiego, 2017. 77 s. URL: http://www.khpp.wpia.uj.edu.pl/publikacje (дата обращения: 03.03.2019).

[1400] *Dainauskas J.* Autentyczność aktu krewskiego // Lituano-Slavica Posnaniensia. 1987. T. 2. S. 125—144; *Koczerska M.* Autentyczność dokumentu unii krewskiej 1385 r. // Kwartalnik historyczny. 1992. R. 99. Z. 1. S. 59—80; *Korczak L.* O akcie krewskim raz jeszcze (na marginesie rozprawy Jonasa Dainauskasa) // Małopolskie studia historyczne. 1991. R. 34. Z. 3 (134). S. 473—479; *Kosman M.* Układ w Krewie — po sześciu wiekach // Wilno i kresy północno-wschodnie. Materiały II Międzynarodowej konferencji w Białymstoku. 14—17 IX 1994 r. w czterech tomach. T. 1 : Historia i ludzkie losy. Białystok : Tow. Literackie im. Adama Mickiewicza, Oddział Białostocki, 1996. S. 13—28; *Кяупене Ю.* Проблемы Кревского акта от 14 августа 1385 года в истории и историографии польско-литовских уний // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию В. Т. Пашуто : материалы к конференции. М. : Ин-т рос. истории, 1998. С. 60—62; 1385 m. rugpjūčio 14 d. Krėvos aktas / sudarė J. Kiaupienė ; parengė R. Čapaitė, J. Kiaupienė, S. C. Rowell, E. Rimša, E. Ulčinaitė. Vilnius : Žara, 2002.

[1401] *Юхо И. А.*: 1) Крэўская унія // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1985. № 4. С. 22—23; 2) Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універсітэцкае, 1992. С. 83—85; *Дзмітрачкоў П. Ф.* Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага. Другая палова XIII — першая палова XVII стст. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. С. 67—68. Краткую критическую ремарку см.: Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 2 : Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага. Мінск : Современная школа : Экоперспектива, 2008. С. 108.

То немногое, что мы можем узнать об отношении автора второй части «Летописца» к упомянутым выше вопросам, заключено в его сообщениях, во-первых, о съезде знати ВКЛ, одобрившем династический союз с Польским королевством, а во-вторых, о недовольстве князя Витовта присылкой польского старосты в Вильно. Автор дает понять, что хотя объединение двух государств в результате династического брака было вполне легитимным, поскольку происходило по желанию польской стороны и поддерживалось знатью Великого княжества Литовского, однако прямое вмешательство поляков в государственное управление ВКЛ абсолютно исключено и неприемлемо. В данном случае автор второй части «Летописца», видимо, проецирует на события 1386 г. политическую ситуацию своего времени, т. е. примерно второй трети XV в. Но это, впрочем, совсем не исключает того факта, что съезд «со всими князьми и бояры Литовьския земли», на котором обсуждался династический союз с Польским королевством, в 1385 или 1386 гг. все же действительно состоялся.

Как известно, 11 января 1386 г. польские послы, прибыв в Волковыск, гарантировали верховному князю Литвы и дедичу Руси Ягайлу, что он избран королем польским, возьмет в жены королеву польскую Ядвигу и может беспрепятственно и в безопасности прибыть на генеральный сейм польской шляхты в Люблин. Послы представляли все шляхетское сообщество Польского королевства, а также имели верительную грамоту опольского князя Владислава (1326/1332—1401), который в этом брачном деле защищал интересы польской королевы Ядвиги[1402]. Помимо прочего, Волковысский акт регламентировал, что «князь Ягайло с братьями и земянами всякого сословья должен будет в целости и безопасности прибыть в Люблин в ближайший день Очищения Марии [2 февраля] на предстоящий генеральный сейм». И Ягайлу, и всем его братьям, и всем людям, которые будут его сопровождать, а также послам ВКЛ гарантировалась полная безопасность на территории Польского королевства[1403]. Упоминание в документе о «земянах всякого сословья» наводит на мысль, что во время выставления акта эти земяне, т. е. нобили ВКЛ, уже находились в Волковыске.

Хронология событий января — февраля 1386 г. реконструируется следующим образом. В конце декабря 1385 или в начале января 1386 г. Ягайло вместе с обозом, в котором, по данным Длугоша, перевозилась великокняжеская казна, в сопровождении многолюдной княжеско-боярской свиты выехал из Вильно в Волковыск. Там польские послы дали литовской стороне гарантии безопасности. Из Волковыска, либо уже проезжая по территории Подляшской или Берестейской земель, Ягайло,

---

[1402] *Halecki O.* Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. S. 118.

[1403] Akta unji Polski z Litwą ... S. 3—4, No 2.

Скиргайло и Витовт направили послов к мазовецкому князю Земовиту, чтобы он безотлагательно прибыл к ним[1404]. 2 февраля 1386 г. Ягайло приехал в Люблин, где на генеральном сейме польская шляхта окончательно утвердила его избрание польским королем, мужем королевы Ядвиги. Далее Ягайло прибыл в Краков, где в четверг, 15 февраля, принял крещение. Имя Владислав было дано ему в честь польского короля Владислава Локетка, при котором в 1325 г. был заключен первый союз между ВКЛ и Польским королевством. В воскресенье, 18 февраля, состоялись венчание и свадьба Владислава II (Ягайла) и Ядвиги. Наконец, 4 марта 1386 г. Ягайло короновался в Кракове короной Польского королевства[1405]. Управлять от своего имени Великим княжеством Литовским он неофициально назначил своего брата Скиргайла[1406].

Г. Ловмянский, говоря о значительной роли литовского

Печать Витовта, которая была привешена к Кревскому акту (1385): SIGILLUM WITAWT DVCIS TRACKE. Витовт еще титулуется князем Троков, но обращает на себя внимание, что если в 1379 г. его печать копировала печать его отца Кейстута (пеший воин со щитом), то в 1385 г. на печати Витовта уже находилось изображение конного воина с мечом, которое мало чем отличалось от «Погони» на печати великого князя Ягайла 1382 г.

[1404] МРН. Т. 6. S. 631; см. также: *Halecki O.* Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. S. 117—118.

[1405] См. «Краковский календарь»: МРН. Т. 2. S. 909, 913, 915. О дальнейшем статусе Владислава (Ягайла) как короля Польши, мужа королевы Ядвиги, см.: *Semkowicz W.* Stanowisko publiczno-prawne Włodzisława Jagiełły w Polsce // Przegląd prawa i administracyi. Lwów, 1899. R. 24. Z. 1. S. 183; *Bubczyk R.* Charakterystyka współrządów Jadwigi Andegaweńskiej i Władysława II Jagiełły w Polsce // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sektio F. Historia. 1997/1998. T. 52/53. S. 46—47.

[1406] *Pficneris J.* Didysis Lietuvos kunigaikštis Vytautas kaip politikas. Vilnius: Mintis, 1989. P. 147; *Nikodem J.* Rola Skirgiełły … S. 115; *Uruszczak W.* Unio regnorum sub una Corona … S. 65—66.

боярства в заключении этого династического союза, полагал, что съезд, на котором Ягайло получил согласие нобилитета ВКЛ на принятие польской короны, проходил в Люблине 2 февраля 1386 г., куда нобили прибыли, опираясь на гарантии безопасности, прописанные в Волковысском акте. В съезде, по мнению польского историка, участвовали только бояре Литовской земли, поскольку нобилитет из русских земель ВКЛ еще «не имел голоса в общегосударственных делах»[1407]. Достоверность сообщения «Летописца» о съезде нобилей ВКЛ Г. Ловмянский обосновывал тем, что согласие литовских бояр на коронацию Ягайла, принятие католичества и включение Великого княжества Литовского в состав Польского королевства неоднократно упоминается в документах ВКЛ конца XIV — начала XV в. Так, в привилее от 22 февраля 1387 г. король Польши, верховный князь литовский Владислав, отмечал, что католическая христианизация Литвы проводится «с согласия и по воле братьев наших милых, князей и всех нобилей Литовской земли»[1408]. В акте Виленской унии 1401 г. утверждается, что нобили ВКЛ после коронации Ягайла приняли присягу ему, Польскому королевству, Короне и всем обывателям Польского королевства[1409]. Наконец, в Городельском привилее 1413 г. король Польши, верховный князь литовский Владислав (Ягайло) и великий князь литовский Витовт засвидетельствовали, что принятие католичества Литвой и первоначальное соединение ВКЛ и Польского королевства произошли «с единодушного согласия нашего и всех наших братьев и всех баронов, нобилей, шляхтичей и бояр Литовской земли»[1410].

Г. Пашкевич, полемизируя с Г. Ловмянским, признал эти свидетельства актовых источников, однако оспорил тезис о значительном влиянии нобилитета ВКЛ на заключение династического союза с Польским королевством. Сообщение «Летописца» о том, что Ягайло советовался со всеми князьями и боярами Литовской земли накануне отъезда в Польшу, Г. Пашкевич считал «в определенной степени риторическим оборо-

---

[1407] *Łowmiański H.* Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 400. rocznicy wydania I Statutu Litewskiego. Wilno : Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1935. S. 242—243. См. также: *Krzyżaniakowa J., Ochmański J.* Władysław II Jagiełło. Wrocław : Ossolineum, 1990. S. 96.

[1408] «De consensu et voluntate fratrum nostrorum carissimorum ducum et omnium nobilium terre Lithvanie» (KDKDW. S. 13).

[1409] «Pro eo praedicto domino Wladislao regi Poloniae etc. et ipsis regno, coronae et regnicolis Poloniae firma fide et inviolabili sponsione promisimus» (Akta unji Polski z Litwą ... S. 39).

[1410] «De consensu unanimi nostro et aliorum fratrum nostrorum et omnium baronum, nobilium, procerum et boyarorum eiusdem terrae Lyttwanie» (Akta unji Polski z Litwą ... S. 63).

том» и предполагал, что в реальности «о согласии всех князей и бояр невозможно было даже помышлять». Хотя Ягайла при въезде в Краков сопровождала многочисленная боярская свита, но существенного влияния на решение политических вопросов эти нобили не оказывали. Роль боярского элемента в переговорах с Польшей была скорее пассивной, второстепенной[1411].

В литовской историографии нескольких последних десятилетий поддерживается скорее точка зрения Г. Ловмянского[1412].

Правомерным представляется вывод, что некий съезд нобилитета ВКЛ пускай даже для формального, символического одобрения отъезда Ягайла в Польшу был созван в начале 1386 г. Сомнительно, чтобы этот съезд проводился на чужой земле, т. е. в Люблине, на территории Польского королевства, поскольку в этом случае оппоненты имели бы повод считать решения этого съезда не имеющими силы. Таким образом, остается признать, что съезд проходил в Вильно либо, что наиболее вероятно, в Волковыске в январе 1386 г. Такая гипотеза уже высказывалась в литературе, но она требует пересмотра и очищения от некоторых некорректных утверждений. Прежде всего необходимо отклонить необоснованное мнение, что на этом Волковысском съезде в начале 1386 г. будто бы было принято какое-то постановление («ухвала») с условиями дальнейшего союза ВКЛ и Польского королевства: согласно этой мифической «ухвале» Великое княжество Литовское якобы сохраняло свою независимость, финансовую и денежную систему, войско, символику, право самостоятельно проводить внешнюю политику, кроме вопросов, затрагивающих общие интересы с Польшей, и т. д. Зачинателем этой гипотезы был Т. Нарбут, который в 5-м томе своей «Истории литовского народа» нарисовал полностью вымышленную картину Волковысского «сейма» 1386 г., на котором представители народа Литвы с ликованием встречали известие о коронации Ягайла в Кракове[1413]. Чтобы придать весомость своим домыслам, Нарбут даже сослался на более раннюю работу историка права Т. Чацкого[1414]. Излишне, наверное, говорить, что у Т. Чацкого нет и намека на Волковысский «сейм» и какую-то принятую на нем «ухвалу»: рассуждая об истоках шляхетской демократии в Польше, он только упомянул о том, что польские уполномоченные привезли Ягайлу в Волковыск извещение, что он избран польским королем. Тем не менее

[1411] *Paszkiewicz H.* O genezie ... S. 197—198.

[1412] *Kiaupienė J.* Historiografia litewska ... S. 120—122. Обзор см.: *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 1. S. 221—222.

[1413] *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 386—387.

[1414] *Czacki T.* O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszem Statucie dla Litwy 1529 roku wydanem. Warszawa : Druk. J. C. G. Ragoczego, 1800. T. 1. S. 278, przyp. 1168.

идея Т. Нарбута была подхвачена в 20-х гг. XX в. белорусским историком В. М. Игнатовским, который добавил от себя, что на том же Волковысском съезде было якобы оговорено, чтобы «белорусскому населению была оставлена свобода принадлежать к восточной христианской вере»[1415]. Последний тезис В. М. Игнатовский, вероятно, сформулировал на основе Густынской летописи, позднего источника, отражавшего борьбу православных с униатами в начале XVII в.[1416] Некритично воспринятая гипотеза Нарбута — Игнатовского периодически воскрешалась в белорусской исторической литературе[1417]. Разумеется, ни в «Летописце великих князей литовских», ни в других источниках XIV—XV вв. нет никаких объективных данных о решениях съезда 1386 г., а к информации поздних источников, таких как Густынская летопись, необходимо относиться критически.

Вопросы о количестве и персоналиях князей и бояр ВКЛ, которые вместе с Ягайлом приняли католическое крещение в Кракове 15 февраля 1386 г. или в последующие дни, остаются не вполне выясненными. Длугош сообщает, что среди них были младшие братья Ягайла — Вигунт (в католичестве Александр), Коригайло (в католичестве Казимир), Свидригайло (в католичестве Болеслав), что подтверждает соответствующие известия «Летописца великих князей литовских» о крестившихся братьях Ягайла. Остальные князья Литвы, братья Ягайла, как уточнил польский хронист, отказались становиться католиками, так как уже были крещены в православии[1418]. Согласно Меховскому рочнику, вместе с Ягайлом крестились многие князья и бояре Литвы[1419] — среди них, вероятно, был и повторно крестившийся по католическому обряду Витовт.

Основная масса балтских нобилей и простолюдинов ВКЛ, остававшихся язычниками, начала принимать католическое крещение лишь через год, когда Владислав (Ягайло) в качестве польского короля, верховного князя литовского прибыл в Вильно в сопровождении большого ко-

---

[1415] *Ігнатоўскі У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск : Беларусь, 1992. С. 89.

[1416] «Было въ той час много що чолнѣйшыхъ князей и панов в Литвѣ, и всѣ братия Ягелълова, и самая матка его вѣры православной греческой, которые собѣ тогда варовали, абы имъ никто насилия въ вѣрѣ не чинилъ» (ПСРЛ. Т. 40 : Густынская летопись. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 131).

[1417] См., например: *Цярохін С.* Таямніцы Крэўскай уніі // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 3. С. 9; *Коль М.* Крэўская унія // Человек. Цивилизация. Культура : VIII межвуз. научно-теорет. конф. Минск, 18 апреля 2003. Тез. докл. Минск : Веды, 2003. С. 133.

[1418] *Dlugosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 153.

[1419] «Rex Vladislaus Polonie cum duobus uterinis fratribus et aliis multis principibus et boyaris Litwanie veniens Cracoviam fidem christianam suscepit» (MPH. T. 2. S. 887).

личества князей и бояр ВКЛ, польских сановников и духовных лиц. 17 февраля 1387 г. он основал Виленский кафедральный костел в честь святых Станислава и Владислава и пожаловал ряд имущественных владений первому виленскому епископу Андрею († 14 ноября 1398 г.), происходившему из малопольского шляхетского рода герба «Ястржембец»[1420]. Через некоторое время, согласно хронике Длугоша, король выдал привилеи на основание костела святого Мартина в Виленском Верхнем замке, а также парафиальных костелов в следующих центрах: Вилькомир (теперь г. Укмерге в Литовской Республике), Мойшагола (теперь г. Майшягала в Вильнюсском районе Литовской Республики), Неменчин (теперь г. Немянчине в Вильнюсском районе Литовской Республики), Медники (теперь д. Мядининкай в Вильнюсском районе Литовской Республики), Крево, Обольцы (теперь деревня в Толочинском районе) и Гайна (теперь деревня в Логойском районе)[1421]. Из этих привилеев сохранился только фундуш для Оболецкого парафиального костела, датированный 1 июня 1387 г.[1422] Возможно, в том же году, 2 мая, был выдан привилей и на основание костела в Лиде[1423] — вопрос о сфальсифицированности этого документа требует, на мой взгляд, пересмотра с привлечением дополнительных аргументов за и против.

Война 1386—1387 гг. между Полоцким, Смоленским княжествами и Великим княжеством Литовским

Смысловые элементы 107—119

Князь Андрей Ольгердович († 1399), как уже говорилось выше, был одним из старших сыновей Ольгерда от брака с неизвестной витебской княжной. Долгое время он княжил в Полоцке, но после смерти отца, на рубеже 1377 и 1378 гг. был вынужден уехать сначала в Псков, а затем в Москву, где заключил договор с московским великим князем Дмитрием Ивановичем[1424]. В Москве Андрей Ольгердович стал одним из видных военачальников: он принимал участие в битве с татарами на реке Воже (1378), в московском походе на Трубчевск и Стародуб (1379), Куликовской битве (1380). Вероятно, под влиянием слухов о сближении между ВКЛ и Польским королевством он предпринял попытку вернуть себе Полоцкое княжество и с этой целью заключил договор с Тевтонским орде-

[1420] *Пазднякоў В. С.* Андрэй // ВКЛЭ. Т. 1. С. 227.

[1421] KDKDW. S. 1—10. Общий обзор событий см.: *Косман М.* З гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага. С. 38—42.

[1422] KDKDW. S. 17—19.

[1423] Ibid. S. 15—17.

[1424] Подробнее см.: *Лицкевич О. В.* Ольгердиана … С. 102—103.

ном в Ливонии. 10 октября 1385 г., находясь в Недрице (как установил В. А. Воронин, это населенный пункт на территории современной Латвии), он выдал документ, которым передал «Полоцкое королевство» Тевтонскому ордену в качестве ленного владения. Взамен крестоносцы обязались оказывать военную помощь ему и его наследникам на полоцком столце[1425]. Об этом решении он также сообщил великому магистру Тевтонского ордена в Пруссии. В ближайшую зиму с 1385 на 1386 г. после восстания своих сторонников в Полоцке он с помощью ливонских рыцарей занял Полоцкую землю и начал оттуда нападать на соседние регионы Великого княжества Литовского. По некоторым данным, в это же время, т. е. в 1385 или в начале 1386 г., соглашение с Орденом о военном союзе заключил и смоленский князь Святослав Иванович[1426].

В польских и немецких источниках, прежде всего в хрониках Длугоша, оффициала Иоганна, «Торуньских анналах», содержатся ценные подробности о действиях Андрея Ольгердовича и Ливонского ордена в 1386 г., но модели описаний существенно различаются между собой.

Согласно немецким хроникам, армия Тевтонского ордена в Пруссии, несмотря на приезд многочисленных рыцарей-«гостей» из Западной Европы, не совершала рейды в ВКЛ ни зимой 1386 г., ни зимой 1387 г. Зато войска Тевтонского ордена в Ливонии вторглись в ВКЛ 2 февраля 1386 г. — что вполне соответствует данным «Летописца великих князей литовских» о том, что Андрей Ольгердович и ливонские рыцари начали военные действия, когда великий князь литовский Ягайло находился в Польше. Поход был рассчитан на две недели, но в реальности продолжался все три. Крестоносцы сожгли и разграбили шестнадцать («Торуньские анналы») или восемнадцать (хроника оффициала Иоганна) земель Великого княжества Литовского. Поход завершился под Ошмянами — в той местности, которая была опустошена во время прошлогоднего рейда осенью 1385 г. Было сожжено два замка и захвачено в плен, по одним данным, 200 («Торуньские анналы), по другим — 3000 (хроника оффициала Иоганна) человек и две тысячи коней.

Андрей Ольгердович тем временем, согласно «Торуньским анналам», «захватил у литвинов один замок и две земли за исключением Витебской земли». Это вступает в противоречие с «Летописцем великих князей литовских», утверждающим, что Андрей Ольгердович «градомь Литовьския земли ничего не успе», однако хорошо согласуется с данными Длугоша о взятии Лукомля. Хотя нельзя исключать, что в «Летописце» в данном случае речь идет только о «собственно Литве» (Lithuania propria).

[1425] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 77—79.

[1426] *Мартынюк А. В.* «Немецкое эхо» битвы под Мстиславлем в 1386 году // Мсціслаў і Мсціслаўскі край : зб. навук. арт. Мінск : Беларуская навука, 2019. С. 49, 52—53.

Смоленцы, в свою очередь, также овладели одним замком и двумя землями, убили и пленили множество людей, сожгли множество домов. Но, как записал оффициал Иоганн, смоленский князь был убит литвинами, а четыре (sic) его сына попали в плен[1427].

Описание событий, содержащееся в официальных жалобах Польского королевства на Тевтонский орден, отличается определенным схематизмом и, как правило, отсутствием существенных фактических деталей. Эти жалобы были ответом польской стороны на антилитовскую пропаганду Тевтонского ордена. Крестоносцы стремились всячески подчеркнуть незаконность бракосочетания между Ягайлом и Ядвигой, а также «ложность» католического крещения литовской знати[1428]. Для поляков же и литвинов война 1386—1387 гг. предоставляла хорошую возможность разоблачить лицемерие Тевтонского ордена и обвинить крестоносцев в политическом союзе с православными князьями Полоцка и Смоленска («схизматиками»). В жалобе 1388 г. Ягайло упрекал Орден в том, что крестоносцы вторглись в Литву вместе с «еретиком» Андреем Ольгердовичем, захватывали в плен и убивали людей, жгли и опустошали земли, причинив большой ущерб [1429]. Чуть больше подробностей приведено в жалобе от 9 сентября 1409 г. В ней польская сторона утверждала, что, приняв решение креститься в католичество, Ягайло направил к великому магистру Тевтонского ордена Конраду Цёлльнеру фон Ротенштайну послов, приглашая его стать своим крестным отцом. Но великий магистр в ответ отправил в Литву свои войска из Ливонии, которые объединились с войсками некоторых схизматиков, а именно из Полоцка и Смоленска, вышедших из подчинения Ягайлу и восставших против него. В результате были опустошены и разорены земли Великого княжества Литовского протяженностью более 60 миль (450 км)[1430].

На Констанцском соборе 1416 г. польская делегация вновь представила перечень исторических претензий к Тевтонскому ордену. В этом

[1427] SRP. Bd. 3. S. 145, 149.

[1428] См., например, «Старшую хронику великих магистров» (SRP. Bd. 3. S. 610) и два фрагмента из орденских произведений (*Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 388—389). Подробный анализ пропаганды Тевтонского ордена, направленной на поддержку австрийского герцога Вильгельма, первого жениха королевы Ядвиги, см.: *Przybyszewski B.* Jadwiga i Wilhelm // Analecta Cracoviensia. 1975. T. 7. S. 133—138.

[1429] SRP. Bd. 2. S. 714.

[1430] CEV. S. 195—196. Ранее я ошибочно интерпретировал этот фрагмент в том духе, что войско Ордена, принимавшее участие в рейде, составляло 16 тыс. человек (*Ліцкевіч А. У.* Крэва: саюз і разрыў цывілізацый // Беларуская думка. 2008. № 4. С. 91). Однако не существует ни одного источника, на основе которого можно было бы установить численность противоборствующих армий во время войны 1386—1387 гг.

тексте король Польши, верховный князь литовский Владислав (Ягайло), жаловался, что непосредственно после его отъезда в Краков для католического крещения великий магистр Тевтонского ордена начал подговаривать ливонского магистра к вторжению в Литву. Ливонский магистр, тайно сговорившись с некоторыми соседями, князьями-схизматиками, и полоцкими подданными Ягайла, объединил свои и их войска и напал на Литву, которую некому было защищать, так как великий князь уехал. Агрессоры убивали и уводили в неволю людей, жгли и разоряли земли Литвы. Великий магистр Тевтонского ордена в Пруссии последовательно опустошал Литву, начиная от своих границ и вплоть до объединения с войсками ливонского магистра. Подобным же образом действовали войска ливонских крестоносцев со своей стороны, пока не достигли центра литовских земель. Следы этих опустошений, совершенных крестоносцами и их союзниками, упомянутыми князьями, можно было наблюдать на пространстве, которое в длину и в ширину превышало 100 больших литовских миль[1431]. В этом описании впервые подчеркивается участие прусских крестоносцев в нападении на Великое княжество Литовское в 1386 г., о чем, к слову, нет упоминаний в «Летописце великих князей литовских».

В хронике Длугоша повествование о войне 1386—1387 гг. подано сквозь призму истории Полоцка, вследствие чего даже можно гадать, не пользовался ли он каким-то не дошедшим до нас полоцким летописным источником. Когда Полоцк перестал подчиняться Ягайлу и вновь принял к себе князем Андрея Ольгердовича, крестоносцы захватили замок Лукомль и передали его Андрею Ольгердовичу, который, по мнению Длугоша, стремился к верховной власти над всей Литвой и Русью. Однако армия ВКЛ во главе со Скиргайлом и Витовтом, усиленная польскими рыцарями, вернула себе контроль над Лукомлем. Затем литвины подавили восстание в Полоцкой земле, которая не получила помощи ни от крестоносцев, ни от Андрея Ольгердовича. Зачинщикам восстания в Полоцке отрубили головы. В это же самое время погиб смоленский великий князь Святослав с двоими (sic) сыновьями[1432]. Правда, в этом эпизоде у Длугоша явно нарушена хронология событий, поскольку смоленский великий князь Святослав Иванович был убит весной 1386 г., а захват Полоцка войсками ВКЛ произошел только через год, весной 1387 г.[1433]

На представленной Длугошем модели описания основывался Стрыйковский, который, впрочем, по своему обыкновению добавил ряд подробностей, об источнике которых можно только догадываться. По его

[1431] CEV. S. 1004—1005.

[1432] *Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 462; 2) Annales ... Lib. 10. S. 156—157.

[1433] Псковские летописи. Вып. 1. С. 24; *Варонін В. А.* Старонка біяграфіі князя Андрэя Полацкага // Гістарычны альманах. 2009. Т. 15. С. 2—6.

мнению, вначале Андрей Ольгердович с помощью немцев штурмом взял Лукомль. И только затем ему покорился Полоцк вместе со всей Полоцкой землей, «так как их к этому силой принудили прусский магистр Конрад Цёлльнер и ливонский магистр Генрих». В результате Андрей Ольгердович занял Полоцк, Дриссу (!), Друю (!), Лукомль и «немалую часть Руси»[1434]. Трудно сказать, что тут является литературным вымыслом самого Стрыйковского, — во всяком случае известия о Дриссе и Друе уникальны[1435]. Впрочем, ясно также и то, что Стрыйковский, писавший свою хронику после Люблинской унии 1569 г., не мог представить себе, что Полоцкая земля в конце XIV в. могла быть самостоятельным субъектом политики и что полочане без принуждения стремились обособиться от Великого княжества Литовского.

Если сравнивать модели описаний, то рассказ о нападении Андрея Ольгердовича в «Летописце великих князей литовских» значительно отличается от модели, представленной в немецких хрониках и в хронике Длугоша: в нем нет деталей относительно маршрутов войск, количества пленных и т. д., кроме того, в «Летописце» даже не охарактеризовано положение Полоцка и Полоцкой земли во время военных действий. По модели описания этот эпизод «Летописца» теснее всего сближается с официальными жалобами Польского королевства и ВКЛ на Тевтонский орден. Можно, в частности, указать на следующие общие признаки: акцентируется, что нападение произошло, когда Ягайло с нобилями ВКЛ находился в Кракове на торжествах по случаю крещения, женитьбы и коронации; отмечается факт союза между Орденом и православным полоцким князем; пространственным ориентиром служит «Литовская земля»; подчеркивается неудача военной акции Ордена и Андрея Ольгердовича, что противоречит другим источникам, прежде всего сообщениям о восстании Полоцка и захвате Лукомля, но вполне могло быть элементом государственной пропаганды.

Сообщения «Летописца» о встрече полоцкого князя Андрея Ольгердовича и смоленского князя Святослава Ивановича, состоявшейся зимой 1386 г., подтвердить невозможно за отсутствием других источников. Также не имеется прямых подтверждений тому факту, что смоленские войска в этот период ходили походом на Оршу. Существует любопытный вариант косвенной аргументации: если вспомнить, что в XIV в. в Обольцах близ Орши проживал большой анклав балтского языческого населения[1436], то можно предполагать, что описанные в «Летописце» зверства

[1434] *Stryjkowski M.* Kronika … S. 476.

[1435] См.: *Дучыц Л. У.* Да пытання аб часе і месцы ўзнікнення гарадоў Друі, Дрысы, Дзісны (гістарыяграфічны агляд) // Castrum, urbis et bellum. Баранавічы : РУПП «Баранавіц. ўзбуйн. друк.», 2002. С. 126—130.

[1436] *Ochmański J.* Litewska granica etniczna … S. 57—65.

смоленских войск имели отношение именно к этим людям — жителям Обольцев. А это, в свою очередь, может косвенно подтверждать и факт осады Орши смоленцами. С другой стороны, в «Летописце» специально подчеркивается, что жертвами смоленских войск становились христиане, тогда как Оболецкий балтский анклав в 1386 г. еще не был крещен. В летописной «Повести об осаде Мстиславля», на которой, видимо, основывался автор второй части «Летописца», нет акцента на том, что жертвами были именно христиане: в старейшей редакции повести говорится просто, что смоленцы «воеваху *землю Литовьскую*, а кого гдѣ изымавше, моучаху нещадно различными казньми». В этом плане указание «Летописца» о *христианах* — жертвах смоленских войск — может быть не вполне точным и отражает шаблонные представления автора, писавшего с чужих слов спустя несколько десятилетий после этих событий.

Относительно состояния Оршанского замка в 1386 г. мнения ученых разделились. Ю. И. Драгун относил перестройку старой Оршанской крепости (городища) и возведение новых замковых укреплений к периоду правления великого князя литовского Ольгерда. В ходе этого строительства были срыты валы на городище, засыпан старый и прорыт новый ров поперек мыса при слиянии рек Днепр и Оршица. Таким образом, площадь укрепленной части города увеличилась до 31,5 тыс. кв. м. К городищу, огражденному валами и частоколом, с напольной стороны примыкал замок, обнесенный каменными стенами толщиной чуть более 2 м, высотой свыше 6 м. В замке насчитывалось пять деревянных башен, четыре из которых до половины были обмурованы камнем[1437]. По данным О. Н. Левко, замок мог быть построен в XIV в., так как в это время вал городища был укреплен со стороны площадки каменной отмосткой на известковом растворе, и эти работы могли выполняться одновременно с сооружением каменных стен замка; четыре из пяти башен Оршанского замка имели до половины высоты каменные фундаменты, а пятая — большая въездная — башня на речном мысе была целиком деревянной[1438]. Однако, как следует из трудов М. А. Ткачева, строительство пятибашенного замка, упоминаемого в «Списке русских городов дальних и ближних» как «Рша камен»[1439], велось в правление великого князя литовского Витовта с 1398 по 1407 г. при участии немецкого мастера из Ке-

---

[1437] *Драгун Ю. И.* Социально-экономическое развитие белорусского города в XI—XVIII вв. (по материалам Орши) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1969. С. 11.

[1438] *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси. Формирование и развитие. Минск : Беларуская навука, 2004. С. 104—106.

[1439] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. М., 1950. Т. 40. С. 224.

нигсберга; при этом, как отмечал и Ю. И. Драгун, замок возводился на новой площадке рядом со старым городищем[1440]. Следовательно, к 1386 г. Орша имела еще деревянные укрепления на старом городище.

Мстиславль в свое время входил в состав Смоленского великого княжества, но в 1359 г., в тот самый год, когда смоленским великим князем после смерти своего отца стал Святослав Иванович, город с волостью был захвачен великим князем литовским Ольгердом[1441]. До нашего времени не сохранилось ни одного мирного договора, заключенного между ВКЛ и Смоленским великим княжеством в период правления Святослава Ивановича, т. е. с 1359 по 1386 г.[1442]; как я писал во второй главе при характеристике документальных источников, упоминаемый в «Летописце великих князей литовских» литовско-смоленский мирный договор мог быть заключен одновременно с литовско-московским в 1384 или в начале 1385 г.

Хронология и ход событий, связанных с осадой Мстиславля, восстанавливаются на основе летописной «Повести об осаде Мстиславля», базового источника по данному вопросу, и некоторых документальных материалов. Уже, видимо, в конце февраля 1386 г. известия о восстании Полоцка и нападении смоленцев на Великое княжество Литовское достигли Кракова, где находилась основная масса князей и бояр ВКЛ. Некоторые нобили срочно отправились на родину, чтобы организовать сбор войск и оборону своих земель. Первым 1 марта 1386 г. выехал заславский князь Махаил Евнутьевич[1443]. За ним 12 марта в Великое княжество Литовское отправился князь Скиргайло Ольгердович, а 13 марта — князь Витовт Кейстутович[1444]. Приблизительно в это же время, в марте, должен был возвратиться в Мстиславль из Кракова князь Коригайло Ольгердович, которого «Повесть об осаде Мстиславля» называет наместником города, т. е. руководителем его обороны.

Поход смоленских войск на Мстиславль начался на Средокрестной неделе, которая в 1386 г. продолжалась с 26 марта по 1 апреля. Армию возглавляли смоленский великий князь Святослав Иванович, его сыновья Глеб и Юрий, а также племянник Иван Васильевич. Последний, кстати, возможно, когда-то и владел Мстиславской волостью Смоленской земли,

---

[1440] *Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. Мінск : Полымя, 1987. С. 94; *Ткачоў М. А.* Аршанскі замак // АНБ. С. 56.

[1441] «В лѣто 6867... А Олгѣрдъ воевалъ Смолнескъ, а Мьстиславль взялъ, а Литвоу свою въ немь посадил...» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 68).

[1442] Ср.: Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 69—72.

[1443] Akta unji Polski z Litwą ... S. 6.

[1444] Ibid. S. 8—9.

пока его не изгнал Ольгерд в 1359 г.[1445] К Мстиславлю смоленцы подступили на Страстной неделе, в среду 18 апреля. Через 11 дней осады к городу подошли войска ВКЛ, и в Фомино воскресенье 29 апреля на реке Вихре близ Мстиславля состоялась битва, в которой смоленцы потерпели сокрушительное поражение.

Данные «Летописца великих князей литовских» о том, что войска ВКЛ подошли к Мстиславлю в Страстную пятницу, прямо противоречат более детальной и надежной информации летописной «Повести об осаде Мстиславля». Таким образом, эта ошибочная датировка возникла в результате обработки автором второй части «Летописца» более раннего летописного текста.

Рассмотрим теперь ряд мелких деталей, упоминаемых автором второй части «Летописца великих князей литовских» при описании осады Мстиславля и битвы на реке Вихре.

Мстиславский замок был деревянным и располагался на площадке городища Замковая гора высотой 20 м, которое находится на правом берегу реки Вихра (теперь на городской территории Мстиславля). Замок, к которому примыкал городской посад, был окружен глубокими оврагами и высокими валами. Во въездную башню через ров вел подъемный мост[1446].

Трижды в тексте «Летописца» упоминаются «пороки», которыми смоленцы били стены Мстиславского замка. Пороки — это камнеметные машины, которые, по летописным известиям, впервые стали использоваться в военном деле на Руси в середине XII или в начале XIII в. Происхождение этих машин и их конструкция не вполне ясны. Известно, что пороки использовались также и войсками Великого княжества Литовского в 1426 г. при осаде одной из псковских крепостей. Эффективная дальность стрельбы из пороков составляла, как считается, 100—150 м. Эти камнеметы служили для разрушения стен и настенных заборол, за которыми укрывались стрелки осажденного города[1447]. Поскольку пороки были неэффективны против каменных стен, их использование смоленцами в 1386 г. хорошо согласуется с археологическими данными о том, что оборонительные сооружения

[1445] «А у князя Василия Ивановича сын князь великий Иван смоленской, а согнал его [из] Смоленска король Олгирд, и он приехал из Смоленска, служил великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому» (Редкие источники по истории России. М. : Ин-т истории СССР, 1977. Вып. 2. С. 27).

[1446] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М. : Наука, 1980. С. 170 и след.; *Ткачоў М. А., Трусаў А. А.* Старажытны Мсціслаў. Мінск : Полымя, 1992. С. 9; *Алексеев Л. В.* Мстиславльский детинец в XII—XIV веках // Российская археология. 1995. № 3. С. 61.

[1447] *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси ... С. 13, 23—24, 26—28.

Мстиславского замка состояли из срубных деревянных конструкций — городней, обмазанных глиной[1448].

Перечень князей ВКЛ, участвовавших в походе против смоленских войск под Мстиславль, в «Летописце великих князей литовских» почти полностью совпадает с данными «Повести об осаде Мстиславля»: Скиргайло, Витовт, Дмитрий Корибут, Семен Лынгвен. Единственное исключение — некий князь Константин, о котором из других источников ничего не известно. Объяснить появление этого князя в хронике, да еще на одном из первых мест — перед Дмитрием Корибутом и Семеном Лынгвеном, довольно сложно. Это мог быть либо князь Константин Ольгердович, либо подольский князь Константин Кориатович (что, впрочем, маловероятно), либо какой-то другой князь, о котором вообще не сохранилось никаких данных.

Высказывания, которые автор второй части «Летописца» вложил в уста князей ВКЛ, носят, конечно же, характер литературной стилизации. Автор обильно цитирует Священное Писание (прежде всего Новый Завет и Псалтирь), а при описании смоленских зверств в отношении мирного населения вспоминает об Антиохе Сирийском и Юлиане Вероотступнике. Сирийский царь Антиох IV Эпифан (около 215 г. — 164 г. до н. э.) известен своими репрессиями против иудеев. Римский же император Юлиан (331/332 г. — 363 г.) пытался восстановить языческие культы в империи и преследовал христиан, хоть и не в таких масштабах, как некоторые другие правители Рима — его предшественники. Выше уже говорилось о том, что упоминания об этих исторических деятелях автор второй части «Летописца великих князей литовских» ввел в текст под прямым влиянием Галицко-Волынской летописи, дословно повторяя некоторые ее обороты.

В отличие от «Повести об осаде Мстиславля», битва между войсками ВКЛ и Смоленского великого княжества, произошедшая 29 апреля 1386 г. на реке Вихре, в «Летописце великих князей литовских» описана лишь в самых общих выражениях. Так, в «Повести об осаде Мстиславля» представлена весьма точная хронология событий и содержатся конкретные детали, о которых мог знать только очевидец или участник сражения: наличие в войске ВКЛ польского отряда; внезапное появление войск ВКЛ, к которому смоленцы были не готовы; мстиславские горожане, наблюдающие за битвой с городских стен; гибель князя Святослава Ивановича в дубраве от руки польского воина; смерть князя Ивана Васильевича; беспорядочное бегство смоленцев, которые стали тонуть в реке Вихре. Ничего подобного мы не находим в «Летописце», где битва описана весьма схематично, без особых подробностей, и в основном под-

[1448] *Ткачоў М. А.* Мсціслаўскі замак // АНБ. С. 444.

черкивается только то, что поражение смоленцев явилось Божией карой за их вероломство и злодеяния. Что касается гибели князя Святослава Ивановича, то имеется третий источник, расходящийся по своему содержанию и с «Повестью об осаде Мстиславля», и с «Летописцем великих князей литовских»: согласно одному позднему синодику Святослав Иванович погиб «нужною смертию»[1449], что, возможно, указывает на то, что перед смертью он претерпел некие мучения[1450].

Диспозицию и место битвы теперь трудно установить с точностью. Судя по «Повести об осаде Мстиславля», битва проходила непосредственно около замка, так что горожане могли наблюдать за ней, прячась за заборолами стен. В 2003 г. в реке Вихре был случайно обнаружен шлем-шишак типа, распространенного на Руси в XIV—XV вв., который гипотетически мог принадлежать одному из участников битвы со смоленской стороны (находка в настоящее время хранится в Мстиславском историко-археологическом музее).

Зато события, происходившие непосредственно после битвы, описаны в «Летописце великих князей литовских» с довольно любопытными подробностями, которые больше нигде не встречаются и показывают, что автор основывался в данном случае на информированном источнике.

Пребывание смоленского княжича Юрия Святославича в плену на территории Великого княжества Литовского подтверждается документом, который он выдал 16 сентября 1386 г. в Вильно. В этом акте князь признает, что, попав в плен («как же есмь нял ся»), он заключил договор с великим князем Скиргайлом Ольгердовичем. Но король Польши, верховный князь литовский Владислав (Ягайло) потребовал внести поправки в текст этого документа, поэтому Юрий Святославич вынужден был приехать в Литву и выдать новый акт: «Приехати ми было оу Литву, и то есмь исправилъ». Указанным документом смоленский князь, помимо прочего, обязывался нерушимо сохранять союз с королем Владиславом (Ягайлом) и князем Скиргайлом, а также не вступать в сношения с полоцким князем Андреем Ольгердовичем: «Со Ондреемъ Полоцкимъ и с полочаны миру не держати ми а ни сылати ся»[1451]. Последний пункт, кажется, косвенно подтверждает, что между князьями Андреем Ольгердо-

---

[1449] Древняя Российская вивлиофика / изд. Н. Новиковым. СПб. : [б. и.], 1775. Ч. 8. С. 40; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1895. С. 177.

[1450] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2 : Л—П. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1902. Стб. 476.

[1451] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 72 (в тексте грамоты дата неточна: 17 сентября).

вичем и Святославом Ивановичем ранее был заключен военный союз против Великого княжества Литовского.

Сообщение «Летописца» о том, что Скиргайло собственноручно вылечил раненного Юрия Святославича, вполне соотносится с характеристикой, которую дал Скиргайлу польский хронист Ян Длугош. По его словам, Скиргайло от природы имел способности к медицине и нередко лечил своих друзей и приближенных, когда в пьяном буйстве наносил им тяжелые раны[1452]. В целом в фрагменте о спасении Юрия Святославича, возможно, отразились какие-то устные рассказы, источник которых следует искать в ближайшем окружении этого смоленского князя: речь идет, например, о таких деталях, как обнаружение Юрия Святославича среди трупов на поле битвы или то, что ему наголо остригли голову во время лечения.

Имя упомянутой в «Летописце» супруги смоленского великого князя Святослава Ивановича, т. е. матери князя Юрия Святославича, неизвестно.

Жену самого Юрия Святославича «Летописец» именует «дочерью старшей сестры Скиргайла». В историографии признается, что это была неизвестная по имени[1453] дочь от брака рязанского великого князя Олега Ивановича и Евфросиньи Ольгердовны (в монашестве Евпраксии; † 1405)[1454]. На это указывают и тесные связи Юрия Святославича с Рязанью, о которых свидетельствуют события, происходившие после первого взятия Смоленска войсками ВКЛ в 1395 г.

Согласно «Летописцу», Скиргайло отвез Юрия Святославича в Смоленск к его матери в ближайшие дни после битвы. Следовательно, лечение смоленского княжича проводилось в полевых условиях где-то между Мстиславлем и Смоленском. Затем, посадив Юрия Святославича на смоленское великое княжение, Скиргайло отправился домой в Литовскую землю и «нача княжити в Троцех». Такое изложение событий во многом сходится с рассказом «Повести об осаде Мстиславля», по которому после победного сражения литовские князья «изгоном» подошли к Смоленску,

---

[1452] «...Quorum vulnera a se inflicta, discussa ebrietate, arte medicinae cirologicae, qua naturaliter praeditus erat, curabat» (*Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 479; 2) Annales ... Lib. 10. S. 174).

[1453] Л. В. Войтович называет ее имя: Елена и почему-то ссылается при этом на работу А. В. Экземплярского (*Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква : Видавець Олександр Пшонківський, 2006. С. 390). Проблема, однако, в том, что сам А. В. Экземплярский в цитируемой работе прямо пишет, что имя этой дочери рязанского великого князя Олега Ивановича остается неустановленным (*Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб. : Изд. графа И. И. Толстого, 1891. Т. 2. С. 592).

[1454] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 97—98.

взяли с города выкуп и, передав тела убитых князей, посадили Юрия Святославича «из своеи руки» на смоленском великом княжении, а его брата Глеба Святославича увели с собой в Литовскую землю в качестве заложника.

К слову, обращает на себя внимание тот факт, что, по мнению автора второй части «Летописца», Скиргайло начал княжить в Троках только после этих событий, т. е. не ранее весны 1386 г. Это вполне соответствует приблизительной дате выдачи Скиргайлу первой редакции привилея на Трокскую землю (февраль 1386 г.). Именно поэтому невозможно категорично утверждать, что Скиргайло вокняжился в Троках уже начиная с 1382 г.

Присылка польского старосты в Вильно и мятеж Витовта

Смысловые элементы 120—126

Как отмечает Г. Блащик, в Польском королевстве в конце XIV ст. существовали должности генеральных старост великопольского и русского (с 1352 г.), а в последующем аналогичные должности были введены на Подолье и в Малопольше. В этом контексте логичной кажется попытка учредить должность генерального старосты для Литвы[1455]. Всего с 1389 по 1392 г. должность литовского генерального старосты последовательно занимали два человека — оба выходцы из Польского королевства. Их власть носила прежде всего военный характер — они контролировали Виленский Верхний замок и руководили местным польским гарнизоном[1456].

Первым генеральным старостой Литвы стал подканцлер Польского королевства Клеменс из Москожува († около 1408)[1457], который в хронике Длугоша один раз ошибочно назван Миколаем[1458]; он имел тесные связи с малопольским родом Мельштынских, самым известным представителем которого был Спытко из Мельштына, ближайший сподвижник короля Польши Владислава (Ягайла)[1459]. Исполняя обязанности генерального старосты Литвы, Клеменс из Москожува руководил обороной Вильно

[1455] *Błaszczyk G.* Zamach Witolda w 1389 roku. S. 45.

[1456] *Kutrzeba S.* Unia Polski z Litwą. S. 478; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 136—138 (разбор историографии).

[1457] Биографию см.: *Sułkowska-Kurasiowa I.* Moskorzowski Klemens // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1977. T. 22/1. Z. 92. S. 52—54.

[1458] *Długosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 175, 185.

[1459] *Kurtyka J.* Kilka słów o kryzysie legitymizacyjnym lat 1399—1402 i o kryzysie polemiki naukowej // Średniowiecze Polskie i Powszechne. 2009. T. 1 (5). S. 260.

от крестоносцев в августе — сентябре 1390 г., но к 4 декабря того года покинул эту должность и вернулся в Польшу[1460].

Следующим генеральным старостой Литвы был назначен Ясько из Олесницы († 1413), отец знаменитого впоследствии краковского епископа Збигнева Олесницкого[1461]. Эту должность он занимал приблизительно с декабря 1390 г. по вторую половину 1392 г.[1462]

Попытка Витовта захватить Вильно в конце 1389 г. описана кроме «Летописца великих князей литовских» еще в двух хрониках — Виганда из Марбурга и Яна Длугоша. Эти авторы представляют совсем иную картину событий и по-своему трактуют мотивы, побудившие Витовта поднять мятеж.

Виганд пишет, что причиной мятежа стало обострение конфликта между Скиргайлом и Витовтом. При дворе Витовта пребывали граф фон Рейнеке и брат Тевтонского ордена Маркварда фон Зальцбах, которых он ранее захватил в плен. Эти рыцари посоветовали ему вновь принять католичество (sic) и обратиться за помощью к Ордену. Маркварда фон Зальцбах сообщил великому магистру, каким образом можно взять Виленский замок. Нобиль Судимонт, узнав об этом, сообщил князю Дмитрию Корибуту, что Витовт совместно с братьями Ордена хочет захватить Виленский замок. Когда Витовт пришел под Вильно, он увидел, что замок успел подготовиться к обороне. Тогда Витовт встретил здесь же пятерых братьев Ордена, которые, вероятно, были присланы ему на по-

---

[1460] Этот факт документально засвидетельствован привилеем короля Польши, верховного князя литовского Владислава (Ягайла) от 4 декабря 1390 г.: «Cum igitur nobilis Clemens de Moscorzow vicecancellarius regni nostri Polonie, necnon capitaneus noster Lithuanie generalis, fidelis dilectus, ad nostros ac ipsius regni nostri Polonie augendos honores multe diligencie conatibus laborauit, cum eciam idem Clemens ea, que nostrum et regni nostri Polonie decus et gloriam respiciunt, specialibus obsequiorum insignijs prosequitur continuo diligenter, cuiusque mere fidelitatis constanciam cottidianis indicijs experimur, nam circa defensionem castri nostri Vilnensis in circumvallacione per emulos nostros Cruciferos de Prussia et Lifland nuper habita, intentum se reddidit et omnimode diligentem, Dei quidem precipue ipsiusque Clementis presiduo et studio ipsum castrum Vilnense extitit conseruatum» (Kodeks dyplomatyczny Małopolski. T. 4 : 1386—1450 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1905. S. 31).

[1461] Биографию см.: *Kornecka-Trafas A.* Oleśnicki Jan // Polski słownik biograficzny. Wrocław etc., 1978. T. 23/4. Z. 99. S. 763—764.

[1462] Факт подтверждается мемориальной записью в «Краковском календаре»: «Anno Domini millesimo quadringentesimo tredecimo obiit dnus Johannes de Oleschnicza, iudex Cracoviensis, pater dni Sbignei Cracoviensis episcopi, qui fuit generalis capitaneus terre Lythwanie, tempore quo cruciferi de Prussia, post receptionem dni Wladislai de Lythwania in regem Polonie, terram ipsam Lythwanie aquirere et castrum Wylnense recipere nitebantur» (МРН. Т. 2. S. 909).

мощь, и предупредил их об опасности. Вернувшись в Городен, Витовт отправил своего брата Ивана и князя Андрея с письмами к великому магистру, обещая ему выполнить все обязательства, которые принял несколько лет назад, во время первого отъезда в Пруссию. Орден выслал в Городен своих представителей — комтура Бальги Арнольда фон Бурглена, брата Маркварда фон Зальцбаха и префекта Растенбурга Фому Сурвилу. В их присутствии на берегу реки Элк (на границе ВКЛ и Пруссии) Витовт подписал договор о союзе с Тевтонским орденом[1463].

Несмотря на целый ряд неясностей (вопрос о католическом крещении Витовта, роль Судимонта и Дмитрия Корибута во всех этих событиях и т. д.), сильной стороной модели событий, представленной в хронике Виганда, является то, что она хорошо согласуется с документальными материалами. 19 января 1390 г. Витовт, титулуя себя князем луцким и городенским, действительно выдал два документа, в которых обещал твердо придерживаться всех своих обязательств перед Орденом, принятых ранее, а также вернуть деньги, одолженные у Ордена. Оба акта были составлены на берегу реки Элк, и к ним кроме печати Витовта была привешена печать гольшанского князя Ивана Ольгимонтовича, ездившего с посольством в Пруссию[1464] (его спутник, вероятно, был его сыном Андреем Ивановичем Гольшанским). Кроме того, из «Witoldes sache» хорошо известно о напряженных отношениях, сложившихся в 1389 г. между Витовтом и Скиргайлом.

Длугош, в свою очередь, в качестве основной причины мятежа Витовта указывает на то, что Ягайло не выполнил своего обещания дать Витовту верховную власть в Великом княжестве Литовском. Убедившись, что нет никакой надежды на взаимопонимание, Витовт решил хитростью захватить Виленский замок. Он спрятал отряд воинов в повозках, груженных дичью и звериными тушами. Эти повозки направлялись в Виленский замок, где шла подготовка к свадебным торжествам, связанным с бракосочетанием сестры Витовта (какой именно, неясно). Когда же эта хитрость была вскрыта, Витовт бежал в Пруссию[1465].

Хотя сообщение Виганда из Марбурга лишено каких-либо этических оценок, в нем Витовт предстает хитрым политиком, который, стремясь к упрочению личной власти и не разбирая средств для достижения цели, решился на государственную измену и повторно вступил

[1463] SRP. Bd. 2. S. 639—640.

[1464] Ibid. S. 640; CEV. S. 20—21; *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 65—66.

[1465] «Castrum Vilnense fraude molitus est obtinere: ordinatis quoque pluribus vehiculis, in quae homines armatos incluserat, summitates vehiculorum carnibus ferarum, quasi sorori suae celebraturus nuptias, cooperuit et in castrum Vilnense, occupaturus illud, transmisit» (*Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 481; 2) Annales ... Lib. 10. S. 175—176).

в сношения с Тевтонским орденом. В характеристике, данной Длугошем, основным мотивом поступка Витовта также представлена жажда власти, борьба за великокняжеский столец. Не то мы видим во второй части «Летописца великих князей литовских», где Витовт показан не эгоистичным авантюристом и предателем, а благородным патриотом-государственником, который болезненно переживал передачу главного города страны, а вместе с ним и всего Великого княжества Литовского под управление иноземцев. Заретушированы в «Летописце» и некоторые детали, которые могли бы бросить тень на образ Витовта как авторитетного политического деятеля и военачальника: мятеж провалился не потому, что планы были выданы Судимонтом — родственником и в прошлом ближайшим соратником Витовта, и военная хитрость не удалась, а потому, что жители Вильно не захотели отступать от присяги, данной когда-то Ягайлу и Скиргайлу.

Эти доводы заставляют сдержанно относиться к модели событий, представленной в «Летописце», так как описание в данном случае может носить тенденциозный характер.

Важный вопрос: когда именно прибыл в ВКЛ из Польши первый генеральный староста Литвы Клеменс из Москожува? Длугош датирует его приезд 1389 г. и сообщает, что, когда Клеменс из Москожува прибыл в Вильно с бомбардами, баллистами и прочим военным снаряжением, король поручил ему управлять Виленским замком, отстранив Скиргайла от выполнения соответствующих функций. Г. Блащик в цитированной выше работе настаивает на том, что Клеменс из Москожува фактически мог приехать в Вильно не в конце 1389 г., а значительно позднее — в мае 1390 г., вместе с польским военным отрядом, который возглавлял непосредственно король Владислав (Ягайло)[1466]. В гипотезе Г. Блащика есть слабое звено: пользуясь только хроникой Быховца, он предполагает, что сообщение о недовольстве Витовта присылкой польского старосты в Вильно отражает настроения, характерные для общественной мысли ВКЛ начала XVI в. Это, конечно, не так, поскольку это сообщение содержится уже в старейшей редакции «Летописца великих князей литовских», восходящей к 40-м гг. XV в. Но все же мнение польского исследователя о позднем приезде Клеменса из Москожува в Вильно представляет интерес. Так, мы знаем, что последний межгосударственный документ, выданный Скиргайлом в Вильно, датируется 5 января 1390 г.[1467] Это означает, что на протяжении всего 1389 г. он продолжал исполнять обязанности наместника своего брата в Великом княжестве Литовского

[1466] *Błaszczyk G.* Zamach Witolda w 1389 roku. S. 47.

[1467] «Einen strüter frede gemacht haben mit dem hochgeborn fursten hern Skirgaln herczogen czu Littauwin etc. und haben seine brife obir denselbin frede czu uns genomen» (Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2. S. 23).

и имел резиденцию в Вильно. С другой стороны, нельзя исключать возможности того, что решение о назначении Клеменса генеральным старостой Литвы было принято уже в 1389 г., что и спровоцировало мятеж Витовта.

Упомянутый выше документ от 5 января 1390 г., между прочим, позволяет косвенно подтвердить известия «Летописца великих князей литовских» о том, что во время мятежа Витовта Скиргайло находился в Полоцке. Дело в том, что этот акт посвящен приграничным отношениям между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии, поэтому для его подготовки Скиргайло действительно мог в конце 1389 г. выезжать в Полоцкую землю.

Ряд других деталей, указанных в «Летописце», однако, не поддается проверке. Это, например, сообщение о совете, который Витовт перед началом мятежа держал с верными ему князьями и боярами. Ничего не известно о присяге, данной жителями Вильно князьям Ягайлу и Скиргайлу. Остается также только догадываться, откуда автор почерпнул сведения, что жена Витовта княгиня Анна во время мятежа находилась в Городне, и зачем он вообще включил эту малозначительную подробность в хронику.

Вместе с тем известия о том, что вместе с Витовтом в Пруссию вышло множество князей и бояр, косвенно подтверждаются немецкими хрониками. Исход, по всей видимости, действительно был масштабным. В «Торуньских анналах» утверждается, что Витовт перешел в Пруссию со всеми своими людьми, своими родными братьями, которых сопровождали их жены, и множеством народа («et magna gente»)[1468]. Оффициал Иоганн добавляет, что первоначально Витовт отправил в Пруссию в качестве заложников своего брата Жигимонта (Сигизмунда), а также сына одного из своих братьев, свою жену и сестру и еще более ста человек. Кроме того, Витовт передал Ордену свой замок в Городне и другие замки на Руси и «лучших князей и бояр земли» (die besten herczogen und bayoren der lande). Затем в Пруссию к Витовту приехали князь Конрад (вероятно, Товтивил Кейстутович) с супругой, князь Юрий Наримонтович из Белза, гольшанский князь Иван Ольгимонтович с женой и детьми и множество их людей[1469].

Несколько слов необходимо сказать о личности Юрия Наримонтовича, который не раз уже появлялся на страницах нашего исследования. Полную биограмму см. у Я. Тенговского[1470], нас же прежде всего интересуют обстоятельства, при которых Юрий Наримонтович оказался в лагере Витовта. Он был старше его по меньшей мере лет на 20 и в качестве

[1468] SRP. Bd. 3. S. 162.

[1469] Ibid. S. 162—163.

[1470] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Gedyminowiczów. S. 34—37.

князя Белза и Холма играл активную роль в волынских делах Великого княжества Литовского. В 1377 г. король Венгрии и Польши Людовик лишил его практически всех владений на Волыни. Поэтому в 1379 г. Юрий Наримонтович безуспешно попытался закрепиться в качестве служилого князя в Великом Новгороде[1471]. В дальнейшем он вновь стал княжить в Белзе вместе со своим сыном Иваном[1472]. К 1387 г. относится первое свидетельство сближения между Витовтом и Юрием Наримонтовичем — они совместно с другими князьями ходили походом на Галич[1473]. Примерно в конце 1387 г. король Польши Владислав (Ягайло) передал Белзское княжество мазовецкому князю Земовиту, женатому на княжне Александре Ольгердовне[1474]. Видимо, именно это и обусловило переход Юрия Наримонтовича в число сторонников Витовта, недовольных новыми порядками, которые насаждались в ВКЛ после заключения династической унии с Польшей. Благодаря своему политическому и военному опыту Юрий Наримонтович, как можно судить по «Летописцу» и немецким хроникам, быстро стал одним из ближайших советников Витовта — даже несмотря на то что тот в 1390 г. казнил его брата пинского князя Василия Наримонтовича. После 1392 г. он получил от Витовта Пинское княжество и участвовал в заключении Салинского договора с Орденом в 1398 г.[1475]

Итак, уже зимой — весной 1390 г. войска Ордена и отряды Витовта начали первые совместные действия против Великого княжества Литовского. Хотя в данном случае в «Летописце» прослеживается элемент похвальбы и апологии, присущий скорее «Похвале Витовта»: «И узри король и князь великыи Скиргаило, яко ауже не могут оудръжати земли Литовское перед великымъ княземъ Витовтомъ», но общие сведения о том, что Витовт «взял был» Литовскую землю вплоть до реки Вилии, в принципе соответствуют данным немецких хроник. Согласно хроникам Виганда из Марбурга и оффициала Иоганна, объединенные войска Ордена и Витовта в этом походе опустошили регионы Мойшаголы и Кернова,

---

[1471] ПСРЛ. Т. 3. С. 375.

[1472] Akta unji Polski z Litwą ... S. 11.

[1473] «Georgio alias Debek» (как уже указывалось в литературе, «Debek» — здесь искаженное чтение вместо «de Belz»); см.: CEV. S. 13.

[1474] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Gedyminowiczów. S. 36.

[1475] «Herczoge Jorge von Pynske» (*Weise E.* Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen im 15. Jahrhundert. T. 1 : 1398—1437. Königsberg : Kommissionverlag Gräfe und Unzer, 1939. S. 12). Известно также пожалование Юрия Наримонтовича для Пинского Лещинского монастыря, датируемое, видимо, 1392—1398 гг. См.: Историко-статистическое описание Минской епархии / сост. архим. Николай. СПб. : Тип. дух. журнала «Странник», 1864. С. 136; *Полехов С. В.* Наследники Витовта ... С. 540.

причем защитники были вынуждены сжечь керновские укрепления[1476]. Но это были только опустошительные походы, а не постоянная оккупация земель, как может ошибочно показаться из текста «Летописца». В свою очередь, король Владислав (Ягайло), собрав польское войско, в первых числах февраля взял Берестье и Каменец-Литовский, а затем осадил Городен, где к нему также присоединились отряды его братьев трокского и полоцкого князя Скиргайла, новогородского и северского князя Дмитрия Корибута, киевского князя Владимира Ольгердовича. Осада Городна продолжалась вплоть до апреля; к городу также подошли войска Тевтонского ордена и Витовта, пытавшиеся безуспешно помочь осажденным. 10 апреля защитники Городенского замка сдались на милость польского короля. В мае король Владислав (Ягайло) прибыл в Вильно, усилив гарнизоны замков людьми и вооружением[1477]. Наступление Ордена возобновилось в августе 1390 г. Мощная армия, вооруженная осадной артиллерией и включавшая силы крестоносцев из Пруссии и Ливонии, отряды Витовта, а также рыцарей-гостей из Англии, Франции и других стран Западной Европы, сломив в нескольких стычках сопротивление литовско-русских войск, в начале сентября осадила Вильно.

Данные «Летописца» о том, что на сторону Витовта в этот период перешел Полоцк, уникальны, однако находят косвенное подтверждение в одном из документальных источников. 23 января 1397 г. Витовт писал рижскому городскому совету о том, что его «слуга» Лынгвен (unserm dyner Lyngweynen) в свое время заключил с Ригой договор сроком на пять лет, который по его истечении вновь был возобновлен полоцким наместником Монтигердом[1478]. Простой хронологический расчет показы-

---

[1476] SRP. Bd. 2. S. 641; SRP. Bd. 3. S. 162.

[1477] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 10. S. 235—237; SRP. Bd. 3. S. 163; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 143—145.

[1478] «Што есте со князем с Семеном мир оузяли и с мужи полочаны...», «...ir schereibit, das unser hawptman Muntigirde mit uch ein frede uffgenomen habe in der weise, alz ir yn mit unserm dyner, Lyngweynen, vormals vieff jar nach deme aldin frede hattet uffgnomen... Und auch als ir schreibit, das Lyngweyn mit uch vieff jar ein frede mit uch uffgnomen habe...» (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 102, 105). Высказанное в новом издании «Полоцких грамот» мнение о том, что до апреля 1393 г. власть над Полоцком сохранял Скиргайло (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 2. С. 49, 322), основано на дискуссионной трактовке известного послания рижанина Германа Дасберга немецкой купеческой общине Полоцка. Из этого документа и комплекса других документов мая — июня 1393 г. (подробнее см.: *Лицкевич О. В.* Документы по истории Менской земли за 1386—1393 гг. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбурскага права): матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 4—5 верасня 2009 г. Мінск : Беларуская навука, 2010. С. 13—14) следует только то, что Скиргайло задержал в Менске немецких купцов из Полоц-

вает, что этот договор князь Семен Лынгвен Ольгердович мог заключить в 1391 или самое позднее в начале 1392 г., когда Витовт еще находился в Пруссии. Следовательно, если в то время он принадлежал к числу сторонников Витовта и управлял Полоцком, то и Полоцк тогда был на стороне Витовта.

Битва близ Вейшишек

Смысловые элементы 127—128

Вопрос о локализации Вейшишек (либо Вейкшишек), упоминаемых в «Летописце великих князей литовских», неразрывно связан с личностью нобиля Судимонта, который в одном из документов за 1384 г. назван владельцем местности «Wesisken»[1479].

В историографии до недавнего времени было распространено мнение, что Судимонт был владельцем Эйшишек, населенного пункта рядом с Солечниками (Шальчининкаем)[1480]. Ю. Пузына, предполагая, что Судимонт действительно владел Эйшишками, вывел его родословную от «Айкши из Эйшишек», которого представил сыном Кориата Гедиминовича. Таким образом, согласно выводам Ю. Пузыны, Судимонт был якобы внуком Кориата, правнуком Гедимина[1481]. Не вдаваясь во все подробности, замечу только, что эта гипотеза прямо опровергается документальными данными — поручительством литовско-русской знати за Братошу Койлутовича, в котором отцом Судимонта назван один из бояр Кейстута, войт Троков Пекштис (или Пекште)[1482].

И. Йонинас отождествил «Wesisken» — центр владений Судимонта — с д. Вяжишкес, расположенной в нескольких километрах от Алитуса и Алове[1483]. Однако методика локализации «Wesisken» только по фо-

---

ка с товаром, а после ходатайства Германа Дасберга от лица ливонского магистра согласился их отпустить — отпустить опять же из Менска, а не из Полоцка (см. соответствующую поручную грамоту Дасберга, выданную в Менске: Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2. S. 25).

[1479] CEV. S. 3—4, No 13.

[1480] *Kolankowski L.* Dzieje ... S. 50; *Jonynas I.* Lietuvos didieji kunigaikščiai. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. P. 13; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a. Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius : Aidai, 2003. P. 86; *Baranauskienė I.* Onos Vytautienės kilmė ir giminė. P. 69.

[1481] *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze. S. 433, 453.

[1482] «Pextis et filij eius Sudimunt» (AGAD. F. 358. BOZ, nr. 33. Inwentarz Archiwum Koronnego Jana Zamojskiego. T. IV. S. 605; публикация: *Лицкевич О. В.* Поручительство литовско-русской знати ... С. 30—31).

[1483] *Jonynas I.*: 1) Vytauto šeimyna. P. 212; 2) Vytauto šeimyna. Vilnius : Techlab, 1991. P. 25; топографическая карта N-35-049.

нетической созвучности названия имеет серьезный недостаток. По старым географическим справочникам на территории бывших Виленской и Ковенской губерний можно подобрать еще несколько топонимов с похожим на «Wesisken» звучанием: Вежишки Вилькомирского повета, Вижишки и Гейшишки Виленского повета, Вейсишки Свенцянского повета (рядом с Лынтупами), Васишки или Вашишки Трокского повета[1484]. Поэтому сам по себе этот метод, без привлечения дополнительной аргументации, заводит в тупик. Например, в том же районе, где находится предложенная И. Йонинасом д. Вяжишкес, также располагается на берегу Немана д. Вашишкес[1485].

Дополнительную возможность для локализации села «Wesisken» дают письменные источники. Так, согласно интересующему нас фрагменту «Летописца великих князей литовских», в 1390 г. произошла битва между войсками ВКЛ и Тевтонского ордена близ «городка» на берегу реки Вилии, который по разным спискам имел название «Веикшукши», «Веикшушки», «Веикулишки», «Веишкушкы», «Веишишькы», «Икшишькы», «Веищушкы», «Weyszyszki»[1486]. А. Прохаска считал, что упоминание о Вейшишках — это якобы глосса на полях протографа «Летописца»[1487], но оснований для такого мнения все же недостаточно. Еще раз населенный пункт с похожим названием фигурирует в хронике войны 30-х гг. XV в. в следующем контексте: войска Свидригайла остановились в Рудамине в полутора милях к югу от Вильно, оттуда повернули на запад на Старые Троки, а от Трок отправились искать «литовскую рать» великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича и после этого «стояша во Векшюшьках 4 дни, и поиде на Русь во свою землю» и далее пришли под Крево и Молодечно[1488].

Прежде чем предложить свою локализацию села «Wesisken» (Вейшишки), рассмотрим также сведения письменных источников,

---

[1484] См.: Алфавитный список населенных мест Ковенской губернии. Ковна : Ковенский губ. стат. ком., 1903. С. 84; Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 5 : Губернии Литовской и Белорусской областей. СПб. : Центр. стат. комитет, 1886. С. 14; *Гошкевич И. И.* Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении. Вильна : Губ. тип., 1905. С. 28, 291, 321: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 11 : Ковенская губерния / сост. Д. Афанасьев. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1861. С. 698. — Дополнительные данные: *Jonynas I.* Vytauto šeimyna. P. 212.

[1485] Топографическая карта N-35-049.

[1486] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 586; ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 71, 88, 114; ПСРЛ. Т. 43. С. 269; *Narbutt T.* Pomniki ... S. 31.

[1487] *Prochaska A.* Latopis litewski ... S. 16.

[1488] ПСРЛ. Т. 35. С. 34, 57, 76.

описывающих битву 1390 г. между войсками ВКЛ и Тевтонского ордена[1489].

В целом источники предлагают три модели описания этой битвы. Первая отражена в «Летописце великих князей литовских»: «И князь великыи Витовт с немецкыми силами поиде к Вилни. И стрѣти его Скергаило и з братом своим Вигонтом и с литовскыми вои на рецѣ на Вельи, у городка, на мѣстѣ нареченом Веикулишкы. И съступившемься полком, и Бог поможе великому князю Витовту, и побѣжени быша литва, и побѣгла, и побито их множество. А иных князеи и панов много поимали и в нятство дали: князя Семена Ев[н]утеевичя, князя Глѣба Святославичя смоленьского, князя Василья Костянтиновичя, князя Ивана Тету, Лва Плаксича и иных князеи поимано было много» (цитируется по Виленскому списку как одному из наиболее исправных в данном случае). В этой модели главенствующее место отведено Витовту, а войска Тевтонского ордена упоминаются только вскользь: «Витовт с немецкыми силами».

Вторая модель — орденская, записанная по горячим следам. Из письма, отправленного Конрадом фон Валленродом в сентябре 1390 г., следует, что битва состоялась около брода на реке Вилии (Nerige), где верховный маршал Тевтонского ордена Энгельгард Рабе разбил войска Скиргайла, причем было убито до ста человек, захвачены в плен три русских князя и одиннадцать бояр, защищавших брод вместе с другими литвинами, взято 200 оседланных коней. Крестоносцы двинулись далее на Вильно и подошли к городу на шестой день после битвы[1490]. Согласно хроникам Виганда из Марбурга и оффициала Иоганна, решающее сражение произошло 28 августа 1390 г. у слияния рек Неман и Вилия после того, как Скиргайло попытался остановить крестоносцев в районе Старого Ковно[1491]. Время и место битвы в этих источниках хорошо согласуются с записью в финансовых счетах английских рыцарей, в соответствии с которой битва с «язычниками» произошла на берегах Немана

[1489] Битва произошла во время похода войск Ордена и Витовта на Вильно, который продолжался с 1 августа по 25 октября 1390 г. См. в каталоге: *Paravicini W.* Die Preussenreisen des europäischen Adels. Sigmaringen : Jan Thorbecke Verlag, 1995. Teil 2. S. 37, No 247.

[1490] «Als der marschalk mit syme heere obir die Nerige das flys förthe, do slug her herczoge Skirgaln abe als man versleet wol I^{c} mann, und vyng III Russche herczogen und XI baioren, die uff deme selben förthe mit andern littawen lagen, und wolden den furth weren, und nam in II^{c} gesatelte pferde, und czogen vorbas mit den heeren vor die Wille» (CDP. Bd. 4. S. 114—115; Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum. Ed. altera. Poznań : Sumptibus Bibliothecae Kornicensis, 1892. T. 2. S. 397—398).

[1491] SRP. Bd. 2. S. 642 (см. здесь же примечание 1883); SRP. Bd. 3. S. 165.

около 28 августа[1492]. Как утверждает оффициал Иоганн, после первого поражения под Ковно Скиргайло бежал в замок «Wissewalde»[1493], и это могут быть либо Войшвилты (Вайшвильчяй) на реке Невяже, либо интересующие нас Вейшишки.

Длугош, в свою очередь, отмечал, что начало похода войск Ордена было ознаменовано торжественным «военным пиром» около Старого Ковно, затем рыцари взяли штурмом Троки и подступили к Вильно[1494]. Это не противоречит орденским источникам.

Третью модель описания битвы 1390 г. представляет фрагмент хроники Быховца, классифицированный выше как интерполяция Е. В нем рассказывается, что, узнав о приходе отряда Витовта, великий князь Скиргайло собрал литовско-русское войско и, переправившись через Вилию, стал на поле на Шешкинях (теперь Шешкине — жилой микрорайон Вильнюса). Витовт с помощью немцев установил на горе пушки и расстрелял войска Скиргайла, которые пустились в бегство. Отряд Витовта преследовал беглецов, многие из которых утонули в Вилии, но Скиргайло переплыл реку и укрылся в Виленском Кривом городе[1495]. Подобный взгляд развивал М. Стрыйковский, который по находкам старинного оружия локализовал место битвы во владениях боярина Солтана за рекой Вилией (т. е. фактически в тех же Шешкинях)[1496].

Таким образом, в «Летописце великих князей литовских», в орденских источниках, хронике Длугоша и интерполяции Е в хронике Быховца предложена разная локализация битвы 1390 г. Но во всех источниках она так или иначе связана с рекой Вилией, вдоль которой пролегал маршрут войск Тевтонского ордена и Витовта от Ковно к Вильно. Возможно, в результате маневрирования противоборствующих сторон между ними произошла не одна, а несколько стычек: около Ковно, близ Вейшишек и под стенами Вильно. Тем более что войска противника двигались к Вильно как минимум тремя колоннами. На это указывает то, что при осаде Вильно они располагались тремя отдельными лагерями: Витовт со своими силами находился близ Кривого города, раскинувшегося на нескольких холмах недалеко от горы Гедимина, крестоносцы из Пруссии — над Вилией со стороны дороги на Польшу и на с. Понары (теперь

[1492] «...Ultra ripam de le Memele die dominico proxime sequenti post conflictum Paganorum» (SRP. Bd. 2. S. 790). 28 августа 1390 г. как раз приходилось на воскресенье.

[1493] SRP. Bd. 3. S. 165.

[1494] «Et primum apud vetus Kowno mensa militari in magna solennitate ordinata et exacta, adeuntes oppidum et castrum Trokky succendunt, deinde et castra Vilnensia gravi coarctant obsidione» (*Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 489; 2) Annales ... Lib. 10. S. 184).

[1495] *Narbutt T.* Pomniki ... S. 32.

[1496] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 487.

район Паняряй в южной части Вильнюса), а крестоносцы из Ливонии — за Вилией со стороны дороги на Мойшаголу (т. е. как раз на Шешкинях)[1497].

Во всяком случае автор второй части «Летописца великих князей литовских», говоря о Вейшишках, имел в виду явно не Эйшишки близ Солечников или какие-нибудь другие населенные пункты, лежащие в стороне от Вилии, а населенный пункт, находящийся именно на отрезке Вилии между Ковно и Вильно. В указанном районе на правом берегу Вилии существует д. Гейсишкес[1498]. Видимо, это и были летописные Вейшишки (Вейкшишки), которые можно также идентифицировать как «Wesisken», центр владений Судимонта. Позднее с. Гейсишкес входило в домен князей Гедройцев. На поле рядом с этим селом в XIX в. находили множество человеческих костей; по местному преданию, это были следы древней битвы[1499]. По соседству с Гейсишкес, также на правом берегу Вилии, с древнейших времен находились два городища — Брадялишкес и Буйвидай, поселения рядом с которыми существовали вплоть до XIV в.[1500] Согласуется с такой локализацией и сообщение «Летописца» о том, что вместе со Скиргайлом войска ВКЛ возглавлял князь Александр Вигунт, который, как указывалось выше, с 1386 г. был князем Кернова.

В то же время необходимо заметить, что, в отличие от «Летописца великих князей литовских», в хронике войны 30-х гг. XV в., как показывает изучение итинерария Свидригайла, под «Векшюшками» действительно подразумеваются Эйшишки, находившиеся на пути войск Свидригайла из Трок в Лиду; это надежно доказывается письмом великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича королю Владиславу (Ягайлу) от 12 августа 1433 г.[1501]

Первая битва войск ВКЛ под началом князя Скиргайла с крестоносцами произошла около 28 августа 1390 г. в районе Ковно, где войска Тевтонского ордена переправились через Неман и сбили литовский заслон, защищавший брод через Вилию. Затем основные силы Ордена пошли вдоль правого берега Вилии; это доказывается тем, что перед штурмом Вильно им пришлось построить два моста через Вилию — «machten czwu

---

[1497] *Długosz J.* Roczniki … Ks. 10. S. 241; SRP. Bd. 3. S. 165—166.

[1498] Топографическая карта N-35-038.

[1499] «Близ им. Гейшишки, кн. Гедройца, в поле находят множество человеческих костей. Одни говорят, что там было кладбище, а другие — сражение литовцев со шведами» (*Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1893. С. 69).

[1500] Lietuvos piliakalniai. URL: http://www.piliakalniai.lt (дата обращения: 20.01.2019). Buivydai (reg. nr. A1240KP); Bradeliškės (reg. nr. A1239P).

[1501] *Полехов С. В.* Наследники Витовта … С. 548; *Halecki O.* Z Jana Zamojskiego inwentarza ... S. 209.

brucken obir die Nerye»[1502]. Но по пути один из отрядов свернул к югу в район Троков и форсировал Вилию близ городка Вейшишки (Гейсишкес), где его попытались остановить воины, возглавляемые керновским князем Александром Вигунтом. То, что этим отрядом, направлявшимся к Трокам, предводительствовал сам Витовт, вполне естественно: Троки были центром его старой вотчины, сферой его жизненных интересов, поэтому по пути к Вильно он должен был вернуть себе этот город. В представлениях автора второй части «Летописца» сражения на речных переправах — под Ковно, Вейшишками и, может быть, на Шешкинях — соединились в одно. Однако из перечисляемых им пяти князей, якобы захваченных в битве близ Вейшишек, трое, судя по орденским источникам, попали в плен еще под Ковно.

Глеб Святославич. Один из старших сыновей смоленского великого князя Святослава Ивановича († 1386). После неудачной для смоленцев битвы на реке Вихре он попал в плен к князю Скиргайлу и, согласно «Повести об осаде Мстиславля», в отличие от своего брата Юрия Святославича, занявшего смоленский столец, был уведен в Литву, вероятно, в качестве заложника. Дальнейшая его судьба в течение четырех лет неясна. По сообщению оффициала Иоганна, после того как Витовт в январе 1390 г. перешел в Пруссию, он направил к великому магистру Ордена группу заложников и в их числе некоего короля Смоленска, которого держал в плену («konyng von Smalenczin, der sin gefangen was»)[1503]. Аналогичное известие имеется и в «Старшей хронике великих магистров», но с существенным уточнением, что переданный в заложники сын князя Смоленска был закован в железа («gesmeth in eysen») и некоторое время так просидел в железах в Мариенбурге[1504]. Речь здесь, несомненно, идет о Глебе Святославиче. Но трудно сказать, все ли это время с 1386 по 1390 г. он находился у Витовта, или был захвачен им во время мятежа, или был среди защитников Кернова/Мойшаголы и попал в плен во время боевых действий февраля — марта 1390 г. Кроме того, согласно реляции ревельского бургомистра Иоганна Столтевота, еще до 17 августа 1390 г. к Витовту прибыли московские послы, которые, помимо прочего, ходатайствовали об освобождении пленного смоленского князя[1505]. Вот почему абсолютно исключено, чтобы князь Глеб Святославич попал в плен к Витовту во время военных действий, которые велись под Ковно и Вейшишками в конце августа 1390 г., хотя подобное мнение все равно

[1502] SRP. Bd. 3. S. 165.

[1503] Ibid. S. 162.

[1504] Ibid. S. 617.

[1505] «Ok willen se deme koninge van Smolenske helpen, dat he geloest werde; de is gevangen in Prussen» (Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch ... Bd. 3. Col. 571).

еще по инерции высказывается в историографии[1506]. Согласно дальнейшему повествованию «Летописца великих князей литовских», по возвращении в Великое княжество Литовское в августе 1392 г. Витовт посадил Глеба Святославича на княжение в Смоленск, при этом князь называется бывшим пленником («нятцем») Витовта. Из этого следует, что Глеб Святославич был освобожден из плена в 1392 г. лично Витовтом, поэтому вполне логично, что в сообщении об обмене пленными в августе 1393 г. упомянуты только четверо, а не пятеро князей.

Василий Константинович. Выше уже неоднократно отмечалось, что в различных списках «Летописца великих князей литовских» один и тот же князь, взятый в плен Тевтонским орденом под Вейшишками, назван Василием Константиновичем и Глебом Константиновичем. По совокупности текстологических и исторических аргументов более близким к протографу представляется чтение «князя Василья Костянтиновичя», которое содержится в Академическом и Виленском списках. Князь Василий Константинович был, вероятно, сыном князя Константина Ольгердовича. Почему не Константина Кориатовича? Объяснение этому простое. Господарь Подолья Константин Кориатович последний раз упоминается в документе (пожаловании для Немиры на замок Бакоту) 19 сентября 1388 г. и умер уже до 20 июня 1391 г. Зато отец Василия Константиновича — князь Константин был, вероятно, жив еще в 1392 или 1393 гг. Только около 30 октября 1393 г. он называется в финансовых счетах польского королевского двора недавно умершим: «duci Wasiloni, filio ducis Constantini felicis memorie»[1507]. При этом уже то, что его смерть не осталась незамеченной в Кракове, а стала поводом для скорби («felicis memorie»), говорит в пользу того, что он был ближайшим родственником польского короля Владислава (Ягайла), т. е. его родным братом.

Семен Евнутьевич. Наиболее убедительной представляется версия Я. Тенговского, что Семен Евнутьевич был одним из младших сыновей князя Евнутия Гедиминовича и владел небольшим уделом на Волыни с центром в Степани[1508]. Как «Symeone Stepansky», двоюродный брат Витовта, он называется 11 августа 1387 г. среди князей, которые участвовали в походе на Галич[1509].

В связи с этим необходимо несколько слов сказать о высказываемых в историографии мнениях относительно князя Семена, владевшего Степанью в конце XIV в. Версию о том, что это был кто-то из Рюриковичей, отвергаю как заведомо безосновательную. Ю. Вольф считал Семена Сте-

---

[1506] *Ластовский Г. А.* Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII — начале XVI веков. Минск ; Смоленск : Универсум, 2001. С. 74.

[1507] Rachunki ... S. 167.

[1508] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 194—195.

[1509] CEV. S. 13.

паньского потомком пинского князя Михаила Наримонтовича, к этому мнению присоединился и В. Д. Собчук[1510]. Однако не имеется никаких надежных источников, подтверждающих само существование Михаила Наримонтовича[1511], поэтому вся эта версия повисает в воздухе. Гораздо серьезнее данные о том, что Семен Степаньский мог быть сыном гольшанского князя Ивана Ольгимонтовича, ведь, как известно, Гольшанские владели Степанью в XV в. Некий Семен Иванович фигурирует среди волынских князей, поручившихся 10 октября 1388 г. за Олехну Дмитриевича[1512]. Согласно русским летописям, имя Иван было крестным именем Евнутия, поэтому на первый взгляд речь и идет о Семене Евнутьевиче. Однако, по описанию Яна Замойского (1542—1606), на третьей по счету печати, привешенной к поручительству за Олехну Дмитриевича (а это как раз и была печать Семена Ивановича), было изображение «Гиппоцентавра» — герба Гольшанских[1513]. При этом князь Степани умер еще до 22 апреля 1415 г., когда упоминается его вдова («ducissa Stepanska»), державшая в Киевской земле Каменецкую волость недалеко от Овруча[1514], а князь Семен Иванович Гольшанский, как известно, дожил до 1433 г. Разрешить имеющиеся противоречия можно, предположив, что Семен Иванович Гольшанский имел какие-то владения на Волыни уже в 80-х гг. XIV в. (например, Дубровицу), а Степань получил после смерти Семена Евнутьевича, когда вдове Семена Евнутьевича была выделена в качестве компенсации Каменецкая волость.

Иван Тета. Имя князя Ивана Теты в некоторых списках представлено в искаженной форме. Наиболее ранним чтением является «Тету» (в Виленском, Академическом, Супрасльском списках, фрагменте РГАДА), а в Слуцком списке переписчик допустил ошибку: «Пету» (что это именно ошибка, подтверждается и чтением из хроники Быховца: «Tetu»). В новгородских списках, зависимых от списка, близкого к Академическому, имя претерпело еще более серьезную метаморфозу: в списке Дубровского переписчик объединил два слова «Тету, Льва» и получилось «Теплю», а в Погодинском списке вместо «Тету, Льва Плаксича» записано имя «Тетляскичь».

[1510] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy ... S. 274, 366, 504; *Собчук В. Д.* Степаньска волость і її власники (до кінця 60-х років XVI ст.) // Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: Історичні науки. Острог, 2011. Вип. 18. С. 16.

[1511] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 25; *Груша А. І.* Невядомы арыгінал ... С. 32.

[1512] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. S. 11.

[1513] *Piekosiński F.* Jana Zamoyskiego notaty heraldyczno-sfragistyczne // Studya, rozprawy i materyały z dziedziny historyi polskiej i prawa polskiego. Kraków, 1907. T. 7. S. 61.

[1514] KDKDW. S. 99.

Происхождение князя Ивана Теты остается загадкой. По предположению Л. В. Войтовича, он, как и князья Плаксичи, принадлежал к какой-то ветви Друцких князей и его сыном был князь Юрий Иванович Кожушно[1515]. Со своей стороны замечу, что среди князей, живших в конце XIV в., только один имеет имя, созвучное имени Ивана Теты. Это карачевский князь Иван Мстиславич Хотет, который, согласно «Бархатной книге», был внуком князя Святослава Титовича и Феодоры Ольгердовны[1516], т. е. приходился Владиславу (Ягайлу) и Скиргайлу внучатым племянником. В 1418 г. он был обезглавлен по приказу Витовта, который взял в жены его вдову Ульяну Ивановну Гольшанскую[1517]. Уже в протографе «Летописца великих князей литовских» могла закрасться ошибка: «Тет» или «Тету» вместо «Хотет»; подобным же образом, как вместо «Кернов» переписчик написал «Карачев».

Лев Плаксич. Принадлежал к довольно известному в конце XIV в. княжескому роду ВКЛ. Вместе с братом Русаном Плаксичем и племянником Иваном Русановичем он поручился за Гридка Константиновича (1387—1390 гг.)[1518]. Его брат князь Русан Плаксич назван 26 апреля 1388 г. на втором месте по знатности после городецкого князя Давыда Дмитриевича в поручной грамоте за новогородского и северского князя Дмитрия Корибута[1519]. Новый свет на происхождение рода проливает поручительство за Братошу Койлутовича 1387—1394 гг.: в нем фигурирует племянник Льва Плаксича Иван Русанович, а значит, он, как и большинство других поручителей, имел владения недалеко от Ошмян[1520]. В Поставском районе до наших дней сохранилась д. Плаксы[1521]; ее название, видимо, имеет балтскую этимологию (в современной Литве имеются топонимы схожего типа — Plokščiai). В древности к юго-востоку от места, где она расположена, проходил отрезок так называемой Ольгердовой дороги между селами Жосно и Волколата[1522]. Еще в XIII в. этот край представлял собой приграничную часть Полоцкой земли, образовавшуюся в результате славянской колонизации литовских племенных территорий[1523].

[1515] *Войтович Л. В.* Княжа доба … С. 298.

[1516] Родословная книга князей и дворян [Бархатная книга]. М. : Унив. тип., 1787. Ч. 1. С. 186.

[1517] SRP. Bd. 3. S. 377.

[1518] *Розов В. А.* Українські грамоти … С. 46—47.

[1519] Там же. С. 38. См. также: *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy … S. 367.

[1520] *Лицкевич О. В.* Поручительство литовско-русской знати … С. 31, 45, 57.

[1521] Топографическая карта N-35-030, квадрат 96:98.

[1522] *Мікульскі Ю. Н.* Беларускія граматы 1460—1544 гг. са сховішчаў Вільні і Варшавы // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 159.

[1523] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. М. : Наука, 1966. С. 79; *Ochmański J.* Litewska granica etniczna … S. 33—35.

В 1414 г. Витовт передал Зиновию Братошичу всю Поставскую волость до реки Дисны на севере и реки Березовки на востоке[1524], и эта территория в последующем составила северо-восточную часть Ошмянского повета[1525].

В свете всего сказанного история рода Плаксичей видится такой. По своему происхождению это был либо какой-то обрусевший литовский княжеский род (но не Гедиминовичи), либо потомки полоцких Изяславичей, получившие этот глухой отдаленный удел после того, как Полоцком завладели литовские князья. В княжеской иерархии ВКЛ Плаксичи находились ниже не только Гедиминовичей, но и друцких и городецких Рюриковичей, которые были породнены с Гедиминовичами династическими браками. Лев Плаксич был старше Русана: в одном из поручительств он назван первым. Родовое гнездо — Плаксы с прилегающей волостью — в конце концов перешло к Ивану Русановичу, почему он и стал поручителем за жившего по соседству Братошу Койлутовича, который владел волостью Мысса близ Сморгони[1526]. А Лев и Русан, входившие в ближний круг князя Дмитрия Корибута, имели какие-то выслуженные владения в Новогородской и/или Северской землях. Род пресекся в конце XIV или начале XV в., после чего вотчина Плаксичей досталась Зиновию Братошичу.

Первым из упоминавшихся выше князей из плена был освобожден смоленский князь Глеб Святославич. Согласно «Летописцу великих князей литовских», по возвращении в ВКЛ в августе 1392 г. Витовт посадил его, своего «нятца», на княжение в Смоленск. Остальные князья получили свободу после 15 августа 1393 г., когда, согласно хронике оффициала Иоганна и «Старшей хронике великих магистров», между ВКЛ и Тевтонским орденом на реке Дубисе прошли переговоры об обмене пленными, и с орденской стороны действительно были освобождены четыре князя ВКЛ[1527]. По иронии судьбы вместе со Скиргайлом этой процедурой руководил Витовт, но на этот раз уже с литовской стороны. Обмен проводился по принципу «человек за человека», поэтому крестоносцы оказались в неравноправном положении: у них было только четыре князя-узника и они не могли обменять всех своих людей, томившихся в плену в ВКЛ (некоторые сидели в заточении по 8—10 лет)[1528]. Этот факт, кажется,

---

[1524] *Połocki R.* Z dziejów starostwa Dziśnieńskiego // Litwa i Ruś: miesięcznik ilustrowany poświęcony kulturze, dziejom, krajoznawstwu i ludoznawstwu. Wilno, 1913. R. 2. Z. 10—12. S. 115—116; Vitoldiana ... S. 74.

[1525] *Спірыдонаў М. Ф.* Ашмянскі павет... С. 268.

[1526] Версия, что имение Братоши локализуется в районе Старой Мыши близ современных Барановичей, кажется мне теперь маловероятной.

[1527] SRP. Bd. 3. S. 189, 625; *Prochaska A.* Król Władisław Jagiełło. T. 1. S. 103; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 159; *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 72.

[1528] SRP. Bd. 3. S. 625.

подтверждает, что общее количество князей ВКЛ, захваченных крестоносцами в плен, показано в «Летописце» правильно (опять же не считая смоленского князя Глеба Святославича, о котором речь пойдет особо). Правда, хронист далее отмечает, что в плен попало также много других князей («иных князеи изымано бысть много»), не называя их по именам, но это, видимо, обычное литературное преувеличение.

Еще одним ценным источником по этой тематике являются финансовые счета польского королевского двора. 19 октября 1393 г. король велел выдать деньги (в общей сложности 2 марки 20 грошей и 8 скойцев) на покупку обуви, коня, седла и сбруи какому-то литвину, который вышел из прусского плена («de captiuitate Pruthenorum euasit»). В тот же день он распорядился выдать 3 марки некоему «Zeme de Zbank», который также находился в плену в Пруссии. В звучании имени угадывается транслитерация с кириллицы, но с немецким акцентом (z = s, b = p) и с пропуском надстрочных букв: «Семе*н* Сте*п*анскии» (направленная казначею королевская записка?). 30 октября было записано, что по приказу короля князю Василию Константиновичу выдано на покупку полного рыцарского доспеха 9 марок 20 скойцев, на приобретение коня — 12 марок, а на возвращение домой — 2 марки. Князь Иван по устному распоряжению короля получил 14 марок на покупку холощеного жеребца. Видимо, это был тот самый князь, который в «Летописце великих князей литовских» назван Иваном Тетой, а размер полученной им суммы указывает на то, что он, как и Василий Константинович, относился к числу близких родственников Владислава (Ягайла). То обстоятельство, что князю Ивану полагалось купить именно холощеного коня, косвенно подтверждает догадку о том, что речь идет о карачевском князе. Власти Польского королевства и ВКЛ не приветствовали продажу за рубеж коней, которых можно было использовать в племенных целях. В тот же день по счетам были проведены средства на содержание послов и слуг Витовта[1529]. Из этих данных можно сделать вывод, что освобожденные из плена князья были доставлены в Краков к польскому королю в сопровождении людей Витовта и здесь получили деньги на покупку самых необходимых вещей, чтобы вернуться домой.

[1529] Rachunki ... S. 167—168.

Осада Вильно, гибель князя Коригайла и взятие Кривого города

Смысловые элементы 129—130

Система оборонительных сооружений Вильно в 1390 г. состояла из трех замков[1530]. Верхний каменный замок размещался на горе, известной в настоящее время как гора Гедимина, или Замковая гора. Нижний замок был также каменным и примыкал к горе Гедимина: от него сохранились до наших дней остатки мощной башни, использованные в качестве фундамента при возведении колокольни Виленского кафедрального костела святых Станислава и Владислава[1531].

Третий замок был деревянным[1532] и в письменных источниках XIV—XV вв. называется Кривым городом (лат. Curvum castrum; польск. Krzivigrod[1533]). Он располагался на берегу Вилии недалеко от горы Гедимина на нескольких холмах — Лысой горе (где сейчас установлены три креста в честь францисканских мучеников), Столовой (или Туровой) горе и, возможно, так называемой горе Бекеша[1534].

Взятие Виленского Кривого города войсками Тевтонского ордена и Витовта в сентябре 1390 г. отражено в многочисленных документальных и нарративных источниках, которые не так давно были обобщены и проанализированы С. К. Роуэллом[1535]. Их полное рассмотрение не входит в задачу настоящего исследования. В отношении «Летописца великих князей литовских» мы сосредоточим внимание лишь на двух вопросах: применение артиллерии войсками Витовта и обстоятельства трагической гибели князя Коригайла Ольгердовича.

Использование огнестрельной артиллерии в Великом княжестве Литовском переняли у Тевтонского ордена. Активно пушки стали приме-

---

[1530] Факт впервые твердо установлен В. Г. Васильевским (*Васильевский В. Г.* Где находился виленский Кривой замок // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. Т. 2 : Протоколы. С. 120—122). См. жалобу Польского королевства на Констанцском соборе 1416 г.: «...Circumvallaverunt Wilnam, qui locus est insignior in partibus Litwanie, in quo tria castra sunt situata» (CEV. S. 1009).

[1531] *Дзярновіч А. І.* Віленскія замкі // ВКЛЭ. Т. 1. С. 438.

[1532] SRP. Bd. 2. S. 643; Bd. 3. S. 165; CDP. Bd. 4. S. 114, 119.

[1533] Польское название см.: MPH. T. 3. S. 229; SRP. Bd. 2. S. 719.

[1534] *Голубович В., Голубович Е.* Кривой город — Вильно // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. Т. XI. С. 117—118; *Vaitkevičius G.* Įžanginės mintys apie Kreivąjį miestą // Lietuvos pilys. 2009. Vilnius, 2010. Nr. 5. P. 36.

[1535] *Rowell S. C.* Ką ankstyvieji rašytiniai šaltiniai byloja apie Kreivosios pilies vietą // Lietuvos pilys. Vilnius, 2009. Nr. 4 (2008). P. 112—127. См. также: *Stadnicki K.* Bracia Władysława-Jagiełły ... S. 251—254.

няться в военном деле ВКЛ начиная с 80-х гг. XIV в.[1536] Из «Летописца великих князей литовских» прямо следует, что пушки при осаде Вильно применяли не немцы, а отряды Витовта. Наличие артиллерии у Витовта в то время, кажется, подтверждается известиями Длугоша о том, что в 1392 г., возвращаясь в Великое княжество Литовское из Пруссии, Витовт взял с собой, помимо прочего, баллисты и бомбарды[1537].

Применение пушек войсками Ордена и Витовта при осаде Виленских замков в 1390 г. зафиксировано не только в «Летописце», но и в некоторых других источниках, близких к «Летописцу» по времени возникновения. Прежде всего необходимо вспомнить хронику Длугоша, согласно которой крестоносцы обстреливали из бомбард Виленский Верхний замок, в результате чего была разрушена часть стены[1538]. Об эффективных обстрелах Виленского Кривого города из пушек говорится и в интерполяции Е в хронике Быховца[1539], а также, что важно, в некоторых русских летописях, которые трудно заподозрить в заимствованиях из западных источников. Так, в Тверском сборнике сообщается: «В лето 6898... Той же осени Витовьть из Немець приходил к Вилни, и не възмя, прочь отъиде; от пушек много полегоша»[1540].

Что же касается гибели князя Коригайла Ольгердовича, то уже в первые месяцы после завершения осады Вильно в Польском королевстве и Тевтонском ордене возникли во многом противоречащие друг другу трактовки этого трагического события.

Польская версия в наиболее сконцентрированном виде отражена в таких исторических материалах, как жалоба польской делегации на Констанцском соборе 1416 г., свидетельство Збигнева Олесницкого перед папским нунцием Антонием Дзено 1422 г. (свидетель ссылался на дан-

---

[1536] *Бохан Ю. М.* Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. Мінск : Экаперспектыва, 2002. С. 184.

[1537] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 10. S. 256.

[1538] Ibid. S. 242.

[1539] «Y kniaź weliki Witolt dela zakopał na hore Turjey, na kotoroy kniaź weliki Gidymin Tura zabił y dla toho tuiu horu Tureju zowut'. Y kazał bity w horu Krywuiu, hdeż nemało toie hory Krywoie y z horodniami otbił, y ludi na horode strachom oderżymi biachu» (*Narbutt T.* Pomniki ... S. 32). Хотя, возможно, здесь кроме пушек идет также речь о минно-взрывных работах, поскольку в финансовых счетах английских наемников сообщается об участии инженеров (engynours) и минеров (mynours) в штурме Виленских замков, на что в свое время обратил внимание В. Г. Васильевский в цитированной выше работе (Rechnungen über Heinrich von Derby's Preussenfahrten. 1390—1391 und 1392 / hsgb. von H. Prutz. Leipzig : Verlag von Duncker und Humblot, 1893. S. 98; *Rowell S. C.* Ką ankstyvieji rašytiniai šaltiniai ... P. 117).

[1540] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 445. Ср. аналогичную информацию в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 11. С. 125—126).

ные, полученные от своего отца — бывшего генерального старосты Литвы Яська из Олесницы, и некоторых других людей), а также хроника Длугоша[1541]. Согласно этим источникам, князь Коригайло, в католическом крещении Казимир, возглавлял оборону Кривого города, где находилось множество воинов и беженцев — как знатных людей, так и простолюдинов (Збигнев Олесницкий и Длугош называют число 14 тыс. человек, вероятно, завышенное). Не надеясь взять Кривой город силой, крестоносцы воспользовались изменой: некоторые литвины и русины, находившиеся в Кривом городе, подожгли здания и подняли мятеж. Во время сумятицы и пожара в Кривой город ворвались немцы и устроили резню, в которой погибли или попали в плен тысячи людей. Князь Коригайло пытался пробиться в Виленский Нижний замок («aliud inferius castrum», как сказано в жалобе поляков на Констанцском соборе), но был схвачен. Его отвели к великому магистру, который приказал отрубить князю голову. При этом Збигнев Олесницкий свидетельствовал, что его отец находился в одном из каменных Виленских замков и своими глазами видел, как Коригайла вели на казнь и обезглавили люди Ордена. Голову Коригайла насадили на длинный шест или на пику и носили перед стенами Виленских Нижнего и Верхнего замков, чтобы устрашить их защитников.

Орденская версия была сформулирована в первые месяцы после осады Вильно. Уже в сентябре 1390 г. Конрад фон Валленрод информировал своих адресатов, что, приступив к Вильно, войска Ордена сразу взяли штурмом деревянный замок. Там погибло от огня и меча до тысячи человек лучших витязей и пехоты вместе с некоторыми русскими князьями, и 2 тысячи было взято в плен. Среди прочих погиб и брат короля Польши Коригайло[1542]. Других подробностей о смерти Коригайла не сообщалось. Однако вскоре, когда польская сторона принялась публично обвинять Тевтонский орден в умышленном убийстве Коригайла, крестоносцы были вынуждены оправдываться. 8 декабря 1390 г. великий магистр писал в одном из посланий, что жалобы короля Польши не имеют под собой оснований: Коригайло был убит при штурме Виленского деревянного замка случайно в толпе других защитников, так как его никто не узнал. При этом Орден сожалел, что так произошло: лучше было бы, чтобы Коригайла взяли живым, поскольку его можно было бы обменять на братьев Ордена, которые страдали, находясь в плену на территории Великого княжества Литовского[1543]. Аналогичная версия содержится в письме, которое великий магистр направил 10 января 1391 г. польской королеве

[1541] CEV. S. 1009; *Rowell S. C.* Ką ankstyvieji rašytiniai šaltiniai ... P. 121; *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 10. S. 241—242.

[1542] CDP. Bd. 4. S. 114.

[1543] Ibid. S. 119.

Ядвиге. В нем Конрад фон Валленрод ссылается как на очевидцев и свидетелей на верховного маршала Ордена Энгельгарда Рабе и на других рыцарей. По его словам, о том, что среди убитых был князь Коригайло, крестоносцы случайно узнали от литовских перебежчиков лишь на пятый день после взятия Кривого города[1544]. На Констанцском соборе 1416 г. делегация Ордена ответила на претензии польской стороны приблизительно в том же духе, утверждая, что Коригайло погиб в толпе защитников замка и что его голову на шесте никто никогда не носил[1545].

Хотя обстоятельства гибели Коригайла изложены в «Летописце великих князей литовских» довольно лаконично, нетрудно заметить, что трактовка здесь существенно отличается как от польской, так и от орденской версий. Фактически виновными в убийстве Коригайла представлены обе стороны: немцы убили князя, но произошло это потому, что польский гарнизон Виленского Верхнего замка («Высокого города») не пустил Коригайла в замок, когда тот пытался пробиться к своим. Единственный, кто как будто оказывается ни при чем, если верить этой версии, — это, конечно же, Витовт. Версия «Летописца», таким образом, выразительно отражает мнение третьей стороны — Великого княжества Литовского, вернее, великого князя литовского Витовта.

Обращает на себя внимание также то, что в «Летописце» полностью обойдена молчанием гибель тысяч защитников Вильно и беженцев, укрывшихся в Кривом городе. При том, что эта трагическая тема отражена практически во всех других хрониках, повествующих об осаде Вильно 1390 г. Создается впечатление, что автор или его информатор по какой-то причине сознательно не затронули эту деликатную тему — как можно догадываться, потому, что в нападении Тевтонского ордена активно участвовал Витовт и упоминание о множестве жертв бросало бы тень на созданный в хронике благородный образ Витовта как патриота, поднявшего восстание против господства и засилья поляков в Великом княжестве Литовском. Говоря о падении Кривого города, автор сосредоточил внимание фактически лишь на двух аспектах: восхваление военной мощи Витовта и смерть Коригайла (при этом отводя от Витовта вину за это злодеяние). По этим причинам весьма вероятно, что при создании этого фрагмента автор основывался на некоем источнике, выражавшем официальную точку зрения великого князя литовского Витовта.

В хронике оффициала Иоганна точно называется день, в который войска Тевтонского ордена подошли к Вильно и начали штурмовать Кривой город, — 4 сентября 1390 г.[1546] Это подтверждается и данными из письма Конрада фон Валленрода о том, что крестоносцы осадили Вильно

[1544] Ibid. S. 140.
[1545] CEV. S. 1033.
[1546] SRP. Bd. 3. S. 166.

на шестой день после битвы на реке Вилии, т. е. после 28 августа 1390 г.[1547] Поэтому гибель Коригайла можно датировать либо 4 сентября 1390 г., как предложил Я. Тенговский[1548], либо ближайшими к этой дате днями.

Брак между московским великим князем Василием Дмитриевичем и княжной Софьей Витовтовной

Смысловой элемент 131

Согласно русским летописям, в том числе статье 6898 г. из Медоварцевской редакции «Летописца», в Мариенбург за княжной Софьей Витовтовной ездили московские послы Александр Поле, Александр Белеут и Селиван[1549]. Время их прибытия в Мариенбург — незадолго до 17 августа 1390 г. — надежно устанавливается на основе реляции ревельского бургомистра Иоганна Столтевота[1550].

Опираясь на другие нарративные источники, можно подтвердить целый ряд отдельных подробностей, упоминаемых в «Летописце великих князей литовских» при описании путешествия княжны Софьи Витовтовны в Москву. В соответствии с хроникой оффициала Иоганна первая часть пути действительно проходила по Балтийскому морю: приблизительно в конце августа или в сентябре 1390 г. княжна и ее спутники отправились из Данцига на кораблях[1551]. В летописях новгородско-софийского семейства отмечается, что главным послом, сопровождавшим ее в пути, был князь Иван Ольгимонтович[1552]: в Великом Новгороде хорошо знали его отца — князя Ольгимонта, который в 1388/89 гг. приезжал туда в качестве посла ВКЛ.

Путь Софьи Витовтовны на Русь описан в «Летописце великих князей литовских» неточно. Как уже отмечалось при текстологическом анализе этого фрагмента, в «Летописце» пропущена важная деталь, которая была в протографе летописной статьи 6898 г. и сохранилась только в Медоварцевской редакции: корабли прибыли из Данцига не сразу в Псков (это маловероятно по географическим причинам), а сначала в Ригу. И уже

[1547] CDP. Bd. 4. S. 114.

[1548] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 147.

[1549] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись ... С. 14; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 368; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 508; ПСРЛ. Т. 43. С. 154.

[1550] Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch ... Bd. 3. Col. 571, No 1269; CEV. S. 25—26, No 71.

[1551] «Item in desen czitin sante Wytowt sine tochter deme konige ken Moskow czu wybe; und ging czu schiffe czu Danczk, und wart do gevertiget mit der herren hulffe» (SRP. Bd. 3. S. 167).

[1552] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 368; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 508.

из Риги княжна Софья Витовтовна направилась через Ливонию сухопутным путем в Псков и далее в Великий Новгород. В псковских летописях ее проезд вообще не отражен. Следует учитывать, что в Пскове под 6898 г. местные летописцы фиксируют страшный мор[1553], хотя мы не можем точно сказать, на какие месяцы он приходился. Пребывание же Софьи Витовтовны в Великом Новгороде, напротив, известно в некоторых подробностях. В статье 6898 г. Медоварцевской редакции указывается, что ее встретили «с великою честию и дары» новгородский архиепископ Иоанн (Порфирьев), какой-то не названный по имени архимандрит (возможно, настоятель Хутынского монастыря), посадники (которыми в 1390 г. были Василий Федорович, Василий Иванович, Федор Тимофеевич, Михаил Данилович и Есиф Захарьинич[1554]), а также новгородские бояре. В цитированных выше летописях новгородско-софийского семейства уточняется, что в Великом Новгороде княжна Софья Витовтовна остановилась на «Городищи». Речь идет, видимо, о Рюриковом Городище, использовавшемся в качестве резиденции новгородских служилых князей: на тот период таким князем был Семен Лынгвен Ольгердович — двоюродный брат Витовта.

Описание приезда княжны Софьи Витовтовны в Москву в «Летописце великих князей литовских» и статье 6898 г. Медоварцевской редакции происходит из общего протографа, но оба текста подверглись определенному редактированию и взаимодополняют друг друга. Автор второй части «Летописца» вычеркнул подробности о том, что московская знать встретила Софью Витовтовну «за 30 поприщ» от Москвы (это 48—50 км, считая по 750 саженей в одном «поприще»), и некорректно отнес серпуховского князя Владимира Андреевича (1353—1410) к «братии» московского великого князя, тогда как он приходился Василию Дмитриевичу не братом, а дядей. Со своей стороны редактор статьи 6898 г. Медоварцевской редакции по политическим причинам убрал из текста имя одного из младших братьев Василия Дмитриевича — Юрия Дмитриевича.

На момент встречи звенигородскому и галицкому князю Юрию Дмитриевичу (1374—1434), который в последние годы жизни стал одним из злейших врагов Софьи Витовтовны, было 16 лет. Можайскому же князю Андрею Дмитриевичу (1382—1432) в 1390 г. исполнилось только 8 лет[1555].

По какой-то причине из статьи 6898 г. Медоварцевской редакции удалены известия о том, что на подъезде к Москве Софью Витовтовну встречало духовенство во главе с митрополитом Киприаном. Поэтому

[1553] Псковские летописи. Вып. 1. С. 24; Псковские летописи. Вып. 2. С. 29.

[1554] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 214—215.

[1555] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья … Т. 2. С. 222, 319.

соответствующее сообщение «Летописца» остается уникальным, хотя, впрочем, кажется в высшей степени достоверным.

Дата прибытия Софьи Витовтовны в Москву весьма точно зафиксирована в Рогожском летописце: «Тое же зимы в Филипово говение месяца декабря в 1 день, на память святаго пророка Наума, в четверток приведена бысть на Москву из замориа княжна Софиа...»[1556]. Эта дата полностью соответствует календарю 1390 г., и ее впоследствии повторили многие летописные своды[1557]. Меньшую точность русские летописи демонстрируют при указании даты венчания Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны, которое состоялось в московской соборной церкви Пречистой Богородицы[1558]. Хотя Рогожский летописец и некоторые более поздние летописи датируют венчание и свадебные торжества: «Тое же зимы по Крещении месяца генваря в 9 день в неделю, на память святаго мученика Полуекта»[1559], нельзя не отметить, что 9 января 1391 г. выпадало не на воскресенье, а на понедельник.

Возвращение Витовта в ВКЛ

Смысловые элементы 132—133

Содержание и хронологию событий, связанных с возвращением Витовта в Великое княжество Литовское в 1392 г., можно восстановить по трем хроникам: оффициала Иоганна, Виганда из Марбурга и Яна Длугоша.

[1556] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 158—159. По мнению М. Д. Приселкова, аналогичный текст находился в Троицкой летописи. См.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 436.

[1557] ПСРЛ. Т. 25. С. 219; ПСРЛ. Т. 8. С. 61; ПСРЛ. Т. 11. С. 123. — Н. Г. Гришина высказала мнение, что в Рогожском летописце эта дата четверг 1 декабря 1390 г. неточна и вместо нее первоначально была дата четверг 30 декабря 1389 г. (см.: *Гришина Н. Г.* Полные календарные даты Рогожского летописца // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей памяти В. И. Буганова. М. : ИРИ РАН, 2001. С. 94). Однако при этом не учтена общая хронология приезда московских послов к Витовту и путешествия Софьи Витовтовны, надежно восстанавливаемая по иным, нежели Рогожский летописец, источникам.

[1558] Ср. статью 6898 г. Медоварцевской редакции: «И венчал великаго князя Василия с великою княжною Софьею преосвященный Куприан митрополит всея Руси в соборной церкви Пречистыя на Москве», а также данные Степенной книги: «Вѣньчани же бывше въ соборной церкви Киприяномъ митрополитомъ всеа Русии, въ лѣто 6899 мѣсяца генваря 9 день» (ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. С. 413—414).

[1559] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 158—159; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 436.

В начале 1392 г. от отравления умер князь Александр Вигунт, один из младших братьев короля Владислава (Ягайла). После этого Владислав (Ягайло), опасаясь, что такая же судьба ждет и остальных его братьев, принял решение пригласить Витовта возвратиться из Пруссии и отдать ему его вотчину в Троках. О содержании тайного послания, которое было направлено Витовту, лаконично упоминает оффициал Иоганн: Витовту, в частности, было обещано вернуть наследственные владения, принадлежавшие ранее Кейстуту [1560] (т. е. Троки и всю Трокскую землю). В «Летописце великих князей литовских» события изложены таким образом, что может возникнуть ошибочное впечатление, будто Скиргайло лично ездил вместе с послом к Витовту. Например, в Виленском и Слуцком списках читаем: «Присла к нему король посла з братом своим князем Скиргаилом» (в Супрасльском здесь лакуна). Ни один источник больше не говорит о том, что Скиргайло ездил к Витовту послом в Пруссию, да это было бы и невозможно по политическим причинам, так как в этом случае трудно было бы сохранить в тайне проходящие переговоры. Зато оффициал Иоганн пишет, что, перед тем как направить посольство к Витовту, король Польши посоветовался со Скиргайлом[1561], и это кажется больше похожим на истину: вероятно, и автор второй части «Летописца» имел в виду, что посольство было направлено совместно как от имени Владислава (Ягайла), так и от имени Скиргайла, хотя выразил он эту мысль довольно неуклюже.

Тайное послание Витовту в Пруссию доставил епископ Плоцка Генрих Земовитович из мазовецкого княжеского рода Пястов, который провел у Витовта в гостях в замке Риттерсвердер три недели и, отказавшись от духовного сана, женился на родной сестре Витовта — Рынгалле Кейстутовне[1562]. По мнению исследователей, под венец молодые пошли либо в период между 4 февраля и концом июня 1392 г. (О. Бальцер)[1563], либо в период с середины апреля по конец июня (К. Ясинский)[1564]. При этом еще 19 мая 1392 г. Витовт вместе с рыцарями — гостями Тевтонского ордена ходил походом на Медники, где провел восемь дней, а уже 24 июня он открыто выступил против крестоносцев[1565].

Перед возвращением в Великое княжество Литовское Витовт пошел на хитрость: он попросил великого магистра Конрада фон Валленрода, чтобы ему разрешили разместить своих людей близ замка Георгенбург (теперь г. Юрбаркас на Немане). Поскольку у крестоносцев в Мариен-

---

[1560] SRP. Bd. 3. S. 179.

[1561] «Do wart der konig von Polan des czu rathe mit Skirgal» (Ibid.).

[1562] SRP. Bd. 2. S. 648; SRP. Bd. 3. 179; *Długosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 192.

[1563] *Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 479.

[1564] *Jasiński K.* Henryk Siemowitowic ... S. 161.

[1565] SRP. Bd. 2. S. 647; SRP. Bd. 3. 178, 180.

бурге оставался в заложниках родной брат Витовта Жигимонт (Сигизмунд) Кейстутович, они не заподозрили измену и дали разрешение. Как сообщает оффициал Иоганн, рядом с Георгенбургом расположились отряды во главе с князьями Иваном Ольгимонтовичем и Юрием Наримонтовичем[1566]. Этим фактом, кажется, можно косвенно подтвердить сообщение «Летописца» о совете, который Витовт провел с Юрием Наримонтовичем и Иваном Ольгимонтовичем перед тем, как порвать отношения с Орденом.

В день святого Иоанна Крестителя, 24 июня, Витовт сжег орденский замок Риттерсвердер, а затем еще два замка, возведенные Орденом на границах с ВКЛ, — Меттенбург и Нойгартен, и перешел на территорию Великого княжества Литовского со всеми своими людьми, имуществом и оружием. В Литве, как пишет Длугош, Витовта принял генеральный староста Ясько из Олесницы, получивший уже надлежащие инструкции из Польши. В конце июля в ВКЛ приехал король Владислав (Ягайло). 4 августа 1392 г. в Острове Витовт и Владислав (Ягайло) заключили соглашение, в соответствии с которым Витовт признавался правителем Великого княжества Литовского с ограниченными полномочиями и присягал при этом на верность королю и королеве, всему королевству и Короне Польской; верховным владетелем ВКЛ по-прежнему оставался король Польши Владислав (Ягайло)[1567]. Какого-либо одного документа с условиями соглашения, видимо, никогда не существовало. Его правовое содержание, наряду с вероятно существовавшими неофициальными договоренностями, было выражено в форме нескольких обязательств, выданных соответственно королем Владиславом (Ягайлом) и королевой Ядвигой, с одной стороны, и Витовтом и его супругой Анной — с другой. Из этих обязательств сохранились только документы Витовта и Анны, поскольку в Польском королевстве архивное дело было поставлено лучше,

---

[1566] «Item in desin selbin cziten schuff Wytowt mit dem meister, das man czu ym lys czin ken Jorginburg herczogin Ywan und herczogen Jorgen von der Belse, und dy andirn bayorn und ir gesinde, die do logen hin und her in dem lande, den der Ordin genug gegebin hatte, was sy bedorftin» (SRP. Bd. 3. S. 178).

[1567] О статусе Витовта в ВКЛ после 1392 г. см.: *Lewicki A.* Kiedy Witold został wielkim księciem Litwy? // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1894. R. 8. S. 424—436; *Kutrzeba S.* Unia Polski z Litwą. S. 478—479; *Balzer O.* Tradycya dziejowa unii polsko-litewskiej. Lwów ; Warszawa: Gubrynowicz i Syn, 1919. S. 7; *Чубатий М. Д.* Державно-правне становище украинських земль Литовской держави під кінець XIV в. // Записки Наукового товариства имени Шевченка. Львів, 1926. Т. 144—145. С. 82—83; *Halecki O.*: 1) Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. S. 138—139; 2) Witold // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie, 28-go listopada do 4-go grudnia 1930 r. T. 2 : Protokoły. Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1931. S. 364; *Kuraś S.* Litwa a Polska za czasów Jagiełły i Witolda // Lithuania. 1996. No 1/2. S. 197.

чем в ВКЛ, а документы Владислава (Ягайла) и Ядвиги теперь утрачены. Витовту возвратили Трокскую землю, и далее в документах он уже официально титуловался «dux Lithuaniae, dominus Trocensis, Luczensis etc.»[1568]. Затем из Острова, локализация которого точно пока не установлена[1569], Витовт и Владислав (Ягайло) приехали в Вильно, где польский генеральный староста Литвы официально сложил с себя полномочия.

Трудно, конечно, принять на веру утверждения автора «Летописца», что Витовту якобы рада была «вся земля Литовьская и Русская», поскольку от этой фразы так и отдает безудержной апологетикой, свойственной скорее «Похвале Витовта». С другой стороны, представляется несомненным, что у Витовта на территории ВКЛ имелась значительная политическая поддержка, поскольку, например, Длугош при описании войны 1390—1392 гг. не единожды упоминает об «изменниках» литвинах и русинах, которых боялись польские гарнизоны замков и которые готовы были помогать войскам Витовта.

Статус князя Скиргайла в Великом княжестве Литовском после 1392 г. остается не вполне ясным. По мнению ряда исследователей, в 1392—1394 гг. Витовт и Скиргайло совместно выполняли функции правителей ВКЛ, подчиняясь королю Польши Владиславу (Ягайлу), которому собственно (а вовсе не Витовту) и принадлежала идея ликвидации удельных княжеств в государстве; и лишь после смерти Скиргайла

[1568] Akta unji Polski z Litwą ... S. 26—29; *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 10. S. 256—257.

[1569] В историографии предлагались варианты локализации близ Лиды, на Подляшье, в восточной части Мазовии, близ Любартова (Острув-Любельский), под Новогородком, близ Городна и т. д. (обзор см.: *Nikodem J.* Witold wielki książę litewski ... S. 148). Т. Нарбут, а в наши дни Л. Лавреш локализовали средневековый Остров (Ostrowo) на месте старинного фольварка Острово, существовавшего близ деревень Янцевичи и Мыто Лидского района. Однако проведенная там в 1993 г. археологическая разведка не выявила материалов, которые были бы старше второй половины XVIII в. (*Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 5. S. 491; *Лаўрэш Л.* Месца заключэння Востраўскага пагаднення 1392 г. // Гістарычны альманах. 2007. Т. 13. С. 111—112; *Краўцэвіч А. К.* Ад рэдактара // Там же. С. 118). Со своей стороны замечу, что сам характер переговоров, состоявшихся между Владиславом (Ягайлом) и Витовтом в августе 1392 г., предполагал их проведение на нейтральной территории, близкой к границе Пруссии, поэтому выбор местности близ Лиды кажется странным. Учитывая участие в переговорах мазовецкого князя Генриха Земовитовича, возможно, этот средневековый Остров действительно следует искать в Мазовии, например, в каких-нибудь охотничьих угодьях. На это также указывает и то, что один из замков, сожженных Витовтом в 1392 г. перед тем, как направиться на встречу с Владиславом (Ягайлом), а именно Меттенбург, локализуется при слиянии рек Нетты, Бебжи и Бжозувки (*Maroszek J.* Dolina Biebrzy w przeszłości — do końca XVIII wieku // Białostocczyzna. 1995. No 1. S. 5).

Витовт получил единоличный контроль над всем Великим княжеством Литовским[1570]. Но нельзя сбрасывать со счетов некоторые косвенные показания источников. Главный документ, проливающий свет на взаимоотношения между Витовтом и Скиргайлом в первые несколько месяцев после Островского соглашения, — это Белзский договор между королем Владиславом (Ягайлом), князьями Скиргайлом и Витовтом, заключенный в декабре 1392 г. В нем Витовт титулуется как полноправный — «Божией милостью» — князь Литвы («von Gotis genadin herczog czv Lithaw») и выступает по отношению к Скиргайлу как князь, занимающий верховное положение, обязуясь передать ему Киев, который планировалось отобрать у князя Владимира Ольгердовича, а также Кременец и Стожек[1571]. В документе нет и намека на то, что Витовт играл по отношению к Скиргайлу какую-то подчиненную роль. Это подтверждается и анализируемыми ниже известиями «Летописца великих князей литовских», в соответствии с которыми хотя Витовт и выполнял волю короля Польши Владислава (Ягайла), но именно он, а не Скиргайло, руководил походами на Витебск и Подолье, а Скиргайло осуществлял при этом лишь вспомогательные функции. Кроме того, фрагмент о событиях за 1392—1395 гг. в «Летописце» представляет собой, по сути, рассказ о том, как Витовт последовательно приводил к подчинению и присяге различных удельных князей, смещая несогласных и непослушных; в хронике не говорится о том, что от князей, например Друцких, требовалось «бить челом в службу» не только Витовту, но и князю Скиргайлу. Можно предполагать, что в данном случае «Летописец» отражает действительный порядок вещей, так как в тех случаях, когда автор хроники имел возможность упомянуть о роли Скиргайла в событиях 1392—1395 гг., он о ней упоминал, пускай и весьма лаконично.

Мятеж князя Дмитрия Корибута

Смысловой элемент 134

Мятеж князя Дмитрия Корибута против Витовта произошел, согласно хронике оффициала Иоганна, в январе 1393 г., и хотя хронист допустил при описании некоторый анахронизм (объединив два похода Витовта — на Корибута и потом на Свидригайла под Витебск — в один поход), можно датировать это событие по крайней мере началом

[1570] *Tęgowski J.*: 1) Wprowadzanie w życie ... S. 88; 2) Zagadnienie władzy ... S. 11—14, 17; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 47.

[1571] Оригинал: BCzart. Perg. 236. — Документ ранее публиковался по копии XVIII в. с многочисленными искажениями и пропусками (см.: Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 1. S. 17—18, No 20). См. также Приложение 3, док. XV.

1393 г.[1572] Причины мятежа остаются неясными: можно лишь догадываться, что Дмитрий Корибут был недоволен возвышением Витовта в качестве великого князя литовского и запланированным перераспределением удельных княжеств в ВКЛ после заключения в декабре 1392 г. Белзского соглашения между королем Владиславом (Ягайлом), князьями Скиргайлом и Витовтом. Возможно, непосредственным поводом для восстания Дмитрия Корибута стали планы отобрать у него Новгород-Северское княжество, так как уже 23 мая 1393 г. этот удел был передан князю Федору Любартовичу, который в свою очередь лишился Владимира-Волынского[1573].

Стрыйковский объяснял причину мятежа тем, что Витовт прислал к Дмитрию Корибуту посольство с требованием принять присягу верности по отношению к нему как к великому князю литовскому, а также выплачивать обычную, принятую ранее дань с Новгород-Северского княжества. Однако Дмитрий Корибут отказался от этого и якобы заявил, что имеет больше прав на великокняжеский столец в Вильно, чем Витовт[1574]. Трудно сказать, на чем основывался Стрыйковский в данном случае и имел ли он в своем распоряжении какие-либо документы и материалы, не сохранившиеся до нашего времени. Далее он, однако, утверждает, что центром мятежа стал Новгород-Северский, где Дмитрия Корибута в конце концов будто бы и схватили вместе с его семьей (за хроникой Стрыйковского то же самое повторяет и «Хроника Литовская и Жмойтская»)[1575]. Между тем это неточность, так как согласно «Летописцу» события разворачивались не в Новгороде-Северском, а в Новогородке, и это подтверждается сообщением оффициала Иоганна, который пишет про *Малый Новгород* («vingen sie Karbuth czu Cleyne Nowgart, und santin yn gefangen deme konige von Polan»). Таким образом, и достоверность остальных подробностей о мятеже и ходе битвы между войсками Витовта и Дмитрия Корибута, приводимых Стрыйковским, вызывает серьезные сомнения.

Тот факт, что кроме Новгорода-Северского Дмитрий Корибут владел также Новогородком, доказывается еще и тем, что среди нобилей, поручившихся за него в 1388 г., были бояре из Новогородской земли, в частности Гавс и Белик[1576]. К тому же в этом поручительстве Дмитрий Кори-

---

[1572] SRP. Bd. 3. S. 185; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 108; *Nikodem J.*: 1) Kaributo maištas // Lietuvos istorijos metraštis. 2007 metai. Vilnius, 2008. P. 15—16; 2) Bunt Świdrygiełły w Witebsku // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2009. T. 32. S. 11.

[1573] Akta unji Polski z Litwą ... S. 30—31.

[1574] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 496—497.

[1575] ПСРЛ. Т. 32. С. 70.

[1576] *Русина О. В.* До атрибуції вкладних записів Лаврашівського Євангелія // Український археографічний щорічник. Київ, 2000. Вип. 3/4. С. 98—100.

бут титулуется как «князь новгородьскии и сѣверьскии»[1577]; наличие здесь союза «и», кажется, ясно указывает на то, что следует различать между собой две части его титула: первая относится к Новогородской земле и только вторая — собственно к Северской.

Место битвы близ с. Недокудово, указанное в «Летописце», точно локализовать пока не удалось. Населенного пункта с названием Недокудово на территории ВКЛ не выявлено. Однако рядом с Лидой существует д. Докудово — теперь центр сельсовета в Лидском районе[1578]. Еще одна д. Докудово имеется в Крупском районе[1579]. Замок Докудово существовал в старину также на территории бывшего Берестейского повета (теперь в Польше)[1580]. Строить какие-то гипотезы на этой основе (например, о походе Дмитрия Корибута на Лиду или Вильно, на Витебск или на Берестье), конечно, дело неблагодарное. Тем более что в «Летописце» ясно говорится о *Недокудове*, а не о *Докудове*. Можно было бы объяснить это тем, что переписчик протографа «Летописца» ошибся и исказил первоначальный текст, написав «Недокудове» вместо «на Докудове». Но в обоих списках первой редакции, где присутствует это название, — в Виленском и Слуцком, — текст читается как «на мѣсте *на* Недокудовѣ», и наличие здесь еще одного предлога «на», кажется, исключает такую версию.

Правомерно рассмотреть иную версию. Приведу аналогию: в документах XIV — начала XVI ст. на территории Друцкой волости фиксируется пара населенных пунктов, носивших названия Худово (теперь деревня Крупского района) и Недохудово (не локализовано)[1581]. Речь не о том, что летописное «Недокудово» локализуется именно здесь (это вряд ли возможно), а о том, что приставка «недо-» в данном случае, возможно, указывает на то, что населенный пункт Недохудово находился на некотором расстоянии от Худова. Иными словами, в пару к летописному «Недокудову» подходят населенные пункты не с названием «Докудово», а с названием «Кудово» и т. п. Рядом с Новогородком действительно находится д. Кудовичи (теперь Валевского сельсовета Новогрудского района)[1582]. Представляется правдоподобным, что решающее сражение между

[1577] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. S. 9; *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 39.

[1578] *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мінск : Навука і тэхніка, 1982. С. 78.

[1579] *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 104.

[1580] *Спірыдонаў М. Ф.* Берасцейскі павет у канцы XVI ст. [карта] // ВКЛЭ. Т. 1. С. 322.

[1581] *Насевіч В. Л.* У складзе Вялікага княства Літоўскага // Памяць. Гіст.-дакум. хроніка Крупскага раёна. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1999. С. 41—42.

[1582] *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. С. 128; топографическая карта N-35-088.

войсками Витовта и Дмитрия Корибута произошло в непосредственной близости от Новогородка, где он затем был пленен вместе со своей семьей.

Схваченного Дмитрия Корибута, как сообщает «Старшая хроника великих магистров», Витовт заковал в кандалы и отправил к королю Польши Владиславу (Ягайлу)[1583]. Судьба его семьи в 1393 г. в других источниках не освещается. Известно, что Дмитрий Корибут был женат на дочери рязанского великого князя Олега Ивановича[1584]. Детей от этого брака было шесть: по схеме Я. Тенговского, Анастасии и Сигизмунду на начало 1393 г. было не менее 8—9 лет, еще младше были Елена и Мария, а Федор и Иван Корибутовичи на тот момент, видимо, были еще совсем младенцами[1585].

Из заточения князь Дмитрий Корибут был освобожден после 14 ноября 1393 г., когда за него поручился тесть рязанский великий князь Олег Иванович[1586]. Во владение Дмитрию Корибуту затем был передан незначительный удел в Мяделе[1587]; в состав этого удела входило также с. Заберезынье (теперь д. Забрезье Воложинского района)[1588].

Биографии военачальников, которых Витовт направил на подавление мятежа Дмитрия Корибута, известны лишь фрагментарно. Впрочем, уверенно можно говорить о том, что такие нобили в Великом княжестве Литовском 90-х гг. XIV в. действительно жили[1589]. Согласно «Летописцу великих князей литовских», Василий Борейкович в сентябре 1395 г. был вместе с князем Ямонтом назначен наместником Смоленска, занятого войсками ВКЛ. В Салинском договоре от 12 октября 1398 г. он называется без должности («Waissil Boreiken son»), но на довольно высокой позиции среди прочих бояр[1590].

[1583] SRP. Bd. 3. S. 623.

[1584] В литературе утвердилось мнение, что ее звали Анастасией, она была вдовой друцкого князя Дмитрия Васильевича и имела от первого своего брака сыновей Андрея и Василия, но источники для таких выводов нам неизвестны (*Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Половина первая : А—И. СПб. : Изд. В. Е. Генкеля, 1871. С. 21; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику ... С. 145; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 106).

[1585] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 110—117.

[1586] Akta unji Polski z Litwą ... S. 29—30.

[1587] Документ 1522 г.: «З давныхъ часов, какъ ещо кн(я)зь Корыбутъ Мядело держалъ» (LM. Knyga Nr. 11 (1518—1523): Užrašymų knyga 11 / parengė A. Dubonis. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. P. 135).

[1588] *Груша А. И.* Вкладные записи XIV в. ... С. 63.

[1589] Биографические данные: *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė ... P. 216—217, 235—236.

[1590] *Weise E.* Die Staatsverträge ... S. 12.

Личность отца Василия Борейковича окутана легендами. В некоторых редакциях «Родословия литовских князей», созданных в первые десятилетия XVI в., утверждается, что некий нобиль Борейко жил во времена великого князя литовского Гедимина и был послан тверским великим князем Александром Михайловичем в Волынскую и Киевскую земли для сбора людей после татарского нашествия, «бѣ бо Борейко муж вельми храборъ»[1591]. Возможно, на основе этого рассказа в XVI в. возникла другая легенда — о том, что некий Борейко, который убил в поединке татарского посла, был родоначальником Ходкевичей. Твердой фактической основы под собой это сказание не имеет[1592].

Если попытаться рассмотреть реальную, а не мифическую личность Борейка, то он, очевидно, был балтом, поскольку это имя относится исследователями к категории балтских антропонимов, при том, что заимствованное в белорусском языке слово «барэйка» стало означать в одном из диалектов «толстого ребенка»[1593].

Василий Борейкович, видимо, был православным, иначе трудно объяснить его назначение смоленским наместником. Но его отец Борейко, вероятно, как и многие другие балтские нобили, до 1386—1387 гг. оставался язычником, а потом был вынужден принять католичество. В середине XV в. его дочь, супруга нобиля Олехны, записала в помянник виленских францисканцев «patrem suum Petrum alias Boreyko cum uxore sua Anna»[1594]. Таким образом, родственные связи Василия Борейковича устанавливаются следующие: его родителями были Петр Борейко и Анна, а сестрой — неизвестная по имени жена Олехны. Кроме того, у него был родной брат Стригивил Борейкович, упомянутый в одном из документов 1401 г.[1595]

Второй военачальник — Гинивил — упоминается в Салинском договоре 1398 г. как староста Троков («Gynewille houptman czu Tracken»)[1596]. Его сын Нац (Начко) Гинивилович (в католическом крещении Петр) в 1413 г. принял себе польский герб «Долива». В XV в. во владении у этого рода находились Зельва и другие земли в Волковысской волости[1597].

[1591] *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись ... С. 16; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 167.

[1592] *Radzimiński Z. L.* Sprawa odrębnego pochodzenia Chodkiewiczów litewskich i białoruskich // RTH. 1928. T. 8. S. 111—113; *Kirkiene G.* Korzenie rodu Chodkiewiczów // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2002. T. 17. S 54—55; *Dmitruk S.* Geneza rodu Chodkiewiczów // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2004. T. 21. S. 27—30.

[1593] *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов ... С. 62.

[1594] *Dunin-Kozicki Z.* Szczątek kalendarza Franciszkanów wileńskich z XV wieku // Kwartalnik Litewski. Petersburg, 1910. R. 1. T. 4. S. 9.

[1595] «Strigiwil Boreiconis» (Akta unji Polski z Litwą ... S. 37).

[1596] *Weise E.* Die Staatsverträge ... S. 12.

[1597] *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... // RTH. 1928. T. 8. S. 138—140; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė ... P. 85, 235—236; LM. Knyga Nr. 3. P. 61.

Убийство Федора Весны и мятеж князя Свидригайла в Витебске

Смысловые элементы 135—137

Дата смерти княгини Ульяны Александровны — 17 марта 1392 г. — точно устанавливается на основе летописных сообщений (в первую очередь Троицкой летописи и Рогожского летописца), а также граффито конца XIV в., обнаруженного недавно в Полоцкой Спасо-Преображенской церкви[1598]. Соответственно назначение Федора Весны наместником в Витебск следует датировать периодом между мартом и августом 1392 г., когда король Владислав (Ягайло) мог еще по своему усмотрению ставить наместников в крупные центры ВКЛ. Восстание же Свидригайла произошло не в 1392 г., как ранее считал А. Левицкий[1599], а по крайней мере уже после мятежа Дмитрия Корибута, т. е. в 1393 г.[1600] Еще 19—21 апреля 1393 г. Свидригайло якобы находился при дворе своего брата короля Владислава (Ягайла) и участвовал в переговорах с крестоносцами в Торуни[1601]. Можно было бы предположить, что в мае 1393 г. он возвратился в Витебск и убил Федора Весну, но в этом случае возникают нестыковки логистического характера: дорога из Торуни в Витебск у Свидригайла заняла бы не менее двух-трех недель, далее весть об убийстве должна была достичь Кракова, король должен был направить гонца к Витовту, Витовт должен был собрать войска, подтянуть артиллерию и т. д. — т. е. успеть все это сделать к июню 1393 г. было бы физически невозможно. Остается, следовательно, предполагать, что или источник

[1598] «[В лето 6900]. Того же лета преставися в Литве княгини [великая] Олгердова Ульяна [в черницах и в скиме], нареченная в мнишеском чину Марина, и положена бысть в Киеве в печере» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 440; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 163; ПСРЛ. Т. 25. С. 219). «Месяца марта преставися княгини великая Оульяна на память святого Олексея, человека Божия» (*Калечиц И. Л.*: 1) Исторические личности в граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1—3 лістапада 2012 г.): у 2 ч. Полацк: НПГКМЗ, 2013. Ч. 2. С. 34—35; 2) Запись о смерти Ульяны Тверской ... С. 60—61). Первый публикатор граффито И. Л. Калечиц неточно датировала смерть княгини Ульяны Александровны 1391 г., на что уже указывалось в литературе (*Полехов С. В.* Браки князя Свидригайла Ольгердовича // По любви, в правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина : сб. статей. М. : Индрик, 2014. С. 243).

[1599] *Lewicki A.* Powstanie Świdrygiełły ... S. 50.

[1600] *Nikodem J.* Bunt Świdrygiełły w Witebsku. S. 13—14.

[1601] CEV. S. 33; *Stolarczyk T.* Na karuzeli życia, czyli walki Świdrygiełły o tron litewski w latach 1392—1430 // Niebem i sercem okryta. Studia historyczne dedykowane dr Jolancie Malinowskiej / red. M. Malinowski. Toruń : Wydawn. Adam Marszałek, 2002. S. 104.

о пребывании Свидригайла в Торуни 19—21 апреля 1393 г. неточен (скажем, его перепутали со Скиргайлом), или Свидригайло убил Федора Весну гораздо раньше, в первые месяцы 1393 г., но королю Владиславу (Ягайлу) стало известно об этом лишь в мае 1393 г.

Как сообщает «Летописец великих князей литовских», на момент смерти матери и назначения Федора Весны витебским наместником Свидригайло был еще молод («князю Швитри[га]илу тогда младоу бывшу»). Это подтверждается данными генеалогических исследований, согласно которым Свидригайло был самым младшим сыном Ольгерда и родился либо в 1369 или 1370 г. (Я. Никодем), либо около 1373 г. (Я. Тенговский), либо в 1375 или 1376 г. (Т. Василевский)[1602]. Стало быть, к 1393 г. ему могло быть от 17 до 24 лет.

Мощный комплекс оборонительных сооружений Витебска в конце XIV в. состоял из каменных Верхнего и Нижнего замков[1603] и, вероятно, каменных укреплений вокруг площадки Замковой горы[1604]. По крайней мере в «Списке русских городов дальних и ближних» отмечается: «Видбеск, 3 стены камены»[1605], что можно понимать как указание на три каменных замка. Строительство их относится ко временам Ольгерда. Каменные стены Верхнего замка окружали детинец площадью 4 га и имели в основании толщину 3 м. По периметру стены Верхнего замка располагались восемь башен, имевших размеры в основании 7 × 7 × 8,8 × 8,8 м, внешний склон вала был вымощен булыжником. Аналогичные оборонительные сооружения имел Витебский Нижний замок, стены которого

[1602] *Nikodem J.* Bunt Świdrygiełły w Witebsku. S. 15; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 308.

[1603] *Сапунов А. П.* Исторические сведения о Витебском замке // Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г. Витебск : Тип. Витебского губ. правления, 1881. С. 150—151; *Ткачоў М. А., Калядзінскі Л. У.* Віцебскі Верхні замак // АНБ. С. 134—135; *Бубенька Т. С.* Віцебскі Ніжні замак // АНБ. С. 135—136; *Ткачев М. А.* Замки Беларуси. Минск : Беларусь, 2002. С. 123—124; *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры ... С. 99—100; *Ткачоў М., Чарняўская Т.* Віцебскія замкі // ВКЛЭ. Т. 1. С. 457.

[1604] *Колединский Л. В.* Верхний замок Витебска в XI—XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1991. С. 7; *Калядзінскі Л. У.* Віцебскі Верхні замак: ад Альгерда да Вітаўта (знешні выгляд паселішча і штодзённы побыт яго насельнікаў у канцы XIII — XV стагоддзях) // Краязнаўчыя запіскі. Вып. 8 : Каралеўскія і вялікакняжаскія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай : матэрыялы міжн. навук. канф. Гродна, 22—23 верасня 2011 года. Гродна : Гродзенская друкарня, 2012. С. 103; *Кушнярэвіч А. М.*: 1) Фартыфікацыйны феномен Віцебскага Верхняга замка // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага. Віцебск, 22—23 кастрычніка 2009 г. Мінск : Медысонт, 2010. С. 113; 2) Мураваная дабастыённая фартыфікацыя ... С. 117.

[1605] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 224.

окружали окольный город площадью 6 га. Общая длина каменных укреплений Верхнего и Нижнего замков составляла 1787 м[1606]. Остается неясным, были ли переданы под контроль Федора Весны все эти замки или только один из них («город», как сказано в «Летописце»).

О самом Федоре Весне известно мало. Он владел Новым Селом недалеко от Жупран[1607], а в период с 1387 по 1390 г. поручился за Гридка Константиновича (как «Федоръ Весна» без какого-либо титула или должности)[1608], но находился на довольно низкой позиции среди других поручителей. О том, что он был королевским сокольничим, мы знаем только из «Летописца великих князей литовских».

Одним из руководителей заговора 1382 г. против Кейстута, согласно «Торуньским анналам», был дядька Ягайла по имени Ходор («Codar patrui Yagell»)[1609]. Речь здесь не может идти ни о ком из Гедиминовичей, поскольку в 1382 г. из них в живых оставались только Кейстут и его младший брат Любарт (в православном крещении Дмитрий). Не подходит и кандидатура старшего брата Ягайла — Федора Ольгердовича, владевшего Кобрином, Ратном (на Волыни) и некоторыми другими землями. Выше отмечалось, что этот князь в конце 70-х гг. XIV в. находился в оппозиции к Ягайлу, так как был недоволен несправедливым наследованием великокняжеского стольца в Вильно после смерти Ольгерда и временно стал вассалом короля Венгрии и Польши Людовика Анжуйского[1610]. Возможно, автор «Торуньских анналов» ошибочно перевел с помощью латинского слова «patruus» (дядя) западнорусское слово «дядька, дядько», означавшее «воспитатель». В Великом княжестве Литовском исстари был известен обычай «дядькования», когда наследники знатных шляхетских фамилий временно отдавались на воспитание мелким нобилям или даже крестьянам[1611]. Если у Ягайла в детстве был воспитатель, которого по-простому называли «дядькой», то таким воспитателем, приближенным к Ягайлу человеком, готовившим переворот 1382 г., мог быть Федор Весна. Этим и объясняется тот факт, что столь незнатный человек был назначен наместником Витебска к неудовольствию Свидригайла.

[1606] *Колединский Л. В.* Верхний замок Витебска в XI—XVII вв. … С. 6—7; *Калядзінскі Л. У.* Віцебскі Верхні замак: ад Альгерда да Вітаўта … С. 102—103.

[1607] «Novam villam alio nomine in vulgari Nowesyolo nuncupatam, quam olim quidam Wyesna tenuit et possedit» (*Semkowicz W.* Przywileje Witołda dla Moniwida … S. 259).

[1608] *Розов В. А.* Українські грамоти … С. 47.

[1609] SRP. T. 3. S. 121.

[1610] *Wolff J.* Ród Gedymina … S. 116—120; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 57—58.

[1611] Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя. Мінск, 1989. С. 174.

Согласно гипотезе Я. Тенговского, о Федоре Весне может идти речь в поручительстве, выданном некоторыми литовскими и русскими нобилями за Жедивуда (между 1389 и 1402 гг.): соответствующий фрагмент кириллической грамоты польский исследователь транслитерировал латинским алфавитом как «S'e poručilis' ou velikogo korołolja [sic] po Żedivudu knjazja Chodoro V'esnu»[1612]. Однако, по мнению других исследователей, правильное чтение здесь «Ходорове с(ы)ну», а не «Ходоро Весну»[1613], и с этим, безусловно, можно согласиться. Таким образом, ни это поручительство за Жедивуда, ни сам Жедивуд не имеют никакого отношения к Федору Весне, который к тому же не был князем.

Следует сказать, что модель описания восстания Свидригайла и связанных с ним витебских событий, представленная в «Летописце великих князей литовских», резко расходится с моделью, которая укоренилась в польской хроникальной традиции XV—XVI вв., ведущей начало от Длугоша. Согласно хронике Длугоша, Свидригайло, завидуя, что Витовта поставили великим князем литовским, в 1392 г. бежал к крестоносцам и с их помощью начал нападать на Литву. В 1394 г. он вместе с войсками Тевтонского ордена предпринял большой поход на Вильно, завершившийся, впрочем, безрезультатно, а два года спустя все же примирился с Витовтом и во избежание дальнейших конфликтов какое-то время жил в Польше[1614]. При этом Длугош ни словом не упоминает об убийстве Федора Весны и осаде Витебска, что лишний раз доказывает, что он не был знаком со второй частью «Летописца великих князей литовских». Эта версия так или иначе отражена практически во всех последующих польских хрониках, зависимых от Длугоша, в частности ее повторяют Бернард Ваповский и Матей Меховский[1615].

[1612] *Halecki O.* Z Jana Zamojskiego inwentarza ... S. 167; *Szelińska W., Tomaszewicz J.* Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Czartoryskich w Krakowie. Cz. 1. Dokumenty z lat 1148—1506. Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1975. S. 123, No 286; *Tęgowski J.* Kniaź Iwan Żedewid (przyczynek do genealogii rodu Giedymina) // Studia historyczne z XIII—XV wieku. Wydanie jubileuszowe z okazji 75-lecia urodzin i 45-lecia pracy naukowej Profesora Kazimierza Jasińskiego. Olsztyn : WSP w Olsztynie,1995. S. 133.

[1613] Цит.: *Кузьмин А. В.* Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне» 1409—1411 гг. против Тевтонского ордена // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. Гродна, 8—9 ліпеня 2010 г. Мінск : Беларуская навука, 2011. С. 46.

[1614] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 10. S. 258, 264—265, 288.

[1615] *Wapowski B.* Dzieje Korony polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od r. 1380 do 1535. Wilno : Nakładem i czcionkami T. Glücksberga, 1847. T. 1. S. 110—111; *Miechowita M.* Cronica Polonorum. Kraków : Per Hieronymum Vietorem, 1521. S. 273—274.

Первым хронистом, попытавшимся сопоставить эту версию Длугоша с данными хроник Великого княжества Литовского, был Мартин Кромер. Он при этом опирался на данные «Летописца великих князей литовских», почерпнутые из какого-то летописного свода ВКЛ. Вначале Кромер вслед за Длугошем пишет о бегстве Свидригайла на территорию Тевтонского ордена в 1392 г., но затем, ссылаясь на «Литовскую историю» («Lituanica historia»), указывает, что Витовт выгнал Свидригайла из Витебска из-за некоего «Федора-птицелова», назначенного префектом в Витебск после смерти его матери, и это, может быть, и была та причина, по которой Свидригайло уехал в Пруссию[1616].

Стрыйковский также сначала подробно излагает версию Длугоша о том, что Свидригайло в 1392 г. уехал в Пруссию, а в 1394 г. участвовал в осаде Вильно войсками Тевтонского ордена[1617]. Но примерно в 1403 г. Свидригайло, согласно хронике Стрыйковского, по просьбе короля Владислава (Ягайла) возвратился в Великое княжество Литовское и получил Подольскую землю. В это время (sic) умерла княгиня Ульяна Александровна, и король Владислав (Ягайло) назначил наместником в Витебск Федора Весну. Раздосадованный этим Свидригайло вновь бежал в Пруссию и с помощью крестоносцев завоевал Витебск и Оршу; в этом ему также помогли сторонники из числа русинов. Федора же Весну Свидригайло приказал сбросить с замковой стены[1618]. То же самое повторено в «Хронике Литовской и Жмойтской»[1619]. Думаю, излишне говорить, что этим данным, изобилующим анахронизмами и путаницей, доверять вряд ли возможно.

В целом модель, представленная в «Летописце великих князей литовских», представляется более достоверной, чем модель, предложенная Длугошем, поскольку она гораздо лучше согласуется с комплексом иных письменных источников, позволяющих установить ход и хронологию восстания Свидригайла и последующей осады Витебска войсками Витовта и Скиргайла. Из этих источников, которые будут рассмотрены в следующем параграфе, необходимо в первую очередь назвать хронику оффициала Иоганна и финансовые счета польского королевского двора, указывающие на пребывание Свидригайла в Кракове в августе 1393 г.

[1616] *Kromer M.* De origine et rebus gestis polonorum libri XXX. Basileae : Per Ioannem Oporinum, 1555. S. 361—362; ср. также: *Bielski M.* Kronika polska Marcina Bielskiego, nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Kraków : W Drukarni Jakuba Sibeneychera, 1597. S. 278.

[1617] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 494—495.

[1618] Ibid. S. 503.

[1619] ПСРЛ. Т. 32. С. 72.

Поход Витовта на Друцк, Оршу и Витебск

Смысловые элементы 138—141

Хронология описываемых в «Летописце великих князей литовских» событий устанавливается на основе следующих источников. С 27 мая по 6 июня 1393 г. включительно князь Скиргайло находился в Менске, где встречался с рижским мещанином Германом Дасбергом по вопросам освобождения группы немецких купцов[1620]. Следовательно, можно предполагать, что Витовт объединил свои войска с отрядом Скиргайла вскоре после 6 июня в районе Менска. Вторая дата — 11 августа 1393 г. — определяется на основе финансовых счетов польского королевского двора. В этот день князь Свидригайло находился в Кракове, и, чтобы сшить ему одежду, были выделены средства на покупку 16 локтей золотистой ткани[1621]. Кроме того, известно, что к 15 августа 1393 г. Витовт и Скиргайло уже прибыли на реку Дубису в западной части Литвы для переговоров об обмене пленными с Тевтонским орденом[1622]. Таким образом, осада Орши и Витебска происходила приблизительно в последней декаде июня — первых декадах июля 1393 г., учитывая, что еще необходимо было время на доставку плененного князя Свидригайла из Витебска в Краков.

Большинство событий, описанных в этом фрагменте «Летописца», — вассальная присяга друцких князей Витовту, осада Орши, прибытие войск смоленского князя Юрия Святославича, — из других источников неизвестны. Тем не менее факт объединения войск Витовта и Скиргайла и их совместного участия в осаде Витебска подтверждается хроникой оффициала Иоганна[1623].

Средневековый Дрютеск (Друцк) исстари являлся важным транзитным пунктом на Днепро-Двинском торговом пути[1624]. Древний детинец Друцка располагался на правом высоком берегу реки Друть, в центре современной одноименной деревни Толочинского района. Размеры площадки детинца составляли 140 × 80 м, высота над уровнем реки — 22 м. С севера к детинцу примыкал окольный город (170 × 100 м), обнесенный валом высотой до 7 м и рвом[1625]. Границы самого Друцкого княжества

[1620] CEV. S. 34; *Halecki O.* Z Jana Zamojskiego inwentarza ... S. 166; Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2. S. 25; *Лицкевич О. В.* Документы по истории Менской земли за 1386—1393 гг. С. 13—14.

[1621] Rachunki ... S. 161.

[1622] SRP. Bd. 3. S. 189, 625; *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 72.

[1623] «Item in desin cziten was Wytowt und Skirgal czu Witwiskin, und wordin vaste czweytrechtig undereynander» (SRP. Bd. 3. S. 185).

[1624] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. М. : Наука, 2006. Кн. 1. С. 47.

[1625] *Алексеев Л. В.* Древний Друцк : (Письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001—2001 // Российская археология. 2002. № 1. С. 75—77.

в XIV в. определить довольно трудно, если вообще возможно, за неимением источников. В общих чертах можно судить, что оно граничило на западе с Борисовской волостью, на северо-западе с Лукомским княжеством, на северо-востоке и востоке с Оршанской и Копысской волостями Витебской земли, а на юге с Тетеринской и Могилевской волостями. По источникам второй половины XV—XVI в. видно, что некоторые ветви Друцкого княжеского дома владели землями и вне указанной выше территории, например, волостями Горы, Басея и Сова близ границы со Смоленской землей, но невозможно сказать, существовала ли такая ситуация уже в XIV в., поскольку эти владения могли быть получены в качестве выслуги от великого князя Витовта и его преемников в XV в.[1626]

Кто же персонально из друцких князей, согласно «Летописцу великих князей литовских», в июне 1393 г. встретил Витовта и «ударил челом в службу»? Поиск точного ответа на этот вопрос сопряжен с некоторыми трудностями, поскольку среди исследователей не сложилось единого мнения относительно истории рода друцких князей во второй половине XIV в.

Твердо установлено существование друцкого князя Василия Михайловича, известного по вкладной записи второй половины XIV в. в Друцком Евангелии и одному из документов 80-х гг. XIV в., выданному полоцким князем Андреем Ольгердовичем. Женой Василия Михайловича была княгиня Василиса[1627].

1. Схема «Василий Михайлович — Семен Михайлович». Согласно одному из поздних родословцев, у Василия Михайловича был брат Семен Михайлович. Оба они имели сыновей по имени Дмитрий.

Дмитрий Васильевич был женат на дочери рязанского великого князя Олега Ивановича, которая, овдовев, вышла замуж за князя Дмитрия Корибута Ольгердовича. Под 1372 г. он упоминается в летописях (в качестве «князя Дмитреа Дрютского») как участник похода войск ВКЛ на земли Московского государства вместе с Кейстутом и Андреем Ольгердовичем.

[1626] Подробнее о владениях друцких князей см.: *Любавский М. К.* Областное деление … С. 253; *Насевіч В. Л.* Друцкае княства і князі Друцкія. С. 51 (карта); *Левко О. Н.*: 1) Друцк и Друцкая волость (историко-археологическая реконструкция) // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к научно-практ. конф. Витебск: [б. и.], 2001. С. 9, 14; 2) Друцк — племенной и волостной центр. Территория волости // Друцк : Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX—XII вв., летопись древних слоев, князья Друцкие и их владения в XIII—XVIII вв. / О. Н. Левко [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2014. С. 61. Еще ждут детального анализа недавно опубликованные новые документы: *Мікульскі Ю. Н.* Беларускія граматы 1460—1544 гг. … С. 163—175.

[1627] Друцк летапісны. Друцкае Евангелле. С. 270; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 74; *Варонін В. А.* Друцкія князі XIV стагоддзя … С. 11.

Сын этого друцкого князя Дмитрия Васильевича — Андрей — погиб в битве с татарами на реке Ворскле в 1399 г.

У князя Дмитрия Семеновича было четыре сына — Семен, Иван, Михаил Подберезский, Александр. Трое последних тоже погибли на реке Ворскле. Друцкий князь Семен Дмитриевич впервые упоминается в документе 1401 г.; он воспитывал дочь своей сестры Софью Гольшанскую, которая вышла замуж за короля Польши Владислава (Ягайла).

Так в целом выглядит родословие друцких князей по исследованиям Ю. Вольфа и В. Л. Носевича[1628].

2. Схема с Андреем Ольгердовичем. Н. Н. Яковенко относит к потомкам Андрея Ольгердовича всю ветвь друцких князей, начиная с Семена Дмитриевича[1629]. Никакими фактическими данными это предположение не подкреплено.

3. Схема с Дмитрием Ольгердовичем. Существует также гипотеза, что, начиная с упоминавшегося выше летописного сообщения 1372 г., в источниках в качестве друцкого князя фигурирует Дмитрий Ольгердович, один из старших сыновей Ольгерда от брака с витебской княжной. Впервые эту идею высказал, кажется, Ю. Пузына[1630]. Согласно Я. Тенговскому, сыновьями Дмитрия Ольгердовича были друцкие князья Глеб, Иван Киндырь, Михаил и Семен (воспитатель Софьи Гольшанской)[1631]. Аналогичную точку зрения развивает В. А. Воронин, считающий, что от Дмитрия Ольгердовича происходила ветвь друцких князей, представленная Иваном Киндырем, Семеном и Глебом, а другую ветвь составляли Михаил и Александр — сыновья друцкого князя Василия Михайловича[1632]. Объективных свидетельств источников в пользу того, что Дмитрий Ольгердович был друцким князем, все же не имеется.

4. Схема «Василий Михайлович — Дмитрий Михайлович». А. В. Кузьмин отрицает происхождение друцких князей от Ольгерда (т. е. от Андрея или Дмитрия Ольгердовичей) и считает их Рюриковичами. На основе помянника Киево-Печерской лавры конца XV в., в который внесены имена предков киевского воеводы Дмитрия Ивановича Путятича-Друцкого[1633], исследователь выстраивает следующую линию происхождения друцких князей. Даниил Друцкий жил в середине — второй

[1628] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy ... S. 56, 64; *Насевіч В. Л.*: 1) Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV—XVI стст.) // Старонкі гісторыі Беларусі. Мінск : Навука і тэхніка, 1992. С. 80—104; 2) Друцкае княства і князі Друцкія. С. 51—53; 3) Друцкія // ВКЛЭ. Т. 1. С. 600.

[1629] *Яковенко Н. М.* Українська шляхта ... С. 320—323.

[1630] *Puzyna J.* O pochodzeniu kniazia Fedka Nieswizkiego // Miesięcznik heraldyczny. 1911. Nr. 5—6. S. 79.

[1631] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 74—78.

[1632] *Воронін В. А.* Друцкія князі XIV стагоддзя ... С. 25—28.

[1633] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры ... С. 31.

половине XIII в., Михаил Данилович Друцкий — на рубеже XIII и XIV вв., Михаил Михайлович Друцкий — в первой половине XIV в.; у последнего было два сына: Василий Михайлович, известный своей вкладной записью в Друцком Евангелии (эту запись А. В. Кузьмин датирует 1394 г.), и Дмитрий Михайлович, упоминаемый в летописи при описании событий 1372 г. Соответственно личность друцкого князя Дмитрия Васильевича А. В. Кузьмин считает мифической.

У князя Василия Михайловича было три сына: Лев, Глеб и Андрей. Друцкий князь Лев Васильевич фигурирует в документе 1384 г., где именуется шурином Витовта, а также вместе с отцом называется среди поручителей за Гридка Константиновича (1387—1390 гг.). Князь Глеб Васильевич вместе с князем Андреем Ольгердовичем участвовал в Куликовской битве и остался на службе в Москве; погиб он в 1411 г. Князь Андрей Васильевич погиб в битве на реке Ворскле в 1399 г. После смерти князя Василия Михайловича на его вдове женился князь Дмитрий Ольгердович.

У князя Дмитрия Михайловича соответственно были сыновья Иван Киндырь и Семен, а также дочь Александра. Когда умер князь Василий Михайлович, Иван Киндырь стал старшим в роду друцких князей и вошел в состав великокняжеской рады Витовта. После его гибели на реке Ворскле старшим друцким князем стал Семен Дмитриевич[1634].

Вслед за А. В. Кузьминым аналогичную схему родословия друцких князей принял и С. А. Рыбчонок[1635].

Следует оговориться, что предложенная А. В. Кузьминым схема не лишена некоторых противоречий и требует уточнений. Так, в качестве аргумента в пользу существования друцкого князя Андрея Васильевича (предполагаемого сына Василия Михайловича) исследователь привлекает фальсификат судебной грамоты великого князя литовского Витовта по делу между князем «Андреем Василом» и Свидригайлом[1636]. Не вполне ясно утверждение А. В. Кузьмина о том, что вдова князя Василия Михайловича могла выйти замуж за князя Дмитрия Ольгердовича между 1394 и 1398 гг. Как уже говорилось, женой князя Василия Михайловича была княгиня Василиса. У Дмитрия же Ольгердовича, согласно Любецкому синодику, супругу звали Анной[1637]. Не берусь су-

---

[1634] *Кузьмин А. В.* Опыт комментария … С. 54—61.

[1635] *Рыбчонок С. А.* Родословие князей Друцких в XIV—XVII вв. // Друцк : Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX—XII вв., летопись древних слоев, князья Друцкие и их владения в XIII—XVIII вв. / О. Н. Левко [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2014. С. 222—223.

[1636] Грамоти XIV ст. С. 61; Vitoldiana … S. 17. Подробнее об этой грамоте см.: *Полехов С. В.* Загадка грамоты Витовта (Vitoldiana, № 11): XIV или XIX век? // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 451—476.

[1637] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику … С. 28.

дить, насколько правомерно датировать вкладную запись в Друцком Евангелии 1394 г.

Впрочем, если откинуть такие дискуссионные моменты, то раннее родословие друцких князей, реконструированное А. В. Кузьминым, выглядит довольно правдоподобным, поскольку основывается на наиболее древнем помяннике (Киево-Печерской лавры) и позволяет решить некоторые вопросы, не решенные в рамках других схем: например, проблему идентификации князя Льва Друцкого. Здесь, правда, необходимо сделать еще одну существенную оговорку: максимально объективное решение вопроса о происхождении и родословии друцких князей XIV в. вряд ли возможно без сводной публикации, сопоставления и детального исследования всех известных в настоящее время родословцев и помянников, в которых они упоминаются.

Таким образом, встречать Витовта в июне 1393 г. могли представители двух старших ветвей друцких князей: Василий Михайлович и его сын Лев, а также сыновья князя Дмитрия, родословие которого остается предметом дискуссий, — Иван Дмитриевич Киндырь и Семен Дмитриевич. Рядом с ними могли находиться также представители еще одной ветви друцких князей, владевшей селом Подберезьем недалеко от Друцка: Михаил Подберезский и его брат Александр[1638]. Не следует также забывать о князьях Одинцевичах, потомках князя Ивана Одинца, согласно одному из родословцев, приехавшего «з Немец» и получившего «именья уво Друцкоу», в частности село Репухово (теперь в Оршанском районе). Во второй половине XIV в. жил внук Ивана Одинца — Андрей Михайлович, у которого были сыновья Федор и Александр и неизвестная по имени дочь, до 1390 г. вышедшая замуж за князя Жигимонта (Сигизмунда) Кейстутовича[1639].

Уверенно можно судить о том, что в первые годы правления Витовта в Великом княжестве Литовском старшинство среди друцких князей принадлежало потомкам князя Дмитрия, прежде всего Ивану Киндырю, который фигурирует в великокняжеской раде Витовта среди свидетелей Салинского договора 1398 г. («herczog Iwan von Druczka»)[1640].

Административно-территориальная принадлежность владений друцких князей в 80—90-е гг. XIV в. остается неясной. По мнению М. К. Любавского, а за ним и А. В. Кузьмина, Друцкая волость в это время входила в состав Витебской земли: в качестве аргумента в данном случае используется ссылка на анализируемый в настоящем параграфе

[1638] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 52.

[1639] *Шахматов А. А.* О Супрасльском списке западнорусской летописи. С. 15; *Kopystiański A.* Książe Michał Zygmuntowicz // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1906. R. 20. S. 74—75.

[1640] *Weise E.* Die Staatsverträge ... S. 12.

фрагмент «Летописца великих князей литовских» о походе Витовта на Витебск[1641]. Но по документальным и нарративным источникам прослеживается некоторая зависимость друцких князей (Василия Михайловича, Глеба Васильевича) и от полоцкого князя Андрея Ольгердовича — по крайней мере в период до 1387 г. Стало быть, к 1393 г. положение по какой-то причине поменялось, и Друцкая волость начала тяготеть не к Полоцку, а к Витебску.

По мнению В. Л. Носевича, слова «Летописца великих князей литовских» о том, что друцкие князья «ударили челом в службу» Витовту, могут означать, что тем самым изменялся правовой статус владения Друцкой волостью. Она уже рассматривалась не как исконная вотчина друцких князей, а как пожалование на условиях безукоризненной службы[1642]. Это отчасти подтверждается присяжной грамотой друцкого князя Семена Дмитриевича, выданной 26 января или 9 февраля 1401 г., в которой признается, что друцкий князь держит свои владения от великого князя литовского Витовта, а после его смерти — от короля Польши, верховного князя литовского Владислава (Ягайла): «Не отлучяти ми ся еѣ никоторымъ временемъ съ тымъ со всѣмъ, што коли имамъ и што ми дасть господарь мой и держю отъ него, съ тыми городми, съ мѣсты, безо лсти и безъ хитрости»[1643].

Прохождение войск Витовта мимо Менска, Борисова и Друцка нашло отражение в местной микротопонимике и преданиях, сохранявшихся в среде местного населения вплоть до XIX в. Этот вопрос неоднократно рассматривался в научной литературе[1644], и исследователи, занимающиеся белорусским фольклором и этнографией, как правило, связывают эти упоминания о Витовте с его походом на Витебск против Свидригайла:

[1641] *Любавский М. К.* Областное деление ... С. 250—251; *Кузьмин А. В.* Опыт комментария ... С. 50—51.

[1642] *Насевіч В. Л.* У складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 40.

[1643] Сборник Муханова. Изд. 2-е, доп. СПб. : Тип. Э. Праца, 1866. С. 622, № 350 (по оригиналу; дата: 1401.I.26); *Gołębiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. Warszawa : Drukarnia S. Orgelbranda, 1846. T. 1. S. 88; Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 1. S. 23, No 30 (по копии, латинским алфавитом; дата ошибочная: 1401.V.11); CEV. S. 81, No 242 (дата ошибочная: 1401. V. 11); Akta unji Polski z Litwą ... S. 41—42, № 40 (дата: 1401.I.26); *Латушкін А. М.* Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Муханава (1797—1871) // Беларускі археаграфічны штагоднік. Мінск, 2017. Вып. 18. С. 114—127 (по оригиналу, дата: 1401.I.26).

[1644] *Зайкоўскі Э. М.* Беларусы ведалі сваіх герояў // Спадчына. 1995. № 2. С. 196—198; *Гурская Ю. А.* Образ князя Витовта в народной культуре белорусов // Tautosakos darbai. Vilnius, 2005. T. XXX. С. 168—170; *Скварчэўскі Зм.* Вобраз князя Вітаўта ў міфалагічнай свядомасці беларусаў // Druvis. 2011. № 3. С. 107—109.

правда, основываясь на устаревших исторических трудах XIX в., некоторые из них ошибочно датируют этот поход 1395 г.

Рассматривая территорию от линии Менск — Игумен до линии Полоцк — Витебск, т. е. с юга на север, можно назвать следующие микротопонимы и предания, связанные с личностью Витовта. Близ Менска при большой Виленской дороге, недалеко от д. Зацень, до 1629 г. стоял большой Витовтов мост через реку Цна[1645]. Около д. Рованичская Слобода на реке Уша (теперь в Червеньском районе) этнограф П. М. Шпилевский в середине XIX в. зафиксировал следы так называемой «Витовой дороги»[1646]. Около д. Кленник (теперь агрогородок Смолевичского района), в нескольких километрах на юго-восток от Смолевичей, находилось урочище Витов Мост[1647]. Согласно данным Е. Тышкевича и П. М. Шпилевского, еще в первой половине XIX ст. находились в хорошей сохранности некоторые участки «Витовой дороги» (или «Витовки») близ д. Колюжица на реке Уша (теперь в Березинском районе). Е. Тышкевич записал народное предание о возникновении этой и других «Витовых дорог»: давным-давно здесь проходил с очень сильным войском военачальник Вит, который сам себе прокладывал дороги, засыпал болотистые местности камнями, строил на реках мосты[1648].

Далее следы этой же дороги фиксировались около деревень Мурово и Полелюм на правобережье реки Березина (теперь в Борисовском районе), а также около д. Нача (теперь в Крупском районе) и местечка Крупки[1649]. Недалеко от Начи находится д. Лошница (теперь в Борисовском районе),

---

[1645] «Почавъшы од речки Цны, одъ бывъшого мосту на той речьце Цне, прозываемого Великого Вителтового, и от млына Кенъсовъского на той же речце Цне, пры гостинъцу великомъ Виленъскомъ будучого, до именя Заценъского» (Беларускі архіў. Т. 3 (XV—XVIII ст.). Менск : Друкарня Беларускае Акадэміі Навук, 1930. С. 120).

[1646] *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю (статья пятая) // Современник. СПб., 1855. Т. 52. Отд. II. С. 49 (отдельная пагинация); *Скварчэўскі Зм.* Вобраз князя Вітаўта ... С. 108; местонахождение д. Рованичская Слобода см. на топографической карте N-35-082.

[1647] *Зайкоўскі Э. М.* Беларусы ведалі сваіх герояў. С. 196; местонахождение д. Кленник см. на топографической карте N-35-081 (урочище Витов Мост обнаружить не удалось).

[1648] *Tyszkiewicz E.* Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. S. 37—38; *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю (статья пятая). С. 9; *Гурская Ю. А.* Образ князя Витовта ... С. 169; *Скварчэўскі Зм.* Вобраз князя Вітаўта ... С. 108; местонахождение д. Колюжица см. на топографической карте N-35-082.

[1649] *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю (статья пятая). С. 9; местонахождение деревень Полелюм и Мурово см. на топографической карте N-35-070.

где согласно народному преданию также бывал князь Вит (Витовт). Как записал П. М. Шпилевский, князь Вит проходил с многочисленным войском через леса мимо Лошницы и ночью был застигнут сильной бурей. Тогда Вит приказал воинам расчистить лес и устроить ночлег на высокой горе рядом с ручьем. Воины вырыли на вершине горы яму, обложили ее шкурами и таким образом сделали постель для Вита (отсюда гору назвали Ложницей, а ручей — Ложей). Во времена П. М. Шпилевского старые люди еще могли показать место ночлега Вита на горе, которая находилась за Лошницким кладбищем и называлась Витогорьем[1650] (необходимо заметить, что близ Лошницы действительно находится ряд возвышенностей высотой от 188 до 195 м)[1651].

Далее микротопонимические следы ведут в д. Масалаи (или Маласаи; теперь населенного пункта с таким названием нет), которая существовала в XVIII—XIX вв. и располагалась недалеко от Крупок. Здесь находился небольшой, выложенный изнутри камнем колодец, известный в народе под названием «Витов колодец». По преданию, его выкопали для короля Вита, который остановился в этой местности позавтракать. Предки жителей д. Масалаи якобы подарили Виту несколько волов на пропитание его войска, а Вит, чтобы наградить их за такое гостеприимство, дал им грамоту на вольность; впоследствии, во время «польского государства», эта грамота сгорела в пожаре, и жители д. Масалаи были понижены в статусе до тяглых крестьян[1652].

Следующий микротопоним выявлен уже за пределами земель бывшей Друцкой волости — на территории современного Бешенковичского района. В 1627 г. здесь между деревнями Любжино и Прудины, недалеко от Друцкой дороги, находился «Витовтов дуб»[1653]. Далее отрезок «Витов-

---

[1650] *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю (статья четвертая) // Современник. СПб., 1854. Т. 48. Отд. II. С. 40—41 (отдельная пагинация).

[1651] Топографическая карта N-35-070.

[1652] *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю (статья четвертая). С. 45—46; *Насевіч В. Л.* У складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 41—42.

[1653] «...з Любошинъского мху у великий мохъ; з великого мху рознымъ деревъемъ у Друцкую дорогу; з Друцкое дороги у Витултовъ дубъ; з дуба Витултова у Брычовку речку; тою речкою у Прудины...» (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Витебск : Тип. Губернского правления, 1891. Вып. 22. С. 459; *Зайкоўскі Э. М.* Беларусы ведалі сваіх герояў. С. 196; *Дучыц Л. У.* Культавыя дрэвы ў Беларусі // Studia Mythologica Slavica. 2000. Nr. III. С. 57); местонахождение деревень Любжино и Прудины см. на топографической карте N-35-035, квадраты 16 : 32 и 14 : 38.

товой дороги» по состоянию на 1620 г. фиксировался близ озера Гомель к югу от Полоцка[1654].

Нельзя не заметить, что местности между Менском и Витебском, где выявлены микротопонимы и предания, связанные с личностью Витовта, составляются в выразительную линию, которая действительно могла соответствовать маршруту одного или нескольких походов Витовта. Маршрут пролегал к востоку от Борисова по линии Колюжица — Полелюм / Мурово — Лошница / Нача — Крупки — и далее на Друцк и на Оршу. Невозможно точно сказать, с каким конкретно походом Витовта связан тот или иной микротопоним, тем не менее нельзя исключать вероятности того, что по крайней мере некоторые из них относятся именно к походу на Друцк, Оршу и Витебск, состоявшемуся в июне — июле 1393 г.

Обстоятельства осады Орши в деталях нам неизвестны. Однако насчет осады Витебска некоторые интересные подробности сообщает М. Стрыйковский. Конечно, как уже неоднократно отмечалось, в целом его повествование грешит целым рядом неточностей и анахронизмов. Но его хроника ценна другим — Стрыйковский лично видел сохранившиеся следы повреждений, причиненных Витебскому Верхнему замку артиллерией Витовта. По версии Стрыйковского, события развивались следующим образом: за четыре недели осады (длительность явно преувеличена) Витовт сумел занять только Витебский Нижний замок. В каменной церкви на территории Нижнего замка он установил пушки, защитив их мощными шанцами (земляными укреплениями), и начал беспрерывно днем и ночью обстреливать Верхний замок. В конце концов защитники отступились от Свидригайла и начали сдаваться, но не из-за артиллерийского огня, а из-за недостатка провианта. Следы повреждений, осмотренные Стрыйковским, сохранялись на каменной башне Верхнего замка, которая выходила на Западную Двину и соединяла Верхний замок с Нижним. От огня пушек половина этой башни обрушилась, и позднее, между 1555 и 1573 гг., брешь была залатана деревянной конструкцией по приказу витебских воевод Стефана Збаражского и Станислава Паца. Стрыйковский осматривал эту башню, когда служил в Витебске в 1573 г.[1655] По

[1654] «...отъ Гомъля одъ устя реки, где у Гомле озеро упадаеть... по Витовтову дорогу» (Историко-юридические материалы ... Вып. 22. С. 287; *Мікульскі Ю. Н.* Матэрыялы XVI—XVII ст. з архіва былога Барыса-Глебскага Бельчыцкага манастыра ў Полацку // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2015. Вып. 2. С. 255).

[1655] «Czego ieszcze dziś iest swiadkiem wieża murowana ku Dzwinie, Wyszny zamek murowany z Niżnim drzewianym złączaiąca, ktorey y dziś połowa przez Witolda odbita y prawie odcięta stoi, ale przez kniazia Stephana Koributowicza Zbaraskiego y przez pana Stanisława Paca, woiewodow, drzewem zabudowana, ktorym vpadkom y iam się przypatrował, gdym tam pułtora lata żołnierską służył Roku 1573»

археологическим данным, именно во время осады Витебска в 1393 г. могла быть разрушена каменная церковь архангела Михаила, стоявшая на территории Верхнего замка; впоследствии ее восстановили уже из дерева на старом каменном фундаменте[1656].

Рассказ «Летописца» о смоленском великом князе Юрии Святославиче, который пришел на помощь Витовту при осаде Витебска «съ всѣми смоленскыми силами», противоречит другому фрагменту этой же хроники, в котором говорится, что Витовт, став великим князем литовским, посадил в Смоленске князя Глеба Святославича, а Юрию Святославичу дал удел в Рославле. Таким образом, остается признать, что Глеб Святославич получил столец в Смоленске не во второй половине 1392 г. и даже не в первой половине 1393 г., а чуть позже. Кстати, в отношении Юрия Святославича автор второй части «Летописца» применил ту же формулировку, что и в отношении друцких князей: «Оудари чолом великому князю Витовтоу оу службу». Если понимать слова хроники буквально, смоленский великий князь Юрий Святославич в июне — июле 1393 г. присягнул на верность великому князю литовскому Витовту и получил свое княжество из его рук как пожалование за службу. Разумеется, такое описание в «Летописце» могло быть в определенной степени тенденциозным.

В связи с участием смоленского князя Юрия Святославича в походе против Свидригайла необходимо затронуть еще один интересный вопрос. Согласно гипотезе С. В. Полехова, Свидригайло первым браком был женат на дочери Юрия Святославича. В качестве основного аргумента в данном случае используется тот факт, что в московских родословцах начиная с XVI в. утверждается, что Свидригайло и московский князь Юрий Дмитриевич были женаты на сестрах — дочерях смоленского князя Ивана Святославича, четвертого сына князя Святослава Ивановича[1657]. А поскольку в более древнем и надежном источнике — Троицкой летописи — женой московского князя Юрия Дмитриевича называется дочь не Ивана, а Юрия Святославича, то С. В. Полехов делает вывод, что в родословцы закралась ошибка и что Свидригайло также был в период до 1393 г. женат на дочери Юрия Святославича[1658]. Главное, что мешает принять эту гипотезу, — вторая дочь Юрия Святославича (если она существовала в реальности) была внучатой племянницей Свидригайла, внучкой его родной сестры Евфро-

---

(*Stryjkowski M.* Kronika … S. 503). — В «Хронике Литовской и Жмойтской» рассказ Стрыйковского повторен, но описание разрушенной башни приведено в сокращенном виде (ПСРЛ. Т. 32. С. 73).

[1656] *Калядзінскі Л. У.*: 1) Віцебская царква архангела Міхаіла // АНБ. С. 132—133; 2) Віцебскі Верхні замак: ад Альгерда да Вітаўта … С. 103.

[1657] Редкие источники по истории России. Вып. 2. С. 26—27.

[1658] *Полехов С. В.* Браки князя Свидригайла Ольгердовича. С. 237—248.

синьи. Хотя С. В. Полехов ссылается на то, что римский папа иногда разрешал браки между дядей и внучатой племянницей, все же здесь необходимо было бы более детально проанализировать практику заключения (или запрещения) таких близкородственных браков в среде православной и католической знати XIV в., тем более, что в случае со Свидригайлом никакой переписки по этому вопросу между властями ВКЛ и папской курией не выявлено. Остальная аргументация — использование в источниках слов «побратим» и «geboren frunt» при характеристике взаимоотношений между Свидригайлом и московским князем Юрием Дмитриевичем — может подходить и к варианту, что Свидригайло первым браком был женат на дочери Ивана Святославича, а Юрий Дмитриевич — соответственно на дочери его брата, Юрия Святославича.

Восходящая к польским хроникам XV—XVI вв. версия о том, что Свидригайло ходил походом на Вильно в 1394 г. и даже сумел вторично захватить Витебск в 1396 г.[1659], надежно опровергается документальными источниками. В частности, известно, что Свидригайло после своего пленения с 1393 по 1396 г. находился в Кракове, а затем уехал в Силезию и Венгрию, откуда завязал контакты с Тевтонским орденом, надеясь получить военную помощь от крестоносцев. Но поскольку в те годы наметилось сближение между Орденом и Витовтом, он примерно в 1398 г. вернулся в Польшу или в ВКЛ и в следующем году принял участие в битве на реке Ворскле[1660].

Походы Витовта в Подольскую землю, смещение киевского князя Владимира Ольгердовича и передача Киева князю Скиргайлу

Смысловые элементы 142—144

Долгое время в историографии считалось, что взятие Подольской земли Витовтом и соответственно изгнание подольского господаря Федора Кориатовича произошло в 1393 г.[1661] Определенное влияние на это

[1659] См., например: *Турчинович И. В.* Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб. : Тип. Э. Праца, 1857. С. 101—102.

[1660] *Lewicki A.* Powstanie Świdrygiełły ... S. 52; *Полехов С. В.* Наследники Витовта ... С. 132.

[1661] Например: *Skrzypek J.* Usunięcie Fedora Koriatowicza z Podola w 1393 r. // Prace historyczne w 30-lecie działalności profesorskiej S. Zakrzewskiego. Lwów : Komitet Byłych Uczni z zasiłkiem Ministerstwa W.R. i O.P., 1934. S. 315—320; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев : Наукова думка, 1987. С. 139—140; *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. Київ : Альтернативи, 1998. С. 79. — Более полный обзор литературы см.: *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 155—157; *Василенко В. О.* Політична історія ... С. 144.

мнение оказывали и сообщения «Летописца великих князей литовских». Однако целый ряд доводов, в том числе выявленный Я. Тенговским новый документальный материал, о котором пойдет речь далее, указывают на то, что упомянутые события не могли произойти ранее октября 1394 г. Как отметил Я. Куртыка, господари Подолья Федор и Василий Кориатовичи были лишены своих владений в 1394 г. отрядами под командованием Витовта; при этом Витовт действовал от имени и по распоряжению короля Польши Владислава (Ягайла), и завоевание Подолья было скоординировано с подчинением Киевской земли[1662]. Необходимо еще раз подчеркнуть, что именно король Польши Владислав (Ягайло) разработал стратегию ликвидации крупных удельных княжеств ВКЛ и непосредственно управлял ее реализацией, а Витовт был во многом лишь исполнителем замыслов своего двоюродного брата. Если в «Летописце великих князей литовских» этот процесс представлен в патриотическом ключе как способствующий централизации государства и укреплению власти Витовта, то в контексте соединения ВКЛ и Польского королевства он смотрится несколько иначе: как ни парадоксально, ликвидация крупных полуавтономных удельных княжеств, возглавляемых Гедиминовичами, в перспективе могла не усложнить, а, наоборот, облегчить инкорпорацию земель Литвы и Руси как единого целого в состав Польского королевства[1663].

В целом же с учетом нового материала возникает необходимость скорректировать взгляд на хронологию и контекст соответствующих событий, описанных во второй части «Летописца великих князей литовских».

Военно-политическая кампания по подчинению Киевской земли и смещению киевского князя Владимира Ольгердовича началась раньше, чем кампания по захвату Подольской земли. Как уже говорилось выше, 6 декабря 1392 г. в Белзе «Божией милостью князь Литвы, владетель Луцка и проч.» Витовт заключил соглашение с королем Польши, верховным князем литовским Владиславом (Ягайлом) и его братом Скиргайлом. В соответствии с этим документом он обязался передать Скиргайлу Киевскую землю со всеми городами и замками, отобрав ее у князя Владимира Ольгердовича, а также местности на Волыни — замок Кременец

[1662] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą w XIV i 1. połowie XV wieku // Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu. Kraków: Wyd. Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2000. T. 1. S. 23.

[1663] На такую мысль наводят рассуждения О. Халецкого и О. Бальцера о системе подчинения удельных княжеств ВКЛ великому князю литовскому, а после 1386 г. и после принятия соответствующих вассальных присяг — королю Польши (*Halecki O.* Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego ... S. 11—17; *Balzer O.*: 1) Stosunek Litwy do Polski. S. 307—310; 2) Istota prawna ... S. 202—203).

и волость Стожек со всеми угодьями и принадлежностями. Взамен князь Скиргайло передавал Витовту его вотчину, т. е. Троки и всю Трокскую землю[1664].

Однако помимо очевидного нежелания Владимира Ольгердовича уступать Киев дело усложнялось еще и тем, что южнорусские земли ВКЛ платили дань («выход») татарам. Эта обязанность, например, возлагалась на земян Подольской земли, что прямо следует из подольских документов рассматриваемой эпохи. По Киевской, Новгород-Северской и Брянской землям соответствующих документальных материалов за конец XIV в. не сохранилось, а на основе нумизматических источников судить об их отношениях с Ордой вряд ли возможно[1665]. Но их давняя зависимость от Орды, в том числе и в конце XIV в., доказывается текстами ханских ярлыков, которые давали великим князьям литовским начиная с времен Витовта и Тохтамыша (а может быть, и с часов Ольгерда и Мамая) права на владение Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Курской и некоторыми другими землями[1666]. По этой причине планы по

[1664] BCzart. Perg. 236.

[1665] Монетная чеканка новгород-северского князя Дмитрия Корибута и брянского князя Дмитрия Ольгердовича имела те или иные признаки имитации золотоордынских монет; то же можно сказать и о монетах Киевского княжества, имитировавших монеты хана Джанибека и чеканившихся еще до периода правления Владимира Ольгердовича; но монеты Владимира Ольгердовича в бытность его киевским князем, по всей видимости, не имитировали золотоордынские аналоги (*Гайдуков П. Г., Зайцев В. В.* «Русско-литовская» монета XIV в. из-под Севска // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск : БДУ, 2008. Вып. 4. С. 110—112; *Зайцев В. В.* Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского (1372—1379) // Нумизматика. 2010. № 1 (24). С. 12; *Хромова І.* Сосницький скарб: до питання аналізу та класифікації монет Володимира Ольгердовича // Український історичний збірник. Київ, 2010. Вип. 13. С. 22—43, здесь также литература).

[1666] *Петрунь Ф. Е.* Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну) // Східний світ. 1928. № 2. С. 136—143; *Шабульдо Ф. М.* Чи існував ярлик Мамая на українські землі? (До постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях : зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 105—114. — Кроме материала, собранного Ф. М. Шабульдо и указывающего на значительную древность отношений между великими князьями литовскими и ханами Золотой Орды, имеет смысл привлечь документы из посольств великого князя литовского Сигизмунда Старого к крымскому хану Менгли-Гирею, в которых содержится отсылка еще ко временам Ольгерда: «заховат по тому, как и предъкове наши, почонъ от царя Такътамыша и от великого князя Олкгирда» (1507 г.), «памятаючи давные дела, как предки наши с твоими предки, почонши от великого князя Олкгирда и от Витовта, а з вашое стороны от Тактомыша цара» (1512 г.). См.: LM. Knyga Nr. 7 (1506—1539): Užrašymų knyga 7 / parengė I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius : LII leidykla, 2011. P. 104, 274.

смене власти в Киеве, Новгороде-Северском, на Подолье и, вероятно, на Волыни Ягайло и Витовт должны были согласовывать с ханом Золотой Орды Тохтамышем. Соответствующее посольство к Тохтамышу направилось, видимо, в конце 1392 или в начале 1393 г. В ответ Тохтамыш прислал в Великое княжество Литовское собственное посольство во главе с Асаном и Тулу Ачжой, а также ярлык, датированный маем 1393 г. Ханские послы подтвердили, что Ягайло и Витовт могут делать то, что задумали, в волостях, традиционно находящихся «под Ордой», при условии выплаты обычной дани: «Што межи твоеѣ землѣ суть княжиня, волости давали выходъ Бѣлой Ордѣ, то намъ наше дайте, а што будеть вашеѣ державы под нами, а мы за то не стоимъ вамъ: ищите своего, а мы вамъ дамо»[1667]. Разрешение на смену власти в южнорусских землях ВКЛ фактически помещено только в тексте ярлыка на западнорусском языке, дополненном за счет посольских речей, тогда как в тюркском тексте, судя по переводу И. Н. Березина, лаконично говорится только о сборе и отправке дани: «С подданных нам волостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну»[1668].

Первый поход войск Витовта и/или короля Владислава (Ягайла) на Киев состоялся в октябре или ноябре 1393 г. Его обстоятельства остаются неизвестными. Можно лишь предполагать, что в этом походе участвовал военный отряд из Польши, в частности артиллерия, поскольку под 30 октября того года в финансовых счетах польского королевского двора отмечается, что королевский пушкарь Зброшко получил во время похода на Киев деньги для закупки баллисты[1669]. Возможно, конфликт обострился в 1393 г. после того, как в поисках союзников князь Владимир Ольгердович пошел на сближение с Москвой, о чем сохранилось ироническое упоминание в хронике Быховца («kniaź Wołodymir behał na Moskwu y tym probehał otczyznu swoiu Kijew»)[1670]. На политические и культурные контакты того периода между Москвой и Киевом косвенно указывает и наличие так называемого Киевского Евангелия, переписанного в Киеве в 6901 г., 1-го индикта (с 1 сентября 1392 г. по 31 августа 1393 г.), по распоряжению серпуховского князя Владимира Андреевича[1671].

[1667] *Розов В. А.* Українські грамоти … С. 49.

[1668] Ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392—1393 года / Издан кн. М. А. Оболенским. Казань : Тип. Н. Коковина, 1850. С. 51.

[1669] «Item Sbroschconi pixidario dni Regis, qum ad expedicionem versus Kyoviam ipsum dnum Regem direxit, ad mandatum dni Regis pro balista I marc. I gr.» (Rachunki … S. 167).

[1670] *Narbutt T.* Pomniki … S. 61.

[1671] *Транстрем Е. Э.* Описание … С. 36. — Киевское Евангелие относится в литературе к памятникам московской книжности (см.: *Вздорнов Г. И.* Исследование о Киевской Псалтыри. М. : Искусство, 1978. С. 21—22).

Известно также, что в тот же период с новой силой вспыхнула застарелая вражда между Витовтом и Скиргайлом. Так, 3 октября 1393 г. они заключили между собой новое примирительное соглашение, договорившись передавать все свои споры на суд польской королевы Ядвиги[1672]. Таким образом, первый поход на Киев, состоявшийся в октябре или ноябре 1393 г., проходил на фоне новых разногласий между Витовтом и Скиргайлом, и, видимо, это обстоятельство стало причиной того, что Владимиру Ольгердовичу удалось тогда временно сохранить за собой Киевское княжество. По крайней мере до самого конца 1393 г. и в первые два месяца 1394 г. он продолжал удерживать в своих руках Киев, так как еще 18 февраля 1394 г., выдавая поручительство за своего брата Андрея Ольгердовича, титуловался как «Wlodimirus Kyoviensis»[1673].

В целом хронология событий, описанных в анализируемом фрагменте «Летописца великих князей литовских», видится следующим образом. В конце февраля — марте 1394 г. состоялся первый поход Витовта в Подольскую землю, завершившийся без значительных результатов; впрочем, возможно, это был обманный маневр, чтобы, распустив слухи о походе на Подолье, двинуться на Киевскую землю. Весной того же года Витовт захватил западные волостные центры Киевской земли — Житомир и Овруч[1674] и вынудил киевского князя Владимира Ольгердовича к подчинению и принятию вассальной присяги. Ни в одном другом источнике, кроме «Летописца великих князей литовских» и зависимых от него хроник, эта военная операция не отражена. В августе — сентябре 1394 г. Витовт заставил Владимира Ольгердовича покинуть Киев и передал ему Копыльский удел, а Киев в следующие месяцы занял князь Скиргайло.

Наконец, 11 октября 1394 г. в Холме король Польши Владислав (Ягайло) особым документом обещал, что передаст Витовту подольский замок Каменец со всеми угодьями и принадлежностями, если с Божией помощью они смогут его взять[1675]. После этого, во второй половине октября — ноябре 1394 г., состоялся второй поход на Подольскую землю, который на этот раз увенчался успехом — Витовту удалось захватить основные подольские замки и изгнать князя Федора Кориатовича из Подолья. В рамках этой военной кампании князь Скиргайло, согласно данным «Летописца великих князей литовских», скорее всего, в ноябре 1394 г. захватил восточные форпосты Подольской земли — Звенигород (или Звиногород; теперь г. Звенигородка в Черкасской области)

[1672] Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2. S. 471.

[1673] Akta unji Polski z Litwą ... S. 32.

[1674] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Т. 1 : Литовский период. Одесса : тип. «Техник», 1912. С. 205, 239—240.

[1675] *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 172.

и Черкассы[1676]. Учитывая, что эти замки в рассматриваемый период входили в состав Подольской земли, а не Киевской, невозможно согласиться с мнением, что поход Скиргайла на Звенигород и Черкассы был якобы вызван тем, что местная, т. е. киевская, «знать оказала сопротивление новому правителю»[1677]. Следует также отклонить датирование этого похода 1393 г., предложенное П. Кулаковским[1678], поскольку, как мы видели, в том году Киевской землей (вместе с Житомирской и Овручской волостями) еще владел Владимир Ольгердович, и проход войск через нее вряд ли был возможен, а походы на Подолье начались только в 1394 г.

Гипотетически можно предполагать, что свое название Черкассы, возникшие еще в золотоордынские времена, получили от поселения черкасов — выходцев с Северного Кавказа[1679], хотя легенда XVI в. о переселении их в эти края великим князем литовским Гедимином является весьма сомнительной[1680]. В XIV в. в Черкассах существовал деревянный замок с ремесленным посадом[1681]. Подольским воеводой в Черкассах был по состоянию на 1392 г. пан Бедрих[1682]. Звенигород также входил в состав Подольской земли: он упоминается в грамоте князя Федора Кориатовича за 1391 г. для Гринька, которою, в частности, устанавливалась граница между Соколецкой и Звенигородской волостями по реке Конела (подробнее об административно-территориальном устройстве Подольской земли в рассматриваемый период мы поговорим в комментариях к «Повести о Подолье»). Тот факт, что в административном отношении

[1676] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 173; *Юркевич В.* Звиногородщина в XV—XVI вв. // Історично-географічний збірник. Київ, 1927. Т. 1. С. 13; *Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 120.

[1677] *Кузьмин А. В.* Владимир (Василий) Ольгердович // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 688—690.

[1678] *Кулаковський П.* Звинигородський повіт у Литовську добу // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2015. Т. 3. С. 207.

[1679] *Петрунь Ф. Е.* Ханські ярлики на українські землі … С. 140; *Бубенок О. Б.* Коли і хто заснував місто Черкаси? // Княжа доба: історія і культура. 2014. Вип. 8. С. 308—317.

[1680] См.: *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. Київ : [б. и.], 2005. С. 50—51, 67.

[1681] *Куштан Д. П.* Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.) : матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2006. С. 75—77.

[1682] *Микульский Ю. Н.* Новая грамота князя Федора Кориатовича 1392 г. // Беларуская даўніна. Мінск : [б. и.], 2014. Вып. 1. С. 150.

Звенигород и Черкассы в 1391—1392 гг. контролировались Федором Кориатовичем, кажется, противоречит предположению о том, что начиная с 1380 г. Звенигородская волость и Поросье были в руках татар и какое-то время Восточное Подолье было кондоминиумом Кориатовичей и татар[1683]. Четких данных о пребывании татарских кочевий в Восточном Подолье в тот период не имеется, а известия персидских авторов о действиях войск Тамерлана в 1395 г. на левобережье Днепра и на Дону довольно неконкретны; во всяком случае, говоря о том, что войска Тамерлана достигли области Манкермана (Киева) и вытеснили некоторых татарских эмиров за Днепр в «улус Хурмадая», персидские историки могли иметь в виду степные районы, лежащие к югу от Восточного Подолья[1684].

Затем оба замка называются вместе в документе польской королевы Ядвиги за 10 июля 1395 г.: «...castris in dicta terra Podolie constructis, videlicet Wowigrod et Cirkass»[1685]. Через Черкассы и Звенигород в тот период проходил важный путь, связывавший между собой Киев и подольские замки: по данным Длугоша, в 1411 г. этим путем проследовал король Владислав (Ягайло)[1686]. Еще раз Звенигород упоминается в одном из орденских документов как «Swyna horda» — пограничный замок Великого княжества Литовского, захваченный в 1416 г. татарами[1687].

Копыль (в форме «wt Копыля») впервые упоминается в Галицко-Волынской летописи под 6782 г. (1274/75 г.)[1688]. В конце XIV в. Копыль называется в дорожном справочнике Тевтонского ордена «Die Littauischen Wegeberichte» как «Cöpulle» — важный центр на пути из Новогородка в глубь страны[1689]. В рассматриваемый период на детинце летописного Копыля, располагавшемся на берегу реки Каменка, на площадке размерами 45 × 100 м находился деревянный замок, окруженный с на-

---

[1683] *Кулаковський П.* Звинигородський повіт ... С. 207—208.

[1684] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2 : Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 121, 179.

[1685] Zbiór dokumentów Małopolskich. Cz. 6. Dokumenty króla Władysława Jagiełły z lat 1386—1417 / wyd. I. Sułkowska-Kuraś, S. Kuraś. Wrocław : Wydawnictwo PAN, 1974. S. 467.

[1686] «Ex Kijow... processit Wladislaus Polonie rex per Dnyepr in Czyrkassy, Swinigroth, Sokolecz, Karawul, Braczslaw et tandem in Kamieniecz pervenit» (*Długosz J.* Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 10 et 11. 1406—1412. Varsaviae: Wydawnictwo naukowe PWN, 1997. S. 184).

[1687] CEV. S. 352.

[1688] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 873.

[1689] SRP. Bd. 2. S. 707.

польной стороны рвом шириной 20 м. Застройка в замке также была деревянной[1690].

Что интересно, в «Летописце великих князей литовских» говорится о том, что Витовт дал Владимиру Ольгердовичу Копыль, но ни словом не упоминается про Слуцк — который впоследствии стал основным центром владений князей Олельковичей, потомков Владимира Ольгердовича. Известно, что по состоянию на август 1387 г. Слуцком владел некий князь Григорий (Greorio de Sluczsko), о котором уже упоминалось выше. В «Списке русских городов дальних и ближних», содержащем несколько пластов информации второй половины XIV — первых десятилетий XV в., Копыль отнесен к киевским городам, а Слуцк — к литовским[1691]. Напрашивается вывод, что Владимир Ольгердович в 1394 г. получил Копыль именно потому, что это была одна из бывших волостей Киевской земли, а Слуцк достался ему (либо его сыновьям) не как часть Копыльской волости, а как центр отдельной волости.

По определению Стрыйковского, переданный Владимиру Ольгердовичу Копыльско-Слуцкий удел занимал территорию в 30 с лишним миль в ширину и в длину от Копыля и истоков Немана на севере до впадения реки Случь в Припять и замка Петриковичи на юге. Как засвидетельствовал хронист, границы удела «с большими волостями, с пущами, с фольварками, со дворами и озерами» провели комиссары, специально присланные для этой цели королем Владиславом (Ягайлом)[1692]; возможно, Стрыйковский руководствовался в данном случае какими-то источниками из архива князей Олельковичей, хотя, безусловно, допустил здесь некоторые анахронизмы, упомянув о фольварках, которых в конце XIV в. не существовало.

По мнению А. П. Грицкевича, удел занимал территорию от места впадения реки Случь в Припять на юге до истоков Немана на севере и охватывал территории современных Слуцкого, Копыльского, Солигорского, Любанского, Стародорожского и части Узденского, Глусского, Петриковского и Житковичского районов[1693]. Другую формулировку (по форме, но не по сути) давал М. К. Любавский, который располагал территорию удела «на верхней Случи, левом притоке Припяти, и ее притоках, а также на верхних притоках реки Ореccы, впадающей в Птичь»[1694].

[1690] *Калядзінскі Л. У.* Капыльскі замак // ВКЛЭ. Т. 2. С. 43.

[1691] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 224.

[1692] *Stryjkowski M.* Kronika … S. 498.

[1693] *Грицкевич А. П.* Древний город на Случи. Минск : Полымя, 1985. С. 6; *Грыцкевіч А. П.* Капыльскае княства // ВКЛЭ. Т. 2. С. 42.

[1694] *Любавский М. К.* Областное деление … С. 134. — Описание владений слуцких князей Олельковичей, представленное А. А. Скепьян, похоже, основывается на выводах М. К. Любавского, но содержит неточности: например, имение

Хотя точно установить границы удела по состоянию на 1394 г. не представляется возможным, можно приблизительно предполагать, что он занимал восточную часть будущего Новогородского повета в границах XVI в.: бассейны рек Мажа, Морочь, Локнея, Случь, Оресса[1695]. Позднее, согласно судной грамоте великого князя литовского Александра (от 16 января 1499 г.), удел включал в себя Слуцк со всеми прилегающими дворами (а именно Иванью, Погостом, Омговичами) и со всеми волостями Слуцкого повета, княжескими и боярскими землями. Также в его состав входил Копыль со всеми прилегающими дворами, как-то: Баславцы, Сыроватчичи[1696], Старица, Тимковичи, Скепево[1697], Колок[1698], Старое Село[1699], и всеми копыльскими волостями, княжескими и боярскими землями и имениями, «и со всими землями пашными и бортными, и з ловы, и з сеножатьми, и з реками, и с озеры, и з бобровыми гоны, с слугами путными и з людми тяглыми, и з слободичы, и з данники, и з их даньми грошовыми и медовыми, и со всими доходы, што с них сперва шло подле давного обычая»[1700].

Кроме того, Владимир Ольгердович владел с. Турец недалеко от Новогородка (теперь деревня в Кореличском районе), с которого между 1394 и 1398 гг. он записал десятину для Лавришевского монастыря[1701],

---

Скепево помещено вдоль Припяти (*Скеп'ян А. А.* Князі Слуцкія. Мінск : Беларусь, 2013. С. 20).

[1695] *Спірыдонаў М. Ф.* Новагародскі павет у канцы XVI ст. [карта] // ВКЛЭ. Т. 2. С. 364.

[1696] Местонахождение Сыроватчичей не определено.

[1697] Скепево локализуется к северо-западу от Тимковичей: в XVII в. это был фольварк, основной хозяйственный комплекс которого составляли деревни Конотопцы, Загродники, Долгое и Колодезно (*Казакоў Л. Ю.* Інвентарныя вопісы маёнткаў як крыніца па вывучэнні эвалюцыі феадальнай гаспадаркі Беларусі XVI — першай паловы XVII ст. // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI ст. у Беларусі : зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка. Мінск: БДУ, 2008. С. 82; Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 3 т. Мінск : Белкартаграфія, 2009. Т. 1. С. 126).

[1698] В одном из изданий название прочитано как «Колок», в другом — как «Коленъ»; точно это село не локализовано: оно находилось либо на месте современной д. Колки Морочского сельсовета Клецкого района (топографическая карта N-35-114), либо на месте двора Кольно, располагавшегося рядом с Петриковским замком и в XVI в. также принадлежавшего князьям Олельковичам.

[1699] Старое Село, возможно, находилось на месте современной д. Староселье Копыльского района (топографическая карта N-35-103).

[1700] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 186; Русская историческая библиотека. Т. 27 : Литовская Метрика. Отдел 1. Часть 1. Книги записей. Т. 1. СПб. : Сенатская тип., 1910. Стб. 720.

[1701] В униатской рукописи «Objasnienia praw i konstytucyow zakonnych», переписанной не ранее 1719 г. и находившейся в архиве Жировичского

что позднее в 1433/34 г. подтвердил его сын Александр (Олелько) Владимирович[1702].

Согласно документам князя Александра Владимировича за 1444/45 г., к Копыльско-Слуцкому уделу издавна принадлежали села Пасека (теперь в Стародорожском районе) и Осовец (теперь в Любанском районе)[1703].

В материалах XVI в. называются также такие села Слуцкого княжества, как Уречье, Любань, Песочное, Романово, Дороги (Старые Дороги), Ленин (на реке Случь), Белевичи, Семежево, Языль, Брановичи, Лучники, Варковичи, Безверховичи, Селище и Петриковичи[1704]. Нельзя утверждать с уверенностью, существовали ли эти села уже в конце XIV или в XV в., но в состав Копыльско-Слуцкого удела тогда могли входить их территории.

Волости Глуск и Поречье (теперь деревня в Октябрьском районе), лежащие вдоль реки Птичь, к Копыльско-Слуцкому уделу не принадлежали: в конце XIV в. ими владел гольшанский князь Иван Ольгимонтович[1705]. С юго-запада же удел граничил с землями Клецкого княжества, которым в 90-е гг. XIV в. управлял князь Ямонт Тулунтович.

Остается добавить, что последний раз князь Владимир Ольгердович упоминается 12 октября 1398 г. среди князей и нобилей ВКЛ — свидетелей Салинского договора с Тевтонским орденом, причем безо всякого титула, просто как двоюродный брат великого князя литовского Витовта — «Woldemir des irluchten fursten Allexandri vorgenant vetter»[1706]. Вероятно, вскоре после этого он скончался и был похоронен в Киево-Печерской лавре[1707].

монастыря, читаем: «Więc y na zapisanych dziesięcinach, a mianowicie na tak głowney maiętnosci Turcu od wielkiego xiążęcia Włodzimierza Olgierdowicza y od innych, co ten klasztor szkody poniosł, trudno tego opisać» (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1902. Т. 13. С. XV, XXIII, 18).

[1702] *Мікульскі Ю. Н.* Некаторыя матэрыялы да гісторыі роду князёў Алелькавічаў-Слуцкіх і г. Слуцка XV—XVI ст. (з нагоды кнігі А. А. Скеп'ян «Князі Слуцкія») // Беларуская даўніна. Мінск : [б. и.], 2014. Вып. 1. С. 160.

[1703] *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. … С. 14.

[1704] *Грицкевич А. П.* Древний город на Случи. С. 6.

[1705] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 92.

[1706] *Weise E.* Die Staatsverträge … S. 12.

[1707] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли … С. 30.

Отравление князя Скиргайла в Киеве и назначение киевским наместником Ивана Ольгимонтовича

Смысловые элементы 145—146

Помещенный во второй части «Летописца великих князей литовских» эпизод об отравлении князя Скиргайла в Киеве носит характер вставного рассказа, о чем свидетельствует фраза автора в конце «Мы же над преречоне возвратимьсѧ».

В сравнении с текстами первой редакции «Летописца великих князей литовских» во второй летописный свод ВКЛ (списки Красинского, Рачинского, Археологического общества, Ольшевский, Румянцевский, Евреиновский) вошла незначительно сокращенная переработка этого рассказа, которая не представляет самостоятельного исторического интереса. Была, в частности, заменена архаичная для XVI в. лексика; вместо слова «пир» употреблено слово «честь»; начало болезни Скиргайла датировано «на канун Крещеня в четверг»; добавлено, что в похоронах Скиргайла участвовало не только православное духовенство, но и «кияне» (жители Киева)[1708].

Стрыйковский в своей хронике повторил известия из второго летописного свода ВКЛ, добавив в свойственной ему манере вымышленные беллетризированные подробности. По его словам, преступление произошло в «фольварке» не названного по имени «игумена киевских чернецов». Там Скиргайло «без креденцу» (вероятно, это означает без накрытого стола, ср. немецкое Kredenz — стол с напитками) напился вместе с «товарищами и дворянами», и уже затем игумен поднес ему напиток с отравой. В похоронах Скиргайла участвовали киевляне, которых князь привлекал к себе своей щедростью. Само это событие хронист отнес ко времени непосредственно перед 1395 г. В конце своего повествования Стрыковский сослался на «летописцев русских и литовских», Б. Ваповского, М. Меховского и М. Кромера и отметил, что сообщение Длугоша о смерти Скиргайла (см. ниже) не является точным[1709]. Сомнительно, чтобы в распоряжении Стрыйковского была какая-либо летопись ВКЛ, которая давала бы о смерти Скиргайла иную информацию, нежели списки, сохранившиеся до нашего времени.

Рассказ о смерти Скиргайла из второго летописного свода ВКЛ, как установил В. А. Кучкин, вошел и в княжеский помянник Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны (1647—1655). В этом помяннике Скиргайло называется среди людей, погребенных в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря. При этом его смерть датирована средой 10 января 6911 (1403) г. По мнению В. А. Кучкина, составители

[1708] ПСРЛ. Т. 35. С. 101—102, 138, 159, 186, 207, 228.

[1709] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 498—499.

помянника точно рассчитали эту дату на основе календарных данных «Летописца великих князей литовских», но не учли, что 10 января 1397 г. тоже приходилось на среду[1710].

В более древнем помяннике Киево-Печерской лавры конца XV в. никаких подробностей об обстоятельствах смерти Скиргайла не помещено, но упоминается его крестное имя Иоанн, что согласуется с информацией «Летописца великих князей литовских»: «Великаго кнѧз Скиргаила, нареченнаго въ с(вя)тѡмъ кр(е)щ(е)нiи Iw(ан)»[1711]. Аналогичная запись, но без указания великокняжеского титула, находится и в Любецком синодике[1712].

В Густынской летописи (XVII в.) читается следующая статья: «Иоан князь на Киевѣ. Скиргайло Олгердович, князь Киевский, отравлен бысть от Фомы Святогорца, Софѣйского намѣстника митрополичего, в лѣто 6904; и положен бысть в церквѣ Печерской в головах святого Феодосия. Лядзские лѣтописци глаголют, яко в пещерѣ положен бысть. Посем Витолт посади на Киевском княжении Иоана Олгимундовича или Борисовича; сей Иоан потом отдаде дщер свою Софию за Ягелла, короля Полского, року 1419»[1713]. Эта статья содержит новые подробности о том, что отравление произошло в 6904 г. и что Фома был монахом одного из Афонских монастырей.

В «Хронике Литовской и Жмойтской» (XVII в.) вариант рассказа о смерти Скиргайла из второго летописного свода ВКЛ соединен с известиями хроники Стрыйковского и Густынской летописи (Фома назван «чернецом з Афонской горы»). Но добавлена информация неизвестного происхождения, которой я не нашел у Стрыйковского: «А той Фома чернец утѣк з Киева, а в Василковѣ, занедужавши, нагле умер без исповѣди, котрого потым тѣло Витолт казал з гарматы выстрелити на Днѣпр; и так згинул там. Был Скиргайло на крещении святом названый Константин и был вѣры руской, а не лядзкой»[1714]. Эти живописные детали не вызывают доверия из-за позднего происхождения источника, к тому же и крестное имя Скиргайла здесь указано неверно.

Рассмотрим теперь некоторые источники конца XIV—XV в., в которых говорится о смерти Скиргайла и которые не связаны с летописанием ВКЛ.

[1710] *Кучкин В. А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы : материалы и исследования, 1995 год. М. : Наука, 1997. С. 191—192.

[1711] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры … С. 6.

[1712] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику … С. 28.

[1713] ПСРЛ. Т. 40. С. 131.

[1714] ПСРЛ. Т. 32. С. 71.

В хронике оффициала Иоганна среди событий 1394 г. сразу после сообщения о кончине авиньонского антипапы Климента VII (16 сентября 1394 г.) помещена статья: «О смерти князя Скиргайла. Перед Рождеством Божиим умер Скиргайло, князь Руси, брат короля Польши»[1715].

Большой фрагмент о смерти Скиргайла вставлен под 1394 г. в 10-ю книгу хроники Длугоша: «Скиргайло князь, брат короля Владислава, отравлен по причине тирании. Князь Трокский Скиргайло, родной брат короля Польши Владислава, тиранически и жестоко управляя русинами, многих из них приговорил к смерти, некоторым же страшные ранения причинил, и относился к подданным тем невыносимее и тем более возрастала его жестокость, чем больше он напивался пьяным. Поэтому через одного русского священника, хотя и сам принадлежал к русскому обряду, в замке Вышгород, располагающемся близ Киева, от кубка (куда предварительно макнули палец с перстнем, в котором находилась отрава, и, растворив отраву, заразили напиток), отравился и умер, не оставив после себя потомка, и был похоронен в Печерах: настолько страшный для русинов, что и после смерти боялись его. Убежденный королем Владиславом, он дал обещание оставить греческий обряд и принять римско-католический, собирался отправиться в Рим и именно там исполнить то и другое: это намерение, однако, нарушила его внезапная смерть»[1716]. Как уже указывалось, Длугош не пользовался при составлении своей хроники второй частью «Летописца великих князей литовских». Рассказ об убийстве Скиргайла у него, конечно, перекликается с «Летописцем» в некоторых деталях: убийца — православный священник, способ убийства — отравление, Скиргайло погребен в Киево-Печерской лавре. Однако ни текстуальных, ни стилистических связей с «Летописцем» мы не находим, зато в тексте присутствуют некоторые уникальные подробности: Вышгород как место происшествия, перстень с отравой, намерение Скиргайла ехать в Рим. Датирование события 1394 г., видимо, заимствовано Длугошем из орденских хроник, у того же оффициала Иоганна. Откуда же взяты другие данные? Упоминание о том, что польский король Владислав (Ягайло) убедил Скиргайла порвать с православием, указывает на то, что источник информации необходимо искать в кругах, близких к польскому королевскому двору и высшему католическому духовенству. Таким источником мог быть краковский епископ и кардинал, бывший королевский секретарь Збигнев Олесницкий, покровитель Длугоша, сын бывшего генерального старосты Литвы Яська из Олесницы († 1413), хорошо знавшего Скиргайла[1717]. С учетом всего сказанного сообщение Длугоша имеет

[1715] «Von herczog Skirgails tode. Item vor winnachten starb Skirgal, herczoge czu Russen, des koniges bruder von Polan» (SRP. Bd. 3. S. 198).

[1716] *Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 509; 2) Annales ... Lib. 10. S. 206.

[1717] *Kornecka-Trafas A.* Olesnicki Jan. S. 763—764.

значительный вес, так как происходит из хорошо информированного источника, является независимым от «Летописца великих князей литовских» и во многом его дополняет.

Наконец, весьма ценные заметки помещены в финансовых счетах польского королевского двора Владислава (Ягайла) и Ядвиги. Они важны потому, что создавались если не одновременно, то в ближайшие дни после описываемых событий. В реестре подскарбия Гинчки за 17 января 1395 г. говорится: «За окрашенную и простую материю для необходимого по обычаю драпирования всех королевских экипажей, сшитого из черной ткани, для упомянутого съезда [королей Польши и Венгрии], по причине, связанной с господином князем Скиргайлом, дано королевским портным 10 скойцев»[1718]. Публикатор этих счетов Ф. Пекосинский предлагал датировать эту заметку 31 января 1395 г. (четвертым воскресеньем после праздника Трех королей, или Богоявления), поскольку заметка находится среди записей этого периода. Однако в тексте ясная отсылка не к четвертому, а ко второму воскресенью после праздника Трех королей («Dominica Omnis terra» по календарю 1395 г. это именно 17 января). В том же реестре за 22 января 1395 г. отмечается: «Литвошу, постельничему господина короля, который прибыл за врачом Домиником в Краков, направляясь к господину Скиргайлу, на расходы 1 фертон»[1719]. Третья запись была выявлена К. Ясинским в неизданных королевских финансовых счетах (AGAD. Rachunki królewskie. N 356. Л. 36). Она датирована 24 января 1395 г.: «На отрезы брюссельской ткани черного цвета для одежды госпожи королевы после смерти господина Скиргайла, брата господина короля»[1720]. Из этих трех заметок следует, что в январе 1395 г. у Скиргайла возникли проблемы со здоровьем, вскоре он скончался и при

[1718] «Dominica Omnis terra... Item pro filis coloratis et communibus ad consuendum tecturas omnium curruum regalium de nigro panno sartitas ad predictam conuencionem, ex causa pro parte dni ducis Skirgallonis, sartoribus regalibus datis X sc.» (Rachunki ... S. 217). Ю. Вольф, Ф. М. Шабульдо предполагали, что эта запись свидетельствует о том, что Скиргайло в январе 1395 г. якобы находился при королевском дворе в Кракове (*Wolff J.* Ród Gedymina ... S. 150; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 175). Это кажется недоразумением, так как цитируемая запись свидетельствует только о трауре в связи со смертью Скиргайла. Упоминаемый же в тексте «съезд» — это планировавшаяся встреча между королями Польши и Венгрии в Сонче (см.: Rachunki ... S. 215).

[1719] «Feria VI proxima ipso die s. Vincentii... Item Lithwossoni cubiculario dni Regis, qui pro Dominico medico Cracouiam venerat, ducendo ad dnum Skirgillonem, pro expensis I fert.» (Rachunki ... S. 215).

[1720] «Pro stamine panni bruslensis nigri coloris pro vestibus domine regine post obitum domini Skirgalonis fratris domini regis» (*Jasiński K.* [Rec.] Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów. Warszawa, 1968 // Studia Źródłoznawcze. 1970. T. 15. S. 240).

польском королевском дворе по нем был объявлен траур. Дополнительно можно указать также на то, что, судя по финансовым счетам польского королевского двора, в последних декадах января 1395 г. кроме королевы Ядвиги черная ткань закупалась также для одежды короля Владислава (Ягайла) и великого князя литовского Витовта[1721].

В «Летописце великих князей литовских» представлена довольно детальная хронология отравления, болезни и смерти Скиргайла. Первые симптомы заболевания он ощутил в «канон канона» Крещения в четверг (т. е. 4 января) в Милославичах близ Киева[1722]; на Крещение в субботу (6 января) Скиргайло приехал в Киев, где и умер в следующую среду (10 января), всего проболев семь дней. Среди 90-х гг. XIV в. только два года имели такую календарную сетку: 1392 и 1397.

До открытия, сделанного К. Ясинским, в историографии предлагались следующие датировки отравления и смерти князя Скиргайла[1723].

- **1392.** Ссылаясь на хронику Стрыйковского, так считал И. Н. Данилович[1724]. И. И. Срезневский предлагал 10 января 1392 г., а в качестве альтернативы — 1396 г.[1725] После публикации Слуцкого списка «Летописца» с более полным чтением, чем в Супрасльском списке (добавлено упоминание про четверг: «оу че[тверто]*к*»), эта версия была отвергнута.
- **1394.** Версия, основанная на хрониках оффициала Иоганна и Длугоша.
- **1395.** Такую датировку принимал историк XVII в. А. Виюк-Коялович, а вслед за ним и ряд историков XIX в. (К. Стадницкий, А. И. Барбашев)[1726].

[1721] Rachunki ... S. 217.

[1722] Милославичи находились на левом берегу Днепра; упоминаются в «Списке русских городов дальних и ближних». В настоящее время — на городской территории Киева.

[1723] Еще один обзор литературы, преимущественно XIX в., см.: *Василенко В. О.* Політична історія ... С. 141—142.

[1724] *Daniłowicz I.* Latopisiec Litwy i Kronika Ruska ... S. 47.

[1725] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского языка и письма (X—XIV вв.). 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1882. Стб. 270.

[1726] *Wijuk-Kojałowicz A.* Historiae Lituanae pars altera. De rebus Lituanorum, a coniunctione magni Ducatus cum Regno Poloniae ad vnionem eorum dominiorum. Antverpiae : Apud Iacobum Mevrsivm, 1669. P. 48; *Stadnicki K.* Bracia Władysława-Jagiełły ... S. 280; *Барбашев А. И.*: 1) Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы ... С. 71; 2) Витовт: последние двадцать лет княжения. 1410—1430. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. С. 30; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / изд. П. Н. Батюшковым. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1890. С. 97 (автор текста, по некоторым данным, Н. И. Петров). Ни в одной из перечисленных работ выбор 1395 г. подробно не аргументировался.

- **1396.** Первоначально эта версия основывалась на сообщении Густынской летописи, но, как справедливо указал С. Смолька, 6904 мартовский год охватывал период с 1 марта 1396 г. по 28 февраля 1397 г. Таким образом, дата в Густынской летописи соответствует скорее январю 1397 г. — дате, рассчитываемой на основе «Летописца великих князей литовских». Ю. Вольф считал, что Скиргайло умер 15 января 1396 г., но он пользовался только Супрасльским списком, в котором пропущено слово «четверток» (четверг)[1727]. Согласно оригинальной версии А. Прохаски, Скиргайло заболел во вторник, потом в четверг на Крещение уехал в Киев и умер в следующую среду. Поскольку праздник Крещения (6 января) приходился на четверг в 1396 г., то А. Прохаска датировал смерть Скиргайла именно этим годом[1728]. Ф. М. Шабульдо датировал начало княжения Скиргайла в Киеве февралем — мартом 1395 г., его походы на Черкассы и Звенигород — концом августа — началом сентября 1395 г., а смерть — январем 1396 г.[1729] Последнюю дату Ф. М. Шабульдо, впрочем, никак не аргументировал. Январь 1396 г. вначале приняла и Е. В. Русина[1730], но, видимо, под влиянием работ польских историков она изменила свое мнение, признав наиболее вероятным периодом декабрь 1394 г.[1731]
- **1397.** На основе календарной сетки, помещенной в тексте «Летописца» (реконструируемом по Супрасльскому и Слуцкому спискам), С. Смолька рассчитал, что Скиргайло умер 10 января 1397 г., но, излагая главные выводы, почему-то назвал 11 января (если это вообще не опечатка)[1732]. Дату приняли М. С. Грушевский[1733], З. Вдовишевский[1734], И. Б. Греков[1735], Р. Ясас[1736] и многие другие исследователи.

[1727] *Wolff J.* Ród Gedymina ... S. 151.

[1728] *Prochaska A.* Przyczynki krytyczne ... S. 46.

[1729] *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 144.

[1730] *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. С. 80.

[1731] *Русина О. В.* Історія Київського князівства XIV—XV ст. у світлі нових даних // Україна крізь віки : збірник наукових праць на пошану академіка НАН України Валерія Смолія. Київ : Інститут історії України НАН України, 2010. С. 196.

[1732] *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki ... S. 32.

[1733] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1891. С. 502; *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 474.

[1734] *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonów. S. 15.

[1735] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М. : Наука, 1975. С. 205.

[1736] Lietuvos metraštis. Bychovco kronika. P. 254.

После того как К. Ясинский открыл новую заметку о смерти Скиргайла в финансовых счетах польского королевского двора, стало очевидно, что 24 января 1395 г. Скиргайла уже не было в живых. Это автоматически лишает силы все прочие версии и возвращает нас к датировке смерти Скиргайла 1394 г., как писали оффициал Иоганн и Длугош, либо первыми декадами января 1395 г. В польской историографии сначала Я. Тенговский, затем Я. Никодем вообще поставили под сомнение информацию «Летописца великих князей литовских» о том, что Скиргайло мог успеть перед смертью занять княжеский столец Киева. В итинерарии Скиргайла за 1394 г., по мнению Я. Тенговского, «трудно отыскать момент, в который Скиргайло мог бы получить столец в Киеве»: 18 февраля 1394 г. он в Долятичах (теперь д. Делятичи в Новогрудском районе), в июне того же года — при королевском дворе в Польше, с 19 августа по 3 сентября — в Малопольше, в октябре 1394 г. участвует в походе польских войск на Зольдау (теперь Дзялдово в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши)[1737]. 11 октября 1394 г. Скиргайло находился в Холме, где выступил свидетелем документа о будущей передаче Каменца-Подольского Витовту[1738]. Видимо, это одно из последних документальных упоминаний о нем как о живом, причем в титуле ничего не говорится о Киевском княжестве. В позднейших своих работах польский исследователь считал, что Скиргайло умер перед 24 декабря 1394 г., а Киевское княжество получил за месяц до смерти[1739], надо полагать, в ноябре 1394 г.

Я. Никодем отметил, что в соответствии с Белзским соглашением, заключенным в декабре 1392 г., Скиргайлу действительно были обещаны Киев, Стожек и Кременец в качестве компенсации за Полоцкую и Трокскую земли. Но о пребывании Скиргайла в Киеве, т. е. о непосредственном занятии им киевского княжеского стольца, нет никаких документальных данных: ни акта пожалования, ни вассальной присяги Скиргайла как киевского князя в отношении польского короля и Короны Польской. Известия «Летописца великих князей литовских» об отравлении Скиргайла в Киеве Я. Никодем квалифицировал как путаные и сомнительные. Информацию хроники Длугоша он также поставил под сомне-

---

[1737] *Tęgowski J.* Kiedy zmarł Skirgiełło? // Społeczeństwo i polityka do XVII wieku. Księga pamiątkowa ku czci profesora doktora Wacława Odyńca w 70-lecie urodzin. Olsztyn: WSP w Olsztynie, 1994. S. 60—62. Впрочем аналогичные подсчеты в свое время делал М. С. Грушевский, пришедший практически к тому же выводу: наиболее правдоподобно, что Скиргайло мог занять киевский столец только осенью 1394 г. (*Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 474).

[1738] *Tęgowski J.*: 1) Sprawa przyłączenia Podola ... S. 172; 2) Zagadnienie władzy ... S. 11.

[1739] *Tęgowski J.*: 1) Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 103; 2) Wprowadzanie w życie ... S. 86.

ние, так как она будто бы заимствована из «Летописца»[1740]. Однако убедительных доказательств генетической связи между этими эпизодами «Летописца» и хроники Длугоша Я. Никодем не представил. В другой своей работе он подтвердил: «Если принимаем 23 декабря (1394 г. — *О. Л.*) как дату смерти Скиргайла, весьма сомнительно, чтобы князь перед смертью сумел взять власть в Киеве»[1741]. Замечу со своей стороны, что это мнение все же спорно: после 11 октября 1395 г. в распоряжении Скиргайла оставалось еще более двух месяцев на то, чтобы обосноваться в Киеве и совершить поход на Черкассы и Звенигород.

Наконец, Я. Поверский попытался согласовать между собой хронологические данные из хроники оффициала Иоганна и «Летописца великих князей литовских». Он считал, что летописная фраза о болезни Скиргайла «на Крещение в субботу» могла первоначально звучать «на воскресение в субботу» (т. е. с субботы на воскресенье). Кто-то из копиистов захотел указать более точную дату, поэтому прочитал здесь «Крещение», а четверг трактовал как «канон канона Крещения». В 1394 г. предрождественская среда приходилась на 23 декабря, что и было как раз «каноном канону» Рождества Христова. По мнению Я. Поверского, Скиргайло заболел в Милославичах в четверг 17 декабря, в Киев вернулся в субботу, вечером 19 декабря, а умер в среду 23 декабря 1394 г.[1742] Главный недостаток этой остроумной гипотезы заключается в том, что в письменных источниках ВКЛ на западнорусском языке конца XIV — начала XV в. воскресенье обычно называлось «неделя»[1743]. Согласно «Гістарычнаму слоўніку беларускай мовы» наиболее ранний случай использования слова «воскресение» в значении «день недели» встречается в документе 1526 г.[1744]

Основными современными тенденциями при изучении обстоятельств смерти Скиргайла являются не вполне обоснованная недооценка сообще-

---

[1740] *Nikodem J.* Rola Skirgiełły ... S. 120—125.

[1741] *Nikodem J.* Uposażenie młodszych Olgierdowiców. Przyczynek do biografii Skirgiełły // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2001. T. 15. S. 25.

[1742] *Powierski J.* Czy Skirgiełło był księciem Kijowskim? // Społeczeństwo i polityka do XVII wieku. Księga pamiątkowa ku czci profesora doktora Wacława Odyńca w 70-lecie urodzin. Olsztyn : WSP, 1994. S. 68.

[1743] Ср. привилей на Трокскую и Полоцкую земли, выданный Скиргайлу 28 апреля 1387 г.: «А кончано и написано оу ловехъ Скоистерскихъ оу первую нед(е)лю по С(вя)т(о)мъ Марку еуанг(е)листе» (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 83). В «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» самый ранний пример датируется 1389 г. (ГСБМ. Вып. 20 : Невагаючийся — никогды. Мінск : Беларуская навука, 2001. С. 67). В «Словнику староукраїнської мови XIV—XV ст.» — 1378 г. (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 2. С. 35).

[1744] ГСБМ. Вып. 4 : Вкупитися — вспение. Мінск : Навука і тэхніка, 1984. С. 201.

ния из хроники Длугоша и усиление недоверия к соответствующему фрагменту «Летописца великих князей литовских» (особенно среди польских историков). Датой смерти Скиргайла признается 23 декабря 1394 г., в том числе в энциклопедии «Вялікае княства Літоўскае», где, однако, этот день указан со знаком вопроса[1745]. В «Польском биографическом словаре» как альтернативные представлены даты: перед 25 декабря 1394 г. и 11 января 1397 г.[1746] (последнюю, как мы убедились, необходимо полностью исключить из анализа).

Однако некоторые проблемы, как кажется, еще надлежащим образом не решены. Во-первых, проблема соотнесения известий хроники официала Иоганна и «Летописца великих князей литовских». Такую попытку предпринял Я. Поверский, но его гипотеза не лишена изъянов. Во-вторых, заметки в финансовых счетах польского королевского двора свидетельствуют о том, что за доктором для Скиргайла посылали в дни, непосредственно предшествовавшие 22 января 1395 г. (по крайней мере не за месяц до этой даты), а траурные одежды и драпировки для экипажей начали шить только 17 января. Это выглядит странным, если датировать смерть Скиргайла 23 декабря 1394 г., но хорошо соотносится с данными «Летописца» о том, что князь умер вскоре после праздника Крещения. В-третьих, некоторая ненадежность календарной сетки «Летописца» в рассказе об отравлении Скиргайла вынуждает слегка скорректировать наше отношение к этому источнику. Действительно, автор второй части «Летописца великих князей литовских» признался, что был «млад» и точно не может сказать, кто отравил Скиргайла, но вместе с тем его памяти хватило, чтобы записать, что Скиргайло заболел в четверг в Милославичах, приехал в Киев на Крещение в субботу и скончался в следующую среду. Таким образом, календарная сетка (четверг 4 января, суббота 6 января, среда 10 января), помещенная в «Летописце», может быть неточна в части, касающейся дней недели. Но, сопоставляя сообщение «Летописца» с финансовыми счетами польского королевского двора, можно сделать твердый вывод, что отравление Скиргайла (в том виде, как его представлял себе автор «Летописца») произошло в период, близко примыкающий к празднику Крещения, и болезнь действительно продолжалась несколько дней, так что приближенные Скиргайла успели выслать гонца из Киева в Краков за доктором.

Скиргайла могли отравить белым мышьяком (As_2O_3). Это вещество, получаемое при обжиге медных руд, нередко использовалось в Средневековье для совершения убийств, поскольку при растворении оно не дает вкуса и не окрашивает напиток. Для добавления белого мышьяка в кубок

[1745] *Пазднякоў В. С.* Скіргайла // ВКЛЭ. Т. 2. С. 582.

[1746] *Wasilewski T.* Skirgiełło Olgierdowicz // Polski słownik biograficzny. Warszawa etc., 1997—1998. T. 38. S. 167.

со спиртным напитком мог использоваться специальный перстень, о котором писал Длугош. Обычно первые симптомы отравления возникают уже через полчаса после поступления яда в организм, но если мышьяк поступил при приеме пищи, то проявление недомогания может быть отсрочено. Поэтому Скиргайло выехал после пира на охоту в Милославичи и почувствовал слабость уже там. Клиническая картина тяжелой интоксикации мышьяком включает в себя головную боль, слабость, тошноту, спастические боли в животе. Поражается центральная нервная система, желудочно-кишечный тракт, сердечно-сосудистая система, при остром отравлении развивается отек легких. При разных концентрациях яда болезнь с летальным исходом может продолжаться от 1—2 дней до 1—2 недель[1747]. Организм 40-летнего князя, воина и охотника, упорно сопротивлялся отраве, но спасти его было невозможно. Рассказ «Летописца великих князей литовских» о том, что Скиргайло болел именно семь дней, в принципе заслуживает доверия, поскольку не противоречит тому, что знает медицина о последствиях отравления мышьяком.

В январе 1395 г. праздник Крещения приходился на среду 6 января, поэтому «канон канона Крещения» — в данном случае это понедельник 4 января. В этот день Скиргайло почувствовал недомогание. В среду 6 января он приехал из Милославичей в Киев, когда опасность недуга стала очевидной для его ближайшего окружения (из ближайших слуг Скиргайла того периода источники сохранили только имя Кристина[1748]). Тогда же был отправлен гонец в Краков к королю Польши Владиславу (Ягайлу). Расстояние между Киевом и Краковом составляет приблизительно 860 км. Выносливый и опытный всадник при средней скорости от 10 до 15 км/ч преодолеет этот путь за 60—90 часов, если, конечно, будет ехать почти без перерыва, меняя в дороге коней. Если же вспомнить слова первой части «Летописца» о том, как Витовт, торопясь, доехал из Городна до Вильно всего за один день, преодолев таким образом примерно 180 км, то в данном случае специально подготовленный гонец, посланный в Краков с сообщением о тяжелой болезни Скиргайла, добрался до королевского двора примерно за 4—6 дней (10—12 января). После этого

[1747] *Линг Л. Дж., Кларк Р. Ф., Эриксон Т. Б., Трестрейл Дж. Х.* Секреты токсикологии / пер. с англ. под общей ред. Е. А. Лужникова. М. ; СПб., 2006. С. 200—201; *Гадаскина И. Д., Толоконцев Н. А.* Яды — вчера и сегодня : Очерки по истории ядов. Л. : Наука, 1988. С. 27—28; *Скальный А. В.* Химические элементы в физиологии и экологии человека. М., 2004. С. 170; *Суворов А. В.* Справочник по клинической токсикологии. Нижний Новгород, 1996. С. 127—128.

[1748] Согласно реестру подскарбия Гинчки, в 1394 г. Кристин, слуга князя Скиргайла, по устному распоряжению короля получил за коня 3 марки и еще 2 марки на другие расходы: «Item Cristino familiarii ducis Skirgellonis pro equo ad mandatum dni Regis vocale III marc. etc.» (Rachunki … S. 185).

был послан за краковским доктором Домиником королевский постельничий Литвош, и они вдвоем, видимо, срочно направились в Киев. Но к этому времени Скиргайло уже умер, это произошло на седьмой день после начала недомогания: в воскресенье 10 января 1395 г. С этим сообщением в Краков был направлен из Киева второй гонец, который прибыл к королевскому двору примерно 14—16 января. Поэтому, согласно финансовым счетам, уже 17 января был объявлен траур и начали шить черную драпировку для королевских экипажей, а также закупать черную ткань для траурных одежд. 22 января 1395 г. в Краков вернулись из Киева или с полдороги доктор Доминик и королевский постельничий Литвош, который получил из казны дополнительно 1 фертон на свои расходы. 24 января была куплена дорогая черная ткань для траурного одеяния королевы Ядвиги. Примерно так реконструируется хронология событий.

Как ни странно, наиболее неточной является датировка смерти Скиргайла, помещенная в хронике оффициала Иоганна (откуда или из другой орденской хроники эту датировку позаимствовал Длугош). Почему же орденский хронист взял праздник Рождества Христова как ориентир для определения даты смерти Скиргайла? Этому есть объяснение. В восточных раннехристианских церквах (Иерусалимской, Антиохийской, Александрийской и Кипрской) праздник Рождества Христова объединялся с праздником Крещения 6 января под общим названием Богоявления. Эта практика продолжалась в некоторых восточных церквах до конца IV или до VI вв.; а в Армянской апостольской церкви сохранилась до наших дней[1749]. Орденский хронист знал по слухам, что Скиргайло был отравлен перед Крещением, но, плохо разбираясь в праздниках русинов-«схизматиков» или ориентируясь на армянский христианский календарь, решил, что речь идет о Рождестве Христовом. Сообщение оффициала Иоганна, несмотря на его ошибку, тем не менее ценно тем, что оно косвенно подтверждает указание «Летописца» на отравление Скиргайла именно перед праздником Крещения: дата «vor winnachten» из орденской хроники оказывается искаженным вариантом нашей даты «канон канона Крещения».

Конечно, говоря о достоверности анализируемого сообщения «Летописца великих князей литовских», нельзя забывать о том, что оно написано спустя несколько десятилетий после описываемых событий, причем под явным стилистическим влиянием летописной статьи о смерти митрополита Киприана, вошедшей в выборку общерусских известий первого летописного свода ВКЛ. Следовательно, многие, если не все, детали сообщения скорее основываются на устной традиции и могут носить леген-

[1749] *Дебольский Г. С.* Дни богослужения православной кафолической восточной Церкви. Изд. 10. СПб. : И. Л. Тузов, 1901. Т. 1. С. 27.

дарный характер. Однако сопоставление с хроникой Длугоша показывает, что целый ряд указаний «Летописца» — например, сам факт отравления Скиргайла в Киеве или Вышгороде близ Киева, обвинение в этом злодеянии православного монаха и т. д. — можно считать вполне достоверными.

В первую очередь, безусловно, нас интересует вопрос, кому было выгодно убийство Скиргайла.

Личность Фомы Изуфова по другим источникам конца XIV — XV в. нам неизвестна. Данные о его жизни ограничиваются лишь рассказом «Летописца великих князей литовских» и (косвенно) хроники Длугоша, на которых так или иначе основываются все последующие источники. Существуют две гипотезы относительно происхождения этого человека. Согласно Густынской летописи и «Хронике Литовской и Жмойтской», Фома был «Святогорцем», т. е. монахом какого-то из Афонских монастырей. «Святогорцем» Фома называется и в «Истории Русской церкви» митрополита Макария[1750]. Основанием для этого стало, видимо, созвучие отчества «Изуфов» с названием болгарского мужского монастыря Зограф во имя великомученика Георгия Победоносца, основанного еще в начале X в. (он существовал также и во второй половине XIV в.)[1751]. Впрочем, в сохранившихся актах Зографа XIV—XV вв. монах Фома не упоминается[1752]. Согласно другой гипотезе, слово «Изуфов» — это искаженный вариант слова «изограф» или «изуграф» (от греч. ἰσογραφος; художник, иконописец)[1753]. Есть, впрочем, и третий вариант: отчество «Изуфов» может происходить от мужского имени «Изуф» или «Юсуф». Докопаться до истины здесь вряд ли возможно, хотя бы потому, что каждая из предложенных взаимоисключающих гипотез вполне согласуется с контекстом

[1750] *Макарий (Булгаков),* митр. История Русской церкви. Кн. 3 : История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240—1589). Отдел 1. Состояние Русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240—1448). М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1995. С. 223.

[1751] *Григорий (Лозев),* архим. Славяноболгарский Афонский монастырь св. вмч. Георгия Зограф — история и святыни : автореф. дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2009. С. 3, 14—15. Ср.: «Проигумень *изоуграфьски* иеромонах Василие» (Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1873. С. 132).

[1752] Actes de l'Athos. IV. Actes de Zographou / publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. Saint-Pétersbourg : Тип. Имп. Академии наук, 1907. [Index des noms propres].

[1753] *Росовецький С. К.* Примітки // *Грушевський М. С.* Історія української літератури : у 6 т., 9 кн. Київ : Либідь, 1995. Т. 5, кн. 1. С. 248; *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. С. 81.

событий 1395 г., связанных с отравлением Скиргайла. С одной стороны, гипотетическая принадлежность Фомы к Зографскому монастырю и соответственно его болгарское происхождение вполне правдоподобны, так как это объясняет причины, по которым Фома был приближен к митрополиту Киприану, также выходцу из Болгарии. С другой стороны, если принять, что Фома был иконописцем, то становится понятно, почему именно его могли обвинить в отравлении Скиргайла. Иконописцы имеют дело с различными химическими веществами, используемыми для составления красок, а в иконописном деле в Средние века широко применялся так называемый аурипигмент — ярко-золотистая минеральная краска. Это сульфид мышьяка As_2S_3, имеющий свойство медленно окисляться на воздухе до триоксида As_2O_3 (белого мышьяка)[1754].

В Киев Фома приехал, вероятно, в феврале 1390 г. вместе с митрополитом Киприаном, который с представительной свитой (два греческих митрополита и пять русских епископов) направлялся из Константинополя в Москву[1755]. Тогда же Фома был назначен митрополичьим наместником в Киеве. Это была высокая должность: фактически наместник, занимавший подворье близ Киевского Софийского собора, был главным представителем митрополита в Великом княжестве Литовском. Он освящал церкви, выбирал кандидатов на церковные должности, заведовал экономическими делами в литовской половине митрополии[1756]. С другой стороны, митрополичий наместник зависел не только от верховных властей ВКЛ, но и от киевского князя, как можно судить по одному из документов середины XV в.[1757] Следующие после Фомы известные нам наместники митрополита в Киеве — это архимандрит Тимофей (которого Киприан со скандалом снял с должности в 1404 г. и отправил в Москву) и архимандрит Феодосий, преемник Тимофея[1758]. Возможно, Фома по своему положению так же, как и его преемники, имел сан архимандрита. Во всяком случае он был, должно быть, иеромонахом, поскольку в «Летописце» назван «чернецом», а в хронике Длугоша — «священником» («uno Ruthenorum religioso»).

[1754] *Сланский Б.* Техника живописи. Живописные материалы. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1962. С. 39.

[1755] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 435; A thousand years of christianity in Ukraine: an encyclopedic chronology / ed. O. Zinkewych, A. Sorokowski. New York : Smoloskyp Publishers, 1988. S. 80.

[1756] *Макарий (Булгаков),* митр. История Русской церкви. Т. 3. С. 223—224; *Давиденко Д. Г.* Митрополичьи наместники в XIV—XV вв. // Религии мира : История и современность. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. С. 267. Ср.: Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. Стб. 571.

[1757] Русский феодальный архив ... Ч. 1. С. 189—190.

[1758] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 458.

Итак, Скиргайло мог прибыть в Киев для занятия княжеского стольца только в ноябре — декабре 1394 г. Пир, на который пригласил его митрополичий наместник Фома, видимо, имел ознакомительное значение: естественно, знатные люди и высшее духовенство Киева по очереди приглашали нового князя на угощение, рассчитывая выгадать для себя некоторые милости. Святочные празднества между Рождеством и Крещением как нельзя лучше подходили для этого.

В отличие от Ольгерда, восхвалявшегося летописцем за трезвый образ жизни («понеже пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла») [1759], его сын Скиргайло в памяти потомков остался пьяницей и буяном. Во многом это заслуга Длугоша, который изобразил Скиргайла человеком дерзким и неукротимым по характеру, быстрым на слово и дело, но склонным к алкоголизму, что обесценивало все природные таланты князя. В пьяном виде Скиргайло якобы кидался с оружием даже на своих друзей и приближенных, нанося им тяжелые раны и увечья. Но когда хмель выветривался из головы, князь лечил раненных, так как имел способности к медицине[1760]. Длугош считал, что Скиргайло все свое время посвящал охоте и пьянству и был, не в пример Витовту, неспособным к государственному управлению. О семейной жизни Скиргайла мы не имеем практически никаких надежных данных: имя его жены неизвестно, сыновей после себя он не оставил[1761], а упоминание в источниках о его дочери, будто бы принявшей католичество в 1393 г., весьма и весьма туманное[1762]. Фиаско потерпел Скиргайло и в политической деятельности, в борьбе против Витовта. Дополняет картину полуанекдотический случай, о которым упоминалось в одной из предыдущих глав: как жители Полоцка изгнали Скиргайла из своего города, издевательски посадив на клячу. Причиной таких злоключений могла быть не в последнюю очередь несдержанность характера и нерассудительность в поступках, присущие Скиргайлу. Гармонично согласуется с характеристикой, данной Длугошем, и сообщение «Летописца великих князей литовских» о смерти Скиргайла после пира. Заказчики этого политического убийства хорошо знали о любви Скиргайла к пирам и выбрали своим орудием именно яд, поданный в кубке с напитком.

[1759] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 117.

[1760] *Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 479; 2) Annales ... Lib. 10. S. 174.

[1761] «Начало государей литовских»: «А вторыи сын Олгердов от великие княини от Ульяны от тверянки Скиригаило бездетен» (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 597). В «Послании Спиридона-Саввы» утверждается, что у Скиргайла было два сына, которых убил Витовт, но это же путанное сочинение ошибочно называет Скиргайла братом Кейстута (*Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 166—170).

[1762] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 104.

Отравления в политических целях не были редкостью в Центральной и Восточной Европе. Затронула эта беда и род Гедиминовичей: подольского князя Юрия Кориатовича в Молдавии «волохове возма к собе его воеводою и тамо его окормили» (около 1377 г.)[1763], керновского князя Александра Вигунта Ольгердовича отравили при загадочных обстоятельствах в 1392 г. Вообще, основываясь на «Летописце великих князей литовских» и хронике Длугоша, можно предположить, что если пир проводился в относительно низком по статусу доме, то хозяин (в данном случае митрополичий наместник Фома) лично подносил самому важному гостю кубок с напитком. Таким образом он как бы символически гарантировал, что питье не отравлено. Но если, поднося кубок гостю, да еще такому важному, как князь Скиргайло, хозяин заранее знал, что напиток отравлен, то тем самым он фактически подписывал смертный приговор и себе самому. Ведь совершенно ясно было, что именно на него — хозяина дома, да к тому же иконописца или иноземца — падет основное подозрение в отравлении. Вот почему версия о причастности митрополичьего наместника Фомы к убийству Скиргайла кажется чрезвычайно шаткой. Скорее он сам стал жертвой неизвестных преступников.

Безусловно, отмеченное Длугошем намерение Скиргайла оставить православную веру и отправиться в Рим для принятия католичества дает повод подозревать в убийстве представителей духовенства. Этому, однако, противоречит погребение Скиргайла в Успенском соборе Киево-Печерской лавры рядом с гробом преподобного Феодосия Печерского, одного из основателей обители. Благосклонная к князю интонация «Летописца великих князей литовских»: «чюдныи кнѧзь Скиригаило добрыи» связана с тем, что в православной среде Великого княжества Литовского о Скиргайле сохранилась добрая память. Попытка же Длугоша объяснить факт глубокого уважения, которое русины питали к Скиргайлу, тем, что его-де боялись даже после смерти, выглядит неуклюжей и неубедительной.

Мы, кстати, не знаем и можем только догадываться о том, какой была официальная реакция светских властей ВКЛ и самого митрополита Киприана на обвинение его наместника Фомы в убийстве Скиргайла. Фантастическую версию «Хроники Литовской и Жмойтской» о том, что Витовт якобы приказал поместить тело умершего Фомы в пушку или на пушку (артиллерийские и баллистические нюансы этого действа не вполне ясны) и выстрелить на Днепр, трудно рассматривать всерьез. Внешне убийство Скиргайла, кажется, не повлияло на отношения митрополита Киприана ни с королем Польши Владиславом (Ягайлом), ни с великим князем литовским Витовтом. Спустя год после описываемых событий, в конце марта 1396 г., Киприан участвовал во встрече великого князя

[1763] См. ниже комментарий к «Повести о Подолье».

литовского Витовта и московского великого князя Василия Дмитриевича в Смоленске. Далее он долгое время находился на территории ВКЛ и, возможно, во второй половине 1396 г. встречался в Луцке с королем Владиславом (Ягайлом) для обсуждения вопросов церковной унии[1764]. Известно, что король и митрополит направили соответствующее послание о православно-католической унии константинопольскому патриарху Антонию, предлагая созвать общецерковный собор на Руси. В своем ответе (январь 1397 г.) патриарх Антоний назвал польского короля «большим другом» Киприана[1765]. Участие Киприана в переговорах о заключении церковной унии вообще лишает силы версию, что Скиргайло был убит с ведома высших церковных кругов якобы из-за своего намерения стать католиком; дружеские же отношения между Киприаном и королем Владиславом (Ягайлом) указывают на то, что даже если митрополичьего наместника и обвиняли в отравлении Скиргайла, то с самого митрополита всякие подозрения были сняты. Вернулся Киприан в Москву из Киева только 7 октября 1397 г.[1766] Таким образом, именно в указанный период, т. е. в 1396—1397 гг., мог состояться митрополичий суд над Фомой, хотя, впрочем, вероятно и то, что Фома был демонстративно осужден властями ВКЛ и казнен еще в первые месяцы 1395 г.: эхом этого стала заинтересованность митрополита Киприана в том, чтобы добиться неприкосновенности православного духовенства со стороны светских властей (можно вспомнить его суровое послание на эту тему к псковичам от 12 мая 1395 г.)[1767].

Еще одна версия — месть со стороны русинов — также восходит своими корнями к сообщению Длугоша. При более широком ее рассмотрении взгляд падает на князя Владимира Ольгердовича, отстраненного от власти в Киеве и получившего в качестве компенсации Копыль[1768]. В Киеве наверняка оставались его сторонники. Сам же Владимир Ольгердович, как известно, издавна принадлежал к партии митрополита Киприана: в 1384—1385 гг. он арестовал в Киеве суздальского архиеписко-

---

[1764] *Жемайтис С. Г.* К вопросу о происхождении и бытовании Киевской Псалтири (1397—1518 гг.) // Хризограф. М. : Сканрус, 2005. Вып. 2. С. 129.

[1765] *Lewicki A.* Sprawa unii kościelnej za Jagiełły // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1897. R. 11. S. 322—323; *Chodynicki K.* Kościół prawosławny ... S. 42—43; *Прохоров Г. М.* Киприан (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1985. Т. 39. С. 61.

[1766] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 447—448.

[1767] Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. Стб. 231—234, № 27.

[1768] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2, ч. 1. С. 337; *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли ... С. 31. В современной историографии эта давняя идея развивается Е. В. Русиной (*Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. С. 81).

па Дионисия, конкурента Киприана[1769]. Однако и версия причастности князя Владимира Ольгердовича или его сторонников к отравлению Скиргайла представляется маловероятной. Во-первых, о массовых или единичных казнях жителей Киева со стороны Скиргайла мы ничего не знаем. Во-вторых, по отцу Скиргайло и Владимир Ольгердович были родными братьями. В-третьих же, и это главное: устранение Скиргайла не приносило копыльскому изгнаннику никаких политических дивидендов. Ведь совершенно ясно, и дальнейшие события это показали, что смерть Скиргайла отнюдь не означала возвращения Киева Владимиру Ольгердовичу. Более того, Владимиру Ольгердовичу был выгоднее живой и активный Скиргайло как раздражающий фактор для великого князя литовского Витовта и возможный политический союзник.

Анализ неуклонно приближает нас к личности Витовта как наиболее вероятного заказчика политического убийства Скиргайла. Эта мысль, впрочем, лежит буквально на поверхности, и было бы странно уклоняться от ее рассмотрения. Виновником смерти Скиргайла Витовта называл еще в начале XVI в. автор «Послания Спиридона-Саввы», который, однако, путался в генеалогии Гедиминовичей, что несколько снижает ценность его свидетельства[1770]. Лучше всего высказал общие «подозрения» историк второй половины XIX в. А. И. Барбашев, писавший: «Этот князь (Скиргайло. — *О. Л.*), пользовавшийся расположением Ягелло, преданностью русского населения и отличавшийся личными достоинствами, был самым опасным соперником Витовта, против которого Витовт не только не решался употреблять открытого насилия, как против других братьев Ягелло, но даже должен был помогать ему. Невольно является поэтому предположение, что неразборчивый на средства Витовт, не имея возможности действовать открыто против Скиргелло, старался избавиться от него тайно»[1771].

Витовт имел давние личные счеты со Скиргайлом: он прямо обвинял Скиргайла в смерти Кейстута и в различных враждебных действиях, что отражено в том числе в первой части «Летописца великих князей литовских» и в «Witoldes sache». Кроме отмщения убийство Скиргайла развязывало Витовту руки во внешне- и внутриполитической деятельности: он мог беспрепятственно завершить централизацию власти в ВКЛ и единолично воспользоваться плодами ликвидации крупных автоном-

---

[1769] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 149.

[1770] «И убит Скиргайло брата своего Кестута. Сын же Кестутов Витофт избежа в немци и тамо събра дружину себе и, пришед от немець, уби дядю своего Скиргайла и два сына его» (*Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 168).

[1771] *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы ... С. 71.

ных удельных княжеств, последним из которых оставалось Киевское княжество. Дальнейшей целью Витовта, как известно, была военная кампания на юго-восточном (ордынском) направлении. Не то чтобы Скиргайло являлся существенным препятствием, например, для проведения ордынской политики Витовта: вполне возможно, что он, как и остальные Гедиминовичи, принял бы участие в походе Витовта на реку Ворсклу. Но необходимость для Витовта согласовывать свои планы со Скиргайлом была, вероятно, тяжким бременем для амбициозного Кейстутовича с психологической точки зрения. Даже занимая княжеский столец в Киеве, Скиргайло по-прежнему оставался правой рукой своего брата короля Польши Владислава (Ягайла). Само присутствие его в Киеве сдерживало стремления Витовта к упрочению независимости от Польского королевства и к проведению самостоятельной политики в отношении Тевтонского ордена, русских княжеств и Золотой Орды. Очевидно также, что убийство Скиргайла преследовало целью не допустить его участия в намеченном на начало февраля 1395 г. съезде в Сонче, на котором король Польши Владислав (Ягайло), королева Ядвига, король Венгрии Сигизмунд Люксембургский и великий князь литовский Витовт планировали обсудить новый статус Подольской земли, незадолго перед тем захваченной войсками Великого княжества Литовского[1772].

Скиргайло был не первым Ольгердовичем, чья скоропостижная и таинственная смерть была на руку Витовту. В начале 1392 г. умер молодой керновский князь Александр Вигунт Ольгердович, который, приняв католичество и взяв в жены дочь князя Владислава Опольского, имел кроме удела в Великом княжестве Литовском значительные владения в Польше (Быдгощ, Иноврощлав и др.). Александр Вигунт пользовался большой популярностью в Польше, о чем свидетельствуют похвальные отзывы о нем в хронике Длугоша. В Великом княжестве Литовском, благодаря своим военным и государственным способностям, он имел шансы заменить Скиргайла в должности наместника польского короля. По крайней мере в 1391 г. именно Александр Вигунт возглавлял войска ВКЛ, противостоявшие вторжениям отрядов Тевтонского ордена и Витовта. Обстоятельства смерти Александра Вигунта в некоторой степени схожи с отравлением Скиргайла: как отметил Длугош, отраву князю подмешали

[1772] Датировку съезда, намечавшегося на первую половину февраля 1395 г., см.: *Przeździecki A.* Życie domowe Jadwigi i Jagiełły z regestrów skarbowych z lat 1388—1417. Warszawa: Drukarnia Gazety Codziennej, 1854. S. 64; *Skrzypek J.*: 1) Zygmunt Luksemburski i jego polityka wobec Polski w latach 1386—1399 // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Lwów, 1933. R. 12 (1932). Z. 3. S. 185; 2) Południowo-wschodnia polityka Polski od koronacji Jagiełły do śmierci Jadwigi i bitwy nad Worsklą, 1386—1399. Lwów : Nakładem Towarzystwa Naukowego, 1936. S. 22—23.

в еду приближенные к нему литвины. В этом преступлении подозревали Витовта, но ничего не смогли доказать[1773]. Впрочем, к отравлению Александра Вигунта могли быть причастны и крестоносцы или какая-то третья сторона, о которой мы не знаем. Но именно после этой трагической гибели своего младшего брата польский король Владислав (Ягайло), по словам Длугоша, чтобы предотвратить отравление остальных братьев, направил к Витовту в первой половине 1392 г. посольство во главе с епископом Генрихом с предложением вернуться в Великое княжество Литовское.

Здесь важен один момент, который обычно упускается из виду при рассмотрении проблематики, связанной с отравлением Скиргайла. В том же 1392 г. упомянутый плоцкий епископ Генрих, ездивший с посольством к Витовту, оставив духовную карьеру, женился на младшей сестре Витовта Рынгалле Кейстутовне. Уже через несколько месяцев после свадьбы Генрих был отравлен в Луцке, а Рынгалла (в крещении Анна) вскоре на рубеже 1394 и 1395 гг. вышла замуж за молдавского воеводу Стефана I. Ее третьим мужем, по некоторым данным, стал валашский воевода Мирча Старый (1403), четвертым — молдавский воевода Александр (1419). Умерла Рынгалла около 1429 г.[1774] Трагическая судьба ее первого мужа Генриха, кажется, вполне убедительно свидетельствует не только о том, что в окружении Витовта при желании могли найтись средства для преступления (яд и люди, способные им распорядиться), но и о том, что Витовт был не единственным потомком Кейстута, который мог бы мстить за смерть отца. Сказанное, безусловно, не позволяет сужать мотивы убийства только до мести; на мой взгляд, речь идет о широком комплексе внешне- и внутриполитических причин и целей. Помимо прочего, заказчики отравления учли общественную реакцию на убийство Александра Вигунта. Поэтому основная тень была брошена не на приближенных Скиргайла, а на хозяина дома, в котором давался пир; не на литвина, а на православного монаха, более того — митрополичьего наместника, что давало бы Витовту дополнительный козырь в отношениях с митрополитом Киприаном и Москвой.

Могила Скиргайла Ольгердовича в Успенском соборе Киево-Печерской лавры не найдена. Но достоверность соответствующего сообщения «Летописца великих князей литовских» доказывается документальным материалом. Как обратила внимание Е. В. Русина, в духовной грамоте князя Андрея Владимировича (сына Владимира Ольгердовича) описывается, как в 1446 г. он приезжал в Киев поклониться гробу своего отца и своих дядей: «Прѣздилъ есмь в Киевь со своею женою и съ своими

[1773] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 10. S. 254.

[1774] *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 1. S. 116—117, 123; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 228—230.

дѣтками, и были есмо в дому Пр(е)ч(и)стыя и поклонили ся есмы пр(е)с(вя)тому образоу ея, и пр(е)п(о)д(о)бным отцѣм Антонию и Феодосию, и прочим пр(е)п(о)д(о)бным и б(о)гоносным отцем печерьскым <...>, и поклонихомся отца своего гробу, кн(я)зя Владимира Олькгердовича, и дядь своих гробом и всѣхь с(вя)тыхъ старцевъ гробом въ Печерѣ»[1775]. Именно Скиргайло и мог быть одним из дядей Андрея Владимировича, похороненных в Киево-Печерской лавре.

Точная дата назначения князя Ивана Ольгимонтовича киевским наместником неизвестна. Хотя Л. Корчак предлагает осторожную датировку — около 1396 г.[1776], думается, что это назначение состоялось уже в ближайшие месяцы после гибели князя Скиргайла, т. е. уже в первой половине 1395 г., иначе Витовт имел бы шаткие позиции на переговорах о судьбе Подольской земли. Таким образом, князь Иван Ольгимонтович мог занимать должность киевского наместника в период с 1395 по 1401 г., когда он последний раз упоминается в документе. Факт его наместничества в Киеве подтверждается целым рядом доводов. Во-первых, киевскими наместниками в первой трети XV в. были и его сыновья — Андрей и Михаил Ивановичи; последний фигурирует в одном из документов 20-х гг. XV в. как «herczogen Michalken von Khywen». Таким образом, после смерти Скиргайла династия гольшанских князей управляла Киевской землей на протяжении всего периода правления Витовта, за исключением некоторого времени между 1401 и 1411 гг., когда киевским наместником или сонаместником был Гедигольд[1777]. Во-вторых, вместе с Владимиром Ольгердовичем и Скиргайлом гольшанские князья Ольгимонт, Иван Ольгимонтович и Андрей Иванович были включены в раздел «Помяни, Господи, князи наших великых» помянника Киево-Печерской лавры[1778]. В-третьих, известно, что Иван Ольгимонтович особой грамотой дал некоторые пожалования Успенскому собору

[1775] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 154; *Русина О. В.*: 1) Студії з історії Києва та Київської землі. С. 56; 2) Історія Київського князівства XIV—XV ст. у світлі нових даних. С. 197.

[1776] *Korczak L.*: 1) Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków: Historia Iagellonica, 2008. S. 68—69; 2) Miejsce Południowej Rusi w politycznych płanach wielkiego księcia Witolda Kiejstutowicza // Ukraina Lithuanica. Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2013. T. 2. S. 42.

[1777] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3 : Ziemie Ruskie. Z. 4 : Urzędnicy województw Kijowskiego i Czernihowskiego XV—XVIII wieku. Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 2002. S. 65; *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. С. 52, 86; *Полехов С. В.* Новые документы о Киевской земле XV века // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2012. Вип. II. С. 266—267, 276.

[1778] *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лавры ... С. 7; *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. С. 88.

Киево-Печерской лавры — скорее всего, это произошло как раз тогда, когда он был наместником в Киеве[1779].

В летописных перечнях князей ВКЛ, погибших в битве на реке Ворскле в 1399 г., встречается имя киевского князя Ивана Борисовича[1780], но отождествить его с князем Иваном Ольгимонтовичем, конечно, невозможно. Вообще его происхождение неясно — версия, что это был сын Бориса Кориатовича[1781], не подкреплена какими-либо аргументами. Весьма вероятно, что этот киевский князь Иван Борисович — мифическая личность, попавшая на страницы летописей из-за ошибки одного из редакторов или переписчиков[1782].

Первое взятие Смоленска и война между ВКЛ и Рязанским княжеством

Смысловые элементы 147—150

В сравнении с другими источниками, рассказывающими о захвате Смоленска Витовтом, прежде всего, конечно, русскими летописями, соответствующий фрагмент «Летописца великих князей литовских» характеризуется, с одной стороны, чрезмерной упрощенностью, а с другой — наличием некоторых уникальных деталей. Упрощенность выражается в том, что из повествования практически целиком исключены сюжетные линии, касающиеся междоусобной борьбы между смоленскими князьями Святославичами, а также военной и политической хитрости, примененной Витовтом при осаде города. Очень лаконично и скомканно говорится о походе войск ВКЛ на Рязань, так что, если основываться исключительно на «Летописце» без привлечения прочих источников, остается не вполне ясным, какую связь это событие имеет с захватом Смоленска.

Тот факт, что Глеб был посажен княжить в Смоленске по воле Витовта, подтверждается перемирной грамотой, заключенной 31 августа 1449 г. между московским великим князем Василием Васильевичем и королем Польши, великим князем литовским Казимиром. В этом документе говорится: «А суд о земли и о воде о Смоленъскои и о всих обидных делехъ о Смоленскихъ *от того веремени, как дядя твои, великии князь Витовтъ князя Глеба на Смоленъску посадил* (курсив мой. — *О. Л.*)»[1783]. Вместе с тем «Летописец великих князей литовских» содержит ряд подробностей, которые не могут быть проверены и подтвержде-

---

[1779] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 92.
[1780] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 52, 73; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 458; ПСРЛ. Т. 11. С. 174.
[1781] *Кузьмин А. В.* На пути в Москву ... С. 105.
[1782] *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. С. 57, 84—85.
[1783] Духовные и договорные грамоты ... С. 161.

ны с помощью формально независимых источников, но служат ценным дополнением к известиям различных русских летописей. Так, только из «Летописца» мы узнаем о том, что князь Юрий Святославич в какой-то период владел городом Рославлем, что Витовт присылал послов к князю Глебу Святославичу с требованием подчиниться, что смещенный со смоленского княжеского стольца князь Глеб Святославич получил город Полонное и, наконец, что войска Великого княжества Литовского в походе на Рязань возглавлял князь Семен Лынгвен Ольгердович. Судя по своему характеру, эти уникальные известия «Летописца» могут происходить из каких-то делопроизводственных источников, возникших в канцелярии ВКЛ. Вместе с тем несомненно и то, что автор второй части «Летописца» пользовался при описании взятия Смоленска и войны между ВКЛ и Рязанским княжеством также какой-то русской летописью из новгородско-софийского семейства, из которой он почерпнул информацию о сильных морозах.

Взятию Смоленска войсками ВКЛ предшествовало обострение конфликта за власть между смоленскими князьями. В этой междоусобице один из главных претендентов на власть в Смоленске князь Юрий Святославич опирался на поддержку своего тестя — рязанского великого князя Олега Ивановича. Расширенное или сокращенное описание смоленской междоусобицы размещено во многих русских летописях. Согласно им, незадолго до похода Витовта князь Юрий Святославич отправился в Рязань и поэтому сумел избежать участи остальных своих братьев, которых Витовт арестовал и отправил в Литву: «Тое же осени брань бысть в Смоленсце великому князю Смоленскому Юрью Святославичю и брату его Глебу Святославичю и прочим братиам их Святославичем и бяху вси межи собою в разности и в ненависти велице и враждоваху друг на друга про уделы отчины княжениа своего; и бысть в них замятня велиа. <...> А князь велики Юрьи Святославичь Смоленский в то время на Рязани был, у тестя своего у Олга Ивановича, великого князя Рязанскаго»[1784]. Несколько иная трактовка событий помещена в Новгородской первой летописи младшего извода и в летописи Авраамки, из которых следует, что Юрий Святославич бежал в Рязань уже после того, как Витовт захватил Смоленск[1785].

Находившийся во владении Юрия Святославича Рославль (древнерусское название — «Ростиславль») возник во второй половине XII в. в южной части Смоленской земли на древней дороге из Смоленска в

[1784] ПСРЛ. Т. 11. С. 161; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 378—379; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 511—512; ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 217; ПСРЛ. Т. 25. С. 225; ПСРЛ. Т. 8. С. 68—69; ПСРЛ. Т. 26. С. 164—165.

[1785] ПСРЛ. Т. 3. С. 387; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 138.

Чернигов[1786]. На западе Рославльская волость граничила с Кричевской и Мстиславской волостями ВКЛ, на юге с Брянской землей, также входившей в состав ВКЛ[1787]. Мы видели, что, по данным «Летописца», еще в июне — июле 1393 г. Юрий Святославич был смоленским великим князем, коль скоро пришел под Витебск «со всеми смоленскими силами». Следовательно, он лишился княжеского стольца и получил Рославль в период со второй половины 1393 г. по первую половину 1395 г. (если только у него с Глебом не было договоренности поочередно находиться на великом княжении).

Перед походом на Смоленск, начавшимся, по одним данным, «о Госпожине дни» (15 августа), по другим — в сентябре 1395 г.[1788], Витовт распустил слухи, что идет мимо Смоленска войной против татарского хана Темир-Кутлуга, который незадолго перед тем изгнал из Золотой Орды хана Тохтамыша[1789].

По версии, которая в тех или иных вариациях помещена во многих крупных общерусских летописных сводах, и в том числе в статье 6903 г. первого летописного свода ВКЛ, когда Витовт подошел к Смоленску, к нему навстречу «не во мнозе дружине» выехал смоленский князь Глеб Святославич. Витовт благосклонно его принял и, щедро одарив подарками, предложил, что станет арбитром в споре между смоленскими князьями: «Чтобы есте вси братеники выехали ко мне по опасу. Слышел есми, что промежди вами неодиначество, и какова межи вас пря, и вы на меня положите, акы на третии, и аз вас право сужу». Поверив этим словам, к Витовту вместе с князем Глебом Святославичем приехали все остальные смоленские князья и бояре, оставив Смоленск без защиты: «Они же яша веры лестным его словесем, выехаша к нему с дары вси братеники Святославичи и вси князи Смоленские и со всеми бояры своими. Князь ни един, ни боярин стареишии, никто не остася въ граде». Витовт приказал арестовать всю явившуюся к нему смоленскую знать[1790]. В Псковской

[1786] *Алексеев Л. В.*: 1) Древний Ростиславль // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1974. Вып. 139. С. 81; 2) Смоленская земля в IX—XIII вв. ... С. 177—183; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М. : Наука, 1989. С. 103.

[1787] *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ : [б. и.], 1998. С. 213—214.

[1788] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 11. С. 162.

[1789] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 51, 72—73; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 378; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 511; ПСРЛ. Т. 25. С. 225; ПСРЛ. Т. 8. С. 68; ПСРЛ. Т. 11. С. 162; ПСРЛ. Т. 23. С. 134; ПСРЛ. Т. 24. С. 160, 165; ПСРЛ. Т. 28. С. 87, 251; ПСРЛ. Т. 42. С. 163; ПСРЛ. Т. 27. С. 88.

[1790] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 51, 72—73; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 378—379; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 512; ПСРЛ. Т. 25. С. 225; ПСРЛ. Т. 8. С. 68—69; ПСРЛ. Т. 11. С. 162; ПСРЛ. Т. 26. С. 165; ПСРЛ. Т. 23. С. 134—135;

первой летописи просто лаконично сказано, что Витовт взял Смоленск «прелестию» (т. е. обманом)[1791]. Таким образом, версия «Летописца» о том, что Глеб Святославич добровольно сдался Витовту вместе со Смоленском (Супрасльский список: «вдасть ему Глѣб и з градомь Смоленскымь»; Слуцкий список: «Глеб дался и з градомь Смоленьскомь»), прямо противоречит другим источникам и, скорее всего, является грубо тенденциозной. Любопытно, что автор второй части «Летописца» мог в данном случае свериться со статьей 6903 г. первого летописного свода ВКЛ и избежать такой ошибки, но не стал этого делать, видимо, потому, что доверял своему источнику, из которого почерпнул информацию о добровольной сдаче Глеба Святославича Витовту, а это был, как уже говорилось, гипотетический официальный источник, созданный в канцелярии ВКЛ.

Княжескую верхушку Смоленской земли в конце XIV в. составляли сыновья покойного князя Святослава Ивановича — Глеб, Юрий, Александр, Иван и Владимир Святославичи (родословцы называют еще Федора и Василия Святославичей, но их историчность не вполне ясна), а также их двоюродные братья — Александр Васильевич (сын князя Василия Ивановича) и вяземские князья Иван и Александр Михайловичи (сыновья князя Михаила Ивановича)[1792]. Именно они, за исключением Юрия Святославича, и могли быть захвачены в плен Витовтом вместе со своими семьями и боярами.

После ареста смоленских князей и бояр войска Великого княжества Литовского вошли в Смоленск. Согласно многим летописям, взятие Смоленска произошло во вторник, 28 сентября 1395 г.: был сожжен посад, город разграблен и множество смоленцев выведено в плен. Смоленских же князей и бояр Витовт приказал отправить «во свою землю Литовъскую»[1793]. Этим известием косвенно подтверждается информация «Летописца великих князей литовских» о переводе Глеба Святославича в Полонное — село на Волыни, известное по так называемому «Списку городов Свидригайла»[1794] (теперь районный центр Хмельницкой области Украины).

Никоновская летопись добавляет красочную подробность о том, что, когда Витовт въезжал в Смоленск, перед ним несли крест и шли «сви-

---

ПСРЛ. Т. 24. С. 165; ПСРЛ. Т. 27. С. 88; ПСРЛ. Т. 28. С. 87, 252; ПСРЛ. Т. 42. С. 164.

[1791] Псковские летописи. Вып. 1. С. 25.

[1792] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли ... С. 172, 181, 330; Редкие источники по истории России. Вып. 2. С. 26.

[1793] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 51, 72—73; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 378—379; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 512; ПСРЛ. Т. 25. С. 225; ПСРЛ. Т. 8. С. 68—69.

[1794] *Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла» ... С. 122.

рельницы» (т. е., видимо, трубачи): «А сам в град Смоленеск с князи и з боары вниде, а пред ним крыжь носяху и свирелници гласяху, по литовскому их обычяю; и пребыв ту дний неколико, и поиде пакы въ свояси, посад пожже и люди многи поплени, с собою поведе, и имение и богатство безчислено взя»[1795]. Согласно Тверскому сборнику, составитель которого вообще весьма критично настроен к Витовту, захват Смоленска сопровождался жестокими репрессиями: «И много в плен поведе, и казни без милости»[1796]. Частично эта информация подтверждается известием о казни в 1395 или 1396 г. вяземского князя Ивана Михайловича: «Князь велики Витофт Литовский казнил смертною казнью князя Ивана Михайловичя, и жену его и дети разведе, и дом его разграби»[1797].

Судьбы других смоленских князей сложились по-разному: Глеб Святославич погиб в битве на реке Ворскле в 1399 г. По данным родословцев, его сын Дмитрий Глебович стал родоначальником княжеского рода Жижемских, владевшего имением Жижма (теперь, видимо, д. Жижмай на территории Литвы недалеко от Девянишкес)[1798].

Иван Святославич и Александр Михайлович в 1403 г., по данным летописей, находились в Смоленске и Вязьме[1799], а значит, они сумели выехать с территории Великого княжества Литовского. То же можно сказать и о Владимире Святославиче, которого в 1404 г. видим рядом с его братом Юрием Святославичем в Великом Новгороде[1800].

Впрочем, Иван Святославич впоследствии вернулся в ВКЛ и сделал карьеру при дворе Витовта. Какое-то время он занимал должность наместника в Турове (упоминается в жалованной грамоте князя Константина Острожского за 1520 г., в которой перечислены владетели Турова), входил в великокняжескую раду Витовта и в 1422 г. участвовал в заключении Мельнского договора[1801].

Потомки Александра Святославича также остались в Великом княжестве Литовском. У него был единственный сын Михаил Зьяло[1802], и в книге данин великого князя литовского Казимира мы встречаем упоминание о нобилях Зьяловичах, которым были пожалованы два человека

[1795] ПСРЛ. Т. 11. С. 162.

[1796] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457.

[1797] ПСРЛ. Т. 11. С. 163; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья ... Т. 2. С. 108.

[1798] Редкие источники по истории России. Вып. 2. С. 26; топографическая карта N-35-064.

[1799] ПСРЛ. Т. 3. С. 398; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли ... С. 172.

[1800] ПСРЛ. Т. 11. С. 190; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли ... С. 176.

[1801] *Кузьмин А. В.* Титулованная знать ... С. 70; *Микульский Ю. Н.* Литовский князь Витовт как православный ктитор ... С. 40.

[1802] Редкие источники по истории России. Вып. 2. С. 26.

в Говезне неподалеку от Несвижа (теперь агрогородок Вишневец Столбцовского района)[1803].

О назначении смоленскими наместниками князя Ямонта и Василия Борейковича говорят многие русские летописи; например, в Софийской первой летописи старшего извода читаем: «И тако взя за собе все княжение Смоленьское и наместника своего посади князя Яманта да Василия Бореикова»[1804]. Про Василия Борейковича, одного из военачальников и члена великокняжеской рады Витовта, уже подробно говорилось выше, в комментарии к сообщению о мятеже Дмитрия Корибута. Поэтому остановимся теперь только на биографии князя Ямонта. Основой нам служит исследование Ю. Вольфа, до сих пор не утратившее научной ценности[1805].

В русских летописях Ямонт называется с отчеством «Ямонт Тулунтович» или «Толунтович»[1806], поэтому несостоятельной является основанная на генеалогических материалах XVIII в. гипотеза о том, что он был сыном некоего мифического князя Гурды Гинвиловича из рода Гедройцев[1807]. Также необходимо отклонить мнение А. Виюк-Кояловича, что в крещении Ямонт якобы принял имя Василий[1808]: здесь он явно перепутан с другим смоленским наместником Василием Борейковичем, тем более что по Никоновской летописи крестным именем Ямонта было имя Яков[1809].

Впервые Ямонт появляется на исторической сцене в 1390 г., когда вместе с Витовтом находился в Пруссии[1810]. Далее мы видим его уже наместником в Смоленске (1395 г.) и князем Клецка («Jamund von Cletzke»), членом великокняжеской рады Витовта (1398 г.)[1811]. Погиб Ямонт в 1399 г. в битве на реке Ворскле[1812]. У него было два сына — Семен и Михаил. Семен Ямонтович после смерти отца занимал высокое положение среди нобилей ВКЛ, по крайней мере во времена Витовта. Он выступил свидетелем акта Виленско-Радомской унии 1401 г. («Semeon

---

[1803] LM. Knyga Nr. 3. P. 54.

[1804] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 51, 73; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 379; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 512; ПСРЛ. Т. 25. С. 225; ПСРЛ. Т. 8. С. 68—69; ПСРЛ. Т. 26. С. 165.

[1805] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy ... S. 151—153.

[1806] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 518; ПСРЛ. Т. 11. С. 174.

[1807] *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 7 : Panowanie Swidrygełły i Zygmunta. Wilno : Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1840. Dodatki. S. 115.

[1808] *Wijuk-Kojałowicz A.* Herbarz szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego zwany Nomenclator. Kraków : W. L. Anczyc i Spółka, 1905. S. 248.

[1809] ПСРЛ. Т. 11. С. 162.

[1810] SRP. Bd. 3. S. 168.

[1811] *Weise E.* Die Staatsverträge ... S. 12.

[1812] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 52, 73; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 459; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 518; ПСРЛ. Т. 11. С. 174.

Jamunti»)[1813] и Торуньского мирного договора 1411 г. между Польским королевством, Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом, в котором он называется в перечне «князей Литвы» сразу после князей Семена Лынгвена Ольгердовича и Сигизмунда Кейстутовича («Senkonis filij Jamuntij»)[1814]. Это показывает, что сам Ямонт происходил из балтского княжеского рода, который по знатности уступал только Гедиминовичам. В 1441—1445 гг. Семен Ямонтович, как когда-то его отец, занимал должность смоленского наместника[1815]. Второй сын Ямонта — Михаил († до 1443)[1816] считается родоначальником Подберезских[1817].

После захвата Смоленска начались военные действия между Великим княжеством Литовским и Рязанским княжеством, которое поддерживало смоленского князя Юрия Святославича. Первым, собрав коалицию князей Пронска, Козельска и Мурома, напал на земли ВКЛ рязанский великий князь Олег Иванович. В Никоновской летописи сообщение об этом походе помещено между описанием взятия Смоленска и известием о лунном затмении 27 декабря 1395 г. (хотя и под ошибочной датой 6904 г.): «Тоѣ же зимы князь велики Олегъ Ивановичь Рязанский с зятем своим, с великим князем Юрьем Святославичем Смоленским, и з братьею своею, с Пронскими князи, и с Козельским, и с Муромским, поиде ратью на Литву и много зла сътвориша им»[1818]. В ответ той же зимой — в декабре 1395 г. — Витовт отправил отряды в Рязанскую землю. Именно об этой военной операции, возглавлявшейся Семеном Лынгвеном Ольгердовичем, в то время князем Мстиславля, идет речь в «Летописце великих князей литовских». Описание этого похода помещено во многих русских летописях, в том числе в статье 6903 г. первого летописного свода ВКЛ: «Тое же зимы князь великы Витовт посылал рать на Олга Рязаньского, Литва же шедше повоеваша землю Рязаньскую и отъидоша въ свояси»[1819]. Но наиболее подробные известия находим в Никоновской летописи: «Тоѣ же зимы ходил Витофт Кестутьевичь, князь велики литовский, ратью на Рязань и власти повоева; а Олгу Рязанскому великому князю еще не пришедшу в Рязань и услышавшу сиа, и остави полон в нѣкоем мѣстѣ, и приде на загонщики и многих избил, а иных поимал. Слышав же сиа, Витофт убояся и вскорѣ на бѣг устремися и возвратися

[1813] Akta unji Polski z Litwą ... S. 37.

[1814] Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2. S. 42.

[1815] Русская историческая библиотека. Т. 27. Стб. 622; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4. S. 49.

[1816] LM. Knyga Nr. 3. P. 31.

[1817] *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy ... S. 151.

[1818] ПСРЛ. Т. 11. С. 163.

[1819] ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 51, 73; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 380; ПСРЛ. Т. 25. С. 226; ПСРЛ. Т. 8. С. 69; ПСРЛ. Т. 23. С. 135; ПСРЛ. Т. 24. С. 165.

въ своаси. Олег же со многою корыстию и богатством вниде в свою землю и удръжа у себя зятя своего князя Юрья Святославичя Смоленскаго, тогда бо в скорби ему сущу и в тузѣ велицѣ о братии своей и о отчинѣ своей, яко такова на них бѣда не бывала, ниже преже их над Смоленском, якоже нынѣ пострадаша от Витофта лукаваго и несытаго чюжая возхищати»[1820]. Из этого фрагмента видно, что поход войск Великого княжества Литовского на Рязань, возглавляемый, кстати, лично Витовтом, начался еще тогда, когда рязанский великий князь Олег Иванович возвращался с территории ВКЛ с добычей и полоном. Войска ВКЛ действовали «загонами» — отдельными отрядами, которые рассыпались по всей территории Рязанской земли с целью причинить как можно больший ущерб. При этом, если в «Летописце» утверждается, что войска ВКЛ вернулись домой с победой («возвратишася с победою восваяси»), то в процитированном фрагменте Никоновской летописи, имеющем, похоже, рязанское происхождение, трактовка противоположная: победителем называется рязанский князь, так как он совершил успешное нападение на земли ВКЛ и сумел нанести поражение некоторым литовским отрядам, опустошавшим рязанские волости.

В следующем 1396 г. соперники продолжали обмениваться ударами. Рязанский великий князь Олег Иванович напал на Любутск; осада была снята при посредничестве московского великого князя Василия Дмитриевича: «Того же лѣта князь Олег Рязаньски прииде ратью к городу к Любутьску, горожане же затворишася и бьются с ним з города. Князь же великы посла к нему и отведе его от Любутьска»[1821]. В октябре 1396 г. на праздник Покрова Святой Богородицы войска ВКЛ вновь жестоко разорили Рязанскую землю. Конфликт между ВКЛ и Рязанским княжеством был улажен, видимо, только при посредничестве Москвы после встречи Витовта и Василия Дмитриевича в Коломне в конце того же года. О ней сообщается в московском летописном своде конца XV в.: «На ту же осень о Покровѣ князь великыи Витовт иде ратью на Рязань и прогна князя Олга, а землю Рязаньскую всю плени, а люди исъсече и в полон поведе. Тогда был Витовт на Коломнѣ, князь же великы видѣся ту с ним и многу честь и дары вдасть ему»[1822].

[1820] ПСРЛ. Т. 11. С. 163.

[1821] ПСРЛ. Т. 25. С. 227; ПСРЛ. Т. 24. С. 166; ПСРЛ. Т. 23. С. 135; ПСРЛ. Т. 8. С. 70; ПСРЛ. Т. 11. С. 166 (дата ошибочная: 6905 г.).

[1822] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 381; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 138; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 25. С. 227; ПСРЛ. Т. 24. С. 166; ПСРЛ. Т. 23. С. 135; ПСРЛ. Т. 8. С. 70; ПСРЛ. Т. 11. С. 166 (дата ошибочная: 6906 г.).

Встреча великого князя литовского Витовта и московского великого князя Василия Дмитриевича в Смоленске

Смысловые элементы 151—152

По данным русских летописей, встреча великого князя литовского Витовта и его зятя московского великого князя Василия Дмитриевича состоялась в Смоленске за две недели до Пасхи 6904 г. Учитывая, что Пасха в 1396 г. праздновалась 2 апреля, князья встретились приблизительно 19—20 марта 1396 г. Старейшее сообщение об этом сохранилось в выписках из Троицкой летописи, сделанных Н. М. Карамзиным: «Тое же весны за двѣ недѣли до Велика дни князь великии Василеи Дмитриевичь поѣха въ Смоленскъ, тако же и Киприанъ митрополитъ, и былъ у Витовта и на Великъ день поставилъ Насона епископомъ въ Смоленьскѣ»[1823]. Это же известие попало в некоторые более поздние летописные своды с дополнительной информацией, что митрополит Киприан из Смоленска поехал в Киев, где пробыл полтора года: «И оттоля идеть к Киеву и тамо пребысть полътора года»[1824].

Как явствует из процитированных летописных сообщений, одной из важных целей встречи было назначение на смоленскую кафедру нового епископа Насона. Его предшественником был владыка Михаил, выходец из числа иеромонахов московского Симонова монастыря, хиротонисанный в Смоленске в 1383 г. По некоторым данным, на удалении Михаила из Смоленска настаивал сам Витовт[1825], а это может означать, что опальный епископ не поддержал аннексию Смоленской земли и политику, которую Витовт проводил в Смоленске. Из Смоленска Михаил отправился в Киев, где в конце 1396 или в первой половине 1397 г. заказал переписку Псалтири («повѣленьемь сміренаго владыки Михаила»)[1826]. В октябре

[1823] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 447. — В той же статье 6904 г. Троицкой летописи важный датирующий признак — упоминание о лунном затмении 21 июня 1396 г.

[1824] ПСРЛ. Т. 25. С. 226; ПСРЛ. Т. 24. С. 165—166; ПСРЛ. Т. 23. С. 135; ПСРЛ. Т. 8. С. 69; ПСРЛ. Т. 11. С. 166.

[1825] «Прости... *отнял* бы*л* де*и* кня*з* великии Витов*т*ъ, розгнева*в* ся на пе*р*вого вл(а)д(ы)ку, *и* да*л* бы*л* Нестеру Те*р*пигореву» (LM. Knyga Nr. 3. P. 43).

[1826] По мнению С. Г. Жемайтиса, этим «смиренным владыкой Михаилом» мог быть вифлеемский архиепископ Михаил, направленный в 1397 г. из Константинополя в Польшу по церковным делам (*Жемайтис С. Г.* К вопросу ... С. 128). Новых данных, чтобы решить этот вопрос, пока нет. Впрочем, необходимо заметить, что ссылка С. Г. Жемайтиса на 35-е апостольское правило как на доказательство того, что смещенный смоленский епископ якобы не мог заказать переписку Псалтири в «чужой» епархии, т. е. в Киеве, вызывает некоторые вопросы. В 35-м правиле святых апостолов говорится лишь о запрете рукоположения пресвитеров и диаконов за пределами своей епархии: «Епископ да не дерзает вне

1397 г. он прибыл в Москву. Умер Михаил 6 мая 1402 г. в Троице-Сергиевом монастыре и впоследствии за свою подвижническую жизнь был включен в Собор Радонежских святых[1827].

Можно также предполагать, что другими темами, которые обсуждали в Смоленске Витовт и Василий Дмитриевич, было урегулирование литовско-рязанского конфликта и заключение нового договора о границах между Великим княжеством Литовским и Московским государством. Хотя текст этого договора не сохранился, его существование представляется несомненным. Так, в договоре между ВКЛ и Московским государством 1407 г. указывается, что необходимо держать «рубеж <...> по старине»[1828]. Здесь вряд ли идет речь о договорах, которые заключали с Москвой Ольгерд, Кейстут или Ягайло (последний — в 1384 или в начале 1385 г.)[1829], ведь тогда Смоленское княжество еще было самостоятельным субъектом политики. Следовательно, под «стариной» имеется в виду именно один из договоров между Витовтом и Василием Дмитриевичем, заключенных сразу после аннексии Смоленской земли с учетом новых геополитических обстоятельств.

Информация «Летописца великих князей литовских» о подарках, которыми обменялись Витовт и Василий Дмитриевич, носит уникальный характер. Это, по сути, одно из немногих свидетельств, на основе которого можно составить представление о составе и ценности таких подарков в дипломатической практике ВКЛ и Московского государства конца XIV в. Структура подарков с обеих сторон в целом практически одинаковая: украшения (золотые цепи), дорогие одежды и драгоценные аксессуары (золотые пояса); ценные шелковые ткани — аксамит и камка[1830]; кони — с московской стороны так называемые бахматы (выносливые татарские кони)[1831], со стороны ВКЛ так называемые гиншты (холо-

---

пределов своея епархии творити рукоположения во градех и селех, ему не подчиненных»; ср. также 22-е правило Антиохийского собора.

[1827] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб. : Археограф. комиссия, 1877. Стб. 589; *Майков В. В.* О владыке Михаиле, упомянутом в записи лицевой Псалтири 1397 года // Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1902. С. 99—107.

[1828] *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Lietuvos metrika. 1991—1996 metų tyrinėjimai. Vilnius : LII Leidykla, 1998. С. 223.

[1829] *Лицкевич О. В.* Ольгердиана ... С. 94—105.

[1830] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1 : А—К. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Академии наук, 1893. Стб. 13, 1186; ГСБМ. Вып. 14 : Игде — катуючий. Мінск : Навука і тэхніка, 1996. С. 253—254.

[1831] *Срезневский И. И.* Материалы ... Т. 1. Стб. 46; ГСБМ. Вып. 1. С. 202.

щеные жеребцы) в золотой сбруе[1832]. Московский великий князь также подарил Витовту соболей и золотую посуду. Обращает на себя внимание отсутствие оружия среди подарков.

Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности

Реконструируемый по спискам первой редакции архетип второй части «Летописца великих князей литовских» можно разделить на следующие смысловые элементы и подэлементы.

97-I. К Витовту в Пруссию приезжают соратники из ВКЛ. — B.

97-II. Приехавших к Витовту в Пруссию нобилей было очень много. — A.

97-III. Витовт воюет против ВКЛ с помощью Тевтонского ордена. — B.

98-I. Во время пребывания Витовта в Пруссии князь Ягайло находится в Витебске с матерью. — A.

98-II. Во время пребывания Витовта в Пруссии князь Скиргайло находится в Троках. — A.

99-I. Витовт часто совершает нападения на ВКЛ. — C.

99-II. У ВКЛ нет достаточных сил, чтобы противостоять Витовту. — A.

100-I. Ягайло приглашает Витовта возвратиться в ВКЛ. — B.

100-II. Сразу после возвращения Витовта из Пруссии Ягайло передает ему Луцк со всей Волынской землей. — D2.

100-III. Ягайло передает Витовту его вотчину в Литовской земле. — B (если принять чтение Медоварцевской редакции «опрочи Трок»); D2 (если не принимать чтение Медоварцевской редакции «опрочи Трок»).

101-I. После смерти польского короля Казимира у него не осталось сыновей-наследников. — B.

101-II. Единственной наследницей Казимира стала его единственная дочь Ядвига. — D2.

102-I. Поляки первыми стали присылать посольства к Ягайлу с предложением принять польскую корону. — D3.

102-II. Ягайлу предложено взять в жены королеву Ядвигу, принять католичество и стать королем Польши. — C.

[1832] Польск. hynszt от немецкого Hengst, «жеребец» (ГСБМ. Вып. 6 : Выостреный — глядати. Мінск : Навука і тэхніка, 1985. С. 282; *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1985. S. 174—175).

103. Перед отъездом в Краков Ягайло проводит совещание (съезд) с участием своей матери, княгини Ульяны Александровны, братьев и всех князей и бояр ВКЛ. — C.

104-I. В Кракове Ягайло принимает католическое крещение вместе с некоторыми своими братьями. — B.

104-II. Вместе с Ягайлом в Кракове также крестятся другие князья и бояре ВКЛ. — C.

105-I. Ягайло берет в жены польскую королеву Ядвигу. — B.

105-II. Ягайло коронован короной Польского королевства. — B.

106-I. Начинается католическое крещение Литвы. — B.

106-II. Также начинается строительство костелов по всей Литовской земле. — B.

106-III. В Вильно прибывает епископ, присланный польским архиепископом. — B.

107-I. Воспользовавшись отъездом Ягайла и многих князей, князь Андрей Ольгердович нападает на Великое княжество Литовское. — B.

107-II. Андрей Ольгердович получает военную помощь Тевтонского ордена в Ливонии. — B.

107-III. В нападении участвуют только ливонские рыцари (без прусских). — D1.

107-IV. Участие латгалов в ливонском войске. — A.

107-V. Андрей Ольгердович овладевает Полоцком. — B.

107-VI. Нападавшим не удается захватить в Литовской земле ни одного замка («города»). — D3 (если разуметь под Литовской землей все Великое княжество Литовское); B (если речь идет о собственно Литве); F.

108-I. Полоцкий князь Андрей Ольгердович и смоленский князь Святослав Иванович заключают договоренность о нападении на ВКЛ. — C.

108-II. Поход Андрея Ольгердовича на земли Литвы. — B.

108-III. Поход Святослава Ивановича на Оршу. — A.

109-I. Зверства смоленских войск в отношении мирного населения, способы казней. — B1 (может существовать зависимость от «Повести об осаде Мстиславля»).

109-II. Казни мирного населения проводятся во время похода смоленцев на Оршу. — A.

110. Осада Орши завершается безрезультатно. — C.

111-I. Поход смоленских войск на Мстиславль. — B1 (может существовать зависимость от «Повести об осаде Мстиславля»).

111-II. Поход на Мстиславль начинается во время Великого поста. — B1 (может существовать зависимость от «Повести об осаде Мстиславля»).

111-III. При осаде Мстиславля используются метательные машины — пороки. — A.

111-IV. Разорение Мстиславской земли смоленцами, казни мирного населения. — B1 (может существовать зависимость от «Повести об осаде Мстиславля»).

112-I. Срочный приезд князей Скиргайла и Витовта в Великое княжество Литовское из Польши. — B.

112-II. Поход смоленского князя Святослава Ивановича на Витебск. — A.

112-III. Последовательность походов смоленских войск: Витебск, Орша, Мстиславль. — A; G1.

113-I. Участие князей Скиргайла, Витовта, Дмитрия Корибута и Семена Лынгвена в походе против смоленских войск. — B1 (может существовать зависимость от «Повести об осаде Мстиславля»).

113-II. Участие князя Константина в походе против смоленских войск. — A.

114. Существование мирного договора между ВКЛ и Смоленским великим княжеством, действовавшего по состоянию на весну 1386 г. — A.

115-I. Поход войск ВКЛ под Мстиславль. — B.

115-II. Войска ВКЛ приходят под Мстиславль в Страстную пятницу. — D2.

116. Битва на реке Вихре и поражение смоленских войск. — B.

117-I. Гибель смоленского великого князя Святослава Ивановича во время сражения. — B.

117-II. Способности князя Скиргайла к медицине. — B.

117-III. Найдя тяжелораненного смоленского князя Юрия Святославича среди трупов на поле битвы, Скиргайло излечивает его, остригши ему голову. — A; E.

117-IV. Скиргайло привозит князя Юрия Святославича в Смоленск к его матери. — A; E.

118-I. После смерти Святослава Ивановича князем в Смоленске становится Юрий Святославич. — B.

118-II. Вокняжение Юрия Святославича происходит при поддержке князя Скиргайла. — B.

118-III. Юрий Святославич был женат на дочери старшей сестры Скиргайла. — C.

119-I. Из Смоленска Скиргайло отправляется в Литовскую землю. — A.

119-II. После этих событий Скиргайло начинает княжить в Троках. — C.

119-III. Княжение Скиргайла в Троках. — B.

120. Король Владислав (Ягайло) присылает польского старосту в Вильно. — B.

121-I. Витовт на тот момент держит Луцк. — B.

121-II. Витовт кроме Луцка владел тогда всей Волынской землей. — D3.

121-III. Витовт тогда держал в Литовской земле свою вотчину. — D2.

121-IV. Причиной мятежа Витовта стало его недовольство присылкой польского старосты в Вильно. — D3.

122. Перед мятежом Витовт держит совет со многими князьями и боярами ВКЛ. — A.

123-I. Перед началом мятежа Скиргайло уезжает в Полоцк. — C.

123-II. Витовт приходит с войсками под Вильно с целью захвата города. — B.

123-III. Во время мятежа княгиня Анна, жена Витовта, находится в Городне. — A; E.

124-I. Попытка Витовта захватить Виленский замок завершается неудачей. — B.

124-II. Ранее жители Вильно дали присягу на верность князьям Ягайлу и Скиргайлу. — A.

124-III. Причиной неудачи при захвате Вильно стало нежелание жителей города нарушать эту присягу. — D3.

125-I. Витовт уезжает в Пруссию вместе с семьей и множеством князей и бояр. — B.

125-II. Вместе с Тевтонским орденом Витовт начинает вести военные действия против ВКЛ. — B.

126-I. Витовт ходит походами на территорию ВКЛ до самой реки Вилии. — B.

126-II. Витовт захватывает земли ВКЛ до самой реки Вилии. — D3.

126-III. На сторону Витовта переходит Полоцк. — C.

126-IV. Король Владислав (Ягайло) и князь Скиргайло убеждаются, что не в состоянии удержать Литовскую землю и защитить ее от нападений Витовта. — A.

127-I. Поход объединенных войск Тевтонского ордена и Витовта на Вильно (в 1390 г.) — B.

127-II. Битва между войсками ВКЛ и войсками Ордена и Витовта на реке Вилии. — B.

127-III. Битва происходит близ городка Вейшишки. — A.

127-IV. Войска ВКЛ кроме Скиргайла возглавляет также князь Александр Вигунт. — A.

128-I. Поражение войск ВКЛ в битве на подступах к Вильно. — B.

128-II. Войска Ордена и Витовта захватывают в плен как минимум четырех князей ВКЛ. — B.

128-III. Существование князей Семена Евнутьевича, Глеба Святославича Смоленского, Василия Константиновича, Льва Плаксича. — B.

128-IV. Существование князя Ивана Теты. — A.

128-V. Захват в плен князя Василия Константиновича. — C.

128-VI. Захват в плен смоленского князя Глеба Святославича. — C; G1.

128-VII. Смоленский князь Глеб Святославич захвачен в плен именно в битве близ Вейшишек. — D2.

128-VIII. Захват в плен князей Семена Евнутьевича и Ивана Теты. — C.

128-IX. Захват в плен князя Льва Плаксича. — A.

128-X. Князья Василий Константинович, Семен Евнутьевич, Иван Тета и Лев Плаксич захвачены в плен именно в битве близ Вейшишек. — D3.

129-I. Участие Витовта в осаде Вильно совместно с войсками Тевтонского ордена (в 1390 г.). — B.

129-II. Применение пушек при осаде Вильно. — B.

129-III. Применение пушек войсками Витовта. — C.

129-IV. Существование в Вильно так называемого Кривого города. — B.

129-V. Взятие Кривого города войсками Тевтонского ордена и Витовта (в 1390 г.) — B.

130-I. Гибель князя Коригайла Ольгердовича во время осады Вильно (в 1390 г.). — B.

130-II. Князя Коригайла убивают немцы (воины Тевтонского ордена). — B.

130-III. Во время осады в Виленском Верхнем замке находится польский гарнизон. — B.

130-IV. Поляки не пускают князя Коригайла в Виленский Верхний замок, когда он пытается вырваться из Кривого города. — A.

130-V. После взятия Кривого города и опустошения окрестностей Вильно Витовт возвращается в Пруссию. — B.

131-I. Приезд московских послов к Витовту в Мариенбург за княжной Софьей Витовтовной. — B.

131-II. Отплытие Софьи Витовтовны и ее спутников на кораблях из Данцига. — B.

131-III. Софью Витовтовну сопровождает в поездке князь Иван Ольгимонтович. — B.

131-IV. Прибытие в Псков. — B1; F (информация неполная, пропущены известия про Ригу).

131-V. Прибытие в Великий Новгород. — B.

131-VI. Встреча с делегацией князей и бояр на подъезде к Москве. — B1.

131-VII. Присутствие среди встречающих князя Владимира Андреевича. — B1.

131-VIII. Присутствие среди встречающих князя Юрия Дмитриевича. — A.

131-IX. Присутствие среди встречающих князя Андрея Дмитриевича. — B1.

131-X. Встреча близ Москвы с делегацией духовенства во главе с митрополитом Киприаном. — A.

131-XI. Венчание Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны лично митрополитом Киприаном. — B1.

132-I. Ягайло отправляет к Витовту в Пруссию посольство с предложением вернуться в ВКЛ. — B.

132-II. Участие в этом посольстве князя Скиргайла. — D2.

132-III. Содержание послания, направленного Ягайлом Витовту. — A.

133-I. Совет Витовта с князьями Юрием Наримонтовичем и Иваном Ольгимонтовичем. — C.

133-II. Возвращение Витовта в Литву и признание его правителем Великого княжества Литовского с резиденцией в Вильно. — B.

133-III. Население Литвы и Руси с радостью воспринимает возвращение Витовта. — A.

134-I. Вооруженный мятеж князя Дмитрия Корибута Ольгердовича против Витовта. — B.

134-II. Существование нобилей Василия Борейковича и Гинивила — ближайших соратников Витовта. — B.

134-III. Назначение Василия Борейковича и Гинивила руководителями войска, направленного против князя Дмитрия Корибута. — A.

134-IV. Поражение войск Дмитрия Корибута. — B.

134-V. Решающая битва произошла близ Недокудова. — A.

134-VI. Существование населенного пункта Недокудово в ВКЛ (в конце XIV в.). — A.

134-VII. Захват войсками Витовта Новогородка и взятие в плен князя Дмитрия Корибута. — B.

134-VIII. Личное участие Витовта в осаде Новогородка. — A.

134-IX. Пленение жены и детей Дмитрия Корибута. — A.

135. Смерть великой княгини Ульяны Александровны (в 1392 г.). — B.

136-I. Существование нобиля Федора Весны. — B.

136-II. Назначение Федора Весны наместником в Витебск по распоряжению короля Владислава (Ягайла). — A.

136-III. Пребывание князя Свидригайла в Витебске после смерти великой княгини Ульяны Александровны. — A.

136-IV. Убийство Федора Весны Свидригайлом. — A.

136-V. В то время Свидригайло был молод. — C.

137. Король Владислав (Ягайло) пишет письмо великому князю литовскому Витовту с просьбой отомстить за убийство Федора Весны. — A.

138. Витовт и Скиргайло объединяют свои отряды для похода на Витебск против Свидригайла. — B.

139. При подходе к Друцку Витовта встречают друцкие князья и дают ему вассальную присягу. — C.

140. Двухдневная осада и взятие Орши. — A.

141-I. Осада Витебска, в котором находится Свидригайло. — B.

141-II. Участие в осаде Витебска отряда во главе со смоленским князем Юрием Святославичем. — A.

141-III. Подчинение (вассальная присяга?) смоленского князя Юрия Святославича Витовту. — A.

141-IV. Применение пушек при осаде Витебска. — C.

141-V. Жители Витебска начинают сдаваться Витовту. — A.

141-VI. Сдача в плен Свидригайла и взятие Витебска. — B.

141-VII. Подчинение (вассальная присяга?) Свидригайла Витовту. — A.

141-VIII. Общая модель описания событий, связанных с восстанием Свидригайла и осадой Витебска. — D1.

142. Первый поход Витовта на Подолье (в конце февраля — марте 1394 г.). — A.

143-I. Отказ киевского князя Владимира Ольгердовича подчиняться Витовту. — A.

143-II. Взятие Житомира и Овруча войсками Витовта и добровольная сдача князя Владимира Ольгердовича. — A.

143-III. Перевод князя Владимира Ольгердовича в Копыль. — B.

143-IV. Передача Киевской земли князю Скиргайлу Ольгердовичу. — B; G1.

144-I. Второй поход Витовта на Подолье и захват им Подольской земли. — B; G1 (отсутствие противоречий с «Повестью о Подолье»).

144-II. Поход князя Скиргайла из Киева на Черкассы и Звенигород по приказу Витовта. — A.

145-I. Существование митрополичьего наместника в Киеве монаха Фомы. — A.

145-II. Смерть князя Скиргайла Ольгердовича (в начале 1395 г.). — B.

145-III. Князь Скиргайло Ольгердович отравлен на пиру. — B (хроника Длугоша).

145-IV. В отравлении князя Скиргайла обвинен православный священнослужитель или монах. — B.

145-V. Князь Скиргайло чувствует себя плохо на охоте в Милославичах. — A.

145-VI. Календарная сетка при описании болезни и смерти князя Скиргайла: начало болезни в четверг, приезд в Киев в субботу, смерть в среду. — D3.

145-VII. Погребение князя Скиргайла в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. — C.

146. Назначение наместником в Киеве князя Ивана Ольгимонтовича. — C.

147-I. Пребывание смоленского князя Глеба Святославича в плену у Витовта. — B; G1 (элемент 128).

147-II. Глеб Святославич становится смоленским великим князем (по состоянию на 1395 г.). — B.

147-III. Глеб Святославич занимает смоленский княжеский столец с помощью Витовта. — B.

147-IV. Князю Юрию Святославичу передан во владение город Рославль. — A.

148-I. Отказ князя Глеба Святославича подчиняться Витовту. — A.

148-II. Посольства Витовта к князю Глебу Святославичу. — A.

148-III. Поход Витовта на Смоленск. — B; F.

148-IV. Добровольная сдача князя Глеба Святославича Витовту. — D2.

149-I. Существование князя Ямонта и Василия Борейковича. — B.

149-II. Назначение князя Ямонта и Василия Борейковича наместниками в Смоленск. — B.

149-III. Перевод смоленского князя Глеба Святославича в Полонное. — A.

150-I. Поход войск ВКЛ в Рязанскую землю в ближайший период после взятия Смоленска. — B; F.

150-II. Войска ВКЛ в этом походе возглавляет князь Семен Лынгвен Ольгердович. — A.

150-III. Поход на Рязанскую землю увенчивается успехом. — D3.

150-IV. Сильные морозы (зимою 1395/96 г.). — A.

151. В следующую весну после взятия Смоленской земли великий князь литовский Витовт и московский великий князь Василий Дмитриевич встречаются в Смоленске. — B.

152. Роспись взаимных даров. — A.

Во второй части «Летописца великих князей литовских» проанализировано и оценено 175 смысловых элементов и подэлементов. Из них не находят ни прямого, ни косвенного подтверждения в других источниках, но не могут быть опровергнуты 55 (31,43 %). 81 элемент и подэлемент прямо подтверждаются данными формально независимых источников (46,29 %), но необходимо учитывать, что из этого числа 10 элементов и подэлементов имеют оценку B1, т. е. они подтверждаются с помощью источников, которые со значительной долей вероятности могли использоваться для написания соответствующих фрагментов «Летописца великих князей литовских». 20 элементов и подэлементов подтверждаются косвенно (11,43 %). И наконец, 17 элементов и подэлементов (9,71 %) противоречат формально независимым источникам, причем в большинстве случаев приоритет не в пользу «Летописца великих князей литовских» либо ситуация с приоритетом неясна.

Два смысловых подэлемента (1,14 %) могут быть оценены двояко. В одном случае оценка зависит от реконструкции первоначального архетипа: если принять, что в архетипе содержалось чтение «опрочи Трок», отразившееся в Медоварцевской редакции, то сообщение «Летописца» о том, что великий князь литовский Ягайло в 1384 г. передал Витовту его вотчину в Литовской земле (кроме Троков), можно признать достовер-

ным и подтверждающимся другими источниками; если же чтение Медоварцевской редакции не принимать, то это сообщение противоречит всему комплексу источников о положении Витовта в Великом княжестве Литовском в 1384—1389 гг. Аналогичным образом и при рассмотрении сообщения «Летописца» о том, что князю Андрею Ольгердовичу и его союзникам в 1386 г. не удалось захватить в Литовской земле ни одного замка («города»), оценка зависит от трактовки понятия «Литовская земля»: если здесь идет речь о собственно Литве, то сообщение может оказаться достоверным, если же имеется в виду все Великое княжество Литовское, то оно противоречит другим источникам.

Среди смысловых элементов и подэлементов, получивших оценку D, только в двух случаях приоритет, на мой взгляд, принадлежит «Летописцу великих князей литовских». Это информация о том, что в нападении на ВКЛ зимой — весной 1386 г. участвовали только ливонские крестоносцы (не прусские), а также общая модель описания событий, связанных с восстанием Свидригайла и осадой Витебска, — указанная модель является более достоверной, чем модель, представленная в хронике Длугоша и его последователей.

Во всех остальных случаях приоритет принадлежит формально независимым источникам или остается неясным. Смысловые элементы и подэлементы этой группы можно разделить на четыре категории.

Первая — неточности, обусловленные тем, что автор второй части «Летописца великих князей литовских» плохо знал события, даты и факты, о которых писал, и поэтому допускал некоторые анахронизмы. Это, например, сообщение о том, что королева Польши Ядвига была якобы дочерью польского короля Казимира, а также неточные данные о том, что Ягайло после возвращения Витовта из Пруссии якобы передал Витовту всю Волынскую землю с центром в Луцке, и т. д.

Вторая категория — неточности, обусловленные тем, что хронист некорректно трактовал письменные или устные источники, которыми он пользовался при создании второй части «Летописца». Так, он ошибочно назвал Страстную пятницу датой прихода войск ВКЛ под Мстиславль в 1386 г., вероятно, интерпретировав таким образом данные летописной «Повести об осаде Мстиславля». Зная, из какого-то источника общий список князей, попавших в плен к Витовту и Тевтонскому ордену в 1390 г., он утверждал, что все они были захвачены в битве под Вейшишками, что не подтверждается при перекрестном анализе источников. Еще одна неточность такого рода — мнение, что князь Скиргайло Ольгердович лично участвовал в тайном посольстве к Витовту в 1392 г.

Третья категория — неточности, возникшие по причинам стилистического характера. Так, с целью придать повествованию об отравлении Скиргайла в Киеве видимость большей достоверности и стилистически украсить его хронист поместил в тексте календарную сетку с указанием

дней недели (четверг 4 января, суббота 6 января, среда 10 января). Как показывает сопоставление с другими источниками, эта календарная сетка в данном случае неточна, так как не соответствует календарю января 1395 г., когда умер Скиргайло.

Наконец, четвертая и самая интересная для нас категория — расхождения с формально независимыми источниками, которые могут быть обусловлены политическими и идеологическими причинами. Прежде всего, это трактовка «Летописца великих князей литовских», что именно представители Польши выступили с инициативой заключить брак между королевой Ядвигой и великим князем литовским Ягайлом. Идеологическую окраску имеют известия о том, что причиной мятежа Витовта в конце 1389 г. стало якобы (и только) его недовольство присылкой польского старосты в Вильно и что захват Вильно сорвался из-за нежелания горожан нарушать присягу, данную князьям Ягайлу и Скиргайлу. Явным преувеличением является информация, что в 1390 г. Витовт захватил земли Великого княжества Литовского до самой реки Вилии. Неточными и тенденциозными необходимо признать и данные «Летописца» о добровольной сдаче смоленского великого князя Глеба Святославича и Смоленска Витовту, а также о победном походе войск ВКЛ на Рязанскую землю в декабре 1395 г. Практически во всех таких случаях тенденциозность проявляется, в том числе, и в подборе излагаемого материала, в многочисленных умолчаниях и недомолвках.

Глава 7

«Повесть о Подолье»

Битва близ Синей Воды

Смысловые элементы 153—154

Источники, датирование и локализация

О битве близ Синей Воды сохранилось крайне мало аутентичных, заслуживающих доверия источников. Древнейшим и фактически единственным кроме «Повести о Подолье» относительно надежным источником является сообщение Рогожского летописца под 6871 г.: «Того же лѣта Литва взяли Коршевъ и сотворишас мятежи и тягота людемъ по всеи земли. Тое же осени Олгѣрдъ Синю воду и Бѣлобережие повоевалъ»[1833]. Признано, что Рогожский летописец отчасти отражает летописную традицию Кашинской ветви Тверского княжеского дома[1834]. Однако происхождение именно этого сообщения все же покрыто тайной: его нет ни в близкой к Рогожскому летописцу Симеоновской летописи, ни в Тверском сборнике, ни в реконструируемом тексте Троицкой летописи[1835]. Известно, правда, что женою кашинского удельного князя Василия Михайловича (1370—1426) с 1385 г. была дочь киевского князя Владимира Ольгердовича, скончавшаяся в 1397 г.[1836]; через ее-то окружение некоторые южнорусские летописные материалы и могли попасть в протограф Рогожского летописца[1837]. При этом текстологическая зависимость «По-

---

[1833] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 75. — Отсюда или из близкого источника так же и в Никоновской летописи под 6871 г.: ПСРЛ. Т. 11. С. 2.

[1834] *Муравьева Л. Л.* Заметки о Рогожском летописце // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. 1984. М. : Наука, 1986. С. 151; *Прохоров Г. М.* Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. М. ; СПб. : Институт русской цивилизации : Изд-во Олега Абышко, 2014. С. 305—308.

[1835] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись … С. 379; ПСРЛ. Т. 18. С. 101—102.

[1836] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья … Т. 2. С. 533, 536.

[1837] *Борисенко В.* Нові підходи до вирішення Синьоводської проблеми 1362 р. // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року

вести о Подолье» от Рогожского летописца недоказуема: результаты текстологического исследования показывают, что составитель второй части «Летописца великих князей литовских» и первого летописного свода ВКЛ использовал московскую летопись, близкую к Троицкой, и какую-то летопись новгородско-софийского семейства, но в них, по всей видимости, не было сообщения о Синеводской битве.

В ряде немецких хроник («Торуньские анналы», хроники Детмара из Любека и оффициала Иоганна) битва с татарами близ Синей Воды (Blowasser, Bloen Wassir) перепутана с Куликовской битвой 1380 г.[1838]; это, с одной стороны, указывает, что немецкие хронисты знали о существовании Синей Воды, размещая ее где-то на южных окраинах Руси в районе Дона, но мало что добавляет к нашим знаниям о самой битве.

Широкой кистью изображена картина битвы в хронике Матея Стрыйковского. По его версии (которая в сокращенном виде изложена также в более ранней стихотворной хронике «О началах... славного народа литовского, жемайтского и русского»)[1839], в 1331 г. великий князь литовский Ольгерд, заключив двухлетнее перемирие с крестоносцами, отправился походом в Дикое Поле; вместе с ним были четыре сына новогородского князя Кориата — Александр, Константин, Юрий и Федор. Миновав Канев и Черкассы, войско пришло в урочище Синяя Вода, где встретило татарскую орду во главе с «царьками», которых звали Кутлубах-Солтан, Качибей-Керей и Димейтер-Солтан. Ольгерд разделил войска на шесть «гуфов» (отрядов), выстроив их полукольцом, чтобы татары не могли обойти с флангов. Татары «железный град из луков на Литву густо пустили», но вреда не причинили, поскольку войска были хорошо выстроены и воины быстро расступились перед стрелами. Литвины и русины с копьями и саблями, атакуя, прорвали центр татарского войска, тогда как новогородские отряды во главе с Кориатовичами, усиливая натиск на флангах, обстреливали татар из арбалетов. Не выдержав напора, татары пустились в бегство, а их «царьки», все трое, погибли вместе с множеством своих уланов и мурз. Войско ВКЛ захватило татарский обоз, коней, верблюдов и много добычи. В результате этой победы Великое княжество Литовское освободило от татарского господства Торговицу (замок в устье Буга, руины которого сохранялись во времена

в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 34.

[1838] SRP. Bd. 3. S. 114.

[1839] *Stryjkowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / oprac. J. Radziszewska. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. S. 257.

Стрыйковского, т. е. в середине XVI в.), Белую Церковь, Звенигород и обширные территории от Киева вплоть до Очакова и от Путивля до устья Дона, изгнав одних татар к Волге, а других — к Кафе, Азову и Крыму. Затем, направившись на Подолье, Ольгерд прогнал здешних татар, которые откочевали за Дунай в Добруджские степи. Стрыйковскому довелось когда-то проезжать через земли этих татар, и местные жители ему засвидетельствовали, что «предки их были изгнаны с Подолья Литвой». Подольскую же землю после этой славной победы великий князь литовский Ольгерд отдал в управление князьям Кориатовичам, которые хорошо себя проявили во время войны с татарами. Так выглядит битва близ Синей Воды и ее последствия в трактовке Стрыйковского[1840]. Рассказ Стрыйковского с сокращениями и пропусками повторен в «Хронике Литовской и Жмойтской», которая в данном случае не имеет самостоятельного фактологического значения[1841].

В тексте Стрыйковского выразительно выделяются несколько пластов информации разного происхождения и разной ценности. Во-первых, данные, которые он почерпнул из какой-то редакции «Повести о Подолье» и по-своему, часто некорректно, интерпретировал. Так, он ошибочно посчитал, что три татарских правителя, названных в «Повести о Подолье», были убиты во время битвы и что Подольская земля была передана Кориатовичам якобы за их заслуги на поле боя. Характерно, что, кроме Кориатовичей, он больше не упоминает ни об одном другом литовском князе, участвовавшем в Синеводской битве, просто потому, что таких известий нет в «Повести о Подолье». Во-вторых, в рассказе отразились представления самого Стрыйковского как профессионального военного о тактике татарских войск, которые нередко стремились обойти противника с флангов, одновременно осыпая его тучей стрел. В-третьих, в рассказе проявляется зависимость от общего построения и содержания других частей хроники Стрыйковского: хронология (битва ошибочно датирована 1331 г.), описание и стратегические оценки Синеводского сражения здесь тесно связаны с одним из предыдущих разделов, в котором утверждается, что еще в 1319—1320 гг. Гедимин будто бы захватил Киевскую и Волынскую земли[1842]. В-четвертых, Стрыйковский отчасти опирался и на собственные впечатления, упоминая о руинах Торговицкого замка и пересказывая слышанное им предание добруджских татар о том, что их предки были вытеснены из Подольской земли войсками ВКЛ. С исторической и источниковедческой точек зрения этот четвертый

[1840] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 416—417; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М.: Наука, 1966. С. 167—173.

[1841] ПСРЛ. Т. 32. С. 43.

[1842] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 391—394.

пласт информации — едва ли не самая ценная часть цитированного текста Стрыйковского, тогда как остальное описание представляет собой характерную для Стрыйковского мутную смесь из хорошо известных нам и переосмысленных, иногда до неузнаваемости, нарративных источников и его собственных домыслов. Хотя Ф. М. Шабульдо квалифицировал этот текст как якобы ордынский по своему происхождению источник и настаивал на его точности и достоверности, попытка использовать известия Стрыйковского в качестве доказательства стратегической значимости и масштабности битвы близ Синей Воды[1843] встретила серьезную критику[1844]. Впрочем, вполне очевидно, что пока в историографии и обществе существует интерес к Синеводской битве, хроника Стрыйковского как объективно существующий и довольно древний источник и далее будет использоваться для попыток реконструкции хода битвы, составления схем сражения[1845] и тому подобных художественных преувеличений.

Наконец, в поздней Густынской летописи сообщение о битве близ Синей Воды объединено с данными о смещении киевского князя Федора силами ВКЛ: «В лѣто 6869. 1361. Въ Киевѣ на княжении Феодоръ. <...> Въ лѣто 6870. 1362. Димитрый, князь Московъский, согна из Галича Московъского князя Димитрия, из Стародуба Иоанна. В сие лѣто Олгердъ побѣди трехъ царковъ татарскихъ и з ордами ихъ, си есть Котлубаха, Качзея, Дмитра; и оттоли от Подоля изъгна власть татарскую. Сей Олгеръдъ и инныя руския державы во свою власть приятъ, и Киевъ под Феодором князем взят и посади въ немъ Володымера, сына своего. И нача над сими владѣти, им же отци его дань даяху»[1846]. Описание победы Ольгерда над татарскими правителями и захвате Подолья здесь, видимо, создано с привлечением хроники Стрыйковского, на что указывают

[1843] *Шабульдо Ф. М.*: 1) Синьоводска проблема: можливий спосіб її розв'язання. Київ : [б. и.], 1998. С. 21, 77; 2) Наративні джерела й перші дослідники про похід Ольгерда на Сині Води і Білобережжя // Україна в Центрально-Східній Європі. 2000. Вип. 1. С. 61—64.

[1844] *Русина О. В.*: 1) Синьоводська «Задонщина»: історіографічна першість чи історіографічний гібрід? // Український гуманітарний огляд. 1999. Вип. 1. С. 178—189; 2) Історія Київського князівства XIV—XV ст. у світлі нових даних. С. 192—194. См. также: *Шабульдо Ф. М.* Чого не схотіла або не змогла помітити моя рецензентка (відповідь на рецензію Олени Русиної) // Український гуманітарний огляд. 1999. Вип. 2. С. 198—217; *Русина О. В.* Синьоводська битва в сучасній українській історіографії. С. 127—136.

[1845] Подобного рода схемы см.: *Брайченко О. Д.* Синьоводська проблема: перспективи комплексних краєзнавчих досліджень // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях : зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 36; *Краўцэвіч А. К.* Сінія Воды: гістарычны нарыс. Мінск : А. М. Вараксін, 2017. С. 44—50.

[1846] ПСРЛ. Т. 40. С. 130.

формы имен «Котлубаха, Качзея (искажение от «Качбея». — *О. Л.*), Дмитра», но генезис известия о киевском князе Федоре остается неясным.

Несмотря на наличие большого корпуса научной литературы, посвященной Синеводскому сражению, вопрос с его датировкой представляется до сих пор весьма запутанным. В XIX — начале XX в. историки, справедливо отвергая ошибочные даты из хроники Быховца (1351 г.) и из хроники Стрыйковского (1331 г.), датировали это событие на основе Никоновской или Густынской летописей: соответственно 1363 г. (Н. М. Карамзин, М. С. Грушевский)[1847] или 1362 г. (В. Б. Антонович, Н. В. Молчановский)[1848], хотя авторитетность поздней и компилятивной Густынской летописи в этом вопросе кажется сомнительной. Точку в дискуссии, казалось бы, должно было поставить открытие и публикация в 1922 г. Рогожского летописца. Но единства среди исследователей все равно не возникло: некоторые по-прежнему датируют битву 1363 г. (И. Б. Греков, В. Л. Егоров, В. Л. Мыц, О. В. Белецкая)[1849] или 1362/63 гг. (Я. Куртыка)[1850], тогда как доминирующей тенденцией в какой-то момент стало датирование ее 1362 г. (С. М. Кучинский, А. И. Рогов, Ф. М. Шабульдо, Л. Л. Муравьева и др.)[1851]. Я. В. Пилипчук,

---

[1847] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 2. СПб. : Тип. Н. Греча, 1819. Т. 5. С. 17; *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 79—80.

[1848] *Антонович В. Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев : Унив. тип., 1878. Вып. 1. С. 149; *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 174—175.

[1849] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. С. 40; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. Изд. 3. М. : КРАСАНД, 2010. С. 51; *Білецька О. В.* Поділля на зламі XIV—XV ст.: до витоків формування історичної області. Одеса : Астропринт, 2004. С. 24, 111; *Белецкая О. В.* Подолье и татары во второй половине XIV — первой половине XV в.: эволюция даннических отношений // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск : БДУ, 2008. Вып. 4. С. 97; *Мыц В. Л.* Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України (до 600-річча битви на Ворсклі 1399 року). Полтава, 2002. № 1. С. 107—112.

[1850] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 30; Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3 : Ziemie Ruskie. Z. 3 : Urzędnicy Podolscy XIV—XVIII wieku. Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1998. S. 8.

[1851] *Kuczyński S. M.* Sine Wody. Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r. // *Kuczyński S. M.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa : PWN, 1965. S. 167; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи ... С. 167—168; *Муравьева Л. Л.* Заметки о Рогожском летописце. С. 149; *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. С. 56; *Шабульдо Ф. М.*: 1) Земли Юго-Западной Руси ... С. 42; 2) Битва біля Синіх Вод 1362 р.: маловідомі та незнані аспекти // Український

признавая, что в Рогожском летописце сообщение о Синеводской битве датируется 1363 г., все равно парадоксальным образом относит ее к 1362 г.[1852] Последняя гипотеза, т. е. датировка битвы 1362 г., основывается на том, что исследователи считают 6871 г. Рогожского летописца и Никоновской летописи сентябрьским, охватывавшим период с 1 сентября 1362 г. по 31 августа 1363 г.; соответственно С. М. Кучинский в цитированной работе датировал Синеводское сражение осенью 6871 сентябрьского года, т. е. концом 1362 г., а Ф. М. Шабульдо — концом сентября или началом октября 1362 г.

Между тем в Рогожском летописце при описании событий 60-х, 70-х и 80-х гг. XIV в. лишь в единичных случаях используется ультрамартовский или сентябрьский стиль. Зафиксировано всего два таких сообщения — под 6874 и 6876 гг., попавших в Рогожский летописец из какого-то источника с ультрамартовской или сентябрьской хронологией и не имеющих отношения к Южной Руси[1853]. Абсолютное большинство других сообщений, даты которых выпадают на период с сентября по февраль, однозначно датируются мартовским стилем: это, например, известия за 6876, 6884—6888, 6893 и 6898 гг. (некоторые из них касаются истории ВКЛ)[1854]. Можно также указать и на некоторые другие примеры, не отмеченные в исследовании Н. Г. Гришиной. Относительно использования хронологии по мартовскому стилю в статье Рогожского летописца за 6869 г. уже писал В. А. Кучкин[1855]. Под 6868 г. в Рогожском летописце говорится о лунном затмении: «Того же лѣта на зимоу мѣсяця ноября въ 22 день вечерѣ мѣсяць погиблъ, кроугъ мѣсячныи бысть како кровь»[1856]. Если бы 6868 г. в данном случае был сентябрьским, то это затмение приходилось бы на 1359 г., но согласно каталогу лунных затмений NASA астрономическому феномену, описанному в Рогожском летописце, соответствует лунное затмение, произошедшее 23 ноября 1360 г. (в каталоге № 8116)[1857]. Следовательно, 6868 г. в Рогожском летописце именно мартовский, охватывающий период с 1 марта 1360 г. по 28 февраля 1361 г.

історичний журнал. 1996. № 2. С. 5; 3) Синьоводска проблема: можливий спосіб її розв'язання ... С. 21—22; 4) Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях : зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 15.

[1852] *Пилипчук Я. В.* Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2014. Вып. 7. С. 296.

[1853] *Гришина Н. Г.* Полные календарные даты ... С. 70—72.

[1854] Там же. С. 72, 76, 78—79, 85—86, 89, 93.

[1855] *Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову : сб. статей. М. : Языки славянской культуры, 1997. С. 118, примеч. 27.

[1856] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 69—70.

[1857] *Espenak F., Meeus J.* Five Millennium Canon of Lunar Eclipses ... URL: http://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCLE/5MKLEcatalog.txt (дата обращения: 02.01.2015).

Еще один пример — упоминание о солнечном затмении под 6893 г.: «Тое же зимы мѣсяца генваря въ 1, на память святаго отца великаго Василиа, въ 7 часъ дни, егда люди отъобѣдываютъ, погыбе солнце и пребысть въ мраце два часа, и пакы свѣта исплънися»[1858]. По каталогу солнечных затмений NASA это описание соответствует солнечному затмению, состоявшемуся 1 января 1386 г. (№ 8058)[1859], что было бы невозможно, если бы 6893 г. был здесь не мартовским, а сентябрьским (т. е. охватывал бы период с 1 сентября 1384 г. по 31 августа 1385 г.).

Нет никаких оснований предполагать, что статья за 6871 г., в которой содержится известие о битве близ Синей Воды, является исключением из общего правила и датируется по сентябрьскому или ультрамартовскому стилю, а не по мартовскому, как большинство других статей Рогожского летописца о событиях 60-х, 70-х и 80-х гг. XIV в. Таким образом, опираясь на Рогожский летописец, правомерно датировать Синеводское сражение осенью 1363 г. В качестве дополнительного аргумента может служить и запись в одной из армянских рукописей (Солхат, 1363 г.), свидетельствующая о том, что в 1363 г. жители Крыма чувствовали себя в опасности в связи с военными действиями и бедствиями: «И в сие же время великое смятение царит от правителей земных <...> И вот, роет глава города ров вокруг города. И многие дома разрушает до основания, и разрушения бесчисленны, и все в страхе»[1860].

Летописную Синюю Воду большинство исследователей начиная с XIX в. идентифицируют как реку Синюху, левый приток Южного Буга[1861]. Синюха называется «Синей Водой» (Synauoda fl., Szynauoda fl., Szinauoda fl., Ziniw Woda fl. и т. д.) на целом ряде европейских географических карт XVI—XVIII вв. и в некоторых письменных источ-

---

[1858] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 69—70.

[1859] *Espenak F., Meeus J.* Five Millennium Catalog of Solar Eclipses: —1999 to +3000 (2000 BCE to 3000 CE). NASA Technical Publication NASA/TP-2008-214170. 2008 Oct 07. URL: http://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSE/5MKSEcatalog.txt (дата обращения: 02.01.2015).

[1860] Цит.: *Крамаровский М. Г.* Солхат и Мамай во второй половине 70-х — 80-е гг. XIV в. // Золотоордынское наследие. Казань : ООО «Фолиант» : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 8.

[1861] *Антонович В. Б.* Очерк истории ... С. 149; *Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход великого князя Витовта на татар в 1399 году. СПб. : Сенатск. тип., 1907. С. 99; *Kuczyński S. M.* Sine Wody ... S. 179; *Батура Р.* Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды. От нашествия Бату до битвы у Синих Вод : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс : Ин-т истории АН ЛитССР, 1972. С. 29; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды ... С. 51; *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 14.

никах того времени (если в них нет путаницы со Звенигородом)[1862]. Тюркской калькой славянского гидронима «Синяя Вода» является название реки Кагарлык, левого притока Синюхи[1863]. На карте Николая Кузанского (Рим, 1507) к востоку от Каменца и Скалы и к югу от Хмельника и Брацлава указан населенный пункт Sinchoff (?)[1864]. На карте Бернарда Ваповского 1526—1528 гг. на реке Suyna [vo]da рисунком обозначен населенный пункт без названия[1865]. На карте Европейской Сарматии Андрея Погрибки (1570) город Swiniowoda, расположенный на одноименной реке, однозначно отличается от соседнего Звинигорода (Swinigrod)[1866]. В московском источнике — «Книге Большому Чертежу» (1627) утверждается, что на реке Синюха находился город Синяя Вода, вероятно, татарский: «А вверх по реке по Бокгу 50 верст, пала в Бокг речка Синяя Вода, а на речке на Синеи Воде, 70 верст от Бокга, город Синяя Вода»[1867]. Опять же на основе картографических материалов XVII в., в которых город Синяя Вода называется в связке с городом Кодыма (находившимся на реке Кодыма, левом притоке Южного Буга), он локализуется на месте современного с. Торговица Кировоградской области Украины, располагающегося на реке Синюха[1868]. Согласно карте Гийома Боплана (1648), через Торго-

---

[1862] *Козир І. А.* До проблеми локалізації Синьоводської битви // Воєнна історія. 2011. № 4 (58). С. 45; *Чорний О. В.*: 1) Ідентифікація літописних географічних орієнтирів Синьоводської битви 1362 року // Там же. С. 73—75; 2) Історична географія правобережної України середини XIV століття в контексті битви на Синіх Водах // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 51—54; *Брайченко О. Д.* Синьоводська проблема ... С. 36—37; *Bucevičiūtė L.* Mėlynieji Vandenys istorinės kartografijos kontekste // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. P. 121—124 .

[1863] *Лучик В. В.* Формування географічних назв у зв'язку з етнолінгвальними процесами в басейні річки Синюхи // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2003. С. 130.

[1864] *Alexandrowicz S.* Kartografia Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku. Warszawa : Aspra, 2012. S. 279.

[1865] Ibid. S. 280.

[1866] Ibid. S. 296.

[1867] Книга Большому Чертежу / подгот. к печати К. Н. Сербиной. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 112.

[1868] *Козир І. А.* До проблеми локалізації Синьоводської битви. С. 46; *Козир І. А., Чорний О. В.* Локалізація місця битви на Синіх Водах 1362 р. у світлі нових джерел // Український історичний журнал. 2012. № 2. С. 13—17. — Ф. М. Шабульдо высказывал мнение, что город Синяя Вода (на месте современной Торговицы) иногда фигурировал в источниках XV—XVI вв. под тюркским

вицу проходил так называемый Черный шлях, который вел из Причерноморья на Подолье, Волынь и в Галицкую Русь[1869]. В местном украинском фольклоре сохранились отрывочные свидетельства о какой-то битве с татарами в районе Синюхи и расположенного поблизости села Чеснополя, хотя их сложно признать убедительными[1870].

В разное время предлагались и другие варианты локализации Синей Воды, на которой, по данным «Повести о Подолье», произошла битва. Так, М. С. Грушевский отмечал, что по материалам подольских люстраций XVI в. название «Sinovoda» носила река Сниводь (Снивода), близ которой проходил «татарский шлях» на порубежье Киевской, Волынской и Подольской земель[1871]. Недавно Л. Буцевичюте, анализируя картографические материалы XVI—XVIII вв., обратила внимание, что на карте Николая Радзивилла Сиротки 1613 г. вместо Синей Воды указано с. Уланов, находящееся на Сниводе. С учетом того, что Уланов находился на Черном шляхе, которым татары ходили в глубь южнорусских земель, это дало ей основания предполагать, что Синеводское сражение могло все-таки произойти в районе Сниводы[1872]. Проблема, однако, в том, что Торговица тоже находилась на одном из отрезков Черного шляха, как уже говорилось выше.

У гипотезы о локализации битвы на Сниводе есть немало сторонников в краеведческом сообществе. Н. Н. Дорош идентифицирует летописную Коршеву как Корец на Волыни, Белобережье как одноименный населенный пункт близ реки Случи, упоминаемый в Галицко-Волынской летописи, Синюю Воду как позднейшее местечко Уланов на Сниводе и утверждает, что Торговицей в старину называлась Винница[1873]. По мне-

---

названием Ябгу-город (*Шабульдо Ф. М.* Синеводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації ... С. 17—19).

[1869] *Beauplan G.* Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina, 1648; Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. I : Aa — Dereneczna. Warszawa : Druk «Wieku», 1880. S. 770. О Черном шляхе см. также: *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли ... С. 121—122; *Михайловський В. М.* Формування території історичного Поділля у другій половині XIV ст. // Український історичний журнал. 2017. № 3. С. 74; *Nykiel B.* Wpływ czynnika tatarskiego na życie Bracławszczyzny (XIV—XVII wiek). Kilka uwag w świetle źródeł // Поляки на півдні України — Polacy na Południowej Ukrainie. Одеса ; Ополє ; Ольштин : [б. и.], 2006. S. 31.

[1870] *Брайченко О. Д.* Синьоводська проблема ... С. 30—31; *Batūra R.*: 1) Mėlynųjų Vandenų mūšio pergalė 1362/1363. Vilnius, 2012. P. 7; 2) Šaltiniotyriniai Mėlynųjų Vandenų mūšio aspektai // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. P. 93—94.

[1871] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 82.

[1872] *Bucevičiūtė L.* Mėlynieji Vandenys ... P. 124—125.

[1873] *Дорош М.* Маршрут походу русько-литовського війська 1362 року — ключ до локалізації літописних Корчева, Синьої Води, Білобережжя, Торговиці та Звенигорода // Воєнна історія. 2011. № 4 (58). С. 30—43.

нию В. Маринича, на то, что битва имела место на реке Сниводе, указывает обилие курганов в той местности[1874], но их датировка и происхождение неясны, а может быть, некоторые из них следует связывать с проходившим через Сниводу Черным шляхом. Недоразумением объясняется еще один аргумент сторонников этой гипотезы — что Ольгерд якобы сразу же после битвы взял Хмельник, расположенный близ Сниводы[1875]. Это известие восходит к старому справочнику населенных пунктов Винницкой области, который, в свою очередь, ссылается на «Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета». В них же про Хмельник говорится только то, что он в 1331 г. вместе с другими городами Подолья перешел под власть Кориатовичей[1876]. По дате нетрудно догадаться, что это сообщение опирается на хронику Стрыйковского и основано на нехитрой логике: если все города Подолья перешли к Кориатовичам, то и Хмельник тоже. Сложно отделаться от впечатления, что некоторые авторы, отстаивающие приоритет Сниводы, руководствуются в первую очередь «патриотическими» мотивами, стремясь привязать локализацию битвы к своей родной местности[1877].

Ф. К. Брун на основе материалов польского писателя XVI в. Станислава Сарницкого отмечал, что Синей Водой в древности называлось Аджигольское озеро около Очакова[1878]. В историографии такую локализацию Синеводской битвы («при Днепро-Бугском лимане») поддержал, например, М. К. Любавский[1879]. Действительно, в малоизвестном историко-географическом произведении Сарницкого «Описание давней и новой Польши» (1585) Синяя Вода определяется как ряд озер-лиманов на побережье Черного моря недалеко от Перекопского перешейка Крыма, тогда

[1874] *Маринич В.* Давні могильники на берегах Сниводи як джерело локалізації Синьоводської битви 1362 року // Воєнна історія. 2011. № 4 (58). С. 63—67.

[1875] *Рогозовська А. В.* Загадка з XIV століття: визначальна битва для Поділля // Актуальні питання вітчизняної та світової історії : збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23—24 квітня 2010 року. Суми : СумДУ, 2010. С. 44.

[1876] Історія міст і сіл Української РСР : в 26 т. Т. 2 : Вінницька область. Київ: Інститут історії АН УРСР, 1972. С. 661; Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Вып. 9 : Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск : Тип. С. П. Киржацкого, 1901. С. 606.

[1877] Краткий обзор см.: *Рогозовська А. В., Романюк І. М.* Історіографія історії середньовічного Поділля в контексті битви на Синіх Водах 1362 р. // Сумський історико-архівний журнал. 2011. № 12—13. С. 24—25.

[1878] *Брун Ф. К.* Примечания [Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy] // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса : Городская тип., 1853. Т. 3. С. 457.

[1879] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М. : Московская худож. печатня, 1915. С. 26.

как Торговица, по мнению, Д. С. Вырского, локализуется не на месте современного с. Торговица, а скорее в окрестностях острова Тавань на нижнем Днепре[1880].

В Галицко-Волынской летописи под 1240 г. также упоминается с. Синеводско (Синеволодско), где находился монастырь Святой Богородицы и проходил древний путь из Венгрии на Русь[1881]. Оно локализуется близ современных населенных пунктов Верхнее Синевидное и Нижнее Синевидное Сколевского района Львовской области. Применительно к проблематике Синеводского похода на это село указала Е. В. Русина[1882], но без широкого контекста, поэтому исторические обстоятельства, при которых битва могла бы произойти именно здесь, остаются неясными.

Таковы основные точки зрения на проблему локализации Синей Воды.

Хотя на территории Подольской земли насчитывается три реки под названием Синюха и две под названием Снивода[1883], идентификация Синей Воды из Рогожского летописца и «Повести о Подолье» как населенного пункта на реке Синюхе, притоке Южного Буга, представляется мне все же наиболее обоснованной, поскольку кроме картографических и письменных источников косвенно подтверждается комплексом археологических и нумизматических данных. На берегах Южного Буга и его притоков выявлены следы нескольких золотоордынских поселений, в том числе в районе устьев рек Синюха и Кодыма, где в древности существовала переправа под названием «Витовтов брод»[1884]. На территории современной Торговицы археологами также открыто золотоордынское поселение первой половины XIV в.: найдены характерные для золотоордынской материальной культуры глиняные тандыры, трубы водопровода,

---

[1880] *Вирський Д. С.* Українське Подніпров'є в С. Сарницького «Описі давньої та нової Польщі» (1585) // Історико-географічні дослідження в Україні : зб. наук. прац. 2009. Вип. 11. С. 29—30.

[1881] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

[1882] *Русина О. В.* Синьоводська битва в сучасній українській історіографії // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 131.

[1883] *Мороз В. С., Мороз В. С.* Синьоводська битва — предтеча Подільского князівства // Кам'янець-Подільский у контексті українсько-європейських зв'язків : матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції, м. Кам'янець-Подільский, 17—18 травня 2012 р. Кам'янець-Подільский : ПП «Медобори-2006», 2016. С. 19.

[1884] *Петрунь Ф. Е.* Степове Побужжя в господарському та військовім укладі Українського пограничча // Журнал науково-доследчих катедр м. Одеси. Одеса, 1926. Т. II, № 2. С. 94—95; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды ... С. 82—83; *Єльников М. В.* Золотоординські часи на українських землях. Київ : Наш час, 2008. С. 123—124.

остатки каменной бани и керамической мастерской. Исследованные объекты, как видно, в древности пострадали от пожара. Чеканка ордынских и пражских монет, обнаруженных в торговицких кладах и могильнике, датируется периодом с 1290 по 1360 г. (не считая, впрочем, отдельных экземпляров, имеющих аналоги от 40—50-х и вплоть до 70-х гг. XIV в.), и это дает исследователям основания предполагать, что жизнь в этом золотоордынском поселении прервалась в начале 60-х гг. XIV в.[1885] Михалон Литвин писал в XVI в., что на месте Торговицы в его время сохранялись развалины, подземелья, гроты, мраморные плиты и остатки мощных стен[1886].

Вместе с тем точно локализовать место битвы близ с. Торговица либо в прилегающих районах (с. Чеснополь или место впадения реки Кагарлык в Синюху) пока не представляется возможным[1887].

[1885] *Бокій Н. М., Козир І. А.* Комплекс золотоординського часу біля с. Торговиця на Кіровоградщині (попередня публікація) // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2003. С. 45—46, 61—62, 73, 75—78; *Бокій Н. М., Козир І. А., Позивай Т. Д.*: 1) 10 років археологічних досліджень золотоординської пам'ятки біля с. Торговиці на Кіровоградщині // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.) : матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2006. С. 4—11; 2) Археологічні дослідження золотоординської пам'ятки в басейні Синюхи // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні : збірник наукових праць. Київ : [б. и.], 2007. Вип. 16. С. 414—424; *Козубовський Г. А.* Синьоводська битва 1362 р. і зміни у грошовому обігу Південної Русі—України // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2003. С. 96; *Козир І. А.*: 1) До проблеми локалізації Синьоводської битви. С. 47—49; 2) Торговицький археологічний комплекс та проблема локалізації Синьоводської битви 1362 року // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 11—17; *Козир І. А., Чорний О. В.* Локалізація місця битви ... С. 21—24.

[1886] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В. И. Матузовой ; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 99; *Шабульдо Ф. М.* Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації. С. 19.

[1887] *Брайченко О. Д.* Синьоводська проблема: перспективи комплексних краєзнавчих досліджень // Краєзнавство. 2003. № 1—4. С. 182; *Моця О. П.* Синьоводська битва 1362 р. в контексті майбутніх досліджень // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.) : матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2006. С. 94—96.

Местонахождение и протяженность Подольской земли в XIV в.

Рассмотрим теперь вопрос о местонахождении и протяженности Подольской земли в описываемый период. В исторических источниках макротопоним Подолье, который обозначал страну, расположенную «по долу» (внизу), появляется в 50—60-х гг. XIV в.[1888] По мнению ряда исследователей, в конце XIV — начале XV в. территория Подольской земли с запада на восток простиралась от Днестра и его левых притоков до правобережных районов Днепра, включая Звенигород и Черкассы, а на юге доходила до побережья Черного моря в бассейне Днестра[1889].

Уже из описания военных действий 6765 (1258) г. между Галицко-Волынским княжествами татарами Куремсы (Курумиши) можно заключить, что граница между их владениями проходила по верховьям Горыни и Случи: на стороне Галицко-Волынского княжества были Шумеск и Кременец, а в составе татарской Болоховской земли, позднее ставшей частью Подолья, находилось Межибожье[1890]. В 1366 г. мы видим Межибожье в составе Волынской земли как владение князя Любарта[1891], а в последующие десятилетия эта волость на Южном Буге вновь стала относиться к Подолью.

В документе короля Польши Владислава (Ягайла) для Спытка из Мельштына от 13 июня 1395 г. в составе Подольской земли называются

[1888] *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 70, 92; *Пламеницька О. А.* Castrum Camenecensis. Фортеця Кам'янець: (пізньоантичний — ранньомодерний час). Кам'янець-Подільський : ФОП Сисин О. В., 2012. С. 42. — Другой вариант этимологии выводит название «Подолья» от большого количества долин и балок, которыми изобилует левобережная часть бассейна Днестра (*Михайловський В. М.* Формування території історичного Поділля ... С. 68).

[1889] *Антонович В. Б.* Очерк истории ... С. 150; *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 173; *Петрунь Ф. Е.* Ханські ярлики на українські землі ... С. 140; *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 79—86; *Михайловський В. М.*: 1) Спитко з Мельштина — володар Західного Поділля в 1395—1399 рр. // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2013. Вип. 12—13. С. 215; 2) Формування території історичного Поділля ... С. 75.

[1890] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 838; *Черкас Б. В.* Західні володіння улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII—XIV ст.). Київ : Інститут історії України, 2014. С. 241. Межибожье — теперь поселок городского типа Меджибож Хмельницкой области (*Куза А. В.* Древнерусские городища X—XIII вв. Свод археологических памятников. М. : [б. и.], 1996. С. 206).

[1891] *Довнар-Запольский М. В.* Из истории литовско-польской борьбы за Волынь ... С. 10; *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 78. См. также договор 1366 г. в Приложении 3 к настоящей работе.

Смотрич[1892], Каменец, Червоногород[1893], Скала[1894], Бакота[1895], Межибожье, Божск[1896] и Винница, а также два центра, которые еще в середине XIV в. перешли под контроль Польского королевства, — Теребовля и Стенка[1897]. В документе королевы Ядвиги от 10 июля того же года к ним прибавляются также замки Звенигород и Черкассы[1898]. «Список русских городов дальних и ближних» относит к подольским городам Каменец, Иловец[1899], Брацлав, Соколец, Звенигород[1900], Черкассы, Черлен (видимо, Червоногород), Новый городок[1901], Винницу, Скалу и Бакоту[1902]. В «Списке городов Свидригайла», составленном в начале 30-х гг. XV в., замками Подольской земли названы Черкассы, Звенигород, Соколец, Каравул (на

[1892] Смотрич — теперь поселок городского типа Дунаевецкого района Хмельницкой области.

[1893] Czirwonigrod; локализуется близ с. Нырков Залещицкого района Тернопольской области (Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 1. S. 845; *Білецька О. В.* Червоногродський повіт Подільскої землі наприкінці XIV—XVI ст. // Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: історичні науки. 2017. Вип. 3. С. 62).

[1894] Скала — теперь Скала-Подольская в Борщевском районе Тернопольской области.

[1895] Бакота — ранее село Каменец-Подольского района Хмельницкой области; в 1981 г. затоплено при строительстве водохранилища.

[1896] Божск (Божский), возможно, локализуется в районе с. Сусловцы Летичевского района Хмельницкой области, где на левом берегу Южного Буга сохранилось древнерусское городище (*Терещук К. І.* До питання про локалізацію Болохівської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ : Наукова думка, 1976. С. 174; *Куза А. В.* Древнерусские городища ... С. 207). По предположению В. М. Михайловского, он находился на месте современного Летичева (*Михайловський В. М.* Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV — 70-х роках XVI ст. Київ : Темпора, 2012. С. 33). Этот город не следует путать с другим Божском (или Бужском), который находился на Западном Буге близ Львова (теперь г. Буск Львовской области).

[1897] CEV. S. 38—39; *Paszkiewicz H.* O genezie ... S. 273. Стенка, судя по положению древнерусского городища, локализуется в 2 км севернее современного одноименного села Бучачского района Тернопольской области недалеко от Теребовли (*Куза А. В.* Древнерусские городища ... С. 201).

[1898] Zbiór dokumentów Małopolskich. Cz. 6. S. 467.

[1899] Иловец, вероятно, тождествен Язловцу, находившемуся на месте современного Язловца Бучачского района Тернопольской области (*Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 97).

[1900] Звенигород — как говорилось выше, теперь г. Звенигородка Черкасской области.

[1901] Локализация подольского Нового городка неясна; по данным М. Н. Тихомирова, основывавшегося на карте 1734 г., он находился к югу от Брацлава (*Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 229).

[1902] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 223, 229; *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 98.

Днестре близ современного с. Рашков Приднестровской Молдавской Республики)[1903], два пункта на левобережье гирла Днестра — Черный город и Маяк, и два на Черноморском побережье — Хаджибей (на месте современной Одессы) и Дашев (локализация неясна; возможно, находился рядом с современным Очаковом) около границы с Кафой[1904].

В записках Жильбера де Ланнуа, как уже отмечалось выше, под 1421 г. говорится о том, что подольский староста Гедигольд построил замок на берегу Днестра напротив замка Белый город (тюркское название Аккерман; теперь г. Белгород-Днестровский)[1905]; из этого следует, что Великое княжество Литовское на то время контролировало левобережье Днестра до самого моря.

Интересной представляется недавняя попытка привлечь для приблизительного определения древней территории Подольской земли данные языкознания. Подольская группа диалектов украинского языка распространена на востоке Тернопольской, в южной части Хмельницкой и Винницкой областей, в западных районах Киевской, Черкасской и Кировоградской областей, а также на севере Николаевской и в северо-западных районах Одесской области[1906].

Локализация основных городов Подолья в целом не вызывает вопросов (за исключением Нового городка). Однако небольшую ремарку следует сделать относительно Сокольца. Публикуя грамоту 1391 г. с пожалованием Сокольца Гриньку, А. И. Груша отождествил этот город с современным с. Соколец, находящимся в Немировском районе Винницкой области — на реке Южный Буг в нескольких километрах к западу от Брацлава[1907]. Однако такая локализация средневекового Сокольца не вполне подтверждается археологическими данными. В Сокольце Немировского района выявлены только поселения эпохи неолита и славянское поселение VIII—IX вв., а следующие исторические данные о нем относятся уже к XV в.[1908] Между тем в нескольких километрах к востоку от Каменца-Подольского на р. Ушица располагается другой Соколец — теперь село Дунаевецкого района Хмельницкой области, и как раз в нем выявлен целый ряд памятников древнерусского периода и городища

[1903] *Антонович В. Б.* Несколько данных о землевладении в южной Украине в XV столетии // Киевская старина. 1896. № 10. С. 10—12.

[1904] *Петрунь Ф. Е.*: 1) Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу // Східний світ. 1928. № 6. С. 157—160, 162; 2) Ханські ярлики на українські землі ... С. 141—142; *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 85—86, 97; *Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла» ... С. 120.

[1905] *Lelewel J.* Rozbiory dzieł ... S. 413—415.

[1906] *Козир І. А., Чорний О. В.* Локалізація місця битви ... С. 19.

[1907] *Груша А. І.* Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча ... С. 131.

[1908] Історія міст і сіл Української РСР : в 26 т. Т. 2. С. 504.

в урочищах Городиско и Замковиско[1909]. Один из памятников — это деревянная древнерусская церковь, которая стояла над могильником XII—XIII вв. (стало быть, датируется более поздним временем) и была уничтожена пожаром[1910]. О губительном для Сокольца пожаре сообщается и в пожаловании 1391 г. для Гринька Соколецкого: «Аж пакь по грѣху городъ ему с тыми привильи сгорѣлъ». На обоснованность такой локализации указывает также один документальный источник. В инвентаре Несвижского архива за 1650—1651 гг. сохранился регест документа, согласно которому в 1450 г. Гринько и его сыновья продали Соколец каменецкому старосте, генеральному старосте Подолья Теодориху Бучацкому: «List Hrynka dziedzica Sokoleckiego y synow iego przedaży horodca nazwanego Sokolki panu Detrychu Buczackiemu za 1000 kop groszy litewskich lidzby wielkiey. Dany w Kamiencu roku 1450»[1911]. Рядом размещен и регест известного нам пожалования 1391 г. для Гринька Соколецкого: «Danina kniaziów Fiedora y Constantego Korybutowiczow (sic!) dziedzicow y hospodarow Podolskiey ziemie horodca Sokolec Hrynkowi za iego wierne służby. Dan przed Narodzeniem Jana S. Krzciciela»[1912]. Учитывая значительность суммы (60 тыс. грошей), речь в обоих регестах, видимо, идет об одном и том же населенном пункте («horodec Sokolki» = «horodec Sokolec») — и это, похоже, именно тот Соколец, который находится близ Каменца. Дело в том, что в середине XV в. Подольское староство входило в состав Польского королевства и охватывало Каменец, Летичев, Скалу, Хмельник, Бакоту и Межибожье, тогда как Винница и Брацлав с прилегающими округами находились во владении князя Свидригайла[1913]. Маловероятно, чтобы Теодорих Бучацкий мог тогда приобрести имение близ Брацлава. Таким образом, Соколец, которым владел Гринько, следует локализовать на реке Ушице рядом с Каменцом, а Соколецкая волость, выделенная Гриньку князьями Кориатовичами, находилась восточнее на значительном удалении от него. Возможно, именно люди Гринька основали Соколец на Южном Буге, назвав

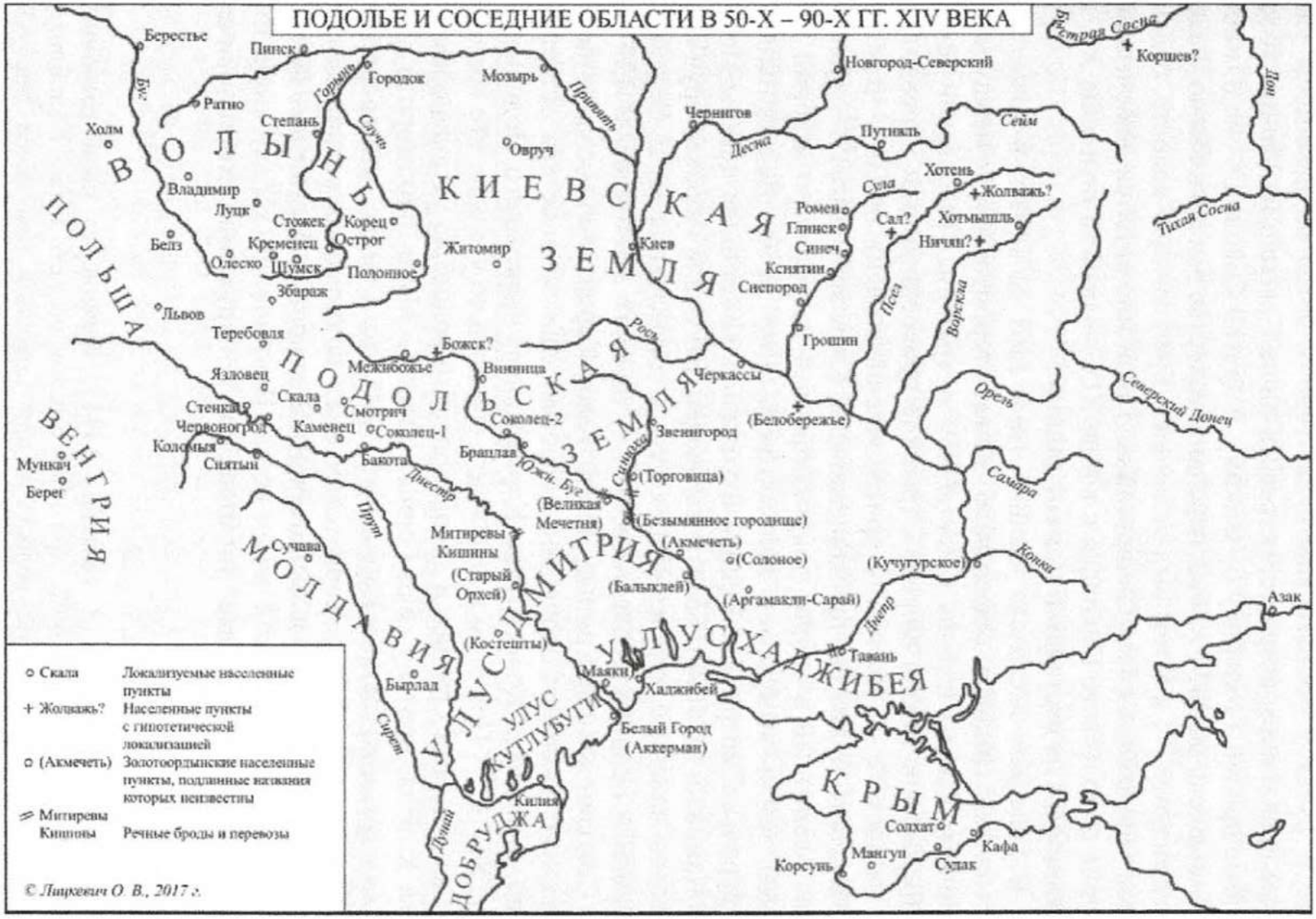
[1909] *Захар'єв В.* Археологічно досліджені давньоруські церкви Хмельниччини // Археологія і фортифікація України. IV Всеукраїнська науково-практична конференція Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника. Кам'янець-Подільський : ПП «Медобори-2006», 2014. С. 147.

[1910] Там же. С. 148—149; *Баженов О. Л.* Історія та культура Середнього Подністров'я IX—XIII століть : монографія. Кам'янець-Подільський : [б. и.], 2009. С. 191.

[1911] AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Rękopisy z biblioteki Radziwiłłów w Nieświże. VIII-16. Zebranie przywilliów praw i spraw roznych y na różne majętności. S. 262.

[1912] Ibid.

[1913] *Kurtyka J.*: 1) Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 52; 2) Repertorium Podolskie ... S. 514.



Подолье и соседние области в 50—90-х гг. XIV в. Автор карты О. В. Лицкевич

его в честь своего административного центра, однако, видимо, уже в правление Витовта все земли к востоку от Винницы и Брацлава, относившиеся к Соколецкой волости, перешли в состав великокняжеского домена. В руках у Гринька вплоть до 1450 г., когда он находился уже в весьма преклонном возрасте, оставался лишь Соколец на Ушице, который и был продан Теодориху Бучацкому, а другой Соколец — на Южном Буге — сначала, до 1434 г., был передан в качестве выслуги князю Федору Несвизскому[1914], а затем был включен в Брацлавскую волость, отданную под управление князя Свидригайла. Такой мне видится локализация и история подольского Сокольца в конце XIV — первой половине XV в. по имеющимся на настоящий момент данным.

О. В. Белецкая высказала мнение, что с 1363 по 1393 г. в правление Кориатовичей Подолье охватывало только территорию в междуречье Смотрича и Ушицы и лишь в конце XIV в. границы Подольской земли продвинулись на западе до реки Стрыпа (с присоединением Червоногорода), а на востоке до Днепра (с присоединением Звенигорода и Черкасс, первоначально будто бы принадлежавших Киевской земле)[1915]. Новый, недавно введенный в оборот документальный материал по истории Подольской земли вынуждает пересмотреть этот тезис. Действительно, в междуречье Смотрича и Ушицы находились важнейшие центры Подолья — Каменец, Смотрич, Бакота и Соколец. Но Скала на реке Збруч располагалась западнее территории, которую определила О. В. Белецкая, а Винница и Брацлав, соответственно, — намного восточнее. В 1391 г., жалуя Соколец нобилю Гриньку, князь Федор Кориатович сослался на то, что Гринько владеет Соколецкой волостью еще по воле его «старшей братьи», т. е. князя Константина Кориатовича, правившего Подольем в 80-х гг. XIV в.[1916] При этом в документе специально указано, что граница между владениями Гринька и Звенигородской волостью устанавливается по реке Конела, притоку реки Горный Тикич: «А wт Звинигорода дали есмы ему границю ажь по Конелыи»[1917]. Из этого видно, что господарь Подольской земли Федор Кориатович имел полномочия распоряжаться не только Соколецкой, но и Звенигородской волостью. Не позднее 80-х гг. XIV в. в состав Подольской земли вошла Винница, поскольку князь Василий Винницкий впервые упоминается в окружении Кориатовичей

[1914] Федор Несвизский 7 сентября 1434 г. перечислил свои вотчинные владения: «...при моюи вотнинѣ, при Избаразискои волость и при Вѣнницикои волость и при Хмѣлиньскую волость и при Соколици при моюи выслузѣ» (*Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 130).

[1915] *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 80, 92.

[1916] *Груша А. І.* Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча... С. 131—132.

[1917] Там же. С. 132.

в 1388 г.[1918] В 1392 г. князь Федор Кориатович пожаловал несколько сел в Брацлавской волости нобилю Пашку Васневичу: зона хозяйственной деятельности согласно этому документу на юге доходила до Сарадчина (теперь село Саражинка Балтского района Одесской области) и Саврани (теперь райцентр Одесской области)[1919], откуда уже рукой подать до района, в котором локализуется древний золотоордынский населенный пункт Синяя Вода. В этом же документе среди сановников князя Федора Кориатовича упоминается «пан Бедрых Черкаскии воевода», т. е. он на тот момент контролировал и Черкассы[1920]. Что же касается западного рубежа Подольской земли, то имеются данные о том, что уже в середине 70-х гг. XIV в. он проходил по реке Стрыпа. Червоногород перешел в состав Подольской земли не позднее 1374 г., когда в окружении князей Александра и Юрия Кориатовичей называется червоногородский воевода Гринько. Иловец (Язловец) также мог принадлежать Подолью уже в 1373 г.[1921] Кроме того, необходимо учитывать, что, согласно письму короля Венгрии и Польши Людовика Анжуйского правителю Падуи Франческо да Каррара от 29 сентября 1377 г., князья Подолья Александр и Борис передали под его сюзеренитет 11 замков, что явно превышает количество замков в междуречье Смотрича и Ушицы. Таким образом, документальные источники недвусмысленно свидетельствуют, что формирование основной части Подольской земли происходило и завершилось еще в правление князей Кориатовичей. Точно определить на основе имеющихся данных первоначальное ядро владений Кориатовичей на Подолье и динамику его расширения вряд ли возможно, но можно уверенно сказать, что в 80-х гг. XIV в. в состав управляемой ими Подоль-

---

[1918] *Михайловський В. М.* Правління Коріатовичів на Поділлі (1340-ві — 1394 рр.): соціальна структура князівського оточення // Український історичний журнал. 2009. № 5 (488). С. 40.

[1919] «А Пашковым людем волно во всих лесех стояти пасеками и бчол искати, а Пашко мает на них перепис мѣти и ловити куницы, и искати в Саврани и Сарадчыне и Боброве» (*Микульский Ю. Н.* Новая грамота князя Федора Кориатовича ... С. 149).

[1920] Там же. С. 150. На это же косвенно указывают и находки подольских монет в Черкассах и близ Звенигородки (*Шостопал А. В.* Монети XIV ст. карбовані на Поділлі // Нумізматіка і фалеристика. 2007. № 3. С. 24—26; *Погорілець О. Г., Саввов Р. В.* Про нові знахідки монет Подільского князівства // Нумізматика і фалеристика. 2007. № 4. С. 28—31).

[1921] *Михайловський В. М.* Правління Коріатовичів ... С. 38, 42—43; *Підставка Р.* До питання витоків мурованого оборонного будівництва Середнього Подністров'я: Язловець // Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я. II Всеукраїнська науково-практична конференція Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника. Кам'янець-Подільський : ПП «Медобори-2006», 2012. С. 150—152.

ской земли входили следующие территории: в западной части с рубежом по реке Стрыпа — волости Червоногрод и Иловец; в центральной части — волости Каменец, Смотрич, Бакота и Скала; на границе с Волынью — волости Межибожье (вернувшаяся в состав Подолья после 1366 г.) и Божск, на границе с Житомирской волостью Киевской земли — Винницкая волость[1922]; в восточной и юго-восточной части — Соколецкая и Брацлавская волости; на востоке, к югу от реки Рось, т. е. от киевского пограничья, — Звенигородская и Черкасская волости[1923]. Не вполне ясной остается административно-территориальная принадлежность Збаражской волости, примыкавшей с юго-востока к волынским волостям Олеско, Подкамень и Кременец. В уже упоминавшемся выше документе от 7 сентября 1434 г. подольский староста Федор Несвизский назвал Збаражскую, Хмельницкую (видимо, бывшую Божскую) и Винницкую волости своей вотчиной[1924]. Однако дело запутывается из-за генеалогической традиции XVI в., согласно которой князья Збаражские выводили свое происхождение от Дмитрия Корибута Ольгердовича[1925]. Исходя из сфрагистических[1926] и генетических[1927] данных, представляется

[1922] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 89—90.

[1923] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 27.

[1924] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 130.

[1925] Ср.: *Paprocki B.* Herby rycerstwa Polskiego (1584) / wyd. K. J. Turowski. Kraków : Wydawnictwo Biblioteki Polskiej, 1858. S. 832.

[1926] Старая гипотеза о тождественности Федора Корибутовича и Федора Несвизского опровергнута Вл. Семковичем на основе сфрагистического материала (*Semkowicz W.* Korybutowicze i Nieświzcy w świetle sfragistyki // Miesięcznik heraldyczny. 1913. No 11—12. S. 200—204).

[1927] В литературе уже указывалось на этот аргумент, см.: *Саввов Р. В.* Печатка «Корибута» — речовий доказ давнього фальшування // Програма проведення V Міжнародної наукової конференції «Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки», 21—22 червня 2018 р. Меджибіж ; Переяслав-Хмельницький ; Кропивницький ; Київ, 2018. URL: https://independent. academia.edu/RostislavSavvov (дата обращения: 09.02.2019). Исследование генетических материалов некоторых предполагаемых потомков Рюриковичей, живущих в наше время, началось в конце 2006 г. в рамках нескольких проектов, из которых самый известный — «Rurikid Dynasty DNA Project». Предварительные результаты, озвученные в статье В. Г. Волкова, показывают, что князь Корибут-Воронецкий (потомок князя Люциана Корибут-Воронецкого, жившего в XIX в.) и Якуб Пузына имеют общее происхождение с некоторыми другими предполагаемыми потомками Рюриковичей, а исследование гаплотипов выявляет особенную близость между двумя этими родами (см.: *Волков В. Г.* Все ли Рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимина в свете последних генетических исследований // Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования : материалы XIV Петербургских генеалогических чтений. Санкт-Петербург, 26 июня

все же, что эта традиция неточна и что Збаражская волость в последней четверти XIV в. с большой долей вероятности принадлежала Несвизским и входила в состав Подольской земли[1928]. На юге влияние Подольской земли распространялось до бассейнов рек Кодыма и Синюха (см. также ниже о границах владений татарского эмира Дмитрия). В одном из источников, который мы подробнее рассмотрим ниже, отмечается, что в 1374 г. господари Подольской земли владели Белым городом (Аккерманом), но это было, видимо, временное приобретение. Центрами в низовьях Днестра и на Черноморском побережье Великое княжество Литовское надежно завладело только в правление Витовта, когда и сформировались очертания южной границы, представленные в «обводе» черкасского наместника Свирплова (50-е гг. XV в.): от впадения Мурафы в Днестр, далее Днестром до лимана и побережьем Черного моря, включая Очаков, до устья Днепра, далее Днепром до острова Тавань, где были перевозы «наполы с перекопским царем», и вверх по Днепру до устья Овечьей воды (впадающей в Днепр ниже р. Конки), от верховьев Овечьей воды через реки Самара и Орель до Северского Донца и от Донца к Тихой Сосне[1929].

2010 г. СПб. : РНБ, 2012. С. 15, 17). Иными словами, Корибут-Воронецкий и Пузына происходят от одной и той же ветви Рюриковичей. А ведь, как известно, Корибут-Воронецкие выводили свой род от князей Несвизских (через Василия Васильевича Несвизского, владетеля Збаража и внука Федора Несвизского), которых они ошибочно считали потомками Дмитрия Корибута Ольгердовича, а Пузыны связаны происхождением со смоленскими князьями Глазынами либо, по фамильной легенде, с козельскими князьями, ветвью черниговских Рюриковичей (*Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy … S. 276, 405; *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa : Druk J. Bergera, 1887. S. 266). Это ставит под вопрос любые попытки вывести происхождение Несвизских от Гедимина, в том числе через Кориатовичей (*Папа І.* Загадка походження князя Федька Несвіцького: давні та новітні дискусії // Вісник Львівского университету. Сер. істор. 2011. Вип. 46. С. 63).

[1928] Существует вероятность, что и родовой город Несвизских — Nieswiez, упоминаемый Длугошем под 1415 г. на пути из Каменца-Подольского и Смотрича в Кременец, находился в Збаражской волости; может быть, его следует отождествлять с городищем Маначин (*Келембет С. М.*: 1) Походження князів Несвізьких, Збаразьких та Вишневецьких // Культура народов Причерноморья. 2009. № 164. С. 76; 2) Князі Несвізькі, Збаразькі та Вишневецькі — нащадки чернігівських Ольговичів? // Сіверянський літопис. 2016. № 3 (129). С. 9; *Dlugosz J.* Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Ks. 11 : 1413—1430. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. S. 56).

[1929] *Шабульдо Ф. М.* «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // Ruthenica. Київ, 2010. Т. 9. С. 63—64.

Битва близ Синей Воды в контексте взаимоотношений Литвы и Золотой Орды

Данных о функционировании атаманов в Подольской земле в XIV в. практически не сохранилось. Сам этот термин с неясной этимологией[1930], видимо, был распространен в старину на всей территории Руси, так как в форме «ватаман» и в значении «низовой начальник, старейшина» фиксируется в новгородских материалах XIII—XV вв.[1931] В молдавской грамоте 1422 г. «ватаманом» назван начальник одного из сел, и публикаторы отметили, что это слово означает «представителя старой племенной молдавской знати»[1932]. Часто встречается термин «отамон» в люстрации Киевской земли 1471 г., а также в инвентаре сел Поросья конца XV в., где его значение, вероятно, то же — староста села[1933]. Согласно инвентарю 1494 г., примерно аналогичная должность «ватаманов» имелась тогда и на Подолье — например, в селах Белая и Лычков Смотричской волости и в с. Лясковичи Каменецкой волости[1934]. По предположению П. Г. Клепатского, в XV в. на Южной Руси атаманами называли начальников сел, или «осадчих», которые должны были привлекать поселенцев для колонизации возглавляемых ими сел[1935]. Е. В. Русина считает, что институт «атаманов» развился под влиянием Орды на основе древнерусского института «старцев», аналогичного тому, который сохранялся в некоторых поветах ВКЛ (например, Мозырском и Любецком) еще в XVI в.: «старцам» принадлежали судебно-административная власть в волостях и право сбора налогов[1936].

Согласно Галицко-Волынской летописи, еще в 1255 г. воевода Милей, управлявший Бакотой, отказался подчиняться Галицко-Волынскому

[1930] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 95.

[1931] *Срезневский И. И.* Материалы ... Т. 1. Стб. 231—232.

[1932] Українські грамоти XV ст. С. 77, 156.

[1933] Архив Юго-Западной России. Ч. 7, т. 2 : Акты о заселении Юго-Западной России. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1890. С. 1—3; *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 5 : Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV—XVII в. Нью-Йорк : Книгоспілка, 1955. С. 365, 367; *Łowmiański H.* «Lustracja ziemi kijowskiej z 1471 r.». O stosunkach społeczno-gospodarczych na kresowej Ukrainie // Społeczeństwo. Gospodarka. Kultura. Studia ofiarowane Marianowi Małowistowi w czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa : PWN, 1974. S. 190; LM. Knyga Nr. 3. P. 86—88.

[1934] *Jabłonowski A.* Podole u schyłku wieku XV (ciąg dalszy) // Ateneum. 1880. T. III. S. 96, 100; *Грушевський М. С.* Опись подільських замків 1494 р. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1895. Т. 7, кн. 3. С. 15, 17.

[1935] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли ... С. 495—496.

[1936] *Русина О. В.* Сіверська земля ... С. 82—83.

княжеству и перешел непосредственно под власть татар[1937]. Известны также примеры назначения татарами в покоренном Галицко-Волынском княжестве представителей ордынской гражданской администрации из числа местных бояр[1938]. Возможно, именно таким образом (в результате добровольного или вынужденного выхода отдельных воевод или старейшин из-под власти галицко-волынских Рюриковичей) формировался институт «атаманов» как руководителей местной администрации в Подольской земле[1939]. Во всяком случае можно предполагать, что к XV в. содержание этой должности сильно измельчало. Мы знаем, что в XIV в. на Подолье сохранялись княжеские роды, вероятно, берущие свое начало от каких-то ветвей Рюриковичей — например, Несвизские, а также винницкие князья (Андриан, тесть Гринька Соколецкого, и другие), которые, скорее всего, и вступили в союз с Литвой. Поэтому напрашивается вывод, что общее наименование их «атаманами» в «Повести о Подолье» с высоты XV в. могло быть сознательной попыткой принизить их статус и представить дело таким образом, что в Подольской земле до прихода Кориатовичей не было власти верхнего (княжеского) уровня.

Для удобства налогообложения татары по результатам переписей населения, первые из которых были проведены на Руси в 40—50-х гг. XIII в.[1940], разделили Подольскую землю на податные округа. Следы такого административно-территориального раздела видны в ханских ярлыках XV—XVI вв. В самом раннем из них, который был выдан ханом Хаджи-Гиреем королю Казимиру в 1461—1463 гг., упоминается собственно Подолье, а также Каменец и Брацлав «с водами, землями и всеми пожитками их»[1941]. Далее, в 1472—1474 гг., хан Менгли-Гирей (ссылаясь еще на ярлык Тохтамыша) называет Подолье, Каменец, Брацлав, Соколец (Sokal), Черкассы, Хаджибей и Маяк[1942]. В ханских ярлыках XVI в. к этим округам прибавляется еще Звенигород, при этом Подольский, Каменецкий, Соколецкий и Брацлавский податные округа в них именуются «тмами» (от тюркского «тумен» — десять тысяч), что,

---

[1937] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 828.

[1938] *Галенко О. І.* Монгольский перелам // Економічна історія України. Історико-економічне дослідження : в 2 т. Київ : Ніка-Центр, 2011. Т. 1. С. 247, 272.

[1939] *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев : Штиинца, 1981. С. 70.

[1940] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1960. С. 51; *Галенко О. І.* Монгольский перелам … С. 272—273.

[1941] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century) : A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden ; Boston : Brill, 2011. S. 529—530.

[1942] Ibid. S. 540.

возможно, отражает старинную традицию[1943]. Атаманы в таких податных округах собирали дань с населения и передавали ее баскакам — представителям татарской гражданской администрации, которые обеспечивали поступление дани в казну. Сама необходимость контроля со стороны баскаков, как показывает С. А. Маслова на примерах Северо-Восточной Руси, может косвенно свидетельствовать о слабости власти и нестабильности политической ситуации на Подолье в рассматриваемую эпоху[1944]. Выявлен ряд топонимов, свидетельствующих о присутствии баскаков и в соседней с Подольем Молдавии[1945]. По состоянию на 1331 г. существование баскака выявляется в Киевской земле, номинальным правителем которой был князь Федор[1946]. С. В. Полехов обратил внимание на то, что из «Повести о Подолье» явствует, будто бы баскаки подчинялись атаманам[1947]. Некоторая двусмысленность в тексте памятника действительно существует. В Супрасльском списке текст слегка испорчен при переписке: «А от них завѣдали втамони, а боискаки приезьдяючи от них утамонъв имывали ис Подольскои земли дань». При этом издатели 35-го тома «Полного собрания русских летописей» поставили здесь запятые, выделив в качестве деепричастного оборота конструкцию «приезьдяючи от них утамонъв»[1948]. Более исправное чтение содержится в Слуцком списке: «А от них заведали атамани,

---

[1943] 1507 г.: «Подолскую тму со всими входы и з данми, и з землями и водами; Каменецкую тму со всими входы и з данми, и з землями, и водами; Браславскую тму со всими входы и з данми, и з землями и водами; Сокалскую тму со всими входы и данми, и з землями, и водами; Звинигород з выходы и з данми, и з землями, и водами; Черкасы з выходы и данми, и з землями, и водами; Хачибиев, Маяк з водами и землями»; 1540 г.: «Подолье со тмами и з землями, и з водами; Сокаль со тмами и з водами, и з землями; Звенигород также и з землями, и з водами; Браславль со тмою и з доходы; Качибиев, Маяк и з землями, и водами» (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. С. 4, 363; *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 156—157; *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 11—12; *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate ... S. 556—557; *Михайловський В. М.* Формування території історичного Поділля ... С. 76).

[1944] *Маслова С. А.*: 1) Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 37—39; 2) Должность даруг в системе ордынской власти над Русью // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 90.

[1945] *Руссев Н. Д.* Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum Plus. 1999. № 5. С. 381; *Спиней В.* Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 752—753.

[1946] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 3 : До року 1340. Нью-Йорк : Книгоспілка, 1954. С. 172—173.

[1947] *Полехов С. В.* Летописная «Повесть о Подолье». С. 49.

[1948] ПСРЛ. Т. 35. С. 66.

и боискаки приеждаючи от тыхь атамоновь имовали с Подольскои земли дань». На первый взгляд конструкция «от тыхь атамоновь имовали» выглядит хоть и вполне возможной, но немного искусственной. Однако если обратиться к дальнейшему тексту, то мы видим, что сам автор «Повести о Подолье» полностью исключал какую-либо зависимость баскаков от подольских атаманов: Кориатовичи «вошли оу приязнь со атаманы... и боскаком выхода не почали давати»; из этих слов ясно, что баскаки были представителями татарских правителей и внешней силой по отношению к атаманам. Поэтому при реконструкции содержания архетипа «Повести о Подолье» я отделил слово «приеждаючи» запятыми с обеих сторон и выделил конструкцию «от тыхь атамоновь имовали с Подольскои земли дань». Смысл соответствующего фрагмента, как видится, следующий: «И баскаки, приезжая, у тех атаманов забирали дань из Подольской земли».

По состоянию на начало 60-х гг. XIV в. к югу от Подольской земли, по археологическим и письменным источникам, располагались три района, в которых проживало оседлое золотоордынское (преимущественно исламское) население. Первый район находился в Днестровско-Прутском междуречье с центрами Аккерман, Килия, городища Костешты и Старый Орхей[1949]. Второй — в бассейне Южного Буга с центрами Синяя Вода (Торговица), городища Маяки и Великая Мечетня, Безымянное городище при слиянии рек Кодыма и Синюха с Южным Бугом, городища Солоное, Аргамакли-Сарай, Ак-Мечеть и Балыклей[1950]. Третий район охватывал некоторые территории в нижнем течении Днепра с центрами Безымянный город с мечетью близ Чигирина[1951], Кучугурское городище (в 30 км к югу от Запорожья) и Тавань[1952]. Этот третий район в древности полностью или частично носил название Белобережье в связи с тем, что русло Днепра от порогов до устья пролегало среди известковых пород почвы белого цвета[1953]. Письменные источники XVI в. показывают, что в тот период Белобережьем называлась конкретно территория вдоль правого

[1949] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды ... С. 79—81.

[1950] Там же. С. 82—83; *Черкас Б. В.* Західні володіння улусу Джучи ... С. 322; *Білецька О. В.* «Рибне місце» чи «долина троянд»: матеріали до вивчення Баликлея // XX сходознавчі читання А. Кримського : тези доповідей міжнародної наукової конференції. Київ, 17—18 червня 2016 р. Київ : [б. и.], 2016. С. 31—32; *Белецкая О. В.* Маяк в XIV—XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. Вып. 9. С. 186—196.

[1951] *Козир І. А., Чорний О. В.* Локалізація місця битви ... С. 18.

[1952] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды ... С. 84—86.

[1953] *Антонович В. Б.* Очерк истории ... С. 149.

берега Днепра к югу от Черкасс, в районе современных городов Чигирин и Кременчуг[1954].

Маршрут похода Ольгерда осенью 1363 г., таким образом, пролегал через Белобережье (что, кстати, согласуется с легендарными известиями Стрыйковского о том, что войско шло через Канев и Черкассы) и далее на Синюю Воду. Эти два района были столь жестоко разорены войсками Великого княжества Литовского, что город Синяя Вода как центр золотоордынской области прекратил свое существование. В 60—70-х гг. XIV в. стали приходить в упадок и некоторые золотоордынские центры Днестровско-Прутского междуречья: Аккерман, Старый Орхей, Костешты[1955]. Неясно, что послужило причиной этого — нападение войск ВКЛ, междоусобная борьба в Золотой Орде или действия молодого Молдавского государства во главе с воеводой Богданом[1956]. А. А. Нудельман на основе нумизматических источников определил рубеж, указывающий на закат господства Золотой Орды в этом регионе, 1368—1369 гг.[1957]; по мнению же В. Спинея, жизнь на городских поселениях Старого Орхея и Костешт окончательно прекратилась в конце 70-х гг. XIV в.[1958]

Нет никаких достоверных данных, прямо указывающих на то, что поход Ольгерда на Белобережье и Синюю Воду был связан с занятием Киевской земли Великим княжеством Литовским. Соответствующее сообщение Густынской летописи под 1362 г. — источник поздний и весьма ненадежный. Во-первых, в нем неточно указан год. Во-вторых, упомянутый в нем под 1361—1362 гг. последний киевский князь Федор, вполне возможно, является вымышленной, фантомной личностью (в отличие от реального князя с таким именем, который фигурирует в новгородской летописи под 1331 г.)[1959]. В-третьих, передача Киева князю Владимиру Ольгердовичу вскоре после Синеводского сражения — гипотеза, которую довольно трудно доказать. Еще в ноябре 1367 г. Владимир Ольгердович участвовал в заключении перемирия между ВКЛ и Тевтонским орденом

[1954] *Чорний О. В.*: 1) Ідентифікація літописних географічних орієнтирів Синьоводської битви ... С. 76; 2) Історична географія правобережної України ... С. 52—53, 56; *Козир І. А., Чорний О. В.* Локалізація місця битви ... С. 18.

[1955] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды ... С. 79—81.

[1956] История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней / отв. ред. В. И. Царанов. Кишинев : Штиинца, 1984. С. 48; Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.) / отв. ред. Д. М. Драгнев. Кишинев : Штиинца, 1987. С. 10.

[1957] *Нудельман А. А.* Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев : Штиинца, 1985. С. 111.

[1958] *Спиней В.* Господство Золотой Орды ... С. 753.

[1959] *Русина О. В.* Історія Київського князівства XIV—XV ст. у світлі нових даних. С. 194—195.

в Ливонии; в тексте документа он назван без какого бы то ни было титула и, как можно судить по малоизвестной приписке на обороте грамоты, лично составлял этот договор[1960]. Если Владимир Ольгердович в то время был уже киевским князем, то трудно объяснить отсутствие у него киевского княжеского титула и участие в делах на далеком от Киева литовско-ливонском пограничье[1961]. Впрочем, следует учитывать, что Киев еще задолго до Синеводского сражения уже прочно входил в орбиту политического влияния ВКЛ: об этом свидетельствует развернувшаяся после 1356 г. и поддерживавшаяся Ольгердом борьба литовского митрополита Романа с митрополитом киевским и всея Руси Алексием за обладание Киевом. Между 1356 и 1361 гг. Роман стал самовольно приходить в Киев, чтобы совершать службы и рукополагать священников, а направившийся в Киев в 1358 г. для наведения порядка митрополит Алексий был задержан и заключен под стражу людьми Ольгерда[1962].

Под тем же годом, что и про Синюю Воду, Рогожский летописец сообщает еще об одном походе войск Великого княжества Литовского — на Коршев: «Того же лѣта Литва взяли Коршевъ и сотворишас мятежи и тягота людем по всеи земли»[1963]. Этот населенный пункт отождествляется с городом «Коршов на Сосне», который упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних» и, вероятно, локализуется на реке Быстрая Сосна, правом притоке Дона (М. Н. Тихомиров, Е. В. Русина)[1964].

[1960] «Woldemarum filium Algherden regis», «Задви[нс]кии [р]атныи грамоты [Воло]димеромъ» (AGAD. Zbiór pergaminów, dok. No 4526; *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 105—106).

[1961] В связи с документом 1367 г. на это уже обращал внимание Н. П. Дашкевич (*Дашкевич Н. П.* Заметки по истории Литовско-русского государства. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1885. С. 54).

[1962] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2, ч. 1. С. 191—192, 207; *Paszkiewicz H.* O genezie ..., S. 294.

[1963] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 75.

[1964] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 223, 234; *Русина О. В.* Сіверська земля ... С. 75—76. Ср. также известия персидских авторов о походе войск Тамерлана на Дон в 1395 г.: «Победоносное войско, дойдя до города урусов по имени *Карасу*, разграбило его со всей областью» (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 121, 179). — Другой вариант локализации — на реке Тихая Сосна, также правом притоке Дона — предложил Ф. М. Шабульдо (*Шабульдо Ф. М.* Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання ... С. 19), но, как отмечает Е. В. Русина в цитированной работе, в XIV в. район Тихой Сосны представлял собой область татарских кочевий, и его заселение началось только в XVI в. Существует также версия, что под Коршевом в Рогожском летописце имеется в виду один из двух населенных пунктов под таким названием, размещавшихся на Волыни — на территории бывшего Луцкого повета (*Борисенко В.* Нові підходи ... С. 32—33); в этом случае следовало бы принять, что в XIV в. были два значительных центра Коршева, один на реке

Связь этого события с походом на Белобережье и Синюю Воду не вполне выяснена; вернее, по скудости источников ее трудно выяснить, не пускаясь в те или иные догадки. Точно так же очень мало данных для того, чтобы связывать Синеводское сражение 1363 г. с гипотетическим походом Ольгерда на Корсунь. О взятии Ольгердом Корсуни и разграблении церковных ценностей писал Н. М. Карамзин со ссылкой на А. Нарушевича[1965]. Так или иначе это мнение основано на данных Михалона Литвина, что Корсунь стал «добычей нашего народа и был опустошен им», а награбленные церковные ценности были перевезены в Киев[1966]. Однако здесь не упоминается Ольгерд, и если это событие действительно имело место, то захватить Корсунь могли и войска Витовта во второй половине 90-х гг. XIV в.

Даже если оставить в стороне вопрос о Коршеве и Корсуни, поход Ольгерда на Белобережье и Синюю Воду выглядит хорошо спланированной акцией, осуществленной в период, когда в Золотой Орде усилилась внутриполитическая нестабильность и разгорелась междоусобная война. После убийства хана Бердибека (1359) на троне Золотой Орды сменилось несколько ханов, правление которых было кратковременным и непрочным. В то же время резко возросло политическое влияние одного из золотоордынских эмиров — Мамая, который в 60-е гг. XIV в. владел Крымом. В 1361 г. после убийства ханов Тимур-Ходжи и Орда-Шейха он посадил ханом своего ставленника Абдаллаха, но в последующие несколько лет был вынужден вести упорную борьбу против других претендентов на ханский престол[1967].

Сосна (упомянутый в «Списке русских городов дальних и ближних» и в персидских хрониках), другой на Волыни, где реки с названием Сосна не выявлено. Интенсивное функционирование Коршевского городища площадью 6 га близ Луцка прекратилось примерно в середине XII в., и в XIV в. это было незначительное поселение (*Панишко С. Д.* Стіжкові городища Волині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2011. Вип. 15. С. 332); да и вообще неясно, зачем было бы войскам Ольгерда нападать на волынский городок, учитывая, что на Волыни княжил его брат Любарт. Это же замечание справедливо и в отношении попыток отождествить Коршев с волынским Корцом.

[1965] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 2. Т. 5. С. 17; Примечания. С. 7—8; *Naruszewicz A.* Tauryka czyli Wiadomości starożytne i późnieysze o stanie i mieszkańcach Krymu do naszych czasów. Warszawa : Druk. No 646 przy Nowolipiu, 1805. S. 73, 132.

[1966] *Михалон Литвин.* О нравах ... С. 64; *Василенко В. О.* Політична історія ... С. 96.

[1967] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 270—275; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 114—118; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды ... С. 58—60;

Отдельно в этой связи следует рассмотреть гипотезу Ф. М. Шабульдо, который поместил Синеводское сражение в очень широкий контекст событий, происходивших в Золотой Орде. По его мнению, в конце августа 1361 г. через несколько дней после убийства хана Тимур-Ходжи и объявления ханом малолетнего Абдаллаха Мамай вместе с ханским двором бежал на правый берег Волги и укрылся, скорее всего, в Киеве, которым к тому времени уже владело Великое княжество Литовское. Здесь он заключил союз с великим князем литовским Ольгердом против Волжского царства. Весной 1362 г. союзники начали военные действия с целью изгнать татарское население, в первую очередь враждебно настроенное по отношению к Мамаю и Ольгерду, из мест его наибольшей концентрации возле пересечения важных торговых путей. Летом 1362 г. войско Ольгерда захватило Коршев, видимо, центр значительного золотоордынского региона. После этого союзники начали наступление в южные районы Днепровско-Донского междуречья. Мамай в июле — августе 1362 г. овладел городом Азак (Азов) и далее двинулся в Нижнее Поволжье, где захватил столицу Золотой Орды. Тем временем Ольгерд направился походом на золотоордынское Подолье: приблизительно в октябре 1362 г. его войска опустошили местность вокруг города Синие Воды (именно так — во множественном числе — его назвал Ф. М. Шабульдо) и Белобережье (которое историк локализовал на Черноморском побережье между устьями Днепра и Южного Буга). В результате к Великому княжеству Литовскому отошли южнорусские земли в верховьях Дона и по Оке до самой Тулы, а также Днепровское левобережье до рек Ворскла и Тихая Сосна и все золотоордынское Подолье до Черноморского побережья. Осенью 1362 г. Мамай от имени хана Абдаллаха выдал Ольгерду ярлык на владение этими новыми землями[1968]. По мнению Ф. М. Шабульдо, Синеводский поход Ольгерда и последующая выдача ему Мамаем ярлыка на бессрочное владение южнорусскими землями знаменовали собой окончательное упразднение на территории Южной Руси так называемого кондоминиума — системы власти, основанной на том, что литовские князья, владея некоторыми южнорусскими областями,

---

Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды : научно-справочное издание. Казань : Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 119—120.

[1968] В обобщенном виде эта гипотеза представлена в работах, которые вышли уже после смерти историка: *Шабульдо Ф. М.*: 1) К итогам изучения битвы у Синих Вод 1362 г. // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 15—26; 2) К итогам изучения синеводской проблемы // История и современность. 2013. № 1. С. 81—83.

принадлежавшими Золотой Орде, обязаны были выплачивать им дань и оказывать военную помощь[1969].

Оценивая тактические обстоятельства и стратегические последствия битвы близ Синей Воды, необходимо учитывать, что наши знания о политических и военных события в Южной Руси на протяжении XIV в. чрезвычайно неполны и фрагментарны. Составить цельную картину очень сложно. Именно поэтому построения Ф. М. Шабульдо о союзе Мамая и Ольгерда и о дальнейшем ходе событий следует сопроводить существенной оговоркой, что они носят весьма гипотетический характер, а в некоторых аспектах основаны на дискуссионной трактовке источников. К таким дискуссионным вопросам я бы отнес датирование Синеводского сражения 1362 г., локализацию Белобережья на Черноморском побережье, а Коршева на Тихой Сосне, мнение, что территория Подольской земли под властью ВКЛ уже в 60-х гг. XIV в. простиралась до самого Черного моря и что Киев уже в 1362 г. принадлежал ВКЛ, и т. д. Особо упомяну о чрезмерном и далеко не всегда оправданном доверии украинского исследователя к известиям Стрыйковского. Некоторые аргументы против гипотезы о союзе Мамая и Ольгерда суммировал Р. Ю. Почекаев[1970]. Впрочем, возможно, не лишена рационального зерна гипотеза Ф. М. Шабульдо о том, что Мамай выдал великому князю литовскому Ольгерду ярлык на некоторые земли, прежде всего на Киев[1971], но это могло произойти и не сразу после Синеводского сражения, а значительно позднее, даже в 70-х гг. XIV в. Если отбросить или уточнить некоторые детали, из концепции Ф. М. Шабульдо недвусмысленно следует, что Коршевский, Белобережский и Синеводский походы Ольгерда преследовали целью не избавиться полностью от владычества Золотой Орды, что

[1969] См.: *Шабульдо Ф. М.*: 1) Земли Юго-Западной Руси ... С. 106; 2) Кондомініум в українських землях XIV століття // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 2006. Т. 251 : Праці історично-філософської секції. С. 7—22; 3) Кондоминатный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамая // Balcanica Poznaniensia. Poznań, 2007. T. 14. S. 157—182 ; *Šabuldo F. M.* Lietuvos ir Ordos kondominiumas Ukrainos žemese XIV a. // Lietuvos istorijos metraštis. 2004. Nr. 2. P. 11, 14, 17.

[1970] *Почекаев Р. Ю.* Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Мамай: Опыт историографической антологии : сб. науч. трудов. Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 223—224. В том же русле: *Господаренко О.* Литовсько-ординські стосунки у 50—70-х рр. XIV ст. в контексті італійської політики Мамая // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовского. Київ, 2015. Т. 3. С. 24—26.

[1971] *Szabuldo F.* Czy istniał jarłyk Mamaja na ziemie ukraińskie? (Próba postawienia problemu) // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. Poznań, 2003. T. 9. S. 153—172; *Шабульдо Ф. М.* Чи існував ярлик Мамая ... С. 100—122.

было бы и невозможно в тех условиях, а лишь воспользоваться внутриордынскими противоречиями, чтобы, обескровив противников эмира Мамая, расширить сферу влияния ВКЛ в Южной Руси и заменить одну форму зависимости от татар другой формой — более легкой.

Безусловно, господство князей Кориатовичей в Подольской земле установилось не за один день и не в результате одной только битвы близ Синей Воды, — это был продолжительный и сложный процесс, который в «Повести о Подолье» описан довольно упрощенно и схематично. Емко об этом сказал в свое время Н. П. Дашкевич: «Ясно, что разбитие трех царьков Ольгердом не имело решающего значения, и нет твердых оснований думать, что занятие Подолья Кориатовичами произошло непосредственно вслед за битвой на Синей Воде и тогда только стало возможным»[1972]. Но впадать в крайность и считать, что Синеводский поход был совсем уж незначительным событием или вовсе является историографической фикцией, вряд ли конструктивно. Здесь следует упомянуть о тексте украинского автора Н. И. Жарких с полемическим названием «Міфічна „битва на Синій Воді“», который в 2017 г. размещен им в интернете[1973]. Н. И. Жарких утверждает, что битвы с татарами близ Синей Воды не было, а сообщение Рогожского летописца касается похода Ольгерда на тверскую волость Синяя, названную по имени реки Синей, одного из небольших притоков Держи; река Держа, в свою очередь, перед впадением в Волгу протекает через известняковый кряж с белыми скалами, в котором автор предлагает видеть Белобережье. На этот текст неожиданно быстро появился печатный отклик Я. В. Пилипчука, чрезвычайно критичный[1974]. К некоторым убедительным доводам, приведенным в рецензии, можно добавить и другие. Отнесение сообщения Рогожского летописца о Синей Воде к тверским событиям вряд ли возможно по той причине, что в 6870 г. (т. е. за год до Синеводской битвы) Тверь заключила мир с Литвой, причем с посольством в Литву ездил князь Михаил Александрович, брат Ульяны Александровны, жены Ольгерда. Если волость Синяя в XIV в. существовала и была тверской, то она должна была входить в состав принадлежавшего Михаилу Александровичу Микулинского удела, к которому примыкала, поэтому напасть на нее Литва не имела никаких оснований. К тому же в 6871 г. в Литве гостила мать Ульяны Александровны и Михаила Александровича тверская княгиня Ана-

---

[1972] *Дашкевич Н. П.* Заметки ... С. 77.

[1973] *Жарких М.* Міфічна «битва на Синій Воді». Київ, 11 грудня 2016 — 18 січня 2017 р. URL: https://www.m-zharkikh.name/uk/History/Monographs/Essays/MythBlueWater.html (дата обращения: 09.02.2019).

[1974] *Пилипчук Я. В.* Деконструкция деконструкции Синеводской битвы. Рец. на: Жарких М. Міфічна «битва на Синій Воді» // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. Вып. 10. С. 445—454.

стасия, что также исключает враждебные действия между двумя государствами в тот год[1975].

В археологическом изучении золотоордынских поселений в бассейнах Днестра, Южного Буга и Днепра точка еще не поставлена, и появляется все больше данных, свидетельствующих о том, что в 60—70-х гг. XIV в. некоторые из них (Синяя Вода и центры Днестровско-Прутского междуречья) стали приходить в упадок в результате военных действий, видимо, при активном участии ВКЛ. Правомерно рассматривать битву близ Синей Воды как лишь один — не единственный и, может быть, даже не самый главный — из эпизодов борьбы Великого княжества Литовского за обладание землями Южной Руси в XIV в.[1976] Впрочем, даже если поход Ольгерда на Синюю Воду и Белобережье способствовал упрочению власти Великого княжества Литовского над Подольской землей, то этот успех все равно был недолговременным, поскольку уже в 1366 г. мы видим подольских князей Кориатовичей ленниками Польского королевства: вероятно, это был закономерный итог того, что после разгрома ордынских областей на Синей Воде и Белобережье Кориатовичи не могли больше рассчитывать на военную помощь соседних татар.

Хаджибей, Кутлубуга и Дмитрий

Существует обширный корпус литературы, посвященной вопросу о татарских правителях Хаджибее, Кутлубуге и Дмитрии, названных в «Повести о Подолье» братьями, «отчичами и дедичами», т. е. наследственными владетелями Подольской земли[1977]. В целом, несмотря на рас-

---

[1975] См.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 73, 75; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.) / пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь : РИФ, 1994. С. 175; *Темушев В. Н.* Литовско-тверская граница (вторая половина XIV — начало XVI в.) // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История. 2007. Вып. 4. С. 96.

[1976] *Pelenski J.* The Contest between Lithuania-Rus' and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Vol. 2. P. 308—311.

[1977] См., в частности: *Kuczyński S. M.* Sine Wody ... S. 163—165; *Batūra R.* Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą: nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenų. Vilnius : Mintis, 1975. P. 275—280; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 71—72; *Варваровский Ю. Е.* «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // Stratum plus. 1999. № 6. С. 279; *Руссев Н. Д.* Молдавия в «темные века» ... С. 387—390; *Галенко О. І.* Золота Орда у битві біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях : зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 130—143; *Мыц В. Л.*: 1) Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма. С. 107—112; 2) Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани Мангупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Димитрий // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 245—256; *Пилипчук Я. В.*: 1) Сепаратизм

хождения в некоторых деталях, в историографии принимается тезис об историчности этих деятелей. Три татарских правителя имели владения в западных улусах Золотой Орды — от Дуная до Днепра[1978]. При этом Хаджибей и Кутлубуга, вероятно, имели некоторое отношение к Крыму, хотя области их кочевий располагались за пределами полуострова.

Дмитрий. Татарский правитель Дмитрий фигурирует в документе от 22 июня 1368 г., в соответствии с которым король Венгрии Людовик Анжуйский разрешил купцам из Брашова вести торговые операции в землях Дмитрия, князя татар; взамен аналогичное разрешение на торговлю в Венгерском королевстве давалось и купцам Дмитрия (mercatores domini Demetrii principis Tartarorum) [1979]. В этой связи существует мнение, что владения Дмитрия находились на северо-востоке Добруджи в степях к югу от низовий Дуная[1980]. Однако еще один географический ориентир, связанный с именем Дмитрия, в древности зафиксирован на реке Днестр. Православный монах Зосима в 1419 г., описывая свое паломничество в Святую землю, упомянул о переправе через Днестр возле ставки Дмитрия («Митиревых Кишин») на границе между Великим княжеством Литовским и Молдавией, в трех днях пути от Белого города: «И поидохом в поле татарское и идохом пятьдесят миль дорогою татарское, еже зовется: на Великий Дол, и обретохом реку велику под Митиревыми Кишинами, еже зовется Нестр; туто бяше перевоз и порубежье волоское. Об ону страну волохове перевоз емлют, а о сю страну князя великого Витофтовы и тамгу емлють и тем ся опять делять. И оттоле три дни до Белагорода ити по волоскои стране»[1981]. Это место, по данным археологических исследований, локализуется чуть выше современного города Рези-

---

в Золотой Орде: европейский вектор (XIV—XV вв.) // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 154—157; 2) Эмир Дмитрий ... С. 296—298.

[1978] *Руссев Н. Д.* Молдавия в «темные века» ... С. 383, 385; *Галенко О. І.* Монгольский перелам ... С. 263—264.

[1979] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / ed. G. Fejér. T. 9, vol. 4 : Ab anno Christi 1367—1374. Budae : Typis Typogr. Regiae Universitatis Ungaricae, 1834. S. 129; *Brătianu Gh.* Demetrius Princeps Tartarorum (ca. 1360—1380) // Revue des Études Roumaines. Paris, 1965. T. 9—10. P. 45; *Ciocîltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden : Brill, 2012. P. 279; *Русев Н. Д.* Спорные вопросы начальной истории Молдавского средневекового государства // Русин. 2010. № 2 (20). С. 30—31.

[1980] *Тасин Джемил.* Татары Добруджи и Буджака // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 165.

[1981] *Прокофьев Н. И.* Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (текст и археографическое вступление) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ун-та. М., 1971. Т. 455 : Вопросы русской литературы. С. 20.

на[1982]. Поэтому наиболее взвешенной и обоснованной представляется локализация владений Дмитрия, по крайней мере для относительно позднего этапа существования его государства, в междуречье Сирета (ближе к впадению в Дунай), Прута и Днестра, может быть, со столицей в Старом Орхее[1983]. Ряд топонимов с корнем «Дмитр-» («Димитр-»), например Demitropol, согласно карте Боплана (1648 г.), локализуются на берегах Южного Буга в районе реки Савранки, которая, видимо, служила северо-восточным пределом владений Дмитрия и представляла собой границу между литовской и ордынской частями Подолья[1984]. Древнейшее упоминание такого топонима на юге Брацлавской волости («Бакъсановцы на Дмитрове») содержится в грамоте Федора Кориатовича для Пашка Васневича 1392 г.[1985]

В свое время также высказывалась гипотеза, что имя Дмитрий было христианским именем сотника Хуйтани, который в 1361/62 г. управлял небольшим княжеством Феодоро со столицей в Мангупе на юге Крымского полуострова. Эта гипотеза основывается на найденной в Мангупе надписи о строительстве одной из башен «помощью Божией и святого Димитрия и попечением всечестнейшего нашего Хуйтани сотника»[1986]. Идентификацию Дмитрия с мангупским сотником Хуйтани оспаривает

[1982] *Руссев Н. Д.* Золотоордынские реликты в грамотах средневековой Молдавии: общий эскиз со случаем «Кишинев» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 125.

[1983] *Руссев Н. Д.* Молдавия в «темные века» ... С. 389; *Галенко О. І.* Золота Орда ... С. 142; *Атанасов Г.* Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. Велико Търново : Фабер, 2009. С. 136—137; *Атанасов Г. Г., Павлов П. Х.* Tataro-Bulgarica — три этюда о болгарско-татарских контактах на нижнем Дунае в XIII—XIV вв. // Археология евразийских степей. Казань : ООО «Фолиант» : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 13. С. 25—26; *Черкас Б. В.* Синьоводська битва 1362 року. Історичний нарис. Київ : Київський ун-т, 2012. С. 80.

[1984] *Дашкевич Я. Р.* Степові держави на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2006. Вип. 10. С. 117; *Beauplan G.* Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina, 1648; *Пилипчук Я. В.* Эмир Дмитрий ... С. 298; *Білецька О. В.* Саврань у XIV—XVI століттях у світлі новознайдених джерел та матеріалів // Український історичний збірник. 2015. Вип. 18. С. 29—30, 36.

[1985] *Михайловський В. М.*: 1) На маргінесі документа подільського князя Федора Коріатовича від 1392 р. // Ruthenica. Київ, 2016. Т. 13. С. 190; 2) Володіння «трьох татарських царів» та уявлення про «потрійне Поділля» в битві під Грюнвальдом // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 9.

[1986] *Брун Ф. К.* О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М. : Синодальная тип., 1871. Т. 2. С. 395; *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангупа. Л. : Изд-во ГАИМК, 1933. С. 9—14.

В. Л. Мыц[1987]. Наиболее важные доводы заключаются в том, что имя Дмитрия прямо не называется в цитированной мангупской надписи, а его титул «princeps» никак не соответствует должности сотника.

Судя по латинскому переводу титула («princeps»), Дмитрий был эмиром, беком или беем; этими терминами в общественной иерархии Золотой Орды определялись представители аристократии, обычно не связанные кровным родством с Чингизидами[1988]. Таким образом, косвенно подтверждается титулатура татарских правителей, указанная в «Повести о Подолье», где они названы князьями.

Труднее объяснить, почему татарский эмир носил христианское имя. Некоторые исследователи считают, что тюркским именем этого человека было «Темир» или «Демир» (что означает «железный»), а вариант «Дмитрий» — это искажение «позднейших летописцев» (В. Л. Мыц) или следствие «народной этимологии» (А. И. Галенко)[1989]. Уместно вспомнить, что под 6882 г. (весной 1374 г.) Рогожский летописец упоминает о войне Великого княжества Литовского против некоего «Темеря»: «Того же лѣта въсенинѣ ходили Литва на Татарове на Темеря, и бышет межи ихъ бои»[1990]. Эта информация согласуется с документальным источником: 3 июня 1374 г. литовский князь, господарь Молдавской земли Юрий Кориатович, пожаловал наместнику Белого города Якше Литавору с. Зубровцы за «хръблии подвизи ис татары оу села зовомое Вълдичи на Днестр(е)» (подробный разбор этого источника см. ниже)[1991]. Ранее, до этой даты, Белогородское наместничество под властью Подолья или Молдавии в источниках не упоминалось. К тому же из документа следует, что военные действия велись на Днестре, на границах владений исторического татарского эмира Дмитрия. С учетом этого кажется весьма вероятным, что в Рогожском летописце под «Темерем» подразумевается именно татарский эмир Дмитрий[1992] и что в результате конфликта с ним князь Юрий Кориатович на некоторое время завладел в 1374 г. Белым

[1987] *Мыц В. Л.* Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани Мангупской надписи ... С. 249—250, 253.

[1988] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 46; *Руссев Н. Д.* Молдавия в «темные века» ... С. 389; *Галенко О. І.* Золота Орда ... С. 134.

[1989] *Мыц В. Л.* Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани Мангупской надписи ... С. 254; *Галенко О. І.* Золота Орда ... С. 141.

[1990] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 106. Аналогичное сообщение под тем же годом читаем в Никоновской летописи: «Того же лѣта ходиша Литва ратью на Татарове, на Темиреза, и бысть межи их бой велий» (ПСРЛ. Т. 11. С. 21).

[1991] *Krakowski S.* Korjatowicze i sprawa podolska w XIV w. w oświetleniu najnowszej historjografji polskiej // Ateneum Wileńskie. 1938. R. 13. Z. 1. S. 268; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 112.

[1992] Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества ... С. 20.

городом, где посадил своего наместника. В свете этой гипотезы можно несколько по-иному подойти и к вопросу об имени этого татарского эмира. Если «Дмитрий» — это искажение летописцев или «народная этимология», то в таком случае трудно объяснить, почему этот эмир именуется «Demetrius» в современном ему латиноязычном документе венгров. Представляется все же, что он действительно носил христианское имя Дмитрий, и в этом аспекте не ошибались ни автор «Повести о Подолье», ни монах Зосима, писавший про «Митиревы Кишины». Искажением в данном случае, как ни парадоксально, может быть имя «Темерь» в Рогожском летописце и соответственно «Темирез» в Никоновской летописи: русский (предположительно тверской) автор передал имя эмира так, как оно, по его мнению, должно было звучать «по-татарски».

Из сказанного напрашивается и еще один важный вывод: в сообщении «Повести о Подолье» о войне великого князя Ольгерда с татарскими князьями Дмитрием, Хаджибеем и Кутлубугой могут быть объединены события разных лет и даже десятилетий[1993]. Так, масштабные военные действия («бой велий») между Великим княжеством Литовским и татарским эмиром Дмитрием велись не только в 1363 г., как можно было бы предполагать, но и в 1374 г.

Хаджибей. Татарского князя «Хочебея» (Хаджибея), названного в «Повести о Подолье», можно идентифицировать как эмира Бек-Хаджи, начальника области Сюткёль, который фигурирует в одном из документов золотоордынского хана Тохтамыша[1994].

[1993] Такая идея уже высказывалась в литературе. См.: *Галенко О. І.* Монгольский перелам ... С. 266.

[1994] *Брун Ф. К.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса : Тип. Г. Ульриха, 1879. Ч. 1. С. 173; *Kuczyński S. M.* Sine Wody ... S. 163—164. Против такой идентификации высказывается А. И. Галенко, аргументируя тем, что в «Повести о Подолье» имя эмира передано как «Хочебий» или «Хачебей», а значит, оно должно было происходить от тюркского имени «Кочибей» или похожего (с начальным звуком «к»). Если бы имя происходило от основы «Хаджи», то начальный глухой звук был бы утрачен: так, например, в кириллических памятниках XVI в. имя «Хаджи» передавалось как «Ази» (*Галенко О. І.* Золота Орда ... С. 138). Однако никаких официальных норм написания таких имен в то время не было (а тем более в XV в.), а кроме того, «Повесть о Подолье» составлена спустя много десятилетий после Синеводского сражения, поэтому автор мог написать имя не вполне точно или приблизительно. Во всяком случае составитель Рогожского летописца назвал в перечне татарских князей, погибших в битве с московскими войсками на реке Вожа в 1378 г., и некоего «Хазибия», видимо, тезку нашего эмира (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 134), и при этом, как видим, начальный глухой звук был передан на письме.

Так, 19 февраля 1381 г.[1995] Тохтамыш выдал для Бек-Хаджи ярлык, которым подтвердил более ранний ярлык, пожалованный тому золотоордынским ханом Тимур-Пуладом, правившим в середине 60-х гг. XIV в. Документом предписывается, чтобы крымские власти «не домогались и не забирали на стоянках, расположенных внутри и вне Крыма, причисленных к Сюткёлю людей»[1996]; из этого можно сделать вывод, что Бек-Хаджи кочевал не только на территории степного Крыма, но и за пределами Крымского полуострова. Поскольку Сюткёль в переводе с тюркского означает «Молочное озеро», А. П. Григорьев в цитированной выше работе высказал предположение, что речь идет о местности в районе Молочного лимана на Азовском море (на юге современной Запорожской области Украины).

С именем Хаджибея традиционно также связывается название города Хаджибей (в источниках XV—XVI вв.: Kaczakeyow, Хачибиев, Качибиев), который с глубокой древности находился на месте современной Одессы. Под 1415 г. Длугош сообщает об отправке из порта Хаджибея груза зерна в Константинополь[1997].

Таким образом, владения Хаджибея локализуются в степной части Причерноморья и Приазовья от южных районов современной Одесской области на западе до южных районов современной Запорожской области на востоке.

Возникает, конечно, вопрос: каким образом эмир Хаджибей мог сохранить свою власть в этом регионе с 60-х по 80-е гг. XIV в., благополучно пережив период правления Мамая и потом заслужив благосклонность нового хана Тохтамыша? В этой связи необходимо обратить внимание на тот факт, что женой Тохтамыша была Тагайбек-хатун, дочь некоего Хаджи-бека[1998]. Если Хаджибей, упомянутый в «Повести о Подолье», он же Бек-Хаджи, был тестем Тохтамыша, то, следовательно, он

[1995] Относительно датировки см.: *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М. : Восточная литература, 2006. С. 89; *Селезнев Ю. В.* Еще раз о дате выдачи ханом Токтамышем тарханного ярлыка Бек-Ходжи и новейших изысканиях Р. Ф. Набиева // Учен. зап. Казанского ун-та. Гуманит. науки. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 270. — Ранее предлагалась также дата 12 октября 1392 г. (*Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1979. С. 29).

[1996] *Березин И. Н.* Тарханные ярлыки ... С. 15; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки ... С. 90, 95; *Галенко О. І.* Монгольский перелам ... С. 276.

[1997] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 11. S. 56; *Білецька О. В.* Качибей у світлі джерел XV—XVI століть (матеріали до вивчення історичної географії Поділля та північного Причорномор'я) // Записки історичного факультету ОНУ. Одеса, 2015. Вип. 26. С. 236—241.

[1998] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 63; *Селезнев Ю. В.* Элита Золотой Орды ... С. 207.

был дедом хана Джалаль-ад-Дина, одного из союзников Витовта и участника Грюнвальдской битвы 1410 г.

Кутлубуга. Некоторые исследователи отождествляют татарского правителя Кутлубугу, упоминаемого в «Повести о Подолье», с эмиром Кутлубугой, который выдвинулся в качестве одного из высших сановников Золотой Орды в правление хана Джанибека и был наместником в Крыму[1999]. Во всяком случае сама форма имени «Кутлубуга» («счастливый бык»), по определению В. В. Радлова, указывает на то, что это был татарин западного происхождения[2000].

На территории исторического Подолья сейчас существует ряд топонимов и гидронимов, созвучных с именем Кутлубуги: например, село и река Котлубаевка (другое название реки — Броница) в западной части Винницкой области[2001]. Однако связать их с татарским правителем XIV в. Кутлубугой не представляется возможным.

В источниках середины XIV в. называется Кутлубуга, один из эмиров золотоордынского хана Джанибека. В декабре 1347 г. он участвовал в переговорах с венецианским посольством относительно торговли в г. Азов[2002]. В августе 1351 г. он упоминается как «Кутлубуга инак» («инак» — доверенное лицо хана), один из четырех эмиров, наместников хана Джанибека, который состоял в переписке с государством мамлюков в Египте[2003]. В ноябре 1357 г. он называется одним из «головных князей» хана Бердибека[2004].

Далее в цитированном выше ярлыке золотоордынского хана Тохтамыша от 19 февраля 1381 г. некий Кутлубуга фигурирует как начальник Крымской области[2005]; по мнению А. И. Галенко, он не идентичен инаку Кутлубуге[2006]. Как наместник в Солхате Кутлубуга упомина-

---

[1999] *Антонович В. Б.* Очерк истории ... С. 149; *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 180; *Брун Ф. К.* Черноморье ... С. 224—225; *Галенко О. І.* Золота Орда ... С. 136.

[2000] *Радлов В. В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. С. 7.

[2001] *Михайловський В. М.* Володіння «трьох татарських царів» ... С. 7—8.

[2002] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции : источниковедческое исследование. СПб. : СПбГУ, 2002. С. 117—121.

[2003] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 : Извлечения из сочинений арабских / подгот. В. Г. Тизенгаузен. СПб. : Изд. на иждивение графа С. Г. Строганова, 1884. С. 348.

[2004] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М. : Ин-т истории СССР, 1987. Ч. 3. С. 592.

[2005] *Березин И. Н.* Тарханные ярлыки ... С. 15.

[2006] *Галенко О. І.* Монгольский перелам ... С. 267.

ется в договорах между Золотой Ордой и Генуей 23 февраля 1381 г. и 12 августа 1387 г., а также в некоторых документах генуэзских колоний в Крыму того же времени; при этом в 1381 г. он титуловался еще и как «инак», а в 1387 г. как владетель Солхата и начальник правого крыла империи Газарии («Cotolbogha bey, dominus Solcatensis et brachii recti Imperii Gazarie»)[2007].

У Кутлубуги был сын Ильяс, известный с 1365 г., когда он ездил через территорию ВКЛ с посольством в Тверь[2008]. Он же («Ellias segno fiio de Inach Cottoloboga») как наместник Солхата в ноябре 1380 г. заключил договор с генуэзцами, видимо, в отсутствие своего отца[2009].

Известно, что сразу после того как Тохтамыш стал ханом Золотой Орды, он направил Кутлубугу вместе с Хасаном послами в Великое княжество Литовское. Посольство застало великого князя литовского Ягайла «под городом под Троки стоячи»[2010], должно быть, летом 1382 г., когда Ягайло вел борьбу против Кейстута. Тот факт, что послом был именно крымский наместник Кутлубуга, доказывается, как мне кажется, довольно надежно. Дело в том, что, во-первых, его спутник Хасан был сыном одного из предыдущих крымских наместников Рамадана, а во-вторых, осенью 1384 г. крымский наместник Кутлубуга направил этого же Хасана послом к мамлюкскому султану Сайф ад-дину Баркуку[2011].

[2007] *Ciocîltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade ... P. 232—235; *Пономарев А. Л.* «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2. С. 18—20; *Крамаровский М. Г.* Оборонительный комплекс Солхата 1375—1380 гг. Опыт интерпретации // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 41, 43.

[2008] «Тое же зимы еда изъ Литвы веснѣ Илясъ Коултубузинъ сынъ былъ во Тфѣри» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 79). — На этот факт впервые указал С. М. Кучинский (*Kuczynski S. M.* Sine Wody ... S. 174).

[2009] Carte e cronache manoscritte per la storia Genovese esistenti nella Biblioteca della r. Università Ligure / per A. Olivieri. Genova : Co' Tipi del R.I. de Sordo-Muti, 1855. P. 72.

[2010] Ярлык хана Золотой орды Тохтамыша ... С. 51; *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 48.

[2011] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов ... С. 174. Существует мнение, что «инак» Кутлубуга, отец Ильяса, и Кутлубуга — посол Тохтамыша в ВКЛ и крымский наместник в 1382—1387 гг. были разными людьми (*Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб. : Унив. тип., 1887. С. 137; *Kuczynski S. M.* Sine Wody ... S. 164—165). Этот довод, однако, опровергается новым датированием ярлыка Тохтамыша (19 февраля 1381 г., о чем я писал выше), в котором Кутлубуга называется начальником Крымской области.

В тот же период в низовьях Дуная к северу от Добруджи, т. е. между Дунаем и Днестром, существовала степная область, в которой кочевал эмир Кутлубуга. Здесь с древних времен существует озеро Котлабух (теперь в Измаильском районе Одесской области), возможно, получившее название по имени этого эмира[2012]. В турецкой хронике Мехмеда Нешри при описании похода великого визиря Али-паши на земли болгарского царя Ивана Шишмана (1388) утверждается, что османы пригласили на помощь двух «приграничных беев» — Яндж-Бея и Кутлу Богу[2013]. Первого из этих татарских начальников, т. е. Яндж-Бея, Н. Д. Руссев, а за ним и Б. В. Черкас предложили идентифицировать как Хаджибея[2014], но лингвистическая сторона такой идентификации не вполне ясна.

При рассмотрении данных о крымском наместнике Кутлубуге и придунайском эмире Кутлубуге остается неясным, были ли это разные люди или речь идет об одном и том же человеке. Против их тождественности высказался Я. Р. Дашкевич: он считал, что в «Повести о Подолье» назван тот эмир Кутлубуга, который владел землями в низовьях Дуная и не имел отношения к Крыму[2015]. Окончательно решить этот вопрос не представляется возможным.

С Подольем и Крымом во второй половине XIV в. был связан род еще одного человека со схожим именем Хутлубей. Так, 15 августа 1394 г. в одном из армянских церковных требников была сделана запись о том, что эту книгу, переписанную в 1349 г. в Солхате, купил господин Синан для своего сына Абрагама и для почитания памяти своего отца Хутлубея и матери Сару-хатун. В марте 1398 г. тот же Синан, сын Хутлубея, основал армянскую церковь Святого Николая в Каменце[2016]. Что касается личности этого Синана, наиболее правдоподобной выглядит гипотеза А. Л. Осипяна о том, что это был зажиточный армянский купец, имевший торговые связи с Крымом; в Каменце жил его брат Захария («Zacharia Cuttlubey de Kamencz») или он сам носил такое крестное имя[2017]. Во вся-

---

[2012] *Руссев Н. Д.* Золотоордынские реликты ... С. 119—120.

[2013] *Мехмед Нешри.* Огледало на света. История на османския двор / съставителство и превод от османотурски език М. Калицин. София : Отечествен фронт, 1984. С. 93; *Атанасов Г.* Добруджанското деспотство ... С. 138.

[2014] *Руссев Н. Д.* Молдавия в «темные века» ... С. 390; *Черкас Б. В.* Подільське князівство і «ногаєві» татари: боротьба за Придністров'я (1374—1380) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2015. Вип. 15. С. 72.

[2015] *Дашкевич Я. Р.* Степові держави ... С. 115—116.

[2016] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 344, 354; *Дашкевич Я. Р.* Кам'янець-Подільский у вірменських джерелах XIV—XV ст. // Архіви України. 1970. № 5 (103). С. 64.

[2017] *Осипян А. Л.* Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Вос-

ком случае отождествление этого Хутлубея с интересующим нас татарским эмиром Кутлубугой выглядело бы довольно смелым и требовало бы серьезной аргументации[2018].

В одной из недавних своих работ В. Н. Михайловский заметил: «Важко собі уявити, що володіння обох із них знаходилися в районі озера Катлабуг та міста Хаджибея. А якщо припустити, що така локалізація реальна, то це цілковито змінює наше розуміння того, яку ж територію відвоювали в татар Ольгерд і старші Коріатовичі»[2019]. Необходимо, однако, заметить, что из «Повести о Подолье» не следует, что Ольгерд, разгромив татарских правителей Кутлубугу, Хаджибея и Дмитрия, захватил *все* их владения, вплоть до побережья Черного моря и Дуная, — речь идет только о подчиненных им подольских областях.

Приход князей Кориатовичей в Подольскую землю, строительство Смотрича, Бакоты, Каменца-Подольского

Смысловые элементы 155—161

Повествование в «Повести о Подолье» построено таким образом, что может создаться превратное впечатление, что князья Кориатовичи пришли на Подолье уже после Синеводского сражения, т. е. после 1363 г.[2020] Между тем вполне возможно, что первое появление Кориатовичей на Подолье следует относить к концу 40-х — началу 50-х гг. XIV в.[2021] Сре-

---

точного Средиземноморья во второй половине XIII — первой половине XV в. // Studia historica Europae Orientalis. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 5. С. 70—71.

[2018] По версии В. П. Гулевича, «кримський вірменин Кутлубей міг бути тим, кого дослідники ототожнюють із намісником Криму татарином Кутлубугою. Або, що більш вірогідно, кримський татарин Кутлубуга був християнином вірменської григоріанської церкви» (*Гулевич В.* Західні землі улусу Джучі в кінці XIII—XIV ст. і Тука-Тимуриди // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Київ, 2013. Число 22—23. С. 151).

[2019] *Михайловський В. М.* Володіння «трьох татарських царів» … С. 15.

[2020] Обзор историографии по вопросу освобождения Подолья от татарского владычества и присоединения к ВКЛ см.: *Василенко В. О.* Політична історія ... С. 89—97; *Ващук Д. П.* Проблема входження Поділля до складу Великого князівства Литовського в другій половині XIV ст.: історіографічний аспект // Кам'янець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків: історія і сучасність : збірник наукових праць. Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Подільський держ. ун-т, 2004. С. 40—42.

[2021] Но не к первой половине 40-х гг. XIV в., как считают некоторые исследователи (см.: *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси … С. 45; *Войтович Л. В.* Княжа доба … С. 669; *Павлова Г. Є., Мартинчук І. І.* Поширення влади литовських князів на українські землі // Вісник студентського наукового товариства ДонНУ імені Василя Стуса. 2016. Т. 1. № 8. С. 64). Идея о том, что экспансия Ко-

ди факторов, способствовавших ослаблению власти Золотой Орды над Подольем во второй половине 40-х гг. XIV в., можно назвать разгром войск причерноморского татарского эмира Атламоша секеями и венграми под предводительством трансильванского воеводы Андраша в 1345 г.[2022], а также крымскую эпидемию чумы 1346—1347 гг.[2023] Кроме того, в 40-х гг. XIV в., после распада Галицко-Волынского княжества, правящей династии Великого княжества Литовского удалось закрепиться на Волыни, получив поддержку местной знати: князь Любарт Гедиминович женился на дочери одного из местных владетелей, скорее всего князя Даниила Острожского[2024]. Таким образом, зона политического влияния литовских князей вплотную приблизилась к границам Подольской земли, изобиловавшей природными богатствами[2025].

Все это послужило импульсом для развертывания жестокой борьбы за Волынскую и Подольскую земли между Великим княжеством Литовским, Польшей, Венгрией и Золотой Ордой. Развитие событий схематич-

---

риатовичей на Подолье началась еще в правление великого князя Евнутия, т. е. до 1345 г., обусловлена несостоятельными попытками приурочить проект брака между Константином Кориатовичем и Кунегундой, дочерью польского короля Казимира, к 1344 г., о чем мы поговорим ниже. Дальше всех в развитии этой догадки продвинулся Л. В. Войтович, который пишет: «Схоже, що десь у 1341—42 рр. Любарт Гедимінович надав Корятовичам уділи у своїх старих володіннях на Східному Поділлі. Костянтин отримав Брацлавщину, Юрій — можливо північно-східну частину Волині з Любаром, а Олександр — Теребовлю» (*Войтович Л. В.* Княжа доба ... С. 670). Хотя эти предположения принимаются некоторыми исследователями, они надлежащим образом не доказаны и, как мне кажется, не имеют опоры в источниках.

[2022] *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. Вып. 3. С. 23—25.

[2023] Благодарю В. С. Позднякова за это и ряд других замечаний, высказанных при ознакомлении с рукописью. См.: *Хайдаров Т. Ф.* Латинские и арабские источники об эпидемии чумы в Крыму в 1346—1347 гг. // Учен. зап. Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 128—132.

[2024] *Tęgowski J.*: 1) Małżeństwa Lubarta Giedyminowica ... S. 23—25; 2) Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 237.

[2025] Ср., например, описание Брацлавского замка 1552 г.: «О пожиткох замку Браславъского. Напервей пашня там родить збожье завжды лепей, нижъли при котором иншом замъку; конем и въсякому быдлу хованье там роскошъное по дубровах и свиням по дубниках через зиму; а там радо ся быдло всякое там множить. Зубров, оленей, лисиц и иншого зверу множъство, и бобров по речъках, рыб, а звлаща верезубов; а рыбиц усходить там рекою Богом з моря множъство великое; меду теж офитость великая, а предне доброго чистого белого, без бортей и без всякое працы великое, не только с пасек, але готового, с вепетов выдираючи» (Архив Юго-Западной России. Ч. 7, т. 2. С. 21).

но можно представить следующим образом. Стремясь заручиться военной поддержкой Золотой Орды для борьбы против Польши за контроль над волынскими землями, великий князь Ольгерд в 1348 г. направил к хану Джанибеку посольство во главе с князем Кориатом: «Олгердъ, князь литовскии, послалъ въ Орду ко царю Чанибеку брата своего Кор[ол]ьяда и просилъ рати у царя себѣ въ помочь»[2026]. Однако хан Джанибек к тому времени уже заключил договоренность с королем Польши Казимиром: в обмен на уплату дани с Галицкой земли он обещал ему военную помощь против Литвы[2027]. Поэтому хан не стал договариваться с Литвой, а выдал литовское посольство в Москву под тем предлогом, что «Ольгердъ съ своею братьею царевъ улусъ, а князя великаго (московского Семена Ивановича. — *О. Л.*) отчину испустошил»[2028]. Польша же начала активные военные действия на Волыни. Как сообщает Меховская хроника, посольство татар прибыло к Казимиру в 1349 г., а уже в конце того года он занял Русь[2029]. Согласно Новгородской первой летописи: «В лѣто 6857 прииде король краковьскыи со многою силою, и взяша лестью землю Волыньскую и много зло крестианомъ створиша, а церкви святыя претвориша на латыньское богумерзъкое служение»[2030]. Ян из Чарнкова уточняет, что король Казимир оставил Любарту только Луцк с волостью[2031].

Видимо, тогда же Польше удалось, наряду с Волынью, занять и какую-то часть подольских земель. Так, в булле папы Климента VI от 14 марта 1351 г. рассказывается, со ссылкой на польских послов, что король Польши Казимир (видимо, в 1349—1350 гг.) захватил земли или княжества схизматиков-русинов, которые до этого подчинялись татарам, — такие обширные, что на них можно было бы основать митрополию с семью епископствами. В результате этой победы один из князей вместе со своей семьей и приближенными принял католичество (ряд ученых считает, что этим князем был Александр Кориатович)[2032]. Татары,

---

[2026] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись … С. 369. В Троицкой летописи (по выпискам Н. М. Карамзина), послужившей в данном случае источником для других, более поздних летописей, год 6856 — мартовский, охватывающий период с 1 марта 1348 г. по 28 февраля 1349 г.

[2027] *Пилипчук Я. В.* Хан Джанибек и князь Любартас-Дмитрий // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 77—78.

[2028] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись … С. 369.

[2029] «Anno Domini 1349 nuncii Thartarorum venerunt ad regem Polonie… Et in fine eiusdem anni rex Kazimirus terram Russie obtinuit» (Monumenta Poloniae historica. T. 2. S. 885).

[2030] ПСРЛ. Т. 3. С. 361.

[2031] Monumenta Poloniae historica. T. 2. S. 629; *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 32—33; *Paszkiewicz H.* O genezie … S. 267.

[2032] *Abraham W.* Założenie biskupstwa łacińskiego w Kamieńcu Podolskim // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 250-tej rocznicy założenia Uniwersytetu Lwowskiego

которые до того владели этими землями, заключили союз с соседями-литвинами и начали набеги на утраченные области, поэтому король Казимир начал возводить в них замки и привлекать для защиты наемные войска[2033]. Учитывая обширность территории (семь епархий), речь в документе идет не только о Волыни, но и о какой-то части Подолья, по крайней мере Западного. Это подтверждается свидетельствами целого ряда источников, а в частности тем, что в руках у поляков по состоянию на 1352 г. каким-то образом оказались Стенка и Теребовля, традиционно относившиеся к Подольской земле. Из-за вторжения Польши в Подольскую землю ее отношения с Золотой Ордой резко ухудшились, и татары вступили в союз с Великим княжеством Литовским. Длугош под 1352 г. отмечает, что татары по наущению великого князя литовского Ольгерда опустошили Подольскую землю, которая подчинялась Польскому королевству («terram Podolyae Regno Poloniae subiectam»)[2034].

Согласно хронике флорентийца Маттео Виллани, какая-то часть Подолья в тот период якобы перешла под сюзеренитет Венгрии. Он, в частности, передает под 1352 г. слухи о том, что войска татар напали на королевство «Прославию» (Proslavia), возглавлявшееся «неверным» королем, который ранее покорился королю Венгрии; в этой «Прославии» угадывается Брацлавская волость[2035]. В венгерских источниках упоминаний об этом нет. Венгерский король Людовик действительно активно помогал Польше во время военной кампании 1352 г., однако после неудачной осады волынского замка Белза он вынужден был возвратиться домой ни с чем. Согласно хронике анонимного минорита, его маршрут к Мункачу (теперь г. Мукачево в Закарпатской области) пролегал через Владимиро-

---

przez króla Jana Kazimierza r. 1661. Lwów : Uniwersytet Lwowski, 1912. T. 1. S. 5—6; *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze oraz sprawa Podolska // Ateneum Wileńskie. 1936. R. 11. S. 70; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 1. S. 219; *Кузьмин А. В.* На пути в Москву ... С. 92.

[2033] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 311—313.

[2034] *Długosz J.*: 1) Opera omnia. T. 12. S. 245; 2) Annales ... Lib. 9. S. 266.

[2035] Cronica di Matteo e Filippo Villani con le vite d'uomini illustri fiorentini di Filippo e la cronica di Dino Compagni. Milano : Per Nicolo Bettoni e Comp., 1834. P. 76; *Дашкевич Я. Р.*: 1) Угорська експансія на золотоординське Поділля 40-х — 50-х рр. XIV ст. // Україна в минулому. Львів, 1994. Вип. 5. С. 32—62; 2) Степові держави ... С. 114 (в этих двух работах Я. Р. Дашкевича, помимо прочего, представлена историография вопроса); *Черкас Б. В.* Похід хана Джанібека на Правобережну Україну 1352 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2010. Вип. 9. С. 13—25; *Вашари И.* Татарские походы ... С. 26—27. Перевод соответствующего фрагмента на украинский язык см.: *Дашкевич Я. Р.* Угорська експансія ... С. 42—43; на русский язык: *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 514.

Волынскую землю, опустошенную татарами и Литвой, а далее через город Londniam, где его с честью встретили, с. Pridiproch, рядом с которым находились два пруда, изобиловавшие рыбой, и реки Olth (Днестр), Ethel (Прут) и Zereth (Сирет)[2036]. При этом в районе реки Ethel он получил известие о том, что его преследует отряд из 7 тыс. татар и 2 тыс. русинов (подолян?). Если это описание верно, то король Людовик в 1352 г. проехал через территорию Западного Подолья: «civitatem Londniam» — это, возможно, Лановцы в бассейне реки Горыни, где на горе Замчиско выявлено большое древнерусское городище с селищем[2037]; в этом случае Людовика мог встречать кто-то из предков князей Несвизских, владевших соседним Збаражем. Село же Pridiproch с учетом общего маршрута следует искать в районе Теребовли и Стенки по направлению к Днестру. В некоторых работах это название почему-то транскрибируется как «Придипоч». Между тем, судя по доступным мне публикациям хроники, более уместна транскрипция «Придипрох» или «Придипрот», учитывая, что в латинских рукописях XIV в. написание букв c и t чрезвычайно схоже. Во всяком случае из Белза в Мункач можно было бы найти гораздо более удобный и безопасный путь через Галицкую землю, поэтому сам выбор королем Людовиком такого окружного и рискованного маршрута для возвращения на родину — через Западное Подолье — косвенно свидетельствует о том, что он имел какие-то политические планы относительно этой области. Подольская земля не входила в состав Галицко-Волынского княжества — «Русского королевства», права на которое Людовик передал в пожизненное владение польскому королю Казимиру в 1350 г.[2038] Так что процитированное выше сообщение Маттео Виллани, видимо, отражает реально происходившие события, хотя и в искаженном, преувеличенном виде.

В 1352 г. Подольская земля частично освободилась из-под власти Польского и Венгерского королевств. Литовские князья, в том числе Юрий Кориатович, выступавший, видимо, в качестве представителя какой-то части Подолья, заключили с польским королем Казимиром и мазовецкими князьями особый договор, которым регламентировался статус Волынской и Галицкой земель по отношению ко всем четырем противоборствующим сторонам: Великому княжеству Литовскому, Золотой Орде, Польскому и Венгерскому королевствам. Договором предусматрива-

---

[2036] Historiae Hungaricae fontes domestici. P. 1. Scriptores. Vol. 3 : Chronicon Dubnicense / rec. M. Florianus. Lipsiae : Typis M. Taizs, 1884. P. 164—165. См. также: *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 442—443; *Вашари И.* Татарские походы … С. 26—27; *Пилипчук Я. В.* Хан Джанибек … С. 80.

[2037] *Куза А. В.* Древнерусские городища ... С. 161; карта М-35-077, квадрат 26:32.

[2038] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 35.

лось, что если венгерский король пойдет войной «на Русь, што Литвы слушаеть» (т. е. на Волынь), то польский король не должен ему помогать. Если же татары пойдут войной на Львовскую землю, «тогда Руси на львовьцѣ не помагати», но если татары пойдут на Польшу, «тогда Руси *неволѧ* поити ис татары»[2039]. Из последнего пункта договора 1352 г., в котором поставлено многозначительное слово «неволя», однозначно следует, что земли Южной Руси, управляемые на тот момент литовскими князьями, находились под номинальной властью татар, получавших дань и военную помощь от подвластных областей.

По итогам урегулирования 1352 г. из числа западноподольских волостей непосредственно под властью польского короля Казимира остались только Теребовльская и Стенкская волости, которые и далее продолжали неизменно находиться в составе Польского королевства[2040]. Ситуация с литовскими приобретениями на Подолье в тот период не вполне ясна. Именно тогда в состав Волыни на несколько десятилетий могло войти исконно подольское Межибожье, упоминаемое как волынский городок в договоре 1366 г. Если так, то это было первое достоверно известное территориальное приобретение литовских князей на Подолье. Но поскольку всей Подольской землей в тот период Литва не овладела, то новая волость была еще отнесена к Луцкой земле, и в договоре 1352 г., перечисляя свои владения, литовские князья о Подольской земле, естественно, еще не упоминают: «А намъ держати Володимѣрьскую, Луцкую, Белзьскую, Холмьскую, Берестиискую исполна жь». Впрочем, нельзя исключать и того, что Любарт мог получить Межибожье в 1363 г. в награду за участие в Синеводском походе, но этот вариант не столь вероятен, как первый, поскольку в договоре 1366 г. Межибожье отнесено к числу «извечных» (wiecznimi, primevis) луцких волостей, т. е. вошло в состав Волыни относительно давно.

Во всяком случае, как мне кажется, именно к периоду с 1349 по 1352 г. и следует относить первое появление князей Кориатовичей на Подолье, когда они, как сообщается в «Повести о Подолье», стали «входить в приязнь» с местными владетелями, но для борьбы против Польши, а не против Золотой Орды. Использовали они и некоторые противоречия между правителями татарских областей — конфликт «короля Прославии» с неким татарским «королем», отголоски которого слышны в хронике Маттео Виллани под 1352 г., и возможное пресечение правящей династии улуса Куремсы (Курумиши)[2041]. В тогдашней военно-политической обстановке татары, управлявшие Подольской землей, были вынуж-

---

[2039] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 4—7, № 3.

[2040] CEV. S. 39.

[2041] Подробнее см.: *Черкас Б. В.*: 1) Похід хана Джанібека ... С. 16—18; 2) Західні володіння улусу Джучи ... С. 252.

дены пойти на союз с Великим княжеством Литовским, что способствовало легитимизации пребывания литовских князей в некоторых областях Подолья, хотя, конечно, они в качестве подольских правителей или соправителей продолжали подчиняться татарам. События начала 50-х гг. XIV в. заложили основу для дальнейшей экспансии князей Кориатовичей на Подолье, и, как мы видели выше, такая экспансия действительно была бы невозможна без поддержки всей Литвы. Однако время, когда Кориатовичи прочно обосновались в Каменце и Смотриче, с точностью определить невозможно[2042]. В 1358 г. на переговорах с посольством императора Священной Римской империи Карла IV представители ВКЛ предложили, чтобы крестоносцы переселились на юг в пустынные местности между Русью и татарами для защиты Руси от татарских нападений, оговорившись при этом, что вся Русь должна принадлежать Литве[2043]. Эти слова («omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere») нередко интерпретируются как внешнеполитическая программа Ольгерда по отношению ко *всей* Руси. Но вряд ли может подлежать сомнению, что под Русской областью на границе пустыни, за которой лежали владения татар, здесь подразумевались конкретно Подольская и, может быть, Киевская земли. При этом если Ордену предлагалась роль буфера в причерноморских степях, то обширное и богатейшее Подолье литовские князья, конечно, приберегали для себя. Весьма сомнительно, что великий князь Ольгерд всерьез рассчитывал на принятие своего предложения, но косвенно эти данные свидетельствуют о том, что к 1358 г. литовские князья имели вполне четкие политические планы относительно захвата всего Подолья, хотя и отдавали себе отчет в том, что для их реализации нужно будет вступить в вооруженную борьбу с татарами.

[2042] Предположение Я. В. Пилипчука о том, что Кориатовичи уже в 1354 г. якобы получили от хана Джанибека «Малое Подолье» с Каменцом (*Пилипчук Я. В.* Хан Джанибек … С. 82), основано, по всей видимости, на неверной интерпретации привилея, который Кориатовичи выдали для мещан Каменца в феврале 1374 г. (см. его текст в Приложении 3). В этом привилее речь идет о том, что мещане Каменца освобождаются от земельного налога на 20 лет вперед начиная с 1374 г., а не о том, что они к 1374 г. уже 20 лет были освобождены от этого налога. Синтаксис вполне прозрачен, несмотря на то что начало текста сокращено: «[Да будет известно всякому,] Ktho na then list weizrzi, yzessmy przyszwaly k szobie mieszczani do Camienieczkiego miasta a daliszmi wolią na 20 liath…» И далее в будущем времени говорится об условиях на тот период, когда мещане «выседят волю», т. е. истечет срок в 20 лет: «A kiedi wolią *wissiędzą* miesczanie…»

[2043] «Item postulabant, quod ordo locaretur ad solitudines inter Tartaros et Rutenos ad defendendum eos ab impugnacione Tartarorum et quod nihil iuris ordo sibi reservaret apud Rutenos, sed omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere» (SRP. Bd. 2. S. 80).

В дальнейшем, уже овладев Подольем, князья Кориатовичи в результате изменения политических обстоятельств принимали вассальные присяги королю Польши Казимиру в период между 1363 и 1366 гг., а также королю Венгрии и Польши Людовику Анжуйскому в 1377 г., т. е. в истории Подольской земли второй половины XIV в. были периоды, когда она полностью или частично не подчинялась Великому княжеству Литовскому[2044]; особенно это касается князя Александра Кориатовича, католика по вероисповеданию, продолжительное время кроме Подольской земли управлявшего также Владимиром-Волынским в качестве ленника Польского королевства[2045]. Однако в «Повести о Подолье» все эти важные эпизоды с участием Польши и Венгрии старательно и тенденциозно обойдены молчанием, а вся сложная и многообразная история Подолья сведена к отношениям исключительно между татарами и ВКЛ, что, конечно же, не соответствует действительности. Впрочем, «Повесть о Подолье» тенденциозна и в том случае, когда в ней делается акцент исключительно на *противостоянии* между Великим княжеством Литовским и татарами. Не меньшую, если не большую роль в судьбах Подольской земли сыграл *союз* ВКЛ и Золотой Орды, позволивший ВКЛ, например, успешно выдержать изнурительную военную борьбу и защитить Волынь и Подолье от притязаний Польши и Венгрии в 1351—1352 гг. и в последующие годы[2046].

О князе Кориате и его княжении в Новогородке подробно говорилось выше, в комментарии к первой части «Летописца великих князей литовских». Из князей Кориатовичей «Повесть о Подолье» называет

[2044] *Kurtyka J.*: 1) Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 16—21; 2) Repertorium Podolskie ... S. 306; *Михайловський В. М.* Васальні стосунки князів Коріатовичів із Казимиром III та Людовіком Угорським // Український історичний журнал. 2010. № 4. С. 4—15.

[2045] См. обзор основных фактов: *Prochaska A.* Podole lennem Korony, 1352—1430. Kraków: Akademia Umiejętności, 1895. S. 3—4; *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze. S. 439—440. Впрочем, попытки А. Прохаски доказать, что известия «Повести о Подолье» о связях Подольской земли с ВКЛ и даже о походе Витовта на Каменец-Подольский *полностью* вымышленны, были встречены с вполне обоснованным скептицизмом. См.: *Грушевський М. С.* [Рец.:] Antoni Prochaska. Podole lennem Korony (1352—1430). Краків, 1895, стор. 24 (відбитка з т. XXXII «Розправ відділу історично-філософічного Краківської академії») // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1896. Т. 13. Библиография. С. 8—14.

[2046] *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 50—51; *Пилипчук Я. В.* Сепаратизм в Золотой Орде ... С. 159. Ср. буллу папы Иннокентия VI за 10 ноября 1354 г.: «Tartaros et Litwanos, Regnum Poloniae in ultimis Christianorum finibus constitutum, Ecclesiae Romanae immediate subiectum, invadentes...» (Bullarium Poloniae litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens. Vol. 2 : 1342—1378 / ed. I. Sułkowska-Kuraś et S. Kuraś. Romae: École Française de Rome, 1985. S. 118).

только Юрия, Александра, Константина и Федора. Между тем у Кориата были и другие сыновья: если Дмитрий Боброк, женатый на дочери московского великого князя, видимо, еще в 60-х гг. XIV в. отъехал в Московское государство[2047], то Борис Кориатович играл видную роль в управлении Подольской землей с 1377 по 1385 г., а Василий Кориатович был соправителем своего брата подольского князя Федора Кориатовича в начале 90-х гг. XIV в.[2048] То, что автор «Повести о Подолье» не знает о существовании этих князей, довольно симптоматично и лишний раз указывает на легендарный и упрощенный характер его известий, по крайней мере о событиях, происходивших до 1394 г.

И Каменец, и Бакота как населенные пункты возникли задолго до прихода Кориатовичей в Подольскую землю, и, конечно, Кориатовичи не были их основателями. Утверждение автора «Повести о Подолье» о том, что до прихода князей Кориатовичей «тогды в Подолскои земли не был ни один город ни деревомь рубленого, ани каменем будованого», в историографии обычно объясняется тем, что замки на Подолье были разрушены по приказу татар еще во второй половине XIII в. и затем ордынские власти, вероятно, не разрешали их восстанавливать[2049]. Это, кажется, отчасти подтверждается археологическими раскопками, в ходе которых в Каменце-Подольском были выявлены остатки разрушенных валов и следы пожаров на древнерусских объектах[2050]; по некоторым данным, следы разрушения фортификационных сооружений XII—XIII вв. были обнаружены и в Бакоте[2051]. Динамику восстановления подольских замков вряд ли возможно установить с точностью, но во всяком случае было бы неправильно связывать начало этого восстановления исключительно с

[2047] См.: *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze. S. 434—438; *Лицкевич О. В.* [Рец.:] Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 1. М., 2014 // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 277—287.

[2048] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 175—177, 187—188, 316—317; *Кузьмин А. В.* На пути в Москву ... С. 94.

[2049] *Антонович В. Б.* Очерк истории ... С. 146; *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 158; *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 12; *Баженов О. Л.* Кам'янець і Кам'янеччина на Пониззі в XII—XIII ст. // Кам'янець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків. Історія і сучасність : збірник наукових праць за підсумками Міжнародної науково-практичної конференції (16—17 травня 2003 р.). Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Подільський держ. ун-т, 2004. С. 30—34.

[2050] *Винокур І. С., Петров М. Б.* До початку історії Кам'янця-Подільського // Mappa mundi : Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича за нагоди його 70-річчя. Львів ; Київ ; Нью-Йорк : Видавництво М. П. Коць, 1996. С. 117—118.

[2051] *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 73.

Синеводским сражением 1363 г. Уже в упоминавшемся выше договоре 1352 г. между Польским королевством и ВКЛ специально указывается: «А городовъ оу Рускои земли *новыхъ* не ставити, ни *сожьженого* не рубити, доколя миръ стоить за 2 лѣт». Правда, трудно сказать, в какой мере это положение касается Волыни, а в какой мере — Подольской земли, но теоретически уже в то время на Подолье должны были существовать замки и крепости, поскольку эта территория была ареной упорного военного противостояния. Основываясь на «Повести о Подолье», Ю. Пузына даже предположил, что подольские «атаманы» или сами татары именно и пригласили Кориатовичей на Подолье для строительства крепостей («городов»), необходимых для обороны края от Польши[2052]. Сам перечень подольских городов, занятых и восстановленных Кориатовичами — сначала Смотрич, потом Бакота и Каменец, — указывает на общее направление литовской колонизации Подолья: от Межибожья непосредственно на юг, чтобы занять здесь земли между Южным Бугом и Днестром, поставив преграду дальнейшему продвижению Польши на восток, к Виннице и Брацлаву.

Каменец-Подольский впервые упоминается в Галицко-Волынской летописи как центр волости под 6704 (1196) г.[2053] По археологическим данным, древнерусский детинец в Каменце-Подольском располагался на мысе реки Смотрич и первоначально был защищен валом, рвом и деревянными укреплениями. На рубеже XII—XIII вв. вал с западной стороны детинца был укреплен каменной стеной, а в середине XIII в. на детинце были воздвигнуты каменные башни и соединявшие их стены[2054]. В дальнейшем на территории древнерусского детинца возник позднесредневековый замок, строительство которого некоторые исследователи относят ко времени правления князей Кориатовичей. Безусловно, уже к 1374 г. построенный или реконструированный Кориатовичами Каменецкий замок уже существовал, поскольку в том году Юрий и Александр Кориатовичи выдали «на замку в Каменцу» каменецким мещанам грамоту об освобождении от налога за использование господарской земли[2055]. По мнению Е. М. Пламеницкой, в 70-х гг. XIV в. в замке были воздвигнуты фланкирующие башни, а часть деревянных стен с юга и севера была за-

---

[2052] *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze oraz sprawa Podolska. S. 73—74.

[2053] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 698.

[2054] *Винокур І. С., Петров М. Б.* До початку історії Кам'янця-Подільського ... С. 123—124.

[2055] *Сіцінський Е.* Оборонні замки Західного Поділля XIV—XVII ст. Історично-археологічні нариси. Київ : Друкарня Укр. АН, 1928. С. 6; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 325; *Jureczko A.* Dokument lokacyjny Kamieńca Podolskiego // Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu. Kraków : Wyd. Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2000. T. 1. S. 61.

менена каменными[2056]. П. А. Болтанюк также считает, что в правление Кориатовичей (в 60—90-е гг. XIV в.) с западной стороны Каменецкого замка на наиболее опасном направлении были построены три фланкирующие каменные башни: Старая Рожанка, Малая Западная и башня, размещавшаяся в районе Денной[2057]. В литературе можно встретить утверждения, что, по данным письменных источников, еще в XV в. Каменецкий замок был деревянным, соответственно сообщение «Повести о Подолье» о строительстве Кориатовичами каменных замков на Подолье, в том числе в Каменце, может быть отчасти недостоверным[2058]. В то же время О. А. Пламеницкая считает, что упоминаемые в описи 1494 г. деревянные конструкции (боевые галереи) Каменецкого замка были сооружены на каменных стенах[2059].

Вообще наиболее раннее упоминание Каменца в XIV в. содержится в документе францисканцев, согласно которому они имели в Каменце (Caminix) свою миссию; по одним данным, этот документ датируется 1344—1345 гг., по другим — 1370 г.[2060] Однако археологи установили интересный факт: пространственная ориентация открытых в Каменце-Подольском древнерусских жилищ XII—XIII вв. почти полностью совпадает с ориентацией фундаментов позднесредневековых домов и улиц. Таким образом, наблюдается определенная преемственность в принципах городского планирования древнерусского и позднесредневекового периодов, и можно утверждать, что формирование отдельных улиц Старого города началось еще до нашествия татар[2061]. Иными словами, судя по планировке, Каменец-Подольский как населенный пункт существовал непрерывно на всем протяжении XII—XIV вв., хотя ряд археологов все

[2056] *Пламеницька Є. М.* Про час заснування Кам'янець-Подільского замку-фортеці // Слов'яно-руські старожитності. Київ : Наук. думка, 1969. С. 144. Подробную уточненную хронологию реконструкции Каменецкого замка Кориатовичами см.: *Пламеницька О. А.* Castrum Camenecensis ... С. 204—244.

[2057] *Болтанюк П. А.* Основні етапи побудови замку м. Кам'янець-Подільський // Археологія и фортифікація Середнього Подністров'я. Всеукраїнська науково-практична конференція на честь 10-річчя створення відділу старожитностей Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника. Кам'янець-Подільський : ПП «Медобори-2006», 2011. С. 120.

[2058] *Петров М. Б.* Кам'янець-Подільський — політико-адміністративний, оборонний, містобудівний, економічний центр Подільської землі у складі Великого князівства Литовського (60—90-і роки XIV ст.) // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2009. Т. 1. С. 122, 129.

[2059] *Пламеницька О. А.* Castrum Camenecensis ... С. 210.

[2060] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 311, No 1; *Михайловський В. М.* Формування території історичного Поділля ... С. 79.

[2061] *Винокур І. С., Петров М. Б.* До початку історії Кам'янця-Подільського ... С. 127.

же считает этот вопрос открытым[2062]. Зато в «Повести о Подолье» дело представлено так, что Кориатовичи случайно обнаружили это место, когда охотились на оленей, при этом полуостров, где расположен Старый город, был якобы полностью покрыт лесом, а рядом не было никакого поселения: «И ловячи в ловех пригодилося имь так: угонили много оленеи в тот остров, кдѣ нынѣ Каменское мѣсто лежить, и посекши лѣс город муровали Каменець». Эта легенда, конечно, весьма сомнительна, если связывать ее с Кориатовичами. Трудно сказать, может быть, здесь отразилось какое-то общее предание об основании Каменца еще в древнерусские времена, а автор «Повести о Подолье», то ли не разобравшись, то ли сознательно, сделал его главными действующими лицами не Рюриковичей, а Кориатовичей. Аналогичные рассказы об обнаружении мест для основания городов во время княжеской охоты содержатся в Галицко-Волынской летописи (основание Холма Даниилом Романовичем) и в легендарной части второго летописного свода ВКЛ (основание Вильно Гедимином и Райгорода Тройденем)[2063]. К ним примыкает зафиксированная в молдавских летописях XV—XVI вв. легенда о том, что первый воевода Драгош обнаружил Молдавскую землю, когда охотился на тура[2064]. Таким образом, подобные легенды обнаруживаются едва ли не у всех государствообразующих народов этого региона — от Балтийского до Черного моря. Если легенда об основании Каменца имеет подольские корни, а не сочинена автором XV в., то это свидетельствовало бы о серьезных амбициях подольских князей второй половины XIV в., которым было мало статуса обычных удельных князей.

Не совсем ясна ситуация со Смотричем, так как автор «Повести о Подолье», заявив о том, что до Кориатовичей на Подолье не было ни одного города с каменными или деревянными укреплениями, сразу же затем утверждает, что Кориатовичи «нашли собе *твержю* на реце на Смотричи, тут пак собе нарядили город Смотрич». Между тем «твержа» как раз и означает укрепленное место или крепость[2065], следовательно,

---

[2062] *Болтанюк П. А., Мегей В. П.* Кам'янець за часів Русі: проблеми датування та топографії // Самоврядування у Кам'янці-Подільському: історія та сучасність : збірник наукових повідомлень за підсумками круглого столу. Кам'янець-Подільский : К-ПНУ ім. І. Огієнка, 2014. С. 8.

[2063] *Баран О. В.* До питання про зв'язок «Повести о Подолской земле» з Галицько-Волинським літописанням // Місто Хмельницький в контексті історії України : матеріали наукової конференції, присвяченої встановленню дати «1431 рік» датою найдавнішої згадки про Хмельницький в історичних документах. Хмельницький ; Кам'янець-Подільский : Оіюм, 2006. С. 258—261.

[2064] Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. / сост. Ф. А. Грекул. М. : Наука, 1976. С. 24, 57, 60 и др.

[2065] Ср. грамоту Дмитрия Корибута от 18 мая 1388 г., в которой «твержи» как крепости называются отдельно от «городов»: «...и с землями и с городы и с твержами нашими» (*Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 41).

такие укрепления существовали и автор повести сам себе противоречит. Самое раннее упоминание о Смотриче может датироваться первой половиной 70-х гг. XIV в., когда в нем уже фиксируется присутствие Ордена доминиканцев[2066]. По состоянию на 17 марта 1375 г. замок в Смотриче уже существовал, и на горожан возлагалась обязанность по его ремонту и поддержанию в удовлетворительном состоянии, как явствует из привилегии князей Кориатовичей для Смотричского доминиканского монастыря: «Але то, што жь коли вси болре и землане будуть городъ твердити, тогды тии люди тако же имѣють твердити городъ Смотричь»[2067].

Известно, что диархическая модель власти в Подольской земле отчасти воспроизводила такую же модель, существовавшую в Великом княжестве Литовском при Ольгерде и Кейстуте, хотя, конечно, характеризовалась своей спецификой, поскольку наследование осуществлялось от брата к брату, а не от отца к сыну, как в случае с Ольгердом и Ягайлом[2068]. В правление Кориатовичей Каменец и Смотрич являлись двумя стольными городами Подолья, каждый из которых служил резиденцией для одного из двух правящих братьев: Юрия и Александра, Александра и Бориса, Константина и Бориса, Константина и Федора. Так, резиденция Александра Кориатовича в 1378 г., когда после смерти брата Юрия он стал старшим подольским князем, находилась в Каменце (его титул в одной из папских булл соответственно звучал как «Alexandro de Litwania domino de Camnicz»). В свою очередь после смерти Александра старшим князем на какое-то время, видимо, стал его брат Борис, а Константин, его соправитель, обосновался в Смотриче, что отражено в легенде на аверсе и реверсе чеканившихся им монет: MONETA CONSTA[N]TINI + D[UCIS] H[EREDIS] DOMINI DE SMOTRIC[2069].

Бакота впервые называется в Галицко-Волынской летописи под 6748 (1240) г. как один из главных центров древнерусского Понизья, составившего ядро будущей Подольской земли[2070]. Данные «Повести о Подо-

---

[2066] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 324, No 8; *Михайловський В. М.* Формування території історичного Поділля … С. 78.

[2067] *Розов В. А.* Українські грамоти … С. 19— 20.

[2068] См.: *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» … С. 35—44; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 307; *Jankauskas V.* Karijotaičių valdžios pobūdis Podolėje XIV a. antrojoje pusėje // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. P. 179—186.

[2069] *Погорілець О. Г., Саввов Р. В.* Монета подільского князя Костянтина // Нумізматика і фалеристика. 2004. № 3. С. 26; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 307; *Михайловський В. М.* Формування території історичного Поділля … С. 79.

[2070] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789, 828—829.

лье» о том, что к моменту прихода Кориатовичей в Бакоте действовал православный скальный монастырь, подтверждаются археологическими исследованиями. Еще В. Б. Антонович обратил внимание, что на окраине Бакоты на горе Белой, отвесно возвышающейся над берегом Днестра, находились полуобрушившиеся остатки монастырских келий[2071]. Расположенное здесь же у подножия обрыва на берегу Днестра урочище местные крестьяне называли «Монастырыськом». В ходе последующих раскопок на стенах монастыря были выявлены древнерусские фрески и надписи, датируемые периодом с конца XI по начало XIII в. Из них явствует, что монастырь был освящен в честь святого архангела Михаила, а его основателем и первым игуменом был отец Григорий[2072]. Таким образом, первоначально это был мужской монастырь, и вот здесь возникает некоторое противоречие с «Повестью о Подолье». Согласно спискам первой редакции — Супрасльскому и Слуцкому, в Бакоте «в горе» жили «чернищи», т. е. монахини. Слово «чернци» («czernсy»), монахи, появляется только в списке Красинского, а также в хронике Быховца и Вавельском фрагменте. Но все же наибольшего доверия в данном случае заслуживают именно Супрасльский и Слуцкий списки, тем более что, например, в списке Красинского соответствующая фраза подверглась дополнительному редактированию и ошибочно было добавлено, что Бакота находилась на реке Смотрич, тогда как она располагалась на Днестре: «А на другом мѣстѣ *на Смотричи* в горѣ чернци жили, и они в том мѣстѣ город Бакоту поставили». Остальные списки второго летописного свода ВКЛ — Рачинского, Ольшевский, Румянцевский, Евреиновский — в данном фрагменте основаны на списке Красинского, и упоминание о «чернцах» из них вообще исключено[2073]. Итак, старейшие тексты «Повести о Подолье» указывают на то, что к середине XIV в., к моменту прихода Кориатовичей в Подольскую землю, Бакотский скальный монастырь был женским. Следовательно, если признать достоверность этого известия, остается предполагать, что в истории этой обители все же был какой-то перерыв, когда старый мужской монастырь прекратил свое существование и впоследствии на его месте возник женский монастырь.

Не вполне согласуется с данными других источников утверждение автора «Повести о Подолье» о том, что, придя в Подольскую землю

[2071] *Антонович В. Б.* О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губернии // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса : Тип. А. Шульца, 1886. Т. 1. С. 101—102.

[2072] *Винокур І. С., Горішній П. А.* Бакота: столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський: Центр Поділлєзнавства, 1994. С. 222, 224; *Маярчак С. П.* Літописні Бакота і Пониззя у Середньому Подністров'ї // Археологія. 2009. № 2. С. 28—29.

[2073] ПСРЛ. Т. 35. С. 138, 160, 186, 207, 228; ПСРЛ. Т. 32. С. 139.

и войдя «в приязнь со атаманы», князья Кориатовичи перестали давать дань («выход») татарским баскакам. Вряд ли возможно принимать это сообщение за чистую монету и предполагать, что Синеводская битва полностью положила конец системе татарско-литовского кондоминиума в Подольской земле. Попытка Ф. М. Шабульдо, отстаивавшего этот тезис, представить вопрос таким образом, что выплаты дани после 1362 г. не носили регулярного характера[2074], не кажется убедительной. Может быть, выплата дани татарам и приостановилась в 60-х гг. XIV в. во время «Великой Замятни» в Золотой Орде[2075]: в документе для мещан Каменца 1374 г. о татарском «выходе» еще не упоминается, но этот акт известен в двух различающихся поздних копиях, из которых соответствующую фразу могли вычеркнуть. Однако уже начиная с 1375 г. подольские документальные источники, часть из которых сохранилась в подлинниках, фиксируют обязанность всего населения Подольской земли выплачивать дань татарам. Соответствующие положения, звучащие однотипно, включены, например, в грамоту Александра Кориатовича для Смотричского доминиканского монастыря 1375 г., в пожалование Федора и Константина Кориатовичей для Немиры за 1388 г., а также в пожалования Федора Кориатовича для Пашки Васневича и Бедришка за 1392 г.: «Што ж коли вси земляне имуть давати дань оу татары, то серебро имѣють тако же тии люди дати», «...sztoż koli wsi ziemlane imut dawaty dań u Tatary, to serebro imijut daty Nemyryny lude», «...што коли мают вси земяне дань давати в татары, тое мают дати Пашковы люди», «...tylko kiedy wszyscy ziemianie będą dawać dań w tatary, tedy srebro mają dawać Bedryszkowi ludzie»[2076]. Единственное исключение составляет пожалование Федора Кориатовича для Гринька Соколецкого за 1391 г.: в нем в аналогичной фразе слова «татарам» или «у татары» были выскоблены и поверх них написано «намь»[2077]. Из этого можно заключить, что по крайней мере на 1391 г. Федор Кориатович действительно прекратил выплату татарской дани, причем сама эта правка свидетельствует о том, что выплата татарской

[2074] *Šabuldo F. M.* Lietuvos ir Ordos kondominiumas ... P. 19—20.

[2075] *Пилипчук Я. В.* Сепаратизм в Золотой Орде ... С. 160.

[2076] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 20; *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 170; *Микульский Ю. Н.* Новая грамота князя Федора Кориатовича ... С. 149; Źródła dziejowe. T. 5 : Lustracye królewszczyzn ziem Ruskich Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy / wyd. A. Jabłonowski. Warszawa: Druk E. Skiwskiego, 1877. S. 21. См. также: *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII—XV веках. Киев : Наук. думка, 1982. С. 33—34; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 105; *Белецкая О. В.* Подолье и татары ... С. 97—99.

[2077] *Груша А. І.* Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча ... С. 133, 135; Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 147. Оп. 2. Д. 178. Л. 581 (снимок грамоты в компьютерной системе и на сайте архива).

дани носила регулярный характер и ее регламентирование было для подолян насущным экономическим вопросом, а не стандартной пустой формулой, кочевавшей из документа в документ. О том, что Федор Кориатович в то время собирался воевать с татарами, свидетельствует и другая обмолвка в том же документе — по поводу того, что Гринько должен был помогать строить замки на вражеской территории: «А также то коли будем новыи город рубити оу своеи земли или в *неприѧтѣлскои*, тогды панъ Гринько имѣть нам помочи и съ своими людми того города рубити»[2078]. Но уже в следующем году выплата татарского «выхода» была возобновлена, поскольку формула «давати дань у татары» вновь появляется в пожалованиях Федора Кориатовича 1392 г.

В принципе, несмотря на многочисленные нестыковки с другими источниками, начальную часть «Повести о Подолье» нельзя назвать хаотическим и беспомощным набором разрозненных известий — напротив, представленная в ней модель описания событий кажется тщательно продуманной, подчиненной единому идейно-политическому замыслу. Стремясь доказать, что Подольская земля с самого начала правления Кориатовичей принадлежала Великому княжеству Литовскому, автор повести замалчивает любые факты подчинения Подолья Польскому или Венгерскому королевствам, но поскольку роль татар в истории Подольской земли замолчать невозможно, то выбирается другая тактика: татары, по версии «Повести о Подолье», потеряли права на Подольскую землю в результате того, что потерпели поражение в битве близ Синей Воды и Кориатовичи перестали платить им положенную дань. Что же касается Кориатовичей, то их легитимность как правителей Подолья основывается на том, что они, во-первых, сумели договориться с местными «атаманами», представленными как главный источник власти в этой стране, во-вторых, пришли на Подолье «со князя великого Олгирдовым презволениемь и с помочию Литовския земли» (это важно, так как именно Ольгерд разбил татарских правителей — подольских «отчичей и дедичей»), а в-третьих, отстроили здесь все города. Кроме того, описание прихода Кориатовичей в Подолье носит некоторые черты этнологической легенды: как и в легендах о возникновении Рима или Киева, ее главными героями являются родные братья, а при основании городов немалое значение придается чудесному случаю — взять хотя бы обнаружение места основания Каменца во время охоты на оленей. В этом моменте «Повесть о Подолье», как уже говорилось, близко перекликается с преданиями, вошедшими в Галицко-Волынскую летопись, молдавские летописи и легендарную часть второго летописного свода ВКЛ.

[2078] *Черкас Б. В.* Західні володіння Золотої Орди в 1380—1399 рр. (політичний аспект) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2013. Вип. 12. С. 199.

Приглашение князя Константина Кориатовича заключить брачный союз с дочерью польского короля Казимира

Смысловой элемент 162

Согласно «Повести о Подолье», у польского короля «Казимира Локотковича» была единственная дочь. Узнав, что подольские князья Кориатовичи «люди мужныи», он якобы предложил князю Константину Кориатовичу приехать в Краков и жениться на королевне. В Слуцком списке даже утверждается, что Казимир хотел сделать Константина после своей смерти королем Польши («по своем животе королемь осадити»), в Супрасльском списке соответствующая фраза отсутствует. Для осуществления этих планов Казимир, посоветовавшись со своими приближенными, выдал подольскому князю «кглеитовныи листы» — охранные грамоты на безопасный проезд в Польшу и обратно. Однако Константин Кориатович, приехав в Краков, отказался вступать в брак с польской королевной, поскольку не желал отступать от православия.

Для полной ясности соответствующий фрагмент, составляющий в повести отдельную новеллу, видимо, имеет смысл привести целиком с разночтениями по важнейшим спискам: «И затымь полскы король Казимир Локотъковичь [*в хронике Быховца добавлено:* dowiedałsia], што их три браты Корятовичи на Подольскои земли, а *люди* моужьныи, и w*н* прислалъ къ кн(я)зю Костентиноу кглеитовныи листы со великою тверъдостию и просѧ єго, штобы к нему приѣхал. А умыслив тоє собѣ и своими [*в Слуцком списке:* и со всими] паны, што в него с(ы)на не было, толко была wдна дочька, захотель за него дочкоу дати [*в Слуцком добавлено:* а по своємь животе королемь wсадити]. И кн(я)зь Костентин на клегиитовных [*в Слуцком:* кглеитовных] листех к Польскомоу королоу ѣздилъ и тамъ какь сѧ ємоу посмотрѣло не похотелъ к тои вѣре пристоупити и wпѧть на тых же листѣхь w*т*ехалъ до Подольскои земьли и [*в Слуцком добавлено:* тоуто боуда на Подольскои земли] на своємь г(о)*с*(по)д(а)рьстве оумерлъ»[2079].

Прежде всего, неправдоподобно звучит сам зачин этой новеллы. Логически он тесно связан с предыдущим повествованием, из которого следует, что Кориатовичи пришли на Подолье после Синеводского сражения, а стало быть, польский король Казимир узнал о трех мужественных братьях после 1363 г. Между тем, как мы говорили выше, появление Кориатовичей на Подолье необходимо относить к гораздо более раннему времени, и можно с уверенностью утверждать, что польский король Казимир узнал об их существовании и близко с ними соприкос-

[2079] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 82, 100; ПСРЛ. Т. 32. С. 139; ПСРЛ. Т. 35. С. 66, 74.

нулся еще во время бурных событий 50-х гг. XIV в. Уже эта нестыковка заставляет предполагать, что перед нами легендарные известия.

Но нестыковки на этом не заканчиваются. У польского короля Казимира (1310—1370) действительно не осталось сыновей-наследников, но законнорожденных дочерей у него было несколько от разных браков. От первой жены Анны Альдоны Гедиминовны у него родились Елизавета (с 1341 г. замужем за померанским князем Богуславом V) и Кунегунда (в 1345 г. обручена с Людовиком IV Виттельсбахом, женой которого она стала через несколько лет)[2080]. По мнению некоторых исследователей, проект брака между Константином Кориатовичем и дочерью Казимира — видимо, Кунегундой — мог рассматриваться в 1344 г., что иногда воспринимается в качестве косвенного свидетельства в пользу того, что Кориатовичи к тому времени уже появились на Подолье[2081]. Однако, как уже отмечалось в литературе, такой вывод основывается на очень шаткой аргументации[2082]. Неясно, достиг ли Константин Кориатович совершеннолетия к началу 40-х гг. XIV в.: судя по годам княжения в Подольской земле, он был одним из младших сыновей Кориата (по расчетам Я. Тенговского, родился около 1335 г.)[2083]. Нет и никаких данных о том, что уже в начале 40-х гг. XIV в. и даже в 1344 г. Кориатовичи укрепились в Подольской земле. Такой датировке противоречит замечание самого автора «Повести о Подолье» о том, что Кориатовичи пришли в Подольскую землю «со князя великого Олгирдовым презволением и с помочию Литовския земли»; а в 1344 г. Ольгерд еще не был великим князем литовским. Да и вообще, если уж считать рассказ о проекте брака Константина Кориатовича с польской королевной хотя бы отчасти правдоподобным, то нельзя не обращать внимания на то, что, судя по повести, король Казимир пригласил Константина Кориатовича приехать в Польшу уже после разгрома татар в битве близ Синей Воды и после строительства «умурованых городов» в Подольской земле. Кроме того, по материнской линии дочери Казимира от его первого брака приходились Константину Кориатовичу двоюродными сестрами, а как известно, постановлением IV Латеранского собора 1215 г. (канон 50) было введено ограничение на браки между кровными родственниками до четвертого ко-

---

[2080] *Jasiński K.* Małżeństwa i koligacje polityczne Kazimierza Wielkiego // Studia Źródłoznawcze. 1990. T. 32—33. S. 67.

[2081] *Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 396; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 45.

[2082] *Jankauskas V.* Gediminaičių kunigaikštystės LDK pietinėse zemėse XIV—XV a. // Lietuvos pilys. 2008. Vilnius, 2009. T. 4. P. 9.

[2083] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 177.

лена включительно[2084]. Поэтому на обручение или брак с Константином Кориатовичем старшим дочерям Казимира требовалось бы разрешение католических духовных властей. Но соответствующей переписки с папской курией не выявлено.

Исходя из всего вышеизложенного представляется невозможным, чтобы описываемые в «Повести о Подолье» события, связанные с проектом брака Константина Кориатовича, могли происходить в 40-х гг. XIV в. и иметь отношение к дочери короля Казимира от первого брака Кунегунде.

В четвертом браке с жаганской княжной Ядвигой (заключенном 25 февраля 1365 г.)[2085] король Казимир имел предположительно трех дочерей. Достоверно известно о существовании Анны и Кунегунды, которые в младенческом возрасте были упомянуты в папской булле 1369 г. Анна в 1380 г. вышла замуж за цилейского графа Вильгельма. Кунегунда, вероятно, умерла в раннем детстве. Третья дочь Ядвига, по мнению Я. Домбровского, родилась не ранее 1368—1369 гг. После смерти отца осиротевшие Анна и Ядвига с весны 1371 г. воспитывались у своей тетки королевы Елизаветы Локетковны (1305—1380), в Буде, при дворе короля Польши и Венгрии Людовика Анжуйского. Ядвига Казимировна, как считается, еще при жизни Людовика, т. е. до 1382 г., вышла замуж, но за кого именно — точно неизвестно. Глухое сообщение об этом содержится в «Гуситской хронике» Андрея Регенсбургского, который мельком упомянул, что король Венгрии и Польши Людовик обручил двух дочерей покойного короля Казимира — одну с цилейским графом, а другую с представителем «языческой страны»[2086]. Не исключено, что слова «ad paganismum» Андрей Регенсбургский относил к какому-то князю из литовской правящей династии Гедиминовичей. Не был ли это действительно кто-то из Кориатовичей, ленников Венгерской Короны, но не Константин, а, например, его брат Борис, который на правах человека, хорошо знакомого с венгерским королевским двором, в 1385 г. вместе со Скиргайлом возглавлял посольство ВКЛ к вдовствующей венгерской ко-

---

[2084] Decrees of the Ecumenical Councils. Vol. 1 : Nicaea I to Lateran V / ed. N. P. Tanner. London : Sheed and Ward, 1990. P. 257.

[2085] *Jasiński K.* Małżeństwa i koligacje ... S. 70.

[2086] «Mortuo igitur Kasimiro rege Polonie Ludowicus rex Ungarie suscepto eciam regno Polonorum tulit duas filias Kasimiri, quarum unam desponsavit lantgravio in Zeyl, *alteram vero ad paganismum*» (Fontes rerum Austriacarum. Bd. 6 : Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen. Theil 2. Wien : Aus der Kaiserl. königl. Hof- und Staatsdruckerei, 1865. S. 432; *Andreas von Regensburg.* Sämtliche Werke / hsgb. von G. Leidinger. München : M. Rieger'sche Universitäts — Buchhandlung (G. Himmer), 1903. S. 409; *Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 416; *Dąbrowski J.* Ostatnie lata Ludwika Wielkiego ... S. 161).

ролеве Елизавете Боснийской и участвовал в подготовке Кревского акта[2087].

Некоторые историки все же считают возможным, что переговоры относительно женитьбы Константина Кориатовича на польской королевне велись в последние годы жизни короля Казимира, в 1367—1370 гг.[2088] Недавно в таком же ключе высказался А. В. Кузьмин, посчитавший возможным датировать эти переговоры периодом между 1366 и 1367 гг.[2089] Мнение Г. Пашкевича в цитируемой работе, впрочем, довольно осторожное и обставлено некоторыми оговорками: он указал на многочисленные странности, присутствующие в этом фрагменте «Повести о Подолье». Странно, что инициатором брачного проекта представлен польский король. Странно, что он намеревался выдать дочь за малозначительного на тот момент литовского князя из второстепенной линии Гедиминовичей, которая никогда не претендовала на великокняжеский столец в ВКЛ. При этом подольские Кориатовичи в 60-х гг. XIV в. и так уже были вассалами Польской Короны, а Константин Кориатович еще не управлял Подольской землей, находясь в тени своих старших братьев. Одним словом, политической необходимости в этом брачном союзе у Польского королевства тогда не было. Кроме того, младшие дочери Казимира тогда были еще совсем маленькими.

Последний тезис хотелось бы развить подробнее. Коль скоро брак короля Казимира с жаганской княжной Ядвигой, в котором и родилась королевна Анна, был заключен в феврале 1365 г., то, следовательно, в 1366—1367 гг. Анне, если она, предположим, родилась даже в конце 1365 г., едва исполнился год. В этой связи, когда встречаешь рассуждения о том, что Константин Кориатович мог приехать в Краков для переговоров о браке с годовалым или двух-трехлетним младенцем и при этом сам был уже вполне зрелым мужем, способным принимать решения относительно своего вероисповедания, возникает вопрос: каким образом пишущие об этом авторы представляют себе эти переговоры и этот брак? В монархиях стран Центральной Европы в Средневековье практиковалось обручение между будущими супругами (так называемые «sponsalia de futuro»), но это обручение проводилось еще тогда, когда жених и невеста были маленькими детьми с тем условием, что брак будет заключен при достижении ими совершеннолетия. Наиболее известный пример такого рода — обручение между Ядвигой Анжуйской и австрийским принцем Вильгельмом. Ракузский князь Леопольд III обратился к королю Польши и Венгрии Людовику Анжуйскому с предложением женить своего сына

[2087] *Halecki O.* Przyczynki genealogiczne ... S. 104—105.

[2088] *Paszkiewicz H.* O genezie ... S. 291—292; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 1. S. 220 (здесь разбор литературы).

[2089] *Кузьмин А. В.* На пути в Москву ... С. 95.

Вильгельма на принцессе Ядвиге 18 августа 1374 г., когда Ядвиге еще не исполнилось года. Согласие на этот брак было подтверждено 4 марта 1375 г., а 15 июня 1378 г. в Хаинбурге состоялось обручение молодых, причем Вильгельму было тогда, подчеркиваю, 8 лет, а Ядвиге — 4. Аналогичным образом еще в раннем детстве были выбраны будущие мужья для сестер Ядвиги. Екатерина 19 декабря 1374 г., когда ей шел пятый год, была назначена в жены французскому королевичу, а Мария в середине 1373 г. (в двухлетнем возрасте) — Сигизмунду Люксембургскому, которому было 5 лет[2090]. Еще один пример — обручение «sponsalia de futuro» в 1239 г. между пятилетней Кингой (Кунегундой), дочерью венгерского короля Белы IV, и на тот момент тринадцатилетним, т. е. тоже несовершеннолетним, польским князем Болеславом Стыдливым[2091]. Относительно дочерей короля Казимира от его последнего брака — Анны и Кунегунды — известно, что папа в 1369 г. специальной буллой разрешил в будущем брак одной из этих девочек с восьмилетним Вацлавом, сыном императора Священной Римской империи, короля Чехии Карла IV[2092]. Итак, во всех этих случаях оба обрученных были еще детьми, и обвенчать их планировалось лишь после того, как достигнет совершеннолетия самый младший из потенциальных супругов (для девочек это было 12 лет, для мальчиков — 14). Если же Константину Кориатовичу в период между 1366 и 1370 гг. было больше 30 лет, то он в то время ни при каких обстоятельствах не мог бы обручиться с одной из дочерей короля Казимира между 1365 и 1369 гг., а вести переговоры о будущем браке с ними было бы абсурдно, поскольку этого брака ему пришлось бы ждать 10—11 лет.

Таким образом, совокупность фактов указывает на то, что польский король Казимир не мог пригласить князя Константина Кориатовича жениться на какой-нибудь из своих законных дочерей ни в 40-х, ни в 60-х гг. XIV в.

Вообще Константин Кориатович появился на политической сцене Подольской земли только в 80-е гг. XIV в., т. е. значительно позднее своих старших братьев — Александра и Юрия. 17 апреля 1385 г. он как «von Gotis genaden Herczog czu Podolien» возобновил привилегию для купцов Кракова на свободную торговлю в Подольской земле[2093]. Кроме того, в 80-е гг. XIV в. Константин и его соправитель — князь Подольский, обозначенный в документе только латинским инициалом *B.*

[2090] *Przybyszewski B.* Jadwiga i Wilhelm. S. 108—109.

[2091] *Bruszewska-Głombiowska M.* Działalność księżnej krakowsko-sandomierskiej Kingi (1234—1294) jako przyczynek do dyskusji o roli kobiety w Średniowieczu // Zeszyty naukowe Akademii marynarki wojennej. 2011. R. LII. Nr. 3 (186). S. 153.

[2092] *Jasiński K.* Małżeństwa i koligacje … S. 72.

[2093] Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa 1257—1506. Cz. 1. S. 74—75.

(вероятно, Борис Кориатович), обратились к папе Урбану VI с просьбой, чтобы в Каменце-Подольском было основано католическое епископство[2094]. 19 сентября 1388 г. Константин совместно с новым своим соправителем Федором Кориатовичем выдал привилей своему слуге Немире на владение Бакотой[2095]. Попытки доказать, что Константин Кориатович был господарем Подольской земли значительно раньше и умер якобы между 1366 и 1374 гг.[2096], не выдерживают критики, так как противоречат комплексу не только документальных, но и нумизматических источников. Известно, что монеты, чеканенные Константином Кориатовичем, несут модифицированное изображение герба венгерской королевской династии Анжу[2097]. Это объясняется тем, что с 1377 г. подольские Кориатовичи, как уже говорилось, были вассалами Венгерской Короны.

Если переговоры относительно брака польской королевны и Константина Кориатовича и могли состояться, то произошло это, как мне кажется, либо в последние годы жизни короля Людовика Анжуйского — в начале 80-х гг. XIV в., когда Ядвига Казимировна достигла 12-летнего возраста, либо весной 1385 г. — и в этом втором случае переговоры вообще не касались Ядвиги Казимировны. При этом вполне очевидно, что охранные грамоты для Константина Кориатовича, на которые ссылается автор «Повести о Подолье», были выданы именно в период польского бескоролевья в 1385 г., поскольку королю Венгрии и Польши Людовику Анжуйскому выдавать такие грамоты своему леннику не имело смысла. Находясь в Кракове в апреле 1385 г., князь Константин Кориатович мог вести там какие-то переговоры с магнатами Малопольши о браке, но с другой Ядвигой — дочерью Людовика Анжуйского. Это означало бы, что в начале 1385 г. он был одним из претендентов на польский престол, конкурентом великого князя литовского Ягайла. По этой причине в протографе «Повести о Подолье» и появились слова, что польский король хотел Константина Кориатовича «по своемь животе королемь осадити». По сути, это похоже на завуалированный антиягеллонский идеологический выпад: Константин Кориатович, будто бы отказавшийся принять католичество в обмен на польскую корону, явно здесь противопоставля-

---

[2094] «Sane nuper pro parte dil. fil. nobilium virorum C. et B. ducum Podolie peticio nobis exhibita continebat, quod in terris ducatus suorum Podolie est magna multitudo christianorum a multis iam retroactis temporibus congregata et quod ipsi christiani nullum [habent] episcopum et pastorem» (*Abraham W.* Założenie biskupstwa łacińskiego ... S. 12).

[2095] *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 170—171.

[2096] *Войтович Л. В.* Княжа доба ... С. 671.

[2097] *Погорілець О. Г., Саввов Р. В.* Монета подільского князя Костянтина. С. 26; *Шостопал А. В.* Монети XIV ст. карбовані на Поділлі ... С. 26; *Громыко А.* О подольских денариях Константина Кориатовича // Банкаўскі веснік. 2010. № 7 (480), сакавік. С. 70.

ется менее разборчивому в средствах Ягайлу[2098]. Книжники Великого княжества Литовского XV — начала XVI в., видимо, хорошо понимали небезопасность такой трактовки. Поэтому слова «по своемь животе королемь осадити» исчезли из Супрасльского списка (это как раз тот случай, когда лакуну нельзя считать случайным пропуском слов), а во втором летописном своде ВКЛ, начиная со списка Красинского, эпизод с планировавшимся браком Константина Кориатовича и польской королевны был вообще исключен из текста.

В целом фрагмент «Повести о Подолье» о проекте брака Константина Кориатовича напоминает скорее легенду с элементами политического памфлета, сквозь которую увидеть реальные события так же трудно, как сквозь туман. В этой легенде переплелись и предания об обручении королевны Ядвиги Казимировны с кем-то из литовских князей, и почерпнутые из документального источника (охранных листов) известия о реальной поездке Константина Кориатовича в Краков в 1385 г., и слухи о том, что он был одним из претендентов на руку польской королевы Ядвиги.

Неясности добавляет и вопрос о вероисповедании князя Константина Кориатовича: на самом деле, как и старшие братья Юрий и Александр, он заботился об интересах католического духовенства и сообщества, поскольку хлопотал об основании католического епископства в Каменце; но при этом мог и оставаться православным (хотя папа Урбан VI и называл его «возлюбленным сыном» в своем послании). Книжников, по крайней мере первой половины XV в., это вряд ли могло бы удивить, так как подобные примеры были у них перед глазами: так, в 1444/45 г. православный князь Олелько Владимирович пожаловал ряд имений католическому костелу святого Михаила в Слуцке («к нашей цер*к*ви къ лац*к*ой, што у Слуцку, къ светому Михай*л*у»)[2099]. Точные сведения имеются только о католическом вероисповедании князя Федора Кориатовича, по крайней мере в период после 1394 г., когда он жил в Венгрии[2100], но когда именно он принял католичество, остается неизвестным.

[2098] На эту «ироническую аллюзию» первым обратил внимание, кажется, М. С. Грушевский (см.: *Грушевський М. С.*: 1) Історія України—Руси. Т. 4. С. 93; 2) Історія Української літератури. Т. 5. С. 169).

[2099] AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. VIII. Sygn. 511... S. 17; sygn. 522... S. 2, 4. — Публикация: *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы ... С. 13—16, № 1.

[2100] *Кобаль Й.* Федір Корятович у світлі нових джерел // Carpatica — Карпатика. Ужгород, 2005. Вип. 32. С. 92—93.

Смерть князей Юрия и Александра, приход в Подольскую землю князя Федора Кориатовича

Смысловые элементы 163—165

Молдавское княжество возникло в междуречье рек Сирет и Днестр приблизительно в тот же период, когда князья Кориатовичи обосновались в Подольской земле. В 1347 г. король Венгрии Людовик Анжуйский основал в бассейнах реки Сирет и реки Молдова, правого притока Сирета, феодальную область, которую первоначально, примерно до 1354 г., возглавлял его наместник Драгош, а затем сын Драгоша Сас. Около 1363 г., т. е. практически одновременно с походом войск ВКЛ на Синюю Воду, Молдавское княжество захватил Богдан I, бывший воевода Мараморуреша в северной Трансильвании, который изгнал Саса и отказался подчиняться Венгрии. Предпринятые королем Венгрии Людовиком Анжуйским попытки сместить Богдана оказались безуспешными. В 1367 г. воеводой Молдавии стал сын Богдана Лацко, правивший примерно до 1374 г.[2101] И Богдан I, и Лацко, возможно, тесно координировали свою политику с политикой Великого княжества Литовского, по крайней мере в борьбе против Венгрии и татар. По некоторым данным, Лацко был женат на литовской княжне по имени Анна[2102]. Если молдавская знать и пригласила Юрия Кориатовича стать воеводой Молдавской земли, то произошло это уже после смерти Лацка, т. е. в первой половине 1374 г. Хотя в перечне молдавских воевод, включенном в славяно-молдавские летописи XV—XVI вв., мы имени Юрия Кориатовича не находим, что должно указывать на крайнюю непродолжительность его правления, но его кратковременное пребывание в Молдавии подтверждается источником, независимым от «Повести о Подолье».

Как уже упоминалось выше, согласно одному из документов от 3 июня 1374 г. литовский князь, воевода и господарь Молдавской земли Юрий Кориатович пожаловал наместнику Белого города Якше Литавору с. Зубровцы за храбрые подвиги в битве с татарами. Оригинал этого документа, написанный на западнорусском языке кириллическим алфавитом, в XIX в. хранился в собрании коллекционера Константина Свидзинского в Киеве, а в настоящее время его местонахождение неизвестно[2103].

[2101] *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland, 1347—1412 // The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. No. 2 (April). P. 189—191, 197.

[2102] *Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węger i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996. S. 42.

[2103] Собрание Свидзинского было передано в Библиотеку Ординации Красинских, которая погибла во время пожара в 1944 г. в Варшаве. До Второй мировой войны румынские историки (в частности, Н. Йорга) искали в Библиотеке Ор-

Его копию латинскими буквами опубликовал в 1860 г. молдавский историк и филолог Б. П. Хашдеу.

Приведу текст в том виде, в каком его впервые издал Б. П. Хашдеу: «Milostiïu Bojieïu my, knѫzï litovïskyi Iurg Koriatovicï, voevoda, gospodarï zemli Moldavskoi i s ousi boïarove gospodstva mi svïedomo czinim' is sim' listom' naszimï v'sѫkomu dobromu nani v'zrïuscïu ili ego ouslyshïuscïu ctci. Ooje tot istii sluga nashi vïernoi pan lakshia Litavor', namïesinik' Bïelograd'skyi, slujil' nam' pravo i vïerno. Tiem bo my vïedievshe pravoïu i vïernoïu slujbu ego do nas' a naipace ji chr'blii pod'vizi is tatary ou sela zovomoe V'lidici na D'nïestr', jalovali esmy togo is'nogo slugu nashe vijïpisanogo is edno oot nashich' sel' na imѫ Zubrovtzi, ou... na toe v'se vïera gva mi i boïar moldav'skych'. A na bolshoïu tvrdostï semu listu nashemu velïeli esmy vïernomu Ivan... Pisal' Iatzïko u Br'lad v' lïeto 6882, iïun 3»[2104]. Нетрудно убедиться, что публикатор не сумел по каким-то причинам прочесть часть текста, обозначенную многоточием. Твердые знаки при транслитерации он передал апострофами, а мягкие знаки в некоторых случаях буквой «ï», а в некоторых — на конце слов — буквой «ï». Видна разница между кириллическими буквами «е» и «ѣ», последние обозначаются диграфом «ïе», хотя и не всегда последовательно. При этом Б. П. Хашдеу не всегда воспроизводил надстрочные буквы и правильно раскрывал сокращения: этим и объясняется, например, чтение «nashe» в том случае, когда родительный падеж требует чтения «nashego», и чтение «gva» вместо «gospodstva». Букву «w» публикатор постарался передать диграфом «оо». Вопрос, конечно, вызывает использование большого юса в позициях, где необходимо употреблять малый юс («knѫzï», «v'sѫkomu», «imѫ»). Возможно, это просто оплошность публикатора или типографского наборщика. Во втором издании этой грамоты в книге «Istoria critică a românilor» (1875) публикатор заменил в этих словах большой юс диграфом «ia», убрал многие апострофы, поменял буквы «j» на «zs», «ci» на «cz», «sh» на «sz» и т. д., что, к слову, дало лишний повод подозревать его в фальсификации[2105].

динации Красинских оригинал документа, опубликованного Б. П. Хашдеу, но безуспешно.

[2104] *Hasdeu B. P.* Foiţa de istorie şi literatură. Bucureşti: Vestala, 2007. P. 41; Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1 : 1384—1448 / C. Cihodaru, I. Caproşu şi L. Şimanschi. Bucureşti : Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1975. P. 416. — И. Чаманьска приводит в своей работе данные о том, что основой для этой публикации стала якобы копия, хранившаяся в архиве Сангушков в Киеве (*Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna ... S. 45). Между тем в первом издании Б. П. Хашдеу ясно указывается на то, что это был оригинал, написанный на славянском языке кириллицей и хранившийся в собрании Свидзинского.

[2105] Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. S. 417.

С учетом сказанного кириллический текст опубликованного Б. П. Хашдеу документа реконструируется следующим образом: «Милостью Божьею мы, кнѧзь литовьскыи Юрг Корьятовичь, воевода, господарь земли Молдавскои, и с оуси боярове господства ми свѣдомо чинимь ис симь листомъ нашимь въсѧкому доброму нань възрющю или его оуслышющю чт(у)чи. Ꙗже тот истии слуга нашь вѣрнои пан Якшя Литаворь, намѣсьникъ Бѣлоградъскыи, служилъ намъ право и вѣрно, тѣм бо мы вѣдѣвше правою и верною службу его до насъ, а наипаче жь хръблии подъвизи ис татары оу села зовомое Вълъдичи на Дънѣстръ, жаловали есмы того исъного слугу наше(го) вышьписаного ис едно(го) wт нашихъ селъ на имѧ Зубровци, оу <...>. На тое въсе вѣра г(осподст)ва ми и бояр молдавъскыхъ. А на болшою тврдость сему листу нашему велѣли есмы вѣрному Иван <...> Писалъ Яцько у Бръладъ въ лѣто 6882, июн 3».

В румынской историографии, несмотря на попытки доказать, что Юрий все же правил в Молдавии[2106], устоялось мнение о том, что документ является фальсификатом, который был создан, возможно, его первым публикатором Б. П. Хашдеу из патриотических побуждений (с целью приукрасить историю Бырлада)[2107]. На слабость некоторых аргументов румынских историков уже указывала И. Чаманьска. Польская исследовательница отметила, что писарь Яцко мог быть выходцем не из молдавской, а из подольской канцелярии Юрия Кориатовича, поэтому он и неизвестен по другим молдавским документам (на самом деле известен, как увидим ниже). То, что Якша Литавор больше не упоминается в каких-либо источниках, вряд ли может служить убедительным доказательством сфальсифицированности документа. Село Зубровцы, по мнению И. Чаманьской, локализуется на северо-востоке Молдавии и т. д. Если же эта фальсификация сделана, например, в XV в., то не ясны ее мотивы, политический и экономический смысл. Однако в любом случае, говоря о Юрии Кориатовиче как о молдавском господаре, древние фальсифика-

---

[2106] Например: *Boldur A.* Die Herrschaft des litauischen Fürsten Jurij Korjat in der Moldau (1374—1379) // Südost-Forschungen. 1973. Nr. 32. S. 9—32.

[2107] *Panaitescu P. P.* Iourij (Iourg) Koriatovič prince Lithuanien et la Moldavie // Ювілейний збірник на пошану академика Михайла Сергієвича Грушевського. Київ : Київ-Друк, 1928. Т. 1. С. 462—465; *Iorga N.* Iurg Coriatovici şi Moldova // Revista istorică. Anul al XIV-lea. Iulie — Septembre 1928. N-le 7—9. P. 320; *Panaitescu P. P.* Diploma bîrlădeană din 1134 şi hrisovul lui Iurg Koriatovici din 1374. Falsurile patriotice ale lui B. P. Hasdeu // Revista istorică română. 1932. No II. P. 46—58; Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 416; *Cihodaru C.* Din nou despre Iurg Coriatovici şi Iuga vodă // Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului judeţean Vaslui. 1979. Nr. 1. P. 139—140 (здесь представлена литература вопроса).

торы могли опираться на какие-то действительные данные о его правлении в Молдавской земле[2108].

Со своей стороны — не касаясь вопроса о намерениях и репутации Б. П. Хашдеу и опираясь исключительно на анализ опубликованного им текста — я могу добавить, что по своему языку и формуляру предполагаемый акт Юрия Кориатовича мало чем отличается от пожалований, выдававшихся воеводами Молдавской земли Романом, Югой и Александром в конце XIV — начале XV в. Структура документов здесь практически идентична. После титулатуры следует инскрипция, например, в документе воеводы Романа от 18 ноября 1393 г.: «Чинимъ то вѣдомо оусѣмъ добрымъ паном, кто ж на сеї листъ оузритъ или его оуслышитъ чтучи»[2109]. Далее наррация, начинающаяся, как правило, со слова «оже», например, в документе воеводы Юги 1399 гг.: «Оже тъи истыннїи слуга нашъ, панъ Брая, служилъ переже святопочившимъ родителемъ нашимъ, а днесь служит намъ правою и вѣрною службою»[2110]. После наррации диспозиция с указанием названия жалуемого имения, начинающаяся, как правило, со слова «тѣм», например, в грамоте воеводы Александра от 29 июня 1400 г.: «Тямже мы, видѣвше его правою и верною слоужбоу до нас, жаловали есмы его и т. д.»[2111]. Корроборация во всех этих документах начинается, как и в акте Юрия Кориатовича, словами «а на то вѣра». В лексике акта Юрия Кориатовича встречается полонизм «боярове», следующая по времени его фиксация в молдавских документах датируется 1448 г.[2112]

Есть, впрочем, и некоторые отличия: в акте Юрия Кориатовича отсутствует традиционное описание границ жалуемого владения (на его месте лакуна, обозначенная многоточием), а также нет иногда (но не всегда) встречающейся в других документах санкции с предупреждением о каре Божией, которая постигнет всех, кто нарушит выдаваемый документ. Ближе всего по своим формулировкам акт Юрия Кориатовича находится к документам начала XV в., выдававшимся воеводой Александром. В них, в отличие от грамот воеводы Романа, титул тоже начинается словами «милостию Божией», а в корроборации называется по имени слуга, которому было поручено привесить печать к документу, например, в документе за 1400 г.: «А на болше оутвръждение велели есмы слоузи нашему Яцкови привесити нашу печать»[2113]. Кроме того, в акте Юрия Кориатовича не перечислены имена бояр — свидетелей документа. Од-

---

[2108] *Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna ... S. 45.
[2109] Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 5.
[2110] Ibid. P. 10.
[2111] Ibid. P. 14.
[2112] Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1. С. 117.
[2113] Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 14, 16.

нако и воевода Александр в некоторых случаях выдавал грамоты, в которых аналогичным образом имена бояр в корроборации не названы: «А на то вѣра моя, выше писанного Олександра воеводы, и вѣра брата г(оспод)ства ми, Богданова, и вѣра оусѣхъ бояръ молдавскыхъ, и малыхъ, и великыхъ» (30 июля 1401 г.)[2114]. Собственно, всех этих указанных особенностей еще совершенно недостаточно для того, чтобы считать акт Юрия Кориатовича фальсификатом. Судя по легендам документов в издании «Documenta Romaniae historica», ни один из цитировавшихся выше актов молдавской канцелярии за 1393—1401 гг., текст и формуляр которых сближается с актом Юрия Кориатовича, в том числе два документа с упоминанием писаря Яцка, не был издан ранее 1860 г., т. е. даты первой публикации акта Юрия Кориатовича.

Можно также указать и на некоторые параллели с актом подольского князя Александра Кориатовича, выданным для доминиканского монастыря в Смотриче 17 марта 1375 г. (курсивом отмечены сходные формулировки и лексика).

Акт Юрия Кориатовича от 3 июня 1374 г.	**Акт Александра Кориатовича от 17 марта 1375 г.**
Milostiïu Bojieïu my, *knѫzĭ litovïskyi* lurg Koriatovicĭ, voevoda, gospodarĭ zemli Moldavskoi i s ousi boïarove gospodstva mi *svïedomo czinim'* is sim' listom' naszimĭ *v'sѫkomu dobromu* nani v'zrĭuscïu ili ego ouslyshĭuscïu ctci.	Мы, *кнѧз литовьский*, кнѧз Олеѯаньдро Корьѧтовичь, *Б(ож)ьею м(и)л(ос)тью* кнѧзь и г(оспо)д(а)рь Подольской земли, *чинимъ свѣдочно* своимъ листомъ *всѧкому доброму*, кто жь на сей листъ посмотрить.

П. Панаитеску, к слову, и предположил, что Б. П. Хашдеу использовал в качестве образца этот акт Александра Кориатовича, а коль скоро он к 1860 г. мог иметь в своем распоряжении только латинские транслитерации, опубликованные А. Пшездецким и М. Грабовским[2115], то он и составил текст своей грамоты тоже латинскими буквами[2116]. Однако в данном случае П. Панаитеску, к сожалению, основывался на неточной информации о публикациях грамоты Александра Кориатовича, почерпнутой из издания В. А. Розова[2117]. Дело в том, что в книге А. Пшездецкого,

---

[2114] Ibid. P. 21.

[2115] *Przeździecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów. Wilno : T. Glücksberg, 1841. T. 1. S. 119—121 (и факсимиле в конце книги); Zrzódła do dziejów polskich / wyd przez M. Grabowskiego i A. Przezdzieckiego. Wilno : Nakładem i drukiem Józefa Zawadskiego, 1843. T. 1. S. 139—140.

[2116] *Panaitescu P. P.* Diploma bîrlădeană ... P. 56.

[2117] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 19.

вышедшей в 1841 г., опубликована вовсе не латинская транскрипция (как утверждал В. А. Розов), а *кириллический текст грамоты*, сопровождаемый *польским переводом*, и *факсимиле оригинала* в приложении. Вскоре, в 1846 г., кириллический текст грамоты был еще раз издан по оригиналу в «Актах Западной России»[2118]. Следовательно, ничто не мешало Б. П. Хашдеу обратиться к оригинальному тексту грамоты Александра Кориатовича. К тому же в рассуждениях П. Панаитеску усматривается противоречие: он ведь указывал, что в акте Юрия Кориатовича нет формулы «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», дата дана от сотворения мира, а не от Рождества Христова[2119], и что поэтому она может быть фальсификатом. Между тем все эти особенности имеются в грамоте Александра Кориатовича, и если бы Б. П. Хашдеу действительно основывался на ее тексте, то он учел бы их. Кроме того, слово «svïedomo» из грамоты Юрия Кориатовича явно не является повторением слова «свѣдочно» из грамоты Александра Кориатовича; оно скорее заставляет вспомнить формулу «A to bud *swiedomo wsiakomu*, koli kto na tot list smotryt» из договора 1366 г. между ВКЛ и Польским королевством[2120].

Имя Юрия Кориатовича в тексте грамоты передано в древнерусском варианте «Юрг» или «Юрги», встречающемся и в других актовых материалах Руси XIV в. Ср., например, новгородско-шведский договор 1323 г.: «Се язъ князь великыи Юрги...»[2121]. Вопреки доводам П. Панаитеску, считавшего, что такая форма имени убедительно доказывает сфальсифицированность акта[2122], аналогичную форму (Jorgiey Koriatowicz) находим и в документе князя Юрия Кориатовича для Каменца от 7 ноября 1374 г., известном в копии XVI в.[2123]

П. Ф. Параска высказал мнение, что наименование Юрия Кориатовича в этом документе «господарем земли Молдавской» является анахронизмом, поскольку «такой элемент в титуле молдавских правителей появляется только в конце XIV в. при воеводе Юге и отсутствует в документах всех предшествующих воевод от Петра I Мушата до Стефана I»[2124]. Вопрос этот все же не вполне однозначен. Понятие «господарь земли», судя по всему, впервые встречается в документах польского короля Казимира, титуловавшегося «господарем Руское земли» после

[2118] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. С. 21.

[2119] *Panaitescu P. P.* Diploma bîrlădeană ... P. 54.

[2120] Книга посольская ... Приложение XI. С. 468; *Czuczyński A.* Traktat ... S. 514. См. также Приложение 3 к настоящему исследованию.

[2121] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... Изд. 3, испр. и доп. новыми находками. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 75.

[2122] *Panaitescu P. P.* Diploma bîrlădeană ... P. 55.

[2123] *Jureczko A.* Dokument lokacyjny ... S. 62.

[2124] *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия ... С. 106.

1349 г.[2125] Затем аналогичный титул носил князь Владислав Опольский — «Опольское земли и Велуньское земли и Руское земли господарь» (1377)[2126]. Господарем Подольской земли в 1375 г. титуловался князь Александр Кориатович[2127]. Решение вопроса, поставленного П. Ф. Параской, осложняется тем, что за период правления молдавских воевод Петра, Романа и Стефана осталось крайне мало документов. Но даже те немногие документы, что сохранились до наших дней, свидетельствуют о том, что единой устоявшейся титулатуры у них еще не было. Например, Петр в 1384 г. титуловался «waivoda, Dei gratia dux Terre Moldavie»[2128] (заметим, что в политическом обиходе понятие «Молдавская земля» тогда уже существовало). Его преемник Роман принял себе пышный титул «велики самодержавнъи милости Божи господин Ио Романь, воевода обладая землею Молдавьскою от планины до моря» (1392)[2129]. В 1393 г., присягая польскому королю, он титуловался уже подругому: «воевода молдавьскии и дѣдичь оусеи землѣ Волашьское от планины аже до брега моря»[2130]. Что же касается Стефана, то в поручной грамоте 1395 г. молдавские бояре прямо называют его «господарем»: «...слюбуемъ и слюбили есмо за нашего господаря Стефана, воеводу земли Молдавское»[2131]. Таким образом, «господарем» главу Молдавского государства начали называть еще до воеводы Юги — видимо, под влиянием титулатуры правителей соседних областей (Польши, ВКЛ, Галицкой Руси и Подолья), которая возникла и была, несомненно, известна в Молдавии еще в 50—70-х гг. XIV в. С учетом всего вышесказанного нет ничего невозможного в том, что, став молдавским владетелем, князь Юрий Кориатович начал именовать себя «господарем Молдавской земли» — взяв за образец свой подольский титул. Титул же «господство ми» употреблялся в древнейших славяно-валашских грамотах 70—80-х гг. XIV в.[2132], и, видимо, в то же время был усвоен и молдавскими правителями; во всяком случае в молдавских грамотах он фиксируется впервые не в 1422 г., как полагал П. Панаитеску[2133], а еще в 1400 г., причем в документе, составленном при посредстве все того же

[2125] Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1. С. 254; *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 3, 18.

[2126] *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 23.

[2127] Там же. С. 20.

[2128] Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 1.

[2129] Ibid. P. 3.

[2130] AGAD. Zbiór pergaminów, dok. No 5330.

[2131] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 26.

[2132] *Богдан Д. П.* Три древнейших славяно-валашских грамоты // Археографический ежегодник за 1960 год. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 246—249.

[2133] *Panaitescu P. P.* Diploma bîrlădeană ... P. 55.

печатаря Яцка (возможно, идентичного писарю Яцку из акта Юрия Кориатовича)[2134].

Что касается называемых в акте персоналий, населенных пунктов и других деталей, то с. Зубровцы, как кажется, локализуется не на северо-востоке Молдавии, а в самой Подольской земле. Это с. Зубровка (Zubrowcze), находившееся на реке Смотрич ниже Каменца. 30 марта 1401 г. князь Подолья Свидригайло передал это село монастырю доминиканцев при костеле святого Михаила в Каменце[2135]. Соответственно, интересующий нас документ после смерти Якши Литавора или скорее после отчуждения этого села мог попасть в архив доминиканцев, и именно этим обстоятельством объясняется то, что он сохранился в оригинале до XIX в. Другое село — «Вълдичи» на реке Днестр — близ которого произошла битва с татарами, локализовать, к сожалению, не удается. Однако из цитировавшихся выше русских летописей (Рогожского летописца и Никоновской летописи) достоверно известно, что весной 6882 (1374) г. действительно произошло какое-то важное сражение («бой велий») между войсками ВКЛ и татарского хана «Темеря». В связи с этим летописным сообщением и сохранившимися документальными материалами по истории Подолья кажется правдоподобной и дата документа — 3 июня 6882 (1374) г. По сути, она приходится на единственный период времени, в который Юрий Кориатович мог претендовать на власть в Молдавии — между смертью молдавского воеводы Лацко и собственным уходом с исторической сцены. Что интересно, сам Б. П. Хашдеу одно время сомневался в достоверности этой даты. Публикуя в 1865 г., т. е. спустя пять лет после первоначального издания документа 1374 г., отрывки из хроники Стрыйковского о смерти Юрия Кориатовича, он отметил в примечании, что Юрий Кориатович жил в период до 1350 г. и что в его распоряжении имеется недатированный документ этого князя[2136]. П. Панаитеску, обративший внимание на этот факт, счел его убедительным доказательством того, что Б. П. Хашдеу сам сфабриковал документ 1374 г. и захотел поменять его датировку под влиянием новых данных, почерпнутых из хроники Стрыйковского. Однако такой подход кажется слишком прямолинейным. Ведь если бы Б. П. Хашдеу сфальсифицировал этот документ, то он должен был отдавать себе отчет в том, что, однажды опубликовав его с датой 6882 г., пусть и в провинциальном издании, он далее уже не сможет перепечатывать его вообще без даты. Следовательно, говоря об от-

---

[2134] Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1. С. 256; Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 16.

[2135] *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 286; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 359.

[2136] Archiva istorica a Romaniei / red. B. P. Hajdeu. Bucuresci : Imprimeria statului, 1865. T. 2. P. 8.

сутствии даты, Б. П. Хашдеу, не исключено, просто имел в виду, что дата в прежней публикации неточна или искажена, но постеснялся признаваться в этом открыто, чтобы не уронить своего реноме как публикатора (например, под влиянием неточных хронологических выкладок Стрыйковского он мог вдруг решить, что ранее перепутал при транслитерации кириллические цифры «н» и «п», т. е. вместо 6852 прочитал 6882 г.).

Якшу Литавора с большой долей вероятности можно отождествить с одним из ближайших сподвижников Кориата, который в 1348—1349 гг. сопровождал его в посольстве в Золотую Орду и был выдан в Москву. В старейших летописях, рассказывающих об этом событии, его имя передано как «Аикша»[2137]. Но что примечательно, составители первого летописного свода ВКЛ в XV в., обрабатывая соответствующую летописную статью, назвали его «Якшей»: «И вытягаше князеи литовьскых Михаила Корьяда, Семена Свислочского и Якшу»[2138]. Как явствует из мирного договора между ВКЛ и Мазовией, заключенного 14 августа 1358 г., этот же нобиль («Aykszy»), видимо, от имени князя Кориата участвовал в работе литовско-мазовецкой комиссии, определившей границу между двумя странами[2139]. Имя или прозвище «Литавор» («Литавоур») зафиксировано в ВКЛ также во второй половине XV в.: его носил Иван Богданович Хрептович († 1513), литовский дворный подскарбий, наместник слонимский и новогородский[2140].

Предположительно сын Якши — Рагоза впервые упоминается в 1431 г., когда он входил в окружение великого князя Свидригайла и неоднократно ездил с посольствами к сановникам Польского королевства и Тевтонского ордена[2141]. Далее Рагоза дважды упоминается в книге данин Казимира. В Брацлавском повете он, в частности, имел «две селе выслуги, Воробевичи а Щьпеков, а отчины три села: Мервинъци а Гиковци, а Кобылее»[2142]; из них Мервинцы надежно локализуются — теперь это

[2137] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись ... С. 369; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 58; ПСРЛ. Т. 18. С. 96.

[2138] ПСРЛ. Т. 35. С. 46, 103.

[2139] Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. S. 31. Подробнее см.: *Ліцкевіч А. У.* Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII—XIV ст.: назва і межы. С. 25.

[2140] *Грыцкевіч А. П.* Храптовічы // ВКЛЭ. Т. 2. С. 719.

[2141] *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė ... P. 283; *Полехов С. В.* Наследники Витовта ... С. 189, 206, 225.

[2142] LM. Knyga Nr. 3. P. 55; *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 7 : Козацькі часи — до р. 1625. Нью-Йорк : Книгоспілка, 1956. С. 15; *Білецька О. В.* Поділля в політиці польського короля Казиміра Ягайловича (за перших п'ять років правління — 1447—1452 рр.) // Поляки на півдні України та в Криму — Polacy na Południowej Ukrainie i Krymie. Одеса ; Ополє ; Вроцлав : Гермес, 2007. С. 10.

село на реке Мурафе (левом притоке Днестра) в Могилев-Подольском районе Винницкой области. Кроме того, в 40-х гг. XV в. он получил 10 человек в Свислочской волости близ Менска, и в этой записи Рагоза назван со своим отчеством Якшич[2143]. Одной из наследниц подольской линии Рагозичей в XV в. стала брацлавская земянка Анна, жена Семена Кошки, которая в документе 1501 г. назвала Воробьевцы (Рогозню) третьей частью «именеи своих отчизных»[2144], следовательно, она могла быть либо дочерью, либо внучкой Рагозы. Земяне Рогозинские жили на Брацлавщине в XVI—XVII вв.[2145] Представители другой линии — двоюродные братья Василий Стецкович и Григорий Остафеевич Рагозы — жили во второй половине XVI в. в Менском повете, в состав которого вошла прежняя Свислочская волость[2146]. В вопросе о том, происходят ли подольские Рогозинские и минские Рагозы от общего предка, остается еще много неясного: по всей видимости, эти две линии пользовались разными гербами. Однако необходимо принять во внимание следующее обстоятельство. Согласно родовому преданию минских шляхтичей Рагоз, один из их предков якобы был канцлером ВКЛ[2147] — речь здесь, видимо, могла идти только о том Рагозе, который когда-то выполнял посольские поручения великого князя Свидригайла в 1431—1432 гг.

Писарь Яцко, судя по формуляру документа, был отлично знаком с практикой работы канцелярии молдавских господарей. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что по цитировавшимся выше документам 1400 г. в канцелярии воеводы Александра работал слуга Яцко, которому доверяли скреплять печатью важные акты. То, что писарь канцелярии мог продвинуться по карьерной лестнице и занять должность печатаря, показывает позднейший пример Братея Логофета, еще одного сотрудника молдавской господарской канцелярии: если в 1401 г. он исполнял обязанности только писаря, то в 1403—1413 гг. уже в дополнение

[2143] LM. Knyga Nr. 3. P. 26.

[2144] Документи Брацлавського воєводства 1566—1606 років / упорядн. М. Крикун, О. Піддубняк. Львів : [б. и.], 2008. С. 391.

[2145] *Алфьоров О., Однороженко О.* Українські особові печатки XV—XVII ст. за матеріалами київських архівосховищ. Харків : [б. и.], 2008. С. 137; *Nykiel B.* Wpływ czynnika tatarskiego … S. 28.

[2146] *Boniecki A.* Poczet rodów … S. 281; *Однороженко О.* Геральдика членів господарьскої ради великого князя Свидригайла Ольгердовича // Студії і матеріали з історії Волині. 2012. Кременець : Кременецько-Почаївський державний історико-архітектурний заповідник, 2012. С. 181—182.

[2147] *Paprocki B.*: 1) Gniazdo Cnoty, zkąd Herby Rycerstwa sławnego Krolestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Żmudzkiego, y inszych Państw do tego Krolestwa należących Książąt, y Panow, początek swoy maią. Kraków : Druk. A. Piotrkowczyka, 1578. S. 1175; 2) Herby rycerstwa Polskiego … S. 857.

к обязанностям писаря привешивал к документам печать[2148]. Поэтому есть довольно веские основания для того, чтобы отождествлять писаря Яцка из предполагаемого акта князя Юрия Кориатовича 1374 г. и печатаря Яцка из документов молдавского воеводы Александра за 1400 г.

Самый, конечно, спорный вопрос — это административно-территориальная принадлежность Белого города. Из документа князя Юрия Кориатовича следует, что уже к 3 июня 1374 г. в Белом городе находился молдавский или подольский наместник. Между тем известно, что ранее, вплоть до последней четверти XIV в., Белый город — крупный порт и торгово-экономический центр в устье Днестра — контролировали татары, видимо, из улуса под предводительством эмира Дмитрия[2149]. На одной из итальянских карт 1375 г. Белый город (или «Maurocastro», как его называли генуэзцы)[2150] показан владением Болгарии, еще на одной карте 1385 г. — владением Золотой Орды, но эти источники, видимо, с запозданием реагировали на изменение политической ситуации и отражали реалии, существовавшие за несколько десятилетий до их создания[2151]. Еще в одном важном генуэзском источнике сообщается о том, что в августе 1386 г. во время конфликта с татарами два генуэзских посла прибыли из Кафы в Белый город («Maocastro»), направляясь к некоему Константину, в котором угадывается подольский князь Константин Кориатович, и к молдавскому воеводе Петру Мушату[2152]. Из этого следует, что Белый город на тот момент уже не принадлежал татарам и что, возможно, сам порт или прилегающие к нему области находились под юрисдикцией Молдавии и/или Подольской земли[2153]. В свете этого факта уже не кажется совершенно невероятным, что весной 1374 г. объединенные силы

[2148] Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 24, 26, 37—39, 50.

[2149] *Deletant D.* Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the Fourteenth Century // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62. No. 4 (October). P. 525.

[2150] *Петрунь Ф. Е.* Нове про татарську старовину ... С. 157—158.

[2151] *Коновалова И. Г.* Итальянские навигационные пособия XIII—XIV вв. как источник по истории и исторической географии северо-западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода : сб. статей. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1983. С. 44.

[2152] «...pro expensis factis pro (ratione) unius brigantis qui portavit Carollum de Orto et Illarium de Duria Maocastro, ambaxiatores euntes Constantino et Petro vayvoda occasione guerre de Sorcati ex deliberacione domini consulis et officii...» (*Papacostea Ş.* Geneza statului în Evul Mediu românesc: studii critice. Cluj-Napoca : Editura Dacia, 1988. P. 99; *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия ... С. 109).

[2153] *Deletant D.* Genoese, Tatars and Rumanians ... P. 525—526; *Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna ... S. 49—50 (здесь критический разбор румынской историографии по этому вопросу).

Молдавии и Великого княжества Литовского могли действительно нанести поражение татарам и взять (временно или на постоянной основе) под свой контроль Белый город.

Обратимся вновь к тексту изучаемого документа. Проведу следующий эксперимент. По моим подсчетам, в документе князя Александра Кориатовича для Смотричского доминиканского монастыря (1375) длина полной строки составляет в среднем 54—55 букв без пробелов (максимальная длина — 58 букв). Допустим, что писарь Юрия Кориатовича пользовался пергаменом аналогичных размеров. Если мы разобьем текст акта Юрия Кориатовича на строки примерно такой же длины с учетом сокращений, надстрочных букв и особенностей формуляра, то получим следующую картину.

Млстью Бьею мы кнзь литовьскыи Юрг Корьятовичь воевода гдрь земли | (56 букв)
Молдавскои и с оуси боярове господства ми свѣдомо чинимь ис симь | (54)
листомъ нашимь въсѧкому доброму нань възрющю или его оуслышющю чтчи | (58)
G҃же тот истии слуга ншь вѣрнои пан Якшя Литаворь намѣсьникъ Бѣло | (54)
градъскыи служилъ намъ право и вѣрно тѣм бо мы вѣдѣвше правою и верною | (58)
службу его до насъ а наипаче жь хръблии подъвизи ис татары оу села зово | (58)
мое Вълъдичи на Дънѣстръ жаловали есмы того исъного слугу нше^{г} вышь | (56+1 надстрочная)
писаного ис едно^{г} wт нашихъ селъ на имѧ Зубровци оу <Подолскои земли> | (41+<14>+1 надстрочная)
На тое въсе вѣра гва ми и бояр молдавъскыхъ а на болшою тврдость сему | (56)
листу ншему велѣли есмы вѣрному Иван <у печать ншу гдрскую привесити> | (31+<26>)
Писалъ Яцько у Брълад въ лѣто SG҃ПВ июн Г (37)

Полученный результат позволяет объяснить наличие в публикации Б. П. Хашдеу пропусков и даже предложить для них вполне правдоподобные конъектуры с учетом предполагаемой длины строк и логики текста (см. мои варианты в угловых скобках). Как видим, пропуски могли находиться на концах строк, а значит, связаны с физическими дефектами оригинала.

Подводя промежуточный итог, следует заметить, что документ Юрия Кориатовича от 3 июня 1374 г. не содержит каких-либо резко выделяю-

щихся исторических, географических или языковых анахронизмов, а по своему формуляру соответствует другим документам, выдававшимся канцелярией молдавских господарей в конце XIV — начале XV в. По крайней мере особенности его формы, содержания и исторического контекста не настолько четко и выразительно свидетельствуют о его подложности, чтобы можно было категорично утверждать, что перед нами фальсификат. Если бы это был фальсификат, его автору необходимо было бы использовать сведения обширного корпуса источников: Никоновской летописи в издании 1788 г., Супрасльской летописи в издании 1827 г., ряда подольских (1375 и 1401 гг.) и молдавских документов, причем в некоторых случаях еще неизданных, искусно стилизовать язык, учесть особенности формуляра, орфографии и написания надстрочных букв — и все это ради весьма неясной цели. Это при том, что изготавливать фальсификаты, абсолютно лишенные анахронизмов, не удавалось в свое время даже такому знатоку истории ВКЛ, как Т. Нарбут, а Б. П. Хашдеу к моменту публикации документа 1374 г. еще не был хорошо знаком даже с хроникой Стрыйковского. По этим причинам я склоняюсь к тому, чтобы признать правомерность использования этого документа как исторического источника, — с той, конечно, оговоркой, что текст акта известен нам в неполной и весьма несовершенной копии и первый его публикатор Б. П. Хашдеу мог допустить какие-либо ошибки, неточности или пропуски при его переписке и транслитерации — которые, впрочем, легко выявляются и восстанавливаются.

Таким образом, проанализированный акт является важным источником, доказывающим достоверность известий «Повести о Подолье» о том, что князь Юрий Кориатович какое-то время был господарем Молдавской земли. Его резиденция находилась в Бырладе (теперь город на востоке Румынии). Занять молдавский столец он мог весной 1374 г., а смерть его наступила между 11 ноября 1374 г., когда совместно с братом Александром Кориатовичем он выдал вторую привилегию для Каменца-Подольского[2154], и 17 марта 1375 г., когда Александр Кориатович уже в одиночку подтвердил пожалование для доминиканского монастыря в Смотриче; из последнего документа явно следует, что к этой дате Юрия Кориатовича уже не было в живых[2155]. Предположение К. Чиходару о том, что Юрий Кориатович дожил до начала XV в. и погиб в 1401 г. во время внутримолдавского политического конфликта[2156], основано на недоразумении. В инвентаре Коронного архива в Кракове за 1682 г. содержится

[2154] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 327.

[2155] *Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna ... S. 49; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 169; *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 21.

[2156] *Cihodaru C.* Din nou despre Iurg Coriatovici şi Iuga vodă. P. 142, 150.

регест вассальной присяги заславских князей Юрия и Андрея Михайловичей, сыновей князя Михаила Евнутьевича (Троки, 1401)[2157]. Под этим регестом публикатор инвентаря Э. Рыкачевский поместил ошибочный комментарий о том, что здесь речь идет якобы о Юрии, сыне Михаила Кориата, который погиб в Молдавии в 1432 (!) г. К. Чиходару счел этот комментарий подлинным свидетельством документа, только исправил дату на 1401 г., но не подлежит никакому сомнению, что его гипотеза не основывается на каких-либо объективных свидетельствах источников.

Обращает на себя внимание, что имени Юрия Кориатовича нет в старейшем перечне поминаемых в Православной Церкви молдавских господарей, содержащемся в документе молдавского воеводы Александра от 7 января 1403 г.[2158] Но в этом же перечне (Богдан, Лацко, Петр, Роман и Стефан) отсутствует и имя воеводы Юги, краткое время управлявшего Молдавией в 1399 г. и свергнутого Александром Романовичем при поддержке валашского воеводы Мирчи Старого[2159]. Можно предполагать, что Юрий Кориатович не попал в этот перечень либо из-за краткости правления, либо из-за своего возможного католического вероисповедания, либо также из-за того, что у него было множество политических противников в стране, приложивших все усилия к его устранению. Интересна и гипотеза П. Ф. Параски, предположившего, что населенная русинами и валахами область западнее Днестра с центром в Бырладе в 60—70-х гг. XIV в. еще не входила в состав Молдавского феодального государства: после битвы близ Синей Воды она была отобрана у татар и перешла под контроль князей Кориатовичей. Позднее же, ко времени составления летописей ВКЛ, эти земли на юго-востоке Днестровско-Карпатского региона уже вошли в состав Молдавского феодального государства, поэтому летописцы ошибочно связали политическую деятельность князя Юрия Кориатовича с Молдавским княжеством[2160]. Здесь, правда, необходимо оговориться, что факт правления Юрия Кориатовича в этом регионе в 60-х гг. XIV в. доказать невозможно. Однако если принять эту гипотезу, то получается, что, титулуясь в 1374 г. «воеводой, господарем Молдавской земли», Юрий Кориатович претендовал на власть над всей территорией Молдавского княжества, что и могло стать причиной его убийства.

[2157] Inventarium ... P. 378. — Публикации документа: Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 29—30; Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 1. S. 22—23; Akta unji Polski z Litwą ... S. 44; Українські грамоти XV ст. С. 32—33.

[2158] Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 24.

[2159] *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland ... P. 205—206.

[2160] *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия ... С. 105—106, 134.

Так или иначе об отравлении Юрия Кориатовича «волохами» говорит только «Повесть о Подолье», другим, независимым от повести источникам этот факт неизвестен.

В этой связи необходимо упомянуть другой источник, повествующий о смерти Юрия Кориатовича, а именно хронику Стрыйковского. Разумеется, в основной своей части соответствующий фрагмент хроники базируется на «Повести о Подолье», так как и сам Стрыйковский ссылается при этом на «летописцы литовские и русские»[2161]. Свой рассказ он приукрашивает и домыслами, например, датирует отравление Юрия Кориатовича 1330 г. и предполагает, что оно произошло в Сучаве. Однако в сообщении Стрыйковского есть и один момент, заслуживающий внимания, поскольку в нем он выступает как очевидец. В частности, он указывает, что Юрия Кориатовича похоронили в каменном монастыре в Васлуе, находящемся на расстоянии в полдня езды от Бырлада, и что он лично там побывал в 1575 г.: «Juria Koriatowica otruli w Soczawie, pochowan w Wasziulach monasterze murowanym za Berladem (gdziem sam był roku 1575) puł dnia jazdy»[2162]. Точно идентифицировать этот монастырь не удается (Н. Йорга назвал его «неизвестным»[2163]). Непосредственно в Васлуе располагалась каменная церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, основанная молдавским воеводой Стефаном Великим в 1490 г., т. е. спустя более чем 100 лет после смерти Юрия Кориатовича[2164], а данных о находившемся там в конце XIV — XV в. монастыре у нас нет. Впрочем, любопытно, что в первом издании хроники на поле размещен подзаголовок, в котором имя Юрия Кориатовича передано в такой же форме, как в акте от 3 июня 1374 г., — «Jurgi». Может ли это означать, что Стрыйковский кроме «Повести о Подолье» опирался еще и на какой-то молдавский письменный или устный источник, с которым ознакомился во время путешествия по Молдавии, — трудно сказать. По мнению И. Чаманьской, из сообщения Стрыйковского следует, что он видел надгробие Юрия Кориатовича и что в Молдавии XVI в. якобы сохранялась память об этом князе, коль скоро Стрыйковскому показали его могилу[2165]. С этим можно было бы безусловно согласиться, если бы был все-таки обнаружен и локализован упоминаемый Стрыйковским каменный монастырь «w Wasziulach». Но, возможно, Стрыйковский в данном случае напутал, и искать упоминаемый им монастырь следует не в Васлуе.

[2161] *Улащик Н. Н.* Введение в изучение ... С. 123—124.

[2162] *Stryjkowski M.* Kronika ... S. 418.

[2163] *Iorga N.* Geschichte des Rumanischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildung. Gotha : F. A. Perthes, 1905. Bd. 1. S. 284.

[2164] *Drăghiceanu V.* Vaslui: pisania găsită şi publicată de Burada // Buletinul Comisiunii monumentelor istorice. Bucureşti, 1926. Anul XIX (1926). P. 125.

[2165] *Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna ... S. 45.

В нескольких десятках километров от Бырлада в старину располагался монастырь Успения Богородицы на реке Быстрице. Начиная с воеводы Александра молдавские господари совершали пожалования этому монастырю на помин душ своих предков и родителей; см., например, старейший акт такого рода от 6 января 1411 г.: «Оучинили есмы задушие душ дѣля предков наших и за наше здравие и дали есмы монастыреви Оуспенію Пр(е)ч(и)стои Б(огороди)ци, што на Быстрици, два села», и последующие документы такого рода[2166]. Как видно из акта воеводы Ильи от 13 сентября 1439 г., на тот момент в г. Бакэу существовал монастырский храм Успения Богородицы «от Быстрицы»[2167]. В 1491 г. здесь же в Бакэу Александр, сын воеводы Стефана Великого, построил каменную церковь Успения Богородицы, а еще через три года он поместил в этой церкви надгробие с надписью, в которой, к сожалению, повреждено и не читается имя усопшего: «† Iw Алеѯандру воевод, с(ы)нь Стефан Воеводи, г(ос)п(ода)рѣ землі Молдавскои, украси съи гробь <нрзб.> иже прѣстависѣ кь вѣчнои обитѣли, в лѣт 7004, м(еся)ца се(п) 16»[2168]. Может быть, ознакомление с этой каменной церковью и сподвигло Стрыйковского на сочинение легенды о том, что князь Юрий Кориатович был где-то здесь похоронен. Узнав, что в монастыре Успения Богородицы на реке Быстрице издавна совершалось поминовение покойных молдавских господарей и увидев надгробия, подобные вышеупомянутому, он предположил, что здесь находится и могила Юрия Кориатовича, но перепутал название местности и указал вместо Бакэу город Васлуй.

Завершая рассмотрение этой проблематики, укажу еще на два предположения. Польский историк Симон Окольский в 1646 г. писал, что князья Юрий и Александр Кориатовичи были похоронены в Смотричском доминиканском монастыре, которому покровительствовали. Но так как он не привел никаких убедительных свидетельств, Н. В. Молчановский счел это ничем не обоснованной догадкой[2169]. Гораздо интереснее два других свидетельства, также происходящие из XVII в. Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Петр Могила (1597—1647) в своих записках указал, что в Каменецком замке существовала православная деревянная церковь, которая была воздвигнута князьями Кориатовичами и в которой покоились их останки: «В Подольском Каменце во внутрном граде есть церковь древяная Покрова Пресвятой Богородици, от княжат Куриятовичовых созданная, ихъже и телеса тамо лежат, яж и доныне

[2166] Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 41, 59, 75.

[2167] Ibid. P. 283.

[2168] *Drăghiceanu V.* Mormintele din biserica Precista Bacău. Raport adresat Comisiunii monumentelor istorice // Buletinul Comisiunii monumentelor istorice. Bucureşti, 1911. Anul IV (1911). P. 153.

[2169] *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 203—204.

стоит»[2170]. В грамоте короля Польши Михаила Корибута Вишневецкого от 20 марта 1672 г. это известие существенно дополняется. Из документа явствует, что деревянная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы на территории Каменецкого замка была построена князьями Александром и Юрием Кориатовичами, останки которых в ней и погребены[2171].

Печать Александра Кориатовича, которая была привешена к торговому привилею 1375 г. для краковских купцов: +S. ALEXANDRI DV[CI]S VLADIMIRIE[N]S[IS]

[2170] Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7. С. 103; Подолия: историческое описание / изд. П. Н. Батюшковым. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1891. С. 33.

[2171] *Сецинский Е. И.*: 1) Замковая православная церковь в Каменце-Подольском // Подольские епархиальные ведомости. 1892. 11 июля. № 27—28. Часть неофиц. С. 481—482; 2) Город Каменец-Подольский. Историческое описание. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1895. С. 114; 3) Исторические сведения о приходах и церквах Подольской епархии. Каменецкий уезд. Каменец-Подольский : Тип. Подольского губ. правления, 1895. С. 13—17; *Сіцінський Ю.* Поділля під владою Литви / упоряд. Д. Ващук, М. Мошак. Кам'янець-Подільский : ПП «Медобори-2006», 2009. С. 25—26; *Ківільша Г. Б., Свінціцька Л. І.* Замкова церква Покрови Пресвятої Богородиці. До історії будівництва та місцерозташування // Кам'янець-Подільский у контексті українсько-європейських зв'язків : матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції, м. Кам'янець-Подільский, 17—18 травня 2012 р. Кам'янець-Подільский : ПП «Медобори-2006», 2016. С. 50.

В первые годы после смерти Юрия Кориатовича отношения между Молдавией и Великим княжеством Литовским, видимо, были враждебными, и особенно обострились они к концу 1377 г. Так, в декабре 1377 г. литвины совершили неудачный поход в Молдавию[2172], а в 1378 г. убили двоих монахов францисканцев во время нападения на город Сирет (теперь на востоке Румынии)[2173]. Военно-политический контекст этих событий, впрочем, не вполне ясен. Возможно, в конфликте были каким-то образом задействованы и татары, и именно в сражении с ними тогда, в 1378 г. или позже, и погиб подольский князь Александр Кориатович, как об этом сообщает «Повесть о Подолье». Это косвенно подтверждает и булла папы Григория XI, направленная 30 января 1378 г. Александру Кориатовичу («nobili viro Alexandro de Litwania domino de Camnicz Ruscie»), в которой в связи с вопросом отпущения грехов мельком упоминается о заявленном намерении князя воевать с татарами[2174].

Отдельно следует упомянуть гипотезу Б. В. Черкаса о том, что Александр Кориатович погиб в битве с татарами хана Тохтамыша, якобы ходившего походом к границам Подольской земли осенью 1380 г.[2175] Свои доводы исследователь основывает на сообщении оффициала Иоганна о том, что в том году на Синей Воде произошла крупная битва русинов с татарами. Я уже говорил выше, что это известие отражает в искаженном виде дошедшие до Пруссии слухи о Куликовской битве, только Дон перепутан с Синей Водой. Действительно в ряде немецких хроник сообщается, что в 1380 г. русины сражались с татарами на Синей Воде, погибло с обеих сторон от 4 тыс. («Торуньские анналы») до 40 тыс. (оффициал Иоганн) и даже до 400 тыс. человек (Детмар из Любека). Русины удержали поле, но, когда они возвращались домой с большой добычей, пришли литвины, которых татары позвали к себе на помощь, и убили множество русинов, отобрав всю добычу[2176]. Как можно судить, Б. В. Черкас предполагает, что в этих сообщениях смешались данные о двух битвах, происходивших примерно в одно и то же время (т. е. о Куликовской и о какой-то неизвестной битве 1380 г. близ Синей Воды). Однако трудно оспаривать тот факт, что в данном случае *все* приводимые немецкими хронистами подробности, за исключением собственно названия Blowasser (Синяя Вода), относятся к Куликовской битве, и только к ней. В подкрепление своей гипотезы исследователь также ссылается на грамоту Владимира Ольгердовича для Юрия Ивантича из Сквиры, которую

[2172] SRP. Bd. 3. S. 106—107; *Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna ... S. 51.

[2173] *Baronas D.* Vilniaus pranciškonų kankiniai ... P. 242.

[2174] Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. T. 1. P. 748.

[2175] *Черкас Б. В.* Невідомий похід Токтамиша проти Великого князівства Литовського восени 1380 року? // Ruthenica. Київ, 2014. Т. 12. С. 180.

[2176] SRP. Bd. 3. S. 114—115.

вслед за Ф. М. Шабульдо датирует январем 1381 г.; в ней, в частности, говорится, что вотчинные имения Юрия Ивантича сильно пострадали во время недавнего набега Заволжской Орды («bardzo spustoszały od nieprzyjaciół naszych Tatar, gdy wojowała orda zawołgska»)[2177]. Но эта грамота, если даже допустить ее подлинность, известна в очень неточной копии 1568 г. (переводе на старопольский язык), поэтому вряд ли можно всерьез говорить о надежности указанного в ней индикта; к тому же она скомпонована из двух частей: начального отрывка из собственно грамоты Владимира Ольгердовича и последующего ее подтверждения без даты[2178]. Таким образом, сведения источников о предполагаемом походе Тохтамыша 1380 г. крайне ненадежны и допускают разные толкования.

По всей видимости, булла папы Григория XI за 1378 г. — это последний документ, в котором князь Александр Кориатович фигурирует как живой. По предположению Я. Тенговского, о нем также идет речь в известном послании папы Урбана VI по поводу основания Каменецкого епископства[2179], но обращение к тексту этого послания убеждает нас, что упоминаемый в нем под инициалом *A.* человек — это не Александр Кориатович, а рекомендуемый папой возможный кандидат в каменецкие епископы, долгое время проживший в Подольской земле[2180]. Таким образом, предлагаемая Я. Тенговским наиболее поздняя из возможных дат смерти князя Александра Кориатовича — начало 1382 г. — не имеет под собой основания в источниках. Наиболее вероятно, что Александр Кориатович погиб либо в том же году, когда и собирался воевать с татарами, т. е. в 1378 г., либо в следующем — 1379 г. На это же указывает дата начала правления Константина Кориатовича — около 1380 г., определяемая косвенно по нумизматическим данным[2181].

Между тем в «Повести о Подолье» последовательность смерти трех братьев Кориатовичей представлена неверно: Константин Кориатович умер не раньше, а гораздо позже Юрия и Александра. При этом автор повести особо подчеркивает, что князь Федор Кориатович, княживший в Новогородке, пришел на Подолье только после того, как узнал о смерти

[2177] *Rulikowski E.* Opis powiatu Wasylkowskiego. Warszawa : Druk. S. Orgelbranda, 1853. S. 33—34; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси ... С. 84.

[2178] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли ... С. 53.

[2179] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 174.

[2180] *Abraham W.* Założenie biskupstwa łacińskiego ... S. 13.

[2181] По данным О. Г. Погорельца и Р. В. Саввова, в качестве образца для монеты подольского князя Константина Кориатовича был выбран галицко-русский грошик Львова, а совпадение по весу с грошиком, чеканившимся в конце правления венгерского короля Людовика, указывает на то, что Константин начал чеканить свою монету около 1380 г. (*Погорелец О. Г., Саввов Р. В.* Чеканка монеты в Подольском княжестве во второй половине XIV в. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Мінск : БДУ, 2008. Вып. 4. С. 118).

своих старших братьев: «И услышал то князь Феодор, што брати его у Подольскои земли не стало в животе, и он шед Подольскую землю засел». Но, как указывал еще Н. В. Молчановский, это также не соответствует действительности: князь Федор Кориатович появился на Подолье не позднее 19 сентября 1388 г., однако в то время был жив еще его старший брат и соправитель князь Константин Кориатович, с которым они совместно выдали Немире документ на владение Бакотой[2182]. Вокняжение Федора Кориатовича на Подолье сопровождалось какими-то конфликтами в среде подольской знати; в частности, против Константина и Федора Кориатовичей выступили нобили Бакотской волости. Силой подавив это выступление, братья лишили мятежников их владений[2183].

Что же касается княжения Федора Кориатовича в Новогородке, то никаких дополнительных данных на этот счет не сохранилось. Этот факт вполне вписывается в общую сюжетную канву «Повести о Подолье», по которой Кориат княжил в Новогородке, а стало быть, после ухода старших сыновей в Подольскую землю наследником Новогородка стал младший — Федор Кориатович. Однако указанная в повести причина, заставившая Федора Кориатовича покинуть Новогородок (смерть трех старших братьев), на поверку оказывается вымышленной. Кроме того, сохранились данные о том, что по крайней мере в 80-х гг. XIV в. Новогородок принадлежал другим князьям. Согласно документу Витовта 1401 г., половина Новогородской земли в свое время составляла вотчину Кейстута и находилась во владении князей Войдата и Товтивила Кейстутовичей; еще четыре двора Новогородской земли (Осташино малое, Осташино большое, Сенно и Райцы) принадлежали самому Витовту[2184]. Следовательно, еще при жизни или после смерти Кориата произошло перераспределение владений в Новогородской земле, и часть бывшей вотчины Кориата досталась Кейстуту. Начиная же примерно с 1386 г. Новогородком владел князь Дмитрий Корибут Ольгердович, который был схвачен здесь вместе с семьей в начале 1393 г. войсками Витовта[2185]. Поэтому к утверждению автора «Повести о Подолье» о том, что Федор Кориатович

[2182] *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 202; *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 170—171; *Kurtyka J.*: 1) Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 22; 2) Repertorium Podolskie ... S. 339—340.

[2183] Ср. привилей от 19 сентября 1388 г. для Немиры на Бакоту: «A pakli by niekto choteł na Nemiry poiskowaty nekotorych tych sieł, sztoż ieśmy iemu dali, ili by ot naszei brati na pered pisanaia sieła prywiliia imił, *toho ieśmy pod nymi i s Bozieiu pomocziu mocziu dobywszy ich prywiliia pro ich newieru izłamali*, a naszemu służe Nemiry za ieho wiernuiu służbu dali» (см. текст документа в Приложении 3).

[2184] Akta unji Polski z Litwą ... S. 35.

[2185] SRP. Bd. 3. S. 185. — Этот сюжет разбирался выше, в комментарии ко второй части «Летописца великих князей литовских».

держал *весь* Новогородок, т. е. всю Новогородскую землю, имеет смысл относиться с осторожностью, так как хронологические рамки его княжения в Новогородке не очерчены с определенностью, — в любом случае в 80-х гг. XIV в. он мог владеть лишь относительно небольшой частью Новогородской земли.

Во второй редакции «Повести о Подолье», вошедшей во второй летописный свод ВКЛ, также добавлено, что Федор Кориатович какое-то время держал Гомей. Вряд ли можно согласиться с предположением, что соответствующий текст мог содержаться в протографе первой редакции повести, — по той простой причине, что его нет ни в Супрасльском, ни в Слуцком списках, ни в происходящих от близкого к Слуцкому списках третьего летописного свода ВКЛ (хронике Быховца и Вавельском фрагменте). А значит, его появление в близком к Слуцкому списке Красинского объясняется не лучшей сохранностью текста, а редакторским вмешательством. Как бы ни относиться к достоверности этого известия о Гомее, в списке Красинского, отразившем архетип, от которого берут начало другие списки второго летописного свода ВКЛ, это, как представляется, позднейшая интерполяция, датируемая самое раннее концом XV или началом XVI в. и не подтверждаемая никакими другими источниками.

Захват Подольской земли князем Витовтом

Смысловые элементы 166—170

Характеристика взглядов автора «Повести о Подолье» на отношения между Подольской землей и Великим княжеством Литовским перед 1392 г. затрудняется тем, что в Супрасльском и Слуцком списках содержатся прямо противоположные формулировки на этот счет. В Супрасльском списке утверждается, что в период до прихода к власти Витовта Подольская земля подчинялась ВКЛ, что соответствует общей идейной направленности повести. В Слуцком списке в эту фразу вставлена частица «не», полностью меняющая ее смысл: «...какъж и передь тымь послоушна *не* была». Обращение к списку Красинского не помогает решить этот вопрос, поскольку в нем эта фраза отредактирована и сокращена, видимо, из-за ее двусмысленности: «И князь Федор Корятовичь не хотел был князю вѣликому Витовту с Подолскою землею служити». Чтение Слуцкого списка вполне согласуется с историческими событиями 60—80-х гг. XIV в. Уже в 1377 г. подольские господари стали вассалами Венгерского королевства (в особе венгерского и польского короля Людовика Анжуйского), и в источниках 80-х гг. XIV в. мы не находим следов того, что Подольская земля подчинялась ВКЛ. И князь Александр Кориатович в 1375 г., и князь Константин Кориатович в 1385 г. ссылались в своей

титулатуре на то, что владеют Подольской землей «по Божьей милости» («von Gotis genaden Herczog czu Podolien»)[2186]. После коронации Ягайла в Кракове, между 1386 и 1392 гг., подольские князья, в отличие от удельных князей ВКЛ, не выдали ни одной присяжной грамоты на верность королю Польши, верховному князю литовскому Владиславу (Ягайлу) и Польской Короне. Фактически в тот период, по крайней мере после смерти Людовика Анжуйского в 1382 г., Подольская земля сохраняла государственную независимость, хотя формально и продолжала считаться венгерским ленным владением[2187].

Захват Подольской земли Витовтом был скоординирован с военной кампанией по занятию Киевской земли, и выше, в соответствующем комментарии ко второй части «Летописца великих князей литовских», была рассмотрена общая хронология и некоторые обстоятельства этих событий. В конце февраля — марте 1394 г. состоялся первый поход Витовта в Подольскую землю, который завершился безрезультатно. Весной того же года Витовт захватил западные волостные центры Киевской земли — Житомир и Овруч, вынудив киевского князя Владимира Ольгердовича к подчинению. Захват Житомирской волости означал, что Витовт получал коридор для прямого ввода войск в Подольскую землю, минуя Волынь и Киевскую землю; дело в том, что житомирские владения князя Владимира Ольгердовича вплотную примыкали с севера к Виннице в районе с. Стрижавка на Южном Буге[2188]. Примерно в августе — сентябре 1394 г. Киев был отобран у Владимира Ольгердовича, и в следующие месяцы его занял князь Скиргайло. 11 октября 1394 г. в Холме король Польши Владислав (Ягайло) обещал, что передаст Витовту подольский замок Каменец со всеми угодьями и принадлежностями, если удастся его захватить. После этого, во второй половине октября — ноябре 1394 г., состоялся второй поход на Подольскую землю, на этот раз успешный — Витовт захватил основные подольские замки и изгнал князя Федора Кориатовича из Подолья. В рамках этой военной кампании князь Скиргайло, согласно данным «Летописца великих князей литовских», скорее всего, в ноябре 1394 г. захватил восточные форпосты Подольской земли — Звенигород и Черкассы.

В целом же terminus ante quem для полного занятия Подольской земли ставит первая половина февраля 1395 г., когда в Сонче намечался съезд с участием короля Польши Владислава (Ягайла), короля Венгрии

[2186] Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa 1257—1506. Cz. 1. S. 57, 74.

[2187] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 20, 23.

[2188] См. упоминания о документе Владимира Ольгердовича для бояр Стрижовских (*Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 342—343). Но еще в 1391 г. Стрижавка или какая-то ее часть принадлежала Гриньку Соколецкому (была ему передана тещей княгиней Андриановой Винницкой).

Сигизмунда Люксембургского и великого князя литовского Витовта, на котором, очевидно, первоначально и планировалось урегулировать вопрос о новой административно-территориальной принадлежности Подолья[2189].

Неясным остается вопрос о военной помощи, оказанной Польским королевством Великому княжеству Литовскому при захвате Подольской земли. Автор «Повести о Подолье» настаивает на том, что такой помощи не было: «А добыл [*в Слуцком списке*: то было добыто] литовскими силами, а никто ему ни с которых сторон не помогали», но, конечно, с учетом общей тенденциозности этого произведения эти слова вызывают некоторое недоверие. Однако попытки польских историков доказать, что польские войска все же участвовали в походе Витовта на Подолье, пока не представляются убедительными. Я. Тенговский, указав на ряд заметок из городской финансовой книги Кракова и из финансовых счетов польского королевского двора за конец сентября — начало октября 1394 г., предположил, что для финансирования этого похода в Польше взимались специальные подати и что были, в частности, отправлены 17 баллистариев для сопровождения князя Скиргайла[2190]. Однако в этих заметках речь идет о том, что баллистарии направлялись не в Подольскую землю, а в противоположную сторону — к Зольдау (Дзялдову). Г. Блащик, в свою очередь, высказал мнение, что в походе на Подолье участвовали некоторые польские рыцари, находившиеся в свите польского короля Владислава (Ягайла) во время его пребывания в Холме 11 октября 1394 г.[2191], но и эту гипотезу доказать практически невозможно. Одно представляется очевидным — поход на Подолье был осуществлен в русле Белзского соглашения 1392 г. с ведома и по распоряжению короля Польши Владислава (Ягайла) и с участием не только Витовта, но и Скиргайла, занявшего замки Восточного Подолья (Звенигород и Черкассы)[2192], о чем автор «Повести о Подолье» то ли не знал, то ли предпочел умолчать, так как упоминание о Скиргайле излишне осложняло канву повествования. Более того, сам факт, что король Польши Владислав (Ягайло) перед походом

[2189] О датировке съезда в Сонче говорилось выше в комментарии к сообщению об отравлении князя Скиргайла. Указания на подготовку к съезду содержатся в финансовых счетах двора короля Владислава (Ягайла) за декабрь 1394 — февраль 1395 г., однако неясно, принял ли в нем участие венгерский король Сигизмунд Люксембургский, поскольку его итинерарий, кажется, не оставляет такой возможности; 3 февраля 1395 г. он находился в Пьятра-Нямце, а 12 февраля в Брашове (Rachunki ... S. 212—221; Királyok és királynék itineráriumai: 1382—1438 / Engel Pál, Tóth Norbert. Budapest : MTA Támogattot Kutatóhelyek Irodája, 2005. P. 69).

[2190] *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 164.

[2191] *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 55.

[2192] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 23.

обещал передать Витовту Каменец (называемый им в документе «castrum *nostrum* Camenecz»)[2193], свидетельствует о том, что Подольская земля изначально рассматривалась как собственность Польского королевства и Витовт признавал такой порядок вещей. Это сводит на нет все старания автора «Повести о Подолье» представить Подольскую землю как область, всегда и исключительно находившуюся во владении и под патронатом ВКЛ. Аналогичным образом, даже если Витовт после занятия всех подольских замков в конце 1394 г. и посадил в них своих наместников, то эти назначения носили временный характер, и наместников ВКЛ во всех замках, кроме Каменца, переданного Витовту, должны были вскоре заменить наместники, назначенные королем Польши. Следовательно, и этот аргумент, приводимый автором повести («и по всимь городомь князь великии Витовт свои старосты посажал»), некорректен по своей сути.

В период с 1388 по 1394 г. подольские замки держали следующие нобили, приближенные князя Федора Кориатовича: Каменец — Павел Ступич или Слупич (около 1394 г.); Смотрич — вероятно, Рогозка (упоминается как смотричский воевода в 1375 г., но позднее также принадлежал к ближайшему окружению князя Федора Кориатовича); Винницу — князь Василий Винницкий (1392 г.); Соколец — Гринько (1391 г.); Черкассы — Бедришко (1392 г.); Бакоту — Немира (1392 г.); Скалу — Прокоп (1392 г.)[2194]. По Брацлаву, Червоногроду и Звенигороду данных нет.

Согласно «Повести о Подолье», замки Западного Подолья занимались в следующей последовательности: сначала Брацлав, затем Соколец, Каменец, Смотрич, Скала, Червоногрод и все остальные «городы». Если это перечисление отражает действительный исторический факт, то наступление велось в направлении с северо-востока на юго-запад, видимо, из Житомирской волости, захваченной войсками Витовта ранее — в начале 1394 г. Интересно, что среди захваченных замков не названа Винница, хотя далее в повести она упоминается в числе подольских городов, в которых Витовт посадил своих наместников. Это может означать, что Винницей Витовт завладел еще во время первого похода в Подольскую землю в начале 1394 г. или что князь Василий Винницкий добровольно сдал город Витовту. После 1394 г. князь Василий, видимо, получил вместо Винницы во владение Божск[2195]. Гринько продолжал владеть Сокольцом еще в 1400—1404 гг. и позднее[2196], а значит, он без боя сдался войскам Витовта и поэтому сумел сохранить свое положение. Относительно

[2193] *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 172.

[2194] *Михайловський В. М.*: 1) Правління Коріатовичів ... С. 40—43; 2) На маргінесі ... С. 194; *Микульский Ю. Н.* Новая грамота князя Федора Кориатовича ... С. 150.

[2195] *Михайловський В. М.* Правління Коріатовичів ... С. 40.

[2196] Там же. С. 41.

осады Каменца крохотная дополнительная деталь содержится во второй редакции повести по списку Красинского, где указывается, что «кнѧзь вѣликыи Витовт пришол под Каменець *и начовал, и порану* Каменца добыл» (в Слуцком и Супрасльском просто констатируется, что Витовт пришел к Каменцу «в ночи»). Если это было действительно так, то овладение такой мощной, защищенной природными условиями крепостью, как Каменецкая, в течение одного только утра также трудно объяснить иначе, нежели изменой гарнизона[2197]. Горожане Каменца могли быть заинтересованы в сдаче города и возможном получении льгот от новых правителей, поскольку в 1394—1398 гг. истекали сроки вольного использования господарской земли, предусмотренные привилеями Кориатовичей от 1374 г.

Данных о дипломатических усилиях, предпринимавшихся князем Федором Кориатовичем в 1394 г., практически не сохранилось. Известно только, что незадолго до вторжения войск ВКЛ он направлял каменецкого воеводу Павла Ступича с посольской миссией к князю Скиргайлу, видимо, прося его повлиять на решение короля Владислава (Ягайла) и великого князя Витовта об аннексии Подольской земли[2198]. По предположению Я. Тенговского, князь Федор Кориатович был династически связан с Молдавией и Венгрией: в частности, сам он был женат на Валхе, дочери Драга, воеводы Марамуреша, а женой тогдашнего молдавского воеводы Романа была княжна Анастасия, дочь Кориата и родная сестра Федора Кориатовича[2199].

Помимо родственных связей с княжеским домом Кориатовичей молдавский воевода Роман имел и другие причины помогать Федору Кориатовичу. К власти в Молдавии Роман пришел после смерти воеводы Петра Мушата, наступившей между январем и мартом 1392 г., и при этом нарушил права законных наследников молдавского стольца — сыновей Петра Мушата, в частности Ивашка, который укрылся на территории Великого княжества Литовского в Берестье. Первоначально Роман, как и его предшественник, сохранял лояльность по отношению к Польскому королевству и даже выдал в январе 1393 г. документ, которым обещал «королеви и его женѣ и его дѣтем и Корунѣ Польское вѣрне служити». Однако вскоре Роман сблизился с Венгрией, женив своего сына Александра на дочери семиградского воеводы Маргарите Лосонч, и стал выдвигать территориальные претензии к Польше, требуя область Покутье со Снятыном и Коломыей. В результате в середине или в конце 1394 г. по-

---

[2197] *Пламеницька О. А.* Castrum Camenecensis ... С. 213.

[2198] *Halecki O.* Z Jana Zamojskiego inwentarza ... S. 163; *Skrzypek J.* Południowo-wschodnia polityka ... S. 105.

[2199] *Tęgowski J.*: 1) Sprawa przyłączenia Podola ... S. 165; 2) Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 184, 186, 188—189.

ляки сместили Романа и возвели в достоинство молдавского воеводы одного из его родственников — Стефана[2200]. При этом известно, что некоторые приближенные князя Федора Кориатовича, бежав из Подольской земли, обосновались в Молдавии, где жили еще в январе 1397 г.[2201] Сопоставляя эти данные с изложенными в «Повести о Подолье» известиями по истории Подольской земли, можно прийти к выводу, что, во-первых, молдавский воевода Роман вполне мог оказать военную помощь князю Федору Кориатовичу, прислав людей для замковых гарнизонов (о чем и говорится в повести: «А городы wсадилъ Волохи»), а во-вторых, поход Витовта на Подолье был, видимо, скоординирован с военной акцией поляков по смещению молдавского воеводы Романа. Последний вывод вновь возвращает нас к вопросу о том, могли ли польские отряды помогать войскам ВКЛ при занятии Подольской земли. Похоже, что все-таки даже если их помощь и имела место, то была весьма ограниченной, поскольку основные силы были заняты военной кампанией в Молдавии.

В связи с вопросом о молдавской военной помощи князю Федору Кориатовичу интересна личность его воеводы, оборонявшего подольские замки и захваченного в плен войсками Витовта. В Слуцком списке его имя передано как «Нестак», а в Супрасльском — как «Нестис». Представляется логичным, чтобы основным направлением поисков этого человека стала Молдавия. Действительно, «пан Нестяк» называется на довольно высокой позиции среди «землян панов Молдавскых» воеводы и господаря Молдавской земли Александра в документе от 6 октября 1407 г. и в целом ряде последующих документов за период с 1411 по 1428 г. У него были сыновья Богуш и Пашко «Нестѣковичи»[2202].

На Подолье в первой половине XV в. жил другой человек по имени Нестак: в 1448 г. он получил от короля Казимира вместе с тремя другими шляхтичами пустошь Ломазу и Толостосвину пасеку на реке Лядаве в Каменецком повете[2203]. Групповой характер этого пожалования показы-

---

[2200] *Skrzypek J.*: 1) Zygmunt Luksemburski ... S. 186; 2) Południowo-wschodnia polityka ... S. 57—58; *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия ... С. 116; Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества ... С. 27; *Czamańska I.* Mołdawia i Wołoszczyzna ... S. 56—57; *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 158.

[2201] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. S. 21; *Skrzypek J.* Południowo-wschodnia polityka ... S. 59.

[2202] *Уляницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. М. : Унив. тип., 1887. С. 16, 27—28, 64; Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1. P. 41, 43—44, 48, 56, 58, 67, 69, 76, 78, 82, 84, 86, 108—119.

[2203] Архив Юго-Западной России. Ч. 8, т. 1 : Материалы для истории местного управления в связи с историею сословной организации. Акты Барского староства XV—XVI вв. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1893. С. 17.

вает, что этот Нестак не был знатен, а кроме того, он обязан был нести военную службу с этого имения. Если бы это был тот самый подольский воевода, который действовал в 1394 г., то в 1448 г. ему было бы не менее 70—80 лет, поэтому ни о какой военной службе не могло быть речи.

По всей видимости, именно тот пан Нестяк, который фигурирует в молдавских документах первой четверти XV в., по версии автора «Повести о Подолье», в 1394 г. и возглавлял отряд, присланный молдавским воеводой Романом в помощь князю Федору Кориатовичу, уже не вполне доверявшему своим подданным.

Венгрия же была весьма заинтересована в сохранении власти князей Кориатовичей в Подольской земле, которая на протяжении нескольких предшествующих лет являлась венгерским ленным владением. Очевидно, что с захватом Подольской земли Витовтом и переходом ее в политическую орбиту Польского королевства Венгрия не имела шансов сохранить здесь свое влияние. К тому же князя Федора Кориатовича связывало с венгерским королем Сигизмундом Люксембургским отдаленное родство: прабабушка Сигизмунда королева Анна Альдона Гедиминовна, жена польского короля Казимира, была родной сестрой князя Кориата; соответственно в документах Сигизмунд именовал Федора Кориатовича своим дядей по материнской линии («illustris principis domini Theodori, ducis Podolie, avunculi nostri carissimi»)[2204]. Сообщение «Повести о Подолье» о том, что «угорьски князю Федору помочь дал», выглядит вполне правдоподобным, хотя характер и размеры этой помощи неизвестны. Еще 12 апреля 1394 г. король Венгрии Сигизмунд Люксембургский издал указ о взимании дополнительного налога в связи с подготовкой к отражению ударов язычников («paganorum»)[2205], и, возможно, кроме противодействия турецкому нашествию в данном случае имелась в виду и защита Подольской земли от нападений Великого княжества Литовского, так как, несмотря на недавнее католическое крещение Литвы, в Европе под влиянием пропаганды Тевтонского ордена ее по-прежнему считали языческой или полуязыческой страной. После изгнания князя Федора Кориатовича венгерская сторона неоднократно, например в 1397 г., высказывала претензии по поводу занятия Подолья Польским королевством, требуя возвратить Подолье себе в обмен на признание короля Польши Владислава

[2204] *Кобаль Й.* Федір Корятович ... С. 79; *Михайловський В. М.* Еластична спільнота ... С. 60.

[2205] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / ed. G. Fejér. T. 10, vol. 2 : Ab anno Christi 1392—1400. Budae : Typis Typogr. Regiae Universitatis Ungaricae, 1834. P. 256; Zsigmondkori oklevéltár. I : (1387—1399) / összeállitotta M. Elemér. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1951. S. 373.

(Ягайла) пожизненным владетелем Галицкой Руси[2206]. В конце концов вопрос был временно урегулирован 15 марта 1412 г. заключением трехстороннего договора между королем Польши Владиславом (Ягайлом), великим князем литовским Витовтом и королем Венгрии Сигизмундом Люксембургским, согласно которому Венгрия признавала Подолье пожизненным владением короля Польши Владислава (Ягайла)[2207].

После изгнания из Подольской земли князь Федор Кориатович и его брат Василий Кориатович действительно нашли приют в Венгрии, но точно сказать, когда именно они туда приехали, не представляется возможным. Самое раннее документальное свидетельство о пребывании князя Федора Кориатовича в Венгрии датируется 8 февраля 1396 г.[2208] Далее, 28 мая того же года король Венгрии Сигизмунд Люксембургский передал ему («Teodorico duci Podolye Lythwano») *за верную службу* комитат Берег (теперь г. Берегово в Закарпатской области Украины)[2209]. В мае 1397 г. в венгерских источниках впервые появляется также его брат Василий Кориатович[2210]. Под 4 августа 1397 г. князь Федор называется также князем Мункача, которым он и владел до самой своей смерти, наступившей в 1415 г.[2211] В 1402 г., воспользовавшись тем, что на Подолье возник вакуум власти после выезда князя Свидригайла в Пруссию, Федор Кориатович попытался вновь захватить власть на Подолье, но был схвачен людьми короля Владислава (Ягайла). В июле 1403 г. он вместе с Василием Кориатовичем принял присягу на верность польскому монарху, отказавшись от претензий на Подолье[2212]. Но в дальнейшем он продолжал титуловаться князем Подолья, о чем свидетельствует документ 1408 г., процитированный К. Стадницким[2213]. В 1411 г. во время конфликта между Венгрией и Польшей Федор Кориатович привел на по-

---

[2206] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 23—24; *Михайловський В. М.* Еластична спільнота ... С. 61.

[2207] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 411.

[2208] Zsigmondkori oklevéltár. S. 466, № 4252; *Кобаль Й.* Федір Корятович ... С. 86.

[2209] Zsigmondkori oklevéltár. S. 486—487, N 4407.

[2210] *Кобаль Й.* Федір Корятович ... С. 80.

[2211] Zsigmondkori oklevéltár. S. 524, 542; *Петров А. Л.* О подложности грамоты князя Федора Кориатовича 1360 г. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1906. С. 23—25; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 186; *Кузьмин А. В.* На пути в Москву ... С. 98; *Кобаль Й.* Федір Корятович ... С. 105.

[2212] *Halecki O.*: 1) Z Jana Zamojskiego inwentarza ... S. 160; 2) Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. S. 174; *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze. S. 445.

[2213] *Stadnicki K.* Synowie Gedymina, wielko-władcy Litwy: Monwid — Narymunt — Jewnuta — Koriat / wyd. nowe, przerob. i powiększ. Lwów : Druk. Narodowa W. Manieckiego, 1881. S. 180; *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze. S. 445—446.

мощь венгерскому королю Сигизмунду Люксембургскому хоругвь, насчитывавшую 200 копий[2214]. В июле 1412 г. в одном из своих писем великий магистр Генрих фон Плауэн высказывал пожелание, чтобы, если Витовт пойдет войной на земли Ордена, король Сигизмунд Люксембургский приказал некоему Ходору и кому-то из Валахии *вновь* напасть на земли Витовта[2215]; из этого можно заключить, что Федор Кориатович до конца своей жизни не оставлял намерений вернуться на подольский столец с помощью Венгрии.

Передача половины Подольской земли под залог Польскому королевству и Спытку из Мельштына

Смысловые элементы 171—174

Как уже отмечалось выше, этот фрагмент «Повести о Подолье» написан на основе трех гипотетических документальных источников: двух писем Ягайла к Витовту об уступке Подольской земли (1395) и о возмещении залога за Подольскую землю вдове пана Спытка (1402—1403 гг.), а также акта о передаче Подолья Великому княжеству Литовскому (1411).

Вопрос об уступке Польскому королевству Подольской земли, а именно Каменца и некоторых других замков, был поднят, видимо, уже в самом начале 1395 г. По крайней мере к первой половине февраля 1395 г., когда в Сонче намечался трехсторонний польско-венгерско-литовский съезд, король Польши Владислав (Ягайло) и великий князь литовский Витовт должны были уладить между собой все спорные вопросы об административно-территориальной принадлежности Подолья. Возможно, на решение польской стороны потребовать Подольскую землю у Витовта повлияла и скоропостижная смерть князя Скиргайла в январе 1395 г. Таким образом, и соответствующее обращение короля Владислава (Ягайла) к Витовту следует датировать январем 1395 г. Как заявлял в 1451 г. на переговорах с делегацией ВКЛ кардинал Збигнев Олесницкий, первоначально, т. е. в первой половине 1395 г., администрацию Польского королевства на Подолье возглавляли Повала Слуповский и другие польские рыцари[2216].

[2214] *Кобаль Й.* Федір Корятович ... С. 99; *Михайловський В. М.* Еластична спільнота ... С. 62.

[2215] «...welle is also mit unserm herren bestellen, ab herczog Witout mit den heyden unsere landt wurde obirczien, das die weile Codor und der us der Walachie widder czogen in herczog Witowten lant». Благодарю Ю. Н. Микульского, предоставившего выдержки из этого документа, который хранится в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия в Берлине. Его регест, но без информации о Ходоре, см.: CEV. S. 232—233, No 495.

[2216] *Długosz J.* Roczniki ... Ks. 12. S. 130; *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 28.

Согласно «Повести о Подолье», великий князь литовский Витовт передал Подольскую землю польскому королю Владиславу (Ягайлу) под залог 20 тыс. пенязей, причем не всю, а только половину: Каменец, Смотрич, Скалу, Червоногород и Бакоту, тогда как в других подольских городах (Брацлаве, Сокольце и Виннице) остались старосты ВКЛ. О. В. Белецкая предположила, что такой раздел Подолья был осуществлен между Владиславом (Ягайлом) и Витовтом еще в 1394 г.[2217] Однако такая датировка не согласуется с документальным источником: в октябре 1394 г. король Польши Владислав (Ягайло) признал владением Витовта как раз таки только Каменец, а не Брацлав, Соколец или Винницу. Более взвешенным представляется мнение Я. Куртыки о том, что раздел Подолья на западную часть, принадлежавшую Спытку из Мельштына, и на восточную часть, фактически оставшуюся в держании у Витовта, был юридически оформлен в июне — июле 1395 г.[2218] 13 июня 1395 г. король Владислав (Ягайло) передал воеводе и старосте краковскому Спытку из Мельштына в наследственное ленное владение в соответствии с полным княжеским правом подольские замки Каменец, Бакоту, Скалу, Смотрич и Червоногород. Однако две подольские волости — Теребовлю и Стенку, захваченные Польским королевством еще при короле Казимире, король вывел из состава владений Спытка, а ряд подольских волостей, относящихся к замкам Межибожье, Божск и Винница, он оставил в собственном распоряжении[2219]. Правда, в этом документе ни слова не сказано о том, что Спытко платил какую-либо денежную компенсацию за владение Западным Подольем[2220]. 10 июля 1395 г. королева Ядвига выдала собственный акт, подтверждая, что ее муж король Владислав (Ягайло) передал Спытку из Мельштына «terram *nostram* Podoliae», за исключением подольских замков Звенигород и Черкассы, которые оставались в распоряжении королевской четы и Короны Польской[2221].

На основе двух этих документов можно предполагать, что хотя Винница, Межибожье, Божск де-юре признавались владением Польского королевства, но де-факто с разрешения короля Польши Владислава (Ягайла) и королевы Ядвиги ими мог управлять Витовт[2222]. То же самое, видимо, справедливо и для Звенигорода с Черкассами. Статус же Брацлава и Сокольца после 1395 г. остается не вполне ясным. Они не упомянуты в пожалованиях, выданных Спытку, и, по мнению О. В. Белецкой, оста-

---

[2217] *Білецька О. В.* Поділля на зламі ... С. 126.

[2218] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 30—31.

[2219] CEV. S. 38—39; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 346.

[2220] *Dworzaczek W.* Leliwici Tarnowscy ... S. 112.

[2221] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 347.

[2222] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 31; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 57.

вались под прямым управлением Витовта[2223]. Против этого на первый взгляд говорит тот факт, что в 1400—1401 гг. Соколец, как и Божск, вероятно, все же входил в лен князя Свидригайла, когда тот управлял Западным Подольем, коль скоро к его свите принадлежали князь Василий Божский и Гринько из Сокольца[2224]. Кроме того, как указал Я. Куртыка, в «Списке русских городов дальних и ближних» и Брацлав, и Соколец, наряду с другими подольскими замками, отнесены к категории «польских городов»[2225], что, впрочем, вряд ли может служить решающим аргументом, так как источник не носит юридического характера и включает в себя пласты информации, возникшие в разное время на протяжении второй половины XIV в. и первых десятилетий XV в.

С другой стороны, за период с 1395 по 1411 г. среди подольских документов встречаются пожалования короля Владислава (Ягайла) только в Каменецкой, Смотричской, Бакотской, Скальской и Червоногродской волостях, и нет ни одного акта, относящегося к Восточному Подолью (Винницкой, Брацлавской, Соколецкой, Звенигородской и Черкасской волостям)[2226]. Из этого можно заключить, что все Восточное Подолье, предположительно начиная с 1395 г., за некоторыми кратковременными исключениями (например, Божск и Соколец в 1400—1402 гг.), действительно фактически управлялось администрацией великого князя литовского Витовта. Стало быть, сообщение «Повести о Подолье» о разделе Подольской земли на западную и восточную половины сразу после ее захвата войсками ВКЛ имеет под собой историческую основу — с той лишь оговоркой, что, во-первых, в повести обойдено молчанием положение Звенигорода и Черкасс, во-вторых, с юридической точки зрения большая часть Подольской земли, за исключением Брацлава и Сокольца, с 1395 г. признавалась собственностью Польского королевства, а не ВКЛ.

После гибели Спытка из Мельштына в битве с татарами на реке Ворскле в августе 1399 г.[2227] вновь возник вопрос об управлении Западным Подольем. Женой Спытка была придворная польской королевы Ядвиги Елизавета († 1424), дочь венгерского вельможи Эмерика Бебека или его

[2223] *Білецька О. В.* «Казус Спитка»: до історії вивчення середньовічного Поділля (друга половина XIV — перша половина XV ст.) // Київська старовина. 2005. № 2 (362). Березень — квітень. С. 27.

[2224] *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 32.

[2225] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 383.

[2226] Ibid. S. 360—382.

[2227] Биографию см.: *Strzelecka A.* Melsztyński Spytek // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1975. T. 20. S. 411—415. О гибели Спытка в битве на Ворскле упоминают многие польские и русские источники: ПСРЛ. Т. 35. С. 30, 52, 73; ПСРЛ. Т. 11. С. 174; *Rowell S. C.* Ne visai primintinos kautinės: ką byloja šaltiniai apie 1399 m. mūšį ties Vorsklos upe? // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius : LII leidykla, 2008. T. 1. P. 68, 70; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków ... T. 2. S. 178.

сына Эмерика Лачкфи, который одно время был наместником Венгерского королевства на землях Галицкой Руси и русским старостой в 1383—1385 гг. В этом браке родились дети Спытко, Ян, Дорота, Ядвига и Екатерина, которые к моменту смерти отца, по всей видимости, действительно, как сообщает «Повесть о Подолье», еще не достигли совершеннолетия[2228]. Гибель Спытка создала неприятный для Польского королевства казус, так как Западным Подольем стала временно управлять представительница знатного венгерского рода, вследствие чего могли с новой силой возобновиться претензии Венгрии на эту территорию. Между тем, чтобы забрать Западное Подолье у Елизаветы, вдовы Спытка, польский король должен был вернуть ей денежную сумму, которую Спытко в 1395 г., видимо, все же уплатил польской казне, когда вступал во владение упомянутыми выше подольскими замками; обычно в литературе принимается версия, что эти средства польская сторона в конце концов уплатила тогда великому князю литовскому Витовту в качестве компенсации за расходы, которые он понес при захвате Подольской земли[2229]. Весь вопрос, однако, в том, правильно ли названа соответствующая сумма в «Повести о Подолье»?

Здесь необходимо небольшое пояснение текстологического характера. В списках первой редакции повести (Слуцком и Супрасльском) указывается, что первоначально Великому княжеству Литовскому была выплачена компенсация за половину Подольской земли в размере 20 тыс. пенязей. Затем же, чтобы Великое княжество Литовское вновь вступило во владение всем Подольем, король Польши Владислав (Ягайло) попросил вернуть эти 20 тыс. вдове пана Спытка; великий же князь литовский Витовт прислал не 20, а 40 тыс. пенязей и стал владеть всей Подольской землей. Во второй редакции повести, вошедшей во второй летописный свод ВКЛ, соответствующий текст был не совсем корректно отредактирован. Так, если в первой редакции король Владислав (Ягайло) пишет Витовту: «даи ми Подольскую землю», то в списке Красинского, чтобы привести эту фразу в соответствие с остальным текстом, добавлено «даи

[2228] *Strzelecka H.* Elżbieta Melsztyńska // Prace historyczne wydane ku uczczeniu 50-lecia akademickiego koła historyków Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie. 1878—1928. Lwów: Nakładem Akad. Koła Historyków we Lwowie, 1929. S. 111, 113—114; *Strzelecka A.* Elżbieta (XIV/XV w.), żona Spytka z Melsztyna // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1948. T. 6. S. 263—264; *Dworzaczek W.* Leliwici Tarnowscy ... Tabl. II; *Михайловський В. М.* Спитко з Мельштина ... С. 212; *Laberschek J.* Uwagi i uzupełnienia do genealogii Melsztyńskich herbu Leliwa // Średniowiecze Polskie i Powszechne. 2010. Nr. 2 (6). S. 190.

[2229] *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 167—168; *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą ... S. 28; *Михайловський В. М.* Спитко з Мельштина ... С. 218.

ми *половину* земли Подольское *в пѣнязех*». Изменена в списке Красинского и денежная единица: сначала ВКЛ получает за Подольскую землю 20 тыс. *коп грошей*, которые далее называются «пенязями» (т. е. деньгами в общем смысле), затем эта же сумма фигурирует на переговорах о выкупе, выплачиваемом вдове пана Спытка, и наконец, Витовт, беря Подольскую землю, посылает королю эти 20 тыс. (не 40!). Вполне очевидно, что, увидев в первой редакции повести расхождения между цифрами — 20 тыс. и 40 тыс., редактор списка Красинского счел это неточностью и решил ее исправить, заменив 40 тыс. на 20 тыс. Аналогичные чтения (20 тыс. коп грошей) мы находим и в других списках второго летописного свода — Рачинского, Ольшевском и Евреиновском. Однако в Румянцевском списке путаница пошла еще дальше: Витовт сначала получает от короля 20 тыс. коп грошей, а затем король просит его возвратить уже 8 тыс. коп грошей, что великий князь литовский и делает; видимо, переписчик здесь принял кириллическую цифру «к» (20) за цифру «и» (8)[2230].

Между тем, согласно хронике Длугоша, в 1453 г. один из послов ВКЛ Нац Гинивилович на переговорах с поляками заявил, что Витовт получил Подольскую землю под залог 40 тыс. широких грошей[2231]. Вполне вероятно, что в данном случае он опирался на «Повесть о Подолье» или на какой-то очень близкий к повести текст. Вкупе с данными текстологического анализа это свидетельствует по меньшей мере о том, что цифра 40 тыс. находилась уже в протографе повести и что, определяя первоначальные чтения о финансовых суммах, выплачивавшихся за Подольскую землю, следует принимать во внимание именно чтения списков первой редакции (Слуцкого и Супрасльского), поскольку во второй редакции соответствующий текст был искажен при редактировании. Кроме того, известие Длугоша подтверждает, что под «пенязями» в «Повести о Подолье» изначально имелись в виду не денарии (мелкая серебряная монета, чеканившаяся в том числе и на Подолье[2232]), не подольские полугрошки[2233] и не «деньги вообще», а именно широкие гроши, которые, наряду

[2230] ПСРЛ. Т. 35. С. 66—67, 74—75, 139, 160, 187, 208, 229.

[2231] «Dumque per Onacz Lithuanum replicatio adiecta esset, terram Podolie in quadraginta millibus latorum grossorum per Wladislaum regem duci magno Withawdo inscriptam fore» (*Długosz J.* Annales ... Lib. 12. S. 158).

[2232] *Громыко А.* О подольских денариях Константина Кориатовича. С. 68—71.

[2233] *Погорелец О. Г., Саввов Р. В.* «Подольский полугрошок» и упоминания о нем в литовско-русских летописях // Pieniądz — kapitał — praca — wspólne dziedzictwo Europy. Białoruś — Litwa — Łotwa — Polska — Rosja — Słowacja — Ukraina : materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Białystok — Augustów, 18—21 września 2008. Warszawa : Polskie Towarzystwo Numizmatyczne, Zarząd Główny, 2008. С. 52—59; *Погорілець О. Г., Саввов Р. В.* Виникнення на Поділлі місцевої грошової лічильної одиниці — «подільскої копи» у XIV—XV століттях // Записки Наукового товариства імені Шевченка.

с галицко-русским грошиком, доминировали в денежном обращении Подолья в 80—90-х гг. XIV в.[2234] Логично предполагать, что в ту эпоху широкие пражские гроши служили условной единицей для пересчета других монет, обращавшихся на Подолье. Суммы в 20 и 40 тыс. широких пражских грошей, впрочем, все равно кажутся весьма небольшими, когда речь идет о полной или частичной компенсации за владение столь обширной и богатой территорией, как Подольская земля. Видимо, поэтому редактор второго летописного свода ВКЛ, правя текст, указал, что это 20 тыс. коп грошей (1 млн 200 тыс. грошей), а хронист XVI в. Мартин Кромер вообще написал, что было выплачено 40 тыс. золотых флоринов[2235]. Однако повторю: нобили ВКЛ, которые вели переговоры с поляками по поводу Подольской земли в середине XV в., полагали (может быть, только ошибаясь в суммах), что расчеты за Подольскую землю велись все-таки в широких пражских грошах, и это прямо и косвенно подтверждается некоторыми другими важными источниками, которые будут рассмотрены ниже.

Второй аспект, который необходимо учитывать, — это то, что автор повести ни словом не упоминает о более чем десятилетнем периоде с 1400 по 1411 г., когда Западным Подольем вначале управлял князь Свидригайло, а затем непосредственно король Польши Владислав (Ягайло). Соответственно, повествование получается умышленно или неумышленно запутанным. Сперва рассказывается о том, что король Владислав (Ягайло) направил Витовту письмо с просьбой вернуть 20 тыс. пенязей для уплаты вдове пана Спытка, а сразу после пересказа этого письма идет сообщение о том, что Витовт отправил королю Владиславу 40 тыс. пенязей и опять забрал себе свои подольские города. Вследствие смешения двух этих известий возникла и некоторая путаница в историографии. Между тем речь здесь идет о совсем разных расчетах, производившихся в разных обстоятельствах и в разное время. Как бы ни толковать обе эти суммы, но упоминаемые в повести 20 тыс. пенязей — это выкуп за Подольскую землю, полагавшийся к выплате вдове пана Спытка

Львів, 2010. Т. CCLX. Кн. 1 : Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. С. 398.

[2234] *Погорілец О. Г., Саввов Р. В.* О начале чеканки монеты в южных землях Великого княжества Литовского (вторая половина 14 в.) // Tarptautinė numizmatikos konferencija, skirta Lietuvos nacionalinio muziejaus 150-mečiui. Pranešimų tezės. Vilnius, 2006 m. balandžio 26—28 d. Vilnius : Lietuvos nacionalinio muziejaus biblioteka, 2010. С. 279—280; *Саввов Р. В.*: 1) Скарб монет XIV ст. з-під Смотрича // Львівські нумізматичні записки. 2011—2012. Ч. 8—9. С. 49, 54; 2) Подольский полугрошок и денежное обращение в Подольском княжестве // Банкаўскі веснік. 2016. № 3. С. 15.

[2235] *Kromer M.* De origine … S. 362.

Елизавете в 1403 г., а 40 тыс. пенязей — это залог, уплаченный Витовтом в 1411 г. за пожизненное владение Подольской землей.

Другие источники, впрочем, сообщают о совсем иных суммах. Так, в одной из краковских судебных книг под 9 мая 1403 г. говорится о том, что вдова пана Спытка Елизавета подтвердила получение от подольского старосты Рафала 2 тыс. коп монет, причитающихся ей с Подольской земли[2236]. Название денежной единицы в этой судебной записи не приводится, но, судя по счету копами (по 60 монет в копе), это были пражские гроши. В свою очередь Длугош также под 1403 г. утверждает, что Подольская земля была выкуплена королем Владиславом (Ягайлом) у вдовы пана Спытка Елизаветы за 5 тыс. марок широких пражских грошей[2237].

Таким образом, согласно краковской судебной записи, Елизавета получила 120 тыс. грошей (2000 × 60), а, по хронике Длугоша, общая сумма выкупа составила ровно вдвое больше — 240 тыс. грошей (5000 × 48), считая по 48 грошей в одной марке[2238]. Эти цифры выглядят куда более реалистичными, чем те явно заниженные суммы в 20 и 40 тыс. пенязей (грошей), которые фигурируют в «Повести о Подолье»[2239].

[2236] «Elizabeth relicta Dni Spitconis Palatinissa Cracouiensis duo milia sexagenarum sibi de terra Podolie a Domino Raphaele Capitaneo ibidem presentata, recepisse apud Stiborium de Oglandow recognouit» (Starodawne prawa polskiego pomniki. T. 2 : Starodawne prawa polskiego pomniki z ksiąg rękopiśmiennych dotąd nieużytych głównie zaś z ksiąg dawnych sądowych ziemskich i grodzkich ziemi krakowskiej / wyd. A. Z. Helcel. Kraków : Druk. Katolicka W. Jaworskiego; Czas, 1870. S. 149; *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 167; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 363).

[2237] «...quinque marcarum latorum grossorum Bohemicalium milibus» (*Długosz J.* Annales ... Lib. 10. S. 254). В современном переводе хроники на польский язык слово «marcarum» почему-то упущено из виду и получилось «5 тыс. широких пражских грошей», что явно ошибочно (*Długosz J.* Roczniki ... Ks. 10. S. 333—334).

[2238] *Piekosiński F.* O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV wieku // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności. Kraków, 1878. T. 9. S. 19.

[2239] По документам 1374 г. (см. в Приложении 3) величина налога за пользование землей для горожан Каменца оценивалась в 20 широких грошей с лана. Таким образом, 240 тыс. широких грошей соответствуют сумме годового земельного налога с 12 тыс. ланов (это примерно 2,2 тыс. кв. км, если использовать малый лан по 18 га, и 3 тыс. кв. км, если использовать большой лан по 25 га). Общая же площадь Залещицкого и Борщевского районов Тернопольской области, Дунаевецкого, Каменец-Подольского, Новоушицкого, Чемеровецкого районов Хмельницкой области, на территории которых когда-то в основном располагались волости Западного Подолья, переданные Спытку, составляет около 6,2 тыс. кв. км. Иными словами, величина выкупа за Подольскую землю в 1403 г. могла каким-то образом коррелировать с годовой суммой потенциального земельного

Итак, очевидно, что цифры в повести неточны и что для истолкования соответствующего фрагмента о денежных расчетах между польской и литовской сторонами в текст необходимо ввести конъектуру. Один вариант такой конъектуры предложили О. Г. Погорелец и Р. В. Саввов; по их мнению, речь в протографе повести шла о 20 тыс. *коп* грошей, считавшихся в подольских полугрошках[2240]. Однако эта сумма (1 млн 200 тыс. грошей) совсем не соответствует вполне надежным данным о величине выкупа, выплаченного вдове Спытка в 1403 г.

Со своей стороны рискну высказать следующее предположение. При создании «Повести о Подолье» автор, видимо, использовал сохранившееся на тот момент в великокняжеском архиве письмо короля Владислава (Ягайла), которое относилось к периоду предварительных переговоров с князем Витовтом о возможной уплате этого выкупа за Подольскую землю вдове пана Спытка (1402—1403 гг.).

По данным цитировавшихся выше источников, в конечном счете половина выкупа за Подольскую землю была выплачена вдове пана Спытка Елизавете в 1403 г. из средств, собранных подольским старостой Рафалом. Вторую же половину, надо полагать, выплатил или должен был выплатить Витовт. Следовательно, в гипотетическом письме короля Владислава (Ягайла) речь шла об уплате не 20, а 120 тысяч пражских грошей. При пересказе этого письма автор «Повести о Подолье» допустил ошибку в числительном — так и возникла сумма в 20 тыс. пенязей.

Далее автор «Повести о Подолье» ошибочно связал между собой найденное в архиве ВКЛ письмо короля Владислава за 1402—1403 гг. и вопрос о передаче всего Подолья Витовту в 1411 г., и поскольку он ранее писал о 20 тыс., выплаченных за половину Подольской земли, то, говоря о компенсации Витовта за всю Подольскую землю в целом, он удвоил эту сумму и получил 40 тыс. пенязей.

налога с пригодных для использования сельхозугодий Западного Подолья (при допущении, что их доля вряд ли на тот момент превышала половину или треть общей площади западноподольских волостей). Любопытно также, что в 1434—1444 гг. король Польши Владислав III, активно раздавая в заставу имения на Западном Подолье, за десятилетие получил, по подсчетам В. М. Михайловского, денежные средства в размере около 5 тыс. марок, т. е. все те же 240 тыс. пражских грошей, считая по 48 грошей в марке. См.: *Михайловський В. М.* Надання земельної власності у Подільському воєводстві за панування Владислава III (1434—1444) // Український археографічний щорічник. Нова серія. Київ, 2004. Вип. 8/9. С. 244.

[2240] *Погорелец О. Г., Саввов Р. В.* «Подольский полугрошок» … С. 56—58.

Передача Западного Подолья великому князю литовскому, перечень подольских старост и захват Каменца поляками

Смысловые элементы 175—179

Как уже говорилось, Западное Подолье находилось под прямым управлением короля Польши с середины 1402 г. примерно по февраль 1411 г.[2241] Переговоры о возможной передаче этой территории Витовту в пожизненное владение начались еще в первой половине 1409 г., о чем сообщал один из шпионов Тевтонского ордена[2242]. Но их детали неизвестны, и в этом смысле сообщение «Повести о Подолье» о посольстве, которое Витовт отправил в Польшу для передачи денежного залога за Подолье, остается совершенно уникальным. Один из послов носит имя Немира. Это мог быть либо нобиль Немира из Бакоты, который фигурирует в документах 1388 и 1392 гг. как один из приближенных подольского князя Федора Кориатовича[2243], либо, что вероятнее всего, волынский нобиль Немира Рязанович[2244]. Луцкий же боярин Дмитрий Васильевич по другим источникам неизвестен. В литературе высказывается мнение, что об этом залоге полностью или частично идет речь в одном из документов Ордена за май 1410 г., согласно которому Витовт направил королю Польши 20 тыс. коп грошей для оплаты наемных войск; правда, в самом этом документе, судя по регесту А. Прохаски, о Подолье не говорится[2245].

Согласно повести, получив от польского короля Подолье (т. е. Западное), великий князь литовский Витовт назначил первым своим подольским старостой некоего «дворенина своего Грановского». С. В. Полехов предположил, что речь в данном случае идет об известном польском вельможе Винцентии Грановском, который был женат на племяннице Спытка из Мельштына Елизавете и, как сказано в цитируемой работе, «действительно находился на Подолье: его имя фигурирует в нескольких документах, относящихся к этому региону». Однако российский историк сомневается в том, что Винцентий Грановский мог успеть занять пост подольского старосты, поскольку он умер во второй половине 1410 г., тогда как Витовт получил Западное Подолье лишь в начале 1411 г.[2246]

[2241] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3. Z. 3. S. 118; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 360, 385.

[2242] CEV. S. 179; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 376.

[2243] *Михайловський В. М.* Правління Коріатовичів ... С. 42.

[2244] *Ożóg K.* Riazanowicz Niemira ... S. 269—270.

[2245] CEV. S. 209; *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 272; *Погорелец О. Г., Саввов Р. В.* «Подольский полугрошок» ... С. 56.

[2246] *Полехов С. В.* Летописная «Повесть о Подолье». С. 55.

Вместе с тем в повести Грановский назван дворянином Витовта, т. е. нобилем не очень высокого ранга, тесно связанным с великокняжеским двором. Это не вполне соответствует статусу Винцентия Грановского (около 1370 — 1410), который занимал должности накельского каштеляна и генерального старосты Великопольши, входил в близкое окружение Владислава (Ягайла), а в конце жизни получил под свое управление Торунь[2247]. Хотя он и был в родственных отношениях со Спытком из Мельштына, но никаких владений на Подолье не имел, и, вопреки доводам С. В. Полехова, сохранившиеся подольские документы короля Владислава (Ягайла), в которых Винцентий Грановский выступил в качестве свидетеля, отнюдь не доказывают, что он бывал на Подолье в последние годы жизни: один документ был выдан 25 октября 1409 г. в Калише, другой — 26 марта 1410 г. во Львове[2248].

Кроме того, необходимо учитывать, что кроме Винцентия в Великопольше были и другие Грановские. У самого Винцентия были сыновья Миколай (фигурирует в документах за период с 1395 по 1426 г.), Близбор (с 1400 по 1409 г.), Анджей (с 1401 по 1415 г.) и Вавринец (с 1399 по 1428 г.). Также существовала линия, родоначальником которой был Влодзимеж Грановский, близкий родственник Винцентия. У него были сыновья Ян Грановский из Пудлишек (в документах выступает с 1390 по 1408 г.) и Миколай Грановский (с 1409 по 1420 г.)[2249].

Наиболее интересна для нашей темы, пожалуй, личность Яна Грановского из Пудлишек, сына Влодзимежа Грановского. Дело в том, что 16 октября 1403 г. король Владислав (Ягайло) пожаловал некоему Яну Пудло (Johannis Pudlo) и его потомкам села Ольховец и Михаловцы в Каменецкой волости. При этом Ян Пудло обязывался постоянно проживать в Подольской земле и выставлять в зарубежные военные походы двух копейщиков и четырех лучников, а на оборону земли отправляться со всеми своими людьми[2250]. Мне кажется, что этот нобиль идентичен Яну Грановскому из Пудлишек и что именно о нем, а не о Винцентии, идет речь в «Повести о Подолье», когда говорится о дворянине князя Витовта Грановском. Другой вопрос, что не сохранилось никаких данных о том, что Ян Грановский действительно какое-то время (например, с февраля по октябрь 1411 г.) был подольским старостой, однако, учитывая, что он имел владения близ Каменца, это не выглядит чем-то невероятным.

[2247] Биографию см.: *Kaczmarczyk Z.* Granowski Wincenty (ok. 1370—1410) // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1959—1960. T. 8. S. 551—552.

[2248] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 377—378.

[2249] См.: Słownik historyczno-geograficzny województwa Poznańskiego w średniowieczu. Cz. I. Z. 4. Wrocław : Instytut historii PAN, 1987. S. 661—662, 664.

[2250] *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 366.

Последующие подольские старосты названы в повести в целом верно, но в одном случае перепутана последовательность их назначения: Петр Монтигердович был подольским старостой не до, а после Юрия Гедигольда.

Юрий (Георгий) Гедигольд Койликинович в 1401 г. был господарским (дворным) маршалком Витовта и в какой-то период до февраля 1411 г. занимал должность киевского воеводы. Уже к 8 ноября 1411 г. он был назначен подольским старостой и последний раз упоминается в этой должности 14 марта 1423 г. Затем, предположительно в 1424—1425 гг., он был смоленским наместником, а с 1425 по 1432 г. — виленским воеводой; умер после 9 июня 1435 г. (по другим данным, около 1435 г.)[2251]. Свидетельств, подтверждающих, что он был смоленским наместником, не сохранилось. Приводимая Ю. Вольфом ссылка на документ 1436 г. о некоем «Георгии, бывшем наместнике Смоленска», который изменил князю Свидригайлу, по данным С. В. Полехова, относится не к Гедигольду, а к Георгию Бутриму[2252].

Петр (Петраш) Монтигердович впервые упоминается в 1411 г. среди бояр ВКЛ, принявших польские гербы в Городле. В 1422—1423 гг. он был дворным маршалком Витовта, в 1430—1432 и 1445—1456 гг. — новогородским наместником. В 1434—1459 гг. также занимал должность земского маршалка, а в 1435 г. был копыльским наместником; умер в 1459 г.[2253] Обстоятельства и дата назначения Петра Монтигердовича подольским наместником точно неизвестны. Кроме «Повести о Подолье» единственный источник, в котором он выступает в таковом качестве, это датированный 1418 г. документ из Дорогичинской земской книги (известный в выписках ксендза З. Козицкого), ссылку на который дал В. Семкович[2254]. Но поскольку в тот период подольским старостой был

[2251] *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... // Miesięcznik heraldyczny. 1913. No 11—12. S. 184—185; *Wdowiszewski Z.* Giedygołd Jerzy (zm. 1435) // Polski słownik biograficzny. Kraków ; Wrocław, 1948—1958. T. 7. S. 435; *Peltz W.* Ród Giedygołda i jego majętności // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Historia. 1971. Z. 11. S. 24—27; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė ... P. 231—232; Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3. Z. 3. S. 119, 200; Urzędnicy Wielkiego księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4. S. 49, 354; *Полехов С. В.* Наследники Витовта ... С. 597—598.

[2252] *Kotzebue A.* Switrigal. Ein Beitrag zu den Geschichten von Litthauen, Russland, Polen, Preussen. Leipzig: P. G. Rummer, 1820. S. 134; *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. Wilno : Druk. A. H. Kirkora, 1862. T. 2. S. 167—168; *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze ... S. 49; *Полехов С. В.* Наследники Витовта ... С. 596—597.

[2253] *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... // RTH. 1921. T. 5. S. 55—56; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė ... P. 260—261.

[2254] *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... // RTH. 1921. T. 5. S. 56.

Юрий Гедигольд, современные исследователи считают датировку документа 1418 г. сомнительной и предполагают, что Петр Монтигердович занимал должность подольского старосты в 1424—1426 гг.[2255] Дело, однако, не представляется вполне очевидным, ведь документ из Дорогичинской земской книги до сих пор надлежащим образом не исследован и не опубликован, и не имеется никаких оснований сомневаться в датировке, предложенной З. Козицким и В. Семковичем. Нет ничего невозможного в том, чтобы Петр Монтигердович временно заменил Юрия Гедигольда в должности подольского старосты в 1418 г., а затем Юрий Гедигольд вернулся на этот пост. Именно это, кстати, и могло повлиять на то, в какой последовательности подольские старосты названы в «Повести о Подолье»: автор или его информатор упустили из виду, что Юрий Гедигольд был подольским старостой с 1411 по 1418 г., и сочли, что он впервые появился на Подолье только после Петра Монтигердовича. Кроме того, сохранилось судебное решение по тяжбе между Лавришевским монастырем и людьми великого князя литовского, выданное по приказанию Витовта Петром Монтигердовичем, когда он был наместником в Новогородке. Документ известен в копии 1711 г. и датирован 2-м индиктом, 15 июня 6906 г.[2256] Год в копии явно указан неточно, но, судя по индикту, документ мог быть выдан 15 июня 1424 г. Возможность такого датирования также вынуждает сомневаться в том, что Петр Монтигердович был подольским старостой именно в 1424—1426 гг., коль скоро уже в 1424 г. он мог наместничать в Новогородке.

Ян Довгирд впервые упоминается в документе 1401 г. среди бояр ВКЛ, поручившихся за выполнение условий унии с Польским королевством. В 1424 г. он был дворным маршалком Витовта и уже к 17 сентября 1427 г. занимал должность подольского старосты, на которой находился до самой смерти Витовта. Впоследствии с 1433 г. был виленским воеводой; умер, видимо, в 1443 г.[2257]

Сообщение «Повести о Подолье» о том, что после смерти Витовта (т. е. вскоре после 27 октября 1430 г.) подольский староста Довгирд был приглашен поляками на совет и там арестован, находит подтверждение в хронике Длугоша, где рассказ дополнен некоторыми деталями. По Длу-

---

[2255] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3. Z. 3. S. 119—120; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė ... P. 261, 319.

[2256] Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 11 : Акты Главного Литовского Трибунала. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1880. С. 3—4.

[2257] *Semkowicz W.* O litewskich rodach ... // RTH. 1928. T. 8. S. 135—136; Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3. Z. 3. S. 120; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė ... P. 224—225, 319; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 438.

гошу, узнав о смерти Витовта, каменецкий епископ Павел Поляк и подольские нобили польского происхождения Грицко Кирдеевич, братья Теодорих, Михал и Мужило Бучацкие и Ян Крушина из Галова собрались в Каменце и пригласили к себе на совет замкового старосту Довгирда. Довгирд еще не знал о кончине великого князя литовского. Когда он вышел из замка, заговорщики напали на него и посадили в заточение. В результате, захватив Каменец и некоторые другие подольские замки, находившиеся в руках литвинов, они передали их Польскому королевству[2258]. По всей видимости, и «Повесть о Подолье», и хроника Длугоша отразили предание, которое было широко распространено в Великом княжестве Литовском и в Польше.

Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности

Реконструируемый по спискам первой редакции архетип «Повести о Подолье» можно разделить на следующие смысловые элементы и подэлементы.

153-I. Войско ВКЛ во главе с государем Ольгердом нанесло татарам поражение в битве близ Синей Воды. — B.

153-II. Татарские силы возглавляли правители Хаджибей, Кутлубуга и Дмитрий. — A.

153-III. Историчность татарских правителей Хаджибея, Кутлубуги и Дмитрия, имевших владения в северном Причерноморье во второй половине XIV в. — B.

153-IV. Хаджибей, Кутлубуга и Дмитрий были братьями. — A.

154-I. Хаджибей, Кутлубуга и Дмитрий были наследственными владетелями («отчичами и дедичами») Подольской земли. — A.

154-II. От имени татарских правителей Подольской землей управляли атаманы. — A.

154-III. Татарские правители регулярно присылали в Подольскую землю своих баскаков, которые забирали у атаманов положенную дань. — A.

155-I. Князья Кориатовичи пришли на Подолье после битвы близ Синей Воды. — D2.

155-II. Князь Кориат Гедиминович держал Новогородок. — B.

[2258] *Długosz J.*: 1) Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 11 : 1413—1430. Varsaviae : Wydawnictwo naukowe PWN, 2000. S. 417; 2) Roczniki ... Ks. 11. S. 324.

155-III. У князя Кориата было только четверо сыновей: Юрий, Александр, Константин и Федор. — D2.

155-IV. Историчность князей Юрия, Александра, Константина и Федора Кориатовичей. — B.

156-I. Три князя Кориатовича (Юрий, Александр и Константин) пришли в Подольскую землю. — B.

156-II. Они обосновались в Подольской земле с разрешения великого князя литовского Ольгерда и с помощью ВКЛ. — A.

157. К моменту прихода князей Кориатовичей в Подольской земле не было ни одного деревянного или каменного замка («города»). — A.

158-I. Придя в Подольскую землю, князья Кориатовичи установили дружеские отношения с атаманами и стали защищать их от татар. — A.

158-II. Князья Кориатовичи перестали давать дань татарским баскакам. — D2.

159-I. Князья Кориатовичи основали поселение Смотрич на одноименной реке. — A.

159-II. Князья Кориатовичи построили замок («город») в Смотриче. — A.

160-I. Князья Кориатовичи основали поселение Бакоту. — D2.

160-II. Князья Кориатовичи построили замок («город») в Бакоте. — A.

160-III. Рядом с Бакотой находился православный монастырь. — B.

160-IV. Бакотский православный монастырь был женским. — D3.

161-I. Князья Кориатовичи основали поселение Каменец. — D2.

161-II. Князья Кориатовичи построили каменный замок («город») в Каменце. — A.

161-III. На момент прихода Кориатовичей на месте Каменца был безлюдный лес. — D2.

161-IV. Место для постройки Каменца «на острове» князья Кориатовичи обнаружили, когда охотились на оленей. — D2.

161-V. После постройки Каменца Кориатовичи построили все остальные подольские замки («города») и заселили Подольскую землю. — A.

162-I. После этого польский король Казимир узнал, что три брата Кориатовича правят на Подолье и отличаются мужеством. — D2.

162-II. Король Казимир, посоветовавшись со своими приближенными, решил выдать за князя Константина Кориатовича свою дочь. — D2.

162-III. У польского короля Казимира не было сыновей. — B.

162-IV. У Казимира была лишь единственная дочь. — D2.

162-V. Король Казимир прислал князю Константину Кориатовичу охранные листы, прося его приехать в Польшу. — A.

162-VI. Князь Константин Кориатович приехал к королю Казимиру. — A.

162-VII. Целью этой поездки были переговоры о брачном союзе. — D2.

162-VIII. Князь Константин Кориатович был по вероисповеданию православным. — A.

162-IX. Князь Константин Кориатович отказался взять в жены польскую королевну, дочь короля Казимира. — A.

162-X. Отказ Константина Кориатовича от женитьбы на польской королевне объяснялся нежеланием переходить из православия в католичество. — A.

162-XI. Уехав обратно в Подольскую землю, князь Константин Кориатович там умер. — C.

162-XII. Князь Константин Кориатович умер раньше, чем его братья Юрий и Александр. — D2.

163-I. Князь Юрий Кориатович был господарем Молдавской земли. — B.

163-II. Стать господарем Юрия Кориатовича пригласила молдавская знать. — A.

163-III. Вскоре после занятия молдавского стольца Юрий Кориатович погиб. — C.

163-IV. Юрия Кориатовича отравили в Молдавии. — A.

164-I. Князя Александра Кориатовича убили татары. — A.

164-II. Князь Александр Кориатович перед смертью воевал с татарами. — C.

165-I. Князь Федор Кориатович пришел в Подольскую землю только после смерти своих братьев Юрия, Александра и Константина Кориатовичей. — D2.

165-II. Перед приходом в Подольскую землю князь Федор Кориатович держал Новогородок. — A.

165-III. Князь Федор Кориатович держал всю Новогородскую землю. — D2.

166-I. Подольская земля отказалась подчиняться великому князю Витовту после его прихода к власти в ВКЛ. — C.

166-IIa. До прихода Витовта к власти Подольская земля не подчинялась великому князю литовскому и Литовской земле (чтение Слуцкого списка). — B.

166-IIb. До прихода Витовта к власти Подольская земля подчинялась великому князю литовскому и Литовской земле (чтение Супрасльского списка). — D2.

166-III. Вся предшествующая история Подольской земли никак не была связана ни с Польшей, ни с Венгрией. — D2.

167-I. Витовт отправился в поход для занятия Подольской земли. — C.

167-II. В походе на Подолье участвовали все силы ВКЛ. — A.

167-III. Услышав о походе войск ВКЛ, князь Федор Кориатович бежал в Венгрию. — A.

167-IV. Пребывание князя Федора Кориатовича в Венгрии после изгнания из Подолья. — B.

167-V. В подольских замках князь Федор Кориатович разместил молдавские гарнизоны. — A.

167-VI. Король Венгрии оказал князю Федору Кориатовичу военную помощь. — A.

168-I. Витовт занял подольские замки Брацлав, Соколец, Каменец, Смотрич, Скалу, Червоногород и др. — A.

168-II. Последовательность занятия подольских замков. — A.

168-III. К Каменцу войска Витовта подошли ночью. — A.

169-I. Обороной подольских замков руководил воевода князя Федора Кориатовича по имени Нестак или Нестис. — A.

169-II. Этот воевода захвачен в плен Витовтом. — A.

169-III. Существование в конце XIV — начале XV в. нобиля по имени Нестяк в прилегающей к Подолью области. — B.

170-I. Во всех подольских городах Витовт разместил своих старост. — A.

170-II. Во взятии Подольской земли участвовали только войска ВКЛ. — A.

171-I. Король Владислав (Ягайло) попросил великого князя Витовта отдать захваченное Подолье Польскому королевству. — C; E.

171-II. Витовт отдал Польскому королевству только половину Подольской земли: Каменец, Смотрич, Скалу, Червоногород и Бакоту. — D2.

171-III. Указанную половину Подольской земли Витовт отдал, получив взамен 20 тыс. (грошей?). — A.

171-IV. В других подольских городах — Брацлаве, Сокольце и Винице — Витовт посадил своих старост. — A.

171-V. После взятия Подольской земли Брацлав, Соколец и Винница какое-то время оставались под управлением Витовта. — C; F.

172-I. Король Владислав (Ягайло) отдал полученные от Витовта подольские города (Каменец, Смотрич, Скалу, Червоногород и Бакоту) пану Спытку. — B.

172-II. Эти города отданы пану Спытку после уплаты им польскому королю некоторой денежной суммы. — C.

172-III. Уплаченная паном Спытком сумма составляла 20 тыс. (грошей?). — D2.

172-IV. Историчность Спытка из Мельштына. — B.

173-I. Пан Спытко помогал великому князю Витовту воевать с татарами. — B.

173-II. Пан Спытко погиб в битве с татарами. — B.

173-III. На момент гибели Спытка у него оставались маленькие дети. — B.

174-I. Король Владислав (Ягайло) начал просить великого князя литовского Витовта вернуть деньги для уплаты вдове пана Спытка и взять вновь себе отданные подольские города. — A; E.

174-II. Сумма, о которой просил король, составляла 20 тыс. (грошей?). — D2.

175-I. Великий князь Витовт направил королю Владиславу (Ягайлу) деньги в качестве компенсации за Подолье. — B.

175-II. Сумма составляла 40 тыс. (грошей?). — B1.

175-III. Присылка этих денег была связана с просьбой о возвращении денег вдове пана Спытка. — D2.

175-IV. Посольство Витовта возглавляли Немира и луцкий боярин Дмитрий Васильевич. — A.

175-V. Историчность подольского или волынского нобиля Немиры. — C.

175-VI. Историчность луцкого боярина Дмитрия Васильевича. — A.

175-VII. Витовт получил подольские города, которыми раньше владел Спытко. — B.

175-VIII. Это произошло вскоре после гибели Спытка. — D2; F.

175-IX. Первым подольским старостой Витовт назначил своего дворянина Грановского. — A.

175-X. Историчность дворянина Грановского, жившего на Подолье. — C.

176-I. Следующим после Грановского подольским старостой стал Петр Монтигердович. — D2.

176-II. Петр Монтигердович какое-то время при жизни Витовта был подольским старостой. — B.

177-I. После Петра Монтигердовича подольским старостой стал Гедигольд. — D3.

177-II. Гедигольд при жизни Витовта какое-то время занимал должность подольского старосты. — B.

178-I. Сразу после должности подольского старосты Гедигольд занял должность смоленского наместника. — A.

178-II. Гедигольд какое-то время при жизни Витовта был смоленским наместником. — A.

178-III Сразу после Гедигольда подольским старостой стал Довгирд. — A.

178-IV. Довгирд занял должность подольского старосты в период после Гедигольда. — B.

179-I. Довгирд был подольским старостой до самой смерти Витовта. — B.

179-II. После смерти Витовта, когда Довгирд находился в Каменце, поляки пригласили его к себе на совет. — B.

179-III. Приехавшего на совет Довгирда поляки схватили и ограбили. — В.

179-IV. После этого поляки заняли Каменец и все области, которые впоследствии держали в Подольской земле. — В.

В «Повести о Подолье» проанализирован и оценен 101 смысловой элемент и подэлемент. Из них не находят ни прямого, ни косвенного подтверждения в других источниках, но не могут быть опровергнуты 42 (41,58 %). 25 элементов и подэлементов прямо подтверждаются данными формально независимых источников (24,76 %), но 1 подэлемент из этого числа имеет оценку B1, поскольку есть основания предполагать, что в соответствующий фрагмент хроники Длугоша, будто бы подтверждающий сведения «Повести о Подолье», данные попали через нобилей ВКЛ, использовавших эту же повесть в качестве источника. 10 элементов и подэлементов подтверждаются косвенно (9,9 %). 23 элемента и подэлемента (22,77 %) противоречат формально независимым источникам, причем во всех случаях приоритет не в пользу «Повести о Подолье» либо ситуация с приоритетом неясна. И наконец, в одном случае (0,99 %) достоверность смыслового подэлемента может быть определена двояко — в зависимости от того, какое чтение (Слуцкого или Супрасльского списка) выбрать в качестве основного; речь идет о смысловом подэлементе 166-II.

Смысловые элементы и подэлементы, получившие оценку D2, т. е. относимые к категории недостоверных, в целом можно разделить на следующие группы. К первой группе относятся смысловые элементы и подэлементы, касающиеся рода князей Кориатовичей и обстоятельств их прихода в Подольскую землю. Автор знает только о четырех сыновьях Кориата — Юрии, Александре, Константине и Федоре, путается в хронологии их жизни — например, считает, что Кориатовичи пришли на Подолье только после битвы близ Синей Воды, что князь Константин Кориатович умер раньше своих братьев, что князь Федор Кориатович пришел на Подолье уже после смерти старших братьев, и т. д. Заведомо недостоверны сообщения повести об основании Кориатовичами Каменца и Бакоты, о том, что Кориатовичи перестали платить дань татарам. Не соответствует действительности весь эпизод с приглашением князя Константина Кориатовича жениться на единственной дочери польского короля Казимира — автор в этом случае, видимо, имел в виду поездку князя Константина в Краков в 1385 г. и возможные переговоры о его женитьбе на королеве Ядвиге, но, конечно, к королю Казимиру, умершему в 1370 г., эти события не имели никакого отношения. Наконец, ложной и тенденциозной является одна из главных идей «Повести о Подолье» — о том, что в правление Кориатовичей Подольская земля находилась в орбите

политического влияния только Великого княжества Литовского (без упоминания о роли Польского и Венгерского королевств). Кроме авторской тенденциозности обилие недостоверных данных свидетельствует еще и о том, что часть повести, посвященная событиям с 1363 по 1392 г., создавалась с преобладанием устной традиции нередко легендарного характера.

Вторую группу смысловых элементов и подэлементов, получивших оценку D2, составляют некоторые известия «Повести о Подолье», касающиеся раздела Подольской земли в 1395 г., уплаты выкупа вдове Спытка из Мельштына Елизавете в 1403 г. и передачи Подолья Великому княжеству Литовскому в 1411 г. Хотя автор повести предположительно основывался в данном случае на переписке между королем Владиславом (Ягайлом) и великим князем литовским Витовтом, он допустил ряд ложных и тенденциозных трактовок, стремясь обосновать права ВКЛ на Подольскую землю. В частности, он умолчал о том, что практически вся Подольская земля (за исключением, может быть, Брацлава и Сокольца) с 1395 г. де-юре принадлежала Польскому королевству. В повести также не упоминается о том, что в период с 1400 по 1411 г. Западным Подольем управляли князь Свидригайло, а после него непосредственно король Польши Владислав (Ягайло), поэтому складывается ошибочное впечатление, что Витовт получил Западное Подолье сразу после уплаты выкупа вдове пана Спытка Елизавете. Кроме того, автор, по всей видимости, ошибся при указании суммы денежной компенсации, выплачивавшейся за Подольскую землю в 1395 и 1403 гг.

Третья группа недостоверных смысловых элементов и подэлементов представлена только одним сообщением — о том, что следующим после Грановского подольским старостой стал Петр Монтигердович, а не Юрий Гедигольд, как было в действительности.

В двух случаях приоритет источников остается неясным. В частности, судя по источникам XII—XIII вв., Бакотский скальный монастырь был мужским, тогда как, согласно старейшей редакции повести, в середине XIV в. он уже был женским — в нем жили «черницы». Если в истории монастыря был перерыв, то это сообщение «Повести о Подолье» может оказаться и достоверным. Кроме того, автор повести сообщает, что Юрий Гедигольд стал подольским старостой уже после Петра Монтигердовича. Возможно, это известие отражает реальную ситуацию: Юрий Гедигольд стал подольским старостой в 1411 г., но затем мог быть по какой-то причине снят с этой должности, поскольку под 1418 г. старостой называется Петр Монтигердович; далее же Юрий Гедигольд вновь был назначен подольским старостой и находился на этом посту до 1423 г. Полной ясности в этом вопросе не имеется.

По количеству смысловых элементов и подэлементов, получивших оценки D2 и D3 (22,77 %), т. е. противоречащих другим источникам,

«Повесть о Подолье» значительно опережает остальные исследуемые нарративные произведения, в которых соответствующий показатель варьируется в диапазоне 7—10 %. Что же касается количества известий, получивших оценку А (т. е. не подтверждаемых, но и не опровергаемых другими источниками), то по этому показателю «Повесть о Подолье» (41,58 %) занимает среднее положение. Самый низкий подобный показатель зафиксирован по второй части «Летописца великих князей литовских» (около 32 %), а самый высокий — по «Witoldes sache» и первой части «Летописца великих князей литовских» (46—47 %).

Заключение

В настоящей работе рассмотрены вопросы происхождения, авторства, источников и достоверности ряда связанных между собой нарративных произведений конца XIV — первой половины XV в., посвященных истории Великого княжества Литовского.

Старейшим из них является текст под названием «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln» (сокращенно «Witoldes sache»), возникший в 1390 г. и представляющий собой запись выступления Витовта перед высшими сановниками Тевтонского ордена. Некоторые языковые особенности позволяют предполагать, что эта запись была переведена на средневерхненемецкий язык с западнорусского языка.

Впоследствии с привлечением архетипа, отразившегося в первой части «Witoldes sache» (за период до 1382 г.), был создан протограф первой части «Летописца великих князей литовских» на западнорусском языке, охватывавший события от смерти великого князя литовского Гедимина (1341) до первого отъезда князя Витовта Кейстутовича в Пруссию (1382). Последнее редактирование этого текста было осуществлено не ранее января 1407 г. В XV в. этот текст был переведен с западнорусского языка на латынь, и получившийся перевод приблизительно в 1466—1470 гг. использовал польский хронист Ян Длугош при создании 10-й книги истории Польши. Кроме того, в 1502 г. он был записан в одну из книг Коронной Метрики под заголовком «Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae».

В 40-х гг. XV в. к протографу первой части «Летописца великих князей литовских» на западнорусском языке был добавлен новый материал, охватывавший события с 1383 г. до встречи великого князя литовского Витовта с московским великим князем Василием Дмитриевичем в Смоленске (1396). Новый текст из двух частей получил название «Летописец великих князей литовских». Его первая редакция представлена Академическим, Виленским, Супрасльским и Слуцким списками, а также фрагментом РГАДА.

Вторая редакция «Летописца великих князей литовских» возникла предположительно в 20-х гг. XVI в. — так же, как и второй летописный свод ВКЛ, в котором она помещена. Наиболее ранний вариант второй редакции, по моему мнению, отражен в списке Красинского. В сравнении

со списком Красинского остальные списки второй редакции «Летописца» (списки Рачинского, Археологического общества, Румянцевский, Ольшевский, Евреиновский) содержат следы дополнительного редактирования. Например, в них в самом начале «Летописца» вставлена из другого источника легенда о встрече Кейстута и Бируты, заложении Новых Троков и основании костела Благовещения Пресвятой Девы Марии.

Третья редакция «Летописца великих князей литовских» в составе хроники Быховца и Вавельского фрагмента возникла предположительно во второй половине XV в. или в первой четверти XVI в. Она органично объединена с «Повестью о Подолье» и содержит в себе несколько интерполяций, созданных в большинстве своем на основе неизвестных нам источников. Это легенда о встрече Кейстута и Бируты, а также ряд приписок и поправок генеалогического характера, интерполяции, связанные с личностью Петра Гаштольда, легенда о походе Ягайла на Мазовию в 1383 г., сказание о коронации Ягайла в Кракове и крещении Литвы, а также фрагмент из неизвестной летописи или хроники (возможно, слуцкой) о битве между войсками Витовта, Тевтонского ордена и Скиргайла на Шешкинях (предместье Вильно) предположительно в 1390 г. Кроме того, текст «Летописца» в составе хроники Быховца по меньшей мере в двух местах тенденциозно изменен первым публикатором Т. Нарбутом.

Четвертая редакция «Летописца великих князей литовских» помещена в сборнике, переписанном в московской книжной мастерской Михаила Медоварцева. Она возникла в Москве приблизительно в период с июня 1526 по 1527 г. Это компиляция из таких материалов, как «Сказание о Вышелеге (Войшелке)», «Повесть о Довмонте», «Начало государей литовских», первый летописный свод ВКЛ (включая текст «Летописца великих князей литовских»), «Родословие литовских князей», некоторые летописные статьи московского происхождения. Помимо некоторых мелких деталей, представляющих фактологический интерес, Медоварцевская редакция примечательна тем, что в нее включен особый вариант московской летописной статьи 6898 г. о московском посольстве к Витовту, приезде княжны Софьи в Москву и ее венчании и браке с великим князем московским Василием Дмитриевичем.

Пятая редакция «Летописца великих князей литовских» имеет новгородское происхождение. Она отразилась в списках Дубровского и Погодинском.

Протограф «Повести о Подолье», вошедшей в состав первого летописного свода ВКЛ, возник не ранее 1446 г. как вспомогательный материал для переговоров делегации ВКЛ с представителями Польского королества по поводу возвращения захваченной поляками Подольской земли. Старейшая редакция повести отразилась в Супрасльском и Слуцком списках, которые взаимно дополняют друг друга.

Для создания «Witoldes sache», первой и второй частей «Летописца великих князей литовских» и «Повести о Подолье» использовался широкий круг источников, но характер их использования в этих произведениях различается. В «Witoldes sache» и первой части «Летописца великих князей литовских» документальные и нарративные источники глубоко переработаны и прямо не цитируются — например, содержание некоторых документов дается в сжатом пересказе. Во второй части «Летописца» и в «Повести о Подолье» мы встречаем фрагменты, похожие на прямые, пусть и сокращенные заимствования из других текстов. Особенно это характерно для второй части «Летописца», при создании которой в качестве источника сведений и стилистического образца активно привлекались русские летописи.

Происхождение «Witoldes sache» и протографа первой части «Летописца великих князей литовских» необходимо связывать с личностью Витовта, использовавшего эти тексты как орудие своей политики. Меньше ясности относительно создания второй части «Летописца великих князей литовских». Можно предполагать, что ее автор родился приблизительно в 90-х гг. XIV в. Он имел доступ к материалам канцелярии ВКЛ, хорошо ориентировался в русской книжной культуре, цитировал Священное Писание (Новый Завет и Псалтирь), имел в своем распоряжении целый ряд русских летописей. Знакомство автора со смоленской устной традицией (например, с преданием о спасении и исцелении князя Юрия Святославича) позволяет считать, что он был каким-то образом связан со Смоленском, а его рассказ о князе Скиргайле свидетельствует, что он имел отношение и к Киевской земле. Есть достаточно веские основания предполагать, что автор второй части «Летописца», помимо прочего, участвовал в составлении и редактировании выборки общерусских известий первого летописного свода ВКЛ («Избрание лѣтописания изложено вькратце») и что он принадлежал к числу ближайших сотрудников митрополита Герасима († 1435). В наибольшей степени этому сложному комплексу характеристик соответствует личность писаря Якуба, который в 40—60-х гг. XV в. занимался в канцелярии ВКЛ документацией на западнорусском языке и играл заметную роль в религиозно-политической жизни Великого княжества Литовского. Возможно, он идентичен писарю Якову Григорьевичу, который сопровождал митрополита Герасима в поездке в Константинополь в 1432—1433 гг.

Применительно к генезису первого летописного свода ВКЛ история создания двухчастного варианта «Летописца великих князей литовских» выглядит следующим образом. Вначале в Смоленске возникла та часть свода, которая содержит выборку общерусских летописных известий, доведенную до 6935 (1427/1428) г. — «Избрание летописания изложено вькратце», статью 6939 г. о луцком съезде, хронику войны 30-х гг. XV в.,

летописную редакцию «Похвалы Витовта» и смоленские летописные заметки с 6940 по 6954 г. После 1446 г., когда Якуб стал писарем великокняжеской канцелярии и получил доступ к материалам государственного архива ВКЛ, он подготовил заключительную часть свода, которую назвал «Летописцем великих князей литовских». Для ее создания он использовал найденный в архиве меморандум о войне между Кейстутом и Ягайлом (т. е. протограф первой части «Летописца»), а фрагмент о событиях с 1383 по 1396 г. написал самостоятельно на основе архивных источников, русских летописей и преданий. Далее, в качестве дополнительного материала по подольским делам он поместил «Повесть о Подолье», которую также взял в государственном архиве ВКЛ или ранее (в 1446 г.) написал сам по заказу правящей верхушки ВКЛ с привлечением того же круга источников, что и для второй части «Летописца». Заслуживает внимания тот факт, что Длугош при создании 10-й книги своей хроники (1466—1470 гг.) еще не знал двухчастного варианта «Летописца», а пользовался только латинским переводом протографа его первой части. Таким образом, широкое распространение в списках первого летописного свода ВКЛ и второй части «Летописца» в его составе началось не ранее 1466—1470 гг. Это соответствует последнему десятилетию жизни писаря Якуба.

Большое внимание в настоящей работе уделено вопросам достоверности рассматриваемых нарративных произведений. Дело не ограничивается обычным комментарием к тем или иным содержащимся в них сведениям. Чтобы оценить достоверность представленных известий, мною разработана специальная методика, которая для анализа хроник ВКЛ используется впервые. Методика предусматривает структурный анализ содержания хроник. Результаты проведенного исследования можно обобщить в виде таблицы (см. на следующей странице).

Обращает на себя внимание, что показатель по оценке А по всем четырем хроникальным произведениям варьируется примерно в одинаковом диапазоне — от 33 % до 47 %. Данная проблематика требует дополнительного изучения с привлечением других хроник и охватом других регионов (не только ВКЛ), но мне кажется, что этот показатель напрямую зависит от количества и полноты сохранившихся исторических документов по истории рассматриваемого периода. Как мы знаем, по истории ВКЛ второй половины XIV — начала XV в. корпус источников относительно невелик. Среднее положение по показателю А занимает «Повесть о Подолье» (40,6 %). Самый низкий подобный показатель зафиксирован по второй части «Летописца великих князей литовских» (чуть более 31 %), а самый высокий — по «Witoldes sache» и первой части «Летописца великих князей литовских» (46—47 %). Думается, чем выше показатель А и чем ближе стоит текст в хронологическом отношении к описываемым событиям, тем выше и потенциальная ценность древнего нарративного произведения как исторического источника, хотя при оконча-

тельной оценке такой ценности, конечно, следует учитывать соотношение всех четырех проанализированных выше показателей (A, B, C и особенно D), а также обстоятельства возникновения текста.

Оценка	**Первая часть «Летописца великих князей литовских» (*n* = 157)**	**«Witoldes sache» (*n* = 92)**	**Вторая часть «Летописца великих князей литовских» (*n* = 175)**	**«Повесть о Подолье» (*n* = 101)**
A — известие не находит ни прямого, ни косвенного подтверждения в независимых источниках, но не может быть опровергнуто	72 (45,86 %)	43 (46,74 %)	55 (31,43 %)	42 (41,58 %)
B — известие прямо подтверждается формально независимыми источниками	50 (31,85 %)	35 (38,04 %)	81 (46,29 %)	25 (24,76 %)
B1 — между формально независимым источником и рассматриваемой хроникой может существовать зависимость	—	—	10 (5,71 %)	1 (0,99 %)
C — известие косвенно подтверждается формально независимыми источниками	19 (12,10 %)	7 (7,61 %)	20 (11,43 %)	10 (9,9 %)
D — известие полностью или частично противоречит сообщениям независимых источников	16 (10,19 %)	7 (7,61 %)	17 (9,71 %)	23 (22,77 %)

Оценка	Первая часть «Летописца великих князей литовских» (*n* = 157)	«Witoldes sache» (*n* = 92)	Вторая часть «Летописца великих князей литовских» (*n* = 175)	«Повесть о Подолье» (*n* = 101)
D1 — приоритет в плане достоверности отдается анализируемым хроникам	3 (1,91 %)	—	2 (1,14 %)	—
D2 — приоритет отдается формально независимым источникам	3 (1,91 %)	—	7 (4 %)	21 (20,79 %)
D3 — приоритет неясен	10 (6,37 %)	7 (7,61 %)	8 (4,57 %)	2 (1,98 %)
Оценка неясна	—	—	2 (1,14 %)	1 (0,99 %)
E — информация представлена таким образом, будто исходит от непосредственного участника или свидетеля событий	36	24	3	2

Вместе с тем можно заметить, насколько близки между собой показатели по четырем основным оценкам (A, B, C и D) у «Witoldes sache» и первой части «Летописца великих князей литовских». Это кажется неслучайным и лишний раз свидетельствует о том, что создание обоих этих произведений необходимо связывать с личностью одного и того же человека — князя Витовта.

От показателей «Witoldes sache» и первой части «Летописца великих князей литовских» значительно отличаются показатели второй части «Летописца» и «Повести о Подолье». Это объясняется не в последнюю очередь тем, что два последних хроникальных произведения создавались спустя несколько десятилетий после описываемых событий и их авторы не принимали в этих событиях участия, а основывались на различных письменных источниках и устной традиции. Количество известий, получивших оценку E, во второй части «Летописца» и в «Повести о Подолье» ничтожно. Показатель A второй части «Летописца великих князей литовских» наиболее низкий среди всех изучаемых хроник, поскольку, описывая период с 1383 по 1396 г., ее автор активно использовал целый ряд

предшествующих нарративных источников, в которых уже был проведен предварительный отбор важнейших событий той эпохи. Интересно, что по показателю D вторая часть «Летописца великих князей литовских», автор которой вряд ли стремился тенденциозно подправить картину событий, мало чем отличается от «Witoldes sache» и первой части «Летописца», которые несут на себе явный отпечаток симпатий и антипатий Витовта. Из-за ограниченности имеющегося материала трудно сказать, есть ли в этом какая-либо закономерность, хотя, наверное, при создании подобных хроник человеческий фактор всегда играет определенную роль и их авторам нелегко избежать ошибок или неточностей. Впрочем, абсолютным рекордсменом по количеству смысловых элементов, получивших оценку D2 и D3 (пятая часть всей хроники), является «Повесть о Подолье», что доказывает ее тенденциозность, утилитарный политический характер и необъективность как исторического произведения.

Приложение 2
Договоры с Орденом, упоминаемые в «Летописце великих князей литовских» и «Witoldes sache»

I

1380.[II.27], feria proxima, qua cantatur Oculi post Dominicam. Рига. Магистр Ливонии (Вильгельм фон Фримерсхайм) при посредничестве своего посла Германа (Дасберга) заключает перемирие с великим королем Литвы Ягайлом и с Полоцкой землей до праздника Пятидесятницы (т. е. до 13 мая 1380 г.); перемирие не распространяется на князя Кейстута, его земли и Жемайтию.

Оригинал 1: экземпляр, выданный магистром Ливонии, упоминается в первой части «Летописца великих князей литовских» и в «Witoldes sache». Первоначально хранился в Виленском замке, где во время переворота 1381 г. был найден князем Кейстутом. Затем, видимо, со всем архивом и казной Ягайла в 1386 г. он был перевезен в Коронный архив в Кракове. В инвентаре 1682 г. описывается следующим образом: «Induciae inter Jagiellonem regem Litvaniae et ipsius terram ac Lobeum Henricum [sic] magistrum Livoniae a data praesenti ad festum Pentecostes duraturae. Rigae, feria secunda post dominicam Oculi, anno 1380»[1]. В 1759 г. документ опубликовал М. Догель, но со значительными неточностями и с пропуском одной строки. В конце XVIII в. документ вместе с собраниями Коронной и Литовской Метрик оказался в Санкт-Петербурге в архиве канцелярии 3-го департамента правящего Сената (Карт. 41. № 2)[2]. Оттуда он поступил в Императорскую Публичную библиотеку в собрание П. П. Дубровского и в дальнейшем хранился в картоне «Pol. Rus. Livonica anno 1380», No 42. В 20-х гг. XX в. документ передан Польше. В настоящее время находится в AGAD, Zbiór pergaminów, No 4529. Пергамен размерами

[1] Inventarium … P. 372.

[2] Книга посольская … С. 461.

260 × 113 мм. Первоначально был привешен один оттиск печати на пергаменной ленте; теперь сохранилась только лента.

Оригинал 2: экземпляр, выданный великим князем литовским Ягайлом, до нашего времени не сохранился, и о его содержании ничего не известно.

Основные публикации: *Dogiel M.* Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae : Ex Typographiae Regia et Reipublicae, 1759. T. 5. S. 80, No 58; *Naruszewicz A.* Historya narodu polskiego od początku chrześcianstwa. T. 7 : Panowanie Węgrów. Warszawa : Druk. No 646 przy Nowolipiu, 1804. S. 339; *Daniłowicz I.* Skarbiec ... T. 1. S. 231, No 469 (дата ошибочная: 26 марта); Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch ... Bd. 3. Col. 361—362, No 1152, reg.: s. 112, No 1362 (по изданию М. Догеля); *Prochaska A.* Rozejm Jagiełły ... S. 565 (по оригиналу); *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы ... С. 107—110 (по фотоснимку оригинала); Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. С. 75—76, № 12 (по оригиналу).

Латинский текст приводится по публикациям М. Догеля, А. Прохаски и фотоснимку оригинала.

Дата: Великий пост в 1380 г. начинался 6 февраля. Упомянутая в тексте документа Dominica Oculi — это третье воскресенье Великого поста, названное по первым строкам мессы, начинающейся словами: «Oculi mei semper ad Dominum, quia ipse evellet de laqueo pedes meos» (Пс. 24:15). В 1380 г. это воскресенье приходилось на 26 февраля, соответственно следующий после него день — понедельник 27 февраля.

Notum sit uniuersis, q*uod* nos, m*agist*er Liuonie, cum consilio et consensu n*ostr*or*um* p*rae*ceptor*um*, p*er* nu*n*ciu*m* n*ostr*u*m* Herma*n*|nu*m*, pacem et treugas ordinari fecim*us* int*er* nos ac terra*m* n*ostra*m et magnu*m* regem Lethowie Iagillon*em* et sua*m* | terra*m* et illos de Plotzek, usq*ue* ad festum Pentecostes firmit*er* duraturas.

Ita videlic*et*, q*uod* p*rae*dict*us* rex Iagillo et | [1-] terra sua et illi de Plotzeke debent e*ss*e securi om*n*ino p*er* nob*is* et om*n*ib*us* n*ostr*is, ita q*uod* nullus exercitus equester [-1], | siue pedester, siue p*er* latrocinium[2], p*ro*prie stroderye[3], de terra n*ostr*a ad terra*m* p*rae*dicti reg*is* Iagillon*is* et Pollosense*m* de|beat t*ra*nsire, nec aliq*ui*d dampnu*m* infra p*raesc*riptum festu*m* Pentecoste*s* p*rae*fatis terris inferem*us*.

Simil*iter* nos et | terra n*ostr*a Liuonia et Curonia penitus securi e*ss*e debem*us* p*ro* rege Iagillon*e* et om*n*ib*us* suis, ac p*ro* illis de Plotze|ke, ita q*uod* nullus exercitus equest*er* siue pedest*er*, siue p*er* latrocinium[2], p*ro*prie stroderye, de terra Iagillon*is* et illor*um* de | Plotzeke ad terra*m* n*ostra*m Liuonia*m* et Curonia*m* debeat t*ra*nsire, nec aliq*ui*d dampnu*m* n*ostr*is p*rae*dict*is* terris debeant infer|re.

Hec ordinatio pacis et treugar*um* firmit*er* durabit int*er* nos et terras n*ost*ras Liuonia*m*, Curonia*m*, et rege*m* Iagillone*m*, | terra*m* sua*m* et aute*m*[4] illos de Plotzek, usq*ue* ad festum Pentecoste*s* supradi*ctu*m.

Ab istis vero pace et treugis rex Key*n*|stuthe, et[4] sui ac terra sua, et illi de Sameythen omn*in*o es*se* debeant exclusi, ita q*uod* nullas pace*m* et treugas int*er* | p*raedic*tos rege*m* Keynstuthen et illos de Sameythen volum*us* obtinere.

In cui*us* rei testi*mon*i*um* sigillum n*ost*r*um* p*raese*ntib*us* | est appensum.

Datum in castro n*ost*ro Ryge, anno Dom*ini* M° III^mo^ LXXX°, feria p*roxim*a, qua canta*tur* Oculi post | Domi*ni*cam.

[1-1] В публикациях М. Догеля и Ф. Г. фон Бунге эта фраза (одна строка оригинала) пропущена.

[2] У М. Догеля ошибочно: *curocinium*.

[3] У М. Догеля прочитано: *stroderic*. Ф. Г. фон Бунге считал это ошибкой. И. Н. Данилович трактовал это слово как Stroderick — «на возах» (?). Вероятно, слово является вариантом немецкого Streiterei (ссора, спор).

[4] У М. Догеля и Ф. Г. фон Бунге слово пропущено.

На обороте позднейшие записи: 1) Induciae inter magistrum Livonie et Jagellonum | regem Polo[censiem]. 1380. 2) Lithuania No 2do; 3) Lituania No 42 (*первоначально была, но зачеркнута цифра* 3).

Перевод

Да будет известно всем, что мы, магистр Ливонии, по совету и согласию наших знатных людей, через нашего посла Германа, установили между нами и нашей землей и великим королем Литвы Ягайлом и его землей и людьми из Полоцка мир и перемирие, которые твердо будут соблюдаться до самого праздника Пятидесятницы.

А именно таким образом, что указанный король Ягайло и его земля и люди из Полоцка должны быть сохранены в безопасности от нас и всех наших людей так, чтобы никакое войско конное либо пешее или грабители для разбойного нападения из нашей земли в землю указанного короля Ягайла и в Полоцкую землю не могли проходить; также мы обязуемся ни в чем не причинять ущерба названным землям до самого праздника Пятидесятницы.

Точно так же мы и наша земля Ливония и Курония полностью должны сохраняться в безопасности от короля Ягайла и всех его людей и от людей из Полоцка так, чтобы никакое войско конное либо пешее или грабители для разбойного нападения из земли Ягайла и тех людей из Полоцка в нашу землю Ливонию и Куронию не должны проходить; также ни в чем не должен причиняться ущерб нашим названным выше землям.

Установленные мир и перемирие твердо будут сохраняться между нами и нашими землями Ливонией и Куронией и королем Ягайлом, его землей и людьми из Полоцка до самого праздника Пятидесятницы.

Из этого мира и перемирия король Кейстут, его люди и люди из Жемайтии полностью должны быть исключены, так что никакого мира и перемирия с названным королем Кейстутом и людьми из Жемайтии мы не желаем соблюдать.

В свидетельство этого дела наша печать привешена.

Дано в нашем замке Рига, в год Господень 1380, в ближайший день после воскресенья, в которое поется Oculi.

II

1380.[V.31], am achten tage des heiligen Lichnams. Лес Даудишки. Верховный король литвинов Ягайло заключает перемирие с великим магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпроде, обязуясь не помогать своему дяде Кейстуту или его сыновьям, когда в их земли вторгнутся войска Ордена.

Оригинал 1: экземпляр, выданный великим магистром Тевтонского ордена, упоминается в первой части «Летописца великих князей литовскх» и в «Witoldes sache». Он также первоначально хранился в Виленском замке, где во время переворота 1381 г. был найден князем Кейстутом. До нашего времени этот экземпляр не сохранился.

Оригинал 2: экземпляр, выданный великим князем литовским Ягайлом, в настоящее время хранится в Берлине в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия под сигнатурой GStA PK, Perg. Urk., Schieblade 52, No 4. Это пергамен с двумя оттисками печатей, привешенными на пергаменных лентах. По описанию К. Напиерского (1833 г.), один оттиск был на зеленом воске в желтой тарелочке, на нем можно было разобрать надпись «DUCIS LITVAN. ET». Второй оттиск печати — боярина Войдылы — на желтом воске имеет изображение креста с треугольными стрелками на концах, вокруг которой надпись: «ВОИДЫЛОВА ПЕЧАТЫ».

Копия 1: GStA PK, Perg. Urk., Schieblade 52, No 8. Транссумпт, сделанный 29 апреля 1393 г.

Основные публикации и литература: *Baczko L.*, von. Geschichte Preussens. Bd. 2. S. 233 (публикация по старинной копии); *Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. 5. S. 356 (пересказ содержания); Index corporis … Tl. 1. S. 111, No 436 (описание оттисков печатей); CDL. S. 55—56, No III-2 (по оригиналу); Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch … Bd. 3. Col. 362—363, No 1153, reg.: s. 112—113, No 1363 (по оригиналу,

дата: 31 мая 1380 г.); *Daniłowicz I.* Skarbiec … T. 1. S. 231, No 470 (пересказ содержания); CEV. S. 1, No 3 (регест, дата: 1 июня 1380 г.); Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525. P. 2. Regesta Privilegiorum Ordinis S. Mariae Theutonicorum, Regesten der Pergament-Urkunden aus der Zeit des Deutschen Ordens / bearb. E. Joachim ; hsgb. von W. Hubatsch. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1948. S. 130, No 1077; *Bumblauskas A.* Senosios Lietuvos istorija. 1009—1795. Vilnius : R. Paknio leidykla, 2007. P. 115 (фотоснимок оригинала); *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы … С. 110—112.

Немецкий текст приводится по публикациям Э. Рачинского (CDL), Ф. Г. фон Бунге и фотоснимку из книги А. Бумблаускаса.

Дата: праздник Тела Господня приходился на первый четверг после октавы Троицы в соответствии с энцикликой папы Урбана IV от 11 августа 1264 г. Троица в 1380 г. праздновалась в воскресенье 13 мая, октава Троицы завершалась 20 мая. Соответственно в четверг 24 мая отмечался праздник Тела Господня, а восьмой день октавы Тела Господня в 1380 г. — это 31 мая.

Wir, Jagel, obirster kung der Littouwir, gelobin dem erwirdigen fursten un*d* herren bruder Wynrich von Knyprode, | homeister Dutsches Ordens, un*d* sinen nachkomelingen un*d* sinem ganczen Orden des landes zcu Prusen und zcu Liflande | fride und sicherheit, das wir iren landen noch iren luten keynen schaden tun wellin an keynir herunge noch an | keynirhande dingen do von en adir iren luten adir iren landen von uns adir von unsern luten schade geschen | mochte.

Sundir ab das geschege, das si mit eyme here in unsers vettern Kinstutten adir in siner kinder landt | quemen mit eyme here un*d* dorinne herten, ab wir do czu jagetin mit unsern luten adir unser lute ane uns, | do mite sulde unser gelobde un*d* unsir brief nicht sin gebrochin. Doch so sulle wir noch unsir lute keynis strites | wedir si begynne*n* noch keyne*n* schaden tun mit strite. Wurde ouch keynir irre lute von unsern luten gevangen, | di sulde wir en lediglich ane schatczunge wedir gebe*n*.

Were ouch, das si adir ire lute unwissens in unsir landt | sich vorrentyn, so si in unsirs vettern Kinstutten adir in siner kinder lande herten, un*d* uns etzwas schaden tetin an | brande adir an anderm schaden adir unsir lute etzlichen vingen, do mite sulde ir gelobde un*d* ir brif ouch nicht | sin gebrochin, doch sulden si uns unsir lute ane keynirhande schatzunge un*d* ane gelt un*d* ane gut wedir gebin. |

Sundir eyn wort also sy, der gevangene sal also vil gebin uf das, das man dis deste mynre merken moge, | abir keyn gelt noch gut sal man von beiden sietin vor keyne*n* gevangene*n* nemen.

Dis vorgeschrebine ding un*d* | allis, das uns der vorgenante herre, der homeistir un*d* sine gebiteg*er*, in irem brife uns gelobt habe*n*, das gelobe | wir

im wedir und sinen nochkomelingen und sinem ganczen Orden czu halden in ganczen guten truwen ane allirley | list.

Diser dinge in eyner stetin sicherheit habe wir unser ingesigel an disen keginwertigen brief lasen hengen. |

Der gegebin ist uf dem velde Daudiske in den jaren unsers Herren tusendt drihundirt in dem achtzigsten iare | am achten tage des heiligen Lichnams.

Перевод

Мы Ягайло, верховный король литвинов, торжественно обещаем достопочтенным князьям и господам брату Винриху фон Книпроде, великому магистру Тевтонского ордена, и его преемникам и всему его Ордену земель Пруссии и Ливонии мир и безопасность, а именно, что мы их землям и их людям никакого вреда причинять не желаем никаким военным нападением и никаким делом, от которых им, или их людям, или их землям от нас либо от наших людей мог бы быть причинен ущерб.

А если бы случилось, что они со своим войском в землю нашего дяди Кейстута или его детей пришли и ее опустошали, и мы бы там охотились с нашими людьми или наши люди без нас, то ни наше обещание, ни наша грамота ничем не должны быть нарушены. А напротив, мы и наши люди не должны никакого боя против них начинать и никакого вреда им причинять боем. Если же будут какие-либо их люди захвачены нашими людьми, то мы должны их отдать им безо всякого выкупа.

Если же также они или их люди, не ведая того, вторгнутся в нашу землю так же, как они опустошают землю нашего дяди Кейстута или его детей, и нам причинят какой-либо вред от пожара или другой ущерб либо некоторых наших людей захватят в плен, то не должны они также свое обещание и свою грамоту нарушать, но должны они нам наших людей вернуть безо всякого выкупа, будь то деньгами или товарами.

При том да будет одно условие: пленный должен давать много для того, чтобы ничего нельзя было заметить, но никакие деньги и товары не следует с обеих сторон брать ни за какого пленного.

Это описанное выше дело и все, что нам названные господа — великий магистр и его сановники — в своей грамоте пообещали, мы со своей стороны обещаем ему и его преемникам и всему его Ордену соблюдать во всякой доброй правде без какой-либо хитрости.

Для вечного засвидетельствования этого дела мы повелели привесить нашу печать к настоящей грамоте.

Дано в лесу Даудишки в год нашего Господа тысяча триста восьмидесятый в восьмой день Святого Тела.

Приложение 3
Некоторые документальные материалы по истории Подолья с 1351 по 1394 г.[1]

I

[1351.III.14], II Idus Marcii, pontificatus nostri anno nono. Авиньон. Папа Климент VI в послании к архиепископу гнезненскому и всему духовенству Польского королевства сообщает, что польский король Казимир захватил обширные земли Руси, принадлежавшие ранее татарам, и что для финансирования мер по защите этих земель от набегов татар и их союзников литвинов разрешается в течение четырех лет использовать церковную десятину в Польском королевстве.

Оригинал: неизвестен.

Копия 1: Archivio Segreto Vaticano. Registra Avinonensia. Vol. 113. F. 300—300v (данные Я. Куртыки).

Копия 2: Archivio Segreto Vaticano. Registra Vaticana. Vol. 201. F. 118v—119 (данные Я. Куртыки).

---

[1] Наиболее полные данные о документах по истории Подолья XIV — первой половины XV в. содержатся в работе: *Kurtyka J.* Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 r. // Rocznik Przemyski. Historia. Przemyśl, 2004. T. 40. Z. 4. S. 127—269 (она переиздана в кн.: *Kurtyka J.* Podole w czasach jagiellońskich. Studia i materiały. Kraków : Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego «Societas Vistulana», 2011). Однако в ней не учтены сведения о пожаловании князя Федора Кориатовича для Пашки Васневича (1392), текст которого был выявлен уже после трагической гибели Януша Куртыки в авиакатастрофе под Смоленском. Кроме того, для изучения истории Подолья имеют значение и такие документы, как соглашение князя Витовта с королем Владиславом (Ягайлом) и князем Скиргайлом об удалении князя Владимира Ольгердовича из Киевской земли (1392), а также материалы посольства хана Золотой Орды Тохтамыша (1393), в которых содержится разрешение королю Владиславу (Ягайлу) проводить самостоятельную политику в отношении земель Южной Руси при условии выплаты положенной дани.

Основные публикации и литература: Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. T. 1. P. 531—532 (по копии 2); *Abraham W.* Założenie biskupstwa łacińskiego ... S. 5—7; Monumenta Poloniae Vaticana. T. 2 : Acta Camerae Apostolicae. T. 2 : 1344—1374 / wyd. J. Ptaśnik. Kraków : Sumptibus Academiae Litterarum Cracoviensis, 1913. S. 52—54 (по копии 2); Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075—1953). Vol. 1 : 1075—1700 / collegit introductione et adnotationibus auxit p. A. G. Welykyj. Romae : PP. Basiliani, 1953. P. 69—71; Bullarium Poloniae ... Vol. 2. S. 85, No 518; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 311—313, № 2; *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека ... С. 509.

Фрагмент

...Verum quia, sicut postmodum pro parte carissimi in Christo filii nostri Cazimiri regis Polonie illustris per certos ipsius nuncios propositum extitit coram nobis, idem rex, divino mediante auxilio, non sine gravibus sumptibus et expensis infidelium Ruthenorum terras sive ducatus, in quibus possunt constitui et creari septem diffusi e(pisco)patus cum suo metropolitano, sue potestati et dominio iam subiecit, et quod unus ex pocioribus ducibus dictarum terrarum cum sua gente et commitiva ad Catholicam fidem, eodem rege ad hoc ipsum inducente, conversus ceperit baptismatis sacramentum, et quod Tartari, christiani nominis inimici, qui Ruthenis dominabantur eisdem, occasione huiusmodi provocati, facta confederatione cum Litwanis eiusdem fidei inimicis, qui eisdem Ruthenis confinant, post captionem ipsarum terrarum continue hostiliter dictas terras invadunt, propter quod eisdem infidelibus prohibendo dictarum terrarum ingressum, prefatum regem oportet stipendiaros de necessitate tenere, prout tenet, et fortalitia fortificare et etiam communire, et quod nisi stipendiarii ibidem pro custodia et defensione dictarum terrarum continue teneantur, ac fortalicia fortificentur et muniantur, pro certo nedum dicte terre, sed etiam tota Polonia per potentiam et insultum Tartarorum et Litwanorum predictorum vastari poterunt et etiam desolari, pro parte ipsius regis nobis extitit humiliter supplicatum, ut sibi pro aliquali supportatione dictorum onerum, ac gubernatione et ampliatione ipsius regni, quod ecclesie Romane subiectum censuale fore dinoscitur (et) ad presens cum eisdem infidelibus guerram habet, de aliquo decimali subsidio providere de benegnitate apostolica dignaremur...

Перевод

...Возлюбленный во Христе наш сын Казимир, сиятельнейший король Польши, сообщил нам через своих послов, что он с Божией помощью не без тяжких трудов и издержек уже подчинил своей власти и своему господству землю или княжество неверных русинов, где можно учредить и расположить семь обширных епархий со своим митрополитом,

что один из виднейших князей этих земель со своим родом и придворными, будучи приведен к католической вере через посредство этого короля, принял таинство крещения, и что враждебные имени христиан татары, которые над теми русинами владычествовали, подвигнутые этим обстоятельством, заключив союз с литвинами, также враждебно относящимися к той вере и граничащими с теми русинами, после занятия тех земель непрерывно и жестоко в них вторгаются. Чтобы воспрепятствовать вторжениям этих неверных, указанный король должен по необходимости содержать наемников, как он это делает, а также воздвигать и укреплять крепости, а если для защиты и охраны тех земель не будут постоянно содержаться наемники и крепости не будут сооружаться и оснащаться, то можно быть уверенным в том, что, не говоря уже о той земле, вся Польша может быть уничтожена и опустошена набегами вышеупомянутых татар и литвинов. И со стороны этого короля нам принесена просьба, чтобы для содействия в несении такового бремени, а также для лучшего управления его королевством и приумножения его, оно, будучи подчинено Римской церкви, в податном отношении отличалось от других и, ведя до настоящего времени войну с неверными, было с нашей стороны апостольской милостью удостоено некоторой поддержки из средств десятины...

II

[Около 1352.IX]. [Дата и место не указаны]. Литовские князья Евнутий, Кейстут и Любарт, Юрий Наримонтович и Юрий Кориатович, действуя также от имени великого князя Ольгерда, Кориата, Патрикея и их сыновей, заключают перемирие с королем Польши Казимиром, с Земовитом и его братом Казимиром Мазовецким.

Оригинал: в XVI в. хранился в Краковском коронном архиве. Его содержание пересказано в инвентаре Мартина Кромера (1551): «Jawnutha, Keistuth, Lubarth, Georgius Narimunthowicz et Georgius Coriathowicz duces inducias faciunt cum Cazimiro magno rege et ducibus Masoviae Zemowito et Cazimiro pro se et Olgerdo, Coriatho et fratribus ad duos annos, per quod tempus rex Leopoliensem terram, ipsi vero Wladimiriensem, Lucensem, Belsensem, Chelmensem et Brzestensem quiete possidere debent, sed nullas aedificabunt neque instaurabunt arces. Crzemieniec arcem Narununthowicz in sequestro habebit. Non ferent opem alteri contra alteros, et stabunt arbitrio Ungarorum decontroversiis» (Книга посольская ... С. 455). В первой трети XIX в., по свидетельству К. Строичинского, документ был случайно найден среди вороха бумаг на чердаке дворца Красинских в Варшаве. Далее он был помещен в Главный архив Царства Польского. Нынешнее место-

нахождение и сигнатура: AGAD. Zbiór pergaminów, dok. No 651. Пергамен длиной 225 мм, шириной 254 мм сверху и 240 мм снизу (обмеры по данным В. А. Розова). Печать, первоначально подвешенная на пергаменной ленте, теперь утрачена. Оригинал теперь в одном месте поврежден, не читаются несколько слов. Однако они восстанавливаются по факсимиле, которое в свое время опубликовал К. Стрончинский.

Основные публикации: *Stronczyński K.* Wzory pism dawnych w przerysach wystawione i objasnione drukowanem ich wyczytaniem. Cz. 1, obejmująca pismo dyplomatów od roku 1228 do 1536. Warszawa: Nakładem Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1839. S. 98—99, No 90 (латинским алфавитом с литографическим снимком, дата: circa 1342); Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 1—2, № 1 (дата: после 1340); *Карский Е. Ф.* Два древнейших русских документа Главного архива Царства Польского в Варшаве // Древности. Труды Археографической комиссии Императорского Московского Археологического общества. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1899. Т. 1, вып. 3. С. 543—550 (переизд. в кн.: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 373—378); *Соболевский А. И., Пташицкий С. Л.* Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века. СПб. : Санкт-Петербургский археолог. ин-т, 1903. № 46 (факсимильный снимок); *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 4—7, № 3 (по факсимиле Соболевского и Пташицкого; дата: на Волыни в июне—сентябре 1352 года); Грамоти XIV ст. С. 29—31, № 14 (по изданию В. А. Розова, с приложением факсимиле); *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 313—316, No 3.

С 2009 г. транслитерация грамоты (по изданию В. А. Розова и фотоснимку) размещена на моем сайте, посвященном источникам по древнейшей истории ВКЛ: starbel.narod.ru/d001.htm (с 2018 г. новый адрес: starbel.by/dok/d001.htm). Эта интернет-публикация перепечатана в изд.: *Краўцэвіч А. К.* Гісторыя Вялікага княства Літоўскага ... С. 245—247.

Текст воспроизводится по изданию В. А. Розова, дополнительно сверен по фотоснимку и факсимиле оригинала. Для удобства чтения текст разбит на абзацы. Пунктуация современная. Кириллические цифры здесь и далее в западнорусских грамотах заменены на арабские.

Дата: со ссылкой на М. С. Грушевского (*Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 4. С. 444—445) В. А. Розов отметил: «Я склоняюсь в пользу мнения Грушевского, что договор был заключен между днем Ивана Купалы и Покровом 1352 года» (*Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 5).

Вѣдаи то каждыи ч(е)л(о)в(е)къ, кто на тыи листъ посмотрить.

Ꙗже я, кнѧзь Еоунутии, и Кистютии, и Любартъ, | Юрьии Наримонътовичь, Юрьии Корьятовичь, чинимы миръ твердыи ис королемь

Казимиромь Поль|скъмь [*sic*] и Сомовитомь и съ его братомь Казимиромь Мазовьскымь и съ его землѧми Краковь|скою и Судомирьскою, Сирѧзьскою, Куявьскою, Лучичьскою, Добрыньскою, Плотьскою, Ма|зовьскою, Люблиньскою, Сетѣховьскою и со Львовьскою.

А за велкого [*sic*] кнѧзѧ Ꙋлькѣрта, и за | Корьята, и за Патрикия, и за ихъ сыны мы ислюбуемъ тотъ миръ держати вѣлми твердо | безо всѧкоѣ хитрости.

Не заимати намъ королевы землѣ, ни его людии, што его слухають.

Коро|леви держати Львовьскую землю исполна. А намъ держати Володимѣрьскую, Луцкую, Бе|лзьскую, Холмьскую, Берестиискую исполна жь.

А миръ w*m* Покрова Б(огороди)цѣ до Ивана дне до | Купалъ. А w*m* Ивана дне за 2 лѣ*m*.

А городовъ оу Рускои земли новыхъ не ставити, ни сожь|женого не рубити, докола миръ стоить за 2 лѣт.

А Кремѧнець держати Юрью Наримонъ|товичю w*m* князии литовьскыхъ и w*m* короля за 2 лѣ*m*, а города не рубити. А коли миръ стане|ть, Юрью кнѧзю города лишитисѧ.

Аже поидеть оугорьскыи король на Литву, польскому | королеви помагати. Аже поидеть на Русь, што Литвы слушаеть, королеви не помагати. |

А поидеть ли царь на лѧхи, алюбо кнѧзи темнии, кнѧземъ литовьскымъ помагати. | Аже поидуть на Русь, што короля слушаеть, литовьскимъ кнѧземъ не помагати.

А про | Любартово ятьство хочемъ его постави*ти* на судѣ передъ паны оугорьскими. По иществь|и С(вя)т(о)го Д(у)ха за 2 не*д*(е)ли литовьскимъ кнѧземъ стати оу Холмѣ, а королеви оу Сточьцѣ. | Кде смолвѧть, тутъ будеть судъ тѧгатисѧ ис королемь. Будеть ли ялъ его король по | кривдѣ, Любартъ будеть правъ. И я, кнѧзь Кистютии, буду правъ передъ въгорьски|мь королемь. Будеть ли король правъ, намъ своего брата Любарта дати оугорьскому ко|ролеви оу ятьство.

А коли будеть по миру кто не оусхочеть далѣи миру держати, тотъ | w*m*повѣсть. А по w*m*повѣдѣньи стояти миру за мѣсѧць.

Аже поидуть тарове [*sic*] на Львовьскую | землю, тогда Руси на львовьцѣ не помагати. Аже поидуть тарове на лѧхы, тогда Руси | неволя поити ис татары.

А оу томь перемирьи кто кому криво оучинить, надобѣ сѧ оупо|минати старѣишему и оучинити тому и[съ]праву. Оучинит[ь] которыи добрыи ч(е)л(о)в(е)къ | кривду, любо воевода, алюбо панъ, оучинити исправу ис нимь. Аже самъ не можеть | заплатити тотъ истиньныи што же оуложать его оу вину — хочеть ли самъ король | заплатити за нь, а его дѣдичьство собѣ оузѧти. Не оусхочеть ли король самъ за|платити, дасть тому то дичьство [*sic*], кто его потѧжеть.

А за избѣга: можемь его до|быти и выдати. Аже его не можемъ добыти, можемъ его иска [*sic*] съ wбою сторону. Аже | побѣгнеть русинъ алюбо руска или во Львовъ, или холопъ чии или роба — выда|ти его.

А што тои грамотѣ писано, тую жь правду литовьскымъ кнѧземъ де|ржати.

А на то есмы дали своѣ печати.

На обороте наклейка «М. Ю. Варшавский главный архив древних актов. Зал IV. Шкафъ 1. Полка 4. № 651», рядом помета «673/79» и запись XVI в.: Jawnuta, Keistuth, Lubarth, | Georgius Naromuntowicz et | Georgius Coriathowicz duces | inducias faciu*n*t cum Cazimiro | magno rege.

III

[1366]. [Дата и место не указаны]. Великий князь Ольгерд с братьями Кейстутом, Евнутием, Любартом и своими сыновьями заключает мирный договор с королем Польши Казимиром, с князем Юрием (Наримонтовичем), князьями Юрием и Александром (Кориатовичами).

Оригинал: неизвестен. В XVI в. находился в Коронном архиве в Кракове. Его содержание описано в инвентаре М. Кромера (1551): «Olgerdi ducis Litvaniae et filiorum eius foedus cum Cazimiro magno rege Poloniae, et duobus Georgiis ducibus et Alexandro. In quo describuntur fines ditionum et arces in Volinia et Podolia, quae ad Lubartum ducem pertinere debent. Item quod arces in Podlasse Keistuti esse debent. Promittuntur vicissim inter regem et Lubartum auxilia, et iudices deputantur, qui cognoscant de iniuriis. Item cavetur ne alteri alterorum bonis utantur fruantur praeter veterem consvetudinem, et cassantur vetera pacta» (Книга посольская … С. 455). В XVIII в. оригинал видели и скопировали польские историки М. Догель и Т. Чацкий, а также, возможно, А. Нарушевич или кто-то из его сотрудников. По описанию Т. Чацкого, к документу были привешены две печати: «W traktacie 1366 Roku między Olgierdem i Kieysztutem, a Kazimierzem wielkim, dwie są Litewskie pieczątki: iedna Olgierda *pogoni*, druga Kieysztuta z mieczem i tarczą w ręku». Чацкий не только снял копию с текста, но и перерисовал эти печати. На печати Ольгерда изображение уже практически изгладилось от времени. На печати Кейстута находилось изображение стоящего воина в шлеме с мечом в правой руке и щитом в левой; вокруг изображения шла надпись, от которой сохранились буквы «СЕ ПЕЧАТЬ КИИ…». После 1800 г. следы оригинала теряются.

Копия 1 (XVIII в.): перевод на латинский язык, включенный в рукопись 7-го (неизданного) тома «Кодекса дипломатического» М. Догеля.

В настоящее время рукопись хранится, по некоторым данным, в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Копия 2 (последней четверти XVIII в.): BCzart. Teki Naruszewicza. T. 8. S. 245—247, No 59. Текст на западнорусском языке в латинской транслитерации.

Копия 3 (последней четверти XVIII в.): BCzart. Teki Naruszewicza. T. 8. S. 249—250, No 60. Перевод на латинский язык. Судя по примечанию «Ex MS. Arch. St. Aug. Reg. collect. Dogelis», эта копия была снята с копии М. Догеля.

Копия 4 (последней четверти XVIII в.): BCzart. Rkps 1180. S. 387—388. Как предполагал Б. Барвинский, эта копия сделана Т. Чацким. Текст на западнорусском языке латинскими буквами, более полный по сравнению с копией Нарушевича.

Копия 5 (последней четверти XVIII в.): BCzart. Rkps 1180. S. 399—400. Копия перевода на латинский язык.

Основные публикации и литература: *Naruszewicz A.* Historya narodu polskiego od początku chrześcianstwa. T. 6 : Panowanie Piastów. Warszawa: Druk. No 646 przy Nowolipiu, 1803. S. 240—241; noty (отдельная пагинация): s. 185, nota 86 (дата: 1366); Czacki T. O litewskich i polskich prawach … T. 1. S. 72—73; Книга посольская … С. 468—470 (по копии 2; дата: 1366); *Daniłowicz I.* Skarbiec … T. 1. S. 210, No 432 (дата: 1366); *Czuczyński A.* Traktat … S. 513—515 (по копии 2 с некоторыми неточностями); *Довнар-Запольский М. В.* Из истории литовско-польской борьбы за Волынь ... С. 1—13 (публикация по изданию А. Чучинского, ценный историко-географический комментарий); *Барвінський Б.* Історичні причинки, розвідки, замітки і матеріали до історії України—Руси. Львів : Печатня В. А. Шийковского, 1909. Т. 2. С. 52—61 (публикация по копиям 2—5); *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 319—322, No 6.

Текст на западнорусском языке

BCzart. Teki Naruszewicza. T. 8. S. 245—247

1366, w lecie po S. Janie. Ex Ms. Arch. Stan. Aug. Reg.

Pax inter Magnum Ducem Olgierdum et ejus fratres et liberos et Regem Poloniae Casimirum, et Principes Georgios et Alexandrum.

† A se ja kniaź welikyi Olherd s swoieiu bratiieiu s Kieystutiem s Jawnutiem s Lubortom i s swoimi dietmi

BCzart. Rkps 1180. S. 387—388

Pax inter Magnum Ducem Olgierdum et ejus Fratres et Liberos, et Regem Poloniae Casimirum, et Principes Georgios et Alexandrum

† Se jaz, kniaz wieliki Olherd s swoieiu bratiieiu s Kestutiem, s Jewnutiem, s Lubortom i s swoiemi

BCzart. Teki Naruszewicza. T. 8. S. 245—247

uczynili ieśmy mir s swoim bratom korolem polskim Kazimirom i s Bozyi miłosti i s kniaziem s Juriem i s druhim Juriem i s Ollexandrom.

A to bud swiedomo wsiakomu koli kto na tot list smotryt, oże na tom sia ieśmo mirili.

Kniaziu Lubortu Łuckaja ziemla s owsiemi wołostmi otczyznymi i s siely, kak iz dawna poszło Stożek Daniłow Zakamian, Sziumesk, Ostroh, Polonyi meży bozyie.

A i ieszczo k Łucku odstupił sia korol wołodymierskich wołosti, Wietły Lbiaz Czernecz horodok, Kamian, Mielnica.

A Wolodymier korolewi dostał sia s tiemi wołostmi: Horodel Luboml, Turynsk Raten Koszer Włuczym.

A kniaź wielikyi s swoim bratom s Lubortom sstupił sia korolewi Kremianca Peremila, Oleszka, Bełza, Grabowca, Chołma Szczebreszyna, Łopatyna.

A kończaliesmy meży soboiu mir wicznyi. [*s. 246*]

A koli jaz poydu kniaź wielikyi z bratom swoim s korolem na woynu tohda poyty Lubortowi i s wiemi [*sic*] ludmi swoiemi. A koli korolewi na dobie na swoie niepryiatele, Lubortowi pomahati swoimi ludmi. A koli na dobie budiet Lubortowi na swoie niepryiatiele korolewi iemu pomahaty.

A pro obidy pro wsiakiie ozesia uczynit kniazim ludiem krywda od korolewa czełowieka ili od Juriewa ili ot Alexandrowa, proto nieiskaty korola ni kniazia. Sudi na to: Lubelskyi pan Krot podkomoryi korolew pan Rafał, a od kniazia od wielikoho Jelezar, a ot Luborta Iwan Mostyszynskyi. A suditi na Buzie u Horodla. A suditi korolewym sudiam Polanina po polskomu zakonu i winu na nem wziati po polskomu, a ruskim sudiam suditi po swoiemu zakonu, i winu wziati

BCzart. Rkps 1180. S. 387—388

dietmi uczinili ieśmi mir s swoim bratom korolem polskim Kazimirom i s Bozii miłosti, i s kniaziem s Juriom, i s druhim Juriem i s Olexandrom.

A to bud swiedomo wsiakomu, koli kto na tot list smotryt, oze na tom sia iesmi mirili.

Kniaziu Lubortu Łuckaia zemlą, so wsiemi wołostmi wiecznimi[1], i s sieli, kak is dawna poszło: Stozek, Daniłow, Zakamian, Sziumesk, Ostroh, Połonij, Mezibozie.

A i ieszcze k Łucku odstupił sia korol wołodimierskich wołosti: Wietli, Łbiaz, Czernec Horodok, Kamian, Mielnica.

A Wołodimier korolewi dostał sie s temi wołostmi: Horodel, Luboml, Turinsk, Raten, Koszer, Włuczim.

A kniaz wieliki s swoim bratom s Lubortom stupił sia korolewi Kremiańca, Peremila, Oleszska, Bełza, Grabowca, Chołma, Szczebreszina, Łopatina.

A konczali iesmi mezi soboiu mir wiecznij.

A koli iaz poidu kniaz wieliki s bratom swoim s korolem na woinu, tohda poity Lubartowi i s wsiemi ludmi swoiemi. A koli korolewi nadobie na swoie nepriiatele, Lubortowi pomahati s swoiemi ludmi. A koły nadobie budiet Lubortowi na swoie niepriiatele, korolewi iemu pomahati.

A pro obidi pro wsiakiie, oze sia uczinit kniazim ludem kriwda, ot korolewa czełowika, ili ot Juriewa, ili ot Olexandrowa, pro to nie iskati korola, ni kniazia. Sudii na to: lubelski pan Krot; podkomori korolew, pan Rafał. A ot kniazia ot wielikoho Jelezar; a ot Luborta Iwan Mstiszinski. A suditi na Buzie, u Horodla. A suditi korolewim sudiam Polanina, po polskomu zakonu, i winu na nem uziati po polskomu zakonu; a ruskim

BCzart. Teki Naruszewicza. T. 8. S. 245—247

po ruskomu zakonu.

A na korolewyie ziemli na ieho łowiszczach naszym ludiem nełowiti ni zwiera ni bobra ni ryb, ni siena kosity, ni w bortnuiu ziemlu nie wstupaty sia. Takoze i korolewym ludiem niełowity na kniazia wielikoho ziemli i na Kieystutowoy, i na Jewnutiewoy, i na Lubortowoy. Takoże nikakoho zwiera niełowity, ni ryb niełowity, ni siena kosity, no kak poszło i zdawna.

A za chołopom i za winowat'cem [*s. 247*] nie stoiaty.

A korolewi niewstupowaty sia w Kieystutowy horody w Beresti i w Kamianec w Dorohiczyn, w Mielnik, w Bielesk, w Kobryn kniazia wielikoho horod wo wsie tyie hranicy nie wstupowatysia.

A szto hramoty perwyie pisany meży namy, y prysiahy, a szto sia nie stało o tiech hramotach toho niepominaty, i hramoty dawnyie worotyty mozy [*sic*] soboiu, a od toho byty poroznym. A koli dast Boch budiet sniem, tohda nowyie hramoty damy meży soboiu.

A tot ieśmo mir uczynili meży soboiu bez owsiakoie łukawosty i bez owsiakoie chytrosty.

Na tom iemo [*sic*] i peczaty swoi prykładali.

Oryginał iest w Archiwum Koronnym z dwiema pieczęciami, iedna popsuta, druga z wyrazem męża Zbroynego, w iedney ręce miecz goły, w drugiey tarczę trzymaiącego.

BCzart. Rkps 1180. S. 387—388

sudiam suditi po swoiemu zakonu, i winu uziati po ruskomu zakonu.

A na korolewi zemli, na ieho łowiszczich, naszym ludiem nie łowiti ni zwiera, ni bobra, ni ryb, ni siena kositi, ni w bortnoiu zemlu nie wstupatisia. Takoze i korolewim ludem nie łowiti na kniazia wielikaho zemli, i na Kestutiewi, i na Jewnutiewi, i na Lubartowi, takoze nikakaho zwiera nie łowiti, ni ryb nie łowiti, ni siena kositi, no kak poszło is dawna.

A za chołopom, i za winowatcem nie stoiati. [2-] A kto woschoczet isprawy, isprawu dati, a za winowatim nie stoia-ti.[-2]

A korolewi nie ustupatisia w Kestutiewi horodi: w Beresti, i w Kamianec, w Dorohiczyn, w Mielnik, w Bielesk; w Kobrin, kniazia wielikoho horod; wo wsie [*s. 388*] tiie hranicie nie ustupatisia.

A szto hramoti perwie pisani mezi nami i prisiahi, a szto sie nie stało, o tiech hramotach, toho nie pominati, a hramoti dawnie worotiti mezi soboiu, a ot toho byty poroznim. A koli dast Boh budiet snem, tohda nowije hramoty damy mezi soboiu.

A tot iesmi mir uczinili mezi soboiu, bez owsiakoie lesti, i bez owsiakoie chitrosti.

Na tom iesmi i pieczati swoi prikłali.

[1] В копии Нарушевича: otczyznymi. В латинском переводе: primevis (т. е. «ранние»). Чтение «отчизными» явно ошибочное, так как Луцк никогда не принадлежал отцу Любарта Гедимину. Судя по всему, в оригинале было выражение «Луцкая земля со всеми волостьми *извечными*».

[2-2] Как установил Б. Барвинский, эта фраза имеется в копии Чацкого, но отсутствует в копии Нарушевича. Тот

BCzart. Rkps 1180. S. 387—388

факт, что она была в оригинале, доказывается тем, что ей имеется соответствие в переводе на латинский язык: Et qui iustitiam expecierit, iustitia administratur, nec criminum particeps ut insons protegitur.

Перевод на латинский язык (XVIII в.)

Основной текст приводится по BCzart. Teki Naruszewicza. T. 8. S. 249—250; разночтения по BCzart. Rkps 1180. S. 399—400

Interpraetatio latina, quo ad fieri potuit servata vetustate literae.

Ecce ego, Dux Magnus Olgierdus cum suis fratribus, cum Kieystuthio, Ievnuthio, Lubartho, et cum suis liberis conclusimus pacem cum suo fratre, Rege Poloniae, Casimiro: et ex gratia Dei, et cum duce Georgio, et altero Georgio et cum Alexandro.

Et haec manifesta fiat cuilibet, si quando hoc scriptum venerit introspiciendum: pax autem in formam coaluit hanc.

Duci Lubartho Luceoriensis terra, cum omnibus territoriis primevis et villis, quemadmodum fuerat a principio: Stożek, Daniłow, Zakamian, Sziumesk, Ostroh, Połonyy, Meżybożyie.

Insuper ad Luceoriam renunciavit Rex Wołodimiriensium territoriorum: Wietły, Lbiaż, Czernechorodok[1], Kamian, Mielnica.

Vołodimiria autem cepit, in partes Regis cum his territoriis: Horodel, Luboml, Turinsk, Raten, Koszer, Włuczym.

Dux autem magnus cum suo fratre Lubartho renunciavit Regi Kremianeć, Peremila, Oleszska, Bełża, Grabowca, Chołma, Szczebreszyna, Łopatina.

Et sic sanximus inter nos pacem perpetuam.

Quod si ego Dux Magnus cum fratre meo Rege in bellum progrediemur, tunc Lubarthus cum universo exercitu suo aderit nobis. Quod si Regem singulares inimici aggredientur, Lubarthus iuvabit Regem cum suo exercitu. Quod si autem Lubartho opus fuerit contra suos hostes, Rex ipsum auxiliabitur.

In causis vero iniuriarum omnium, si infertur[2] vis ducis subditis a subdito Regio, vel Jeorgii[3], vel Alexandri, Rex ut ferat sententiam non adeundus uti neque Dux. Iudices constituti: Lublinensis Dominus Krot, a cubiculo Regis Dominus Raphael. Ex parte autem Ducis Magni Jelezar, ex parte Lubarti Iwan Mstiszynski. Qui ius dicent ad Bugum, Horodlae. Iudices vero Regis Polonum iudicabunt pro legibus Poloniae, et reus mulcta mulctabitur iuxta Poloniae leges.

Rutheni autem iudices ius scripturi pro legibus suis, et mulcta mulctabitur reus, pro ut de iure Rutheno.

In terra Regis, ubi eius venatorii saltus, nostri subditi non venatur[4], nec capiuntur animal, nec castores, neque piscis, neque faenum colligitur, nec terra apibus assignata occupatur. Vicissim Regis subditi per terras Magni Ducis non venatur[5], neque in Kieystuthi et Jawnuthi et Lubarthi terris, quodve animal insequuntur, nec pisces capiuntur, aut faenum [*s. 250*] colligitur. Sed sint omnia tranquilla, quemadmodum fuere.

Non subditus, non criminis cuiusque reus defenditur, et qui iustitiam expecierit, iustitia administratur, nec criminum particeps ut insons protegitur.

Rex nihil iuris habiturus unquam in Kieystuthi arces, in Berest, Kamianiec, Dorohiczyn, Melnik, Bielsk[6], Kobrin, Ducis Magni arcem, omnesque harum limites, non sinet vin[7] perferre.

Quod vero iuxta scriptas praeteritas intra nos conventiones et iuramenta, nullus successerit eventus, haec haud memoranda, et hae scriptae conventiones utrique parti reddendae, utpote ab hinc nihil valiturae. Si enim Deus aderit nobis, novis scriptis res nostras firmabimus.

Hanc vero concordiam sanximus intra nos sine ullo dolo, sine ulla versutia, et quod ita, sigilla appendimus.

[1] Czernecz Horodok.
[2] inferetur.
[3] Georgii.
[4] venantur.
[5] venantur.
[6] Bielesk.
[7] vim.

IV

1374.II.[или XI].07, w dzień S. Jana Krzciciela. Каменецкий замок. Князь и господарь Подольской земли Юрий Кориатович со своим братом князем Александром жалует мещанам Каменца (Подольского) освобождение от земельного налога на 20 лет (или на 24 года) и 200 (или 204) лана земли.

Оригинал: в XVI в. находился в городском архиве Каменца-Подольского. Это была грамота на западнорусском языке. Запись о документе, как установил Н. В. Молчановский, сохранилась в книге люстраций Теребовльского замка под 1564 г.: «Rayce i mieszczanie Kamienieccy prava Maydeburskiego ukazali przywileie niebożczyka krola Zygmunta, ktory raczył inkorporować miastu Kamienieckiemu wieś Kormilczo, a iż też innemi listy ukazali, że ta wieś starodawna była do woytowstwa Kamienieckiego,

ktorego woytowstwa oni są wespułek z tą wsia possessormi, prosząc aby io wedle dawney possessyey swey inkorporacyi miastu trzymac mogli, tale jako iest ta wieś wyjęta od posługi woienney i od jurysdykcyi ziemskiey i od wszelakich podatkow... Ciż ukazali list stary Ruski Iuriego Kmietowicza [sic] kniazia Podolskiego i brata jego kniazia Alexandra, na zasadzenie miasta Komienieckiego, tysiącznego trzechsetnego siedmdziesiątego czwartego, dobry list stary quatenus in usu» (бывший Киевский центральный архив. № 4562. Л. 690—690 об. — см.: *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 206). Нынешнее местонахождение оригинала неизвестно. Текст сохранился в двух вариантах (февральском и ноябрьском) в переводе на старопольский язык.

Копия 1 (перевод на старопольский язык; февральский вариант): AGAD. Tzw ML. IVB17. «Transumpta literarum Palatinatus Podoliae in conventu Regni generali anno 1564 Varsaviae celebrata per incolas ejusdem Palatinatus productarum». Л. 44.

Копия 2 (февральский вариант): экстракт из Метрики (по копии 1), выданный королем Польши Станиславом Августом (Варшава, 1780.XI.18). В XIX в. хранился в городском архиве Каменца-Подольского.

Копия 3 (ноябрьский вариант): по данным А. Пшездецкого (1841), эта копия была записана в каких-то «книгах князей Кориатовичей», которые сохранялись в то время в Каменецком магистрате.

Копия 4 (февральский и ноябрьский варианты): Научная библиотека АН Украины имени В. Стефаника во Львове. Отд. рукописей, ф. Чаловского, 2250/III, сборник конца XVIII в. «Zbiór przywilejów miastu Kamieńcowi służących», л. 2—3 (данные Н. Петрова). По данным А. Юречко, рукопись имеет сигнатуру Ossol. 2250/III. По данным Я. Куртыки, сигнатура: ф. 141, 2250 III... С. 3—4 (л. 2—2 об.).

Основные публикации и литература: *Przeździecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina ... T. 1. S. 140—144 (по копиям 2 и 3); *Сементовский А. М.* Каменец-Подольский // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862. Кн. 4. С. 40—42 (копия 2 по изданию А. Пшездецкого); *Синицкий Д. А.* Каменецкий Свято-Троицкий первоклассный монастырь // Подольские епархиальные ведомости. 1868. № 21. С. 679—681 (неизвестный список ноябрьского варианта); *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 206—209 (по изданию А. Пшездецкого); *Грушевський М. С.* Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західної України. Серія перша (ч. 1—80) (1361—1530) // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1905. Т. 63, кн. 1. С. 2—3, № 2 (по копии 1); *Сіцінський Ю.* Поділля під владою Литви ... С. 18—24 (по изданию Н. В. Молчановского); *Jureczko A.* Dokument lokacyjny ... S. 61—66; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 325—328, nr. 9a, 9b; *Петров М. Б.* Кам'янець-Подільський ... С. 121—133; *Баженов Л. В.* З історії середньовічного самоврядування в м. Кам'янці-

Подільскому (до 640-річниці надання міcту Магдебурзького права) // Самоврядування у Кам'янці-Подільському: історія та сучасність : збірник наукових повідомлень за підсумками круглого столу. Кам'янець-Подільский : К-ПНУ ім. І. Огієнка, 2014. С. 10—15.

Февральский вариант документа публикуется по изданию М. С. Грушевского, ноябрьский вариант — по изданиям А. Пшездецкого, Н. В. Молчановского и А. Юречко. Данные о копиях приводятся по предыдущим публикациям.

Дата: в обоих вариантах текста даты искажены. Неточной является и дата 7 февраля, и дата 7 ноября, поскольку день Иоанна Крестителя приходится на 24 июня. Существует также мнение, что оригинал грамоты был выдан 7 января 1374 г., когда праздновался Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (*Степанков В. С.* До проблеми датування отримання Кам'янцем-Подільским Магдебурзького права // Самоврядування у Кам'янці-Подільському: історія та сучасність : збірник наукових повідомлень за підсумками круглого столу. Кам'янець-Подільский : К-ПНУ ім. І. Огієнка, 2014. С. 3—5).

Текст, датированный февралем 1374 г.

Jurego Kuriatowicza kniazia podolskiego y brata iego kniazia Alexandra.

Ktho na then list weizrzi, yzessmy przyszwaly k szobie mieszczani do Camienieczkiego miasta a daliszmi wolią na 20 liath, a dwiesczie lanow daliszmy ku miastu, a miedzi Muxą y Bahawiczą od Tarnawskiey drogi lasz od Korowi ziemię, the asz do Dniestru daliszmy k miastu tham ym lany wimierzicz. Y daliszmy rzeki brzeg Niestra od vsczia Muxe asz do vsczia Bahawicze.

A yeszcze krom thego dalisymy k miastu pastwi wigon od mieiskiei krinycze do Muxe, a Muxa dolem do xiezich niw.

A kiedi wolią wissiędzą miesczanie, maia dawacz od lanow po 20 grossi szirokich plathu.

A sządzicz szie ym przed swem prawem, przed swemi raiczamy, a woiewodzie nie trzeba szie w tho wstępowacz nicz.

Y iesli bendzie ktori boyarzin albo służebnik knazi albo ziemianin uczini ktorą wine w miesczie, y z tei winy dostoien bendzie smierczi, mieszczanow [*sic*] nye karzacz go w książecze karanie na zamek, niechaize szam knyasz karze swoie lyudzie.

Iesli bendzie knyasz, ziemianin albo dworzanin miecz bendą szą̨d z mieszczaninem, tedi sandzicz woiewodzie z wojthem. Bendzie li winowath kniasz, dworzanin albo ziemianin, niechaize wojewoda bierze winę na kniazich liudziach, a yesli bendzie miesczanin winowath, tedi woith wine wozmie.

A czo kolwiek win bendzie wszitkich, przeidzie woitowi trzeczia czescz winy, a dwie czeszczi wini tho kniazh daie ku miastu na pomocz.

A iatki sukienne y kramne y szewcze y chliebne, rzeznicze y laznią, tho kniasz odpuszczel k miastu: czo przeidzie kolwiek pieniedzi s tego, tho miasto nalozicz [*sic*] ma.

Mieszczanom mocznicz miasto dlia szebie. Iesli bi miesczanie nye chcziely budowacz miasta themi pieniedzmi, thedi thei pieniadze od miesczan zasz maia bicz dane kniazowi w skarb.

A czo kolwiek szie stanie po grzechu, czego Boze nie dai, asz ktori czlowiek Bozim przepusczeniem umrze y z domem wszistek y s zoną, woithovi y miesczanom dzierzecz then dom rock y szescz niedziel, a nycz s tego domu nie russacz, asz sie naidzie przyrodni iakys iego plemienia. Za then rok y za szescz niedziel yesli szie nie naydzie nikt iego pokolienia, thedi then dom dacz kniazu: tho na yego woly bendzie, kogo zechcze, thego w then dom possadzi.

A wissiedzawszi wolia 20 lath, miesczanie maią dawacz plath. A woith y miesczanie maią mnye, kniazu, sprziyacz i bicz sprawiedliwemi y wiernemy, a z woiewodą y z boiari, y z dworzani bicz s nimi wespol prze zlim y przi dobrim, y maią bicz pomoczniczi y vczinkiem, y slowem, y prziyaznia, y mocą, y radą besz wszeliakiei chitrosczi.

Piszan then list na zamku w Camienczu 1374 od Bozego Narodzenia miessiacza luthego 7 dnia w dzien S. Jana Krcziczielia.

Jacobus Chaczinski consul Camenecensis accepit litteras superius scriptas.

Текст, датированный ноябрем 1374 г.

W imie Ojca i Syna i Ducha Swiętego Amen.

Mi, kniaź Jorgiey Kuriatowicz, Bożą miłością kniaź y hospodar Podolskiey ziemie, z bratem swoim, kniaziem Alexandrem, czyniemy wiadomo swoim listem, y to będzie wiadomo każdemu dobremu kto na ten list popatrzy, ześmy [1-] przyzwali k sobie mieszczany do Camienieczkiego miasta, a daliśmy wolą na 24 lat, a 204 łanów daliśmy ku miastu, a między Muxą y Bohowiczą od Tarnawskiej drogi lasz od Korowi ziemie, the asz do Dniestru daliśmy k miastu tam im łany niemierząc [*sic*]. [-1] I daliśmy rzeki brzeg Nistru od ujścia Muxe aż do ujścia Bokowice.

A jeszcze krom tego daliśmy k miastu pastwy wygon od miejskiej krynice do Muxe, a Muxa dołem do xięzich win.

A kiedy wolą wysiedzą mieszczanie, mają dawać od łanów po dwadzieścia groszy szerokich płatu.

A sądzić się im przed swem prawem, przed swemi raicami, a wojewodzie nie trzeba się w to wstępować nic.

Jeśli będzie który bojarzin albo służebnik kniazi albo ziemianin uczyni którą winę w mieście, y z tej winy dostoien będzie śmierci mieszczanow, niekarząc go w książęce karanie na zamek, niechajże sam kniaź karże swoie ludzie.

Jeśli będzie kniasz ziemianin albo dworzanin mieć będą sąd z mieszczaninem, tedy sądzić wojewodzie z wójtem; i będzieli winował kniasz dworzanin albo ziemianin, niechajże wojewoda bierze winę na kniazich ludziach, a jeśli będzie mieszczanin winował, tedy wójt winę wezmie.

A cokolwiek win będzie wszitkich, przyidzie woitowi trzecia część winy, a dwie części winy to kniaź daie ku miastu na pomoc.

A jatki sukienne i kramne i szewcze i chlebne, rzeznicze i łaznią, to kniaź odpuścił k miastu, co przyidzie kolwiek pieniędzy z tego, to miastu należeć ma.

Mieszczanom mocnić miasto dla siebie. Jeśliby mieszczanie nie chcieli budować miasta temi pieniędzmi, tedy te pieniądze od mieszczan zaś mają być dane kniaziowi w skarb.

A cokolwiek się stanie po grzechu, czego Boże niedai, aż który człowiek Bożym przepuszczeniem umrze i z domem wszystek i z żoną, wójtowi i mieszczanom dzierżeć ten dom rok i sześć niedziel, a nic z tego domu nie ruszać, aż się najdzie przirodni jakiś iego plemienia. Za ten rok i za sześć niedziel, jeśli się nie najdzie nikt jego pokolenia, tedy ten dom dać kniaziu, to na jego woli będzie, kogo zechce, tego w ten dom posadzi.

A wysiedziawszy wolą 24 lat, mieszczanie mają dawać płat, a wójt i mieszczanie mają mnie, kniaziu, sprzyjać i być sprawiedliwemi i wiernemi, a z wojewodą i boiary, i z dworzany być z nami wespół przy złym i przy dobrym, i mają być pomocnicy i uczynkiem, i słowem, i przyjaźnią, i mocą, i radą bez wszelakiej chitrości.

A na to zapisaliśmy swoi list i pieczęc zawiesili swego xięstwa. Swiadkowie na to: Kamieniecki wojewoda Ostaphy Matwy Malentowic i z bratem swoim Siemionem, Hrinko Czer[wo]nogrodzki wojewoda, Olesko Smotrycki wojewoda, Olesko Hołodowic, Wasko Kobiac.

A pisan ten list na zamku w Kamieńcu roku 1374 po Bożym narodzeniu miesiacza nowembra siódmego dnia na świętego Jana Krzciciela. Ręko Suprona pisarza kniaziego.

[1-1] А. Юречко по копии 4 дает иное прочтение этого фрагмента: «...przywabli k sobie miasto, jatki do Kamieńca miasta, a daliśmy im za wodą na 24 lata, a łanów 200 i 4 daliśmy ku miastu, a między Mukszą i Bukowicą, od tarnawskiego gościńca las Odkorów, a ziemię tą aż do Dniestru daliśmy ku miastu, te im łany nie mierząc...»

V

1375.III.17, оу день святого Олексея человека Божия. Смотрич. Литовский князь, господарь Подольской земли Александр Кориатович подтверждает передачу своим братом Юрием Кориатовичем мельницы и места около мельницы церкви Богородицы и монахам Доминиканского ордена в Смотриче.

Оригинал: происходит из собрания Александра Пшездецкого, около 1917 г. (по данным В. А. Розова) хранился в Санкт-Петербургском археологическом институте. Нынешнее местонахождение неизвестно. Это был пергамен размерами 155 × 310 + 27 мм с печатью на пергаменной ленте. По описаниям XIX в. печать была на зеленом воске, имела изображение святого Георгия, убивающего змия.

Копия: около 1974 г., по данным М. М. Пещак, находилась в Ленинградском отделении архива АН СССР, ф. 216, оп. 1, № 39, л. 96.

Основные публикации и литература: *Przeździecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina ... T. 1. S. 119—121 (в приложении опубликовано факсимиле); Zrzódła do dziejów Polskich. T. 1. S. 139—140 (транслитерация латинским алфавитом); Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 21, № 4; *Сахаров И. П.* Образцы древней письменности, снимки судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVIII вв.). СПб. : [б. и.], 1841. Табл. XIV. № 16; *Срезневский И. И.* Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка. Стб. 683—684; *Молчановский Н. В.* Очерк известий ... С. 208—209; Подолия ... Примеч. 43. С. 81 (и вклейка между с. 10 и 11); *Соболевский А. И., Пташицкий С. Л.* Палеографические снимки ... № 4; *Сіцінський Ю.* Поділля під владою Литви ... С. 33—36; *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 19—20, № 10; Грамоти XIV ст. С. 49—50, № 24; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 329—331, No 11.

Публикуется по изданию В. А. Розова.

Во имѧ О(т)цѧ и С(ы)на и С(вя)т(о)го Д(у)ха, аминь.

Мы, кнѧз литовьский, кнѧз Олеѯанъдро Ко|рьѧтовичь, Б(ож)ьею м(и)л(ос)тью кнѧзь и г(оспо)д(а)рь Подольской земли, чинимъ свѣдочно | своимъ листомъ всѧкому доброму, кто жь на сей листъ посмотрить.

Што | жь былъ братъ нашь, кнѧз Юрьий Корьѧтович придалъ млинъ къ ц(е)ркви къ Ма|тцѣ Б(ож)ьи оу Смотричи, то и мы, кнѧзь Олеѯанъдро, потверживаемъ того свои|мъ листомъ. Дали есмо на вѣки той млинъ и мѣсто оу млина къ ц(е)ркви и ты|мъ мнихомъ казателевого закону. А кого коли исъпрѧчють людий к собѣ | оу томъ мѣстѣ оу млина, тыѣ люди далъ есмъ имъ со всѣмъ правомъ. |

Але то, што жь коли вси боѧре и землѧне будуть городъ твердити, тогды тии | люди тако же имѣють твердити городъ Смотричь.

Иже то, што жь коли вси | землѧне имуть давати дань оу татары, то серебро имѣють тако же тии | люди дати.

А ко млину границѧ горѣ Смотричемъ до мосту, а доловъ Смо|тричемъ, што дуброва межи Ходорковымъ селомъ, тоѣ дубровы поло|вина ко млину, а в поли, кде собѣ проорють нивы, то ихъ имѣеть прислуша|ти.

А на то дали есмо свой листъ и печать завѣсили своего кнѧзьтва. | А свѣдци на то Гринко, пан староста Подольскии, Смотрицкий воевода | Рогозка, Прокоп, Семенко Карабчѣевьский.

А писанъ листъ оу Смотри|чи по Б(ож)ьимъ нароженьи 1000 лѣть и 300 и 70 пѧтого лѣта, м(еся)цѧ марта | 17, оу д(е)нь с(вя)т(о)го Олеѯѣѧ ч(е)л(о)в(е)ка Б(ож)ьѧ.

VI

1375.[IV.02], am neesten Montage noch mytefasten. Краков. Подольский князь Александр (Кориатович) разрешает горожанам Кракова торговать в своих землях.

Оригинал: в 1879 г. хранился в городском архиве Кракова. По описанию Ф. Пекосинского, это был пергамен с оторванной печатью, от которой осталось отверстие для ленты. Нынешнее местонахождение и сигнатура (по данным Я. Куртыки): Archiwum Państwowe w Krakowie, dok. perg. 61. Оттиск печати на красном воске диаметром 47 мм находится сейчас отдельно от грамоты; по описанию М. Гумовского, на нем представлено изображение святого Георгия, едущего на коне в левую сторону и попирающего поверженного змия. Круговая легенда: +S. ALEXANDRI DV[CI]S VLADIMIRIE[N]S[IS].

Основные публикации: Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa 1257—1506. Cz. 1. S. 57, № 47 (дата предложена: 2 апреля); Katalog Archiwum aktów dawnych miasta Krakowa. T. 1 : Dyplomy pergaminowe. Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1907. S. 17, No 61; *Gumowski M.* Pieczęcie książąt litewskich. S. 689, tabl. VIII, No 52 (описание и прорисовка печати); *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 331, No 12.

Публикуется по изданию Ф. Пекосинского.

Дата: принимается дата, точно установленная Ф. Пекосинским. Четвертое воскресенье (mytefasten) Великого поста в 1375 г. выпадало на 1 апреля. Соответственно следующий после него понедельник — это 2 апреля.

Wir Alexander von Gotis genaden Herczog czu Podolien.

Bekennen offenlich allen den, den daz geborit[1], si sint keginwertik adir czuku^{c}nftik, daz wir mit bedochtim mu^{c}te vnd ri^{c}fem rate angese^{c}n den getru^{c}wen dinst vnd beheglichkeit der erbern leute vnd burger czu Crokow, di si vns bewist haben mit vleysse von vnsirm irsten bekentnisse bys her, vnd noch czuku^{c}nfticlich Got gebende bewisen werden. Vnd geben vorliende von sundirlichen genaden eweclich denselben burgern czu Crokow in allem vnsirm lande vnd durch vnsir lant, wohinwert si wellen, in gewonlichen rechten wegin vnd ouch vs vnsirm lande zicherlich vnd fry^{e} czu czyhen vnd czu kaufflan^{e}[2] an allis hindernisse, zo, daz si newent alden gewo^{c}nlichen rechten czol gelden vnd geben sullen; vnd geloben vnder dem worte vnsirr furstlichir wirdikeit, si diselben burger von Crokow vnd ir gut beschirmen in vnsirm lande vnd dorus, vnd vor gewalt vnd gewaldegem schaden mechticlich behalden.

In welchis dinges meryrm[3] geczugnisse vnd befestenunge hab wir geboten dise keginwertigen brife bestetigen vnd befestin myt anhengunge vnsirs ingesigils.

Gegeben vnd geschen czu Crokow, am neesten Montage noch mytefasten, noch der geburt vnsirs herren Ihesu Christi in dem dryczenhundirtim vnd in dem wi^{c}nfvndzebinczichstem iare.

[1] Geborit — так в публикации. Вероятно, следует читать: gehorit.
[2] Kaufflan^{c} — так в публикации. Kaufslan?
[3] Meryrm — так в публикации.

Перевод

Мы, Александр, Божией милостью князь Подолья.

Объявляем открыто всем, кто это услышит, будь то в настоящем или в будущем, что по тщательном размышлении и зрелом совете мы рассмотрели верную службу и благорасположение достопочтенных людей и горожан Кракова, которые они нам оказывали с усердием с того времени, когда мы впервые познакомились, и вплоть до сегодняшнего дня и еще, даст Бог, будут оказывать в будущем. И в знак особой милости мы разрешаем на вечные времена указанным горожанам Кракова ездить в соответствии с обычным правом во все наши области и через нашу землю, куда они пожелают, а также из нашей земли безопасно и свободно выезжать и торговать без каких-либо препятствий, с тем что они должны платить и давать только ту пошлину, которая предусмотрена старым обычным правом. И мы даем слово и обязуемся нашим княжеским достоинством, что будем указанных горожан Кракова и их товары оберегать в нашей земле и при выезде из нее и от насилия и насильственного причинения вреда сильной рукой защищать.

Для твердого засвидетельствования и удостоверения этого дела мы распорядились заверить и подтвердить эту настоящую грамоту, привесив к ней нашу печать.

Дано и совершено в Кракове в следующий понедельник после четвертого воскресенья Великого поста в год от Рождества нашего Господа Иисуса Христа (тысяча) триста семьдесят пятый.

VII

1377.IX.[29], die penultime setenb*ris* MCCCLXXVII, i*ndictione* XV[a]. Буда. Король Венгрии и Польши Людовик сообщает правителю Падуи Франческо де Каррара: 1) об изгнании Юрия Белзского из его княжества; 2) о смерти Ольгерда; 3) о том, что старший сын Ольгерда Федор перешел под власть его, Людовика, когда великим князем в Литве стал его младший брат Ягайло; 4) о том, что князья Подолья Александр и Борис передали свои владения (11 замков) в лен Венгрии; 5) о том, что вассалом Людовика стал литовский князь Любарт (Lunardus); 6) о том, что в плен к Людовику попал сын Кейстута.

Оригинал: неизвестен.

Копия 1: включена в состав Падуанской хроники одним из ее редакторов — Бартоломеем Гатари в начале XV в. Местонахождение: Bibliothèque nationale de France. Italien 262. Chronica di Padoa compilata da Bertolamio nato di Galiazo Gatari da Padoa e scripta di mia propia mano ne gli anni del nostro Signore Ihesu Christo. mille quatrociento septe ad ultimo del mexe di dicienbre: dal 1318 al 1407. Fol. 72.

Основные публикации: Rerum Italicarum scriptores. T. 17. P. 1. S. 145—146 (и другие издания); *Halecki O.* Przyczynki genealogiczne ... S. 102—103, nota 28; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 332—333, No 14.

Текст приводится по изданию Rerum Italicarum scriptores 1909 г. и дополнительно сверен с фотоснимком рукописи.

Copia d'una letera del re d'Ungaria.

Lodoicus Dey grazia rex Vngarie, Polonie et Dalmacie etc.

Amice honorande, revera cognoscimus vos de n*ostr*i[s] succesionibus audire et iocu*n*da [*sic*], minime dubitando, q*uu*m de nostris onoribus sicut de v*estr*is p*r*opriis gaudetis et lectatis, vobis ut amico indubitato significamus p*ro* gaudio, quod nos, auxiliante D*omi*no, qui suos p*rospe*re dirigit, inimicos n*os*tros, Crucis et *Christi* infideles, signantur [*sic*] Gregoriu*m* de Belssa duce*m* co*n*culcauimus et ip*su*m de toto suo ducatu exclusimus, [1-]et chastru*m* Belin[-1],

castrum Chelin [*sic*] et chastrum de Barza manu forti et potenti recepimus ab eodem, de quo V[c] minas habentes in ducatu Ruxie seui, quoddam castrum nostrum[2] contulimus bonum, vbi residenziam facere debebit personalem, et ipsum reciepimus in nostrum seruitorem.

Item, Codor magni Olgordi summi principis Lituanorum primogienitus, qui more et consuetudine principum deberet sucedere dominio dicti Olgordi, qui nouiter obuit [*sic*], se vna cum duobus filiis nostre subiecit maiestati; quorum vnum ex filiis suis iuniorem nobis pro obside dedit et iam in nostra curia manet, qui plurima habet fortissima castra, cui pro sui rexidencia in Polonia certas contulimus ciuitates et villas, ad quas suos contorales et pueros duceret moraturos.

Item, domini Alesander et Borris, duces Podelie, obtulerent et asirguerent [*sic*] in manibus nostris ducatum Podelie cum XI castris, aplicuerunt coronem regni Vngarie et receperunt in feudum a corona dicti regni et tenebitur in perpetum recipere, et eidem cum eodem seruire contra vniuersos, nullis exceptis.

Item, Lunardus dux Lutuanorum, factus est vasalus et homagialis noster cuy contulimus ducatum nostrum Lodomerie in feudum, et tenebitur nobis seruire personaliter contra omnem hominem, duntaxat sanguine suo.

Item, filium Chestuti, ducis Lituanorum, captiuauimus et captiuum habemus et teneri faciemus. Non sunt aliqua noua nostre amicicie parcium istarum insinuanda, petentes vos de nouitatibus Longobardie nos informare.

Datum Bude, die penultime setenbris MCCCLXXVII, indictione XV[a].

[1-1] Пропущено у О. Халецкого.
[2] Пропущено у О. Халецкого.

Перевод

Копия письма короля Венгрии.

Людовик, Божией милостью король Венгрии, Польши и Далмации и проч.

Достойный всяческих почестей друг, достоверно зная, что вы должны обрадоваться, услышав о наших успехах, и ничуть не сомневаясь, что вы нашим трудам будете радоваться, как своим собственным, вам по-дружески и правдиво с радостью сообщаем, что мы с помощью Господа, Который дела Своих людей благополучно устраивает, неприятелей наших, неверных Кресту и Христу, а именно князя Григория из Белза, разгромили и его из всего его княжества изгнали и замок Белз (?), замок Холм и замок Бажа (?) твердой и сильной рукой у него забрали, откуда 500 мин (*мера веса. — О. Л.*) взяв во враждебном княжестве Руси, некоторый наш замок хороший (ему. — *О. Л.*) дали, где бы он мог сделать личную резиденцию, и приняли его в число наших слуг.

Также Ходор, перворожденный сын великого князя Литвы, который по закону и обычаю должен был бы наследовать государство указанного Ольгерда, недавно умершего, подчинился вместе с двумя сыновьями нашей власти; из своих сыновей одного, самого младшего, он отдал нам в заложники и уже находится при нашем дворе. Он имеет множество очень сильных замков, и, чтобы обеспечить его местонахождение в Польше, мы передали ему некоторые города и деревни, куда бы те могли своих жен и детей перевезти на жительство.

Также господа Александр и Борис, князья Подолья, предложили и передали в наши руки княжество Подольское с 11 замками, подчинились Короне королевства Венгерского и приняли (эту землю. — *О. Л.*) от Короны указанного королевства в качестве лена и обязались на вечные времена держать эти земли и ей (Короне. — *О. Л.*) с этим (леном. — *О. Л.*) служить против всех без исключения.

Также Любарт, князь Литвы, стал нашим вассалом и присягнул нам, и мы дали наше княжество Владимирское ему в качестве лена, и он обязался нам служить персонально против всех, за исключением своих кровных родственников.

Также мы взяли в плен сына Кейстута, князя Литвы, и держим его в плену и стараемся его сделать своим ленником. Больше никаких новостей, достойных упоминания в нашей дружеской переписке, из тех областей нет, прошу вас сообщить нам о новостях Лангобардии.

Писано в Буде, в предпоследний день сентября 1377 г., 15 индикта.

VIII

[1378.I.30], III Kal. Februarii, pontificatus nostri Anno Octavo. Рим. Папа Григорий XI разрешает благородному мужу Александру из Литвы, господину Каменца на Руси, получить отпущение всех грехов при возникновении угрозы его жизни.

Оригинал: неизвестен.

Копия: записана в регистре Ватиканского тайного архива, относящемся к понтификату Григория XI. По данным А. Тейнера (1860), сигнатура копии: «Ex Reg. Orig. An. VIII. Indulg. Et Privileg., fol. 215». В документе используются стандартные формулировки для такого рода актов, выпускавшихся папской канцелярией.

Основные публикации (все по копии): Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. T. 1. P. 748—749, No 1015; Bullarium Poloniae … Vol. 2. S. 398, No 2439; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 335—336, No 17.

Публикуется по изданию А. Тейнера.

Дата: третий день перед февральскими календами соответствует 30 января. Понтификат Григория XI начался 30 декабря 1370 г. Таким образом, 30 января восьмого года его понтификата приходится на 1378 г.

Gregorius episcopus etc.

Dilecto filio nobili viro Alexandro de Litwania domino de Camnicz Ruscie, salutem etc.

Provenit ex tue devotionis affectu, quo nos et Romanam ecclesiam revereris, ut petiones tuas, illas presertim, que anime tue salutem respiciunt, ad exauditionis gratiam admittamus. Hinc est, quod nos tuis supplicationibus inclinati, ut confessor tuus, quem duxeris eligendum, omnium peccatorum tuorum, de quibus corde contritus et ore confessus fueris, semel tantum in mortis articulo plenam remissionem tibi in sinceritate fidei catholice, quam, ut asseritur, contra perfidos Tartaros pugnando strenue, potenter viriliterque pro posse defendis, unitate sancte Romane ecclesie ac obediencia et devotione nostra vel successorum nostrorum Romanorum pontificum canonice intrancium persistenti, auctoritate apostolica concedere valeat, devotioni tue tenore presentium indulgemus; sic tamen, quod idem confessor de hiis, de quibus fuerit satisfactio impendenda, eam tibi per te, si supervixeris, vel per tuos heredes, si tunc forte transieris, faciendam iniungat, quam tu vel illi facere teneamini, ut prefetur: et ne, quod absit, propter huiusmodi gratiam reddaris proclivior ad illicita imposterum commitenda, volumus, quod si ex confidencia remissionis huiusmodi aliqua forte committeres, quo ad illa predicta remissio tibi nullatenus suffragetur, quodque per tres annos a tempore, quo presens nostra concessio ad tuam noticiam pervenerit, computandos, primis duobus videlicet singulis sextis feriis et tercio annis huiusmodi singulis diebus Sabbati, (et si) ex precepto ecclesie, consueta observancia, iniuncta penitencia, voto vel alias ieiunare tenearis, una alia die singularum septimanarum dicti triennii, qua ad ieiunandum, ut premittitur, non sis astrictus, ieiunes, et si in dicto triennio vel aliqua eius parte esses legitime impeditus, anno sequenti vel alias, quamprimum poteris, modo simili supplere huiusmodi ieiunium tenearis, alioquin huiusmodi presens nostra concessio nullius sit roboris vel momenti.

Nulli etc. nostre concessionis et voluntatis infringere etc.

Datum Rome apud Sanctum Petrum III Kal. Februarii. Pontificatus nostri Anno Octavo.

Перевод

Григорий, епископ и проч.

Возлюбленному сыну благородному мужу Александру из Литвы, владетелю Каменца на Руси, приветствие и проч.

Искренняя преданность, с которою ты почитаешь нас и Римскую церковь, побуждает нас благосклонно принять твои просьбы, в особенности

те, которые относятся к спасению твоей души. Поэтому, склонившись к твоим молениям, мы разрешаем настоящим листом, чтобы твой духовник, которого ты себе выберешь, мог при возникновении угрозы твоей жизни апостольской властью сразу всех твоих грехов, кои ты сердцем отвергать и устно исповедовать будешь, полное отпущение тебе дать в целостности католической веры, которую, как объявлено, намереваясь воевать против неверных татар, ты по мере своих сил усердно, мощно и мужественно защищаешь, пребывая в единстве святой Римской церкви, послушании и преданности нам или преемникам нашим, римским понтификам, вступающим на престол каноническим путем. При условии, однако, чтобы указанный духовник в отношении тех (грехов. — *О. Л.*), о которых будет даваться отпущение, совершил для тебя то, что положено, либо через тебя, если ты останешься жив, либо через твоих наследников, если, может быть, умрешь. А чтобы не случилось так, что вследствие такой милости ты окажешься более склонным к непозволительным обманам, мы постановляем, что если ты, будучи уверенным в отпущении грехов, совершишь нечто такое, что никоим образом не подлежит указанному отпущению, то в течение трех лет с момента, когда ты узнаешь об этом нашем разрешении, в первые два года по пятницам, а в третий год по субботам с принесением покаяния, молитвенным обетованием или иным образом, как будет установлено предписанной церковью в соответствии с традиционным порядком, ты должен будешь поститься, одновременно также постясь в другой день каждой недели указанного трехлетия, в который обыкновенно ты не был бы обязан поститься. И если бы в это трехлетие или в какой-либо из его периодов ты не смог по уважительной причине соблюсти это требование, то должен аналогичным образом восполнить пропущенные постные дни в следующий год или в любой другой, как только сможешь, иначе это наше разрешение не будет иметь никакой силы и важности.

Никто и т. д. да не дерзнет нарушить наше разрешение и повеление и т. д.

Дано в Риме у святого Петра в третьи календы февраля в восьмой год нашего понтификата.

IX

[1379—1384]. [Дата не указана]. Получив просьбу князей Подолья К[онстантина] и Б[ориса] о создании епархии в Каменце, Урбан VI обращается к папскому легату в Венгрии и Польше кардиналу Дмитрию, чтобы он изучил это дело и создал соответствующую епархию.

Оригинал: неизвестен.

Копия (в 1912 г.): Hannower, Staatsarchiv, Y.12. Vol. 1 (формулярник папской канцелярии). F. 44v — 45.

Основные публикации и литература: *Abraham W.* Założenie biskupstwa łacińskiego … S. 12—13; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 335—336, No 17.

Публикуется по изданию В. Абрагама. Данные о копии приводятся по предыдущим публикациям.

Дата: по мнению В. Абрагама, документ выдан в период с 1379 по 1384 г.; Я. Куртыка предложил датировать его 1383—1384 гг.

Sane nuper pro parte dil. fil. nobilium virorum C. et B. ducum Podolie peticio nobis exhibita continebat, quod in terris ducatus suorum Podolie est magna multitudo christianorum a multis iam retroactis temporibus congregata et quod ipsi christiani nullum [habent] episcopum et pastorem, qui ipsos in spiritualibus gubernat et regat, et quod predictus ducatus multum distat ab omnibus episcopalibus sedibus illarum parcium, quare pro parte ipsorum ducum nobis fuit humiliter supplicatum, ut cum in dicto eorum ducatu sit quondam [*sic*] opidum insigne quod Camencz nuncupatur et ne christiani predicti paciantur in spiritualibus detrimentum, predictum opidum in civitatem erigere et inibi ecclesiam cathedralem constituere et ibi aliquem catholicum antistitem deputare de benignitate apostolica dignaremur. Nos igitur de premissis certam notitiam non habentes et intentis desideriis affectantes cultum divini nominis et christianam fidem nostris temporibus feliciter adaugeri, huiusmodi supplicationibus inclinati, circumspectioni tue, de qua in hiis et aliis plenam in domino fiduciam obtinemus, per apostolica scripta committimus et mandamus, quatenus de premissis auctoritate nostra diligenter te informes et si per informacionem huiusmodi, habito super hoc per te consilio Ven. fratris nostri Episcopi Quinque ecclesiensis et aliorum de quibus tibi videbitur et prudencie tue visum fuerit expedire, quod premissa fiant, auctoritate nostra prefatum opidum in civitatem erigas et ibidem ecclesiam cathedralem constituas et deinde postquam huiusmodi erectionem feceris de persona dil. fil. A. de… [qui] in partibus illis multis annis ut asseritur est laudabiliter conversatus… [eidem ecclesie preficias in episcopum et pastorem]…

Перевод

Недавно от наших возлюбленных сыновей, знатных мужей К[онстантина] и Б[ориса], князей Подолья, к нам поступила просьба: поскольку в землях их княжества Подольского имеется великое множество христиан, живущих здесь с давних времен, и у этих христиан нет епископа и пастыря, который бы наставлял и направлял их в духовных предметах, и указанное княжество находится на большом удалении ото всех епископств, существующих в других странах, эти князья смиренно про-

сят, чтобы, коль скоро в этом их княжестве есть известное укрепленное место, называемое Каменцом, мы разрешили апостольской милостью превратить это укрепленное место в город, возвести там кафедральный собор и назначить туда католического иерарха, дабы указанные христиане не страдали от недостатка духовного попечения. Мы же, не имея об этом деле определенных известий и страстно желая, чтобы в наши времена почитание Божиего имени и христианская вера успешно распространялись, приняли во внимание указанную просьбу и апостольским посланием поручаем и вверяем это дело твоему рассмотрению, к которому в таковых и прочих вопросах питаем полное в Господе доверие, чтобы ты нашею властью обо всем вышеизложенном тщательно собрал сведения. И если ты, наведя справки и посоветовавшись с достопочтенным братом нашим епископом Пяти церквей и с другими, с кем сочтешь необходимым, решишь по своему рассуждению, что вышеизложенное действительно имеет место быть, то властью нашей преврати указанное укрепленное место в город, учреди там кафедральный собор, а затем после его сооружения [поставь во главе той церкви в качестве епископа и пастыря] возлюбленного сына А. из..., [который], как говорят, похвально прожил многие годы в тех краях...

X

1385.[IV.17], an dem Montage nehst vor sende Iuergen tage dez heiligen Mertirer. Краков. Подольский князь Константин (Кориатович) разрешает горожанам Кракова торговать в своих землях.

Оригинал: в 1879 г. хранился в городском архиве Кракова. По описанию Ф. Пекосинского, это был попорченный в нескольких местах пергамен с оторванной печатью, от которой осталась пергаменная лента. Нынешнее местонахождение и сигнатура (по данным Я. Куртыки): Archiwum Państwowe w Krakowie, dok. perg. 84. Текст документа почти дословно соответствует акту, выданному в 1375 г. подольским князем Александром.

Публикация (по оригиналу): Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa 1257—1506. Cz. 1. S. 74—75, No 60 (дата предложена: 17 апреля); Katalog Archiwum aktów dawnych miasta Krakowa. T. 1. S. 23, № 84; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 338, No 20.

Публикуется по изданию Ф. Пекосинского.

Дата: принимается дата, точно установленная Ф. Пекосинским. День святого мученика Георгия, отмечаемый 23 апреля, в 1385 г. приходился на воскресенье. Соответственно ближайший понедельник перед этим днем — 17 апреля.

[Wi]r Constantinus von [Gotis gena]den Herczog czu Podolien.

Bekennen offinlich allen, den daz geburet, sy sint keginwortig adir czukunftig, [daz w]ir mit bedochtem mu^{e}te vnd ryfem rate angesehin den getruwen dienst vnd beheglichkeit der erbern leute burger czu Cracow, dy si vns bewist habin mit flysse von vnserm erstem bekentnisse bis her vnd noch czukunfticlich Got gebende bewisin werden. Vnd gebin vorleiende von sundirlichin genaden ewiclich den selbin burgern czu Cracow in allem vnserm lande vnd durch vnser lant, wohinwert si wellin, in gewonlichen rechtin wegin vnd ouch vs vnserm lande sichirlich vnd freye czu czihen vnd czu koufflagen an alles hindernis, so, daz si newint alden gewonlichin rechten czol gelden vnd gebin sullen. Vnde geloben vnder dem worte vnsir furstlichir genaden vnd wirdekeit, di selbin burger von Cracow vnd ir gu^{e}ter beschirmen in vnserm lande, vnd dorus, vnd vor gewalt vnd gewaldegem schadem mechticlich behalden.

In welches dinges merymm geczuginn^{e}s vnd befestegunge, habin wir befolin disen keginwortigen briff bestetigin vnd befesten mit anhengunge vnseris ingesigilis.

Geschen vnd gebin czu Cracow, an dem Montage nehst vor sende Iu^{e}rgen tage dez heiligen Mertirer, noch der geburt vnserer herren dreyczen hundirt vnd in dem funf vnd achczigstem iare.

Перевод

Мы, Константин, Божией милостью князь Подолья.

Объявляем открыто всем, кто это услышит, будь то в настоящем или в будущем, что по тщательном размышлении и зрелом совете мы рассмотрели верную службу и благорасположение достопочтенных людей горожан Кракова, которые они нам оказывали с усердием с того времени, когда мы впервые познакомились, и вплоть до сегодняшнего дня и еще, даст Бог, будут оказывать в будущем. И в знак особой милости мы разрешаем на вечные времена указанным горожанам Кракова ездить в соответствии с обычным правом во все наши области и через нашу землю, куда они пожелают, а также из нашей земли безопасно и свободно выезжать и торговать без каких-либо препятствий, с тем что они должны платить и давать только ту пошлину, которая предусмотрена старым обычным правом. И мы даем слово и обязуемся нашей княжеской милостью и достоинством, что будем указанных горожан Кракова и их товары оберегать в нашей земле и при выезде из нее и от насилия и насильственного причинения вреда сильной рукой защищать.

Для твердого засвидетельствования и удостоверения этого дела мы распорядились заверить и подтвердить эту настоящую грамоту, привесив к ней нашу печать.

Дано и совершено в Кракове в ближайший понедельник перед днем святого мученика Георгия в год от Рождества нашего Господа (тысяча) триста восемьдесят пятый.

XI

[1388].IX.19, Каменец. Князья и господари Подольской земли братья Константин и Федор Кориатовичи жалуют своему слуге Немире Бакоту с прилегающими селами.

Оригинал: неизвестен. В XVIII в. находился в Коронном архиве в Кракове.

Копия 1: BCzart. Teki Naruszewicza. T. 9. S. 197—199, No 58 («Ex Originali Arch. Regni»). Текст на западнорусском языке в латинской транслитерации.

Основные публикации: *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola ... S. 170—171; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie ... S. 339—340, No 24.

Текст приводится по копии 1 (списку Нарушевича).

Дата: день Воздвижения Честного и Животворящего Креста праздновался 14 сентября по юлианскому календарю. В 1388 г. это был понедельник, соответственно первая суббота после этого праздника — это 19 сентября.

Constantinus et Theodorus Koryatowiczowie Duces et haeredes Podoliae donant arcem Bakot cum villis ad eandem pertinentibus perpetuo et in aevum Niemirae serviteri suo.

Wo imia Otca i Syna i Swiatoho Ducha. Amin.

My, kniaz Kostiantyn Koryjatowicz i brat nasz kniaz Fedor Koryiatowicz, Bozeiu miłostiu dediczewie i hospodarewie Podolskoi ziemli, czynim swedoczno swoim listom wsiakomu dobromu, kto ż na ses list posmotryt ili usłyszyt ieho cztuczy, aże iesmy wzrywszy naszeho słuhy Niemiry wirnuiu służbu dali iesmy iemu i s naszym bratom so kniaziem s Fedorom za ieho wirnuiu służbu horod nasz Bakotu a na imia i s tymi seły i s Studenicoiu, i ss [sic] Proworotiiem, i s Podtieriemcy, i s Chodorkowcy, i s Borsukowcy, i s Mołodawoiu, i s Onysymowcy, i ss Bronniceiu, i s Ladawoiu, i s Buczaieiu u dedninu i wotniny [*sic*] i detem ieho i ieho pryrożenym posledkom i so wsim prawom, i s daniu, i s winami, i s sudy, i s peresudy, i s myty, i so wsimi młyny, i so wsimi użytki, i s tymi, sztoż k tomu horodu k Bakote i k tym siełom prysłuszaiut ili potom pryczyneny budut, ili kotoraia sieła iznowa posadit meży swoimi sieły i s naszym dokładom, to także ieho weczno imiiet byty neporuszeno.

A Nemira sam imiiet swoi ludi sudity i winu i peresud wziaty is swoich ludii. Pakli budet Nemiryn człowek a inoho ż pana druhyy człowek i budut mity sud promeży sebe, sudity sia im pered swoimi ż pany. Pakli by sami z pany toho suda ne uzmohli doprawity i doydet tot sud do nasze albo do naszeho woiewody, tohdy nam wina [*s. 198*] is togo suda.

A takoż sztoż koli wsi ziemlane imut dawaty dań u Tatary, to serebro imijut daty Nemyryny lude. A horoda imiiut twerdyty k kotoromu ż horodu prysłuszaiut. A lisze toho ne nadobe ustupatysia u Nemiryny ludy nikotoromu ż woiewode, any s koho na ieho ludy staty, a ne nadobe ieho ludem podwody dawaty ani powoza wozity.

A pakli by niekto choteł na Nemiry poiskowaty nekotorych tych sieł, sztoż ieśmy iemu dali, ili by ot naszei brati na pered pisanaia sieła prywiliia imił, toho ieśmy pod nymi i s Bozieiu pomocziu mocziu dobywszy ich prywiliia pro ich newieru izłamali, a naszemu słuze Nemiry za ieho wiernuiu służbu dali.

A i s toho imiiet Nemira i ieho djety i ieho pryrożenyi posledcy nam i naszym dietem i naszym pryrożenym posledkom wezde wirno posłużyty i na woynu, i na pohoniu, kak i wsi ziemlane, i ostaty pry Podolskoy ziemli podle posledkow naszych po naszom żywote.

Pakli by Nemiry nelubo było u nas służyty, tohdy mozet swoie wysłużeniie zastawity, prodaty, zamenity, pożyczyty i na smertnoy postieli otdaty, komu ż uschoczet, s naszeiu woleiu dołożywsia nas swoich hospodarew s otpuszczeniiem pokłonywsia możet poyty k naszemu pryiatelu, otkola by nam szkody ne czynił.

A tomu wsemu na swedoczstwo i na potwerżeniie zawesili ieśmy peczaty naszeho kniazstwa k semu listu.

A swiedcy na to kniaz Semen Juriewicz, kniaz Wasiliy Wiinyckiy, pan Hrynko [*s. 199*] Sokoleckiy, Paweł Stupicz, Wyszko Tołstyy, Chodko Czemerewicz, Wyszko Chudyy, Paszko Wasnowicz, Adamko Swerszczkowskiy, Biedryszko, Hotart Pecz, Francko, kniażjy poczaszjy, Bernart Meszkowskiy, Michayło Proczewicz, Jakusz Cietko, Michał Popowicz, Lutko Hniewomir, Chodor Wjerozub, Płomen Skerdo, Paszko Busłowicz, Jacko.

A pisan list u Kamiancy po Bozyiem Narozenii tysiacza let trysta osimdesiat osmoho let, misiaca siemtiabra w perwuju sobotu po Wzdviżenii Czestnoho Chresta.

Ta kopia przepisana z oryginału pargaminowego ruskiego przez Imci Pana Nielubowicza dnia siodmego sierpnia 1782 roku. U dołu wiszą dwie pieczęci — iedna na sznurze z iedwabiu pąsowego i papuziego, na niey Pogonia Litewska na massie zieloney wycisniona z napisem w koło. Druga na sznurze z iedwabiu białego i pąsowego, w niey na massie czarney podobnież Pogonia Litewska z napisem w koło wyciśniona. Zaswiadczam, Adam Naruszewicz.

XII

1391.VI.20, в первыи вт(о)рн(и)къ передъ Р(о)жствомъ С(вя)то|го Ивана Кр(е)ст(ите)лѧ Б(о)жьего, Смотрич. Князь Подольской земли Федор Кориатович подтверждает прежний привилей своего брата Константина и свой для своего слуги Гринька на город Соколец и Соколецкую волость, а также передачу ему земель, которыми ранее владела его теща княгиня Андрияновая Винницкая.

Оригинал: Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 147. Оп. 2. Д. 178 («Документы кн. Радзивиллов по делу о размежевании имения Лавришево Новогрудского уезда. Пергаминные грамоты 1391, 1400 гг. и др. инвентари»). Л. 581. В настоящее время это дело расшито, находившиеся в нем старейшие пергаменные грамоты фактически хранятся отдельно.

Основные публикации и литература: *Груша А. І.* Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча ... С. 123—135; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 340—341, No 26.

Публикуется по изданию А. И. Груши, текст дополнительно сверен с фотоснимком оригинала.

Во имѧ О(т)цѧ и С(ы)на и С(вя)т(а)га Д(у)ха. Аминь.

Мы, кнѧз Федоръ Корьѧтович, Б(о)жьею м(и)л(о)стью дѣдичь и господарь Подольскои земли, чинимы свѣдочно | симъ листомъ всѧкому доброму, кто жь на сесь листъ посмотри*т* или оуслыши*т* его чтучы.

Ажъ оузрѣвши и познавши наша старѣ|ишаѧ братьѧ, кнѧз Костѧнтинъ, и мы, кнѧзь Федоръ, пана Гринькову вѣрною службу, нашего вѣрно*г*(о) слугы, ажъ вѣрно послужилъ и нашои | братьи, и намъ и дали ѥсмы ѥму с нашимъ брато*м* со кнѧзе*м* с Костѧнтиномъ за ѥго вѣрную службу городъ Соколець оу дѣднину и въ вотни|ну и дѣте*м* ѥго, и ѥго послѣдкомъ и съ селы, и съ данью, и съ винами, и съ суды, и съ пересуды, и съ мыты, и со всѣмъ, и с тымъ правомъ, ка*к* | братья наша и мы имѣли. А то свѣдчимы симъ листо*м*, што жь панъ Гринько привильѧ имѣлъ w*т* нашеи старшеѣ братьи на тотъ горо*д* | на Соколець и на татъ села, што оу семъ листѣ напсано стоить, ажь пакъ по грѣху городъ ѥму с тыми привильи сгорѣлъ, а мы па*к* | ѥму того потвердили и покрѣпили симъ наши*м* привильѥмъ и дали ѥсмы ѥму на то своѧ такаѧ жь привильѧ, ка*к* и w*т* нашеи старшеи | братьи имѣлъ. А дали ѥсмы ѥму границю к тому городу к Сокольцю: w*т* Чжюнькова доловъ Росью по оустыѥ Малоѣ Торчьцѣ, а w*т* | Плискова доловъ Роскою ажь до оустьѧ, а w*т* верха Кропивноѣ ажь до оустьѧ, а w*т* оустьѧ Кропивноѣ доловъ Богомъ ажь до оусть | Собу, а w*т* Дашевцовъ доловъ Собомъ ажь до оустьѧ Собу, а w*т* Звинигорода

дали ѥсмы ѥму границю ажь по Конелыи. И со всѣми | и с тыми потокы, што в ты рѣкы текуть, и со всѣми и с тыми селы, што по тымъ рѣкам сѣдѧть и по тыхъ потокохъ, и съ лѣсы, | и с поли, и съ дубровами, и со всѣми с тыми вжиткы, што к тому прислушаеть.

А к тои к Соколецькои волости придала ѥму наша старь|шаѧ братьѧ и мы Збыновъ потокъ весь wт верха ажь до оустьѧ а село Глинѧнець, а Вороновицю, а Прилукъ, а Ильиньцѣ, а на рѣцѣ | на Русавѣ дали ѥсмы ѥму в трехъ мѣстѣхъ люди садит. А также теща ѥго кнѧгини Андриѧноваѧ Вѣиницькаѧ оуздала пану | Гринькови и своимъ дѣтем своѧ села перед нами и передо всею нашею радою и с нашею волею на имѧ: село Микулиньцѣ, Лѣтыню, Во|нѧчинъ, Дешковцѣ, Стрѣжевку, и со всѣмъ с тымъ, што к тому прислушаѥть — то также ѥму вѣчно ѥсть и ѥго послѣдком. А то все | дали ѥсмы пану Гринькови и ѥго дѣтем и с тым жь правомъ, как и Соколецькую волость.

А такожь и то дали ѥсмы пану Гринькови: | коли поидеть wт него за иного ѥго ч(о)л(о)в(е)къ, тогды имѣѥть панъ Гринько взѧти на своѥмъ ч(о)л(о)вѣцѣ земльскоѥ право 4 гривны, а па|на Гриньковым людем не надобѣ поити ни на wдну на нашю роботу: ани городовъ нашихъ ветошныхъ не потверживати, ани подвод | давати, ани повоза возити, одно ѥго люде Гнилорудчане имѣють помочи повоза возити и подводы давати, коли сѧ пригодит, | а также то коли будем новыи город рубити оу своеи земли или в неприѧтѣлскои, тогды панъ Гринько имѣеть нам помочи и съ сво|ими людми того города рубити. Иже то, што жь коли имуть вси землѧне дань давати [1-] намь [-1] или посла поднимат, то пана | Гринькови люде также имѣють дань дати [1-] намь [-1] и посла поднимати, пакли быхомъ коли тоѣ дани [1-] намь [-1] не дали, а со|бѣ ю имали, тогды панъ Гринько также имѣеть собѣ взѧти ту дань на своихъ людех, а лише того оу пана Гриньковы не надоб(е) | нам сѧ въступати, ани нашим воѥводам на ѥго люди дѣцког(о) слати, развѣ пана Гринька же суть ѥго люде. А и с того панъ Гринько | и ѥго дѣти, и ѥго послѣдци имѣють нам и нашим дѣтем, и нашим послѣдком везде вѣрно послужити: и на воину, и на погоню, какъ и вси | землѧне, и остати при Подольскои земли подлѣ послѣдковъ нашихъ по нашом животѣ. А пакли бы пану Гринькови не любилосѧ | бы ѥму в нас служит, тогды панъ Гринько можеть тотъ городъ Соколець и то все своѥ выслужѣнье, што ж на семъ листѣ напсан(о), | ѥсть волно ему в том: можеть продати, заставити и на см(е)ртнои постели wтдати кому жь хочет с нашею волею, доложив сѧ нас, своег(о) | г(о)с(по)д(а)рѧ, съ отпущеньемъ, поклонивсѧ, можеть ити куды хочет.

А тому всему на крѣпость и на свѣдочство, и на потвержѣнье за|вѣсили ѥсмы печать нашег(о) кнѧзства к сему листу.

А свѣдци на то: панъ Немирѧ Бакотьскии, Янушко Скѣпецьскии, Михаило | Процевичь, Павелъ Ступич, Печь Шюмозкии, панъ Рогозка,

панъ Бедришко, Ходко Вѣрозубъ, панъ Вышко Толъстыи, Ходько | Чемеревич, панъ Прокопъ, Пашко Васнович.

А писалъ листъ кнѧжии писарь Аньдрѣи Морхына, по Б(о)жьємъ нароженьи 1000 лѣт | и 300 лѣтъ девѧносто первого лѣта, оу городѣ оу Смотричи, м(е)с(е)цѧ июнѧ въ 20 д(е)нь, в первыи вт(о)рн(и)къ передъ Р(о)жствомъ С(вя)то|го Ивана Кр(е)ст(ите)лѧ Б(о)жьего.

[1-1] Написано на подчищенном более крупным почерком вместо слова из 7—8 букв («татарамъ» или «в татары»?).

XIII

1392.VII.01. [Место не указано]. Князь Подольской земли Федор Кориатович жалует четыре села своему слуге Бедришку.

Оригинал: неизвестен. В XVII в. его вместе с подтверждением короля Сигизмунда Августа представил люстраторам генеральный староста подольский, каменецкий, летичевский и брацлавский Валенты Александр Калиновский («Przywilej wieczny od kniazia Teodora Kuryatowicza, hospodara Ziem Podolskich, ruthenico idiomate napisany, stary, u którego pieczęć jest zawieszona dobra, nie podejrzana, który przywilej jest potem przetłumaczony i w konfirmacyą ś. pamięci Zygmunta Augusta włożony»).

Копия 1: в составе подтверждения короля Сигизмунда Августа (Петрков, 3 мая 1567 г.). Перевод на старопольский язык. Пергамен представили в королевскую канцелярию родные сестры Констанция Кемличова, Елизавета Добромирска, Катерина Радецка и София, наследницы Анны Сецеховой, которая владела селом Супронковичи и этим документом.

Основные публикации и литература: Źródła dziejowe. T. 5. S. 20—22; *Сіцінський Ю.* Поділля під владою Литви … С. 41—42; *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 341—342, No 27.

Публикуется по изданию Źródła dziejowe.

W Imię Ojca i Syna i Ducha Świętego. Amen.

My, kniaź Fedor Kuryatowicz, Bożą miłością kniaź i hospodar ziemie Podolskiej, czynimy wiadomo naszym listem każdemu dobremu, ktokolwiek na ten list pójrzy ile usłyszy i on czytając, że my, kniaź Fedor, daliśmy słudze naszemu wiernemu Bedryszkowi za jego wierną służbą wsi nasze na imię Satermince, Olechowce, Klimince, Supronkowice w dziedzictwo i w ojczyznę i dzieciom jego ze wszystkiem prawem, z danią, świniami [*sic*] i sądy, przesądy.

A Bedryszko ma swe ludzie sądzić i winy i przesądy ludzi swoich brać.

A w Bedryszkowe ludzie nie potrzeba się wstępować żadnemu wojewodzie, tylko Bedryszkowi, że są jego ludzie.

Tylko kiedy wszyscy ziemianie będą dawać dań w Tatary, tedy srebro mają dawać Bedryszkowi ludzie.

A zamku mają poprawować, ku któremu zamkowi będą przysłuchawać.

A Bedryszko i jego dzieci i jego potomkowie mają nam i naszym dzieciom i naszym przyrodzonym potomkom wszędy wiernie zasługować, a wojnę na poganina [*sic*] jako wszyscy nasi ziemianie.

A jeśliby się Bedryszkowi nie podobało u nas służyć, tedy może swoje usłużenie zastawić, przedać, zamieniać i oddać komu będzie chciał, z naszym dokładem, dołożywszy się nas swoich hospodarów, z odpuszczeniem pokłoniwszy się, może pójść kędy będzie chciał.

A temu wszystkiemu potwierdzeniu na świadectwo, przywiesiliśmy pieczęć naszego księztwa ku temu listu.

Świadkowie na to pan Niemierza Bakocki, pan Paweł Stupicza, pan Michaiło Proczowicz etc. i wiele inszych dobrych ludzi, ku temu na posłuch.

A pisał ten list Hreor pisarz po Bożem Narodzeniu tysiąc lat trzysta lat dziewięćdziesiąt lat i dwie lecie, w pierwszy dzień miesiąca Juliusza.

XIV

[1392.VIII.09], по Божо*м* нароженью 1000 и 300 и другое лѣ*то* в пѧ*т*ницу пере*д* Небовзя*т*емъ Панны Марыи. Каменец. Князь и господарь Подольской земли Федор Кориатович жалует своему слуге Пашку Васневичу семь сел в Брацлавской волости.

Оригинал: неизвестен.

Копия (XVI в.): Archiwum Narodowe w Krakowie. Archiwum Dzikowskie Tarnowskich. 2.12. Pokolenie XI: Zofia z Firlejów: żona Jana Stanisława Tarnowskiego (2v Piaseczyńska). Sygn. 135 (Papiery Piaseczyńskich (rodzinne, majątkowe, publiczne). S. 28—29.

Основные публикации и литература: *Микульский Ю. Н.* Новая грамота князя Федора Кориатовича ... С. 147—150; *Михайловський В. М.* На маргінесі ... С. 188—197.

Публикуется по изданию Ю. Н. Микульского, текст дополнительно сверен по фотоснимку рукописи.

Во имѧ Г҃о*т*ца и Сына и Светого Духа. Аминь.

Мы, кн(я)зь Федоръ Куриѧтовичъ, Бо*ж*ю м(и)л(о)с*т*ю кн(я)зь господа*р* Подолское земли, чини*м* ведомо ты*м* листо*м* ко*ж*дому добро*м*у, хто *ж* на то*т* лис*т* на*ш* посмотрить и услыши*т* его чтучи, и*ж* я, кнѧ*з* г(о)с(по)д(а)рь, дали есмо слузе своему Пашку Васневичу села в Браславско*и* волости за его верную слу*ж*бу в дедизну, w*т*чизну и детѧ*м* его зо вси*м* правомъ, з даньми, з винами и з судами и с пересуда*ми* на и*м*я села

Шандыровъ, Новоселицу на Богу, а w*т* устьѧ Бразницы до Кутелевы пасеки з wбудву сторо*н* Богу не мае*т* сѧ нихто уступовати по потоки, што тутъ пришли и въ wзеро. Третее село Косте*н*тиновъ, а wтъ устьѧ бегучы доле [*sic*] Сильницою з wбо*х* сторонъ до Собачъего млынища, а в то сѧ не маеть нихто вступовати. Четвертое село Куничее на Бершади. Пѧтое село[1] Гавриловцы по*д* Куничимъ. Шостое Яго*л*ковцы на Рогозне. Семое Бакъсановцы на Дмитрове.

А Пашко мае*т* са*м* свои люди суди*ти* и вины и пересуды зъ своих люде*и* взѧти.

А Пашковы*м* люде*м* волно во всих лесех стоѧти пасеками и бчо*л* искати, а Пашко мае*т* на нихъ перепи*с* мѣти, и ловити куницы и искати в Саврани, и Сарадчыне, и Боброве. А Пашкови изубры ловити, а Пашковы*м* люде*м* ани кн(я)жее пашни на горо*д* робити, ани ставовъ ставити, ани сторожо*в*щины давати, ани цебровщины, ани сена на горо*д* давати, ани повозовъ возити, а та*к* же што коли маю*т* вси земѧне дань давати в татары, тое маю*т* дати Пашковы люди. А города маютъ твердити, до которого будуть [*с. 29*] слушати. А wпро*ч* того не вступоватисѧ в Пашковы люди никоторо[м]*у* воеводе, кромѧ Пашка [а]бо его люде[и]. А Пашко маеть намъ с того служити, ани воеводе посылати де*ц*кого на Пашковы люди [а]бо его люде. А на во*и*ну и на погоню якъ вси земя*не*.

Пакли буде*т* Пашкови не любо у на*с* служити, тогды Пашко моце*н* свою выслугу заставити албо продати, доложившися г(о)*с*(по)д(а)ра своего, и с кн(я)жимъ дозволеньемъ, поклонившисѧ, може*т* ити до кн(я)жого приѧтелѧ.

А тому всему на утверженье и на сведомъе своего кн(я)зства завесили есмо печать своего кн(я)зства.

А на то*т* ли*ст* сведъки кня*з* Василе*и* Вѣницки*и*, и па*н* Гринько Соколе*ц*ки*й*, и Павелъ Слупица [*sic*], па*н* Ходко Чемеревич, па*н* Немира Бакотъски*и*, па*н* Бедры*и* [*sic*], че*р*каски*и* воевода, па*н* Печъ, па*н* Прокопъ Скале*ц*ки*и* воевода, па*н* Фронцко, по*д*чаши*и*.

А писалъ листъ Молохвѣ*и*.

А писано в Каменцы по Боже*м* нароженью 1000 и 300 и другое [*sic*] лѣ*то* в пѧ*т*ницу пере*д* Небовзя*т*емъ Панны Марыи.

[1] В рукописи зачеркнуто.

XV

1392.[XII.06], an sint Niclos tag. Белз. Князь Литвы, владетель Луцка и других земель Витовт признает, что при посредничестве короля Польши, верховного князя литовского и наследника Руси Владислава (Ягайла), он примирился с владетелем Литвы князем Скир-

гайлом и обязуется помогать ему против неприятелей; кроме того, он обещает передать князю Скиргайлу Киевскую землю, отобрав ее у князя Владимира (Ольгердовича), и соглашается с тем, что король Польши пожаловал князю Скиргайлу замок Кременец и волость Стожек, за что Скиргайло должен вернуть Витовту его вотчину.

Оригинал: первоначально находился в Коронном архиве в Кракове. В инвентаре 1682 г. описывается следующим образом: «Vitoldi cum Skirgiellone concordia et societas contra omnes hostes excepto rege, et Skirgiello creatur dux Kiioviensis pulso Vladimiro. Datum in Belz, die S. Nicolai, anno 1392». В настоящее время хранится в Библиотеке Чарторыйских в Кракове: BCzart. Perg. 236. Это пергамен размерами 340 × 195 мм, с закладкой для печати 60 мм. Текст документа писан немецким готическим курсивом последней четверти XIV в. К документу на пергаменной ленте привешен оттиск печати на материале красного цвета. Посередине оттиска изображение воина на коне с поднятым мечом («Погоня»). Вокруг изображения надпись: «✝ S[IGILLUM] VITOLDI DVCIS LITWAN[I]E ET DO[MIN]I GRODNI[ENSIS]».

Копия 1: как сообщил публикатор А. Соколовский, копия была включена в состав 9-го тома «Папок Нарушевича», однако обнаружить ее мне не удалось. Судя по публикации в издании «Codex epistolaris saeculi decimi quinti», она очень неисправна и во многом расходится с оригиналом.

Основные публикации: *Daniłowicz I.* Skarbiec … T. 1. S. 296, No 622 (регест по инвентарям Коронного архива); Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 1. S. 17—18, No 20 (по копии 1); *Szelińska W., Tomaszewicz J.* Katalog … S. 114, No 266 (регест).

Текст публикуется по фотоснимку оригинала.

Withowt von Gotis genadin herczog czv Lithaw, her czv Lauczk vnd andir lanth etc.

Wyr bekennen offinlich mit desim kegenwortigem | brif allin den, dy yn horn adir lesen, das wyr mit dem irluchtigstene furste vnd hern herczog Skirgal, hern czu Lithaw etc., vn*ser*m liben | brudir vor eynt vnd czu fru*e*nth gemacht seyn dorch den irluchtigstin furst vnd hern hern Wladislaw von Gotis genadin konik czu Polan, | obirstem furste czv Lithaw vnd erblink czu Russen etc., vns*er*n genadigen hern vnd liben brudir alzo, das wyr czweschin andir allir krige | vnd wedirczemikeyt vorgessen sullen. Dy do beydenthalben czweschen vns geuest seyn, dy sullen alle tot seyn, alzo das wyr yr niemmer gedenken | sullen ebiclichen.

Wyr gelobin auch dy selbige forrichtunge gancz vnd feste halden an alle argelist ebiclichen.

Wyr gelobin auch, das | wyr keyn fint des selbigen herczog Skyrgal, vn*ser*s liben brudirs, wedir enhelfen wellen, sundir ym ken allin seyn finden helfen vnd | raten mit allir vn*ser* macht vnd mit vn*ser*n[1] folke vnd mit ym steiz ken allin seynen finden, alleyn den irluchtigsten fursten vnd hern hern | Wladislaw von Gotis genadin konik zu Polan etc., dy konigenne seyne heusfraw, ir kindir, das konikrich vnd auch dy Crone von Polan, | vnd auch yr erblinge ausgenomen. Beyden wir ebiclichen sten sullen, ynhelfen vnd raten an alle argelist ebiclichen.

Wyr gelobin | auch, das wyr das haus czu Kyow, stete vnd huser, dy der herczog Wlodimir von Kyow gehalden hat, ym mit der holfe Gotis gewinnen schire, vnd ym das eyngebin an vndirlas in seyne hende vnd auch an alle argelist vnd nicht dofon lassen, mit aldem das czu dem huse | Kyow gehort vnd czu andirn husirn, dy Wladimir, herczog von Kyow, gehalden hat vnd das das do ist insnicht ausgenomen. Auch is | das mit vn*ser*m guttene villen, vn*ser*m vissen geschen das dem selbigem vorgenantem herczog Skyrgal, vn*ser*m liben brudir, der vorgena*n*te | konik von Polan, vn*ser* genadiger her, das haus Cremencz mit aldem, das dorczu gehort, vnd auch das gebith Stoszek mit aldem, das dor|czu gehort, ebiclichen gegebin hat ym vnd seynen erben, won der selbige herczog Skyrgal, vn*ser* liber brudir, vn*ser* veterlich erbe, das | her helt, vns sal wedir gebin von geheise des irluchtigstin fursten vnd hern hern Wladislaw, von Gotis genadin konik czu Polan etc., un*ser*s | liben hern vnd brudir.

Vnd czu eyner grossir sicherheit der dink zo hab wyr vn*ser* ingesegel lossen anhengen.

Ergebin czu der Belze an sint | Niclos tag in dem jare der geborth Christi teusunt jar dreyhundirt vnd in dem nunczigstem vnd in dem andir jar.

[1] Слово читается нечетко из-за пятна.

На обороте позднейшие записи: 1) Concordia inter Skirgal et Vito... duces ... facta; 2) Vitoldi cum Skirgalo concordia et | societas con[tra] omnes excepto rege | Polonia; 3) Et Skirgellonem creat Kyouien dux | pulso Wlodimiro; 4) 1392; 5) N 27 (зачеркнуто); 6) 29; 7) 34; 8) 163.

Перевод

Витовт, милостью Божией князь Литвы, владетель Луцка и прочих земель.

Доводим настоящей грамотой до всеобщего сведения всех, кто ее услышит или прочтет, что мы со светлейшим князем и господином князем Скиргайлом, владетелем Литвы и проч., нашим возлюбленным братом, приведены к единству и дружбе при посредничестве светлейшего князя

и владетеля господина Владислава, милостью Божией короля Польши, верховного князя Литвы и наследника Руси и проч., нашего милостивого господина и также возлюбленного брата, с тем что мы должны забыть всю вражду и неудовольствия, существовавшие между нами. Что было с обеих сторон между нами, то должно быть все похоронено, так чтобы мы об этом уже никогда в будущем не вспоминали.

Обещаем также это соглашение всецело и твердо соблюдать безо всякого лукавства на вечные времена.

Обещаем также, что не будем помогать никакому неприятелю указанного князя Скиргайла, нашего возлюбленного брата, но будем помогать ему и советовать против всех его неприятелей со всей нашей силой и с нашими людьми и вставать вместе с ним на всех его неприятелей, кроме светлейшего князя и владетеля господина Владислава, милостью Божией короля Польши и проч., его королевы госпожи, их детей, королевства и Короны Польской, а также их преемников. Обоим мы должны всегда помогать и советовать безо всякого лукавства на вечные времена.

Обещаем также замок Киев, места и замки, которые князь Владимир Киевский держит, для него с Божией помощью добыть и ему передать без промедления в его руки также безо всякой хитрости, ничем из этого не распоряжаясь, со всем, что принадлежит к тому замку Киеву и к другим замкам, которые Владимир, князь Киева, держит, и со всем без исключения, что там есть. Также если бы по нашей доброй воле и с нашего ведома упомянутый король Польши, наш милостивый господин, передал тому же вышеназванному князю Скиргайлу, нашему возлюбленному брату, замок Кременец со всем, что к нему принадлежит, и волость Стожек со всем, что к ней принадлежит, навечно ему и его наследникам, то за это названный князь Скиргайло, наш возлюбленный брат, по приказу светлейшего князя и владетеля господина Владислава, милостью Божией короля Польши и проч., нашего милостивого господина и брата, должен нам вернуть нашу вотчину, которую он держит.

Для надежного засвидетельствования этого дела мы приказали привесить к этой грамоте нашу печать.

Дано в Белзе в день святого Николая в год от Рождества Христова тысяча триста девяносто второй.

XVI

[1393.V.20], в год курицы, в 795 г. хиджры, лунного месяца реджеба 8 дня. На Дону. Хан Золотой Орды Тохтамыш напоминает королю польскому, верховному князю литовскому Владиславу (Ягайлу), о состоявшемся ранее обмене посольствами, сообщает о замятне в Орде, требует присылки дани.

Оригинал: AGAD. Zbiór pergaminów, dok. No 5612. Текст, написанный на двух листах бумаги на джагатайском (восточнотюркском) языке уйгурскими буквами.

Копия 1: до революции находилась в Московском главном архиве МИД России. Перевод оригинала на западнорусский язык, сделанный в конце XIV в., т. е. в ближайшее время после 20 мая 1393 г., в канцелярии короля Владислава (Ягайла). По описанию М. А. Оболенского, текст был переписан полууставом на двух листах хлопчатой бумаги; на первом листе водяной знак в виде бычьей головы. Текст содержит некоторые дополнения по сравнению с оригиналом, поэтому не исключено, что он расширен с учетом содержания посольских речей. В конце грамоты почерком XV в. помечено: Legatio Tartarica in p(rese)nti l(ite)ra Rutenicali continetur.

Копия 2: перевод на польский язык, сделанный с западнорусского перевода в XVII в. и помещенный на обороте копии 1.

Основные публикации и литература: Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша ... С. 5—26 и далее (по оригиналу, копиям 1 и 2); *Радлов В. В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга ... С. 21 (по оригиналу и перевод на русский язык); *Самойлович А. Н.* Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 141—144; *Розов В. А.* Українські грамоти ... С. 47—49 (по изданию Оболенского; датировал оригинал 20 мая 1393 г.); Грамоти XIV ст. С. 112, № 58 (по изданию Розова); Ярлык Тохтамыша: второе возвращение // Гасырлар авазы — Эхо веков : научно-документальный журнал. 1998. № 1/2. С. 16—17 (по оригиналу и переводу на польский).

Перевод на западнорусский язык публикуется по изданию В. А. Розова.

Перевод оригинала на современный русский язык

Перевод И. Н. Березина

Тохтамышево слово Ягайлу.

Мы послали послов, из коих главные Котлубуга и Асан, дать знать о восшествии на великое место, и ты также послал к нам присланника. Третьего года несколько угланов, из коих важнейшие Бекбулат и Ходжа Медин, и беки, из коих главные Бекгич и Турдучак

Перевод В. В. Радлова

Я, Токтамыш, говорю Ягайлу.

Для извещения о том, как мы воссели на великое место, мы посылали прежде послов под предводительством Кутлу Буги и Хасана, и ты тогда же посылал к нам своих челобитников[1]. Третьего года послали некоторые огланы, во главе которых стояли Бекбулат и Коджа-

Берди Давуд, отправив вперед человека, по имени Идикгия, послали (без моего ведома) к Темирю. По тому требованию он выступил. Когда он, веруя в лукавое сердце и такой же язык их, пришел тайно вперед, мы, узнав, собрались; во время битвы прежде те дурные люди ушли с места, отчего и народ ушел с места. Вот что было причиной бывшему до тех пор тому делу. Бог, нас пожаловав, предал нам враждующих угланов и беков, из коих главные Бекбулат, Ходжа Медин, Бекгич и Турдучак Берди Давуд.

Теперь мы послали послов, из коих главные Асан и Тулу Оджа, дать знать об этом случившемся.

А далее, с подданных нам волостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну. Еще по прежнему правилу (мои) негоцианты и твои купцы пусть ходят одни к другим: признавая это хорошим для Великого Улуса, мы утвердили грамоту с золотым знаком.

Велено написать курячьяго года гиджры семьсот девяносто пятого ново-лунного месяца Реджеба восьмого дня, когда Орда была на Дону.

медин, и беки, во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-берди и Давуд, человека по имени Эдугу к Темиру, чтобы призвать его тайным образом. Он пришел на этот призыв и согласно их злонамерению послал им весть. Мы узнали об этом (только) тогда, когда он дошел до пределов (нашего) народа[2], собрались, и в то время, когда мы хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись и вследствие этого в народе произошло смятение[3]. Все это дело случилось таким образом. Но Бог милостив был и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Коджамедин, Бекиш, Турдучак-берди и Давуд.

Для извещения об этих делах мы теперь посылаем послов под предводительством Хасана и Туулу Ходжи.

Теперь еще другое дело:[4] ты собирай дань с подвластных нам народов[5] и передай ее пришедшим к тебе послам; пусть они доставят ее в казну. Пусть по-прежнему опять[6] твои купеческие артели разъезжают; это будет лучше для состояния великого народа[7].

Такой ярлык с золотым знаком мы издали. В год курицы, по летосчислению в 795-й, в 8 день месяца Реджеба, когда орда была в Тане, мы (это) написали.

Поправки А. Н. Самойловича к переводу В. В. Радлова

[1] «Текст турецкий дает слово в единственном числе „kilečingni“, а текст старо-русский даже называет по имени этого единственного „киличея“: „вы паки

послали есте к нам посла вашего литвина на имя Невоиста". Предложенные Березиным и Радловым этимологии слова „kileči" являются устарелыми <...> В ярлыке Тохтамыша Ягайлу предлагаю переводить слово „kileči" — „вестник"».

[2] «Вместо „до пределов (нашего) народа" лучше переводить „до пределов государства", имея в виду старое значение слова el (по Махмуду Кашгарскому: „vilajet" — „область, провинция", по другим источникам „государство") и соответствующее место старо-русского текста ярлыка „у нашой державе"».

[3] «Вместо „в народе произошло смятение" лучше было бы сказать „в войске произошло смятение", так как одним из значений слова „el" является, по Махмуду Кашгарскому (I, 49), „hejl" — „конница" и так как соответствующее место в старо-русском тексте гласит: „все люди, вся рать"».

[4] «Вместо „теперь еще другое дело" следует переводить „А что касается нынешнего времени" или короче „ныне же"».

[5] «Вместо „с подвластных нам народов" лучше переводить „с подвластных нам областей", считаясь с упомянутым значением слова „el" и со старо-русским текстом, в котором стоит „волости"».

[6] «Вместо „пусть по-прежнему опять" следует переводить „Далее: («basa») пусть по-прежнему"».

[7] «Вместо „для состояния великого народа" следует переводить „для состояния великой страны" („ulug ulus") или „великого улуса", т. е. улуса Джучиева».

Перевод оригинала на западнорусский язык (после 20 мая 1393 г.), расширенный за счет прибавления содержания посольских речей

Слово Тактамышево къ королеви Польскому.

Вѣдомо даемъ нашему бра*т*(у), ажь есмь сѣлъ на столѣ великого ц(а)рства. Коли есмь первое сѣлъ на ц(а)рьскомъ столѣ, тогда есмь послалъ былъ к вамъ Асана и Котлубугу вамъ дати вѣдание. И наши посли нашли ва*с* под городомъ под Троки стомчи. Вы пак послалие [*sic*] есте к намъ посла вашего Литвина на имѧ Невоиста. Оу другомъ пакъ лѣтѣ стала межи на*с* замѧтнѧ. Нашь племеньни*к* Бекбула*т*ъ и Хочжа Мединъ оучинилсѧ намъ ворогъ и оуста*ли* на на*с* и ѣще к тымъ Бекгичь и Турдучакъ Берди, Давыдъ. Ти кнѧ*з*(и) головнии мои были слуги и тии стали намъ ворогъ. И оу мене служаче и почали коромолити на мене. Послалисѧ wдного на имѧ Идикгиѧ до Аксакъ Темирѧ, на мене лих*о*го мыслѧче. По тыхъ посланию, по Идикгиеву посольству, вышолъ на мене Аксакъ Темирь Желѣзнаѧ нога w*т* Чорного Пѣска. Тогда Аксакъ пришолъ такъ таино на насъ, аже не было намъ никакоѣ вѣсти а ни слова. Алижь оузрѣли есмо его оу нашой державѣ, мы пак не поспѣли есмо испрѧтати всеѣ силы нашеѣ. Толко што wколо на*с* нашь дворъ есть и с тыми стали есмо противъ того Аксака. Тъи исныи Бекбулатъ, нашь ворогъ, насъ выдалъ и побѣглъ w*т* насъ. Коли тои лихии Бекбула*т* побѣглъ, тогда вси люди, всѧ рать на бѣгъ повернулисѧ. То дѣло потолѣ стало. Б(ог)ъ насъ пожаловалъ wпѧ*т*, наши непрiѧтели ворози

далъ намъ всихъ оу наши руки. Мы ихъ сказнили, такъ што wпѧть не будуть намъ пакостити.

Нынѣ послалъ есмь к вамъ слуги наши, Асана и Тулу ꙮчжю, то повѣдати вамъ, нашему брату, абы то вѣдали вы.

А што межи твоеѣ землѣ суть кнѧжинѧ, волости давали выходъ Бѣлои ꙮрдѣ, то намъ наше даите, а што будеть вашеѣ державы под нами, а мы за то не стоимъ вамъ: ищите своего, а мы вамъ дамо.

А и ѣще што было межи насъ какъ здавна гостемъ путь чистъ, и вашимъ и нашимъ торговцемъ безъ приимъ, без пакости всѧкому ч(о)л(о)в(е)ку, и чорнымъ людемъ промъслъ.

На то все послали есмо сеи нашь ѧрлыкъ и с нашею печатью золотою, абы то крѣпко было.

А тои ѧрлыкъ писано оу ꙮрдѣ на оустьи Дону курѧчего лѣта а мѣсѧцѧ 8 Речипа.

Какъ wт(е)ць нашь, какъ w(т)ци ваши были заwдно, послы сылали межи собою, а мы такоже хочемъ с вами быти. Аже будеть вам надобѣ помочь на кого на ворога вашего, ѧзъ самъ есмь готовъ за того тобѣ на помочь всею моею силою, а толко вѣсть намъ даите. А коли пак потомъ коли намъ бы надобѣ, вы намъ такови же будте.

XVII

1394.[X.11], die dominico proximo post diem beati Francisci. Холм. Король Польши, верховный князь Литвы, наследник Руси Владислав (Ягайло) за заслуги, оказанные князем Литвы Александром, или Витовтом, жалует ему Каменец и Каменецкую волость со всеми угодьями в старинных границах, если с Божией помощью их удастся захватить.

Оригинал: писанный на пергамене, по данным Я. Куртыки, после 1395 г. был передан владетелю Подолья, краковскому воеводе Спытку из Мельштына, и до начала XVI в. находился в архиве Мельштынских. В настоящее время его местонахождение неизвестно.

Копия: текст оригинала был включен в состав транссумпта, выданного гнезненским архиепископом Войцехом Ястржембцом 3 февраля 1434 г. по просьбе краковского воеводы Яна из Тарнова и хранившегося в Коронном архиве в Кракове. Копия этого транссумпта, по данным Я. Тенговского, сохранилась в сборнике XVI в. из Курницкой библиотеки Польской Академии наук, рукопись 203, л. 79—80.

Основные публикации и литература: *Daniłowicz I.* Skarbiec … T. 1. S. 302, No 649 (по архивному регесту транссумпта); *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola … S. 171—172 (по копии из Курницкой библиотеки); *Kurtyka J.* Repertorium Podolskie … S. 345—346.

Латинский текст воспроизводится по публикации Я. Тенговского.

In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam.

Wladislaus, Dei gratia rex Poloniae, Lithuaniae princeps supremus et haeres Russiae etc. Significamus tenore praesentium, quibus expedit universis tam praesentibus, quam futuris, quod consideratis multiplicia fidelitatum studiosa obsequia serenitate nostre illustrique principi domine Heduigi, reginae Poloniae etc., consorti nostrae charissimae, terris nostris ac Coronae Regni Poloniae per illustrem principem Alexandrum alias Vitoldum ducem Lithwaniae etc., fratrem nostrum amantissimum, exhibita et in futurum vti dignum arbitramur exhibenda, horum consideratione volentes ipsum gaudere praerogativa singulari sibi castrum nostrum Camenecz in terra Podoliae situm, dum ipsum Divino auxilio suffulti acquiremus, damus, conferimus et donamus donatione perpetua et irrevocabili[ter] perpetuis temporibus duraturis eidem domino Vitholdo suisque haeredibus ac successoribus legittimis per ipsum tenendum, habendum, utifruendum, vendendum, obligandum pro ipsius suorumque haeredum ac suorum legitimorum beneplacito voluntate cum omnibus solutionibus eiusdem castrum Camenecz utilitatibus, fructibus, censibus, proventibus ac pertinentiis universis ullius penitus exclusis prout ipsum castrum Camenecz ab aliis castris in terra Podoliae situatae in graniciebus suis ab antiquo longae latae que circumferentialiter est limitatum et distinctum. Tali tamen conditione interposita, quo idem Vitoldus, frater noster dilectus, suique haeredes et successores legittimi nobis, consortique nostrae predictae, pueris ac successoribus nostris legittimis ac etiam Coronae Regni Poloniae perpetuo, prout caeteri duces fratres nostri, servire et astrictus auxiliis, consiliis, favoribus, hominibus cum tota sua potentia contra omnes nostros ac Coronae predictae inimicos, dum per nos fuerit requisitus.

Nos vero prefatum dominum Vitoldum fratrem nostrum charissimum tueri promittimus et defensare contra suos aemulos et inimicos.

Harum quibus sigillum nostrum appensum est testimonio literarum.

Actum in Chelm die dominico proximo post diem beati Francisci Anno Domini 1394.

Praesentibus illustribus ac nobilibus dominis Skirgalone, duce Lithwaniae etc., fratre nostro charissimo, Jacussio de Coneczpole, palatino Siradiensi, Demitrio aulae regiae marschalco, Joanne Curopathwa, venatore et capitaneo Lublinensi, Dziuissio de Marzanczicze, Petro Pyenyasek de Vithowicze et aliis quampluribus nostris fidelibus fidedignis.

Datum per manus nobilis Zaklicze, aulae nostrae cancellarii, scripta vero per manus Nicolai de Curow, artium magistri ad ecclesiam Poznaniensem postulati.

Перевод

Во имя Божие аминь. Для вечной памяти.

Владислав, Божией милостью король Польши, верховный князь Литвы, наследник Руси и проч. Объявляем настоящим актом всем, кому надлежит, как нынешним, так и будущим, что, приняв во внимание верность и усердное послушание, которые многократно проявлены, а в будущем, полагаем, и далее должным образом проявляться будут светлейшим князем Александром, или Витовтом, князем Литвы и проч., братом нашим возлюбленным, по отношению к нашему величеству и к светлейшей владетельнице госпоже Ядвиге, королеве Польши и проч., супруге нашей досточтимой, а также к нашим землям и Короне Польского королевства, мы с учетом этого, желая его пожаловать особым отличием, наш замок Каменец, расположенный в Подольской земле, если добудем его с Божией помощью, передаем, отдаем и жалуем в дар навечно и безотзывно на вечные времена указанному господину Витовту, его законным наследникам и преемникам с правом держания, владения, использования, продажи, передачи в залог по его и его законных наследников и [преемников] благоугодному желанию со всеми платежами, следующими этому замку Каменец, доходами, податями, сборами и угодьями всякого рода, ничего не исключая, таким же образом, как этот замок Каменец от других замков, расположенных в Подольской земле, границами своими с давних времен в ширину и в длину со всех сторон отмежован и отделен.

Настоящее пожалование, однако, дается под тем условием, чтобы указанный Витовт, наш милый брат, его законные наследники и преемники нам, нашей вышеупомянутой супруге, нашим детям и законным преемникам, а также Короне Польского королевства вечно, как и некоторые князья наши братья, служили и оказывали помощь советом, благожелательной поддержкой, людьми со всей своей силой против всех наших и указанной Короны неприятелей всякий раз, когда нам это будет необходимо.

Мы же обещаем указанного владетеля Витовта, нашего досточтимого брата, охранять и защищать против своих врагов и неприятелей.

Для засвидетельствования этой грамоты привешена наша печать.

Дано в Холме в ближайшее воскресенье после дня святого Франциска в год 1394.

В присутствии благородных и знатных мужей — господина Скиргайла, князя Литвы и проч., нашего возлюбленного брата; Якуша из Конецполя, воеводы серадзского; Дмитрия, дворного маршалка; Яна Куропатвы, люблинского ловчего и старосты; Дзивиша из Мажанчиц; Петра Пенёнжека из Витовиц и многих других наших верных, достойных доверия.

Выдано при посредстве благородного господина Заклики, канцлера нашего двора, писал же Николай из Курова, магистр искусств, назначенный к церкви Познанской.

Библиография

Сокращения

АНБ — Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993.
ВКЛЭ — Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005 (т. 1); 2006 (т. 2); 2010 (т. 3).
ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РНБ — Российская национальная библиотека.
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси.
ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете.
AGAD — Archiwum główne akt dawnych.
BCzart — Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.
CDL — Codex diplomaticus Lithuaniae.
CDP — Codex diplomaticus Prussicus.
CEV — Codex epistolaris Vitoldi.
KDKDW — Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej.
LM — Lietuvos Metrika.
MPH — Monumenta Poloniae historica.
RTH — Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie.
SRP — Scriptores rerum Prussicarum.

Архивные материалы

Archiwum główne akt dawnych

Archiwum Radziwiłłów. Dz. VIII. Sygn. 511. S. 17; Sygn. 522. S. 2, 4. — [1444.IX.01 — 1445.II.28]. Киев. Князь Александр Владимирович жалует католическому костелу святого Михаила в Слуцке село, которое ранее

держал Одинец, двух человек Бродку и Супрона, а также данников в Осовце и Пасеке, хлебную десятину со двора Старицы и подать («грошовники») с мясников на Слуцком рынке.

Archiwum Radziwiłłów. Rękopisy z biblioteki Radziwiłłów w Nieświże. VIII-16. Zebranie przywilliów praw i spraw roznych y na różne majętności.

F. 358. BOZ, nr. 33. Inwentarz Archiwum Koronnego Jana Zamojskiego. T. IV.

Metryka Koronna. Libri legationum. Nr. III. Fol. 65—68. «Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie». URL: http://www.agad.gov.pl/inwentarze/Metr_Korx.xml (дата обращения: 08.08.2018).

Zbiór pergaminów. Dok. No 651. — [Около 1352.IX]. [Дата и место не указаны]. Литовские князья Евнутий, Кейстут и Любарт, Юрий Наримонтович и Юрий Кориатович, действуя также от имени великого князя Ольгерда, Кориата, Патрикея и их сыновей, заключают перемирие с королем Польши Казимиром, с Земовитом и его братом Казимиром Мазовецким.

Zbiór pergaminów. Dok. No 4526. — 1367.[XI.07], Dominica die ante festum Martini Pontificis gloriosi. Рига. Магистр Ливонии Вильгельм фон Фримерсхайм и ландмаршал Ливонии Андреас фон Штенберг заверяют договор о разбойниках («pax latrunculorum»), заключенный с королями Литвы Ольгердом и Кейстутом.

Zbiór pergaminów. Dok. No 4529. — 1380.[II.27]. Рига. Магистр Ливонии (Вильгельм фон Фримерсхайм) при посредничестве своего посла Германа заключает перемирие с великим королем Литвы Ягайлом и с Полоцкой землей до праздника Пятидесятницы (13 мая 1380 г.); перемирие не распространяется на князя Кейстута, его земли и Жемайтию.

Zbiór pergaminów. Dok. No 4683. — [1387—1392.VII]. [Б/м]. Князья Михаил Евнутьевич, Василий Михайлович, Иван и Юрий Городецкие и другие князья и бояре поручаются перед великим князем Скиргайлом за Гридка Константиновича.

Zbiór pergaminów. Dok. No 5330. — 1393.[I.05]. Сучава. Молдавский воевода Роман присягает на верность королю Польши, великому князю литовскому Владиславу (Ягайлу), королеве Польши Ядвиге и всей Короне Польской.

Zbiór pergaminów. Dok. No 7310. — [1451].III.27, Смоленск. Виленский каштелян, смоленский наместник Семен Гедигольдович, удочерив панну Анну Бутримковну, записывает ей в собственность свой двор Мир с землями и людьми, пожалованный ему великим князем литовским Сигизмундом Кейстутовичем.

Archiwum Narodowe w Krakowie

Archiwum Dzikowskie Tarnowskich. 2.12. Pokolenie XI: Zofia z Firlejów: żona Jana Stanisława Tarnowskiego (2v Piaseczyńska). Sygn. 135 (Papiery Piaseczyńskich (rodzinne, majątkowe, publiczne). URL: https:// szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.12/135#tabJednostka (дата обращения: 09.10.2017).

Biblioteka Czartoryskich w Krakowie

Perg. 186. — 1382.X.31, остров на р. Дубиса. Великий магистр Тевтонского ордена Конрад Цёлльнер фон Ротенштайн заключает договор о перемирии на четыре года с великим князем литовским Ягайлом и его братом князем Трок Скиргайлом, оговаривая условия военной помощи.

Perg. 236. — 1392.XII.06, Белз. Документ князя Витовта о примирении с князем Скиргайлом и передаче ему Киевской земли, замка Кременец и волости Стожек в обмен на возвращение вотчины Витовта.

Rkps 307. S. 1. — 1358.VIII.14, Городен. Договор о мире и границах между Великим княжеством Литовским и Мазовецким княжеством.

Rkps 1119. O Haliczu i Włodzimierzu. T. 2. Excerpta ex variis fontibus historiam Russiae illustrantia. URL: cyfrowe.mnk.pl/dlibra/docmetadata?id= 18920 (дата обращения: 02.03.2019).

Rkps 1180. Miscellanea historyczne i literackie oraz korespondencja związana m. in. z Kajetanem Sołtykiem biskupem krakowskim od XV do początków XIX w. URL: http://cyfrowe.mnk.pl/dlibra/docmetadata?id=20055 (дата обращения: 18.02.2019).

Rkps 2329. — Неизданная копия 3-й книги записей Литовской Метрики (XVII в.).

Teki Naruszewicza. T. 8, 9. URL: http://cyfrowe.mnk.pl/dlibra/publication?id=2628&tab=3 (дата обращения: 16.02.2019).

Bibliothèque nationale de France

Italien 262. Chronica di Padoa compilata da Bertolamio nato di Galiazo Gatari da Padoa e scripta di mia propia mano ne gli anni del nostro Signore Ihesu Christo. mille quatrociento septe ad ultimo del mexe di dicienbre: dal 1318 al 1407. URL: https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc93405 (дата обращения: 19.02.2019).

Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz

XX. HA, OF 1b. Verhandlungen mit russischen, litauischen und polnischen Fürsten (1245—1392).

Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka

F22—49. [Avraamkos metraštis]. URL: http://elibrary.mab.lt/handle/1/7327 (дата обращения: 02.08.2019).

Национальный исторический архив Беларуси

Ф. 147. Оп. 2. Д. 178 («Документы кн. Радзивиллов по делу о размежевании имения Лавришево Новогрудского уезда. Пергаминные грамоты 1391, 1400 гг. и др. инвентари»). Л. 581. Электронный снимок в компьютерной системе архива. — 1391.VI.20, Смотрич. Князь Подольской земли Федор Кориатович подтверждает прежнюю привилегию своего брата Константина и свою для своего слуги Гринька на город Соколец и Сокольцкую волость.

Картографические материалы

Военно-топографическая карта Российской империи. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. 1850 г. Ряд XV, листы 11, 13.

Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 3 т. Мінск : Белкартаграфія, 2009. Т. 1. 244, [3] с.

Спірыдонаў М. Ф. Ашмянскі павет у канцы XVI ст. [карта] // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 268.

Спірыдонаў М. Ф. Берасцейскі павет у канцы XVI ст. [карта] // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 322.

Спірыдонаў М. Ф. Новагародскі павет у канцы XVI ст. [карта] // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 364.

Топографическая карта М-36-087. Корсунь-Шевченковский. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1988 г. Изд. 1989 г.

Топографическая карта N-34-007. Клайпеда. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1984 г. Изд. 1988 г.

Топографическая карта N-34-035. Арёгала. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1985 г. Изд. 1988 г.

Топографическая карта N-35-001. Паневежис. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1983 г. Изд. 1984 г.

Топографическая карта N-35-035. Бешенковичи. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1987 г. Изд. 1991 г.

Топографическая карта N-35-038. Вевис. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1985 г. Изд. 1988 г.

Топографическая карта N-35-039. Вильнюс. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1983 г. Изд. 1984 г.

Топографическая карта N-35-040. Пабраде. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1983 г. Изд. 1984 г.

Топографическая карта N-35-049. Алитус. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1985 г. Изд. 1988 г.

Топографическая карта N-35-052. Ошмяны. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1985 г. Изд. 1988 г.

Топографическая карта N-35-064. Юратишки. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1985 г. Изд. 1988 г.

Топографическая карта N-35-070. Борисов. Масштаб 1:100000. Изд. 1980 г.

Топографическая карта N-35-075. Лида. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1983 г. Изд. 1986 г.

Топографическая карта N-35-076. Ивье. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1983 г. Изд. 1986 г.

Топографическая карта N-35-081. Червень. Масштаб 1:100000. Изд. 1981 г.

Топографическая карта N-35-082. Березино. Масштаб 1:100000. Изд. 1982 г.

Топографическая карта N-35-088. Новогрудок. Масштаб 1:100000. Изд. 1978 г.

Топографическая карта N-35-103. Копыль. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1984 г. Изд. 1987 г.

Топографическая карта N-35-114. Денисковичи. Масштаб 1:100000. Состояние местности на 1982 г. Изд. 1986 г.

Топографическая карта N-35-XV. Молодечно. Масштаб 1:200000. Состояние местности на 1989 г. Изд. 1997 г.

Цемушаў В. М. Вярхоўскія княствы ў канцы XIII — пачатку XVI ст. [карта] // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 477.

Beauplan G. Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina, 1648.

Литература

А. Я. Колесование // Энциклопедический словарь. Т. XVa : Коала — Конкордия / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Тип. акцион. о-ва «Брокгауз — Ефрон», 1895. С. 681.

Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 11 : Акты Главного Литовского Трибунала. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1880. XLI, 545, 69 с.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1 : 1334—1598. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. VIII, 551, 43 с.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 : 1340—1506. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. V, 375, 45.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2 : 1506—1544. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. III, 405, 14.

Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1873. XXIV, 616 с.

Алексеев А. А. Русские граффити цареградской Софии // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 321—323.

Алексеев Л. В. Берестяная грамота из древнего Мстиславля // Советская археология. 1983. № 1. С. 204—212.

Алексеев Л. В. Древний Друцк: (Письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001—2001 // Российская археология. 2002. № 1. С. 74—91.

Алексеев Л. В. Древний Ростиславль // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1974. Вып. 139. С. 81—92.

Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. М. : Наука, 2006. Кн. 1. 289 с.

Алексеев Л. В. Мстиславльский детинец в XII—XIV веках // Российская археология. 1995. № 3. С. 60—76.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. М. : Наука, 1966. 295 с.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М. : Наука, 1980. 262 с.

Алипий (Гаманович), иеромонах. Грамматика церковно-славянского языка. М. : Худож. лит., 1991. 271 с.

Алфавитный список населенных мест Ковенской губернии. Ковна : Ковенский губ. стат. ком., 1903. [8], 614 с.

Алфьоров О., Однороженко О. Українські особові печатки XV—XVII ст. за матеріалами київських архівосховищ. Харків : [б. и.], 2008. 200 с.

Амосов А. А. Из истории кодекса сборника Д.193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах библиотеки АН СССР : сб. науч. трудов / под ред. С. П. Луппова и А. А. Моисеевой. Л. : БАН, 1976. С. 34—42.

Антонович В. Б. Несколько данных о землевладении в южной Украине в XV столетии // Киевская старина. 1896. № 10. С. 1—19.

Антонович В. Б. О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губернии // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса : Тип. А. Шульца, 1886. Т. 1. С. 86—102.

Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев : Унив. тип., 1878. Вып. 1 [2]. 156, II с.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна : Печатня О. Блюмовича, 1870. Т. 9. IX, 486 с.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1902. Т. 13. XXXVI, 235 с.

Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 1 : Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. Киев : Унив. тип., 1859. LXXXVII, 554 с.

Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 6. Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322—1648 гг.). Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. 182, 938 с.

Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7 : Памятники литературной полемики православных южноруссцев с латино-униатами. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. XVI, 800 с.

Архив Юго-Западной России. Ч. 4, т. 1 : Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России. Киев : Тип. Е. Федорова, 1867. LV, 460 с.

Архив Юго-Западной России. Ч. 7, т. 2 : Акты о заселении Юго-Западной России. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1890. II, 210, 644 с.

Архив Юго-Западной России. Ч. 8, т. 1 : Материалы для истории местного управления в связи с историею сословной организации. Акты Барского староства XV—XVI вв. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1893. II, 126, 372 с.

Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. Велико Търново : Фабер, 2009. 496 с.

Атанасов Г. Г., Павлов П. Х. Tataro-Bulgarica — три этюда о болгарско-татарских контактах на нижнем Дунае в XIII—XIV вв. // Археология евразийских степей. Казань : ООО «Фолиант» : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 13. С. 3—32.

Баженов Л. В. З історії середньовічного самоврядування в м. Кам'янці-Подільскому (до 640-річниці надання місту Магдебурзького права) // Самоврядування у Кам'янці-Подільському: історія та сучасність : збірник

наукових повідомлень за підсумками круглого столу. Кам'янець-Подільский : К-ПНУ ім. І. Огієнка, 2014. С. 10—15.

Баженов О. Л. Історія та культура Середнього Подністров'я IX—XIII століть : монографія. Кам'янець-Подільський : [б. и.], 2009. 310 с.

Баженов О. Л. Кам'янець і Кам'янеччина на Пониззі в XII—XIII ст. // Кам'янець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків. Історія і сучасність : збірник наукових праць за підсумками Міжнародної науково-практичної конференції (16—17 травня 2003 р.). Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Подільський держ. ун-т, 2004. С. 30—34.

Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. 544 с.

Баран О. В. До питання про зв'язок «Повести о Подолской земле» з Галицько-Волинським літописанням // Місто Хмельницький в контексті історії України : матеріали наукової конференції, присвяченої встановленню дати «1431 рік» датою найдавнішої згадки про Хмельницький в історичних документах. Хмельницький ; Кам'янець-Подільский : Оіюм, 2006. С. 258—261.

Баран О. Холмський пом'яник (за текстом збірника Лева Кишки) // Вісник Львівського університету. Серія книгознавство. 2007. Вип. 2. С. 192—208.

Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1885. XVI, 165 с.

Барбашев А. И. Витовт: последние двадцать лет княжения. 1410—1430. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. VIII, 340 с.

Барвінський Б. Історичні причинки, розвідки, замітки і матеріали до історії України—Руси. Львів : Печатня В. А. Шийковского, 1909. Т. 2. XI, 94 с.

Барэйша Ю. Аб атрыбуцыі, сімволіцы і датаванні манет ВКЛ з ільвом і крыжом // Банкаўскі веснік. 2007. № 16 (381). С. 59—61.

Батура Р. Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды. От нашествия Бату до битвы у Синих Вод : автореф. дис. … канд. ист. наук. Вильнюс: Ин-т истории АН ЛитССР, 1972. 34 с.

Беларускі архіў. Т. 3 (XV—XVIII ст.). Менск : Друкарня Беларускае Акадэміі Навук, 1930. XXV, 413 с.

Беларускія летапісы і хронікі / пер. са старажытнарускай, старабеларуск. і польск. ; уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. 430 с.

Белецкая О. В. Маяк в XIV—XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. Вып. 9. С. 186—196.

Белецкая О. В. Подолье и татары во второй половине XIV — первой половине XV в.: эволюция даннических отношений // Крыніцазнаўства

і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск : БДУ, 2008. Вып. 4. С. 96—108.

Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / изд. П. Н. Батюшковым. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1890. XXIV, 376, 183 с.

Бережков Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник. Ч. 1 : О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 179 с.

Березин И. Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями. Казань : Тип. ун-та, 1851. 56 с.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868. 157, 378 с.

Білецька О. В. «Казус Спитка»: до історії вивчення середньовічного Поділля (друга половина XIV — перша половина XV ст.) // Київська старовина. 2005. № 2 (362). Березень — квітень. С. 23—31.

Білецька О. В. Качибей у світлі джерел XV—XVI століть (матеріали до вивчення історичної географії Поділля та північного Причерномор'я) // Записки історичного факультету ОНУ. Одеса, 2015. Вип. 26. С. 233—258.

Білецька О. В. Поділля в політиці польського короля Казиміра Ягайловича (за перших п'ять років правління — 1447—1452 рр.) // Поляки на півдні України та в Криму — Polacy na Południowej Ukrainie i Krymie. Одеса ; Ополє ; Вроцлав : Гермес, 2007. С. 9—16.

Білецька О. В. Поділля на зламі XIV—XV ст.: до витоків формування історичної області. Одеса : Астропринт, 2004. 416 с.

Білецька О. В. «Рибне місце» чи «долина троянд»: матеріали до вивчення Баликлея // XX сходознавчі читання А. Кримського : тези доповідей міжнародної наукової конференції. Київ, 17—18 червня 2016 р. Київ : [б. и.], 2016. С. 31—32.

Білецька О. В. Саврань у XIV—XVI століттях у світлі новознайдених джерел та матеріалів // Український історичний збірник. 2015. Вип. 18. С. 28—39.

Білецька О. В. Червоногродський повіт Подільскої землі наприкінці XIV—XVI ст. // Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: історичні науки. 2017. Вип. 3. С. 58—99.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 287 с.

Бобров А. Г. Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания : К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2017. С. 314—322.

Бобров А. Г., Введенский А. М. Летопись Авраамки: проблемы изучения // Русская литература. 2017. № 4. С. 126—142.

Богдан Д. П. Три древнейших славяно-валашских грамоты // Археографический ежегодник за 1960 год. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 244—263.

Боголепов М. А. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. С приложением материалов, извлеченных из русских летописей. М. : Типолитогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1908. 107 с.

Боголюбова Н. Д., Таубенберг Л. И. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского архива // Учен. зап. Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. Рига : Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. П. Стучки, 1960. Т. 36, вып. 6а. С. 7—21.

Бокій Н. М., Козир І. А. Комплекс золотоординського часу біля с. Торговиця на Кіровоградщині (попередня публікація) // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2003. С. 41—84.

Бокій Н. М., Козир І. А., Позивай Т. Д. Археологічні дослідження золотоординської пам'ятки в басейні Синюхи // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні : збірник наукових праць. Київ: [б. и.], 2007. Вип. 16. С. 414—424.

Бокій Н. М., Козир І. А., Позивай Т. Д. 10 років археологічних досліджень золотоординської пам'ятки біля с. Торговиці на Кіровоградщині // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.) : матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2006. С. 4—18.

Болтанюк П. А. Основні етапи побудови замку м. Кам'янець-Подільський // Археологія и фортифікація Середнього Подністров'я : Всеукраїнська науково-практична конференція на честь 10-річчя створення відділу старожитностей Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника. Кам'янець-Подільський : ПП «Медобори-2006», 2011. С. 119—123.

Болтанюк П. А., Мегей В. П. Кам'янець за часів Русі: проблеми датування та топографії // Самоврядування у Кам'янці-Подільському: історія та сучасність : збірник наукових повідомлень за підсумками круглого столу. Кам'янець-Подільский : К-ПНУ ім. І. Огієнка, 2014. С. 5—9.

Борисенко В. Нові підходи до вирішення Синьоводської проблеми 1362 р. // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 32—38.

Бохан Ю. М. Зброя Вялікага княства Літоўскага, 1385—1576. Мінск : Беларусь, 2003. 88 с.

Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. Мінск : Экаперспектыва, 2002. 336 с.

Брайченко О. Д. Синьоводська проблема: перспективи комплексних краєзнавчих досліджень // Краєзнавство. 2003. № 1—4. С. 178—183.

Брайченко О. Д. Синьоводська проблема: перспективи комплексних краєзнавчих досліджень // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях : зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 28—40.

Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М. : Синод. тип., 1871. Т. 2. С. 365—403.

Брун Ф. К. Примечания [Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy] // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса : Гор. тип., 1853. Т. 3. С. 445—465.

Брун Ф. К. Черноморье : сб. исследований по исторической географии Южной России. Одесса : Тип. Г. Ульриха, 1879. Ч. 1. 283 с.

Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. XII, 659 с.

Брянцев П. Д. Очерк древней Литвы и Западной России. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1891.

Бубенок О. Б. Коли і хто заснував місто Черкаси? // Княжа доба: історія і культура. 2014. Вип. 8. С. 299—317.

Бубенька Т. С. Віцебскі Ніжні замак // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 135—136.

Бугославский Г. К. Сокращенная литовская летопись начала XVI в. // Смоленская старина. Смоленск : Смоленская губ. тип., 1911. Вып. 1, ч. 2. С. 1—19.

Бычкова М. Е. Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. // Польша и Русь : Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М. : Наука, 1974. С. 365—377.

Бычкова М. Е. Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России : сб. статей, посвящ. 70-летию академика Л. В. Черепнина. М. : Наука, 1975. С. 133—140.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. : историко-генеалогическое исследование. М., 1986. 219, [2] с.

Варваровский Ю. Е. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // Stratum plus. 1999. № 6. С. 276—287.

Варонін В. А. Друцкія князі XIV стагоддзя // Беларускі гістарычны агляд. 2002. Т. 9. Сш. 1—2 (16—17). С. 3—29.

Варонін В. А. Старонка біяграфіі князя Андрэя Полацкага // Гістарычны альманах. 2009. Т. 15. С. 2—6.

Варонін В. А. Яраслаў Васілевіч // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 784.

Василенко В. О. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX — першої третини XX ст. : монографія. Дніпропетровськ : НГУ, 2006. 660 с.

Васильевский В. Г. Где находился виленский Кривой замок // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. Т. 2 : Протоколы. С. 120—122.

Вахевич Б. А. Западно-русская летопись по списку Румянцевского музея; З Кроиники Великого княжства Литовского и Жомоитского // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса : Эконом. тип. и литогр., 1902. Т. 24. С. 161—224.

Вашари И. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. Вып. 3. С. 22—30.

Ващук Д. П. Некоторые вопросы государственно-правового статуса Подольского княжества во второй половине XIV в. // Lietuvos statutas : Temidės ir Klėjos teritorijos: straipsnių rinkinys. Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2017. С. 77—93 [также см.: УІЖ. 2018. № 2. С.4—19].

Ващук Д. П. Проблема входження Поділля до складу Великого князівства Литовського в другій половині XIV ст.: історіографічний аспект // Кам'янець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків. Історія і сучасність : збірник наукових праць за підсумками Міжнародної науково-практичної конференції (16—17 травня 2003 р.). Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Подільський держ. ун-т, 2004. С. 40—42.

Великий князь Владимир Мономах / изд. подгот. А. Ю. Карпов. М. : Русский мир, 2006. 464 с. Электронная версия: Слово. Православный образовательный портал. URL: http://old.portal-slovo.ru/rus/history/87/8162/&part=2 (дата обращения: 09.01.2009).

Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской Псалтыри. М. : Искусство, 1978. 172 с.

Винокур І. С., Горішній П. А. Бакота: столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський : Центр Поділлєзнавства, 1994. 362 с.

Винокур І. С., Петров М. Б. До початку історії Кам'янця-Подільського // Mappa mundi : Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича за нагоди його 70-річчя. Львів ; Київ ; Нью-Йорк : Видавництво М. П. Коць, 1996. С. 113—135.

Вирський Д. С. Українське Подніпров'є в С. Сарницького «Описі давньої та нової Польщі» (1585) // Історико-географічні дослідження в Україні : зб. наук. прац. 2009. Вип. 11. С. 19—35.

Войтович Л. В. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква : Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 782 с.

Волков В. Г. Все ли Рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимина в свете последних генетических исследований // Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования : материалы XIV Петербургских генеалогических чтений. Санкт-Петербург, 26 июня 2010 г. СПб. : РНБ, 2012. С. 11—40.

Волости и важнейшие селения европейской России. Вып. 5 : Губернии Литовской и Белорусской областей. СПб. : Центр. статист. комитет, 1886. 8, 259 с.

Воронин В. А. Княжение Ольгерда в Витебске // Ukraina Lithuanica. Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2013. Т. 2. С. 21—38.

Гадаскина И. Д., Толоконцев Н. А. Яды — вчера и сегодня : Очерки по истории ядов. Л. : Наука, 1988. 204 с.

Гайдуков П. Г., Зайцев В. В. «Русско-литовская» монета XIV в. из-под Севска // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навуковы зборнік. Мінск : БДУ, 2008. Вып. 4. С. 109—113.

Галенко О. І. Золота Орда у битві біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях : зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 129—159.

Галенко О. І. Монгольский перелам // Економічна історія України. Історико-економічне дослідження : в 2 т. Київ : Ніка-Центр, 2011. Т. 1. С. 236—288.

Галенчанка Г. Я. Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV — сярэдзіны XVII ст. Мінск : Беларуская навука, 2008. 457, [1] с.

Галенчанка Г. Я. Пасланне да папы рымскага Сікста IV 1476 г.: паходжанне помніка // Наш радавод. Кн. 8 : Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур, X—XX ст. : матэрыялы міжн. круглага стала (Гродна, 28—30 верасня 1999 г.). Гродна ; Беласток : [б. и.], 1999 (2000). С. 79—107.

Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко ; науч. коммент. : А. В. Назаренко, А. Л. Хорошкевич, С. В. Думин, М. А. Усманов. М. : Изд-во МГУ, 1988. 429, [1] с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1 : А — биенье. Мінск : Навука і тэхніка, 1982. 294, [2] с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 2 : Биецъ — Варивный. Мінск : Навука і тэхніка, 1983. 319, [1] с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 4 : Вкупитися — вспение. Мінск : Навука і тэхніка, 1984. 295, [1] с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 6 : Выостреный — глядати. Мінск : Навука і тэхніка, 1985. 302, [1] с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 7 : Гляденье — девичество. Мінск : Навука і тэхніка, 1986. 303 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 8 : Девичий — дорогость. Мінск : Навука і тэхніка, 1987. 312 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 14 : Игде — катуючий. Мінск : Навука і тэхніка, 1996. 301 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 15 : Катъ — коречный. Мінск : Беларуская навука, 1996. 311 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 17 : Лесничий — местский. Мінск : Беларуская навука, 1998. 365 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 20 : Невагаючийся — никогды. Мінск : Беларуская навука, 2001. 402 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 25 : Побунтованье — позначити. Мінск : Беларуская навука, 2005. 427, [1] с.

Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2 : Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага. Мінск : Современная школа; Экоперспектива, 2008. 688 с.

Гісторыя беларускай літаратуры : Старажытны перыяд : вучэб. дапам. для філал. фак. пед. ВНУ / М. М. Грынчык [ды інш.]. 4-е выд. стэрэатып. Мінск : Вышэйшая школа, 1998. 351 с.

Глінскі Я. С. Палітычныя і сацыяльныя аспекты ў асэнсаванні мінулага ў ВКЛ у XV—XVI стст. // Сб. работ 67-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорусского гос. ун-та. Мінск : Изд. центр БГУ, 2010. Ч. 3. С. 147—150.

Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1891. Кн. 6. Приложения. С. I—XIV, 1—88.

Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М. : Унив. тип., 1900. Т. 2, ч. 1. VIII, 917 с.

Голубович Е., Голубович В. Кривой город — Вильно // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. Т. XI. С. 114—125.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1895. 341 с.

Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1976. Т. 30. С. 204—216.

Горский А. А. Москва и Орда. М. : Наука, 2000. 214 с.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М. : Высшая школа, 1981. 359 с.

Господаренко О. Литовсько-ординські стосунки у 50—70-х рр. XIV ст. в контексті італійської політики Мамая // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовского. Київ, 2015. Т. 3. С. 21—30.

Гошкевич И. И. Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении. Вильна : Губ. тип., 1905. 341 с.

Грамоти XIV ст. / упорядк., вступ. стаття, коментарі і словники-покажчики М. М. Пещак. Київ : Наук. думка, 1974. 255 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л. : ГПБ, 1953. 129, [2] с., [18] л. факсим.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М. : Наука, 1975. 519 с.

Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 374 с.

Григорий (Лозев), архим. Славяноболгарский Афонский монастырь св. вмч. Георгия Зограф — история и святыни : автореф. дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2009. 18 с.

Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М. : Восточная литература, 2006. С. 74—142.

Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции : источниковедческое исследование. СПб. : СПбГУ, 2002. 276 с.

Грицкевич А. П. Древний город на Случи. Минск : Полымя, 1985. 158 с.

Гришина Н. Г. Полные календарные даты Рогожского летописца // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : сб. статей памяти В. И. Буганова. М. : ИРИ РАН, 2001. С. 65—116.

Громыко А. О подольских денариях Константина Кориатовича // Банкаўскі веснік. 2010. № 7 (480), сакавік. С. 68—71.

Груша А. И. Вкладные записи XIV в. в книгах Евангелия: акты или протоакты // Русский Книжник : [сб. РГБ] / науч. ред. и сост. А. В. Кузьмин. М. : Пашков дом, 2015. С. 32—63.

Груша А. И. Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.). Минск : Беларуская навука, 2015. 464 с.

Груша А. І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск : Беларуская навука, 2006. 215 с.

Груша А. І. Мяноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV — першай трэці XV ст. Мінск : РІВШ, 2010. 96 с.

Груша А. І. Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча 1391 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сш. 1—2 (14—15). С. 123—135.

Груша А. І. Невядомы арыгінал граматы князя Васіля Нарымонтавіча канца XIV ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 11. С. 31—42.

Грушевский А. С. Пинское Полесье : исторические очерки. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1901—1903. Ч. 1—3. 80, 193, 194, IV с.

Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. 3 : До року 1340. Нью-Йорк : Книгоспілка, 1954. 586 с.

Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. 4 : XIV—XVI віки — відносини політичні. Вид. 2. Київ ; Львів : Друкарня П. Барського, 1907. 538 с.

Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. 5 : Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV—XVII в. Нью-Йорк : Книгоспілка, 1955. 687 с.

Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. 6 : Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Нью-Йорк : Книгоспілка, 1955. 667 с.

Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. 7 : Козацькі часи — до р. 1625. Нью-Йорк : Книгоспілка, 1956. 624 с.

Грушевський М. С. Історія української літератури. Т. 5, вип. 1 : Культурні і літературні течії на України в XV—XVI вв. і перше відродженне (1580—1610 рр.). Київ : Держ. вид-во України, 1926. 204, [1] с.

Грушевський М. С. Кілька київських документів XV—XVI в. // *Грушевський М. С.* Розвідки й материяли до історії України-Руси. Львів : З друкарні Наукового Товариства імені Шевченка, 1897. Т. 2. С. 1—18 [отд. паг.].

Грушевський М. С. Коли сфабрикована грамота Любарта Луцькій катедрі? // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1906. Т. 70, кн. 2. С. 71—72.

Грушевський М. С. Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західної України. Серія перша (ч. 1—80) (1361—1530) // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1905. Т. 63, кн. 1. С. 1—46.

Грушевський М. С. Опись подільських замків 1494 р. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1895. Т. 7, кн. 3. С. 1—18.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1891. 522 с.

Грушевський М. С. «Похвала в. кн. Витовту», кілька уваг про склад найдавнійшої руcько-литовської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1895. Т. 8, кн. 4. С. 1—16.

Грушевський М. С. [Рец.:] Antoni Prochaska. Podole lennem Korony (1352—1430). Краків, 1895, стор. 24 (відбитка з т. XXXII «Розправ відділу історично-філософічного Краківської академії») // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1896. Т. 13 : Библиография. С. 8—14.

Грыцкевіч А. П. Капыльскае княства // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 42—43.

Грыцкевіч А. П. Храптовічы // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 719.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М. : Фонд им. И. Д. Сытина ; Baltrus, 2005. 679 с.

Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Феодализм в Балтийском регионе : сб. науч. трудов. Рига : ЛГУ, 1985. С. 35—44.

Гулевич В. Західні землі улусу Джучі в кінці XIII—XIV ст. і Тука-Тимуриди // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Київ, 2013. Число 22—23. С. 138—178.

Гурская Ю. А. Образ князя Витовта в народной культуре белорусов // Tautosakos darbai. Vilnius, 2005. T. XXX. С. 166—173.

Давиденко Д. Г. Митрополичьи наместники в XIV—XV вв. // Религии мира: История и современность. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. С. 246—279.

Данилович И. Н. О литовских летописях // ЖМНП. 1840. Ч. 28. № 11. С. 70—114.

Дашкевич Н. П. Заметки по истории Литовско-русского государства. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1885. VI, [2], 192 с.

Дашкевич Я. Р. Кам'янець-Подільский у вірменських джерелах XIV—XV ст. // Архіви України. 1970. № 5 (103). С. 57—66.

Дашкевич Я. Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 100—111.

Дашкевич Я. Р. Степові держави на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2006. Вип. 10. С. 112—121.

Дашкевич Я. Р. Угорська експансія на золотоординське Поділля 40-х — 50-х рр. XIV ст. // Україна в минулому. Львів, 1994. Вип. 5. С. 32—62.

Дебольский Г. С. Дни богослужения православной кафолической восточной Церкви. Изд. 10. СПб. : И. Л. Тузов, 1901. Т. 1. 664 с.

Дзмітрачкоў П. Ф. Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага. Другая палова XIII — першая палова XVII стст. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. 312 с.

Дзярновіч А. І. Ab ovo: што з'явілася спачатку — вялікі князь літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? // Studia historica Europae Orientalis. Минск : РИВШ, 2009. Вып. 2. С. 30—43.

Дзярновіч А. І. Віленскія замкі // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 437—439.

Дзярновіч А. І. Заняпад ці трансфармацыя? Эвалюцыя статуса Крэўскага замка ў XIV—XVII ст. (па выніках гістарычна-археалагічных даследаванняў) // Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. (г. п. Мір, 25—26 красавіка 2013 г.). Мінск : Медысонт, 2013. С. 24—29.

Дзярновіч А. І. Крэва // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 350—351.

Дзярновіч А. І. Крэва: мястэчка і гісторыя // Адраджэнне : гістарычны альманах. Мінск : Універсітэцкае, 1995. Вып. 1. С. 104—123.

Дзярновіч А. І. Крэўскі замак // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 159—160.

Дмитриева Р. П. К истории создания «Сказания о князьях владимирских» // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 342—347.

Дмитриева Р. П. О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 13. С. 440—445.

Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказов о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1976. Т. 30. С. 217—230.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 216 с., [7] л. факсим., табл.

Добрянский Ф. Н. Описание рукописей Виленской Публичной Библиотеки: церковно-славянских и русских. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1882. LV, [1], 533 с.

Довнар-Запольский М. В. Из истории литовско-польской борьбы за Волынь. (Договоры 1366 года) // Университетские известия. Киев, 1896. № 8. С. 1—13.

Довнар-Запольский М. В. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма // ЖМНП. 1901. Ч. 337. Сентябрь. С. 454—498.

Документи Брацлавського воєводства 1566—1606 років / упорядн. М. Крикун, О. Піддубняк. Львів : [б. и.], 2008. 1220 с.

Документы Московского архива Министерства юстиции. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. Т. 1. XXIII, 569 с.

Дорош М. Маршрут походу русько-литовського війська 1362 року — ключ до локалізації літописних Корчева, Синьої Води, Білобережжя, Торговиці та Звенигорода // Воєнна історія. 2011. № 4 (58). С. 30—43.

Драгун Ю. И. О «Хронике Быховца» // Вопросы истории. История СССР и БССР. Древний мир и средние века. Минск : БГУ, 1981. Вып. 8. С. 20—28.

Драгун Ю. И. Социально-экономическое развитие белорусского города в XI—XVIII вв. (по материалам Орши) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1969. 20 с.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / подгот. Я. Н. Щапов. М. : Наука, 1976. 240 с.

Древняя Российская вивлиофика / изд. Н. Новиковым. СПб. : [б. и.], 1775. Ч. 8. 478 с.

Друцк летапісны. Друцкае Евангелле. Мінск : БелЭн, 2001. 286, [2] с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 587 с.

Дучыц Л. У. Да пытання аб часе і месцы ўзнікнення гарадоў Друі, Дрысы, Дзісны (гістарыяграфічны агляд) // Castrum, urbis et bellum. Баранавічы : РУПП «Баранавіц. ўзбуйн. друк.», 2002. С. 126—130.

Дучыц Л. У. Культавыя дрэвы ў Беларусі // Studia Mythologica Slavica. 2000. Nr. III. С. 57—61.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. Изд. 3-е. М. : КРАСАНД, 2010. 248 с.

Єльников М. В. Золотоординські часи на українських землях. Київ : Наш час, 2008. 176 с.

Жарких М. Міфічна «битва на Синій Воді». Київ, 11 грудня 2016 — 18 січня 2017 р. URL: https://www.m-zharkikh.name/uk/History/Monographs/ Essays/MythBlueWater.html (дата обращения: 09.02.2019).

Жемайтис С. Г. К вопросу о происхождении и бытовании Киевской Псалтири (1397—1518 гг.) // Хризограф. М. : Сканрус, 2005. Вып. 2. С. 126—138.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. М. ; СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1882. Т. 3. [4], 490, VI с., [26] л. ил.

Жиленко І. В. Києво-Печерська лавра в XIV столітті // Могилянські читання. Збірник наукових праць. Києво-Печерська лавра в контексті

світової історії. Київ : Університетське видавництво «Пульсари», 2001. С. 141—148.

Жиленко И. В., Кузьмин А. В. Давид († до 1398?), архим. Киево-Печерского в честь Успения Пресв. Богородицы монастыря // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 562—563.

Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск : Изд-во БГУ, 1974. 447 с.

Зайкоўскі Э. М. Беларусы ведалі сваіх герояў // Спадчына. 1995. № 2. С. 193—200.

Зайцев В. В. Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского (1372—1379) // Нумизматика. 2010. № 1 (24). С. 10—13.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М. : Языки славянской культуры, 2004. 867, [5] с.

Захар'єв В. Археологічно досліджені давньоруські церкви Хмельниччини // Археологія і фортифікація України : IV Всеукраїнська науково-практична конференція Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника. Кам'янець-Подільський : ПП «Медобори-2006», 2014. С. 146—152.

Заяц Ю. А. Заславль в эпоху феодализма. Минск : Наука и техника, 1995. 206, [1] с.

Заяц Ю. А. Заславль X—XVIII веков. (Историко-археологический очерк). Минск : Наука и техника, 1987. 59, [4] с.

Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Минск : Наука и техника, 1989. 207, [1] с.

Звяруга Я. Г. З гісторыі старажытнага Слоніма // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў : матэрыялы рэгіянальнай гісторыка-краязнаўчай канф., прысвечанай 750-годдзю горада Слоніма і 70-годдзю заснавання Слонімскага раённага краязнаўчага музея ім. І. І. Стаброўскага. Слонім : ГАУПП «Слонімская друкарня», 2002. С. 28—38.

Звяруга Я. Г. Слонім // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 575.

Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе : сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М. : Наука, 1972. С. 128—138.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI ст. М. : Наука, 1988. 348, [1] с.

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб. : Археографическая комиссия, 1892. 327, 47, [1], II с.

Ивакин Г. Ю. Киев в XIII—XV веках. Киев : Наук. думка, 1982. 104 с.

Иванов В. В. Языки, языковые семьи и языковые союзы внутри Великого княжества Литовского // Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages. Moscow : Novoe izdatel'stvo, 2005. С. 93—121.

Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса : Эконом. тип., 1895. [4], II, 319 с.

Ігнатоўскі У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск : Беларусь, 1992. 176 с.

Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1908. Т. 2, кн. 2. [1054] с., разд. паг.

Иловайский Д. И. История России. Т. 2 : Московско-литовский период или собиратели Руси. 2-е изд., пересм. и доп. М. : Типолитогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1896. [4], 528, 75 с.

Историко-статистическое описание Минской епархии / сост. архим. Николай. СПб. : Тип. дух. журнала «Странник», 1864. 315 с.

Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Витебск : Тип. Губ. правления, 1891. Вып. 22. X, 501, [3], XXXV с.

История белорусской дооктябрьской литературы. Минск : Наука и техника, 1977. 636, [3] с.

История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней / отв. ред. В. И. Царанов. Кишинев : Штиинца, 1984. 556 с.

Історія міст і сіл Української РСР : в 26 т. Т. 2 : Вінницька область. Київ : Інститут історії АН УРСР, 1972. 778 с.

Казакоў Л. Ю. Інвентарныя вопісы маёнткаў як крыніца па вывучэнні эвалюцыі феадальнай гаспадаркі Беларусі XVI — першай паловы XVII ст. // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI ст. у Беларусі : зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка. Мінск : БДУ, 2008. С. 79—83.

Калечиц И. Л. Запись о смерти Ульяны Тверской в граффито Полоцкой Спасо-Преображенской церкви // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 60—61.

Калечиц И. Л. Исторические личности в граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1—3 лістапада 2012 г.): у 2 ч. Ч. 2. Полацк : НПГКМЗ, 2013. С. 30—35.

Калядзінскі Л. У. Віцебская царква архангела Міхаіла // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 132—133.

Калядзінскі Л. У. Віцебскі Верхні замак: ад Альгерда да Вітаўта (знешні выгляд паселішча і штодзённы побыт яго насельнікаў у канцы XIII — XV стагоддзях) // Краязнаўчыя запіскі. Вып. 8 : Каралеўскія і вялікакняжаскія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай : матэрыялы міжн. навук. канф. Гродна, 22—23 верасня 2011 года. Гродна : Гродзенская друкарня, 2012. С. 94—106.

Калядзінскі Л. У. Капыльскі замак // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 43.

Каплунайте И. Роль Немецкого города в Вильнюсе во второй половине XIV в. // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ ; Кам'янець-Подільский, 2017. Т. 4. С. 125—145.

Капыскі З. Ю. Беларуска-літоўскія летапісы XV—XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1986. № 4. С. 80—88.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 2. СПб. : Тип. Н. Греча, 1819. Т. 5. 412, 284 с.

Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1903. X, 466 с.

Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 3 : Очерки словесности белорусского племени. Вып. 2 : Старая западнорусская письменность. Пг. : 12-я Гос. тип., 1921. VIII, 246, [2] с.

Карский Е. Ф. Два древнейших русских документа Главного архива Царства Польского в Варшаве // Древности. Труды Археографической комиссии Императорского Московского Археологического общества. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1899. Т. 1, вып. 3. С. 543—550 (переизд. в кн.: *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 373—378).

Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей // *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 211—220.

Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 2 : Лествица — Пчела / под ред. Л. В. Мошковой. М. : Древлехранилище, 2014. 980 с.

Келембет С. М. Князі Несвізькі, Збаразькі та Вишневецькі — нащадки чернігівських Ольговичів? // Сіверянський літопис. 2016. № 3 (129). С. 3—17.

Келембет С. М. Походження князів Несвізьких, Збаразьких та Вишневецьких // Культура народов Причерноморья. 2009. № 164. С. 75—77.

Ківільша Г. Б., Свінціцька Л. І. Замкова церква Покрови Пресвятої Богородиці. До історії будівництва та місцерозташування // Кам'янець-Подільский у контексті українсько-європейських зв'язків : матеріали

IV міжнародної науково-практичної конференції, м. Кам'янець-Подільский, 17—18 травня 2012 р. Кам'янець-Подільский : ПП «Медобори-2006», 2016. С. 49—52.

Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе / сост. Н. А. Морозова. Вильнюс : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008. XXXV, 243 с.

Кириченко К. В. Галицько-Волинський літопис і створення легендарної частини 2-го зводу літописів Великого князівства Литовського // Український історичний журнал. 2012. Вип. 6 (507). С. 111—129.

Кириченко Е. В. Место смерти и погребения княгини Юлиании Александровны Тверской в русской исторической традиции XV—XVI вв. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Источниковедение и исторический нарратив : XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, IV Чтения, посвященные памяти А. А. Зимина : материалы чтений. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2005. С. 209—211.

Кириченко К. В. Повідомлення про хрещення Ольгерда у «Послании Спиридона-Савы» та споріднених із ним пам'ятках: спроба текстологічного аналізу // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Київ, 2003. Вип. 5. С. 16—32.

Киркор А. Великий князь Витовт // Черты из истории и жизни литовского народа. Вильно : Тип. О. Завадского, 1854. С. 21—53.

Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси. (Из истории средневекового оружия VI—XV вв.) // Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси / под ред. Н. Н. Воронина. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 7—51.

Кистерев С. Н. Два эпизода русско-польских книжных связей во второй половине XV в.: писарь Якуб, Василий Ермолин и Швайпольт Фиоль // «Вертоград многоцветный» : сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М. : Индрик, 2018. С. 333—345.

Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Т. 1 : Литовский период. Одесса : тип. «Техник», 1912. XLIV, 599 с., 8 л. карт.

Клімаў І. П. Старажытная беларуская літаратура XI—XVI стст.: эпохі і постаці. Мінск : БДУКіМ, 2010. 212, [1] с.

Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. М. : Языки русской культуры, 2000. С. XI—XX.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1 : Житие Сергия Радонежского. М. : Языки русской культуры, 1998. 568 с.

Клосс Б. М. Предисловие к данному изданию (2008 г.) // Полное собрание русских летописей. М. : Языки славянских культур, 2008. Т. 17. [С. 1].

Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 года // Полное собрание русских летописей. Т. 16 : Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М. : Языки русской культуры, 2000. [С. 1—3].

Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.) / пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь : РИФ, 1994. 431 с.

Книга Большому Чертежу / подгот. к печати К. Н. Сербиной. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.

Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигисмунда Августа с 1545 по 1572 год. Ч. 1 / изд. М. Оболенский, И. Данилович. М. : Унив. тип., 1843. XX, 480, [2] с.

Кобаль Й. Федір Корятович у світлі нових джерел // Carpatica — Карпатика. Ужгород, 2005. Вип. 32. С. 75—115.

Козир І. А. До проблеми локалізації Синьоводської битви // Воєнна історія. 2011. № 4 (58). С. 44—52.

Козир І. А. Торговицький археологічний комплекс та проблема локалізації Синьоводської битви 1362 року // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 10—21.

Козир І. А., Чорний О. В. Локалізація місця битви на Синіх Водах 1362 р. у світлі нових джерел // Український історичний журнал. 2012. № 2. С. 11—27.

Козубовський Г. А. Синьоводська битва 1362 р. і зміни у грошовому обігу Південної Русі—України // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2003. С. 95—101.

Колединский Л. В. Верхний замок Витебска в XI—XVII вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1991. 35 с.

Коль М. Крэўская унія // Человек. Цивилизация. Культура : VIII Межвуз. научно-теорет. конф. Минск, 18 апреля 2003 : тез. докл. Минск : Веды, 2003. С. 132—134.

Коновалова И. Г. Итальянские навигационные пособия XIII—XIV вв. как источник по истории и исторической географии северо-западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода : сб. статей. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1983. С. 35—50.

Косман М. З гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага / пер. з польскай. Мінск : Медысонт, 2010. 446 с.

Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. СПб. : П. Гайдебуров, 1862. [4], 100 с.

Коцебу А. Ф. Свитригайло, великий князь литовский. СПб. : тип. Мед. деп. МВД, 1835. [12], 236, 44, 30 с.

Крамаровский М. Г. Оборонительный комплекс Солхата 1375—1380 гг. Опыт интерпретации // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 38—49.

Крамаровский М. Г. Солхат и Мамай во второй половине 70-х — 80-е гг. XIV в. // Золотоордынское наследие. Казань : ООО «Фолиант» : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 7—17.

Краўцэвіч А. К. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага. Кн. 1 : Ад пачатку гаспадарства да каралеўства Літвы і Русі (1248—1341 гг.). Кн. 2 : Дуумвірат Альгерда і Кейстута Гедымінавічаў (1341—1377 г.). Гародня ; Уроцлаў : Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego we Wrocławiu, 2013. 302 с.

Краўцэвіч А. К. Сінія Воды: гістарычны нарыс. Мінск : А. М. Вараксін, 2017. 55 с.

Крыварот А. А. Адлюстраванне дзяржаўна-палітычнай дзейнасці Вітаўта ў літаратурных творах канца XV — першай паловы XVI стагоддзя // Белорусская политология: многообразие в единстве — III : матэрыялы межд. научно-практ. конф., 22—23 мая 2008 г., Гродно. Гродно, 2008. Ч. 1. С. 272—275.

Крысько В. Б. Запись писца в Луцкой Псалтири 1384 года // Луцький Псалтир 1384 року. Київ : Горобець, 2013. С. 467—474.

Куза А. В. Древнерусские городища X—XIII вв. : Свод археологических памятников. М. : [б. и.], 1996. 256 с., ил.

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М. : Наука, 1989. 168 с., ил.

Кузьмин А. В. Владимир (Василий) Ольгердович // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 688—690.

Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. 336 с.

Кузьмин А. В. О времени составления грамоты киевского великого князя Владимира Ольгердовича «святому Николе смединьскому» // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация : XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 14—17 апреля 2009 г. : материалы конф. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2009. С. 171—176.

Кузьмин А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII—начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 33—42; № 4 (30). С. 50—68.

Кузьмин А. В. Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне» 1409—1411 гг. против Тевтонского ордена // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. Гродна, 8—9 ліпеня 2010 г. Мінск : Беларуская навука, 2011. С. 26—75.

Кукушкина М. В. Новый список Повести о Псковском взятии // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 473—476.

Кулаковський П. Звинигородський повіт у Литовську добу // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2015. Т. 3. С. 204—237.

Купчинський О. А. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів : Наукове товариство ім. Шевченка, 2004. 1283 с.

Кучкин В. А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы : материалы и исследования. 1995 г. М. : Наука, 1997. С. 166—233.

Кучкин В. А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову : сб. статей. М. : Языки славянской культуры, 1997. С. 115—123.

Кушнярэвіч А. М. Культавае дойлідства Беларусі XIII—XVI стст.: Гістарычнае і архітэктурна-археалагічнае даследаванне. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. 149 с.

Кушнярэвіч А. М. Мураваная дабастыённая фартыфікацыя Вялікага княства Літоўскага. Мінск : Беларуская навука, 2011. 230, [4] с.

Кушнярэвіч А. М. Фартыфікацыйны феномен Віцебскага Верхняга замка // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага. Віцебск, 22—23 кастрычніка 2009 г. Мінск : Медысонт, 2010. С. 112—117.

Куштан Д. П. Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.) : матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2006. С. 75—79.

Кяупене Ю. Проблемы Кревского акта от 14 августа 1385 года в истории и историографии польско-литовских уний // Восточная Европа в древности и средневековье : X Чтения к 80-летию В. Т. Пашуто : материалы к конф. М. : Ин-т рос. истории, 1998. С. 60—62.

Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. Изд. 2 / под ред. и со вступ. статьей Ю. И. Семенова. М. : ГПИБ, 2004. 305 с.

Ластовский Г. А. Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII — начале XVI веков. Минск ; Смоленск : Универсум, 2001. 226 с.

Ластоўскі В. Ю. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя. Коўна : Друкарня Сакалоўскага і Лана, 1926. VIII, 776 с.

Латушкін А. М. Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Муханава (1797—1871) // Беларускі археаграфічны штагоднік. Мінск, 2017. Вып. 18. С. 114—127.

Лаўрэш Л. Месца заключэння Востраўскага пагаднення 1392 г. // Гістарычны альманах. 2007. Т. 13. С. 109—118.

Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л. : Наука, 1982. 211 с.

Левко О. Н. Друцк и Друцкая волость (историко-археологическая реконструкция) // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к научно-практ. конф. Витебск : [б. и.], 2001. С. 5—13.

Левко О. Н. Друцк — племенной и волостной центр. Территория волости // Друцк : Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX—XII вв., летопись древних слоев, князья Друцкие и их владения в XIII — XVIII вв. / О. Н. Левко [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2014. С. 57—62.

Левко О. Н. Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси. Формирование и развитие. Минск : Беларуская навука, 2004. 278, [1] с.

Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. Ч. 3. [4], 363, [1] с.

«Летапіс вялікіх князёў літоўскіх» / прадмова, пер. са старабеларускай мовы і каментарый В. А. Чамярыцкага // Спадчына. 1991. № 1. С. 78—84; № 2. С. 61—68; № 3. С. 78—81.

«Летапіс вялікіх князёў літоўскіх» / рэд. падрыхтоўка В. А. Чамярыцкага // Анталогія даўняй беларускай літаратуры. XI — першая палова XVIII стагоддзя. Мінск : Беларуская навука, 2005. С. 238—250.

Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час / падрыхт. В. А. Варонін. Мінск : [б/в], 2010. 902 с.

Летапісы і хронікі Вялікага княства Літоўскага (XV—XVII стст.) / уклад., прадм., камент. В. А. Чамярыцкага. Мінск : Беларуская навука, 2015. 479 с.

Летописные источники для истории Литвы в средние века / сост. А. И. Барбашев. СПб. : ред. журнала «Библиограф», 1888. [2], 29 с.

Летопись великих князей литовских / пригот. к изд. А. Н. Попов // Учен. зап. Второго отделения Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1854. Кн. 1. Отд. III. С. 21—58.

Линг Л. Дж., Кларк Р. Ф., Эриксон Т. Б., Трестрейл Дж. Х. Секреты токсикологии / пер. с англ. под общей ред. Е. А. Лужникова. М. ; СПб. : БИНОМ ; Диалект, 2006. 376 с.

Літаратура XI—XVI стагоддзяў / уклад. і камент. А. У. Бразгунова, І. У. Будзько, Л. В. Ляўшун ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. Мінск : Мастацкая літаратура, 2011. 765, [1] с.

Литва в отношении к России и Польше // Вестник Юго-Западной и Западной России. Киев, 1862. Сентябрь. Год первый. Т. 1. С. 114—135.

Лихачев Д. С., Алексеев А. А., Бобров А. Г. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 3, перераб. и доп. СПб. : Алетейя, 2001. 759 с.

Ліцкевіч А. У. «Аповесць пра аблогу Мсціслава» // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Т. 3 : Дадатак. А — Я. Мінск : БелЭн, 2010. С. 35—36.

Ліцкевіч А. У. «Аповесць пра аблогу Мсціслаўля» канца XIV — пачатку XV стст. // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2007. Вып. 9. С. 127—146.

Ліцкевіч А. У. «Аповесць пра Падолле»: суадносіны спісаў першай рэдакцыі і верагоднасць паведамлення пра князя Канстанціна Карыятавіча // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2015. Т. 3. С. 290—312.

Ліцкевіч А. У. Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год). Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» // Arche. 2012. № 3. С. 8—52.

Ліцкевіч А. У. Віленскія праваслаўныя мучанікі 1387 года // Праваслаўе. 2010. № 16. С. 81—93.

Ліцкевіч А. У. Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII—XIV ст.: назва і межы // Гарадзенскі палімпсест. 2012. Людзі даўняй Гародні. XV—XX стст. Гродна : Гарадзенская бібліятэка, 2013. С. 10—59.

Ліцкевіч А. У. Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII—XIV ст. Сухапутныя і водныя камунікацыі, населеныя пункты, этнаканфесійны склад і міграцыі насельніцтва // Arche. 2014. № 11. С. 8—60.

Ліцкевіч А. У. Да пытання пра рутэнізацыю балтаў ВКЛ у XIV — пачатку XV стст. // Arche. 2009. № 11—12. С. 24—80.

Ліцкевіч А. У. Да пытання пра «рэканструкцыю» хранікальных тэкстаў XIV—XV стст. // Беларускі гістарычны агляд. 2015. Т. 22. Сш. 1—2 (42—43). С. 317—336.

Ліцкевіч А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367—1398 гг.) // Arche. 2010. № 10. С. 39—123; № 12. С. 311—313 (уточнения).

Лицкевич О. В. Документы по истории Менской земли за 1386—1393 гг. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбурскага права) : матэрыялы Міжнарод. навукова-практ. Канф., 4—5 верасня 2009 г. Мінск : Беларуская навука, 2010. С. 8—15.

Лицкевич О. В. Достоверность фрагмента «Повести о Подолье» о предполагавшемся браке между подольским князем Константином Кориатовичем и дочерью польского короля Казимира // Україна і Велике князівство Литовське в XIV—XVIII ст.: політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі : III Міжнародна наукова конференція, 16—19 жовтня 2013 р., Кам'янець-Подільський : тези доповідей. Київ : [б. и.], 2013. С. 16—19.

Лицкевич О. В. Использование лунного календаря в Великом княжестве Литовском в XV — начале XVI в. // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2015. Вып. 2. С. 98—127.

Ліцкевіч А. У. Комплекс звестак «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» пра нобіля Вайдылу: да праблемы верагоднасці і кантэксту // Studia historica Europae Orientalis. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 6. С. 138—162.

Ліцкевіч А. У. Крэва: саюз і разрыў цывілізацый // Беларуская думка. 2008. № 4. С. 88—93.

Ліцкевіч А. У. «Мемарыял Вітаўта» — першая хроніка Вялікага княства Літоўскага // Беларуская думка. 2009. № 2. С. 92—96.

Ліцкевіч А. У. Некалькі заўваг пра мову Ягайлы і геаграфічныя асаблівасці Гарадзенскай зямлі ў 1379 г. // Arche. 2010. № 1—2. С. 688—701.

Лицкевич О. В. Ольгердиана: о некоторых фальсификатах и утраченных документах Великого княжества Литовского (литовско-московских договорах 1340—1380-х гг.) // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2011. Вып. 13. С. 87—108.

Лицкевич О. В. Орденский экземпляр договора о четырехлетнем перемирии и военной помощи между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом (31 октября 1382 г.) // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius : LII leidykla, 2014. T. 5. C. 215—232.

Лицкевич О. В. Поручительство литовско-русской знати за нобиля Братошу Койлутовича (1387—1394 гг.) // Беларуская даўніна. Мінск : [б. и.], 2014. Вып. 1. С. 29—58.

Ліцкевіч А. У. Пра некаторыя спісы «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» маскоўскага і наўгародскага паходжання (на маргінезе выданняў М. М. Улашчыка і В. А. Вароніна) // Вялікае княства Літоўскае

і яго суседзі ў XIV—XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнародн. навук. канф. Гродна, 8—9 ліпеня 2010 г. Мінск : Беларуская навука, 2011. С. 207—223.

Лицкевич О. В. Православное крещение Ягайло и проект Литовско-Московского династического союза 1376—1377 гг. // Інтэграцыйныя працэсы ў гісторыі краін Усходняй Еўропы : матэрыялы Міжнародн. навук. канф., Мінск, 19—20 ліст. 2008 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Інстытут гісторыі НАН РБ, 2008. С. 131—147.

Лицкевич О. В. Русские летописные источники «Летописца великих князей литовских» // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2017. T. 48. S. 35—79.

Лицкевич О. В. [Рец.:] Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 1. Москва, 2014 // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 277—287.

Ліцкевіч А. У. Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum głównego akt dawnych у Варшаве // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2009. Вып. 11. С. 6—41.

Ліцкевіч А. У. «Сумарыум Ягайлы і Вітаўта» // Беларуская думка. 2009. № 11. С. 94—101.

Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1985. Т. 40. С. 190—205.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 532 с.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. : Наука, 1976. 283 с.

Лурье Я. С. [Рец. на кн.:] Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955 // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1956. Т. 15, вып. 2. С. 171—177.

Лучик В. В. Формування географічних назв у зв'язку з етнолінгвальними процесами в басейні річки Синюхи // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2003. С. 126—131.

Любавский М. К. О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. // Издания исторического общества при Императорском Московском университете. Рефераты, читанные в 1895 году. (Год 1). М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1896. С. 68—98.

Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского

статута : Исторические очерки. М. : Унив. тип., 1892. [2], VI, VIII, 884, С с.

Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М. : Моск. худож. печатня, 1915. [4], 401, III с.

Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход великого князя Витовта на татар в 1399 году. СПб. : Сенат. тип., 1907. 122 с.

Майков В. В. О владыке Михаиле, упомянутом в записи лицевой Псалтири 1397 года // Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1902. С. 99—107.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 3 : История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240—1589). Отдел 1 : Состояние Русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240—1448). М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1995. 702, [1] с.

Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа. Л. : Изд-во ГАИМК, 1933. 47 с.

Маринич В. Давні могильники на берегах Сниводи як джерело локалізації Синьоводської битви 1362 року // Воєнна історія. 2011. № 4 (58). С. 63—67.

Мароз В. К. Беларускія летапісы XIV—XVI стст.: гістарыяграфічны і нарматыўны аспекты даследавання // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя філалагічных навук. 2008. № 2 (10). С. 143—147.

Мароз В. К. Летапісы і хронікі ў кантэксце фарміравання беларускай літаратурнай мовы старажытнага перыяду : манаграфія. Мінск : Акадэмія МУС, 2011. 232, [1] с.

Мароз В. К. Мова беларускага летапісання: «Летапісец вялікіх князёў літоўскіх» // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Я. Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2009. № 1 (78). С. 60—63.

Мароз В. К. Мова беларускага летапісання : манаграфія. Мінск : БДТУ, 2008. 226, [1] с.

Мароз В., Молчан А., Круглік Н. Лацінамоўны спіс «Origo regis» у гісторыі беларускага летапісання // Роднае слова. 2014. № 1. С. 28—32.

Мартынюк А. В. «Немецкое эхо» битвы под Мстиславлем в 1386 году // Мсціслаў і Мсціслаўскі край : зб. навук. арт. Мінск : Беларуская навука, 2019. С. 47—58.

Маслова С. А. Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 27—40.

Маслова С. А. Должность даруг в системе ордынской власти над Русью // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 89—90.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 3 : Виленская губерния / сост. А. К. Корево. СПб. : Тип. И. Огризко, 1861. 804, 2, V с.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 11 : Ковенская губерния / сост. Д. Афанасьев. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1861. [2], X, XII, [1], 743, [3] с.

Матузова В. И. Борьба за Полоцк в «Новой прусской хронике» Виганда Марбургского // Норна у источника Судьбы : сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М. : Индрик, 2001. С. 254—258.

Маярчак С. П. Літописні Бакота і Пониззя у Середньому Подністров'ї // Археологія. 2009. № 2. С. 23—33.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. М. : Наука, 1966. 184 с.

Мехмед Нешри. Огледало на света. История на османския двор / съставителство и превод от османотурски език М. Калицин. София : Отечествен фронт, 1984. 418 с.

Мікульскі Ю. Н. Беларускія граматы 1460—1544 гг. са сховішчаў Вільні і Варшавы // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 131—184.

Микульский Ю. Н. Литовский князь Витовт как православный ктитор (1392—1430 гг.) // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2015. Вып. 2. С. 27—42.

Мікульскі Ю. Н. Матэрыялы XVI—XVII ст. з архіва былога Барыса-Глебскага Бельчыцкага манастыра ў Полацку // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2015. Вып. 2. С. 220—260.

Мікульскі Ю. Н. Некаторыя матэрыялы да гісторыі роду князёў Алелькавічаў-Слуцкіх і г. Слуцка XV—XVI ст. (з нагоды кнігі А. А. Скеп'ян «Князі Слуцкія») // Беларуская даўніна. Мінск : [б. и.], 2014. Вып. 1. С. 151—167.

Микульский Ю. Н. Новая грамота князя Федора Кориатовича 1392 г. // Беларуская даўніна. Мінск : [б. и.], 2014. Вып. 1. С. 147—150.

Микульский Ю. Н. Призабытая полоцкая грамота князя Скиргайло 1387—1393 гг. (по случаю переиздания «Полоцких грамот») // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 271—276.

Миловидов А. И. Синодик благочестивых князей гор. Слуцка // ЧОИДР. М., 1896. Кн. 1 (176). Смесь. С. 15—17.

Міндаў кароль Літовіі ў дакументах і сьведчаньнях / уклад., падрыхт. да выд., пераклад А. Жлуткі. Мінск : Тэхналогія, 2005. 135 с., [16] л. факсім.

Михайловський В. М. Васальні стосунки князів Коріатовичів із Казимиром III та Людовіком Угорським // Український історичний журнал. 2010. № 4. С. 4—15.

Михайловський В. М. Володіння «трьох татарських царів» та уявлення про «потрійне Поділля» в битві під Грюнвальдом // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 4—17.

Михайловський В. М. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV — 70-х роках XVI ст. Київ : Темпора, 2012. XXII, 450 с., іл.

Михайловський В. М. На маргінесі документа подільського князя Федора Коріатовича від 1392 р. // Ruthenica. Київ, 2016. Т. 13. С. 188—197.

Михайловський В. М. Надання земельної власності у Подільському воєводстві за панування Владислава III (1434—1444) // Український археографічний щорічник. Нова серія. Київ, 2004. Вип. 8/9. С. 227—265.

Михайловський В. М. Правління Коріатовичів на Поділлі (1340-ві — 1394 рр.): соціальна структура князівського оточення // Український історичний журнал. 2009. № 5 (488). С. 34—47.

Михайловський В. М. Спитко з Мельштина — володар Західного Поділля в 1395—1399 рр. // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2013. Вип. 12—13. С. 210—223.

Михайловський В. М. Формування території історичного Поділля у другій половині XIV ст. // Український історичний журнал. 2017. № 3. С. 67—82

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В. И. Матузовой ; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 146, [3] с.

Міхальчук Г. М. Гісторыя даследавання «Хронікі Быхаўца» // Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры БДУ. Мінск, 2009. Вып. 10. С. 161—177.

Міхальчук Г. М. Новы спіс агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага і яго суадносіны з «Хронікай Быхаўца» // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2016. T. 45. С. 190—225.

Міхальчук Г. М. «Хроніка Быхаўца»: гісторыя і перспектывы даследавання // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2013. № 1. С. 78—83.

Молчановский Н. В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1885. 426 с. разд. паг.

Морнева Н. «Похвала о великом князи Витовте» ў беларускалітоўскім летапісанні // Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры БДУ. Мінск, 2004. Вып. 5. С. 84—88.

Мороз В. С., Мороз В. С. Синьоводська битва — предтеча Подільского князівства // Кам'янець-Подільский у контексті українсько-європейських зв'язків : матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції, м. Кам'янець-Подільский, 17—18 травня 2012 р. Кам'янець-Подільский : ПП «Медобори-2006», 2016. С. 17—23.

Морозова Н. А. Виленский список «Летописца великих князей литовских» — языковые особенности и состав // Slavistica Vilnensis. 1995. Vilnius, 1997. [Kalbotyra. 45 (2)]. С. 26—45.

Морозова Н. А. К вопросу о времени создания Хроники Быховца // Slavistica Vilnensis. 2000. Vilnius, 2000. [Kalbotyra, 49 (2)]. С. 137—141.

Моця О. П. Синьоводська битва 1362 р. в контексті майбутніх досліджень // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.) : матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2006. С. 92—96.

Муравьева Л. Л. Заметки о Рогожском летописце // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. 1984. М. : Наука, 1986. С. 143—153.

Муравьева Л. Л. Палеография рукописи Рогожского сборника XV века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : сб. статей. М. : ИРИ РАН, 1993. С. 12—28.

Муравьева Л. Л. Рязанское летописание конца XIII — начала XV в. // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. : сб. статей. М. : Институт истории СССР, 1986. С. 14—44.

Мыц В. Л. Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України (до 600-річча битви на Ворсклі 1399 року). Полтава, 2002. № 1. С. 106—111.

Мыц В. Л. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани Мангупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Димитрий // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 245—256.

Мяцельскі А. А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII—XVIII стст. Мінск : Беларуская навука, 2010. 663, [1] с.

Насевіч В. Л. Гедзімін // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 519—520.

Насевіч В. Л. Друцкае княства і князі Друцкія // Друцк старажытны : Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. Мінск : БелЭн, 2000. С. 49—76.

Насевіч В. Л. Друцкія // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 600—601.

Насевіч В. Л. Кейстутавічы // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 87.

Насевіч В. Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск : Полымя, 1993. 158, [2] с.

Насевіч В. Л. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV—XVI стст.) // Старонкі гісторыі Беларусі. Мінск : Навука і тэхніка, 1992. С. 80—104.

Насевіч В. Л. У складзе Вялікага княства Літоўскага // Памяць. Гіст.-дакум. хроніка Крупскага раёна. Мінск : БелЭн, 1999. С. 40—46.

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М. : Наука, 1969. 555 с.

Немировский Е. Л. История славянского кирилловского книгопечатания XV — начала XVII века. М. : Наука, 2003. Кн. 1. 533, [1] с., [16] л. цв. ил., факс.

Нікалаеў М. В. Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. Мінск : БелЭн, 2009. 423 с.

Новикова О. Л. Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. СПб., 2005. Вып. 9. С. 3—40.

Новикова О. Л. Новгородские летописи XVI века : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 252 с.

Новикова О. Л. О происхождении списка Дубровского Новгородской летописи // Кирилл и Мефодий: духовное наследие : материалы Междунар. науч. конф. Калининград, май 2001. Калининград : Изд-во Калининградского ГУ, 2001. С. 38—42.

Новикова О. Л. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 43 : Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 3—10.

Новикова О. Л., Сиренов А. В. Сделано в Чудове // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 441—450.

Нудельман А. А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев : Штиинца, 1985. 182 с.

Одноороженко О. Геральдика членів господарської ради великого князя Свидригайла Ольгердовича // Студії і матеріали з історії Волині. 2012. Кременець : Кременецько-Почаївський державний історико-архітектурний заповідник, 2012. С. 153—194.

Опельбаум Е. В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев : Наукова думка, 1971. 271 с.

Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 1 : Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные

книги. Изд. 2 доп. / сост. В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 707 с.

Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2 : Исторические сборники XV—XVII вв. / сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1965. 362 с.

Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума / сост. А. Востоковым. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1842. [2], IV, 900, 3 с.

Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. В. И. Гальцов ; под ред. С. О. Шмидта. М. : ЦГАДА, Археогр. комис., 1977. Ч. 1. 416 с.

Осипян А. Л. Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточного Средиземноморья во второй половине XIII — первой половине XV в. // Studia historica Europae Orientalis. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 5. С. 53—83.

Отрывок краткой литовской летописи, находящейся в летописном сборнике, именуемом летописью Авраамки / изд. А. Ф. Бычков. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1893. [4], 14, IV с.

Охотникова В. И. Повесть о псковском князе Довмонте. (К вопросу об источниках и авторе Распространенной редакции) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1977. Т. 33. С. 261—278.

Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.) / отв. ред. Д. М. Драгнев. Кишинев : Штиинца, 1987. 463, [1] с.

Павлова Г. Є., Мартинчук І. І. Поширення влади литовських князів на українські землі // Вісник студентського наукового товариства ДонНУ імені Василя Стуса. 2016. Т. 1. № 8. С. 61—66.

Пазднякоў В. С. Андрэй // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 227.

Пазднякоў В. С. Кобрынскія, княжацкі род герба «Пагоня» // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 118—119.

Пазднякоў В. С. Скіргайла // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 582.

Пазднякоў В. С. Спірыдон // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 622.

Памятники русской старины в западных губерниях империи, издаваемые по высочайшему повелению П. Н. Батюшковым. СПб. : М-во внутр. дел, 1874. Вып. 6. VI, [2], 206 с.

Панишко С. Д. Стіжкові городища Волині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2011. Вип. 15. С. 329—337.

Папа І. Загадка походження князя Федька Несвіцького: давні та новітні дискусії // Вісник Львівского университету. Сер. істор. 2011. Вип. 46. С. 42—64.

Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев : Штиинца, 1981. 176 с.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. : Наука, 1968. 472 с.

Перхавко В. Б. Зодчий и книжник Василий Ермолин. М. : Менеджер, 1997. 172, [3] с.

Петров А. Л. О подложности грамоты князя Федора Кориатовича 1360 г. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1906. [2], 31 с., 4 л. табл.

Петров М. Б. Кам'янець-Подільський — політико-адміністративний, оборонний, містобудівний, економічний центр Подільської землі у складі Великого князівства Литовського (60—90-і роки XIV ст.) // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2009. Т. 1. С. 121—133.

Петрунь Ф. Е. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу // Східний світ. 1928. № 6. С. 155—171.

Петрунь Ф. Е. Степове Побужжя в господарському та військовім укладі Українського пограничча // Журнал науково-доследчих катедр м. Одеси. Одеса, 1926. Т. II. № 2. С. 91—103.

Петрунь Ф. Е. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну) // Східний світ. 1928. № 2. С. 136—143.

Підставка Р. До питання витоків мурованого оборонного будівництва Середнього Подністров'я: Язловець // Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я : II Всеукраїнська науково-практична конференція Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника. Кам'янець-Подільський : ПП «Медобори-2006», 2012. С. 148—152.

Пилипчук Я. В. Деконструкция деконструкции Синеводской битвы. Рец. на: Жарких М. Міфічна «битва на Синій Воді» // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. Вып. 10. С. 445—454.

Пилипчук Я. В. Сепаратизм в Золотой Орде: европейский вектор (XIV—XV вв.) // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 151—167.

Пилипчук Я. В. Хан Джанибек и князь Любартас-Дмитрий // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 73—100.

Пилипчук Я. В. Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2014. Вып. 7. С. 294—306.

Пламеницька Є. М. Про час заснування Кам'янець-Подільского замку-фортеці // Слов'яно-руські старожитності. Київ : Наук. думка, 1969. С. 124—144.

Пламеницька О. А. Castrum Camenecensis. Фортеця Кам'янець: (пізньоантичний — ранньомодерний час). Кам'янець-Подільський : ФОП Сисин О. В., 2012. 672 с.

Повести о Куликовской битве / изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 511 с.

Погорілец О. Г., Саввов Р. В. О начале чеканки монеты в южных землях Великого княжества Литовского (вторая половина 14 в.) // Tarptautinė numizmatikos konferencija, skirta Lietuvos nacionalinio muziejaus 150-mečiui. Pranešimų tezės. Vilnius, 2006 m. balandžio 26—28 d. Vilnius : Lietuvos nacionalinio muziejaus biblioteka, 2010. С. 279—284.

Погорелец О. Г., Саввов Р. В. «Подольский полугрошок» и упоминания о нем в литовско-русских летописях // Pieniądz — kapitał — praca — wspólne dziedzictwo Europy. Białoruś — Litwa — Łotwa — Polska — Rosja — Słowacja — Ukraina : materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Białystok — Augustów, 18—21 września 2008. Warszawa : Polskie Towarzystwo Numizmatyczne, Zarząd Główny, 2008. С. 52—59.

Погорелец О. Г., Саввов Р. В. Чеканка монеты в Подольском княжестве во второй половине XIV в. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Мінск : БДУ, 2008. Вып. 4. С. 114—120.

Погорілець О. Г., Саввов Р. В. Виникнення на Поділлі місцевої грошової лічильної одиниці — «подільскої копи» у XIV—XV століттях // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 2010. Т. CCLX. Кн. 1 : Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. С. 395—398.

Погорілець О. Г., Саввов Р. В. Монета подільского князя Костянтина // Нумізматика і фалеристика. 2004. № 3. С. 24—29.

Погорілець О. Г., Саввов Р. В. Про нові знахідки монет Подільского князівства // Нумізматика і фалеристика. 2007. № 4. С. 28—31.

Подолия: историческое описание / изд. П. Н. Батюшковым. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1891. XXXI, 264, 99 с.

Покровский Ф. В. Археологическая карта Виленской губернии. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1893. XVIII, 164 с.

Полехов С. В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича // По любви, в правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина : сб. статей. М. : Индрик, 2014. С. 235—268.

Полехов С. В. Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 35—48.

Полехов С. В. Загадка грамоты Витовта (Vitoldiana, № 11): XIV или XIX век? // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 451—476.

Полехов С. В. Летописная «Повесть о Подолье» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1. С. 33—42; № 2. С. 49—62.

Полехов С. В. Летописная Повесть о Подолье как исторический источник // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 95—116.

Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М. : Индрик, 2015. 709, [2] с.

Полехов С. В. Новые документы о Киевской земле XV века // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2012. Вип. II. С. 257—282.

Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 111—125.

Полное собрание русских летописей. Т. 2 : Ипатьевская летопись. Изд. 3. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. XVI, 938 стлб., 87, IV с.

Полное собрание русских летописей. Т. 3 : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. : Языки русской культуры, 2000. XI, 692 с., [6] л. факс.

Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. М. : Языки русской культуры, 2000. XXXIII, 686, [1] с.

Полное собрание русских летописей. Т. 6 : Софийские летописи (Продолжение Софийской первой летописи, 1471—1539, и Софийская вторая летопись, 1392—1534; отрывок летописи за 1445—1552 гг.). СПб. : Тип. Э. Праца, 1853. 359 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 6, вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода. М. : Языки русской культуры, 2000. VIII, 312 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 7 : Летопись по Воскресенскому списку. (Начало: 1075—1353 гг.). СПб. : Тип. Э. Праца, 1856. X, 345 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 8 : Продолжение летописи по Воскресенскому списку (1354—1541). СПб. : Тип. Э. Праца, 1859. VIII, 303 с., 2 л. табл.

Полное собрание русских летописей. Т. 10 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1177—1362). СПб. : Тип. МВД, 1885. 244 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 11 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1362—1424). СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1897. VII, 254 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 12 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1425—1506). СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. VI, 266 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 15 : Рогожский летописец. Тверской сборник. М. : Языки русской культуры, 2000. 432 с., разд. паг.

Полное собрание русских летописей. Т. 16 : Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1889. 320 стлб., 69 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 17 : Западнорусские летописи. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1907. XIV, 648 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 18 : Симеоновская летопись. М. : Знак, 2007. 328 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 20. Первая половина : Львовская летопись (858—1533). СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. IV, 418 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 21. Вторая половина : Книга Степенная царского родословия (11—17 степени). СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1913. 708 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 23 : Ермолинская летопись. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. V, 239 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 24 : Типографская летопись. Пг. : 2-я Гос. тип., 1921. 271 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 26 : Вологодско-Пермская летопись. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 413 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 27 : Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М. : Языки славянских культур, 2007. V, 436 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 28 : Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 411 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М. : Наука, 1975. 234 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 33 : Холмогорская летопись. Двинской летописец. М. : Наука, 1977. 250 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 35 : Белорусско-литовские летописи. М. : Наука, 1980. 305 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 39 : Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М. : Наука, 1994. 208 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 40 : Густынская летопись. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 42 : Новгородская Карамзинская летопись. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 43 : Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. 1. 864 с., XVI с. ил.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. 2. 522 с.

Поменник Введенської церкви в Ближніх Печерах Киево-Печерської Лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. / упорядк. та вступна стаття О. Кузьмука // Лаврський альманах. Київ : Національний Киево-Печерський історико-культурний заповідник, 2007. Вип. 18 (спецвип. 7). 116 с.

Пономарев А. Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2. С. 18—21.

Послания Ивана Грозного / подгот. Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 716 с.

Почекаев Р. Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Мамай : Опыт историографической антологии: Сб. науч. трудов. Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 206—238.

Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.

Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1941. № 67. Серия исторических наук. Вып. 7. С. 5—24.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.

Прокофьев Н. И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (текст и археографическое вступление) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ун-та. М., 1971. Т. 455 : Вопросы русской литературы. С. 12—42.

Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. М. ; СПб. : Институт русской цивилизации ; Изд-во Олега Абышко, 2014. 415 с.

Прохоров Г. М. Киприан (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1985. Т. 39. С. 53—71.

Прыстаўка Я. У. Жанрава-стылістычныя адметнасці фунеральнага зборніка Саламона Рысінскага «Monumenta... diversis personis... posita» («Помнікі... пастаўленыя... розным асобам») (1614) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. 2011. № 3. С. 12—15.

Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1. LXIV, 148 с.

Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 2. 364 с., 2 л. ил.

Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. С. 1—40.

Рапановіч Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мінск : Навука і тэхніка, 1982. 319 с.

Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присовокуплением привилегий на входы в пущи и на земли. Вильна : Виленская археографическая комиссия, 1867. Т. 1. V, 381 с.

Редкие источники по истории России. М. : Ин-т истории СССР, 1977. Вып. 2. 186 с.

Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М. : Наука, 1966. 310 с.

Рогозовська А. В. Загадка з XIV століття: визначальна битва для Поділля // Актуальні питання вітчизняної та світової історії : збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23—24 квітня 2010 року. Суми : СумДУ, 2010. С. 43—46.

Рогозовська А. В., Романюк І. М. Історіографія історії середньовічного Поділля в контексті битви на Синіх Водах 1362 р. // Сумський історико-архівний журнал. 2011. № 12—13. С. 20—25.

Родословная книга князей и дворян [Бархатная книга]. М. : Унив. тип., 1787. Ч. 1. [40], 352 с.

Розов В. А. Українські грамоти. Т. 1 : XIV в. і перша половина XV в. Київ : Друкарня УАН, 1928. 176, 75, IX с.

Росовецький С. К. Примітки // *Грушевський М. С.* Історія української літератури : у 6 т., 9 кн. Київ : Либідь, 1995. Т. 5, кн. 1. С. 231—255.

Русина О. В. До атрибуції вкладних записів Лаврашівського Євангелія // Український археографічний щорічник. Київ, 2000. Вип. 3/4. С. 98—102.

Русина О. В. Історія Київського князівства XIV—XV ст. у світлі нових даних // Україна крізь віки : збірник наукових праць на пошану академіка НАН України Валерія Смолія. Київ : Інститут історії України НАН України, 2010. С. 184—202.

Русина О. В. Мисаїлове послання Сикcту IV за Синодальним списком // Український археографічний щорічник. Нова серія. Київ ; Нью-Йорк, 2002. Вип. 7 (10). С. 281—296.

Русина О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ : [б. и.], 1998. 243 с.

Русина О. В. Синьоводська битва в сучасній українській історіографії // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 127—136.

Русина О. В. Синьоводська «Задонщина»: історіографічна першість чи історіографічний гібрід? // Український гуманітарний огляд. 1999. Вип. 1. С. 178—189.

Русина О. В. Студії з історії Києва та Київської землі. Київ : [б. и.], 2005. 347 с.

Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. Київ : Альтернативи, 1998. 320 с.

Руссев Н. Д. Золотоордынские реликты в грамотах средневековой Молдавии: общий эскиз со случаем «Кишинев» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 113—133.

Руссев Н. Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum Plus. 1999. № 5. С. 379—407.

Руссев Н. Д. Спорные вопросы начальной истории Молдавского средневекового государства // Русин. 2010. № 2 (20). С. 29—37.

Русская историческая библиотека. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. 2. X с., 1228 стб.

Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1 : Памятники древнерусского канонического права (XI—XV вв.). 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. 1472 с. и стб., разд. паг.

Русская историческая библиотека. Т. 27: Литовская Метрика. Отдел 1, часть 1. Книги записей. Т. 1. СПб. : Сенатская тип., 1910. IX, 872 стлб., 150 с.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М. : Ин-т истории СССР, 1986. Ч. 1. 219 с.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М. : Ин-т истории СССР, 1987. Ч. 3. 236 с.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 361 с.

Рыбчонок С. А. Родословие князей Друцких в XIV—XVII вв. // Друцк : Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX—XII вв., летопись древних слоев, князья Друцкие и их владения в XIII—XVIII вв. / О. Н. Левко [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2014. С. 219—234.

Саввов Р. В. Печатка «Корибута» — речовий доказ давнього фальшування // Програма проведення V Міжнародної наукової конференції

«Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки», 21—22 червня 2018 р. Меджибіж ; Переяслав-Хмельницький ; Кропивницький ; Київ, 2018. URL: https://independent.academia.edu/RostislavSavvov (дата обращения: 09.02.2019).

Саввов Р. В. Подольский полугрошок и денежное обращение в Подольском княжестве // Банкаўскі веснік. 2016. № 3. С. 12—19.

Саввов Р. В. Скарб монет XIV ст. з-під Смотрича // Львівські нумізматичні записки. 2011—2012. Ч. 8—9. С. 49—55.

Сагановіч Г. М. Дзённік Конрада Кібурга 1397 г.: вяртанне да фальшыўкі // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск : БелНДІДАС, 2004. Вып. 5. С. 104—112.

Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 141—144.

Сапунов А. П. Исторические сведения о Витебском замке // Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г. Витебск : Тип. Витебского губ. правления, 1881. С. 143—176.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с., 2 отд. л. карт., схем.

Сахаров И. П. Образцы древней письменности, снимки судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVIII вв.). СПб. : [б. и.], 1841. XL табл. факсим.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1 : Годы с 1487 по 1533. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. VI, XXII, 869 с., 88 стб.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 : Извлечения из сочинений арабских / подгот. В. Г. Тизенгаузен. СПб. : Изд. на иждивение графа С. Г. Строганова, 1884. XVI, 563 с.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2 : Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

Сборник Муханова. Изд. 2, доп. СПб. : Тип. Э. Праца, 1866. 4, XXXVI, XVIII, 622, LVII, 30 с.

Седельников А. Д. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века // Известия АН СССР. VII серия. Отд-ние гуманит. наук. Л., 1930. № 4. С. 223—239.

Селезнев Ю. В. Еще раз о дате выдачи ханом Токтамышем тарханного ярлыка Бек-Ходжи и новейших изысканиях Р. Ф. Набиева // Учен. зап. Казанского ун-та. Гуманит. науки. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 267—272.

Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды : научно-справочное издание. Казань : Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. 231 с.

Сементовский А. М. Каменец-Подольский // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862. Кн. 4. С. 1—78.

Семянчук А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі: Вучэб. дапам. для гуманітар. фак. ВНУ. Гродна : ГДУ, 2000. 160 с.

Семянчук А. А. Длугош Ян // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 591.

Сецинский Е. И. Город Каменец-Подольский : историческое описание. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1895. 247 с.

Сецинский Е. И. Замковая православная церковь в Каменце-Подольском // Подольские епархиальные ведомости. 1892. 11 июля. № 27—28. Ч. неофиц. С. 479—490.

Сецинский Е. И. Исторические сведения о приходах и церквах Подольской епархии. Каменецкий уезд. Каменец-Подольский : Тип. Подольского губ. правления, 1895. XXII, 611 с.

Сідаровіч В. М., Касюк А. Ф. Пячатка князя Глеба Нарымонта XIV ст. з в. Стары Капыль // Беларуская даўніна. Мінск : А. М. Вараксін, 2016. Вып. 3. С. 45—46.

Синицкий Д. А. Каменецкий Свято-Троицкий первоклассный монастырь // Подольские епархиальные ведомости. 1868. № 18. С. 576—586; № 19. С. 615—624; № 20. С. 637—660; № 21. С. 669—701.

Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М. : Наука, 1972. С. 286—317.

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М. : Индрик, 1998. 410, 4 с.

Сіцінський Е. Оборонні замки Західного Поділля XIV—XVII ст. Історично-археологічні нариси. Київ : Друкарня Укр. АН, 1928. 97 с.

Сіцінський Ю. Поділля під владою Литви / упоряд. Д. Ващук, М. Мошак. Кам'янець-Подільский : ПП «Медобори-2006», 2009. 160 с.

Скварчэўскі Зм. Вобраз князя Вітаўта ў міфалагічнай свядомасці беларусаў // Druvis. 2011. № 3. С. 103—111.

Скеп'ян А. А. Князі Слуцкія. Мінск : Беларусь, 2013. 246 с.

Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. / сост. Ф. А. Грекул. М. : Наука, 1976. 152 с.

Сланский Б. Техника живописи. Живописные материалы. М. : Изд-во Ак. художеств СССР, 1962. 377, [1] с., [21] л. ил.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 : Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1 : А—К. Л. : Наука, 1988. 516 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 : Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2 : Л—Я. Л. : Наука, 1989. 528 с.

Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 9 (М). М. : Наука, 1982. 357 с.

Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1 : А—М. Київ : Наукова думка, 1977. 632 с.

Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 2 : Н—Ѳ. Київ : Наукова думка, 1978. 592 с.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII в. СПб. : Унив. тип., 1887. [2], VI, XXXVI, 774 с.

Смирнов М. П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1868. Год второй. Т. 2 : вып. 1—6. С. 1—259, 1—41 (приложения).

Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / подгот. к печати. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 139 с.

Соболевский А. И. Запись начала XV века // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1895. Кн. 9. С. 219—222.

Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. Изд. 2. СПб. : Имп. Археолог. ин-т, 1908. [2], 120 с, 20 л. факсим.

Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. Варшава : Тип. М. Земкевича, 1886. 27 с. [Оттиск из «Русского филологического вестника»].

Соболевский А. И., Пташицкий С. Л. Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века. СПб. : Санкт-Петербургский археолог. ин-т, 1903. [13] с., 51 л. ил.

Собчук В. Д. Степаньска волость і її власники (до кінця 60-х років XVI ст.) // Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: Історичні науки. Острог, 2011. Вип. 18. С. 14—41.

Спиней В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 734—766.

Список населенных мест Калужской губернии. Калуга : Калужский губ. стат. комитет, 1897. XIII., 172 с.

Срезневский В. И. Отчет отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902). СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1904. 309 с.

Срезневский И. И. Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского языка // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб. , 1861. Т. 10, вып. 6. Стб. 593—704.

Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка: Общее повременное обозрение: (Продолжение) // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1861. Т. 10, вып. 4. Стб. 273—373.

Срезневский И. И. Древние памятники русского языка и письма (X—XIV вв.). 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1882. IV, 390 стб.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1 : А—К. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1893. [10], X, 50, 1420 стб.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2 : Л—П. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1902. [4], 16 с., 1803 стб.

Станкевіч Я. Повесьці й апавяданьні беларускіх (крывіцкіх) летапісцаў // *Станкевіч Я.* Крыўя-Беларусь у мінуласьці. 2-е выд. Вільня ; Беласток : Інстытут беларусістыкі : Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. С. 31—48.

Степанков В. С. До проблеми датування отримання Кам'янцем-Подільским Магдебурзького права // Самоврядування у Кам'янці-Подільському: історія та сучасність : збірник наукових повідомлень за підсумками круглого столу. Кам'янець-Подільский : К-ПНУ ім. І. Огієнка, 2014. С. 3—5.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М. : Наука, 2000. 542, [1] с., [2] л. цв. ил.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб. : Археограф. комиссия, 1877. X с., 1064, 68 стб., 1 л. факс.

Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533—1540 / подгот. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич. М. : Наука, 2008. 524, [1] с.

Сушицький Т. П. Західньо-руськи літописи як пам'ятки літаратури / упорядк. та до друку вигот. О. А. Назаревський. Київ : Друкарня Всеукр. АН, 1929. IX, 404 с.

Тарасов А. Е. Герасим // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 152—154.

Тасин Джемил. Татары Добруджи и Буджака // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 164—176.

Темушев В. Н. Литовско-тверская граница (вторая половина XIV — начало XVI в.) // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История. 2007. Вып. 4. С. 87—97.

Темчин С. Ю. О времени появления Супрасльской летописи (списка 1519 г.) в Супрасльском монастыре // Ruthenica. Київ, 2006. Т. 5. С. 151—161.

Терещук К. І. До питання про локалізацію Болохівської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ : Наукова думка, 1976. С. 164—175.

Тихомиров И. А. Два польских труда о западнорусских летописях // ЖМНП. 1891. Ч. 273. Февраль. Отд. II. С. 397—412.

Тихомиров И. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей // ЖМНП. 1901. Ч. 334. № 3 (март). Отд. II. С. 1—36; № 5 (май). С. 70—119.

Тихомиров И. А. [Рец.:] Prochaska A. Latopis litewski. Rozbiór krytyczny. Lwów, 1890 // ЖМНП. 1893. Ч. 287. Май. С. 253—266.

Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. М., 1950. Т. 40. С. 214—259.

Ткачев М. А. Замки Беларуси. Минск : Беларусь, 2002. 200 с.

Ткачев М. А. Замки Белоруссии. Минск : Полымя, 1987. 220, [2] с.

Ткачоў М. А. Аршанскі замак // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 56.

Ткачоў М. А. Мсціслаўскі замак // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 444.

Ткачоў М. А., Калядзінскі Л. У. Віцебскі Верхні замак // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 134—135.

Ткачоў М. А., Трусаў А. А. Старажытны Мсціслаў. Мінск : Полымя, 1992. 109, [1] с.

Ткачоў М. А., Чарняўская Т. І. Віцебскія замкі // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. С. 457.

Ткачоў М. А., Чарняўскі І. М. Крэўскі замак // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 1993. С. 352—353.

Толочко А. П. Два кириллических граффити Константинопольской Софии // Ruthenica. Київ, 2009. Т. 7. С. 209—214.

Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Вып. 9 : Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск : Тип. С. П. Киржацкого, 1901. 1267 с.

Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян : Этюды и характеристики. М. : Знак, 2012. 805 с.

Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М. : Знак, 2010. 486 с.

Турчинович И. В. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб. : Тип. Э. Праца, 1857. 302 с.

Українські грамоти XV ст. / підг. тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ : Наукова думка, 1965. 163 с.

Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М. : Наука, 1985. 258, [6] с.

Улащик Н. Н. Открытие и публикации Супрасльской летописи // Летописи и хроники. 1976 г. М. : Наука, 1976. С. 203—214.

Улащик Н. Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 35 : Белорусско-литовские летописи. М. : Наука, 1980. С. 3—18.

Улащик Н. Н. Предисловие // Хроника Быховца. М. : Наука, 1966. С. 5—30.

Ульяновський В. І. Київський митрополит Спиридон і його догматичний твір «Изложение о православней истинне нашей вере». Ч. III.3 // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Київ, 1999. Вип. 3. С. 80—155.

Ульяновський В. І. Митрополит Київський Спиридон: образ крізь епоху, епоха крізь образ. Київ : Либідь, 2004. 374 с.

Уляницкий В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. М. : Унив. тип., 1887. VII, 244 с.

Урбан П. Старажытныя ліцьвіны: Мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць. 3-е выд. Мінск : Тэхналогія, 2010. 215, [1] с.

Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1979. 318 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Изд. 2, стер. Т. 1 : А—Д. М. : Прогресс, 1986. 573 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 180 с.

Флоря Б. Н. Две грамоты князя Любарта (о луцкой епископской кафедре в первой половине XIV в.) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1998 г. Памяти А. П. Новосельцева. М. : «Восточная литература» РАН, 2000. С. 250—254.

Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье : сб. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2007. 528 с.

Флоря Б. Н. О «Летописце Быховца» // Источники и историография славянского средневековья : сб. статей и материалов. М. : Наука, 1967. С. 135—144.

Флоря Б. Н. Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье : сб. статей. М. : Наука, 1978. С. 320—328.

Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев : Наукова думка, 1986. 180, [3] с.

Хайдаров Т. Ф. Латинские и арабские источники об эпидемии чумы в Крыму в 1346—1347 гг. // Учен. зап. Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 128—132.

Хаутала Р. От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 485—528.

Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Половина первая : А—И. СПб. : Изд. В. Е. Генкеля, 1871. 160 с.

Хорошкевич А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Lietuvos metrika. 1991—1996 metų tyrinėjimai. Vilnius : LII Leidykla, 1998. С. 203—227.

Хромова І. Сосницький скарб: до питання аналізу та класифікації монет Володимира Ольгердовича // Український історичний збірник. Київ, 2010. Вип. 13. С. 22—43.

Хроника Быховца / подгот. Н. Н. Улащик. М. : Наука, 1966. 152, [2] с.

Цярохін С. Таямніцы Крэўскай уніі // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 3. С. 7—10.

Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісныя зводы і іх рэдакцыі // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх. навук. 1967. № 1. С. 86—94.

Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1969. 189, [2] с.

Чамярыцкі В. А. Да гісторыі фарміравання трэцяга беларуска-літоўскага летапіснага зводу — «Хронікі Быхаўца» // Беларуская пісьмовая спадчына ў кантэксце еўрапейскага культурна-гістарычнага працэсу XI—XIX стагоддзяў: вытокі, традыцыі, уплывы : матэрыялы рэсп. навукова-практычнай канф. (Мінск, 24 мая 2010 г.). Мінск : Права і эканоміка, 2010. С. 51—60.

Чамярыцкі В. А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII—XIII стст.) // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1965. № 3. С. 90—98.

Чамярыцкі В. А. Сведкі нашай мінуўшчыны // Беларускія летапісы і хронікі. Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. С. 3—22.

Чамярыцкі В. А. Хроніка Быхаўца // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 720.

Чарняўскі І., Цэйтліна М. Архітэктурна-мастацкія асаблівасці Крэўскага замка (па выніках археалагічных даследаванняў) // Каштоўнасці мінуўшчыны. Вып. 4 : Помнікі археалогіі: праблемы аховы і вывучэння :

матэрыялы канферэнцыі, Менск, 23 лістапада 2000 г. Мінск : ТАА «Лекцыя», 2001. С. 97—103.

Чарняўскі Ф. Нататкі да генеалогіі князёў Адзінцэвічаў і Падбярэзскіх // Герольд Litherland. Горадня ; Менск, 2013. № 19. С. 67—102.

Чемерицкий В. А. Белорусские летописи как памятники литературы. Возникновение и литературная история первых сводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967. 21 с.

Чемерицкий В. А. Работа автора первого белорусско-литовского свода над русскими источниками // Летописи и хроники. 1980. М. : Наука, 1981. С. 182—189.

Черепнин Л. В. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Ивановича Донского как источник для изучения политической истории Великого княжества Московского // Исторические записки. 1947. Вып. 24. С. 225—266.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Ч. 1. 472 с.

Черкас Б. В. Західні володіння Золотої Орди в 1380—1399 рр. (політичний аспект) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2013. Вип. 12. С. 190—209.

Черкас Б. В. Західні володіння улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII—XIV ст.). Київ : Інститут історії України, 2014. 387 с.

Черкас Б. В. Невідомий похід Токтамиша проти Великого князівства Литовського восени 1380 року? // Ruthenica. Київ, 2014. Т. 12. С. 178—182.

Черкас Б. В. Подільське князівство і «ногаєві» татари: боротьба за Придністров'я (1374—1380) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2015. Вип. 15. С. 68—72.

Черкас Б. В. Похід хана Джанібека на Правобережну Україну 1352 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2010. Вип. 9. С. 13—25.

Черкас Б. В. Синьоводська битва 1362 року. Історичний нарис. Київ : Київський ун-т, 2012. 127 с.

Чорний О. В. Ідентифікація літописних географічних орієнтирів Синьоводської битви 1362 року // Воєнна історія. 2011. № 4 (58). С. 72—79.

Чорний О. В. Історична географія правобережної України середини XIV століття в контексті битви на Синіх Водах // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20 : Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 49—61.

Чубатий М. Д. Державно-правне становище украинських земль Литовской держави під кінець XIV в. // Записки Наукового товариства

им. Шевченка. Львів, 1924. Т. 134—135. С. 19—65; Львів, 1926. Т. 144—145. С. 1—108.

Шаблюк В. У. Геранёны // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 2 : Беліцк — гімн. Мінск : БелЭн, 1994. С. 514.

Шабульдо Ф. М. Битва біля Синіх Вод 1362 р.: маловідомі та незнані аспекти // Український історичний журнал. 1996. № 2. С. 3—15.

Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев : Наукова думка, 1987. 181, [2] с.

Шабульдо Ф. М. К итогам изучения битвы у Синих Вод 1362 г. // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. С. 15—26.

Шабульдо Ф. М. К итогам изучения синеводской проблемы // История и современность. 2013. № 1. С. 69—89.

Шабульдо Ф. М. Кондоминатный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамая // Balcanica Poznaniensia. Poznań, 2007. Т. 14. S. 157—182.

Шабульдо Ф. М. Кондомініум в українських землях XIV століття // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 2006. Т. 251 : Праці історично-філософської секції. С. 7—22.

Шабульдо Ф. М. Наративні джерела й перші дослідники про похід Ольгерда на Сині Води і Білобережжя // Україна в Центрально-Східній Європі. 2000. Вип. 1. С. 57—74.

Шабульдо Ф. М. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // Ruthenica. Київ, 2010. Т. 9. С. 57—73.

Шабульдо Ф. М. Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання. Київ : [б. и.], 1998. 85 с.

Шабульдо Ф. М. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях: Зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 9—27.

Шабульдо Ф. М. Чи існував ярлик Мамая на українські землі? (До постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях: Зб. статей. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2005. С. 100—122.

Шабульдо Ф. М. Чого не схотіла або не змогла помітити моя рецензентка (відповідь на рецензію Олени Русиної) // Український гуманітарний огляд. 1999. Вип. 2. С. 198—217.

Шаланда А. І. [Рэц.] Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań ; Wrocław, 1999 // Герольд Litherland. Горадня, 2001. № 3—4 (3). С. 121—126.

Шахматов А. А. Записка о западнорусских летописях // ЛЗАК за 1900 год. СПб. , 1901. Вып. 13. С. 39—49.

Шахматов А. А. О Супрасльском списке западнорусской летописи // ЛЗАК за 1900 год. СПб. , 1901. Вып. 13. С. 1—16 [отд. паг.].

Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. М., 1904. Кн. 1 (208). С. 1—172.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.

[Шеффер П. Н.] Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 2, вып. 1 : Новгородская пятая летопись. Пг. : Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. С. I—IV.

Шостопал А. В. Монети XIV ст. карбовані на Поділлі // Нумізматіка і фалеристика. 2007. № 3. С. 24—26.

Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. СПб., 1854. Т. 48. С. 1—58 (статья четвертая; отд. паг.); СПб., 1855. Т. 52. С. 1—62 (статья пятая; отд. паг.).

Щапов Я. Н. Туровские уставы XIV века о десятине // Археографический ежегодник за 1964 год. М. : Наука, 1965. С. 252—273.

Щербаковский Д. М. Фундушевая запись князя Любарта луцкой церкви Иоанна Богослова 1322 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1904. Кн. 18, вып. 3—4. Отдел II. С. 61—70.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб. : Изд. графа И. И. Толстого, 1891. Т. 2. [2], X, 696 с., [9] л. табл.

Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя. Мінск : БелСЭ, 1989. 375 с.

Юрасовский А. В. Грамоты XI — середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. 1982. № 4. С. 141—150.

Юргинис Ю. М. Бояре и шляхта в Литовском государстве // Восточная Европа в древности и средневековье : сб. статей. М. : Наука, 1978. С. 124—130.

Юркевич В. Звиногородщина в XV—XVI вв. // Історично-географічний збірник. Київ, 1927. Т. 1. С. 13—22.

Юхо І. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 269, [1] с.

Юхо І. А. Крэўская унія // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1985. № 4. С. 22—23.

Ючас М. А. Хроника Быховца // Летописи и хроники : сб. статей 1973 г., посвящ. памяти А. Н. Насонова. М. : Наука, 1974. С. 220—231.

Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. : (Волинь і Центральна Україна). Вид. 2. Київ : Критика, 2008. 472 с.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. 387 с.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 3, испр. и доп. новыми находками. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 461 с.

Ярлык Тохтамыша: второе возвращение // Гасырлар авазы — Эхо веков : научно-документальный журнал. 1998. № 1/2. С. 16—17.

Ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392—1393 года / издан кн. М. А. Оболенским. Казань : Тип. Н. Коковина, 1850. 72 с.

Ясас Р. Хроніка Быхаўца і яе паходжанне (пераклад і прадмова Ганны Міхальчук) // Беларускі гістарычны агляд. 2017. Т. 24. Сш. 1—2. С. 183—220.

Ясінскі А. Н. Спроба крытычнага вывучэньня Кнігі данін вялікага князя Казіміра // Arche. 2009. № 7 (82). С. 1022—1064.

A thousand years of christianity in Ukraine: an encyclopedic chronology / ed. O. Zinkewych, A. Sorokowski. New York : Smoloskyp Publishers, 1988. 312 p.

Abraham W. Założenie biskupstwa łacińskiego w Kamieńcu Podolskim // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 250-tej rocznicy założenia Uniwersytetu Lwowskiego przez króla Jana Kazimierza r. 1661. Lwów : Uniwersytet Lwowski, 1912. T. 1. S. 1—39.

Actes de l'Athos. IV. Actes de Zographou / publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. Saint-Pétersbourg : Тип. Имп. Академии наук, 1907. 213 p.

Adamus J. Najnowsza literatura o akcie krewskim // Wiadomości studium historii prawa litewskiego Uniwersytetu Stefana Batorego. Wilno, 1938. T. 1. S. 273—316.

Adamus J. O prawno-państwowym stosunku Litwy do Polski // Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historyków polskich w Wilnie. Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1935. T. 1. S. 174—180.

Adamus J. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1930. R. 44. T. 1. Zesz. 1. S. 313—332.

Akta unji Polski z Litwą. 1385—1791. Kraków : Polska Akademia Umiejętności : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932. 633 s.

Alexandrowicz S. Kartografia Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku. Warszawa : Aspra, 2012. 344 s.

Almonaitis V. Žemaitijos politinė padėtis 1380—1410 metais. Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas, 1998. 204 p.

Alminauskis K. Vytauto skundas // Archivum philologicum. Kaunas, 1939. T. 8. P. 182—224.

Andreas von Regensburg. Sämtliche Werke / hsgb. von G. Leidinger. München : M. Rieger'sche Universitäts — Buchhandlung (G. Himmer), 1903. CXX, 753 s.

Archiva istorica a Romaniei / red. B. P. Hajdeu. Bucuresci : Imprimeria statului, 1865. T. 2. 176 p.

Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1 : 1366—1506. Lwów : Druk. Instytutu Stauropigiańskiego, 1887. XIV, 204 s., III tabl.

Baczko L., von. Geschichte Preussens. Königsberg : Bey Gottlieb Leberecht Hartung, 1793. Bd. 2. 422 s.

Baliński M. Historya miasta Wilna. T. 1 : Dzieje Wilna od założenia miasta aż do roku 1430. Wilno : Drukiem A. Marcinowskiego, 1836. XXIV, 240 s.

Baliulis A., Mikulionis S., Miškinis A. Trakų miestas ir pilys: Istorija ir architektūra. Vilnius : Mokslas, 1991. 294 p.

Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai / par. N. Vėlius. Vol. 1 : Nuo seniausių laikų iki XV a. pabaigos. Vilnius : Mokslo ir enciklopedių leidykla, 1996. 743 p.

Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, 1895. XV, 575 s.

Balzer O. Istota prawna zależności książąt litewsko-ruskich w dobie 1386—1398/1401 // Sprawozdania Towarzystwa naukowego we Lwowie. Lwów, 1921. R. 1. Z. 1. S. 196—204.

Balzer O. Nowsze poglądy na istotę prawno-państwowego stosunku Polski i Litwy w Jagiellońskiem średniowieczu // Sprawozdania Towarzystwa naukowego we Lwowie. Lwów, 1921. R. 1. Z. 1. S. 81—94.

Balzer O. Stosunek Litwy do Polski // Pisma pośmiertne Oswalda Balzera. Lwów : Nakładem Towarzystwa Naukowego we Lwowie, 1937. T. 3. S. 245—318.

Balzer O. Tradycya dziejowa unii polsko-litewskiej. Lwów ; Warszawa : Gubrynowicz i Syn, 1919. 24 s.

Baranauskienė I. Onos Vytautienės kilmė ir giminė // Kultūros barai. 2012. No 2. P. 64—74.

Bardach J. Krewo i Lublin. Z problemów unii polsko-litewskiej // Kwartalnik historyczny. 1969. R. 76. Z. 3. S. 583—619.

Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. 402 s.

Baronas D. Aukštaitija kovų su Livonijos ordinu metu (XIII—XIV a.) // Iš Panevėžio praeities : Upytės žemei 750 metų. Panevėžys : Panevėžio kraštotyros muziejus, 2004. P. 36—54.

Baronas D. Vilniaus pranciškonų kankiniai ir jų kultas XIV—XX a. Istorinė studija ir šaltiniai. Vilnius : Aidai, 2010. 723 p.

Barwiński B. Pieczęć ruska Wojdyły z r. 1380 : (Przyczynek do sfragistyki litewskiej) // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. 1910. No 9. S. 143—145.

Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą: nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenų. Vilnius : Mintis, 1975. 383 p.

Batūra R. Lietuvos karaliaus Gedimino kova prie Bajerburgo (Veliuonos) ir žūties problema // Istorija. 2002. T. 53. P. 28—33.

Batūra R. Šaltiniotyriniai Mėlynųjų Vandenų mūšio aspektai // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. P. 89—94.

Bauer G. Baltismen im ostpreußischen Deutsch. Hermann Frischbiers «Preussisches Wörterbuch» als volkskundliche Quelle // Annaberger Annalen. 2005. T. 13. S. 5—82.

Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia : The American Philosophical Society, 1953. 476 p.

Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego, nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Kraków : W Drukarni Jakuba Sibeneychera, 1597. 804 s.

Błaszczyk G. Czy była unia krewska? // Kwartalnik historyczny. 2003. R. 110. Z. 1. S. 86—96.

Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1 : Trudne początki. Poznań : Wydawnictwo naukowe UAM, 1998. 304 s.

Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 2 : Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2007. 935 s.

Błaszczyk G. Zamach Witolda w 1389 r. // Litwa w epoce Wazów. Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2006. S. 33—50.

Boldt F. Der Deutsche Orden und Littauen. 1370—1386 // Altpreussische Monatsschrift. Königsberg, 1873. Bd. 10. S. 385—467; 513—548.

Boldur A. Die Herrschaft des litauischen Fürsten Jurij Korjat in der Moldau (1374—1379) // Südost-Forschungen. 1973. Nr. 32. S. 9—32.

Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa : Druk J. Bergera, 1887. XV, 425, XLIX s.

Brătianu Gh. Demetrius Princeps Tartarorum (ca. 1360—1380) // Revue des Études Roumaines. Paris, 1965. T. 9—10. P. 39—46.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1985. 806 s.

Bruszewska-Głombiowska M. Działalność księżnej krakowsko-sandomierskiej Kingi (1234—1294) jako przyczynek do dyskusji o roli kobiety w Średniowieczu // Zeszyty naukowe Akademii marynarki wojennej. 2011. R. LII. Nr. 3 (186). S. 147—162.

Bubczyk R. Charakterystyka współrządów Jadwigi Andegaweńskiej i Władysława II Jagiełły w Polsce // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sektio F. Historia. 1997/1998. T. 52/53. S. 29—51.

Bucevičiūtė L. Mėlynieji Vandenys istorinės kartografijos kontekste // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. P. 117—126.

Bullarium Poloniae litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens. Vol. 2 : 1342—1378 / ed. I. Sułkowska-Kuraś et S. Kuraś. Romae : École Française de Rome, 1985. XII, 484 p.

Bullarium Poloniae litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens. Vol. 5 : 1431—1449 / wyd. I. Sułkowska-Kurasiowa, S. Kuraś. Romae ; Lublin : École Française de Rome, 1995. 356 p.

Bumblauskas A. Senosios Lietuvos istorija. 1009—1795. Vilnius : R. Paknio leidykla, 2007. 486 p.

Byczkowa M. E. Legenda o pochodzeniu wielkich książąt litewskich. Redakcje moskiewskie z końca XV i z XVI wieku // Studia Źródłoznawcze. Warszawa ; Poznań, 1976. T. 20. S. 183—199.

Carte e cronache manoscritte per la storia Genovese esistenti nella Biblioteca della r. Università Ligure / per A. Olivieri. Genova : Co' Tipi del R.I. de Sordo-Muti, 1855. 266 p.

Catalogus codicum manu scriptorum Musei Principum Czartoryski Cracoviensis / scripsit S. Kutrzeba. Cracoviae : Czas, 1908—1913. Vol. 2. 385 s.

Čelkis T. Nuo teritorinio ruožo prie linijos: Sienų sampratos pokyčiai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV—XVI amžiuje // Lietuvos istorijos studijos. 2008. No 22. P. 58—73.

Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans / ed., transl. and commented by S. C. Rowell. Vilnius : Vaga, 2003. LVIII, 425 p.

Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny, 1370—1632. Warszawa : Drukarnia Kasy im. Mianowskiego, 1934. XIII, 632 s.

Cihodaru C. Din nou despre Iurg Coriatovici şi Iuga vodă // Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului judeţean Vaslui. 1979. Nr. 1. P. 139—157.

Ciocîltan V. The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden : Brill, 2012. 344 p.

Citko L. «Kronika Bychowca» na tle historii i geografii języka białoruskiego. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. 509 s.

Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / ed. G. Fejér. T. 9, vol. 4 : Ab anno Christi 1367—1374. Budae : Typis Typogr. Regiae Universitatis Ungaricae, 1834. LXXIV, 686 s.

Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / td. G. Fejér. T. 10, vol. 2 : Ab anno Christi 1392—1400. Budae : Typis Typogr. Regiae Universitatis Ungaricae, 1834. LIV, 832 s.

Codex diplomaticus Lithuaniae, e codicibus manuscriptis, in archivo secreto Regiomontano asservatis / ed. E. Raczyński. Vratislaviae : Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. XV, 391 p.

Codex diplomaticus Poloniae / ed. L. Rzyszczewski, A. Muczkowski, A. Z. Helcel. Warszawa : Drukiem S. Strąbskiego, 1847. T. 1. XXIII, 367, LVIII, 8 s.

Codex diplomaticus Prussicus / hsgb. von J. Voigt. Königsberg : Bei den Gebrüdern Bornträger, 1848. Bd. 3. XXIV, 200 s.

Codex diplomaticus Prussicus / hsgb. von J. Voigt. Königsberg : Bei den Gebrüdern Bornträger, 1853. Bd. 4. XXIV, 190 s.

Codex diplomaticus Silesiae. Bd. 5 : Das Formelbuch des Domherrn Arnold von Protzan / hsgb. von W. Wattenbach. Breslau : Josef Max & Komp., 1862. XX, 342 s.

Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 1 : 1384—1492. P. 1. Ab anno 1384 ad annum 1444 / cura A. Sokołowski. Kraków : Akademia Umiejętności, 1876. LXX, [2], 158 s.

Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2 : 1382—1445 / coll. opera A. Lewicki. Kraków : Akademia Umiejętności, 1891. [3], LXXVII, [3], 531, [1] s.

Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376—1430 / collectus opera A. Prochaska. Kraków : Druk. Wł. L. Anczyca i sp., 1882. CXVI, 1114 s.

Cronica di Matteo e Filippo Villani con le vite d'uomini illustri fiorentini di Filippo e la cronica di Dino Compagni. Milano : Per Nicolo Bettoni e Comp., 1834. 565 p.

Czacki T. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszem Statucie dla Litwy 1529 roku wydanem. Warszawa : Druk. J. C. G. Ragoczego, 1800. T. 1. VIII, 328 s.

Czamańska I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węger i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996. 368 s.

Czuczyński A. Traktat książąt litewskich z Kazimierzem Wielkim z r. 1366. // Kwartalnik historyczny. 1890. R. 4. S. 513—515.

Czwołek A. Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III // Леў Сапега (1557—1633 гг.) і яго час : зборнік навуковых артыкулаў. Гродна : ГрДУ, 2007. С. 123—139.

Dąbrowski D. Radosłowle kniazey Wytebskich — analiza porównawcza treści // Genealogia. Studia i materiały historyczne. Poznań ; Wrocław, 2003. T. 14. S. 31—69.

Dąbrowski J. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego 1370—1382. 2 wyd. Kraków : Universitas, 2009. 359 s.

Dainauskas J. Autentyczność aktu krewskiego // Lituano-Slavica Posnaniensia. 1987. T. 2. S. 125—144.

Daniłowicz I. Latopisiec litewski na początku XV wieku przez bezimiennego pisarza w ruskim języku ułożony, wyjęty z rękopismu r. 1520, obeymującego dzieje rusko-litewskie, po raz pierwszy dosłownie łacińskiemi literami do druku podany // Dziennik Wileński. 1823. No 3. S. 241—265, 369—415.

Daniłowicz I. Latopisiec Litwy i Kronika Ruska: z rękopisu sławiańskiego przepisane, wypisami z wremennika sofiyskiego pomnożone, przypisami i objaśnieniami dla czytelników polskich potrzebnemi opatrzone. Wilno : Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1827. 328 s.

Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Wilno : Druk. A. H. Kirkora, 1860. T. 1. VII, 387 s.; Wilno : Druk. A. H. Kirkora, 1862. T. 2. 370 s.

Daniłowicz I. Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach // Athenaeum. Wilno, 1841. T. 6. S. 13—62.

Das Rigische Schuldbuch (1286—1352) / hsgb. von H. Hildebrand. St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1872. LXXIX, 153 s.

David L. Preussische Chronik. Königsberg : Hartungsche Hofbuchdruckerei, 1815. Bd. 7. VI, 252 s.

Decrees of the Ecumenical Councils. Vol. 1 : Nicaea I to Lateran V / ed. N. P. Tanner. London : Sheed and Ward, 1990. XXV, 655 p.

Deletant D. Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the Fourteenth Century // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62. No. 4 (October). P. 511—530.

Deletant D. Moldavia between Hungary and Poland, 1347—1412 // The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. No. 2 (April). P. 189—211.

Die älteste litauische Chronik / aus dem Russischen übersetzt von F. Neumann. hrsg. von M. Töppen // Altpreussische Monatsschrift. Königsberg, 1877. Bd. 14. S. 419—458.

Długokęcki W., Kowalczyk E. Nieznane opisy granicy mazowiecko-krzyżackiej. Cz. II: Granica komturstwa Bałgijskiego (prokuratorstwo Piskie i Ełckie) // Kwartalnik historyczny. 2004. R. 111. Z. 1. S. 5—37.

Długosz J. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 9 : 1300—1370. Varsaviae : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978. 507 s.

Długosz J. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 10 : 1370—1405. Varsaviae : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1985. 443 s.

Długosz J. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 10 et 11 : 1406—1412. Varsaviae : Wydawnictwo naukowe PWN, 1997. 351 s.

Długosz J. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 11 : 1413—1430. Varsaviae : Wydawnictwo naukowe PWN, 2000. 462 s.

Długosz J. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber 12 : 1445—1461. Varsaviae : Wydawnictwo naukowe PWN, 2003. 559 s.

Długosz J. Opera omnia. T. 12 : Historiae Polonicae libri XII. T. 3. Lib. IX, X. Cracoviae : Czas, 1876. 595 s.

Długosz J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Ks. 10 : 1370—1405. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. 383 s.

Długosz J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Ks. 11 : 1413—1430. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. 367 s.

Długosz J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Ks. 12 : 1445—1461. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. 465 s.

Dmitruk S. Geneza rodu Chodkiewiczów // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2004. T. 21. S. 27—46.

Dogiel M. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae : Ex Typographiae Regia et Reipublicae, 1759. T. 5. [15], 522, [18] s.

Documenta Pontificum Romanorum hostoriam Ucrainae illustrantia (1075—1953). Vol. 1 : 1075—1700 / collegit introductione et adnotationibus auxit p. A. G. Welykyj. Romae : PP. Basiliani, 1953. XX, 686 p.

Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. 1 : 1384—1448 / C. Cihodaru, I. Caproşu şi L. Şimanschi. Bucureşti : Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1975. LV, 604 p.

Drăghiceanu V. Mormintele din biserica Precista Bacău. Raport adresat Comisiunii monumentelor istorice // Buletinul Comisiunii monumentelor istorice. Bucureşti, 1911. Anul IV (1911). P. 152—159.

Drăghiceanu V. Vaslui: pisania găsită şi publicată de Burada // Buletinul Comisiunii monumentelor istorice. Bucureşti, 1926. Anul XIX (1926). P. 125.

Dubonis A. Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje. 1268—1282. Vilnius : LII leidykla, 2009. 242 p.

Dunin-Kozicki Z. Szczątek kalendarza Franciszkanów wileńskich z XV wieku // Kwartalnik Litewski. Petersburg, 1910. R. 1. T. 4. S. 3—12.

Dworzaczek W. Leliwici Tarnowscy. Z dziejów możnowładztwa Małopolskiego wiek XIV—XV. Warszawa : Pax, 1971. 351 s., 16 s. il.

Dymek B. Walka Siemowita IV o koronę polską // Rocznik Mazowiecki. 1999. T. 11. S. 57—82.

Dziarnovich A. Castella Alboruthenica: castle building in Belarus at the crossroads of cultural influences during the 12th to 14th centuries // Castella maris Baltici. Vilnius, 2004. T. 6. S. 49—54.

Dzieło Jadwigi i Jagiełły w 600-lecie chrztu Litwy i jej związków z Polską / wyb. i oprac. W. Biliński. Warszawa : Wydawnictwo Archidiecezji Warszawskiej, 1989. 334 s.

Ein Erschroeckliche doch Warhaftige grausame hungers nott und Pestilenzische plag so im Landt Reissen vnnd Littaw fürgangen im 1571 Jar. München : Bey Adam Berg, [1571]. 1 s. — Zentralbibliothek Zürich. ZB Graphische Sammlung (GSB). PAS II 9/9. URL: https://www.zb.uzh.ch (search in catalogue; дата обращения: 27.02.2019).

Engel B. Die mittelalterlichen Siegel der Fürsten, der Geistlichkeit und des Polnischen Adels im Thorner Rathsarchive. Danzig: Kommissions-Verlag von L. Saunier's Buchhandlung, 1902. 24 s., X s., Taf. IV.

Espenak F., Meeus J. Five Millennium Canon of Lunar Eclipses: —1999 to +3000 (2000 BCE to 3000 CE). NASA Technical Publication NASA/TP-2009-214173. 2011 May 23. URL: http://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCLE/5MKLEcatalog.txt (дата обращения: 02.03.2013).

Espenak F., Meeus J. Five Millennium Catalog of Solar Eclipses: —1999 to +3000 (2000 BCE to 3000 CE). NASA Technical Publication NASA/TP-2008-214170. 2008 Oct 07. URL: http://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSE/5MKSEcatalog.txt (дата обращения: 02.01.2015).

Fontes rerum Austriacarum. Bd. 6 : Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen. Theil 2. Wien : Aus der Kaiserl. königl. Hof- und Staatsdruckerei, 1865. 843 s.

Fontes rerum Bohemicarum. T. 4 : Chronicon Aulae Regiae. — Excerpta de diversis chronicis additis quibusdam Aulae Regiae memorabilibus. — Chronicon Francisci Pragensis. — Chronicon Benessii de Weitmil. Praha : V komissi knihkupectvi: dr. Gregr a Edv. Valecka, 1884. XXVIII, 572 s.

Friedelówna T. Ewangeliarz ławryszewski : monografia zabytku. Wrocław etc. : Wydawnictwo PAN, 1974. 280 s.

Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 1 : Panowanie Władysława Jagiełły. Warszawa : Drukarnia S. Orgelbranda, 1846. XXV, 573 s.

Grabowska K. Język Latopisu supraskiego 1519 r. (Fonetyka. Fleksja. Słownictwo). Praca doktorska napisana pod kierunkiem dr hab. L. Citko, prof. UwB. Białystok, 2017. 226 s.

Grunau S. Preussische Chronik. Bd. 1 : Tractat 1—14. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1876. VIII, 755 s.

Gudavičius E. Kas žuvo 1337 m. prie Bajerburgo? // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A. 1984. T. 4 (89). P. 92—100.

Gudmantas K. Keletas pastabų apie Maskvoje rastą Lietuvos metraščio fragmentą // Lietuvos Didžiųjų Kunigaikščių rūmų kronika. Vilnius, 2018. T. IV (2014—2016). P. 438—443.

Gudmantas K. Lietuvos metraščio Vavelio nuorašas (fragmentas) // Senoji Lietuvos literatūra. Vilnius, 2012. Kn. 34. P. 121—151.

Gumowski M. Pieczęcie książąt litewskich // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. Z. 3—4. S. 684—725.

Haack F. W. Vocabularium Litthvanico-Germanicum et Germanico-Litthvanicum. Halle : Druck. S. Orban, 1730. 336 s.

Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. Kraków : Akademia Umiejętności, 1919. T. 1. XVI, 482 s.

Halecki O. Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Seria 2. Kraków, 1916. T. 59. S. 214—254.

Halecki O. Małżeństwo królowej Jadwigi w świetle historii. Toruń : Drukarnia Toruńska, 1938. 21 s.

Halecki O. Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego // Miesięcznik heraldyczny. 1935. R. 14. No 7—8. S. 97—111.

Halecki O. Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego przez Polskę (1386—1401) // Przegląd historyczny. Warszawa, 1917—1918. T. 21. S. 1—77.

Halecki O. Witold // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie, 28-go listopada do 4-go grudnia 1930 r. T. 2 : Protokoły. Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1931. S. 362—375.

Halecki O. Z Jana Zamojskiego inwentarza archiwum koronnego // Archiwum Komisji Historycznej. Kraków, 1919. T. 12. Cz. 1. S. 146—218.

Halecki O. Zagadnienia kulturalne w dziejach Unji Jagiellońskiej. Warszawa : Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1927. 12 s. [Odbitka : Przegląd historyczny. T. 26. Z. 3. S. 396—408].

Hansisches Urkundenbuch / ed. K. Hohlbaum. Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876. Bd. 1. XVII, 523 s.

Hasdeu B. P. Foiţa de istorie şi literatură. Bucureşti : Vestala, 2007. 239 p. [первое издание: 1860].

Heymowski A. Herby polskie w Sztokholmskim *Codex Bergshammer* // Studia Źródłoznawcze. 1967. T. 12. S. 73—111.

Hippisley A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library. A Catalogue. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005. II, 234 p.

Historiae Hungaricae fontes domestici. P. 1. Scriptores. Vol. 3 : Chronicon Dubnicense / rec. M. Florianus. Lipsiae : Typis M. Taizs, 1884. V, 276 p.

Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Tl. 1 : Vom Jahre 1198 bis zum Jahre 1449 incl. Dorpat ; Riga : E. Frantzen's Buchhandlung, 1833. XVI, 375 s.

Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi = XVII a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas / sud. D. Narbutienė, S. Narbutas. Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. 345 p.

Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum, quacunque in archivo regni in arce Cracovi-

ensi per commissarios a sacra regia majestate et republica ad revidendum et connotandum omnes scripturas in eodem archivo existentes deputatos confectum anno domini 1682 / [ed. E. Rykaczewski]. Paryż ; Berlin ; Poznań : Typis L. Martinet : B. Behr (E. Bock), 1862. XV, 483 p.

Iorga N. Geschichte des Rumanischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildung. Gotha : F. A. Perthes, 1905. Bd. 1. 419 s.

Iorga N. Iurg Coriatovici şi Moldova // Revista istorică. Anul al XIV-lea. Iulie — Septembre 1928. N-le 7—9. P. 320.

Ivinskis Z. Litwa w dobie chrztu i unii z Polską // Chrystianizacja Litwy. Kraków : Znak, 1987. S. 15—126.

Jabłonowski A. Podole u schyłku wieku XV (ciąg dalszy) // Ateneum. 1880. T. III. S. 87—105.

Jablonskis K. Nauji Vytauto laikotarpio aktai // Praeitis. Kaunas, 1933. T. 2. P. 375—411.

Jähnig B. Das älteste Findbuch der Deutschordensfolianten (um 1525) und deren Schicksal(e) im 19. Jahrhundert // Deutschsprachige Literatur des Mittelalters im östlichen Europa. Forschungsstand und Forschungsperspektiven / hrsg. von R. Päsler und D. Schmidtke. Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2006. S. 29—55.

Jakubowski J. Kroniki litewskie // Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. Wilno, 1910. T. 3. S. 68—74.

Jakubowski J. Studia nad stosunkami narodościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1912. IV, [2], 104 s.

Jakubowski J. Z zagadnień unii polsko-litewskiej // Przegląd historyczny. 1919—1920. T. 22. S. 136—155.

Jankauskas V. Gediminaičių kunigaikštystės LDK pietinėse zemėse XIV—XV a. // Lietuvos pilys. 2008. Vilnius, 2009. T. 4. P. 5—17.

Jankauskas V. Karijotaičių valdžios pobūdis Podolėje XIV a. antrojoje pusėje // Colloquia Russica. Series II. Vol. 2 : Vidurio rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas ; Kraków : [б. и.], 2013. P. 179—186.

Jankauskas V. Kunigaikštis Vaidotas Kęstutaitis // Kauno istorijos metraštis. 2013. Nr. 13. P. 7—15.

Jaroszewicz J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Cz. 2 : Litwa w pierwszych trzech wiekach po przyjęciu wiary chrześciańskiej. Wilno : Drukarnia M. Romma, 1844. II, 305 s.

Jasiński K. Henryk Siemowitowic i jego żona Ryngałła. Studium historyczno-genealogiczne // Słowianie w dziejach Europy. Studia historyczne ku uczczeniu 75 rocznicy urodzin i 50-lecia pracy naukowej profesora Henryka Łowmiańskiego. Poznań : Wydawn. Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1974. S. 159—165.

Jasiński K. Małżeństwa i koligacje polityczne Kazimierza Wielkiego // Studia Źródłoznawcze. 1990. T. 32—33. S. 67—76.

Jasiński K. [Rec.] Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów. Warszawa, 1968 // Studia Źródłoznawcze. 1970. T. 15. S. 239—243.

Jonynas I. Lietuvos didieji kunigaikščiai. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. 405 p.

Jonynas I. Vytauto šeimyna // Praeitis. Kaunas, 1933. T. 2. P. 183—244.

Jonynas I. Vytauto šeimyna. Vilnius : Techlab, 1991. 62 p.

Jučas M. Lietuvos didžiųjų kunigaikščių metraštis // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. Serija A. 1957. No 2. P. 111—121.

Jučas M. Lietuvos metraščiai. Vilnius : Vaga, 1968. 184 p.

Jučas M. Lietuvos metraščiai ir kronikos. Vilnius : Aidai, 2002. 208 p.

Jučas M. Unia polsko-litewska / tłum. A. Firewicz. Toruń : Europejskie Centrum Edukacyjne, 2004. 370 s.

Jureczko A. Dokument lokacyjny Kamieńca Podolskiego // Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu. Kraków : Wyd. Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2000. T. 1. S. 61—66.

Kaczmarczyk Z. Granowski Wincenty (ok. 1370—1410) // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1959—1960. T. 8. S. 551—552.

Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D. A church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, Constantinople // Harvard Ukrainian studies. 1981. Vol. 5. No 1. P. 5—11.

Katalog Archiwum aktów dawnych miasta Krakowa. T. 1 : Dyplomy pergaminowe. Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1907. VIII, 324 s.

Kiaupienė J. Akt krewski z 14 sierpnia 1385 r.: gdzie kryje się problem — w dokumencie czy w jego interpretacjach? // Kwartalnik historyczny. 2001. R. 108. Z. 4. S. 47—62.

Kiaupienė J. Historiografia litewska o niektórych zagadnieniach stosunków polsko-litewskich między Krewem a Lublinem // Profesor H. Łowmiański. Życie i dzieło. Poznań : Instytut Historii UAM, 1995. S. 116—123.

Kiaupienė J. W związku z polemiką Grzegorza Błaszczyka w sprawie unii Krewskiej // Kwartalnik historyczny. 2003. R. 110. Z. 1. S. 97—98.

Királyok és királynék itineráriumai: 1382—1438 = Itineraria regum et reginarum Hungariae (1382—1438) / Engel Pál, Tóth Norbert. Budapest : MTA Támogattot Kutatóhelyek Irodája, 2005. 187 s.

Kirkiene G. Korzenie rodu Chodkiewiczów // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2002. T. 17. S 34—56.

[Klimaszewski H.] O śmierci x. Zygmunta Kiejstutowicza. Wyciąg z kroniki litewskiej // Noworocznik Litewski na rok 1831. Wilno : Drukiem A. Marcinowskiego, 1830. S. 91—102.

Kloss B. M. Determining the Authorship of the Trinity Chronicle // Medieval Russian Culture. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1994. Vol. II. P. 57—72.

Koczerska M. Autentyczność dokumentu unii krewskiej 1385 r. // Kwartalnik historyczny. 1992. R. 99. Z. 1. S. 59—80.

Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. T. 1 : 1387—1507 / oprac. J. N. Fijałek, W. Semkowicz. Kraków : PAU, 1932—1948. 771 s.

Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego / wyd. T. J. Lubomirski. Warszawa : Drukarnia Gazety Polskiej, 1863. IV, 346, X s.

Kodeks dyplomatyczny Małopolski. T. 3 : 1333—1386 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1887. XXXII, 480 s.

Kodeks dyplomatyczny Małopolski. T. 4 : 1386—1450 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1905. XLIX, [1], 634 s.

Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa 1257—1506 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1879. Cz. 1. LXXX, 370, [2] s.

Kolankowski L. Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1 : 1377—1499. Warszawa : Kasa im. Mianowskiego, 1930. IX, 474 s.

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century) : A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden ; Boston : Brill, 2011. XXIX, 1049, faksim.

Koneczny F. Jagiełło i Witold. Cz. 1 : Podczas Unii krewskiej 1382—1392 // Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów, 1892. T. 20. Cz. 1. S. 1—14; Cz. 2. S. 97—113; Cz. 3. S. 193—209; Cz. 4. S. 289—301; Cz. 5. S. 385—397; Cz. 6. S. 481—494; Cz. 7. S. 577—591; Cz. 8. S. 673—690; Cz. 9. S. 769—780; Cz. 10. S. 865—885; Cz. 11. S. 961—983; Cz. 12. S. 1057—1096.

Koneczny F. Polityka Zakonu Niemieckiego w latach 1389 i 1390 // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1889. T. 24. S. 247—311.

Kopystiański A. Książe Michał Zygmuntowicz // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1906. R. 20. S. 74—165.

Korczak L. Miejsce Południowej Rusi w politycznych płanach wielkiego księcia Witolda Kiejstutowicza // Ukraina Lithuanica. Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2013. T. 2. C. 39—47.

Korczak L. Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków : Historia Iagellonica, 2008. 208 s.

Korczak L. O akcie krewskim raz jeszcze (na marginesie rozprawy Jonasa Dainauskasa) // Małopolskie studia historyczne. 1991. R. 34. Z. 3 (134). S. 473—479.

Kornecka-Trafas A. Oleśnicki Jan // Polski słownik biograficzny. Wrocław etc., 1978. T. 23/4. Z. 99. S. 763—764.

Kosman M. Między Zakonem krzyżackim, Rusią i Polską (początki chrystianizacji Litwy) // Przegląd Zachodni. 1987. No 5—6. S. 73—94.

Kosman M. Układ w Krewie — po sześciu wiekach // Wilno i kresy północno-wschodnie. Materiały II Międzynarodowej konferencji w Białymstoku. 14—17 IX 1994 r. w czterech tomach. T. 1 : Historia i ludzkie losy. Białystok : Tow. Literackie im. Adama Mickiewicza, Oddział Białostocki, 1996. S. 13—28.

Kossakowski S. K. Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich. Warszawa : Drukarnia Gazety Codziennej, 1860. T. 2. 360, III s., tabl.

Kotzebue A. Switrigal. Ein Beitrag zu den Geschichten von Litthauen, Russland, Polen, Preussen. Leipzig : P. G. Rummer, 1820. VI, 170 s.

Krakowski S. Korjatowicze i sprawa podolska w XIV w. w oświetleniu najnowszej historjografji polskiej // Ateneum Wileńskie. 1938. R. 13. Z. 1. S. 250—274.

Krantz A. Wandalia. Coloniae : Soter, 1519. [492] p.

Kromer M. De origine et rebus gestis polonorum libri XXX. Basileae : Per Ioannem Oporinum, 1555. [12], 719, [71] p.

Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. Wrocław : Ossolineum, 1990. 362 s.

Kuczyński S. M. Król Jagiełło, ok. 1351—1434. Wyd. 2. Warszawa : Wyd. MON, 1987. 176 s.

Kuczyński S. M. Rozbiór krytyczny roku 1385 «Dziejów polskich» Jana Długosza // Studia Źródłoznawcze. 1958. T. 3. S. 213—254.

Kuczyński S. M. Sine Wody. Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r. // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa : PWN, 1965. S. 135—180.

Kuraś S. Litwa a Polska za czasów Jagiełły i Witolda // Lithuania. 1996. No 1/2. S. 192—197.

Kurczewski J. Kościół Zamkowy czyli Katedra wileńska: w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju. Cz. 2 : Źródła historyczne na podstawie aktów kapitulnych i dokumentów historycznych. Wilno: Nakładem i drukiem J. Zawadskiego, 1910. 381 s.

Kurtyka J. Kilka słów o kryzysie legitymizacyjnym lat 1399—1402 i o kryzysie polemiki naukowej // Średniowiecze Polskie i Powszechne. 2009. T. 1 (5). S. 250—283.

Kurtyka J. Podole pomiędzy Polską i Litwą w XIV i 1. połowie XV wieku // Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu. Kraków : Wyd. Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2000. T. 1. S. 9—59.

Kurtyka J. Repertorium Podolskie. Dokumenty do 1430 roku // *Kurtyka J.* Podole w czasach jagiellońskich. Studia i materiały. Kraków : Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego «Societas Vistulana», 2011. S. 297—447.

Kutrzeba S. Charakter prawny związku Litwy z Polską 1385—1569 // Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historyków polskich w Wilnie. Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1935. T. 1. S. 165—173.

Kutrzeba S. Unia Polski z Litwą // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Krakow etc. : Gebethner i Wolff, 1914. S. 449—658.

Laberschek J. Uwagi i uzupełnienia do genealogii Melsztyńskich herbu Leliwa // Średniowiecze Polskie i Powszechne. 2010. Nr. 2 (6). S. 180—198.

Łatyszonek O. Od rusinów białych do białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. 399 s.

Lelewel J. Rozbiory dzieł obejmujących albo dzieje, albo rzeczy Polskie. Poznań : Nakładem księgarni J. K. Żupańskiego, 1844. 431 s.

Lewicki A. Kiedy Witold został wielkim księciem Litwy? // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1894. R. 8. S. 424—436.

Lewicki A. Nieco o unii Litwy z Koroną // Przegląd Polski. 1893/1894. R. 28. T. 2. S. 235—280.

Lewicki A. Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, 1892. 389 s.

Lewicki A. Sprawa unii kościelnej za Jagiełły // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1897. R. 11. S. 310—337.

Lietuvos metraštis. Bychovco kronika / vertė, įvadą ir paaiškinimus parašė R. Jasas. Vilnius : Vaga, 1971. 397 p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440—1498): Užrašymų knyga 3 / parengė L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius : Žara, 1998. 166 p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479—1491): Užrašymų knyga 4 / parengė L. Anužytė. Vilnius : Žara, 2004. 285, [1] p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427—1506): Užrašymų knyga 5 / parengė E. Banionis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedių leidykla, 1993. 403 p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506—1539): Užrašymų knyga 7 / parengė I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius : LII leidykla, 2011. XXIX, 1012 p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499—1514): Užrašymų knyga 8 / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 709 p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10 (1440—1523): Užrašymų knyga 10 / parengė E. Banionis, A. Baliulis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. 179 p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518—1523): Užrašymų knyga 11 / parengė A. Dubonis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. 228 p.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387—1546): Užrašymų knyga 25 / parengė D. Antanavičius ir A. Baliulis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. 461 p.

Lietuvos piliakalniai. URL: http://www.piliakalniai.lt (дата обращения: 20.01.2019).

Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum. Ed. prima / ed. T. Działyński. Poznań : Typis Ludovici Merzbachi, 1856. T. 3. 356, VII p.

Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum. Ed. altera. Poznań : Sumptibus Bibliothecae Kornicensis, 1892. T. 2. 482 p.

Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / hrsg. von F. G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 1 : 1093—1300. Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1853. XII, 190, 810 p.

Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. von F. G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 3 : Nachträge zu den zwei ersten Bänden, Fortsetzung von 1368—1393. Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1857. VI, 202, 800 p.

Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. von F.G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 6 : Nachträge zu den fünf ersten Bänden. Riga : Im verlage von Nikolai Kymmel, 1873. IV, 214, 796 p.

Livländische Reimchronik mit Anmerkunden: Namenverzeichniss und Glossar / hsgb. von L. Meyer. Paderborn : F. Schöningh, 1876. 416 s.

Łowmiański H. Biruta (XIV w.) // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1936. T. 2. S. 108.

Łowmiański H. Geografia polityczna Bałtów w dobie plemiennej // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. Poznań, 1985. T. 1. S. 7—105.

Łowmiański H. «Lustracja ziemi kijowskiej z 1471 r.» O stosunkach społeczno-gospodarczych na kresowej Ukrainie // Społeczeństwo. Gospodarka. Kultura. Studia ofiarowane Marianowi Małowistowi w czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa : PWN, 1974. S. 185—195.

Łowmiański H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 400. rocznicy wydania I Statutu Litewskiego. Wilno : Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1935. S. 214—325.

Łowmiański H. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. // Ateneum Wileńskie. 1937. R. 12. S. 36—145.

Luchtanas A. Kernave — litewska Troja // Kernave — litewska Troja. Katalog wystawy ze zbiorów Państwowego Muzeum-Rezerwatu Archeologii i Historii w Kernave, Litwa. Warszawa : Puszka Pandory; Sitex, 2002. S. 11—34.

Lukas K. Das Registerwesen der Hochmeister des Deutschen Ritterordens, maschinenschriftl. Phil. Diss. Königsberg 1921 // Regesten zu den Briefregistern des Deutschen Ordens: die Ordensfolianten 2a, 2aa und Zusatzmaterial / hsgb. und bearb. von S. Kubon und J. Sarnowsky. Göttingen : V&R Unipress, 2012. S. 235—287.

Maleczyńska E. [Rec.] Paszkiewicz H. O genezie...; Łowmiański H. Wcielenie...; Paszkiewicz H. W sprawie inkorporacji... // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1938. R. 52. Z. 2. S. 239—245

Maroszek J. Dolina Biebrzy w przeszłości — do końca XVIII wieku // Białostocczyzna. 1995. No 1. S. 1—21.

Mediae latinitatis lexicon minus. A medieval Latin — French/English dictionary / compos. J. F. Niermeyer. Leiden : E. J. Brill, 1976. 1138 p.

Mickūnaitė G. From Pamphlet to Origin Theory : The Establishment of Lithuanian Dynastic Tradition // The Medieval Chronicle, II. Proceedings of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen / Utrecht 16—21 July 1999 / ed. by E. Kooper. Amsterdam : Rodopi, 2002. P. 156—165.

Mickūnaitė G. Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania. Budapest : Central European University Press, 2006. 341 p.

Miechowita M. Cronica Polonorum. Kraków: Per Hieronymum Vietorem, 1519. 371 s. [2-е изд.: Kraków : Per Hieronymum Vietorem, 1521. 379 s.]

Mikulski J. Smoleński ośródek latopisarski w latach 20—50. XV w. // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2010. T. 33. S. 17—49.

Mikulski Y. Staroruski utwór panegeryczny «Pochwała Witolda» (XV w.). Rozbiór krytyczny. Praca magisterska napisana pod kierunkiem prof. dr. hab. Macieja Salamona w Seminarium Historii Bizancjum i Słowiańszczyzny. Kraków, 2011. 118 s.

Monumenta Conciliorum Generalium seculi decimi quinti. Concilium Basileense Scriptorum Vindobonae : Typis C. R. Officinae Typographicae Aulae et Status, 1873. T. 2. 1224 s.

Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum nova series. T. 4 : Die Chronik des Mathias von Neuenburg / hsgb. von A. Hofmeister. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1924—1940. XVIII, 747 s.

Monumenta Poloniae historica / wyd. A. Bielowski. Lwów : Nakładem własnym, 1872. T. 2. XXVI, 998 s.

Monumenta Poloniae historica. Lwów : W Komisie Księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1878. T. 3. XI, 876 s.

Monumenta Poloniae historica. Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, 1893. T. 6. VI, 731 s.

Monumenta Poloniae Vaticana. T. 2 : Acta Camerae Apostolicae. T. 2 : 1344—1374 / wyd. J. Ptaśnik. Kraków : Sumptibus Academiae Litterarum Cracoviensis, 1913. XXVIII, 585 s.

Monvmenta sarmatarvm beatae aeternitati / simone Starovolscio primicerio tarnouiensi collectore. Cracoviae : Officina viduae et haeredum Francisci Caesarij, 1655. 852 s.

Morozova N. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės metraščių kalbos ir tekstologijos problemos: Bychovco kronika. Daktaro disertacijos santrauka. Vilnius, 2001. — *De visu* с этим исследованием я не работал.

Narbutienė D. LDK lotyniškoji knyga asmeninėse XVI—XVII a. bibliotekose // Knygotyra. 2001. No 37. P. 138—152.

Narbutt T. Dzieje narodu Litewskiego. Wilno : Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1838. T. 4. XVI, 628, 84 s.

Narbutt T. Dzieje narodu Litewskiego. T. 5 : Od śmierci Gedymina do bitwy nad Worskłą. Wilno : Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1839. X, 625, 51 s.

Narbutt T. Dzieje narodu Litewskiego. T. 7 : Panowanie Swidrygełły i Zygmunta. Wilno : Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1840. X, 236, 169 s.

Narbutt T. Łuka Pietrowicz. Nowina historyczna // Dziennik Wileński. Literatura Nadobna. 1830. T. 5 (kwiecień). S. 129—158.

Narbutt T. Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno : T. Glücksberg, 1856. 302 s.

Narbutt T. Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, dyplomatycznym, geograficznym, statystycznym, obyczajowym, orcheograficznym i t. p. różnych rękopisnych lub rzadkich wydań dziejopisów. Wilno : R. Rafałowicz, 1846. 90 s.

Naruszewicz A. Historya narodu polskiego od początku chrześcianstwa. T. 6 : Panowanie Piastów. Warszawa : Druk. No 646 przy Nowolipiu, 1803. [2], 255, [1], 224 s.

Naruszewicz A. Historya narodu polskiego od początku chrześcianstwa. T. 7 : Panowanie Węgrów. Warszawa : Druk. No 646 przy Nowolipiu, 1804. [2], 419 s.

Naruszewicz A. Tauryka czyli Wiadomości starożytne i poźnieysze o stanie i mieszkańcach Krymu do naszych czasów. Warszawa : Druk. No 646 przy Nowolipiu, 1805. 540 s.

Nikodem J. Akt krewski i jego znaczenie // Poznań — Wilnu. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego / pod red. Z. Wojtkowiaka. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2010. S. 111—143.

Nikodem J. Bunt Świdrygiełły w Witebsku // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2009. T. 32. S. 5—20.

Nikodem J. Data urodzenia Jagiełły. Uwagi o starszeństwie synów Olgierda i Julianny // Genealogia. Studia i materiały historyczne. 2000. T. 12. S. 23—49.

Nikodem J. Długosz o początkach związku polsko-litewskiego. Przyczynek do dyskusji nad znaczeniem krewskiego «applicare» // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2010. T. 34. S. 20—38.

Nikodem J. Elżbieta — Julianna — Jadwiga. Przyczynek do genezy związku polsko-litewskiego // Cognitioni gestorum. Studia z dziejów średniowiecza dedykowane Profesorowi Jerzemu Strzelczykowi. Poznań : Wydawnictwo DiG, 2006. S. 459—482.

Nikodem J. Jedynowładztwo czy diarchia? Przyczynek do dziejów ustroju wielkiego księstwa litewskiego do końca XIV wieku // Zapiski Historyczne: poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. 2003. T. 68. Z. 4. S. 7—30.

Nikodem J. Kaributo maištas // Lietuvos istorijos metraštis. 2007 metai. Vilnius, 2008. P. 5—20.

Nikodem J. Narymunt Giedyminowic i jego uposażenie // Scriptura custos memoriae. Prace historyczne. Poznań : Instytut Historii UAM, 2001. S. 609—622.

Nikodem J. Objęcie władzy na Litwie przez Jagiełłę w 1377 r. // Przegląd historyczny. 2001. T. 92. Z. 4. S. 451—468.

Nikodem J. Rola Skirgiełły na Litwie do 1394 roku // Scripta minora. Poznan, 1998. T. 2. S. 83—129.

Nikodem J. Synowie Giedymina. Próba ustalenia kolejności urodzeń // Genealogia. Studia i materiały historyczne. 2001. T. 13. S. 7—30.

Nikodem J. Uposażenie młodszych Olgierdowiców. Przyczynek do biografii Skirgiełły // Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2001. T. 15. S. 5—25.

Nikodem J. Wiarygodność Latopisu wielkich książąt litewskich // Antyk, prawda i fałsz w Średniowieczu. Materiały Seminariów Mediewistycznych im. Alicji Karłowskiej-Kamzowej / pod red. J. Kowalskiego i T. Ratajczaka. Poznań : Wydawn. Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2011. S. 151—166.

Nikodem J. Witold wielki książę litewski (1354 lub 1355 — 27 października 1430). Kraków : Avalon, 2013. 511 s.

Nikodem J. Zegnanie Jawnuty ze stolca wielkoksiążęcego w 1345 r. // Zamach stanu w dawnych społecznościach. Warszawa : OBTA, 2004. S. 359—374.

Nikžentaitis A. Litwa i Zakon Krzyżacki w końcu XIII i 1. połowie XIV w. (1283—1345) // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI w. Toruń : Instytut historii PAN, 1990. S. 127—142.

Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza / wyd. I. Sułkowska-Kuraś, S. Kuraś. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2000. Cz. 3. XXXI, 361 s.

Nykiel B. Wpływ czynnika tatarskiego na życie Bracławszczyzny (XIV—XVII wiek). Kilka uwag w świetle źródeł // Поляки на півдні України —

Polacy na Południowej Ukrainie. Одеса ; Ополє ; Ольштин : [б. и.], 2006. S. 28—36.

Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI w. Poznań : UAM, 1981. 82 s.

Ochmański J. Nad kroniką Bychowca // Studia Źródłoznawcze. 1967. T. 12. S. 155—163.

O[chmański] J. [Rec.:] Šaluga R. Bychovco kronika // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Ser. A, 1 (6). Vilnius, 1959. P. 149—154 // Studia Źródłoznawcze. 1961. T. 6. S. 202.

Osiński K. Małżeństwo Jadwigi Andegaweńskiej z Władysławem Jagiełłą w Rocznikach Jana Długosza // Przegląd Prawniczy, Ekonomiczny i Społeczny. 2014. Nr. 2. S. 38—48.

Osiński K. Pozycja Julianny Twerskiej w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1377—1382. Próba charakterystyki problemu // Przegląd Prawniczy, Ekonomiczny i Społeczny. 2013. Nr. 1. S. 80—87.

Ożóg K. Dopełnienie szamotulskie — studium źródłoznawcze // Studia Historyczne. 1992. T. 35. Z. 2. S. 143—154.

Ożóg K. Riazanowicz Niemira (zm. po 1453) // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1988—1989. T. 31. S. 269—270.

Panaitescu P. P. Diploma bîrlădeană din 1134 şi hrisovul lui Iurg Koriatovici din 1374. Falsurile patriotice ale lui B. P. Hasdeu // Revista istorică română. 1932. No II. P. 46—58.

Panaitescu P. P. Iourij (Iourg) Koriatovič prince Lithuanien et la Moldavie // Ювілейний збірник на пошану академика Михайла Сергієвича Грушевського. Київ : Київ-Друк, 1928. Т. 1. С. 462—465.

Papacostea Ş. Geneza statului în Evul Mediu românesc: studii critice. Cluj-Napoca : Editura Dacia, 1988. 257 p.

Paprocki B. Gniazdo Cnoty, zkąd Herby Rycerstwa sławnego Krolestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Żmudzkiego, y inszych Państw do tego Krolestwa należących Książąt, y Panow, początek swoy maią. Kraków : Druk. A. Piotrkowczyka, 1578. 1242 s.

Paprocki B. Herby rycerstwa Polskiego (1584) / wyd. K. J. Turowski. Kraków : Wydawnictwo Biblioteki Polskiej, 1858. 964, CLXII, 13 s.

Paravicini W. Die Preussenreisen des europäischen Adels. Teil 2. Sigmaringen : Jan Thorbecke Verlag, 1995. 345 s.

Paszkiewicz H. Jagiełło w przededniu Unii polsko-litewskiej w oświetleniu nowych źródeł. Londyn, 1951. [Odbitka z Tek Historycznych. T. IV, nr. 4. Październik — grudzień 1950]. 13 s.

Paszkiewicz H. O genezie i wartości Krewa. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1938. 356 s.

Paszkiewicz H. W sprawie inkorporacji Litwy do Polski w 80. latach XIV w. (Z powodu pracy H. Łowmiańskiego, «Wcielenie...»). Warszawa : Gebethner i Wolff, 1938. 20 s.

Paszkiewicz H. Z dziejów Podlasia w XIV w. // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1928. R. 42. Z. 2. S. 229—245.

Pelenski J. The Contest between Lithuania-Rus' and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Vol. 2. P. 303—320.

Peltz W. Ród Giedygołda i jego majętności // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Historia. 1971. Z. 11. S. 23—44.

Petrauskas R. Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje — XV amžiaus pradžioje // Lietuvos istorijos studijos. 2005. T. 16. P. 19—30.

Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a. Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius : Aidai, 2003. 379 p.

Pficneris J. Didysis Lietuvos kunigaikštis Vytautas kaip politikas. Vilnius : Mintis, 1989. 314 p.

Piekosiński F. Jana Zamoyskiego notaty heraldyczno-sfragistyczne // Studya, rozprawy i materyały z dziedziny historyi polskiej i prawa polskiego. Kraków, 1907. T. 7. S. 18—138.

Piekosiński F. O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV wieku // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności. Kraków, 1878. T. 9. S. 1—320.

Połocki R. Z dziejów starostwa Dziśnieńskiego // Litwa i Ruś: miesięcznik ilustrowany poświęcony kulturze, dziejom, krajoznawstwu i ludoznawstwu. Wilno, 1913. R. 2. Z. 10—12. S. 114—133.

Powierski J. Czy Skirgiełło był księciem Kijowskim? // Społeczeństwo i polityka do XVII wieku. Księga pamiątkowa ku czci profesora doktora Wacława Odyńca w 70-lecie urodzin. Olsztyn : WSP, 1994. S. 65—78.

Prochaska A. Dzieje Witolda Welkiego Księcia Litwy. Wilno : Ks. A. Rutkowski, 1914. 420 s.

Prochaska A. Król Władysław Jagiełło. Kraków : Akademia Umiejętności, 1908. T. 1. 414 s.

Prochaska A. Latopis litewski: rozbiór krytyczny. Lwów : G. Gebethner i Spółka, 1890. 58 s.

Prochaska A. Podole lennem Korony, 1352—1430. Kraków : Akademia Umiejętnośći, 1895. 24 s.

Prochaska A. Przekład ruskiego latopisca ks. Litewskiego na język łaciński // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1888. R. 2. Z. 2. S. 196—205.

Prochaska A. Przyczynki krytyczne do dziejów unii. Kraków : Akademia Umiejętności, 1896. 68 s.

Prochaska A. Rozejm Jagiełły z landmistrzem inflanckim zatwierdzony w Rydze 27 lutego 1380 r. // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1909. R. 23. S. 565.

Prochaska A. Upadek Kiejstuta // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1909. R. 23. S. 493—506.

Prochaska A. Z archiwum Zakonu Niemieckiego. Analekta z wieku XIV i XV. Kraków : Akademia Umiejętności, 1911. 40 s.

Prochaska A. Z powodu wydawnictwa latopisów litewskich // Przegląd historyczny. 1911. 12/1. S. 115—125.

Przeździecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów. Wilno : T. Glücksberg, 1841. T. 1—2. VI, 212 s.; 157 s.

Przeździecki A. Życie domowe Jadwigi i Jagiełły z regestrów skarbowych z lat 1388—1417. Warszawa : Drukarnia Gazety Codziennej, 1854. [4], 149, [3] s.

Przybyszewski B. Jadwiga i Wilhelm // Analecta Cracoviensia. 1975. T. 7. S. 107—150.

Purc J. Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku — 27 pazdziernika 1430 roku) // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 1971. Z. 74 : Historia. Nr. 11. S. 71—115.

Puzyna J. Kiedy urodził się Witold i co wiemy o rodzinie jego matki // Miesięcznik heraldyczny. 1930. No 7. S. 130—134.

Puzyna J. Korjat i Korjatowicze // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. Z. 3—4. S. 425—454.

Puzyna J. Korjat i Korjatowicze oraz sprawa Podolska // Ateneum Wileńskie. 1936. R. 11. S. 61—97.

Puzyna J. Narymunt Gedyminowicz // Miesięcznik heraldyczny. 1930. No 1. S. 4—6; No 2. S. 26—28; No 3. S. 33—38.

Puzyna J. O pochodzeniu kniazia Fedka Nieswizkiego // Miesięcznik heraldyczny. 1911. Nr. 5—6. S. 41—82.

Puzyna J. Potomstwo Narymunta Gedyminowicza // Miesięcznik heraldyczny. 1931. No 2. S. 35—38; No 5. S. 105—111; No 9. S. 193—199; 1932. No 10. S. 183—188; No 11. S. 197—199.

Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 / wyd. F. Piekosiński. Kraków : Akademia Umiejętności, 1896. VIII, 616, [2] s.

Rackevičius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII—XVI a. Vilnius : Lietuvos pilys, 2002. 296 p.

Radzimiński Z. L. Sprawa odrębnego pochodzenia Chodkiewiczów litewskich i białoruskich // Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie. 1928. T. 8. S. 109—132.

Rechnungen über Heinrich von Derby's Preussenfahrten. 1390—1391 und 1392 / hsgb. von H. Prutz. Leipzig : Verlag von Duncker und Humblot, 1893. CIV, 226 s.

Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525. P. 1. Index Tabularii Ordinis S. Mariae Theutonicorum, Regesten zum Ordensbriefarchiv. Vol. 1 : 1198—1454 / bearb. E. Joachim ; hsgb. von W. Hubatsch. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1948. XV, 874 s.

Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525. P. 2. Regesta Privilegiorum Ordinis S. Mariae Theutonicorum, Regesten der Pergament-Urkunden aus der Zeit des Deutschen Ordens / bearb. E. Joachim ; hsgb. von W. Hubatsch. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1948. 496 s.

Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici Italiani dal cinquecento al millecinquento / Ordinata da L. A. Muratori. Nuova edizione riveduta ampliata e corretta con la direzione di Giosue Carducci e Vittorio Fiorini. T. 17. P. 1. Città di Castello : Coi Tipi della Casa Editrice S. Lapi, 1909. LV, 584 p.

Rowell S. C. Ką ankstyvieji rašytiniai šaltiniai byloja apie Kreivosios pilies vietą // Lietuvos pilys. Vilnius, 2009. Nr. 4 (2008). P. 112—127.

Rowell S. C. Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe 1295—1345. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 375 p.

Rowell S. C. Ne visai primintinos kautinės: ką byloja šaltiniai apie 1399 m. mūšį ties Vorsklos upe? // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius : LII leidykla, 2008. T. 1. P. 67—89.

Rowell S. C. Pious princesses or the daughters of Belial: Pagan Lithuanian dynastic diplomacy, 1279—1423 // Medieval Prosopography. 1994. Vol. 15/1. P. 3—80.

Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1385—1444 / oprac. S. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska, K. Stachowska; pod kierunkiem J. Dąbrowskiego. Wrocław : Wyd. PAN, 1961. T. 1. XCIV, 342, [2] s.

Rulikowski E. Opis powiatu Wasylkowskiego. Warszawa : Druk. S. Orgelbranda, 1853. 243 s.

Russisch-Livlandische Urkunden / gesammelt von K. E. Napiersky. Sankt Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1868. XXIII, 453 s.

Šabuldo F. M. Lietuvos ir Ordos kondominiumas Ukrainos žemese XIV a. // Lietuvos istorijos metraštis. 2004. Nr. 2. P. 5—26.

Šalūga R. Bychovco kronika // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija. 1959. Nr. 1 (6). P. 149—153.

Salys A. Die žemaitischen Mundarten. Teil 1 : Geschichte des žemaitischen Sprachgebiets. Kaunas : Spindulys, 1930. 146 s.

Sarnicki S. Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum. Kraków : Propriis sumtibus ipsius authoris, 1587. [10], 411 p.

Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi. T. 31 : Heinrici Chronicon Livoniae. Ed.

altera / recogn. L. Arbusow et A. Bauer. Hannoverae : Impensis Bibliopoli Hahniani, 1955. LXIV, 255 s.

Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1861. Bd. 1. XIV, 818 s.

Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. Bd. 2. VI, 866 s.

Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1866. Bd. 3. VI, 730 s.

Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1874. Bd. 5. VIII, 738 s.

Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 6. Frankfurt a/M : Minerva GMBH, 1968. X, 606 s.

Šedvydis L. Dukes of Holshany in Kiev from early 14th century to year 1430 // Colloquia Russica. Серія I. Т. 2 : Князівства Галицької і Волинської земель в міжнародних відносинах XI—XIV століть : матеріали II Міжнародної наукової конференції, Івано-Франківськ, 20—22 жовтня 2011 р. Краків, 2012. С. 156—164.

Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków : Wydawnictwo Akademii Umiejętności, 1887. XV, [1], 406, [1] s.

Semkowicz W. Hanul namiestnik wileński (1382—1387) i jego rod // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. S. 1—20.

Semkowicz W. Korybutowicze i Nieświzcy w świetle sfragistyki // Miesięcznik heraldyczny. 1913. No 11—12. S. 200—204.

Semkowicz W. Nieznane nadania Witolda dla osób prywatnych // Ateneum Wileńskie. Wilno, 1930. R. 7. Z. 3—4. S. 845—857.

Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // Miesięcznik heraldyczny. 1913. No 9—10. S. 143—145; No 11—12. S. 176—190; 1914. No 1—2. S. 7—16; No 3—4. S. 51—59; No 5—6. S. 96—103; Rocznik Towarzystwa heraldycznego we Lwowie. 1921. T. 5. S. 39—58; 1923. T. 6. S. 116—128; 1926. T. 7. S. 210—220; 1928. T. 8. S. 133—143; 1930. T. 9. S. 251—260.

Semkowicz W. Przywileje Witołda dla Moniwida, starosty wileńskiego i testament jego syna Jana Moniwidowicza // Ateneum Wileńskie. Wilno, 1923. R. 1. Z. 2. S. 253—267.

Semkowicz W. Stanowisko publiczno-prawne Włodzisława Jagiełły w Polsce // Przegląd prawa i administracyi. Lwów, 1899. R. 24. Z. 1. S. 169—183.

Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 4 : Metraščiai ir kunigaikščių laiškai. Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1996. 391 p.

Skrzypek J. Południowo-wschodnia polityka Polski od koronacji Jagiełły do śmierci Jadwigi i bitwy nad Worsklą, 1386—1399. Lwów : Nakładem Towarzystwa Naukowego, 1936. 127 s.

Skrzypek J. Usunięcie Fedora Koriatowicza z Podola w 1393 r. // Prace historyczne w 30-lecie działalności profesorskiej S. Zakrzewskiego. Lwów : Komitet Byłych Uczni z zasiłkiem Ministerstwa W. R. i O. P., 1934. S. 315—320.

Skrzypek J. Zygmunt Luksemburski i jego polityka wobec Polski w latach 1386—1399 // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. 1932. Lwów, 1933. R. 12 (1932). Z. 3. S. 183—190.

Śliczyńska J. E. Okoliczności zawarcia umów w Krewie i Wołkowysku, między panami małopolskimi a Jagiełłą, dotyczących warunków jego mariażu z Jadwigą Andegaweńską (1385—1386) // Meritum — Rocznik Koła Naukowego Doktorantów-Historyków Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2013. T. 5. S. 27—41.

Śliwa T. Kościół prawosławny w państwie litewskim w XIII—XIV wieku // Chrzest Litwy. Geneza. Przebieg. Konsekwencje / pod red. ks. M. T. Zahajkiewicza. Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1990. S. 15—32.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 1 : Aa — Dereneczna. Warszawa : Druk «Wieku», 1880. 960 s.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 2 : Derenek — Gżack. Warszawa : Druk «Wieku», 1881. 927, XVI s.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 13 : Warmbrun — Worowo. Warszawa : Druk «Wieku», 1893. 960 s.

Słownik historyczno-geograficzny województwa Poznańskiego w średniowieczu. Wrocław : Instytut historii PAN, 1987. Cz. I. 733 s.

Smolka S. Kiejstut i Jagiełło. Kraków : Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1888. 79 s.

Smolka S. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego: rozbiór krytyczny. Kraków : Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1889. 55 s.

Smolka S. Rok 1386. W pięciowiekową rocznicę. Kraków : Nakład księgarni J. K. Żupańskiego & K. J. Heumanna, 1886. 144 p.

Sobol B. Janusz I Starszy (ok. 1329—1429) // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1962—1964. T. 10. S. 581—582.

Sochacka A. Zjazdy polsko-litewskie w Lublinie i Parczewie w czasach Władysława Jagiełły // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. 1986—1987. Vol. 41/42. No 3. S. 65—80.

Stadnicki K. Bracia Władysława-Jagiełły Olgierdowicza króla Polski, Wielkiego Xięcia Litwy. Lwów : Drukarnia Zakładu narod. im. Ossolińskich, 1867. VIII, 416 s.

Stadnicki K. Olgierd i Kiejstut, synowie Gedymina — wielkiego xięcia Litwy. Lwów : Nakładem księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1870. 213 s.

Stadnicki K. Synowie Gedymina, wielko-władcy Litwy: Monwid — Narymunt — Jewnuta — Koriat. Wyd. nowe, przerob. i powiększ. Lwów : Druk. Narodowa W. Manieckiego, 1881. III, 272 s.

Stang Chr. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo : Dybwad, 1935. 166 s.

Starodawne prawa polskiego pomniki. T. 2 : Starodawne prawa polskiego pomniki z ksiąg rękopiśmiennych dotąd nieużytych głowniej zaś z ksiąg dawnych sądowych ziemskich i grodzkich ziemi krakowskiej / wyd. A. Z. Helcel. Kraków : Druk. Katolicka W. Jaworskiego; Czas, 1870. 958 s.

Stolarczyk T. Na karuzeli życia, czyli walki Świdrygiełły o tron litewski w latach 1392—1430 // Niebem i sercem okryta. Studia historyczne dedykowane dr Jolancie Malinowskiej / red. M. Malinowski. Toruń : Wydawn. Adam Marszałek, 2002. S. 99—122.

Stronczyński K. Wzory pism dawnych w przerysach wystawione i objasnione drukowanem ich wyczytaniem. Cz. 1, obejmująca pismo dyplomatów od roku 1228 do 1536. Warszawa : Nakładem Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1839. [8], 99 s., tabl.

Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewiec : G. Osterberger, 1582. 16, 791 s.

Stryjkowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / oprac. J. Radziszewska. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. 762 s.

Strzelecka A. Elżbieta (XIV/XV w.), żona Spytka z Melsztyna // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1948. T. 6. S. 263—264.

Strzelecka A. Melsztyński Spytek // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1975. T. 20. S. 411—415.

Strzelecka H. Elżbieta Melsztyńska // Prace historyczne wydane ku uczczeniu 50-lecia akademickiego koła historyków Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie. 1878—1928. Lwów : Nakładem Akad. Koła Historyków we Lwowie, 1929. S. 107—119.

Sułkowska-Kurasiowa I. Moskorzowski Klemens // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1977. T. 22/1. Z. 92. S. 52—54.

Szabuldo F. Czy istniał jarłyk Mamaja na ziemie ukraińskie? (Próba postawienia problemu) // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. Poznań, 2003. T. 9. S. 153—172.

Szaraniewicz I. O latopisach i kronikach Ruskich XV i XVI wieku a zwłaszcza o «Latopisie Wielikoho kniaztwa Litowskoho i Żomojtskoho» // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Historyczno-Filozoficznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1882. T. 15. S. 351—413.

Szczur S. Negocjatorzy unii Polski z Litwa i ich kariery // Analecta Cracoviensia. 1987. T. 19. S. 181—204.

Szelińska W., Tomaszewicz J. Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Czartoryskich w Krakowie. Cz. 1 : Dokumenty z lat 1148—1506. Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1975. XV, 396 s.

Tęgowski J. Bezkrólewie po śmierci Ludwika Węgierskiego a geneza unii Polski z Litwą // Studia historyczne z XIII—XV wieku. Wydanie jubileuszowe z okazji 75-lecia urodzin i 45-lecia pracy naukowej Profesora Kazimierza Jasińskiego. Olsztyn : WSP w Olsztynie,1995. S. 87—110.

Tęgowski J. Kiedy zmarł Skirgiełło? // Społeczeństwo i polityka do XVII wieku. Księga pamiątkowa ku czci profesora doktora Wacława Odyńca w 70-lecie urodzin. Olsztyn : WSP w Olsztynie, 1994. S. 59—64.

Tęgowski J. Kilka słów o małżeństwach wielkiego księcia litewskiego Olgierda Giedyminowica // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність : збірник наукових праць. Львів, 2011. Вип. 20. С. 646—654.

Tęgowski J. Kniaź Iwan Żedewid (przyczynek do Genealogii rodu Giedymina) // Studia historyczne z XIII—XV wieku. Wydanie jubileuszowe z okazji 75-lecia urodzin i 45-lecia pracy naukowej Profesora Kazimierza Jasińskiego. Olsztyn : WSP w Olsztynie,1995. S. 131—136.

Tęgowski J. Który Konstanty — Olgierdowic czy Koriatowic — był przodkiem kniaziów Czartoryskich? // Europa Orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność: studia i materiały ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Alexandrowiczowi w 65 rocznicę urodzin. Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1996. S. 53—59.

Tęgowski J. Małżeństwa księcia Witolda Kiejstutowicza // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Ser. nova. Warszawa, 1995. No 2. S. 177—182.

Tęgowski J. Małżeństwa Lubarta Giedyminowica. Przyczynek do genealogii dynastów halicko-wołyńskich w XIV wieku // Genealogia. 1995. No 6. S. 17—26.

Tęgowski J. O następstwie tronu na Litwie po śmierci Olgierda // Przegląd historyczny. 1993. T. 84. Z. 2. S. 127—134.

Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań etc. : Wydawnictwo Historyczne, 1999. 321 s.

Tęgowski J. [Rec.] Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1 : Trudne początki. Poznań, 1998 // Przegląd Wschodni. 1998. T. 5. Z. 3 (19). S. 555—563.

Tęgowski J. Ślub Małgorzaty Siemowitówny z Henrykiem VIII księciem Brzegu (Przyczynek źródłowy) // Studia Źródłoznawcze. 2007. T. 45. S. 41—48.

Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // Teki Krakowskie. 1997. No 5. S. 155—176.

Tęgowski J. W sprawie genezy unii Polski z Litwą. Projekt małżeństwa Jagiełły z córką Dymitra Dońskiego wielkiego księcia moskiewskiego — próba ustalenia daty // Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Seria: Zeszyty Historyczne. 2009. Z. X. S. 51—64.

Tęgowski J. Wprowadzanie w życie postanowień aktu Krewskiego w latach 1385—1399 // Studia z dziejów państwa i prawa polskiego. Lublin ; Łódź, 2006. T. 9. Cz. 1. S. 77—91.

Tęgowski J. Zagadnienie władzy w Wielkim księstwie Litewskim w okresie między unią krewską a zgonem Skiergiełły (1385—1394) // Zapiski historyczne. Toruń, 2001. T. 66. Z. 4. S. 7—17.

Teksty źródłowe do nauki historii w szkole średniej. Z. 22. Dzieje Litwy i Rusi / przedstawił F. Koneczny. Kraków: Nakładem Spółki Wydawniczej, 1924. 34 s.

Töppen M. Geschichte der Preussischen Historiographie von P. v. Dusburg bis auf K. Schütz. Berlin : Verlag von W. Hertz, 1853. X, 290 s.

Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Wilno : Druk. A. Marcinowskiego, 1847. [10], III, 446, [40] s.

Tyszkiewicz J. Książęta mazowieccy na Podlasiu (1385—1440). Od unii krewskiej do Kazimierza Jagiellończyka // Rocznik Mazowiecki. 2005. T. 17. S. 27—36.

Ulanowski B. Projekt unji polsko-litewskiej z r. 1446 // Archiwum Komisji Prawniczej. Kraków, 1897—1926. T. 6. S. 235—239.

Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVIII wieku. Spisy / oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. 220 s.

Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3 : Ziemie Ruskie. Z. 3 : Urzędnicy Podolscy XIV—XVIII wieku. Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1998. 243 s.

Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 3 : Ziemie Ruskie. Z. 4 : Urzędnicy województw Kijowskiego i Czernihowskiego XV—XVIII wieku / oprac. E. Janas, W. Kłaczewski. Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 2002. 344 s.

Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 4 : Małopolska (Województwa Krakowskie, Sandomierskie i Lubelskie). Z. 1 : Urzędnicy Małopolscy XII—XV wieku. Kórnik : Wydawnictwo PAN, 1990. 377 s.

Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII—XVIII wieku. Spisy. T. 8 : Urzędnicy Podlascy XIV—XVIII wieku. Spisy. Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. 200 s.

Urzędnicy Wielkiego księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4 : Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie. XIV—XVIII wiek / oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. Romaniuk. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2003. 412 s.

Vaitkevičius G. Įžanginės mintys apie Kreivąjį miestą // Lietuvos pilys. 2009. Vilnius, 2010. Nr. 5. P. 32—43.

Vaitkevičius V. Kukaveičio šventvietės mįslės // Šiaurės Atėnai. 2008.V.02. No 891. — Перевод на белорусский язык (автор К. Казачонак) на сайте «Крыўя». URL: http://kryuja.org/artykuly/inszyja_autary/ kukaveitis.html (дата обращения: 12.12.2008).

Vaitkevičius V. Studies into the Balts' Sacred Places. Oxford : Biddles Ltd, 2004. 124 p.

Velius G. Społeczeństwo Kernave w XIII—XIV w. // Kernave — litewska Troja. Katalog wystawy ze zbiorów Państwowego Muzeum-Rezerwatu Archeologii i Historii w Kernave, Litwa. Warszawa : Puszka Pandory : Sitex, 2002. S. 35—56.

Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae / ed. A. Theiner. T. 1 : 1217—1409. Romae : Typis Vaticanis, 1860. XXXII, 788 p.

Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio / ed. E. Martene, U. Durand. Parisiis : Apud Montalant, 1733. T. 8. 1564 col., 20 s.

Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis Lithuaniae / wyd. J. Ochmanski. Warszawa etc. : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. 256 s.

Voigt J. Geschichte Preussens. Bd. 4 : Die Zeit von der Unterwerfung der Preussen 1283 bis zu Dieterichs von Altenburg Tod 1341. Königsberg : Bornträger, 1830. 637 s.

Voigt J. Geschichte Preussens. Bd. 5 : Die Zeit vom Hochmeister Ludolf König von Weizau 1342 bis zum Tode des Hochmeisters Konrad von Wallenrod 1393. Königsberg : Bornträger, 1832. 728 s.

Voigt J. Namen-Codex der Deutschen Ordens-Beamten, Hochmeister, Landmeister, Grossgebietiger, Komthure, Vögte, Pfleger, Hochmeister-Kompane, Kreuzfahrer und Söldner-Hauptleute in Preussen. Königsberg : Bornträger, 1843. 138 s.

Wapowski B. Dzieje Korony polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od r. 1380 do 1535. Wilno : Nakładem i czcionkami T. Glücksberga, 1847. T. 1. 491 s.

Wasilewski T. Daty urodzin Jagiełły i Witolda: przyczynek do genealogii Giedyminowiczów // Przegląd Wschodni. 1991. T. 1. Z. 1. S. 17—34.

Wasilewski T. Prawosławne imiona Jagiełły i Witolda // Analecta Cracoviensia. 1987. T. 19. S. 105—116.

Wasilewski T. Skirgiełło Olgierdowicz // Polski słownik biograficzny. Warszawa etc., 1997—1998. T. 38. S. 167—170.

Wasilewski T. Synowie Giedymina w. ks. Litwy a następstwo tronu po nim // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Historia. 1990. T. 45. S. 183—196.

Wasilewski T. Trzy małżeństwa wielkiego księcia Litwy Olgierda. Przyczynek do genealogii Giedyminowiczów // Kultura średniowieczna i staropolska. Studia ofiarowane Aleksandrowi Gieysztorowi w 50-lecie pracy naukowej. Warszawa : PWN, 1991. S. 673—682.

Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów. Warszawa : Instytut Wydawniczy PAX, 1968. 231 s.

Wdowiszewski Z. Giedygołd Jerzy (zm. 1435) // Polski słownik biograficzny. Kraków ; Wrocław, 1948—1958. T. 7. S. 435.

Wdowiszewski Z. Uposażenie ks. Wigunta Olgerdowicza przez Władysława Jagiełłę // Księga ku czci Oskara Haleckiego wydana w XXV-lecie jego pracy naukowej. Warszawa : Nakładem uczniów, 1935. S. 263—274.

Weise E. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen im 15. Jahrhundert. T. 1 : 1398—1437. Königsberg : Kommissionverlag Gräfe und Unzer, 1939. 216 s.

Wenta J. Studien über die Ordensgeschichtsschreibung am Beispiel Preußens. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. 288 s.

Wielkiego Księstwa Litewskiego i Żmódzkiego kronika: podług rękopisu z roku 1550 / wyd. S. Ptaszycki. Wilno : Nakładem A. Chomińskiego, 1907. VIII, 19 s.

Wijuk-Kojałowicz A. Herbarz szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego zwany Nomenclator. Kraków : W. L. Anczyc i Spółka, 1905. [2], 320 s.

Wijuk-Kojałowicz A. Historiae Lituanae pars prior. De rebus Lituanorum ante susceptam Christianem religionem conjuctionemque Magni Lituaniae Ducatus cum Regno Poloniae. Dantisci : Sumptibus Georgii Försteri, 1650. [10], 399 p.

Wijuk-Kojałowicz A. Historiae Lituanae pars altera. De rebus Lituanorum, a coniunctione magni Ducatus cum Regno Poloniae ad vnionem eorum dominiorum. Antverpiae : Apud Iacobum Mevrsivm, 1669. [22], 496 p.

Wolff J. Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Kraków : Drukiem J. Filipowicza, 1895. XXV, 698 s.

Wolff J. Ród Gedymina. Dodatki i poprawki do dzieł gr. K. Stadnickiego «Synowie Gedymina», «Olgierd i Kiejstut», «Bracia Władysława Olgierdowicza Jagiełły» we Lwowie 1867. Kraków : Drukarnia Wł. L. Anczyca i Spółki, 1886. VIII, 167 s.

Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795. Kraków : Drukarnia Wł. L. Anczyca i Spółki, 1885. VII, 353 s.

Zajączkowski S. Żmudź w początkach unji polsko-litewskiej // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu polskich historyków w Warszawie, 28 listopada — 4 grudnia 1930 r. T. 1 : Referaty. Lwów : Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1930. S. 337—344.

Zakrzewski S. Wypadki z lat 1382—1386 w związku z genezą unii // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu polskich historyków w Warszawie, 28 listopada — 4 grudnia 1930 r. T. 1 : Referaty. Lwów : Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1930. S. 345—354.

Zbiór dokumentów Małopolskich. Cz. 6 : Dokumenty króla Władysława Jagiełły z lat 1386—1417 / wyd. I. Sułkowska-Kuraś, S. Kuraś. Wrocław : Wydawnictwo PAN, 1974. XXXIV, 495 s.

Zeissberg H. Dziejopisarstwo polskie wieków średnich / przekł. z niem. Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1877. T. 2. 305 s.

Źródła dziejowe. T. 5 : Lustracye królewszczyzn ziem Ruskich Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy / wyd. A. Jabłonowski. Warszawa : Druk E. Skiwskiego, 1877. C, 226 c.

Zrzódła do dziejów polskich / Wyd przez M. Grabowskiego i A. Przezdzieckiego. Wilno : Nakładem i drukiem Józefa Zawadskiego, 1843. T. 1. VII, 223 s.

Zrzodłopisma do dziejów Unii Korony Polskiej i W. Księstwa Litewskiego. Poznań : Czcionkami Ludwika Merzbacha, 1861. Cz. 2. Oddz. 1. 425, 9 s.

Zsigmondkori oklevéltár. I. (1387—1399) / összeállította M. Elemér. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1951. XVI, 795 p.

1385 m. rugpjūčio 14 d. Krėvos aktas / sudarė J. Kiaupienė; parengė R. Čapaitė, J. Kiaupienė, S. C. Rowell, E. Rimša, E. Ulčinaitė. Vilnius : Žara, 2002. 144 p.

Географический указатель

Belin, волынский замок 361, 747
Borsukowcy 755
Bronnica 755
Buczaia 61, 755
Chodorkowcy 755
Demitropol 636
Ladawa 755
Londniam 647
Mołodawa 755
Nieswiez, г. в Збаражской вол. 623
Onysymowcy 755
Podtieriemcy 755
Pridiproch 647
Przypiecz *см.* Припять
Proworotiie 755
Studenica 755
Wayteldorffe, с. 406, 407
Wesisken *см.* Вейшишки и Гейсишкес
Wissewalde 514

Авиньон 729
Аджигольское оз. 612
Азак, Азов 605, 631, 640
Азовское море 639
Аккерман *см.* Белый город
Ак-Мечеть 627
Алове 511
Арвистово, Аристава 364
Аргамакли-Сарай 627
Архангельская губ. 137
Аугсбург 443
Афонские монастыри 563, 573, 785

Багриново, с. 89
Байербург, замок на Немане 341—344, 362, 376
Бакота 219, 331, 332, 334—336, 386, 517, 616, 618, 620, 622, 624, 643, 651, 652, 655, 656, 664, 685, 689, 695, 702, 707, 709, 711, 755, 782, 802
Бакотский монастырь святого архангела Михаила 656, 707, 712
Баксановцы, Бакъсановцы 636, 761
Бакэу 681
Балтийское море 526, 654
Балтский район 621
Балыклей 627

Бальга, замок 506
Барупе, р. 364
Басея, вол. 543
Баславцы, двор 560
Бебжа, р. 423, 531
Безверховичи, с. 561
Бекеша, гора 522
Белая 129
Белая, гора 656
Белая, с. Смотричской вол. 624
Белая Орда 555, 768
Белая Русь 417
Белая Церковь 605
Белев 242
Белевичи, с. 561
Белз 352, 377, 399, 508, 509, 553, 646, 647, 748, 761, 764, 773
Белзская земля 509
Белобережье 611, 627, 628, 630–634
Белогородское наместничество 637
Белоруссия 29, 93, 97, 435, 499, 500, 519, 534, 552, 566, 776, 779, 790, 818
Белорусская ССР 29
Белосток 423
Белый город, Аккерман, Белгород-Днестровский 617, 623, 627, 628, 637, 676, 677
Бельск, Byelsk, Bielesk, замок на Подляшье 40, 109, 311
Берег, Берегово 693
Березвяча, р. 165
Березина, р. 356, 548
Березовка 406
Березовка, р. 520
Берестейская земля 67, 69, 256, 366, 423, 460, 488
Берестейский ключ 256
Берестье, Bresczye, Brzeszcze, Brisk, Briske 59, 109, 159, 237, 261, 278, 285, 294, 301, 311, 319, 363, 366, 400, 424, 434, 453, 454, 460, 466, 510, 690
Берлин 12, 43, 50, 694, 726
Бершадь, р. 761
Бетигольская вол. 367
Беховщизна 165
Бешенковичский район 549
Бжозувка, р. *см.* Великая Струга
Биржанская вол. 239
Бирштаны 364
Бискупицы, с. 406
Биютишки, Biuciszki 464, 471—473
Бобров 621, 761
Бобруйск, Бобруескъ 385
Бобруйская вол. 385
Боговица, Bahawicza, Bohowicza, р. 741, 742
Божск, Божский, г. на Южном Буге 616, 622, 689, 695—696
Божск, Бужск, Буск, г. на Западном Буге 616

Божская вол. 622
Болгария 574, 676
Болоховская земля 615, 616, 818
Борейкяны, Барейкос, Bareykenfelde 367
Борисовская вол. 543
Борщевский район 616, 700
Брадялишкес, городище 515
Бражола, Бражуоле, с. 422
Бразница, р. 761
Бранденбург 120, 409, 412
Брановичи, с. 561
Браславский повет 355
Брацлав, Бряславль, Брясловлъ 219, 331, 334, 335, 610, 616—618, 620, 625, 652, 689, 695, 696, 709, 712
Брацлавская вол. 620—622, 636, 646, 760
Брашов 635, 688
Броница *см.* Котлубаевка
Брычовка, р. 549
Брянск 239, 240, 242
Брянская земля 554, 584
Буда 661, 747, 749
Буйвидай, городище 515
Бутриманцы, с. 440
Бутримы, с. 440
Бучачский район 616
Быдгощ 579
Бырлад 668, 678—681
Быстрая Сосна, р. 629
Быстрица, р. 681
Вайшвильчяй, Wichtwiltse, с. 389, 422, 514
Валахия, Волохи 468, 626, 691, 694, 816, 819
Валевский сельсовет 534
Варковичи, с. 561
Варминьско-Мазурское воеводство 568
Варняй 423
Варшава 88, 91, 165, 519, 666, 731, 732, 740, 792, 800, 802
Варшавская земля (Мазовия) 423
Васильков 563
Васишки (Вашишки), д. Трокского повета 512
Васлуй 680, 681
Васлуйская церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи 680
Вежишки, д. Вилькомирского повета 512
Вейсишки, д. Свенцянского повета 512
Вейшишки, Веикулишкы, Икшишькы, Веищушкы, Веишишькы, Weyszyszki, Веишкушки, Веикшукши 75, 115, 281, 304, 328, 511, 512, 514—517, 595, 596, 600
Велёна (Вялюона), Violona 341, 342
Велёнская вол. 239, 367

Великая Мечетня 627
Великая Струга, Бжозувка р. 423
Великий Дол 635
Великий Новгород 71, 91, 122, 144, 147, 150, 151, 164, 200, 203, 206, 344, 352, 354, 379, 470, 479, 509, 526, 527, 586, 596, 785
Великое княжество Литовское (ВКЛ), Ducatus magni Lithuanie 20, 30—32, 34, 38, 41, 47—50, 56—58, 65, 81, 87, 92, 113, 115, 116, 118, 125, 132—134, 147, 151, 156, 162—164, 167, 168, 171, 174, 179, 181, 186, 194, 209, 210, 215, 220, 221, 224, 231, 233, 235, 237, 256—258, 260, 342, 348, 349, 357, 367, 369, 378, 380—382, 399, 408, 409, 417—421, 438, 442, 443, 448, 449, 460, 464, 468, 479, 480, 482, 488, 490, 491, 493—497, 499, 502, 503, 506, 507, 509, 517, 523—525, 528—532, 539—541, 546, 552, 555, 557, 558, 574, 579, 583—586, 588, 589, 591, 593, 597, 601, 604, 607, 617, 628, 629, 631, 632, 634, 637, 638, 641, 643, 644, 646, 647, 649, 650, 653, 655, 658, 665, 666, 677, 683, 686, 688, 692, 694, 697, 699, 706, 712, 715
Великое Село, д. Щучинского района 365
Великопольша 703
Венгерское королевство 697, 712, 749
Венгрия, Угры, Угорьская земля 52, 84, 164, 193, 219, 314, 334, 361, 380, 394, 399, 420, 429, 430, 481—484, 509, 539, 552, 565, 579, 613, 621, 635, 644, 646, 650, 661, 662, 664—666, 687, 690, 692—694, 697, 708, 709, 747, 748, 751, 820
Вепрай 407
Верхнее Синевидное 613
Ветлы, Wietly 736, 738
Видмантай 439
Видуклевская вол. 367
Вижишки, д. Виленского повета 512
Визна 424
Визненская земля (Мазовия) 423
Виленская губ. 512, 515, 802, 808
Виленская дорога 548
Виленская кафедральная школа 250
Виленская Пречистенская церковь 212, 357, 360, 361, 395, 397, 398,
Виленский Верхний замок (Высокий город) 450, 493, 504, 523—525, 596

Виленский ключ 247, 255, 256
Виленский костел святого Николая 420
Виленский костел святых Станислава и Владислава 406, 469, 522
Виленский Кривой город, Curvum castrum, Krzivigrod 514, 522, 523, 782
Виленский монастырь Богородицы 131
Виленский Немецкий город 420
Виленский Нижний замок 524
Виленский университет 431
Виленское воеводство, с Wilenskie 364, 370, 408, 420, 431, 442, 486, 637, 704, 705, 832, 836, 838, 844, 846
Вилия, Веля, Viela, Vilia, Нярис, р. 348, 364
Вилькомир (Укмерге) 406, 493
Вилькомирский повет 355, 512
Вильно, Wille, Вилна, Vilne, Wilna 21, 23, 24, 33, 56, 58, 62, 68, 69, 78, 82—84, 94, 96, 101—111, 113, 114, 118, 124, 131, 133—136, 145, 147, 150, 158, 165, 166, 169, 171, 173, 177, 178, 187, 192, 193, 195, 212, 226, 227, 237, 239, 240, 241, 258, 259, 267, 268, 308, 309, 311—313, 322—325, 349, 353—355, 369, 375, 378—380, 385, 386, 394, 401, 402, 407, 409, 413, 415, 416—422, 427, 428, 431, 437, 441, 443, 450—456, 469, 473—479, 482, 483, 488, 491, 492, 502, 504, 505, 507, 508, 510, 512—516, 521—525, 531, 533, 534, 539—541, 552, 571, 593—597, 601, 654, 716, 784, 793
Вильнюс 12, 72, 135, 348, 514—515
Вильнюсский район 493
Винница, Веница, Беница 219, 331, 333, 335, 611, 616, 618, 620, 652, 687, 689, 695, 709
Винницкая обл. 612, 617, 640, 675
Висла, р. 132
Витебск, Witawis, Witebiske, Witebis, Wythewsko, Витепск, Wytepsko, Витебь, Витебеск, Ведбескь 55, 56, 60, 62, 66, 77, 82, 94, 101—103, 105, 107, 108, 116, 201, 212, 217, 226, 237, 267, 275, 277, 282, 284, 286, 289—291, 293—295, 297, 300, 302, 303, 305, 306, 308, 310, 311, 313, 314, 321, 322, 325, 356, 357, 360, 362, 377, 409, 417, 422, 435, 450, 452, 453, 456, 474, 475, 480, 532, 534, 537—543,

547—552, 584, 592, 594, 597, 598, 600, 783, 797, 814
Витебская губ. 72, 538, 549, 791, 814
Витебская замковая церковь архангела Михаила 551, 791
Витебская земля 305, 419, 494, 543, 546
Витебские Верхний и Нижний замки 538, 539, 550, 794
Витебский повет 435
Витебский регион 91, 239, 256
Витебский удел 106, 107, 108, 166, 178, 268, 475
Витов Мост, урочище 548
Витова дорога (Витовка) 548
Витовтов (Витултов) дуб 549
Витовтов брод на р. Южный Буг 613
Витовтов мост через р. Цна 548
Витогорье, гора 549
Вихра, р. 195, 500–502, 516, 594
Вишневец, д. Столбцовского района 587
Владимир-Волынский, Wladimiriam, Ladomiria 362, 372, 466, 467, 533, 650
Владимир-на-Клязьме 244
Владимиро-Волынская земля, Volodimirensis provinciae 351
Владимирская церковь Пречистой Богородицы 372
Влучим, Włuczym 736, 738
Вожа, р. 493, 638
Воке (Вака), р. 364
Волга, р. 605, 631, 633
Волковичи, дер. 242
Волковыск 370, 460, 488, 491
Волковысская вол. 536
Волколата 519
Вологда 81
Волчюковичи 241
Волынь, Волынская земля, Volnyczska terra 89, 101, 116, 143, 239—241, 258, 260, 275, 279, 281, 282, 288, 291, 297, 302, 304, 308, 321, 323, 373, 374, 377, 381, 450, 466, 467, 476, 483, 509, 517, 518, 536, 539, 553—555, 585, 592, 594, 600, 605, 611, 615, 622, 629, 630, 644—648, 650, 652, 687, 732, 735, 788
Вонячин 758
Воробьевичи, с. 675
Вороновица 758
Ворскла, р. 544, 545, 552, 579, 582, 586, 587, 631, 696
Восточная Белоруссия 89, 500, 776
Восточная Европа 50, 57, 139, 164, 211, 371, 443, 487, 563, 567, 576, 607, 785, 793, 796, 819, 823
Восточное Подолье 253, 558, 688, 696

Вальдичи, V'lidici 637, 667—668, 673, 677
Вышгород 564, 573
Вышегород на Поротве 160
Вышеградская земля (Мазовия) 423
Вяжишкес 511, 512
Вязовна, Вязовенка, р. 241, 242
Вянта, р. 367

Гавриловцы 761
Гавья, р. 406
Газария 636, 641, 781
Гайна 493
Галицкая Русь 611, 672, 693, 697
Галицко-Волынское княжество 615, 624, 625, 644, 647
Галич 509, 517, 606
Гальве, оз. 365
Гейсишкес (Гейшишки), д. *см.* Вейшишки
Генуя 641
Геранёны, Мурованые Геранёны 374, 375, 441, 822
Германия 443
Герцике 160
Гиковцы, с. 674
Глинянец 758
Глуск, вол. 561
Глусский район 559
Гнилорудчане, с. 758
Говезна 587
Гойжовская вол. 367
Гольшаны 470, 472
Гомель, Гомей 157, 336, 686
Гомель, оз. 550
Горный Тикич, р. 620
Городен (Гродно), Grodno, Garthin 38, 272, 273, 422, 453, 460, 466, 506, 510, 773, 795, 860
Городенская Пречистенская церковь 88
Городенский повет 250
Городенское княжество 352
Городецкое княжество 408
Городище Рюриково 209, 527
Городло 704
Горы, вол. 543
Горынь, р. 615, 647
Гостынинская земля (Мазовия) 423
Готский берег 160
Грабовец 736, 738
Граумена, р. 367
Гудулине 398

Давыд-Городок, Grodek 408
Дамаск 143
Данилов 736, 738
Данциг, Gdańsk, Кгданск, Данск, Кданьск 122, 123, 205, 206, 209, 210, 289, 298, 324, 390, 526, 596
Датновская вол. 367

Даудишки, Давыдишки, Dewedisken 365, 405, 410, 412, 413, 726, 728
Дашев 617
Дашевцы 757
Девянишкес 586
Делятичи (Долятичи), д. Новогрудского района 568
Держа, р. 633
Дешковцы 758
Дзялдово *см.* Зольдау
Диршау 409, 411
Дисна, р. 520
Дмитров 636, 761
Днепр, Днепро, р. 290, 298, 306, 325, 326, 498, 558, 566, 576, 613, 615, 620, 623, 627, 628, 631, 634, 635
Днепро-Бугский лиман 612
Днепро-Двинский торговый путь 542
Днестр, Olth, река 259, 615, 617, 623, 634—637, 642, 647, 652, 656, 666, 673, 675, 676, 679, 777
Днестровско-Прутское междуречье 627, 628, 634
Добруджа 635, 636, 642, 777, 817
Докудово, д. Крупского района 534
Докудово, д. Лидского района 534
Докудово, замок в Берестейском повете 534
Долгое, д. 560
Дон, р. 558, 604, 605, 629, 631, 683, 764, 766, 768
Дороги (Старые Дороги) 561
Дорогичин, Drohiczyn, Drohiczin, замок на Подляшье 70, 81, 93, 96, 107, 109, 132, 226, 277, 278, 284, 285, 293, 300, 301, 310, 311, 317, 319, 362, 365, 366, 424, 425, 445, 452, 453, 460
Древняя Русь 38, 161, 162, 197, 245, 361, 425, 446, 500, 557, 584, 626, 771, 791, 793, 795, 800—802, 807, 809, 811, 813, 815, 816, 818
Дрисса 497
Друть, р. 542
Друцк (Дрютеск) 163, 290, 325, 542, 543, 545—547, 597, 776, 789, 797, 813
Друцкая дорога 549
Друцкая церковь Пресвятой Богородицы 163
Друцкое княжество 163, 542, 543
Друя 497
Дубинки 240
Дубиса, р. 367, 387, 420, 520, 542, 773
Дубровенская вол. 406
Дубровенский сельсовет 406

Дубровка, д. 406
Дубровня, Домбровка, д. Лидского района 406,
Дунаевецкий район 616, 617
Дунай, р. 605, 635, 636, 642, 643, 777
Дялтува 406, 407

Египет 640
Ельня 406

Жеймы, Жеймяй 364, 480
Жемайтия, Samaiten, Samagittie, Sameythen, Жемоить, Жомоит, Жомоитьская земля 52, 109, 116, 119, 128, 134, 135, 168, 177, 248, 268, 311, 364, 366—369, 375, 410, 419, 423, 445, 453, 475, 723, 726, 772
Жибентяи, д. Витебского района 435
Жижма, р. 406
Жижма (Жижмай) 586
Жиздра, р. 242
Жирмуны, д. Лидского района 440
Жировичский монастырь 560
Житковичский район 559
Житомир 217, 298, 325, 598, 687
Житомирская вол. 557, 622, 687, 689
Жосно 519
Жупраны 441, 539

Заберезынье, теперь д. Забрезье Воложинского района 535
Заболоть, д. Вороновского района 365
Завихост 132
Заволжская Орда 684
Загродники, д. 560
Закамень 736, 738
Закарпатская обл. 646, 693
Закрочимская земля (Мазовия) 423
Залещицкий район 616, 700
Западная Белоруссия 93
Западная Двина, р. 51, 550
Западная Украина 35
Западное Подолье 185, 258, 647, 689, 696, 697, 699—702, 712
Запорожская обл. 639
Запорожье 627
Заславль, Zaslaw, Жеславль, Нижславль, Жаславль, Ижеславль 103, 381, 382, 451, 790
Заславское княжество 381
Зацень, д. Минского района 548
Збараж 623, 647
Збаражская вол. 622, 623
Збруч, река 620
Збынов поток, р. 758
Звенигород (Звенигородка), Звиногород, Swyna horda,

Wowigrod 169, 217, 325, 556—558, 567, 569, 598, 605, 610, 611, 615, 616, 620, 621, 625, 626, 687—689, 695, 696, 789
Звенигородская вол. 557, 558, 620, 622, 696
Зельва 536
Зограф, монастырь 573, 574
Золотая Орда 221, 379, 468, 554, 555, 558, 567, 579, 584, 607, 609, 613, 624—632, 634—641, 644, 646—648, 650, 657, 658, 674, 676, 729, 764, 765, 778
Зольдау (Дзялдово) 568, 688
Зубровцы 666, 668, 673, 677
Зыгмунтишки, Старые Геранёны, д. Ивьевского района 374

Ивань, двор 560
Ивьевский район 374, 375
Игумен 548
Измаильский район 642
Иловец *см.* Язловец
Ильинцы 758
Иновроцлав 579
Ионава 364
Исса, р. 348

Кагарлык, р. 610, 614
Казимир, г. в Польше 421
Калиш 703
Калнай, д. близ Вильнюса 83
Калужская обл. 242
Каменец, Каменец-Подольский, Caminix, Camenecz 158, 184, 278, 285, 301, 311, 319, 331—336, 460, 556, 616, 618, 620, 622, 625, 651, 652, 653, 655, 682, 687, 689, 690, 695, 706, 707, 709, 711, 740, 755, 760, 768, 770, 815
Каменецкая замковая церковь Покрова Пресвятой Богородицы 681, 682
Каменецкая церковь святого Николая 642
Каменецкий замок 652, 653, 681, 682, 739
Каменецкое епископство 684
Каменец-Литовский, Kamyenyecz 510
Каменец-Подольский район 616, 818
Каменка, р. 558
Каменный брод 423
Камень 736, 738
Канев 604, 628
Каравул 616
Карачев, Корачев 59, 65, 71, 142, 151, 153, 242, 275, 282, 313, 519
Кариотишкес, с. 369
Кафа 605, 617, 676

Квасилов 89
Кенигсберг 50, 448, 479
Кенигсбергская библиотека 416
Кернов, Kernow, Bernow 59, 71, 101, 151, 308, 348, 349, 449, 464, 471—473, 509, 515, 516, 519
Киев, Манкерман 23, 24, 28, 35, 57, 76, 86, 161, 165, 169, 211, 212, 215, 217, 218, 229, 235, 237, 239, 247, 250, 253, 256, 290, 298, 299, 306, 325, 326, 350, 371, 374, 387, 396, 397, 470, 502, 532, 537, 552, 554—556, 558, 562—582, 590, 598, 600, 605—607, 624, 628—632, 657, 658, 666, 667, 682, 687, 691, 764, 771
Киево-Печерская лавра 216, 251—253, 373, 395, 396, 460, 461, 463, 470, 544, 546, 561, 563, 564, 576, 580—582, 598, 776, 784, 811
Киевская Введенская церковь 396
Киевская земля 47, 253, 254, 518, 536, 553, 554, 556, 557, 559, 561, 567, 581, 598, 605, 611, 617, 620, 622, 624, 626, 628, 684, 687, 717, 729, 762, 773, 787, 793, 809
Киевская митрополия 243
Киевская церковь Пресвятой Богородицы 216
Киевский ключ 256
Киевский повет 251, 252
Киевский Софийский собор 574
Кийонис, д. 421
Килия 627
Кировоградская обл. 610
Кленник, д. Смолевичского района 548
Клецк 125, 587
Клецкая вол. 239, 560
Кнетовская вол. 367
Книтуоя, р. 367
Кобрин 399, 539
Кобылье, с. 674
Ковенская губ. 512, 776, 802
Ковно, Cawno 67, 109, 135, 273, 311, 349, 364, 514—516
Кодыма, р. 610, 613, 623, 627
Козельск 242, 588
Колки, д. Клецкого района 560
Колодезно, д. 560
Колок, двор 560
Коломна 223, 589
Коломыя 690
Колтенянская вол. 367
Кольно, двор 560
Колюжица, д. Березинского района 548, 550
Конела, р. 557, 620
Конотопцы, д. 560
Конка, р. 623
Константинополь 236, 249, 639, 717

Константинопольский Софийский собор 236
Копыль, Cöpulle 306, 325, 558, 559, 560, 577, 598, 775
Копыльский район 559, 560
Копыльский удел 351, 556
Копысская вол. 543
Копысь 72
Корейки 441
Кореличский район 560
Корец 611
Корсунь 630
Коршев, Коршева, летописный город 603, 611, 629—631
Костентинов 761
Костешты 627, 628
Костомиров 252
Котлабух, оз. 642
Котлубаевка, р. 640
Котра 250
Кошер 736, 738
Краков, Cracaw 12, 35, 59, 117, 118, 129, 133, 148, 169, 170, 183, 184, 188, 191, 193, 202, 249, 268, 269, 279, 280, 286, 287, 296, 302, 303, 314, 321, 322, 391, 421, 464, 467, 471, 472, 482, 483, 489, 491, 492, 496, 497, 499, 517, 521, 537, 541, 542, 552, 565, 570—572, 593, 659, 662—665, 678, 687, 688, 711, 716, 734, 745—747, 753—755, 762, 768
Краковская земля 733
Краковский университет 250
Красносельская вол. 239
Крево, Креиво, Crewa, Кревь 101, 103, 105, 107, 110, 131, 148, 226, 275, 277, 279, 282, 284, 286, 291—293, 300, 302, 308, 310, 311, 313, 317, 319, 349, 356, 377, 380, 417, 428, 434, 437, 438, 443, 444, 450, 452, 454, 455, 473, 474, 493, 512
Кревская вол. 239
Кревский замок 59, 67, 70, 108, 110, 111, 115, 143, 356, 427, 428, 430, 435, 438, 444, 448, 455, 456, 469
Кременец 22, 532, 553, 568, 615, 622, 623, 675, 762, 764, 805
Кременчуг 628
Кривая гора 83
Кричевская вол. 584
Крожская вол. 367
Кропивная, р. 757
Крупки 548, 550
Крупский район 534, 548, 805
Крым, Крымский п-ов 605, 607, 609, 613, 623, 634, 635, 639—642, 644
Крымская обл. 640, 641
Кудовичи, д. Новогрудского района 534
Кукенойс 159

Куковяйтис, роща 398
Кулва 364
Куничье 761
Курония 394, 725, 726
Курская земля 554
Кусакчинское, с. 241, 242
Кутелева пасека 761
Кучугурское городище 627
Куявская земля 733
Кяна, д. 421
Кяна, Nakyenny, р. 420
Кярнаве (Кярнавеле), р. 348

Лабуново, Лабунава 364
Лавришевский монастырь 560, 705
Лановцы 647
Лбяз 736, 738
Ленин, с. 561
Ленчицкая (Лучичьская) земля 733
Летичев 616, 618
Летыня
Ливония, Liwonie, Jfland, Виѳлѧнты, Лифлѧнты, Лифѧнты 52, 57, 65, 68, 79, 107—109, 122, 177, 210, 268, 310—312, 342, 353, 357, 368, 389, 394, 411—416, 422, 432, 452, 454, 475, 494, 495, 508, 515, 527, 593, 629, 723, 725, 726, 728, 772
Ливская земля (Мазовия) 423
Лида, Lida 272, 775
Лидский район 406, 440, 531, 534
Липна 409, 424
Литва, Литовская земля 12, 16, 25—27, 35, 48, 52, 55, 72, 74, 93, 98, 108, 115, 118, 122, 131—134, 140, 165, 168, 169, 179, 192, 194—197, 200, 201, 203, 211, 213, 214, 224, 225, 240, 249, 280, 287—290, 294, 302, 305, 307, 322, 335, 336, 350, 355, 376, 381, 384, 398, 404, 411, 416, 418—421, 429, 431, 436, 447, 472, 484, 485, 488, 492—496, 502, 504—508, 516, 530—532, 537, 540, 542, 553, 564—567, 583, 588, 593, 605, 623, 632, 641, 645, 648, 692, 725, 733, 747, 749, 750, 763
Литовская Республика 421, 493
Литовская Русь 136
Логожеская церковь святого Иоанна Предтечи 461
Логойск, Логожеск, Lohoysk 389
Логойский район 493
Ложа, ручей 549
Ложница, гора 549
Локнея, р. 560
Лангобардия 749
Лопатин 736, 738
Лошница, д. Борисовского района 548—550

Лукомль 494, 497
Лукомская вол. 239
Лукомское княжество 543
Луцк, Луческ, Luczko, Лоуцескь, Luczik 234, 256, 260, 308, 321, 323, 363, 371, 372, 374, 432, 463—467, 553, 577, 580, 592, 594, 600, 630, 645
Луцкая соборная церковь Иоанна Богослова 164, 371, 372
Луцкий ключ 256
Лучники, с. 561
Лынтупы 512
Лысая Гора 522
Лысково, д. Пружанского района 435
Лычков, с. Смотричской вол. 624
Львов 362, 616, 642, 684, 703, 734, 740, 806
Львовская обл. 613, 616
Любанский район 559, 561
Любань, с. 561
Любар
Любартишкес, с. 374
Любартов 531
Любек 414, 415, 419, 422, 604, 683
Любецкий повет 624
Люблин, Lublin 180, 181, 261, 465, 468, 476, 482, 488, 489—491
Люблинская земля 733
Люблинский замок 180, 269
Любомль 736, 738
Любошанская вол. 385
Любошинский мох 549
Любутск 222, 589
Любутская вол. 239
Люжино, д. Бешенковичского района 549
Лядава, р. 691
Лясковичи, с. Каменецкой волости 624

Мажа, р. 560
Мазовия, Mazowie, Мазовьская земля 59, 118, 132, 164, 352, 363, 423, 424, 443, 445, 455, 476, 531, 674, 716
Малая Соколда, р. см. Чарна
Малая Торчьца, р. 757
Малое Подолье 649
Малопольша 483, 504, 568, 664
Мальборк см. Мариенбург
Маначин, городище 623
Мангуп 636, 801
Манкерман см. Киев
Марамуреш 690
Мариенбург, Мальборк, Марьин город 56, 86, 409, 516, 526, 596
Марковская вол. 239
Масалаи (Маласаи), с. 549
Масальск 242

Маяк 617, 625, 626, 778
Маяки, городище 627
Мегава, Megowe 366
Медники (Мядининкай), г. в Литве 349, 493, 529
Медники, г. в Жемайтии 423
Медницкая вол. (Жемайтия) 367
Межибожье 615, 616, 618, 622, 648, 652, 695
Мельник, Myelnyk, Хмелникь, Melnyk, замок на Подляшье 70, 93, 96, 109, 273, 278, 311, 318, 319, 363, 365, 424, 425, 445, 453, 460,
Мельница 736, 738
Менск 88, 381, 428, 510, 511, 542, 547, 548, 550, 675, 778, 821
Менская вол. 239
Мервинцы, с. 674
Мергенбург, замок на Немане 481
Мереч 365
Меречская вол. 365
Меттенбург, замок 530, 531
Мещовск 242
Микулинский удел 633
Микулинцы 758
Микулишки, д. Щучинского района 365
Милославичи, Милолавичи 326, 566, 569, 571, 598
Мирклишки 441
Митиревы Кишины 635, 638
Михаловцы, с. 703
Могилев 129
Могилев-Подольский район 675
Могилевская вол. 543
Могилевская губ. 72, 549, 791
Можайск 357, 527
Мозырский повет 624
Мозырь, Mozyrum 350, 351
Мойшагола (Майшягала) 398, 493, 509, 515, 516
Молдавия 49, 209, 219, 576, 626, 634—636, 642, 666, 668, 672, 673, 676, 677, 679, 680, 683, 690, 691, 708
Молдавская земля 156, 637, 654, 666, 668, 669, 671, 672, 678, 679, 708
Молдова, р. 666
Молодеченская вол. 239
Молодечно 512, 775
Молочный лиман 639
Монивидовы Геранёны *см.* Субботники
Морочский сельсовет 560
Морочь, р. 560
Москва 21, 35, 76, 91—93, 95, 97, 117, 118, 122, 143, 144, 147, 150, 151, 160, 164, 176, 188, 200, 205—210, 213, 214, 216, 225, 236, 242—244, 246, 249, 250, 252, 289, 298, 299, 304, 305, 324, 326, 373, 374,

378—384, 413, 418, 468—470, 493, 526—528, 545, 555, 574, 577, 580, 582, 589, 591, 596, 636, 645, 651, 674, 693, 716
Московская соборная церковь Пречистой Богородицы 209
Московская церковь Вознесения 244
Московская церковь Святого Афанасия 244
Московский Кремль 244
Московский Печатный двор 86
Московское государство 139, 145, 160, 174, 176, 242, 346, 381—384, 442, 460, 543, 591, 651
Мостовский район 365
Мстибогов 370, 460
Мстиславль 21, 42, 76, 77, 82, 85, 91, 94, 96, 149, 150, 167, 172—175, 188, 195—197, 199—204, 225, 229, 247, 280, 287, 296, 297, 322, 323, 387, 388, 494, 498—503, 516, 588, 593, 594, 600
Мстиславская вол. 149, 499, 584
Мстиславская земля 74, 199, 322, 414, 594
Мстиславский замок 500, 501
Мукша, Muха, р. 741, 742
Мункач, Мукачево 646, 647, 693
Мурафа, р. 623, 675
Мурованые Геранёны см. Геранёны
Мурово, д. Борисовского района 548, 550
Муром 588
Мядель 535

Нарва, р. 122, 210
Нарев, р. 423
Нача, д. Крупского района 548
Неводница, р. 423
Невяжа, р. 51, 166, 364, 367, 514
Недокудово (Докудово) 217, 289, 325, 329, 534, 597
Недохудово, с. в Друцкой волости 534
Недрище 494
Неман, Memele, р. 341, 342, 364, 365, 367, 406, 481, 512, 513, 515, 529, 559
Неман, г. Калининградской обл. 419
Неменчин (Немянчине) 493
Неменчинская вол. 239
Немецкая земля, Немцы, Немьци 96, 100, 136, 173, 207, 208, 228, 292—295, 298, 299, 304, 321
Немунек, Нямунайтис 364, 365
Несвиж 587
Нетта, р. 423, 531
Нижнее Поволжье 631
Нижнее Синевидное 613

Николаевская обл. 617
Новгород-Северский, Sywerky Nowogrodek, Swywyerky Nowogrodek 67, 239, 417—420, 453, 456, 533, 554, 555
Новогородок (Новогрудок), Nowogrodek, Новгородь, Novogrodeg, Cleyne Nowgart 76, 101, 126, 154, 157, 163, 217, 239, 240, 289, 308, 325, 334, 369, 370, 382, 450, 531, 533—535, 560, 597, 650, 684—686, 705, 706, 708
Новогородский повет 560
Новогородский регион 256
Новогородский удел 369
Новогруд (Мазовия) 423
Новогрудок 97, 775
Новое Село 539
Новоселица 761
Новоселца 252
Новоушицкий район 700
Новый городок, город на Подолье 616
Нойгартен, замок 530
Нырков, с. Залещицкого района 616
Нярис см. Вилия

Обольцы 493, 498
Овечья вода, р. 623
Овруч, Вроучии, Оуроучи 217, 325, 518, 556, 598, 687
Овручская вол. 165, 557
Одесса 24, 366, 435, 556, 612, 617, 638, 639, 656
Одесская обл. 617, 621, 639, 642
Олеско 260, 622
Олита (Алитус) 364
Олитская вол. 239
Олькеники 240, 241
Ольховец, с. 703
Ольховка 406
Омговичи, двор 560
Орда см. Золотая Орда
Орель, р. 623
Оресса, р. 559, 560
Орша, Рша, ГОрша 117, 201, 217, 297, 303, 497—499, 542, 550, 593, 594, 597
Оршанская вол. 149, 543
Оршанский замок 498
Оршанский район 89, 546
Оршица, р. 498
Осовец, с. 561
Осташино большое, с. 685
Осташино малое, с. 685
Остероде 64, 65, 106, 119, 120, 178, 309, 412, 413, 452
Острина 240, 365
Остров 483, 530, 531
Острог 518, 816
Остроленка (Мазовия) 423
Острув-Любельский 531
Осуга, вол. 418
Очаков 605, 612, 617, 623

Очков 252
Ошмянский повет 356, 520
Ошмяны 237, 473, 494, 519, 775

Падуя 394, 621
Паланга 366, 439
Паневежис 389, 774
Парчев 261
Пасека, с. 561
Патюнай 398
Паяута, р. 348
Перекопский перешеек 613
Перелайская вол. 365
Переломская вол. 365
Перемиль 736, 738
Перемышль 64, 408
Переяславль 244, 368
Пернаровская вол. 367
Пернов (Пярну), Pernow 123, 210, 328
Песочное, с. 561
Петриковичи, с. 559, 561
Петриковский замок 560
Петриковский район 559
Петрков 759
Пилве, р. 365
Пинск, Pynsk, Пинескь, Pinscum 101, 127, 308, 350—352, 377, 449, 450
Пинский Лещинский монастырь 509
Пинское княжество 350, 509
Плисков 757
Плоньская земля (Мазовия) 423
Плоцкая земля (Мазовия) 423
Погост, двор 560
Подкамень 622
Подляшье 67, 69, 89, 91, 96, 107, 142, 365, 366, 423, 424, 453, 531
Подолье, Подольская земля 19, 22, 28, 38, 76, 115, 116, 128, 154, 155—157, 163, 184—187, 191, 208, 209, 217, 219, 257—260, 306, 325, 330—335, 386—388, 468, 541, 552—554, 556, 557, 579, 581, 598, 605, 611, 613, 615—617, 620, 621, 623—627, 632—634, 643, 644, 646—648, 650—652, 655—660, 663, 666, 670, 672, 673, 676, 683—703, 706—709, 711, 712, 716, 739, 744, 755, 757—760, 770
Познанская церковь 770
Покутье 690
Полелюм, д. Борисовского района 548, 550
Полонное, Полоны, Полоныи, с. на Волыни 218, 326, 585
Полоцк, Полтеск, Poloczko, Poloczsko 24, 63, 65, 68, 69, 79, 91, 107, 108, 129, 146, 159, 160, 173, 192, 228, 237, 272, 273, 277, 278, 281, 283,

284, 288, 293, 304, 310, 312, 316, 323, 351, 352, 357, 359, 413—415, 417, 452—453, 460, 468, 493—497, 499, 508, 510, 511, 520, 550, 575, 593, 595, 725, 726
Полоцкая Спасо-Преображенская церковь 361, 537, 791
Польское королевство 59, 180, 240, 258, 259, 352, 357, 362, 373, 374, 421, 429, 449, 471, 481, 482, 485, 488, 490, 493, 497, 504, 522, 523, 530, 553, 593, 616, 618, 648, 652, 671, 674, 689, 692, 694—696, 705, 706, 709, 712, 729, 770
Польша, Лядская земля, Лахи 140, 645, 731, 781
Помезания 182
Померания 429
Понизье 655
Поречье, вол. 561
Поречье, д. Октябрьского района 561
Поросье 558, 624
Поставская вол. 520
Поштовская вол. 367
Приднестровская Молдавская Республика 617
Прилук 758
Припять, Przypiecz, p. 351, 559, 560
Причерноморье 623, 639, 642, 676, 706
Пронск 588
Прославия, Proslavia 646
Протва, Поротва, p. 160
Прудины, д. Бешенковичского района 549
Пружанский район 435
Пруссия, Прусы, Prussen 17, 26, 52, 54—56, 59, 96, 98, 100, 108, 109, 111, 112, 114, 116, 130, 143, 150, 151, 153, 167, 171, 177, 179, 181, 182, 187, 205, 268, 269, 311—313, 353, 366, 380, 387, 394, 405, 409—411, 415, 416, 419, 420, 422, 443—445, 447—449, 453—455, 459, 461, 462, 466, 467, 469, 470, 475—477, 479, 480, 494, 496, 506, 508, 510, 511, 516, 521, 523, 529, 531, 541, 587, 592, 595—597, 600, 683, 693, 715, 728
Прут, Ethel, p. 636, 647
Псков, Pskow, Пьсков 122, 123, 164, 205, 209, 210, 298, 324, 344, 377, 379, 413, 493, 526, 527, 596
Псковское оз. 122, 210
Птичь, p. 559, 561
Пудлишки 703
Пуня 364
Путивль 605

Пядь, Педжяй 364

Равская земля (Мазовия) 423
Рагнит 419, 420, 480
Радунский повет 165
Радунь 364, 440
Радуньская вол. 365
Райгород 423, 654
Райцы 685
Растенбург 380, 506
Ратно 399, 539
Раудоне 341
Рашков 617
Резин 635
Репухово, с. 546
Ржевская земля 418
Рига 159, 160, 205, 209, 210, 526, 527, 596, 723, 726, 772, 780, 787
Ризенбург 182
Рим 170, 191, 235, 242, 243, 247—249, 279, 286, 296, 302, 321, 501, 564, 576, 610, 749, 751
Римская империя 52, 249, 649, 663
Риттерсвердер, замок 529, 530
Рованичская Слобода, д. Червеньского района 548
Рогозна, р. 761
Романово, с. 561
Росейнская вол. 367
Роска, р. 757
Рославль, Ростиславль 146, 218, 242, 299, 307, 326, 551, 583, 584, 776
Россия 135, 140, 144, 145, 208, 251, 345, 406, 431, 500, 528, 551, 585, 586, 624, 740, 765
Рось, р. 251, 622
Рудамина 512
Румшишки, Румшишкес 364
Румыния 678, 683
Русава, р. 758
Русь, Русская земля, Russchen lande, Reusch 104, 140, 267, 269, 315, 324, 352, 362, 424, 442, 474, 476, 477, 496, 512, 526, 613, 626, 645, 648, 649, 733
Рют Новый и Старый 252
Рязанская земля 214, 218, 222, 326, 588, 589, 599, 601
Рязань 21, 188, 204, 221, 223, 224, 503, 582, 583, 588, 589

Саврань 621, 636, 761, 779
Савславки, Сауслаукис, Sawlawken 367
Саленикай 407
Салинский договор 55, 509, 535, 536, 546, 561
Самара, р. 623
Сандомирская земля 468
Санкт-Петербург 81, 145, 179, 622, 723, 735

Сарадчин, Саражинка 621, 761
Сараж, Сураж, Surast, Szarass, замок на Подляшье 96, 273, 285, 301, 318, 319, 445, 460
Сахачевская земля (Мазовия) 423
Свенцянский повет 512
Свиблова стрельница 244
Свислочская вол. 675
Священная Римская империя 52
Северный Кавказ 557
Северо-Восточная Русь 81, 374, 626, 795, 800
Северо-Западная Русь 164, 396, 561, 777
Северская земля 520, 534
Северский Донец, р. 623
Селище, с. 561
Селония 52
Семежево, с. 561
Семенцово, с. 165
Сенно 685
Серадзская (Сирадзьская) земля 733
Сербия 139
Серпейск 242
Сетеховская земля 733
Сийский Антониев монастырь 136
Силезия 429, 552
Сильница, р. 761
Синеводская битва 38, 604—606, 608, 611, 612, 633, 657, 807
Синеводско (Синеволодско), с. 613
Синюха, р. 609, 610, 613, 614, 623, 627, 780, 800
Синяя, р. и вол. 633
Синяя Вода 157, 230, 257, 330, 332, 333, 603—607, 609—613, 621, 624, 627—634, 637, 658, 660, 679, 683, 706, 711
Сирет, Zereth, р. 636, 647, 666
Сирет, г. 683
Скайстяряй, д. 181
Скала, Скала-Подольская 219, 335, 610, 616, 618, 620, 622, 689, 695, 696, 709
Сквира 683
Скепево, двор 560
Скойстерские ловы 181, 465, 569
Сколевский район 613
Слоним, Slonym, Вослоним, Оуслоним 101, 275, 291, 308, 348—350, 449
Слуцк 73—75, 125—127, 382, 396, 559, 560, 771
Слуцкий костел Святого Михаила 665
Слуцкий повет 560
Слуцкий регион 97, 127
Случь, р. 559—561, 611, 615, 785
Смедин 164
Смединская церковь Святого Николая 164, 795

Смоленск, Смолнескъ 18, 20—24, 28—31, 34—37, 44, 71—73, 92, 94, 117, 118, 121, 137, 138, 143, 145, 151, 188, 195, 204, 212—215, 218, 220, 221—225, 234—238, 241, 242, 246, 257—259, 261, 281, 288, 299, 304, 307, 323, 326, 331, 335, 378, 379, 432, 495, 500, 503, 516, 517, 551, 577, 582—587, 590, 591, 594, 599, 717, 729, 772
Смоленская земля 49, 88, 89, 220, 239, 241, 242, 256, 499, 500, 502, 517, 520, 535, 583, 584, 586, 588, 590, 591, 599, 776
Смоленский регион 89
Смоленский Спасский монастырь 30, 37
Смотрич, г. 163, 219, 330, 331, 333—335, 616, 620, 649, 652, 654—656, 670, 689, 695, 699, 707, 709, 744, 745, 757, 759
Смотрич, р. 91, 330, 334, 620—623, 652, 654, 656, 673
Смотричский Доминиканский монастырь 163, 655, 657, 670, 677, 678, 681
Сниводь (Снивода), р. 611—613, 801
Снятын 690
Соб, р. 757
Собачье млынище 761
Сова, вол. 543
Соколец, с. Дунаевецкого района 617
Соколец, с. Немировского района 617
Соколецкая вол. 618, 620, 696, 757, 758, 774
Солечники (Шальчининкай) 364, 511
Солигорский район 559
Солоное 627
Солхат 609, 640—642, 795
Сонч 565, 579, 687, 688, 694
Старица, двор 560, 772
Стародорожский район 559, 561
Стародуб 239, 418, 493, 606
Стародубское княжество 352
Старое Ковно 135, 513, 514
Старое Село, двор 560
Старые Геранёны *см.* Зыгмунтишки
Старые Дороги *см.* Дороги
Старые Троки, Сянейи-Тракай 365
Старый Копыль 351
Старый Орхей 627, 628, 636
Стенка, с. Бучачского района 616, 646, 647, 695
Стенкская вол. 648
Степань 382, 517, 518
Стобухово, оз. 372
Стожек, Stoszek 532, 554, 568, 762, 764, 773

Стреве, р. 344
Стрижавка, с. 687
Стрыпа, р. 620—622
Ступва, р. 166
Субботники, Монивидовы Геранёны, д. Ивьевского района 375
Судомирская земля 733
Супрасль, р. 423
Супрасльский Благовещенский монастырь 89, 818
Сусловцы, с. Летичевского района 616
Сухиничи, д. Мостовского района 365
Сучава 680, 772
Сушична, с. 372
Сыроватчичи, двор 560
Сюткёль, обл. 638, 639

Тавань, о. 613, 623, 627
Таганча 252
Тарнов, Tarnaw 265, 467, 483, 768
Татарская земля 184, 330, 334
Тверь 633, 634, 641, 794
Тевтонский орден 33, 34, 50—52, 55—58, 68, 79, 86, 96, 106—109, 111—113, 115, 118—120, 134, 135, 164, 167, 176, 177, 179, 180, 186, 228, 233, 357, 363—369, 389, 405, 406, 409—415, 419—422, 424, 426, 429, 433, 436, 438, 441, 443—445, 448, 449, 451—454, 456, 457, 462, 466, 470, 475, 476, 479, 480, 493—497, 505—510, 512—515, 517, 520, 522—525, 529, 540—542, 552, 558, 561, 579, 588, 592—596, 600, 628, 674, 692, 702, 715, 716, 726, 728
Теребовльская вол. 648, 695
Теребовльский замок 739
Теребовля 616, 644, 646, 647
Тернопольская обл. 616, 617, 700
Тетеринская вол. 543
Тимковичи, двор 560
Тихая Сосна, р. 623, 629, 631, 632
Тоганов 252
Толочинский район 493, 542,
Тондягольская вол. 367
Торговица 557, 610, 611, 613, 614, 627
Торговицкий замок 604, 605
Торунь 537, 538, 703
Трансильвания 666
Троице-Сергиев монастырь 244
Троки, Новые Троки, Тракай, Tracken, Troky, Трокы, Trokky 69, 264, 271, 273, 318, 341, 363—365, 410, 423, 425—428, 439, 450, 453, 454, 460—462, 464, 465, 467,

474—476, 479—481, 489, 504, 511, 512, 514—516, 529, 536, 554, 592, 594, 641, 679, 716, 767, 773
Трокская земля 166, 167, 180, 181, 364, 369, 374, 460, 465, 477, 504, 529, 531, 554, 568, 569
Трокский ключ 256
Трокский монастырь Рождества Пречистой Богородицы 461, 462
Трокское воеводство 364
Трубчевск, Трубческы 418, 493
Трубчевская вол. 239
Турец, с. 560
Туров 351, 586
Турыйск 736, 738
Турья (Столовая) гора 83, 84, 308, 380, 522
Тшемешна 345

Узвод 434
Узда 240
Узденский район 559
Уланов 611
Улла 240
Упита, Упите 364, 389
Упитская земля 364
Уречье, с. 561
Уша, р. 548
Ушица, р. 617, 618, 620, 621

Феодоро, княжество 636
Ферапонтов монастырь 141
Флоренция 248
Франция 443, 510

Хаджибей, Kaczakeyow, Хачибиев, Качибиев 617, 625, 626, 634, 635, 638, 639, 642, 643, 706
Хмельник 93, 319, 610, 612, 618
Хмельницкая вол. 622
Хмельницкая обл. 585, 615—617, 700
Ходорково с. 745
Хойницы 127
Холм 399, 509, 556, 568, 654, 687, 688, 733, 748, 768, 770
Холмская земля 49, 733
Худово, д. Крупского района 534
Хурмадая улус 558
Хурмогола, Курмегала 364
Хутынский монастырь 527

Центральная Белоруссия 93
Центральная Европа 442, 576, 662
Цеховская земля (Мазовия) 423
Цна, р. 548

Чарна, р. *см.* Малая Соколда
Чемеровецкий район 700

Червоногород, Черленый городок, Черлен, Черный городок, Черъвленыи городокъ, Czirwonigrod 157, 219, 331, 333, 335, 616, 617, 620—622, 689, 695, 709
Черкасская вол. 622, 696
Черкасская обл. 556, 616, 617
Черкассы, Cirkass 45, 169, 217, 252, 290, 298, 306, 325, 557, 558, 567, 569, 598, 604, 615, 616, 620, 621, 625, 626, 628, 687—689, 695, 696
Черный Городок 157, 617
Чернигов 583
Черниговская земля 554
Черное море 613, 615, 623, 632, 643, 654
Черный, г. 157, 617
Черный Песок 767
Черный шлях 611, 612
Черская земля (Мазовия) 59, 118, 132, 164, 352, 363, 423, 424, 443, 445, 455, 469, 476, 531, 674, 716
Чеснополь, с. 611, 614
Чехия 52, 663
Чечерск, Czeczersk 464, 471—473
Чжюньков 757
Чигирин 627, 628
Чудов монастырь 144
Чудское оз. 122, 210

Шавленская вол. 367
Шандыров 761
Шветц, Свеце 412
Швянтойи, р. 407
Шенкурский погост 164
Шешкини, предместье Вильно 118, 134, 135, 514—516, 716
Шешупе, р. 365
Ширвинтский район 348, 398
Шпеков, Щьпеков с. 674
Шумск, Шумеск 615

Щара, р. 348
Щебрешин 736, 738
Щучинский район 365

Эгинта, Eginthen, вол. 367
Эйрагола, Ирякола 369, 447
Эйрагольская вол. 367
Эйшишки 440, 511, 515
Эйшишский повет 165
Элк, р. 54, 423, 506
Эльблонг 411
Эстония 122

Юго-Западная Белоруссия 97
Южная Русь 238, 261, 608, 624, 631—634, 648, 729
Южный Буг, р. 609, 610, 613, 615—618, 620, 627, 631, 634, 636, 652, 687
Юра, р. 365, 367, 405
Юрбаркас 529

Юргенбург, Георгенбург, замок на Немане 481

Ябгу-город 611
Яголковцы 761
Язловец, Иловец, с. Бучачского района 616, 621, 807
Языль, с. 561
Ясвойнская вол. 367
Ятвезь, д. Гродненского района 365

Указатель имен

Adamko Swerszczkowskiy 756
Bernart Meszkowskiy 756
Bilgeny, Билгени? 70, 274, 313, 320, 431—433, 436, 455
Billene, ливонский проводник 432—433
Hreor, подольский писарь 760
Jacko, подольский боярин 756
Jakusz Cietko 756
Lutko Hniewomir 756
Michał Popowicz 756
Montwit, боярин князя Скиргайла 347
N, вдова Семена Степаньского 518
N, граф фон Рейнеке 55, 505
N, дочь Борейка, жена Олехны 536
N, дочь Владимира Ольгердовича 603
N, дочь кн. Семена Семеновича Трабского 127
N, княгиня, жена Андриана Винницкого 625, 687, 758
N, правнучка Ивана Одинца, жена Сигизмунда Кейстутовича 546
Nielubowicz 756
Ondrej Hedyminicz *см.* Ольгерд Гедиминович
Paszko Busłowicz, подольский боярин 756
Płomen Skerdo, подольский боярин 756
Rameyze de Kernowe 349
Semen Juriewicz, кн. 756
Studile de Kernowe 349
Tilemannus de Sunpach 341
Tyszkiewiczowna 251

Włodimirz Wołodimirski, кн. 351

Абдаллах, хан 630—631
Абрагам В. 752
Абрагам, сын Синана 642
Авраамка, писарь 71
Агриппина, жена Ивана Ольгимонтовича 441, 447, 470
Адам Якубович, писарь 250
Адельхаузер Г. 443, 920
Айкша *см.* Якша Литавор
Александр, вел. кн. литовский 72, 87, 125, 165, 383, 560
Александр, воевода и господарь Молдавии 156, 669—670, 675—676, 679, 681, 691
Александр, сын воеводы Стефана Великого 681
Александр Андреевич, правнук Ивана Одинца 546
Александр Васильевич, смоленский кн. 585
Александр Вигунт Ольгердович, Вигонт 79, 129, 166, 288, 298, 328, 349, 388, 407, 417, 464, 471—473, 492, 513, 515—516, 529, 576, 579—580, 595
Александр Дмитриевич, друцкий кн. 544
Александр Кориатович 154, 330, 332, 334, 400, 604, 621, 645, 650—652, 655, 657, 663, 665—666, 670—672, 677—678, 681—684, 686, 707—708, 711, 734, 736, 738, 744—751, 753
Александр Михайлович, вяземский кн. 585—586
Александр Михайлович, тверской кн. 211, 536
Александр Подберезский, кн. 546
Александр Святославич, смоленский кн. 585—586
Александр Солтан, сын земского подскарбия Александра Юрьевича 252
Александр Юрьевич, земский подскарбий 252
Александра, дочь Семена Олельковича 127
Александра Дмитриевна, друцкая княжна 545
Александра Ольгердовна 407, 509
Алексий, митрополит 629

Али-паша, вел. визирь 642
Алмонайтис В. 368
Альберт, рижский еп. 159—160
Альбрехт Гаштольд 126—128
Альбрехт Люхтенберг, фон 409, 411
Альминаускис К. 33, 52, 54—55, 270
Анастасия, жена Дмитрия Корибута 535
Анастасия, тверская княгиня 633—634
Анастасия Васильевна, жена кн. Олельки Владимировича 127, 134
Анастасия Кориатовна, жена молдавского воеводы Романа 690
Анастасия Корибутовна 535
Андраш, трансильванский воевода 644
Андреас Штенберг, фон 772
Андрей, виленский еп. 133, 493
Андрей, сын друцкого кн. Дмитрия Васильевича 535, 544
Андрей, сын земского подскарбия Александра Юрьевича
Андрей Вингольт, мнимый трубчевский кн. 128
Андрей Владимирович, кн. 129, 580—581
Андрей Волотович 241
Андрей Гаштольд, виленский староста 131—132
Андрей Горбатый, мнимый сын Кейстута 129, 389
Андрей Зоненберг, де 448
Андрей Дмитриевич, московский княжич 205, 298, 305, 324, 527, 596
Андрей Иванович, брат вел. кн. московского Семена Ивановича 174
Андрей Иванович, гольшанский кн. 447, 506, 581
Андрей Ивашенцович 252
Андрей Михайлович, внук Ивана Одинца 546
Андрей Михайлович, заславский кн. 679
Андрей Ольгердович 98, 129, 164—166, 171, 201, 203, 225, 255, 280, 287, 296, 303, 322, 358, 368, 399—400, 413, 493—497, 502, 543—544, 547, 556, 593, 600
Андрей Регенсбургский 661
Андрей Сакович 240

Андрей Юрьевич, галицко-волынский кн. 51, 371—372
Андриан, винницкий кн. 625, 687
Анна, вел. княгиня литовская 21, 67, 173, 232, 274, 279, 281, 286, 288, 295, 297, 302, 304, 313, 323, 430—431, 441, 444—447, 470, 530, 595
Анна, витебская княжна 128, 358
Анна, дочь короля Казимира 661—663
Анна, жена Борейка 536
Анна, жена Дмитрия Ольгердовича 545
Анна, жена Семена Кошки 675
Анна, княгиня, жена Свидригайла 409
Анна, литовская княжна, жена воеводы Лацка 666
Анна, придворная дама королевы Ядвиги 421
Анна Альдона Гедиминовна 116, 128
Анна Бутримковна 772
Анна Гольшанская 127
Анна Данута Кейстутовна 121—122, 412—413, 445, 452
Антиох Сирийский, Ѳнтиwх Сирскыи, Ѳниихь Ѳсирьскии 203, 280, 287, 296, 303, 322, 501
Антоний, константинопольский патр. 577
Антоний Дзено, папский нунций 523
Антонович В. Б. 656
Арсений, луцкий еп. 373
Асан (Хасан), посол Золотой Орды 555, 641, 765—768
Атламош, татарский эмир 644
Афанасий, игумен, духовник серпуховского кн. 397

Багория Миколай 483
Балинский М. 135
Бальцер О. 121, 182, 553
Баранаускене И. 442, 446
Барбашев А. И. 16, 566, 578
Барвинский Б. 735, 737
Батура Р. 343

Бебек Эмерик 696
Бедрих, Бедришко 386, 557, 657, 689, 759, 761
Бекбулат, углан 765—767
Бекгич, Бекиш, бек 765—767
Бек-Хаджи *см.* Хаджибей
Бела IV, король Венгрии 663
Белеут Александр, московский боярин 205, 207—208, 526
Белецкая О. В. 607, 620, 695
Белик, боярин 432, 533
Бельские 139
Бельский Федор Иванович, кн. 252
Бенеш Крабице из Вейтмиле 342—343
Бердибек, хан 630, 640
Березин И. Н. 555, 765
Бехович Василий 165
Беховичи, бояре 165
Бирута 67, 70, 111, 116—117, 128, 130, 314, 367, 378, 388—389, 425, 438—440, 455, 469, 477, 716
Бичин Конрад 390, 392
Блащик Г. 123, 504, 507, 688
Бобров А. Г. 71, 196
Бобровский М. К. 15, 89
Богдан, молдавский воевода 628, 666, 679
Богдан Ивашенцович 252
Богуслав V, померанский кн. 660
Болдт Ф. 121
Болеслав, мазовецкий кн. 52
Болеслав II Юрий, галицко-волынский кн. 343, 350, 366, 373
Болеслав Стыдливый, польский кн. 663
Болтанюк П. А. 653
Бонифаций IX, папа римский 51
Боплан Гийом, 610, 636, 920
Борейко (Петр) 536

Борис Всеславич, полоцкий кн. 146
Борис Кориатович, Borzisch, 400, 420, 482, 484, 582, 621, 651, 655, 661, 664, 747, 748—749
Братей Логофет 675
Братоша Койлутович 519—520
Брун Ф. К. 612
Брячислав Изяславич, полоцкий кн. 145—146
Буга К. 440
Бугославский Г. К. 137—138
Бумблаускас А. 727
Бунге Ф. Г., фон 359, 725, 727
Бурглен Арнольд, фон 506
Бутовт Кейстутович 388—389
Бутрим, Buttrim 40, 70, 111, 113, 274, 313, 321, 438—443, 455
Бутрим Сович 440
Бутрим Совичович 439
Бучацкий Михаил, Михаил из Бучача 131—132
Бучацкий Мужило 706
Бучацкий Теодорих 618, 620
Бык Александрович, винницкий староста 251
Быховец Александр 118—119
Бычков А. Ф. 72, 76
Бычкова М. Е. 140

Вайткявичюс В. 398
Валха, дочь воеводы Драга 690
Ваповский Бернард 540, 562, 610
Варфоломей, сын Юрия Болковича 369
Варш из Михова, Warssch 266, 269, 468, 477
Василевский Т. 346, 352, 357—358, 375, 379, 390, 392, 538
Василенко В. А. 383
Василий, Wasiliy Wiinyckiy, винницкий кн. 689, 756
Василий, мнимый сын Ольгерда 129

Василий, сын друцкого кн. Дмитрия Васильевича 535
Василий (Волчко) 251
Василий, божский кн. 696
Василий Борейкович, Waissil Boreiken son 217—218, 289, 299, 307, 325—326, 535—536, 587, 597, 599
Василий Васильевич Темный, вел. кн. московский 242, 582
Василий Дмитриевич, вел. кн. московский 21, 77, 92, 94, 117, 138, 151, 169, 188, 205—210, 212—215, 218, 223—215, 289, 298—299, 304, 307, 324, 326, 468—469, 526—528, 577, 589—591, 596, 599, 715—716
Василий Иванович, вел. кн. московский 141—142
Василий Иванович, новгородский посадник 527
Василий Иванович, смоленский кн. 500
Василий Константинович, кн. 79—80, 86, 95, 281, 288, 324, 517, 521, 595—596
Василий Кориатович 370, 553, 651, 693
Василий Михайлович, друцкий кн. 163, 446—447, 543—547, 772
Василий Михайлович, кашинский кн. 603
Василий Наримонтович, пинский кн. 166, 351, 441, 509
Василий Святославич, смоленский кн. 585
Василий Семенович, сын Семена Олельковича 127
Василий Федорович, новгородский посадник 527
Василиса, вдова Станька Саковича 240
Василиса, друцкая княгиня 163, 446—447, 543, 545
Васильевский В. Г. 522—523
Василько, волынский кн. 350
Василько, слонимский кн. 348
Васко, родоначальник Ермолиных 244
Васневич Пашко, Paszko Wasnowicz 621, 636, 657, 729, 756, 760
Вассиан Рыло, ростовский архиеп. 245
Вахевич Б. А. 24—25
Вацлав, сын императора Карла IV 663
Вдовишевский З. 472, 567
Велюс Г. 349

Вента Я. 182
Верозуб Ходко, Chodor Wjerozub 756, 759
Весна *см.* Федор Весна
Виганд из Марбурга 120, 130, 341—342, 352, 377, 389, 401—402, 405, 407, 409—410, 412, 414—415, 420, 422—423, 426—428, 437—438, 443—445, 447, 449, 469—470, 479, 505—506, 509, 513, 528
Виганд Балдерсхайм, фон 480
Вид (Волк), сын Давила 146
Видимонт, Wyndimund 94, 111, 274, 279, 286, 295, 302, 313, 321, 438—440, 455
Виллани Маттео 646—648
Вильгельм Фримерсхайм, фон 177, 368, 410, 723, 772
Вильгельм, герцог Австрии 133, 430, 495, 662—663
Вильгельм, цилейский граф 661
Винрих Книпроде, фон 177, 410, 419, 422, 444, 726—728
Висогайло (Вижгайло), боярин 166
Вит, легендарный военачальник 548
Витень, Виденъ, кн. 145—146
Витовт-старший, кн. 344, 346
Витовт Кейстутович, Withawdo, Witold, Wytowdus, Wytoldus, Vitoldus 15, 17—28, 30—39, 43, 47—48, 52, 54—59, 65—67, 69—70, 74—79, 83, 85—86, 91—94, 98, 100, 105—118, 122, 124—125, 129—132, 134—136, 138, 143, 145, 150—151, 153, 155, 157—158, 165, 167—173, 175—188, 204—210, 212—229, 231—233, 236, 255, 257—261, 263—329, 331, 333—335, 349, 355, 365, 367, 369, 377, 379, 382—383, 387—390, 392—393, 399—400, 402, 410—411, 413, 421—422, 425—430, 438, 440—441, 443—457, 459—473, 475—477, 479—481, 485, 489—490, 492, 496, 498—499, 501, 504—511, 513—517, 519—523, 525, 527—533, 535, 537, 540—543, 545—556, 559, 561, 566, 568, 571, 575—592, 594—601, 609, 620, 623, 630, 685—706, 708—710, 712, 715—717, 720—721, 761—763, 769—770, 773
Вишневецкий Михаил Корибут, король Польши 682
Виюк-Коялович Альберт 119, 350—351, 566, 587

Владимир Святославич, Володимерь, вел. кн. киевский 92
Владимир Андреевич (Володимер Ондреевич), серпуховский кн. 205—206, 289, 298, 305, 324, 397, 527, 555, 596
Владимир Василькович, владимиро-волынский кн. 159
Владимир Ольгердович 93, 124, 128, 129, 164—165, 217, 252, 290, 298, 306, 382, 386, 397, 400, 510, 532, 552—557, 559—561, 577—578, 580—581, 598, 603, 628—629, 683—684, 687, 729, 762—764
Владимир Святославич, смоленский кн. 585—586
Владислав, король Польши *см.* Ягайло Ольгердович
Владислав Варненчик, король Польши 168
Владислав Локеток, король Польши 116, 489
Владислав Опольский, кн. 488, 579, 672
Влодко из Харбиновиц 482—483
Войдат Кейстутович, Woydati 129, 388—389, 446, 473, 479, 685
Войдыла, Воинил, Воидил, Воидим, Woydilo, Воидол, Waydel, Waytil 73, 78, 81, 106, 108, 111, 147—148, 176—178, 186, 227, 271—274, 276—277, 279, 283—284, 286, 292—295, 300, 302, 309—311, 313, 315—316, 318, 402—407, 409, 411—412, 416, 419—420, 429, 443, 451—453, 455—456, 726
Войтович Л. В. 503, 519, 644
Войшвилт 388—389
Войшелк, Вышелег 137, 716
Волк, сын Хвоста 146
Волков В. Г. 622
Володко Давыдович, Wolodyko Dawydawicz, городецкий кн. 409
Волчкевич Роман Олизарович 251
Волчкевичи, бояре 250
Вольф Ю. 448, 517, 544, 565, 567, 704
Воронин В. А. 11, 137, 360, 494, 544
Всеволод, кн. Герцике 160
Всеслав Брячиславич, полоцкий кн. 145—146
Вырский Д. С. 613
Вышко Толстый, Wyszko Tołstyy 756, 759

Вышко Худый, Wyszko Chudyy 756
Вяземский Дмитрий Константинович, кн. 252
Вячко, кн. 159

Гавс, боярин 533
Галенко А. И. 637—638, 640
Галятовский Иоанникий 86
Ганка, жена кн. Василия Острожского 232
Гануль, Ганко, Ганс, Hanullonis, Hanvl 68—69, 108, 111, 147, 273, 277, 284, 294, 300, 311, 318, 420—421, 443, 453, 484
Гатари Бартоломей 747
Гаштольд, мнимый виленский воевода 131
Гаштольд (Петр) Гаштольдович, мнимый наместник Каменца-Подольского 118, 131, 158, 716
Гаштольды 124—127, 132—133
Гедигольд (Юрий) Койликинович, Дедикголд 220, 257—259, 331, 333, 335, 434, 581, 617, 617, 704—705, 710, 712
Гедимин, Едиман, Гедиман, Gediminum, Гѣдименъ, Гедиманъ, Кедименъ 15, 25, 71, 83, 101, 116, 128, 131, 137, 139, 145—146, 158, 173, 275, 308, 341—350, 365—366, 368, 375—377, 384, 399, 407, 449—450, 456, 473—474, 511, 514, 522, 536, 557, 605, 622, 654, 715, 737
Гедиминовичи 101, 139—140, 164, 346, 353—357, 362, 384, 389, 408, 520, 539, 576, 578—579, 588, 661—662
Гедко Кревлянин, Gedko Crewlanyn 40, 64, 70, 274, 313, 320, 431—432, 434, 436, 455
Гедройцы, князья 515
Генниг Э. 130, 448
Генрих, бжегский кн. 409
Генрих, ливонский магистр 497
Генрих Земовитович, еп. 182, 529, 531, 580
Генрих Латвийский 159
Генрих фон Плауэн 694
Георгий, Юрий, Jerzy, предполагаемый сын Витовта 130, 447—449

Георгий Бутрим, смоленский наместник 704
Герасим, смоленский еп., митр. Киевский и всея Руси 18, 21, 24, 28, 30—31, 34, 36—37, 190, 234—237, 242, 247—248, 254—255, 717
Гердень 146
Герман Вартберге 366, 389, 394, 397
Гибут (Эйбут), тивун Жеймов 480
Гильдебранд, рижский бюргер 359
Гинивил, Кгинивил, Gynewille 78, 289, 536, 597
Гинчка, подскарбий 565, 571
Гирш Т. 52
Глазыны, князья 623
Глеб Васильевич, друцкий кн. 545, 547
Глеб Дмитриевич, друцкий кн. 544
Глеб Евдокимович, трубчевский воевода 418
Глеб Константинович, мнимый кн. 79—80, 86, 90, 95, 291, 298, 304, 517
Глеб Ростиславич, кн. 199
Глеб Святославич, смоленский кн. 170, 218, 221, 224, 281, 288, 298, 299, 304, 307, 324, 326, 499, 504, 516—517, 520—521, 551, 582—586, 595—596, 598—599, 601
Глинские 251
Глинский Е. С. 232
Глинский Иван (Львович?) 251—252
Глинский Иван Борисович 251
Глинский Михаил Львович, кн. 125, 136
Голенченко Г. Я. 11
Голутвинич Яков 164
Гольдберг А. Л. 140
Гольшанские 124, 126—127, 518, 581
Грабовска К. 41
Грабовский М. 670
Грановский Анджей, сын Винцентия 703
Грановский Близбор, сын Винцентия 703
Грановский Вавринец, сын Винцентия 703

Грановский Винцентий 702—703
Грановский Влодзимеж 703
Грановский Миколай, сын Винцентия 703
Грановский Миколай, сын Влодзимежа 703
Грановский Ян из Пудлишек, Ян Пудло, Johannis Pudlo, сын Влодзимежа, подольский дворянин 58, 220, 331, 333, 335, 702, 703, 710, 712
Греков И. Б. 567, 607
Григорий, Greorio de Sluczsko, слуцкий кн. 382, 559
Григорий, игумен монастыря в Бакоте 656
Григорий, митр. 242—243
Григорий XI, римский папа 683—684, 749—750
Григорий Иванович, писарь 87—88, 91
Григорий Маммас, патр. 243
Григорий Тункель 165
Григорьев А. П. 639
Григорьевичи, киевские бояре 252
Гридко Константинович 519, 539, 545, 772
Гримм, братья 446
Гринько Соколецкий, Hrynko Sokoleckiy 255, 386, 557, 617—618, 620—621, 625, 657—658, 687, 689, 696, 756—758, 761, 774
Грицкевич А. П. 559
Гришина Н. Г. 528, 608
Грунау Симон 130, 405, 429—430, 448—449, 455
Груша А. И. 163, 247, 250, 387, 617
Грушевский А. С. 256
Грушевский М. С. 23—24, 194, 229, 237, 362, 371, 568, 611, 665, 732, 757
Гудавичюс Э. 342, 404, 420, 436
Гудмантас К. 39, 86
Гулевич В. П. 643
Гумовский М. 745
Гунстын, Smydsten, Sundsteyn, Авкгуштын, Густын, Гоуньстын, Гнупын, Гуностым *см.* Гюнтер Гоэнштайн, фон
Гурда Гинвилович, мнимый кн. 587

Гюнтер Гоэнштайн, фон, Hohenstein 64—65, 106, 119—122, 147, 176, 178, 227, 272, 276, 283, 292, 309, 316, 409, 412—413, 452

Давид, архим. Киево-Печерской лавры 395
Давид Лукас 130, 448
Давил Ростиславич, легендарный полоцкий кн. 146
Давуд, бек 766—767
Давыд, городенский кн. 352, 389
Давыд Дмитриевич, Daud, Давд, Давид, Davide de Grodek, городецкий кн. 272, 276, 283, 292, 309, 407—409, 519
Дайнаускас Й. 487
Даль В. И. 440
Даниил, друцкий кн. 544
Даниил Романович, галицко-волынский кн. 654
Данилович И. Н. 15, 63, 90, 725
Дасберг Герман, ливонский посол 510—511, 542, 723
Дашкевич Н. П. 629, 633
Дашкевич Я. Р. 43, 162, 181, 183, 642, 646
Демид, пинский кн. 350
Дернович О. И. 11
Детмар из Любека 414—415, 419, 422, 604, 683
Джалаль-ад-Дин, хан 640
Джанибек, хан Золотой Орды 378, 554, 640, 645, 649
Дзивиш из Мажанчиц 769—770
Дионисий, суздальский архиеп. 578
Длугош Ян 11, 17, 45, 63—66, 235, 262, 352, 397, 424, 429, 466, 469—470, 481, 484, 488, 493—494, 496—497, 503—507, 514, 523—524, 528, 530—531, 540—541, 558, 562, 564, 568—577, 579—580, 600, 623, 639, 646, 698, 700, 715, 718
Дмитриева Р. П. 140—141
Дмитрий, дворный маршалок 769—770
Дмитрий, Димейтер-Солтан, татарский кн. 330, 332, 604, 623, 635—638, 676

Дмитрий, кардинал, папский легат в Венгрии и Польше 751
Дмитрий Алибуртович 374
Дмитрий Боброк, кн. 651
Дмитрий Васильевич, друцкий кн. 535, 543—544
Дмитрий Васильевич, луцкий боярин 220, 331, 333, 335, 702, 710
Дмитрий Глебович, кн. 586
Дмитрий Давыдович, Митко, городецкий кн. 408—409
Дмитрий Дедко 362
Дмитрий Иванович, вел. кн. московский 131—132, 176, 204, 358, 460, 500
Дмитрий Ивашенцович 252
Дмитрий Корецкий, мнимый сын Ольгерда 129
Дмитрий Корибут Ольгердович 76, 78, 85, 92, 108, 111, 172, 176, 204, 217, 229, 273, 275, 287, 289, 294, 297, 300, 303, 305, 311, 313, 322, 324—325, 345, 387—388, 393, 399, 417—419, 432, 453, 460, 473, 501, 505—506, 510, 532—535, 537, 554, 587, 594, 597, 622, 623, 654, 685
Дмитрий Михайлович, друцкий кн. 447, 544—545
Дмитрий Ольгердович 163, 386, 544—545, 554
Дмитрий Семенович, друцкий кн. 544
Добромирска Елизавета 759
Довгирд Ян, Долкгирд, Долгорд 220, 331, 333, 335, 705—706, 710—711
Довмонт 146
Довнар-Запольский М. В. 239
Довойны 124, 133
Догель М. 60, 723—725, 734—735
Домбровский Д. 358—359
Домбровский Я. 661
Доминик, врач 565, 572
Дорота, дочь Спытка из Мельштына 697
Дорош Н. Н. 611
Драг, воевода Марамуреша 690
Драгош, молдавский воевода 654, 666
Драгун Ю. И. 39, 498—499
Друцкие 126—127, 408, 519, 532, 543—547

Дубровский П. П. 144

Евгений IV, папа римский 235, 248
Евдокия, вел. княгиня московская 207
Евна, Jewna, предполагаемая вдова Гедимина 128, 378
Евнутий (Иван) Гедиминович, Jawnuten, Iwenynti, Yewyntham, Jewyntho 58, 62, 66, 82—84, 101—105, 112—113, 115, 117, 128, 150, 174, 187, 227, 263, 267, 271, 275, 282, 291, 308—309, 314, 343—346, 353—355, 375, 377—382, 450—451, 456, 473—474, 517—518, 644, 731—732, 734, 735, 738, 772
Евстафий, диакон 88
Евстафий Васильевич, полоцкий боярин 252
Евфимий II, новгородский архиеп. 71
Евфимия Гедиминовна 373
Евфросинья Ольгердовна 503
Егоров В. Л. 607
Екатерина, дочь Спытка из Мельштына 697
Екатерина (Вильгейда) Ольгердовна 407
Елезар, Jelezar, боярин 736, 738
Елена, жена стародубского кн. Патрикея 353
Елена Корибутовна 535
Елена Николаевна, урожденная Радзивилл, слуцкая княгиня 92
Елизавета, дочь короля Казимира 660
Елизавета, жена Спытка из Мельштына 184—185, 331, 333, 335, 696—697, 699—702, 712
Елизавета Боснийская, королева Венгрии 430, 481, 484, 662
Епифаний Премудрый 190
Ермолин Василий Дмитриевич 244—246
Есиф Захарьинич, новгородский посадник 527

Жарких Н. И. 633
Жедивуд *см.* Иван Жедивид
Жемайтис С. Г. 590

Жибентяй *см.* Лисица Жибентяй
Жижемские, князья 586
Жильбер де Ланнуа 259, 617

Зайончковский С. 368
Заклика, канцлер Польши 769—770
Замойский Ян 471—472, 518
Заславские, князья 382
Захария, житель Каменца-Подольского 642
Заяц Ю. А. 381
Збаражские, князья 622
Збаражский Стефан, витебский воевода 550
Зброшко, брат Адама Якубовича 250
Зброшко, пушкарь 555
Земовит II, мазовецкий кн. 52
Земовит III Тройденович, мазовецкий кн. 52, 366, 423, 731, 733, 772
Земовит IV, Semovito, мазовецкий кн. 180, 407, 424, 445, 489, 509
Зимин А. А. 139
Зиновий Братошич 520
Зосима, монах 635, 638
Зьяло Михаил 586
Зьяловичи 586

Иван, Iwan, предполагаемый сын Витовта 130, 447—449
Иван, городецкий кн. 772
Иван, иерей 88
Иван, печатарь 668, 677
Иван, сын земского подскарбия Александра Юрьевича 252
Иван III Васильевич, вел. кн. московский 243—244
Иван IV Васильевич, вел. кн. московский 382
Иван Александрович, смоленский кн. 357
Иван Борисович, киевский кн. 582
Иван Васильевич, смоленский кн. 196, 198, 499—501

Иван Владимирович Бельский, кн. 129
Иван Данилович Калита, вел. кн. московский 354, 376
Иван Дмитриевич Киндырь, Iwan von Druczka, друцкий кн. 544—546
Иван Жедивид (Жедивуд) 128—129
Иван Иванович, вел. кн. московский 160, 174, 383
Иван Козарин 240
Иван Корибутович 535
Иван Любартович 373—374
Иван Михайлович, вяземский кн. 585—586
Иван Мстишинский, Iwan Mstiszinski 736, 738
Иван Ольгимонтович, Jwan Augemunden son, гольшанский кн. 125, 127, 130, 134, 205—208, 218, 266, 269, 289, 298—299, 305—306, 324, 326, 411, 441, 445, 448, 470—473, 477, 506, 508, 518, 526, 530, 561, 581—582, 596—598
Иван Русанович, кн. 519—520
Иван Святославич, смоленский кн. 551—552, 585—586
Иван Семенович, кобринский кн. 396
Иван Шишман, болгарский царь 642
Иван Юрьевич, белзский кн. 509
Иванов Вяч. Вс. 49
Иванов П. А. 366
Ивашенец Ивашкович, киевский боярин 243—244, 250—253
Ивашко, сын молдавского воеводы Петра Мушата 690
Ивашко Григорьевич, киевский боярин 252
Ивашко Иевлич 241
Ивашко Монивидович 441
Игнатовский В. М. 492
Изяслав, полоцкий кн. 145—146
Изяслав Владимирович, полоцкий кн. 160
Изяславичи, князья 520
Иконников В. С. 23
Ильяс, сын Кутлубуги 641
Иоанн (Порфирьев), новгородский архиеп. 209, 527

Иоанн Патрикеевич, кн. 353
Иоанн Сеговийский 399
Иоганн (из Реддена), оффициал 182—183, 414—415, 428, 437, 443, 494—495, 508—509, 513—514, 516, 520, 525—526, 528—530, 532—533, 541—542, 564, 566, 568—570, 572, 604, 683
Иоганн II, мекленбург-штаргардский герцог 407
Иоганн Люксембургский, король Чехии 52, 378
Иоганн Посильге, фон 182
Иона, митрополит 236, 242—243
Иона, новгородский архиеп. 71
Йонинас И. 430, 446, 448—449, 511—512
Йорга Н. 666, 680
Иосиф, смоленский еп., митр. Киевский и всея Руси 71, 87
Ипатий Потей 248
Ирод, царь Иудеи 203
Исаак Сирин 25, 28, 34—36, 190, 236
Исайя, монах 139
Исидор, митр. 242—243

Казимир, мазовецкий кн. 731, 733, 772
Казимир Великий, Казимиръ Локотковичь, король Польши 18, 52, 85, 157, 183—184, 186, 191, 193—194, 279, 286, 296, 321, 330, 332, 334, 362, 373, 481, 592, 600, 645, 647—648, 650, 659—663, 671, 692, 695, 707—708, 711, 729—730, 772
Казимир Ягайлович, великий князь литовский, король Польши 19, 64, 88, 124—125, 238—243, 258, 260, 385, 434, 461, 471, 582, 586, 625, 674, 691
Калечиц И. Л. 537
Калиновский Валенты Александр 759
Карабчеевский Семенко 745
Карамзин Н. М. 138, 199, 206, 211—212, 214—215, 368, 590, 607, 630, 645
Карачевский Василий 165
Карл I, король Венгрии 52

Карл IV, имп. Священной Римской империи, король Чехии 649, 663
Карл, маркграф моравский 378
Карпов А. Ю. 141
Карский Е. Ф. 40
Кезгайло, жемайтский наместник 168
Кейстут Гедиминович, Kinstutt, Kyestruch, Kinstottin, Kyestuti, Kyerstruki, Кестоути, Кестоучи 20—21, 23, 26, 56, 64—70, 73, 77, 82, 84—85, 93, 101—114, 116—120, 122, 128—130, 151, 166, 174, 176—178, 186—187, 226—228, 232, 262—279, 282—286, 291—295, 300—302, 308—314, 316—317, 320, 324, 344—346, 352—353, 356, 362—369, 374—375, 377—380, 383—386, 388—390, 392—394, 398—403, 405, 407, 409—413, 415—423, 425—434, 436—439, 445—446, 450—457, 460, 463—464, 469, 474—475, 477, 480, 489, 511, 529, 539, 543, 575, 578, 580, 591, 641, 655, 685, 716, 718, 723, 725—728, 731—739, 747—749, 772
Кейстутовичи, династия 30, 388
Кемличова Констанция 759
Кибург Конрад 118
Кинга (Кунегунда), дочь короля Белы IV 663
Киприан, Куприан, Кѵпрїанъ, митр. 76—77, 138, 189, 206—209, 211, 214, 216, 225, 236, 289, 305, 324, 328, 397, 527, 572, 574, 576—578, 580, 590, 596
Кирдеевич Грицко 706
Кирдеевич Иван, холмский каштелян 89
Кириченко Е. В. 140, 212
Клеменс из Москожува 504, 507—508
Клепатский П. Г. 624
Климашевский И. 118—119, 131
Климент VI, римский папа 353, 384, 645, 729
Климент VII, авиньонский антипапа 564
Клосс Б. М. 71, 190
Кожушно Юрий Иванович, кн. 519
Козицкий З. 704—705

Колянковский Л. 383—384
Конечны Ф. 52, 179, 444, 449
Конрад Валленрод, фон 513, 524—525, 529
Конрад Цёлльнер Ротенштайн, фон 51, 179—180, 444—445, 495, 497, 773
Константин, кн., участник сражения под Мстиславлем 85, 172, 204, 229, 287, 297, 303, 322, 327, 387, 501, 594
Константин Безрукий, полоцкий кн. 359
Константин Кориатович, Костентин, Konstantyn 124, 154, 157, 172, 183—184, 186, 193—194, 230, 261, 330, 332, 334, 386—388, 501, 517, 604, 620, 644, 651, 655, 659—665, 676, 684—686, 707, 711, 753—755, 757, 774
Константин Ольгердович, Костѧнтин, Constantinum 129, 386—388, 501, 517
Кориат (Михаил) Гедиминович, Koriath, Кориадъ, Корьят, Корьядъ 81, 101, 271, 275, 282, 291, 308, 330, 332, 334, 344—346, 369—370, 377, 381, 384, 450, 511, 604, 645, 651, 674, 685, 707, 731, 733, 772
Кориатовичи, Koriatouiciorum 154, 334, 558, 604—605, 612, 618, 620—621, 623, 625, 627, 633—634, 643, 648—662, 664, 666, 679, 681, 684—685, 690, 692, 706, 711, 740
Корибут *см.* Дмитрий Корибут Ольгердович
Корибут-Воронецкие, князья 622—623
Корибут-Воронецкий Люциан 622—623
Коригайло Ольгердович, Коргаило 79, 86, 129, 198, 281, 288, 298, 324, 388, 399, 407, 414, 417, 492, 499, 522—526, 596
Корсак Федор, полоцкий боярин 165
Корсаковичи, бояре 239—240
Корчак Л. 581
Коссаковский С. К. 251
Костомаров Н. И. 16
Кошка Семен 675
Коялович М. О. 72
Кравцевич А. К. 375
Крантц Альберт 414

Креслав из Курозвенков 466
Кристин из Острова 483
Кристин, слуга Скиргайла 571
Кромер Мартин 11, 157, 179, 359, 460, 471—472, 541, 562, 699, 731, 734
Крыжановский А. И., полковник 72
Кузанский Николай 610
Кузьмин А. В. 446, 545—546, 662
Кукушкина М. В. 137
Кулаковский П. 557
Кунегунда-младшая, дочь короля Казимира 644, 660—661
Кунегунда-старшая, дочь короля Казимира 661
Куно Гатштайн, фон 422
Куно Либенштайн, фон; Liebestyn 120—121
Купчинский О. А. 43, 161—162, 362, 371
Куремса (Курумиши), татарский хан 615, 648
Куропатва Ян, люблинский ловчий 769—770
Куртыка Я. 185, 553, 607, 695—696, 729, 745, 752—753, 768
Кусакин Юшко, смоленский боярин 241—242
Кутлубуга, Коутлоубуга, Кутлубах-Солтан, Кутлу Бога, татарский кн. 330, 332, 334, 604, 634—635, 638, 640—643, 706, 766—767
Кучинский С. М. 607—608, 641
Кучкин В. А. 562, 608
Кучук Ян 434
Кучук, Cuczyk, Коучюкь 274, 279, 286, 295, 302, 313, 320, 434, 436, 455

Лавреш Л. 531
Лазарь Любартович 374
Ланглуа Ш.-В. 42, 44
Ластовский В. Ю. 29, 97
Лаучюте Ю. А. 440
Лацко, молдавский воевода 666, 673, 679
Лачкфи Эмерик 697
Лев, галицко-волынский кн. 51, 372

Лев (Васильевич), друцкий кн. 447, 546
Левицкий А. 485, 537
Левко О. Н. 498
Леонид, архим. 92
Леопольд III, ракузский кн. 662
Лесмайтис Г. 117
Лиздейко 348
Лисица Жибентяй, Lyszycza Zibintha 70, 274, 279, 286, 295, 302, 313, 320, 434—436, 455
Литвин Михалон 614, 630
Литвош, постельничий 405, 565, 572
Лихачев Д. С. 42
Ловмянский Г. 490—491
Лойко Ф. 350
Лукас К. 51
Лукьянова Е. В. 86
Лурье Я. С. 139, 189—190, 244, 394
Лынгвен *см.* Семен Лынгвен
Любавский М. К. 546, 559, 612
Любарт (Дмитрий) Гедиминович, Lubarth, Либорть, Люборт 101, 164, 265, 269, 271, 275, 282, 291, 308, 344—346, 362, 370—374, 377, 400, 450, 466, 539, 615, 630, 644—645, 648, 731—739, 747—749, 772
Людовик IV Виттельсбах 660
Людовик Анжуйский, король Венгрии и Польши 18, 191, 361, 394, 399—401, 429, 481—482, 509, 539, 621, 635, 646—647, 650, 661—662, 664, 666, 684, 686—687, 747—748
Люлевич Г. 238

Макарий, митр. 144
Макарий (Булгаков), митр. 573
Мамай, ордынский темник 358, 630—633, 639
Маргарита, мазовецкая княжна 409
Маргарита Лосонч, дочь семиградского воеводы 690

Мариан, рыцарь 342
Марина *см.* Ульяна Александровна
Мария, дочь Людовика Анжуйского 482
Мария, дочь Яна Гаштольда 127
Мария, жена Иоанна Любартовича 373
Мария (Марина), лукомская княгиня 447
Мария Дмитриевна, московская княжна 200
Мария Египетская 190
Мария Корибутовна 535
Мария Ольгердовна, Maria 73, 176, 272, 276, 283, 292, 309, 402—404, 407—409, 412, 429, 451, 452
Мария Ярославна, Maria Jarosławna, Maria Jorosławowna, предполагаемая витебская княжна 359—360
Маркварда Зальцбах, фон 55, 480, 505—506
Мартин V, римский папа 442
Мартин Гаштольд 127
Мартин, виленский конюший 238
Мартин, виленский монах-францисканец 343
Маслова С. А. 626
Матей, мнимый виленский еп. 133
Матиас Ноенбург, фон 344, 353, 387
Медведев А. Ф. 425
Медведев Сильвестр 86
Медоварцев Михаил 136, 716
Мельштынские 504, 768
Менгли-Гирей, крымский хан 250, 554, 625
Меховский Матей 11, 63, 126, 430, 540, 562
Микульский Ю. Н. 12, 35—37, 235, 461—462, 694, 760
Милегауде, боярин Витовта 480
Милей, воевода 624
Миндовг 52, 146, 348
Минигайло Ольгердович 388, 417
Мирча Старый, валашский воевода 580, 679

Мисаил, смоленский еп., митр. 37, 243, 246—247, 249—250
Михаил, боярин Витовта 480
Михаил, смоленский еп. 590—591
Михаил, сын земского подскарбия Александра Юрьевича 252
Михаил Александрович, тверской кн. 208, 344, 633
Михаил Данилович, друцкий кн. 545
Михаил Данилович, новгородский посадник 527
Михаил Дмитриевич Подберезский, друцкий кн. 544, 546
Михаил Евнутьевич, кн. 382, 387, 679, 772
Михаил Жигимонтович, кн. 239
Михаил Иванович, вяземский кн. 585
Михаил Иванович, гольшанский кн. 581
Михаил Кезгайлович 239—240
Михаил Константинович, витебский кн. 359, 362
Михаил Корсакович 239
Михаил Курцевич 241
Михаил Михайлович, друцкий кн. 545
Михаил Наримонтович, мнимый пинский кн. 518
Михаил Олелькович, кн. 71, 127, 252—253,
Михаил Ямонтович 587—588
Михайловский В. Н. 616, 643, 701
Михальчук А. Н. 117
Мицкунайте Г. 33, 53
Мовколд (Милколд), легендарный полоцкий кн. 146
Могила Петр, митр. 681
Молчановский Н. В. 607, 685, 739, 741
Монивид (Альбрехт) Койликинович, Munuidi, Монивод, боярин 19, 81, 113, 274, 279, 286, 295, 302, 313, 321, 441—442, 455
Монтивид Гедиминович, Montiwid, Моидивиды, Монтивитъ, Monwid, Монвид, Моньдевид, Мондовид, Montwid 59, 71, 81, 101, 270, 275, 282, 291, 308, 313, 344—350, 377, 449, 456
Монтигерд, полоцкий наместник 510
Мороз В. К. 41, 99, 169

Морозова Н. А. 41, 97—99, 127, 169
Морхына Андрей, подольский писарь 759
Мостев брат, frater Mostew 274, 279, 286, 295, 302, 313, 320, 431—434, 455
Мошкова Л. В. 86
Мстислав Данилович, волынский кн. 159
Мстиславские 382
Мстиславский Иван Федорович, боярин 382
Мстиславский Федор Михайлович, кн. 142
Муравьева Л. Л. 607
Мыц В. Л. 607, 637

Напиерский К. 726
Нарбут Т. 43, 84, 117—123, 129—130, 316, 357—358, 360—361, 397, 412, 424, 430—431, 433, 435—436, 448, 491—492, 531, 578, 716
Наримонт (Глеб) Гедиминович, Нарамонт, Narimuth 101, 211, 270, 275, 282, 291, 308, 344—346, 350—352, 354—355, 357, 377—379, 408, 449—450
Наримонтовичи 408
Нарушевич А. 60, 179, 734—735, 737, 755, 762
Насон, смоленский еп. 138, 214, 590
Насонов А. Н. 245
Нац (Начко, Петр) Гинивилович, Onacz 536, 698
Невоист, литовский посол 767
Немира Бакотский 386, 517, 657, 664, 685, 758, 760—761
Немира Рязанович 240—241
Немира, посол Витовта 185, 220, 331, 333, 335, 702, 710
Нерон, римский имп. 203
Несвизские, князья 623, 625, 647
Несвизский Василий Васильевич, кн. 623
Несвизский Федор, кн. 620, 622—623
Нестекович Богуш 691
Нестекович Пашко 691
Нестяк, Нестис, Нестак, Nestan 156—157, 219, 331, 333, 335, 691—692, 709

Нешри Мехмед 642
Никжентайтис А. 343, 378
Никлосдорф Иоганн 248
Никодем Я. 38, 354, 392, 401, 403, 538, 568—569
Николай из Курова, польский писарь 769—770
Новикова О. Л. 144
Носевич В. Л. 11, 389, 544, 547
Нудельман А. А. 628
Нур-Девлет, крымский хан 250

Одинец Иван, кн. 546
Одинцевич Григорий Иванович, кн. 89
Одинцевич Иван Федорович, кн. 88—89
Одинцевич Семен Иванович, кн. 15, 87—89
Одинцевичи, князья 88, 546
Олег Иванович, Ꙋлг, рязанский кн. 214, 221—222, 299, 307, 326, 418, 503, 535, 543, 583, 588—589
Олелько (Александр) Владимирович 127, 134, 561, 665, 771
Олельковичи 93, 124, 126—127, 129, 559—560
Олесницкий Збигнев 235, 505, 523—524, 564, 694
Олехно 536
Олехно Дмитриевич 518
Олехно Ромашкович 165
Олизар Шилович 240
Ольга Константиновна, ростовская княжна 373
Ольгерд Гедиминович, Algart, Algarden, Olgerth, Олгорд, Ꙋлгирдъ, Ꙋлигорд, Ꙋлигрд, Олгѣрдъ, Алкердъ, Вольгорд 60, 62, 64, 66, 75, 82, 101—105, 113, 116—118, 126, 128—129, 131—132, 141—142, 148, 150—151, 157, 160, 165—166, 174—176, 178, 186—187, 211, 227, 232, 255, 263—264, 267, 270—272, 275—276, 282—283, 291—292, 308—309, 313—314, 317, 324—325, 330, 332, 333—334, 344—346, 353—362, 376—380, 383—390, 392—405, 416, 428, 447, 450—451, 456, 474—475, 500, 538—539, 544, 554, 575, 591, 604—606, 612, 628—634,

638, 643, 645—646, 649, 655, 658, 660, 706—707, 731—739, 747—749, 772
Ольгердовичи 182, 194, 400, 408, 417—418, 465
Ольгимонт (Михаил, Евфимий), Augemunden, Elgemont 125, 470, 484
Орда-Шейх, хан 630
Осинский К. 484
Острожские, князья 373
Острожский Василий, кн. 232
Острожский Даниил, кн. 362, 373, 644
Острожский Дашко 22
Острожский Константин, кн. 586
Острожский Михаил Данилович, кн. 466
Острожский Федор Данилович, кн. 166, 232, 373, 466
Острожский Януш, кн. 133
Охманьский Е. 39, 119, 123—124, 127
Охотникова В. И. 137

Павел Александрович Гольшанский, еп. 126
Павел Поляк, каменецкий еп. 706
Падневский Филипп, краковский еп. 484
Палемон 25
Панаитеску П. 670—673
Параска П. Ф. 671—672, 679
Патирг, Патрикей, Patirke, Paterky, мнимый сын Кейстута 129, 388—389
Патрикеевы 211
Патрикей Давыдович, Patricius filius David, городенский и стародубский кн. 352, 366, 389, 731
Пац Станислав, витебский воевода 550
Пашкевич Г. 388, 485, 490, 662
Пашко Дахнович 241
Пащуто В. Т. 43, 161
Пекосинский Ф. 565, 745, 753
Пекште, отец Судимонта 445, 511

Пененжек Петр из Витовиц 769—770
Петр, епископ Жемайтии 248
Петр I Мушат, молдавский воевода 671—672, 676, 679, 690
Петр Гаштольд см. Гаштольд Гаштольдович
Петр Григорьевич, киевский боярин 252
Петр Монтигердович 58, 220, 239—240, 259, 331, 333, 335, 704—705, 710, 712
Петр Янович, посол ВКЛ 160, 383
Печь Шюмозкии, Hotart Pecz 756, 758
Пий II, римский папа 243
Пилипчук Я. В. 607, 633, 649
Плаксич Лев, кн. 148, 288, 291, 298, 304, 324, 328, 513, 518—520, 595—596
Плаксич Русан, кн. 519—520
Плаксичи, князья 408, 519
Пламеницкая Е. М. 652
Пламеницкая О. А. 653
Плюсков Федор, боярин 88
Поверский Я. 569—570
Погодин М. П. 144
Погорелец О. Г. 684, 701
Пограбка Андрей 610, 920
Подберезские 588
Поздняков В. С. 11, 644
Поле Александр, московский боярин 205, 207—208, 526
Полехов С. В. 12, 38, 55, 153—156, 185, 193—194, 258, 551—552, 626, 702—704
Попов А. Н. 16, 48, 92—93
Почекаев Р. Ю. 632
Приселков М. Д. 29, 35, 189, 211, 528
Приставко Е. В. 436
Прокоп, скальский воевода 689, 745, 759, 761
Прокша, Proxa, Poraxa 274, 279, 286, 295, 302, 313, 320, 405, 428—432, 436, 455

Прохаска А. 11, 17—21, 23, 27, 36, 54—55, 60, 63, 97, 179, 188—189, 192—193, 195, 218, 258—269, 419, 427, 433, 438, 461, 512, 567, 650, 702, 724
Процевич Михайло, Michayło Proczewicz 756, 758
Псевдо-Дионисий Ареопагит 139
Пташицкий С. Л. 23, 25, 60, 72, 81, 90, 93, 144—145, 732
Пузына Ю. 408, 511, 544, 652
Пузына Якуб 622
Пузыны, князья 623
Путятич-Друцкий Дмитрий Иванович, киевский воевода 544
Пшездецкий А. 670, 740—741, 744
Пясты 182, 529

Рагоза Василий Стецкович 675
Рагоза Григорий Остафеевич 675
Рагоза Якшич 674
Рагозичи, бояре 675
Радецка Катерина 759
Радзивилл Николай Сиротка 611
Радзивилл Остикович, Радивилъ 408
Радзивиллы 435, 757, 774
Радлов В. В. 640, 765—766
Рамадан, крымский наместник 641
Раукуте, боярин Витовта 480
Рафал, подкоморий короля Казимира 736, 738
Рафал, подольский староста 700
Рахуба А. 238
Рачинский А. В. 72
Рачинский Э. 727
Резе Герлах, член рижского городского совета 359
Рогволод (Рагволод) Борисович, полоцкий кн. 146
Рогель Ганс 443
Рогов А. И. 607

Рогозинские, земяне 675
Рогозка, смотричский воевода 689, 745, 758
Розов В. А. 670—671, 732, 744
Роман, молдавский воевода 669, 672, 679, 690—692, 772
Роман Ивашкович, овручский и путивльский наместник 250—254
Роман Федорович, кобринский кн. 396
Роман, литовский митр. 629
Романовичи, галицко-волынские князья 373
Ростислав Рогволодович, полоцкий кн. 146
Роуэлл С. К. 343, 403, 406—407, 522
Рудигер Эльнер, фон 411
Румянцев Н. П. 165
Русановский В. М. 251
Русина Е. В. 251, 577, 580, 613, 624, 629
Руссев Н. Д. 642
Руфин Войцех, ксендз 133
Рыбаков Б. А. 43, 161—162
Рыбчонок С. А. 545
Рыкачевский Э. 679
Рынгалла Кейстутовна 182, 446, 580
Рысинский Соломон 435
Рюриковичи 350, 373, 408, 517, 544, 622—623, 625, 654
Ряполовский Семен, кн. 160

Саввов Р. В. 684
Сайф ад-дин Баркук, мамлюкский султан 641
Самойлович А. Н. 766
Сангушки 117, 667
Сангушко Федор Андреевич 396
Сапега Иван 383
Сапега Лев 256
Сарницкий Станислав 342, 612
Сару-хатун 642

Сас, молдавский наместник 666

Сасин из Смаржева, мазовецкий рыцарь 424—425

Сахаров И. П. 93

Сачко 239

Свидзинский К. 114, 666, 667

Свидригайло Ольгердович, Швитрыгаило, Швитриил, Швитригаило, Швиртигаило, Швитрогаило, Witrigaldi 92, 142, 183, 185, 217, 235, 237, 240—241, 248, 255, 259, 289—290, 305—306, 325, 372, 388, 399, 407—409, 512, 515, 532, 537—542, 545, 547, 550—552, 557, 585, 597—598, 600, 616—618, 620, 673—675, 693, 696, 704, 712

Свиргайло, боярин Витовта 480

Свирплов, черкасский наместник 623

Свирский Андрей, кн. 250

Святослав Иванович, Свѣ*т*славь, Свяцьславль, Свецьславъ, Свѣтославъ, смоленский кн. 82, 91, 94—96, 170, 176, 196, 198, 201—202, 204, 225, 280—281, 287—288, 296—297, 303—304, 307, 322—323, 387, 446—447, 494, 496—497, 499, 501—503, 516, 551, 593—594

Святослав Литвош из Казанова *см.* Литвош

Святослав Титович, карачевский кн. 519

Семен, свислочский кн. 674

Семен Беликович 432

Семен Гедигольдович 239—241, 246, 772

Семен Дмитриевич, друцкий кн. 544—547

Семен Евнутьевич, Семиwн Евдоутьевич 281, 288, 298, 304, 324, 382, 513, 517, 595—596

Семен Иванович, гольшанский кн. 518

Семен Иванович, Семеонъ, вел. кн. московский 160, 174, 376, 379, 381, 383—384, 645

Семен Лынгвен Ольгердович, Гугнивый, Локвень, Лынгвень, Лыквень 75, 81, 90, 128—129, 172, 176, 200, 224, 229, 280, 287, 297, 299, 303, 307, 322, 326—327, 387—388, 393, 413—414, 417, 501, 510—511, 527, 583, 588, 599

Семен Любартович 374

Семен Михайлович, друцкий кн. 543
Семен Михайлович, слуцкий кн. 92
Семен Олелькович, кн. 127, 253
Семен Романович, кобринский кн. 396
Семен Семенович Трабский, кн. 127
Семен Ямонтович 587
Семенчук А. А. 39
Семкович А. 63
Семкович В. 131, 158, 406, 421, 439—440, 622, 704—705
Сендзивой из Шубина 467
Сеньобос Ш. 42, 44
Сецехова Анна 759
Сигизмунд (Жигимонт) Кейстутович, великий князь литовский 119, 124, 129, 142, 168, 232, 237, 258, 260, 374, 404, 408, 461, 469, 508, 512, 515, 588, 772
Сигизмунд (Жигимонт) Корибутович 535
Сигизмунд I Старый, Жигимонт, великий князь литовский, король Польши 87, 145, 165, 554
Сигизмунд Август, великий князь литовский, король Польши 382, 759
Сигизмунд Люксембургский, король Венгрии 579, 663, 688, 692—694
Сикст IV, римский папа 244, 247—250, 252
Силван, Селиван, московский боярин 205, 207—209, 526
Симеон, еп. Персидский, священномученик 92—93
Симеон, смоленский еп. 37
Симон Старовольский 469
Синан 642
Скиргайло (Иван) Ольгердович, Скиргаило, Scargello, Skirigaln, Скирикгаило, Skirgal, Stergal, Stergald, Скергаило, Скригаило 15, 24, 31, 34—35, 47, 67—69, 76—77, 79, 85—86, 91, 95, 97, 107—112, 114—115, 118, 133—134, 166—167, 169, 172, 176, 178—183, 198, 204, 215—219, 228—230, 235—237, 253, 255, 263—269, 272—274, 277—281, 283—290, 293—306, 310—312, 322—326, 345, 347, 364, 385—388, 393, 399, 409, 413—415, 417, 420, 422, 424, 427—429, 437—438, 446, 452—454,

456, 460—461, 464—465, 467—468, 471, 475—477, 480—483, 485, 489, 496, 502—508, 510, 513—516, 519—520, 529, 531—533, 538, 541—542, 552—557, 562—581, 594—595, 597—598, 600—601, 661, 687—688, 690, 694, 717, 729, 762—764, 772—773

Слиж Н. В. 12

Слуповский Повала 694

Смолька С. 11, 17—23, 26—28, 33, 36, 48, 54—55, 59—60, 97, 121, 188, 258, 413, 419, 421, 433, 444, 567

Собчук В. Д. 518

Сова, предполагаемый литовский боярин 440

Соколовский А. 179, 762

Солтан, боярин 252, 514

Сомашко Епифанович 241

София, дочь Семена Олельковича 127

София, наследница Анны Сецеховой 759

Софья Андреевна Гольшанская, королева Польши 125, 471, 544

Софья Витовтовна 21, 35, 76—77, 91, 95, 97, 122, 143, 169, 188, 205—210, 213—214, 225, 266, 269, 289, 298, 305, 324, 329, 447, 449, 468—469, 476, 526—528, 596, 716

Софья Палеолог 141

Сохацка А. 467

Спиней В. 628

Спиридон-Савва, митр. 141

Спытко из Мельштына, Spitken 57, 171, 184—185, 219, 265, 269, 331, 333, 335, 467, 483, 504, 615, 694—703, 709—710, 712, 768

Спытко, сын Спытка из Мельштына 697

Срезневский В. И. 81

Срезневский И. И. 362, 566

Стадницкий К. 388, 566, 693

Станг Хр. 49

Станислав Август, король Польши 740

Станкевич Я. 29

Станько Сакович 240

Станько Судивоевич 239
Стефан I, молдавский воевода 580, 671—672, 679, 691
Стефан, полоцкий дьяк 166
Стефан Великий, молдавский воевода 680—681
Столтевот Иоганн, ревельский бургомистр 516, 526
Стригивил Борейкович 536
Строичинский К. 731—732
Стрыйковский Матей 32, 119, 135, 157, 351, 355—356, 359, 361, 370, 375, 460, 497, 514, 533, 541, 550—551, 559, 562—563, 566, 604—607, 612, 628, 632, 673, 678, 680
Ступич (Слупич) Павел, Paweł Stupicz, каменецкий воевода 689—690, 756, 758, 760
Судимонт 445—447, 459, 470—471, 473, 479—480, 505—507, 511, 515
Сурта Т., могилевский хронист 32
Сушицкий Ф. П. 11, 27—29, 36, 54—55, 57, 98, 169, 203, 218—219, 234, 236, 258

Тагайбек-хатун, жена Тохтамыша 639
Тамерлан (Темир-Аксак), Темирь 221, 558, 629, 766—767
Тейнер А. 749
Темерь, Темирез, хан 637—638, 673
Темир-Кутлуг, татарский хан 221, 584
Темчин С. Ю. 89
Тенговский Я. 344, 346, 350, 352, 373, 382, 387, 389, 392, 400—401, 403, 407, 428, 465, 469, 508, 517, 526, 535, 538, 540, 553, 568, 660, 684, 688, 690, 768—769
Тета Иван, кн. 93, 148, 281, 288, 291, 298, 304, 324, 328, 513, 518—519, 521, 595—596
Тимофей, архим., митрополичий наместник в Киеве 574
Тимофей, писарь 28, 34, 36—37, 236
Тимур-Пулад, хан 639
Тимур-Ходжи, хан 630—631
Тихомиров И. А. 20—23, 134, 188, 199—200, 258

Тихомиров М. Н. 629
Ткачев М. А. 498
Товтивил (Конрад) Кейстутович, Tewtewiln, Thowtiwil 129, 266, 269, 388, 389, 444—445, 469—471, 473, 477, 508, 685
Толочко А. П. 236
Тохтамыш (Тахтамыш), хан Золотой Орды 221, 468, 554—555, 584, 625, 638—641, 683—684, 729, 764—767, 779
Тризна Иосиф 562
Троен, легендарный кн. Литвы 146
Тройдень, Проидень, кн. 146, 203, 349, 654
Трубницкий Ю., могилевский хронист 32
Тулу Ачжа, посол Золотой Орды 555, 766, 768
Турдучак-Берди, бек 765—766
Турилов А. А. 245
Тышкевич Е. 548

Уваров А. С. 93
Узбек, хан Золотой Орды 343
Улащик Н. Н. 11, 15, 32—33, 39, 60, 71—72, 80, 81, 87, 89—90, 92—93, 97, 124, 126
Ульрих Фрике, фон 411
Ульрих, виленский монах-францисканец 343
Ульяна, Vliana, Оуляна, вдова Бутрима 274, 279, 286, 295, 302, 313, 321, 441—442, 447, 455
Ульяна Александровна, Іуліанія, Juliana Aleksandrowna, в иночестве Марина, вел. княгиня литовская 66, 129, 163, 188, 211—212, 217, 225, 279, 287, 289, 295, 302, 305, 321—322, 325, 358, 360—361, 381, 388, 390, 392—395, 398, 402—404, 409, 417, 420, 424, 429, 463—464, 484, 537, 541, 575, 593, 597, 633
Ульяна Ивановна Гольшанская, жена Витовта 232, 447, 461, 471, 519
Ульяновский В. И. 141
Урбан IV, римский папа 727
Урбан VI, римский папа 664—665, 684, 751

Урбан П. 57

Фасмер М. 440
Федор, канцлер Свидригайла 240
Федор, киевский кн. 606—607, 626, 628
Федор, пинский кн. 350
Федор Андреевич, правнук Ивана Одинца 546
Федор Весна 170, 186, 217, 236, 289, 305, 325, 537—541, 597
Федор Кориатович 154—158, 184, 219, 330—336, 370, 387, 553, 556—558, 604, 620—621, 636, 651, 655, 657—658, 664—665, 684—687, 689—694, 702, 707—709, 711, 729, 755, 757, 759—760, 774
Федор Корибутович 535, 622
Федор Ольгердович, Codor, Ходор 116, 129, 315, 386, 396, 399, 401, 747—749
Федор Сангушко, мнимый любомльский кн. 129
Федор Святославич, смоленский кн. 585
Федор Тимофеевич, новгородский посадник 527
Федот (Федор) Любартович, Feodor Lubhard 373—374, 466—467, 533
Феодора Ольгердовна 519
Феодосий, архимандрит, митрополичий наместник в Киеве 574
Феодосий, митр. 245
Феодосий, новгородский архиеп. 144
Феодосий Печерский 299, 306, 326
Филипп, митр. 245
Филиппи Р. 50
Фиялэк Я. 406, 421
Флоря Б. Н. 39, 124—125, 371
Фойгт И. 52, 120—121, 342, 419
Фома Изуфов 229—230, 290, 298, 306, 325—326, 563, 573—577, 598
Фома Сурвила 409, 506
Фотий, митр. 30, 35, 189—190
Франтишек Пражский 343
Франческо да Каррара 394, 621, 747

Франчук В. Ю. 43, 161
Фридрих II, император Священной Римской империи 52
Фридрих, поморский кн. 133
Фридрих, торговец 359
Фронцко, Francko, подольский подчаший 756, 761

Хаджибей, Хачебей, Хачебий, Качибей-Керей, Бек-Хаджи, татарский кн. 330, 332, 334, 634—635, 638—639, 642—643, 706
Хаджи-Гирей, хан 625
Хазибий, татарский кн. 638
Халецкий О. 361, 368, 553, 748
Хашдеу Б. П. 667—671, 673—674, 677—678
Хвост, легендарный предок Гедимина 145—146
Ходжа Мединь, углан 765—766
Ходкевич Иван 652
Ходкевич Павел 652
Ходкевичи, бояре 536
Ходко Лиска 434
Ходор, дядька Ягайла 539
Хорошкевич А. Л. 139
Хрептович Иван Богданович 674
Хуйтани, сотник 636
Хутлубей 642—643

***Ц**айссберг Г.* 64
Цитко Л. 41, 97, 127
Цюндт М. 443

***Ч**аманьска И.* 667—668, 680
Чацкий Т. 491, 734—735, 737
Чемеревич Ходко, Chodko Czemerewicz 756, 761
Чемерицкий В. А. 29—35, 39—40, 55, 98, 125—126, 138, 145—146, 155, 189, 258

Черкас Б. В. 642, 683
Чингизиды, ханы 637
Чиходару К. 678—679
Чурило Бродовский 165
Чучинский А. 735

***Ш**абульдо Ф. М.* 554, 565, 567, 606—608, 610—611, 629, 632, 657, 684
Шараневич И. И. 16, 20
Шафранец Петр 483
Шахматов А. А. 22—23, 25, 32, 35, 145, 188—189
Шпилевский П. М. 548—549

***Щ**апов Я. Н.* 351
Щербаковский Д. М. 371—372

Эдугу, Эдигей, Идикгии, посол к Тамерлану 766—767
Экземплярский А. В. 503
Энгельгард Рабе 513, 525

Юга, молдавский воевода 669, 672, 679
Юлиан Отступник, Улиан, римский имп. 280, 287, 296, 303, 322, 501
Юрасовский А. В. 43, 161—162
Юречко А. 740—741
Юрий, галицко-волынский кн. *см.* Болеслав II Юрий
Юрий (Георгий) Витовтович 344
Юрий (Георгий), боярин Витовта 480
Юрий Болкович 163, 369
Юрий Владимирович, пинский кн. 350
Юрий Войдатович 479
Юрий Данилович, холмский кн. 164
Юрий Дмитриевич, звенигородский и галицкий кн. 77, 95, 206, 209, 289, 324, 527, 552, 596
Юрий Ивантич 683—684

Юрий Кориатович, Юръи, Jorgiey Koriatowicz 330, 332, 334, 576, 604, 621, 637, 647, 651—652, 655, 663, 665—666, 668—673, 676—684, 707—708, 711, 731—732, 734—736, 739—742, 744, 772

Юрий Михайлович, заславский кн. 679

Юрий Наримонтович 130, 289, 305, 324, 352, 361, 379, 399, 448, 479, 508—509, 530, 597, 731—733, 734—736, 747, 772

Юрий Онцифорович, новгородский боярин 415

Юрий Патрикеевич, боярин 208, 210—211

Юрий Святославич, смоленский кн. 91, 95, 146, 149, 204, 217—218, 220—222, 234, 281, 288, 290, 297, 304, 323, 325—326, 499, 502—504, 516, 542, 551, 583—586, 588, 594, 597—599

Юрий Семенович, слуцкий кн. 92

Юркевич А., протоиерей 72

Юхо И. А. 487

Ючас М. 33—35, 39, 55, 125—126

Юшко Девгялович 241

Ягайло (Яков?) Ольгердович, Ягаило, Якаило, Ягол, Якгаило, Jagal, Jagello, Yagell, Yagilonem 20—21, 23, 26, 30, 34—35, 47—48, 51, 56, 58, 65—66, 69—70, 73, 77—78, 80, 85, 91—92, 94, 105—114, 118—120, 122, 129, 132—134, 143, 157, 163, 166—171, 176—188, 191—194, 208, 214, 217, 219—220, 225—226, 228—229, 232, 236, 255, 260, 262—274, 276—279, 281, 283—290, 292—305, 309—313, 316—317, 320—323, 325—326, 328, 354, 356, 360, 364, 367—368, 385—388, 390—393, 395, 398—399, 401—402, 404—407, 409—420, 422—430, 435—438, 443—446, 451—457, 459—477, 480—485, 488—492, 494—497, 502, 504—510, 515, 519, 521, 529—533, 535, 537—539, 541, 544, 547, 553, 555—556, 558—559, 571, 576—577, 579—580, 591—595, 597, 600—601, 615, 641, 655, 664—665, 674, 687—688, 690, 693—697, 699—701, 703, 709—710, 712, 716, 718, 723—728, 747, 761—770, 772—773

Ядвига, дочь короля Казимира 661, 664—665

Ядвига, дочь Спытка из Мельштына 697

Ядвига, Едвига, королева Польши 18, 85, 129, 184, 191, 193—194, 257, 279, 286—287, 296, 302, 321—322, 420—421, 429—430, 464, 472, 481—485, 488—489, 495, 525, 531, 556, 558, 565—566, 572, 579, 592—593, 600—601, 616, 663—665, 695—696, 711, 769—770, 772
Ядвига, жаганская княжна, жена короля Казимира 661—662
Ядвига, жена Монивида 442
Ядвига Ольгердовна 407
Яков Андреевич *см.* Ягайло
Яков Григорьевич, писарь 37, 236, 248, 717
Яковенко Н. Н. 250—251
Якуб, писарь 44, 238—250, 252—256, 261—262, 717—718
Якуб Ивашенцович 251
Якубовский Я. 25—26, 55, 233
Якуш из Конецполя, серадзский воевода 769—770
Якша Литавор, Айкша 551, 637, 666—668, 673—674, 677
Ямонт Тулунтович, Мант, кн. 90, 218, 299, 307, 326, 535, 561, 587—588, 599
Ян III, освенцимский кн. 407
Ян из Чарнкова 132, 370, 374, 418, 422, 424—425, 436—437, 445, 452, 456, 645
Ян, сын Доброгоста, мазовецкий воевода 424
Ян, сын Спытка из Мельштына 687
Ян Бутрим 440
Ян Гаштольд 125, 127, 239
Ян Крушина из Галова 706
Ян Немирович 240
Яндж-Бей 642
Януш I Старший, Janusii, мазовецкий кн. 40, 59, 67, 69, 96, 109, 111, 119, 121, 132—133, 142, 272—273, 276, 278, 283, 285, 292, 294, 301, 309, 311, 413, 423—424, 445, 452—453
Янушко Скепецкий 758
Ярослав Васильевич, Jarosławl Wasiliewicz, витебский кн. 358, 360
Ясас Р. 39, 126, 128, 567

Ясинский А. Н. 239
Ясинский К. 182, 565—566, 568
Ястржембец Войтех, гнезненский архиеп. 768
Ясько из Олесницы, Johannes de Oleschnicza 505, 524, 564
Ясько из Тарнова, Jesken von Tarnaw 265, 269, 483
Яцко, молдавский писарь 668—670, 673, 675—676

Список иллюстраций

В тексте

1. Первая страница «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln». Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. XX. HA, OF 1b. Fol. 22v.

2. Первая страница «Origo regis». AGAD. Metryka Koronna. Libri legationum. Nr. III. Fol. 65. URL: http://agadd.home.net.pl/metrykalia/4/2/sygn.%203/pages/ PL_1_4_2-3_0065.htm.

3. Схема 1. Взаимосвязи между различными редакциями и списками «Летописца великих князей литовских».

4. Портрет короля Польши Владислава (Ягайла) на его надгробии в Кракове. Литография в кн.: *Przeździecki A.* Życie domowe Jadwigi i Jagiełły z regestrów skarbowych z lat 1388—1417. Warszawa : Drukarnia Gazety Codziennej, 1854.

5. Большая печать Витовта, привешенная к Городельскому акту 1413 г.: SIGILLUM ALLEXANDRI ALIAS WITOWDI MAGNI DUCIS LITHWANIE ET RUSSIE ET CETERA. Литография в кн.: Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań : W drukarni na Garbarach, 1841. Tabl. I-a.

6. Печати Кейстута и Витовта, привешенные к договору с Тевтонским орденом о перемирии на 10 лет (1379). На печати Кейстута надпись: S[IGILLUM] KYNSTVTTE DVX DE TRACKEN; на печати Витовта: S[IGILLUM] DVCIS VITAVTO. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Perg. Urk., Schieblade 52. No 3. Оттиски на красном воске. Рис. К. В. Келисинского (1841). *Vossberg F. A.* Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Berlin : Druck von Gebr. Unger, 1854. Tafel 22, 24.

7. Схема 2. Родственные связи Видимонта, Бутрима и Бируты (с привлечением гипотезы В. Семковича о существовании нобиля Совы).

8. Печать Витовта, которая была привешена к Кревскому акту (1385): SIGILLUM WITAWT DVCIS TRACKE. Оттиск на зеленом воске. Рис. К. В. Келисинского (1841). Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563.

Poznań : W drukarni na Garbarach, 1841. Tab. I-b. Витовт еще титулуется князем Троков, но обращает на себя внимание, что если в 1379 г. его печать копировала печать его отца Кейстута (пеший воин со щитом), то в 1385 г. на печати Витовта уже находилось изображение конного воина с мечом, которое мало чем отличалось от «Погони» на печати великого князя Ягайла 1382 г.

9. Подолье и соседние области в 50—90-х гг. XIV в. Автор карты О. В. Лицкевич.

10. Печать Александра Кориатовича, которая была привешена к торговому привилею 1375 г. для краковских купцов. Оттиск на красном воске. Рис. К. В. Келисинского (1841). Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań : W drukarni na Garbarach, 1841. Tab. III-d.

На вклейке

1. Фрагмент «Летописца великих князей литовских» из РГАДА. Лист из переплета книги Иоанникия Галятовского «Messiasz prawdziwy Iezus Chrystus Syn Boży» (Киев, 1672). РГАДА. Ф. БМСТ, Иностранные 2702. URL: rgada.info/publicat/otobr/index2.php?str=2d&opisanie=2д. ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХ. Отрывок. См. также: *Gudmantas K.* Keletas pastabų apie Maskvoje rastą Lietuvos metraščio fragmentą // Lietuvos Didžiųjų Kunigaikščių rūmų kronika. Vilnius, 2018. T. IV (2014—2016). P. 438.

2. Виленский список. Л. 448 об.—449. Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F22—49. Fol. 448v—449. URL: http://elibrary.mab.lt/handle/1/7327. В рукописи перепутан порядок листов, поэтому л. 449 с описанием событий 1385—1386 гг. размещен среди листов, на которых описываются события 1393 г.

3. Троки на гравюре Томаша Маковского (1600). Единственный экземпляр гравюры, наряду с панорамами Несвижа, Клецка и Олыки, в начале XX в. хранился в собрании познанского историка Б. Эжепки. См.: *Jakubowski* J. Tomasz Makowski, sztycharz i kartograf nieświeski (przyczynek do dziejów sztuki i nauki na Litwie). Warszawa : Wydawnictwo Instytutu dla Badania Ziem Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej, 1923. S. 15; *Balčytienė B.* Trakų salos pilis // Lietuvos pilys 2005. Vilnius, 2006. P. 73.

4. Руины Кревского замка на гравюре Наполеона Орды (1877). Biblioteka Narodowa, G.5285/II. URL: https://polona.pl/item/krewo-g-wilenska,NzM4MjY4MTU/0/

5. Витебск на плане князя Волконского (1664). РГАДА. Ф. 92. Оп. 1, Витебская губ., № 2. URL: http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=936. См. также: *Сапунов А. П.* «Чертеж» гор. Витебска 1664 года. Витебск : Тип. Насл. М. Б. Неймана, 1910. 30 с., ил.

6. Виленские Верхний и Нижний замки на карте неизвестного автора: Vilna Lituaniae Metropolis (1572). URL: http://elibrary.mab.lt/handle/1/2053. Фрагмент.

7. Подземный некрополь Киево-Печерской лавры и Киевский Успенский собор на плане Иоганна Гербиния (1627—1679). В изд.: *Herbinius I.* Religiosae Kijovienses cryptae, Sive Kijovia subterranea. Jenae, 1675. Вкладка между с. 36 и 37.

8. Каменец-Подольский на карте Джакомо Кантелли: Camenecum, uulgo Kamieniec, urbs est Episcopalis Regni Poloniae, totius Podoliae caput (Romae, 1684). Biblioteka Narodowa, ZZK 22 685. URL: https://polona.pl/item/kamieniec, MTc1MTY1NzI/

9. Докончание смоленского князя Юрия Святославича о мире и союзе с королем Польши Владиславом (Ягайлом). Вильно, 16 сентября 1386 г. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Perg. 202. URL: polona.pl/item/jurij-swiatoslawicz-wielki-kniaz-smolenski-zawiera-przymierze-z-krolem-polskim,NDMzNjA4NDY/0/

10. Запись второй половины XIV в. на обороте договора 1367 г. между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии: ЗАДВИ[НСКИЕ Р]|АТНЫИ ГРАМОТЫ [ВОЛО]|ДИМЕРОМЪ. AGAD. Zbiór pergaminów, № 4526.

11. Великий князь московский Василий Дмитриевич и великая княгиня Софья Витовтовна. Шитье на Большом саккосе митрополита Фотия. 1414—1417. Оружейная палата в Москве. См.: *Guzevičiūtė R.* Du Sofijos Vytautaitės atvaizdai: epochos įtaka kostiumo interpretacijai // Lietuvos pilys 2007. Vilnius, 2008. P. 134; *Барков А. Г.* Большой саккос митрополита Фотия. К атрибуции и прочтению композиционного замысла // Московский Кремль XV столетия. Т. 1 : Древние святыни и исторические памятники : сб. статей / ред.-сост. С. А. Беляев, И. А. Воротникова. М. : Арт-Волхонка, 2011. С. 364.

12. Печать князя Ягайла, привешенная к договору с Тевтонским орденом о военной помощи (на реке Дубисе, 1382): IAGAL DEY GRACIA REX IN LETTOV. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Perg. Urk., Schieblade 52, № 6.

13. Печать князя Витовта (1392): S[IGILLUM] VITOLDI DVCIS LITWAN[I]E ET DO[MIN]I GRODNI[ENSIS]. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Perg. 236.

14. Печать князя Скиргайла, привешенная к поручительству за князя Андрея Ольгердовича (1394): SKIRGALONIS [DEI] GRA[TIA] DUCIS LITHUANIE. AGAD. Zbiór pergaminów, № 4446.

15. Волынь, Подолье и Молдавия на карте Польши Вацлава Гродецкого: Poloniae finitimarumque locorum descriptio (Antverpiae, 1571). Biblioteka Narodowa, ZZK 18 611. URL: https://polona.pl/item/poloniae-finitimarumque-locorum-descriptio,Mzc0MTEzMg. Фрагмент.

16. Подолье на карте Европейской Сарматии Анджея Пограбки (1570). Partis Sarmatiae Europeae Quae Sigismundo Augusto Regi Poloniae Potentissimo subiacet Nova Descriptio (Venetiis, 1570). Bayerische Staatsbibliothek (Мюнхен), 2 Mapp. 464#19, URL: http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0009/bsb00092378/images; Universitätsbibliothek Basel, Kartenslg AA 93, URL: https://doi.org/10.3931/e-rara-12889. Фрагмент. На карте указаны располагающиеся рядом города Swinigrod (Звенигород) и Swiniowoda (Синяя Вода = Торговица).

17. Торговица, река Синюха (Sinowoda) и Черный шлях на карте Гийома Боплана: Delineatio generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina: cum adjacentibus provinciis (1648). Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/ maps/?dates=1648&fa=contributor:beauplan, +guillaume+ le+vasseur%7Csubject:ukraine. Фрагмент. Юг вверху, север внизу.

На форзаце

Городен (Гродно) на гравюре М. Цюндта по рисунку Г. Адельхаузера: Vera designatio Urbis in Littavia Grodnae (1568). Сохранилось несколько экземпляров, в частности: Biblioteka Narodowa, G.68165. В Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербург хранится (под сигнатурой К 0-Евпл 2/1140) экземпляр кёльнского издания 1575 г., в котором содержание гравюры значительно упрощено.

Oleg Vladimirovich Litskevich (Minsk, Republic of Belarus)

«Chronicler of the Grand Dukes of Lithuania» and «The Tale about Podolia»: the experience of a comprehensive critical analysis

The present monograph addresses the issue of the origin and content of so called *Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln, Letopisets velikikh kniazey litovskikh* (*Chronicle of the Grand Dukes of Lithuania*) and *Povest o Podolye* (*The Tale about Podolia*) — the narrative texts that were composed in the late 14th and the first half of 15th centuries and belong to the earliest and the most important sources on the medieval history of the Grand Duchy of Lithuaniae and the entire Eastern Europe. The first part of the research focuses on the external criticism of the chronicles — their textology, documentary and narrative sources, and authorship. Based on analysis of variant readings in all known copies, the reconstructed texts of the archetypes of *Letopisets velikikh kniaziey litovskikh* and *Povest o Podolye* are presented. Also, the text of *Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln* is published anew with translation into Russian. The second part contains a detailed analytical commentary to the chronicles studied. A special methodology is developed to perform quantitative assessment and comparison of the credibility of these texts.

Научное издание

Studiorum slavicorum orbis
Выпуск 16

Лицкевич Олег Владимирович

«ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХ» И «ПОВЕСТЬ О ПОДОЛЬЕ»: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО КРИТИЧЕСКОГО РАЗБОРА

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Н. В. Коробовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности
ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — Книги печатные

Подписано в печать 29.11.2019
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 56,33. Печ. л. 59. Усл. печ. л. 59.
Тираж 1000 экз. Заказ 10182

Филиал «Чеховский Печатный Двор»
АО «Первая Образцовая типография»
142300, Московская обл., Чеховский р-н,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
http://www.dbulanin.ru

ISBN 978-5-86007-918-2